

В
Н

ЛЕГЕНДЫ
ФАНТАСТИКИ

Вся
НОРТОН

ГАРАН
ВЕЧНЫЙ

Вся

НОРТОН

ГАРАН ВЕЧНЫЙ

ЛЕГЕНДЫ ФАНТАСТИКИ
SCI-FI FOUNDATION

Вся
НОРТОН

Вся
НОРТОН

**МАГИЯ
ЗОВ ЛИРЫ
АРОМАТ МАГИИ
КОРОЛЕВА СОЛНЦА
ТОРГОВЦЫ ВО ВРЕМЕНИ
ПЕРЕКРЕСТКИ ВРЕМЕНИ
ЗВЕЗДНЫЙ ОХОТНИК
ПОВЕДА НА ЯНУСЕ
ЗВЕЗДНЫЕ ИЗГНАННИКИ
БРАТ ТЕНЕЙ
ПОСЛЕДНЯЯ ПЛАНЕТА
ГАРАН ВЕЧНЫЙ**

ВЕЩАНИЕ ФАНТАСТИКИ

Андрэ

НОРТОН

ГАРАН
ВЕЧНЫЙ

Москва
2015

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Н82

Andre Norton

GARAN THE ETERNAL

Copyright © 1972 by Andre Norton

HERE ABIDE MONSTERS

Copyright © 1973 by Andre Norton

HUON OF THE HORN

Copyright © 1951 by Andre Norton

KNAVE OF DREAMS

Copyright © 1975 by Andre Norton

MERLIN'S MIRROR

Copyright © 1975 by Andre Norton

Публикуется с разрешения наследников автора
и Bill Fawcett & Associates (США) при участии агентства
Александра Корженевского (Россия)

Перевод с английского *О. Колесникова,*
Д. Арсеньева, В. Сергеева

Нортон, Андрэ.

Н82

Гаран Вечный / Андрэ Нортон ; [пер. с англ. О. Колесникова, Д. Арсеньева]. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 800 с. — (Отцы-основатели).

ISBN 978-5-699-84463-0

На протяжении более полувека Андрэ Нортон — один из самых популярных авторов научной фантастики и фэнтези в мире. Ее первые произведения были опубликованы в далеких 40-х годах прошлого века и вызвали бурю восторга у читателей всех возрастов, и жанр научной фантастики обрел бесчисленное количество новых поклонников.

В данное издание, помимо заглавного, вошли романы «Здесь водятся чудовища», «Рог Юона», «Рыцарь снов» и «Зеркало Мерлина».

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Колесников О., Арсеньев Д., Сергеев С.,
перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке. Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

ISBN 978-5-699-84463-0

**ГАРАН
ВЕЧНЫЙ**

Через шесть месяцев и три дня после того, как вконец измученная Великой войной 1985—1988 годов Земля подписала Шанхайский мир, в парке Нью-Йорка на скамейке сидел молодой человек и безнадежно разглядывал гравий под своими скверными, изношенными башмаками. Его научили сидеть на месте пилота в контрольной кабине истребителя и больше ничему. Поиски надежного места в цивилизованном мире стоили ему здоровья и гордости.

Кто-то подошел и сел на другой конец скамейки. Летчик внимательно оглядел его. Вот у этого типа приличная обувь, теплое пальто, и весь его вид свидетельствует о том, что он обеспечен и доволен жизнью. Хотя человек был уже не первой молодости, он был легок в движениях и выглядел подвижным и деятельным.

— Не вы ли капитан Гарайн Фитерстон?

Удивленный летчик кивнул. Два года назад он, капитан Гарайн Фитерстон из Объединенной Демократической Армии, руководил опасным истребительным рейдом в опустошенных странах Азии и нанес сокрушительный удар большой экспедиционной армии, тайно сгруппировавшейся там. Это было эффективное дело и принесло пережившим его некоторую славу.

Новоприбывший достал из бумажника газетную вырезку и показал ее летчику.

— Вы — тот человек, которого я ищу, — сказал незнакомец, пряча вырезку обратно. — Храбрый, инициативный и умеющий думать пилот. Человек, командовавший таким рейдом, стоит того, чтобы в него вложить деньги.

— Это предложение? — устало спросил Фитерстон. Он уже не верил в удачу.

— Я Грегори Фарсон, — сказал тот, как будто это было ответом на вопрос.

— Антарктический человек?

— Именно. Как вы, вероятно, слышали, моя последняя экспедиция была остановлена неожиданным распространением военных действий на тот район. Теперь я снова собираюсь плыть под парусами на юг.

— Но я не понимаю...

— Каким образом вы можете мне помочь? Очень просто, капитан Фитерстон. Мне нужны пилоты. К сожалению, большинство из них взяла война. Мне повезло, что я встретил такого, как вы...

Это было действительно просто. Однако Гарайн окончательно поверил в это, лишь когда они через несколько месяцев достигли ледяного берега полярного континента. Увидев на берегу три больших самолета, он заинтересовался движущимися мотивами, которые скрывались за планами Фарсона.

Когда грузовой корабль отплыл, чтобы вернуться только через год, Фарсон собрал всех. В группе было трое летчиков — все ветераны войны — и два инженера, которые большую часть своего рабочего времени тратили на вычерчивание карт.

— Завтра, — шеф оглядел всех, — мы отправляемся в глубь страны. Сюда, — он указал на красную линию на разложенной перед ним карте. — Десять лет назад я участвовал в экспедиции Вердена. Однажды, когда мы летели к югу, наш самолет попал в какой-то причудливый поток воздуха и сбился с курса. Мы летели вслепую и вдруг увидели вдалеке плотный голубой туман. Он как бы поднимался прямой линией от плоскости льда к небу. К счастью, горючее у нас было на исходе, и мы не рискнули приблизиться, чтобы исследовать этот туман, и повернули назад, к базе.

Верден; кстати, не заинтересовался нашим рапортом, и мы так и не провели исследования. Три года назад экспедиция Каттака искала по приказу Диктатора залежи нефти и тоже видела этот туман. Так вот, сейчас мы отправимся его исследовать!

— Почему, — спросил с любопытством Гарайн, — вы так жаждете попасть в этот туман?

Фарсон замялся было, но ответил:

— Есть предположение, что подо льдом, покрывающим этот континент, скрываются богатые залежи минералов. Я думаю, что этот туман является результатом какой-то формы вулканической активности и, возможно, трещин в земной коре.

Гарайн хмуро смотрел на карту. Он не очень верил этому объяснению, но Фарсон платил, так что Гарайну пришлось откинуть сомнения, — приходится прощать человеку, который тебя регулярно кормит.

Четыре дня спустя они вылетели. Хэмли, один из инженеров, Раульсон, пилот, и Фарсон заняли один самолет, другой инженер и пилот — второй, а Гарайн — с дополнительными припасами — находился на третьем самолете один.

Он радовался своему одиночеству, когда они поднялись в бело-голубую пустоту. Его самолет был тяжело нагружен, поэтому не мог и пытаться следовать за другими в верхние слои атмосферы. Они общались по радио, и Гарайн, защелкивая наушники, вспомнил, что говорил утром Фарсон:

— Туман искажает радиоволны. В нашей последней экскурсии слышимость была очень скверной, вроде как, — он засмеялся, — речь на иностранном языке.

Пока они двигались над ледяной поверхностью, Гарайн подумал, что, может быть, это была и в самом деле речь какой-нибудь тайной экспедиции, вроде экспедиции Каттака.

В герметически закрытой кабине он не чувствовал мороза, машина шла гладко. С легким вздохом удовлетворения он откинулся на мягком сиденье, не сводя глаз с курса, которым следовали самолеты над ним и впереди него.

Примерно через час полета Гарайн увидел далеко впереди темное облако. Тут же зазвучал в наушниках голос Фарсона:

— Вот он. Держите прямо вперед.

Облако росло и стало уже пурпурно-голубой стеной между небом и льдом. Первый самолет быстро приблизился к этой стене и нырнул в нее. Внезапно машина сильно затряслась и качнулась к земле, как будто потеряла управление. Затем она выпрямилась и пошла вниз. Гарайн слышал, как Фарсон спрашивал, в чем дело, но первый самолет не отвечал.

Самолет Фарсона снижался на полной скорости. Действия первого самолета внушали тревогу. Может, этот туман был ядовитым газом?

Гарайн послушно двинулся вперед, пока не встал крыло в крыло с Фарсоном. Туман был прямо перед ними, и Гарайн видел в нем движения маслянистых, непрозрачных волн. Мотор прорезал их. На стеклах была липкая, мгlistая влага.

Вдруг Гарайн понял, что он не один. В пустой кабине был другой разум, куда более сильный. Гарайн яростно боролся с ним — с самой мыслью о нем. Однако после долгой мучительной минуты, в течение которой его, видимо, изучили, невидимка взял верх. Руки и ноги Гарайна до сих пор управляли машиной, но чужак контролировал его.

Самолет мчался сквозь плотный туман. Машина Фарсона пропала из виду. Хотя Гарайн все еще боролся против давившей на него воли, силы его слабели. Неожиданно пришел приказ идти в самую сердцевину темных волн.

Их закружило. Один раз, когда туман раздвинулся, Гарайн мельком увидел искореженную скалу с желтыми ребрами. Фарсон был прав: ледяная кора здесь треснула.

Все ниже и ниже. Если приборы не ввали, самолет был уже ниже уровня моря. Туман редел и наконец исчез. Внизу расстилась долина, покрытая яркой зеленью. Там и сям виднелись группы чего-то похожего на деревья. Он увидел желтый поток воды.

Но что-то в этом ландшафте было пугающе-чуждым. Пока Гарайн кружился над ним, он все время пытался освободиться от чужой воли, которая привела его сюда. В наушниках раздалось какое-то кваканье, и присутствие тут же исчезло.

Подчиняясь пилоту, машина снова начала набирать высоту. Гарайн яростно стремился вверх, подальше от этой зеленой местности. Туман снова поглотил его. Он видел капли воды на стеклах. Еще сотня футов — и он освободится и от тумана, и от этого неправдоподобного мира внизу...

Вдруг левый двигатель зловеще зашипел и замолк. Самолет накренился и заскользил в пике. Внизу он снова завертелся в ровном свете зеленой страны.

Там росли деревья — высокие деревья, похожие на папоротники, с чешуйчатыми малиновыми стволами. Самолет несся прямо на них. Гарайн пытался справиться с управлением. Машина выровнялась, пике сменилось планированием. Он увидел открытое пространство земли и тут же почувствовал, что царапает какую-то поверхность. Прямо перед ним маячило дерево — папоротник. Самолет помчался к длинным ветвям. Далее — страшный грохот, взлетели вверх обломки дерева и металла. Поднялась алая туча, а затем глаза Гарайна заволкло мраком.

Гарайн очнулся. Тело было наполнено болью. Он был закован в искореженной массе металла, которая когда-то была ка-

биной. Через дыру в стенке у самой его головы пробился зеленый длинный шип, за который еще цеплялись искромсанные листья. Гарайн смотрел на него, боясь шевельнуться, чтобы боль не усилилась.

Затем он услышал снаружи какое-то топотание, как будто мягкие руки толкали и тянули обломки самолета. Ветка затряслась, и часть кабины с лязгом отвалилась.

Гарайн медленно повернул голову. Через отверстие пробиралась гоблиноподобная фигура.

Она была примерно пяти футов ростом и шла на двух ногах как человек, но ноги были короткие, похожие на обрубки и заканчивались ступней с пятью пальцами равной длины. На тонких стройных руках с маленькой кистью было только по четыре пальца. У создания был высокий, красиво округлый лоб, но подбородка не было, и лицо отчетливо напоминало морду ящерицы. Спина была тускло-черная с бархатистой поверхностью. Нижнюю часть тела покрывала короткая металлическая юбка с поясом удивительной работы, украшенным драгоценными камнями.

Некоторое время существо разглядывало Гарайна, и эти немигающие золотистые глаза отогнали от летчика всякий страх. В их глубине не было ничего, кроме глубокой жалости.

Человек-ящер легко шагнул и отвел со лба Гарайна взмокшую от пота прядь волос. Затем он дотронулся до металлических оков, державших летчика, как бы оценивая их прочность, повернулся к отверстию и, как видно, отдал приказ, а затем снова присел на корточки возле Гарайна.

Появились еще двое и стали разламывать остатки кабины. Они делали это очень осторожно, но Гарайн потерял сознание еще до того, как они его освободили.

Когда Гарайн снова начал воспринимать окружающее, он обнаружил, что лежит на носилках, покачивающихся между двумя неуклюжими животными. Их можно было принять за маленьких слонов, только у них было по четыре бивня и совсем не было хобота.

Они пересекли равнину и поднялись по холму в высокую пещеру, где четверо людей-ящеров взяли носилки. Гарайн устался на потолок. На черном камне была вырезана масса ветвей и цветов. В воздухе танцевали блестящие пылинки, излучавшие слабый свет. Когда они собирались группами, свет становился еще ярче.

Два человека-ящера в длинных мантиях сначала поговорили с шефом носильщиков, а затем склонились над Гарайном. Один из них покачал головой, глядя на искалеченное тело летчика, и знаком велел нести носилки во внутреннюю комнату.

Здесь стены были бледно-голубые. В самом центре комнаты находился длинный блок кварца. Носильщики поставили носилки рядом и вышли. Человек-ящер в мантии разрезал острым ножом одежду на летчике и обнажил тело. Затем они положили Гарайна на кварцевый стол и закрепили металлическими обручами. Один из них подошел к стене и потянул за светящийся прут. Феерический голубой свет упал с потолка на беспомощное тело Гарайна. Он чувствовал, как у него пульсирует каждый мускул, каждый сустав, как покалывает кожу, и скоро боли как не бывало.

Свет погас. Три человека-ящера подошли к Гарайну, завернули его в мягкую мантию и отнесли в другую комнату. Она была круглая, как гигантский пузырь. В центре пола было углубление, заполненное подушками. На них и положили Гарайна. Наверху сформировалось розоватое облачко. Гарайн смотрел на него, пока не уснул.

Что-то теплое прижалось к его голому плечу. Он открыл глаза и некоторое время не мог сообразить, где он. Затем почувствовал, что кто-то вертится рядом с ним на мантии, и взглянул туда.

Если люди-ящеры напоминали своей гротескностью гоблинов, то у этого посетителя было что-то от эльфа. Ростом он был не более трех футов, и его обезьянье тельце сплошь покрывала шелковистая белая шерсть. Крошечные ручки — безволосые и вполне человеческие, а ноги очень напоминали кошачьи лапы. По бокам круглой головы торчали широкие веера-уши. Мордочка мохнатая и на верхней губе — жесткие кошачьи усы. Как потом узнал Гарайн, это была Ана.

Беспечные маленькие существа выбирали себе хозяина или хозяйку из Народа, а одна из них пришла к Гарайну. Они охотно сопровождали своих покровителей и молчаливо радовались самому незначительному подарку. Честные и храбрые, они могли выполнять мелкие поручения, носить письма выбранному ими другу и оставались с ним до смерти. Это были не люди, но и не животные. Считалось, что они появились много веков назад в результате какого-то эксперимента Древних.

Похлопав Гарайна по плечу, Ана заинтересовалась его волосами, сравнивая бронзовые пряди со своей белой шерсткой. Поскольку Народ был безволосым, волосы выглядели в Пещерах странно. С довольным мурлыканьем Ана потерлась головой о руку Гарайна.

С легким щелчком открылась дверь в стене. Ана вскочила на ноги и бросилась приветствовать вошедших. Один из Вождей Народа, первым нашедший Гарайна, вошел в сопровождении нескольких подчиненных.

Летчик сел. У него не только не было никакой боли, он чувствовал себя сильнее и моложе, чем был несколько месяцев назад. Он улыбнулся и радостно протянул руки к человеку-ящеру. Тот сделал то же самое.

Люди-ящеры захопотали вокруг Гарайна, надевая на него короткую юбку и драгоценный пояс, — по-видимому, это была единственная одежда, которую носили в Пещерах. Когда это было закончено, вождь взял Гарайна за руку и повел к дверям.

Они прошли по коридору с резными и инкрустированными блестящими камнями и металлом стенами и наконец вошли в громадную пещеру, стены которой скрывались в тени. На возвышении стояли три высоких трона. Гарайна подвели к подножию помоста.

Самый высокий трон был из розового хрусталя. Направо от него — зеленый нефритовый, гладкий от времени. Левый трон был вырезан из цельного агата. Розовый и агатовый троны были пусты, а на нефритовом восседал один из Народа. Он был выше остальных, и его глаза, устремленные на Гарайна, светились мудростью и печалью.

— Хорошо! — прозвучало в мозгу летчика. — Мы сделали мудрый выбор. Этот юноша достоин быть мужем Дочери. Но его надо испытать, как огонь испытывает металл. Он должен вывести Дочь наружу и сразиться с Киптой...

Шипящее бормотанье эхом прокатилось по холлу, Гарайн прикинул, что тут собралось не менее сотни людей Народа.

— Ург! — скомандовал сидящий на троне. — Возьми этого юношу и обучи его. Тогда я снова поговорю с ним. Ибо, — печаль сквозила в его словах, — розовый трон должен быть занят снова, а черный агат сгорит в порошок. Время течет быстро.

Вождь увел изумленного Гарайна.

**ГАРАЙН УЗНАЕТ О ТЕМНЫХ
СУЩЕСТВАХ**

Ург привел летчика в одну из шарообразных комнат, в которой была низкая мягкая скамья, а перед ней — металлический экран. Они сели.

Последовал урок языка. На экране появлялись изображения различных предметов, а Ург называл их, отчетливо произнося, чтобы Гарайн мог повторить. Позднее американец узнал, что лечебное излучение, которому он подвергался, ускорило его умственные способности, поэтому он усвоил словарь в немыслимо короткий срок.

Судя по картинкам, Ящерный Народ управлял миром кратера. Тут были и другие формы жизни: слоноподобные ТАНДЫ — животные для переноски грузов; похожие на белок ЭРОНЫ жили под землей, занимались сельским хозяйством при малом освещении и два раза в год застенчиво выходили, чтобы обменять зерно на жидкую резину, производимую Народом; еще были ГИБИ, гигантские пчелы, также дружившие с Народом. Они снабжали пещерных жителей медом и воском, а в обмен получали убежище на время Великих Туманов.

Народ был высокоцивилизованным. Руками они делали только тонкую резьбу или ювелирные изделия, а все остальное — шитье металлической одежды, приготовление пищи, обработка полей, рытье новых пещер — делали машины.

Освобожденные от физического труда, они стали приобретать знания. Ург показывал на экране обширные лаборатории, громадные научные библиотеки. Однако все они знали, что в самом начале их учили Древние Существа другой расы. Сам Народ появился в результате направленной эволюции и экспериментов, проведенных Древними.

Вся их мудрость заботливо охранялась, но от кого или от чего — Ург не говорил, хотя утверждал, что существует вполне реальная опасность. Что-то об этом было записано на голубой стене кратера, что-то, что оспаривало владычество Народа.

Гарайн хотел было продолжить расспросы, но зазвучал гонг.
— Пора обедать, — сказали ему. — Пошли.

Они пришли в большую комнату с тяжелым столом из белого камня, идущим вдоль трех стен, и скамейками перед ним. Ург сел, нажал на круглую ручку в столе, предложив Гарайну сделать

то же. Стена напротив них раскрылась, и появились два подноса. На подносе стояла тарелка с горячим мясом под вкусным соусом, каменная чашка с овсянкой и кисть каких-то плодов прямо на ветке с листьями. Ана смотрела так тоскливо, что Гарайн отдал ей фрукты.

Народ ел молча. Закончив, все быстро встали, и подносы исчезли в стене. Гарайн обратил внимание, что здесь были одни мужчины, и вспомнил, что еще ни разу не видел женщин. Он рискнул спросить. Ург рассмеялся.

— Ты думаешь, что в Пещерах нет женщин? Что ж, пойдем в Холл Женщин и сам увидишь.

В Холле Женщин захватывало дух от богатства камней, за которые можно было купить целую нацию. Камни сверкали на куполообразном потолке, на расписных стенах. Здесь находились женщины и девушки Народа. Их темные тела покрывали платья из серебряной сетки. На каждом пересечении нитей находился крошечный камешек, так что женщины были покрыты как бы сверкающей чешуей.

Их было немного — наверное, не более ста. Некоторые держали на руках свои уменьшенные копии, которые таращились на Гарайна круглыми желтыми глазами и робко сосали кончики темных пальцев.

Женщинам поручалась самая тонкая ювелирная работа, и они с гордостью показывали незнакомцу свое рукоделие. В дальнем конце холла изготавливалась удивительная вещь: серебряная сетка, которая служила основой их платьев, была укреплена здесь, и три женщины вставляли в каждое микроскопическое отверстие маленький розовый камень. Кое-где они клали по узору крошечные изумруды или пламенные опалы, так что в конце концов получалась радуга.

Одна из работающих погладила платье рукой и, искоса взглянув на Гарайна, с легким поддразниванием в голосе объяснила:

— Это для Дочери, когда она взойдет на трон.

Дочь! Как это говорил Лорд Народа? «Этот юноша достоин быть мужем Дочери». Но Ург говорил, что Древние ушли из Тэйва.

— Кто это — Дочь?

— Трэла Света.

— Где она?

Женщина вздрогнула, в ее глазах появился страх.

— Трэла лежит в Подземелье Мрака.

Подземелье Мрака? Имеется в виду, что Трэла умерла? Значит, он, Гарайн Фитерстон, — жертва для какого-то ритуального жертвоприношения, которое соединит его с мертвой?

Ург дотронулся до его руки.

— Нет. Трэла еще не вошла в Место Предков.

— Ты читаешь мои мысли?

Ург засмеялся.

— Мысли читать легко. Трэла жива. Сэра служила Дочери, когда та была среди нас. Сэра, покажи, пожалуйста, какая она была?

Женщина подошла к зеркалу, вделанному в стену, такому же, каким пользовался Ург для уроков языка, и, пристально взглядевшись в него, подозвала летчика. Зеркало затуманилось, и он увидел, как сквозь стекло, комнату со стенами и потолком из розового кварца. На полу лежал толстый розовый с серебром ковер. В центре находилось ложе из груды подушек.

— Комната Дочери, — возвестила Сэра.

Подвижная панель в стене отошла, и в комнату вошла женщина. Очень молодая, почти ребенок. Счастливая улыбка пухлых алых губ, радостный блеск фиолетовых глаз. Сложена она была как человек, но красоты неземной. Нежные краски слабо играли на ее жемчужно-белой коже, и Гарайну вспомнился перламутр с его переливанием от света к тени. Иссиня-черные волосы спускались до колен. Платье из серебряных нитей опоясывалось вокруг талии темно-розовыми драгоценными камнями.

— Такой была Трэла, когда Темные Существа взяли ее, — сказала Сэра.

Ург рассмеялся, услышав разочарованный вздох Гарайна, когда изображение исчезло.

— Зачем тебе жалеть о видении, когда сама Дочь ждет тебя? Тебе остается только вывести ее из Подземелья Мрака.

— Где это — Подземелье... — Гарайна прервал трезвон гонга.

— Темные Существа! — воскликнула Сэра.

Ург пожал плечами.

— Если уж они не щадят Древних, можем ли мы надеяться ускользнуть? Пойдем в Тронный Зал.

Перед нефритовым тронном Лорда Народа стояла небольшая группа людей-ящеров рядом с двумя носилками. Когда Гарайн вошел, Лорд произнес:

— Пусть иноземец подойдет ближе и посмотрит на работу Темных Существ.

Гарайн неохотно подошел и остановился у носилок. Лежавшие на них изо всех сил старались передать сообщение, прерывая его стонами и криками агонии. Это были люди Народа, но их кожа была не черного, а зеленого с плесенью цвета.

Лорд наклонился вперед.

— Достаточно, — сказал он. — Можете умереть.

Как бы повинувшись приказу, измученные люди оставили жизнь, за которую они до сих пор цеплялись, и затихли навсегда.

— Взгляни на работу Темных Существ, — сказал правитель Гарайну. — Джейв и Бети были захвачены ими, когда шли с поручениями к Гиби. Видимо, Темные Существа нуждаются в материале для своих лабораторий. Они собираются и Дочь отдать своим страшным работникам.

Ужасный вопль ненависти поднялся в Зале. Гарайн стиснул зубы. Отдать это чудесное видение, которое только что было перед его глазами, на такую смерть!

— Джейв и Бети были заперты недалеко от Дочери и слышали угрозы Кипты. Наши братья были заражены страшной болезнью и отпущены, чтобы они принесли заразу к нам. Но они купались в луже кипящей грязи. Они умерли, но вместе с ними умерло и зло. Поскольку мы воспитываем таких людей, как они, я думаю, что Темные Существа не успокоятся. Слушай, иноземец, рассказ о Темных Существах, и Подземельях Мрака, и о древних Существах, которые вывели Народ из грязи давно высохшего моря и сделали его великим, о Древних, которые в конце концов пришли к своему упадку. До того как страны внешнего мира родились из океана, до того как Страна Солнца и Страна Моря — Атлантис поднялась из расплавленных скал и песка, далеко на юге была страна. Сухая страна скал, равнин и болот, где жила, плодилась и умирала грязная жизнь. Затем пришли с далеких звезд Древние Существа. Их раса была старше, чем эта земная. Их мудрецы следили за рождением Земли из Солнца. Когда их мир погиб, унося в небытие большую часть людей, оставшаяся горсточка бежала в новый мир. Когда они вышли из космического корабля, они попали в ад. Вместо своего любимого дома они получили голые скалы и зловонную грязь. Вырыв этот кратер — Тэйв, они вошли в него с сокровищами со своего корабля, а также с несколькими живыми существами, пой-

манными в болотах. Из этих существ они создали Народ, Гиби, Тандов и обрабатывающих землю Эронов. Народ оказался наиболее способным к мудрости и стремлению вверх. Но познания Древних все еще остаются для него недостижимыми. За тысячелетия, которые Древние прожили за охранявшей их стеной тумана, внешний мир изменился. На север и на юг пришел Холод, в Стране Солнца и Стране Моря ступали ноги настоящего человека. Древние следили в своих зеркалах видения, как человек расселился по всему миру. Они умели продлевать жизнь, но все-таки раса вымирала. Нужен был новый приток крови. Поэтому были приглашены несколько человек из Страны Солнца. На время раса расцвела. Древние решили оставить Тэйв ради внешнего мира. Но океан поглотил Страну Солнца. Раса Древних своевременно пополнилась от Страны Моря и снова готовилась к Исходу, но океан снова обманул их. Люди, оставшиеся во внешнем мире, одичали и возвратились к первобытному состоянию. Древние не хотели смешивать свою кровь с этими полуживотными; они укрепили стену тумана и остались. Однако некоторые из них решили вкусить запретный плод и пригласили дикарей. От этих чудовищных браков произошли Темные Существа. Они живут только ради того зла, которого они достигли, и могущества, применяемого для жестокости. Грех был обнаружен не сразу. Когда он стал явным, другие Древние могли бы уничтожить потомство, но закон запрещал убийства. Древние могли пользоваться своим могуществом только для добра, в противном же случае могли его лишиться. Поэтому они выселили Темных Существ на крайний юг Тэйва и отдали им Подземелья Мрака. Никто из Темных Существ не бывал севернее Золотой Реки, а Древние не ходили южнее ее. Примерно в течение двух тысячелетий Темные Существа соблюдали закон. Они работали, создавали силы разрушения. Тем временем Древние обыскивали мир, ища людей, которые могли бы обновить расу. Однажды здесь появились люди с далеких северных островов. Шестеро из них сумели пробиться сквозь туман и выбрали себе жен из дочерей Древних. Потом они позвали светловолосых людей другого племени, племени великих мореплавателей. Темные Существа тоже призывали людей, но в то время как Древние искали для добра, Темные в основном брали творящих зло. В конце концов им удалось закрыть путь посланцам, так что Древние не могли больше никого приглашать. Затем Темные пересекли

Золотую Реку и вошли в страну Древних. Трэн, живущий в Свете и Лорд Пещер, созвал наш Народ.

— Только одно может помочь вам, — сказал он. — Попытаемся вызвать Темных и создать им видимость победы. Трэла, Дочь Света, не войдет в Комнату Приятной Смерти с остальными женщинами, а отдаст себя в руки Темных Существ, чтобы они окончательно уверовали в свою победу. Вы, Народ, удалитесь в Место Рептилий до тех пор, пока Темные не уйдут. Не все Древние погибнут — большая часть их будет спасена, но каким образом они уцелеют — я не могу сказать. Когда из внешнего мира придет золотоволосый юноша, пошлем его в Подземелья Мрака освободить Трэлу и покончить со злом.

Тогда встала Леди Трэла и тихо сказала:

— Пусть будет так, как сказал Лорд Трэн. Я сама отдамся в руки Темных Существ, чтобы на них пришла гибель.

Лорд Трэн улыбнулся ей и промолвил:

— И на нашу долю выпадет счастье! Ведь после Великих Туманов всегда приходит свет!

Затем женщины Древних простились со всеми в Комнате Приятной Смерти, в то время как мужчины стали готовиться к битве. Три дня они сражались, однако новое оружие Темных взяло верх, и их глава сел на этот агатовый трон в знак своей власти. Тем не менее Темные Существа, привыкшие к темноте, не ужились в наших Пещерах и скоро ушли обратно к себе, а мы, Народ, вернулись.

Но теперь настало время, когда Темные Существа хотят принести Дочь в жертву своему злу. Если ты не сможешь освободить ее, иноземец, они погибнут навсегда.

— А что случилось с Древними? — спросил Гарайн. — С теми, о которых Трэн сказал, что они спасутся?

— О них мы ничего не знаем, кроме того, что, когда мы относили тела погибших в Место Предков, некоторых не хватало. Для того чтобы ты поверил в правдивость моего рассказа, Ург отведет тебя в галерею над Комнатой Приятной Смерти, и ты сам увидишь тех, кто спит там.

Ург повел его. Гарайн поднялся по ступеням лестницы, идущей от Тронного Зала, и вошел в узкую галерею, одна стена которой была из прозрачного хрусталя. Ург показал вниз.

Они находились над большим залом со стенами из зеленого нефрита. На полированном полу были разбросаны подушки. На

каждой лежала спящая женщина. Некоторые прижимали к себе детей. Их длинные волосы рассыпались по полу, загнутые ресницы бросали тень на бледные лица.

— Они же спят! — сказал Гарайн. Ург покачал головой.

— Это сон смерти. Каждые пять часов от пола поднимается пар. Такое дыхание их не разбудит, и, если не тревожить их, они пролежат так тысячу лет. Взгляни туда...

Он показал на закрытые двойные двери комнаты. Там лежали первые мужчины Древних Существ, которых Гарайн видел. Они тоже, казалось, спали, подложив руки под свои красивые головы.

— Трэн приказал, чтобы те, кто останется жив после битвы в Тронном Зале, вошли в Комнату Приятной Смерти, чтобы Темные не мучили их для своей потехи. Сам Трэн остался позади, чтобы закрыть дверь, и так умер.

Среди спящих совсем не было пожилых. Девять мужчин выглядели старше тридцати, а остальные были явно моложе. Гарайн сказал об этом.

— Древние выглядят так со дня их смерти, хотя многие жили двести лет. Облучение сохраняет их. Даже мы, Народ, можем задерживать старость. А теперь пойдем. Наш Лорд Трар хочет еще поговорить с тобой.

Снова Гарайн стоял перед нефритовым тронном Трара и слышал возбужденные голоса Народа в полумраке. Трар вертел в своих нежных руках небольшой блестящий жезл из зеленого металла.

— Слушай внимательно, иноземец, — начал Трар. — У нас мало времени. Через семь дней начнутся Великие Туманы. Никто не сможет выйти из убежища и остаться в живых. Трэлу нужно вывести из Подземелья до наступления этого времени. Этот жезл будет твоим оружием; Темные не знают его секрета. Смотри.

Двое из Народа поставили перед ним металлический брусок. Трар прикоснулся к нему жезлом. Хлопья ржавчины быстро распространились по всей поверхности бруска, и он рассыпался кучкой пыли, на которую наступил ногой один из Народа.

— Трэла находится в самом сердце Подземелий, но люди Кипты с годами стали беспечны. Смело входи и надейся на удачу. Они не знают о твоём появлении здесь и о словах Трэна относительно тебя.

Ург выступил вперед и поднял руку в знак просьбы.

— В чем дело, Ург?

— Лорд, я хотел бы пойти с иноземцем. Он ничего не знает о Лесе Моргелей и о Кипящей Луже. В лесной стране легко заблудиться...

Трар покачал головой.

— Нельзя. Он должен идти один. Так говорил Трэн.

Ана, весь день ходившая следом за Гарайиом, пронзительно засвистела, на цыпочках подошла к нему и дернула за руку. Трар улыбнулся.

— Это создание может пойти: его глаза отлично послужат тебе. Ург проводит тебя до внешнего Портала Места Предков и покажет дорогу к Подземельям Мрака. До свидания, иноземец, и да будет с тобой Дух Древних.

Гарайн поклонился правителю и вышел в сопровождении Урга. Недалеко от двери стояла кучка женщин. Сэра выступила вперед с небольшим мешочком.

— Иноземец, — быстро сказала она, — когда ты увидишь Дочь, скажи ей, что Сэра ждет ее много лет.

Он улыбнулся.

— Скажу.

— Не забудь, иноземец. Я считаю себя красивой леди среди Народа, у меня хватает поклонников, но мне кажется, я могу позавидовать Дочери. Нет, я не буду объяснять, — она лукаво засмеялась. — Ты потом поймешь. Вот тут еда. Теперь иди быстрее, чтобы успеть вернуться сюда до Туманов.

Их провожали добрые пожелания женщин. Ург пошел вниз по лестнице. Внизу была каменная ниша, где горел тусклый розовый свет. Ург пошарил внутри, достал пару высоких котурнов и помог Гарайну зашнуровать их. Они были точно впору. Их обычно носили Древние.

Проход перед ними был узкий и кривой. Под ногами лежал толстый слой пыли с отпечатками ног Народа. Обогнув угол, они подошли к высокой двери, выступавшей из Мрака. Ург нажал на нее. Раздался щелчок, и камень отошел назад.

— Здесь Место Предков, — сказал Ург, войдя внутрь. Они стояли у входа в колоссальный зал, куполообразный потолок которого исчезал в тени. Толстые колонны из светящегося хрустала разделяли его на проходы, ведущие внутрь к овальному возвышению. Проходы были заполнены ложами, и в каждом мягком гнезде лежал спящий. Ближе к двери лежали мужчины и женщины Народа, а ближе к возвышению — Древние. На не-

которых ложах были надписи. Сын пренормана Ирландии. Ург провел согнутым пальцем по архаическим буквам, вырезанным в камне, который служил основанием ложу.

— Спи спокойно, любимец Света. Свет вернется в назначенный день.

Гарайн подошел к возвышению.

— Кто лежит здесь?

— Первые Древние Существа. Подойди и посмотри на тех, кто создал Тэйв.

На возвышении ложи стояли в два ряда. Между ними, в центре, стояло одинокое ложе, выше остальных.

Пятьдесят мужчин и женщин выглядели так, будто прилегли на часок отдохнуть. Спокойные лица улыбались, глаза окружали тени усталости. У них были нечеловеческие особенности, которые исчезали у их потомков.

Ург двинулся к высокому ложу и подозвал Гарайна. Там лежали мужчина и женщина. Голова женщины лежала на плече мужчины. Ург остановился перед ними.

— Смотри, иноземец, это один из тех, кто был призван из вашего мира. Марена из Дома Света благосклонно взглянула на него, и их счастье длилось долго.

У мужчины на ложе были золотисто-рыжие волосы. На его руке был тяжелый золотой браслет. Однажды Гарайн видел такой на груди мужчины.

В их лицах было что-то такое, что заставило Гарайна отвернуться — будто он вторгся туда, где человеку быть не следует.

— Здесь лежит Трэн, Сын Света, первый Лорд Пещер, и его Леди Трэла, живущая в Свете. Они лежат так тысячу лет и будут лежать до тех пор, пока планета не обратится в прах под ними. Они вывели Народ из грязи и создали Тэйв. Таких, как они, больше не будет.

Они молча прошли по проходам. Гарайн мельком увидел еще одного белокурого мужчину — видимо, тоже иноземца, поскольку Древние все были брюнетами. Ург еще раз остановился, прежде чем выйти из зала. Он подошел к ложу мужчины, завернутого в длинную мантию, лицо его было искажено агонией.

Ург назвал имя:

— Трэн.

Это был последний Лорд Пещер. Гарайн хотел было подойти ближе, чтобы рассмотреть мертвое лицо, но Ург нетерпеливо повлек его к двери.

— Это южный вход в Пещеры, — объяснил он. — Положись на Ану, она поведет тебя и убережет от кипящей грязи. Если встретишь моргелей — быстрее убивай, это слуги Темных Существ. Да сопутствует тебе удача, иноземец!

Дверь открылась, и Гарайн вышел на поверхность Тэйва. Мягкий голубой свет был таким же сильным, как и тогда, когда Гарайн впервые увидел его. С Аной на плече и с зеленым жезлом и мешком пищи в руках он зашагал по сырой почве.

Ург поднял руку в прощальном приветствии, и дверь захлопнулась. Гарайн пошел один, взяв обязательство вывести Дочь из Подземелий Мрака.

В ПОДЗЕМЕЛЬЯХ МРАКА

В Тэйве не было смены дня и ночи, и голубой свет был всегда. Однако Народ искусственно делил время. Тем не менее Гарайн, недавно прошедший через лучи здоровья, не чувствовал усталости. Когда он колебался в выборе дороги, Ана начинала щелкать и уверенно показывала вперед.

Перед ним вырос густой лес папоротниковых деревьев. В лесу было тихо и мрачно, и Гарайн впервые обратил внимание на особенность Тэйва: здесь не было птиц. Им пришлось пересечь только западную часть леса. Через час они вышли к реке. Мутные воды были густошафранового цвета. Гарайн решил, что это и есть Золотая Река, граница владений Темных Существ.

Он обошел излучину и пошел по мосту, такому старому, что угловые камни источились от времени. Мост вывел их в обширную долину, покрытую высокой увядшей желтой травой. Налево слышалось шипение и бульканье, в воздухе стояло огромное облако пара. Гарайн задыхался от ветра, наполненного химикалиями и дувшего в его сторону. Пока они шли по долине, все время во рту и в носу ощущался серный налет, и Гарайн обрадовался, когда попал в папоротниковую рощу, в которой скрывался родник. Там Гарайн помылся, в то время как Ана развязывала мешочек с едой, который дала Сэра.

Они поели лепешек из зерна и сухих фруктов. Затем Ана дернула Гарайна за руку и показала вперед.

Гарайн осторожно пополз через густой кустарник. Наконец он вылез на свет и увидел вход в Подземелья Темных Существ. Две высокие колонны, высеченные в виде отвратительных чу-

довищ, охраняли грубо пробитое отверстие. Легкий зеленый дымок вился и танцевал в их разинутых пастьях.

Гарайн внимательно пригляделся к входу. Никого не было видно. Он сжал разрушающий жезл и потихоньку двинулся вперед. Дойдя до зеленого тумана, он собрался с духом и вошел внутрь.

Туман окутал Гарайна. В легкие вполз горячий, влажный, слабо окрашенный воздух с тошнотворно-сладким запахом разложения. Зеленые пылинки в воздухе давали очень мало света и, казалось, цеплялись за незваного гостя.

Пустив Ану вперед, он спускался по ступенькам вниз, мягкие подошвы его котурнов ступали бесшумно. В стенах располагались статуи. Над каждой извращенной фигурой светился орел из зеленых пылинок.

Ана остановилась, ее широкие уши расправились, чтобы уловить малейший звук. Откуда-то из-под земли донесся бешеный собачий лай. Ана вздрогнула и попятилась поближе к Гарайну.

Лестница становилась все уже и круче, и все отчетливее звучал захлебывающийся лай. Затем проход перегородила черная каменная решетка. Гарайн увидел сквозь нее лестничный пролет, ведущий вниз, в шахту. Из шахты неся рычащий смех.

Снующие там существа казались придуманными демоническим умом: гладкие, бесшерстные крысopodobные звери величиной с пони. С острых морд стекала рыжая слюна. Но в их глазах светился разум. Это были моргели, сторожевые псы и рабы Темных Существ.

Со второго пролета лестницы, идущего непосредственно через шахту, донесся стонущий зов. Открылась дверь, и внизу появились двое. Моргели прыгнули было вперед, но быстро отступили под ударами бичей.

Появилась вторая группа: два Темных Существа тащили пленника. Он делал отчаянные и безнадежные попытки освободиться, но они подтащили его к краю шахты и остановились. Моргели, почуяв обещанную добычу, прыгнулись вниз.

На лестнице, несколькими ступеньками выше, стояли две фигуры, на которых смотрели стражники, ожидая приказаний. Один был мужчиной, их расы, стройный, красивый и злой, с холодным лицом патриция. Его рука властно держала за локоть спутницу.

Этой спутницей была Трэла. Ее голова была надменно поднята. Былая улыбка исчезла, лицо выражало только печаль и покорность, однако дух белым пламенем метался в ее глазах.

— Смотри! — приказал ее тюремщик. — Разве Кипта не выполняет своих обещаний? Если ты не возьмешь обратно свои слова, Леди Трэла, мы бросим Дандэна в пасти наших рабов.

За нее ответил пленник.

— Кипта, сын подлости, Трэла не для тебя. Помни, Возлюбленная, — обратился он к Дочери, — день освобождения близок!

Гарайн почувствовал непонятную пустоту от легкости, с которой пленник назвал Трэлу «возлюбленной».

— Я жду ответа от Тралы, — сказал Кипта.

Она ответила:

— Зверь из зверей, ты можешь послать Дандэна на смерть, можешь как угодно оскорблять меня и вредить мне — все равно я знаю, что Дочь не для тебя. Скорее я своими руками оборвужу свою жизнь и понесу за это кару от Старших. — Она перевела взгляд на пленника. — Я прощаюсь с тобой, Дандэн. Мы снова встретимся за Завесой Времени.

— Трэла, дорогая...

Одни из стражников ударил пленника по губам, оборвав его речь.

Но Трэла смотрела мимо него, прямо за решетку, за которой скрывался Гарайн, Кипта потянул ее за руку, чтобы привлечь ее внимание.

— Смотри! Так умирают мои враги! В шахту его!

Стражники толкнули своего пленника к краю шахты, и моргели подползли ближе, пристально глядя на молодое скорчившееся тело. Гарайн понимал, что он не должен вмешиваться. Ана потянула его направо, где был проход под аркой. Оттуда можно было попасть на балкон, идущий вокруг шахты.

Те, внизу, так увлеклись своим развлечением, что не заметили чужого. Однако Трэла смотрела вверх, и Гарайн подумал, что она его увидела. Что-то в ее позе привлекло внимание Кипты, и он тоже поднял глаза вверх, и на мгновение застыл от изумления, а затем втолкнул Дочь в дверь позади.

— Эй, иноземец! Добро пожаловать в Подземелья! Итак, Народ вмешался...

— Привет, Кипта! — Гарайн сам удивился словам, так легко слетавшим с его языка. — Я пришел, как было обещано, и останусь, пока Черный Трон не будет уничтожен.

— Даже моргели не хвастаются добычей, пока она не попала им в зубы. Что за зверь с тобой?

— Чистый зверь, Кипта, какого у тебя нет. Вели своим двуногим моргелям оставить юношу в покое, пока я не рассердился, — и он покачал зеленым жезлом.

Глаза Кипты сузились, но улыбка не увяла.

— Я давно уже слышал, что Древние не могут убивать...

— Как иноземец, я могу и не придерживаться их ограничений, — ответил Гарайн, — и ты сам это увидишь, если не отзовешь своих вонючих скотов.

Хозяин Подземелья засмеялся.

— Ты такой безмозглый, как Танд. В Пещерах тебя больше не увидят!

— Выбирай, Кипта, да побыстрее!

Главарь Темных, казалось, размышлял некоторое время, а затем махнул своим людям.

— Оставьте его! — приказал он. — Иноземец, ты храбрее, чем я думал. Мы можем договориться...

— Трэла уйдет из Подземелья и Черный Трон будет уничтожен — таковы условия Пещер.

— А если мы не согласимся?

— Тогда Трэла уйдет, Трон будет уничтожен, а в Тэйве будет такой Судный день, какого еще не было.

— Ты вызываешь меня?

И снова Гарайн произнес неизвестно откуда взявшиеся слова:

— Я воспользуюсь как в Ю-Лаке...

Прежде чем Кипта успел ответить, в шахте началась сума-тоха: Дандэн, отпущенный стражниками, помчался скачками, преследуемый моргелями. Гарайн упал плашмя на балконе и спустил вниз конец своего пояса.

В следующее мгновение он уже тащил туго натянувшийся пояс. Пятки Дандэна были над шелкающими челюстями моргелей. Летчик схватил юношу за плечо и помог перебраться через перила.

— Они ушли! Все! — закричал Дандэн, как только встал на ноги.

Он был прав: моргели лаяли внизу, а Кипта и его люди исчезли.

— А Трэла? — воскликнул Гарайн.

— Они увели ее обратно в камеру. Они считают, что сэбергут ее там.

— Они ошибаются! — Гарайн поднял жезл. Его товарищ засмеялся.

— Нам лучше скорее идти, пока они не подготовились.

Гарайн поднял Ану.

— Куда идти?

Дандэн показал на проход позади. Затем он забежал в боковую комнату и вышел с двумя плащами с капюшонами, чтобы они могли сойти за Темных Существ.

Они шли по совершенно пустым туннелям. Им никто не препятствовал. Все Темные ушли из этой части Подземелий.

Дандэн обеспокоенно засопел.

— Неладно это. Я боюсь ловушки.

— Пусть ставят, лишь бы мы прошли.

Проход повернул вправо, и они вошли в овальную комнату. Дандэн опять покачал головой, но не рискнул протестовать, а, наоборот, рывком открыл дверь и вошел в маленькую прихожую. Гарайну показалось, что в темных углах что-то шелестело и скрипело. Дандэн так резко остановился, что американец налетел на него.

— Это комната стражей — и она пуста!

Гарайн заглянул в большую комнату. На стенах висели полки со странным оружием, спальные матрасы стражников были аккуратно сложены, но людей не было.

Они пересекли комнату и прошли под аркой.

— Даже перегородка не опущена, — заметил Дандэн и указал наверх. Там висела каменная решетка. Гарайн озадаченно осмотрел ее. Дандэн потянул его в узкий коридор, где по обе стороны шли зарешеченные двери.

— Камеры, — объяснил он и потянул засов у одной из дверей. Дверь качнулась, и они вошли внутрь камеры.

Трэла поднялась им навстречу. Забыв о переодевании, Гарайн был поражен ее ледяным приемом и отступил назад. Однако Дандэн шагнул вперед и схватил Тралу в объятия. Она отбивалась, пока не увидела лицо под капюшоном. Тогда она радостно вскрикнула и обняла Дандэна за шею.

— Дандэн! — Он улыбнулся.

— Да, но это заслуга иноземца.

Она подошла к Гарайну и внимательно посмотрела ему в лицо.

— Иноземец? Такое холодное имя не для тебя, раз ты служишь нам так.

Она потянула ему руки, и он поднес их к губам.

— Как тебя зовут?

Дандэн засмеялся.

— Извечное женское любопытство!

— Гарайн.

— Гарайн, — повторила она. — Как похоже...

Ее перламутровая кожа слегка порозовела.

Рука Дандэна легко опустилась на плечо спасителя.

— Он и вправду на него похож. Пусть он с этого дня носит другое имя: Гаран, Сын Света.

— А почему бы и нет? — спокойно ответила она. — В конце концов...

— Вознаграждение, которое полагалось бы тому Гарану, может быть его? Расскажи ему историю его тезки, когда мы снова будем в Пещерах...

Дандэна прервал испуганный писк Аны, а затем насмешливый голос:

— Итак, добыча сама вошла в ловушку. Немногие охотники могут этим похвастаться.

В дверях стоял Кипта. Порок и злоба плясали в его глазах. Гарайн бросил свой плащ на пол, но Дандэн, видимо, прочел его мысли, потому что схватил его за руку.

— Ты, видимо, набрался мудрости, Дандэн, если встаешь между нами? Если бы это сделала Трала... Но прекрасная женщина считает меня слабым. — Кипта так посмотрел на ее гордую фигуру, что Гарайн охотно придушил бы его, если бы не Дандэн. — Теперь у Трэлы имеется второй шанс. Как тебе нравится, Леди, что эти мужчины окажутся в Комнате Инструментов?

— Я тебя не боюсь, — ответила она — Трэн однажды сделал пророчество, а он никогда не говорил зря. Мы завоюем свободу...

— Это уж как решит судьба. А пока что я оставляю вас одних.

Он вышел и с шумом захлопнул за собой дверь. Они услышали скрежет задвинутого засова и удаляющиеся шаги.

— Зло ушло, — тихо шепнула Трала. — Наверное, лучше было позволить Гарайну убить его. Нам надо уходить...

Гарайн снял жезл с пояса. Зеленые светящиеся пылинки собрались на его полированных гранях.

— Дверь не трогай, — посоветовала Трэла, — только ее петли.

Под действием жезла камень начал разрыхляться и опадать хлопьями. Дандэн и Гарайн взяли дверь и положили ее на пол. Трэла быстро схватила с пола плащ Гарайна и закуталась в него, чтобы скрыть блеск расшитого камнями платья.

В коридоре стоял безжизненный холод. Светоносные пылинки исчезли, как если бы отцвели.

— Быстрее! — приказала Дочь. — Кипта убрал живой свет, и мы можем заблудиться в темноте.

Когда они достигли конца холла, там тоже не было света, и Гарайн натолкнулся руками на каменную решетку, которая на этот раз оказалась опущенной. Откуда-то с другой ее стороны раздался серебристый смех.

— Эй, иноземец, — насмешливо позвал Кипта, — с твоим оружием тебе не трудно будет пройти через решетку, но темноту ты не сможешь победить так просто, а также то, что бегают по холлам.

Гарайн уже работал жезлом и через пять минут очистил путь. Но когда они хотели идти вперед, Трэла остановила их.

— Кипта спустил охотников.

— Охотников?

— Моргелей... и других, — пояснил Дандэн. — Темные ушли, и только смерть идет этим путем. Моргели видят в темноте...

— Ана тоже.

— Хорошая мысль, — одобрил Сын Древних. — Ана выведет нас.

Как бы в ответ Ана потянула Гарайна за пояс. Гарайн взял Трэлу за руку, а другую она протянула Дандэну. Они цепочкой прошли через стражи. Затем Ана остановилась и прислушалась. Ничего не было видно, но тьма, висевшая над ними, казалась складками занавеса.

— Что-то преследует нас, — прошептал Дандэн.

— Бояться нечего, — сказала Трэла. — Эти не осмелятся нападать. Я думаю, они смоделированы Киптой. Те, кто не имеет настоящей жизни, больше всего боятся смерти. Это создания...

Что-то медленно ползло позади.

— Кипте не стоило бы и пытаться, — пренебрежительно продолжала Дочь.

— Он знает, что его уроды не нападут. Только на свету они будут ужасны — и тогда только из-за страшных своих форм.

Ана снова подергала за пояс хозяина, и они вошли в узкий проход. Там ощущение преследования возобновилось, и, хотя Трэла продолжала уверять, что никакой опасности нет, Гарайна наполнило чувство отвращения.

Они прошли через три холла в длинный коридор, который заканчивался в шахте моргелей. Здесь, полагал Гарайн, их ждала самая большая опасность от моргелей.

Ана резко остановилась и прижалась к ноге Гарайна. Из темноты выступили два желтых диска с шафрановыми искрами в глубине. Гарайн сунул жезл в руки Трэлы.

— Что ты собираешься делать? — спросила она.

— Пойду расчищать путь. Здесь слишком темно, чтобы пользоваться этим оружием против движущихся тварей... — И он двинулся к немигающим глазам.

БЕГСТВО ИЗ ПОДЗЕМЕЛИЙ

Не сводя глаз с этих бездушных желтых дисков, Гарайн оторвал капюшон, свернул его в комок и прыгнул вперед. Его пальцы скользнули по гладкой коже. Острые клыки схватили его за плечо, тупые когти царапали по ребрам. Зловонное дыхание било в лицо, горячая слюна капала на шею и грудь Гарайна.

Капюшон был всунут в глотку моргеля, и зверь начал медленно задыхаться. Из ран Гарайна капала кровь, но он мужественно держался до тех пор, пока не увидел, что желтые глаза погасли. Умиравший моргель сделал последнюю попытку освободиться и потащил своего противника по каменному полу. Затем тяжелое тело зверя застыло в неподвижности. Задыхаясь, Гарайн привалился к стене.

— Гарайн! — закричала Трэла. Ее рука коснулась его плеча и потянулась к лицу. — У тебя все хорошо?

— Да, — выдохнул он. — Пошли дальше.

Пальцы Трэлы задержались на его плече. Теперь она шла рядом, ее плащ издавал шуршащие звуки, когда он слегка касался стены и пола.

— Подожди, — внезапно сказала она. — Это шахта моргелей...

— Я проверю дверь. — Через минуту он вернулся. — Открыта.

— Кипта думает, — задумчиво сказала Трэла, — что мы пойдем в безопасную галерею. Поэтому он пустил нас через шахту. Моргели лучше охотятся на почве.

Они прошли через шахту. Из-под пола поднимался удушающий пар, и они шли очень осторожно. Дандэн шел впереди.

— Дай-ка свое оружие, Гарайн, — окликнул он, когда они поднялись по лестнице, никем не потревоженные. — Эта дверь закрыта.

Гарайн толкнул оружие в руки Дандэна и прислонился к скале. Его тошнило, голова кружилась. Глубокие раны на плече и руке дергало и жгло. Они до сир пор двигались в темноте, поэтому его недомогание прошло незамеченным.

— Это странно, — пробормотал он. — Мы идем чересчур легко...

Из темноты до него донесся голос:

— Правильно замечено, иноземец. В настоящий момент ты свободен, так же как Трэла и Дандэн. Но наш счет впереди. А теперь — прощай, до новой встречи в Тронном Зале. Я аплодирую твоей храбрости, иноземец. Возможно, ты все же пойдешь служить мне.

Гарайн повернулся и метнулся по направлению голоса, но ударился о стену. Кипта захохотал.

— Не с твоей ловкостью Танда схватить меня!

Его смех оборвался, как будто за ним закрылась дверь. Трое молча заторопились вверх по склону. Наконец они вышли на дневной свет Тэйва. Трэла сбросила плащ и протянула руки к стене в кратере. Сверкающее платье плотно облегалo ее. Она тихо запела, увлеченная собственной радостью. Дандэн протянул к ней руку, и она ухватилась за нее, как смущенный ребенок. Гарайн тупо размышлял, сможет ли он дойти до Пещер: его рука и плечо болели как в огне. Ана подобралась поближе к нему, вглядываясь в его побелевшее лицо.

Из Подземелий донесся вой. Трэла вскрикнула, и Дандэн ответил на ее невысказанный вопрос:

— Они пустили моргелей по нашему следу!

Вой из Подземелий эхом отозвался в лесу. Значит, моргели были и впереди, и позади них! Гарайн мог убить одного, Дан-

дэн — другого, Трэла могла защитить себя жезлом, но в конце концов моргели убьют их.

— Мы потребуем защиты у Гиби с Утеса. По закону они должны помочь нам, — сказала Трэла и, приподняв платье, пустилась бежать по направлению к скалам. Гарайн поднял плащ с земли и накинул его на плечи, чтобы скрыть раны. Когда он не сможет бежать вровень с Трэлой, она не должна догадаться об истинной причине его отставания.

Впоследствии Гарайн мало что мог вспомнить об этом бегстве по лесу. В конце концов до его ослабевшего слуха донеслось бульканье воды. Он был далеко от своих говарищей, которые шли по песчаному берегу реки, а затем без колебаний прыгнули в маслянистую воду и легко поплыли к другому берегу. Гарайн сбросил плащ и подумал, что не сможет побороть поток, если войдет в него. Но Ана уже бегала кругами по берегу, приглашая Гарайна следовать за ней. Гарайн устало вошел в желтый поток.

Слегка солоноватая вода смыла кровь и пот с его ноющего тела, но нестерпимо жгла раны. Он не мог бороться с течением, и его сносило вниз. Наконец ему удалось выползти, когда течение прибило его к берегу, и он лег, задыхаясь, уткнувшись лицом в мох. Когда Трэла и Дандэн нашли его, вода капала с его испачканной одежды, а Ана гладила его мокрые волосы. Трэла вскрикнула огорченно и положила его голову к себе на колени, в то время как Дандэн осмотрел его раны.

— Почему ты не сказал нам? — потребовала Трэла.

Он не пытался отвечать, радуясь, что лежит так и ее руки поддерживают его. Дандэн исчез в лесу, но быстро вернулся, неся кучу раздавленных листьев. Он закрыл ими раны Гарайна.

— Вам лучше было бы идти, — сказал Гарайн.

Дандэн покачал головой.

— Моргели не умеют плавать. Чтобы добраться сюда, они должны бежать к мосту, а мост далеко отсюда.

К ним подбежала Ана. В ее маленькой руке была гроздь пурпурных ягод. Так они пировали, Гарайн непринужденно лежал на ложе из папоротника, принимая пищу из руки Трэлы.

В травяном пластыре Дандэна явно было что-то целебное, потому что после короткого отдыха Гарайн смог встать, всего пару раз поморщившись от боли. Они пошли уже медленнее. Дорога шла через узкие мшистые долины и солнечные прога-

лины, где цвели странные цветы, которые распространяли сильный аромат. Поток, которому они следовали, дважды разветвлялся, и одна из ветвей пошла через луг к стене кратера.

Трэла внезапно наклонила голову и издала громкий, мелодичный свист. Сверху опустилось желтое с черным насекомое величиной с ястреба. Оно дважды облетело вокруг ее головы и затем уселось на протянутую руку Трэлы.

Пухлое тело насекомого было агатово-черным, согнутые ноги — по три с каждой стороны — хромово-желтые. Круглая голова с большими фасеточными глазами заканчивалась острым клювом. Крылья, слабо трепетавшие в воздухе, были черными с золотыми крапинками.

Трэла погладила круглую голову, в то время как насекомое прижалось нежно к ее щеке. Затем оно снова поднялось в воздух и улетело.

— Нас ждут, и теперь мы можем идти спокойно.

Скоро они услышали вдалеке бормочущие звуки. Показалась стена кратера, где росли низкорослые деревья.

— Это город Гиби, — заметил Дандэн. За скалу цеплялись башни и башенки из множества восьмигранных сот.

— Они готовятся к Туманам, — сказала Трэла, — и будут сопровождать нас к Пещерам.

Они миновали деревья и подошли к восковым небоскрегам, высившимся вокруг. Над ними парила громадная туча Гиби. Гарайн чувствовал, как их крылья касаются его тела. Все они толкали друг друга ревниво, чтобы находиться около Трэлы.

Мягкий шорох их крыльев стих, когда появилась крупная Гиби выдающейся красоты. Остальные отлетели, и Трэла приветствовала Королеву Сот как равную, а затем повернулась к своим спутникам и передала им сообщение Королевы Гиби:

— Мы пришли как раз вовремя. Завтра Гиби покидают свой город. Моргели перешли через реку и вышли из-под контроля: вместо того чтобы охотиться за нами, они бросились опустошать лесные замки. Весь Тэйв предупрежден. Но они могут быть захвачены Туманом и уничтожены. Мы отдохнем в скальных пещерах, и Гиби придут за нами, когда настанет время уходить.

Гарайн проснулся от громкого шепота. Над ним наклонился Дандэн.

— Нам пора идти. Гиби запечатывают последние соты. — Они торопливо поели лепешек из зерна и меда. Снова появилась Королева. Первый рой уже вылетел на восток.

С народом Гиби, грозовой тучей нависшим над ними, они пошли через луга. Пурпурно-голубой туман загустевал там и тут странными образованиями, похожими на пыльных дьяволов пустыни, которые поднимались и плясали, а затем исчезали вновь. Тропическая жара Тэйва усилилась; это было так, как будто почва сама испарялась.

— Туманы приближаются. Нам надо торопиться, — произнес Дандэн.

Они прошли через лесок, окаймляющий луг, и вышли на центральную равнину Тэйва. Здесь царила тягостная тишина. Ана, сидевшая на плече Гарайна, вздрогнула.

Они перешли на быструю ходьбу; Гиби держались вместе. Трэла чуть не плакала.

— Они летят так медленно — из-за нас. А еще так далеко...

— Смотрите! — Дандэн указал на равнину. — Моргели!

Стая моргелей, объятая страхом, неслась вскачь. Они пробежали в сотне ярдов от людей, но не свернули со своего путч. Некоторые лишь зарычали.

— Считай, что они уже мертвы, — заметил Дандэн. — Им не успеть добраться до убежища в Подземельях.

Прошлепав через мелкий ручей, трое припустились бегом. Трэла споткнулась и сбила шаг. Гарайн сунул Ану Дандэну и, прежде чем девушка успела запротестовать, подхватил ее на руки.

Туман становился гуще, окутывая их как занавесом. Черные волосы, тоньше, чем шелк, перехлестнулись через горло Гарайна. Голова Тралы лежала на его плече, ее вздымающиеся груди изгибались дугой, когда она вдыхала душный воздух.

Они неожиданно столкнулись с толпой Народа. Кто-то бросился к Трэле с напевным криком: это Сэра приветствовала свою госпожу.

Женщины унесли Трэлу, оставив Гарайна слегка разочарованным.

— Туманы, иноземец, — сказал Ург, показывая на отверстие Пещер. Двое из Народа нажимали на рычаг. На отверстие опустилась хрустальная пластина и, шелкнув, встала на место. Пещеры были наглухо закрыты.

Туман снаружи стал теперь чернильно-черным и волнами бился о защитный барьер. Ночью он будет еще чернее.

— Так будет сорок дней. Все, что без защиты, — умрет, — сказал Ург.

— Значит, у нас есть сорок дней для подготовки, — вслух подумал Гарайн. Лицо Дандэна просветлело.

— Хорошо сказано, Гарайн. Сорок дней до прихода Кипты. У нас много дел. Но сначала надо принести дань уважения Лорду Народа.

Они прошли в Тронный Зал. Увидев Дандэна, Трар поднялся и протянул ему жезл власти с нефритовым наконечником. Сын Древних коснулся его.

— Приветствую Живущего в Свете и иноземца, который выполнил завет Трэна. Трэла снова в Пещерах. Теперь ты должен превратить этот Черный Трон в пыль...

Гарайн достал из-за пояса разрушающий жезл, но Дандэн покачал головой.

— Еще не время, Трар. Кипта должен закончить то, что он начал. Темные Существа придут сюда через сорок дней. — Трар задумался.

— Значит, дело идет к концу. Но Трэн не говорил о новой войне...

— Но он предвидел конец Кипты!

Трар выпрямился, как будто сбросил с плеч тяжесть.

— Ты правильно говоришь, Лорд. Чего нам бояться, когда здесь есть человек, который сядет на Розовый Трон? Слушай, о Народ, в Пещеры вернулся Свет!

Народ эхом откликнулся на его крик.

— А теперь, Лорд, — Трар с уважением повернулся к Дан дэну, — каковы твои приказания?

— Перед тем как немного поспать, я пойду в Комнату Обновления вместе с этим иноземцем, который более не иноземец, а Гарайн, принятый Дочерью согласно закону. Пока мы отдыхаем, пусть все приготовят...

— Живущим в Свете сказано!

Трар сам проводил их из Холла.

Они прошли по извилистым переходам к глубокому бассейну, в котором прятались странные пурпурные тени. Дандэн разделся и нырнул в него. Гарайн последовал его примеру. Вода бодряще пощипывала тело, и они побыли в ней недолго. Из

бассейна они прошли в шарообразную комнату вроде той, где Гарайн отдыхал после лечения световыми лучами. В середине комнаты лежали подушки, и они с наслаждением вытянулись на них.

Гарайн проснулся с тем же ощущением ликования, какое он чувствовал раньше. Затем они оделись и поели, и Дандэн отправился в лаборатории. Гарайн пошел было с ним, но Сэра перехватила их.

— Дочь хочет поговорить с Лордом Гарайном.

Дандэн улыбнулся.

— Иди, — приказал он. — Распоряжения Трэлы не могут быть игнорированы.

Холл Женщин был пустынен. Коридор по ту сторону, выложенный по кровле и стенам плитами хрусталя с розовыми переливами, был как вымерший. Сэра отдернула золотистый занавес, и они вошли в комнату аудиенций Дочери.

Полукруглое возвышение из прозрачнейшего хрусталя, нагруженное розовыми и золотыми подушками, было обращено к ним. Перед ним фонтан в форме цветка, качающегося на изогнутом стебле, посылал брызги воды в мелкий бассейн. Стены комнаты были разделены на альковы мраморными колоннами, каждая из которых изгибалась наподобие папоротникового листа.

Из-под куполообразного потолка подвешенные на цепях из скрученного золота семь ламп, каждая созданная из одного желтого сапфира, давали мягкий свет. Пол был устлан мозаикой из золота и хрусталя.

Две маленькие Аны, которые играли среди подушек, заборотали в ответ на приветствия Гарайна. Но здесь не было и следа хозяйки комнаты. Гарайн повернулся к Сэре, но, прежде чем он смог выразить свой вопрос, она спросила насмешливо:

— Кто такой Лорд Гарайн, что не может подождать с терпением? — Она отправилась на поиски Дочери.

Гарайн недовольно оглядел комнату. Столь роскошное помещение — не место для него. Он шагнул к двери, но тут появилась Трэла

— Приветствую Дочь! — Его голос звучал официально и холодно, даже для него самого.

Ее руки, поднятые для приветствия, упали. Лицо затуманилось.

— Приветствую тебя, Гарайн, — медленно ответила она.

— Ты послала за мной...

Он торопился поскорее уйти из этой драгоценной шкатулки и от недостижимого сокровища, которое в ней находилось.

— Да, — холодно сказала она. — Я желала узнать, беспокоят ли тебя твои раны и как ты устроился.

Он взглянул на свое гладкое тело, полностью излеченное мудростью Народа.

— Я в полном порядке и рад делать ту работу, которую мне поручит Дандэн...

Она резко отвернулась от него, так что ее платье как бы зашипело на полу.

— Ты можешь идти, — приказала она. Он слепо повиновался. Она говорила с ним как со слугой, которого можно вызвать и отослать. Даже если ее любовь принадлежит Дандэну, она могла бы предложить Гарайну хотя бы дружбу. Но в глубине души он знал, что дружба была жалкой крохой того пиршества, к которому стремилось его сердце.

Позади послышались шаги. Значит, она велела позвать его обратно! Его гордость возмутилась. Но это была Сэра. Ее голова выступала вперед до тех пор, пока она поистине не стала напоминать пресмыкающееся.

— Дурак! Моргель! — зашипела она. — Даже Темные не третируют ее так! Убирайся вон из Холла Женщин, пока тебя не разорвали в куски!

Гарайн постарался не обращать внимания на ее брань и упреки. Он попросил одного из Народа проводить его к лаборатории.

Пройдя глубоко под поверхностью Тэйва, где светоносные пылинки разгоняли даже тень мрака, они вошли в место непрекращающейся деятельности. Здесь стояли столы с горами инструментов, стеклянных колец, металлических трубок и других материалов. Это была фокусирующая точка для непрерывных потоков Народа. В дальнем конце Гарайн увидел высокого Сына Древних, работающего над каркасом из металла и блестящего хрусталя.

Дандэн благодарно взглянул на подошедшего Гарайна и быстро проинструктировал его, вскоре Гарайн стал лучшим помощником Дандэна. Они лихорадочно работали над устройством защиты, чтобы успеть закончить его до конца сезона

Туманов. Они проводили в лабораториях дни и ночи. Дважды они входили в Комнату Обновления, но, кроме этих необходимых экскурсий, они не выходили из лабораторий. От Трэлы не было никаких известий, и никто о ней не говорил.

Жители Пещер полагались на два способа защиты: ядовитая зеленая жидкость, которую наливали в хрупкие стеклянные шары и бросали на врага, и энергетический экран. Незадолго до рассеивания Туманов это оружие было перенесено ко входу и установлено там. Дандэн и Гарайн в последний раз проверили его.

— Кипта сделал ошибку, недооценив своих врагов, — рассуждал Дандэн, ласково дотрагиваясь до края экрана. — Когда я был взят в плен в день гибели моего народа, меня доставили в лаборатории Темных, чтобы их ученые могли изучить секреты Древних. Но я оказался более способным к роли ученика, чем к роли учителя, и открыл защиту для Черного Огня. Впоследствии я узнал, что Кипту раздражала моя мнимая глупость, и он попытался воспользоваться мной, чтобы вынудить Трэлу подчиниться ему. За это — как и за многое другое — он заплатит. Давай подумаем об этом...

Он повернулся, чтобы приветствовать Трара, Урга и других вождей Народа, которые подошли незаметно.

Между ними стояла Трэла. Ее взгляд был устремлен на прозрачную стену, отделявшую их от редящего Тумана. На Гарайна она обратила внимания не больше, чем на Ану, играющую с ее шлейфом, или женщин, шептавшихся позади нее. Однако Гарайн отступил в тень — и видел не орудия войны, а облако черных волос и прекрасные белые руки под роскошной вуалью.

Ург и еще один вождь налегли на дверной рычаг. С протестующим скрипом стеклянная стена ушла в скалу. Зелень Тэйва звала их прогуляться по ее свежести; жизнь возрождалась. Но на всем пространстве луга и леса царила странная тишина.

— Поставить часовых, — приказал Дандэн. — Темные скоро появятся.

Он подозвал Гарайна и сказал Трэле:

— Пойдем в Тронный Зал.

Но Дочь не ответила на его улыбку.

— Сейчас не время заниматься пустяками. Лучше воззвать к помощи тех, кто ушел до нас.

Сказав так, она бросила на Гарайна ледяной взгляд и пошла обратно. Сэра несла за ней шлейф.

Дандэн взглянул на Гарайна.

— Что произошло между вами?

Гарайн тряхнул головой.

— Не знаю. Мужчине никогда не понять женщину.

— Но она злится на тебя, и ты должен знать почему.

На мгновение Гарайном овладело искушение сказать правду: что он не осмелился сломать барьер, который воздвигла она между ними, объяснить Дандэну, что дело не только в его гордости. Но он молча покачал головой. Никто из них больше не видел Трэлы, до тех пор как в Пещеры вошла Смерть.

БИТВА В ПЕЩЕРАХ

Гарайн и Дандэн смотрели на равнину Тэйва. На некотором расстоянии от них стояли две тонкие башни со стальными верхушками. В действительности это были полые трубы, содержащие Черный Огонь. Перед ними хлопотали фигуры в черной одежде.

— Видимо, они считают, что мы уже разбиты. Позволим им думать так, — комментировал Дандэн, дотрагиваясь до экрана, который они установили перед входом в Пещеры.

Пока он говорил, Кипта важно прошел по высокой траве и крикнул:

— Эй, скальный житель, я хочу поговорить с тобой... — Дандэн обогнул экран. Гарайн шел на шаг позади.

— Я слушаю тебя, Кипта.

— Хорошо. Я надеюсь, что твои уши служат тебе так же хорошо, как и глаза. Вот мои условия: Трэла будет жить в моих комнатах, а иноземец будет развлекать моих капитанов. Открой Пещеры без сопротивления, чтобы я мог по праву занять место в Тронном Зале. Сделай это, и между нами будет мир...

Дандэн неподвижно стоял перед экраном.

— Вот наш ответ: вернись в Подземелья; сломай мост между твоей страной и нашей. Пусть Темные Существа никогда не появляются здесь, всегда...

Кипта расхохотался.

— Значит, таково ваше решение! Тогда мы сделаем так: Трэла будет моей на время, а потом я отдам ее своим капитанам...

Гарайн прыгнул вперед и ударил Кипту кулаком по губам; его пальцы схватили Кипту за горло, в то время как Дандэн, пытавшийся оттащить Гарайна от его жертвы, вдруг закричал:

— Берегись!

Из травы выскочил моргель. Его зубы сомкнулись на запястье Гарайна и вынудили его отпустить Кипту. Тогда Дандэн свалил моргеля тяжелым ударом своего пояса.

Кипта ползком добрался до своих людей. Нижняя часть его лица была залита кровью. Он с дикой яростью выкрикнул приказ.

Дандэн потащил Гарайна за экран.

— Будь осторожнее! — говорил он, задыхаясь от ярости. — С Киптой надо справляться не голыми руками, а другими средствами.

Башни качнули своими верхушками по направлению к входу. Дандэн приказал плотно заклинить экран, Моргель, сбитый Дандэном, пошатываясь, поднялся на ноги. Когда он наполовину прохромал расстояние, отделявшее его от хозяина, Кипта приказал открыть огонь. Широкий луч черного света вылетел из верхушки ближайшей башни и ударил зверя в голову. Раздался визг агонии — и Моргель обратился в серый пепел, тут же унесенный ветром.

Черный луч ударил в экран и был отражен с глухим треском. Трава под ним сгорела, осталась лишь голая опаленная земля. Те, кто стоял в Пещере за своей хрупкой защитой, почти ослепли от блеска вспыхнувшей травы и закашлялись от едкого дыма, клубами выходявшего из трещин скалы.

Затем луч угас. Тонкий дымок вышел из верхушек башен, от почерневшей земли пошел пар. Дандэн облегченно вздохнул.

— Выдержало! — воскликнул он, отбросив наконец державший его страх.

Люди Народа тащили к экрану трубчатые машины, в то время как другие несли сосуды-шары с зеленой жидкостью. Дандэн стоял в стороне, как будто эта работа была исключительно делом Народа, и Гарайн вспомнил, что Древним Существом было запрещено отнимать жизнь.

Здесь командовал Трар. По его приказу шары были помещены в ложкообразные патроны. Бойницы экрана щелкнули и открылись. Трар дал сигнал. Шары медленно поднялись, проскользнули в бойницы и поплыли к башням.

Один, нацеленный поближе, ударился о выжженную землю и лопнул. Жидкость медленно вытекла наружу и обратилась на воздухе в серо-зеленый газ. Другая струя газа поднялась уже от подножия одной из башен — и затем другой...

Мгновенно последовали мучительные вопли, которые вскоре ослабли до нытья. Они могли видеть очертания людей или животных, некоторое время качавшихся в тумане.

Дандэн отвернулся, его лицо побелело от ужаса. Гарайн зажал уши руками, чтобы не слышать этих криков.

Наконец все затихло: никакого движения у башен не было. Ург заложил в ближайшую машину светящийся розовый шар и выпустил его во вражеский лагерь. Шар втянул в себя остатки газа, очистив воздух. Тут и там лежали сморщенные, мертвенно-бледные существа. Башни нависали над ними.

Одна из прислуживающих Трэле женщин ворвалась в их круг.

— Скорее! — Она вцепилась в Гарайна. — Кипта схватил Трэлу!

Она помчалась обратно, американец за ней. Они вбежали в Тронный Зал и увидели борющуюся группу перед возвышением.

Гарайн услышал звериное рычание и не сразу понял, что оно исходит из его собственной глотки. Через секунду его кулак прилип к отметинам на лице Кипты. С воплем ярости Темное Существо выпустило Трэлу и бросилось на Гарайна, вцепившись когтями ему в лицо. Дважды Гарайн ухитрился вырваться и нанести хорошие удары по ребрам врага. Наконец ему удалось сделать захват, которого он жаждал, и его пальцы сомкнулись на горле Кипты. Несмотря на сопротивление Темного Существа, он держал его до тех пор, пока обмякшее тело не перестало двигаться.

Задыхаясь, Гарайн поднялся с залитого кровью поля и ухватился за Нефритовый Трон для опоры.

— Гарайн! — Руки Трэлы обхватили его, жалеющие пальцы касались его ран. В эту минуту он забыл Дандэна, забыл все, что старался помнить. Она была в его объятиях, его рот искал ее губы. Она не отвечала, но уступала, как цветок уступает ветру.

— Гарайн! — прошептала она нежно. Затем, уже застенчиво, бросилась прочь.

За ней стоял Дандэн с белым лицом и плотно сжатыми губами. Гарайн опомнился и, опустив глаза, старался не смотреть на любимую.

— Так, иноземец, Трэла бросается в твои объятия...

Гарайн быстро обернулся. Кипта сгорбился на широком сиденье агатового трона.

— Нет, я не умер, иноземец, и не тебе убить меня, как ты думаешь сделать. Сейчас я уйду, но вернусь. Мы уже встречались и ненавидели, сражались и умирали раньше — ты и я. Ты был тогда неким Гараном, Маршалом Воздушных Сил Ю-Лака на исчезнувшем мире, а я был Лордом Кума... Это было в дни до того, как Древние Существа проложили путь в космос. Ты, я и Трэла — мы были связаны вместе, и даже рок не может разбить эти оковы. Прощай, Гарайн. А ты, Трэла, вспомни конец того Гарайна. Он был не из легких.

С последним злобным хихиканьем он откинулся назад на троне. Его избитое тело резко упало. Затем четкие линии трона стали расплываться и мерцать, а затем трон и сидящий на нем исчезли. Они смотрели на пустое место, над которым возвышался Розовый Трон Древних Существ.

— Он сказал правду, — пробормотала Трэла. — Мы имели другие жизни, другие встречи — и так будет впредь. Но сейчас он возвращается в темноту, которая его породила. Все кончено.

Глухой шум неожиданно наполнил Пещеры; стены закачались. Ящеры и люди столпились вместе, пока колебание не прекратилось. Наконец появился вестник с сообщением от Гиби, что Подземелья Мрака завалены землетрясением. Угрозе Темных Существ определенно пришел конец.

Поскольку в Пещерах были обвалы и некоторые проходы оказались закрытыми, небольшое число людей Народа пострадало. Разведчики Гиби донесли, что местность около входа в Подземелья осела и Золотая Река вышла из берегов и разлилась озером.

Насколько они могли узнать, никто из Темных Существ не пережил битвы и обвала Подземелий. Но не было уверенности, что горстка поставленных вне закона все же не могла остаться где-нибудь в Тэйве.

Сам кратер изменился. На центральной равнине появилась цепь холмов, деревья в лесу попадали, как подрубленные гигантским топором, и лужа кипящей грязи исчезла.

Вернувшись в свой город, Гиби нашли большую часть своих восковых небоскребов разрушенными, но они принялись строить все заново без жалоб. Белки-фермеры появились из своих нор и снова принялись работать на полях.

Гарайн чувствовал себя лишним во всей деятельности, охватившей Пещеры. Больше чем когда-либо он был здесь иноземцем, а не жителем Тэйва. Неугомонно он исследовал Пещеры, проводил долгие часы в Месте Предков, изучая людей внешнего мира, бывших его предшественниками в этой странной земле.

Однажды ночью, когда он вернулся в свою комнату, он нашел там Дандэна и Трара, ожидавших его. В позе Дандэна была какая-то удивительная суровость, а в манерах Трара — трезвая рассудительность.

— Был ли ты в Холле Женщин после битвы? — резко спросил Сын Древних.

— Нет, — коротко ответил Гарайн, удивляясь, что Дандэн обвиняет его в двойственном поведении.

— Отправлял ли ты послание Трэле?

Гарайн сдержал поднимающееся раздражение.

— Я не отважился на то, чего не могу. — Дандэн кивнул Трару, как будто его подозрения подтвердились. — Теперь ты сам видишь, Трар, как обстоит дело. Трар медленно покачал головой.

— Но такого проступка никогда не было...

— Ты забыл, — резко напомнил ему Дандэн. — Это было однажды — и наказание было взыскано. Так будет и теперь.

Гарайн растерянно переводил взгляд с одного на другого. Дандэном, казалось, владел безжалостный гнев, а Трар выглядел несчастным.

— Это должно произойти после Совета, так желает Дочь, — сказал Лорд Народа.

Дандэн шагнул к двери.

— Трэла не будет знать. Совет состоится сегодня вечером. А пока посмотри, чтобы он, — Дандэн указал большим пальцем на Гарайна, — не оставил этой комнаты.

Гарайн оказался пленником под охраной одного из Народа, не способный понять, в чем Дандэн обвиняет его и чем он возбудил ненависть правителя Пещер. Наверное, выиграла ревность, и Дандэн решил окончательно избавиться от соперника.

Решив так, американец охотно пошел в комнату, где ждали судьбы. Дандэн сидел во главе длинного стола, по правую руку его — Трар, а остальные вожди Народа — поодаль.

— Вы знаете обвинение, — со злобой сказал Дандэн, когда Гарайн вошел и остановился перед ним. — Этот иноземец соб-

ственным языком обвинил себя. Поэтому я прошу, чтобы вы вынесли ему такой же приговор, как и иноземцу второго призыва, который восстал против требования.

— Иноземец признал свою вину? — спросил один из Народа. Трар печально наклонил голову.

— Да.

Гарайн открыл рот, чтобы спросить, в чем его обвиняют, но Дандэн сказал:

— Что вы скажете, Лорды?

Они долго молчали, а затем дернули головами в знак согласия.

— Поступай как хочешь, Живущий в Свете. — Дандэн невелико улыбнулся.

— Смотри, иноземец. — Он провел рукой над стеклом показывающего зеркала, вделанного в верхнюю часть стола. — Такова судьба бунтовщика...

В гладкой поверхности зеркала Гарайн увидел изображение пролома в стене Тэйва. У ее подножия стояла группа мужчин Древних, и в их кругу боролся пленник. Они заставили его влезть на стену кратера. Гарайн видел, как он добрался до края и медленно двинулся по нему, шатаясь от испарений, стараясь увернуться от пара горячих источников, пока не скатился вниз, в кипящую грязь.

— Так он кончил, таков будет и твой конец... — Спокойная жестокость этого приговора подняла в Гарайне волну гнева.

— Лучше умереть, чем задерживаться в вашей норе, — с ненавистью крикнул он. — Я спас тебе жизнь, а ты посылаешь меня на такую смерть, даже не сказав, в чем меня обвинили. Ты немногим отличаешься от Кипты — за исключением того, что он был открытым врагом!

Дандэн вскочил, но Трар удержал его за руку.

— Он говорит справедливо. Спроси его, почему он не выполнил требование.

Пока Дандэн колебался, Гарайн наклонился через стол, швыряя слова, подобно оружию, прямо в холодное его лицо.

— Я признаюсь, что люблю Трэлу — люблю ее с той минуты, как увидел на ступеньках шахты моргелей в Подземельях. С каких пор любовь к тому, кто не может принадлежать тебе, является преступлением — если ты не пытаешься отнять его?

Трар выпустил руку Дандэна, его золотистые глаза блеснули.

— Если ты любишь Трэлу — требуй ее. Это твое право.

— Разве я не знаю, — Гарайн повернулся к нему, — что она принадлежит Дандэну? Когда Трэн высказал свою волю насчет нее, он не знал, что Дандэн выживет. Неужели я унижусь до того, что стану принуждать ее к нежелательной для нее сделке? Позвольте ей идти к тому, кого она любит...

Дандэн мертвенно побледнел, его руки, все еще лежавшие на столе, задрожали. Лорды Народа один за другим выскользнули из комнаты, оставив их вдвоем.

— А я думал приговорить тебя к смерти, — прошептал Дандэн хрипло, как будто слова выходили между сухих губ. — Гарайн, мы думали, что ты знаешь — и все-таки отказываешься от нее.

— Что я знаю?

— Что я — сын Трэна и брат Трэлы.

Пол закачался под ослабевшими ногами Гарайна.

— Какой же я дурак, — медленно произнес американец.

Дандэн улыбнулся.

— И какой благородный дурак! А теперь иди к Трэле, которая заслуживает того, чтобы услышать обо всей этой путанице.

Гарайн, на этот раз с Дандэном, прошел второй раз по коридору, чтобы откинуть золотистые занавеси и предстать перед Дочерью. То, что она прочла в лице Гарайна, заставило ее вскочить с подушек и броситься в его объятия. В словах они не нуждались.

С этого часа началась жизнь Гарайна в Тэйве.

ЛОРД Ю-ЛАКА

Часто я (бывший Гарайн Фитерстон из мира по ту сторону Туманного Барьера, а ныне Гаран Пламени; муж Лучезарной Леди, Трэлы, Дочери Древних Существ) слышал полузабытые легенды об этой царственной расе, которая прилетела с умирающей планеты через пустоту пространства, чтобы приземлиться на антарктическом побережье нашего молодого мира и выжечь здесь гигантский кратер Тэйв для будущего своего жилья.

Время от времени, как мне рассказывали, они возобновляли энергию их рода, приглашая определенных людей из мира по ту сторону барьеров, которые они воздвигли. Я был одним из таких приглашенных. Но я пришел поздно и в смутное время.

Ибо зло пришло в кратер, и конфликт расколол порознь жителей кратера. Теперь из-за этого разгрома, который мы нанесли с помощью поруганной природы Кипте, Лорду Черного Пламени и его приверженцам, из Древней Расы осталось только двое: моя жена и ее брат.

В момент своего низвержения Кипта сделал несколько непонятных обещаний насчет нашего неопределенного будущего, а также несколько насмешливых упоминаний о далеком прошлом, которые меня заинтересовали. Ибо он сказал, что мы трое — Трэла, Кипта и я — были связаны вместе. Мы жили и сражались в далеком прошлом и снова будем жить и сражаться в далеком будущем.

Трэла рассказала мне историю Гарана, который лежит в Пещере Спящих. Но задолго до него — очень задолго — были и другие.

Поэтому, когда я спросил Дочь о словах Кипты, она привела меня в одну из странных шарообразных комнат, где были зеркала видения, вделанные в столы. Она села на скамью, покрытую подушками, потянув меня вниз рядом с собой.

— Мы пришли издалека во времени и пространстве, любимый, — мягко сказала она, — но все же не настолько издалека, чтобы я не могла вспомнить начало. А ты помнишь?

— Нет, — ответил я, глядя на зеркала. Она вздохнула.

— Может быть, это справедливо: то была моя вина — мне и нести груз памяти. То, что мы сделали, мы двое, в великом городе Ю-Лаке на исчезнувшем мире Кранда, легло между нами надолго — очень надолго. Теперь наконец это ушло, но я боюсь вызвать это снова.

Я резко встал.

— Тогда оставим.

— Нет! — она схватила мою руку. — Мы дорого заплатили, три раза мы платили за это. Один раз в Ю-Лаке и дважды в Пещерах. Наше несчастье ушло, и мне хочется снова увидеть самое замечательное событие, которому я когда-либо была свидетельницей. Смотри же, мой Лорд!

Она подняла свои тонкие руки над зеркалом. Оно затуманилось.

Я стоял на причудливо изогнутом балконе из опалесцирующего камня, покрытого замысловатой резьбой, и смотрел вниз, еще не вполне проснувшись, на фантастический город. В ро-

зовом небе, странном для моих полужемных глаз, но все-таки близком, появились первые золотистые полосы близкого расцвета. Ю-Лак Могущественный лежал подо мной, а я был Лордом Гараном, Маршалом Императорских Воздушных Сил, пэром Империи.

По рождению я не имел права ни на этот титул, ни на должность, так как моя мать была придворной дамой, а отец — офицером. Они нарушили закон, запрещающий брак между различными кланами и кастами, и поженились тайно и так обрекли меня с самого рождения быть одним из государственных воспитанников и низайшим из низших.

К счастью для меня и таких же неудачников, подобных мне, Император Форс, когда он взошел на Розовый Трон во Дворце Света, издал декрет, позволяющий государственным воспитанникам служить в армии. Я сделал свой выбор в пятнадцать лет и подчинил себя военному мечу.

Жизнь была тяжелая, но это избавляло от худшей участи и, имея некоторое честолюбие и одаренность, несомненно унаследованные от моего отца, я шаг за шагом поднимался вверх. Через четырнадцать лет я стал Маршалом Императорских Воздушных Сил и военным лордом, произведенным собственной рукой Императора.

Но солдат, стоявший на балконе и глядевший вниз на удивительную красоту утреннего Ю-Лака, не был ни счастлив, ни доволен. Все его с трудом завоеванные почести значили для него не более чем многочисленные шрамы на его теле. Ибо он осмелился (хотя ни один человек не знал этого) поднять глаза и отдать сердце одной, столь же далеко стоящей над ним, как красное солнце Кранда находилось далеко над желтыми полями.

Я, ветеран бесчисленных пограничных стычек и рейдов, был подавлен и томился, как мальчишка и самый неоперившийся рекрут, беспокойно дремлющий в казармах под моей башней. Хотя в течение дня я решительно изгонял свое нечестивое стремление, ночью и на рассвете моя память и сны выходили из-под контроля, как ни страдал и ни старался я держать их в узде.

Подобно жрецам, кающимся в великом храме Оуна, я терзал себя воспоминаниями, которые причиняли куда более невыносимое страдание, чем любая телесная рана. Среди моих товарищей я слыл закаленным воином, с холодным сердцем и не интересующимся ничем, кроме неотложных дел моего ведомства.

Три года — Великий Оун, неужели это было так давно? Тогда я командовал флагманским кораблем Императора, трижды счастливым судном, которое было выбрано перевезти Леди Трэлу из ее храмовой школы в Торане в хрустальный дворец ее отца, венчавший центральный холм Ю-Лака.

Имперская Принцесса была окружена бесчисленными придворными ее свиты, но одной благословенной ночью она ускользнула от них всех и вошла в контрольную кабину, где я — несомненно по указанию Свыше — остался дежурить в одиночестве. Когда прошел наш украденный час, она была для меня не Имперское Высочество, а Трэла.

С тех пор я видел ее дважды. Один раз в тот день, когда я преклонил колено перед Императором, получая от него жезл моего звания, и осмелился поднять глаза на золотой трон по его правую руку. А второй? Это было в императорских садах удовольствий, где я ожидал аудиенции. Она прошла мимо с ее дамами. Кто я такой, с выжженным на плече военным клеймом, чтобы смотреть на Несравненную Особу?

Касты на Кранде были строго разграничены. Человек мог высоко подняться в какой-нибудь одной, но не мог перейти в другую. Крестьянин мог стать лордом страны и дворянином, но никогда ни он, ни его сыновья не могли служить при дворе и во флоте.

Так же военнотружущий, даже если он рожден с титулом, не имел права жениться на дочери Ученых. Они были нашими правителями и великими дворянами, находящимися бесконечно выше обычных людей по объему своих знаний. Они обладали огромной способностью так же использовать и подчинять своей воле людей и природные силы, как я властвовал над безмозглыми рабами на полях, этой субчеловеческой расой, которую Ученые создали в лабораториях. Они были особой расой, благословенной — или проклятой — со сверхчеловеческими силами.

Однако Трэла была моей возлюбленной, и все декреты Императора и цепи древних обычаев не могли ни уничтожить этого факта, ни стереть образ Трэлы из моего сердца. Я думаю, что так и закончил бы свою жизнь, довольствуясь лишь поклонением ей в моих снах, но Судьба совершенно иначе решила будущее всех ничтожных человеческих созданий, которые ползали по шару, каким был Кранд.

В это утро я недолго предавался жалости к себе и беспомощным желаниям. Крошечный колокольчик зазвенел в комнате позади меня, давая знать, что кто-то желает войти в мою спальню. Я подошел к диску на стене и провел по нему рукой. На его полированной поверхности появилось изображение моего адъютанта, молодого пройдохи, Анатана из Хола.

— Войди, — сказал я в отверстие трубки, помещавшейся рядом с диском, таким образом своим голосом открывая дверь.

— Привет, бездельник, в какую стычку ты опять впутался? — спросил я, привыкший принимать с раннего утра кающегося, но виновного молодого офицера, являвшегося ко мне, чтобы я вытащил его из какого-нибудь затруднительного положения, в которое он попадал из-за беспечности и юношеской храбрости.

— Как ни странно, — ответил он весело, — ни в одну. Хвала Оуну. Но внизу ждет посыльный из дворца.

Несмотря на все мое самообладание, пульс у меня ускорился.

Я снова повернулся к вызывающему диску и приказал писарю во внутренней канцелярии заверить посыльного, что я приму его, как только должным образом оденусь.

Анатан сам разложил мой мундир и снаряжение, пока я плескался в ванной. Одновременно он болтал о сплетнях и слухах в казармах и при дворце.

— Лорд Кипта приехал нанести нам визит, — сказал он. Я уронил тунику, которую уже взял в руки.

— Кипта из Кума? — спросил я резко, надеясь, что мое смятение не будет замечено.

— Какой же еще? Существует один только Кипта, о котором я знаю. — Его внезапно округлившиеся невинные глаза обманули меня.

Анатан, несмотря на все его легкомысленные разговоры и манеры, всегда был верен мне, и я не боялся, что он изменит мне теперь. Ни к кому я не чувствовал такой ненависти, как к Кипте из Кума, который имел силу раздавить меня как насекомое и который сумел бы быстро использовать эту силу, узнай он когда-нибудь о моих истинных чувствах к нему.

В каждой груде фруктов всегда найдется один плод, который мягче и более склонен к гниению, чем другие, — и если этот самый плод не убрать, он со временем испортит и остальные. По моему мнению, хозяин Кума как раз и был таким гнилым плодом среди Ученых.

Он не общался более с членами своей касты, а жил замкнуто в высокой мрачной каменной цитадели своего темного, продуваемого ветрами города, проводя здесь тайные эксперименты в своих лабораториях, находящихся далеко под поверхностью Кранда. В чем именно заключались эти эксперименты, никто из Ученых не мог сказать, но я имел свои подозрения и они были не из приятных. У всех знаний существует как темная, так и светлая сторона, и, если слухи были справедливыми, Кипта поворачивался к мраку гораздо чаще, чем к свету. Я слышал рассказы и даже записал один или два, но без доказательств что я мог сделать? Лорд Кипта был Ученым по рождению, а я был государственным воспитанником, который из-за благосклонности Императора добился некоторой известности и положения. Если я хочу сохранить и то, и другое или даже свою жизнь, мне лучше бы было забыть смутные истории.

Кипта был весьма популярен у определенной категории офицеров моего корпуса. Время от времени он щедро принимал гостей, и его кошелек был всегда открыт для тех, кто временно испытывал финансовые затруднения. Но мой подозрительный ум рассматривал это как желание Кипты сделать как можно больше военных обязанностями ему. Я всегда очень вежливо благодарил его за многочисленные приглашения, но ссылаясь на неотложные дела. Глядя на меня, Анатан и лучшие из его товарищей поступали так же.

Однако случалось нечасто, чтобы Хозяин Кума покидал высокую главную башню. Он предпочитал приглашать компанию к себе, а не искать ее вне своей крепости. Но в прошлом месяце был сбор Ученых Ю-Лака, и он, несомненно, был вызван Императором присоединиться к ним.

Если он приехал занять свое место среди пэров, то его не ожидали так рано, я об этом знал. Как Командующий Аэропортом Ю-Лака, я не получил предупреждения о его приезде, чтобы я мог приготовить стоянку для его личного корабля среди прогулочных и походных судов семьи Императора. Его внезапное, необъявленное прибытие означало неприятность для любого человека, подумал я с беспокойством.

Я застегнул пряжку на украшенных драгоценными камнями чешуйчатых доспехах, служивших больше для церемониала, чем для защиты, и защелкнул замок перевязи для меча. Взяв из рук Анатана серебристый военный плащ, я оставил апартаменты.

Лестница, которая вела из личной резиденции к служебным кабинетам, вилась изящной крутой спиралью вокруг центрального стержня конусоподобной башни. Ее стены были цветасто украшены фресками со стилизованными сценами войны и охоты — занятий, всегда соединяющихся воедино в умах моей расы. Но тут и там в гладкую отделку окрашенной поверхности были глубоко вделаны обзорные зеркала, так что идущий мог бы в мгновение войти в контакт с любой частью громадной военной базы, сердцем которой была коническая башня.

Мне интересно было проверить подготовленность моих младших офицеров, пока я шел. Я мельком увидел один из почти устаревших верховых отрядов, возвращавшийся с ранних утренних маневров. Люди ехали верхом непринужденно, их маленькие, покрытые чешуей животные, жаждущие приюта конюшен, волочили тяжелые бронированные хвосты по пыли учебного плаца. Таких отрядов осталось только два, и у них были необременительные обязанности: быть стражами Императора, когда он путешествовал по стране.

Торговля в лице разделенных границей купцов первой продемонстрировала выгоды пересечения наших переполненных островами морей и горных стран быстрым безопасным воздушным транспортом. Военные вскоре последовали их примеру. Пехота и отряды всадников были поспешно расформированы; высокомерные и всемогущие Воздушные Силы расширили и укрепили свое положение за одно десятилетие. Военно-морской флот исчез из пришедших в упадок гаваней Кранда, исключая горстку судов, гниющих, хотя они качались на якорях, что могли удостоиться титула, который гордо носили когда-то полмиллиона военных кораблей.

Довольное выгодами и превосходством, которое оно похитило у сил защиты, Воздушное Министерство пыталось, как я сначала подозревал и мог теперь доказать, установить непоколебимую монополию. Какую дикую цель они поставили перед собой, знал только Оун, и все же вопреки всем предупреждениям правители Кранда отказывались вмешиваться.

Я нет-нет да трогал пальцами рукоятку своего меча, пока шел. Люди давно уже не пользовались металлом, чтобы разрешать свои страсти и ненависть; оружие, которое я носил, было лишь приятной игрушкой, символом моего ранга. На войне использовались более искусные вооружения: жидкости, кото-

рые сжигали и замораживали, смерть, которая скручивала сам воздух вокруг жертвы. А ужасы, и во сне не снявшиеся большинству рода человеческого, разрабатываемые в различных лабораториях. Выскочившая вспышка — какой человек может предвидеть результат? И этот сбор Ученых в Ю-Лаке. Ни одно дикое племя на границе не было охвачено мятежом, пять великих наций много лет жили в мире. Однако я волновался, и моя рука невольно касалась рукоятки меча для большей уверенности, хотя говорят, что нет лекарства против страха.

Посыльный из дворца, изящный молодой человек, прикрепленный к охране Императора, нетерпеливо ожидал моего появления.

— Трон желает присутствия достопочтимого Лорда Гарана, — официально изложил он. — Он будет иметь честь присутствовать в Зале Девяти Принцев в третьем часу.

— Слышать — значит повиноваться как этому, так и всему другому, — пробормотал я стандартный ответ, требуемый от получателя императорского послания.

Он преклонил колено и коснулся пола передо мной в знак приветствия.

В третьем часу? Тогда у меня еще есть время съесть завтрак, прежде чем я должен буду пойти. Взяв Анатана под локоть, я пришел в столовую, которая располагалась внутри башни. Мы заняли два сиденья у полированного стола, который тесно прижимался к стене. Анатан дважды нажал крошечную кнопку на конце стола. Стенная панель, обращенная к нам, опустилась назад, и выскользнули чашки с едой. Пища была приятного вкуса и чрезвычайно питательная, но так приготовлена с искусственными окрасками и привкусами, что ни один не мог сказать, каково естественное происхождение того или иного блюда. Этот обычай, введенный жителями сверхцивилизованного города, мне никогда не нравился, и я тосковал по грубой, но для меня более сочной пище, какую подавали в пограничных лагерях или в маленьких деревенских гостиницах. Горожане, пресыщенные всем, что могла предложить им утонченная жизнь, разучились радоваться жизни. На их наполненные ароматом «дворцы удовольствий» крепкий деревенский люд смотрел с праведным ужасом. И если те многочисленные рассказы, которые мы слышали, были обоснованны, тайная полиция могла действительно найти многое, что ее заинтересовало бы в одном из этих прекрасных, почти сказочных замков.

Как бы читая мои мысли, Анатан прервал молчание.

— В квартале Сотан появился новый «дворец».

— Итак, — снисходительно заметил я, — ты наткнулся на него прошлой ночью?

Он покачал головой с притворной печалью.

— Он не для таких, как я. Я шел мимо и видел, как туда вошел Кандон из Стала, а у двери стояли охранники Лорда Пэлкуна.

— Видимо, крупная игра?

Я удивился, когда он назвал имена двух самых богатых и влиятельных людей из низшего ранга Ученых, которые содержали резиденции в Ю-Лаке.

— Это и кое-что еще. — Он усмехнулся в знакомой манере, от которой его мальчишеское лицо стало злым. — Если Лорд Гаран захочет нанести визит туда, не понадобится ли ему компаньон?

— Когда это, шенок, я бессмысленно тратил время за занавесями «дворцов удовольствий»? Но я обещаю тебе, — добавил я легкомысленным тоном, не будучи способным прочитать будущее, — когда я войду во дворец в Сотане, то ты будешь рядом со мной

— Договорились! Вы обещали, мой Лорд, — нетерпеливо выкрикнул он. Таким образом мы прекратили разговор, потому что я сел в одномоторный флайер, который должен был перенести меня через город к посадочной площадке за хрустальными стенами дворца Императора.

ХОЗЯИН КУМА

Было раннее утро, воздушные линии над большей частью города не были переполнены прогулочными и деловыми судами, которые парили бы, ныряли вниз или мчались наперерез в более позднее время. Кроме одного или двух патрульных, мимо которых я пролетел, никто не пересек мне путь, до тех пор пока я точно не развернул свой корабль, прежде чем приземлиться на площадке рядом со средним, наклонным шпилем крепости.

Легкий, черный двухместный флайер, чьи плавные линии указывали на скорость и надежность в управлении, грубо вклинился перед носом моего корабля, пошел вниз и приземлился плоским брюхом как раз на то место, которое я наметил для се-

бя. С темпераментной речью, приготовленной для опрометчивого юнца, который так своевольно узурпировал облюбованное мной место, я посадил свой крошечный флайер рядом с блестящим черным скоростным судном. Но это был не отпрыск какого-нибудь придворного, с кем я встретился лицом к лицу, когда вышел из машины. С пренебрежительной улыбкой, содержащей, по-моему, более чем подозрительную насмешку, скривившей его тонкие губы, высокий Хозяин Кума задержался у начала направленного книзу откоса. На его надменно поднятой голове не было ни церемониальной короны, ни шлема, и утренний ветер трепал его кудрявые черные волосы и рвал тяжелые фалды длинного оранжевого плаща.

Рядом с ним стоял его пилот, хмурый малый, Джеплен из Тока, который имел дурную репутацию среди боевых людей в течение многих лет. Он, по крайней мере, не претендовал на мою дружбу, а хмурился так воинственно, что его брови сошлись вместе как колючий кустарник.

— Наш достопочтенный Лорд Гаран, — промурлыкал Кипта. — Можем ли мы отважиться поздравить победителя Тэрна с подвигом? Джеплен проявил жестокий приступ зависти, когда вести о твоём успехе достигли нашего жалкого захоlustья. Я даже удивился его полному выздоровлению. Оно полное или нет, Джеплен? — он изводил насмешками своего угрюмого офицера.

— О да, — проворчал тот, все время стараясь очень ясно прочесть по лицу Кипты его истинное мнение обо мне и моих действиях.

Мое военное обучение не могло мне помочь в словесных и мысленных изгибах дворцовой речи, где могут хвалить человека фактически в лицо, в то же время сильно презирая его. Так как моя речь была всегда такой прямой, как мысли, я не любил разыгрывать придворного более, чем это было необходимо.

— Вы оказываете мне чересчур большую честь, милорд, — ответил я со всей учтивостью, какую мог собрать. — Слово похвалы от Хозяина Кума не отпускается необдуманно.

Его опущенные веки слегка приподнялись, улыбка стала более ярко выраженной.

— Дни, проведенные при дворе, отполировали солдата, чтобы создать из него настоящего придворного, — заметил он уже с прямой и нескрываемой насмешкой.

Человек моей касты и ранга не досчитался бы зубов за меньшее. Положение Кипты защищало его от моего негодования, и он отлично это знал, и все же никогда прежде его враждебность не была такой открытой. Неудивительно — в моих венах кровь ускорила свой бег, — если он открыл какой-нибудь след моей деятельности и пытливого недоверия к нему. Его маска чувства товарищества слетела, и я увидел подлинное лицо человека, который пользовался этой маской для своих целей.

Хотя мои мышцы и напряглись, я обуздал возрастающий гнев. Но когда-нибудь, если Оун позволит, я встречу лицом к лицу с этим насмехающимся дьяволом как мужчина с женщиной.

— Я благодарю Хозяина Кума. — Мой ответ был таким холодным, каким я смог его сделать, но тем не менее формально вежливым.

Он плотнее запахнул плащ вокруг своих широких плеч и резко повернулся с Джепленом по пятам. Я подождал минуту или две, пропуская их вперед, прежде чем последовал за ними по скату вниз.

Пока я стоял здесь, меня заинтересовали плавные линии кумского флайера. Корабли были моей жизнью, и новые очертания всегда меня привлекали. Хотя я не рискнул задержаться, чтобы исследовать его внимательно, я понял, что его форма, в особенности внешний вид моторного отделения, предполагала какое-то совершенно новое развитие, нечто совсем отличное от нашей самой современной конструкции.

По-видимому, рабочие темного северного острова нашли какую-то новую форму продвижения вперед, создав в результате машину намного меньшую и более компактную, чем я когда-либо видел.

Я неохотно оторвал себя от рассматривания, зная, что Кипта заподозрит меня, если я задержусь слишком долго. Но я решил, когда поставил ногу на откос, открыть секрет элегантного судна прежде, чем его хозяин снова быстро удалится из Ю-Лака.

Откос кончался единственной широкой ступенькой, затем я очутился на зеленой и янтарной мостовой, которая вела в Зал Девяти Принцев. Вздвигающиеся колонны из отполированной меди поддерживали кровлю в покрытом проходе, но бока были открыты для наполненных ароматом ветров. Налево от меня четыре потемневшие колонны из тусклого зеленого камня вели

в первый из удивительных садов, которые делали внутреннюю часть раскинувшейся цитадели местом чудес и наслаждений.

Направо ступеньки, ведущие вниз, были круче, давая доступ к бронзовой площадке, где полдюжины или около этого ярко раскрашенных яликов качались на желтой, усыпанной лепестками воде одного из пяти каналов. Так как было еще рано, никто, кроме одинокого охранника, не ходил по галерее. Ни одна дама, несмотря на мои дерзкие надежды, не гуляла по дорожкам сада и не проплывала в образе лепестка по каналу. Там царила спокойная тяготящая тишина.

Но Зал Девяти Принцев был занят, когда я вошел. Одна из самых небольших совещательных палат и приемных комнат дворца зала была снабжена массивным столом, вырубленным из цельного бревна и обработанным знаменитым науглероживающим процессом в лабораториях Императора, так что он стал таким твердым и прочным, как вековые скалы Имуринского моря. Точно в центре у этого стола, расположенного так, чтобы сидящие за ним видели единственный вход в палату, стояло кресло из того же самого материала, а по обеим сторонам кресла — скамьи без спинок.

Благодаря моему положению я хорошо знал Императора и членов его всесильного совета. Ибо большая часть последних была справедливой, хотя и строгой, частью, требовавшей от своих подчиненных стойкой и абсолютной преданности и верности государству. Убедившись в моей честности, они предоставили мне почти полную свободу в моем ведомстве, требуя только полумесячные рапорты. В прошлом, с тех пор как я вступил в свою высокую должность, наши отношения были довольно дружескими, хотя никогда не становились теплее, чем допускала строгая формальность дворца.

Но сейчас произошло изменение в их отношении. Долгие годы войны и служения в армии снабдили меня шестым чувством, появляющимся у тех, кто ходит по самому краю опасности. И теперь я тотчас ощутил напряжение и некоторую холодность, которые встретили меня, как только я вступил внутрь.

То ли я олицетворил какую-то личную опасность, то ли какой-то неизвестный мне случай встревожил их — я не знал. То же самое чувство, которое направляло мою руку к мечу сегодня утром, когда я торопился встретиться с посыльным Императора, снова дернуло мои пальцы по направлению к оружию

на бедре. Я почувствовал, как натянулась кожа на моих плечах. Пахло тревогой.

— Маршал Флота приветствует Лорда Воздуха, Правителя Пяти Морей, Любимого Оуоном... — начал я официальное приветствие.

— Достаточно. — Голос Императора сухо оборвал меня. — Садись, Лорд Гаран, вон там. — Он указал на табуретку приблизительно в шести шагах от того места, где я стоял.

Я повиновался, но во рту у меня внезапно пересохло. Здесь существовала опасность — для меня!

— Ты содержишь тайную службу информации, не так ли?

— Да, Великий. Это существенная часть моих обязанностей.

— А это тоже часть твоих обязанностей? — Он передал две металлические пластинки служителю, стоявшему сбоку. Тот обогнул стол и остановился передо мной, держа то, что нес, так, что я мог увидеть это.

Вырезанные на мягкой поверхности металла чертежи и формулы были совершенно незнакомы для меня. Полностью озадаченный, я поднял глаза на холодную маску, которой было лицо Императора.

— Я никогда не видел этого раньше, Ваше Величество. Я не понимаю их смысла.

— И все же они были найдены среди секретных документов твоей разведывательной службы, — ответил он многозначительно.

Я взглянул ему прямо в лицо.

— Я повторяю, Великий, что никогда не видел этого раньше.

После чего Малкус из Трота, тощий — кожа да кости — человек, начисто лишенный всяких добрых чувств, захихикал, прикрыв рот волосатой рукой. Эта злая пародия на человека с его клокотавшим в горле смехом разозлила меня, чего, несомненно, он как раз добивался.

— Стоит ли Маршал Флота перед судом за преступление, Великий? Я умоляю вас, милорды, будьте немного откровеннее с вашим слугой.

Император нахмурился.

— Жалоба на твой отдел и тебя была подана людьми Кума...

Кум! Это название разорвалось красным пламенем в моем разуме. Кум! Значит, я был прав, подозревая какой-то дьявольский смысл в необъявленном прибытии Кипты.

— За некоторыми личными делами Хозяина была установлена слежка...

Я вздрогнул. Тут моя совесть действительно была нечистой. Я подыскивал ключ к мрачной загадке Кипты. В этом я был виновен.

— А теперь, как и предсказывал Лорд Кипта, среди твоих бумаг было найдено это. — Рот Императора скривился.

— Ваше Величество и милорды, я могу только повторить то, что уже говорил: эти пластинки, которые вы показали мне, я никогда раньше не видел. Если они действительно были найдены среди бумаг Флота, то я не знаю, как они попали туда. Но я обещаю вам, — закончил я искривленными губами, — что не буду медлительным в расследовании этого странного дела.

Малкус снова захихикал, его неприятное кудахтанье непрощеного веселья отдалось эхом по всему залу.

— Смотрите, добродетель оскорбилась, — изрек он, веселясь. Я быстро повернулся к нему.

— Вы насмежаетесь надо мной, милорд?

Он пожал плечами, но не удостоил меня ответом. Я поднялся на ноги. Твердыми руками расстегнул пряжку перевязи с мечом и снял ее.

— Великий, так как, кажется, я не являюсь более достойным вашего доверия, я возвращаю в ваши руки этот символ моего звания. Я был простым и откровенным солдатом и солдатом собираюсь быть. Я немного знаю о зигзагах государственной политики, но мне ясно, что стране зачем-то нужен козел отпущения. Если мое разжалование пойдет на пользу Ю-Лаку, я готов получить распоряжения. Ибо я знаю, что был преданным при всех обстоятельствах по мере своих сил и способностей.

— Сегодня это, милорды, немногими может быть произнесено в Ю-Лаке, — быстро и ясно произнес чей-то голос. Я обернулся.

В дверях стоял человек моих лет, судя по одежде — Ученый. Среди Великих я знал только троих с такой могучей духовной силой. Ее имели Леди Трэла, и Император, и — Кипта. Но у куминца была чуждая воля, не такая, как у других. Кем этот был новоприбывший, я не знал, но какая-то сокровенная часть меня, нерушимая часть, признала и приветствовала предводителя людей.

— Приветствую тебя, Трэн, — Император поднялся.

— Мир и вам, Ваше Величество. Позвольте приветствовать вас, милорды.

С легкой грацией он пересек комнату, чтобы встать рядом со мной.

— Что я вижу? Почему благородный полководец отдает свой меч? Может ли хоть один человек в чем-нибудь упрекнуть Гарана из Ю-Лака?

— Совсем недавно, — сказал я горько, — я также просил ответить на этот же вопрос, милорд.

Наши глаза встретились, и я почувствовал некоторую теплоту, распространяющуюся по мне.

— Я наблюдал за тобой, Лорд Гаран. Говоря открыто перед этим собранием, я скажу, что здесь нет другого человека в пределах внутреннего моря, на которого я охотнее всего возложил бы свое доверие. Это говорю я, Трэн из Гурла!

Император улыбнулся, его холодная маска раскололась.

— Подними свой меч, милорд. Где доказательство преступления отсутствует, там не может быть аргументов за или против человека. Но было бы хорошо добраться до сути этого дела хотя бы ради собственного успокоения. Слово, сказанное в ухо мудрого человека, более важно, чем шорох мимолетного бриза.

Совершенно ошеломленный столь внезапным резким изменением, я застегнул перевязь и преклонил колено, чтобы коснуться пола перед собранием.

— Могу ли я уйти, Великий?

Император кивнул. Я повернулся, чтобы уйти, но я знал, что Трэн провожал меня взглядом, пока я не вышел из палаты. Какая-то игра, чьей ставки или цели я не мог понять, была разыграна или, возможно, игра только началась. Но то, что я был частью этой игры, — сомневаться не приходилось.

Все еще ломая голову над этой странной встречей в Зале и прощальными словами Императора, я отклонился к садам взамен возвращения прямо к посадочной площадке и своему флайеру.

Мне было ясно приказано возвратиться домой и выявить личность или личности, ответственные за появление кумниских документов среди моих официальных. Я должен был безотлагательно пустить в ход свою секретную машину наблюдения и следствия.

Но мысленно я продолжал думать о том, что кто-то пытался дискредитировать меня перед собранием, хотел таким обра-

зом сместить меня с занимаемой должности. Это могло означать только одно обстоятельство — я был угрозой. Воздушные Министры с их неуклонно растущей властью или Кипта из Ку-ма, от которого каждая капля крови во мне начинала пульсировать, — кто из них действовал против меня? Ибо в прошлом году я копался в секретах обоих, стараясь обнаружить нечто таинственное, которое — я знал — лежало там, дожидаясь, когда будет открыто.

Где-то на Кранде был центр беспорядков, ответственный за пограничную стычку, за каждое усиление городских смут, даже за редкие авиационные катастрофы, — в этом обстоятельстве я был твердо убежден. Но — доказательства?

Эта мысль повлекла за собой любопытство. Почему Трэн из Гурла, которого, насколько мне известно, я никогда раньше и в глаза не видел, появился в тот самый момент, когда его речь в мою пользу смогла весьма помочь мне? Я полагал, что был знаком со всеми Лордами из Ученых, но он был мне неизвестен. И все же человек с таким личным магнетизмом и силами должен быть широко известен.

Гурл был скалистым островом далеко на севере; он не вмещал городов какой-нибудь значительности, и его жители в основном были бедствующими рыбаками. Кто был Трэн из Гурла?

Погруженный в эту и другие проблемы, я забрел в сад глубже, чем предполагал. Я оказался на обширной, ровной лужайке с густой желтой травой, где собиралась группа людей, смотрящих на шалости пары крошечных существ, называемых Анами. Я собрался было сразу же ретироваться, как одна из девушек, увидев меня, крикнула:

— Милорд, сжальтесь над нашим положением. Ана Сэн-сэн удрала в кусты и не хочет выходить, потому что эти две злючки дергали ее за шерсть. Она там кричит. Не выручите ли вы несчастное существо ради нас?

Та, которая обратилась ко мне, была Аналия, младшая сестра Анатана, дочь старинной и благородной военной семьи. Сейчас же, выполняя ее просьбу, я сбросил плащ и снял шлем, прежде чем, подбадриваемый их криками, полез в густые кусты.

Ана сама подошла ко мне, и я вынес ее с триумфом; мои волосы взъерошились и пара длинных ярко-красных царапин прочертила мое предплечье. Аналии доставило удовольствие воскливать надо мной и ничего не делать, но все же она направила

меня на соседнюю поляну, где был фонтан и где мои пустяковые раны могли быть исцелены.

В их бесхитростной компании я забыл до некоторой степени о своих тревогах. В сущности я никогда не был неопытным и пользующимся наслаждениями беспечным юношей. Со дня своего пятнадцатилетия я принял на себя положение и заботы мужчины, и с этого дня я никогда не ослаблял ни на один час своей бдительности против мира, в котором, как я знал по тяжело добытому опыту, было нелегко существовать. Но теперь, в эти короткие полчаса, в компании придворных девушек, я вернул обратно небольшую часть той неопытной юности.

Все закончилось слишком быстро, но я не пожалел об этом. Из-за тонких листов папоротниковых деревьев вышла та, которую я хорошо знал.

Трэла из Ученых стояла, улыбаясь нам.

Каждая струя ее черных волос казалась для меня сетью вокруг моего сердца, и, очарованный ею, я находился в оцепенении. Я был счастлив стоять и наблюдать за игрой выражения на ее лице, в то время как ее леди с радостными криками собрались вокруг нее.

ДВОРЕЦ УДОВОЛЬСТВИЙ В СОТАНЕ

— Привет тебе, милорд Гаран. — Она улыбалась, глядя мне в лицо.

— Привет тебе, Цветок Ю-Лака. — Я приложил к губам и ко лбу протянутую мне руку.

— Ты пренебрегаешь нами, милорд. Неужели заботы твоего ведомства так тяготят тебя, что ты не можешь часок-другой провести с нами?

Я стоял разинув рот, не способный собрать свои мысли в находчивый ответ на эту мягкую насмешку.

— Я, как всегда, в твоём распоряжении, величественная Леди, — запинаясь, пробормотал я.

— Тогда ты должен повиноваться мне сейчас, — быстро сказала она. — Поможешь мне в Голубом бассейне, милорд. Мне нужна там лишняя пара рук. Нет, малышки, вы останетесь здесь.

Отделавшись таким образом от своих девушек, она повела меня с собой. Но вместо того, чтобы идти по тропинке к Голу-

бому Бассейну, она разыскала маленький садик в гроте и села там на каменную скамейку.

— Садись, Гаран. Я многое должна сказать, а времени для этого у меня мало. Во-первых, дай посмотреть на тебя. Сколько же времени прошло? Три года, не так ли? Я могу даже сказать тебе количество в часах. Ах, почему ты не родился? Но достаточно! Ты сделал разумно для себя, Гаран.

— Только потому, что... — начал я горячо, но ее нежные пальцы поспешили запечатать мои непослушные губы, преградив путь потоку опрометчивых слов.

— Не то, Гаран, не то! Существуют другие вещи, о которых мы должны поговорить. Ты, кажется, рылся в опасных омутах знаний, задавая шекотливые вопросы неподходящим людям. Что ты узнал?

Я пожал плечами.

— Довольно немного. Каждая тропинка приводит в конце концов к глухому барьеру. Она кивнула.

— О, они умны, очень умны. Но ты сделал кое-что для начала. Поэтому — будь бдительным, оглядывайся назад по ночам, Гаран. Ты идешь по прогнившему мосту; ты уверен, что он не разрушится, чтобы увлечь тебя в бездну. Но с этого часа ты не должен сражаться в одиночку, воин. Ты знаешь Трэна из Гурла?

— Я увидел его впервые час назад.

— Трэн, как и ты, прикладывает свое ухо к земле и таким образом слышит вещи, не предназначавшиеся ему. Дважды его путь тайного расследования пересекался с твоим, и тогда он понял, что здесь существует другой, кто сомневается в будущем. Ибо не все мы, Гаран, бездельники и дети, играющие на солнце. Некоторые из нас готовятся к подходящему шторму...

— Значит, у тебя есть какая-то определенная мысль о том, что нагрянет? — прервал я нетерпеливо.

— Еще нет. Неделю тому назад здесь открылся новый дворец удовольствий в квартале Сотан.

Я нахмурился, сбитый с толку ее быстрой переменой темы разговора.

— Да, мой помощник говорил мне.

— Было бы неплохо, если бы ты посетил его, Гаран.

— Но... — торопливо запротестовал я.

— О, достаточно хорошо известно, что ты не ходишь в подобные места, но позволь мне уговорить тебя побывать там се-

годня ночью. Нет, большего я не могу сказать. Будь осторожен, Гаран. А теперь уходи, и быстро, прежде чем придут мои девушки, разыскивая меня. Три года, Гаран... — Ее голос угас, после того как она отправила меня прочь. Я не осмелился оглянуться назад.

Ошеломленный собственными спущенными с цепи эмоциями, я добрался до посадочной площадки и своего флайера. Черный корабль из Кума до сих пор находился там, отчужденный и производящий впечатление среди ярко крашенных судов, которые теперь заполняли поверхность платформы, но я уделил ему не более чем один мимолетный взгляд. Все мои мысли были далеко от того, что не касалось этой встречи, и я размышлял, что могло быть скрыто внутри этих ее двух слов — «три года».

Я полностью пришел в себя только тогда, когда мой флайер приземлился на площадке оборонительной башни и я увидел мальчишескую фигуру Анатана, торопливо бросившегося мне навстречу. Я вспомнил обещание, которое так необдуманно дал ему этим утром. Невозможное стало действительным.

— Приехал Закат из Ру, милорд. Он ждет вас в офицерской комнате, — почти выпалил молодой офицер, прежде чем мои ноги коснулись настила посадочной площадки.

— Немедленно приведи его в мои личные комнаты, — приказал я.

Ру был самой северной колонией Ю-Лака, блиставшего цепью зависимых стран. Три месяца в году его опустошенные ветром равнины были почти непригодными для жилья. Но богатства, лежащие в его промерзших горах, привлекали нас, так что мы держали Ру в ревнивых тисках. Линия укрепленных постов, крошечных оазисов цивилизации — таковы были границы, которые мы возвели в этой мрачной стране.

Закат был офицером старой школы, которые управляли людьми и страной тяжелой, но всегда справедливой рукой. Я доверял ему больше, чем любому другому из подчиненных мне офицеров. Событие достаточно серьезное, чтобы омрачить будущее, привело его в Ю-Лак. С ощущением внезапного холода от этого я расхаживал по своей комнате, ожидая его появления.

— Привет, Лорд. — Плотная фигура в дверях вытянулась в официальном приветствии.

— Входи, Закат. Я рад снова пожать твою руку. Но какая судьба привела тебя из твоего обрамленного снегом севера?

— Злая судьба, Гаран. — Он смерил меня взглядом, пока отвечал, и затем со вздохом облегчения добавил: — Все в порядке. Ты до сих пор не стал городским жителем, получив титул лорда. Нет ни ожирения, ни трясущихся рук, ни мрачных глаз — ничего, что могло бы изменить тебя. Ты до сих пор тот лихой парень, который сопровождал меня в Улал в давние дни?

— Я не изменился, военный пес. Вижу, и ты тоже. Дай мне открытое сражение, и я буду рад...

— Открытое сражение! — Он скривился. — Этого я не могу предоставить тебе, Щетина Темного Существа! Может ли человек сражаться с призраками и победить?

Поразительно было слышать свои собственные мысли, которые исходили от этого северного полководца.

— Что случилось в Ру?

— Ничего такого, на что я мог бы наложить свою руку, иначе я быстро бы покончил с этим, можешь быть уверен, — многозначительно сказал он. — Это всего лишь растущая тревога, перешептывания, источник которых я не могу проследить, необоснованные слухи, мятежные разговоры. Скажу тебе откровенно, Гаран, я сейчас одинок в Ру.

— Ты хочешь помощи? — предположил я.

Он встряхнул головой.

— Ты должен знать лучше меня, чем кто-то, парень. Когда это было, чтобы я бежал, скуля, к своим хозяевам? Нет, не помощь в материальном смысле. Но иногда две головы лучше, чем одна. Я хочу откровенно поговорить с единственным человеком в Империи, которому я полностью доверяю. В Ру беспокойно, и я не могу проследить, в чем дело. В первый раз я остался без всякой поддержки...

— Не ты один страдаешь, — вмешался я резко.

— Что ты имеешь в виду?

— Не считая тебя, Анатана из Хола и еще одного человека, я вспомнил ее в саду, — я также являюсь одиноким сегодня. Этим утром Император проверял мою лояльность.

— Что! — Он вскочил на ноги, глядя на меня в страшном изумлении.

— Это правда. И все потому, что я подобно тебе пытался обнаружить основу всей этой массы интриг, которые растут и увеличиваются по всему Кранду. Я тоже сражаюсь с призраками, Закат.

— Так, — он опять опустил на свое место, — какой же выход существует из этого положения? Ну, парень, похоже, мы снова в Улале, но в этот раз мы должны драться не кулаками, а умом. Давай поговорим и уясним, что же случилось за те годы, которые прошли с тех пор, как мы вместе сражались.

— Расскажи мне о Ру, — потребовал я.

Он нахмурился.

— Трудно выразить в словах то ощущение, которое охватывает меня, когда я передвигаюсь от гарнизона к гарнизону. Внешне все хорошо; в этом смысле все в порядке. Страна находится в мире с варварами, беспорядков на рудниках там нет. И все же я чувствую, будто иду по мосту, подпорки которого разрушены. Меня преследует мысль, что сердцевина этого проклятого дела лежит обнаженной перед глазами, и я не мог бы ее обнаружить, даже будь я чуточку умнее. Это дело задумано дьяволом. В прошлом месяце добыча в Сапитских рудниках была на десять процентов ниже, чем обычно. И тем не менее инженеры встретили меня с вежливыми объяснениями, для которых я не имею достаточных знаний, чтобы проверить их. За последние три месяца там произошло несколько сотен самоубийств. Вновь набранные рекруты находятся в скверном состоянии — умственно, морально, физически. Близ Форта Штаб-квартиры убиты три пастуха, и нельзя понять, как они были способны проникнуть так далеко в глубь колонизированных стран и как их не заметили. Противестественные огни появились в небе, и дважды штабель легковоспламеняющейся руды был подожен таинственным способом. У горцев появилась новая тайная религия. Случаи все пустячные, но собранные вместе, достаточные, чтобы заставить человека крепко задуматься.

— Кого ты подозреваешь?

Он пожал плечами и затем ответил мне уклончиво:

— Там находился человек из Кума, который совершил путешествие через горы.

— Кум! Всегда Кум! — Я ударил кулаком по подлокотнику своего кресла.

— Да, всегда Кум, — тяжело отозвался Закат. — А теперь каковы фантомы, которых ты преследуешь так безрезультатно?

— Хлебные бунты в провинции Кэт, возникшие из-за незапланированного неурожая. Дождя там было в избытке, почва — самая плодородная в Империи, но в этом году поля были уди-

вительно бесплодными. И Ученые не смогли объяснить этого, по крайней мере мне. Затем здесь появился новый культ Блуждающей Звезды или приблизительно такой же бессмыслицы. Я подвергнул дисциплинарному взысканию четырех человек за посещение ими митингов и за подстрекание к беспорядкам впоследствии. Кто-то тайно пронес бутылки с портукалом в казармы, и я повесил одного человека за введение в употребление практики вдыхания дыма листьев райта. Ты знаешь, к чему это приводит? — Он кивнул, и я продолжал: — Как и ты, я интересуюсь Кумом. Мой интерес возрос настолько, что я привел в движение определенный механизм три месяца назад.

— Какой результат? — В его вопросе было нетерпение.

— Да никакого. И все же я не думаю, что разведчики, которых я посылал туда, были абсолютными дураками.

— Изменники? — предположил он.

— Возможно. Но что я могу сделать? Час тому назад меня предупредили, чтобы я остерегался. Затем это дело с находкой секретных куминских документов среди моих бумаг. Император приказал мне предоставить человека, ответственного за их нахождение там, или отвечать самому за это дело. — Я продолжал объяснять Закату все, что произошло со мной на суде. — Что ты знаешь о Трэне? — спросил я в заключение. Он встряхнул головой.

— Ничего. Гурл — довольно незначительная пропахшая рыбой обнаженная скала в господствующем море. Я посетил дежурный гарнизон, находящийся там, только один раз, вскоре после того, как получил клеймо. Ученых там не было, во всяком случае тогда. Но Лорд Гурла заинтересовался твоими делами с какой-то целью. Я должен вспомнить его. А что тут делает Кипта? Раньше он не слишком жаловал вниманием общество членов своей касты.

— Когда ты возвращаешься в Ру? — внезапно спросил я.

— Рано утром, — ответил он с некоторым удивлением. — Почему ты спрашиваешь? — Я улыбнулся.

— Тогда ночью ты будешь традиционным солдатом-отпускником...

— Что ты имеешь в виду? — прервал он.

— Сегодня ночью мы вместе посетим новый дворец удовольствий в квартале Сотан.

Он взглянул на меня с некоторым отвращением.

— Никак не думал, что Гаран из Флота дошел до посещения дворца удовольствий... — начал он, но я перебил его:

— Мы пойдем с поручением. У меня есть основания предполагать, что проникательный человек может обнаружить там кое-что интересное. Ты должен был бы знать меня лучше, Закат, и не подозревать так всецело.

Хмурые морщины на его лбу разгладились.

— Три года абсолютной власти и изнеженной жизни часто изменяют человека к худшему, парень. Но я не хотел бы думать, что этот мир наложил на тебя печать.

— Значит, ты пойдешь?

— Охотно. Несмотря на все, — в его тоне появился озорной юмор, — я не откажусь осмотреть интерьер дворца удовольствий за чужой счет.

— Добро, значит, договорились. Что ты скажешь насчет того, чтобы провести со мной утренний смотр?

— Давай! Это мне больше по вкусу, чем все дворцы удовольствий в этом вашем тепличном городе.

Итак, с Анатаном и Закатом по пятам я начал свой ежедневный обход. Похоже, что в моем мозгу, обостренном утренним делом, появилось достаточно подозрений в слабости моих людей. Частичные отклонения в выполнении точных приказов, следы расхлябанности, которая продолжала существовать, несмотря на мои выговоры, едва различимое начало упадка в первоклассных отрядах, некоторая опрометчивая дерзость, отмечаемая в самых молодых людях, — я увидел все это и результат принес домой к себе, так как никто еще, кроме меня и других, подобных мне, не стоял перед растущим призраком какой-то неизвестной опасности.

Я знал, что Закат тоже видел, что лежит отчетливо перед нами, и что он тоже тщательно анализировал и взвешивал впечатления от утренней проверки. Мы сидели за обедом в столовой вместе, но почти не разговаривали до тех пор, пока не закончили, и я повернулся к нему.

— Ну?

Он покачал головой.

— Какой человек может подвергнуть дисциплинарному взысканию призраков? Я видел здесь то же самое, что и в Ру. Что я могу посоветовать, когда сам не могу привести в порядок собственный дом? Но клянусь Меченосной Рукой самого Оуна, па-

рень, я пойду с тобой до конца, что бы ни случилось. Теперь пойдем в этот ваш дворец, раз ты так решил.

Мы устремились в мою гардеробную и там переоделись в богатую, но не бросающуюся в глаза повседневную форму, потому что я надеялся скрыть наши личности насколько возможно. Анатана предупредили сделать то же самое, и, пока я прикреплял тяжелый мешочек с похожими на бруски монетами к поясу, мы встретили его за дверью, тяжело дышавшего от волнения.

— Запомни, — предостерег я, — что мы должны по возможности остаться неузнанными и ночью находимся на службе. Не вздумай отделиться от нас и, самое главное, держи язык за зубами.

— Слышать — значит повиноваться, Лорд.

Напоследок я оглянулся вокруг. Какое-то внутреннее чувство, должно быть, подсказало мне, что пройдет немало времени, прежде чем я пойду обратно по этому коридору.

— Пошли.

На посадочной площадке нас ждал скромный флайер без каких-либо опознавательных знаков, и мы залезли внутрь. Анатан взял управление на себя, и мы по пологой спирали поднялись над военным кварталом. Мы с моим помощником договорились приземлиться на общественной стоянке, примыкающей к дворцу, так как только постоянным и хорошо известным завсегдатаям предоставлялась привилегия использования конфиденциальной стоянки на его крыше.

Закат сильно протестовал, но мое желание секретности одержало верх, к моему сожалению. Очень скоро под нами заблестели фиолетовые светильники общественной стоянки, и Анатан посадил флайер. Служащий подошел, чтобы направить нас в ряд других кораблей и получить плату, которую Анатан приготовил заранее. Закат и я держались в тени, надвинув наши шлемы так, что клювообразные козырьки затеняли наши лица. Анатан сунул квитанцию в карман, и мы пошли по откосу, который вел вниз до уровня улицы. Там, никем не замеченные, мы скользнули в толпу. Ю-Лак всегда становился прекраснее с наступлением ночи. Тогда ритм его жизни получается полным и шумным, иллюзия беззаботного веселья скрывает праздное времяпрепровождение горожан.

— Направо, — Анатан направлял нас.

Я буквально задохнулся, когда впервые увидел объект нашего изучения. Сокровища, должно быть, лились рекой при постройке той грезы, что стояла перед нами. Стены с вырезанными на них животными и цветами были сделаны из кремового хрустала, чуть розоватого наверху и густошафранного у основания.

Широкий портал был открыт в соответствии с правилами, однако слабо мерцающая портьера скрывала наслаждения внутри от глаз случайного прохожего. На двенадцати розовых ступенях, ведущих наверх к нему, бездельничали телохранители и слуги, одетые в ливреи, полдюжины или более самых богатых лордов города. Все касты, кроме военной, были представлены здесь.

Изящная смуглая девушка-рабыня, с раскосыми, вызывающими глазами, стояла, ожидая, чтобы распахнуть портьеру для нашего прохода. Она лукаво вскинула на меня глаза и с усмешкой сказала:

— Вы решили сегодня почтить нас своим посещением, Лорд Гаран?

Моя слабая надежда на секретность пропала.

— Да, лунный цветок. Разве скромному солдату Флота запрещено участвовать в ваших развлечениях?

— Ничуть! — странно рассмеялась она. Затем, выдернув из-за пояса похожий на флейту свисток ее пустынной родины, она извлекла из него низкую мелодичную ноту.

Тонкая белая рука выскользнула из-за портьеры и поманила нас внутрь. Терианка улыбнулась.

— Гит ждет вас, милорд. Входите.

Со своими двумя спутниками я прошел через разрез портьеры.

АЙЛА И ЛАНИЯ

Квадратный вестибюль, в котором мы оказались, освещался мягким желтым светом одной из новых солнечных ламп. Напротив нас был широкий сводчатый проход, прикрытый пурпурной с зеленым металлическим отливом занавесью. С рукой на складках этой занавеси стояла ожидающая нас проводница, девушка с покрытых льдом берегов Северного Ахола. Ее стройная фигура была закутана в янтарный шелк, и широкие полосы из мягкой

меди охватывали ее грудь и талию. Ловко уложенная масса ее золотисто-рыжих волос скрывала почти все лицо, оставляя лишь узкий белый клинышек.

При нашем появлении она опустилась на колени и коснулась ладонями пола.

— Не соблаговолят ли благородные Лорды следовать за мной? — Ее голос был тонкий, но достаточно мелодичный. Закат дернул меня за руку.

— Они, кажется, собираются получить много удовольствий от нашей компании, парень. У меня такое ощущение, что мы лезем в клетку сапта.

Я предупреждающе сжал его пальцы. Но я также почувствовал, что мой пульс участился. Замечание Заката было подходящим. Всего три дня назад я был свидетелем, как измученного и старого грифа ласково уговаривали спуститься по откосу, который вел к клетке гигантского сапта. Он довольно охотно пошел к своему концу, доверяя людям, которые убеждали его.

Девушка отодвинула занавес. Я вошел без колебания.

Комната, в которой мы очутились, была похожа на золотую чашу, вырезанную, чтобы встретить губы какого-нибудь горного божества. Она была овальной формы, окруженная кольцом сводчатых проходов, количество которых достигало двенадцати, похожих на тот, через который мы вошли, каждый из них был закрыт драпировками, цвета которых сбивали с толку и переходили в другие. Стены наверху сходились резко в конус, острие которого было открыто к звездам.

С того места, где мы стояли, пол опускался широкими ступенями, полностью окружавшими комнату. В центре всех сужающихся рядов было небольшое овальное отверстие, из которого поднимались ленивые струйки окрашенного, душистого дыма. Массивные ступени были завалены горами бесценных металлических изделий, украшенных драгоценными камнями, графинами, стояли маленькие столики, нагруженные лакомствами. Здесь сидели большинство из тех, кто пришел до нас, которым прислуживали красотики дворца.

Они были прекрасны. Никогда раньше я не видел, чтобы все расовые типы, живущие под солнцем Кранда, собирались вместе. Каждая поражала своей красотой. Подобно темнокожей террианке у входной двери и белой ахолианки рядом со мной, каждая была идеальным образчиком своей расы.

Я услышал тяжелое дыхание Анатана и смехок Заката.

— Приятно грабить такое место, — сухо заметил Закат. Нетрудно понять, почему эти дворцы закрыты для офицеров-летчиков низшего ранга. Сюда бы несколько моих руанских парней...

— Дыхание Зэнта, — перебил Анатан, — взгляните на эту девушку в черном. Видели ли вы когда-нибудь подобную ей?

Он указал на одну из пещерных жительниц Лапидиана. Ее волосы, обесцвеченные до белизны кости поколениями народа, который жил без света, обвивали гордую голову тяжелыми кольцами. Она была закутана от шеи до пят в совершенно черное, но белые руки были обнажены до плеч. У нее был поразительный и привлекающий внимание внешний вид, когда она медленно двигалась среди рядов своих куда более ярко одетых подруг.

— Не хотите ли вы, милорды, остаться здесь? Или, может быть, вы пройдете во внутренние дворы? — мягко спросила ахолианка, когда мы вдоволь насмотрелись.

— Во внутренние дворы, — быстро ответил я, прежде чем Анатан успел запротестовать.

Мы последовали за ней по самой верхней ступени, на которую выходили двенадцать занавешенных сводчатых проходов. Анатан дернул меня за плащ и шепнул:

— Попросите показать Госпожу Дворца. Так полагается при первом посещении.

Удивляясь, откуда он получил свои познания, я выполнил его указания. Ахолианка кивнула и немедленно отдернула прочь огненную с серебром портьеру, висящую на другой двери. Мы прошли мимо многих чудес. Я запомнил одну комнату, стены которой были из прозрачного хрусталя, а за ними плавали живые чудовища из внешних морей, странные создания с фосфоресцирующими телами или челюстями, сверкающими в тусклом свете. Там были и другие комнаты, такие же странные или такие же сверхъестественно прекрасные. Наконец мы вошли в маленькую комнату с белыми стенами и полом. Но свод был покрыт лаком ночной черноты, усыпанным большими звездами из хрусталя. На ложе ярко-алого цвета возлежала та, которая правила всем этим красочным лабиринтом.

Судя по ее одежде и сильно накрашенному лицу, это была женщина Аркта. По контрасту с девушками снаружи она была отвратительно плоской. Худая вплоть до истощения: ее туго обтягивающее платье из серебряной сетки показывало

каждую кость и впадину. Лицо было густо раскрашено, как принято на ее родине: огромные пурпурные круги вокруг впалых глаз, оранжевые рубцы на губах, а все остальное набелено. Однако ее роскошные волосы по праву находились в этом дворце очарования. Черные и очень длинные, они не были изуродованы шпильками или заколками, а свободно падали и лежали на полу, когда она сидела.

Тем не менее я устался, раскрыв рот от изумления, не на правительницу дворца удовольствий, а на мужчину, который сидел, развалясь у ее ног, и болтал заплетающимся языком. Трэн из Гурла, держа нетвердыми руками кубок с вином, искоса взглянул на меня. Опершись на ее ложе для опоры, он поднялся, покачиваясь, на ноги.

— Твои новые друзья, Айла? Могу ли я тогда выразить недовольство, что другие добиваются твоего общества, или нет? Увы, твоя благосклонность не для меня одного. Могу я хоть остаться или должен уйти?

Она покачала головой, а ее глаза, обращенные к нам, смотрели холодно и недружелюбно.

— Останься, милорд. Вас, милорды-незнакомцы, я рада видеть в своем владении. Стоит вам только шепнуть Лании о своих желаниях, и перед вами окажется все, чего бы вы ни пожелали. — Она показала жестом в сторону ахолианки. Так же небрежно она отпустила нас.

Трэн глумливо захохотал и качнулся ко мне.

— Эту сладость не тебе собирать, солдат. Иди поищи другие сады для своей добычи.

Что-то слабо шелкнуло о застежку моего плаща возле горла и упало в складки моего кушака. Разыгрывая сконфузившего простака, я быстро вышел со своими спутниками из палаты, оставив Айлу и ее титулованного Лорда в уединении, чего они и хотели.

Мои пальцы коснулись плеча Анатана, и я приблизил свои губы почти к его уху.

— Отвлеки на минуту эту Ланию.

Он бросил на меня быстрый взгляд и затем скользнул вперед, чтобы держаться рядом с плавно движущейся девушкой-проводником. Я нащупал в своем кушаке и вытащил овальный серебряный шарик величиной с мой ноготь. Быстрый осмотр под прямыми лучами одной из коридорных ламп открыл тонкую ли-

нию, проходящую по его середине. Я был достаточно знаком с такими средствами для безопасной передачи секретных посланий. Одним вращением пальцев я разделил его на половинки и затем развернул кусочек исписанного шелка. Он гласил: «Через час в Комнате Грифов. Никому здесь не доверяй».

Я молча протянул записку Закату. Он быстро просмотрел единственную строку и затем хищно усмехнулся.

— Похоже, мы лаем на горячий след, Гаран. Комната Грифов. Теперь наше дело — разыграть гуляк. Твой парень Анатан должен нам помочь.

Я встревожился, когда увидел темную голову Анатана рядом с золотистой головкой ахолианки. Ибо было ясно даже для самого бестолкового зрителя, что они достигли некоторого взаимопонимания и увлеклись флиртом. Необходимо было предупредить мальчика, чтобы он сейчас не свалил дурака.

Я прибавил шагу и поравнялся с ним. С выставленными напоказ манерами кабацкого забияки я оттеснил плечом Анатана и бесцеремонно окликнул его спутницу:

— Эй, хозяйка. Мы отдали долг вежливости вашей госпоже, теперь веди нас к вашему приюту радостей. Подавай нам ваши чудеса.

Анатан готов был возмутиться моим непристойным поведением, когда, используя фалду своего плаща как штору, я сунул записку Трэна в его руку. Толчок в спину сказал мне, что он прочел и понял.

— Что бы вы хотели, милорды? — спросила Лания с ласковой покорностью.

— Вина? У нас самые лучшие. Крепкое белое марочное вино из Ру, густое пурпурное из Хола, золотистое из Кума — множество других. Не позабавят ли вас танцовщицы? В одном из наших залов золотистые девушки из забытых храмов Кора следуют мистическим лабиринтам былых богов, во всем Ю-Лаке вы не увидите ничего подобного. Может быть, вам нужны подруги на вечер? Девушки из пустынь Териата, так сильно предающиеся любви, как неистовые ветры их родины, лапидианки с серебряными волосами и страстными губами, женщины Аркта, владеющие всеми сладостными городскими пороками? У нас имеются все нации, все характеры.

— Храмовые танцовщицы, — быстро выбрал Закат, и я одобрил его выбор, потому что из того, что Лания предложила нам,

это казалось наименее вероятным для вовлечения нас в будущие затруднения.

Молча она повернула в поперечный коридор, который вскоре стал скатом, ведущим вниз. Затем я впервые заметил тень тревоги на лице Заката. Анатан был явно мрачен и шел немного позади, как бы сомневаясь в нашем смелом предприятии. Сначала я подумал, что он просто надулся, но позднее понял, что у него был значительный аргумент сомневаться в нашем необдуманном выборе вечернего развлечения. Зал походил на тропические джунгли страны Кор, и он предполагал, что может находиться у подножия этого зловещего ската.

Хотя Кранд объединился в культе Оуна и был так объединен веками, все же на нем до сих пор продолжали существовать в таких примитивных странах, как Кор и Ру, храмы древних богов, этим темным существам наш народ поклонялся раньше, пока сам не выполз из логова зверя. Я сам знал очень немного об этих забытых и теперь тайных обычаях; в сущности, немногие, кроме приверженцев, знали о них. Эти адепты Кора были последним оплотом древней религии.

Тонкий звук волынки, такой высокий в гамме, что наши человеческие уши с трудом могли различать его тона, разорвал тишину. С этим звуком пришло низкое биение, как будто воздух, мертвый и отяжелевший от груза неисчислимых лет, пульсировал за пределами восприятия в каком-то нечеловеческом ритме.

Закат неожиданно запнулся, шаркая ногами и меняя шаг.

— Ритм — гипнотизирующий контроль, — пробормотал он. — Не поддавайтесь ему.

Анатан тоже постоянно менял шаг — то широко шаггал, то волочил ноги. Я начал подражать им. Скат, казалось, тянется в глубины самого Кранда, и в его гладких полированных стенах не было отверстий. Постоянно сверкающие светильники, размещенные на потолке над нашими головами через равные промежутки, постепенно меняли оттенок: от теплого золотого до ледящего голубого, а затем до какого-то туманного серого. До сих пор чуждый назойливый звук волынки и таинственное биение отбивали такт для наших шагов, несмотря на то что мы и прыгали, и тащились, чтобы избежать их вяжущих чар. Только Лания равнодушно шла вперед, не оглядываясь на нас.

Наконец мы пришли в комнату вроде прихожей с тускло-серыми стенами и полом. Лания издала своим высоким голосом

воюющий крик, и сразу же часть стены отошла внутрь, выставляя темноту за ней.

— Мы должны принять меры предосторожности, — Лания кивнула по направлению к тайной двери. — Некоторые из наших чар не для обычных глаз.

Через похожую на щель дверь жуткая музыка слышалась громче, ее звуки, казалось, имеют какую-то странную жизнь и существуют сами по себе. Ахолианка прошла внутрь, а мы последовали за ней, но Закат, всегда быстро соображающий, обнажил свой разящий меч и сунул его в дверную щель, так что она осталась открытой на добрых два дюйма.

Мы очутились в абсолютной черноте, темноте такой густой, что она казалась реальным покрывалом. Чья-то рука коснулась меня, и мои пальцы сжались на украшенном драгоценными камнями браслете Анатана. Минутой позднее я услышал справа от себя тяжелое дыхание Зката.

— Ждите и смотрите, солдаты. — В голосе Лании была едва различимая тонкая насмешка.

Чуждый и прерывистый ритм звучал все громче и грознее.

— Двигайте пальцами, руками против этого ритма, — прошептал Анатан. Я почувствовал, как его запястье свободно вертится в моем захвате. Я послушно старался выполнить его советы.

Из темноты над нами вылетел одинокий луч света, зеленый, переходящий в серый. Этот свет казался гниющей эманацией чего-то гнусного и давным-давно мертвого. В нем было острожно задуманное зло. Пока мы как зачарованные следили за этим лучом, золотые крылатые призраки проплыли по нему, двигаясь по кругу все время, пока наконец они не коснулись черного мозаичного пола, плиты которого, видимо, были вырублены в каменоломнях Древней Расы; тех, кто правил Крандом прежде, чем человеческая нога коснулась его поверхности.

Большие золотистые крылья опустились, сложились и исчезли, как будто их владельцы больше не собирались пользоваться ими. Пятнадцать живых желтых фигур начали свой танец. Буйный и прекрасный и все же полный древнего смысла, который был чрезвычайно злым, этот танец производил впечатление. Каждая поза — соблазнительное приглашение, каждый скользящий шаг, казалось, стремился извлечь из глубины души наблюдателя ту темную часть его, которая унаследована им от зверей.

Когда я почувствовал это, то начал бороться каждой унцией своей внутренней силы, чтобы преодолеть эти давно живущие мысли и страсти, которые вызвали во мне танцовщицы сплетением своих чар. Я снова увидел перед собой залитые кровью улицы Улала, когда мы грабили его, и все то, что изменилось там, когда, опьяненные кровавым вождением, мы устремились в город, который сопротивлялся нашему могуществу слишком долго. Там были случаи, превратившие этот день...

— Пошли отсюда! — закричал я. Я почувствовал их пробуждение под моими руками, как будто они стряхнули с себя какой-то ошеломляющий сон. Мы повернулись и освободились от зрелища золотистых танцовщиц и злой паутины, которую они сплели вокруг нас.

Сунув пальцы в щель потайной двери, мы распахнули ее. Закат взял обратно свой меч, мы вышли на откос с переутомленными и широко раскрытыми глазами, с так колотящимися сердцами, как будто мы участвовали в гонке, которая утомила нас до крайности. Мы уже прошли почти полпути вверх, когда нас догнала янтарная тень.

— Танцовщицы — крепкий орешек, солдаты. — Насмешка опять звучала в интонациях голоса Лании. — Похоже, чересчур крепкий для вас.

Я повернулся к ней, наполовину всерьез, наполовину играя роль, которую выбрал для себя.

— Хватит с нас ваших дьявольских таинств. Мы желаем человеческих радостей, а не тех, что вызывают ночные демоны!

— Слышать — значит повиноваться, Лорд. Что вы скажете о спокойном ужине в отдельной комнате — в присутствии подходящих компаньонов?

— Хорошо, хозяйка, — одобрительно проворчал Закат. Как бы поняв наконец, что нам по вкусу, она повела нас по лабиринту поворотов, изгибающихся коридоров и искусно сделанных палат, пока мы не пришли в маленькую, но причудливую комнату, созданную из голубой стали. Стены и свод образовывали полушарие, на котором размещались четыре фигуры в натуральную величину. Это были великолепные серые грифы, возносящиеся как будто в гневе. Закат внезапно сжал мне руку, но я сам уже понял, где мы находились. Мы стояли в комнате, в которой Трэн назначил нам встречу.

В дальнем конце комнаты был низкий диван, и Лания при-

гласила нас сесть, в то время как она пошла распорядиться о нашем обслуживании. Уходя, она заглянула в мое лицо.

— Нравится ли вам эта комната, Лорд?

— Вполне, — коротко ответил я.

К моему величайшему изумлению, она засмеялась и откинула свою голову назад так, что мы впервые отчетливо разглядели ее лицо под ловко уложенной массой медных локонов. Анатан вскочил на ноги с резким вскриком, в котором сочетались открытие и огорчение.

— Аналия!

— Она самая, брат. — Она снова засмеялась. Затем, отойдя вправо, она отдернула портьеру. Оттуда вышел Трэн, все признаки опьянения слетели с него, опять энергичная, властная личность, которую я видел сегодня утром в Зале Девяти Принцев.

Он вел за руку Айлу, но сейчас в ее поведении было трудно уловимое различие, как будто под гримом находился скрытый другой человек.

— Ты не узнаешь меня, Лорд Гаран? — тихо спросила она. Тотчас же я упал на колени, глядя, разинув рот от изумления в это отвратительно размалеванное лицо, потому что это была моя Леди Трэла, которая стояла здесь, скрытая под гримом и кричащими одеждами Аркта. Она с улыбкой обернулась к Трэну.

— Мы оказались лучшими актерами, чем предполагали, милорд. Нет, Гаран, я не та Айла, которую ты видел раньше. Айла и Лания находятся... где-нибудь в другом месте в этот час. Мы заняли их места. Настоящая Айла до некоторой степени другая...

— Что неудивительно, — сухо заметил Трэн, — поскольку она ставленница Кипты. Давайте перейдем к делу. Часы летят исключительно быстро, когда опасность кружит над миром.

ПОХИЩЕНИЕ ТРЭЛЫ

— Вполне ли разумно говорить здесь? — резко спросил Закат. — Стены дворцов удовольствий славятся своими ушами.

— Здесь их нет. Эта комната безопасна. Айла и Кипта заботятся об этом, потому что она служит для их целей, — ответил Трэн. — А что случилось с Лордом из Ру, что он стал таким подозрительным?

— Ничего, на что я могу наложить руку, — проворчал Закат.

— Ничего такого, на что ты можешь наложить руку. Мы все можем сказать это. И все же в течение двух лет ты, Лорд Гаран, допытывался и выслеживал в закрытых сферах. Даже на расстоянии Гурл ощущает тревогу в воздухе. Никто из нас не ошибся, — Трэн торжествующе возвысил голос, — потому что это самое место, где мы сидим, опровергает самоуверенное спокойствие нашего мира. Знаете ли вы, кто стоит за Айлой, кто так искусно спланировал каждое пятнающее душу удовольствие в этой куче навоза? Кипта, куминец! Именно он в это самое утро пытался запутать тебя перед советом, Лорд Гаран, и таким образом избавиться от человека, который начал подозревать слишком много.

Этот ночной демон Айла под стать ему по изворотливости ума, и весь этот чудесный «ящик» — ее западня, чтобы захватить тех, кого Кипта хочет.

— Кардона из Стала, Пэлкуна и всех остальных. А кто есть у нас, кто до сих пор не ослеплен, кто может еще ясно видеть, чтобы отвернуться от Кипты и всех его дел? Горсточка против мира. Около двадцати человек моей касты, Лорд из Ру, ты и твой помощник, находящийся здесь. На кого ты можешь положиться?

— Откровенно говоря, ни на кого, кроме тех, кого ты назвал. Мой корпус полностью пропитан заразой, которую я не могу определить. По моему мнению, весь Ю-Лак испорчен какой-то отвратительной хандрой.

— Потому что Ю-Лак — это Кранд, и ты близок к истине. Кипта сделал даже больше, чем он предполагает. Ибо, если бы он знал свою силу, мы все внезапно перестали бы существовать. Говоря начистоту, Кипта является ревностным собирателем того, что мы знаем как «Темное знание», и он близко знаком с силами, которые откликнулись на его зов, так близок с ними, что он хочет заставить весь Кранд принять участие в его радости.

— Это наша вина — Ученых, — прервала Трэла. — Мы слишком долго были пассивными, утратив интерес ко всему, кроме глубин наших собственных познаний. Будь мы более бдительны, более осторожны против сил Потустороннего Мрака, это зло никогда бы не распространилось среди нас. Разве Зи-Лин, основатель нашей расы, позволил бы Кипте прожить хотя час после обнаружения его происков?

— Ты забыла, — в низком голосе Трэна прозвучала печаль, что Зи-Лин правил объединенным народом. — А сколько чело-

век пойдет за нами? Нет, нам придется сражаться в одиночку и, может быть, проиграть.

— Как ты предлагаешь бороться с ним? — вмешался Закат. — Силой оружия? Я думаю, Кипта имеет более мощные средства.

— Вот именно. Поэтому мы должны хитростью проникнуть в его укрепления, ибо, прежде чем составлять наши планы, мы должны знать цель и место его нападения. Один из нас должен пробраться в Кум.

— Невозможно, — сказал я кратко.

— Почему?

— Ты думаешь, что я не пытался сделать это? — Я повернулся к Трэну. — Хоть я и не ученый, но знаю свой долг и всегда выполнял его по мере своих способностей. Когда я был в отпуске три месяца назад, то лично предпринял попытку. Я вернулся ни с чем, только с этим... — Я расстегнул свой военный плащ и распахнул его, обнажив горло, чтобы показать тонкий голубой шрам. — Я едва остался жив.

— Так. — Трэн внимательно посмотрел на меня. — Я этого не знал.

— Никто не знал до настоящего момента. Какой же мужчина гордится неудачей?

— Но наша проблема остается в прежнем состоянии, — сказал Трэн.

Трэла покачала головой.

— Напротив, она решена.

— Что ты подразумеваешь?

— В Кум поеду я. Меня Кипта не будет подозревать. С чего бы? Я ведь держалась в стороне от всяких лабораторных работ, не проявляя интереса к научным исследованиям, так что даже мой отец считает, что я позорю нашу касту. Я поеду в Кум из любви к приключениям, и его Хозяин ничего не заподозрит.

— Нет! — Слово вырвалось из моих уст как удар меча. — Ты не сможешь выполнить это! Если мои подозрения насчет Кума справедливы, ни один незапятнанный человек не рискнет идти туда в надежде вернуться опять непорочным. Кипта играет со смолой.

— Кто такой Лорд Гаран, чтобы указывать мне? — Несомненно, тогда, в тот необдуманный момент, я чуть было не раскрыл свой столь ревниво охраняемый секрет.

— Покорнейший из твоих многочисленных слуг, Величественная Леди. И все же даже я осмеливаюсь сказать, что это дело не для тебя.

— Он прав, — сурово поддержал меня Закат. — Кум — не место для женщины.

Трэн согласно кивнул. Но Трэла не была убеждена. Какие добавочные аргументы она собиралась выдвинуть, чтобы поддержать свой план, мы никогда не узнали, потому что внезапно из куполообразного потолка над нами донеслись тихие звуки перезвона. Трэн и Трэла застыли и посмотрели друг на друга глазами, в которых словно пламя горело возбуждение.

— Это предупреждение, — сказал гурлиец. — Кто-то идет по проходу. Нам надо уходить.

— Внутренний коридор, — предложила Трэла. — Покажи им, Трэн.

Он встал и шагнул к портьеру, из-за которой они с Трэлой вышли. Обнаженная стена разошлась, открыв узкую дверь, через которую мы протиснулись один за другим.

— Проходи, Трэн, — прошептала Трэла. — Вспомни, что этот портал закрывается только женским голосом.

Он послушно присоединился к нам, но Леди Трэла не последовала за ним в коридор. За ним половинки стены сомкнулись с шелчком, и мы очутились в темноте, сбитые с толку. Трэн бросился к этой глухой стене.

— Это же явное безрассудство! — горячился он. — Она же не сможет сыграть роль Айлы достаточно хорошо, чтобы ввести в заблуждение кого-нибудь из приближенных этой женщины.

Услышав эти слова, я понял, какую шутку сыграла с нами Трэла. Выставив нас из комнаты, она собралась смело встретить вновь прибывшего, кем бы он ни был. Я навалился плечом на эту неподатливую дверь.

Кто-то болезненно вцепился в мою спину длинными ногтями.

— Оставь! — крикнула мне в ухо Аналия. — Это дверь открывается только на звук одного голоса. Дай я попробую.

Мы с Трэном отступили, предоставив Аналии место, в котором она нуждалась. Мы хранили молчание, пока она говорила наизусть какое-то заклинание высоким пронзительным голосом Лании.

Потайная щель появилась вновь, и в тот же миг мы смогли увидеть и услышать то, что происходило в Комнате Грифов. Что

касается меня, то я не удивился, увидев красивое смуглое лицо Кипты с его слегка насмешливой улыбкой. Но сзади его стоял еще один. Трэн схватил меня за руку.

— Айла!

Да, это была настоящая Айла, Айла из белой с черным комнаты, с ее тощим телом и великолепными волосами, размалеванным лицом и наполненным злобой голосом. Напротив нее, гордо выпрямившись, стояла Трэла. Две Айлы, но какие непохожие.

— ...неожиданная радость, — вкрадчивым голосом говорил Кипта. — Леди Айла польщена, что вы нашли удовольствие в ношении того типа одежды, которую она ввела в употребление в Ю-Лаке. Но боюсь, что мы должны быть довольно невоспитанными, чтобы спросить о причине этой восхитительной встречи...

Айла положила конец его насмешкам, так как увидела предательское колыхание портьеры, скрывающей потайную дверь, за которой мы прятались. Этот гобелен был выткан таким образом, что просвечивал со стороны двери, но из комнаты казался плотным.

— Дурак! — зашипела она на Кипту. — Она не одна. Забирай ее отсюда...

При этих словах я рванул портьеру в сторону и бросился вперед с мечом в руке, но было уже поздно. Кипта с быстротой одной из тех древесных змей, которые обитают в лесах Кора, дернул Трэлу к себе и толкнул сопротивляющуюся девушку в безжалостные руки Айлы. Он встретил мою атаку, развернув диван поперек прохода.

Я упал, ругаясь, а моментом позже на меня свалились Закат и Трэн. Я мельком увидел Анатана, перескочившего через наши тела и теперь находящегося лишь в двух шагах позади Кипты.

Дико озлившись, я вскочил на ноги. Закат, крича о мести, уже рванулся вперед, и я бежал недалеко позади него. Но мы недолго неслись, потому что, обогнув поворот коридора, наткнулись на Анатана, яростно колотящего по стене кулаком и рукояткой меча.

— Они прошли здесь! — крикнул он, как только мы возникли перед ним.

На гладкой поверхности изогнутой стены не было и следа двери. Здесь и нашли нас, расстроенных, Трэн и Аналия. Ученый превозмог свою ярость.

— Они удрали в Кум, — утвердительно заявил он. — Только в Куме они будут в безопасности, потому что знают, что против них поднимется весь Ю-Лак.

— В Кум, значит. — Я согласился с убедительностью его аргументов. — Хорошо...

Я повернулся, но он схватил меня за запястье.

— Куда ты собираешься?

— В Кум.

— Как ты туда попадешь?

— У меня есть флайер...

Он сразу вмешался.

— Они собьют тебя в пределах шестимильной зоны от своих морских укреплений. Здесь есть другой путь.

— Какой?

— Через то место, где вы видели танцовщиц Кора. Этот холл — часть древних Путей Мрака, туннелей, вырытых под поверхностью Кранда теми существами, которые трудились здесь раньше, чем стал господствовать человек. Путь в Кум, который находится здесь, для такого человека, который осмелится вы-брать его.

— Я осмелюсь пойти по любой дороге, — горячо ответил я. Закат продемонстрировал свои желтые зубы.

— С хорошим клинком в руке мужчина может разобраться в своей дороге. Когда мы отправляемся?

Трэн вынул из мешочка на поясе пачку листов для письма и протянул их мне.

— Составь просьбу о безотлагательном отпуске для себя и За-ката...

— И для Анатана тоже! — воскликнул юноша. — Нет, — прибавил он, увидев несогласие на моем лице, — я пойду, так как собираюсь последовать вашему примеру.

— Тогда составь на троих. Посмотрим, хватит ли моих полномо-чий. Нам нужны запасы продовольствия и оружие... — За-кат коснулся своего меча, но Трэн покачал головой. — Если ве-рить легендам, мы должны встретиться с некими опасностями, против которых нужно кое-что более убедительное, чем сталь.

— Даже так? — вмешался я. — Что ж, ресурсы моей службы для нее открыты. Оставьте меня на полчаса в большом арсенале, и, клянусь, я смогу обеспечить нас средствами, достаточными, чтобы стереть весь Кум в прах.

Аналия вынесла решение.

— Пусть Лорд Гаран возвращается в свой арсенал и доставит оттуда оружие, о котором он говорит. Я провожу его тайными путями. За час до рассвета мы встретимся в десятом дворе.

— За час до рассвета? Так долго? — спросил я, представляя себе Трэлу, бьющуюся в костлявых руках этой женщины-демона, и неторопливую улыбку Кипты, намекающую на отвратительные пороки. Спокойно ходить туда и сюда, собирая оружие, продукты, — каждая трепещущая жилка во мне неистово запротестовала. Мне хотелось наброситься на Хозяина Кума, бить и бить его до тех пор, пока красная кровь не зальет пол. Сознание того, что Кум находится в сотне миль по воздуху от нашего побережья и что это расстояние еще больше по Путям, не уменьшило моего нетерпения.

— Он не осмелится вредить ей, — спокойно сказал Трэн.

— Не сможет, даже если бы хотел.

— Что ты подразумеваешь?

— Сегодня он просил Императора отдать Трэлу ему в жены.

Мои пальцы сжались, как бы разыскивая призрачное горло. Никогда моя ненависть к Кипте не была такой жгучей. Это пресмыкающееся во мраке животное домогается ее! Я улыбнулся и увидел, как Аналия поморщилась от этой улыбки.

— Еще один счет между нами, — пробормотал я и затем громко добавил: — Будь добра, хозяйюшка, покажи мне ваши тайные пути. Чем быстрее я примусь за дело, тем скорее мы сможем двинуться по следу этого охотника из Преисподней.

— За час до рассвета в десятом дворе, — напомнил мне Трэн. Я отрывисто кивнул, и мы с Анатаном вышли из комнаты вслед за сообразительной Аналией. Мы шли, спотыкаясь, за ней по разнообразным извилистым потайным ходам, проложенным в стенах. Впоследствии я узнал, что с самого начала эта тройка — Трэн, Трэла и Аналия — следила за строительством дворца удовольствий, догадываясь о его назначении. Главный проектировщик всех его чудес за плату передал собственный комплект чертежей, на которых каждый секрет был точно обозначен. В течение всех дней и ночей со времени открытия дворца Трэла и Аналия разыгрывали свои роли внутри его стен, непринужденно расхаживая по проходам, которые Кипта и Айла считали известными только им.

Наконец мы вышли в узкую аллею, плохо освещенную и пустынную.

— Запомните хорошенько это место, — приказала Аналия, отпуская нас. — Когда вы вернетесь сюда, трижды постучите рукояткой меча. А теперь быстро уходите, пока вас не увидели.

Выйдя из темноты закоулка, Анатан не сразу нашел дорогу к общественной стоянке, где мы оставили флайер. У нас было в запасе немного времени, потому что город уже утих для нескольких часов сна — до восхода солнца. Нужно заметить, что я мало обращал внимания на улицу, по которой мы торопились, потому что мои мысли были направлены на содержимое военного склада и я мысленно составлял список того оружия и личного снаряжения, которое должно пригодиться нам больше всего.

Поэтому это случилось, что первое предупреждение, которое встревожило меня, произошло, когда бредовое, слюнявое нечто атаковало меня из прохода между двумя зданиями. Я хотел было выхватить меч, но сразу же отказался от этой попытки. Для клинка уже не было времени.

Я мельком увидел нападавшего, прежде чем он вступил в борьбу со мной. Черты его лица застыли в ужасной неподвижности курильщика райта. Из потрескавшихся губ капала слюна. Скрюченные пальцы тянулись, готовые вцепиться мне в глаза, излюбленная манера атаки тех, кого райт превращает в зверей. К усиливающемуся ужасу, я увидел, что он носил знаки отличия унтер-офицера моих собственных войск.

Мой испуганный крик и пронзительные визги нападавшего слишком поздно донеслись до Анатаиа. Я был крепко зажат этим типом, поэтому Анатан не осмеливался ударить, опасаясь ранить меня.

Я оправился от потрясения, полученного при этой встрече, и ухитрился нанести резкий удар прямо по его горлу, прежде чем похожие на обрубки пальцы нападавшего вонзились и разорвали мою шею над краем доспехов. Этот единственный удар, который, должно быть, спас меня, попал, больше по воле судьбы, чем по моему замыслу, в нерв и таким образом на мгновение остановил его.

Загрохотав доспехами, мы упали на мостовую; нападающий все еще тянулся к моему горлу, в то время как я, извиваясь, как змея из отдаленных морей, старался освободиться от его захва-

та. Его окрашенные рантом зубы щелкали всего в полудюйме от моего тела, и я со смесью страха и отвращения понял, что бьюсь в руках одного из тех несчастных, кого райт превращает в хищников. Я был всего лишь мясом, чтобы утолить его хищное и противоестественное желание.

Полностью избавившись от внезапного шока, я схватил его запястье одним из тех захватов, заимствованных у лапидиан, посредством которых они могли заставить человека сломать свои кости. Существо верхом на мне завывло и снова защелкало зубами, на этот раз задевая мою кожу.

Я нажал на его запястья, и тогда зубы сомкнулись на моей левой руке, прокусив ее до кости. Благодарение Оуну, я сумел удержать свое сжатие достаточно долго, пока Анатан не пришел мне на помощь. Он изо всех сил ударил тяжелой рукояткой своего парадного меча по незащищенной голове курильщика райта.

Человек закрыл глаза и вздохнул, затем откатился от меня. Пошатываясь, я поднялся на ноги. Кровь капала из моей раненой руки и разбрызгивалась по мостовой. К моему полному удивлению, мы были одни. Шум нашей борьбы и крики нападавшего никого не привлекли. Я осмотрел пустынную улицу, а затем перевел взгляд на Анатана. Он спокойно кивнул, и я понял, что та же самая мысль, которая пронеслась через мою чувствующую головокружение голову, владела им также. На нас преднамеренно напали. Кто-то расставил ловушку, и мы вляпались в нее. Курильщика райта поместили здесь, чтобы навредить нам.

— Пусть лежит. — Анатан дернул головой по направлению к безвольному телу моего недавнего противника. — Пойдем-ка лучше к флайеру, пока еще можно.

Охотно согласившись с ним, я обмотал краем плаща кровоточащую руку, и мы дали ходу. Не замедляя шага, мы прошли более ярко освещенный и заполненный народом проспект. Вскоре мы шли, тяжело дыша, по откосу к общественной стоянке.

Нам пришлось подождать, пока сонный служащий отыскал наш флайер. Что касается меня, я вздохнул с облегчением только тогда, когда мы очутились в узких пределах закрытой кабины флайера.

— Направляйся к арсеналу, — приказал я Анатану, — и приземляйся на его крышу. Мне не хотелось бы еще раз рисковать

этой ночью. Когда будем возвращаться, постарайся посадить машину в той аллее.

— Трудное дело, — прокомментировал он.

— Но легче, чем еще одна встреча с курильщиком райта. А сесть там можно, если будешь внимательным.

Секундой позднее наш садящийся аппарат коснулся плоской крыши приземистого арсенала, где хранились секреты моих войск, предназначенные для защиты всего Ю-Лака.

ПУТИ МРАКА

В туманном свете крошечного радиевого жезла, который хранился в моем пояском мешочке, я отыскал люк, закрывающий трап, который отпирал эту и любую другую дверь в пределах военного квартала. Я собирался это использовать.

Однако потребовалась помощь Анатана, чтобы поднять эту тяжелую плиту из окованного металлом камня и откинуть ее на крышу. Снова вступил в действие мой радиевый жезл, освещая плотный мрак под нами.

Точно помня, в какие цейхгаузы мне хотелось бы попасть, я поспешил вниз по трапу и через лабиринт коридоров, выходящих на него, пока наконец не подошел к двери, отмеченной широкой алой полосой. Пока я отпирал ее, мои пальцы так дрожали, что ключ звенел о замочную пластинку, ибо я твердо верил, что бегу наперегонки со временем.

Внутри, аккуратно уложенные в застекленные ящики, находились чешуйчатые костюмы, покрывающие человека с головы до ног, даже до кончиков его пальцев. Они были легки по весу, но подвергались химической обработке, так что противостояли всем известным смертельным газам и тепловым лучам. Указав Анатану на них, я распорядился:

— Отбери эти костюмы для нас всех. Я присоединюсь к тебе позднее на крыше.

Оставив его здесь, я спустился уже по другому трапу этажом ниже, разыскивая комнату, где хранились некоторые новые лучеметы последнего образца, все еще не взятые на вооружение.

На полигоне они произвели превосходное впечатление как в точности, так и в дальнобойности, но все же их стоимость не удовлетворяла наших экспертов.

Я отложил шесть маленьких, похожих на факел, жезлов и дополнительные заряды к ним — зеленые, фиолетовые и инфракрасные линзы. К новому и недостаточно испытанному оружию я добавил равное количество находящихся в употреблении моделей, снова с дополнительными зарядами. Затем, когда уже повернулся уходить, я натолкнулся на пояс из кожи грифа с большим радиевым осветительным элементом — вид снаряжения, которое носили те, кто осмеливался спускаться в подземелья Лапидиана. Я добавил это к своей добыче.

Вернувшись на крышу, я нашел там Анатана, нетерпеливо расхаживающего около флайера. Кроме неразрушимых чешуйчатых костюмов, он обнаружил четыре боевых меча старинного образца, которые предназначались для рукопашного боя на поле битвы и не использовались как парадные украшения.

Мы опустили люк на место, и я запер его. Когда мы сели в флайер, Анатан нажал на рычаг, который отправил нас высоко в небо. Избегая патрулей, совершающих свои регулярные дозорные полеты над городом, мы летели по более высокой трассе, чем раньше.

К счастью, дворец удовольствий легко было обнаружить с высоты, и Анатан отыскал нашу аллею. Затем, несмотря на свои сомнения, он совершил искусный пример маневрирования, приземлившись на мостовую в десяти шагах от двери. Если бы у нас не было одного из самых маленьких личных кораблей, он не смог бы сделать это. Как бы то ни было, мы добрались до места назначения, хотя полированные бока флайера находились всего лишь на расстоянии вытянутой руки от деревьев по сторонам аллеи. Мы подняли нашу добычу и нагруженные пошли к двери. На мой стук она открылась плавно и бесшумно, и показалась Аналия; яркий отблеск ее платья и украшений затерялся в тени.

Мы снова пошли по тем же извилистым проходам в стенах, пока не прошли через отверстие в маленький бедный дворик. Здесь находились Трэн и Закат, склонившиеся над рваной полоской пожелтевшей рыбьей кожи — материи, на которой древние народы нашей расы увековечивали свои действия.

— Вы уже вернулись? Хорошая работа, Лорд Гаран. Что вы принесли нам?

Я торопливо объяснил, что выбрал из оружия, и предложил Трэну для осмотра один из чешуйчатых костюмов. Хрустальные восьмиугольные чешуи костюма сверкали при свете как драго-

ценные камни. Закат погладил его с любовью, какую испытывает каждый воин к полезному оружию своей профессии. Но его интерес значительно возрос, когда Анатан показал старинные боевые мечи.

— Хорошая сталь. — Он провел большим пальцем по сверкающему лезвию одного из них. — Я предпочту иметь это, чем все лучевые жезлы Кранде. Сталь никогда не подведет человека. Ты молодец, Анатан.

— Похоже, что ты не без успеха ограбил свой арсенал, — согласился Трэн, вторично проверяя нашу добычу. — Мы тоже не бездельничали, пока вы путешествовали.

Он махнул рукой по направлению к углу двора, где были свалены в кучу небольшие контейнеры с пищевыми концентратами и сосуды с так называемыми «водяными» леденцами, которые использовались на марше через пустынные страны. Обработанные пища и вода, которых хватало человеку на много дней, могли поместиться в поясном мешочке не больше двух моих кулаков. Кроме того, имелась карта, над которой они стояли склонившись, когда мы вошли.

— Мы очень мало знаем о подземных путях. Мы, смертные, исключая извращенных лапидианцев, избегали нижних дорог, — Трэн показал на разглаженную карту. — Но всегда находились те, кто искал знание в необычных местах. Таким был солдат Ким-каменщик, живший в Ю-Лаке около пяти тысяч лет назад.

Они тогда рыли котлованы первых крупных защитных башен и, желая обеспечить их неразрушимым основанием, продвинулись много глубже, чем когда-либо проникали раньше. На двадцать седьмой день земляных работ они обнаружили секцию одного из Путей Мрака.

Ким-каменщик добивался и получил разрешение проникнуть и исследовать неизвестный проход, принимая во внимание возможное будущее использование его для военных целей. Он был не в состоянии собрать каких-нибудь сторонников и пошел один. Снаряжение в те времена было, конечно, значительно хуже того, которым располагают наши подземные исследователи на сегодняшний день, но он сумел обследовать и составить карту обширной части Путей, решетящих горные породы, на которых стоит Ю-Лак. Все указывало на то, что эти громадные туннели и комнаты были выдолблены механическими средствами,

и предполагалось, что они были плодами мастерства той нечеловеческой расы, которая предшествовала нам в господстве над этой планетой. Первое подземное путешествие только возбудило в Киме-каменщике жажду дальнейшего знания. Он ходил снова и снова и в конце концов не вернулся. Между тем Амист Великий, Император Ю-Лака в тот период времени, посчитал за лучшее закрыть отверстие.

Он принял это решение сразу же после того, как получил конфиденциальный отчет, составленный Кимом-каменщиком после возвращения из предпоследнего путешествия. Можно легко догадаться, что воин-исследователь открыл нечто чрезвычайно опасное для города. Что бы это ни было, но его отчет никогда не публиковался.

До середины прошлого года все самые ранние отчеты и карты Кима-каменщика спокойно хранились в библиотеке Ученых в Семте. Но, когда я из любопытства захотел посмотреть их, оказалось, что они исчезли, за исключением этой единственной карты, которая зацепилась за крышку ящика, где они хранились. Служащий сообщил мне, что Кипта из Кума, имевший разрешение главного библиотекаря, забрал их для личного изучения.

Потом был построен этот дворец, и галерею прокопали до пересечения с одним из Путей, нанесенных Кимом-каменщиком на карту. В то же самое время Кипта проявил неожиданный интерес к очень древним храмам Кора и несколько раз полусекретно побывал в них. А Кор, как мы знаем, является последним оплотом той таинственной религии, вышедшей из забытых ритуалов Древнейших Существ.

Оставив эту единственную карту, Кипта оставил мне могущественное оружие. Потому что на этой карте начерчено то, в чем мы больше всего сейчас нуждаемся, — путь под океаном в Кум. Предание гласит, что именно по этому пути пошел Ким-каменщик в то последнее путешествие, из которого не вернулся. Судьба, постигшая Кима-каменщика пять тысяч лет назад, может до сих пор ожидать тех, кто последует по его стопам сегодня. Но я уверен, что это та дорога, по которой Кипта и Айла ушли сегодня ночью. Где-то на ней может находиться опасность, которая заставила Амиста герметически закрыть Пути. Существует ли та опасность до сих пор?

Закат фыркнул.

— Мы можем только пойти и посмотреть. Я разложил чешуйчатые костюмы и выделил каждому оружие. — Трэн рассмеялся.

— Похоже, что порода Кима-каменщика не перевелась. Давайте готовиться.

Мы сбросили нарядные доспехи и нижние туники, потом натянули плотно пригнанные чешуйчатые костюмы. Основная материя, на которую крепились защитные чешуи, имела эластичные свойства и плотно прилегала к коже владельца. Гротескная маска, оборудованная окслинзами, которые давали мощное увеличение далеких объектов и, кроме того, давали возможность тем, кто использовал их, ясно видеть в почти абсолютной темноте, висела у каждого через плечо, так что ее в любое время можно было натянуть.

Полностью закрытые таким образом, мы были, насколько мне известно, неуязвимы для любого применяемого оружия. Гладкая поверхность чешуи затупляла и отводила самое острое лезвие, а также противостояла сжигающим или замораживающим лучам.

Поверх чешуйчатых костюмов мы опоясались найденными Анатаном мечами, прицепив к своим поясам, кроме того, луچهметы старого и нового образца. Дополнительные заряды для наших жезлов и маленькие баночки с продовольствием вошли в сумки из кожи грифа, которые мы забросили на спину.

Когда мы были готовы и повернулись к двери, нас ожидала пятая чешуйчатая фигура. Аналия, скинув рыжий парик и распустив черные волосы, застегивала на талии пояс с радиевым осветительным элементом. После этого она спокойно прицепила к поясу лучевые жезлы, перед тем как наклониться за сумкой с продовольствием.

— Аналия! — закричал ее брат. — Что за безумие?

— Я тоже иду, — хладнокровно прервала его Аналия. — Где Трэла находится, туда и я последую. И ты не можешь отказать мне. Я берусь за это рискованное дело с открытыми глазами, точно так, как делала с самого начала. Пути Мрака могут вмещать не больше опасности, чем было в этом дворце. Я иду.

После этих слов она повернулась и исчезла за дверью. Я взглянул на Трэна, который складывал оставшийся чешуйчатый костюм — Анатан принес шесть вследствие какого-то сообщения — в такой маленький сверток, какой мог, чтобы сунуть

его в свою продовольственную сумку. Он посмотрел на меня с улыбкой.

— Когда женщина говорит таким голосом, Лорд Гаран, лучше позволить ей поступить по-своему сразу, потому что даже дискуссия в течение многих лет не заставит ее изменить свою точку зрения. Аналия не задержит нас, служа своей госпоже, она не раз доказывала свою силу и ловкость. Пусть идет.

Итак, я был вынужден уступить, хотя мне, конечно, не по душе была мысль, что женщина разделит с нами опасности неизвестного. Мое неудовольствие разделял Анатан, который был взбешен. Только Заката ничего не беспокоило, так как он страстно желал испытать опасности дороги, лежавшей перед нами.

Аналия ждала нас в холле, и под ее опытным руководством мы пробирались через сеть коридоров и комнат в поисках того ската, который вел вглубь, которым мы шли так недавно — и все же так давно. Несмотря на мои невысказанные сомнения, мы не привлекли внимания ни в одной из комнат, через которые проходили. Наша странная одежда характеризовала нас как шутов некоторого сорта для немногих полупьяных глупцов, на ког-рых мы наталкивались.

Еще раз мы нашли и спустились по широкому скату, но теперь не было слышно гипнотического пронзительного ритма, чтобы запутать наши ноги и мысли, — лишь сухое и пыльное безмолвие, как в примитивных горных храмах Ру, безмолвие, полное пыли исчезнувших веков. Светильники теперь не меняли оттенка и мерцали лишь бледно-серым светом, когда мы продвигались вперед, пока наконец совсем не погасли, и мы остановились, чтобы натянуть свои маски с их пронзающими тьму глазными экранами.

Снова под нашими ногами был черный пол, но теперь наполненный гниением луч не исходил из вышины, а крылатые, танцующие фигуры исчезли. Здесь инициативу взял на себя Трэн, быстро поведший нас вперед через обширную пустоту этого покинутого зала.

Другой скат, на этот раз такой крутой, что мы были вынуждены ухватиться за перила из полированного временем камня, открылся веред нами, и Трэн, не колеблясь, ринулся вниз по нему. На полпути спуска он опустился на колени и поднял какой-

то предмет, который протянул нам. На ладони его чешуйчатой перчатки мерцал обрывок блестящего материала, который украшал платья Трэлы и Айлы.

— Этот вестник говорит нам, что мы следуем по верному пути, — сказал он и бросил обрывок. Но я остановился и отыскал его, а затем спрятал в свою сумку.

Мы спустились все ниже и ниже во все сгущающуюся тьму, тьму, которая могла полностью подавить нас, если бы не было наших оклинз. Аналия хотела было включить радиевый элемент-фонарь, не зная, что или кто могло находиться в ожидании нас внизу, но Трэн не разрешил. Пока мы могли видеть, лучше было не предупреждать о нашем приближении.

Я заметил перемену в характере стен. Раньше они были из гладкого блестящего камня, а теперь из больших блоков какого-то серого вещества, которое имело слегка отталкивающий блеск, как будто покрытое слоем слизи. Трэн кивнул на них.

— Мы вошли в Пути. Ни один, кто когда-либо видел работу Древнейших Существ, не сможет спутать ее ни с чем другим.

Не останавливаясь, мы шли по скату, становившемуся все круче, так что нам пришлось ослабить до некоторой степени наш безудержный темп и крепко держаться за перила. Я уже начал опасаться, не станет ли этот спуск чересчур крутым для наших ног, когда он внезапно сменился похожей на глубокий желоб тропой, бегущей почти по горизонтальной поверхности в густую тьму перед нами. Как только я шагнул на эту непонятную мостовую, то почувствовал, что те, кто построил такой путь для собственных забытых надобностей, были полностью чужды мне и всем теплокровным живым существам, подобным человеку, настолько чужды, что я не мог представить себе их истинные формы и цели. Для чего служила эта дорога, выполненная ими, и другие подобные ей? Кто ходил по ним?

Первые несколько шагов убедили меня, что дорога никогда не предназначалась для человеческих ног. Потому что она обладала закругленной приподнятой серединой, с которой мы постоянно соскальзывали. Для того чтобы удержаться на ногах, мы были вынуждены сбавить скорость и перейти на явное перемещение ползком.

Я не могу сказать, сколько миль и сколько часов мы шли этой прямой, неразветвляющейся дорогой. Однако мы трижды останавливались подремать и перекусить. Ничего нельзя было

увидеть или услышать, только темнота, пронизываемая силой наших линз на расстоянии нескольких футов.

Во время третьей остановки Трэн достал карту из рыбьей кожи, и Аналия осветила ее своим поясным фонарем, так что он смог проследить путь, который прошли, и путь, который мы еще должны пройти.

— Здесь есть крутой поворот направо и та дорога, по которой мы должны следовать. Мы должны быть почти у него.

— Тогда пойдем дальше к этому повороту, — сказал Закат, вскакивая на ноги. — Пока в этой змеиной норе было мало интересного для бойца. Где же находится то опасное, о котором Ким-каменщик жужжал в уши своего господина?

— Где-то перед нами, милорд. Я все-таки верю Киму-каменщику и его рассказам. Пойдем дальше и проверим их? — Трэн скатал карту и спрятал ее в свой мешок.

Мы поднялись на усталые ноги и пошли дальше. Именно так, как Трэн показал нам на карте, наша дорога, резко разделилась на две, причем одна ветвь шла вправо. Анатан и его сестра уже повернули на нее, когда мне бросилось в глаза что-то блестящее на поверхности другого ответвления. Мои пальцы сомкнулись на втором маленьком клочке платя. Я протянул свою находку другим.

— Неужели карта ошибочна? — спросил я Трэна. — Судя по клочку, это так.

— Если это только не приманка, чтобы направить нас по ложному следу.

— Тоже верно. Однако есть только один способ проверить это.

— А именно?

— Разделить нашу группу. Каждый отряд последует в ответвление. Смотрите, я ставлю небольшой инфракрасный заряд в свой лучевой жезл. Пока он горит, я буду идти по этой дороге. Если я ни на что не натолкнусь в течение этого времени, чтобы подтвердить свой выбор, то вернусь сюда и последую за вами. Вы сделаете то же самое.

Трэн сразу согласился.

— Это наиболее благоразумный подход. Кто пойдет с тобой?

— Закат, — немедленно ответил этот человек. — Мы и раньше вместе охотились.

— Хорошо. — Трэн порылся в своей сумке, чтобы найти и установить заряд в жезл на поясе, и я сделал то же самое. Когда, наконец, оба были зажжены, мы попрощались друг с другом на время и отправились по маршрутам, которые выбрали, — Трэн, Анатан и Аналия направо, а мы с Закатом прямо вперед. Моя рука сжала эти два клочка в сумке, когда мы пошли.

Мы отошли на некоторое расстояние, когда Закат приподнял край маски и понюхал воздух.

— Ты не чувствуешь никакого запаха?

Я последовал его примеру. Затхая сухость воздуха была с привкусом приторного запаха, запаха сладковатого и все же тошнотворного, гнилостного.

— Да, — ответил я.

— Не нравится мне это. Здесь такая же вонь, как в некоторых старых горных погребениях. Впереди нас ждет что-то неприятное. Но это отнюдь не причина для возвращения.

По мере нашего продвижения зловоние усиливалось, и, к моему изумлению, свет из лучевого жезла медленно изменил цвет, приняв пурпурный оттенок. Я обратил на это внимание Заката.

— Какая-то дьявольская игра. Здесь находятся вещи, с которыми людям лучше не связываться. Наш друг из Кума охотился на запретных тропах. Однако теперь охотятся за ним, а это совсем другое дело. Давай отыщем источник этого запаха.

Мы внезапно дошли до крутого поворота на дороге, первого поворота, который нам встретился. Осторожно обогнув изгиб, мы обнаружили, что находимся на краю неизвестности...

СУЩЕСТВО ИЗ БЕЗДНЫ

Тропа резко оборвалась у края неизмеримой бездны. Из ее глубин доносилось слабое вздыхающее бормотание, отдаленное жужжание, как будто какая-то форма жизни существовала и ползала далеко под нами.

— Конец, — сказал Закат. — Наш выбор оказался ошибочным.

— Сомневаюсь, — задумчиво сказал я. Мое внимание привлекло что-то подвешенное над бездной. Две длинные цепи из того же материала, как и тот, из которого были возведены стены Путей, висели туго натянутые и устойчивые, как будто они

поддерживали какой-то невидимый груз. Я отстегнул лучевой жезл и направил его перед собой, так что пучок световых лучей до сих пор горевшего заряда смог охватить то, что должно было висеть между цепями.

— Ах... — замурлыкал Закат, как гигантская Ана, потому что луч высветил мост из какого-то поглощающего свет материала, мост, тянущийся за завесу тьмы.

Перемещая луч, я проследил очертания моста, чтобы увидеть, где он касался нашего края пропасти. Но он не соприкасался. Он обрывался на расстоянии добрых трех футов в куче разбитых осколков. Разрушился ли он недавно или столетия назад — нам никто не мог рассказать, но этот пролом оказался эффектной преградой.

Я оценил длину позади нас. Человек, если он был проворным и не боялся высоты, мог бы преодолеть брешь прыжком с разбега — если Оун будет добр к нему. Однако мост обладал гладкой поверхностью, и она изгибалась в виде гребня, который с самого начала служил для нас помехой, а внизу сияла бездна.

Закат так же быстро, как и я, принял наш единственный шанс.

— Один должен стоять здесь, — сказал он, — и направлять луч на край этой гибельной западни, в то время как другой прыгает. Затем, если с помощью Оуна удастся совершить это, он должен проделать то же самое, пока его товарищ не присоединился к нему. Просто, но смертельно опасно. — Он засмеялся.

Выбора у нас не было. Затянув пояс и крепко привязав мешок с продовольствием за плечами, я приготовился. Затем, прежде чем он смог запротестовать, я сунул свой лучевой жезл ему в руки и вернулся назад до конца коридора. Я стремительно пронесся мимо Заката, который пригнулся у края бездны с железом наготове, чтобы освещать мне место приземления.

Затем я очутился над пучиной: сердце билось так, что отдавалось в ушах. Мои ноги коснулись гладкой поверхности моста и соскользнули. В стремительном броске я метнулся вперед, мои напрягшиеся пальцы сомкнулись на этом срединном гребне. Изгиб, который казался нам самой большой опасностью, спас меня. Я намертво вцепился в него, лежа вниз лицом на бледной призрачной поверхности, пока мое дико колотящееся сердце не успокоилось. Тогда с помощью одной из гигантских поддерживающих цепей я смог подняться на ноги.

Из продуктового мешка я вытащил два мотка тонкой прочной кожаной веревки, которой Трэн сообразил снабдить нас. Одной я привязался к цепи, к другой привязал груз — консервную банку — и перебросил ее через пустоту Закату. Он прикрепил к ней мой лучевой жезл, и я потянул веревку обратно.

Пока она качалась в пространстве, я испытал, возможно, самое жуткое переживание, какое любой человек моего мира мог когда-либо представить себе. Потому что, когда луч больше не бил в мост, тот исчез из поля зрения, и мне показалось, что я стою на разреженном воздухе, хотя мои ноги ощущали твердую поверхность.

В то же мгновение факел оказался в моей руке. Снова разбитый на куски конец моста появился из небытия.

Закат приготовился и исчез в том направлении, откуда мы пришли. Затем вылетел из устья коридора по направлению ко мне. Видимо, он оттолкнулся с большей силой, чем я, потому что удачно приземлился, и я помог ему подняться на ноги.

— Это же гнездо дьявола, если здесь когда-либо существовал хоть один, — сказал он, тяжело дыша, когда снова встал прямо. — Мне даже не хочется думать об обратном путешествии. Нет, давайте зажжем оба факела. Что касается меня, то я не хочу шагать по бессодержательному воздуху, даже если мои ноги утверждают обратное.

Я отвязался от цепи, служившей мне опорой, и мы отправились в это невероятное путешествие над бездной. Строители и инженеры Древнейших Существ, должно быть, обладали великим мастерством, но как чужды были их мысли для человеческой расы. Я восхищался мужеством Кима-каменщика, который проникнул внутрь Путей один, защищенный только слабым снаряжением своего времени. Возможно, этот пролом в мосту и объяснял, почему он не вернулся из своего последнего рискованного предприятия.

— Запах заметно усиливается, — прервал Закат мои мысли. Он поднял светильник и направил его луч далеко вперед.

Точно внутри круга света что-то двигалось. Закат внезапно остановился.

— Это и в самом деле полностью проклятое место. Похоже, нас тут поджидает нечто. Я никогда не предполагал, что стану верить в ночных демонов. Однако это существо, или призрак, возникло при освещении. Ты понимаешь, что это означает?

Я понимал даже слишком хорошо. Это что-то было невидимым при обычном освещении, таким же невидимым, как и мост, тогда как при инфракрасном освещении они были различимы. И оно двигалось по направлению к нам.

— Я думаю, надо оставаться здесь, — продолжал Закат, когда увидел, что я понял смысл его слов. — Лучше предоставить незнакомцу первому показать свою силу, так чтобы мы могли разнюхать его слабое место. Говоря о слабостях...

Запах разложения и непотребного гниения становился трудно переносимым в неподвижном воздухе и значительно усиливался с каждой минутой. Казалось, теперь я мог уловить слабый звук — злое шарканье.

Закат снова поднял свой светильник и послал луч вперед. Значительных размеров что-то попятилось от сияния.

— Прекрасно, как бы то ни было, оно не симпатизирует этому свету, — заметил с удовлетворением мой товарищ. — Этой слабостью мы можем воспользоваться. Заряди свой жезл, и мы заставим его убраться.

С четырьмя жезлами, испускающими лучи, мы шагнули вперед. То, что загоразивало нам путь, отступило. Мы не увидели ничего, кроме темной массы, неуклюже, но быстро движущейся от наших лучей.

Развязка наступила довольно быстро. То, что бежало от нас, набралось храбрости или, может быть, разгадало секрет наших светильников, потому что, когда мы опять двинулись вперед, оно не пошевелилось, а припало к поверхности моста, ожидая нас.

Я видел кошмарных рептилий подземных лапидианских болот и летающие ужасы холианских солончаковых равнин, но то, что было перед нашими глазами на невидимом мосту в Путиях, было гораздо более отвратительным для человеческого глаза, чем те. Во-первых, его почти невозможно было рассмотреть — свет наших жезлов выхватывал только слабые туманные очертания. Оно не обладало конкретной формой, так как его тело казалось странно подвижным, как будто оно могло изменять внешний вид по желанию.

Самой ужасной принадлежностью у него были глаза, горящие, как тусклые пурпурные фонари в складках рыхлой серой плоти. Оно, казалось, не имело конечностей, кроме массивных тумб жира, оканчивающихся всасывающими подушечка-

ми, с помощью которых оно передвигало свое задуманное дьяволом тело.

— Вонючие ночные птицы Депта, — выругался Закат, — здесь ползает то, что заставляет человека не верить своим глазам. Если это было то, чего испугался Ким-каменщик...

Не приняв быстроту, с которой оно предварительно избегало нас, существо поползло вперед, создавая своими подушечками тот слабый шаркающий звук, который я отметил раньше. Глаза прочно удерживали нас в паутине ужасного обаяния.

Существо перед нами имело разумный мозг. Возможно, сильно непохожий на наш, но мозг, который был даже выше по возможностям, какими он обладал. Интеллект высокого порядка светился в этих удивительных глазах.

Однако ползун был ошеломлен этой встречей так же, как и мы. Я ощущал волну любопытства, исходящую от него. Оно не было, я чувствовал, злым, так как мы знали истинное зло. Как только я посмотрел в эти горящие глаза, я получил некоторое представление об ужасно чуждой расе и ее невероятной цивилизации. Расе, далекой от наших моральных стандартов. Поэтому, хотя я чувствовал отвращение и некоторый ужас, мне было не страшно.

Остановившись на некотором расстоянии от нас, существо собралось в комок и приподнялось, создавая впечатление о некой обстановке, чтобы посидеть и подумать о поставившей его в тупик проблеме. Оно недолго смотрело на нас, а затем, повернув круглую червеобразную голову, взглянуло вниз, в бездну.

Из глубины донесся тонкий воющий крик. Затем из темноты наверх вылетело что-то сверкающее как серебро, парящее на широких крыльях. Оно грациозно кружилось и порхало вокруг моста, а потом наконец сложило крылья и встало рядом с бесформенным чудовищем.

По виду оно походило на человека: то есть оно обладало стройным телом и конечностями, которые соответствовали нашим рукам и ногам. Но все четыре конечности заканчивались всасывающими подушечками, как у ползуна. Голова была круглой и, казалось, не имела характерных черт, кроме больших пурпурных глаз. Бахромистая перепонка служила ему волосами. Последняя медленно выпрямилась, когда оно осматривало нас, пока оболочка не окружила круглую голову как светящаяся туманность.

В моем мозгу зазвучали слова:

— Зачем ты топчешь Древние Пути, человек?

Я кое-что знал о мысленной передаче, применяемой Учеными, поэтому осторожно продумал до конца свой ответ вместо того, чтобы произнести его вслух.

— Я преследую врага из своего мира.

Серебряное существо обернулось к ползуну, и у меня создалось впечатление, что был задан какой-то вопрос и получен ответ. Затем снова пришел вопрос:

— Он прошел этой дорогой?

— Думаю, что да.

Мой ответ, казалось, возбудил эти создания. Я почему-то знал, что они были взволнованы и выбиты из привычного равновесия. Теперь уже я задал вопрос:

— Вы те, кого мы называем Древнейшими Существами?

Я почувствовал их насмешливое пренебрежение.

— Нет, мы только глина, которой они придали форму на своих гончарных кругах. Древнейшие существа уже давным-давно исчезли. Мы остались. Мы должны здесь кое-что делать. Глупец, глупец! Тратишь впустую свои дни, преследуя врагов, в то время как гибель быстро подступает к этому слабому миру!

— Что ты хочешь этим сказать?

— Спроси того, кто прошел через забытые Пути до тебя. Разыщи его, человек.

Затем вся связь между нами прекратилась, потому что внезапно опалесцирующие огни загорелись по массе ползуна. Он поднялся и опустился. На жирных складках его тела появились огромные раны. Его плоть расплзлась кусками. Я вздрогнул под ударом мысленных волн, бьющихся в непередаваемой агонии. Его спутник взлетел и завис над ним на мгновение, затем повернулся и умчался.

Ползун снова приподнялся и, по-видимому, ослепленный, неуклюже двинулся к краю моста. Какое-то мгновение он стоял, пошатываясь, а затем нырнул вниз и исчез. Мы остались одни.

Закат встряхнулся, как бы избавляясь от зловещего сновидения.

— Что бы все это значило? — спросил он.

— Ползающее существо встретило смерть, как представляют ее жители преисподней, но это не естественная смерть, — ответил я. — Другой, вероятно, полетел разыскивать причину.

— Давай-ка уйдем с этого места, — Закат вздрогнул, когда посмотрел вниз, в пустоту, поглотившую умирающего ползуна.

Мы снова отправились по этому ненадежному пути и отбросили всякую осторожность, потому что нам хотелось вновь ощутить твердость прочного грунта под собой. Сухость в горле и острые спазмы в животе побуждали меня устремиться к пище, но Закат не хотел останавливаться, говоря, что лучше дойти до конца моста прежде, чем делать привал. Больше мы не видели крылатой фигуры и не натыкались на другого ползуна, и я уже почти уверил себя, что мы стали жертвой собственных фантазий, если бы не более поздние события.

Наконец мы дошли до конца этого жуткого моста и на этот раз спокойно шагнули с невидимости на твердую почву. Закат запнулся, упав на колени. Когда он поднялся, то держал небольшой металлический конус — распространитель разрушающих лучей.

— Я думаю, что вместо ползуна мы должны были почувствовать дыхание этого. — Он задумчиво потрогал конус. — Эта смерть была предназначена нам. Хозяин Кума перестал смотреть на нас как на забаву.

В воздухе над нашими головами кто-то закружил и запорхал. Поддерживаемый широко раскинутыми крыльями, висел серебряный призрак из бездны. Он задержался на секунду, а затем снова исчез, но за это мгновение я почувствовал озноб от холодной и смертельной ненависти, направленной не на меня, а против того, кто оставил этот предательский конус.

Закат с нескромным удовлетворением посмотрел на меня.

— Похоже, вместо двух охотников стало трое. Это существо из бездны — враг не из приятных. Сейчас Кипта взбаламутил глубины самого Ада. Может быть, Оун допустит, чтобы мы первыми настигли его!

Охотно поддержав это пожелание, я шагнул на изогнутую дорожку. Получив подтверждение через смерть ползуна, что мы находимся на правильном пути, я позволил себе уменьшить мощность лучевых жезлов, сохраняя таким образом ту часть заряда, которая еще оставалась.

Наше путешествие в течение долгих часов было только повторением того, что мы совершили на другой стороне разбитого моста. Тропа бежала по прямой между глухих стен. Ничего не было видно и слышно. Три раза мы останавливались отдохнуть

и поест, затем снова шли дальше. Я размышлял о том, что если Трэн, верный нашему соглашению, последовал за нами, то как он переправился через пропасть.

Я потерял счет времени в этой лишенной солнечного света норе, но, должно быть, прошло несколько дней после последней встречи с серебряным существом, когда мы внезапно вступили в область, где стены испускали мягкий фосфоресцирующий свет. Он усиливался по мере нашего продвижения вперед, пока наконец мы не получили возможность совсем сбросить свои маски.

Коридор, по которому мы следовали, кончился у подножия откоса, и мы без колебания начали подъем. Наверху находилась запертая дверь из какого-то материала, не похожего на тот, которым были облицованы Пути.

Мы навалились на нее, и она начала поддаваться под нашими усилиями. Постепенно отжав дверь, пока щель не стала достаточно большой, чтобы протиснуться через нее, мы вытащили жезлы и вошли.

Небольшой коридор, в котором мы очутились, был вполне совершенным и соответствовал нашему миру; чуждая атмосфера Путей исчезла. Мы крадучись скользнули вперед, производя своими покрытыми чешуей ногами, несмотря на все усилия, шуршащие звуки на полу.

В конце концов мы очутились перед другой дверью. Нам снова пришлось напрячь всю силу, чтобы сдвинуть ее массивную створку.

Я был полностью ошеломлен и чуть было не вскрикнул, когда мы протиснулись внутрь этой второй двери. Перед нами находилась гигантская лаборатория. Мой неподготовленный ум не мог понять значение даже одной тысячной чудовищных приспособлений, собранных здесь. Мы стояли в тайной лаборатории Кипты, куда даже Ученые никогда не проникали.

Закат, не обращая внимания на то, чего он не понимал, двинулся вдоль этой коллекции сверхнаучных приборов. Минутой позже самонадеянность покинула его с единственным приглушенным восклицанием. Когда я присоединился к нему, то увидел ряд ящиков с прозрачными крышками, стоящих в узком проходе. Даже теперь я не могу позволить себе остановиться на том, что содержали эти ящики. Достаточно сказать, что мозг, ответственный за содержимое, должно быть, был абсолютно нечеловечески безумным.

Отвернувшись от этого омерзительного зрелища, мы побежали по проходу, забыв об осторожности. Если бы я не ненавидел Кипту до глубины души еще раньше, то почувствовал бы к нему отвращение после этого единственного быстрого взгляда на результаты его отвратительных экспериментов.

Мы снова подошли к откосу, поднимающемуся вверх. Мы стали подниматься, полные страстного желания покинуть это место безумных ужасов. В верхней части откоса находился холл, не более чем передняя для какой-то комнаты, скрывающейся за занавесом. Приглушенный шум голосов остановил меня, когда я потянулся отстранить ткань.

— Таким образом, это скоро начнется, моя дорогая Трэла. Разве не ясно? — донесся до нас обходительный голос Кипты.

Однако ответ был приглушенным, как будто говоривший пристально смотрел на какое-то ужасающее зрелище.

— Ясно.

— Тогда вы должны согласиться со мной, что наша надежда заключается...

Дальнейшие слова слились в неразборчивое бормотание, как будто Кипта удалился от нас. Я не стал больше ждать. Протянув руку, я рванул занавес.

ОБРЕЧЕННЫЙ МИР

— Гаран! — Глаза Трэлы, широко раскрытые от удивления, были прикованы ко мне.

Кипта быстро обернулся, рычание сорвалось с его искривленных губ.

— Дьявольщина! Я думал, ты...

— Мертв, Кипта? Нет еще — твой луч убил другого.

— Трэна! — снова воскликнула Трэла.

— Нет. Существо из бездны. Его спутник установил твою вину. Я бы на твоем месте держался подальше от Путей, Кипта. Конечно, если ты живым пересечешь порог этой комнаты. Что ты предпочитаешь? Сталь против стали или голую силу? Это час расплаты.

Он рассмеялся мне в лицо, его минутное замешательство исчезло.

— Ты думаешь, что я унижусь до обмена ударами с таким, как ты, солдат? Здесь я хозяин, как ты скоро узнаешь?

Он отступил к дальней стене. Я не нуждался в предупреждающем крике Трэлы. Я прыгнул, но было слишком поздно. Под его рукой стена, казалось, растаяла, и он исчез. Я ударился о твердую поверхность и был отброшен назад, контуженный, на пол.

— Он такой скользкий, как ящер из глубин, — гневно заметил Закат.

Совершенно разъяренный своей неуклюжестью, я мог бы попытаться проломить эту стену, если бы бесполезность такой попытки не была очевидной с самого начала. Взамен я отправился на поиски какой-нибудь двери, которая дала бы мне возможность выследить Хозяина Кума.

— Нет! — Трэла потянула меня назад. — Сейчас не время для личных распрей или мести! Смотри!

Она показала пальцем вниз на установленную в полу плиту. На монотонной черной поверхности мерцали и сверкали крошечные искорки света.

— Что это? — тупо спросил я.

— Гибель идет на Кранд и на всех нас! — Никогда я не слышал такого тона печальной уверенности, как тот, который звучал в голосе Трэлы. — Ты не понимаешь? Это карта звездного неба, мириадом миров, делящих с нами эту вселенную. Один из этих далеко расположенных миров сбился со своего обычного пути и мчится в пространстве — снаряд, нацеленный богами на Кранд! Бессчетные сотни лет он двигался к нам и было время, когда мы могли избежать гибели... — Она запнулась, а ее пальцы дергали рваное платье. — Могли бы избежать гибели, ты понимаешь? Спокойно расположились бы в другой точке пространства и выждали бы, пока разрушение пройдет мимо нас! Но Кипта лишил нас этого шанса, нашего единственного шанса. Ему нужна была энергия для его отвратительных экспериментов, поэтому он совершил непростительный поступок, деяние, которое Ученые еще сто тысяч лет тому назад поклялись никогда не совершать. Он использовал энергию нашего солнца!

А так как ритм нашей Солнечной системы был настолько тонко сбалансирован, то он погубил нас. Мало-помалу за истекшие году наша орбита изменилась. Мы, Ученые, знали, знали об этом с самого начала, но не могли установить причину. Теперь эта причина нам понятна — слишком поздно!

— Но Кипта — когда он узнал, что это означало разрушение...

Она безумно рассмеялась, топчя ногами эти крошечные искорки, которые были звездами.

— Кипта благоразумен и хитер. Никогда он не попадет в собственную ловушку. Он намеревается покинуть Кранд, найти молодой мир, чтобы завоевать его с помощью своего темного знания, где-нибудь среди звезд. А Кранд будет оставлен встречать рок, который Кипта навлек на него!

— Но Ученые, несомненно... — начал я снова. Она некоторое время смотрела на меня, и затем безумие, казалось, сошло с ее лица: она опять стала спокойной с крепкими нервами женщиной, которая отважилась сыграть роль Айлы во дворце удовольствий в Сотане.

— Ты вправе упрекать меня, Гаран. У нас нет уже времени для необдуманных слов и бесцельных действий. Давайте вернемся в Ю-Лак и посмотрим, что можно сделать. Сейчас же, пока Кипта не вернулся со своими охранниками, как он грозил.

— Тогда обратно через Пути, — решил я. — Сейчас весь Кум поднимется против нас. Только вот мост...

— Когда мы достигнем его, тогда будем думать о том, как переправиться, — сказал Закат. — Слушайте!

Откуда-то из стен нарастало зловещее бормотание. Трэла ухватилась за меня.

— Они идут! Кипта...

— Мы уходим! Пойдем.

Мы проследовали тем же путем через внушающую страх лабораторию по проходу, заставленному ящиками с монстрами, и через обе тяжелые двери, чтобы окунуться во мрак Путей. Трэла крепко прильнула ко мне, потому что, не имея наших пронизывающих тьму линз, она двигалась как слепая. Я не считал ситуацию неприятной.

Хотя мы шли быстро, спотыкаясь, по гребневидному пути, нас достиг звук погони, громогласно повторенный сводами Путей. Трэла остановилась, опираясь рукой о стену.

— Вы идите дальше, — она дышала со свистом, — продолжайте путь к Ю-Лаку, а я больше не могу.

Я засмеялся и все же увидел в ее словах зерно здравого смысла.

— Ты верно сказала: один из нас должен остаться, чтобы задержать эту свору. Закат, бери принцессу и идите!

— Неужели ты не видишь, Гаран? Я не могу больше идти. Дай мне свой лучевой жезл.

Я увидел, что она действительно выдохлась; она не могла идти наравне с нами со своими слабеющими силами. Было только одно решение. Я повернулся к Закату.

— Иди!

Он с угрюмой решительностью покачал головой, вынуждая меня пустить в ход свое последнее оружие.

— Это приказ! — резко сказал я.

Его голова поднялась, и он пристально посмотрел мне в глаза.

— Так как ты приказываешь, я должен повиноваться. Ты не оставил мне ничего — даже чувства собственного достоинства.

Потом он повернулся и покинул нас, двигаясь вначале медленно, как будто на него внезапно навалился груз прожитых годов. Трэла взглянула на меня.

— Уходи, уходи! Не оставляй хоть этого у меня на душе.

Я улыбнулся.

— Я предвидел это три года назад, но, вероятно, смутно. Моя судьба — служить тебе, Леди, и так будет до конца. Ты по своей доброте одарила меня кое-чем, чтобы сражаться за тебя. И Оун добр ко мне. Потому что я проявлю себя на твоих глазах в конце.

— Гаран! — Она посмотрела мне в лицо ясными глазами. — Гаран, поскольку это конец для нас, Кранд и его дурацкие обычаи больше не имеют значения, Гаран, неужели ты не понимаешь? Я пленена тобой, как была пленена три долгих года, состоящих из минут, часов и дней, с мыслями о тебе, связывая их все как бы золотистым шнуром. Нужны ли нам чувствительные ухаживания, сентиментальный флирт? Мы знаем!

Ее руки обвилились вокруг меня, и я ощутил, как ее губы прижались к моим с неистовой силой. Пути, Кипта, Кранд — все было забыто, когда мы стояли в застланной розовым туманом сердцевине нашей мечты. Трэла была моей! Моей! Ее нежное тело трепетало под моими руками, ее волосы, эти чудесные волосы, о которых я столько раз грезил, легко касались моей щеки. Так мало мгновений украли мы у времени, такой скудной была наша нежность, однако это обогатило мою жизнь навечно, и я

знал — много ли, мало ли осталось мне дней, — что гордо пройду через них благодаря этим мгновениям.

— Значит, это конец? — прошептала она. При ее вопросе воля к жизни вспыхнула внутри меня, и я больше не соглашался с предназначенной нам судьбой.

— Если мы переправимся через мост... — Я подхватил ее и отправился в путь.

Жуткое окружение, видимо, пугало наших преследователей, что выразалось в нерешительном продвижении вперед, ибо шум сзади становился глуше, в то время как мы шли дальше.

Наполненный волей к победе, вкусив этот изумительный дар Трэлы под щедрыми небесами, я легко продолжал путь, моя сила, казалось, возрастает с каждой минутой. Время от времени мы были вынуждены отдыхать, и, когда Трэла пришла в себя, она пошла уверенным шагом впереди меня, держа один из лучевых жезлов, чтобы освещать нам дорогу. При нашей последней остановке, прежде чем мы достигли моста, я заставил ее уступить моим просьбам и надеть защитный чешуйчатый костюм, принадлежащий мне, оставив для меня только съемную маску. Воздух Путей охлаждал и увлажнял мою кожу, поскольку, за исключением набедренной повязки, я был обнажен. Но зато Трэла была в безопасности.

Мы снова отважились вступить на этот невидимый мост, который инженеры исчезнувшей расы перекинули через бездну. Когда мы медленно, шаг за шагом, продвигались вперед по прозрачной поверхности, выявленной нашим светильником, звук погони позади нас опять стал громче. Когда мы пересекли, возможно, треть моста, стали видны фонари, которые они держали над головой. С такого расстояния мы могли различить только темные фигуры,двигающиеся туда-сюда, но отчетливо было видно, что люди Кипты не имели желания следовать за нами по невидимости, которая находилась перед ними. Поэтому после долгого шумного спора только одна фигура отделилась от группы и осторожно двинулась нам вслед.

— Кипта! — негромко воскликнула Трэла.

Я хотел бы знать, какое оружие он нес, и подтолкнул Трэлу вперед, опасаясь, что он может испробовать какую-нибудь дьявольщину с разрушающим лучом. К моему удивлению, Кипта этого не сделал, он только следовал за нами с непреклонной решимостью. Когда он прошел значительное расстояние по мосту,

раздались полные страха и ужаса крики его людей. Они бросились в бегство, спеша назад по дороге, по которой они пришли, и оставив нас троих над бездной.

Кипта, бросив долгий взгляд на своих удаляющихся соратников, твердо двинулся дальше, и я знал тогда, что он страстно желал нашей смерти. Я отстранил Трэлу, так как решил пойти ему навстречу. Когда я увидел желтое пламя, мечущееся в его глазах, я понял, что его черная всепоглощающая ненависть ко мне подавила осторожность. Чтобы утолить эту ярость, пылающую внутри него, он должен разорвать меня собственными руками. Он отбросил свое оружие.

Итак, мы медленно двигались друг другу навстречу, осторожно балансируя на этой нити безопасности. Трэла держала свой светильник так, что я мог видеть опору для ног, а Кипта не имел такого помощника, поэтому он только интуитивно переставлял ноги. По дороге я отбросил в сторону свою маску и продуктовый мешок и шел без груза. Он также обнажился для сражения, но пока я подбирался на расстояние удара, его рука опустилась к широкому поясу, и на долю секунды я уловил блеск стали.

Затем мы сошлись, как сражающиеся рептилии джунглей. Слюна из этого оскаленного рта брызнула на мое тело. Мои пальцы сомкнулись вокруг запястья этой зловеще скрытой руки, а моя другая рука нащупала его горло. Он был ловким и опытным бойцом, Кипта из Кума. Я и сам участвовал в сотне казарменных драк, но никогда еще не сталкивался с таким узлом великолепных мышц и крепких нервов.

Я испробовал все уловки, какие знал, одну за другой, но только обнаружил, что он безупречно отражает каждую из них. Скатывающийся пот сделал наши тела липкими, они скользили под цепкими пальцами, наше зрение затуманилось. Один раз он почти вывернулся, и я почувствовал жгучую боль, хлестнувшую по моим нижним ребрам, но удар оказался неточным, и, прежде чем он смог ударить еще раз, я навалился на него. Затем я заметил тень, прошедшую по этому искаженному лицу, так близко находящемуся от моего, краска гнева сошла с его щек, и я догадался, что к нему вернулся здравый смысл, заставив его понять, что ему никогда не следовало бы встречаться со мной на той почве, которую выбрал я. Он больше не пытался повалить меня, всю борьбу теперь он вел за свободу, ту свободу, которая позволила бы ему применить какое-нибудь другое оружие, чем

собственную силу. Как скользкий ящер, с которым его сравнил Закат, он вертелся и извивался, в то время как я только старался удержать свой соскальзывающий захват. Затем стремительным движением он разомкнул мой захват, отскочив от меня в том же самом рывке.

Он оступился, затем, оправившись, помчался обратно к началу моста. Я даже не пытался преследовать его: я находился, пошатываясь от головокружения, в опасной близости от края бездны. Моя протянутая рука сомкнулась на одной из тех огромных цепей, которые поддерживали мост, и я держался за нее, чувствуя тошноту и слабость.

— Гаран!

Я с усилием поднял голову.

— Назад! — крикнул я, и мой голос звучал глухо. — Возьми маску и держись наготове. Он намеревается уничтожить нас лужом.

В ответ она направилась вперед, туда, где я покачивался рядом с поддерживающей цепью.

— Не думаю, — твердо ответила она. — Взгляни, точно как ты предсказывал, из бездны поднимается месть.

Сквозь туман, все еще застилающий мои глаза, я увидел серебряных призраков, которые поднимались по спирали из утробы мрака. Ровно взмахивая своими мощными крыльями, они миновали нас и понеслись, как боевые стрелы, вслед за Киптой.

Что произошло, когда они спикировали на несущегося куминца, какое ужасное дело свершилось там, во тьме, — мы не могли видеть. Но, когда сюда долетел содрогающий крик, вопль, в котором перемешались отчаяние и дикий ужас, я понял, что существа из внутреннего мира возвратили свой долг сполна. Плоды греховных изысканий Кипты наконец вызвали его смерть.

Сквозь мрак пронеслись обратно крылатые фигуры, исчезая, ни разу не взглянув на нас. Почудилось мне или нет, что один из призраков держит в своих всасывающих подушечках безвольное тело? Я подумал, что он держал, но, может быть, мои глаза обманули меня. Мы думали, что они исчезли, когда самый последний из них подлетел к нам. Он кружил и снижался, пока его всасывающие подушечки не коснулись точно поверхности моста. Третий раз эти странные пурпурные глаза на лишенном характерных черт лице задержались на мне.

— Итак, человек, исполнив свое желание, ты возвращаешься во внешний мир? Только я думаю, что ты ненадолго удержишься там. Мы тоже можем читать предупреждение, направленное со звезд, которых мы никогда не видели. Кранд породил нас, теперь мы можем оставить его как сброшенную кожу. Не бойся нас, человек, мы веками стоим в стороне.

Сильно взмахнув своими крыльями, он поднялся и по плавной кривой исчез в бездне. Мы остались одни. Как только мы решили отдохнуть, пытаясь собраться с мыслями, отдаленные крики откуда-то спереди громыхнули в наши уши.

— Это подмога, — сказал я. Мне показалось, что Трэла вздрогнула, а лицо изменилось, как будто какая-то маска скользнула назад на место. Она медленно повернулась, вся легкость ее шагов пропала.

Мы вместе двинулись вперед, и время от времени я повышал голос в ответ на разыскивающие крики. Вскоре мы увидели свет их лучевых жезлов.

Но вместо того, чтобы ускорить шаг, Трэла шла все медленнее, не сводя с меня глаз, но я не мог прочесть в них то, о чем явствовала тень в глубине. Она поникла, как будто ее пронизал какой-то холодный ветер. Счастливое ликование наполняло меня. Разве она не по своей воле находилась в моих объятиях? Разве она не была моей?

Закат, Анатан и Трэн согнулись над чем-то на той стороне разрушенного конца моста. Оказывается, они сплели из веревок сеть, так что мы могли добраться до них в относительной безопасности, избежав неопределенности моего первого прыжка. Трэла отправилась первой, и когда я увидел, что она благополучно попала в руки Трзна, то прочно закрепил веревки вокруг своего тела. Минутное покачивание через темноту, и руки Анатана втягивали меня наверх.

— А Кипта? — спросил гурлиец.

— Существа из бездны предъявили ему иск.

— Вы ранены! — Рука Анатана скользнула по запекшейся крови на моих ребрах.

— Только царапина.

Трэн осмотрел ее при свете радиевого элемента Аналии, перевязав незначительную рану длинным узким куском шелка из своей сумки. Затем он достал запасной чешуйчатый костюм, который нес в мешке, и помог мне надеть его. Все это время я не

спускал глаз с Трэлы, которая стояла в стороне со своей фрейлиной. С растущим беспокойством я увидел, что она избегала встречи с моим пристальным взглядом.

— Итак, Кипты не стало, — заметил Трэн, пока я возился с застежкой своего мечевого пояса.

— Да, и способ его исчезновения был не из приятных. — Я стал описывать появление и исчезновение крылатых призраков из бездны.

— Кипта погиб, — размышлял гурлиец. — Наконец-то влияние Кума подорвано. Остается Кранд.

Я увидел, как Трэла подымает голову.

— Да, — ее голос был тверд, хотя губы дрожали, — остается Кранд.

ИСХОД

Мы поспешно отправились в обратный путь, поскольку, зная сущность того, что лежало перед нами, мы стремились достигнуть поверхности. Я не сомневался, что имелся какой-нибудь способ спасения от надвигающегося бедствия. Призраки из бездны намекали на такое, а Трэла заявила, что приготовления Кипты к бегству были почти закончены.

То, что сделал Кипта, могли сделать и мы, если осталось достаточно времени. Итак, одна часть моего мозга была занята мыслью о спасении, в то время как другая все еще перебирала те минуты в Путях, когда я и Трэла нашли радость у врат смерти. Вспоминая, какой она была тогда, я не мог понять, почему она постоянно избегает меня теперь. Она быстро шла впереди, не отпуская от себя Аналию, в то время как я был вынужден отвечать на вопросы, которыми Трэн засыпал меня.

Его поиски внизу, в боковом ответвлении Путей, привели в странную, смертоносную, похожую на болото, полость, где непонятные и ужасные формы жизни прятались среди гигантских бобов. Одно время он и его спутники были вынуждены пробивать себе дорогу целиком с помощью лучевых жезлов. Но когда они не обнаружили другой, путеводной, нити в течение назначенного времени, то вернулись, чтобы воспользоваться нашим путем, и таким образом пришли к мосту как раз вовремя, чтобы увидеть прыжок Заката через пропасть.

Еще раз мы пришли к откосу, ведущему из этого места, и двинулись через зал, где танцовщицы Кора свивали свои странные узоры. Дворец удовольствий вокруг нас был безмолвен и пустынен. В каждой комнате, через которые мы проходили, были следы поспешного бегства их обитателей. Однако мы нигде не встретили ни одного человека.

Снова Аналия вела нас по проходам в стенах дворца, но в этот раз мы выбрали тот, который проходил под городской улицей и заканчивался на краю императорских садов; проход, который был сделан по приказу Трэлы, когда их безрассудное предприятие во дворце удовольствий впервые было задумано.

Была ночь, когда мы вышли в свежую прохладу мокрого от росы дерна. Я был рад снова глубоко вдохнуть вымытый дождем воздух верхнего мира. Мы не имели возможности определить, сколько времени находились в Путях.

Мы быстро направились через сады, потому что по замыслу Трэна должны были предстать перед Императором и рассказать нашу историю. Когда мы достигли дворца, он, избегая общедоступных залов и коридоров, проследовал кружным путем к внутренней палате.

Он властно постучал и открыл дверь. Мы бесцеремонно ворвались таким образом на закрытое заседание совета. При виде Трэлы Император вскочил с криком. Затем все столпились вокруг нас, задавая вопросы и требуя ответов.

Я прислушивался к отрывистому изложению Трэном нашей истории, но наблюдал за Трэлой и поэтому мало обращал внимания на него и слушателей. Когда гурлиец закончил, Император глубоко вздохнул.

— Значит, шло к тому. Счастье Кипты, что он не стоит перед нами сейчас. Впрочем, если верить вам, его настигло возмездие более страшное, чем мы могли бы придумать. Кум больше не является угрозой. Остается та гибель, которую его Хозяин навлек на нас. Пусть ни одно слово об этом деле не вылетит из ваших уст. Кранд не должен впасть в безумие. Наша жизнь внешне должна идти как всегда, однако мы сможем втайне приготовить к концу. Сколько времени нам остается, дочка? — Он повернулся к Трэле.

— Кипта говорил — три месяца, прежде чем начнутся наилучшие возмущения.

— Так мало? Тогда мы должны впрячься в работу. Десять часов на то, чтобы собраться с силами, — и затем мы снова собираемся здесь.

После этого он отпустил нас. Трэла и Аналия ускользнули через дальнюю дверь, даже не оглянувшись. Закат, Анатан и я, стараясь не привлечь внимания, прошли в мою штаб-квартиру. Трэн остался с Императором.

Достигнув своих апартаментов, я принял ванну и, бросившись в постель, беспокойно ворочался с открытыми глазами, мысленно перебирая все проблемы, стоявшие передо мной. Наконец я задремал, провалившись в наполненный грезами сон.

На втором экстраординарном заседании совета мы встретились с теми Учеными, которым доверял Император, и с некоторыми членами других каст, считающихся надежными. Добрых четыре часа, если не больше, ведущий астроном Кранда читал лекцию, касавшуюся причин гибели его и соседних миров.

В прошлом было доказано, что жизнь, как мы ее понимаем, не могла существовать ни на одной из двух других планет, которыми обладало наше солнце. Но другие Солнечные системы были доступны для нас. Одна из таких, находящаяся в нескольких сотнях световых лет, обладала девятью планетами, одна из которых родилась недавно. Этот дикий молодой мир должен стать местом нашего назначения.

Когда это было предварительно решено, они повернулись ко мне за консультацией относительно космических кораблей. Я изложил им то немногое, что знал.

— Ускорение, способное преодолеть силу притяжения Кранда, на космическом корабле может убить звездоплывателей, прежде чем он пробился бы через плотные слои нашей атмосферы. Это должен быть корабль, радикально отличный по конструкции от любого, который мы когда-либо задумывали, и гораздо более мощный, чем любой из существующих в настоящее время.

Трэн кивнул.

— Но мы можем теперь получить энергию в избытке, — мрачно сказал он.

— Что ты имеешь в виду?

— Источники Кипты доступны для нашего пользования. Энергия солнца.

Другие слегка отшатнулись от него.

— Ты же нарушишь древний запрет? — тихо спросил Император.

Трэн оглядел нас.

— Мы должны прямо смотреть в лицо тому, что лежит перед нами. Ибо у Кранда и большей части его жителей нет будущего. А для горстки, горстки тех, кто продолжит наш род и заново создаст цивилизацию — и лучше, чем создали мы, — для них есть надежда. Единственный корабль, о котором упоминал Лорд Гаран, корабль, снабженный неистощимой энергией солнца, сможет вырваться. Вопрос, который стоит перед нами сейчас, заключается в том, что мы должны сами и наш мир наброситься на работу — очень напряженную работу, — для того чтобы незначительная часть нашего числа могла добраться через космос к безопасности. Осмелимся ли мы сказать, что достойны такой жертвы со стороны наших собратьев?

Император повернулся к одетому в белое человеку, находящемуся справа от него, — Верховному Жрецу Храма Знания. Тот разглядел свою мантию морщинистыми ладонями, а его старые-старые глаза, казалось, пристально смотрят в будущее.

— Оун раскрыл нам этот путь; разве убоимся мы идти по тропе, которую Оун указал нам? — неторопливо начал он. — Если те, кто пойдет, достойны, тогда мы выполним задачу, стоящую перед нами. Но вот что я скажу, люди Кранда: время Ученых прошло. Мы согрешили, возвысившись над нашим миром, и поэтому в течение этих последних дней, до сих пор оставленных нам, не должно быть ни Ученых, ни простых людей — только братья, борющиеся плечом к плечу за общее благо.

Слабое бормотание последовало за его речью, а мое сердце учащенно забилося. Барьер пал, в таком случае Трэла стала полностью моей, будь что будет. Я был волен открыто претендовать на то, что она подарила, когда смерть стояла над нами в Путиях.

— Лорд Гаран, — я с усилием собрал блуждающие мысли и взглянул на Императора, — тебе больше, чем кому-либо из нас, известны секреты авиационного конструирования. Под твоим руководством находятся наши специалисты. Что ты нам предложишь?

— Есть один человек, некий Хей-Лин из Кэмпта, который занимался межпланетными кораблями два года назад. Он успешно приземлил ракету на нашей соседке, Сойе. Но его надо будет полностью посвятить в нашу тайну.

— Ты доверяешь ему? — Я заколебался.

— Я очень мало знаю Хей-Лина, так как соприкасался с ним только во время его работы. Он сообщал мне о развитии своих экспериментов один раз в месяц в течение прошлого года. О нем самом я ничего не знаю. Тем не менее он сегодня единственный на Кранде человек, кто способен решить эту задачу.

— Хм... — Император погладил пальцами подбородок. — Лорд Закат, как твои рудники в Ру? Сможешь ли ты увеличить добычу в них вдвое, возможно, в течение следующего месяца?

— Предоставьте мне свободу действий, и я попытаюсь, — сказал офицер с мрачной осторожностью, но его ответ, казалось, удовлетворил Императора.

— Тогда остается подобрать какое-нибудь пустынное место, подходящее для постройки нашего корабля, и приниматься за работу. В то же время я приказываю, Лорд Гаран, освободить твоего инженера от служебных обязанностей и распорядиться, чтобы он докладывал мне. Лорд Закат получит новые грузовые заказы для Ру. Если Оун соблаговолит, мы сохраним наш совет до конца. Вы согласны, милорды?

Один за другим они дали свое согласие, и таким образом решение было принято.

Следующий месяц был периодом кошмарной, изнуряющей деятельности для всех нас. В то же время волнения, которые Кипта так искусно посеял, разрастались и усиливались, что делало мою службу нелегкой. Если бы не было Анатана, на которого я стал полагаться все более и более с каждым днем беспорядков, то я бы никогда не смог обеспечить надлежащий порядок в своем корпусе.

Юный Анатан, казалось, стал старше и в любой час был готов явиться по моему зову. Кроме того, что я нуждался в его помощи и вообще был привязан к нему, у меня была еще одна причина держать его рядом с собой: ибо только через него я получал известия о Трэле. Аналия, его сестра, по-прежнему была первой фрейлиной Трэлы, и она постоянно сопровождала Принцессу. За все это время я не встречался с Трэлой лицом к лицу.

Однажды вечером я сидел в одиночестве у себя в комнате, просматривая рапорты из Ру, содержащие комментарии Заката по поводу тамошней ситуации, когда вошел Анатан. Он положил на стол передо мной маленький металлический футляр для письма. Рулончик шелка внутри содержал всего одну строку:

«У грота на восходе луны».

Подписи не было, и я недоуменно разглаживал шелк.

— От кого ты получил его?

— От Аналии, — коротко ответил он.

Поняв, из чьих рук, должно быть, вышло письмо, я поспешно засунул его в свой мешочек на поясе. Однако Анатан задержался рядом со мной, на его лице явно была написана нерешительность.

— Ну?

Он беспомощным жестом вытянул руки.

— Это несправедливо! — Крик, казалось, сорвался с его губ, а затем он повернулся и выбежал от меня, как будто я был ночным демоном.

Весьма удивленный причиной его вспышки, я подошел к окну. Луна скоро должна была взойти, и с бешено бьющимся сердцем я схватил длинный темный плащ, который достаточно скрывал мою форменную одежду. Завернувшись в него, я поспешно вышел.

Мой личный флайер коснулся дворцовой посадочной площадки, и я поспешил вниз по откосу, на ходу пробормотав часовым пароль. В саду дул прохладный ветерок, и никогда обреченный Кранд не казался таким прекрасным в моих глазах, как в эту ночь, когда я пересекал полянки императорского сада в поисках того грота, где мы однажды задержались.

Я пришел рано. Никто не ждал меня среди деревьев. Сгорая от нетерпения, я шагал взад и вперед по затененной лесистой лещине. Однако мне не пришлось долго ждать. Из темноты появилась белая фигура, которую я хорошо знал.

— Трэла?

Мои руки обвилились вокруг ее упругого тела, мои губы уловили свежесть ее плоти. Но она вырвалась из объятий и, прижав руки ко рту, отпрянула от меня.

— В чем я провинился, любимая? Я испугал тебя? — Она покачала головой, и тогда в полосе рунного света я увидел безмолвные слезы, скользящие по ее бледным щекам.

— Это я виновата, Гаран...

— Может быть, ты устала? — нетерпеливо прервал я. — Тогда я не стану докучать тебе, милая.

— Нет, нет! — Ее голос поднялся до пронзительного крика. — Могу ли я говорить об этом!

Она сплела тонкие пальцы, а слезы все еще лились и увлажняли манишку ее платья. Затем она, казалось, отчасти овладела собой.

— Ты ни в чем не виноват — ни в чем, Гаран, все, что ты совершал, было правильным и прекрасным и всегда хорошим. У нас будет что вспомнить, когда... когда... — ее голос ослабел.

Я затрепетал, а холод пронзил меня до самых костей, ибо я почему-то знал, что счастье покинуло меня.

— Что ты хочешь сказать мне, Трэла? — я спросил так ласково, как мог. — Не пугай меня, возлюбленная.

— Я не свободна в жизни и любви, Гаран. Не свободна выбирать радости жизни. Было решено, что для блага Кранда я должна принадлежать Трэну. Теперь я сознаю всю глубину своего греха. Потому что я была уже отдана Трэну, когда стояла в Путях и вызвала твою любовь, которую сама же породила. Я была предназначена Трэну, когда вернулась из Храма Света. Отвернись теперь от меня, Гаран, так как ты имеешь на это право. Я по своей слабости предала нашу любовь. — Я почувствовал холод, который неожиданно напал на меня, прокрадываясь в самое сердце.

— Ты жена Трэна? — спросил я одеревеневшими губами. Она вскинула голову.

— Нет, и не думаю, что когда-нибудь буду. Когда я впервые посмотрела тебе в лицо в контрольной кабине отцовского флага-мана, когда наши глаза встретились и открыли в глубине друг друга сердечную тайну, тогда я уже поняла, что ни за кого другого не смогу когда-либо искренне выйти замуж. Потому что ты мой, Гаран, и я твоя, хотя между нами подвешены миры. Так было между нами раньше, так будет между нами и впредь! Когда они убедили Трэна жениться на мне, я оттягивала и откладывала, все время уклоняясь от этого, надеясь, что судьба, может быть, когда-нибудь окажется милостивой. Когда мы стояли в Путях, я думала, что смерть придет разрешить нашу безнадежную загадку, поэтому заговорила. Но мы пробились, и наступает конец всем моим замыслам. В тот день, когда Трэн будет выбран возглавить бегство с Кранда, я полечу с ним. Мои обязанности жестоко спланированы. Я должна отвергнуть любовь. Отвергнуть, Гаран...

Ее голос ослабел и угас. Она опустила на скамью, пристально взглядывая широко открытыми глазами в деревья, ко-

торые скрывали наше убежище. Я грубо засмеялся, и горечь этого звука отозвалась даже в моих собственных ушах.

— Итак, солдат должен находиться в стороне. Вы, Ученые, решили так. Хорошо, а если солдат не пожелает, Трэла? Что, если я заявлю, что, несмотря на то что ты сказала мне, ты моя по праву?

— Гаран. — Мои слова придали ей новые силы. — Гаран, я поступила жестоко, но не заставляй меня всегда вспоминать этот час с еще большей горечью. Я запятнала нашу любовь, а ты хочешь разбить ее.

— Простите. Я больше не протестую, Царственная Леди. Гаран возвратится на свое место, чтобы принести пользу Кранду. — С этими словами я повернулся и покинул ее, не обращая внимания на плач, который преследовал меня. Меня охватило бешенство, и весь мир вокруг себя я видел в багровом тумане.

Когда я снова оказался в своей комнате, то заперся и пристально смотрел на стены тусклыми, невидящими глазами. Всю ночь я расхаживал по комнате. Когда наступило утро, я преодолел внутреннее смятение. В течение этих мучительных часов что-то во мне (может быть, дух моей жаждущей и обманутой юности) умерло навсегда.

Я прожил оставшиеся дни достаточно спокойно, механически выполняя работу, которую должен был делать. Мои специалисты работали в дебрях Кора, где космический корабль постепенно воплощался в своей колыбели. Закат совершил чудеса в Ру, откуда доносились слухи о его безжалостном правлении. Анатан всегда слонялся неподалеку, не сводя с меня опечаленных глаз. Я одиноко шел своим путем.

Было решено послать вперед луч сконденсированной энергии, направленный луч, чтобы достигнуть планеты, выбранной для нашей дальнейшей жизни. В этом гигантском туннеле чистой энергии шарообразный корабль безопасно заскользит к своему месту назначения. Незримые барьеры отразят блуждающие метеориты, охраняя путешественников. Проверить нашу теорию уже не было времени. Грядущая гибель уже сейчас тяжело нависла над нами — сверкающий шар в ночном небе.

За три недели до конца мы созвали последнюю чрезвычайную конференцию в Ю-Лаке. Было уже невозможно хранить дальше тайну судьбы Кранда: конец уже наступал. Были извер-

жения, две приливные волны и ряд землетрясений, с каждым разом все более сильные.

В эту ночь мы собрались, чтобы выбрать тех, кто отважится отправиться в космическое пространство, чтобы хоть какая-то часть нашего мира могла быть спасена. Трэн и Трэла сидели рядом, и перед Лордом из Гурла лежал список имен. Было ясно, что эти смельчаки должны быть молодыми и сильными, полностью способными выдержать напряжение космического путешествия. Далеко не все из собравшихся отвечали этим требованиям. Однако даже тени недовольства не появилось на их лицах, пока они слушали.

Одно за другим зачитывались имена. Я был страшно доволен услышать, что Аналия и Анатан включены в список. Но когда наконец Трэн закончил, я встал, чтобы опротестовать список.

— Милорды, вычеркните мое имя.

— Но ты нам нужен...

Я пресек возражения Трэна.

— Вряд ли вам на вашем диком молодом мире понадобится солдат. Я останусь здесь, где, может быть, буду полезен, наводя порядок в эти последние дни. Нет, я не уйду. Я принадлежу Кранду и останусь на Кранде до конца. — Я взглянул на Трэлу. Ожесточенность и ненависть покинули меня, и я с улыбкой смотрел ей в лицо. Я увидел, как ее рука коснулась колеблющихся губ и затем двинулась по направлению ко мне. Я был вполне удовлетворен.

Несмотря на все их уговоры, я не отказался от решения, которое принял. И Анатан остался бы со мной, если бы я фактически не втиснул его в транспортный флайер, который должен был доставить их в Кор, на корабль. В последнюю минуту Трэла подошла ко мне.

— Любимый, — сказала она отчетливо, — сейчас ты подарил мне память более драгоценную, чем сокровище тысячи королей. До свидания, до будущей нашей встречи. — И на виду у всех она поцеловала меня в губы.

Затем они улетели, а мы стояли на посадочной площадке, провожая взглядом черное пятнышко флайера, быстро исчезающее вдаль. Закат зашевелился первым. Он повернулся ко мне и протянул руку, бывая широкая усмешка появилась на его красивом лице.

— Ты был хорошим товарищем, Гаран. Когда мы встретимся по ту сторону звезд, то расскажем друг другу немало невероятных историй. А теперь прощай.

— Куда ты направляешься? — спросил я.

— Обратно в Ру. Я все же солдат и хочу остаться на своем посту до конца. — Его флайер тоже исчез в подернутом дымкой небе.

Я остался один.

Мы находились на гребне самой высокой сторожевой башни Ю-Лака. Мое тело было прижато к камню: я чувствовал холод от этого прикосновения сквозь плащ. Внутри меня был холод смерти.

— Начинается! — Сказал ли это Император или монотонное пульсирование крови в моем мозгу выбило это слово?

За далекими горами появилось большое неровное пятно зарева, расцветшего вспышкой пламени. Раздробляющий гул... Ропот безумствующего города исчез, поглощенный им. А с поверхности нашего пораженного мира поднималось копьё света, все выше и выше. Копье протеста, брошенное против богов.

Единственный глубокий судорожный всхлип вырвался у меня помимо воли. Рука Императора обняла меня за плечи.

— Там выходит сердце Кранда. Разве эта жертва не заслужена, сынок?

«Нет!» — стучала горячая кровь в моих жилах.

Я посмотрел прямо в его прекрасные глаза.

— Да, — мои губы произнесли слово, которое мое сердце не воспринимало.

Я смотрел, как огненное копьё ввинчивается в пустоту. Небеса стали снова темными и мрачными. Снизу доносились крики обезумевшего мира, наполненные страхом и ненавистью.

— До конца, сынок?

— До конца, — скрепил я договор между нами.

Мы повернулись и бок о бок спустились со сторожевой башни на улицу. Здесь мы расстались: его ждали дела, меня тоже.

Как солдат я знал, что должен впредь до самого конца использовать все свои полномочия и всех людей под моей командой, чтобы поддерживать порядок. Я отлично понимал, что это была неблагодарная работа. Я представил себе ее гнусность, пока торопился в казармы через теснящиеся бесчинствующие

толпы, которые заполняли улицы. Не было силы под солнцем Кранда, которая могла бы надеяться навести порядок в этом хаосе, но мы должны попытаться.

Везде кружилась чернь в безнадежном смятении. Некоторые совершали бессмысленные акты насилия, открыто дрались на улицах, грабили и опустошали дома. С чувством гордости, которое оставалось даже теперь, я увидел светлые униформы солдат; когда они буквально сражались за то малое, что могли сделать для сохранения хоть какого-нибудь порядка. На каждом уличном углу, казалось, имелся оракул. Некоторые из них молились; другие выкрикивали обвинения в грядущем уничтожении Ученым, подстрекая своих слушателей к актам насилия в мире, скатывающемся в безумие.

Я пробивал себе путь, благословляя физические действия, которые отвлекали меня от многих воспоминаний. Тяжко было сознавать, что моя леди Трэла, если планы не потерпели крах, продолжала свой путь через невыразимое пространство между звездами к другому миру и другой жизни, в которой мне нет места. Я был не из тех, кто смиряется с утратой. Наоборот, тогда и там я поклялся Оуну, что если бы он даровал мне когда-нибудь другую жизнь, где-нибудь в другом мире, как некоторые из нашего народа верили, могло случиться, то я опять бы нашел живое существо, которое было бы Трэлой. И тогда ничто — ни сила Всевышнего, ни сила человека — никогда бы не разлучила нас.

Поддерживаемый этой клятвой, как изнуренный штормом моряк цепляется за спасательный плотик, я достиг казарм. Войска строились в колонны — ехали рысью, — чтобы смело противостоять хаосу. С таким же успехом Ана могла попытаться обуздать грифа. Потому что на каждый акт насилия, который они предупреждали, приходилась тысяча других, ведущих к кровавому концу.

Следующие несколько дней были кошмаром бессмысленной, непрерывной деятельности. Не было реальной ночи — или дня, только служебные обязанности и ужасная усталость как ума, так и тела. Вся нормальная жизнь на Кранде, казалось, остановилась, Дворцы удовольствий были заполнены людьми, ищущими забвения. Половина домов в деловом квартале Ю-Лака была разграблена и опустошена. Мы не производили арестов — не было ни времени, ни тюрем. Мы осуществляли быстрое правосудие прямо на месте преступления. Лишь немно-

гие продолжали вести нормальную жизнь и выполнять обычные обязанности: мои люди — к моей гордости — полиция и большинство Ученых. Тому, кто нуждался в доказательстве зла, вызванного безумием Кипты, достаточно было только открыть глаза и осмотреться.

В эти последние дни разрушения Кранда я был так занят работой, что почти не имел времени думать о Трэле или делать предположения о судьбе космического корабля.

На четвертый день такого образа жизни без сна и без малейшего отдыха я понял, что должен найти какое-нибудь забвение, иначе свалюсь с ног. К тому же у меня было дело во Дворце. Я устало потащился на крышу, где держал свой флайер. Я вышел в холодную, продуваемую ветром кроваво-красную утреннюю зарю. Надо мной как угроза нависала вторгающаяся планета — молот, занимающий четверть неба. Я знал, если наши Ученые рассчитали правильно, что теперь приближался миг, когда весь Кранд разлетится на куски...

Когда я возвышался над разрушенным городом, то увидел, что у нас появился еще один безжалостный враг. Громадные водяные валы громили низинные пространства, снося стены, которые стояли неизменившимися в течение поколений, неся смерть любому, кто замешкался там.

Охваченный внезапным предчувствием, я понесся на максимальной скорости к Дворцу. Император и я заключили договор; я был уверен, что он предпочтет встретить свой конец в чистом, пожалованном Оуном воздухе. Ни он, ни я не могли сделать ничего больше для нашего родного мира.

Я летел против напора мощного ветра с той же самой необходимостью доведения до конца распоряжений, которая удерживала меня на моем посту на всем протяжении этих сводящих с ума, ужасных дней. Рычаги управления флайером были врагом, с которым я должен был бороться изо всех сил. Подо мной содрогались здания, раскачиваясь, как молодые деревья в страшную бурю, и слышался глухой рев. Мое судно больше не подчинялось управлению, как я ни старался. Пока оно описывало круги, я уловил перемежающиеся видения неба и земли. Разрушающиеся здания падали обломками на маленькие бегущие существа моего прежнего собственного рода. Громадные волны откатывались назад, унося с собой остатки разбитых каменных островов.

Темнота — и с ней паника, которая была как массажированный удар. Я ожидал всего, но это, несущее с собой весь вековой страх человека, было намного хуже, чем могло вызвать любое предупреждение. Это длилось только миг, в то время как что-то такое огромное, что не охватишь взглядом, промелькнуло и исчезло в пространстве. Внезапно я понял: Кранд раскололся пополам и добавил новую луну — или то был Кранд, который исчез, столкнув и свою луну? Мой флайер, полностью потерявший управление, сокрушал и бил воющий, ревуший ветер. Только привязные ремни сиденья пилота еще предохраняли меня от таких ударов, которые вызвали бы смерть. Дыхание — я не мог больше дышать... Теперь, когда на меня опустился мрак, я увидел — не хаос мира, так как нет человека, который мог бы смотреть на это и остаться живым. Я увидел Трэлу — Трэлу, какой она была и всегда будет для меня!

Мы долго благоговейно молчали — моя Леди Трэла и я, который был теперь Гараном Пламени в пещерном мире Тэйва. Эти сцены, которые мы только что видели, все еще жили в наших воспоминаниях и причиняли боль даже сейчас.

Кто же я? Гаран из Ю-Лака, который существовал — как далеко во времени, мог ли кто-либо подсчитать это теперь? Или Гаран, который существует — здесь в настоящее время, который может протянуть руку тому, погибающему Гарану, и почувствовать связь между ними?

Трэла — я поднял ее, полностью стряхивая то изумительное прошлое, которое теперь тяготело надо мной. Она тут в моих объятиях, и мы никогда не расстанемся — никогда.

Забыта была комната, в которой мы стояли, — зеркала видения были чистыми.

Поиски были закончены — конец стал началом.

**ЗДЕСЬ
ВОДЯТСЯ
ЧУДОВИЩА**

ГЛАВА 1

Слева от Ника над низкорослыми деревьями медленно, будто с трудом, поднялось солнце. Оно выглядело как красный огненный шар, и сегодняшняя жара обещала быть еще сильнее. Однако он надеялся, что когда станет по-настоящему жарко, он уже успеет добраться до лесной дороги. Разумеется, он хотел отправиться в путь как можно раньше, но всегда находятся уважительные причины для задержки... И вот теперь Ник мрачно разглядывал сквозь защитное стекло шлема лежавшую перед ним дорогу.

Очень часто случалось так, что естественным образом возникающая уважительная причина мешала осуществлению намеченных им собственных планов. Неужели и впрямь Марго придумывала и организовывала заранее все таким образом, что намеченные Ником планы так и не осуществлялись? Он уже некоторое время подозревал, что так оно и есть. Однако ее отговорки по поводу невозможности реализации того или иного дела были столь логичны и обоснованны, что отец Ника всегда соглашался с ними.

По крайней мере, ей не удалось совсем испортить нынешний уик-энд. Несмотря на то что и она, и отец имели свои собственные планы или по крайней мере ее планы. Еще один год, и Марго сможет лишь попусту сотрясать воздух: ему больше не придется выслушивать ее нравоучения. Это — он просто наслаждался удовольствием от подобной мысли — будет началом его новой жизни!

Отец... Мысли Ника очень быстро свернули в сторону. Отец... он выбрал Марго, он был целиком согласен с ее милой рассудительностью. Хорошо, пусть и живет с ней и со всем этим! Ник не собирался и лишней минуты терпеть все это.

Теперь деревья вдоль дороги стали повыше, и расстояния между ними сократились. Поверхность, по которой с ревом

мчался его мотоцикл, была чистой и ровной. По такой он мог бы прилично выиграть время. Но, как только он свернет на дорогу, ведущую к озеру, поверхность ее станет совсем другой. И все равно он доберется до бунгало лишь к полудню.

Наконец-то его мысли окончательно оторвались от всего оставленного позади, целиком обратясь к предстоящей тишине и покою. Этот уик-энд, а он обещал быть длинным, от пятницы до понедельника, принадлежал только ему. Марго не любила коттедж на озере. Ник удивлялся, почему она до сих пор не уговорила отца продать его. Может быть, ей было просто наплевать на этот дом. Ведь владела она очень многим. А еще она владела его отцом.

Ник нахмурился, его черные брови сдвинулись теснее, стянутые вдоль зубов губы стали тоньше. За последние три года он так часто хмурился, что образовавшаяся от этого морщина так и не разглаживалась до конца. Он прилачился к рывкам и покачиваниям ревевшей под ним машины точно так же, как делали это представители прежних поколений, скакавшие на лошадях, и этот металлический каркас, оседланный им, Ник считал неотъемлемой частью своего существа. Дутый шлем прикрывал его голову и спереди и сзади. Ниже на нем была футболка, уже достаточно пропитавшаяся дорожной пылью, и выцветшие джинсы, на ногах грубые башмаки.

Седельные сумки, туго привязанные к раме во избежание потери по дороге, заключали в себе весь остальной его гардероб и прочие необходимые для уик-энда запасы, если не считать консервированных продуктов в бунгало и того, что он собирался купить в придорожном магазине. У него полный бак бензина, у него свобода на целых четыре дня... он предоставлен самому себе! Ник Шоу собственной персоной, а не сын Дугласа Шоу и не пасынок Марго (хотя эти отношения едва ли когда-нибудь назывались вслух). Ник Шоу сам по себе независимый, свободный и одинокий.

Закрученный наклонный поворот вынес его к магазину у изгиба дороги, за которым тянулись беспорядочно расставленные дома. Это был Рочестер, так и не получивший статуса города. И на знаке, мимо которого проезжал Ник, не имелось указателя «население». Он сделал остановку около магазина. Кока-кола сейчас была бы очень кстати. Хэм Ходжес всегда держит ее на льду.

Хлеб, сыр... у Ника не было списка: просто следовало взять те продукты, которые не пострадают от дорожной тряски. Его башмаки тяжело затопали по ступеням крыльца, пока он не дотянулся до ручки двери из защитной сетки. За ней со слабым, но отчетливо предупреждающим шипением какой-то черный призрак распахнул свои хищные челюсти.

Ник сдернул шлем.

— Эй, Руфус, я не какой-нибудь захватчик с Марса, — заявил он, обращаясь к громадному коту.

Голубоватые немигающие глаза по-прежнему пристально смотрели на Ника, однако челюсти захлопнулись.

— Руф, опять ты там... уйди прочь от двери. Сколько раз говорила тебе, если ты будешь сидеть там, то в один прекрасный день тебя обязательно раздавят...

Ник рассмеялся.

— Кто раздавит, Хэм? Толпа покупателей, рвущихся за дешевым товаром или убегающих от непомерно высоких цен?

Кот с презрением слегка отодвинулся назад, разрешая Нику пройти внутрь.

— Ник Шоу! — Слева, из-за прилавка, вышел еще не старый мужчина. — Твои родители собираются на уик-энд?

Ник покачал головой.

— Нет, только я.

— Жаль, что твой отец не придет. Ларри Грин подцепил весьма крупную добычу в той маленькой бухте. Он говорил мне не более часа назад, что мистер Шоу обязательно должен закинуть туда спиннинг. Его так долго не было в наших краях.

Хэм старался быть тактичным, но это у него не вполне получалось. Ник переминался с ноги на ногу. В подобных разговорах люди никогда не упоминали Марго, но она всегда незримо присутствовала в их мыслях, когда они упоминали об отце Ника. До встречи с Марго отец очень любил это озеро, часто бывал здесь летом и осенью, используя каждую свободную минуту. Сколько он еще будет держать за собой этот коттедж?

— Нет, — с усилием ответил Ник. — Он очень занят, Хэм. Ты и сам знаешь, каково это.

— Ты только не думай, что я стану продавать тебе какую-нибудь наживку...

Ник выдавил подобие улыбки.

— Ты знаешь меня, Хэм. Я так же люблю рыбалку, как Руфус любит собак. Все, что мне нужно, так это запас еды... которую я мог бы везти на мотоцикле, не заботясь о ее сохранности. Кстати, Эми уже испекла хлеб?

— Я узнаю. Скорее всего, хлеб у нас еще остался...

Ходжес отправился внутрь магазина, а Ник занялся выбором продуктов. Упаковка бекона прямо из холодильника, немного сыра. За все те годы, что он заезжал к Хэму, он изучил, где у того лежат лучшие продукты. Руфус по-прежнему сторожил входную дверь. Это был самый большой кот из тех, что приходилось видеть Нику, но он не был толстым. Наоборот, несмотря на солидные размеры той чашки с кошачьей едой, которую он каждый день опустошал и дочиста вылизывал, кот выглядел просто худым. Внешним видом он был обязан своему сиамскому папаше, хотя его черная окраска говорила о смешанных родителях.

— Ну, как идет охота, Руфус? — спросил его Ник, вернувшись к прилавку.

Уши слегка дернулись, но кошачья голова не повернулась ни на йоту. Его так заинтересовало происходящее снаружи, что и Ник подошел поближе, чтобы тоже взглянуть. Там, должно быть, была птица или даже змея... что-то привлекало кота к дороге. Но Ник ничего не смог увидеть.

Однако это не означало, что там вообще ничего не было. Кошки видят в области спектра и выше, и ниже возможностей человеческого зрения. Там действительно могло быть что-то, что-то невидимое...

Ник задумался над тем, насколько достоверны могли быть книги, которые он читал — те, в которых строились предположения о разных формах существования живого. Например, в одной из них высказывалось соображение о том, что мы разделяем наш мир с другими видами живых обитателей, которые столь же невидимы для нас, как и мы можем быть невидимы для них. Не очень-то обнадеживающая и приятная мысль. У вас может оказаться масса неприятностей оттого, что вы смогли бы вдруг увидеть.

— Ну, что же там, Руфус? Что-то выползло из НЛО?

Было очевидно, что внимание кота действительно занято, и от этого Нику стало немного не по себе. Неожиданно Руфус широко зевнул и расслабился. Если что-то и привлекало его внимание, то сейчас оно исчезло.

Теперь кот возвратился к прилавку. Взгляд Ника упал на книгу, раскрытую на том месте, где недавно было прервано чтение. Ник перевернул ее титульный лист, чтобы узнать название... «Кто посещает нашу планету», написал некто Киил. В стороне лежала еще одна... «Важные Вещи» Сандерсона. Эта книга была ему знакома, он сам прочитал ее и убедил прочитать Хэма.

У Хэма целая библиотека подобной литературы, начиная с подборки книг Чарльза Форта о необъяснимых явлениях. Они очень интересовали его. И у Хэма была веская причина для подобного интереса: его двоюродный брат и местечко Кат-Оуфф, служившее кратчайшей дорогой к озеру.

— Тебе досталась целая буханка белого хлеба и полдюжины булочек, — объявил Хэм, вновь появляясь перед прилавком. — Эми сказала, чтобы ты подогрел булочки, потому что они вечерашние.

— Они могут быть и двухнедельной давности, и все равно будут замечательными, если сделаны ею. Мне повезло, что она напекла их с запасом.

— Ну, мы ожидали, что к нам заявится некая компания, которая так и не появилась, поэтому и появился избыток хлеба на этой неделе. Необычный случай. — Хэм с глухим стуком опустил перед Ником пластиковый пакет с хлебом и булочками. — Этот малый звонил нам в прошлую пятницу, как раз неделю назад, и сказал, что он из Института Хазентайна и что они собирают материалы о Кат-Оуфф. Им хотелось заехать сюда и спросить про Теда и Бена... — Хэм сделал паузу. — Тяжело вспоминать об этом через столько лет, как они пропали. По крайней мере, на некоторое время то происшествие отпугнуло людей от использования этой дороги. Только немногие ездят на лето к Уилсонам, но с тех пор, как построена новая дорога до Шоктона, Кат-Оуфф остается единственным путем, ведущим к этому участку озера. Так что он вновь становится посещаемым.

В любом случае, этот малый сказал, что занимается исследованиями, и подыскивал место, где можно остановиться. У нас есть бунгало, так что мы сказали, что сможем принять его. Только он так больше и не появился, и даже не позвонил.

— А как давно произошел тот случай, Хэм?

— Да ведь в то лето, 24 июля 1955-го, и ты, и твой отец, и Марго были здесь, на озере. Я еще помню, что твой отец принимал участие в их поисках. Я только что вернулся домой после корей-

ской войны, прямо из армии. Мы действительно исходили здесь все вдоль и поперек... Тед был славный малый и знал местность, как свой двор. Бен тоже не был дураком. Он дружил с Тедом еще со времен службы на флоте и приехал сюда на рыбалку. Но нет, они исчезли, как и другие... Колдуэлл с женой и двумя детьми в 1946 году, а перед ними еще Латимер и Джонсон. Я считаю своим делом следить за всем этим. Если возьмешь мою записную книжку, там на этой неделе все это записано: я подготовился к тому, чтобы ответить на все вопросы того парня из института. Ты знаешь и сам, если судить по газетам за тот период, в этом местечке Кат-Оуфф пропало около тридцати человек. Даже еще до того, как здесь была проложена дорога, в этом районе исчезали люди. Как в Бермудском треугольнике. Только не так часто, чтобы это сильно волновало людей. Между отдельными исчезновениями проходит достаточно большой промежуток времени, ну, а люди имеют привычку забывать. А им бы вообще не следовало пользоваться этой дорогой. Джим Сэмюэлс пытался отговорить новых поселенцев от поездок туда. Слушая его, они едва не смеялись над ним. Но, думаю, скорее всего, воспринимали его уговоры как некое суеверие, в которое верит местная деревенщина.

— Но если это единственный путь, чтобы попасть, например, к Уилсонам... — Ник знал легенду Кат-Оуфф, но мог понять и недоверие посторонних людей, которым просто была нужна короткая дорога.

— Да, полагаю, что дело здесь именно в дороге. Невозможно заинтересовать округ в строительстве еще одной дороги, обслуживающей всего лишь несколько летних домиков, лишь только потому, что существует сомнительный рассказ про дорогу, уже имеющуюся и готовую к использованию. Знаешь, этот писатель, — Хэм похлопал пальцем по книге, — знает очень много интересного. И эта его книга, — он указал на томик Сандерсона, — говорит, например, о том, что мы только думаем, что хорошо знаем мир, в котором живем, и считаем его хорошо исследованным. Но на самом деле это не так. Существуют целые участки его, о которых мы ничего не знаем: вершины, на которые никто никогда не поднимался, места, где никогда не было никакой цивилизации.

— «Здесь обитают чудовища», — процитировал Ник.

— Что это значит? — Хэм резко и настороженно взглянул на него.

— У отца есть настоящая старинная карта, которую он в прошлом году купил в Лондоне. Он вставил ее в раму и повесил в своем кабинете. На ней изображена Англия и часть Европы, но вот на нашей стороне океана изображена лишь граница, за которой нарисованы драконы, а может быть, морские змеи, и надпись... «Здесь обитают чудовища». Такими надписями заполняли неизведанные пространства, изображая то, что, по их мнению, могло там находиться.

— Да, мы многого не знаем, и большинство людей просто не желают знать больше того, что находится у них под носом. Если им указать на вещи, которые не укладываются в их обычное восприятие, то сочтут все это лишь вашим воображением и не примут как реальность. Только мы знаем про Кат-Оуфф и про то, что там случилось.

— А что, по-твоему, произошло там на самом деле, Хэм? — Ник взял бутылку кока-колы из холодильного контейнера, отвернул крышку и сделал глоток.

— Есть так называемый Бермудский треугольник. Но только вот этот самый писатель, Сандерсон, говорит, что это не «треугольник», а нечто гораздо большее. Ученые провели несколько исследований и узнали, что это всего лишь одно из десятка подобных мест на земном шаре. Мест, где регулярно исчезают корабли, люди и самолеты... и никто никогда не был найден, поэтому и нет рассказов о том, что именно с ними произошло. Исчез целый отряд военно-морской авиации и отправившийся на его поиски самолет службы спасения! Возможно, это как-то связано с магнитными полями в таких точках земли. Он делает и предположение о прорыве в другое временное пространство. Может быть, у нас здесь как раз один из таких «треугольников». Мне бы хотелось, чтобы этот малый, из «Хазентайна», доказал это. Пора бы уже некоторым ученым умам провести серьезные исследования. И...

То, что он собирался сказать дальше, потонуло в громком заливистом лае, раздавшемся снаружи. Руфус, выгнув спину и распушив хвост, воинственно зарычал в ответ. Хэм быстро повернулся в сторону двери.

Кот, прижав уши к голове и прищулив свои голубые сиамские глаза, шипел, издавая время от времени хриплое угрожающее рычание. Доносившийся снаружи лай ничуть не был устрашающим.

Там остановился автомобиль, точнее джип, и сидевшая на водительском месте девушка явно не собиралась покидать машину. Она была чрезвычайно занята, пытаясь удержать очень возбужденного и, несомненно, разъяренного китайского мопса (более известного как пекинес), который вырывался из ее рук, не сводя с Руфуса своих выпученных глаз.

Она взглянула на стоявшего за дверной сеткой Хэма и выглядывавшего из-за его плеча Ника.

— Будьте добры, — сказала она, слегка рассмеявшись. — Не могли бы вы управиться со своим воителем? Мне нужно выйти из машины, но не могу же я позволить, чтобы вышел и Ланг Син!

— Извините. — Хэм отошел, чтобы с профессиональной неприужденностью поймать Руфуса, избегая больших когтей, которые огромный кот уже выпустил, готовясь к предстоящей битве. — Прошу прощения, Руфус, но временно ты отправишься в кладовую. — Он удалился с рычащим и рвущимся в драку котом, а Ник открыл для девушки дверь. Она все еще держала собачку, которая затихла, став свидетельницей принудительного отступления неприятеля.

— Он слишком мал, чтобы нападать на Руфуса, — прокомментировал событие Ник. — Стоит Руфу разок двинуть лапой, и дело с концом.

Девушка нахмурилась.

— Не следует быть столь уверенным на этот счет! Эта порода издавна известна как собака-дракон, собака-лев... им доверяли охранять дворцы. При их размерах — это самые смелые собаки в мире. Успокойся, Ланг, ты уже выполнил свою работу. Всем известно, что ты храбрец, храброе сердце дракона.

Пекинес высунул язычок и лизнул ее щеку, а затем вновь надменно уставился на Ника, как будто, прогнав врага с поля битвы, овладел завоеванной территорией.

— Ну, а теперь что я могу сделать для вас? — произнес прилизившийся Хэм, облизывая палец, на котором Руфус все-таки оставил след, прежде чем был выдворен в изгнание.

— Мне нужны кое-какие сведения о дороге и пара упаковок кока-колы, а еще... — Теперь она держала Ланга одной рукой, поскольку ему больше не было нужды сражаться за свободу, а второй рукой пыталась что-то достать из глубин висящей на ее плече сумки. — Вот он, — произнесла она с облегчением. — По-

думать только, он мог исчезнуть в третий раз, и мне пришлось бы вновь перетряхивать сумку, чтобы найти его.

Теперь у нее в руках был список.

— Если бы еще мне удалось разобрать почерк Джейн... Лучше бы она писала печатными буквами, а то приходится только догадываться о написанном. Все верно, две упаковки кока-колы и одну упаковку пепси. И еще она сказала, что у вас могут быть арбузы... ой, я забыла сказать вам, что я Линда Дюран и должна забрать все это для Джейн Риджвелл... они переехали к Уилсонам. Она обещала, что позвонит вам и все расскажет.

Хэм кивнул.

— Да, она звонила, и я все уже приготовил. Нам остается только погрузить все это в вашу машину. Это быстро... — он оглянулся на Ника, который услужливо направился к ним от прилавка. Он был рад помочь Хэму. Хотя здесь и не было чрезвычайной спешки.

Эта Линда была ростом почти с Ника. Теперь часто попадались высокие девушки. Ее волосы забраны назад и стянуты ярко-красной крученой шерстяной лентой, открывая лицо, но достаточно длинные, что их темные пряди спадают на плечи. Кожа имела бледно-кремовый оттенок. Если она и загорала, то не этим летом.

На ней были такие же красные, как и повязка на волосах, джинсы и белая блузка без рукавов, с рисунком из выпрыгивающих из воды голубых дельфинов. На шее болтались темные очки, подвешенные с помощью еще одной, красной же, ленты, на ногах плетеные сандалии. Ник не был строгим ценителем женских костюмов, но все одетое на ней полностью соответствовало тому, чтобы создавать законченную картину. Ник поднял на плечо один из указанных Хэмом арбузов, прихватил под руку и второй и понес их в поджидавший джип. Хэм уже занимался погрузкой кока-колы.

— Подожди, я принесу пару хороших пакетов, — сказал он Нику. — Если их растрясти в дороге, они без упаковки тут же разобьются.

Линда Дюран постоянно прислушивалась к их разговору.

— Вы говорите так, — прокомментировала она, — словно мне предстоит ехать по довольно ухабистой дороге. Вы обещали мне указать, как проехать. Джейн объяснила очень путано.

Тут только Ник осознал, что она имеет в виду поездку через Кат-Оуфф. Он взглянул на Хэма, который выглядел очень спокойным. Теперь Хэму только и оставалось, что рассказать о дороге — и отправить незнакомого человека, да еще девушку, в Кат-Оуфф... Но ведь если нет другого пути...

У Ника все это вызвало весьма странное ощущение.

Было еще кое-что... Он ведь и сам мог бы отправиться этим маршрутом. Так было значительно короче до его коттеджа, если хорошенько подумать. И что касается дороги, то ведь прошла почти целая вечность с тех пор, как исчезли Тед и Бен. Ехать предстоит среди бела дня, и можно было бы сто раз успеть добраться до этих Риджвеллов. Итак, почему бы не взглянуть на чудовищ, которые вряд ли существуют?

— Послушайте, — обратился к девушке Ник, когда Хэм вновь появился около машины с пакетами и пачкой газет, с помощью которых хотел упаковать груз. — Я ведь еду в ту же сторону. Правда, дорога там неровная, и нам придется ехать медленнее обычного, но если вам удастся сравнять скорость машины с моей... — он махнул рукой в сторону поджидавшего его мотоцикла, — я смогу сопроводить вас. Меня зовут Ник... Николас Шоу... мистер Ходжес хорошо знает меня. У моих родителей уже долгое время здесь летний домик на берегу озера.

Линда удостоила его долгим изучающим взглядом. Затем кивнула и улыбнулась.

— Чудесно! Из того, что говорила Джейн, я поняла, что дорога не очень-то наезженная, и я могу сбиться с пути. Я рада вашей компании.

Хэм закончил упаковку, а Ник собрал свои покупки и, сделав из них связку, старательно закрепил ее поверх багажных сумок. Из кладовки донеслось несколько негодующих завываний, которые тут же вызвали резкий ответ со стороны пекинеса.

Линда, уже в темных очках, сидела за рулем. А Хэм негромко разговаривал с Ником.

— Я беспокоюсь. У меня какое-то странное чувство...

— Но ведь нет другого пути, раз она едет к Уилсонам, — настойчиво заметил ему Ник.

Едва он завел мотоцикл, как его воображение начало развивать мысль о том, что за скрытая опасность могла подстергать людей, посещающих Кат-Оуфф. Ни один, кто когда-либо встречал там эту скрытую угрозу, не вернулся назад, чтобы расска-

зять, с чем именно он или она столкнулись. Но нет, Ник не собирался давать волю своему воображению. Он ограничится тем, что увидит НЛО или еще нечто подобное, возможно, скрывающееся за каждым деревом.

Он помахал Линде и развернулся. Она кивнула и тронулась за ним.

Примерно через половину мили они свернули с шоссе, и Ник убавил скорость, сосредоточив внимание на лежавшей перед ним дороге. Он достаточно поездил здесь, чтобы запомнить каждый выступающий корень и каждый ухаб, но прошедшие на прошлой неделе проливные дожди ухудшили дело, а ему вовсе не хотелось упасть от невнимательности.

До поворота на Кат-Оуфф оставалось почти полторы мили. В течение всех тех лет, что ему доводилось проезжать здесь, его взгляд каждый раз отыскивал тот заросший въезд в то место, что превратилось в зловещую дорогу в никуда. Сможет ли девушка вообще проехать там на джипе? Но ведь дорогой пользовались, так что должен же быть там хоть какой-то проезд. В июле того, 1955, года он был еще слишком мал, чтобы понимать что-либо о произошедшем. Но с той поры он слышал достаточно много об этом: обо всех тех поисках, в которых участвовали и соседи, и шериф, и его помощники. И никто не мог объяснить, почему вдруг одним ясным солнечным утром двое молодых, в самом расцвете сил, парней исчезли вот на таком, в полмили длиной, отрезке пути. Их видели, когда они стояли и разговаривали с Джимом Андерсоном о том, где выбрать лучшее место для рыбалки. Джим как раз собирался идти в магазин. Он все еще смотрел им вслед, когда они сворачивали на Кат-Оуфф. Но они так никогда и не вышли к озеру, где их поджидали еще двое приятелей.

Вход в Кат-Оуфф, как змея с широко распахнутыми челюстями, поглотил их.

Ник все время старался сдерживать свое воображение. Ведь не встретить он Линду, к озеру ей пришлось бы добираться самой.

А проехать нужно всего полмили, может быть чуть больше. Это займет лишь несколько минут, даже если вся дорога в рыгвинах и ухабах. И чем скорее они минуют это место, тем лучше. Ему стало вдруг интересно, что эта Линда сказала бы, если бы могла прочитать его мысли. Вполне могла решить, что он просто накурился марихуаны. Но только вот когда вы слышите про Кат-Оуфф всю свою жизнь — у вас будет иная точка зрения.

Он брал почитать книги у Хэма, некоторые купил сам, и теперь знал очень много о подобных необъяснимых явлениях и происшествиях, случавшихся на земле в разное время. Возможно, некий Форт и другие подобные писатели, отыскивавшие такие случаи, имели на это право. Ученые же, чей разум способен решить или, по крайней мере, пытаться решить одну из подобных головоломок, отказывались принимать во внимание даже лежавшее на поверхности очевидное, потому что оно, по их мнению, не относилось к разряду «разумных» фактов. А ведь эти факты и не могли быть ни разумными, ни логическими.

Впереди виднелось ответвление. Ему показалось, что с тех пор, как он последний раз проезжал мимо, в этом месте произошли изменения. Похоже, кто-то проехал здесь на бульдозере, чтобы пробить дорогу. У Ника вырвался вздох облегчения при виде расчищенной полосы. Была весьма значительная разница между тем, почти заросшим, извилистым, имевшим дурную славу узким ответвлением дороги и этим теперь широко расчищенным дополнительным проездом, дорогой, которая выглядела так же хорошо, как и та, что вела к его собственному домику.

— Вот она, — сообщил он. И все-таки что-то сжалось внутри него, будто удерживая от поворота туда, но он отказался воспринять это ощущение. Единственное, что он продолжал ощущать, была странная тревога, которая поселилась в нем еще раньше, в тот самый момент, когда он наблюдал, как Руфус следил за чем-то невидимым, которое убеждало в своем существовании помимо его собственной воли.

— Не спеши, — предупредил он ее так же против своего желания. А на самом деле, ему хотелось преодолеть этот участок с максимально возможной для них скоростью. — Я не знаю, насколько хороша там дорога.

— Ладно. — Верхняя часть ее лица была скрыта за темными очками. Хотя здесь, под тенью деревьев, они и не были нужны ей, она не сняла их, как сделала это в магазине. Пекинес расположился на соседнем сиденье, передние его лапы покоились на приборной доске, и он вглядывался вперед так же пристально, как это делал совсем недавно Руфус. Собачка не лаяла, но в каждой части ее небольшого шелковистого тела чувствовалась какая-то напряженность, будто пес хотел их о чем-то предупредить.

Ник вновь запустил мотор и на небольшой скорости свернул на ответвление, ведущее в Кат-Оуфф. Джип пофыркивал сзади

него, пробираясь почти со скоростью пешехода. Видно было, что здесь проходил грейдер, но дождь то здесь, то там намыл разной глубины канавы, а их уже никто не зачищал.

В общем, дорога выглядела как новая, даже кусты и мелкий подлесок были срезаны по бокам проезжей части и теперь, засыхая, лежали с обеих сторон. Это выглядело неприятно, и было не совсем правильно, как показалось Нику. Он понимал, что это было необходимо, чтобы «вскрыть» дорогу, но странно, что работавшие здесь дорожники не довели свое дело до конца. Может быть, эти парни знали про дурную славу Кат-Оуфф и им не хотелось оставаться здесь дольше.

Этот сваленный с обеих сторон сушняк местами напоминал стену, как будто заставлявшую их держаться только самой дороги, не позволяя выбраться с нее в лес. Ник все больше и больше чувствовал себя словно в ловушке. Тревога, поселившаяся в нем, нарастала так, что ему приходилось все сильнее сдерживать ее. Это было откровенно глупо! Нужно успокоить свое воображение: только наблюдать за дорогой, за всеми корнями и ухабами, чтобы не удариться обо что-нибудь... делать так и продолжать путь. Следовало поскорее миновать это место.

Стояла тишина, не шелухнулся ни единый лист. При этом верхушки деревьев достаточно тесно смыкались между собой, создавая арку, защищавшую их от солнца. Вероятно, это тоже способствовало установлению тишины, в которой далеко слышен шум от мотоцикла и джипа, возвещавший об их прибытии сюда. Но кому? Ник надеялся, что только тем, кто жил в местечке Уилсонов.

Прямо перед ними оказался поворот, и достаточно крутой. Дорога здесь была узкой. В этом месте трудно разъехаться со встречными. Но если учесть, что вместе они производили достаточно шума...

Шум! Пекинес поднял лай, почти такой же, как и тогда, у магазина, обнаружив присутствие Руфуса. Ник слышал, как девушка уговаривала его:

— Тише, Ланг! Тише!

Он чуть повернул голову, мотоцикл, видимо, задел за что-то и зачихал. Ник старался отвернуть его от массы сохнувших кустов. Но здесь было что-то еще, облако... подобное стелющемуся под деревьями туману. Он сгущался, стлался одеялом... Он был прямо перед ним!

Ник ему показалось, что он даже вскрикнул. После этого услышал сзади ответный крик и треск. Затем ударился обо что-то, был отброшен назад и тяжело скользнул в абсолютную темноту.

ГЛАВА 2

Ник лежал с задранными выше головы ногами, вся левая половина его лица испытывала острую боль. Покачиваясь, он приподнялся на руках и заморгал, затем потряс головой, чтобы прогнать странное ощущение потусторонности. Он смог расслышать доносившийся сзади визгливый, всхлипывающий звук, но в первый момент был так поглощен своей собственной болью, что не обратил на него внимания.

Затем он огляделся.

Мотоцикл лежал, запутавшись в поломанных кустах, куда, должно быть, врезался с необычайной силой. Ник сидел от него на некотором расстоянии. Мотоцикл... джип. А где же джип? На этот раз визгливое всхлипывание насторожило его. Он не представлял себе, что произошло с ним... казалось, что память отказывалась служить ему. Они только что свернули на дорогу в Кат-Оуфф, и вот...

Подрагивая, Ник поднялся на ноги.

Никакой дороги не было.

Спотыкаясь, он направился в сторону джипа. Да, он стоял здесь, врезавшийся в дерево. Дерево, которому вообще-то было нечего там делать — оно, по-видимому, только что выросло на самой середине того, что совсем недавно было заново проложенной дорогой.

Но никакой дороги не было!

Он добрался до джипа и стоял, держась за него. Казалось, что его разламывавшаяся от боли голова все еще наполнена туманом. Туман... мгла... облако... это было все, что он едва смог припомнить. Но сейчас это не было главным. Главное — это девушка за рулем джипа.

Ее удерживали отчасти ремни безопасности, а частично и рулевое колесо. Глаза по-прежнему прикрывали все те же солнечные очки. Ник с трудом дотянулся и сдернул их. Как ему показалось, она потеряла сознание.

Всхлипывания и завывание издавал пекинес, сбившийся в бесформенный комок рядом с ней и периодически лизавший ее

руку. Ланг зарычал на Ника, но без особого энтузиазма, когда тот пролез на сиденье рядом с Линдой.

Насколько мог судить Ник, у нее не было открытых ран, но... могли быть переломы? Его руки все еще дергались и дрожали, плохо слушались его, пока он пытался поудобнее усадить ее, чтобы можно было отстегнуть ремень безопасности.

— Что такое... что... — Она открыла глаза, но, хотя они и были направлены в его сторону, им явно не хватало фокуса, чтобы видеть отчетливо.

— Сиди спокойно! — приказал Ник. — Позволь мне отстегнуть...

Через несколько минут он с облегчением вздохнул. Все ее кости целы. Та сторона его лица, которая задела о гравий, была ободрана, но не очень сильно. Они вообще могли бы разбиться насмерть. Осматривая себя полностью восстановившимся зрением, он облизнул губы кончиком языка.

Разбиться насмерть... если бы ехали чуть быстрее... вот об эти самые деревья. Но откуда... откуда они взялись здесь?

Деревья, огромные и крепкие, подлесок между ними очень тонкий и мелкий, как будто их мощные кроны не позволяли никому более слабому нормально расти. Джип оказался как в ловушке: одно дерево подпирало его спереди, а огромный ствол точно такого же поваленного гиганта удерживал его сзади, рассеивая все надежды на то, что машину можно вытащить оттуда. Невозможно, но ничего не поделаешь, так уж есть.

Ник медленно обошел машину, провел руками по верху ствола лежавшего дерева, смахивая с него мох и опавшие листья. Вполне очевидно, оно лежит здесь, наполовину ушедшее в почву, уже давным-давно. Но... вот джип... а где же тогда дорога?

— Пожалуйста... скажите... — Линда развернулась на краю сиденья и теперь смотрела в его сторону, ее глаза широко открыты и явно испуганы. — Пожалуйста... где мы... что случилось? — Она прижимала к себе Ланга. Время от времени маленький пес жалобно выл и вздрагивал.

— Не знаю, — тихо ответил Ник. Только он подозревал, что, будучи так испуган, не хотел признавать факта, что все случившееся могло быть самой настоящей правдой.

— Но... здесь больше нет дороги, — сказала Линда, поворачивая голову в разные стороны, словно пытаясь ее отыскать. — Мы только что ехали по ней... Где же она? — Ее голос скатился

на музыкальную гамму, и Ник решил, что она на грани паники. Он поспешил назад и забрался в джип.

— Ты... ты знаешь!.. — Теперь она вполне контролировала голос, пристально наблюдая за Ником. — Что случилось? Если знаешь...

Но он все еще не хотел признавать то, что могло быть правдой.

— Я не знаю, — начал он, тщательно подбирая слова. — Это всего лишь предположение. — Он замолчал в нерешительности. Эти деревья определенно были хорошим доказательством. Что ему еще нужно? И он, и она явно находились за пределами Кат-Оуфф, среди таких лесов, каких не бывало в этой части страны почти двести лет или больше, с тех пор когда первые поселенцы начали наступление на них, чтобы стать хозяевами земли.

— Знают ли твои друзья хоть что-нибудь об истории Кат-Оуффа? — начал он. Как можно объяснить кому-то, что могло случиться нечто столь невероятное и столь странное?

— Нет. — Линда держала Ланга на руках и слегка покачивала его, время от времени что-то нашептывая ему. Ее односложные ответы были бескомпромиссны. Было очевидно, что она хотела знать правду.

— Так вот, Кат-Оуфф имеет целую историю исчезновений... уходящую так далеко, насколько дают судить сохранившиеся в этих местах записи...

(«Сохранившиеся». И несомненно, что слово «записи» не относилось к временам недавним.)

— Последний раз исчезновение произошло в 1955 году. Два человека отправились к озеру на рыбалку. Но до них были еще и другие. Вот почему дорогу на Кат-Оуфф редко используют для проезда.

— Исчезновения... но куда? — неожиданно резко спросила Линда.

— А этого никто не знает... и не знал. Есть много мест... — Ник вновь умолк. Поверила ли она ему? По крайней мере, она должна поверить тому неопровержимому доказательству, которое сейчас находится перед ними. — Есть много мест, где исчезали люди... например, Бермудский треугольник — там пропал целый отряд военно-морской авиации, а за ними и самолет-спасатель. Исчезали и самолеты, и корабли, и люди... такое происходило на земле и в других местах, и даже в военных частях, —

продолжил он, хотя у него и не было желания вспоминать все эти истории, которые он когда-то читал и которые теперь широким потоком проносились в его голове. — Они просто улетали, или уезжали, или уходили пешком... в никуда.

Линда сидела притихшая. Она больше не смотрела на него. Взгляд ее был устремлен прямо вперед, на этот гигантский ствол дерева, в которое уткнулся джип.

— И есть... есть какие-то предположения на этот счет? — Ее голос слегка дрожал. Ник даже мог ощутить ее попытки держать себя в руках.

— Одно из них — что образуется особое магнитное поле, напоминающее водоворот... и все, что попадет в него, может быть выброшено в иное временное пространство.

— И... такое могло случиться с нами? Как же мы вернемся назад?

На этот вопрос ответа не было. Как не было его и за все прошедшие века подобных исчезновений. А Ник сидел и очень долго и пристально разглядывал дерево, со всей яростью желая только одного: чтобы оно исчезло, позволив им вернуться на дорогу в Кат-Оуфф.

— Так, значит, возврата нет. — Линда скорее заявила это утвердительно, нежели задавала вопрос. — Мы... мы здесь как в ловушке... в этом месте!

— Нет! — взорвался Ник. — Мы этого точно не знаем! В любом случае, мы всегда можем попытаться, и... — он с тревогой разглядывал подернутое туманной дымкой мрачное пространство между деревьями, — давай попытаемся сначала выбраться отсюда... к озеру.

У него было ощущение, что они находятся под наблюдением, и не то чтобы он мог заметить какое-то движение или другой признак, просто они были не одни. Поскорее выбраться из этого места, заросшего такими вот деревьями, среди которых человек чувствует, что вот-вот будет превращен в карлика и исчезнет, выбраться на широкое открытое пространство — таково было его желание, подгонявшее к действию.

— Мы не сможем воспользоваться джипом, — заявила Линда, подтверждая очевидное.

— Да, не сможем, но я могу воспользоваться мотоциклом... вытолкнуть его... и мы сможем ехать, если позволит дорога и если ты сможешь удержаться на заднем сиденье.

— Да! Да-да, давай выбираться отсюда! — Ее ответ был полон лихорадочного нетерпения.

Она открыла свою заплечную сумку, достала из нее поводок, который зацепила за ошейник Ланга.

— Моя сумка... она очень маленькая. — Затем она полезла в глубину джипа и вытащила полотняную спортивную сумку, а потом рассмеялась, хотя смех этот прозвучал немного надрывно. — Здесь лежит все, что заготовлено для сегодняшней вечеринки. Джейн... Джейн придется немного подождать.

Дурное предчувствие Ника почти улетучилось. Линда рассеяла его. Неужели она действительно поверила ему? А верил ли он сам себе? Но первый прилив паники прошел. И необходимость действовать подстегивала. Может быть, если им удастся отыскать озеро, знакомые места и ориентиры... Не нужно думать о грядущем; не думать более чем на несколько ближайших минут... Так он уговаривал себя.

Он по памяти провел инвентаризацию содержимого своих подседельных сумок: аптечка, фонарь, свитер, купальные трусы, спички, охотничий нож, канистра с водой, две рубашки, набор инструментов для мотоцикла... транзисторный приемник... Радио!

Он выскочил из джипа и поспешил к мотоциклу. Радио... если они смогут хоть что-нибудь услышать по нему... Ник все еще возился с пряжками сумки, когда к нему подошла Линда.

— Что ты ищешь?

— Мое радио... если поймает что-нибудь...

— О, давай быстрее! — Она нетерпеливо переступала с ноги на ногу, пока он не открыл сумку и не вытащил маленький приемник.

Всего три станции. Он последовательно перевел переключатель от одной к другой. Сплошная тишина. Затем... бессвязный звук, но не от действия статических разрядов, а скорее напоминавший речь. Но на языке, которого никогда прежде ему слышать не доводилось.

— Ну, вот! Настройся! — торопила его Линда. — Ведь ты поймал что-то!

— Но что именно? — недоумевал Ник.

«Но что» было весьма уместным замечанием. Потому что «оно» звучало как тяжелое дыхание, как щелканье и даже как бессвязное пение, но в любом случае это «оно» было сущей бессмыслицей.

— Что бы это ни было, это не наша станция, — отрешенно произнес он.

— Но ведь кто-то это передает, — заметила Линда. — А это означает, что мы здесь не одни. Возможно, если нам удастся отыскать людей, они смогут помочь нам.

Ник не был так уверен. Язык, если это вообще язык, был слишком далек от всего, что ему хоть однажды доводилось слышать, а ведь он в свое время прослушал великое множество иностранных передач вместе с радиолюбителем Гэри Лэнгфордом, у которого была радиостанция. Но Линда права в том, что отсюда следовало выбираться. У него есть еще и маленький компас... Озеро лежало где-то к северу или могло лежать, если вообще какое-либо озеро все еще существовало.

* * *

Они не могли двигаться по прямой, но тем не менее отсутствие густого подлеска было им на руку. И вот, определяя направление с помощью компаса, они петляли между вздымавшихся вверх гигантских деревьев, обходя стволы, которые им не под силу обхватить даже вдвоем, широко разведя руки.

Мотоцикл, судя по внешнему виду, был неповрежденным, но Нику приходилось катить его, удерживая руками за руль. Нигде не было достаточно открытого пространства, по которому они отважились бы на нем поехать. Линда тащила спортивную сумку, перекинув ее ручки через плечо, и позволила Лангу семенить лапками по толстому настилу из нападавших за долгие годы листьев. Маленький пес, казалось, позабыл все свои прошлые страхи. Но, время от времени фыркая на полусгнившую ветку или обнюхивая кучу оставшихся от прошлого сезона засохших листьев, он не делал никаких попыток натянуть до упора свой поводок и старался держаться вблизи от Линды.

И хотя окружавшие их деревья внушали благоговейный страх, в лесу раздавалось множество вполне знакомых им звуков, которые, казалось, должны были уменьшить их опасения. Потому что здесь были не только птицы, которых было слышно, а иногда и видно, но и другие крылатые обитатели проявляли необычное бесстрашие и любопытство к незванным пришельцам.

По глубокому убеждению Ника, они действительно были пришельцами. В этом месте, казалось, не ступала нога челове-

ка и не было видно никаких признаков его разрушительной деятельности. Окружавшие их покрытые толстой корой гиганты никогда не чувствовали на себе смертельных укусов топора и стояли храня надменное высокомерие. И если бы не те прозвучавшие в его маленьком приемнике бессвязные звуки, Ник наверняка бы подозревал, что феномен, связанный с Кат-Оуфф, перенес их в такой мир, где родной ему человеческий вид вообще никогда не существовал.

— Здесь... здесь так тихо. — Линда шла теперь ближе к нему, ее рука лежала на мотоцикле, рядом с его рукой. — За исключением птиц. Я никогда прежде не видела такого леса. Деревья... это просто великаны! Когда я была маленькой, у моей тети имелась старинная книга «Домик семьи Робинзонов»... и там было описано дерево, внутри которого они устроили свой дом. А здесь для этого годится большинство деревьев.

Ник одним глазом посматривал на компас. Они достаточно много кружили по лесу, но в целом по-прежнему двигались в направлении озера. Только здесь, среди этих огромных деревьев, трудно судить о расстоянии. Очевидно, теперь они не могут быть слишком далеко от него. Но... что, если здесь вообще нет озера?

Он страстно желал оказаться на этом озере, он должен увидеть его. Водное пространство было хоть какой-то гарантией их безопасности — без этого озера они бы окончательно заблудились. Ник едва слушал замечания Линды, он был очень захвачен мыслью о том, что озеро поджидает их где-то рядом, его не покидала надежда, что стена деревьев скоро начнет редеть, и тогда они хоть мелком смогут увидеть его.

— Ник! — Рука Линды сорвалась с мотоцикла и ухватилась за его запястье, конвульсивно сжимая его.

Но он тоже увидел это.

Они старались держаться ближе друг к другу, насколько позволял разделявший их мотоцикл. Ланг рванулся вперед на всю длину поводка и залился безумным лаем, не сравнимым с тем, когда он «воевал» с Руфусом. Было ясно, что он отчетливо видел то, что так его возмутило.

Откуда «это» возникло, было уже второстепенной загадкой. Потому что оно так сияло, ослепительно сверкая белизной, среди окружавшего их зеленоватого мрака, что сразу попадалось на глаза. Однако их сознание так мгновенно оценило происшед-

шее, что казалось, будто «это» выступало из самого дерева, чья кора сейчас служила как бы его обрамлением.

— Я... нет... не верю... — голос Линды затих. Она видела это. Это видел и Ник. Это видел и Ланг, танцевавший на задних ногах, до предела натянув поводок, подпрыгивая и вырывая его из рук хозяйки, болтая в воздухе передними лапами и всячески выказывая свою ярость по отношению к этому новому противнику.

— Что ты видишь? — Она по-прежнему крепко сжимала запястье Ника. Вот они и получили первый удар от своего столь грубого проникновения в чужой мир. Возможно, это коллективная галлюцинация. Только... почему же и собака разделяла ее с ними?

— Единорога, — ответила она. — Ну, разве ты... разве ты не видишь его?

Существо было размером с большого пони, но никак не с лошадь, подумалось Нику. Его шерсть и была, собственно, источником того ослепительного света. Грива и хвост тоже были белыми. А единственный витой рог, нависавший над парой широко посаженных темных глаз, был золотой. И он тоже светился. Это, несомненно, был сказочный единорог, которого Ник видел на репродукциях средневековых картин и гравюр.

Он, в свою очередь, разглядывал их, а затем вскинул голову, так что челка волос, прикрывавшая основание рога, взметнулась вверх. После этого существо ударило тонким копытом о землю, опустило голову и фыркнуло на Ланга, как будто ответило на боевой вызов пекинеса. По всем внешним признакам это видение было достаточно реальным.

Существо еще раз дернуло головой, а затем повернулось и поскакало среди могучих стволов, и белый отблеск его вскоре исчез из виду.

— Но ведь единороги... их нет... они никогда не существовали, — заговорила Линда голосом, скорее похожим на шепот.

А затем Ник вспомнил кое-что из ранее прочитанного. Старые легенды о драконах и грифонах, составлявших самые основы фольклора и мифов... Люди долгое время верили в них, клялись в судах, что видели нечто подобное, и даже вели беседы с более или менее человекоподобными представителями того неестественного волшебного мира. Могло ли случиться такое, что точно так же, как он, Линда и Ланг оказались захвачены некоей

силой, перенесшей их сюда, — несколько существ, родственных тому, волшебному миру, были перенесены в их родной мир? Но единорог... Теперь, когда он исчез, Ник уже засомневался, что видел его, и пытался дать этому разумное объяснение.

— Подожди здесь! — приказал он Линде и отправился к месту, где только что стоял единорог. Там он опустился на колени, чтобы исследовать плотный слой сгнивших листьев. Хотел он этого или нет, но листья были изрыты и украшены узором следов. Кто-то, несомненно, был здесь, может быть, и единорог.

Ник торопливо вернулся к оставшейся у мотоцикла Линде. Им следовало как можно быстрее выбираться из этого леса. Потому что то самое ощущение, которое еще раньше охватывало его, вернулось с новой силой. Они были под наблюдением... но кого?.. Единорога? Большого значения это не имело. Ник осознал, что здесь они сродни оккупантам.

— Я же видела единорога, — повторяла Линда скорее для себя самой. — Он стоял вот здесь, прямо под этим деревом. Я должна верить тому, что видела его... верить или... я просто должна верить! — Она подхватила Ланга на руки и, стараясь держать его повыше, прижала к груди так, что его шелковистая головка была как раз под ее подбородком. Пекинес перестал лаять и теперь облизывал ее лицо или, по крайней мере, большую часть его, насколько доставал его язычок.

— Давай двигаться. — В голосе Ника сквозило раздражение. Они должны выбраться отсюда... на открытое пространство, если только смогут отыскать его.

Через несколько минут компас вывел их к месту, где кончились высокие деревья, а их место занял кустарник. Они пробрались через него, там, где он был самым редким, и оказались среди широкого моря высокой травы, которое, в свою очередь, тянулось до видневшихся вдаль камышей, окружавших то самое озеро... или просто какое-то озеро.

Вдоль его берега они не смогли разглядеть никаких домиков, хотя к этому времени Ник уже оставил надежду отыскать жилище или хотя бы некоторые признаки наличия здесь людей. По мелководу прошествовало несколько цапель, не обративших никакого внимания на вновь пришедших. На неровном выгоне, видневшемся в южном направлении, паслось несколько животных. У них была такая светлая шерсть, что Ник подумал, не было ли это небольшим стадом единорогов. Тут один из них под-

нял голову и продемонстрировал свои ветвистые рога. Но кто когда-нибудь слышал о серебристо-серых оленях?

— Здесь нет никаких домиков... — Линда отошла от мотоцикла и опустила на землю свою спортивную сумку. — Ник, так что же мы собираемся делать?

Он пожал плечами.

— Не знаю. — Он не был суперменом. И ей нет никакого смысла взывать к нему, как если бы он мог вывести их отсюда, лишь расправив свои мускулы или сделав еще нечто подобное. — Если говорить по правде, то я проголодался. Нам как раз стоит закусить.

Судя по углу склонения солнца, сейчас должно бы быть близко к полудню. И он хотел есть. Казалось, что даже броска сквозь время (если именно это на самом деле и случилось с ними) было недостаточно, чтобы покорить чей-либо аппетит.

— Проголодался! — как эхо повторила Линда. Затем она рассмехалась, и даже если звук этот был коротким и тяжелым, все же он явно походил на смех. — Почему бы и нет, мне кажется, я тоже проголодалась.

Пасущийся олень не обращал на них никакого внимания. Здесь, на открытом пространстве, никто не смог бы внезапно напасть на них. Линда направилась в сторону, где, как казалось, трава не была слишком высокой.

— Вот очень подходящее место. — Она кивнула, как будто они были на обычном пикнике. А Ник тоже думал о еде. Но не о том, насколько он голоден, а о скудости имевшихся у них запасов.

Делая покупки в магазине, он был ограничен в своем выборе, потому что рассчитывал на запасы консервов. Теперь же эти купленные им продукты и составляли весь его запас. Но хватит его ненадолго. Им нужно скорее покинуть это место. А что, если они это не смогут?

В своем привычном родном мире, даже находясь на природе, он почти не знал, что можно съесть из растущего в лесу, за исключением разве известных садовых культур. Существовали специальные книги по проблемам выживания, где объяснялось, как можно выжить в мире дикой природы. Однако подобные знания никогда не представляли для него интереса, и он не читал подобных книг. Да, им следует экономно обращаться с провизией. Возможно, стоит вернуться к джипу... если толь-

ко удастся найти обратную дорогу... там оставалось два арбуза и упаковки с напитками. Но... и этого было мало.

Он присел, опираясь на пятки, прямо перед Линдой, усевшейся, скрестив ноги, прямо на траву.

— Послушай... что касается еды... у меня ее не так много. А у тебя есть что-нибудь там? — он указал на ее сумку.

— Ты имеешь в виду... — по выражению ее лица он догадался, что она поняла. Затем она продолжила достаточно твердо: — Ты хочешь сказать, что мы можем не найти здесь никакой еды?

— Ну, разумеется, в озере может водиться рыба. И еще бывает черная смородина... по крайней мере ее очень много росло около нашего домика. Но это озеро — не наше. Пожалуй, нам следует обращаться экономней с тем, что у нас есть, пока еще чего не подвернется.

Линда потянула молнию спортивной сумки.

— У меня тоже есть немного. Я взяла две упаковки очищенного арахиса для Джейн и банку сливочной помадки... Джейн очень любит арахис... В джипе были арбузы и кока-кола. Но они очень тяжелые. Я не думаю, что мы далеко унесем бы их. Ник, куда же нам теперь идти? Здесь нет никаких домов, а там, — она указала рукой на дальний берег озера, — похоже, опять начинается лес.

Она была права. Там, вдали, темнела масса деревьев, очень напоминавших те, которые они только покинули. Действительно, насколько мог видеть Ник, хоть озеро и загибалось к югу, скрывая от них эту свою часть, вся водная поверхность была окаймлена лесами. Предположим, они удачно миновали этот лес, но ведь никто не знает, на сколько миль тянутся леса там, за озером? Он читал в каких-то книгах о природе ранней Америки, что такие леса могут тянуться на всю страну с очень редкими разрывами.

— Я не знаю, — искренне признался он. — Но предпочел бы оставаться здесь, на открытом пространстве, чем под деревьями. Мы могли бы попытаться пройти к той стороне озера, где имеется сток воды, если это озеро такое же, как наше. Может быть, используя водный поток в качестве проводника, мы смогли бы выбраться из леса. — Он едва ли не гордился собой, вспоминая все это.

— Если это озеро точно такое же, как известное тебе, — прокомментировала она. — А оно и на самом деле выглядит так, Ник?

Он встал, прикрывая глаза ладонью от солнца, которое было весьма жарким в это время, но не настолько, подумал он, как могло бы быть в их родном мире, и начал медленно изучать видимую часть озера. Было очень трудно соотнести эту, нетронутую, дикую местность, с той, где виднелись бы небольшие домики и пристань для лодок. Но он был почти уверен, что контуры побережья отличались не очень сильно от тех, которые с детства знакомы ему. Он так об этом и сказал.

— И ты полагаешь, — спросила его Линда, — что мы теперь отброшены назад в прошлое, которое существовало здесь задолго до того, как наши люди пришли в эту страну? И что... и что мы можем встретить здесь индейцев? — Она вновь бросила короткий взгляд в сторону леса.

— Такое предположение не объясняет ни единорога, ни серебристых оленей... — Ник указал на мирно пасущееся стадо. — Скорее мы могли попасть в альтернативный мир. — Он разворачивал пакет с едой, но тут его руки замерли, когда он вновь подумал о только что сказанном. Альтернативные миры, путешествия во времени... ничего этого просто не могло существовать — по крайней мере, для Ника Шоу, самого обычного человека, который хотел лишь спокойно провести свой собственный уик-энд. Он Ник Шоу, он жив, и, однако, это случилось! Если только, разумеется, он на самом деле не был выброшен с мотоцикла, а теперь в больнице и погружен в такой абсолютно отчетливый сон...

— Альтернативный мир? Но единороги... они ведь вообще никогда не существовали. Они были только в сказках. — Линда недоверчиво покачала головой. — Ник! — И вновь в ее голосе прозвучали резкие музыкальные ноты, и она ухватилась рукой за Ника. — Ник! Посмотри туда! Неужели это дым?

Она указала на юг, за пределы выгона с пасущимися оленями, а он взглядом проследил за ее пальцем. Она была права! Где-то среди кустов, за широким лугом, как путеводный маяк, поднимался дым. А он мог означать только одно — там люди! Тед и Бен... попавшие здесь в ловушку столько лет назад! Мысли Ника моментально перенеслись к ним.

Он торопливо запаковал продукты назад в пакет и вновь привязал его на прежнее место. Ему очень хотелось, чтобы они ехали на мотоцикле, но было глупо даже пытаться сделать это. А еще им следовало быть очень осторожными с этими оленя-

ми. Животные выглядели очень безобидно, но нельзя было сказать, останутся ли они такими же, если их внезапно побеспокоить.

Им хотелось идти быстрее, хотелось бежать, а трава путалась в ногах и в колесах мотоцикла, так что в итоге они передвигались чуть быстрее обычного шага. Кроме того, по настоянию Ника они все-таки обошли поляну с пасущимися оленями, стараясь все время сохранять между ними и собой защитную «полосу» из кустарника и густой травы. Один раз им пришлось даже остановиться, когда олень-самец, видимо старший среди них, поднял голову и неподвижно уставился на скрывавшие их кусты.

Ник чувствовал себя в тот момент весьма неудобно. Он и раньше слышал, что если вы будете абсолютно неподвижными, то животные очень скоро потеряют к вам интерес, и поэтому он предупреждающе взглянул на Линду. Она кивнула, придерживая рукой пасть Ланга. Но пекинес, казалось, и сам понимал все и даже не пытался на этот раз обрести свободу и залаять.

Олень-самец некоторое время наблюдал за ними или, как подумалось Нику, оценивал их как добычу. Но затем, когда невольные пленники уже и не надеялись, что им удастся вздохнуть полной грудью, он фыркнул и рысью помчался к озеру. Когда он оказался от них на расстоянии, которое Ник счел безопасным, они вновь отправились в дорогу.

Но вид этого оленя, когда им удалось рассмотреть его поближе, задал им очередную загадку. Эти серебристо-серые животные были гораздо крупнее тех, что обитали в их родном мире. Нику хотелось получить как можно больше фактов, чтобы сформулировать ответ на несколько вопросов, если ответы вообще могли быть даны.

Они продолжили свой путь по кривой, определявшей береговую линию озера. Да, здесь нашлось место и для открытого пространства, где шумел глубокий водный поток. Так что это место в основных чертах соответствовало тому, что осталось в их собственном мире. А дым поднимался как раз недалеко от устья вытекавшего из озера стремительного потока. Ник даже почувствовал некоторое удовлетворение от частичного совпадения некоторых географических данных. Но этот триумф очень быстро закончился.

— Стойте там, где стоите, приятели!

ГЛАВА 3

Ланг залился неудержимым лаем, не отрываясь от кустов, из-за которых послышался этот вполне определенный приказ. Ник остановился, хотя Линда сделала еще шаг или два, как будто рвавшийся вперед пес протащил и ее за собой.

Ник одной рукой слегка придержал ее за руку, а другой пытался удерживать мотоцикл.

— Кто вы? — требовательно изрек он в сторону кустов и был внутренне доволен тем, что мог вполне управлять своим голосом. Тед? Бен? Или еще кто-то, ставший их предшественником в этом незнакомом мире?

Последовал момент тишины, столь продолжительный, что Ник подумал, уж не строит ли себе их противник долговременного укрытия или хитростью принуждает их к бездействию, когда сам тем временем произведет отступление. Но мог ли кто-то оказаться столь опасливым? Ведь прятавшийся там незнакомец должен был видеть, что они абсолютно безобидны.

Затем кусты слегка раздвинулись, и на поляну вышел человек. Он выглядел заурядно, ростом чуть ниже Ника, но шире в плечах, а некая излишняя толщина его тела была, видимо, следствием одежды, которая напоминала некий комбинезон. На голове высоко торчала каска, напоминавшая перевернутую плоскую чашку, на ногах грубые сапоги.

У него было округлое лицо и густая щетка усов, рыжеватых, с проблесками седины, наполовину прикрывала его рот. В руке он держал...

Рогатку!

Глядя на это, Ник был готов рассмеяться, если бы в облике незнакомца, в его осанке не было чего-то такого, что не разрешало такой детской реакции на его детское вооружение. А еще в глубинах памяти Ника произошел какой-то слабый толчок. Где-то, когда-то он уже видел человека, одетого вот таким же образом. Но где и когда?

Но незнакомец так все еще и не ответил на вопрос Ника. Вместо этого он пристально разглядывал их. Ланг, натянув поводок на всю длину, фыркал, его лай утих, и теперь он хотел втянуть в свой каталог запахов еще и запах этого незнакомца.

Если незнакомец намеревался внушить им благоговейный страх подобным поведением, то в отношении Ника ему это явно не удалось.

— Я спросил, — в очередной раз произнес он, — кто вы?

— А я слышу тебя, приятель. Я пока еще не разучился пользоваться ушами. Я Сэм Строуд, уполномоченный из Харквея, если вам это о чем-то говорит. А вас только двое?

Он продолжал внимательно изучать их, словно инспектируя, как будто представлял авангард большого отряда. Тут в разговор вмешалась Линда:

— Уполномоченный! Ник, он одет как полицейский уполномоченный по гражданской обороне при воздушных налетах... Такие были на картинках по истории Битвы за Англию.

Англичанин! Этим объясняется его акцент. Но что мог делать здесь англичанин, одетый в форму тридцатилетней давности? Ник не желал воспринимать предположение, которое предоставило ему только что сделанное открытие.

— Так она права? — добавил он к первому еще и второй вопрос. — Ты именно такой уполномоченный?

— Да, это так. Предположим. Теперь, приятель, отвечать твоя очередь. Кто ты? И эта молодая леди?

— Она — Линда Дюран, а я — Ник Шоу. Мы... мы американцы.

Строуд поднял мощную руку и потер свою челюсть.

— Так-так... американцы, ну-у? Пойманные в ловушку, прямо в своей собственной стране?

— Да. Мы как раз направлялись к озеру... К озеру, очень похожему на это... когда совершенно неожиданно оказались здесь. Нам хотелось бы узнать, где находится это самое здесь?

Строуд издал звук, который мог бы сойти за лающий смех, если исключить, что веселья в нем было очень немного.

— А вот это уже, Шоу, вопрос, на который, похоже, ответить некому. Викарий, тот имеет одну или две идеи на этот счет, правда, весьма туманного толкования, но никто из нас так и не смог найти им того или иного подтверждения. Когда вы появились здесь?

— Не слишком давно, — ответила Линда. — Вот этот дым, он от вашего костра? Мы ужасно проголодались и только решили устроить привал, как увидели этот дым. Тогда мы тут же пошли в его сторону...

— У вас есть провизия? — Строуд сунул рогатку за ремень. — Отлично, идемте. — Он чуть повернулся к кустам, за которыми только что скрывался, сунул два пальца в рот и свистнул, слабо,

но вполне различимо. — Насколько я могу видеть, это не приманка.

— Приманка? — Нику не понравилось это замечание.

И вновь Строуд издал подобие петушиного смеха.

— Приманка, да... Все узнаешь, приятель... все узнаешь. А теперь вот сюда и осторожней с кустами...

Он ринулся вперед сквозь заросли, а они двинулись за ним и, как показалось Нику, старались передвигаться слишком уж скрытно. Но если была такая необходимость в маскировке, то зачем они развели этот дым, развевающийся в воздухе, словно опознавательный флаг? Только минуту спустя он понял, что они направлялись не в сторону костра, а значительно левее от него.

Линда, должно быть, сделала то же самое открытие, потому что спросила:

— Разве мы идем не к вашему лагерю?

— Прямо вперед... — донесся до них низкий голос Строуда. — Следите за этой стелющейся лозой, она вполне может опрокинуть человека, работает как подножка.

А Ник должен был особенно следить за всем, что лежало под ногами. Такая лоза вполне могла зацепиться и за ногу, и с таким же успехом за колесо мотоцикла, причем так крепко, что ее можно было бы принять за специально поставленную ловушку. Уже дважды он был вынужден остановиться, чтобы высвободить себя, так что Строуд и Линда исчезли из вида, и только оставленные ими следы указывали ему направление, которое уводило их все дальше и дальше от костра, но в итоге они вновь свернули к ручью.

Наконец он выбрался на поляну, обнесенную словно стенами рядами густого кустарника. И там обнаружил Строуда, Линду и трех других: двух мужчин и одну женщину. Все они смотрели на Линду, но как только появился Ник, с треском пробившись через кусты, они, все как один, повернулись и уставились на него.

Мужчины резко отличались друг от друга, а также и от Строуда. Один из них, самый старший по возрасту, был высокий и худой, седые волосы его непослушно торчали во все стороны, как будто голова слишком дорога ему, чтобы обременять ее расчесыванием волос. У него был резко выступающий крючковатый нос, под стать крепкой нижней челюсти. Но его глаза,

скрывавшиеся в тени густых бровей, вовсе не имели того ястребиного выражения, которое ожидал увидеть Ник. Они были умными, полными интереса и указывали скорее на расположенность к взаимопониманию с окружающими, и вовсе не с целью их подавления, что можно было бы предположить на основании остальных черт его лица.

На нем был темно-серый костюм, сильно истрепавшийся от долгой носки. Под пиджаком виднелся свитер с коротким воротом, так что можно было видеть воротник пасторской рубашки. На ногах грубые, плетенные из шкур мокасины, являвшие резкий контраст со всей остальной одеждой и такие же потрепанные, как и все остальное.

Более молодой его спутник был на один-два дюйма выше Ника и, как и Строуд, носил форменную одежду, но несколько другого вида. Его голубая куртка тоже сильно заношена, но на ее груди можно разглядеть эмблему в виде крыльев, а светловолосую голову украшала летная фуражка.

Та, что представляла здесь женскую часть их компании, была ростом с летчика и тоже носила форму, значки на погонах которой Ник так и не смог опознать. Каска, точно такой же формы, как у Строуда, прикрывала шапку непослушных темных волос. Фигура ее была почти столь же исхудавшей, как и пастора, а лицо, обветренное и загорелое, не претендовало на то, чтобы быть красивым. Тем не менее оно излучало атмосферу уверенности и авторитета, которая впечатляла.

— Американцы, — заметила она. — В таком случае, — обратилась она к пастору, — вы были всецело правы в своих предположениях, Эдриан. Мы оказались гораздо дальше, чем думали, когда сидели в этой клетке.

Светловолосый летчик тоже имел при себе рогатку.

— Нам бы лучше отправиться в путь, — сказал он, поглядывая при этом то в сторону Ника, то в сторону кустов. Вся его поза говорила о том, что он прислушивался к чему-то. — Нет смысла и дальше наблюдать за этим капканом...

— Барри прав, — согласился с ним пастор. — Мы можем остаться ни с чем. Но мы и без того получили замечательный результат, заполучив наших молодых друзей.

— Нам не помешало бы представиться, — с явным оживлением вновь заговорила женщина. — Это Эдриан Хедлет, викарий из местечка Минтон Паве. — Пастор сделал старомодный,

скорее величественный наклон головы. — А это офицер-летчик Барри Крокер, а я — Диана Ремси...

— Леди Диана Ремси, — глухо проворчал Струуд, как будто это было чрезвычайно важно.

Она же сделала нетерпеливый жест рукой, в другой руке у нее, как заметил Ник, тоже была рогатка.

— У нас есть еще два человека, — продолжила она, — но вы встретитесь с ними в лагере.

И вот снова, на этот раз вместе с Ником и Линдой, которые оказались в центре этой энергичной компании, они стали пробираться к берегу ручья. И совсем недалеко от него находился их лагерь.

Жилище было сделано из бревен, укрепленных с помощью камней, и в итоге напоминало полупещеру-полулачугу. Ланг принялся лаять, и огромная серая масса пушистого меха, гревшаяся на солнце у самого входа, ретировалась внутрь, демонстрируя густую щетку хвоста. Затем кот, прижав к голове уши, встретил взволнованного пекинеса угрожающим шипением, которое тут же переросло в глухое рычание. Линда бросила на пол сумку и принялась ловить усердного воина, удерживая его, несмотря на отчаянное сопротивление.

— Ну-ну, Джереми, дорогой мой, это ведь не самый лучший способ здороваться с гостями, совсем не подходящий.

Из дверей вышла невысокая женщина, чтобы поймать кота. Она забрала его в охапку и утешала, поглаживая руками, скрюченными от артрита и покрытыми пигментными пятнами. Волосы ее, такие же седые, как и у викария, были забраны в один небольшой пучок, возвышавшийся над круглым лицом, на котором торчал невыразительный кругловатый нос, оставлявший очень мало места для пары очков в металлической оправе.

Она слегка шепелявила при разговоре, так что казалось, будто ее зубы плохо держатся во рту. Но излучала исключительное гостеприимство тем вниманием, которое проявляла к вновь прибывшим. Ее платье было наполовину прикрыто фартуком из старой мешковины. На ногах такие же грубые мокасины, как у викария.

— Джин, — позвала она кого-то, обернувшись через плечо. — У нас гости.

Девушка, которая появилась на ее зов, была, возможно, чуть-чуть старше самой Линды. Она тоже носила темно-синюю фор-

му, хотя поверх нее приколот вместо фартука кусок выцветшей ткани, как будто таким образом она хотела сохранить свою единственную одежду. Ее волосы, с медным отливом, волнистыми прядями обрамляли загорелое лицо — достаточно красивое, как подумалось Нику, чтобы всякий обращал на него внимание.

— Американцы. — Леди Диана вновь занялась ритуалом представления. — Линда Дюран, Николас Шоу. А это миссис Мод Клэпп и Джин Ричардс.

— Ну вот, разве я не говорила вам, что сон, который я видела прошлой ночью, вещий? — Голос миссис Клэпп был оживленным и дружески открытым. — Это означало: жди гостей. А у нас уже готова рыба с жареной хрустящей корочкой. Что могло бы быть удачней? — спросила она, обращаясь к собравшимся, правда, вряд ли рассчитывая на чей-либо ответ. — Джереми не тронет вашу маленькую собачку, мисс, если она не будет цепляться к нему. Джереми — не очень задиристый зверь.

— Надеюсь, Ланг не будет. — Под присмотром Линды пекинес притих. Она держала его так, что они могли смотреть друг другу в глаза. — Ланг, друг, друг! — проговорила она с неподдельным энтузиазмом, а затем повернула пса мордой к огромному коту, которого миссис Клэпп выпустила на пол. — Друг, Ланг!

Пекинес облизал собственный нос. Но когда Линда опустила его вниз. Пес пристроился возле ее ног и затих, как будто всего минуту назад он и не заливался громким лаем, преследуя родового врага.

Ник предложил свои припасы.

— Хлеб! — Миссис Клэпп открыла пакет и в экстазе понюхала его содержимое. — Свежий хлеб! Боже мой, я почти забыла, как он пахнет, не говоря уже про вкус.

Ник выбрал место для мотоцикла и теперь стоял в стороне, поглядывая то на пилота и Джейн, то на Строуда, в его странной одежде. Крокеру, хотя Ник не очень-то мог оценивать возраст, он мог бы дать лет двадцать, ну а Джин вполне могла быть еще моложе. Но не могли же они иметь возраст, соответствующий тому, что подсказывала ему форма Строуда. Однако...

— Тебя что-то беспокоит, мой мальчик? — Это был викарий.

И не раздумывая, Ник задал ему прямой вопрос:

— Не могли бы вы сказать мне, сэр... как долго вы находитесь здесь?

Викарий устало улыбнулся.

— Боюсь... это может оказаться невозможным. Вначале мы пытались вести записи, но после того как нас поймали и перенесли сюда... — Он пожал плечами. — Если прикидывать по смене сезонов, то должен сказать, что около четырех лет. Минтон Паве бомбили вечером 24 июля 1942 года. Думаю, мы все запомнили эту дату. Мы все были в церкви, вернее, в подземной часовне, где было устроено убежище. Миссис Клэпп — моя экономка... бывшая экономка. Леди Диана пришла, чтобы поговорить со мной по поводу больничных фондов. Джин и Барри собирались на поезд, они возвращались на службу после увольнительной. А Строуд зашел, чтобы проверить оборудование нашего бомбоубежища... когда объявили тревогу, и мы все спустились вниз. Раздался такой звук... откровенно говоря, мы все решили, что это конец. А затем... нас каким-то образом вынесло из церкви и даже из Англии...

Он замолчал в некоторой растерянности. Усталые, но очень добрые глаза изучали лицо Ника. Затем выражение лица викария изменилось.

— Ведь ты знаешь что-то, не так ли, мой мальчик? Что-то беспокоит тебя? Что именно?

— Время, сэр. Вы говорите, что, по вашему мнению, находитесь здесь около четырех лет. Но сегодня... было... 21 июля 1972 года.

Он ожидал, что викарий начнет подвергать сомнению его слова. Это было невысказанно, невысказанно, если только Хедлет говорил правду. А Ник был уверен, что так оно и было.

— Сегодня... 21 июля 1972 года, — медленно повторил викарий. — Нет, я верю тебе, мой мальчик, хотя, возможно, ты ожидал сомнений. Это как раз очень правдоподобно, и это подтверждает все древние свидетельства. Но... 1972 год... тридцать лет... Что произошло там... за эти тридцать лет?

— Какие тридцать лет?... — Крокер прислушался к их разговору. Он больше был поглощен разглядыванием мотоцикла, чем их беседой, но тут с тревогой взглянул на Хедлета. — Так что по поводу тридцати лет?

— Назови ему свою дату, — сказал викарий, обращаясь к Нику, как будто от этого сообщение произведет более глубокое впечатление.

— Сегодняшняя дата — 21 июля 1972 года, — повторил Ник. Хедлет выслушал это молча, но как воспримут остальные?

— Тысяча девятьсот семьдесят второго года, — тупо повторил пилот. — Но... это невозможно... святой отец, сейчас 1946 год, или мы неправильно ввели свой счет, да человек и не может существовать тридцать лет, не заметив этого!

На этот раз леди Диана внимательно выслушала их.

— Эдриан, тогда вы были правы. Ведь все, как в этих древних историях, верно? Тридцать лет... — Она смотрела вдаль, туда, где сзади них бежал ручей и меж камней журчала вода. — Восемьдесят пять... но, Эдриан, я не постарела на столько...

— А это тоже часть все тех же старинных преданий, Диана, — сказал он.

— Нет! — запротестовал Крокер. — Этот парень морочит нам голову, возможно, он один из Них. Откуда нам знать... — Он отодвигался от Ника, в его руке вновь появилась рогатка. — Он служит Им, его послали сюда с этими сказками, чтобы сломить нас!

— Ну, вот... что здесь происходит? — Строуд тут же подскочил к ним. — Что ты сказал про Них?

Крокер буквально взорвался, продолжая свои обвинения. В его голосе был нескрываемый гнев, когда он повернулся к уполномоченному.

— Мы привели сюда эту парочку... вот мы и дождались Их! Теперь они будут рассказывать нам, что мы торчим здесь тридцать лет! Это ложь, в которую никто не поверит!

— Ну, ладно. — Тяжелая рука Строуда легла на плечо пилота. — Не следует распускать язык, Барри. Эти не похожи на Герольда, разве не так? А что касается летающих дьяволов, то когда это они пользовались приманкой? Они гудят прямо у тебя над головой, а затем хватают все, что им нужно, без лишних выкрутасов. Ну, хорошо, ты сказал, что теперь там 1972 год... а что с войной?

Громогласный Строуд будто оживил всех. Они встали полукругом и теперь глядели на Ника, некоторые с интересом, а Крокер с явным недоверием.

— Война закончилась в 1945 году. — Ник напрягал свою память, стараясь вспомнить хоть что-нибудь о конфликте, который закончился еще до его рождения, но для горсточки собравшихся здесь все еще являлся живой угрозой.

— Кто победил? — с яростью потребовал ответа Крокер, как будто от этого ответа зависела судьба Ника.

— Победили мы... союзники. Мы захватили Германию с одной стороны, а русские — с другой... они заняли Берлин. Гитлер покончил самоубийством, прежде чем они добрались до него. А мы сбросили атомную бомбу на Хиросиму и Нагасаки... и затем, в том же году, капитулировала Япония.

— Атомную бомбу? — Крокер говорил раздраженно, но с видимым потрясением.

— Да. Стерли с лица земли оба города. — Ник припомнил некоторые сведения об этом, но надеялся, что ему не придется уточнять детали.

— А что же потом, что сейчас?.. — после некоторой паузы спросил викарий, поскольку его компаньоны устали на Ника, словно тот говорил на иностранном языке.

— Ну, потом все еще были трудности... Война в Корее, а теперь война во Вьетнаме... Мы противостоям коммунистической экспансии. Китай стал коммунистическим, а Россия все еще оккупирует половину Германии... восточную часть. Зато у нас было два полета человека на Луну. — Он пытался рассказать о том, что относилось к прогрессу, а не только о мрачных столкновениях. — И теперь мы планируем запустить станцию в космос. Но... я ведь не смогу рассказать вам обо всем, что случилось за это время. Англия... она перестала быть империей, и уже долгое время у власти там стоят лейбористы...

— Тридцать лет — да, за такой срок случиться могло многое. — Викарий кивнул. — И по-прежнему эти войны...

— Пожалуйста, будьте добры, — последовавшую тишину нарушила Линда. — Если вы оказались здесь прямо из Англии, а мы с берегов Огайо... Значит, вы каким-то образом пересекли океан? Или это целиком одна страна?

Викарий только покачал головой.

— Нет, скорее общее географическое положение этого мира таково, что он находится на одной линии с нашим собственным миром. Кажется, что этот континент и Англия располагаются примерно так, как это было в далеком прошлом, когда человек еще не научился обрабатывать землю. Мы оказались здесь как узники. Только милость Божья может позволить нам выбраться отсюда. Боюсь только, что нет в этом мире корабля, который он мог бы предоставить нам. Рассказ же о нашей судьбе так длинен

и сложен, что лучше излагать его по частям, возможно, после того, как мы попробуем той замечательной рыбы, которую приготовила миссис Клэпп. Согласны?

Возможно, это было возвращение к проблемам, хорошо знакомым им, и какое-то время это обсуждалось ими для снятия напряжения. Аппетит подгонял их к столу. А раздача хлеба, привезенного Ником, несомненно, превратила этот обед в настоящий праздник.

Хедлет скатал хлебный шарик.

— Никогда нельзя предположить, как много значат мелочи жизни, — он воспользовался таким стереотипом, чтобы подчеркнуть истинность жизненной правды, — пока вы не лишаетесь их. Хлеб... мы не можем изготавливать его здесь. Хотя миссис Клэпп и экспериментирует с земляными орехами и зернами диких трав, напоминающих овес. И как чудесно вновь отведать настоящий хлеб.

— Вы сказали, что оказались здесь как узники. — Ник хотел узнать, как можно больше обо всем, что могло теперь угрожать им.

— О, да. Это самое главное, о чем вы должны быть предупреждены. — Викарий проглотил кусочек булки. — Это очень необычный и странный мир, и хотя недостатка в попытках изучить его у нас не было, все равно нам не удалось глубоко проникнуть в его секреты. Но мы уверены, что он каким-то образом существует параллельно с нашим собственным миром, хотя, безусловно, отличается от него. Иногда в прошлом, правда, нам неизвестно, как далеко было это прошлое, возникала некая сила, способная проникать в некоторые уголки нашего мира и «похищать» там людей. В том мире, который мы покинули, было множество рассказов о загадочных исчезновениях.

Ник кивнул:

— Многие из них собраны и опубликованы в книгах. Мы сами «явились» сюда из места, имевшего подобную репутацию... за несколько лет там исчезли многие...

— Именно так. И наша церковь, в Минтон Паве, была построена недалеко от подобного волшебного холма...

— Волшебный холм? — Ник вздрогнул. Что бы это могло значить?

— Нет-нет, я не пытаюсь никоим образом кого-то удивить этим, мой мальчик. В Британии существует длинная история —

сегодня она стала легендой — относительно исчезновений около подобных мест. Люди, «похищенные неким волшебным образом», иногда возвращавшиеся назад после своего исчезновения с рассказами о том, как они провели день, или месяц, или даже год в совершенно другом мире, были обычным явлением для нашего фольклора.

— Но тогда, — вступила в разговор Линда, — значит, мы можем вернуться назад! — Она держала Ланга и, возможно, сжимала руки вокруг маленького пса немного сильнее, чем следовало, потому что пекинес запротестовал, изредка поскуливая.

— Этого, — сказал ей викарий с самым серьезным видом, — мы не знаем. Но наши собственные попытки потерпели неудачу. И... мы за время наших странствий здесь видели достаточно, чтобы предположить, что подобные возвращения, должно быть, были исключительным явлением.

Линда, все еще державшая в руках Ланга, поднялась и некоторое время стояла неподвижно, переводя взгляд с одного на другого. Наконец она остановила его на Нике. И было ясно, что теперь она обращалась прямо к нему, как будто готова верить ему независимо от того, что могли ответить ей другие.

— Как ты думаешь, мы можем вернуться назад?

У него была возможность воспользоваться лживыми отговорками, попытаться не запугивать ее. Но так или иначе он не смог пойти на такой шаг.

— Не было случая, чтобы хоть кто-то, исчезнувший в Кат-Оуфф, вернулся назад. — В его собственных ушах эти слова прозвучали жестко и неприятно.

Ее лицо превратилось в лишенную выражения маску. Она резко повернулась и пошла к выходу. Ее походка становилась все быстрее и быстрее. Ник встал, чтобы догнать ее.

— Нет. — Она даже не обернулась в его сторону, но все выглядело так, как будто она знала, что он не отстанет. — Оставь меня одну... позволь мне побыть одной некоторое время!

Эти слова были произнесены с такой внутренней силой, что он остановился, не понимая, должен ли навязывать ей свое общество или нет.

— Джин. — Это заговорил Хедлет. — Последи, чтобы она была в безопасности, но не беспокой ее. Нам следует открыто смотреть правде в глаза — это единственное, что мы можем сделать.

Молодая англичанка прошла мимо Ника, а он вернулся на место.

— Чтобы она была в безопасности? — повторил Ник. — И еще вы сказали, что были пленниками здесь. Кого и чего мы должны опасаться? Лучше прямо сказать об этом!

— Ладно, хорошо. — Строуд флегматично поглощал пищу. Теперь он откинулся назад, опираясь на одно из бревен, образующих стену их убежища. — Мы не одни пребываем в этом мире. И, насколько нам удалось выяснить, здесь имеется три разновидности людей, или, точнее, существ, или... можешь придумать им любое другое название.

Есть существа, похожие на нас, которые, видимо, так же как и мы, оказались в этой ловушке. Мы пытались контактировать с двумя подобными нам группами... или нам только казалось, что они подобны нам. Во всяком случае, они не поняли нас. В последний раз это были солдаты, и нам пришлось прятаться от них. Солдаты не наши... были похожи на китайцев.

Кроме того, есть еще Герольд и те, кто слушает его, а затем испытывает превращения... — Он буквально сплюнул последнее слово, как будто это было непристойное ругательство. — Этот Герольд... Он может в любой момент появиться здесь. Он сродни этому странному миру, фактически он его уроженец. Он желает заполучить нас. Скоро, как только узнает о вас двоих, он явится сюда агитировать. Все, что мы знаем, заключается в следующем: когда вы принимаете его предложение, с вами происходят перемены. После этого вы уже не мужчина и не женщина, вы становитесь чем-то иным. Мы не хотим ничего подобного. Ты тоже не захочешь, если имеешь разум.

Есть еще третья категория — летающие охотники. Они тоже не родственны этому миру. Но в своих летающих тарелках могут прилетать сюда и улетать. Их тарелка может зависнуть в воздухе, и пока ты гадаешь, что это такое, оказываешься пойманным в сети. Я не знаю, что они делают с теми бедными парнями, которых ловят, но до этого их держат в клетках, как однажды держали и нас. Нам повезло: тарелка, на которой везли нас как пленников, вышла из строя и упала здесь. Экипаж ее погиб, поэтому нам удалось бежать. Вот так мы и считали, что они вывезли нас из Англии.

— Но этот дым... и еще вы говорили о приманке. Кого или что вы собирались поймать?

— Не летающих охотников и не Герольда, можете быть уверены. Нет, мы шли вчера по следам смешанной группы. Видимо, в ней были женщины и дети. Мы думали, это еще какая-то группа людей, с которыми мы могли бы поговорить. Разумеется, это могли быть и привидения. Но мы посчитали, что не будет большого вреда, если мы подадим сигнал и посмотрим, что из этого выйдет.

— Они ставят ловушки, — заметил Крокер. — Мы подумали, что тоже можем попытаться поохотиться, но только не на Них.

— Ты имеешь в виду охотников? — Ник был в замешательстве. После рассказа Строуда о летающих охотниках, он удивлялся, как эти люди рискнули подвергать себя такой опасности.

— Нет, не на охотников, а на других таких же скитальцев, как и мы, или еще на тех, с кем произошли перемены, если только они были рождены, так же как мы.

— Мы видели... или только нам казалось, что видели, — медленно начал Ник, — единорога, когда странствовали по лесам. Вы это имели в виду, когда говорили о переменах?

— Не совсем, — ответил ему викарий. — Мы видели очень много необычных зверей, птиц и иных существ, которые соединяли в себе два или более видов. Но подобные существа не представляли для нас угрозы, и мы полагаем, что они родственны этому миру. Возможно, время от времени, в далеком прошлом, они вторгались в наш мир, оставляя после себя многочисленные легенды. Нам до сих пор еще не попадался дракон, но я не поклянусь, что они не существуют здесь. А вот те, кто подвергся переменам, они чаще всего имеют человеческий облик. И только очень незначительные детали и, безусловно, их «божественность» — это слово лучше всего подчеркивает их возможности — выдают их.

— Мы стараемся держаться поближе к лесу, — Строуд кивнул в сторону плотной стены деревьев, поднимавшейся всего в нескольких шагах от них, — потому что в лесу летающие охотники не могут подобраться к нам. До сих пор мы не очень-то часто встречали их. Они, как правило, появляются волнами, бывает, что несколько дней небо сплошь усеяно ими, — а затем они исчезают. И мы правильно делаем, что держимся подальше от городов. Те, кто летает в этих тарелках, почему-то ненавидят города — они постоянно пытаются атаковать их.

— Да не бомбить, сколько раз я тебе говорил, Строуд! — в разговор вмешался пилот. — Они не бомбят. На самом деле я не

видел, что именно они делают, хотя это наверняка можно считать разновидностью воздушного налета. Но, что бы ни пытались они сделать, это не создает никакой угрозы — во всяком случае мы не видели. Города хорошо защищены.

Ник почувствовал, что голова у него идет кругом. Оказалось, что жизнь в этом мире таит множество опасностей, которые теперь явно угрожали ему. Эта группа людей, которые до сих пор продолжают совместное существование, проявила огромную выносливость и упорство. Несомненно, ему и Линде просто повезло, что они встретились с ними. А что было бы, если они странствовали бы здесь в одиночку и встретились со всеми этими ужасами, не будучи предупреждены?

Он попытался выразить свое облегчение столь удачным для них стечением обстоятельств, на что викарий кротко улыбнулся.

— Человек сам творит свое будущее, мой мальчик. И ты должен быть готов к ситуации, которая фактически может угрожать твоему разуму. Мы уже видели несчастный конец одного человека, который не смог воспринять свое новое положение. А признание необходимо.

Ник заметил, что Линда и Джейн возвращаются по берегу ручья. Так много всего произошло... Смог ли он и на самом деле, как говорит Хедлет, воспринять все это как действительность или считает произошедшее за безумный сон, из которого он никак не может пробудиться? И наступит ли то время, когда этот факт ударит по нему, как сейчас ударил по Линде, и он должен будет принять весь этот мир со всем его безумием?

ГЛАВА 4

Снаружи непрерывно поливал дождь. Он начался на закате и все еще продолжался. Ник мог слышать дыхание спящих рядом с ним в этом, теперь переполненном, убежище. Но заснуть он не мог и предпочел просто лежать около двери, вглядываясь в темноту и прислушиваясь.

Непонятный звук возник некоторое время назад, он был очень слабым, казалось, далеким, но привлек его внимание, и теперь, возбужденный, он слушал, изо всех сил пытаясь отделить подъемы и спады далекой мелодии от журчания ручья и шума дождя.

Ник не мог сказать, было ли это просто пение или музыка. Он даже не был уверен, что подъемы и затухания этого звука возникали неслучайно... Они будто увлекали его куда-то. Потому что чем дольше он слушал, тем сильнее погружался в сети непонятных желаний. Необходимость в ответных действиях подталкивала его, несмотря на дождь, выйти в ночную тьму, на эту враждебную землю.

Звук... мелодичный и сладостный... тихий... но временами отчетливый и реальный. Нику казалось, что он мог даже различать слова. Его внутреннее возбуждение выросло до того, что он едва мог сдерживать его. Бежать... в эту тьму... ответить этим призывам...

Теперь Ник уже сидел, его дыхание участилось, как будто после долгого бега. Сзади него послышалось какое-то движение.

— Лорелея... — раздался мягкий, педантичный голос Хедлета, скорее шепот.

— Лорелея, — повторил Ник, глотая слова. Он не двигался, не рискнул. Осторожность, сформированная его врожденным чувством самосохранения, мгновенно предупредила его... Он не рискнул.

— Приманка, — продолжил викарий. — Такое впечатление, что это проделывает дождь. Или близость воды. Очевидно, кто-то из тех, кого мы называем постоянными обитателями этой земли. Некоторые относятся к нам доброжелательно, другие нейтрально, а некоторые злонамеренно. Среди них изредка попадаются такие, кто олицетворяет откровенное зло. А поскольку мы не можем даже предположить, кто из них кто, то должны всегда быть настороже. Но что касается лорелеи, то у нас есть доказательства... мы можем засвидетельствовать результат... это своего рода... питание. Нет, речь идет не о питании плоти... нет, речь идет о притоке жизненных сил. А все остальное — шелуха. Однако эта приманка столь сильна, что, даже зная о ее возможностях, человек готов идти ей навстречу.

— Я знаю почему, — сказал Ник. Его руки были сжаты в кулаки с такой силой, что ногти, сколь короткими они ни были, врезались в кожу. Даже когда Хедлет говорил, звук становился сильнее. Теперь, при нарастающем страхе, он поднял руки и заткнул пальцами уши, отрезая мелодию.

Сколько он так сидел и продолжал ли викарий свой разговор, он не знал. Но в какой-то момент он позволил рукам опустить-

ся и отважился прислушаться вновь. Ничего не было слышно, только дождь и ручей. Со вздохом облегчения он откинулся на кучу сушняка, представлявшую его постель. А затем уснул и видел сны. Но, какими бы важными для него эти сны ни казались, пробудившись, он не мог вспомнить ни одного.

Два дня спустя они заночевали в абсолютно нетронутой местности, без каких-либо признаков нежелательного соседства. Здесь была удачная рыбалка, нашлось много спелых ягод, а еще была спелая трава с колосьями, напоминавшими злаки их родного мира, а значит, им следовало провести жатву. Ник к этому времени узнал, что то убежище, недалеко от ручья, не было их постоянным местом, и что была еще пещера, находившаяся дальше к северу. А еще им предстояло несколько разведочных походов.

На второй день, воспользовавшись компасом, Ник взялся проводить Строуда и Крокера к тому месту, где оставался джип.

— Какой аккуратный маленький скакун. — Строуд с сожалением разглядывал машину. — Однако нам не извлечь его из этого заточения.

Ник направился прямо к грузу: бутылкам с водой и арбузам. Но кто-то или что-то уже побывали здесь раньше. Все, что осталось, это пара разбитых бутылок.

— Жаль, — разочарованно произнес Строуд, — для нас не осталось ни пинты. Как ты думаешь, Барри, кто бы это мог сунуть свой нос ранее нас?

Пилот в это время обследовал взрыхленные полусгнившие листья вокруг джипа.

— Сапоги... Я бы сказал, скорее всего, армейские. Может быть, тех самых китайцев. Они вполне могли отправиться в этом направлении. Но то было ранним вечером или даже днем. — Он присел, взял в руки сухую ветку, чтобы показать, что смог прочитать на истоптанной земле. — А еще здесь был кое-кто из тех осторожных ползающих существ. Вот, его след примял некоторые отпечатки сапог, а как известно, эти твари не выползают до темноты. Нашел еще что-нибудь ценное?

Строуд исследовал джип с тщательностью опытного мелко-го воришки.

— Инструменты. — Он развернул упаковку, обнаруженную под сиденьем, и теперь демонстрировал пару отверток и другие приспособления. — Вот и все, как я вижу.

Ник стоял около дерева, в которое врезался джип. Это случилось посреди дороги на Кат-Оуфф. Однако, оглядываясь вокруг, он с трудом верил в произошедшее.

— Что же вызвало... этот наш сквозной переход? — спросил он, хотя и не ожидал получить ответа.

Строуд вновь завернул инструменты. Лицо его отражало удовлетворение от находки. Теперь он мог уделить внимание и Нику.

— Однажды я слышал разговор... ну, о том, что вокруг нашего мира вращается электромагнитное поле... Этот умник, что рассказывал это, утверждал, что все мы, люди, животные, деревья, трава, вообще все — на самом деле всего-навсего электрические приборы и каким-то образом вибрируем. Хотя большинство из нас даже не подозревают об этом. Затем он продолжал рассказывать о том, как мы все больше и больше используем электричество, и как теперь самые маленькие штучки, подобные радио, могут излучать энергию, способную противодействовать куда более сильному источнику, что даже трудно себе представить такое.

И он предупреждал, что мы беззаботно используем силы, о которых почти ничего не знаем, не заботясь о последствиях. И в один прекрасный день это может привести к катастрофе. Может быть, эти самые места, через которые нас перенесло, как раз и работают подобным образом. Викарий, по его собственным словам, очень часто задумывается над этим.

— Но мы пользуемся электричеством примерно сто лет, а люди исчезали еще и раньше. Прямо здесь. — Ник указал на пойманный в ловушку джип. — У нас есть старые записи об исчезновениях еще в те времена, когда здесь впервые появились белые люди, а это более ста семидесяти лет назад. По словам вашего викария, и у вас в стране такие исчезновения были замечены еще раньше.

Строуд пожал плечами.

— Не знаю, как образуются эти ловушки. Но ведь вот мы здесь, не так ли? И, скорее всего, останемся здесь, потому что не видно, каким образом можем перейти вброд океан. А как ты, Шоу? У тебя есть хоть один шанс найти отсюда путь назад?

Ник покачал головой. И абсолютная, «твердая» материальность дерева, которую он мог потрогать, и окружавший его пейзаж — все было предельно очевидным. И ни один человек

не вернулся из Кат-Оуфф после своего исчезновения. Неожиданное осознание этого факта накатило на него, должно быть, так же, как произошло ранее и с Линдой. Ему хотелось кричать, бежать, предоставив своей внутренней панике хоть какое-то физическое выражение. Но каким-то образом ему удалось избежать этого. Видимо, потому что был уверен: потеряй он самообладание сейчас, он никогда уже не смог бы его восстановить.

Его пальцы вцепились в кору. Нет... он не собирается кричать, не позволит себе сломаться!

Около джипа раздался резкий звук. Строуд распластался на сиденье. Столь же быстро оказался на земле и Крокер. Ник смотрел во все стороны, ничего не понимая. Затем он увидел это, лежащее на земле. Копье... На них напали. Он сжался, припал к земле, стараясь укрыться.

Теперь Ник прислушался к другому звуку, недвусмысленно предупреждающему об открытой атаке. У него не было оружия, под рукой не оказалось даже камня, которым он смог бы защититься. Стояла абсолютная тишина. Ничто не нарушало ее: ни голоса птиц, ни слабый ветерок в листве деревьев. У Строуда и Крокера были рогатки — но какая польза от них могла быть здесь?

Ник изучал копьё. Оно оставило вмятину на кузове джипа. Но что же он мог по нему понять? Оружие подобного вида не входило в область его интересов, не говоря уже о жизненном опыте. Прежде всего, древко более короткое, чем ему следовало быть на его взгляд. Острие сделано из металла, с четырьмя сходящимися под углом гранями. Он почти ничего не знал о древнем оружии, но ему казалось, что это не копьё американских индейцев — если индейцы вообще скитались по этому миру.

Это копьё и эта тишина... Ник заметил, что старается дышать как можно осторожней. Это ожидание... момента следующей атаки? Когда она будет? И откуда? Ведь, возможно, уже сейчас они полностью окружены. Он буквально чувствовал незащищенность собственной спины, как будто в любой момент еще одно подобное оружие могло ударить, теперь уже в его собственное тело.

Он не видел ни Строуда (который, возможно, распластался на полу джипа), ни Крокера. Пилот, должно быть, имел хорошую подготовку к подобным военным действиям, раз так хорошо спрятался. Что им еще оставалось делать, как сидеть здесь и ждать, когда смерть явится за ними, или тихо, без лишнего шу-

ма, или с дикими воплями и воем, сопровождающими атаку, отразить которую голыми руками будет просто невозможно?

У Ника пересохло во рту, ладони его так вспотели, что ему хотелось вытереть их о рубашку, но он не отважился даже пошевелиться. Чего же они выжидали?

Но чего он меньше всего ожидал услышать и что разорвало застоявшуюся тишину — был смех.

Так, значит, этот враг так уверен на их счет, что позволил себе смеяться? Какой уж тут смех?

Смех, а затем и голос, выкрикивавший что-то на непонятном языке. Требование капитулировать, перечисление всего того, что случится с ними, когда они будут разбиты на голову и захвачены в плен? Могло быть как то, так и другое, но Ник видел, что ни один из его компаньонов не пытался хоть как-то ответить на ультиматум. Он же мог только следовать их примеру, надеясь, что их опытность сможет, в свою очередь, научить его, как следует реагировать на местные опасности. Вновь смех, негромкий, притворный... Но был ли он угрожающим? Скорее в нем слышался дух проказы, детского озорства. Что-то, звучащее в нем, заставляло Ника расслабиться. Поэтому он уже не вздрогнул, когда этот голос вновь обратился к ним, на этот раз на их родном языке:

— Выходите, перепуганные человечки! Неужели вы думаете, что силы Тьмы помогут вам? Разбежаться в стороны и прятаться — разве это достойный способ приветствовать нас? Я обращаюсь к вам, пришедшим без спроса топтать нашу землю? Ах, вы забыли про учтивость?

Ник наблюдал, как Строуд приподнял свою массу, явно высвобождаясь из укрытия. Несомненно, либо он уверовал в безобидность нападавшего, либо в гарантированное перемирие. Крокер тоже выбрался из укрытия, все еще в надежде услышать о дополнительных гарантиях безопасности, и Ник был вынужден робко присоединиться к ним, выйдя на открытое место.

Он начал задумываться над тем, насколько добрыми могли быть намерения этого невидимки. То копьё упало на значительном расстоянии от любого из них. Его можно расценить и как предупреждение, и как явно экспрессивное объявление о своем прибытии.

— Мы ждем. — В голосе Строуда слышались неприкрытые нотки раздражения. Ник мог почти поверить, что тот был раз-

досадован своей собственной реакцией, проявившейся минутой ранее, хотя, как теперь сам Ник полагал, в этой стране лучше придерживаться осторожности.

— Да, никакой учтивости у вас нет, — подвел итог невидимка. — Итак, вы ждете. А что, если мы выстроим стену для ожидания или заключим вас в клетку? — Теперь голос, обращавшийся к ним, в свою очередь, стал резким и раздражительным.

Ник во все глаза смотрел в направлении, откуда, казалось, исходил этот голос. Там было небольшое пространство между мощными деревьями, но ни за одним из стволов говорившего не видно. Ник так и не смог обнаружить ни малейшего движения.

Строуд пожал плечами.

— Я не знаю, кто ты или что ты. Ты начал с нападения... — Было хорошо видно, что он изо всех сил пытался говорить спокойно, чтобы не вызывать дополнительно ни малейшего раздражения у скрывавшегося собеседника. — Мы открыто показали себя... теперь твой ход.

— Ход, ход, ход! — Голос повторял это с повышающимся тоном. — Подавай им игру... неповоротливые бродяги собираются поиграть, а?

Взявшийся неизвестно откуда, вспыхнул светящийся шар. Он почти коснулся Строуда, затем повис в воздухе, подпрыгивая то вверх, то вниз, будто совершал вокруг него какой-то дикий танец. Строуд стоял неподвижно, опустив по сторонам руки. Хотя он и моргал, когда шар, казалось, был готов скакнуть ему прямо в лицо, но не пытался увернуться от этих резких скачков, имитирующих притворные атаки.

— Игра... тогда играй, увалень. Наберись уважения, вспомни про учтивость и играй! — Шар пустился в ослепительный каскад движений, и глазам было невозможно уследить за ним.

Сделав неожиданный скачок, шар оставил в покое Строуда и произвел точно такую же угрожающую атаку на Крокера, который представлял точно такой же пассивный объект нападения. Только теперь шар менял цвет со скоростью, вполне различной глазом: зеленый, синий, желтый, фиолетовый и всевозможные промежуточные оттенки. Но никогда не становился красным, как отметил Ник, а также не содержал оттенков желтого, граничащих с красным, и еще он никогда не был чисто белым.

— Так вы не собираетесь играть? Значит, у вас плохо со спортом! — Шар отскочил и теперь колебался вверх и вниз в стороне

от них. Его свечение возросло настолько, что из движения сплелась настоящая колонна света и свет этот продолжал оставаться на месте, когда сам шар уже исчез.

И вот теперь эта колонна ярких лучей начала пульсировать, исчезая, словно пламя догорающей свечи, оставив на своем месте маленькую фигуру. Возможно, рост ее доходил едва до плеча Ника, даже вместе с торчащим на шапке пером, которое подрагивало при каждом легком движении. В любом случае, перед ними был гуманоид, выглядевший взрослым мужчиной. У него было молодое, с мягкими чертами, лицо, хотя при этом оставалось ощущение солидного возраста и скуки. Он носил тусклого зеленого цвета штаны, хорошо сочетавшиеся с цветом листьев. Штаны были очень узкими, и к ним хорошо подходила такого же цвета пара средней высоты сапог, которые можно было различить только благодаря тому, что они заканчивались широко отвернутыми манжетами.

Рубашка его, зашнурованная спереди, была такой же зеленой и не имела рукавов, открывая его короткие мускулистые руки. Шнуровка поблескивала золотом, так же как и сложной формы пряжка на его поясе и застежка на плаще, который заброшен за плечи, обеспечивая свободу рук.

Плащ ярко-красный, отделанный по контуру зеленым, и такой же оттенок имела шапка. Светлые волосы, выбивавшиеся из-под нее, спадали на плечи. Они испускали свой собственный свет, отчего его голова казалась окруженной светящейся дымкой. Он имел правильные, даже красивые черты, однако Ник заметил, что уши, которые волосы огибали и благодаря которым удерживались собранными назад, непропорционально велики и казались заостренными.

На поясе у него короткий меч или длинный нож, а в руке он держал второе копьё, как две капли воды похожее на то, что лежало около джипа. На лице застыло выражение злорадного удовольствия. Но он не собирался говорить. Наоборот, он вытянул губы и издал подобие свиста. И тут же сзади него послышалось движение, и, будто передвигаясь на новые позиции, от стволов деревьев отделились тени.

Возможно, гуманоид и был маловат для человека, но этого нельзя было сказать о подчиненных ему силах. Неуклюжий медведь, сидевший на задних лапах, раскачивая в воздухе свободно болтавшимися передними, а между вполне осязаемых зубов

болтался красный язык. Рядом с ним восседала пятнистая кошка... Но что делать леопарду в таких лесах? Этих двух из свиты незнакомца Ник смог определить без всякого труда — но вот другие...

Как назвали бы вы существо с телом леопарда, но имевшее на лапах копыта, с вытянутой собачьей головой, из нижней челюсти которой торчат вверх два симметричных клыка, а там, где как раз начиналась похожая на конскую грива, поднимается пара рогов, как раз над широко открытыми злобными глазами? Рядом был еще один зверь, которого с натяжкой можно было отнести к волчьей породе, если бы не длинная лисья голова, слабо развитое тело и когти громадной птицы вместо передних лап; задние лапы и хвост вполне обычные, если в такой смеси можно хоть что-то назвать обычным.

Все четыре существа сидели тихо, их светящиеся глаза, потому что даже у зверей глаза светились красным, были направлены на троицу у джипа.

— Вы видите, — указал маленький человек, изящно взмахнув рукой в сторону своей когтистой, зубастой и копытной компании, — вот наши силы. А теперь мы попросим вас об отступлении. Это наши владения, а вы не спрашивали у нас разрешения на посещение их.

К собственному удивлению, Ник понял, что собирается ответить ему:

— Да мы и не хотели входить сюда. Мы оказались здесь помимо нашей воли. — Он указал на джип. — Минуту назад здесь была дорога... дорога, в нашем собственном мире, а в следующую... мы все оказались здесь.

Маленький человечек смахнул свою улыбку, которая походила скорее на ядовитую насмешку. Фактически с его лица исчезло вообще всякое выражение. Он вытянул свою руку, и лежавшее на земле копые, которое он перед этим отправил в их сторону, поднявшись в воздух, возвратилось к нему. Если он и подал какой-то знак своей свите, то Ник этого не заметил. Но четверка столь странных зверей поднялась и скрылась в лесном мраке, где они будто растворились, словно канули в небытие.

— Что с вас взять, — медленно произнес незнакомец, — вы не нужны нам. Но я предупреждаю вас: убирайтесь отсюда, потому что этот лес под нашей властью, а не просто дикий лес, открытый для всяких бродяг.

Он еще раз поднял копьё, как будто намеревался бросить его. Но оказалось, что он только хотел придать особое значение собственному приказу. Некоторое время он держал его в таком положении, а затем блеск его плаща и светящаяся дымка вокруг головы взвились вверх, словно дым из огня, обволакивая его тело и полностью скрывая его. Туман вновь стянулся в центральное ядро, а затем исчез. Они остались совершенно одни. Ник повернулся к своим спутникам.

— Кто... что... это?

Строуд рванулся назад в джип и вытащил оттуда связку инструментов. Он так спешил их развязать, что едва не выронил. Затем вытащил на свет небольшой гаечный ключ и отвертку. Крокер схватил отвертку и стал держать ее на уровне груди, как будто это было оружие или щит. Строуд протянул Нику гаечный ключ, и он с удивлением взял его.

— Держи его так, чтобы он был всегда виден, — приказал Строуд.

— Но почему? Что... что это было?

— Почему... потому что это — железо. А железо изводит всяческую отраву. Если бы мы держали это на виду, он не отважился бы швырнуть в нас даже зубочистку. А относительно того, кто он или что он... тебе лучше спросить викария. Мы сами-то раньше встречали такое всего пару раз. Если следовать викарию, то эти Горцы, как он называет их, постоянно жили здесь. Они без всякого труда могут захватывать людей, но не с помощью своих копий или мечей, а проникать в самый разум, заставляя человека видеть то, что они хотят. И уж если они заявляют, что это место их, то они правы, а нам лучше бы убираться отсюда...

Строуд уже сделал пару шагов к отступлению, к нему присоединился и Крокер. Ник торопливо пошел вслед за ними. Идущие впереди не оглядывались по сторонам. И если они и боялись какой-нибудь засады, то старались не показывать вида. Ник должен был подчиняться. Железо... железо... яд... но так ли это? Он старался держать ключ на виду. Достаточно просто... если вид этого «оружия» являлся формой защиты, он был готов подчиняться.

Ему не удавалось догнать их, пока они не оказались на достаточном расстоянии от джипа. Сам он продолжал подозрительно посматривать по сторонам, почти уверенный, что вот-вот увидит мельком какое-нибудь животное, которое крадучись пре-

следует их, чтобы убедиться, что они действительно покинули этот лес. Однако ничего, кроме деревьев, он не заметил на этот раз, даже единорога.

Когда он наконец-то догнал Строуда, у него уже был готов следующий вопрос:

— А как же эти животные? Я еще могу понять присутствие медведя... но леопарды... это ведь африканские животные? А те, два других... они ведь вообще... нереальны... их не могло быть...

Он услышал, как Крокер проворчал:

— Ты сам все слышал там, янки. И неважно, насколько они «реальны» по твоему мнению. Они окажутся вполне реальными, чтобы перегрызть тебе горло, когда этот зеленый прикажет им. Или ты увидишь еще кое-что и похуже, чем эти. Ты слышал, как он упоминал про силы Тьмы? Вот уже тех никто не захочет увидеть! Они обладают такой силой, что нам даже трудно вообразить... — Он полностью повернулся к Нику, по лицу его было видно, что он силится что-то вспомнить. — Железо побеждает и их. Порасспроси как-нибудь Джейн и леди Диану. Они как-то собирали ягоды и наткнулись на башню... во всяком случае оно выглядело как башня. Было уже далеко за полдень, небо было облачным, поэтому вполне возможно, что те, кто обитали там, были более активны, чем это бывало обычно. Джейн видела одного... во всем цвете... и некоторое время нам приходилось будить ее по ночам, потому что ей снились кошмары. Мы узнали много всякого... большей частью тяжелым путем. А ты получил сегодня лишь свой первый урок... и когда тебя предупреждают, ты должен слушаться!

Несмотря на то что они сильно петляли, они уложились за более короткое время, чем Ник и Линда во время первого своего путешествия. Но когда они вышли на относительно открытое пространство, Строуд закричал, предупреждая об опасности:

— Ложись!

Увидев, что Строуд бросился на землю и, распластавшись на ней, перекатывается с боку на бок, чтобы оказаться под достаточно большим кустом, который полностью скрыл бы его, Ник попытался следовать его примеру, хотя его наспех выбранное убежище было меньше и более прозрачно, чем у Строуда. Он увидел, что сзади то же самое проделал и Крокер, но его голова, поддерживаемая согнутыми руками, пыталась что-то разглядеть над поверхностью воды.

— Но... но ведь это же летающая тарелка! — Ник заявил о своем предположении вслух. И только предупредительное шипение откуда-то слева напомнило ему, чтобы он держал язык за зубами. Но он все равно не мог поверить в происходящее. Так или иначе, но воспринять это было еще труднее, чем тех зверей на лесной поляне.

То, что было вверху перед ними — машина... призрак... оптическая иллюзия... что бы это ни было, но оно... висело в воздухе, серебрясь на солнце, неподвижно застыв над поверхностью воды. Это все же была тарелка, но какой-то странно непропорциональной формы.

Она неподвижно висела. Затем с юга показался другой воздушный корабль совершенно иного вида. Он имел форму сигары и двигался с огромной скоростью. Он внезапно приблизился к зависшей тарелке, и в этот момент из него был выпущен сверкающий луч, который должен был, скорее всего, поразить «противника». Вместо этого луч ударился о невидимую стену на значительном расстоянии от тарелки.

Сигара сделала маневр, поднялась над «висевшей» тарелкой, чтобы атаковать ее под другим углом. Это не было дуэлью, потому что тарелка не собиралась отвечать. Она просто по-прежнему висела в воздухе, хорошо защищенная каким-то энергетическим полем, в то время как другой корабль делал безумные попытки направить на нее свой луч под разными углами. Ник вполне мог представить себе разочарование нападавших — вот так, выпустить почти всю энергию, а в результате противник даже не выведен из себя.

Наконец сигара поднялась прямо над самой тарелкой и так же неподвижно зависла. Теперь не было никаких лучей. Последовала постоянная серия световых вспышек, чередовавшихся так быстро, что Ник не был уверен, что он вообще что-то видел.

Постепенно сигара начала спускаться прямо на тарелку. Что мог означать этот маневр, Ник не мог даже предположить. Спуск был таким медленным, что в нем ощущалось нечто угрожающее. Видимо, пилот верхнего корабля теперь пытался использовать имевшееся в его распоряжении последнее средство.

Все ниже, ниже... уж не собирался ли он протаранить своего врага — как это делали японские летчики во время Второй мировой войны, когда по собственной воле врезались во вражеские самолеты или военные корабли? Ниже...

Ник видел, как нижний корабль начал вибрировать. А затем...

Он исчез!

Взорвался? Но не было никакого звука, ни взрывной волны, ни обломков. Он просто исчез.

Сигара накренилась и сделала скачок вверх. Она дважды облетела озеро, как будто пытаясь убедиться, что там больше не было врагов. Еще раз корабль завис над местом атаки, а затем исчез вдали, скрывшись из вида буквально за считанные секунды.

Крокер поднялся, продолжая держать в одной руке отвертку. С ней он напоминал истинно верующего прихожанина, держащего в церкви свечу.

— Настоящее веселье, — прокомментировал он. — Итак, теперь они начали жечь друг друга. Хорошо это или плохо для нас? Хотелось бы мне знать...

— А что же он сделал, когда опускался вот таким образом на тарелку? — Нику было очень любопытно узнать.

— Я предполагаю, и это всего лишь предположение, заметь это, — он хотел использовать свое силовое поле против того, что защищало другой корабль. Эти, кто использует летающие тарелки, — они на целые века опередили нас в своей технологии, так же как здешние «люди» со своим «волшебством».

— Я знаю только одно, — Строуд стоял на четвереньках между ними, — теперь это ясно для меня, парни. Мы уходим из этого места. Где такая нечисть летает у тебя над головой, такое место для нас мало полезно. И, кроме того, нас предупредили и насчет леса, мы и там не можем быть в безопасности. Давайте двигаться отсюда как можно скорее. — Он поднялся на ноги. Теперь, когда он направился к лагерю возле реки, его шаг скорее походил на бег. Однако, какая бы скорость у него ни была, он, как заметил Ник, не переставал заботиться об осторожности, как делал это и Крокер. И Ник старался во всем подражать им.

ГЛАВА 5

Ник гладил руль мотоцикла. Оставить его здесь было равносильно тому, что захлопнуть за собой дверь без надежды на возвращение. Но Строуд прав, он не сможет протащить его через эту неровную местность, которую им предстоит пересечь, да он стал бы и бесполезен, как только закончится весь бензин. Ник

поставил его в самой глубине их убежища, полагая, что это лучшее из того, что он мог бы сделать.

Только на рассвете следующего дня они собрались, чтобы отправиться в то место, которое эта группа англичан называла самым лучшим и безопасным из имеющихся у них пристанищ. Но прошедшая ночь оказалась беспокойной. Им приходилось дежурить по очереди, подниматься при каждой подозрительной тени на небосводе, которая указывала бы на приближение воздушных охотников, или при всяком шорохе на земле, который мог принадлежать тем, кто следил за ними.

Ночь была лунной и безоблачной. Свет луны отбрасывал странные тени, наблюдение за которыми возбуждало воображение, что, как был уверен Ник, не снижало беспокойства.

Он ни в чем не был уверен, когда во время его дежурства, примерно час спустя после полуночи, мохнатая тень Джереми проплыла мимо него, направляясь на лежавшее в отдалении открытое пространство. Там этот громадный кот уселся, вытянул хвост строго прямо от себя и начал прислушиваться. Затем без всякого предупреждения хвост его начал двигаться из стороны в сторону, и послышалось низкое приглушенное рычание. Звук этот никогда не поднимался до уровня, соответствующего видимому противнику, но все время держался на низкой ноте, в то время как хвост бил по песчаной почве.

Ник хотел воспользоваться фонариком, который забрал из багажника мотоцикла. Но, хотя ему и очень хотелось рассмотреть, что это могло так растревожить кота, он не хотел рисковать, привлекая внимание того, что могло бродить там.

Он не смог расслышать ничего, за исключением обычного, по его мнению, набора ночных звуков. А то, что мог видеть или слышать Джереми, оставалось неощутимым из-за неэффективности человеческих органов чувств.

Кот припал к земле, хвост был неподвижен. Он больше не рычал. Вдоль небосвода бесшумно пронеслось что-то большое и темное. Один медленный взмах крыльев — и все исчезло. Джереми метнулся назад и, перемахнув через колени Ника, пробрался внутрь убежища.

Но звук, который сопровождал его возвращение... на что он был похож? Может быть, это смех? Он прозвучал негромко, едва ли громче, чем злобное хихиканье. И Нику показалось, что звук этот донесся сверху, а не с земли. Это летающее существо? Ник

полагался на логику и рассуждения — хотя эти категории, заимствованные им из прошлой жизни, очень мало значили для этого мира. Что здесь было реальностью, а что игрой воображения?

Теперь, когда наступило утро и они начали собираться в дорогу, его неуверенность слегка поубавилась.

— Плохо, что тебе приходится бросать свой прекрасный большой мотоцикл. — Миссис Клэпп заставляла Джереми зайти в плетеную корзину, которая вызывала у него протест против подобного заключения. Кот неожиданно повернулся и сомкнул свои челюсти на ее руке, хотя и не стал сжимать сильно, как при настоящей попытке укусить.

— Ну-ну, хочешь, чтобы тебя оставили здесь, старичок? — Она почесала ему за ушами. — Залезай и не пытайся выбраться наружу. Ведь это мне, как тебе хорошо известно, придется тебя нести. И когда это я делала что-то плохое для тебя?

Она захлопнула крышку и быстро закрепила ее.

— Да. — Она вновь заговорила с Ником. — Прекрасный большой мотоцикл, который, как я могу судить, стоил тебе немало денег. Эти места не подходят для езды... если только мы не раздобудем себе несколько этих белых...

— Белых? — Он перекинул обе багажные сумки через плечо и повернулся спиной к мотоциклу, пытаясь забыть о нем.

— Тех, что принадлежат «людям». Ах, как гордо они выглядят, проезжая на своих белых... Наверное, это все-таки лошади или очень сильно похожи на лошадь, чтобы можно было так называть их. Мы два раза видели, как они скакали, всякий раз перед заходом солнца и до наступления темноты. Удивительно приятное зрелище. — Она потянулась еще за одной поклажей. Но Ник опустил на этот импровизированный узел свою руку и подхватил его за приготовленную для переноски ручку.

— Вам хватит и одного Джереми, — сказал он.

Миссис Клэпп хихикнула.

— Да, мне хватит. Этот старичок... ему уже десять лет. Нет... — В ее округлившись глазах мелькнула тень сомнения. — Минуло тридцать лет... Ведь так ты сказал? Тридцать лет... я не могу поверить этому. Мне должно быть девяносто пять, а я все еще не та бабушка, что сидит у печи. И Джереми... по закону он должен бы давно умереть. Но он здесь, со мной, а я все еще проворна как никогда. Так что я не собираюсь верить в эти лишние тридцать лет.

— Почему лишние? — спросил ее Ник. — Просто время не имеет здесь силы, это определено. Однажды я читал что-то такое... Проходит ли время через нас, или мы проходим через время? А теперь можно добавить к этому — как быстро или как медленно?

Она забросила плетенную из травы толстую веревку, связывающую между собой корзину и сделанную из тростника упаковку, напоминавшую по виду большую суму, на свое согнутое плечо и, крепко держа в руке корзину с котом, уверенным шагом направилась к выходу. Ник последовал за ней.

У всех за плечами было подобие самодельных вещевых мешков. И еще Ник заметил, что каждый имел под рукой металлический предмет как средство защиты или в виде какого-либо инструмента либо, как у Строуда, небольшой нож с обнаженным лезвием.

Линда вновь вела Ланга на длинном поводке. Пекинес держался как можно ближе к хозяйке, но старался высоко держать голову и все время вертел ею из стороны в сторону, будто выискивал, составляя каталог, все различные запахи здешней земли.

Дорогой им служил берег ручья. И вот вдоль него они и передвигались, расположившись в привычном для них порядке: Хедлет и Строуд впереди, затем миссис Клэпп и Джин Ричардс с Линдой, Крокер и леди Диана прикрывали тыл, а Ник составлял им компанию.

— Вот эта бегущая вода, — заметила леди Диана, глядя на ручей, — имеет, молодой человек, несколько полезных функций. Ее можно пить, ею можно умываться, но она еще и служит некоторой защитой от сил Тьмы.

Крокер проворчал:

— За исключением того, что никогда не знаешь, как далеко она течет.

— Конечно, — согласилась с ним леди Диана. — Но ведь здесь все связано лишь с удачей или случаем. До сих пор нам везло. Были, правда, очень тяжелые времена...

И опять Крокер не замедлил добавить:

— Это ведь еще как посмотреть на все это. Я бы сказал, что нам с трудом удалось выбраться из очередной западни. И мне кажется, что все лимиты удачи мы уже использовали, когда выбрались из той аварии.

— Что это? — Ник только слегка прислушивался к их разговору, больше внимания уделяя окружающей его территории. Он с явным изумлением уставился на то, что наполовину лежало на берегу, а наполовину оставалось в воде, у противоположной стороны водного потока.

Судно, слегка наклоненное так, что его нижняя палуба с одной стороны затоплена водой. Но какое судно! И как оно попало в этот ручей, который, определенно, слишком узок и мелок для него?

Теперь, когда они подошли к нему ближе, он мог разглядеть, что оно почти уничтожено огнем, который местами затронул и большое заднее колесо, которое служило для него источником движения. Но как оно попало сюда... и когда?

Он видел такие же почти развалившиеся заднеколесные пароходы на реке Огайо. Там они возили пассажиров в ностальгические рейсы во время летнего сезона. И вот один из них оказался пленником времени?

— Он слишком велик для такого водного потока... — Ник вновь запротестовал по поводу очевидного, что открывалось перед его глазами.

— Но только не во время наводнения. — В руках у леди Дианы была крепкая палка в роли посоха, и она указала ею на доказательство, располагавшееся выше того места, по которому они шли. Было ясно, что какое-то время тому назад уровень воды был гораздо выше, чем сейчас.

— Сейчас мы идем по тому месту, что раньше было под водой, — пояснил Крокер. — Выглядит так, словно здесь произошел взрыв. Хедлет говорит, что такие пароходы часто взрываются, если разгоняются слишком быстро. Если кто и выжил при этом, то теперь их уже нет. — Пилот пожал плечами. — Это явно случилось уже давно.

— Этот ручей должен впадать в какой-то другой гораздо больший по размерам водный поток, где-то там, к югу, — сказала леди Диана, кивнув головой. — Ручей вытекает из озера и направляется на юго-восток. Они могли свернуть сюда и заблудиться, а затем, торопясь, разогрели двигатель, и... началась паника... и вот конец.

— Такие пароходики использовались лет сто назад, — заметил Ник.

— Мы видели еще более странные вещи, чем это. — Леди Диана шла быстрым шагом, и Ник едва поспевал за ней. — Заокеанские. — Она не стала развивать сделанное замечание, а Ник не стал задавать вопросы.

Примерно через милю от места крушения они свернули в сторону от берега, чтобы сократить подъем по легко просматриваемой местности. И здесь Ник испытал второй шок за сегодняшнее утро.

Потому что это открытое пространство перед ними было разделено линиями. Они располагались в беспорядке и в некоторых местах исчезали, но тем не менее были видны четко выделенные площадки, напоминавшие разгороженные поля! И по склону, прямо перед путниками, были следы дороги, засыпанной песком, заросшей травой, но все же это были следы дороги, которая когда-то вилась между этих пустынных полей.

Строуд поднял руку. И в ответ весь отряд мгновенно остановился. Все попадали в ближайшие кусты, прижались к земле. Со стороны полей двигался другой отряд путников.

У них были лошади, правда, меньшего размера, чем те, которых знал Ник, — на некоторых из них видны всадники, другие бежали свободно, образуя стадо, которое и подгоняли те же самые всадники. Сзади них передвигался предмет, настолько неизвестный ему, что он не мог даже придумать, как назвать его. На платформе, которую тащила значительная по размерам упряжка лошадей, если двадцать утомленных животных можно было квалифицировать как «упряжку», находилась куполообразная конструкция. Повозка была неуклюжей, и окружавшие ее всадники должны были натягивать поводья, чтобы выравнять свою скорость с движением этого тяжело движущегося «вагона».

Отряд свернул на дорогу, сторонясь разгороженных полей, которые были явной помехой на их пути. Ник был доволен, что весь этот караван направлялся в другую сторону. Он отметил и луки, и копыта за плечами всадников, вид которых сразу же напоминал о варварах, так что он смог поверить, что и они могут быть просто обычными путешественниками.

— Монголы. — Леди Диана располагалась плечом к плечу рядом с ним. — Настоящие монголы... целый род, а возможно, семья.

— Вы хотите сказать, — Ник был чрезвычайно настойчив, — что здесь присутствуют... люди Чингисхана?

Одноколесный пароход вызывал удивление. Но отряд монголов — почти жестокое нарушение логики, как те странные животные в лесу.

— А это — юрта... их передвижной дом, — продолжила леди Диана.

Он оглянулся по сторонам. Ее обветренное, с резкими чертами лицо было наполнено живым интересом.

— Здесь перед нами живое прошлое. — Казалось, она разговаривает сама с собой. — Возможно, эти воины действительно сопровождали Великого Хана. Если бы мы смогли поговорить с ними...

— Наверняка нас проткнули бы копьем, попытайся мы сделать это, — заметил Крокер. — Если я правильно помню, они еще владели и мастерством лучников.

— Да, они были достаточно хороши, — согласилась леди Диана, — чтобы уничтожить половину рыцарей Европы, и им удалось бы подчинить себе целый континент, будь они энергичней.

— Я предпочитаю видеть их со спины, — заметил Ник.

Но они были вынуждены лежать в этом наспех выбранном укрытии (которое, возможно, вообще нельзя было считать таковым, стоило лишь одному из всадников начать разведку местности) еще некоторое время, пока монголы не скрылись из вида. Сколько еще вот таких осколков прошлого заброшено в этот мир?..

— Вот эти поля и эта дорога... — Ник напрягал зрение, стараясь проследить ее как можно дальше. — Кто создал все это?

— Кто знает? — ответил Крокер. — Здесь множество подобных мест. Мы даже видели целый замок. А еще нам попадались два города, где живут «люди».

— Здесь есть города? — Ник вспомнил, что в каких-то разговорах про них упоминалось и раньше. — Те самые, которые бомбили из летающих тарелок?

— Не бомбили. — В голосе Крокера слышалось раздражение. — Они летали над ними, повисали в воздухе, направляли вниз свои лучи. Создавалось впечатление, что они не имели намерения довести дело до конца. И это не похоже на бомбежку, как мы ее понимаем. Я могу засвидетельствовать это.

— Города, — задумчиво произнесла леди Диана, — они бывают разные. Наши города очень растянуты. Вы можете ехать целые мили сквозь все уплотняющуюся массу небольших домиков, постепенно поглощающих пригородные пространства, перед вами постепенно исчезает открытое пространство. Эти же города отличаются от наших, здесь нет пригорода, нет окружающей среды, они просто неожиданно вырастают пред вами на открытом месте.

Там сплошь одни башни, и все раскрашено в такие цвета, что никогда не подумаешь, что люди могут использовать их для украшения зданий. И там не увидишь дыма... только свет и цвет. Но, если только Хедлет прав, это ловушки. И ловушки ведь могут быть привлекательными... нам не нужно и доказывать это.

— Ловушки?

— Мы уверены, — пояснила леди Диана, — что Герольд приходит именно из такого города. Этот город может быть источником энергии или еще чего-то, притягивающего нас, всех нас, из нашего собственного мира. И неважно, что именно управляет нашим перемещением сюда. Оно происходит уже долгие-долгие годы.

— Мы видели даже римскую когорту. Если только это не одно из «их» видений, — заметил Крокер. — Ведь нельзя быть уверенным, что здесь реально, а что нет, когда находишься в окружении «людей».

Строуд поднялся на ноги, а за ним и остальные выбрались из укрытия. Перейдя дорогу, изрытую следами лошадей и колеями от передвижной юрты, они сложили свою поклажу на краю небольшой роши, чтобы отдохнуть и поесть.

— А вон там, скорее всего, находится фруктовый сад. — Викарий указал рукой на другую полоску деревьев, в стороне от поля. — Думаю, там есть яблоки... возможно, ранние.

Он вопросительно взглянул на Строуда. Было очевидно, что как минимум в походе тот у них за командира.

Строуд искоса взглянул на солнце.

— Мы должны добраться до фермы, пока не стемнеет. А когда вокруг еще и эти... — он бросил взгляд в сторону скрывшихся всадников, — еще одна остановка может быть связана с риском.

— Но она будет короткой, — возразил ему викарий. — И мы к тому же будем под укрытием деревьев.

— Ограда, — леди Диана встала, измеряя на глаз раскинувшееся перед ними пространство, как будто делала нечто хорошо знакомое ей, — ограда, разделяющая поля, тянется до самых деревьев.

— Мы могли бы набрать там фруктов. — Миссис Клэпп хлопала свой груз, как будто она уже ощущала его тяжесть от собранной добычи.

— Хорошо, — решил Струуд. — Тем не менее мы выставим охрану...

— Боюсь, что теперь нам уже ничего не удастся сделать, — резко произнес Хедлет. — Посмотрите-ка вон туда.

Как обычно, Струуд велел всем укрыться. Если как следует прижаться к земле, то их будет трудно обнаружить с любого расстояния.

Двигаясь примерно в том же направлении, что и монголы, появилась новая группа. На этот раз пешая. Ник обратил внимание, что передвигались они с осторожностью, как будто опасались нападения из засады. Все были одеты в военную форму, у некоторых были винтовки, хотя большинство безоружны. Форма их была выгоревшей, имела цвет бурой земли и была плохо подогнана. Он так и не понял, кто они такие.

— Китайцы, — негромко сказал Хедлет.

Укрываясь в роще, они наблюдали это осторожное передвижение, пока вновь прибывшие не скрылись тем же маршрутом, что и монголы. Нику было интересно, не преследовали ли они предыдущую компанию? И если так, то он не был уверен, когда именно они доберутся до них и доберутся ли вообще. Как-то эти винтовки выглядели менее эффектно, чем луки и копья тех всадников, которые в свое время, как отметила леди Диана, противостояли даже закованным в латы рыцарям.

— Да, эта местность, — заметил Крокер, — становится чуть-чуть перенаселенной.

— Да. И что за причина для такой активности? — добавил Хедлет.

— Все это скверно пахнет, — взорвался Струуд. — Чем скорее мы укроемся, должен сказать, тем лучше. Может быть, начинается сезон охоты.

Они не стали тратить время на сбор фруктов. И как только прошли китайцы, все разом поднялись и быстрым, пружинящим шагом двинулись под прикрытием ограды в сторону гребня

водораздела, лежавшего в полутора милях от них. Ник подумал о том, что большинство из них без труда справятся с попыткой такого перехода, но его беспокоили миссис Клэпп и викарий. Он увидел, как Джин склонилась около старой женщины и взяла у нее корзину с Джереми.

В поле, через которое они шли, была очень богатая растительность, напоминая самосевные зерновые культуры, хотя сами эти злаки были совершенно новым для Ника, потому что спелые колосья оказались красного цвета с выпукло выделявшимися зернами. Кроме того, их странные узкие листья по краям усеяны тончайшими, похожими на крючки, колючками, которые цеплялись за их одежду с удивительной силой, так что каждую минуту приходилось высвобождаться от них.

Ник испытывал жажду. Но ему было некогда даже сделать глоток из своей канистры. Необходимо поддерживать общую скорость передвижения, что было так очевидно, что он упорно продолжал путь, не решаясь сделать остановку. Линда несла на руках Ланга, хотя большую часть утреннего перехода пес проделал самостоятельно.

К счастью, подъем на гребень был пологим, но быстрый переход через открытое пространство отнял у них много сил. Строуд дал сигнал на отдых. Здесь имелось достаточно укрытий, и отсюда можно далеко просматривать местность.

— А вот еще путешественники! — Джин и Линда были по обе стороны от Ника, и англичанка показала в даль, где пока было трудно различить детали одежды или снаряжения нового отряда.

Строуд и Крокер, как обратил внимание Ник, лежали на спине и, прикрыв глаза от солнца, изучали не дальние подступы на горизонте, а небо над головой.

— Нет, нет никаких признаков, — сказал Строуд.

— Да, пока нет. Но слишком много передвижений. Если началась большая охота...

— То мы остаемся лежать в укрытии до темноты, — решил Строуд. — Да, все подталкивает к этому, — добавил он на восклицание леди Дианы. — Но я не вижу, как еще мы можем поступить, если не провести ночь прямо здесь.

— А как далеко мы находимся от вашего места? — рискнул спросить Ник.

— Около трех миль по прямой. Но если по пути держаться укрытий, расстояние будет больше. И сегодня нам попалось

слишком много групп, кочующих с места на место. Их было гораздо больше, чем несколько недель до этого...

— А теперь мы видим кое-что еще! — прервал их викарий. — Герольд... значит, мы не так уж далеко от города.

Появившаяся внизу красочная фигура не выказывала ни намерений укрыться, ни даже намека на поиски убежища. Как и монголы, этот путник тоже был верхом. Но восседал он не на какой-то мохнатой, малорослой лошади. Скорее это было животное, весьма сходное с лошадью, за исключением того, что ноги его длиннее и тоньше. Белая шерсть его несла ореол света, похожего на тот, что можно было наблюдать вокруг волос зеленого человечка, что называл себя хозяином леса.

Восседавший на этом существе, что так плавно и легко скользило по земле, заставляя Ника смотреть во все глаза, был человеком или, по крайней мере, гуманоидом. Его одежда сияла так же, как и шерсть его боевого коня, нечто в виде пестрой лоскутной вышивки ярких цветов виднелось по центру его жесткого рыцарского плаща, без рукавов, который расходился в стороны на его бедрах. Под плащом виднелись штаны такого же покроя, что и у человека в лесу. На голове четырехугольная шляпа, концы которой заметно выступали.

В отличие от лесного человечка, у него были короткие волосы, буквально прилизанные к голове. И те, которые было видно, казались очень темными. На лице линия волос, столь изящная, как будто выписанная умело направляемой кистью, гармонировала с аккуратными усами, немного спускающимися с верхней губы так, что обе стороны рта словно были охвачены скобками.

В том, как он ехал, была особая целеустремленность, она же была заметна и в широком шаге коня. И вот, наблюдая за ними более внимательно, Ник осознал то, что не рассмотрел с первого взгляда. «Конь» не имел копыт — вместо них когтистые лапы, не отличающиеся от лап гончей.

И еще... они не касались поверхности земли, вдоль которой происходило передвижение. Существо скакало словно бы по невидимой тропе, приподнятой на несколько дюймов над основанием. Ни «конь», ни всадник даже не приготовились к прыжку, даже не отклонились, когда приблизились к одной из стен, что делили поле на отдельные участки. Вместо этого они просто поднялись вверх, прямо в воздух, и пересекли преграду, с каж-

дым шагом поднимаясь все выше и выше, направляясь к лежащему в отдалении горному гребню.

Вверх и вверх, теперь уже значительно выше земли. Ноги-лапы работали равномерно, спокойно набирая высоту, готовые так же спокойно пересечь и сам гребень. Тут до Ника донесся завывающий гул... от всадника?

Нет, он раздавался сверху.

— Охотник! — предупредил Строуд.

Они сжались под своим укрытием, как только неожиданно, как будто небо само разошлось, чтобы выпустить его, появился летящий объект. Он был похож на тарелку, которую они уже наблюдали в сражении над озером, но гораздо меньше по размеру. И из ее куполообразной верхней половины был направлен вниз световой луч.

Ник испытал ощущение странного давления. Он не мог двинуться, буквально прирос к земле, на которой лежал. Его тело пронизывало покалывание, близкое к настоящей боли.

Луч неподвижно застыл на поднимавшейся вверх «лошади» и ее всаднике. Но ни один из них даже не взглянул на нападавшего охотника. И нисколько не изменился галоп странного животного. Было заметно, что интенсивность луча возросла. Ник слышал, как жалобно скулил Ланг и как рычал из корзины Джереми. Но более громких протестов от животных не последовало.

Однако теперь луч сконцентрировался на всаднике, и его сила дополнительно возросла, так что Нику пришлось отвернуться от обжигающего блеска. Когда же он отважился снова взглянуть на происходящее, оказалось, что всадник медленно переваливает на другую сторону гребня. Какое бы оружие ни применял этот воздушный охотник, оно не подействовало на Герольда. Он продолжал свой путь, абсолютно пренебрегая этим нападением, как будто пришельца просто не существовало. Затем они оба ушли: Герольд превратился в цветную точку, быстро исчезающую с расстоянием; летающая тарелка неумолимо следовала за ним в кильватере, а Ник почувствовал себя лучше. Он слегка приподнялся, чтобы проследить, скрылась ли из вида эта странная охота.

— Охотник, но, однако, его он не заполучил, — заметил Крокер. — И теперь он направляется в город.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Ник, сгорая от любопытства.

— Только это. Эти охотники пытаются уничтожить города, но города никогда не совершают возмездия. Они никогда не стреляют из зенитных орудий, никогда не запирают двери. Это похоже на то, что как будто их даже не заботит это, будто охотники даже не могут тронуть их, и поэтому у них нет ни малейшего желания вступить в бой. Ты видел Герольда... он никогда даже не смотрит, кто или что атакует его с бреющего полета! Если бы у нас была подобная защита...

— Мы не можем принять его предложение, — тихо и спокойно произнес викарий. — И ты знаешь это, Барри.

— Нет! — Ответ пилота прозвучал резко и отчаянно. — Я — это я, Барри Крокер, и собираюсь оставаться им. Даже если мне придется бегать и прятаться по всей этой земле!

— А что случается, если кто-то принимает предложение Герольда? — настойчиво домогался Ник. — Ты сказал, что каждый... изменяется при этом... но как?

Крокер не дал викарию ответить за себя. Он сердито взглянул на Ника.

— Ты просто изменишься, и все. Мы видели, как это произошло с Ритой. — И он захлопнул рот, как будто не мог себя заставить продолжать.

— Понимаешь, — медленно заговорил Хедлет. Он старался быть очень мягким, как будто существовали некие эмоции, которые он боялся полностью разбудить, — с нами был еще один человек, невеста Барри. Она встретила Герольда еще до того, как мы все это поняли, и приняла его предложение. Затем она приходила к нам, чтобы убедить нас сделать то же самое...

— Лучше бы ей умереть! — Крокер торопливо отошел от них в сторону.

— Но что же случилось с ней? — настаивал Ник. — Думаю, что мы, Линда и я, имеем право знать... если такой выбор будет предложен и нам.

— Такое может случиться, — резко произнесла леди Диана. — Но мальчик прав, Эдриан. Расскажи ему правду.

— Произошли... — викарий колебался, как будто для него рассказать всю правду было очень трудным, почти болезненным делом, — определенные физические изменения. Возможно, с ними можно было бы смириться. Но были еще и умственные, психологические изменения. По нашему убеждению, Рита — та Рита, которая вернулась к ним, — больше не была человеческим

существом. Люди имеют врожденный страх перед смертью, который лишь немногие из нас могут преодолеть, и мы содрогамся даже при одной мысли об этом. А такое изменение равносильно разновидности смерти. Для того, кто принимает его, происходит пресечение нашей жизни и начало той, иной. И отсюда нет возвращения. В нас существует некое отвращение к тому, кем они становятся, и оно столь велико, что мы не можем терпеть их присутствие около себя. Я пытаюсь подыскать соответствующие слова, но на самом деле это изменение следует увидеть, чтобы полностью осознать.

Викарий смотрел Нику в глаза, но все остальные, за исключением Линды, отворачивались, как будто были напуганы или стыдились сказанного им. Леди Диана вновь заговорила, и в голосе ее проскальзывали грубые нотки:

— Ну, Строуд, долго мы еще будем здесь сидеть?

ГЛАВА 6

Несмотря на укрытие, Ник чувствовал обнаженную, беспомощную незащищенность перед всем, что могло явиться с неба или неслышно подкрасться по земле. Тем не менее пространство, где должен был пролегать их путь и которое открывалось перед ним с вершины гребня, было чересчур открытым. Там, внизу, подумал он, нам не удастся пройти незаметно.

Строуд производил тщательное наблюдение за той же территорией.

— Мы можем попытаться вон там. — Его палец указывал на склон, лежавший правее от них. — Когда мы пройдем по нему, мы будем лучше видеть, что у нас впереди...

Путешествие вдоль гребня было одним из трудных. Часть его они были вынуждены проделать, опираясь на руки и на колени, торопливо перебегая от одного участка кустов к другому. Всего труднее было миссис Клэпп. Но она не жаловалась, а остальные всегда были готовы прийти ей на помощь. По крайней мере, во время пути они не видели ни возвращавшихся с охоты тарелок, ни новых странствующих отрядов внизу.

Однако к тому времени, когда они добрались до выбранного Строудом места привала, солнце уже катилось к западу. Лицо миссис Клэпп имело густо-красный оттенок. Она тяжело дышала, а ее руки, когда она клала их на колени, коротко подрагива-

ли. Ник подумал про себя, что ей не обойтись без продолжительного отдыха.

— Мы подождем до темноты, — объявил Струод. — Будем есть и ждать.

Канистра с водой, которая была у Ника, и другая, которую нес Струод, пошли по кругу. После этого пришлось закусить тем, что у них оставалось. При самом тщательном наблюдении земля, лежавшая внизу, сейчас казалась пустынной. Но, как только солнце начало садиться, Ник обнаружил на северо-востоке устойчивое сияние.

Он поделился своими наблюдениями с Джин, слегка тронув ее за плечо и указав на зарево.

— Это город, — ответила она на его молчаливый вопрос. — Ночью он всегда освещен... такого ты еще никогда не видел.

Ему показалось, что он уловил оттенок задумчивости в ее голосе.

— Как близко ты видела его? — Загадочный город или города заинтриговали его. По-видимому, они были по-настоящему безопасными убежищами для их обитателей.

— Достаточно близко, — ответила она, — достаточно близко, чтобы испугаться. — Минуту она молчала, а затем добавила: — То, что викарий сказал про Риту, — это правда. Теперь она... другая. Но она плакала в тот, последний раз, когда пыталась прийти к нам. Она не хотела причинить нам вреда... она хотела только помочь...

Ей было трудно говорить, будто она чувствовала вину.

— Но вы прогнали ее. — Ник пожалел о сказанном, еще до того как умолк.

Джин повернула голову, чтобы видеть его.

— Мы отослали ее обратно, — резко сказала она.

Ник был раздосадован. Зачем он сказал это? Ведь эти люди знали, что делали, они знали, что должны делать, чтобы выжить здесь. А то, что он произнес вслух, звучало как обвинение.

Джин снова отвернулась, наблюдая, как темнота наползает на землю. И хотя она была от него совсем близко, Ник чувствовал, что в определенном смысле она значительно от него отдалась.

— Если мы продолжим путь, — начал он, чтобы прервать это тягостное молчание, — как же выдержит это миссис Клэпп? Она так обессилела...

— Я знаю. — В ее голосе звучала отдаленность. — Но она попытается, а мы все поможем ей. Необходимо добраться до надежного места, прежде чем наступит глубокая ночь.

— Видишь что-нибудь? — спросил находящийся сзади них Строуд.

Джин покачала головой.

— Все чисто. Город включил ночное освещение.

Свечение в небе усиливалось по мере того, как уменьшался естественный свет.

— Но вот тот дальний гребень закроет его. — Казалось, что Строуд вполне удовлетворен этим соображением. — Нам лучше всего направиться туда.

Спуск от гребня был пологим. Джин вновь несла корзину с Джереми, а Линда, которая несла Ланга, помогала миссис Клэпп слева. Когда они добрались до более ровной поверхности, Строуд перешел на более резвый шаг и викарий присоединился к трем женщинам.

Они еще несколько раз коротко отдыхали, и миссис Клэпп не жаловалась. Но было и без того ясно, что только решимость заставляет ее продолжать путь. Теперь и ее сборная поклажа перекочевала на плечо Линды, уравнивая таким образом ее спортивную сумку.

Леди Диана сделала несколько шагов вперед и без лишних слов подхватила миссис Клэпп под руку. А как двигаться дальше, когда наступит полная темнота, Ник не мог даже вообразить. К счастью, это было время года, когда сумерки тянулись очень долго, да и земля освещена падающими с неба отблесками.

Ночь выдалась не из спокойных. Напряженные нервы Ника чутко реагировали на различные звуки. Где-то слышались крики, иногда где-то раздавались завывания. Но не было ничего, что напоминало то сладостное обманчивое пение, которое он слышал в ту дождливую ночь. Эти звуки скорее поддерживали постоянный ужас, питавший собственные страхи каждого, заставлявший поминутно оборачиваться, чтобы увидеть, не преследует ли кто-нибудь тебя сзади. Он всякий раз порывался спросить, что означает тот или иной звук. Но поскольку его спутники не обращали на них внимания, то и он не задавал лишних вопросов.

— Мы уже недалеко, — объявил Струод на одной из остановок. — Теперь нам осталось совсем чуть-чуть, и мы сможем лечь в спокойной обстановке.

Они миновали поля почти у самого основания горы, за которой поднимался отблеск от сияющего ореола, висевшего над городом. И, как только Струод вновь двинулся в путь, они оказались на более ровной тропе между двумя полуразрушенными стенами — должно быть, когда-то это место могло быть улицей.

Наконец они добрались до темного массива здания, стены которого, скорее всего, сделаны из камня, хотя сейчас, когда сумерки сильно сгустились, Ник затруднялся сказать, из чего именно оно построено. Струод при виде чего-то знакомого с легкостью отворил дверь и вошел.

— Слава богу, — услышал Ник задыхающийся голос миссис Клэпп. — Только дайте мне войти и немного посидеть, а потом я буду в полном порядке. Я чуть-чуть старовата для таких походов.

— Сущий вздор, вовсе не потому! — Леди Диана буквально протасила ее вперед, но с самыми добрыми намерениями. — Разве ты забыла, Мод, мы ведь все получили дозу облучения от того охотника. А это никому не приносит пользы.

Через дверной проем падали слабые отблески света. Как только Ник переступил порог, Крокер, шедший следом за ним, с глухим стуком захлопнул дверь. Теперь свет был призрачным, но и при таком освещении американец смог рассмотреть значительную часть большой комнаты, с камином, размеры которого оказались раза в два больше тех, что ему доводилось когда-либо видеть. Еще здесь была скамья, несколько стульев и стол — все сделано из дерева, все массивное и тяжелое.

Миссис Клэпп скорее свалилась, чем присела, на один из стульев, а Джин торопливо поставила корзину с Джереми рядом с ней. Кот мяукал самым умоляющим тоном. Миссис Клэпп неуклюже шарила в поисках запора, чтобы освободить его. Он самостоятельно и очень бодро выбрался на свободу, а затем, осмотревшись, фыркнул на камин и приступил к осторожному исследованию комнаты.

Как мог заметить Ник, в ней были и окна, но каждое закрыто изнутри решетчатыми ставнями, сделанными из металлических прутков. Крокер только что вставил поперек двери такой же, только более толстый металлический брус. Свет исходил из стоявшей на столе чашки, где горел опущенный в какую-то

жидкость кусок веревки, испуская при этом довольно приятный запах. Этот запах и общий запах в самой комнате создавали ощущение мира и покоя, что действовало расслабляюще.

— Что это за место? — Линда опустила Ланга на пол, и он тут же улегся, устроив подбородок на вытянутых лапах. — Так или иначе, но здесь хорошо!

Викарий сидел на скамье неподалеку от миссис Клэпп. Он улыбался, глядя на девушку.

— Место для отдыха, да... и даже больше, чем для отдыха — для восстановления духа. Мы обнаружили несколько таких убежищ. Некоторые сделаны руками человека, другие самой природой. Но, находясь в них, можно получать умиротворение для души и передышку от напряжений. Вот этот дом, возможно, построен каким-то изгнанником, который был сослан сюда, может быть даже, как и мы. Мы думаем, что когда-то здесь была ферма... в те дни, когда здесь не было так опасно, как сейчас. В окнах и на двери поставлены железные ставни — наличие которых означает, что те, кто строил этот дом, были чем-то родственны нам. Но, как им удалось привнести сюда этот дух удовлетворенности, мы объяснить не можем. Возможно, все эмоции весьма усиливаются в этом пространстве и времени. Мы в самых разных местах испытывали ужас, это же, напротив, хранит покой и тишину. В то время как в нашем собственном мире если такие места и существуют, то наши чувства просто не приспособлены, чтобы распознать их.

Строуд притих, усевшись на стуле, вытянув вперед свои массивные ноги. Его грубоватое лицо было освещено лишь частично.

— Мы можем долго оставаться здесь и к тому же находимся на приличном расстоянии от города. По крайней мере, мы можем здесь спрятаться.

Это ощущение покоя придало всем уверенности. У Ника болели ноги. Он не мог припомнить, когда еще ему приходилось ходить так далеко. Но, пока он находился под бременем необходимости идти вперед, он шел. Зато теперь утомление и усталость разом навалились на него, привнося боль в каждый мускул, в каждую часть тела. Чуть позже он с удовольствием растянулся у стены, на вязанке сухих листьев, на которую указал ему Крокер. Сон моментально овладел им.

А затем пришли сновидения, но не пугающие, а скорее переходящие одно в другое, растягивающиеся до бесконечности.

Даже когда он начинал просыпаться и отчетливо осознавал это, он не открывал глаз, все еще досматривая их. Однако, хотя они неохотно уходили, он все равно не смог вспомнить ни одного из них.

— Ник! Ох, ну что же он так спит! Ник! — послышался громкий настойчивый шепот, чья-то рука трогала его за плечо.

С неохотой он приоткрыл глаза. Над ним склонилась Линда. Хотя лампа не горела, он смог разглядеть ее лицо в слабом сером свете, который пробивался через небольшое отверстие высоко в стене.

— Ник! — Она потрясла его сильнее.

Ему стоило больших усилий, чтобы ответить ей.

— Да...

— Тише! — Она приблизилась. — Ты можешь разбудить остальных.

Настойчивости ее тона было достаточно, чтобы заставить его сесть. Вся умиротворенность этого места вдруг исчезла.

— В чем дело?

— Ланг... он исчез! — Теперь, когда он окончательно освободился от сна, Линда слегка отстранилась. — Раздался свист, и он убежал!

— Как убежал? Ведь дверь закрыта на засов... — Это было правдой. Металлический засов, который ночью установил Крокер, был по-прежнему на месте.

— В другой комнате... Там есть открытое окно. — Она ухватила его за руку. — Ланг побежал, к тому моменту, когда я подошла, только и увидела, как он уже протискивается сквозь решетку наружу...

Ник как можно тише отправился вслед за Линдой. Вокруг себя он слышал храп, тяжелое дыхание спящих. Рука Линды дотронулась до него и потащила вперед. Они прошли мимо камина и свернули направо. Там было гораздо светлее.

Это была вторая комната. Дверь в нее была полуоткрыта. Внутри никакой обстановки, но зато есть квадратное открытое окно, забранное решеткой и низко расположенное в стене. Нику не нужно было объяснять, что прутья, образующие ее, были железными.

Линда выпустила его руку и подбежала к окну. Она прижалась к железным прутьям и вцепилась в них руками, изо всех сил вглядываясь в предрассветные сумерки.

Возможно, что от времени железо утратило свою прочность, а возможно, повлияли и усилия девушки. Переплетенные металлические прутья подались наружу, и Линда, потеряв равновесие, продолжая падать вперед, оказалась по ту сторону окна.

Ник разразился громким криком ей вслед:

— Линда! Не делай глупостей! Вернись назад!

Если она и слышала его, то подчиниться вовсе не собиралась. Как только он поставил на место свалившуюся решетку, то заметил, что Линда уже выбежала во двор, негромко подзывая Ланга. Теперь казалось, что решетка держится хорошо, хотя он и отбил все руки, пока закреплял ее. Он еще раз проверил свою работу.

— Линда! — закричал он. Если его крик и разбудил остальных, тем лучше.

Теперь он увидел ее уже около пролома в стене.

— Я вижу его, — сказала она, обернувшись. — Ты не ходи за мной, он такой капризный... опять убежит, если я не задобрю его. И, конечно, он не пойдет, если увидит тебя.

Не было никакой возможности остановить ее.

Не обращая внимания на окружающее, она уже пролезла через пролом и теперь опять звала пса:

— Ланг... сюда, Ланг... Ланг... Ланг.

Несмотря на ее предостережения, Ник вновь вытащил железные прутья и отправился вслед за Линдой. Возможно, то, что она сказала, и было правдой, и, увидев его, пекинес мог бы убежать. Но ему следует догнать ее, убедить ее в том, что опасно вот так покидать убежище. И если необходимо, ей лучше предоставить Ланга самому себе, для ее же собственной безопасности.

Тем не менее, даже зная всю логику происходящего, Ник прекрасно понимал, что никогда не сможет заставить Линду поступить именно таким образом.

— Ланг... Ланг... ты дрянной, дрянной мальчишка! Ланг... — Линда пригнулась в проломе стены, протягивая вперед руку, и пыталась голосом задобрить пса. — Ланг... — Другой рукой она шарила в большом накладном кармане своих джинсов. — Ланг... сласти... Те, что ты любишь... сласти, Ланг!

Теперь Ник мог разглядеть пекинеса. Тот стоял, повернув голову и глядя на Линду. Ник замедлил шаг. Если ей удастся пригнать его к себе...

— Сласти... Ланг... — Она говорила так, будто это была игра, в которую, должно быть, ей приходилось играть и раньше.

Ланг слегка развернулся, его язычок выглядел так, будто он уже попробовал то, что ему предлагалось.

— Сласти... — Она нарочно растягивала слова.

Шаг, затем еще два, пекинес возвращался. Ник стоял, зажав дыхание. Как только Линда смогла бы ухватить Ланга, Ник, в свою очередь, должен был бы поскорее увести их в дом.

— Молодец... молодец... Ланг... — Пекинес был от нее почти на расстоянии вытянутой руки. На раскрытой ладони она держала несколько наломанных кусочков коричневого бисквита. — Молодец, Ланг...

Резкий пронзительный свист.

Пекинес мгновенно завертелся на месте, посмотрел на полосу деревьев, видневшихся слева, из которых и донесся этот звук. Пес залаял и стрелой понесся туда.

Линда закричала и оступилась, а затем бросилась за ним, не заботясь ни о чем, кроме убегающей собаки. Ник окликнул ее, а затем пошел следом, отбросив в сторону благоразумие, помня только о том, что как-то нужно остановить Линду, прежде чем она встретит нечто, увлекшее Ланга.

Пекинес все еще лаял. И Линда отвечала ему, во весь голос выкрикивая его имя. Ник молчал. Нет смысла сотрясать воздух, раз она все равно не слушает его.

Он мог бы догнать ее, но камня, слегка выступающего из земли, оказалось вполне достаточно для его падения. Как только носок его башмака зацепился за него, Ник полетел вперед, и его так ударило о землю, что едва не вышибло дух. Прошла минута или две, прежде чем он смог продолжить путь. Линды не было видно, и только раскачивающиеся ветки служили ему в качестве проводника. И он все еще мог слышать лай и ее призывы. Но если он вернется за помощью, она может уйти слишком далеко, что ее будет не найти. Придется воспользоваться имеющимся шансом, хотя этот шанс и единственный.

Поэтому Ник прокладывал путь через кусты ценой глубоких кровоточащих царапин. Он ориентировался на открытое пространство под деревьями. Хотя направление лая и голоса Линды могло быть ошибочным, это были единственные его ориентиры. И каким-то образом эти звуки придавали уверенность. По

крайней мере, те, за кем он шел, оба еще были в состоянии производить их.

— Ланг... Ланг! — Тон, каким произносились эти слова, был различен. Первое содержало призыв, а второе... что содержало второе? Протест?

Ник рванулся в наилучшем, по его мнению, направлении и внезапно выскочил на открытую прогалину. Перед ним стояла Линда, но сейчас она даже не пыталась схватить Ланга.

Маленький пес все еще лаял, сидя на задних лапах, а передними возбужденно махал в воздухе. В то время как та, перед которой он увивался изо всех собачьих сил, улыбалась и соблазняла его чем-то, что, поддразнивая, держала в руке.

Линда сделала первый шаг, как только Ник поравнялся с ней. И прежде чем он смог удержать ее...

— Нет! — закричала она. Ее рука взметнулась в воздух, чтобы ударить руку той... другой.

Взметнулась — и прошла сквозь... видимую преграду!

Линда вскрикнула. И та, вторая, съежилась, отклоняясь назад. Но Линда бросилась на землю и схватила пекинеса, который изо всех сил вырывался, по-настоящему, в ярости сопротивляясь ей.

Ник оттолкнул ее назад, становясь впереди, между ней и той, другой... возможно, призраком.

Вокруг нее светилось облачко тумана, по-видимому, создаваемого необычайно белой кожей ее лица и рук. Это свечение частично застилало ее, делая время от времени трудно различимой. Но, несмотря на произошедшее, когда Линда пыталась стряхнуть с рук остатки «сладостей», этот «призрак» казался почти реальным и осязаемым. И ее облик был гораздо ближе к человеческому, чем у того зеленого лесного человечка.

Ее волосы имели теплый каштановый оттенок и спадали чуть ниже плеч. На ней были штаны под цвет лесной зелени и под цвет им сапоги и рубашка, рукава которой виднелись из-под такого плаща, какой был на Герольде. Только ее плащ не цветной, а просто зеленый, имевший на уровне груди вышивку в виде ветви с серебряными листьями и золотыми яблоками.

— Кто ты? — требовательно спросил Ник. — Чего ты хочешь?

Но незнакомка продолжала удаляться, и, пока она шла, туман вокруг нее становился все плотнее, обволакивая ее тело, так

что постепенно осталось видимым только ее лицо. Но ничто не предвещало угрозы. Наоборот, в глазах ее стояли слезы. И рот ее двигался так, словно она говорила, только он не слышал тех слов. Затем туман полностью закрыл ее, сам превратившись в ничто. И они вновь остались одни.

— Ей был нужен Ланг! — Линда все еще прижимала пса к себе, осуществляя таким образом его защиту. — Она пыталась украсть Ланга!

— Но ведь она не получила его, — заметил Ник. — Поднимайся! Мы должны как можно быстрее убраться отсюда!

— Хорошо. — Видимо, в первый раз Линда поняла, в какой они опасности. — Ник, но ведь она пыталась украсть Ланга!

— Может быть...

— Может быть? Но ты же видел ее! Она пыталась дать ему что-то... Ты же видел ее!

— Да, она поддразнивала его чем-то. Но она могла иметь в виду более крупную добычу, чем Ланг. Ведь ты шла за ним по пятам, разве не так?

— Я? — Линда уставилась на него широко открытыми глазами. — Но она даже не взглянула на меня... она звала именно Ланга...

— А могла она знать, что ты обязательно пойдешь вслед за ним? — Ник настаивал на своем. Теперь, возвращаясь мысленно назад, он не мог поклясться, что девушка вообще представляла какую-нибудь угрозу. Но у него не было другого способа напомнить про то множество ловушек, которые могли поджидать их в этом мире. В любом случае, пусть Линда как следует напугается сейчас, с тем чтобы не быть столь безрассудной в очередной раз.

— И ты действительно веришь в это, Ник?

— В это я скорее могу поверить, чем в то, что она охотилась только за Лангом. И...

Все время пути он смотрел только вперед и тащил за собой Линду, ухватив ее за руку, намереваясь как можно скорее оказаться в их безопасном доме. Но вдруг подумал о том, что не вполне уверен в выбранном направлении. Хотя сейчас стало значительно светлее, он не видел знакомых следов из тех, что запечатлелись у него в памяти. И, изучая землю, надеялся отыскать хоть какие-то знакомые следы, чтобы по ним продолжить путь.

Да! Его недолгая тревога прошла... вот, здесь... а еще здесь... Ему оставалось только следовать этим отчетливым следам, и они приведут их назад, к безопасности.

Странно, но он никак не мог поверить, что они оказались так далеко от дома. Казалось, он помнил, что не так долго шел под деревьями, прежде чем добрался до Линды. Но следы перед ним были достаточно отчетливыми, чтобы он мог сомневаться и не продолжать следовать им.

До тех пор пока они не миновали последнее дерево и последний куст, они так и не убедились, что пред ними не их дом, а открытый со всех сторон луг, покрытый высокой, по колено, травой и торчавшими из нее колосьями желтых цветов. Вдали виднелась новая полоса деревьев, но Нику все окружавшее их было незнакомо.

Ведь он возвращался по их собственным следам... так что же это значит... это были не их следы? Легкий холодок начал охватывать его изнутри... чьи же это следы? Да и были ли это вообще следы? Так же как пение дождя и свист, который увлек Ланга, не были ли и эти следы преднамеренно оставлены здесь, чтобы увести их прочь от безопасного места?

— Что же мы собираемся делать дальше, Ник?

Линда была все время занята теперь уже несколько успокоившимся Лангом. Возможно, она даже не обратила внимания на то, куда именно они направлялись.

— Я думал, что мы шли к дому. Теперь нам придется идти назад.

Разумеется, единственное, что им оставалось, это пойти в противоположном направлении. Но у него было огромное нежелание делать это. Страх перед той зловещей прогалиной не позволял ему добровольно отправиться туда. Что такое случилось с ним, что он так боялся... по-настоящему боялся... леса?

— Мы должны попытаться вернуться на ту прогалину. — Он рассуждал вслух, скорее для нее, и был намерен не поддаваться той нарастающей боязни от необходимости вернуться назад.

— Нет, Ник! — Линда вырвалась, когда он попытался потянуть ее за собой. — Только не туда.

— Не глупи! Мы должны вернуться к дому.

Она покачала головой.

— Ник, а ты уверен, абсолютно уверен в том, что сможешь сделать это?

— Что ты имеешь в виду? Сейчас мы на краю леса, а ведь мы прошли через него не так уж и далеко. Уверен, что мы сможем вернуться.

— Я не верю. И я не хочу. — Было похоже, что она возражала. — Я не хочу возвращаться в то место.

Ника бросило в жар от раздражения. Но он не мог насильно тащить ее и в то же время был уверен, что должен, если они вообще пойдут к дому.

— Мы должны вернуться в дом, — повторил он.

— Тогда мы пойдём в обход. — Линда повернулась к нему спиной и пошла вдоль внешней кромки кустов и деревьев, обрамлявших поляну.

Ник помрачнел. Он не мог оставить ее здесь одну и не мог насильно тащить за собой...

Наподдав ногой ком земли, хотя и не получив от этого облегчения, он отправился следом за ней.

— В обход нам придется пройти очень большое расстояние.

— Значит, мы будем идти долго, — отрезала Линда. — По крайней мере, сможем видеть, где идем. И никто не нападет на нас из-за деревьев, если мы будем держаться опушки. Ник, этот лес... в нем и кроме нее есть много чего! Я даже могла их ощущать, хотя и не видела.

— Те следы. — Он вложил в эти слова свой собственный страх. — Они-то и привели нас сюда... возможно, чтобы загнать в ловушку.

— Неважно! Я хотя бы могу видеть все, что происходит вокруг нас.

Но, как заметил Ник, она была намерена поторопиться. И они направились на юг, держась опушки леса. Их шаг теперь напоминал легкую рысь. Он надеялся, что это путешествие будет недолгим. Сам он был голоден и беспокоился о том, как другие воспримут их отсутствие. Англичане вполне могут подумать, что они сбежали и решили действовать самостоятельно.

Нет, они ведь оставили там все свои вещи, все, что у них теперь было. Несколько успокоенный этой мыслью, Ник решил, что остальные не уйдут и не оставят их. Может быть, как раз сейчас они отправились на их поиски. Предположим, он позовёт их?

Нет, он не мог этого сделать. Если Линда не фантазирует, то за ними могут следить из-за деревьев неизвестно кто. Или их

начнут преследовать те, для кого его голос будет служить приманкой. И хотя трава была слишком высокой и идти было трудно, ему показалось, что впереди он заметил конец леса.

— Ник... здесь есть вода. — Линда свернула влево, перейдя ему дорогу.

Углубление не походило на пруд, а скорее напоминало бассейн, в создании которого наверняка принял участие человек или какое-то разумное существо. Потому что вода стекала из трубы, вделанной в стену, огораживавшую это замкнутое водное пространство. Переполюя уровень этой круглой чаши, вода снова направлялась в искусственный водосток, который тек на лужайку, после которой вода уже терялась из вида.

Линда опустила на колени, освободив Ланга, который с жадностью запрыгал к бассейну. Она обрызгала водой свое разгоряченное лицо, а затем пила из сложенных чашей ладоней. При виде воды Ник испытал словно удар от приступа жажды, а также от боли внутри, которая сигнализировала о голоде. Но он ждал, пока девушка не напилась, стоял на страже, внимательно следя за лесом, за небом, за открытым полем, настороженный и бдительный. Когда Линда поднялась с колен, он скомандовал:

— Продолжай наблюдать. — Затем занял ее место. Он пил чистую холодную воду, она смачивала его лицо, рот, протекала через горло. На самом деле до сих пор он даже не ощущал вкуса воды. А он казался ему приятным, этот вкус... напоминавший мяту...

— Ник!

ГЛАВА 7

Он едва не задохнулся, повернувшись кругом, вода медленно, крупными каплями стекала с угла его рта. Одного взгляда ему было достаточно.

— Назад! — Ник подталкивал Линду к безопасной кромке кустов на опушке леса.

— Успокой Ланга, чтобы он затих! — Это был его второй приказ.

Они уже были не одни на этом лугу. Две фигуры огибали выдающийся вверх массив горного гребня. Они бежали или, вернее, отчаянно петляли. У них была одинаковая одежда, жел-

то-коричневого цвета, отчего они хорошо различимы на фоне яркой зелени травы. Но они даже не пытались укрыться. Казалось, какой-то дикий страх или нужда гнали их по самому открытому пути, где они могли поддерживать самую большую скорость передвижения, на какую только способны.

Оба пошатывались, как будто для того, чтобы держаться прямо и одновременно двигаться вперед, им требовались неимоверные усилия. Один из них упал, и Ник, и Линда услышали его хриплый возглас. Они видели, как он пытался встать, чтобы вновь бежать. Его напарник остановился, продолжая раскачиваться, посмотрел назад, а затем вернулся, чтобы помочь. Обхватив друг друга руками, они двинулись дальше.

— Ник... там, в небе!

— Я вижу. Прячься!

Небольшая летающая тарелка, такая же, как та, что охотилась за Герольдом, неожиданно появилась на небосводе. Сейчас она была почти прямо над беглецами, которые могли видеть, а могли и не видеть угрожавшей им опасности.

Оба продолжали бежать вперед, и было отчетливо видно, что их попытка скрыться не удалась. Возможно, заросший травой луг постепенно перешел в болото и его вязкая грязь стала для них тяжелой преградой. Затем они с трудом выбрались на твердую землю и упали ничком.

Тарелка неподвижно повисла прямо над ними. Из нижней ее плоскости вывалилась масса сверкающих сетей и опустилась вниз, оставаясь связанной с кораблем при помощи троса. И по нему вниз спустилась чья-то фигура.

Человек (если это был человек), появившийся из тарелки, был маленького роста и скорее напоминал карлика. Но разглядеть его лучше было невозможно, за исключением лишь общих серебристого цвета форм. Потому что на нем были костюм и шлем, похожие на те, что одевают астронавты. К нему присоединился еще один, и вдвоем они занялись сетью и теми двумя, лежавшими на земле. По их сигналу сеть, теперь тяжело нагруженная беглецами, начала подниматься вверх. Двое в шлемах поднимались вместе с ней.

Корабль поглотил и дичь и охотников. Но он не улетел — что, казалось бы, должен был сделать и на что с отчаянием надеялся Ник. Он начал опасаться, что там, на борту корабля, известно и

об их месте пребывания тоже. Кто знает, какие приборы есть на вооружении у этих охотников?

— Ник!.. — Шепот Линды вызвал лишь его хмурую гримасу.

Она зажала рукой рот, как будто нуждалась в физическом давлении собственного страха. Ланг прижался к ней, вздрагивая, но не произносил ни звука. Может быть, им попытаться сменить место? Пробраться назад, в лес, где они будут лучше защищены под кронами деревьев? Ник не был уверен, что они смогут сделать это... по крайней мере не сейчас. Но тарелка по-прежнему не улетала.

Ланг тихо заскулил.

— Я же сказал, чтобы ты держала его... — нетерпеливо начал было Ник.

Но то, что увидел, заставило его замолчать на полуслове.

Между зарослями кустов, где лежали они, и пространством луга вспыхнула узкая световая полоса. Она расширилась, превращаясь в легкую дымку, и сформировала перед ними подобию стены.

В ответ из тарелки вырвался луч, очень похожий на тот, что преследовал Герольда во время его перехода через гребень горы. Луч этот был направлен на них, и Ник ощутил еще раз то самое болезненное покалывание. Там, где луч встречал на своем пути «туманную» стену, световой пар свивался в огненный клубок. И из этого концентрата энергии вырывались стрелы огня.

— Быстро! В лес! Эта защита не надежна!

Услышав этот крик, Ник уже не колебался. Когда он потянулся за Линдой, его рука ощутила пустоту: она уже исчезла, прокладывая себе путь под тень деревьев. Не успели они вновь оказаться под защитой листвы, как Ник настойчиво спросил:

— Кто говорил с нами?

— Никто! — Линда прислонилась к дереву, как будто больше не могла довериться собственным ногам. — Это... было прямо у нас в головах. Кто-то... или что-то... додумали это за нас!

Он покачал головой, не вполне отрицая ее слова, но как будто и не доверяя ее утверждению. Никто не мог «выкрикнуть» этот приказ: он просто «прозвенел» в его разуме!

Линда медленно поворачивала голову из стороны в сторону.

— Пожалуйста, кто бы вы ни были... — ее голос был тихий и не очень уверенный. — Мы благодарим вас...

Но была ли нужда в благодарности? Ник вновь насторожился. Может быть, сейчас они помечены как дичь той силой, которая просто «отобрала» их у другой.

В его памяти пронеслась мгновенная вспышка, озарившая отчетливую картину, как будто стоявшую перед ним.

— Она плакала, — сказал он.

— Кто? — вздрогнув, спросила Линда.

— Девушка, с Лангом. Она плакала, когда исчезала.

— Ты думаешь, она... — Линда, как он заметил, готовилась возразить.

— Может быть. Но почему она плакала?

Линда с такой силой прижала к себе пекинеса, что он запротестовал.

— Я не знаю. Может быть, она так хотела заполучить Ланга...

— Нет, это было что-то другое... — Ник вновь покачал головой. Это странное ощущение расстроило его. Как будто он находился на пороге открытия чего-то важного, а затем дверь неожиданно захлопнулась, или внезапно порвалась связь, оставляя его в неведении. — Я не думаю, что это вообще как-то связано с Лангом.

— Но ведь она свистела, приманивая его, — огрызнулась Линда. — Ник, что же нам теперь делать? Мне не нравится этот лес, несмотря на то что он укрывает нас от тарелки.

Он был согласен с ней. Здесь их не оставляло ощущение, что их окружает какая-то жизнь, которая не имеет ничего общего ни с деревьями, ни с тянущейся лозой, ни со мхом, ни с какими-либо другими атрибутами видимого лесного мира. И что было меньшим из двух зол: неизвестность, подстерегавшая их в лесу или на открытом месте, или охотники из летающих тарелок? Так или иначе из этих двух он предпочитал лес и сказал ей об этом.

Линда выглядела сомневающейся, но затем с нежеланием согласилась.

— Я думаю, ты прав. И нас могут поймать, как тех, других, если ничто или никто не вмешается. Но в какую же сторону нам идти?

Тут Ник растерялся. Компас, на который он полагался раньше, остался в доме вместе с остальными вещами. И он больше не доверял своим способностям в выборе направления, во всяком случае после того, что произошло совсем недавно.

— Плохо, что Ланг — не гончая... он бы смог вывести нас...

— Но он может! Ах, ну почему я не подумала об этом раньше?

Казалось, что Линда и на самом деле верила в то, что пекинес может вывести их, а Ник был удивлен ее навязчивой идеей по поводу собаки.

— Поводок! Мне нужен для него поводок... — она опустила Ланга на землю и теперь оглядывалась вокруг себя, как будто то, что ей было нужно, могло материализоваться из воздуха лишь одной силой ее желания.

— Подожди... может быть, нам подойдет вот это. — Она схватила стелющуюся по земле лозу. Та оказалась прочной и сопротивлялась всем ее попыткам вырвать ее.

Ник ухватился за лозу, рванул посильнее и выдернул. У него не было, как у Линды, такого оптимизма насчет того, что Ланг может вывести их из леса, но, может быть, Линда знает про пекинеса больше, чем он.

Линда очистила лозу от листьев и мелких отростков и прикрепила один конец ее к ошейнику Ланга. Затем взяла маленького пса на руки, так, чтобы его глаза были на уровне ее глаз.

— Ланг... домой... домой... домой... — она повторяла это с многозначительной настойчивостью, как будто это маленькое существо было в состоянии понять ее. Ланг дважды пролаял. Линда повторила: — Домой... Ланг!

Пекинес без всяких колебаний повернулся и направился в лес. Линда нетерпеливо обернулась, когда Ланг натянул свой импровизированный поводок.

— Ты идешь?

Ник мог бы отказаться, но у него все равно не было других предложений. И, вообще говоря, действительно мог быть шанс, что она права по поводу Ланга в том, что он может помочь им вернуться. И Ник пошел следом.

Очевидно, Ланг имел абсолютную уверенность в том, что делал. Он прокладывал свой петляющий путь среди деревьев без всяких колебаний. И, как показалось Нику, сама уверенность его продвижения кое-что обещала. Но даже когда они вышли из леса и смогли наконец увидеть на некотором расстоянии справа от себя фермерский дом, он все еще был лишь частично готов принять тот факт, что пекинес имеет способности быть проводником.

— Ведь я же говорила! — В голосе Линды звучали такие триумфальные нотки облегчения, что Ник предположил, что она, в конце концов, не так уж твердо уверена в способностях Ланга.

Тут она сорвала поводок из лозы, подхватила пекинеса на руки и понеслась к дому, который теперь казался ей не только лишь одной гарантией безопасности. Ник остановился на минуту, чтобы проверить небосвод. Ведь экипаж тарелки мог предвидеть их отход, и вдруг корабль кружится где-то у них над головами или неожиданно появится словно из засады...

Но Линда бежала все быстрее и была уже слишком далеко впереди него, чтобы ему удалось придержать ее и призвать к благоразумию. И он спокойно пошел следом за ней. Когда они оказались уже в непосредственной близости от двери, Ник увидел, что она не заперта на засов, а слегка приоткрыта. Означало ли это, что остальные ушли?..

Линда перешагнула через порог, а он был всего в двух-трех шагах сзади нее. И едва Ник миновал дверной проем, дверь захлопнулась, и тут же с металлическим лязгом опустился на место засов.

Переход от солнечного света к затемнению в комнате был таким резким, что некоторое время Ник ничего не видел. Кто-то грубо ухватил его за руку. Он узнал голос Строуда.

— И что же, по-твоему, ты делаешь?

— Я должен как следует проучить тебя! — продолжал тот, и Ник почувствовал, что давление на руку возросло до болевых ощущений. — У тебя разума меньше, чем у кролика!

— Убери свою руку! — Ник вышел из себя. Все его страхи, расстройства, злость на Линду из-за ее глупости — все взорвалось внутри него.

— Сэм! — Викарий втиснулся между ними как раз в тот момент, когда Строуд уклонился, приседая, от плохо рассчитанного удара с легкостью человека, хорошо тренированного в таких делах.

Он выпустил руку, но Ник, тяжело дыша, не отступил.

— Не распускай свои руки, — повторил он, цедя слова сквозь зубы.

— Прекратите! — закричала Линда. — Ник всего лишь пошел за мной...

— И что же вы там делали, красавица? — спросила леди Диана.

— Я отправилась за Лангом. Кто-то свистнул, и он выбежал... через окно во второй комнате. Я просто должна была бежать за ним. Это было лучшее, что я могла сделать... иначе она забрала бы его!

— Она? — Это спросил викарий. Теперь глаза Ника привыкли к полумраку комнаты. Он увидел, что вся компания плотно окружала их.

— Светящаяся девушка, в лесу. Она собиралась что-то дать Лангу... что-то съестное, как я думаю. Когда я попыталась выбить это из ее руки, — голос у Линды задрожал, — моя... моя рука прошла прямо сквозь ее руку!

Она замолчала, будто подумала, что ей не верят, и в течение одного или двух мгновений ответом ей была полная тишина. Затем заговорил Крокер, и грубость, звучавшая в его голосе, была почти такой же, как и в голосе Строуда, когда тот обвинял Ника.

— Как она выглядела... эта твоя девушка-призрак?

— Она... она почти с меня ростом, — сказала Линда. — Я так боялась за Ланга, что слишком плохо рассмотрела ее, чтобы запомнить. Кажется, у нее каштановые волосы, и она была одета в зеленое. Спросите Ника, он разглядел ее лучше. А когда моя рука прошла сквозь ее руку... — Как только ее голос затих, Ник увидел, что все повернулись к нему.

— Она... да, у нее были каштановые волосы, только, мне кажется, слегка красноватые. И они доходили ей до плеч. — Он пытался вспомнить все детали, какие только мог. Крокер подался вперед, оттеснив Строуда, и так напряженно слушал рассказ Ника, будто это было делом чрезвычайной важности. — Она носила зеленую одежду... плащ, как у Герольда... на нем вышита серебряная ветка с золотыми яблоками. Она была очень милая... Да, — память неожиданно подсказала ему еще одну деталь, — у нее была небольшая родинка. Как раз вот здесь. — Он коснулся своего лица близ рта. — Это было легко заметить, потому что кожа у нее очень белая.

Он слышал, как дыхание Крокера стало походить на хрип, будто он задыхался.

— Но, — добавил Ник, что казалось ему особенно важным, — когда она исчезала, она плакала.

— Рита! — Крокер рванулся в сторону от остальных, повернулся к ним спиной, его плечи сторбились.

— Или еще одно видение, — тихо заметил Хедлет. — Мы ведь видели много таких иллюзий, Барри.

Крокер не повернулся, он закрыл лицо руками.

— Иллюзия могла бы быть направлена против нас, ведь это мы знали Риту. Эти же двое — нет! Так какова же цель представ-

ления им этой иллюзии? — Его голос был тихий и бесцветный. Нику показалось, что он сдерживает его из последних сил.

— Барри прав, — согласилась леди Диана. — Если только «люди» не пытаются заставить нас отправиться на ее поиски... и создают подобные иллюзии, чтобы выманить нас отсюда.

— Вряд ли они стали бы действовать именно таким образом! — заметил Крокер. Он все еще не смотрел на остальных.

— А что еще произошло с вами? — Хедлет вновь вернул всех к реальности.

Ник рассказал о процессе исчезновения «иллюзии» (он считал, что викарий нашел очень верное определение тому видению), об их плутании в лесу по чьим-то случайным следам. И как можно короче описал захват пленников тарелкой, странную стену из света, которая, несомненно, спасла их от такой же участи, и возвращение назад с помощью Ланга.

Хедлет больше всего заинтересовался той защитой, которая спасла их от тарелки, и попросил Ника, чтобы тот как можно подробнее рассказал ему это второй раз.

— Несомненно, это силовое поле, — прокомментировал викарий, когда выпытал у Ника все возможные детали. — Но «люди» никогда раньше не вмешивались в нашу жизнь и не сталкивались ни с одним из нас.

— Рита могла... — сказала Джин. — Мне все равно, — добавила она. — Он сказал, что та «девушка» плакала, и Рита плакала тоже в тот последний раз. Я уверена, что это была Рита, а не просто иллюзия, посланная нам в качестве ловушки. И еще я уверена, что это она спасла их от охотников.

— Она — одна из них! — Была какая-то неприязнь в словах, которые Крокер буквально швырнул в лицо Джин.

— Да. — Ее согласие было каким-то унылым и невыразительным, как будто он выдвинул аргумент, который никто не мог отрицать.

— Мы не знаем, — заметил Хедлет, — сколько человеческого остается в тех, кто принимает... предложение. Если Рита помнит нас, то я не думаю, что это гнев или угроза. Мы сделали то, что должны были сделать, будучи теми, кто мы есть. И несомненно, что нечто, имевшее доброе расположение к этим молодым людям, спасло их сегодня утром. А это событие не малое.

— Это все в прошлом, — проворчал Строуд. — То, о чем мы должны подумать, так это об охотниках — они совсем близко.

Нечто, скрывающееся в лесу, решило вас освободить, но это не значит, что «оно» будет продолжать сражаться за нас. Мы можем скрываться здесь еще некоторое время — но не слишком долго. Мы должны вернуться в пещеру.

— Да, у нас здесь есть подземный ход, — сказал Крокер. — Казалось, что он рад, что разговор перешел на другое. — Он и выведет нас на другую сторону горного гребня.

— И, как я понимаю, достаточно близко к тому городу, — заметил Строуд. — Но, возможно, у нас и нет другого выбора.

Они решили сократить рацион для очередного завтрака.

К счастью, у них не было недостатка в воде, потому что в дальнем углу большой комнаты можно было поднять большой камень, под которым находился колодец. Казалось, как решил Ник, первые обитатели этого дома строили его так, чтобы здесь можно было выдержать даже осаду.

Строуд провел военный совет, на котором ни Ник, ни Линда не смогли добавить ничего нового. То, что они вернулись невредимыми из утреннего путешествия, теперь казалось Нику скорее удачей, чем их заслугой. Но, возможно, что-то положительное и вытекало отсюда: хотя бы то, что они были свидетелями охоты летающей тарелки, что стало предупреждением об угрозе, носящейся в небесах. И на основании этого факта было принято решение: они дожидаются здесь конца дня, поскольку дом достаточно безопасен, а с наступлением темноты вновь отправятся в путь, на этот раз воспользуются секретным выходом из дома.

Хедлет предположил, что поскольку им вновь предстоит дорога, которая потребует всех их сил, то в этих обстоятельствах отдых будет вовсе не лишним. Тут решила высказаться миссис Клэпп.

— Теперь вы все должны выслушать меня. — Она говорила с такой же твердостью, какую продемонстрировал Строуд по поводу происшествия. — Викарий правду говорит о том, какой трудный будет этот переход. Но я слаба в ногах, а когда дело доходит до небольшой пробежки, то уже совсем не та девчонка, что была когда-то. Это место вполне безопасно, мы все знаем об этом. Уж лучше я останусь здесь, а вы уходите туда, где мои ноги будут для вас только помехой. Это всего лишь самый обычный здравый смысл, и вы все знаете об этом! — Она переводила взгляд с одного на другого, при этом лицо ее выражало решимость.

— Мод. — Викарий заговорил очень мягко. — Мы уже решили это давным-давно...

— Нет, это не то же самое! — перебила она его. — Это решение не имеет значения, когда один из нас будет передвигаться так плохо, что станет беспокоиться о том, что подвергает всех других опасности. Вы не можете, сэр, заставить меня переживать нечто подобное, не можете!

— Возможно, что и нет, Мод. Но ты хочешь повесить на нас всех тяжелую ношу? Чтобы мы ушли, оставив тебя здесь, а потом постоянно помнили об этом?

Она устала на свои руки, сцепленные, неподвижно сложенные на коленях.

— Это трудно... трудно сказать...

— А ты ушла бы, Мод? Если бы я сломал ногу и не мог идти и если бы леди Диана, Джин, Сэм — любой из нас сказал бы то же самое, что только что сказала ты, ты согласилась бы?

Он помолчал, она не отвечала. Затем Хедлет продолжил:

— С самого начала мы решили это, и мы имели в виду именно это... мы остаемся вместе, независимо, что происходит...

— Не совсем честно говорить так. Я и Джереми, мы оба старые и не пропадем здесь. Вы можете вернуться назад, когда все кругом будет вновь безопасно.

— Мы должны сделать это, Мод, вместе. — Леди Диана прошла и остановилась сзади стула, на котором сидела миссис Клэпп. Ее руки сомкнулись на округлых плечах старой женщины, и она слегка встряхнула ее. — Мы прошли через многое, и мы всегда были вместе.

— Всегда бывает первый раз, когда приходится сказать «нет», дорогая. А я не хочу быть обузой...

— Ты, Мод Клэпп? А что мы будем делать без твоих знаний обо всем, что растет вокруг нас? А помнишь, как ты вылечила Барри от той лихорадки, когда все мы уже сдались? Мы не сможем обойтись без тебя!

— И не забывай, что мы все в долгу перед Джереми. — Джин присела на колени рядом со стулом, теперь ее загорелые руки легли поверх грубоватых, искривленных артритом, крепко сжатых лежавших на коленях пальцев миссис Клэпп. — Он всегда знает, когда «люди» находятся вблизи нас, и сообщает нам об этом. И ты, и Джереми... мы не сможем обойтись без вас, и мы тоже никуда не пойдём!

— Это будет неправильно. — Миссис Клэпп твердо выдержала ее взгляд. — Но если я скажу вам «нет», вы тут же попытаетесь нести меня. Ведь я же не могу допустить, чтобы вы посадили меня в корзину и несли. — Она слабо улыбнулась. — И, скажу вам, придется тащить достаточно тяжелую ношу, так что я сразу предупреждаю тех, кто подумывает так сделать.

— Ты пойдешь на своих ногах вместе со всеми нами, — заверил ее Хедлет. — Я предвижу, что в этом путешествии нам больше придется красться тайком и прятаться, чем идти быстрым шагом. Разве не так, Сэм?

— Вы очень правильно все сказали, святой отец. Из-за этих летающих дьяволов, из-за близости города и всего остального. Мы выйдем через подземный ход, а затем пойдем отдаленным маршрутом, как обычно делал Джес Хаггис.

— Мы не браконьеры, Сэм, и мы не игроки в ночные прятки, — заметила миссис Клэпп. — Я ни одной минуты не верила в это, Сэм. Что касается меня, то я предпочитаю хорошую удобную кухню, чем все это бродяжничество.

— Итак, мы ждем и отдыхаем. — Теперь викарий заговорил оживленнее. — И отправляемся с темнотой.

— Кажется, это самое лучшее решение, — согласился Строуд.

Но если другие могли отдыхать, то Ник пришел к заключению, что день тянется слишком долго. В комнате стало светлее, но еще и душно, потому что небольшие отверстия, проделанные под самыми карнизами, пропускавшие свет, не давали достаточно воздуха. Дверь в комнату с зарешеченным окном была открыта, и он мог видеть пыльный пол, залитый солнечными лучами.

Все вновь заняли свои «постели», и он подумал, что некоторые, возможно, и спят, но почему-то был уверен, что пилот, чья куча листьев была рядом с Ником, не входит в их число. Крокер беспокойно повернулся, и Нику даже послышалось его неразборчивое ворчание. Но, разумеется, эти слова не были обращены к американцу, а последний не решился нарушить молчание между ними.

Рита... невеста Крокера, которая приняла то, что предложил Герольд, перестала быть человеческим существом. Ник никак не мог забыть того зрелища, когда рука Линды прошла сквозь другую, протянутую руку. Иллюзия — но если это так, то ее создал тот, кто очень хорошо знал Риту. И почему, спрашивается,

иллюзия должна была плакать? Означало ли это, что Ник фактически передал сюда сообщение об этом?

У него разболелась голова, духота комнаты была невыносимой. Стараясь не шуметь, он встал, прошел в другую комнату, к окну, защищенному лишь одной решеткой. Здесь был легкий ветерок, наполнивший наконец-то его легкие свежим воздухом.

Со своего места он не мог видеть ни леса, ни входа в дом. Лес был на востоке, а перед ним юг.

Первое, что он заметил, — мерцающий цвет. Затем эта цветная радуга начала «твердеть» — это единственное подходящее слово, которое смог подобрать Ник для описания протекавшего перед ним процесса. И вот все сформировалось полностью... в трех измерениях... он даже мог разглядеть яркие детали.

Там, снаружи, стоял человек, его ищущий взгляд устремлен к дому. Каким-то чудом Ник сообразил, что этот незнакомец точно знает, где именно стоит Ник, даже если тень от окна и могла скрывать его. Наискосок от стены прогуливалось белое животное. Его ноги, стройные и тонкие, заканчивались лапами вместо копыт... но на этот раз они полностью опирались о землю, а не зависали в дюйме над ее поверхностью.

Жесткий материал, из которого был сшит плащ Герольда, поделен на четыре богато расшитых узором секции. Ник лишь мог предположить, откуда англичане взяли имя для этого «иноземца». Его плащ имел полное сходство с точно так же разделенным на части гербом.

Герольд и его лошадь интересовались домом. Ник подумал, а не объявить ли тревогу? Но поскольку он продолжал колебаться, то вскоре увидел, что Герольд вскочил в седло.

Его «конь» подпрыгнул вверх и парил там, будто у него выросли крылья. И хотя Ник теперь и подошел близко к решетке, он мог наблюдать эту пару всего одну-две секунды. И все время, пока он мог видеть их, конь постоянно поднимался вверх.

ГЛАВА 8

— Что там, мой мальчик?

Ник вздрогнул. Он был так увлечен «отбытием» Герольда, что не заметил, как сзади подошел викарий.

— Там только что был Герольд. Затем он вскочил в седло, и его лошадь пролетела над домом. — Восхищение верховой ло-

шадью, которая могла подниматься в прозрачном воздухе, продолжало изумлять его.

— Лошадь с Холмов... — Хедлет встал рядом с Ником у окна. Теперь там ничего не было видно, кроме части стены, ярко освещенной солнцем. — А тебе не доводилось читать Киплинга, Шоу? Он не так уже распространен в наше время — эти новые «мыслители» легко повернули его «бремя белого человека» против него самого. Но среди его рассказов есть посвященные Людям Холмов, которые на своих конях появлялись в грозовую ночь... Киплинг знал старые легенды, возможно, немного верил в них. Стоит только прочитать «Дух Волшебных Холмов», чтобы понять, как много из английских преданий захватывало его воображение. Да, Люди Холмов и их летящие по воздуху кони. Были и другие писатели до Киплинга, которые много знали об этом, например Томас Раймер.

Они сохранились в Британии, как и во всех кельтских странах. Их можно встретить и в Бретани, которая родственна в большей степени кельтской Британии, чем галльской Франции. Так что и в древние времена, должно быть, имели место сношения между нашим миром и вот таким, как этот...

— Сэр... — Ник оторвался от окна и взглянул на ястребиное лицо старика, обрамленное серебристо-белыми волосами... — Герольд или то, что он представляет, такие же наши враги, как и те, что летают в тарелках?

Хедлет ответил не сразу. И на этот раз он не смотрел в глаза Нику. Скорее он смотрел мимо него в лежавшую за окном даль. Когда же викарий вернулся к разговору, его речь была очень медленной, как будто он хотел быть уверен в каждом произносимом слове.

— Охотники из летающих тарелок, как ты называешь их, угрожают лишь нашему телу, и я нисколько не умаляю этой опасности. Но Герольд приходит к нам отнюдь не с открытой угрозой, а как искуситель. Если мы принимаем его предложение о союзе, это равносильно поглощению нашего человеческого естества. Мы станем чем-то, но не тем, кто мы есть. И неизвестно, возможно ли возвращение к первичному естеству или нет. Это было бы отречением от всех наших убеждений. Те, кто принимает соблазн, как бы рвут связи с нашей человеческой сущностью, будто они никогда не были родственны нам. Это, как я уже говорил тебе, равносильно смерти.

— Рита... если только это была Рита, что мы встретили в лесу... — Ник уже слышал предупреждение в голосе собеседника, — не продолжать эту тему, — но не мог отделаться от интереса к ней, хотя и объяснил бы, чем такой интерес вызван. — Она... она плакала. И, может быть, именно она и спасла нас от этой тарелки.

— Да. Она тоже плакала, когда приходила к нам в последний раз, а Крокер даже не взглянул на нее. У нее, хотя она и изменилась, все еще сохранялись какие-то связи. Такое тоже можно встретить в легендах. Волшебники и волшебницы и простые смертные, которых они любили. Но в конце там никогда не бывало счастья, а только одна печаль, утраты и поражение.

Но ты сказал мне, что Герольд наблюдал за домом. А это означает, что он уверен в тебе и Линде и что он предложит вам свою сделку. Остерегайся этого, мой мальчик. — Во время разговора Хедлет положил руки на прутья решетки и взглянул в окно.

— Такая приятная и красивая земля. И тот, кто обосновался здесь, должно быть, прожил многие спокойные годы, потому что мог возделывать вот эти поля, убирать урожай, строить дом, как бастион против ночи и против всего, что приходит вместе с ней. Как давно это было, хотелось бы знать?

Ник был вынужден принять предложенную викарием смену предмета разговора. Хедлет был себе на уме, и американец не мог и дальше настаивать на продолжении явно неприятной для него темы.

— Приходилось ли вам видеть места, подобные этому, где жили бы люди?

— Нет. Эта земля под угрозой гибели. Возможно, именно летающие охотники сделали ее такой. Города, кажется, процветают и стоят невредимы. Но все остальное пространство полно ловушек. У нас есть много легенд о людоедах, великанах, черных колдунах и троллях. И здесь везде есть следы черного зла, видимые и невидимые, какие мы все же находили и в Англии, хотя и не в таком количестве, до того как оказались в этой ловушке. Возможно, что это более молодая земля, на которой подобные обитатели еще не успели широко распространиться. Тем не менее мы и здесь встречаем руины... башни, замки... которые явно не американского происхождения, как ты, должно быть, заметил. Это была плодоносная, густо населенная страна. А теперь здесь остались лишь одни города да вот такие места, как это. По

открытым пространствам передвигаются банды бродяг... в небе — охотники.

— Мог ли Герольд или эти города управлять нашим появлением здесь? — Ник имел потребность знать как можно больше правды, той, что Хедлет мог или хотел сообщить ему. Он полагал, что викарий — единственный из трех мужчин, который, возможно, пытался найти обоснование для действий. Строуд интересовался лишь проблемами, лежащими на поверхности, а что касается Крокера, то о нем Ник знал еще очень мало.

— Если принять древние легенды в качестве некоего ориентира, — ответил Хедлет, — то «люди» каким-то образом осуществляют управление. Но, судя по описаниям, они осуществляют это путем посещения нашего мира, чтобы достигать своих целей в форме искушений или открытого физического похищения. В этом плане наше перенесение в этот мир — это несколько иное явление. Несомненно, города представляют собой высшую форму, если применить стандартную терминологию технического совершенства. Хотя, если взглянуть предвзято, вы не сможете идентифицировать их с нашей цивилизацией. Они могут генерировать силу, чтобы управлять втягиванием энергии из различных мест.

— И если бы мы смогли выяснить, как им удалось затянуть нас сюда, мы смогли бы произвести это в обратном направлении? — нетерпеливо продолжил Ник.

И вновь викарий заколебался.

— Ты забываешь про фактор времени, который твое собственное появление здесь прояснило нам. Подсчитывая сезоны, мы полагали, что находимся здесь всего четыре года... а ты сказал нам, что в нашем родном мире прошло тридцать лет. И опять-таки можно вспомнить легенды о людях, которые возвращались, чтобы тут же состариться и умереть, как только они переходили из одной системы времени в другую.

Ник посчитал дни... три или четыре... с тех пор как он здесь. А сколько времени прошло там... недели... месяцы? Он даже вздрогнул, потому что поверить в это было очень трудно. Но он упрямо возвращался к обсуждаемому предмету.

— Но ведь города защищены от нападения тарелок...

— Да. Мы дважды были свидетелями таких воздушных атак. Ты и сам видел, как они пытались поразить Герольда. Кажется, этими охотниками управляет или небывалая злоба, или страх —

не только по отношению к городам, но и ко всему, что относится к «людям».

Ник переваривал услышанное. Города безопасны, открытые пространства подвержены опасности. А что, если бы они смогли попасть в город, не заключая сделки с Герольдом? И он спросил об этом.

Хедлет лишь улыбнулся.

— Ну, разумеется, это логично, и нечего говорить, что такая мысль не раз посещала нас еще в ранний период пребывания здесь. Только достигнуть этого нельзя. Потому что войти туда можно только в сопровождении Герольда, а без него вход закрыт. Вокруг каждого города имеется невидимая стена, силовое поле. И цена перехода через нее очень высока. Герольд придет сюда рано или поздно и предложит тебе такой выбор. И тогда это будет только твоим решением: принять его или отказаться. Но в тот момент ты должен хорошо знать, что должен делать тот, кто одной крови с нами.

Одно дело — обсуждать проблему, а другое — иметь с ней дело на практике. После нескольких слов, викарий вернулся в большую комнату. Но Ник остался где и был. Это упорство в страхе перед теми изменениями, которые происходят с теми, кто принимает предложение Герольда, продолжало интересовать его. Англичане, несомненно, единомышленны в том, что этого делать нельзя. Однако все их слова не могли заставить Ника понять, в чем, собственно, заключался весь ужас. Для него охотники в летающих тарелках были куда большей угрозой... возможно, потому, что ему было проще понять их.

Теперь, мысленно возвращаясь назад, он верил, что Рита не несла им никакой угрозы. Он не мог выбросить из памяти ее слезы. И действительно, всякий раз, как он вспоминал эту сцену, она становилась все отчетливее. Ник мог с каждым разом вспоминать все новые и новые детали. И он был готов согласиться с фактом, что именно вмешательство Риты спасло их от плена.

Защищенные города — куда можно войти только в сопровождении Герольда. В сопровождении Герольда... Эти слова сами снова и снова звучали у него в голове. Можно ли взять Герольда в заложники?

Но наверняка англичане должны были обдумать все эти вопросы с самых разных сторон. Среди них нет дураков, а необходимость выживания только обостряет ум, вызывая к жизни все

врожденные способности. Однако он продолжал возвращаться к этой идее. Была ли сила Герольда такова, что не было никакого способа захватить плывущего в небе посланца или зрителя, или кем он на самом деле был? Ник знал так мало, за исключением лишь того, что города защищены, и у него было твердое желание обрести безопасность.

Он проспал значительную часть этого долго тянувшегося полудня прямо здесь, на полу возле окна. А когда проснулся, то обнаружил рядом с собой Джереми, загадочную, неподвижную статую кота; его хвост аккуратно обернут вокруг лап, а зеленые глаза, не мигая, смотрят на Ника. В этом внимательном взгляде было нечто такое, отчего Ник почувствовал себя несколько беспокойно. На какой-то момент им овладела сумасшедшая идея, что кот совершенно точно знал, о чем думает Ник, и был в высшей степени этим удивлен, как можно удивляться стараниям ребенка, занятого решением задачи, слишком взрослой для его понимания.

Ник всегда любил кошек. У него почти двенадцать лет жил старина Джордж. И одним из главных камней преткновения между ним и Марго было то, что она усыпила кота, когда Ник находился год назад в Нью-Йорке. Джордж был стар, его приходилось возить к ветеринару, словом, он создавал проблемы. Итак, Джордж прекратил свое существование с целым букетом слащавых объяснений по поводу того, как это плохо — продлить жизнь старому и больному животному. Но Ник знал, что Джорджа можно было спасти. Он ни разу не сказал ей ни слова, никогда не предоставил удовлетворения показать свое недовольство и обиду этим новым поражением. Джорджа не стало, и он ничего не мог сделать с этим. Но Ник все еще мог вспоминать это сейчас, во всех деталях.

Джереми заурчал, его уши прижались к голове, а глаза все еще упорно смотрели на Ника. И Ник резко вздохнул, втягивая воздух между зубами с шипящим звуком, как раз таким, какой могут издавать рассерженные коты.

Этот кот — знал! Джереми читал его мысли! Ник был так уверен в этом, как будто Джереми разговаривал об этом вслух. Но говорил-то как раз Ник.

— Ты знаешь? — Что ожидать в ответ, он представлял себе очень плохо. Мог ли Джереми дать какой-то знак полного понимания? Но кот не проронил ни звука. И уверенность Ника начала спадать. Воображение... всего лишь воображение. Однако

он не мог окончательно решить, что ошибается. Никто сегодня не возражает против идеи телепатии, своего рода паранормальных способностей, которыми обладают некоторые люди — так называемое ESP, экстрасенсорное восприятие. И, как предполагают, экстрасенсами могут быть даже животные, особенно кошки. Сейчас ему на ум стали приходить самые разумные, на его взгляд, объяснения тому, что, как он был убежден, только что имело место. Но объяснения эти, с другой стороны, никак не подтверждали его мысли... да и, в конце концов, он не был психиатром. Итак, как именно Джереми мог читать его мысли, копаться в его памяти и реагировать на это?

Мог Джереми понимать его или нет, но Ник продолжал тихо разговаривать с большим серым котом.

— Джордж выглядел совсем не так, как ты. Он был длинноногий и худой, независимо от того, сколько ел, а ел он всегда сытно, — Ник улыбнулся, вспоминая, как Джордж наслаждался тарелкой индейки, — но не толстел. Ты, наверное, думаешь, что мы держали его на голодном пайке. Он к тому же еще и охотник. И очень любил спать на кроватях и очень не любил, когда его беспокоили, и мог показать это очень понятным образом.

Джереми все так же смотрел на него. Затем огромный кот зевнул, поднялся и ушел прочь, каждым своим движением отчетливо выражая скуку. Ник почувствовал себя глупо. Было очевидно, что Джереми больше ни в чем не заинтересован. Его презрение к Джорджу, несомненно, выразалось в каждом коротком повороте его поднятого хвоста. Не следовало потчевать его описаниями других котов — вот что он хотел заявить вам. Естественно, ведь был всего лишь один Джереми!

Первый раз с тех пор, как он попал в этот мир, Ник рассмеялся. Джереми мог общаться... правда, на свой собственный манер. И даже если этот кот мог читать его мысли, то у него все равно присутствовала логика и стандарт поведения своего собственного биологического вида. Ник мог, конечно, задавать вопросы, но, кроме того, он должен наблюдать и правильно воспринимать увиденное.

* * *

Они двинулись в путь с темнотой, немного закусив на дорожку. Хлеб уже давно кончился, но немного сыра и бекона еще оставалось. И у англичан были твердые темные лепешки, сле-

ланные из земляных орехов, спрессованных с сушеными ягодами, с кусочками сухого жесткого мяса.

Выход, как узнал Ник, был устроен через камин. Это на самом деле оказалась солидных размеров пещера, каких ему еще не доводилось видеть. В задней ее части было четыре больших камня, которые можно было развернуть, как дверь. Он предложил использовать свой фонарь, и Строуд сразу согласился.

— Подождите, пока я посвечу вам, эти ступени очень непростые.

Он исчез в глубине, и Ник только мельком рассмотрел начало узкой лестницы, уходящей куда-то вниз. Она вела в сторону от того, что могло быть огромным дымоходом. Они ждали, пока снизу к ним не пробился луч света. Затем вниз начала спускаться леди Диана с корзинкой Джереми, за ней последовала миссис Клэпп, Джин и Линда, несущая Ланга. Хедлет шел следующим, а затем Крокер подтолкнул локтем Ника.

— Теперь ты. Я должен буду поставить камни на место.

Спуск был тесным. Миссис Клэпп и Строуд, с их солидной массой, должны были бы счесть его просто ужасным. После спуска Ник оказался на следующем уровне, где стены тоже выложены из камня. Рядом с ним был Строуд, который светил вверх, Крокеру.

Пилот спустился не сразу. Видимо, ему долго не удавалось поставить дверь на место. Наконец он присоединился к ним, и Строуд направился вперед, указывая им проход, который вынуждал их идти по одному, но все-таки был шире, чем лестничный спуск.

Совсем немного света отбрасывалось назад, где шел Ник. Воздух здесь был сырой, стены покрывала влага, чувствовался тяжелый запах. Проход этот казался бесконечным, пока они тяжелым шагом продвигались по нему. Ник только удивлялся, как это его спутникам удалось обнаружить это место. Они называли его запасным выходом, и это казалось вполне подходящим названием. Но как много труда ушло на его строительство, и это говорило только о том, что его создатели имели острую необходимость в подобном сооружении, позволявшем иметь такой выход во внешний мир.

Через некоторое время каменные стены сменились вертикально стоящими колями, за которыми виднелась утрамбованная земля. Ник посмотрел вверх и увидел там перекрестья из таких же кольев и толстые бревна, поддерживавшие их.

Затем через некоторое время, которое им показалось невозможно долгим, в свете фонаря перед ними предстала новая лестница, менее удобная, чем была в камине. Строуд поднялся по ступеням, через несколько минут свет был направлен вниз, чтобы они могли видеть ступени для ног и поручни для рук. Ник наблюдал, как Хедлет и леди Диана помогали подняться миссис Клэпп, и этот процесс затянулся надолго.

Затем проход освободился для молодых участников перехода, которые преодолели ступени со значительно большей скоростью. Теперь все оказались вновь в окружении каменных стен. Только здесь, высоко над их головами, достаточно высоко, было открытое пространство, а за ним ночное небо, где мерцали одна или две звезды. И еще был свежий воздух, который казался особенно хорошим после путешествия в душном проходе.

Прежде чем Строуд выключил фонарь, Ник успел заметить обуглившиеся остатки, должно быть, балок, лежавших поверх стен, что указывало на то, что когда-то здесь было два этажа. А еще под ногами была масса мусора, так что им пришлось взяться за руки и осторожно идти в темноте к пустующей дверной арке. Со всех сторон эти развалины были укрыты густой растительностью. Кусты, которые Строуд держал раздвинутыми в разные стороны, с силой сомкнулись, как только последний из них миновал дверь, которая тут же скрылась из вида в густой зелени. И Ник увидел, что теперь у него за спиной гребень горы.

В стороне от развалин башни было гораздо светлее, чем при обычном ночном освещении. Дополнительный свет падал от цветного сияния, источник которого был скрыт где-то впереди, на уровне земли, за кустами и деревьями, которые плотно закрывали руины.

По приказу Строуда они держались как можно ближе друг к другу. Хотя он и не был человеком, в совершенстве знающим лес, но делал все старательно и аккуратно; так же поступали и другие. Все следовали его примеру и старались идти как можно осторожней и тише. Они свернули вправо и теперь с каждым шагом замечали, что заросли вокруг них становятся реже, а освещенность усиливается... пока наконец не осталась лишь тонкая завеса кустов, через которую Ник увидел город.

Удивление от одного только вида его заставило Ника на мгновение задержать шаг, так что Крокер буквально врезался в

него. Но Ник не обратил никакого внимания на пилота, он был потрясен этим зрелищем.

Город возник перед ним сразу, без всяких окраин, именно так, как ему и говорили. И в воображении Ника город высился так, что мог поспорить своими шпилями с самими звездами. Потому что он весь состоял из башен и шпилей, протянувших свои стрелы, словно нетерпеливые руки, желающие охватить все чуда окружающего пространства.

Из какого материала могли быть сделаны эти удаленные от него здания, Ник не мог даже и предположить. Он не мог определить камень, позволявший получить такую палитру цветов. Потому что это великолепие блеска, который излучался от стен, освещая ночь, не был постоянным даже в одном и том же месте. Все напоминало пульсирующую радугу из смеси света, тени и меняющегося цвета.

Каким бы странным ни был этот город, он не казался чужеродным для той земли, на которой стоял. Его блеск был наполнен зеленью окрестных лесов, золотом луговых цветов, ржаво-красным оттенком древесной коры, голубизной и серебром водяных струй, розовым туманом цветущих садов и румянцем спелых плодов. Здесь все цвета земли радостно смешались воедино.

Потому что город не испытывал страха. Эмоции, переполнявшие Ника, пока он смотрел сверху на это великолепие, были сродни счастливейшему восторгу. Нечто, давно виденное им на короткий миг, скорее всего во сне, сейчас стояло перед ним в гордом великолепии.

— Идем, идем, глупец! — Крокер одернул его достаточно грубо, чтобы вывести из оцепенения. — Что с тобой?

— Как это прекрасно! — Ник был готов бежать туда прямо по открытому полю.

— Это ловушка! — Пилот был бескомпромиссен и груб. — Ее приготовили специально для нас. Не смотри туда.

Но прав ли он? Почему-то Ник не мог поверить ему. Те далекие башни притягивали его. Хотя сейчас, когда первое изумление уже прошло, он слегка разуверился в своем желании.

Однако он все еще с неохотой двинулся в путь, устремляясь на восток, вслед за Строудом и остальными. Крокер шел за ним по пятам, как будто боялся, что Ник может неожиданно сбежать.

Они ушли сравнительно недалеко, когда Строуд издал предупреждающий звук, и все остановились. Ближе к западу, в отблесках ночного света, появились фигуры. Не могло быть ошибки в том, что впереди всех шло знакомое длинноногое существо — «конь» Герольда.

Но сейчас на его спине не было седока, потому что ярко одетая фигура, являвшаяся его хозяином, шла сзади. С ним было еще трое, представлявшие собой весьма странно подобранную компанию.

Среди них был человек, одетый в выгоревшую коричневую форму, какую Ник уже видел на пленниках, захваченных экипажем тарелки, а следом за ним... несомненно, это был один из охотников. Однако сейчас они шли, будто никогда не были врагами, взгляды обоих были устремлены на Герольда. Третьей была женщина.

— Рита! — воскликнул Крокер.

Ник полагал, что эта группа находилась достаточно далеко, чтобы можно было кого-то узнать. Но на лице пилота он смог прочесть убедительное доказательство, что эта зеленая фигура и есть Рита.

В небе послышался резкий звук. На этот раз там не было неизвестно откуда взявшейся тарелки, но зато появился сигарообразный корабль.

Он быстро снизился, как будто хотел зарыться носом в землю. Из него вырвались пульсирующие снопы света. Они рассыпались вокруг движущейся группы (из которой никто не обращал на это внимания), вырывая из земли клубы дыма. Лучи, скорее всего, отражались от путников и под разными углами ударяли вниз.

Корабль тем временем продолжал наносить бессмысленные удары. Казалось, пилот намерен остановить идущих внизу любыми средствами, готов даже обрушить на них свой корабль. Но при каждом таком маневре корабль заносило из стороны в сторону, и было очевидно, что пилот едва справляется с управлением.

Все это время казалось, что четверка и «конь» равнодушны к этой атаке и как будто не замечали ее. Они ни насколько не отклонились от своего маршрута, строго направленного к городу. И Ник мог вообразить, каково было недоумение атакующего.

Наконец пилот, должно быть, осознал свое бессилие. Корабль повернул назад, в сторону гребня, удаляясь с невероят-

ной скоростью. Но те, внизу, продолжали идти, нетронутые и даже не обеспокоенные. Ник был подавлен. У него был самый настоящий покров безопасности, у этого Герольда. С такой защитой он мог путешествовать, не задумываясь, где угодно. Если бы только узнать, как оно работает! Ник очень внимательно следил за Герольдом, интересуясь даже тем, почему сейчас тот идет пешком, вместо того чтобы ехать верхом. Может быть, в этом случае его защита распространяется и на остальных? Вот бы узнать его секрет!

Герольд и город — каждый из них мог являться ключом к разгадке. И Ник был уверен, что они заслуживают самого детального изучения. Герольд выходил из города, так что его легче было бы проверять. Человек не мог сам войти в город без Герольда... а нельзя ли захватить Герольда заложником?

Но... это, скорее всего, абсолютно невозможно. Они только что имели демонстрацию того, насколько неуязвимы Герольд и те, кто под его защитой, чтобы их можно было принудить к чему-либо. И, кроме того, было бесполезно говорить с англичанами о такой попытке — по крайней мере до тех пор, пока у Ника не будет плана, который дает хоть единственный шанс на выигрыш. Но он все равно продолжал думать об этом.

Скорость передвижения Герольда и его сопровождения была, очевидно, выше, чем казалось, или город на самом деле располагался ближе, потому что сейчас та группа была почти на месте.

— Это была Рита! — сказал Крокер. — Она помогает им устраивать ловушки для бедных глупцов и отводить их туда! — Он сжал руку в кулак, с силой ударил им о ладонь другой. — Она помогает им!

— А почему нет? — спросила Джин. — Теперь она одна из них.

Она стояла по другую сторону от Крокера, не глядя на пилота, и смотрела скорее на город. Когда она вновь заговорила, ее голос стал очень низким, что заставило Ника смутиться, потому что он был вынужден услышать то, что ему явно не предназначалось.

— Она ушла, Барри. И ты уже не вернешь ее назад... оставь ее. Ты никогда не успокоишься, если будешь думать об этом.

— Оставь меня в покое! — Крокер взмахнул руками. Он едва не задел Джин, но сила его голоса была как удар. — Я знаю, что она ушла, но оставь меня в покое! — Он рванул мимо нее,

и среди кустов, где собрались все остальные, послышалось движение. Строуд вновь скомандовал, что можно продолжить путь на восток, и некоторое время спустя отблески города начали исчезать в темноте, которая теперь казалась вдвое гуще и мрачнее.

Ник ухватился за мелькнувшую полубессознательную мысль. Нет, он не должен позволить, чтобы столь мимолетный первый взгляд на город так воздействовал на него. Здесь наверняка есть ловушки, и без самообладания можно угодить в одну из них.

ГЛАВА 9

— Такого мы еще никогда раньше не видели.

Наконец-то они добрались до самой «безопасной» цитадели, которая была единственным местом в этом чужом и враждебном мире, которое они могли назвать своим домом. Но условия здесь, как мельком успел заметить Ник, далеки от тех, с которыми раньше имели дело англичане. Среди груды бесформенных камней, которые маскировали вход в их убежище, у них был сторожевой пост. Теперь Ник должен разместиться здесь вместе с Крокером.

— Мы не сможем ни охотиться, ни ловить рыбу... по крайней мере сейчас, — продолжил пилот.

Потому что окрестности, по-видимому, теперь больше не были пустынными, как понял Ник, из-за присутствия множества беженцев, и в этом главная трудность. Это скорее похоже на то, будто с севера надвигался гигантский прилив, пронося через место их тайного убежища волну беженцев.

Хотя они и ожидали увидеть беженцев, потревоженных летающими тарелками, но им не удавалось обнаружить присутствие самих тарелок. Только шайки самых разных людей, двигавшиеся с непреодолимой решимостью, будто они уносились от нестерпимого страха. Даже один только вид их навевал беспокойство и тревогу на наблюдателей. Однако сами они не были готовы покинуть свою собственную крепость.

Основой их убежища являлась естественная пещера, но она была расширена, отделана руками человека или каких-то иных разумных существ. Стены выровнены и сглажены. По их поверхности прорезаны линии, некоторые из которых заполнены древними красками, чтобы «гравировка» была более заметной.

Там был и свет. Этот факт все же более озадачил Ника, чем рисунки на камне, потому что подобные, бывало, находили и в его собственном мире — но эти стержни, вделанные в натуральный камень и несущие на своих концах языки голубого пламени, относились к более передовым в техническом смысле цивилизациям, чем те, когда пещеры использовались только для проживания.

Этот свет еще и странным образом управлялся. Нигде не было видимого выключателя — достаточно одной мысли, и он загорается! Нужно было лишь обратиться лицом к одному из этих тонких стержней, подумать про освещение, и свет ярко вспыхивал в высоте.

Настенные рисунки и освещение были загадками этого мира. Остальное — лишь то, что бросили беженцы... постели из травы и сухих листьев, очаг из небольших камней, деревянные чашки и ложки, вырезанные Строудом, имевшим к этому своеобразную склонность. Теперь и они стали жителями пещеры, окруженные остатками крайне продвинутой цивилизации. Но так легко и просто охранялся доступ в их пещеру, такой безопасной была ее атмосфера, что они прижились здесь и не хотели ее покидать.

Если окрестности и дальше будут столь «многолюдны», то Ник мог понять беспокойство Крокера. Запасы еды сокращались, несмотря на то что они сделали хорошие запасы еще в те дни, когда окрестности были пустыни. Невозможно было ни охотиться, ни ловить рыбу, и жить приходилось под постоянной угрозой нападения.

Вот уже два дня они находились в подавленном состоянии, не осмеливаясь выйти наружу из-за беженцев. Казалось, что те не отдыхали даже ночью. Дважды за одну ночь они видели в отдалении мерцающие огни. Ник сгорал от нетерпения. Им следовало что-то делать... Узнать, что происходит.

Он зависел от англичан, так как не знал местности. Только круглый дурак может идти напролом, не зная, с чем именно может столкнуться. Но за последние несколько часов он убедился, что они были так же сбиты с толку, как и он, и что эта невероятная волна миграции была новостью и для них.

Наличие такого количества беженцев не соответствовало никаким доступным для понимания причинам. Это, подумалось Нику, напоминало наблюдение за ходом истории, сливающимся

ся в таинственную смесь. Однажды он видел индейцев. А позже трех мужчин с длинными ружьями, в отделанных бахромой охотничьих куртках, какие носила охрана еще во времена ранних колониальных границ. Но попадались и другие... группа лучников в стальных шлемах, вместе с двумя одетыми в доспехи рыцарями. И еще отряд, на этот раз из женщин (они попадались реже) — тоже одетых в доспехи, но, видимо, они были из более ранней эпохи, наконечники их шлемов увенчаны чем-то красным, напоминавшим выкрашенную щетину, а в руках у них рельефные бронзовые щиты.

Этим утром Строуд отправился на разведку, используя для прикрытия и камни, и кусты. Он, как заключил Ник, был среди них единственным человеком, имевшим способности к разведке, хотя, возможно, и ограниченные. Именно у него было стремление добраться до реки и проверить, как обстоят дела с передвижением людей в ее восточной части.

Хотя эта пещера была их пристанищем с тех самых пор, как они случайно нашли ее, и у них было еще убежище около озера и еще фермерский дом, они не собирались сделать ни одно из этих мест своей постоянной базой. Их планы заключались в том, чтобы добраться до моря и, если возможно (что звучало весьма проблематично), найти способ переправиться на родную землю. Над реализацией этой своей главной задачи они начали работать уже давно, пытались соорудить на реке плот, но были вынуждены спрятать результаты своего труда, когда в месте их работ возникла чрезвычайная активность воздушных охотников.

И вот теперь Строуд должен был выяснить, патрулируется ли еще это место или можно рассчитывать на то, что передвижения беженцев увлекли за собой и летающие тарелки с охотниками. Если это так, тогда плот на реке означал бы спасение. Все это казалось Нику очень зыбкой надеждой, но он знал, что все они держатся за нее.

Город же по-прежнему продолжал притягивать все его мысли. Если бы удалось узнать секрет проникновения туда...

— Я отправляюсь на задний пост, чтобы сменить Джин, — сказал Крокер. — Скоро сюда придет леди Диана.

Пилот ушел, а Ник остался один. Он был рад этому. Крокер вполне порядочный и надежный человек, но Ник знал, что пилот не питает к нему теплых чувств. Во всяком случае, никак не

больше, чем Ник, в свою очередь, к нему. Было и без того ясно, что у англичанина есть трудности, которые заставляют его быть упрямым и молчаливым, и он не рад компании с незнакомцем.

Есть еще викарий... Ник мог испытывать к нему симпатию. И мог понять Строуда. Тот напоминал ему нескольких знакомых людей, которых Ник хорошо знал. Миссис Клэпп... он даже улыбнулся... и Джин... но он был уверен, что Джин имеет виды на Крокера. Он желал ей удачи в этом начинании, но успех казался ему весьма сомнительным.

Леди Диана всегда командовала вне зависимости от того, принимали они это или нет. Она была из тех, с кем вам пришлось считаться, если вас сталкивала с ней судьба.

Линда... Он задумался на ее счет. До встречи с англичанами они держались вместе. После же она очень быстро пристроилась к этой новой компании, гораздо быстрее и теснее, чем он. А после их приключения в лесу она вообще старалась избегать его. Он не делал никаких попыток сблизиться с ней. Линда не вызвала никаких вопросов, но он вполне определенно не пытался узнать ее лучше. Ведь только то, что они были товарищами по несчастью, вовсе не означало, что они будут друзьями.

Ник насторожился. Послышалось движение кустов, происходящее явно не от ветра. Во время своих дежурств он часто наблюдал животных, потревоженных беженцами. А животные порой попадались весьма странные, вроде светящегося оленя или пары волков размером с небольшого пони. Иногда появлялись самые обычные кролики или целые выводки диких индеек. Но были и совсем кошмарные существа, похожие на тех, что сопровождали зеленого лесного человечка. Они имели туловище и четыре ноги, напоминая кошку, но мех скорее походил на шкуру оленя. При этом длинная шея заканчивалась головой орла и вместо меха или перьев была покрыта чешуей. Из плеч выступали похожие на мембраны крылья, как у летучих мышей, очень маленькие и слабые, чтобы поднять столь тяжелую массу. На открытом месте эти существа хлопали ими, издавая щелкающий звук.

Он описал пару таких существ Хедлету, и викарий кивнул, как будто узнал столь невозможную помесь птицы и зверя.

— Опиникус...

— Кто?

— Мифический зверь, использующийся в геральдике...

— Но... — Ник был в полном недоумении. Он лишь знал, что геральдика имеет дело со щитами, гербами, и это обычно использовалось в Средние века как отличительные знаки рыцарей на турнирах и в битвах, а в наши дни обычно используется как одна из форм проявления снобизма при изготовлении мемориальных досок, пивных кружек и инженерных сооружений. Но ведь живые...

— Да, — продолжил викарий. — Звери, рожденные фантазией, там не бродят по окрестностям. А здесь — бродят! Здесь они союзники «людей» и не обращают на нас никакого внимания, если, конечно, не получают специального указания. К счастью, такое встречается крайне редко.

И сейчас, наблюдая за движением в зарослях кустов на склоне, Ник раздумывал о том, кто мог появиться там: обычное животное, которое он сможет без труда опознать, или один из этих сверхъестественных компаньонов «людей». Но тот, кто вылез оттуда с гибким изяществом, столь характерным для его соплеменников, оказался Джереми. Кот испытывал некоторые трудности, вынужденный держать голову неестественно набок, потому что в зубах тащил большую птицу. Поднимаясь по склону, он был вынужден дважды останавливаться, чтобы передохнуть. Но его намерение донести свою добычу до места ни разу не отменялось.

Наконец он добрался до Ника, бросил свою ношу, а затем неподвижно уставился на него и выдал предупредительное рычание. Безвольная куча теперь запыленных перьев, имела очень яркую окраску. Часть длинных перьев на хвосте были смяты и обломаны. Дичь показалась Нику размером с цыпленка, но ее оперение было совсем не такое, как у известных Нику домашних птиц.

— Хорошая охота, — заключил Ник. — Ты более удачный охотник, Джереми, чем недавно были мы.

Кот улегся на бок, вытянув передние лапы. Вскоре он положил на них голову и демонстративно вздохнул. Было ясно, что только выносливость и терпение позволили принести в дом результаты его трудов. Ник протянул руку к птице, наблюдая, проявит ли кот признаки обиды или негодования. Но тот едва следил за ним, не предпринимая попыток в очередной раз устанавливать права на добычу.

Он так чисто расправился с птицей, что нигде не было видно раны. В поисках ее Ник провел рукой по оперению. Цвета уди-

вительно яркие, как у попугая, тем не менее переход одного в другой происходил более тонким, почти неуловимым образом. Ему пришло на память великолепие красок на плаще Герольда.

Этот Герольд... Продолжая держать в руках птицу, Ник больше не видел ее. Сейчас он вспоминал тот долгий эпизод в фермерском доме, когда был уверен, что Герольд знал о его присутствии за окном. И мысли его вновь вернулись к... хорошо, не назовем это планом... идее каким-то образом использовать Герольда в качестве ключа к проникновению в город.

Но беда заключалась в том, что прежде следовало бы узнать как можно больше о самом Герольде. А Ник отлично понимал, что подобная дискуссия — запретная тема, поскольку именно так к этому относились англичане. Только сам Герольд давал ему отдельные кусочки сведений, правда, никогда в достаточном количестве, постоянно меняя предмет исследования, как только Ник намеревался узнать чуть больше о загадочном хозяине города. Был ли он хозяином или всего лишь слугой-посыльным? Положение Герольда могло по-разному влиять на то, что хотел сделать Ник. Если бы только знать...

Хедлет предупреждал его, что и он, и Линда будут мишенью для предложения сделки. Но до сих пор этого не случилось. И, будучи укрытыми в этой норе, они могли не опасаться, что это произойдет. Если бы Ник мог сам встретиться с Герольдом, возможно, он смог бы что-то узнать... Но если даже нападение летающей тарелки не смогло причинить никакого вреда этому «иноземцу», то что мог сделать Ник?

Необходимость хоть как-то действовать мучила его. Он не верил, что они смогут неопределенно долго прятаться здесь при существующем состоянии окружающей обстановки. А что, если появится в конце концов то, что гонит этих беженцев к югу? Убежать с помощью плота — это очень слабая надежда, а скорее в этом мероприятии вообще никакой надежды не было, он не сомневался в этом, а, будучи лишь иллюзией, это означало гибель. Нет, спасти мог только город...

Ник был так уверен в этом, что сама его уверенность оказалась неожиданностью. Он обыгрывал эту идею с тех пор, как увидел сверкающие башни, но сейчас это стало его убеждением...

Мягкое поглаживание руки. Должно быть, это Джереми захотел забрать свой трофей. Но когда Ник посмотрел вниз на ко-

та, то оказалось, что животное даже не пыталось добраться до птицы. Он предпочитал поглаживать свою голову о руку Ника и мурлыкать.

— Хороший мальчик! — Ник почесал за серыми ушами, погладил подбородок. — Ведь ты согласен со мной, а?

Вопрос был задан в шутку, но в этот момент Ник знал, что говорил правду. Еще раз Джереми добрался до его мыслей, и кот был согласен с ним тем способом, каким мог наилучшим образом выразить свои мысли.

Рука Ника аккуратно приподняла голову Джереми, так, что теперь он мог заглянуть в эти широко раскрытые глаза.

— И сколько же ты знаешь... сколько понимаешь... Джереми?

Реакция кота была быстрой и резкой. Вверх поднялась распущенная лапа, когти прошлись по запястью Ника. Он отшатнулся назад. Стало ясно, что он позволил себе недопустимую вольность. Последовало предупредительное рычание, и Джереми снова подхватил птицу, обежал вокруг Ника и исчез в пещере. И вновь Нику оставалось только судить, что здесь правда, а что воображение. Ему следовало бы спросить Линду насчет Ланга — давал ли ей пекинес основания считать, что способен на общение, если хотел этого?

Ник все еще смотрел вслед Джереми, когда появилась леди Диана.

— Есть какие-нибудь сообщения? — прямо спросила она.

— Ничего, если не считать, что Джереми поймал большую птицу.

— Что за кот! Мод права насчет его способностей. Хотя, должна заметить, он может почуять и присутствие «людей»...

— И Герольда тоже? — спросил Ник.

Она некоторое время задумчиво смотрела на него.

— А что, Герольд? — В голосе ее слышалась враждебность.

— Джереми может знать, что тот где-то рядом?

— Ах, это... — Его вопрос оказался для нее неожиданным. — Не знаю. Он может указывать на присутствие «людей» независимо, видим мы их или нет. Но Герольд... А почему он интересуется тобой?

— Как мне кажется, у него хорошая защита, и мне это любопытно.

— Спроси у Мод, она знает все об этом животном. Твой обед уже ждет тебя, поспеши, пока он не остыл.

— Да, миледи! — Ник изобразил нечто в виде салюта, обращаясь к ней так, как это обычно делал Строуд, и отправился в пещеру, все так же хорошо замаскированную нагромождениями камней.

На кухне дежурила Линда, а миссис Клэпп была немного в отдалении, на одном колене у нее лежал трофей Джереми, а она почесывала голову кота и рассказывала, какой он храбрый и умный. Джереми принимал эту похвалу с заметным благодушием, с кошачьей оценкой своей собственной ценности.

Ник взял свою чашку и пошел туда, где Линда, сидя на подставке из камней около огня, что-то размешивала в котле. Ланг был рядом с ней, голова его была чуть запрокинута в сторону, по-видимому, для наблюдения за пламенем.

— Линда, ты не замечала никаких перемен в Ланге?

— В Ланге? — Она взяла у Ника чашку, чтобы наполнить ее из котла. Но быстро повернулась, бросая взгляд на маленького пса. — В чем дело? Ланг?

При звуках собственного имени он уселся на задние лапы, замахал в воздухе передними и негромко твякнул.

— Давал... — То, что Ник собирался спросить, звучало неправдоподобно. Он мог представить себе реакцию Джереми. Нет, он не должен этого говорить! Но, набравшись смелости, продолжил: — Давал ли тебе Ланг повод считать, что он понимает... ну, понимает, о чем ты думаешь?

— О чем я думаю? — как эхо повторила она. Теперь все ее внимание переключилось с пекинеса на Ника. — Нет. — ответила она как будто сама себе. — Ты именно это имеешь в виду, да? Я ведь уже говорила тебе, что у пекинесов очень высокий интеллект. Он всегда может заставить меня понять...

— Это не то, что я имею в виду... — начал Ник, когда она преврала его.

— Я знаю. Ты хочешь сказать... про телепатию, верно? А почему ты об этом спрашиваешь? Может ли Ланг прочесть твои мысли? — Она, может быть, спросила об этом насмешливо, но ему показалось, что тон ее очень заинтересованный.

— Нет. Но я думаю, что Джереми может.

— Джереми! — Линда взглянула в сторону от очага, на кота, который теперь свернулся у ног миссис Клэпп, и ее замечание было не вполне одобрительным. — Они все время говорят мне, и Джин, и миссис Клэпп, какой это замечательный кот,

как он подсказывает им, когда кто-то из «людей» находится поблизости, или о чем-то плохом и тому подобном. Ты тоже думаешь, что он — сверхъестественное чудо? А теперь еще ты рассказываешь мне, что он может читать мысли! Думаю, ты сошел с ума!

— Но, — настаивал Ник, — пыталась ли ты отыскать хоть какие-то перемены у Ланга?

— Ты хочешь сказать, что здесь есть нечто такое, что может позволить читать мысли и тому подобное? Но почему тогда речь идет не о нас, а о животных?

— Не знаю. — Он должен был ответить правдиво.

— Ланг. — Линда передала Нику наполненную чашку. Все ее внимание было обращено к пекинису. — Ланг...

Собачка вновь твякнула, положила передние лапы на ее колено, как только хозяйка села, скрестив ноги и протянув руки к Лангу. Затем она подняла пса, как это уже раньше видел Ник, удерживая выпуклые собачьи глаза на уровне своих глаз.

— Ланг, можешь прочесть мои мысли?

Ник наблюдал за ними. Она серьезно задавала этот вопрос, или это шутка, рассчитанная на него?

Линда сидела тихо, внимательно глядя в глаза пекинеса. Собачка дернула головой, ее язычок лизнул подбородок Линды. Девушка произнесла что-то неразборчивое и крепко прижала к себе пса, пока тот не запротестовал.

— Ты... ты прав. Ланг знает.

— Как ты можешь судить об этом? — настаивал Ник. Теперь вновь ожили все его собственные возражения против такой убежденности. Он не хотел подтверждения, теперь это стало ему ясно, он хотел опровержения.

— Я знаю. — Она даже не хотела говорить о подробностях. — Ник... мы должны вырваться отсюда... назад, домой!

В ее голосе был такой испуг, что Ник в очередной раз вздрогнул. Как будто в течение этой долгой минуты противостояния с Лангом она узнала нечто такое, что нарушило всю безопасность ее внутреннего мира.

— Мы не можем просто так уйти отсюда, — отметил он. — Ты знаешь это, так же как и я.

— Они... — Линда перешла на шепот. — Они собираются прятаться здесь... Ник... Но это не может продолжаться долго. Пищи остается совсем мало. А что касается путешествия по

реке на плоту... — Тон голоса выдал ее отношение к этой затее. — Ник, кто бы или что бы ни преследовало этих беженцев, которые постоянно встречаются нам, это говорит только о том, у всех у них есть очень веская причина бояться. И если мы останемся здесь... Ник, нет, мы не можем!

Это были его собственные мысли, воплощенные в словах. Но как она отнесется к другому его соображению — относительно города... Примет ли она его?

— Ник, если бы мы вернулись назад... назад, на то самое место, где мы были, когда все это произошло, как ты думаешь, мы смогли бы вернуться в наш прежний мир?

Он только покачал головой.

— И до этого уже существовала целая история исчезновений, произошедших в нашем мире, — и не было никаких возвращений. И это не потому, что не совершались попытки возвращения, я уверен в этом.

Она наклонилась вперед, и ее щека прижалась к мягкой шерсти пса. Ее волосы были по-прежнему зачесаны назад и перевязаны красной лентой, но часть их болтались свободно, падая ей на глаза словно вуаль.

— Ник, я боюсь! Я так боюсь, как никогда еще не боялась за всю свою жизнь.

— Думаю, мы все испытываем это. То же могу сказать и про себя. — Он проявил такую же откровенность. — Но мы должны держаться. Думаю, что здесь если ты расслабишься, то действительно пропадешь.

— Да, именно этого я теперь больше всего и боюсь, Ник. Они... Джин... миссис Клэпп, леди Диана... они все, похоже, легче воспринимают это. Миссис Клэпп... она уже старая женщина и рассматривает происходящее как испытание ее веры в необходимость помощи ближнему. Она часто говорила мне об этом. А леди Диана — она всю свою жизнь боролась за что-то... Миссис Клэпп рассказывала мне про нее. Она очень много сделала для сельской общины, где раньше жила. Она из тех замечательных людей, которые всегда делают то, что велит им долг. Я даже не могу себе представить ее чем-то напуганной. А Джин... ты знаешь, Ник, она влюблена в Барри. Когда она рядом с ним и все идет хорошо, пока он обращает на нее внимание, — она больше ни о чем не думает. И все, что беспокоит ее, так это его не проходящая привязанность к Рите...

Но никто из них не испытывает такого страха, как я. И я так боюсь, что однажды так разоткровенничаюсь, что они все будут только презирать меня. — Ее голова склонилась еще ниже, так что волосы почти полностью скрывали ее черты.

— Никто из них не станет тебя презирать! — Ник пытался найти нужные слова. — Ты не права, Линда. Если бы ты могла читать мысли... Клянусь тебе, что каждый из них находится на пределе сил. Может быть, они еще не достигли его — но он близок. Ты намекаешь на то, чтобы попытаться выбраться отсюда самим? Но у нас есть лучшая возможность: выстоять здесь, по крайней мере сейчас.

— Пожалуй, я согласна с этим, — уныло призналась она. — Но я хочу... Нет, почему я не могу позволить себе вообще что-то хотеть? Мне приходится принять все происходящее как должное. Но послушай, Ник, ведь не можем же мы оставаться здесь и умирать с голоду. Что же нам делать?

И прежде, чем он смог удержать свой язык, Ник ответил:

— Но есть еще город...

— Город? Что ты имеешь в виду?

— Что он вполне безопасен, по крайней мере от летающих тарелок. Мы видели доказательства тому. — Теперь он был готов проверить ее реакцию на его не вполне законченный план. — Предположим, что мы смогли бы войти в город...

— Мы можем, и достаточно легко. Заключить сделку с Герольдом, как это сделала Рита. Но, Ник, то, как они говорят об этом... может произойти что-то ужасное, если ты имеешь в виду это.

— Нет, я не сделку имею в виду, Линда. Но предположим, что каким-то образом нам удалось бы проследовать за Герольдом. Или допытаться у него, как это можно сделать. — План Ника был всего лишь туманным соображением, к которому постоянно возвращались его мысли.

— Я не верю, что тебе это удастся. — Линда ответила так решительно, что он тут же сник. Но внутренне он все же отреагировал на это очень быстро, доказывая самому себе с завидным упорством, что тем не менее должен хотя бы попытаться. Однако он не высказал этого вслух, не желая давать ей поводов для протеста. Вместо этого он начал есть.

— И ты собираешься испробовать нечто такое? — Казалось, что его молчание раздражало ее.

Ник пожал плечами.

— Ну, если смогу. Но сейчас я не вижу никакой возможности.

— Конечно, нет! И никогда не будет! — С этим заключительным выводом она встала и направилась в сторону миссис Клэпп, которая ошиповала перья с той добавки, которую Дже-реми сделал для их рациона.

Ник покончил с похлебкой. Затем в одном из небольших альковов пещеры он помыл свою чашку. Там слабым потоком по стене падала вода, которая затем вытекала наружу по выдолбленному в полу желобу. Но чашку он оставил прямо там и не стал возвращаться в центральную часть пещеры. Вместо этого он направился через узкий проход, который до этого ему показал Крокер, ведущий в другую пещеру, где имелся выход наружу.

Как раз сейчас Ник не хотел ни с кем общаться, а просто подумать в одиночестве. Он столкнулся с головоломкой. Возможно, она не имела решения, а возможно, оно и было. Но ее следовало внимательнее рассмотреть и попытаться решить.

Ник потихоньку шел к узкому выходу из подземелья. Но, как только он положил руку на стену, чтобы обрести дополнительную устойчивость, и земля, и камни посыпались вниз под его тяжестью. Он схватил висевший у него на поясе фонарь и в его свете смог рассмотреть, что камни, закрывавшие лаз наружу, лежат не плотно, и с небольшими усилиями их можно убрать.

Он начал раскапывать и вытаскивать их, положив фонарь на выступ стены, чтобы работать при свете. Завал требовалось лишь немного расчистить. Он должен был лишь пролезть наружу, чтобы проверить, куда он ведет, а затем сложить все более надежно.

Ник протискивался плечами, извивался ползком, отталкивался ногами. Наконец он выбрался наружу. В этот момент он не осознавал ничего, кроме этого, целиком поглотившего его занятия. Приседая, опираясь руками о землю, согнув спину, он начал оглядывать склон.

Яркий солнечный свет заслонило случайное облако. Но оно не смогло затуманить неожиданный всплеск ярких красок. И, как только Ник медленно поднялся на ноги, он увидел, что исполнилось его, может быть, самое опасное желание. Перед ним стоял Герольд.

ГЛАВА 10

Первым порывом его было нырнуть назад, в пещеру. Но теперь делать это было уже поздно. Он понимал, что Герольд уже заметил его. А он к тому же не хотел показывать этот задний вход в их убежище. И Ник двинулся вдоль склона навстречу «иноземцу».

На его взгляд, это был тот же самый Герольд, которого он видел поднимающимся через гребень горы в направлении города. Человек (если его действительно можно считать человеком) был одного с ним роста, хотя и более стройным, чем Ник. Его зеленые штаны и рубашка казались более тусклыми по сравнению с ярким плащом, поражающим богатством красок и роскошной вышивкой.

Плащ его разделен на четыре части, каждая из которых была украшена своим особым, замысловатым устройством. Над каждым его плечом виднелась небольшая полусфера с теми же замысловатыми элементами, только выполненными в миниатюре. Четырехугольная шляпа, из-под которой виднелись, словно нарисованные кистью художника прямо на голове прилизанные волосы, стянута золотой лентой, напоминавшей корону.

Лицо его было абсолютно бесстрастным, а кожа ослепительно-белой, так что скобка усов, обрамлявших рот, казалась нарисованной чернилами. Он был неподвижен, но когда Ник отошел на три-четыре шага от своего убежища, он двинулся ему навстречу, и шаг его напоминал скорее свободное скольжение.

Так они шли навстречу друг другу, пока не остановились на расстоянии вытянутой руки. И все это время Герольд молчал, выражение лица его оставалось прежним. Когда же он заговорил, то это произвело пугающее впечатление, как будто голос был вложен в рисованную куклу.

— Я — Авалон.

Затем последовала пауза, которую он больше ничем заполнить не собирался. Ник догадался, что теперь наступила его очередь представиться.

— Я — Николас Шоу. — Он назвал официальное имя, чувствуя, что обстановка требовала именно этого.

Последовал легкий наклон головы его собеседника.

— Те, кто принадлежат к Авалону, Таре, Броклайну и Карнаку, могут оказать тебе радушный прием, Николас Шоу, и ес-

ли это будет твоим собственным желанием и выбором, то это так и будет.

Итак, вот оно и прозвучало, предложение о сделке. Ник думал об этом с ожесточением... Он должен извернуться, попытаться узнать все, что только сможет, не давая скорого ответа. Но играть в такие игры с этим незнакомцем было бы, несомненно, очень трудной задачей.

— Это не та земля, что оказывает радушный прием. — Он подбирает слова, которые, по его убеждению, должны были бы вызвать ответ, содержащий требуемую информацию. — Здесь я видел много такого, что представляется мне опасным, если учесть все то, что я знаю о своем собственном мире. — И даже когда он говорил, то уже чувствовал странное удивление таким выбором слов. Это походило на то, будто он пытался говорить на иностранном языке, однако слова были из его родного языка, просто их сочетания казались для него несколько неестественными.

— Эта земля чужестранцев. Те, кто примет ее, убедятся, что и она принимает их, и тогда больше не будет опасностей, которые ты увидел здесь.

— И каким же образом можно принять ее?

Рука Авалона скрылась под передней частью жесткого плаща, а когда она вновь появилась, в ней была маленькая коробочка, которую он открыл с легким шелчком. Она была круглой, и единственным содержимым ее оказалось золотое яблоко, одна сторона которого начала краснеть. От него или из самой коробочки исходил манящий аромат, действовавший не только на обоняние, но и на глаза.

— Это ты съешь, потому что оно из Авалона. Так Авалон войдет в тебя, а ты станешь частью его, так же как он станет частью тебя. Принимая таким образом Авалон, ты можешь получить все, что он сможет предложить.

— Мне говорили, — Ник был очень осторожен, но полон надежды получить клочок информации, — что если кто-то становится частью Авалона, то после этого становится оторванным от своего прошлого и больше не является тем, кем был до того...

Выражение лица Герольда по-прежнему не изменилось.

— Каждый регулярно делает один выбор из множества, и любой выбор заставляет его хоть немного, но измениться. Таков закон жизни, и никто не может перешагнуть его. Если ты боишься того, что предлагает Авалон, то ты делаешь один выбор и

с этим ты должен жить. Есть те, кто не желает стать частью этой земли, поэтому земля отвергает их, и они остаются без ее доброты и без умиротворения.

— Так, значит, Авалон — это умиротворение? — Ник пытался придать своему тону оттенок недоверия. — Но то, что я уже видел здесь, подсказывает мне, что это не совсем так. Я наблюдал, как одни люди ловили других, и видел толпы скитальцев, которые явно не могли сказать, что этот мир — их дом.

— Таков был их выбор: отвергнуть Авалон, и поэтому Авалон отверг их. Они остаются неприкаянными бродягами, без всякого пристанища. И уже приближается день, когда они обнаружат, что без корней и без пристанища они окончательно пропадут.

— Те, кто истинно предан Авалону, повернутся против них? — Ник настаивал на разъяснении? Что это было, только что услышанное им? Угроза или предупреждение?

— В этом нет нужды. Авалон не враг человека. Это место для мира и безопасности. Но если кто-то остался без него, тогда приходит тьма и зло. Такое случалось и раньше, когда зло обрушивалось на землю. Там, где ему встречались Авалон, Тара, Броклайн, Карнак, там оно лишь плещется о стены, которых не в силах преодолеть. Но для тех, кто остается без тех стен, есть только неисчислимая опасность. Это зло периодически прибывает и убывает. Сейчас время начала прилива.

— Именно этот дьявол и забрасывает в Авалон таких, как я?

— Такой вопрос не для меня, незнакомец. Прими Авалон — и будешь знать.

— Я не могу решить прямо сейчас... — попытался отгородиться Ник.

И вновь вежливый наклон головы Герольда.

— Это понятно, потому что твоя раса плохо управляет мыслью. Четкие решения очень тяжело даются вам. Я еще увижусь с тобой.

Он закрыл коробочку, убрал ее под плащ и, отвернувшись от Ника, заскользил в обратном направлении, столь быстрым шагом, что догнать его можно было бы только трусцой. Но Ник был намерен последовать за ним хотя бы небольшую часть пути. На этот раз Герольд был без коня, так что Ник мог проследить его...

Помня только об этом, Ник бросился через кусты, стараясь не потерять из вида сверкающий плащ. И тем временем продолжал думать о том, что сказал ему Авалон. Он назвал себя име-

нем этой земли, как будто был официальным ее представителем, полностью идентифицируя себя с ней. И была ли в словах его угроза — или он просто сообщал, что те, кто не находится под защитой «людей», подвергают себя огромной опасности?

Возрастающие толпы беженцев были частичным подтверждением его слов. И то, что видел Ник при нападениях тарелок, подтверждало безопасность Герольда и его города. С другой стороны, в его предложении скрывался явный ужас, как это обнаружили англичане, хотя их доводы все еще оставались неясными для Ника.

Это все...

Ник остановился. Яркое сияние красок тоже было неподвижным. Ник нырнул в кусты. Из такого же, как и его, укрытия поднялся кто-то прямо на пути Герольда, поднимая вверх кол, увенчанный крестом из тусклого металла.

— Демон! — Фигура, используя этот своеобразный предмет как дубинку, пыталась обрушить его на голову Герольда. Но Авалона уже не было там, где его должен был найти удар: он оказался в стороне. И вновь эта дикая фигура, одетая в изодранную, забрызганную грязью мантию, с седыми спутанными волосами и такой же бородой, пыталась продолжить сражение. На этот раз Герольд просто исчез из вида.

— Не двигайся!

Сзади на Ника пахнул порыв вонючего запаха, и одновременно он ощутил острый укол в середине спины, очевидно, для подтверждения словесного приказа.

Чуть позже тот же голос глухим бормотанием, на языке, которого Ник оказался не в силах понять, скорее всего, подозревал еще кого-то.

Несостоявшийся противник Герольда все еще крутился на том месте, где исчез Авалон, круша своим орудием кусты, выкрикивая громким голосом слова на незнакомом языке. Он напоминал сбитого с толка неудачника, раздираемого яростью.

Как только последовал второй возглас из-за спины Ника, нападавший на Герольда перестал молотить кусты и направился к американцу кривобокой походкой, которая тем не менее позволяла ему передвигаться с приличной скоростью.

Когда он остановился, опершись о кол, Ник разглядел его одежду, напомнившую ему одеяние монаха. И его горящие глаза выдавали в нем фанатика.

— Вставай! — Боль в спине возросла. Американец поднялся на ноги, бушуя от ярости как на стоявшего сзади него человека, так и на себя самого за то, что был так слеп, чтобы так примитивно попасть в плен.

Монах приблизил свое лицо к Нику. От его дыхания разлило вонюю, а зловонного запаха от его тела и заношенной одежды было достаточно, чтобы пленника тут же затошнило. Горевшие яростью глаза нетерпеливо бегали, сверху вниз оглядывая Ника.

— Демон! — Он поднял крест, и Ник решил, что сейчас тот с глухим стуком опустится на его голову. Он пригнулся и нырнул в сторону и тут же был награжден ударом сбоку по голове, что заставило его опуститься на колени, а в голове раздался звон, наполовину затуманивший сознание. Они что-то тараторили над ним, тот, пленивший его, и монах. Их руки крепко держали его, и одна вцепилась ему в волосы, так, что он не смог даже двинуть головой. И вновь как в тумане над ним замаячил крест. И на этот раз он опустился так, что его конец больно врезался ему в лоб, раздирая кожу. Монах некоторое время держал свое оружие, а затем рывком убрал его, наклоняясь ближе к Нику, чтобы получше разглядеть результат. Он что-то проворчал, как будто был недоволен, а затем отдал какое-то приказание второму. Ника поставили на ноги, связали за спиной руки, туго стянув врезавшуюся в тело веревку. Затем, до сих пор невидимый, второй человек обошел его кругом и стал перед монахом.

Хотя по комплекции он напоминал Струда, но выглядел совсем иначе. Его лицо сильно заросло густой бородой, которая так высоко поднималась по его скулам, что почти сливалась с бровями, такими же густыми и лохматыми. На голове у него был металлический шлем, зазубренный, с полосами ржавчины, имевший отросток для прикрытия носа. Остальная его одежда была тоже под стать шлему: ржавая кольчуга наброшена поверх кожаной, столь изношенной и старой, что казалась почти черной. На кривых ногах он носил туго подогнанные, но уже дырявые кожаные чулки и сапоги, которые вот-вот должны развалиться.

Однако он был вооружен. На поясе у него висел меч, рядом с ним кинжал. За плечами у него виднелся лук. Он вытащил кинжал и искоса взглянул на Ника, приставляя острие к горлу американца.

Монах с силой резко потряс головой, что было характерно для всех его движений, и коротко отдал приказания. Его напар-

ник широко ухмыльнулся, при этом его рот напоминал беззубую щель посреди тошнотворной бороды. Ухватив Ника за плечо, он подтолкнул его в сторону монаха, ковлявшего впереди них с высоко поднятым крестом, как будто это было и знамя, и грозное предзнаменование одновременно.

Было ясно, что он попал в руки очередной шайки беженцев. Ник, потрясенный собственной глупостью, все еще не мог прийти в себя, и мысли его продолжали путаться. Он с каждой минутой все больше и больше сомневался в том, что эти люди могут проникнуться к его мольбам и просьбам как товарища по несчастью. Солдат, если захвативший его в плен был солдатом, продолжал избивать его во время пути и источал такую жестокость, какая раньше никогда даже не снилась Нику. И поведение монаха, на его взгляд, было не лучше.

Они вышли на открытое пространство с небольшим ручьем, где встретили остальную часть этой компании. Там было еще трое солдат, точно таких же, что сопровождал его, словно они были родными братьями. Но распоряжались здесь не они. Скорее власть делилась между монахом и той, что сидела, прислонясь спиной к камню. Сейчас она вцепилась зубами в кусок недожаренного мяса из тех, что жарились на вертеле, установленном над огнем.

Жир блестел на ее подбородке и капал на шнуrowанный корсаж платья, где, застывая, присоединялся к другим остаткам подобной еды. Ее кожа была серой от въевшейся вековой грязи, волосы, лишенные всякого ухода, потеряли свой блеск. Но ее черты, будь она помыта и причесана, были таковы, что сделали бы ее несомненной красавицей даже в том мире, откуда явился Ник. И грязное платье было украшено, так же как и ее пояс, тем, что когда-то было роскошной вышивкой. Такого же свойства были и кольца, которые украшали все ее пальцы, включая и большой. На голове у нее подобие золотой короны, в центре которой, над самым ее лбом, украшение в виде тусклого драгоценного камня синего цвета. Она напоминала принцессу из иллюстраций к книгам волшебных сказок, но только полностью деградировавшую.

При виде Ника она отшвырнула кость, которую только что глодала. Выпрямившись, она с величественным видом указала на него и что-то скомандовала ему, но содержания ее приказаний он понять не смог. Однако среди произносимых слов по-

падались уже знакомые ему звуки. И когда он не ответил, его страж в очередной раз ударил его.

Но тут монах отогнал солдата, яростно возражая против чего-то. Злобное удивление, которое появилось на лице женщины, когда подвластный ей монах попытался сделать замечание по поводу их пленника, постепенно затухло, сменившись разочарованием. Она пожала плечами и махнула рукой. Один из солдат вытащил из огня новый кусок мяса и подал ей.

Тем не менее перед Ником тут же возник монах и медленно заговорил, переводя дыхание перед каждым словом. Все произносимое им было непостижимо и непонятно, и Ник лишь качал головой. Тут снова подошел солдат. Он с явным недовольством обратился к монаху, а затем повернулся к Нику.

— Кто... ты? — Акцент был ужасающий, но некий смысл можно было понять.

— Николас Шоу... а ты?

Солдат злобно хмыкнул.

— Не имеет значения. Ты — дьявольское отродье. — Последовал плевок. — Мы... ловим... демонов... Они дают нам меч... а мы даем его тебе!

Тут в разговор вновь вступил монах, явно требовавший подчинения со стороны солдата. Женщина, облизывая пальцы, прервала их спор. На ее слова все четверо солдат искренне рассмеялись. Но монах бросился к ней, размахивая своим колом. Она же продолжала улыбаться, но по-прежнему молчала под напором его речи. Тем не менее солдаты прекратили смех.

Ника подтащили к удобному, на их взгляд, дереву, и его спина тут же оказалась плотно прижатой к стволу. Затем с помощью веревки его плотно привязали к нему. Монах с одобрением наблюдал за операцией. После этого Ника оставили одного наедине с собственными мыслями, в то время как остальные прошествовали назад, к костру, где уселись на корточки у огня и принялись за еду.

Запах пищи вызвал у него приступ голода. Похлебка, которую ему давала Линда, теперь, казалось, была где-то в далеком прошлом. Но больше, чем голод, его мучила жажда, и видеть в отдалении бегущую в ручье воду было невыносимо тяжело, а особенно это усилилось после полудня.

Казалось, эта группа не спешила отправляться в путь. Один из солдат (или, как решил Ник, лучше было бы назвать их тяже-

ловооруженными всадниками, поскольку их поношенные атрибуты соответствовали тому времени, что вошло в обиход как Средние века) отправился за соседние кусты и вернулся назад, ведя медленно идущую неухоженную лошадь с выступающими наружу ребрами и мула с отрезанным ухом. Он повел их к воде, чтобы напоить, прежде чем отвести назад, в те же самые кусты.

Монах растянулся на земле в значительном отдалении от костра, поскольку послеполуденная жара продолжала нарастать. Он скрестил на груди руки, прижимая ими свое странное оружие. Солдаты чуть в отдалении от своих руководителей делали то же самое, хотя при этом поочередно несли дежурство. И часовой периодически то прятался в кустах, то прогуливался в отдалении.

Покончив с едой, женщина вытерла руки пучком травы, и это было первым ее движением в сторону наведения чистоты, как успел заметить Ник. После этого она направилась к ручью, долго пила воду из сложенных чашей ладоней, и на этот раз вытерла руки о полу платья. Она встала, оглядела спящего монаха и солдат. Затем, бросив быстрый взгляд на Ника, вернулась к своему каменному «креслу».

Но она уселась не отдыхать. Наоборот, чуть развалившись, она принялась поигрывать свисавшей прядью волос, что-то напевая про себя. Изредка она многозначительно поглядывала на Ника, как будто он был полностью в курсе ее планов.

Так же как он ощущал жестокость солдат и грубый, ничем не прикрытый фанатизм монаха, точно так же зло, скрывающееся в ней, доносилось до него подобно прогорклому и ужасному запаху. Он так и не мог понять своего отношения к этим людям. Никогда раньше он не испытывал такого отвращения к кому-либо и ощущения того, что способен «читать» их внутренние чувства. Это было похоже на осознание того факта, что Джереми мог читать его мысли, в преувеличенной силе которого он никогда не отдавал себе отчета. И все это только усилило его страх.

То, что он оказался в ужасном положении, не требовало пояснений. Они с легкостью перерезали бы ему горло, и притом без всяких уговоров. Он мог поклясться, что женщина получила бы от этого только удовольствие. И мог предполагать только одно — что его вынуждены держать как средство выгодного обмена с теми, кого они называли «демонами». А поскольку монах выкрикивал это, обращаясь к Герольду, то вполне возможно, что

те, с кем они намерены провести сделку, были все те же самые «люди». Мысль была леденящей. С какой стати «люди» должны заботиться о том, что его так запросто убьют? Ведь он отказался от предложения Герольда... или, по крайней мере, отложил свой ответ. Так что он не был интересен для Авалона. Теперь условия стали абсолютно ясны для него: Авалон защищает только своих, остальные могут испытывать ту судьбу, которую они выбрали.

Лишь теперь Ник захотел, чтобы его ответы тогда звучали по-иному. Ему казалось, что разговоры викария о переменах, о неприглядности этого выбора были ничто по сравнению с тем, как оказаться вот в этих руках. Однако... в нем было еще и упрямство, которое он отчетливо осознавал. Его не заставили бы силой сделать выбор, который не устраивал его.

Все это рискованное предприятие началось потому, что он хотел все делать сам, без постороннего давления и вмешательства. И в результате получил только вот это, и ничего больше. Все началось с того, что он посчитал себя обязанным сопровождать Линду. После их встречи с англичанами и он, и она приняли их способ существования просто потому, что он не имел достаточной информации, чтобы рисковать...

Монах храпел, но его короткие всхрапы тонули в дружном хоре спящих солдат. Появился несший дежурство их приятель, и, увидев его, женщина кивнула ему и что-то приказала. Он прикоснулся рукой к ржавому шлему и отправился туда, где находились животные. Она наблюдала, пока он не ушел, затем поднялась и пошла к ручью.

Сложив ладони, она зачерпнула сколько могла воды и легким шагом направилась к Нику.

— Аква... — Она держала воду некоторое время на недосягаемом от него расстоянии.

Латынь! Она говорила по-латыни!

Ее руки приблизились к нему. Теперь его жажда причиняла ему адские муки, потому что совсем рядом была вода. Но он не верил, что ей знакомо чувство сострадания. Это была игра, одна из тех, в которые она любила играть.

Вода капала ему на рубашку, он мог бы наклонить голову и пить. Но что-то внутри него сказало «нет», и он отказался.

Ее улыбка исчезла. Она выплеснула остатки воды ему в лицо. Затем возвратилась к своему камню и быстро вернулась с небольшим хлыстом. Его изношенная ручка была тем не менее

отделана камнями грубой огранки. Высоко подняв руку, она ударила Ника по лицу, и тут же плеть, как бритва, оставила после себя горящую полосу нестерпимой боли.

И тут она рассмеялась, потому что, несмотря на самообладание, Ник, задыхаясь, раскрыл рот, а она стояла, поводя хлыстом из стороны в сторону, и наблюдала за пленником, насколько он, по ее мнению, осознавал угрозу. Но пока она готовилась к очередному акту, ей вновь пришлось потерпеть неудачу из-за монаха.

Он уже встал и теперь издавал звуки, которые могли быть лишь воем, выразившим ярость и гнев. И выражение это было столь неистовым, что разбудило солдат, и их руки мгновенно потянулись к оружию, а часовой мгновенно выскочил из кустов и бегом присоединился к своим приятелям.

Женщина, однако, не теряла самообладания, ожидая, когда в криках монаха возникнут успокоительные аккорды. А затем ответила ему с такой же резкостью. Но все же она оставила Ника в покое. По-видимому, желания монаха все еще исполнялись. Ник лишь со всей страстью хотел бы знать, каковы они были на самом деле.

Как только начали спускаться сумерки, он вспомнил о пещере. Теперь они уже хватились его, но даже если и обнаружили место, где он вышел, то никогда не догадаются, куда он делся. И ради собственной безопасности, они не отправятся на его поиски по открытой местности. И он понял, что у него нет шансов на спасение.

Он с небольшими перерывами пытался ослабить веревки на запястьях. Но его ладони окончательно онемели, и отсутствие чувствительности распространялось выше, к предплечьям. Ствол дерева, к которому он был привязан, удерживал его в вертикальном положении, но у него онемели и ноги. И он даже не был уверен, что вообще сможет хоть как-то идти, если каким-то чудом обретет свободу.

С приближением темноты солдаты засуетились. В течение дня у них был только один костер. Теперь они сооружали второй на некотором расстоянии от первого. Монах трудился над длинными сухими ветками, которые сначала очень тщательно выбрал. Он обстругал их ножом, что висел у него на поясе, связал стеблями травы, так, как он, видимо, делал уже не раз, и изготовил таким образом несколько деревянных крестов.

Держа их в руках, он приблизился к Нику и начал втыкать их в землю, как будто, делая это, возводил барьер вокруг пленника. Во время работы он что-то бормотал, и Нику показалось, что время от времени он узнает некоторые латинские слова. Установив кресты, монах начал методически ходить вдоль этой линии, дотрагиваясь до каждого из них металлическим крестом, прикрепленным к колу, и не переставал что-то распевать вслух. Все остальные шли следом за ним и время от времени поднимали свои голоса в поддержку церемонии, производимой монахом.

Затем они зажгли второй костер, свет от которого усиливался с нарастанием темноты. Лошадь и мул еще раз сходили на водопой и теперь были привязаны на лугу между двух костров, в то время как их хозяева повесили на их тощие шеи веревки с кусками металла. На свет от двух костров теперь собралась вся компания. Солдаты вытащили кинжалы и держали их в руках так, словно готовились к осаде. А монах воткнул кол с крестом в землю и встал недалеко от Ника.

Весь их вид говорил об ожидании, и Ник поймал себя на том, что и сам начал прислушиваться, хотя к чему, он так и не смог вообразить. Время от времени монах что-то бормотал, а те, что находились у костра, переминались с ноги на ногу или проявляли другие признаки усталости, но бдительности не теряли.

Ник начал очень постепенно улавливать некий смрад, напоминающий запах, который постоянно исходил от этих людей. Только это был не смрад, рожденный телом, а скорее порожденный духом. Это оказалось новое ощущение, с которым никогда раньше он не был знаком, однако смог распознать его просто потому, что оно имело место. Так же как тот фермерский дом, где они скрывались, был обителью добра, так и то, что сейчас обволакивало все вокруг, заявляло о себе как угрожающее зло.

Остальные тоже, должно быть, чувствовали его приближение. И это не был Авалон, Ник был так уверен в этом, как будто сам этот факт заявлял о себе во весь голос.

Сырое, тяжелое облако разложения... Затем Ник услышал скрежет, будто что-то тяжелое движется через кусты, с тяжелым дыханием.

Стоявшие у костров подняли вверх руки — в них было железо, которое они старались держать на виду. Тем временем монах выдернул из земли свой крест и теперь был готов использовать его так же, как и при встрече с Ником.

Вот уже ближе... Ник заметил, как подрагивали кусты слева. Он повернул голову, чтобы разглядеть, что же, в конце концов, может выползти оттуда. В окружении веток возникла голова. И он заставил себя взглянуть на нее, хотя страх почти парализовал его волю и он весь дрожал.

Серовато-белая, извращенная, абсолютно скотская — она была непристойным воплощением любого ночного кошмара. Она злобно взглянула, выставив ядовитые клыки, и — исчезла. Змея или нечто, позаимствовавшее змеиное тело, извиваясь, вывернулось с другого направления. Теперь можно было отчетливо видеть на теле змеи женскую голову. И, как только существо приблизилось, раздался шипящий голос, произносящий слова, которые, скорее всего, должны быть понятны собравшимся у костров, потому что с криками, полными страха и ярости, один из солдат рванулся вперед, целясь своим ножом в нападавшее существо. Клинок вонзился в тело как раз сзади смеющейся головы.

Но на теле не осталось никакой раны, и человек отшатнулся назад, коротко выкрикивая что-то. Он уже забыл про нож и теперь закрывал глаза руками, сжавшись в комок, в то время как женщина-змея свернулась кольцом и отступила, и когда монах замахнулся на нее крестом — мгновенно исчезла.

И это было только начало осады.

ГЛАВА 11

Появились чудовища, монстры, передвигавшиеся на четырех ногах, и другие, напоминавшие гуманоидов. Они медленно крались, шипели, плевались, кричали, грозили, как будто только для того, чтобы снова скользнуть в тень и уступить место другим. Но до сих пор никто из этой отвратительной компании не напал на собравшуюся у огня «когорту». Однако само их появление раздражало нервы, поддерживало постоянное напряжение. И было очевидно, что нервы у всех на пределе. Возможно, здесь сказались еще и предыдущие встречи их с подобной угрозой.

Когда же нечто с козлиной головой, но с самым настоящим человеческим телом, если не считать хвост и заканчивавшиеся копытами ноги, резвясь и подсакивая, выпрыгнуло на освещенное костром пространство, встав на дыбы и пританцовывая около солдат, то один из них вскинул вверх голову и пролаял как

собака. Тот, кто в свое время захватил Ника, набросился на своего приятеля и сбил его с ног. Тот лежал на земле, не переставая завывать. Козлоголовый заржал, высоко подпрыгнул в воздухе и щелкнул копытами.

Тут же подскочил монах с крестом, и тот исчез с пронзительным криком, отходя назад и спотыкаясь, как будто перед ним была зловещая угроза. Но на его место тут же выскочил другой, с человеческим же телом, излучавшим золотое сияние, за спиной у него были белые крылья, торчавшие из самых лопаток. На широченных плечах его устроилась голова филина. Левая рука его слегка опиралась на спину волка, размером с добрую лошадь.

— Андрас! — Похоже, монах узнал это привидение. — Демон! — И вновь он нанес удар своим оружием.

Но на этот раз его атака была не столь эффективной, потому что клюв на обросшей перьями голове начал издавать звук. Он нарастал, становясь звонче и выше, наполняя ночь и головы всех присутствующих... Ник вздрогнул от боли, в то время как звук продолжался и нарастал...

Страдания становились все сильнее, пока он не стал ощущать ничего, кроме этого звука. И он, должно быть, был близок к потере сознания, когда увидел очень смутно, что те, что находились между костров, побросали свое оружие, и даже монах теперь оказался без креста. Они зажали руками уши, на лицах их отражались мучения, и нетвердой походкой, пошатываясь из стороны в сторону, они устремились вперед.

Но не на встречу с золотистым дьяволом, потому что тот уже давным-давно исчез. Нет, раскачиваясь, они ринулись в кусты, притягиваемые некоей силой, противостоять которой были не в состоянии. Солдаты. Женщина, спотыкавшаяся в длинной, волочившейся по земле юбке. Наконец монах, с лицом, обезумевшим от ужаса, похожим на страдающую маску, исчезающую в надвигающейся темноте. Ник тоже чувствовал эту силу и вырывался из своих пут. Веревки глубоко врезались в его тело, когда он пытался подчиниться требованиям этого визгливого крика.

Но боролся он безуспешно. Но боль от звука была невыносимой, пока он не подчинялся этим призывам — он должен пойти! Однако он не мог. И, наконец, он оказался выбит из игры. Обессиливший и изможденный, он удерживался на ногах только веревками.

Его хватчики исчезли. Костлявая лошадь и одноухий мул остались. И оба животных проявляли явные попытки пощипать траву, словно ничего не случилось. Боль в его голове прошла, хотя он все еще мог слышать в отдалении все тот же терзающий, но теперь постепенно замирающий звук.

Какова же судьба тех, кто откликнулся на этот призыв? Этого Ник не знал. В то, что кто-нибудь вернется убить его или освободить, он не верил. Он был ошеломлен тем испытанием, которому подверглись его уши, но постепенно начал осознавать реальность, отдавая себе отчет в том, что он по-прежнему был в ловушке.

Поблескивая в свете костра, лежали кинжалы, которые когда-то использовали для защиты стоявшие там люди. Но это оружие было так далеко от него, словно находилось в его родном мире.

Это случилось в тот момент, когда он начал приходить в себя от истязającego звука и смог откинуть голову назад, прижимая ее к грубой коре дерева, пытаясь найти подходящий угол обзора, чтобы разглядеть, что именно привлекло его внимание. Был ли это летающий монстр?

Но он ухватил только мимолетный отблеск, однако был уверен, что не ошибся. Одна из тарелок устремилась в сторону исчезнувших беглецов.

Был ли этот звук направлен на то, чтобы выгнать на открытое пространство всех, скрывавшихся здесь, чтобы там они могли быть пойманы? Те монстры... Казалось, что находившиеся здесь люди были в состоянии узнать их. Он припомнил, как монах обратился к тому, с головой филина... но что они могли поделать с ними? Этих монстров могли использовать специально для того, чтобы вызвать нервный срыв и разоружить намеченные жертвы.

Но если охотники в тарелках могут находить свои жертвы, они могли бы узнать и про него! Возможно, они уже и знают и еще к тому же уверены, что он надежно связан. Ему следует срочно освободиться!

В этот момент Ник боялся воздушных охотников гораздо больше, чем любого из скакавших здесь ночью монстров. Поэтому что монстры могли быть всего лишь видениями, тогда как летающие тарелки были реальны.

Освободиться — но как? Кинжалы... у него не было никаких шансов добраться до них, во всяком случае не больше, чем звать на помощь Строуда, Крокера или викария. Или повстречать Герольда...

Герольд!

В памяти Ника застыло изображение Герольда, каким он видел его, выходя из пещеры. Казалось, сверкающий плащ так и мерцает у него перед глазами. Постепенно его страхи улеглись. Зловоние зла, пришедшее с темнотой, исчезло. Все, что сейчас ощущал Ник на своем покрытом испариной лице, это свежий ветерок со стороны леса с его приятными запахами.

Но оставалась летающая тарелка! Освободиться! Освободиться, прежде чем ее экипаж появится здесь! Он ужасно устал, пытаясь ослабить веревки, — хотя в итоге затянул их еще сильнее. Его руки и ноги становились угрожающе бесчувственными.

Герольд... Несмотря на острую необходимость думать о способе освобождения, Ник продолжал созерцать запечатлевшееся в памяти видение Авалона.

— Авалон!

Что заставило его произнести это имя?

Лошадь громко заржала. Она вскинула голову, словно приглашая кого-то, и заржала снова, а в ответ ей проревел мул. Оба животных перестали жевать траву. Они стояли, глядя на дерево, где был привязан Ник.

А потом... Он был там!

Еще одно виденье? Если так, то оно слишком материально.

— Авалон? — Ник не удержался от вопроса. Поможет ли Герольд ему освободиться? Или, поскольку Ник не принял его сделки, он так и останется здесь, дожидаясь своей участи, которую определяют воздушные охотники?

— Я — Авалон. — Ник отчетливо расслышал ответ.

— Можешь... освободить меня? — Ник перешел прямо к делу. Пусть Герольд скажет «да» или «нет», и с этим будет покончено.

— Каждый должен освобождаться сам. Свободу можно лишь предложить, а выбор — за тобой.

— Но... я не могу двинуться... даже чтобы взять у тебя то драгоценное яблоко, если бы я даже и захотел!

Как и раньше, выражение лица Герольда оставалось бесстрастным. Вокруг всей его фигуры было заметное свечение, но исходило оно не от костров.

— Есть три степени свободы. — На этот раз Авалон не доставал яблоко. — Есть свобода тела, есть свобода разума и есть свобода духа. Человек должен обрести все три, если действительно хочет освободиться от рабства.

Ник чувствовал, как им овладевает ярость. Время — его враг, и у него не было никакого желания тратить его на философские беседы.

— Но это не делает меня свободным.

— Свобода — она лежит внутри тебя, — ответил Авалон. — Как и внутри каждого живущего существа...

Затем он чуть повернулся, его пристальный взгляд переместился с Ника на лошадь и мула. Некоторое время он внимательно рассматривал двух животных. Затем они энергично вскинули головы, ведя себя с гораздо большей настроенностью, чем можно было наблюдать у них до сих пор.

Они направились в кусты, сунули головы и шеи в листву и начали вертеть ими с какой-то явно осмысленной целью. Их движения заставляли ветки и сучки стаскивать с их шеи веревки с кусками металла. После этого, опустив головы, они выскочили наружу, уже без веревок, оставшихся висеть на сучках.

Освободившись, они направились прямо к Герольду и склонили перед ним свои головы. Он же вытянул руку, но не стал драгиваться до их поводов. Те, в свою очередь, упали на землю, давая лошадям свободу от всего, что на них возложили люди.

Тем не менее они все еще стояли и внимательно смотрели на Герольда, и тогда он повернулся к ним спиной, как будто они понимали друг друга. Наконец лошадь заржала, а мул заревел. И, повернувшись, они вместе ускакали в ночь.

— Если ты можешь освободить их, — с жаром заговорил Ник, — ты можешь освободить и меня.

— Свобода — она твоя, и только ты можешь взять ее.

В том, что он говорил, была какая-то цель, а вовсе не желание унижить узника. Ник был убежден в этом. Лошадь и мул должны были сами освободить себя от «слабого железа», которое люди навесили им на шеи. Но его же попытки освободить себя только истощали последние силы. Он не мог освободиться сам — это было невозможно.

— Как? — спросил он.

Ответа не последовало.

— Ты же освободил животных! — с попыткой обвинения выкрикнул Ник.

Но Герольд по-прежнему молчал.

Свобода, которую может взять только он сам? Возможно, потому, что он не принял предложение Авалона, Герольд не мог или не хотел помочь ему иначе, как вот таким косвенным способом. Ник привалился к дереву, стараясь переложить на него свой вес, и решил подумать. Несомненно, выход был. Он не верил, что Авалон мучил его по каким-то малозначащим причинам. И если выход был, то он должен обрести желание, терпение и разум, чтобы отыскать его.

Бесцельные усилия здесь не помогут. Он не смог бы дотянуться до кинжалов, находящихся исключительно лишь в поле его зрения, а не в поле досягаемости. Итак... что же оставалось?

Свободы тела в его распоряжении не было. Свобода разума, свобода духа... мог ли он воспользоваться ими? Телепатия... предвидение... это были силы разума... паранормальные силы. Но этим талантом обладали немногие, и он вовсе не относился к их числу.

Кинжалы... в поле зрения... свобода разума...

Авалон ждал. Но Ник был уверен, что ему от него ждать было нечего. А то, что должен сделать Ник, должно исходить исключительно из его собственного желания и силы.

Эти кинжалы... нужда в них...

Ник старался изо всех сил сконцентрировать внимание на ближайшем к нему клинке — это был тонкий нож, который выронила женщина. Нож... веревка... одно встречается с другим, даруя свободу.

Нож... веревка... Он должен выбросить из головы все, кроме этого сверкающего лезвия, красноватого от света угасающего костра, и веревки, опутавшей его руки. Нож... веревка...

Струйки пота стекали по его лицу. У него было странное ощущение, будто какая-то часть его стремилась высвободиться из его тела. Часть его... например, рука... в поисках свободы. Если бы он мог подвинуть этот нож одним своим желанием... при чем тогда его рука?

Тогда Ник изменил тактику. Кисть... предплечье... свобода... стремление к костру. Ведь его тело в чем-то слушалось его, а как будет на этот раз? Теперь, как он ощущал, сформировалось нечто, слабое и неясное, коснувшееся ножа. Итак, железо

не препятствовало этому! Ник сконцентрировался. Рука, пять пальцев... пальцы смыкаются вокруг ручки. Это теперь сероватое нечто... было уже там... сжимало ручку.

Итак, была ладонь, были пальцы, но ладонь должна быть связана с предплечьем, иначе бесполезна. Предплечье... он заставил себя вообразить запястье, затем предплечье. И еще раз произошло слияние того мглистого сероватого материала. Он присоединился к ладони, и теперь ею можно управлять.

Вот!

Никогда в своей жизни он не сосредотачивал ни на одном деле столько напряженных усилий, как сейчас. Длинная-предлинная «рука» из легкой дымки начала подтягиваться назад, к нему. Он должен удержать ее... он должен!

Ник задыхался. Назад, тянуть назад... он должен подтянуть нож!

Теперь лезвие находилось уже далеко от костра, двигаясь по земле короткими рывками, как будто энергия Ника ослабевала и терялась. Но нож двигался! Ник не чувствовал триумфа, а только одно стремление: сжимать и тянуть.

И вот нож лежал у его ног. Там же он мог разглядеть туманные очертания ладони, удлинненного предплечья, теперь свернувшегося как лишенная натяжения веревка, слегка светившаяся в темноте. Ник так устал... усталость, какой он не ощущал еще ни разу в жизни, повисла над ним черной мантией. И если он даст ей опуститься, то пропадет.

Нож следовало поднять! Свернувшаяся кольцом сероватая субстанция стала толще, безвольные петли превратились в более осязаемую, более различимо оформившуюся массу с рукой на конце. Теперь вверх! Вся сила Ника сконцентрировалась на его желании.

Лезвие рывками поднялось вверх. Острие уже упиралось в его колено. Он подтянул нож выше, к первому витку веревки. Режь! Он отдал приказ... режь!

Нож двинулся медленно, слишком медленно. Ник едва не запаниковал, но затем взял себя в руки. Медленно, но он двигался...

Режь!

Очень слабо, лезвие двигалось то вперед, то назад по туго затянутой петле кожаной веревки. Только бы лезвие оказалось достаточно острым! Не думай об этом... не думай ни о чем, кроме главного... режь... режь... режь!

И вот петля свалилась к его ногам. Туманная масса сжалась, и вместе с ней упал на землю и нож. Ник яростно напрягал все оставшиеся силы. Его пути опали, и он свалился, падая головой вперед, истощенный и бездыханный.

Он повернул голову, чтобы взглянуть на Авалона. Но Герольд исчез. Ник лежал один между догорающими кострами, один из деревянных крестов вырисовывался кривым силуэтом, между ним и спадающим светом костра. Он освободился от дерева, но его руки все еще были связаны, ноги онемели, а тело истощено.

Руки... он должен освободить руки. Рядом был нож. Ник лежал, разглядывая его. Еще раз он попытался воссоздать руку. Но сила, использованная, чтобы доставить этот нож сюда, — она исчезла. И если он и мог помочь себе, то должен сделать это только физическими усилиями.

Он с трудом перевернулся, сгибаясь почти вдвое, попытался дотянуться до лезвия. Его следовало как-то закрепить... но его связанные руки онемели. Нож необходимо заклинить! Он попытался силой своего веса воткнуть рукоятку в землю. Ему попался камень, который он тоже решил использовать... Он терпеливо работал, до тех пор пока не решил, что лезвие достаточно прочно торчит из земли. Теперь вверх и вниз, вверх и вниз — он начал двигать запястья, даже не уверенный, что лезвие задевает за веревку.

Он не был уверен, пока она не свалилась с рук, после чего наступили покалывания от восстанавливающегося кровообращения. После этого он заставил себя подняться на ноги и прислонился к дереву, которое было местом его плена. Нож на земле... железо. С трудом, придерживая себя одной рукой за дерево, Ник наклонился, чтобы подобрать его. И хотя ему было очень трудно ухватить рукоятку пальцами, он все же сумел затолкать нож за пояс.

Снова опасность возможного нападения испугала его. Он пользовался деревом как опорой, скользя вокруг него, чтобы отойти подальше от костра. Но ноги плохо слушались его, как будто он вообще не мог ходить. Кусты... если бы он только мог закатиться в них или под них...

Пошатываясь, Ник двигался вперед. Впереди, едва различимые во мраке, виднелись густые заросли. Он опустил на коле-

ни, затем пригнулся еще, протискиваясь в них, в надежде обрести убежище, пока он не придет в себя после того, как растратил последнюю частицу своей драгоценной энергии.

То, что свалилось на него, не было похоже на настоящий сон, скорее это было истощение тела, столь огромное, что он не мог даже на дюйм оторвать от земли безвольно лежащую руку. Он был в плену неимоверной усталости, хотя рассудок его оставался абсолютно ясным.

Тем не менее он так и не смог понять, что именно сделал. Формальный механизм этого — да, был ему ясен: он подобрал нож и освободил себя. Но как все-таки ему удалось совершить это?

Существуют законы природы. В прошлой своей жизни он был приучен верить в невозможность только что сделанного им. Но здесь, как видно, законы его мира не соблюдались. Герольд рассуждал о трех степенях свободы. Этой ночью Ник воспользовался одной из них, чтобы достичь второй, используя такой способ, которым, он мог поклясться, достичь его было бы нельзя.

Ник прикрыл глаза. Сейчас лучше ни о чем не думать... перестать удивляться, перестать размышлять. Закрыть память. Ему нужно освободиться от всего, не думать, не действовать...

Успокоение, медленное исцеление... Зло, такое всеобъемлющее, исчезло. Земля под Ником слегка прогнулась, принимая на себя тяжесть его страдающего тела, и как будто убаюкивала его. Ветки и листья слегка касались его обращенного вверх лица, их свежий запах наполнял его ноздри. Он был наедине с землей, с кустами, листьями... Он невредим... он находился в безопасности... он сохранил самообладание... Сон, опустившийся на него, был без сновидений.

Он не проснулся сразу не потому, что что-то потревожило его. Осознание реальности происходило медленно и мягко, сон отступал шаг за шагом. Он уже мог слышать негромкое щебетание, легкий шелест и шуршание...

Ник открыл глаза. Со всех сторон его окружали листья, они плотно смыкались над ним, кончики некоторых из них мягко касались его лица. Он начал вспоминать, как и почему оказался здесь. Кругом пробуждался день.

Все его тело испытывало боль, оцепенение все еще не покинуло его, на запястьях огнем горели ссадины. Однако он чувствовал себя удивительно, по-новому, как будто страдания его

тела не имели сейчас никакого значения. И он не имел намерения куда-либо двигаться.

Это было не то чувство умиротворения и безопасности, которое он ощущал в пустующем фермерском доме. Это чувство было незнакомое, но дружеское, как будто он получил право шагнуть за ту дверь, которая открывалась в новую и неизведанную жизнь.

Голод и жажда вернулись, вынуждая его заняться делом. Ник с трудом выбрался из своего убежища. Его руки все еще были опухшими, и рубцы на запястьях кровоточили. Где-то поблизости должен был быть ручей!

Нетвердо держась на ногах, он направился вперед. Там он обнаружил выгоревшие костры, два кинжала, кол с укрепленным на нем крестом, теперь принимавшим солнечные ванны на открытом лугу. Ник миновал камень, на котором раньше сидела женщина, и опустился на колени около воды. Затем он лег, распластавшись на земле, чтобы быть ближе к поверхности, обрызгал лицо влагой и свесил руки в прохладную воду, которая как огнем обожгла его раны. И это вывело его из дремотного состояния.

По тому, с какой силой светило солнце, он решил, что, должно быть, близилась середина дня. Сможет ли он найти дорогу к пещере? А может быть, ее обитатели отправились на его ~~помощи~~? И куда улетели тарелки?

Пристально оглядываясь по сторонам, Ник не находил ~~ника~~-ких следов того, что в этом лагере побывал кто-то с тех пор, как те люди сбежали. Он подобрал с земли кинжалы, но не прикоснулся к кресту, оставив его лежать, где тот был. Затем он медленно повернулся, пытаясь определить направление, откуда пришел сюда, но лишь окончательно запутался.

Деревья обеспечивали укрытие от летающих охотников, но, с другой стороны, лес был населен своими странными обитателями. Он мог бы отправиться вдоль ручья, воспользовавшись им как проводником... но куда заведет такой проводник? Насколько он знал, около их пещеры не было ни ручья, ни другого водоема. И к тому же он страдал от голода...

Ник подумал о том, чтобы поймать рыбу, и с этой точки зрения было оправдано его намерение идти вдоль ручья. Хотя как он собирался поймать какого-либо обитателя воды — он не имел понятия. На небольшом расстоянии вверх по ручью он обнаружил кусты, сплошь усыпанные ягодами.

При его появлении оттуда с шумом вспорхнули птицы, но потом вновь уселись и занялись сбором урожая. Ник набрал полные пригоршни спелых ягод и наполнил ими рот, пачкая руки темным соком. Ежевика, решил он, и очень богатый урожай. Он обходил куст, собирая ягоды и с жадностью поглощая их, когда услышал сопение. Чуть в стороне в этом рае, изобилующем вкусной едой, огромная коричневая мохнатая фигура старательно занималась этим же делом. Ник нырнул в кусты и удалился. Медведь, если это был медведь, был полностью поглощен своим занятием. Ник решил считать его медведем и оставил лесного обитателя в покое.

Но при своем поспешном бегстве он был напуган резким окриком и отскочил назад. Прямо перед ним — гнев и испуг были налицо — стоял...

Ник только и успел моргнуть, как существо стремглав бросилось прочь и исчезло в высоких зарослях травы. Он даже и не пытался преследовать его, как и не был уверен, что ему хотелось бы поподробнее рассмотреть то, что минуту назад было перед ним.

И только как доказательство того, что он действительно кое-что видел, перед ним все еще оставалась лежать корзиночка. Ник потянулся, чтобы приподнять ее. Но под ее ручку он смог просунуть лишь два своих пальца, а сама она была чрезвычайно красиво сплетена из двух видов высохшей травы.

Ягоды, которые выпали из нее, он тщательно уложил назад. И набрал еще, в дополнение. При этом он все время смотрел в направлении высокой травы, пока ставил корзиночку на место — на самом виду, как он надеялся, у ее негодующего владельца.

— Я прошу прощения. — Он старался говорить почти шепотом, помня про медведя.

Затем, намеренно стараясь не смотреть назад, выясняя, вылез ли из укрытия сборщик урожая, Ник пошел дальше. Удивление его понемногу улеглось. Викарий рассказывал ему о легендах, которые оживают в этом мире. И ведь частенько возникали рассказы о «малорослых людях» — эльфах, гномах, карликах... но последние, как предполагалось, жили под землей и занимались раскопками драгоценностей, или нет?

Ник больше не сомневался, что видел очень маленького человечка или существо, внешне на него похожее, одетое в зеле-

но-коричневую пятнистую одежду, которая служила его хозяину камуфляжем. Однако этот человечек был не более странным, чем многое другое, увиденное здесь.

Карлики, эльфы... Ник хотел знать больше. Необходимо иметь хорошие знания старых волшебных преданий, прежде чем отправляться в странствия по этому миру. Был ли Хедлет прав в своих утверждениях, что местные «люди» каким-то образом были способны пересекаться в прошлом с жителями его мира, и возможно, что они кого-то даже изгоняли туда, где жил Ник, и таким образом появились те зерна, из которых потом и выросли все эти волшебные сказки? Некоторые из героев этих легенд были дружественными к людям, как припоминал Ник. Но бывали и другие — черные колдуны, великаны, людоеды, драконы...

Ягоды больше не казались такими сладкими. Он вышел из зарослей и, передвигаясь с трудом, направился вдоль ручья. Но теперь он внимательно разглядывал впереди себя землю и так же внимательно следил за кустами. Кто или что следили за ним? Ник никому не мог принести вреда, но понимают ли это окружавшие его? И, кроме того, здесь могли странствовать беженцы — такие же вот порочные и злобные компании их, как та, от которой он только что сбежал. Они были врагами «людей», он не сомневался в этом, а могли ли «люди», в свою очередь, определить разницу между хорошими беженцами и теми, кого следовало опасаться?

Он надеялся, что все «люди» защищены подобно Герольду. Его симпатии к карлику и подобным ему сохранились. Герольд... Куда же Авалон направлялся прошлой ночью? Хотя он и дал американцу совет, даровавший ему свободу, он, тем не менее, ушел. Имел ли теперь Ник знания, которые его новые друзья могли бы использовать для собственной защиты?

Ник медленно поворачивался, глядя по сторонам, пытаясь отыскать хоть что-то, что могло бы служить ему ориентиром. Ему очень хотелось вернуться в пещеру и рассказать о своих приключениях. Они должны поверить ему! На самом деле, сталкиваясь лицом к лицу со всяческим неправдоподобием, происходящим здесь, и слушая его рассказ, никак нельзя было посчитать все произошедшее с ним абсолютно невозможным.

Он решил, что ему следует свернуть налево. Да и лес в этом направлении казался менее густым. Если он пройдет прямо через него...

И Ник решительно двинулся вперед.

Здесь ему попало еще больше беспорядочно разбросанных ягодных кустов, и поэтому в пути он продолжал собирать ягоды. Но под высокими деревьями кустов уже не было, и он затропился, пытаясь избавиться от убеждения, будто за ним кто-то следит, поминутно ожидая встречи с каким-нибудь обитателем леса в сопровождении эскорта диковинных животных. Но если Ника и сопровождала какая-нибудь невидимая компания, то, скорее всего, они позволили ему продолжить свой путь. И тут он случайно наткнулся на тропинку, отмеченную многочисленными следами оленей, которая вела в нужном ему направлении. Так что, свернув на нее, он сократил свой путь.

Ник вышел на край открытого пространства где-то в разгаре полудня. Он нерешительно осмотрелся, пытаясь обнаружить на небосклоне признаки летающих тарелок. Кругом сновали птицы, их был там целый сверкающий обилием красок выводок, наполнявший воздух постоянными криками. Это были крупные птицы, и их затяжные полеты прочерчивали широкие круги над равниной.

Было похоже, что они кружились и кружились над каким-то объектом. Ник очень осторожно укрылся и продолжал наблюдать. Солнце светило ярко, но он ничего не мог разглядеть...

Или все-таки мог? Разве там не было ничего, поднимавшегося к небу, наподобие башен невиданного города? Но он был столь прозрачен, что фактически казался невидимым... Чем дольше Ник наблюдал за птицами, тем больше он убеждался, что это именно так.

Затем вся стая, образовывавшая круг, перестроилась в линию, спускаясь к земле, и птицы исчезали одна за одной, как будто сигнализировали о достижении некоторой точки, где, как полагал Ник, находилось нечто.

Он протер глаза. Оно становилось... оно становилось все более и более видимым. Башни... как в городе, только меньше размером и в меньшем количестве. На его глазах они становились непрозрачными, обретая материальную сущность. То, что он теперь видел, было увенчанной башнями, обнесенной стеной структурой, имевшей полное сходство со средневековым замком.

ГЛАВА 12

По внешнему виду замок был теперь абсолютно материальным, но значительно уступал городу в расцветке. Здесь не было радужных огней, освещавших стены, взбегавших вверх по башням и бросавших отблески в небо. Он весь был в серо-белых тонах, как будто воздвигнут из натурального камня.

Хотя птицы не возвратились, общее движение не прекратилось. Часть обращенной к нему стены скрывала в своей толще нечто, напоминавшее подъемный мост, как будто замок окружен рвом. По мосту двигался ярко разодетый отряд.

Впереди, как лидер, без сомнения, находился Герольд. Ник с первого взгляда смог узнать этот плащ. Следом за ним двигались четверо остальных, верхом на висящих в воздухе боевых конях, пара за парой. На них были плащи того же покроя, что и у их предводителя, но зеленого, под цвет леса, оттенка. И на груди у каждого, как удалось рассмотреть Нику с такого расстояния, была только одна эмблема.

Они двигались непринужденно, казалось, легкой иноходью, но покрывали расстояние с обманчиво большой скоростью, так что очень быстро оказались недалеко от Ника. Сейчас он не пытался скрывать свое присутствие, уверенный, что не подвергнется опасности. И ему хотелось узнать все, что можно, об этой компании и об их видимом невидимом замке.

Но Герольд и его спутники нисколько не интересовались Ником. Они продвигались, устремив взор вперед, не разговаривая друг с другом. Их лица были бесстрастны. Но когда они приблизились, Ник заметил, что у двоих из них волосы спускались до плеч и одним из пары этих всадников была Рита. Окружавшие Герольда всадники не походили полностью на него, и, возможно, когда-то они были человеческими существами, как и эта юная англичанка.

Когда они стали ближе, Ник смог различить знаки, вышитые золотом и серебром на их плащах. Каждый знак изображал ветку дерева. У первого из мужчин... это был, несомненно, дуб... листья и золотые желуди тщательно вырисованны. Рядом с ним была Рита, с веткой яблони. Следующая пара — с незнакомыми Нику цветками, выполненными белым серебром.

Их движение было бесшумным, поскольку лапы коней ступали беззвучно. И, может быть, они, устремив взоры вперед, пребывали в собственных снах.

Первой мыслью Ника было желание инициировать встречу. Но их замкнутость заставила его притихнуть и продолжать наблюдать.

Только перед самым лесом их кони начали подниматься в воздухе. Как будто это был сигнал для двух огромных белокрылых птиц, которые тотчас же спустились откуда-то сверху. Они дважды облетели всадников, а затем понеслись впереди них.

Ник наблюдал за процессией, пока они не скрылись из вида. Затем он повернулся, чтобы взглянуть на замок. И был наполовину уверен, что тот уже исчез. Но в наступающих сумерках замок стал виден еще отчетливее и казался еще более «осязаемым», чем прежде. Только ворота и подвесной мост исчезли.

Любопытство не давало ему покоя. Было ли оно достаточным, чтобы прикоснуться к этому сооружению? Ник присел на корточки, все его внимание было приковано к замку. Был он настоящим или нет? Теперь, учитывая весь полученный в этом мире опыт, он не мог ничего принимать без доказательств. Следует ли ему убедиться и на этот раз?

— Николас!

Резкий шепот вывел его из затянувшегося очарования. Рука его непроизвольно опустилась на рукоятку торчавшего за поясом кинжала, в то время как голова резко дернулась в сторону кустов, из которых прозвучал голос.

— Кто здесь? — Ник, готовый ко всему, выдернул клинок, хотя никогда в жизни не пользовался оружием против кого-либо.

Ветки осторожно раздвинулись, и он увидел лицо викария, просвечивавшее сквозь зелень. Ник с облегчением убрал оружие. Он выбрался из своего укрытия и через минуту встретился с Хедлетом и Крокером.

— Как вы нашли меня?

— А где ты был?

Вопросы смешались в разноголосицу, и голос Крокера звучал резче, с заметной яростью.

Но тут на плечо его, с успокаивающим пожатием, легла рука викария.

— Как удачно, мой мальчик. Вот ты и в безопасности!

— Ну, да, — ответил Ник. — Если только кто-то может считать себя безопасным в этом мире. — Вокруг них темнота надвигалась с неожиданной для него быстротой. Одного взгляда вверх

было достаточно, чтобы заметить собиравшиеся тучи. А в отдалении уже мелькали вспышки молний и слышались раскаты грома.

— Что случилось? — вновь потребовал разъяснений Крокер, не скрывая агрессивности своего тона.

— Меня поймали... какие-то беженцы... — Ник изложил свои приключения. С викарием он был бы более откровенным, но его отношения с пилотом были таковы, что не располагали к более доверительной беседе. Он не принял предложения Герольда, но был уверен, что наверняка являлся в его глазах уже не той личностью, какой был ранее. И если англичанин рассматривал перемены в личности как угрозу и как причину для отлучения кого-либо из их круга, то не было никакой нужды оправдываться перед Крокером, чтобы тут же избавиться от него.

Послышался второй, более тяжелый раскат грома, на этот раз ближе.

— Лучше бы нам поискать убежище, — сказал Хедлет. — Гроза совсем близко.

— Вон там? — Крокер указал на замок. Хотя его стены и не отражали света, в разных местах башен вспыхивали искры, как будто в окнах зажигались лампы.

Нику было интересно, видели ли они, как замок материализовался из воздуха. Несмотря на растущее любопытство, его не так тянуло к замку, как к городу.

— Мы можем, я полагаю, до начала дождя добраться до укрытия под деревом, которое нам известно. — Хедлет явно игнорировал вопросы Крокера. — При условии, что отправимся сейчас же.

Именно он, а не пилот прокладывал теперь дорогу через кусты, вдоль опушки леса, придерживаясь направления на запад. Но первые капли дождя с шумом забарабанили кругом, прежде чем они добрались до его дупла.

Одно из гигантских деревьев упало, и, видимо, уже давно, потому что его вывернутые корни заросли зеленой растительностью. Этот зеленеющий полог можно было отвести в стороны, и за ним обнаруживалось углубление, вполне способное вместить троих, хотя им и пришлось для этого прижаться плечами.

Конечно, какая-то часть влаги к ним просачивалась, но в основном они были укрыты. Они все еще сидели, пережидая непогоду, когда Крокер вновь пристал со своими вопросами.

— Итак, тебя схватили... но кто?

Никуну пришлось описать захватившую его банду. Раз или два викарий прерывал его, желая подробнее узнать о некоторых деталях, в частности про монаха. Но когда Ник описывал монастырь, которые взяли в осаду лагерь, он почувствовал, что Крокер переполошился.

— Змея с женской головой? Существо с головой филина? Ты принимаешь нас за...

— Ламия... и Андрас, — сказал викарий.

— Что и кто? — Голос Крокера звучал вызывающе.

— Ламия... ведьма-змея... хорошо известная в древней религиозной мифологии. Андрас...

На этот раз была очередь Ника прервать его.

— Именно так его называл монах... или, по крайней мере, это звучало очень похоже.

— Андрас, Великий Служитель Ада. В армии обреченных он командует тридцатью легионами. — Это было похоже на то, что как будто викарий читал официальный отчет.

— Но ведь вы не верите в... — вновь запротестовал Крокер.

— Я — нет, и ты тоже не веришь, Барри. Но если кто-то поверил в Ламию и Адраса, то что может быть лучше, чтобы они появились для их же устрашения?

Ник уловил смысл сказанного.

— Вы хотите сказать... что ночные кошмары, в которые кто-то верит, здесь становятся реальностью?

— Я пришел к такой мысли. И если это предположение верно, то должно существовать и противоположное... а значит, и силы добра, которые кто-то носит в себе, должны проявлять себя аналогично. Но для человека гораздо легче посчитать реальностью зло, чем заставить поверить себя в чистое добро. Вот проклятье, которое лежит на нас за наше неверие. Для тех несчастных бедолаг это зло — ад, но они создали его сами.

— Они сами были — олицетворение зла. — Ник использовал выражение, которое почти не употреблял в своем прежнем мире. — Вы не видели их. Эта женщина... она была... ну, ее можно было бы назвать дьяволом. А этот монах, он был просто фанатиком, мог жечь еретиков со священным удовлетворением. Остальные... В наше время они были бы просто бандитами.

— Святой отец, — должно быть, Крокер слушал только наполовину, будучи занят собственными мыслями, — если они ду-

мают, что могут увидеть монстров и демонов и видят их, то вы полагаете, что мы тоже можем придумать подобное?

— Вполне возможно. Но мы пришли из другого века. Наши демоны рождены уже не из тех древних суеверий... они, как можно выразиться, не имеют столь яркого облика. Наше зло безлико, хотя от этого оно не стало меньше. Мы больше открыто не осуждаем лично Сатану, его деяния и его апологетов. Скорее мы предпочитаем обличать грехи наций, войн, промышленности, мотивы фанатиков. Безликих дьяволов, если угодно. Эти «демоны» редко имеют имя и тело. Твой монах был уверен, что его демоны имеют лицо, имя, положение, так вот они и появились перед ним в этом образе.

Мы не сможем вызвать наших демонов, чтобы они могли досаждать нам здесь, потому что для них не хватает подобной идентификации. В нашем мире существует, и существовал всегда, величайший из демонов, но с веками его лицо и формы меняются, и поэтому мы больше не персонифицируем его.

— Речь идет о Гитлере? — попытался уточнить Крокер.

— Да, в нем наше поколение имеет своего рода демона. А ты как считаешь, Николас?

— Никакой человек и никакой процесс. Это следует из картины, которую вы изложили, сэр.

— Это все очень интересно, — резким тоном подытожил Крокер. — Но как тебе удалось сбежать от этой компании? Может быть, один из этих демонов отвязал тебя, а затем исчез в клубах дыма?

Ник почувствовал себя неловко. Это было очень близко к тому, о чем он не решался рассказать. Многие невероятности этого мира следовало теперь воспринимать должным образом, но смогут ли эти двое правильно воспринять то, что произошло с ним?

— Ну? — Голос Крокера стал пронзительнее. — И что случилось дальше?

Ему придется рассказать правду, что означало — включить в рассказ и Авалона. А он не собирался говорить о своем предыдущем столкновении с Герольдом. Это упущение делало его подозреваемым.

— Тебя что-то мучает, Николас. — Тон викария был в такой же степени успокаивающий, как тон Крокера был источником раздражения. — Случилось нечто такое, что тебе трудно объяснить.

Хедлет сказал это так, будто знал заранее, о чем идет речь. И Ник полагал, что викарий замечает различные попытки уклониться от правды. И тогда он решился.

— Это началось раньше... — И он торопливо рассказал о своей встрече с Авалоном, беспокоясь только о том, что если и дальше продолжит колебаться, то всей его смелости придет конец.

— Повтори те названия! — Возглас викария быстро вернул его рассказ к тому моменту, который самому ему казался весьма малозначимым. Но он подчинился.

— Он сказал: Авалон, Тара, Броклайн, Карнак.

— Величайшие святые места мира кельтов, — пояснил Хедлет. — Места, о которых можно услышать и в наши дни и которые считаются центрами парапсихологических сил. Хотя Авалон не совсем отождествляется с этой четверкой. Согласно легенде, он лежит значительно западнее. Герольды, носящие эти имена... да, это правильный знак...

— Что за знак? — заинтересовался Крокер.

— Это относится к древней геральдике. Гербы Британии брали свои имена от королевских герцогств... таких как Йорк, Ланкастер, Ричмонд. Составители гербов берут элементы из королевских эмблем. И, наконец, герольдмейстеры, которые заправляют всем, берут обозначения из названий провинций... Норрой, Ольстер, Кларенция и тому подобных. Если информация Николаса верна, то здесь должно существовать четыре герольда и каждый носит имя древнего места сосредоточения великой силы из нашего прежнего мира... возможно, бывавшие некогда мимоходом там. Тара находится в Ирландии, Карнак и Броклайн в Бретани — но все они из мифологии кельтов. Хотелось бы мне знать, кто здесь является герольдмейстером?

— Я не очень понимаю, какое это имеет отношение к нам! — запротестовал Крокер. — Все мы знаем, что такое Герольд и что он может сделать любому глупцу, готовому слушать его. Мне кажется, что ты достаточно наслушался его, Шоу. А что он предложил тебе — это достаточно, чтобы считать предложение интересным?

На этот раз Ник сдержался. Он ожидал, что Крокер будет высказывать подозрения.

— Он предложил мне, — сказал он, стараясь обдумывать каждое слово, — золотое яблоко и безопасность в этом мире.

И предсказал приближение огромной опасности; она периодически накатывалась и раньше, и как раз сейчас начинается ее очередная атака. Если верить его словам, то только те, кто принимает Авалон, будут иметь защиту.

— Золотое яблоко, — размышляя вслух, повторил викарий. — Да, вот еще один символ.

— Смертельное! Помните это, святой отец... смертельное!

— Да. — Но в тоне викария слышались странные нотки.

— Итак, ты встретил этого Авалона... а что случилось потом? Эти солдаты, они схватили и его? — Крокер возвратил Ника к рассказу.

— Они пытались его захватить или убить... монах пытался сделать это. — Он рассказал о бесполезном нападении с крестом и об исчезновении Герольда.

— Итак, тогда они и схватили тебя. Теперь попробуй объяснить, как тебе удалось бежать.

Ник перешел к рассказу о звуке, который мучил и в конце концов заставил сбежать всю банду, и о том, как он остался один. Он не стал пересказывать свои собственные страхи, а перешел прямо к возвращению Герольда, к эпизоду с лошадью и мулом. Затем, пытаясь подобрать слова, которые будут наиболее выразительными, он пересказал все остальное.

Они его больше не прерывали и выслушали рассказ о продолжении его странствий вплоть до того места, как он увидел материализовавшийся из воздуха замок и появление Герольда в сопровождении четырех приближенных.

И вот как раз в этом месте его рассказа викарий задал вопрос, и совсем не тот, что ожидал Ник, а касающийся рисунка вышивки на зеленых плащах тех, кто сопровождал Авалона.

— Дуб и яблоня и еще две вышивки из белых или серебристых цветков, — повторил Хедлет. — Дуб и яблоня... это очень древние символы, означавшие силу. Два других... интересно знать... Но я должен бы их увидеть. Терн? Бузина? Удивительно... такие старые, старые поверья...

— Мне кажется странным, — преднамеренно неторопливо проговорил Крокер, — что ты все еще здесь, Шоу. Ты ведь взял яблоко, не так ли?

Ник ожидал подобного обвинения. Но как он мог доказать его несостоятельность?

— Должен ли я предъявить признаки тех упомянутых вами изменений, сэр? — спросил он викария, не собираясь отвечать Крокеру.

— Изменения... какие изменения? — с отсутствующим видом переспросил Хедлет.

— Изменения, предположительно случающиеся с теми, кто принимает предложение Герольда. Я не принимал. Хотите, чтобы я поклялся в этом? Или у вас есть свои способы получения доказательств? Разумеется, у вас больше опыта в таких делах, чем у меня. Что случилось со мной... до моего побега, я объяснить не могу. Герольд говорил мне о свободе, а я лишь пытался использовать то, что, как мне казалось, он подразумевал. И это сработало, однако как или почему — я не могу объяснить вам. Но — я... не... брал... яблока... — Он старательно выделил слова в последней фразе и еще раз повторил со всей возможной выразительностью. Возможно, Крокер и не должен был воспринять этого, но он надеялся на Хедлета.

— Изменения, — вновь повторил викарий. — А, да, ты ссылаешься на нашу прошлую беседу.

Для Ника его голос звучал раздражающе-отстраненно, как будто это была не та проблема, что беспокоила его. Но Ник был убежден, что должен привлечь Хедлета на свою сторону, пока они не присоединились к остальным. Подозрения Крокера, он не сомневался, будут как эхо повторены всеми. Джин будет поддерживать пилота в любых утверждениях, какие бы тот ни делал. И Ник не был уверен, что Строуд тепло примет его, как только Крокер получит возможность заговорить. Но то, что викарий имел определенный вес перед остальными, он был абсолютно убежден. Заполучить Хедлета на свою сторону — и у него будет поддержка, на которую можно положиться.

Что еще мог сделать Ник, он не представлял. Он был уверен, что Герольд говорил правду, когда предупреждал о надвигающейся опасности. Его собственный опыт: наблюдения за беженцами и их монстрами, настоящими или всего лишь иллюзорными, так же как и угроза со стороны летающих тарелок, все говорило о необходимости более тщательного изучения Авалона и его возможностей. Безопасность — вот что должны они искать, так казалось теперь Нику. Он вообще не верил в их план отправиться на плоту по реке. У них не было даже оружия, что-

бы противостоять такой средневековой компании, как та, что захватила Ника. Рогатки против мечей!

— Я верю тебе, Николас.

Он едва не вздрогнул. Пауза, затянувшаяся до ответа Хедлета, была столь долгой, что Ник приготовился к самому худшему.

— Я также надеюсь, что во время своих встреч ты узнал много такого, что сослужит в будущем для всех нас хорошую службу, — продолжил викарий. — Думаю, самым лучшим для нас было бы оставаться здесь до утра, но чем скорее мы вернемся в пещеру и обсудим твои открытия, тем будет лучше.

Крокер проворчал что-то таким тихим шепотом, что расслышать было нельзя, хотя они сидели очень тесно. Но Ник был уверен, что пилот не согласился с викарием. И тем не менее Ник был рад. Если он мог положиться на поддержку викария, то у него есть гарантии, что он будет услышан.

Снаружи бушевала гроза, потрясая вооружением из молний, раскатов грома и занавесом из дождя. Они чувствовали на себе влагу, но основная масса дождевых потоков не добиралась до них.

Ник удивлялся Герольду и его спутникам: как они путешествовали в небе во время разбушевавшейся стихии? А охотники в тарелках? Как на них действовала гроза? В пещере должно быть сухо, но, определенно, лучшее убежище — это город. Это город...

Его старый неоформленный план использования Герольда с целью проникновения в город и изучения его секретов без капитуляции перед условиями Авалона — мог ли он осуществиться? Ник был далек от уверенности, но очень хотел попытаться.

А эти условия, что выставлял Авалон... Герольд спас его в лесу, не оказав прямой поддержки, но стимулировал его силы, чтобы он освободился сам. Ник вновь вспомнил о процессе достижения высшей концентрации сознания, и его рука в очередной раз потянулась к рукоятке кинжала, который он подтянул на помощь себе столь необычным образом. Если за счет такой концентрации можно было сделать это... то что же можно сделать еще?

Хедлет говорил, что люди, захватившие Ника, сами создали своих монстров, потому что постоянно ожидали увидеть их. Следовательно, наши мысли могли обретать реальность помимо собственного сознания. Те люди ожидали увидеть ад и его оби-

тателей и получили в итоге то, что должны терпеть и чего должны бояться. Вера человечества в дьявола куда сильнее веры в добро, как сказал викарий?

А если кто-то сконцентрируется на вере в осуществление здесь рая, может ли это оказаться реальностью? И будет ли она устойчивой? Ник припомнил ту уничтожающую слабость, которая овладела им после борьбы за освобождение. Разум может порой требовать слишком много от тела. Чтобы реализовать и поддерживать какую-либо иллюзию, можно прийти до полного истощения.

Монстры, как теперь предполагал Ник, должны были привести полностью в бессознательное состояние всех тех людей. Возможно, если продолжать ожидание конкретного виденья, то ему может быть сообщена определенная реальность, что в конечном счете может закончиться частичной материализацией образа. Но может ли он стать полностью реальным? Это была как пугающая, так и неприятная мысль. То, что он видел в ту ужасную ночь, не должно обрести реальную жизнь!

Реальность, нереальность, добро, зло... Карлик, на которого он натолкнулся у ягодного куста, встающий из воздуха замок, сам Авалон — что это: реальность, нереальность? Кто может знать это?

Ник очень хотел задать некоторые из этих вопросов викарию. Но не в присутствии Крокера — иначе он снабдил бы того новыми доказательствами, что являет собой опасно неустойчивую личность, которую, независимо от принятия или непринятия предложения Авалона, лучше всего изгнать из их компании.

Основная ярость грозы выдохлась, хотя дождь продолжался. Ник и его спутники, несмотря на тесноту, задремали, проведя таким образом ночь, а появившийся бледный дневной свет заставил их отправиться в путь. Крокер принял лидерство и без лишних слов повел их обходным путем, держась подальше от объятий леса.

Нику было страшно интересно знать, виден ли еще замок, но у него не было подходящего предлога, чтобы задержаться и взглянуть на него. Он должен оставаться благоразумно осторожным в делах, которые так или иначе были связаны с «людьми», пока не убедится, что больше его ни в чем не подозревают. Если бы у Хедлета было время подумать, он мог бы рассмотреть и проблему проникновения в город...

Ник не был готов включать женщин в какой-либо совет, хотя знал, что все три англичанки будут иметь право на голос при решении любых вопросов. Для Ника влияние на отца Марго было жестоким ударом. Она возводила барьер за барьером, и столь талантливо, что прошли месяцы, прежде чем Ник понял, что собственно случилось. А когда понял, то было слишком поздно что-либо делать. Отец отдалился. Теперь это был незнакомец, вполне по-дружески настроенный к нему, но все-таки незнакомец, который говорил его голосом, обладал его внешностью... Все выглядело так, будто Марго произвела иллюзию, служившую ее целям. Этот незнакомец время от времени делал что-то хорошее. Теперь, когда можно было бросить взгляд назад, Ник мог понять, что это были всего лишь пробы. Но они ничего не значили для него, поскольку их делала созданная Марго иллюзия.

И, потеряв таким образом отца, Ник освободился от всех связанных с ним эмоций. Когда же он встречался с девушками, то ни одна из них ничего не значила для него. Потому что он всегда помнил о Марго, о ее маневрах, о ее таланте в обращении с отцом, что и создавало для него своеобразный щит. Линда была частью того мира, в котором существовала Марго. Она тоже вполне могла окрутить кого угодно, превратив при этом в полезную ей вещь, вместо того чтобы принять человека таким, какой он есть.

Итак, сейчас Ник хотел обсуждать любые решения не с женщинами, а с мужчинами, которым он доверял и которых мог понять. И, возможно, он скорее будет воспринят Джереми и Лангом — по крайней мере, такие странные мысли посещали его. Были ли на самом деле эти животные более открытыми и менее хитрыми, чем люди?

Они добрались до пещеры, когда тучи вновь стали плотными и угрожали очередным ливнем. Леди Диана находилась на наблюдательном посту.

— Я вижу, вы отыскиали его. Мне кажется, ты не очень-то и пострадал, молодой человек. — В голосе ее не было ни малейшего радушия.

— А вы ожидали, что я должен был пострадать? — Ник не смог удержаться от пререканий. Он отдавал должное ее способностям и умению, но, по совести говоря, не любил ее.

— Скорее всего, да. Эдриан, ты весь промок. Тебе нужно выпить что-нибудь горячее, и сними эту промокшую обувь. Как удачно, что Мод только что закончила работу над новой парой. Линда, — она обратилась куда-то в глубь пещеры, — иди сюда, девочка. Они вернулись и привели твоего парня.

Ник оцепенел. Уж он-то никогда не был парнем Линды! Что она наговорила здесь остальным? Но, появившись на наблюдательном пункте леди Дианы, которая, положив руки на плечи викария, поторапливала его войти в убежище, Линда даже не взглянула прямо в сторону Ника и не пыталась заговорить с ним.

Он позволил Крокеру пройти мимо него, намереваясь возразить ей по поводу ее возможных высказываний во время его отсутствия. Возможно, что сейчас не время для этого, а возможно, и не место, что Ник понимал, к собственному неудовольствию, но горел желанием сделать это.

— Ты не ранен? — Ее голос был так холоден, будто она принимала его за постороннего, которому задавала вопросы из простой вежливости.

— Нет. — Его запястья все еще горели, но назвать это болью было уже нельзя.

— Тебе повезло, — заключила она все еще отстраненным тоном.

— Я тоже так думаю. — Он, может быть, и не был ранен, но зато принес с собой проблемы, которые могли вызвать куда больше неприятностей, чем просто физические раны.

— Ты знаешь, что они думают. — Легкий наклон ее головы легко пояснял, кто такие «они». — Они уверены, что ты мог вступить в сделку с этим Герольдом. Ты исчез, не сказав никому ни слова... сразу после того, как был предупрежден. И оказалось, что ты знаешь такие вещи...

— Какие вещи?

— То, что ты говорил мне по поводу Джереми и Ланга.

— Ты сказала им об этом? — Он был прав в своем намерении не доверять ей.

— Естественно. Когда они стали интересоваться, что могло произойти с тобой. Верь или не верь, но они переживали. Они добрые люди.

— Ты пытаешься предупредить меня? — спросил он.

— Оставь их в покое! Если ты задумал что-то, то занимайся этим сам. Но не втягивай их.

— Спасибо за совет и за доверие! — Ник едва не взорвался и чуть не бросился ко входу в пещеру. Но почему он должен был ожидать иной реакции? Это типичный трюк, какие проделывала Марго и с какими он неоднократно встречал в прошлом. К нему всегда будут неправильно относиться, пока не выслушают до конца.

ГЛАВА 13

Но свой перекрестный допрос они устроили не сразу. Сейчас центром внимания был Хедлет, интерес к нему покрывал все остальное, хотя Джин и принесла Нику тарелку горячего супа, который он с жадностью съел. Она, разумеется, больше всего суетилась вокруг Крокера, хотя Ник был уверен, старалась не привлекать к этому большого внимания.

Ник благополучно возвратился благодаря чему-то, о чем так и не имел четкого представления. Хотя остальные и были совсем рядом, он чувствовал себя отстраненным.

Но он не заключал никакой сделки. Кроме того... кроме того, что, следуя намекам Герольда, пересек границу между прошлой и настоящей жизнью. Ник поставил пустую тарелку и долго изучал свои покоящиеся на коленях руки.

Они были исцарапаны, покрыты грязью, перепачканы ягодным соком. Все остальное в нем вроде бы было цело. Но он по-прежнему был человеческим существом, а не творением «людей».

И он все еще был голоден. Однако, зная состояние их запасов, Ник не просил добавки. Когда он наклонился, чтобы вновь взять тарелку, то увидел Джереми. Кот появился неизвестно откуда в своей кошачьей манере и уселся, наблюдая за Ником с настойчивостью, которая временами тревожила людей.

Ник уставился на него. Вероятно, была какая-то причина, что кот выбрал именно его, подумалось Нику. Что Джереми хотел от него? Если кот мог общаться, то сейчас он не пытался этого делать. Ник не любил этот холодный взгляд, но не хотел беспокоить кота.

— Так сколько же Джереми, — шепотом спросил он, — ты на самом деле знаешь?

У самого колена Ника, рядом с его рукой возникло какое-то мерцание воздуха, как будто воздух обрел некую твердость в виде небольшого вихря энергии. Оно утолщалось, задержалось на некоторое время, затем исчезло. Но это существовало, и Ник понял, что в этот момент он видел мышь.

Джереми! Кот каким-то образом использовал для материализации дичи ту же самую энергию, которой воспользовался Ник, освобождая себя. Он был изумлен. Это животное могло...

В ответ на его изумление последовал холодный взрыв едва ли не ярости. Уши кота прилипли к голове, глаза превратились в щелки.

— Животное? Это кто здесь животное?

Эти слова как таковые не сформировались в голове у Ника, но будто какой-то импульс извлек их на поверхность его сознания. Разумеется... кто был животным? В этих местах испарялись все старые убеждения, и разве мог кто-то делать заявления, которые нельзя было бы тут же опровергнуть?

Еще одна мысль пришла к нему. Мог ли... мог ли Джереми принять предложение Герольда? Мог ли Джереми быть сейчас частью Авалона, хотя и оставался рядом с миссис Клэпп и остальными?

Еще раз появилось завихрение в воздухе, которое собственно воздухом и не являлось... за ним последовало мгновенное появление и исчезновение предмета, который Ник едва смог различить... яблоко! Значит, Джереми был... Кто? Шпион?

Ник сразу отбросил это. Страж? Против кого? Для кого? Для них?

Джереми зевнул, встал и, помахав кончиком хвоста, гордо удалился по своим делам.

— Ну, так. — Миссис Клэпп отошла от своего места, где усаживала Хедлета возле огня. Его ноги обсохли, и на них были новые мокасины. Она остановилась около Ника, держа в руках глиняную чашку без ручки. Из нее шел ароматный пар. — Вот это ты должен выпить! Это согревает от простуды. Нам не нужно воспаление легких.

Она стояла около него, фактически между ним и остальными, собравшимися возле викария, все это время, пока он пил. И он заметил, что ее взгляд был таким же изучающим, как и у Джереми. Может быть, она знала, кем теперь стал ее кот?

— Ты очень везучий парень. Это действительно так. И ты сам, и Барри, который отправился искать тебя.

Ее голос звучал более резко, чем раньше, насколько помнил Ник. Он понимал по ее глазам, что его последнее приключение было позором, и главным образом потому, что причинило беспокойство викарию.

— Я знаю, — Ник пытался быть кротким.

— Знать только после — это не то же, что знать заблаговременно. Я беру на себя смелость сказать это... мы уже долгое время остаемся вместе, и мы справлялись со всем. Потому что мы думаем, как наши действия отразятся на остальных, а не только на ком-то одном. Здесь один неверный шаг может привести к большим неприятностям. — Чем дольше она говорила, тем мягче становился ее голос. — Теперь я закончила. Ты услышишь это и от других, без всякого сомнения, но они имеют право на это... они знают все, что нас здесь окружает. Ты... Да чем ты там занимался, чтобы заработать вот это?

Она ухватила его руку и потянула вперед, на полный свет, чтобы рассмотреть ободренные запястья.

— О, это случилось, когда меня связали. — Ник попытался высвободить руку, но она продолжала держать ее, проявляя удивительную силу.

— Так ободрать... и еще ты мог занести сюда скверную инфекцию. И другая в таком же плохом состоянии. Оставайся здесь, пока я не принесу свой целебный порошок.

Ник понимал, что протестовать бесполезно. Он ждал, а она быстро вернулась с двумя большими листьями, на которых была какая-то жирная мазь.

— Хорошо бы иметь бинт, но у нас его нет. Эти листья достаточно хорошо выполняют его роль. А теперь поднимай свою руку, вот так...

Она работала быстро и ловко, и вскоре Ник обнаружил на своих пострадавших запястьях два зеленых манжета. Пока она заканчивала работу, он вспомнил про свою аптечку в багажной мотоциклетной сумке. Но теперь все было закончено, и то, что она привязала к его рукам, сняло боль, так что он был вполне доволен ее заботой.

— Ну, вот. — Миссис Клэпп завязала стебли упругой травы достаточно туго, чтобы повязки не съезжали. — Ты будешь держать их день и ночь. А затем я еще взгляну на твои руки. Все

должно быть хорошо. Эти травы содержат в себе много полезного.

Она не ушла, а по-прежнему стояла около него, держа в руках свои принадлежности. На ее лице теперь не было той строгости, что вначале, скорее забота и участие, из-за чего Ник чувствовал себя более неуютно, чем от ее сурового обращения.

— Ты пережил тяжелые испытания...

Он попытался улыбнуться.

— Вы могли бы сказать, что я заслужил это.

— Никто не заслуживает плохого, если сам не делает этого. В моем представлении, ты не из тех, кто способен на такое. Но ты еще молод и не хочешь верить словам, пока сам не убедишься на деле...

— И, — перебил ее Ник, — в этих попытках я могу попасть в еще большие неприятности, чем сейчас?

— Мои слова означают именно это. — Миссис Клэпп кивнула. — Но я думаю, что ты далеко не глуп. И тебе не понадобится второй урок, если ты получил первый...

— Надеюсь, миссис Клэпп, оправдать ваше доверие.

— Мод! — Леди Диана позвала ее, и его сиделка заспешила назад, к собравшимся возле викария.

Ник снова присел, держа перед собой перевязанные листьями запястья. Собравшимся у огня казалось, что они здесь в безопасности; возможно, так и было. Но сокращающиеся припасы вынудят их выйти отсюда. И у него по-прежнему не было доверия к плану с рекой. Он не видел Струуда с момента их возвращения, и ему было интересно, не отправился ли тот на место, где спрятан их плот.

Струуд не возвращался до самого вечера. И вернулся с новостями, которые отменили их слабую надежду на использование реки. Окрестности были переполнены бандами беженцев, а небо усеяно летающими тарелками, охотящимися за ними на открытых пространствах. Струуд был свидетелем поимки двух групп, одна из которых представляла собой отряд мужчин в британской форме времен Первой мировой войны.

— Я не смог разглядеть их знаки различия, — сообщил он, пережевывая печенье из орехов, которое приготовила для него миссис Клэпп. — Но припоминаю, что у моего отца была такая же форма и снаряжение. Я тогда был еще маленький мальчик, когда он в последний раз сел на уходящий корабль. В Тур-

цию. Он отправился воевать в Турцию. Мы больше никогда ничего не слышали о нем, хотя мать и пыталась что-то выяснить. Ей всякий раз говорили, что, когда война окончится, Турция отпустит всех пленных. Только когда война окончилась и всех отпустили, о моем отце так и не было никаких вестей. Многих бедных парней так тогда и не нашли.

Но я хорошо помню, как выглядел мой отец... и те парни, которых поймали летающие охотники, у них было такое же снаряжение, клянусь вам! Окажись я к ним ближе, у нас был бы шанс оказаться там вместе. — Он покачал головой.

— Эти миграции и охота стали принимать необычно большие масштабы, — заключил викарий. — Может быть, те, кто охотится, задались целью очистить всю территорию?

— Ну, — Строуд наконец покончил с едой. — Разумеется, это так. Но я вполне допускаю, что это и не вся правда, викарий. Здесь и раньше бывали охоты, но не такие. Мне кажется, что есть нечто другое, что заставляет этих людей срываться с мест. Нечто, находящееся на севере. Они все движутся оттуда, стабильно и направленно — как будто что-то наступает им на хвосты.

— В любом случае лучшее для нас — это оставаться в укрытии, если мы хотим быть свободными. Воздушные охотники имеют большие преимущества перед всеми беженцами. Выйти на реку на виду у всех — все равно что самим попроситься в сети.

— Николас. — Викарий позвал американца. — Что сказал Авалон, когда предупреждал тебя? Вспомни поточнее его слова, если сможешь.

Ник на минуту прикрыл глаза, мобилизуя память, чтобы отыскать необходимые Хедлету слова. Он мог видеть Авалона как живого. А сейчас он будто бы мог слышать бесстрастный голос Герольда, так что ему оставалось лишь повторить слово в слово что тот говорил.

— Авалон не враг человека. Это место для мира и безопасности. Но если кто-то остался без него, тогда приходит тьма и зло. Такое случалось и раньше, когда зло обрушивалось на землю. Там, где ему встречались Авалон, Тара, Броклайн, Карнак, там оно лишь плещется о стены, которых не в силах преодолеть. Но для тех, кто остается без тех стен, есть только неисчислимая опасность. Это зло периодически прибывает и убывает. Сейчас время начала прилива.

— Авалон? — переспросил Строуд.

— Герольд. — Крокер коротко пояснил ему, и вновь наступила тишина. Ник знал, что все теперь смотрят на него, но он старался смотреть только в глаза Хедлета.

Если другие лишь обвиняли его и он был уверен, что так оно и было, то в выражении лица викария он этого не находил.

Строуд поднялся на ноги и двинулся вперед, пока его обветренное лицо не оказалось почти вплотную с лицом Ника.

— Ты перекинулся парой слов с Герольдом, да? — Для Строуда этот факт был событием чрезвычайной важности.

— Да, — коротко ответил Ник, не прибавив никаких пояснений.

— Ты, должно быть, очень подружился с ним, раз он дает тебе предупреждения? — продолжил Строуд. Все недоверие Крокера было еще отчетливее выражено на этом коричнево-красном лице. Огромные усы торчали во все стороны, источая неприятие.

— Если ты имеешь в виду, принял ли я его предложение, — ответил ему Ник, — то нет, я не принял. Тем не менее он спас мне жизнь.

— Ты об этом ничего не рассказывал, — вмешался Крокер. — Ты освободился сам... в известном смысле это потребовало каких-то действий.

— Он указал мне способ. — Ник взял себя в руки, но раздражительность Крокера могла разжечь в нем пожар, угрожавший смести все его внутренние усилия. — Если бы он не сделал этого...

— Это весьма любопытная сказка, — вновь ухватился Крокер. — Пусть они послушают ее... все... прямо сейчас. И посмотрим, что они думают на этот счет!

Хедлет кивнул.

— Расскажи им, Николас, с самого начала.

В присутствии викария и Крокера Ник не мог изменить свой рассказ, если бы даже и хотел. Пусть они выслушают, как все случилось, а затем или поверят, или отвергнут его.

Он еще раз пересказал свои приключения во всех деталях, начиная с первой встречи с Авалоном и кончая моментом, когда викарий и Крокер обнаружили его. Рассказ его больше не прерывали, а внимательно слушали. Когда же он закончил, то ожидал услышать голоса недоверия, подозрения и полного неприятия.

— Ты... ты просто думал... и получил в руки вот этот нож? — Строуд открыл расследование. Ник вытащил из-за пояса кинжал, о котором шла речь.

— Я получил вот этот.

Строуд выхватил кинжал из его рук, тщательно изучил его, а затем бросил на каменный пол, где он со звоном упал на некотором расстоянии от присутствующих.

— Вот твой чудесный нож, — сказал он. — А теперь давай посмотрим, как ты получишь его обратно с помощью одной лишь мысли!

Достаточно честное испытание, Ник отдавал ему должное. Он повернулся лицом к клинку. Сейчас он пытался освободить голову от всего, кроме необходимости заполучить этот нож. Он должен заполучить его... Как это он делал раньше? Кисть... кисть подхватывает его... затем предплечье... Ник сконцентрировал все свое внимание на необходимости обрести «руку». Но, хотя его мозг разрывался от боли под ударами его желания, в воздухе ничего не формировалось. Не было «туманной» субстанции, протянувшей вперед пальцы, хватающие рукоятку ножа. Он изо всех сил пытался воссоздать эту руку, но ничего не выходило. Что-то присутствовало здесь, чего не было на открытом пространстве, некий барьер, о который безрезультатно билось его желание.

— Я не могу сделать это. — Как долго длились его попытки, он не знал. Но что-то здесь заворачивало назад все его усилия. — На этот раз я ничего не могу сделать.

— Потому что, — с триумфом в голосе объявил Крокер, — этого никогда не было! Эта история — круглая ложь, с самого начала, я знал это!

Тут в плечо Ника вцепилась рука, и с такой силой, что развернула его кругом, прежде чем он успел оказать сопротивление. Затем к его лицу приблизилось лицо Строуда.

— Ты продался Герольду! Затем пришел сюда, чтобы заполучить нас. Ты пришел не открыто, как Рита... ты прополз как червь!

Ник попытался увернуться от удара. Его попытка отчасти удалась, так что Строуду не удалось сбить его с ног, а он всего лишь, пошатнувшись, привалился к стене. Сейчас он испытывал головокружение от удара и только наполовину осознавал, что между ними встал Хедлет.

— Сэм! — Голос викария прозвучал как команда, на которую Строуд ответил рычанием. Но он уже не пытался ударить свою жертву второй раз.

— Он продался и пришел сюда, чтобы захватить нас, — неразборчиво проговорил Строуд. — Вы знаете это, викарий.

— Ты слишком пристрастен, Сэм. Все вы. — Хедлет говорил не только для Строуда, но и для остальных, которые пришли в движение, как будто были готовы присоединиться к нему, какую бы месть тот ни собирался произвести, их лица... уродливы и безобразны. И страх поселился в душе Ника. Он слышал об истерии, которая охватывает толпу. Был ли сейчас тот же самый ужас?

— Слушайте меня очень внимательно, все вы, — продолжил Хедлет. — Это чрезвычайно важно... не только для Николаса, но и для вас, потому что вы полагаете, будто можете олицетворять суд, и, кроме того, мои слова могут определить и наше будущее.

В ответ ему прозвучал звук, не то чтобы объединивший слова протеста, но в определенной степени выражающий его. А после этого викарий слегка развернулся в сторону Ника.

— Когда ты заполучил нож, ты был один?

— Насколько... насколько я знаю, да. — Ник пытался придать твердость голосу.

— Стало быть, там не было противодействующей силы недоверия, — прокомментировал его ответ Хедлет. — Но когда ты пытался сделать это сейчас... что ты обнаружил?

— Казалось, что существует некий барьер.

— Совершенно верно. Барьер, поднятый недоверием. Я думаю, вы понимаете? — сказал он, обращаясь не только к Нику, но и к остальным.

Ник видел, как леди Диана явно с неохотой, он был уверен в этом, кивнула головой. И губы миссис Клэпп оформились в утвердительное «да». Остальные стояли, изображая отсутствующий взгляд. Но тут справа от Ника кто-то заговорил.

Вперед вышла Линда, в окружении Джереми и Ланга, болтавшего шелковистыми ушами.

— Ник. — Она не дождалась, когда Хедлет наконец-то получит ответ. — Ник, держи мою руку!

Это была не просьба, а скорее приказ, и без раздумий он подчинился. Она оттащила его от стены, и остальные посторонились, уступая им дорогу. Она лишь сказала:

— Попробуй еще раз... сейчас!

Ник хотел воспротивиться, но это показалось ему слишком ничтожным. Каким-то образом в него вливалась новая уверенность. Нож... сдвинуть нож...

И еще раз сконцентрировать внимание... видеть только этот серебристый осколок стали... ладонь... пальцы, сжимающие рукоятку... поднимающие ее...

Но барьер все еще существовал, и в то же время новая сила вливалась в него. Она переходила из крепко сжатых рук... от Линды... и от двух мохнатых существ, обосновавшихся у ее ног. Ник испытал мгновение удивления, но затем постарался избавиться от него. Все, о чем он должен думать, это нож.

И вновь он увидел это утолщение в воздухе. Из него возникла призрачная ладонь, из которой один за другим вырастали пальцы, но теперь они казались не туманной дымкой, а вполне крепкими. Затем мысли его перешли к предплечью. Оно тоже появилось, дюйм за дюймом, образуя цепочку, протянувшуюся от него к пальцам.

— Ну! — последовал мысленный приказ.

Предплечье укорачивалось, подтягиваясь к нему, и вместе с ним приближалась кисть и пальцы, теперь сжимавшие рукоятку ножа. Рука доползла до его ног и исчезла. Нож зазвенел о камни.

Рука Линды выпала из его руки. Но именно Линда тут же обрушилась словами на остальных.

— Вы видели это! — с вызовом выкрикнула она. — А я все время была у вас на глазах и никогда не имела никаких дел с Герольдом! Но я одолжила Нику часть своей энергии, чтобы противостоять вашему недоверию, и таким образом наши силы, сложившись вместе, сделали свое дело! — Она наклонилась, чтобы подхватить Ланга, и на минуту приложила руку между ушей Джереми.

— И теперь вы будете считать нас обоих лжецами? — добавила она.

— Джереми! — Миссис Клэпп вышла вперед. Кот повернул голову на ее голос. Она подняла его, как будто боялась, что он мог как-то пострадать, и его морда тут же уткнулась ей в щеку холодным носом. Затем он распрямил передние лапы, высвобождаясь из ее объятий. Но остался рядом с ней, отираясь о ее подол.

— Вы двое... — начал Хедлет, но Линда мгновенно поправила его:

— Нас четверо! И я уверена, что и все вы сможете сделать это — просто вы еще не пытались. Ник попытался сделать это, чтобы спасти свою жизнь, и теперь вы готовы покарать его за это!

— Да, он сделал это, бесспорно. — Строуд поднял нож, взвел его на ладони, как будто убеждая себя, что именно такой, каким и должен быть. — Я видел это.

— Да, он это сделал, — согласился викарий. — Но, моя дорогая, — заговорил он, обращаясь к Линде, — вы бы могли быть и правы. Но сами мы не провели такого эксперимента, так что — как нам было знать? А вы определенно уверены насчет животных?

Ник восстановил часть сил, затраченных на концентрацию мысли. Он не был так истощен, как в предыдущий раз, возможно, потому что получил дополнительную поддержку.

— Животные... они знают... — Он был в тупике... Что он мог сказать наверняка по поводу Джереми и Ланга? Его общение происходило только с котом. Поверят ли они тому, что Джереми способен материализовать мышь? Что касается способностей Ланга, у него были лишь заверения Линды.

— Они знают, — вновь начал он, — многое... сколько — я даже не могу сказать. Вот Джереми может материализовать предметы. — Ник поборол недоверие и рассказал про мышь. Но он ничего не сказал про яблоко, не желая вызвать против кота приступы ярости, с которой только что столкнулся сам.

— Джереми сделал это? — Миссис Клэпп уставилась вниз. — Но как... как он мог, сэр? — спросила она викария. — Он... он ведь кот. Он у меня с момента рождения. Он последний котенок от Флосси. Ей было тяжело, и она умерла. Но ему я не дала погибнуть... бедному малышу! Я кормила его из маленькой бутылочки, и яйцами, и молоком и... и... Джереми замечательный кот! — Она эмоционально закончила свою речь, как будто думать иначе равносильно потере всякой безопасности.

— Разумеется, он делает это, Мод. — Леди Диана положила руки на плечи старой женщины. — Но, может быть, сам этот мир каким-то образом изменяет животных. Смотри, теперь он вспомнил и о тебе.

Огромный кот уселся на задние лапы, протягивая передние вверх, до колен миссис Клэпп, цепляясь когтями за ее юбку, чтобы сохранить равновесие. Он открыл рот, издавая какой-то мягкий звук, но отнюдь не мяуканье.

— Джереми! — Она присела на корточки, чтобы взять его на руки. На этот раз он не отталкивался от нее, борясь за свободу, а, уткнувшись головой в ее подбородок, замурлыкал.

— Меня не смущает, что он делает странные вещи, — заявила она минутой позже. — Он никому не причинит зла. Он делает только добро... подает нам знак, что этот мальчик говорит правду. Джереми хороший кот.

Хедлет и леди Диана подняли ее на ноги, все еще не выпустившую Джереми из рук.

— Разумеется, так и есть, Мод. И, как все коты, — продолжил викарий, — он, без сомнения, ощущает все более чувствительным образом, чем большинство людей. Тебе не надо беспокоиться о Джереми.

Строуд вновь вернул общее внимание к Нику.

— Взгляни сюда, приятель. — Он протянул вперед руку, сжатый кулак которой совсем недавно оставил синяк на лице Ника. — Если хочешь ударить меня разок за то, что я сделал, ты вправе сделать это. Я всегда стреляю прежде, чем прицеливаюсь. И сам в этом признаюсь.

Ник пожал его руку.

— Все в порядке, я на тебя не в обиде, — выдал он заготовленный ответ. — Думаю, что никто не поверил бы мне, я и сам едва в это поверил. И мне не хочется в ответ портить твою челюсть. — Он слегка рассмеялся от облегчения, возможно, чуть громче, чем следовало. — Все, что я хочу от тебя, так это чтобы ты внимательно выслушал то, о чем я раздумывал все это время...

Был ли сейчас подходящий момент для откровений, он не знал. Но сейчас они склоняли его к этой мысли хотя бы потому, что так быстро составили о нем неверное мнение. Ведь подозрение может возникнуть вновь, и ему лучше сделать свое заявление сейчас, пока они все еще чувствуют свою маленькую вину.

— И что это? — Голос Крокера был нейтрален. Он, как понимал Ник, никакой вины не ощущал.

— Только то... что вы слышали, когда я повторял слова Герольда. Строуд сообщил о том, что он видел. Вы все знаете, что беженцы пришли в движение, и, похоже, все напасти грозят нам с севера. Есть только одно по-настоящему безопасное место, которое известно нам, — это город.

Ник ожидал, что их ярость поднимется вновь. То, что он предлагал, было противоположно их пониманию жизни.

— Ты имеешь в виду... сделку с Герольдом? — с гневом спросил его Крокер. — Я не согласен! Вы видите, что он делает? — пилот требовал внимания остальных. — Просто потому, что он протаскивал вдоль пола этот нож, нельзя считать, что он не продался! И я говорю, он продался... Пусть докажет обратное!

Они вновь отвлеклись от главного. Ник ошибся в выборе момента. Как там Строуд, уже подготовил свои кулаки? Да у него на этот раз в руке еще был и нож...

— Как я могу доказать это? — возразил Ник.

Строуд смотрел на викария, а не на Ника.

— Лучшее для него, сэр, сделать это, раз он сам так хочет. Это прекратит все неприятности...

— Да. — Голос викария казался утомленным. — Если ты пройдешь с нами, Николас...

Он не знал, что они хотели от него, но, как предложил Строуд, он хотел, чтобы все поскорее завершилось. Или они примут его сейчас, или он должен будет покинуть их. И мысль об изгнании не очень-то нравилась ему.

Строуд и Крокер зашагали сзади, как только викарий направился в меньшую пещеру, которая использовалась ими как кладовая, хотя их запасы были теперь катастрофически малы. Внутри заговорил Крокер:

— Ладно. Ты сказал, что предоставишь доказательства. Раздевайся!

— Что? — Ник был сбит с толку.

— Есть определенные физические изменения. Я надеюсь, что говорил тебе о них, Николас, — пояснил викарий. — Они появляются очень быстро после того, как сделка заключена. Прошло больше двух дней, как ты, по твоему признанию, виделся с Герольдом. Если ты принял его предложение, то ты засвидетельствуешь это.

— Я понимаю. — Ник начал снимать рубашку. Если они хотят доказательства, то получают их сейчас.

ГЛАВА 14

Дул свежий ветер, и утро было ясное. Ник потянулся за биноклем. На этот раз он победил... Вместе со Строудом он сидел на гребне горы, прямо над городом. Они шли всю ночь, чтобы достичь этого места, несмотря на нежелание Строуда.

Однако условия, сложившиеся в окрестностях пещеры, значительно ухудшились. Ее обитатели оказались фактическими узниками, поскольку летающие тарелки стаями охотились за беженцами. И поэтому предложенный Ником, но все еще неясный план, заключающийся в попытке узнать секрет безопасности в сверкающих, словно радуга, башнях, получил некоторую поддержку. И вот сейчас он пытался подыскать на равнинной местности подходящее укрытие, чтобы с его помощью подобраться поближе к городу для разведки.

Травы здесь было достаточно, но, по его мнению, и Струуд был с ним согласен, ее высота не обеспечивала надежной маскировки. Ник не знал, имел ли его план вообще хоть какой-то шанс на успех. Но оставаться дольше на этом месте он не мог. Стоит только летающей тарелке нацелиться на город, что, по словам Струуда, они периодически и делали, и наблюдателям придется залечь здесь на несколько долгих часов.

— Ладно, может быть, попробуем? — Ник поднялся на ноги. Сейчас многое зависело от него и от его способности использовать это внезапное дарование. Он практиковался в нем, но очень недолго...

— Или ты делаешь это, или мы возвращаемся, — заявил Струуд. — Ведь мы добрались сюда для дела.

Может быть, ему казалось, что, оказавшись перед окончательным выбором, Ник отступит? Если так, то его недоверие дало обратный эффект: Ник настроился на попытку.

Герольд.

В своем сознании американец построил образ Герольда. Затем тот оказался уже вне его сознания. Получилось! Он на самом деле добился этого! Не взял его в плен, как предполагал это раньше, а спроецировал его...

— Получилось! — торжествовал Ник.

— Похоже на то, — согласился Струуд. — Но сможешь ли ты удержать его?

— Должен. Ну, начали...

Ник осторожно скатился по склону. Герольд исчез, растворился, пока Ник не «работал» над ним. Но когда понадобится, он мог вновь «произвести» Авалона... должен. Струуд должен был оставаться на своем месте и следить за его «походом» в город. Они не были уверены, «удержит» ли их двоих этот «закон-

ный» проводник, и поскольку Ник обладал определенным талантом, сам он отправился в город.

Сейчас, когда он спустился ниже и оказался на равнине, его охватило возбуждение, которое ему едва ли приходилось испытывать раньше. Почти так же происходило и с его уверенностью в собственных силах, которая выросла с того самого момента, когда в пещере он смог доказать, что не предатель и что его сила не является продуктом капитуляции перед теми, кого у них принято называть «люди». Два дня назад он впервые испытал действие этой силы, а вслед за ним и остальные.

Викарий проявил определенные способности. Очень странно, что у миссис Клэпп они оказались даже больше, хотя она и очень быстро уставала. Крокер упорно отказывался проделать нечто подобное. Его неприятие американца усилилось, вместо того чтобы пойти на убыль, Ник был уверен в этом. Сильнее эти способности проявились у женщин... Линда, Джин (хотя она выказывала то же нежелание, что и Крокер), леди Диана — все могли производить определенный эффект. Причем Линда, как и раньше, организовывала цепочку с участием животных и производила более сильные и «долго живущие» иллюзии.

Но все они считали невозможным «удерживать» их длительное время. И чем больше старались добиться этого, тем теряли больше сил, истощая себя. Ник и сам не был уверен в том, что ему удастся долго «удерживать» Герольда, даже если он собрался использовать эту иллюзию как «ключ».

Он не верил, что «люди» были активными врагами любых беженцев. Из слов Авалона следовало, что когда эмигранты из родного Нику мира отказываются вступить с ним в союз, то «люди» относятся к ним равнодушно.

Тем не менее, если бы он оказался в состоянии проникнуть сквозь невидимую защиту, войти в город, а затем был бы обнаружен там как «чужой», стали бы «люди» и в этом случае сохранять свое равнодушие по отношению к нему? В течение двух последних дней он заставлял англичан вспомнить все их наблюдения, касающиеся «людей» и города, даже если раньше эти темы попросту пугали их.

Именно из города (или из городов) появлялся Герольд (или Герольды). Были и еще представители «людей», такие как зеленый лесной человечек... некоторые из них жили в воде, другие

на земле... и они вообще не обнаруживали никакой связи с городом. Однако все они были «местными уроженцами» этого мира, как считал Хедлет.

Викарий черпал, как он сам с готовностью отмечал, из древних легенд и преданий все сведения для описания тех, кого он видел здесь. Возможно, его соображения имели и не очень большую ценность, но это было хоть какое-то подспорье в том, чтобы делать выводы.

В дополнение к тем представителям «людей», которые казались нейтральными, здесь наблюдались и другие, которые явно представляли опасность. Но они, в свою очередь, были связаны с определенными, весьма зловредными участками этой земли. И если избегать этих участков, не желая быть схваченным ими, как тем пением, которое Ник слышал во время дождя, они тоже не представляли большой опасности.

В очередной раз «появился» Герольд. Ник и не пытался «изобразить» подробно каждую деталь в этой иллюзии. Достаточно получить общий облик его «проводника», за которым двигался настоящий «хвост». С этим произведением собственной мысли, движущимся впереди, Ник легким шагом направился к башням.

Строуд указал ему точное место, где он мог ожидать встречи с невидимым барьером, и Ник с удвоенным желанием стремился достичь его, чтобы войти внутрь города. Тем не менее все основное внимание его должно быть сосредоточено на движущемся впереди призраке.

Они миновали место, где предположительно проходил барьер, — хотя он и не был в этом полностью уверен, потому что Строуд мог и ошибаться. Так или иначе Ник не проявил никакого триумфа. Напряжение от «поддержания» Герольда начинало напоминать о себе. А что, если у него не хватит сил? Он так и останется пленником внутри самого барьера?

Он упорно преодолевал собственную слабость, поддерживая необходимую концентрацию мысли. Наконец...

Город... он был в городе!

Переход был быстрым, как будто дома сами выросли вокруг него. Здания... Ник уже забыл про Герольда и про необходимость «удерживать» его иллюзию.

Да, вокруг здания, поднимающиеся все выше и выше, двери, окна, улицы. Но где же население? Улицы пустынные, ни-

кто не разгуливает по бело-зеленым тротуарам, нигде не видно транспорта. Двери закрыты; окна, если и были открытыми, то все еще загорожены ставнями. Стены ближайших к нему зданий имели зеркальную поверхность, как будто и на самом деле были из горного хрусталя, покрытого непрозрачным материалом. И вдоль них, вниз и вверх, бежали те самые переливающиеся цвета: зеленый, синий, желтый, красный и все возможные промежуточные оттенки.

Ник застыл в нерешительности. Кругом стояла тишина, ни единого звука. Как будто его окружали руины, опустошенные много веков назад. Однако руин здесь не видно, и нет даже намека ни на эрозию, ни на разрушение...

Он медленно приблизился к ближайшей стене, нерешительно протянул руку, так что только самые кончики пальцев коснулись ее поверхности. И тут же отдернул ее. Потому что то, чего он коснулся, не было ни холодным камнем, ни горным хрусталем, а скорее теплой субстанцией, которая казалась живой от вибрации.

Энергия, а это была какая-то форма энергии, циркулировала внутри стен. Это было и объяснением видимого свечения. Город в целом мог быть или генератором, или хранителем энергии.

Широкая улица, на которой он сейчас стоял, тянулась строго прямолинейно. Если он свернет с нее в любой переулок, то может заблудиться? Как следует обдумав это, Ник направился прямо. Но это было все, что ему оставалось делать, чтобы сохранять контроль над ситуацией.

Потому что он знал, даже был уверен, как уверен в собственном дыхании, что этот город или те, кто обитает в нем, знают, что он — незванный гость. Он дважды останавливался, поворачиваясь и оглядываясь назад. Но никакой неожиданно возникшей стены, никакой охраны, ничего, что как-то перекрывало бы ему отступление, не появлялось. Улица была все такой же пустынной и тихой.

Но где же обитатели? Неужели здесь живут лишь где-то в самом центре? Да и был ли этот город вообще городом? Возможно, что понятия из его собственного мира мало применимы здесь. Это широкое место, которое он считает улицей, может иметь совсем другое назначение. Но ведь Герольд выходил отсюда и возвращался тоже сюда с теми, кто принимал Авалон. Ник видел, что так и было.

Он увидел впереди открытое пространство, посреди которого стояло что-то, излучая яркий свет, столь яркий, что у Ника заболели глаза и он пожалел, что у него нет таких темных очков, как у Линды. Чтобы спрятаться от света, он старался идти ближе к стене и смотреть преимущественно вверх. Но башни поднимались так высоко, что у него кружилась голова при попытке увидеть их шпили на фоне утреннего неба.

И вот, чуть набравшись смелости, он протянул руку к одной из дверей в стене. Текстура ее оказалась другой, нежели была на стене. Дверь казалась ему всего лишь пластиной из одного слоя серебристого металла. При более тщательном исследовании Ник смог увидеть, что она гравирована рисунком из множества линий, очень сложным и запутанным. Когда он попытался в очередной раз коснуться ее поверхности, то не ощутил вибрации, но как только его пальцы заскользили вдоль тех самых линий, он заметил, что они стали более видимыми, чем казались до этого.

Формы этих линий теперь образовывали рисунки странных зверей, некоторых из которых, например единорога, он видел в лесу, и существ, напоминавших гуманоидов. Окружая их, располагались узкие полоски, образующие последовательности знаков, не похожие ни на одну из знакомых Нику письменностей.

Как только он проводил пальцами по этой гравированной поверхности, то минуту или две мог видеть их совершенно отчетливо. Затем они затухали, так что казались лишь слабыми царапинами.

Исследовав одну дверь, он перешел к следующей и тоже старательно потрогал ее пальцами. И он вновь увидел рисунки, хотя здесь они отличались как по форме, так и по содержанию.

Что располагалось за этими дверями? Ник осторожно надавил на металлическую поверхность. Нигде не было видимых запоров, ручек или других средств, чтобы открыть дверь. И под его рукой, теперь давящей со всей силой, дверь казалась прочной и неподвижной.

Запертые двери, пустующий город. Ник вновь вышел на середину улицы и с трудом продолжил движение вперед. Хотя он и был убежден, что кто-то или что-то наблюдает за ним, Ник обрел некоторую уверенность. Он не чувствовал опасности в этом городе. Ведь если он незаконно проник в некий заповедник, как говорится, святая святых, то почему тогда те, кто охраняет его,

не подняли тревогу, независимо от того, представлял он для них угрозу или нет? И чем дольше они не показывались, тем большую уверенность он ощущал. Но что угроза может возникнуть сама по себе, это он только начал осознавать.

Ник решительно продвигался к светящейся впереди точке, прикрывая глаза от ее слепящего блеска. И так, он шел прямо туда, где мог быть центр города, хотя и не имел никакого понятия, действительно ли это именно так. То, что он считал центром, представляло открытое место, где сходились пять широких улиц, по одной из которых он сейчас шел. Он уже мог видеть, что форма, ограничивающая обозреваемое им пространство, напоминала пятиконечную звезду, к каждому концу которой подходила улица.

Теперь, когда он оказался ближе к самому источнику света, его сияние уже слабее сказывалось на нем, и Ник смог распознать его форму. Потому что подобную он видел и в своем собственном мире и знал, что она имела очень древнее происхождение.

Прямо в центре звезды возвышалось гигантское изображение египетского креста... Т-образная фигура, увенчанная кольцом. Казалось, что он изготовлен не из того материала, что стены башен, а из красноватого металла. По центральным контурам его расположены сияющие драгоценные камни. Но камни ли это? Слышал ли кто-нибудь о драгоценных камнях таких размеров, о камнях, которые невозможно было бы обхватить двумя руками?

Именно из них вырывался тот свет — зеленый, синий, белый... но не красный и не желтый. Так как лучи этого света проходили выше уровня его головы, то Ник решил, что высота креста равнялась четырех- или пятиэтажному дому.

От креста исходило излучение такой силы, что он чувствовал слабость и головокружение. Пошатываясь, Ник отступил назад. Был ли этот крест источником безопасности для «людей»? И что питало его? Он не видел никаких намеков на машины и агрегаты. Или это какой-то приемник или усилитель-ретранслятор?

Ник дрогнул. Потому что первый раз неприкрытый страх разорвал его изумление. Это зрелище подавляло. Его кожу покалывало, головокружение нарастало. Он должен уходить.

Но мог ли это сделать? Эта улица... Кое-как он сумел повернуться, хотя огни камней едва не ослепили его. Там... был выход...

Спотыкаясь, он попытался бежать, направляясь к широкой улице. Но его движения напоминали барахтанье в глубокой грязи. Что-то с жадностью вытягивало его силы, сами жизненные силы куда-то уходили из него. Он должен бежать!

Ник спотыкался, падал, но все-таки как-то вставал на четвереньки и полз дальше... С обеих сторон от него поднимались здания, теперь он полз уже по улице, но продвинулся не очень далеко. И у него больше не было сил, чтобы добраться до ее конца...

Ник задыхался, у него прерывалось дыхание. Теперь ему казалось, что воздух вокруг него куда-то исчезает, он не может вобрать его в легкие... его охватило удушье.

Он лежал пластом, вытянув вперед руки, и его пальцы все еще слабо двигались, пытаясь отыскать хоть какую-то щель между панелями тротуара, в которую они могли бы вцепиться и еще подтянуть его вперед хотя бы на дюйм или два...

— Идем!

Он услышал это? Ник все еще пытался двигаться. Он почувствовал на своих плечах чьи-то руки, которые потащили его подалее от звезды, вдоль по улице, прочь от губельного влияния египетского креста. Он не мог собрать достаточно сил, чтобы поднять глаза и рассмотреть, кто или что пришло ему на помощь. Это не Герольд... Герольд был его собственной иллюзией. Строуд? Мысли его путались и ускользали. И он больше не думал, кто на самом деле спасает его.

Покалывание кожи ослабло. Но он не мог восстановить своих сил. Тем не менее он почувствовал, что его больше не тащат за плечи, и с большим трудом перевернулся на спину, так что смог разглядеть своего спасителя.

На этот раз ее черты не были размыты рассеянным туманным светом. Она выглядела абсолютно отчетливо и казалась вполне материальной. И на ее щеках не было слез.

— Рита.

Должно быть, он произнес ее имя вслух. Или, подобно Джереми, она смогла прочесть его мысли.

— Да, я Рита. — В ее речи была та же бесстрастность, что и у Герольда.

Но лицо ее не было столь невыразительным, как лицо Авалона. В нем виделся интерес и что-то еще. Ник подумал, что она изучает его, так же как изучают инструмент, прежде чем запустить его в работу.

— Ты мог умереть... там. И ты не из Семьи. — Она делала утверждения, не задавая вопросов.

— Ты одна здесь? — спросил он.

— Одна? — Было очевидно, что вопрос удивил ее. Она посмотрела по сторонам, как будто видя то, чего он видеть не мог, и была поражена его словами. — Одна... почему... — Затем приоткрыла рот. — Ты не из нашей Семьи, — повторила она. — У тебя не такое зрение. Нет, хотя ты и не можешь видеть, но я не одна. Зачем ты пришел, раз ты не из тех, кто с Авалоном?

— Узнать, каким образом город защищается от нападений. Твои люди... они в опасности. Им нужна защита.

— Для Семьи нет никакой опасности. Остальные могут получить безопасность, если попросят ее. Это известно. Я приходила к ним, и они прогнали меня. Они слепы и не желают прозреть; они глухи и не желают слышать. Они... — В первый раз ее голос дрогнул. — Они пропадут, потому что сами выбрали это.

— Они сказали, что ты изменилась.

— Да, я выбрала Семью. Смотри. — Она присела на колени рядом с ним и положила свою руку рядом с его рукой, не касаясь ее.

Кожа на ее руке была белая, слепящая белизной и очень гладкая, без малейших ворсинок и волосков. По сравнению с ней его кожа грубая и загорелая. Она взяла его руку в свою. Но он не ощущал знакомого прикосновения живой плоти. Скорее почувствовал, что и пальцы ее, и сама ладонь походили на гладкий мрамор, облежавший его запястье.

— Вот так обстоят дела с телом у тех, кто принадлежит к Семье, — сказала ему Рита. — Вот так мы защищены против оружия летающих охотников и против других здешних опасностей. Есть бедствия, которые могут уничтожить нас, но это такие бедствия, которые присущи самому этому миру, и они добираются до нас другими способами, чем простые раны на теле. Если твои люди принимают Авалон, они станут такой же его частью, как я.

— Ты... твердая... — Ник не мог найти подходящего слова для описания ее тела. — Тем не менее... когда ты была в лесу, я видел, как рука Линды прошла сквозь твою руку.

Рита не ответила ему. Вместо этого она сказала с важностью лица, которое не может вообразить, что его могли послушаться:

— Ты пришел туда, где не можешь оставаться. Раз ты не принимаешь Авалон, то тогда сама сущность Авалона будет смертельна для тебя. Уходи... это место не для тебя.

Она коснулась его лба как раз в том самом месте, где монах прикладывался крестом. От ее пальцев исходил холодок. Но от них же в него влилась обновленная энергия, так что он смог снова встать.

— Ты спасла мне жизнь. Могу ли я что-то сделать для тебя? — Ник подумал, что навсегда запомнит те слезы и то, что было в ее наполненных влагой глазах.

— Что ты можешь добавить к тем словам, которые я уже столько раз говорила им? — спросила Рита. — Их страх лежит так глубоко, что они готовы убить, но отказаться от того, что я предлагаю им.

Он ожидал, что она останется, но, когда, так и не найдя слов, отрицающих все ею сказанное, Ник собрался уходить, Рита пошла рядом с ним.

— Я уйду из города. У тебя не должно быть неприятностей...

На лице ее промелькнули следы улыбки.

— Проводить тебя до порога? — закончила она за него. — Но необходимость в этом действительно есть. Я не знаю, как ты вошел, но, будучи тем, кто есть, ты не должен надеяться, что эта дверь и впредь будет открыта для тебя.

Однако в нем восстановилась не вся потерянная сила. Ник медленно двинулся вдоль тихой, пустынной улицы. Но какой она была для его спутницы? Он думал, что отнюдь не пустынной. А то, что он мог видеть ее, наверняка было следствием ее близости к ему подобным или потому, что она сама хотела этого, все еще чувствуя слабую связь с теми, кого покинула. Она не объяснила ему этого, да и вообще все время молчала, пока они не дошли до резко обозначившегося конца улицы, до начала поросшей травой равнины.

Затем вновь последовал ее вопрос, произносимый с большой долей властности.

— Как ты прошел через барьер?

Ник намеревался скрыть этот факт, но чувствовал, что не сможет. Под ее взглядом он был вынужден говорить правду.

— Я шел за Герольдом.

— Это... невозможно. Но я вижу, что это правда. Но как это может быть правдой?

— Герольд был создан моим воображением. Я нарисовал его, воплотив в жизнь.

Он услышал свистящий вздох, похожий на прерванное дыхание.

— Но ведь ты не из Семьи! Как ты мог сделать подобное?

— Я учился, чтобы спасти свою жизнь. И Авалон сам дал мне ключ к тому, как этого можно добиться. Остальные... они тоже пытаются научиться этому...

— Нет! — Это был крик, наполненный страхом. — Они не должны! Это означает для них гибель, если они получат силы не от Семьи. Они как дети, играющие с грубой стихией, которую не понимают! Их следует остановить!

— Иди и скажи им это, — ответил Ник.

— Они не хотят слушать...

— Как ты можешь знать? Думаю, теперь они понимают больше, чем раньше. Викарий... я уверен, что он прислушается.

— Да, в нем много сердечности и широты ума. Возможно, это удастся. Я не могу, но попытаюсь еще раз. Но им не следует увлекаться видениями. Такие опыты могут убить... или вызвать то, что лучше никогда не видеть. Авалон и сам жив отчасти тем, что может ответить на чьи-то сны способом, который может заморозить саму душу.

Ник припомнил дьявольские видения, которые осаждали его похитителей.

— Такое я уже видел.

Рита уставилась на него долгим изучающим взглядом, а затем протянула свою руку.

— Идем.

Как только ее холодные гладкие пальцы сомкнулись вокруг его руки, Рита потащила его за собой. Так, держась за руки, они вышли на открытое пространство, направляясь к горному гребню, где оставался для наблюдения Струуд. Примет ли он ее в свою компанию? Были ли они и на самом деле так потрясены открытием Ника, что теперь смогут выслушать и того, кто выставлен ими за порог? Ник надеялся на лучшее.

Но он начал терять уверенность, когда, поднявшись наверх, они не обнаружили на гребне Струуда. Ник увидел лишь приямую траву, где тот должен был лежать, прячась, чтобы наблюдать за тем, как Ник входил в город. Но нигде никого не было видно.

— Струуд! — позвал Ник, но не отважился кричать громче.

В ответ ему раздалось хриплое карканье, и из травы взвилась птица, широко взмахивая черными крыльями, уносящими ее в небо.

Поднявшись вверх, она кружила над ними, продолжая свои крики.

— Он... в опасности! — Рита продолжала наблюдать за птицей. — Равновесие нарушено, сила мысли породила зло. Видишь... — она яростно повернулась к Нику, ее спокойствия как не бывало. — Видишь, что может сделать подобное вмешательство? Силы Тьмы охотятся за ним, а он, не понимая этого, ведет их прямо к остальным!

— Кого ведет?

— Все силы Тьмы, которые не связаны прямо с какой-то областью зла. И они могут властвовать среди представителей рода человеческого! Ты играешь с силой, не имея защиты. И те, кто делает так же, открывают все двери, многие из которых делают их заложниками Потусторонней Тьмы. Нам следует потопиться!..

Рита вновь ухватила его запястье, ее прикосновение подействовало словно укус на его все еще воспаленную кожу, так что Ник даже вздрогнул. Но она не заметила этого, устремившись вперед, увлекая его за собой.

Вместо того чтобы выбирать укрытия, Рита прокладывала путь уверенно, кратчайшим маршрутом, направляясь прямо к пещере. Казалось, что она не испытывала страха в этой земле. Но Ник не разделял ее уверенности. Тем не менее когда он попытался высвободить свою руку, то обнаружил, что это невозможно, как будто ее пальцы образовали металлический наручник.

Он начал замедлять движение, вынуждая ее остановиться.

— Скажи мне определенно, с чем мы можем столкнуться и что мог сделать Строуд или что может случиться с ним?

— Не задерживай нас! — В глубине ее глаз, когда Рита взглянула на него, он заметил инородное свечение. — Он исчез... но ведь ты видел черного ворона на том месте, где был Строуд... Это существо служит силам Тьмы. Его оставили, чтобы предупредить нас. Таким образом, объявляется, что это дело не относится к Семье.

— Однако ты ввязалась в него, — заметил Ник.

— Да, но я не могу не помочь. Я связана... связана сердечными узами, и я не так долго нахожусь среди Семьи, чтобы эти связи утратились полностью. Поступая так, я забочусь о своем старом наследии. Я свободна в своих поступках, даже находясь в Авалоне. Если я решила пойти против Тьмы, то никто не оста-

новит меня, прежде чем я сама не скажу «нет». Поэтому я поступаю именно так, заранее зная, какова может быть цена. Но мы лишь теряем время. Идем!

То, что она собиралась стать их союзником, чего бы ни ожидало их впереди, Ник теперь больше не сомневался. А ее поспешность усиливала его страх. Едва он с надеждой подумал, что уже достаточно восстановил свои силы от тех испытаний, что ему пришлось перенести в городе, чтобы продолжать путь, как она тут же пустилась бегом, и ему пришлось с трудом бежать за ней, направляясь к пещере и навстречу тому, что могло их ожидать там.

ГЛАВА 15

Небо, которое было таким чистым, теперь затянули плотные облака. Хотя и было лето, но дул холодный ветер, принося с собой нездоровый запах, как будто прошедший через источник постоянного разложения. Рита переходила на бег везде, где местность позволяла это. А Ник все-таки чувствовал последствия того, с чем он столкнулся в городе, и давно бы отстал, несмотря на все свои усилия, если бы она не держала его за руку и таким образом снабжала дополнительной энергией.

Впереди уже виделись волнистые холмы, среди которых находилась пещера. А кругом темнело, густели облака. При этом в воздухе нарастало оживление, и не от летающих тарелок, а от крылатых летающих существ, которые с шумом хлопали крыльями, причем у одних они были из перьев, а у других просто обтянуты кожей. Движение было заметно и на земле, хотя Ник и не мог разобрать, кто или что было тому причиной.

Однако Рита не осторожничала, как будто никакая возможность засады не беспокоила ее. Она так же была непроницаема для нападения, как и Герольд, когда его атаковала летающая тарелка.

Перед тем как они приблизились к входу в пещеру, она замедлила шаг, останавливаясь. Хотя Ник и мог мало что разглядеть, он чувствовал вокруг них все те же миазмы зла, как и в ту ночь, когда был пленником. Чернокрылая птица с ярко горящими красными глазами, с огненными искрами на покрытой перьями голове спланировала прямо на них, издавая пронзительный крик. Свободная рука Ника потянулась к поясу и вытащила кинжал.

Птица с очередным клекотом улетела в сторону. И тут он услышал негромкий голос Риты.

— Железо! — Она слегка отпрянула в сторону, хотя и не отпустила его руку. — Убери его от меня... это необходимо! Оно может служить тебе, но для Семьи оно смертельно.

В этих сумерках, надвинувшихся так неестественно быстро, ее тело излучало сияние, которое он видел и раньше, и ее глаза тоже светились. Вокруг нее чувствовалось возбуждение, как будто перед тяжелым испытанием, ожидавшим их впереди.

Но он смог все-таки заметить, что и земля, и кусты вокруг них пребывали в некотором волнении. Со всех сторон на них угрожающе выглядывали какие-то существа, однако не переходили к нападению, к которому Ник был готов каждую минуту. Рита по-прежнему двигалась вперед, но теперь уже шагом. Вокруг них стояла полная тишина, которую не нарушали даже прячущиеся обитатели земли. Были ли они настоящими — или это видения? И если это видения, то каким они были взлелеяны врагом?

Окружая их со всех сторон, вместе с ними двигались карлики. Они были коренастые, обросшие седыми волосами. Они поворачивали к ним свои лица, нелепые, но напоминающие человеческие, и тем не менее до того злобные на вид, что им и не требовалось уже никакого другого оружия. Они показывали зубы, которые напоминали клыки хищных зверей в широко открытых лягушачьих ртах, которые они то открывали, то закрывали, как будто что-то говорили или кричали, хотя никаких звуков и не доносилось.

Сзади них крались другие, ростом с людей, худые, как призраки. Их конечности скорее походили на кости, обтянутые сухой и пыльной кожей, а облысевшие головы — на черепа. Покрытые плесенью лохмотья буквально прилипли к ним. Движение их было напряженным, но удивительно быстрым.

Были и еще существа... некоторых можно было бы посчитать за волков, если бы нечто непристойно-человеческое не проступало в их облике. Были пресмыкающиеся разных форм, гигантские пауки... были все существа, которых только можно отыскать среди ночных кошмаров многих поколений людей. Но это были лишь видимые представители собравшейся компании. И неожиданно воздух разорвали крики и пение стрел.

— А теперь поспешим! — крикнула Рита. — Я долго не смогу удерживать двойную защиту.

И Ник заметил, что излучение вокруг ее тела захватывало и его. Об это облако, как о преграду, ударялись, отскакивали, а затем падали на землю стрелы. Он услышал обескураженные крики. Кто-то пытался наброситься на них и, съжившись, исчезал после соприкосновения со светящимся туманом.

Далее следовали звуки, напоминавшие винтовочные выстрелы. Ник непроизвольно нырнул было вниз, но не припал к земле, потому что Рита удержала его и потащила за собой. Окружавшее их облако светящегося тумана становилось плотнее, но он был уверен, что мог видеть сквозь него мужчин в черной форме. Должно быть, сейчас они проходили через небольшую армию.

Это было зло. Отвратительный запах, который до этого нагонял ветер, сейчас стал тошнотворным. Он распространял удушающую вонь. Но Ник уже мог различить нагромождения камней, маскировавших вход в пещеру.

Неожиданно раздалась пулеметные очереди. По обе стороны, как только осаждающие с неохотой расступались, чтобы пропустить их, падали люди. Пулемет! Где же это англичане раздобыли его?

— Вперед! — почти неслышно проговорила Рита.

Они пробрались между камней, к верхнему входу. Треск пулемета был теперь постоянным, оглушающим... Возможно, сейчас выстрелы были направлены прямо на них. Ник этого не знал. Но, по крайней мере, через барьер, который поддерживала Рита, ничто не проникало. Хотя и было заметно, что толщина его сократилась. Последние усилия — и они добрались до центрального поста. Излучение стало тусклым. Прямо перед Ником поднялся человек, наводя на него в упор пистолет.

— Иллюзия! — воскликнула Рита. — Это всего лишь иллюзия!

Настоящая! Смерть, возникшая перед ним, была настоящая!

— Нет!

Ник был готов ощутить удар пули, но ничего не последовало. Человек исчез куда-то, как будто его больше и не существовало. Это был незнакомец в военном обмундировании. А еще там было трое защитников с пулеметом, целящихся и стрелявших в посланцев Тьмы. Ник вслед за Ритой, спотыкаясь, пробрался в пещеру.

— Ты!

Там были все, даже Строуд, хотя он лежал на полу и его комбинезон был покрыт темными пятнами. Остальные стояли, как будто собрались сражаться до конца, не сдаваясь в плен.

Крикнул, разумеется, Крокер. Его голос как эхо разнесся по пещере. Что касается пулеметной стрельбы, то теперь она прекратилась. Джин схватила пилота за руку в тот самый момент, когда тот оказался перед Ритой. Его глаза округлились, а рука ухватилась за один из кинжалов. Он был готов отразить нападение, хотя Рита не двигалась. Излучение вокруг нее теперь превратилось лишь в слабый отблеск.

— Нет! — Это была Джин. — Пулемет... мы должны «поддерживать» пулемет...

Из темноты выскочил Ланг, направляясь прямо к Рите. Он подпрыгивал и лаял подле нее, стараясь изо всех сил привлечь ее внимание. И если остальные не были столь радушны, то было ясно, что пекинес с ними не согласен. Его радость по поводу ее прихода была очевидной.

— Убирайся отсюда! — Крокер оттолкнул Джин и направился к Рите, вытаскивая нож.

— Остановись, Барри. — Викарий встал между ними. Он смотрел на Риту, а не на пилота. — Зачем ты пришла?

— Разве вы не помните, что когда-то я была одна из вас? Неужели я не могу попытаться помочь вам? Вы сделали то, что вызвало силы Тьмы; вы на собственную погибель творите то, чего сами не понимаете.

— Она одна из них! Она хочет захватить нас! — Крокер налетел на Хедлета, но как будто не отважился оттолкнуть его.

— Я из Авалона, — ответила она. И еще раз ее черты стали бесстрастными, как и у Герольда. — Но вы открыли ворота в сторону Тьмы, и у вас нет того, чем их можно закрыть. Вы расходуете силы, и у вас нет защиты...

— А пока мы говорим здесь, — вступила в разговор леди Диана, — те, снаружи, начнут атаку. Мы должны поддерживать...

— Ваши иллюзии? — прервала ее Рита. — Но то, против чего вы боретесь, это не иллюзии. Разве вам это не понятно? Мы, входящие в Семью, имеем своих врагов. Вы разбудили их. Но у вас нет нашего оружия, чтобы сокрушить их. Взгляните на себя — разве вы не ослабли? Силы покидают вас, они уходят на поддержку иллюзий, и хорошо еще, что вы объединились, чтобы делать это с некоторым успехом... Но сколько еще вы сможете продержаться? Потому что те, находящиеся снаружи, не ограни-

чены ни временем, ни брэнностью тела, подобно вам. Они могут ждать и ждать, пока вы не упадете от истощения собственных сил. И я говорю вам — лучше вам умереть, чем оставаться живыми к тому моменту, когда они опустошат вас.

Это время начала наступления Тьмы. Из всех мест сосредоточения зла будет исходить то, что долгое время скрывалось там. И те, кого оно околдовывает, становятся полностью в его власти. Другие пытаются убежать от него... таких вы уже видели. Их конец может быть чуть-чуть лучше, потому что они станут добычей воздушных охотников.

Но к вам силы Тьмы пришли преждевременно. Авалон не защитит вас, потому что вы отказались от его свободы. Воткните свои кинжалы себе в глотки — но даже и в этом случае найдутся те, кто вольется в ваши тела, наследуя их, пользуясь ими как одеждой...

— Так же, как ты использовала тело Риты? — Глаза Крокера горели яростью.

— Я и сейчас Рита. Я еще в большей степени Рита, чем была до того, как приняла свободу. Тогда я пребывала во сне, а сейчас пробудилась... я ожила! Да, я Рита, хотя вы и не верите в это. Я думаю, что вы и не можете верить, потому что в вас есть нечто, что заставляет считать меня ничтожеством. Разве это не так?

Сегодня я сказала тому, кто пришел со мной, что все еще связана с вами сердечными узами. Возможно, это было правдой... однажды. Когда я приходила к вам, мои когда-то дорогие друзья, после моей «измены», я была как нищая, просящая вашего подаяния. Но я заблуждалась на этот счет. Ну, что вы можете дать мне теперь?

— Возможно, что ничего. — Хеллет, а не пилот ответил ей. Она рассмеялась.

— Как вы хорошо все подытожили. Но те, кто вас дожидается, все еще здесь... — Рита перевела взгляд с одного на другого. — Ваша смелость достойна восхищения, даже если она ошибочного происхождения. Я знаю вас всех достаточно хорошо, даже тех двоих, что недавно присоединились к вашей компании. И, хотя вы можете и не верить в это, я желаю вам добра. Я сделаю для вас все, что в моих силах. Но предупреждаю — этого может оказаться слишком мало. У вас нет свободы. А то, что вы спровоцировали, очень сильно.

— Ведь именно Авалон дал мне первый намек на использование силы разума. — Ник заговорил первый раз за все вре-

мя. — Если это столь ошибочное действие, то зачем он сделал это?

Ему показалось, что Рита выглядела слегка потрясенной.

— Я не знаю. Герольды имеют свои цели, ведомые лишь Герольдмейстеру. Сейчас время перемен...

— Следовательно, — заметил викарий, — время перемен допускает выход из-под контроля? Логос в очередной раз столкнется с Хаосом. И ты считаешь, что наши усилия не смогут помочь нам выстоять?

Рита покачала головой.

— Не смогут. Мы обладаем свободой, получаемой от самого Авалона. Смотрите... мы можем вот так. — Она наклонилась, упиравшись рукой в пол. Под ее прикосновением камень поддался, оставляя отпечаток ее пальцев. — Это далеко не иллюзия, приложите сюда руку, если не верите мне. Но это — то, подобное чему вы не можете сделать, потому что ваш дар очень невелик. Объединяйтесь, если хотите, но все равно есть предел, потому что эта земля не будет питать вас.

Ланг, который, сжавшись, сидел у ее ног, подскочил вверх еще раз, и она улыбнулась, глядя на избыток его чувств, и положила руку на его голову, в то время как из темноты появился Джереми, подошел, извиваясь вокруг ее ног, и так громко мурлыкал, что его могли слышать все. И Рита приласкала и кота. Когда она подняла голову, на лице ее было слабое беспокойство.

— Некоторые могут выбрать свободу, другие выбирают свои цепи. Почему так?

— Потому что, — взорвался Крокер, — мы остаемся самими собой! Мы не хотим превратиться в... в...

— В то, чем стала я? Но чем же я стала, Барри?

— Я не знаю ничего, кроме того, что ты не Рита. И я ненавижу тебя за то, что ты сделала с ней!

— Но я Рита, полностью, во всех отношениях. Страх ходит под руку с ненавистью. Ты ненавидишь, потому что боишься.

Ник видел, каким непроницаемым стало лицо Крокера. Человек может выглядеть так, если он мертв.

— Вот видите? — заговорила Рита, обращаясь к Хедлету. — Его разум закрыт, потому что таково его желание. Мы возводим вокруг себя собственные стены. Какова ваша стена, викарий?

— Моя вера, Рита. Я прожил с ней, как с частью себя, всю свою жизнь. Я жрец своей веры. И как таковой я не могу ее предать.

Она слегка наклонила голову.

— Вы слепец, но таков ваш выбор, соответствующий вашим убеждениям. А вы, леди Диана?

— Вероятно, я также скажу, что это вера... вера в прошлое, в то, что определило мою жизнь... — Она говорила медленно, как будто подыскивала правильные слова.

— Пусть будет так. А ты, Джин? Хотя я могу понять, что вызывает тебя к опасности и темноте.

Девушка вспыхнула, рот ее перекосила ярость. Но она не произнесла ни слова, только встала чуть ближе к Крокеру.

— А теперь вы, миссис Клэпп? — продолжила Рита. Все походило на то, что она как будто силой вырвала у каждого из них окончательный отказ.

— Ну... возможно, потому, что я всю жизнь была набожным человеком. Если викарий скажет, что это не так... ну, я стерплю это.

— А вы, Строуд?

— Я как леди Диана... я выбираю тех, с кем был всю свою жизнь. И это устраивает меня.

— А ты? — Теперь Рита повернулась к Линде.

— Если выбираешь Авалон, остается ли хоть один шанс вернуться в свое собственное пространство и время? — спросила американка.

— Этого я не знаю. Но верю, что желание остаться будет сильнее, чем желание вернуться. Это относится ко всем, кто становится частью Авалона.

— В таком случае мой ответ будет отрицательным. Но Ланг выбрал? — Теперь Линда не сводила глаз с собаки, свернувшейся у ног Риты.

— Спроси его.

— Ланг... Ланг... — Линда негромко позвала собаку. Пекинес взглянул на нее и пошел, медленно, но пошел.

— У них есть своя привязанность, — сказала Рита. — Он будет оставаться с тобой, потому что привязан. Точно так же как Джереми останется разделить вашу судьбу, Мод Клэпп.

Теперь она собиралась спросить его. Ник собрался с силами, потому что знал, что именно он ответит и что из этого выйдет. Почему он должен нести эту ношу? У него нет привязанности, как выразилась Рита, и тем не менее он должен пойти против всех своих склонностей, и ему не над чем раздумывать, чтобы дать свой ответ.

— Я остаюсь, — сказал он прежде, чем она смогла спросить его.

Рита нахмурилась.

— Что касается тебя, то это не одно и то же. Ты дал ответ, но он может означать и многое другое, что может получиться из этого. Мы увидим. Тем не менее я должна помочь вам всем. То, что ожидает вас снаружи, это всего лишь первая волна. Используйте свою волю вместе с моей, и я установлю барьер... чтобы немного продержаться.

— Нам ничего не нужно от тебя! — вспыхнул Крокер.

— Барри, здесь решают все, — сказал викарий. — Я думаю, Рита, ты предлагаешь это для нашего блага. Что скажут остальные?

Крокер и Джин закачали головами, но остальные кивнули с одобрением. Итак, приняв решение, они образовали цепочку, объединяя свою волю, оставаясь внутри пещеры, не имея понятия, что происходит снаружи, но ощущая яростный прилив энергии от Риты.

— Это не удержит. Это только дает вам короткую передышку.

— За то, что ты делаешь для нас, мы благодарны тебе, — ответил Хедлет. — И мы, дитя мое, желаем тебе добра.

Рита подняла руку и прочертила в воздухе знак, написанный бледным синим огнем, который задержался лишь на миг, — знак египетского креста.

— Я желаю вам... умиротворения. И ничто не может побеспокоить вас с этого момента.

Она заплакала в очередной раз, слезы были отчетливо видны на ее белых щеках. Затем она повернулась и ушла, сияющий кокон излучения обхватил ее, потому не смогли разглядеть момент ее исчезновения.

— Она пожелала нам смерти! — взорвалась Джин. — Вы это знаете, разве нет? Она имела в виду под своим «умиротворением» — смерть!

— Она пожелала нам самого лучшего, чего могла только вообразить. — Голос Хедлета был очень усталым. — Я убежден, что она была откровенна с нами.

— Да, — с трудом согласилась с ним леди Диана. Она ничего не добавила к этому, но, стоя у огня, пристально вглядывалась в пламя.

Тут к Нику подошла Линда.

— Ведь может же существовать путь назад... — сказала она ему с нетерпением в голосе.

— Назад, куда? — Он едва понимал ее.

— Назад, в наш прежний мир.

— Как ты себе представляешь это? — Теперь он осознал, что она говорила.

— Если бы мы только смогли выйти отсюда и добраться... туда, где мы «вошли». Почему бы там мы не смогли «построить» дверь и пройти через нее? Если мы смогли «создать» солдат и пулемет, как мы сейчас сделали... — она махнула рукой в сторону входа в пещеру... — тогда мы должны суметь вернуться назад такими же совместными усилиями воли... Разве не понятно? Это могло бы сработать... Должно! — Последние слова она произнесла так неистово, как будто в этот момент и правда могла видеть такую дверь, а за ней — безопасное прошлое.

— Даже если бы это и могло сработать, — заключил Ник, — как мы доберемся до леса, чтобы осуществить такую попытку? Если мы выйдем отсюда... понимаешь ли ты, что ожидает нас снаружи? И нам не удастся проделать такой дальний путь, постоянно соприкасаясь с существами, подобными тем, что дожидаются нас!

— Мы можем... — она не сдавалась, — использовать иллюзии. Разве не понятно?.. Это единственное, что мы можем сделать.

— Что это за единственная вещь, остающаяся нам? — вмешалась Джин. Ее тон был враждебным.

— Мы должны попытаться вернуться назад, в наш мир. Я объяснила Нику... мы можем сделать это! Если мы вернемся на то место, где впервые оказались здесь — туда, где остался джип, — а затем «создадим» дверь, то можем пройти через нее! Мы должны попытаться сделать это. Разве не понятно, что должны!

Ее воодушевление возрастало, чем больше она говорила. Ник понимал, что она ошибается. Но, к собственному удивлению, он увидел, как в ответ у Джин появилась искра интереса.

— Если бы это сработало... — Англичанка сделала глубокий вздох. — Да, если бы это сработало, и он... мы... смогли бы стать свободными от всего, что нас окружает здесь! Это было бы замечательно! Но до этого леса далеко идти отсюда, и еще со всем тем, что находится там...

— Мы просто обязаны попытаться, — настаивала Линда. — Она... Рита... ты слышала, что она сказала относительно надвигающегося ухудшения. Если мы останемся здесь, то окажемся в ловушке. Но если мы можем вернуться...

— Этого сделать нельзя. — Крокер присоединился к их компании. — Если бы окрестности были свободны, то, да, это была бы оправданная попытка. Но сейчас нам не пробиться.

— Так, значит, мы просто останемся здесь, — набросилась на него Линда, — и дождемся, когда весь этот ужас свалится на нас? Вы все этого хотите? Ведь должен же быть какой-то путь, по которому мы могли бы выбраться отсюда?

Она с настойчивостью переводила взгляд с одного на другого. Возможно, Джин могла бы помочь ей, но Ник знал, насколько невозможным был бы такой переход. Он пересек значительную территорию под защитой, которую предоставила Рита, и очень хорошо знал, что не смог бы долго оставаться там независимо от того, сколь тяжелую борьбу пришлось бы при этом вести. С миссис Клэпп, с викарием, с раненым Струдом, замедляющим их передвижение, они не имели никакого шанса.

— Мы должны вернуться назад, — повторила Линда. — Я не хочу умирать. И ты права, Джин. Рита пожелала всем нам умереть здесь. Она... «Люди» больше не будут помогать нам. Мы должны помочь себе сами, и единственный вариант заключается в том, чтобы вернуться в наш родной мир. Может быть... может быть, нам и не нужно идти к тому месту, через которое мы вошли. Может быть, мы могли бы «создать» ворота прямо здесь! — Она говорила все быстрее и быстрее.

Ник отошел от них. Он был утомлен слабостью, которая давила на него как тяжелая ноша. Он не верил, что соображения Линды имеют хоть какие-то шансы на исполнение. И был слишком истощен, чтобы спорить об этом. Он уселся на пол — и пришел в себя, только когда миссис Клэпп протянула ему деревянную миску, в которой была какая-то жидкость с резким запахом.

— Выпей это, малыш. Это взбодрит тебя. И я хочу, чтобы ты сказал мне что-то правдивое... ничего не сочиняя, лишь по той причине, что я старая женщина и мне следует слышать только хорошие вещи. Я достаточно стара, чтобы знать, что ничего хорошего нас не ждет. Ты думаешь, мы все-таки что-то можем сделать... чтобы помочь себе?.. Ведь ты был снаружи и видел все это?

Ник выпил жидкость. Она слегка горчила, что вполне подходило текущему моменту. Но, как только жидкость попала ему в горло, она как будто бы принесла тепло... хотя и не смогла прогнать внутренний холод, поселившийся в его разуме и теле.

— Я не думаю, что мы могли бы сделать что-то еще. Она сказала, что силы Тьмы могут заставить самих людей помогать им. И я видел, что такое возможно. Я не знаю, сколько времени продержится этот барьер.

Она кивнула.

— Я поняла, что правда не в том, что ты сказал, а в том, о чем ты умолчал. Ну, что ж, были и хорошие дни. Но вы, молодые... было бы справедливее для вас, чтобы вы прожили подольше. Мне хотелось бы, чтобы Джереми ушел вместе с ней и маленькая собачка тоже. Неправильно, чтобы эти добрые звери оставались с нами. — Она вздохнула и забрала пустую миску, которую он протянул ей.

Ник хотелось пойти и растянуться на своем малоуютном ложе. Но кто знает, сколько еще продержится поднятый Ритой занавес? Было бы неплохо проверить, что происходит снаружи.

Он с трудом поднялся на ноги и направился ко входу, оставившись на центральном посту. Теперь здесь не было никаких призрачных пулеметов. Но прямо перед ним, на расстоянии пяти футов, повис занавес, подобный мерцающему облаку, отчетливо видимому во мраке. И если за ним и было какое-то движение, то видно его не было.

Не то чтобы он сомневался в их присутствии. Наверняка они будут ждать, пока занавес не упадет. Когда это случится, последуют иллюзии, которые люди не смогут выдержать долго, и...

Ник оперся рукой о камень и опустил на нее голову, закрыв глаза. Но он никак не мог остановить свои мысли.

Рита и Герольд были правы: эти упрямые англичане, он и Линда выбрасывали на ветер свои жизненные силы. Он не верил, что Авалон — это какое-то зло.

Энергия, излучаемая египетским крестом, едва не убила его. Но в ней не было ничего злобного. Было лишь то, что он, такой, каким он сейчас был, оказался слишком хрупким, слишком нежным, чтобы выдержать такую силу.

И вот теперь прилив Тьмы охватил эту землю. Только в городе, в местах, где поддерживалась свобода Авалона, оставался свет. И те, кто не принимал свет, открывали дверь Тьме. Они

пытались воспользоваться даром света в своих собственных целях и тем самым, как сказала Рита, опрокинули на себя все беды.

Но зачем Авалон, Герольд, сделал Нику намек, который привел его к открытию этой силы? Ясно, что в этом была какая-то цель, опыт... в котором он неверно выбрал способ использования этого открытия? Да, так могло быть.

В любом случае сейчас он вынужден столкнуться с тем, с чем столкнулся. Возможно, Рита была также права, пожелав им легкой смерти как лучшее из того, что она могла предложить.

Ник подумал о смерти. Была ли она концом или только началом? Никто не знал, а лишь надеялся на лучшее, как и та его часть, которая боялась всеобщего угасания. Смерть могла быть умиротворением в таком мире, как этот.

— Николас...

Он поднял голову. В зареве занавеса он смог узнать Хедлета, хотя и не разглядел выражения его лица.

— Да, сэръ?

— Ты был в городе, Сэм говорил нам об этом. И как там?

Слабым голосом Ник рассказал о стенах и улицах, о дверях с рисунками, оживавшими от прикосновения руки, и, наконец, о гигантском кресте и энергии, которая может убить, когда неподготовленный сталкивается с ее силой.

— Египетский крест, — сказал викарий. — Да, это был ключ к бессмертию, как называли его египтяне, когда вкладывали в руки своих богов. Источник энергии, годной лишь для тех, кто отказался от всего, чтобы быть в состоянии воспринять ее.

— Они не олицетворяют зло, — ответил Ник. — Я видел зло, и оно было вне города.

— Нет. Это не зло, но, однако, город требует отказаться от своей воли, от всего того, чем является каждый человек.

— Как этого требует и наша же собственная религия. — Ник не знал, откуда взялись у него эти слова.

— Но это слишком древний путь, от которого мы уже давно отказались. Капитулировать перед силой, Николас, это значит разрушить все наши собственные убеждения.

— Или обнаружить, в конце концов, что есть всего лишь один источник, из которого вытекает множество рек... — И вновь Ник не был уверен в словах, пока не произнес их.

— Что ты сказал? — Тон Хедлета был резкий, яростный и требовательный.

ГЛАВА 16

Времени на ответ у Ника не оказалось. Потому что теперь снаружи, из-за мерцающего барьера, раздался звук, который он уже слышал раньше, — это были принуждающие, сводящие с ума призывы, которые увлекли за собой его похитителей. Он заткнул руками уши, но звук все равно стоял в его голове.

Только на этот раз он не был таким надрывным. Ник сжал зубы и собрал все силы, чтобы не подчиниться этим призывам. В слабом мерцающем свете он видел, как Хедлет согнулся около камней, тоже закрывая уши руками, склонив седую голову.

Это следует побороть! И Ник мобилизовал всю свою волю на сопротивление. Он не знал, в чьих руках было это оружие, но это было зло. Затем он осознал, что мимо него кто-то двигается. Он протянул руки, пытаясь удержать его, но получил удар, который отбросил его назад.

Сейчас он лишь следил за тем, как Крокер приближался к барьеру. Сзади него следовали остальные; Джин была ближе всех к пилоту; затем с перекошенным лицом леди Диана, руки ее тоже были прижаты к ушам; наконец, за ними нетвердой походкой двигался Струуд, шатаясь, словно пьяный или ослабевший человек, которого толкало вперед какое-то неотложное дело.

Четверка приблизилась к барьеру, прежде чем Ник добрался туда со своего места, куда был отброшен рвущимся вперед и тут же скрывшимся из вида Крокером. Хедлет, покачиваясь, тоже устремился туда, но на этот раз Ник был готов. Он прыгнул, ухватившись за викария, стараясь увлечь его за собой, внутрь пещеры.

Линда, миссис Клэпп... он должен остановить их, если сможет. Он тащил и подталкивал Хедлета внутрь. Мучения в голове продолжались, но он должен был справиться с ними... должен. Ведь на этот раз он не связан.

Внутри при свете очага он увидел полный беспорядок. Миссис Клэпп лежала на полу, безуспешно пытаясь подняться. Линда стояла на коленях рядом с ней, не в состоянии помочь, но придерживала руками за плечи, пытаясь уложить ее, в то время как старая женщина вырывалась и отталкивала ее руки.

Впереди них, прижавшись к полу, сидели оба животных. Ланг яростно ворчал, а кот рычал и хлопал хвостом. Оба смотрели на женщин, как будто в любой момент были готовы начать бороться вместе с ними.

Лицо Линды было перекошено от боли, рот обезображен криками и стонами. Миссис Клэпп издавала нечленораздельные звуки.

— Помогите! — Линда задышалась, когда подошел Ник, подталкивая спотыкавшегося Хедлета.

Он дал викарию последний энергичный толчок, на этот раз заботясь только о том, чтобы тот оказался в глубине пещеры, а затем бросился к Линде.

— Она... не... должна... идти...

— Нет! — согласился он. Но его помощь была не нужна, потому что миссис Клэпп с последним криком ослабла и замолчала.

— Нет! — теперь запротестовала Линда. Она подняла голову старой женщины, мягко прикасаясь к ее лицу. — Ник, она не могла умереть!

— Я тоже думаю, что не могла. Понаблюдай за ней.

Викарий упал на пол и теперь сидел, раскинув ноги и свесив голову на грудь, безвольно откинув в стороны руки. Он тяжело дышал, и это были единственные признаки жизни.

Шум снаружи стих. Теперь Ник мог думать более отчетливо и смог слегка расслабиться. Кот и пекинес все еще были возбуждены, но понемногу приходили в себя. Это походило на то, как будто им добавили воздуха.

— Она... она жива, Ник! — Линда оторвалась от своих забот. — Но остальные... они выбежали отсюда... куда?

— Не знаю.

— Это была... еще одна атака сил Тьмы?

Ник не знал, что ответить.

— Я не знаю. Это было то же, что утащило тех людей, которые похитили меня. Но я никогда не видел, что именно было причиной этому... только видел, как они убегали.

— Так же, как и эти здесь. — Линда устроила поудобней голову миссис Клэпп на своей руке. — Я тоже хотела пойти, Ник, но Ланг, Ник, он вцепился в меня, а Джереми удерживал за юбку миссис Клэпп. Они оба... помогали мне не терять рассудка, понимая, что я не должна идти туда... и она не должна тоже. Но как тебе и мистеру Хедлету удалось вернуться?

И в третий раз Ник ощутил неведение. Он знал только одно: что, каким бы болезненным ни был этот звук, он оказался в состоянии противостоять ему, и не только, а еще каким-то образом не позволить Хедлету сбежать за барьер. Он отбрасывал от

себя картины того, что могло случиться с остальными. Потому что в эту минуту было достаточно знать, что сами они не достались врагу.

— Может быть, потому что я слышал это раньше и смог не реагировать, — предположил он. — Может быть, во второй раз удар был слабее и со мной был Хедлет. Он тоже, в первый момент, не двинулся с места, что дало мне шанс...

— Чтобы спасти меня, Николас. — Викарий медленно поднял голову. Его исхудавшее лицо было столь изможденным, что казалось, будто он смертельно болен. Когда он заговорил, его левый глаз начал дергаться. Сокращение кожи и мышц на секунду отобразило на его лице уродливую гримасу. — Чтобы спасти меня от промысла дьявола, Николас. — Он вытянулся и вздрогнул, как будто и все его тело тоже выражало протест. — Мы не должны позволить, чтобы остальные стали жертвой этого... безумия! Они оказались под властью...

— Джереми! — Миссис Клэпп открыла глаза, взглянула на Линду, и на лице ее отразилось изумление. — Джереми... он прыгнул на меня! Мой старичок... он, видимо, сошел с ума!

— Нет, — успокоила ее Линда. — Он хотел спасти вас, и ему это удалось.

Кот подошел ближе. Теперь он опустил передние лапы на грудь миссис Клэпп, потянулся, чтобы дотронуться ее носа кончиком своего. Вслед за этим показался зык, и он быстро лизнул ее лицо.

— Джереми. — Миссис Клэпп подняла руку и положила ее на кошачью голову. — Почему...

— Чтобы спасти вас, — повторила Линда. — Так же как Ланг спас меня и Ник спас мистера Хедлета.

— Но... — Миссис Клэпп попыталась сесть, и Линда помогла ей. Старая женщина огляделась вокруг. — А где же остальные? Леди Диана... она была здесь... и Джин... и Барри...

— Они исчезли. — Это ответил Хедлет. — И мы должны сделать все, чтобы помочь им как можно скорее.

Он старался встать на ноги, как будто собирался бежать с той же неосторожной безрассудностью, которая увлекла остальных. Ник встал между ним и выходом из пещеры.

— Мы не можем сделать это, пока не узнаем, с чем мы столкнулись. Может быть, мы потеряем последний шанс, если просто так, слепо, отправимся в темноту.

С минуту ему казалось, что викарий будет горячо возражать и даже попытается ринуться к выходу. Но вот плечи Хедлета сникли, и он ответил упавшим голосом:

— Ты, разумеется, прав, Николас. Но мы все равно должны что-то сделать.

— Я и намереваюсь сделать это. — Слова будто были вырваны кем-то из Ника. И вновь он был вынужден принимать решение, которого принимать не хотел, вынужден приниматься за дело, которое, по его мнению, было опасным. Раздражающий звук замер вдали, голова Ника освободилась от боли. Означало ли это, что угроза исчезла вместе с добычей, которая досталась так легко, или опасность только утихла, чтобы подготовиться для нового и, может быть, более сильного удара? Не было смысла рассуждать о будущих угрозах, он только что достаточно рассмотрелся настоящих.

— Но не в одиночку. — Сила и мощь, которые всегда были присущи голосу Хедлета, вернулись вновь. — Мы должны отправиться вместе...

— Все вместе, — вступила в разговор Линда, — все вместе.

Ник был готов запротестовать, но потом понял, что, возможно, она мудрее, чем он. Оставить двух женщин одних было бы верхом глупости, потому что, и он понимал это, ему не удастся уговорить викария остаться с ними. Когда барьер иссякнет, силы Тьмы захватят пещеру. Линда и миссис Клэпп останутся без единого шанса спастись. И то, что он видел среди нападающих, придавало ему уверенности в том, что они не должны ни при каких обстоятельствах сталкиваться с тем, что прыгает, ходит или ползает снаружи.

Разумеется, было бы верхом глупости вообще выходить наружу. Но если бы не вышел он, то наверняка Хедлет отправился бы один или вместе с женщинами. Нику следовало быть практичным настолько, насколько позволяла эта непрактичная ситуация.

Так что он предложил упаковать вещи, самые тяжелые для него и Линды, хотя и викарий, и миссис Клэпп настаивали, что в равной мере разделят всю ношу. И викарий даже сделал несколько практических советов.

— Есть ли здесь еще какой-нибудь выход наружу... кроме того, что я обнаружил раньше? — спросил Ник.

— Вдоль ручья, сэр... — миссис Клэпп взглянула на викария. Казалось, что Хедлет засомневался.

— Это очень тяжелый и трудный путь, Мод.

— Трудный, может быть, — твердо ответила она, — но если он уведет нас от тех, кто поджидает перед входом, не окажется ли он самым лучшим?

— Я полагаю... — но его голос звучал неуверенно.

— Вдоль какого ручья, сэр? — Ник добивался уточнений.

— Подземного ручья. Мы никогда не исследовали его до конца. Но там есть место, Сэм показывал его мне, где можно пролезть. Думаю, что вот такое расстояние, как это... — Он показал в сторону входа.

— Тем лучше. — Ник слегка воодушевился. Он предполагал воспользоваться задним выходом, который сам нашел, но был уверен, что ни викарий, ни миссис Клэпп там не пройдут.

Если бы они действительно имели настоящий пулемет, а не его иллюзию или оружие из его собственного мира! У него был кинжал, и еще он нашел в багажной сумке складной нож, о котором почти забыл. Поскольку у Хедлета кинжал был, он отдал нож Линде. Железо... очень незначительная защита. Можно сказать, подумал Ник, что они идут с голыми руками.

Миссис Клэпп огляделась по сторонам. Она осторожно сложила деревянные миски, завернула их в плетенные из травы циновки. Было ясно, что она осознавала, что пройдет еще много времени, прежде чем кто-либо вернется сюда.

— Грубое, дикое место, но оно было таким хорошим для нас.

— Да, Мод, — как можно мягче ответил Хедлет.

— Иногда... иногда я мечтаю о прогулке... среди тех роз и лилий, что росли у домика миссис Лансдоун, которая дала мне там приют. Как хотелось бы увидеть и ту старую дверь, и Джереми, сидящего на ступенях крыльца и поджидающего меня. Я мечтаю об этом, сэр. Это все еще так и стоит у меня перед глазами, правдоподобное, как в жизни...

— Я понимаю, Мод. Я вот думаю... а если бы та бомба не попала в церковь Св. Михаила... Более пяти веков... долгий срок простояла та церковь. И она тоже все еще так и стоит у меня перед глазами.

— Мы все должны помнить, сэр. Этого у нас не отнимет никто. И еще можно иногда закрыть глаза, когда хочется отдохнуть, и вновь видеть все это ясно-ясно. Может быть, если мы вернемся назад... Иногда я говорю себе, что вижу прошлое гораздо отчетливее и лучше, чем это было на деле, сэр. Вы тоже можете... и вы понимаете меня. Это похоже на то, как смотреть

на прошедшие годы, когда человек был маленьким... все вокруг было ярче и лучше. Тогда годы казались дольше, не были такими сжатыми, какими кажутся сейчас. И каждый из них так много заключал в себе... Да, несмотря на все неудобства, это место было замечательным. Идем, Джереми!

Ее речь закончилась на достаточно оптимистичной ноте. К Нику подошла Линда.

— Она доведет меня до слез. О, Ник, я не хочу никаких воспоминаний, не сейчас. От этого я чувствую, что теряю контроль, и вот-вот готова разразиться криком: «Выпустите меня!» Разве ты не чувствовал хоть раз нечто подобное?

— Это зависит, — ответил он, взгромоздя на плечи поклажу, — от того, к чему ты хочешь вернуться. Сейчас нет смысла заглядывать далеко вперед. Нам лучше сконцентрировать внимание на том, как выбраться отсюда.

— Ник, — она прервала его, — что можем мы сделать... можем ли мы что-то сделать, чтобы помочь им?

— Я сомневаюсь. Но эти двое, — он кивнул в сторону викария, помогавшего миссис Клэпп в боковом алькове, — не откажутся от этой попытки. И мы не можем бросить их одних.

Линда прикусила губу, нахмурилась.

— Нет, не можем, и я могу это понять. Но они хотя бы согласны, что это безнадежно? Что могло случиться с остальными, как ты думаешь?

— Любое твоё предположение будет не хуже моего. — Это был лучший из ответов, который он смог дать ей. Ник пытался справиться с игрой воображения, которое было уже готово представить ему все возможные сцены ужасов.

Путь, которым повел их Хедлет, оказался тяжелым и трудным, и вскоре им пришлось вытянуться цепью. Ланг и Джереми имели наилучшие условия для передвижения, поскольку шествовали с куда большей легкостью, чем двуногие люди, и вскоре даже обогнали их. Линда с раздражением время от времени подзывала Ланга, и тот отвечал ей одиночным лаем.

Через короткий промежуток времени они оказались на уклоне, который спускался ниже уровня большой пещеры. Дважды они были вынуждены наклоняться, чтобы продолжать движение в полусогнутом состоянии.

Теперь до них доносилось журчание воды. Последний спуск привел их к более широкому туннелю, который, возможно, за

долгие годы пробила вода, хотя тот ручей, что бежал сейчас по нему, был гораздо уже, чем ширина прохода.

— Сюда. — Хедлет свернул налево. Ник даже обрадовался. Несмотря на то что сейчас он абсолютно не ориентировался в пространстве, ему казалось, что любая открытая местность, лежащая над ними, на поверхности земли, именно в этом направлении будет значительно удалена от главного входа в пещеру. Ему было интересно знать, держится ли еще барьер или нет.

И если он больше не существует, может ли враг предпринять прямую атаку? Ведь, не встретив сопротивления, они смогут проникнуть в пещеру. При этой мысли он неловко повернулся, чтобы взглянуть через плечо или попытаться что-нибудь услышать. Но шум воды и их собственные шаги заглушали все, что могло быть сзади. Он хотел, чтобы Ланг и Джереми оставались в постоянном контакте с ними. Ведь животные обладают куда большей чувствительностью слуха и при необходимости могут поднять тревогу.

Никуну хотелось поторопиться, но он понимал, что больные ноги миссис Клэпп и возраст викария не позволят им идти быстрее, чем сейчас. Он вытащил нож и напряженно прислушивался, готовый к любому новому звуку, кроме текущей воды и собственных шагов.

— Сюда... — Хедлет посветил фонарем влево. В стене туннеля виднелся пролом. Затем фонарь осветил поверхность воды. Они должны были преодолеть эту водную преграду, чтобы добраться до той расселины. Ник собрался было определять ее глубину, когда заметил, что Джереми сидит уже на другой стороне. Но Ланг заскулил и побежал назад, к Линде, просясь, чтобы его перенесли на руках. Так что пекинес считал глубину достаточно большой или имел некоторые другие возражения против того, чтобы шлепать по ней. Кот же, должно быть, мог просто перепрыгнуть воду. Ник обратил внимание на предупреждение Ланга.

— Не ходите вброд! — Он остановился возле викария. — Дайте мне фонарь.

— Ты обратил внимание на Ланга, да-да. — Хедлет протянул ему фонарь.

Ник присел, опираясь на пятки. Остальные стояли, прижимаясь к стене туннеля. Он направил фонарь прямо на поверхность воды. Признаков быстрого течения на ней не было, да и выглядела она мелкой, но он не имел достаточного опыта в таких делах. Вода могла оказаться ловушкой, и животные могли

интуитивно знать это. Тем не менее водное пространство было слишком широким, чтобы они могли перепрыгнуть его... у них нет способностей Джереми. Перейти можно только вброд...

— Ник! — Линда присела рядом с ним. Сейчас она показывала ему рукой чуть выше по течению ручья.

Там было отчетливо заметно нарушение равномерности течения. И оно не было вызвано каким-то торчащим камнем, нарушившим зеркальную поверхность воды, потому что двигалось к ним. Ник протянул ей фонарь.

— Подержи его! — Он уже приготовил нож. Потому что происходившее убедило его, что он имел дело с чем-то неизвестным.

Возмущение водной глади уменьшилось, но дыхание Ника участилось. Это существо, кем бы оно ни было, никуда не исчезло. Скорее всего, оно укрылось в водных наносах.

— Ник! — Голос Линды походил скорее на вопль, но ее быстрая реакция спасла их. Лапа, высунувшаяся из воды, не достигла своей цели. Паучьи пальцы тщетно хватали воздух.

Американец принялся наносить удары кинжалом в воду. Там было заметное волнение. Затем показались голова и плечи существа, которое попыталось лишить их фонаря. Существо это было явно не человеческое. Прежде всего, по размерам несущественно больше Джереми. Во-вторых, покрыто мехом и поэтому могло быть или выдрой, или морским котиком.

У него были огромные круглые глаза, усатая морда, густая масса волос в виде гривы, покрывавшая плечи. Рот был открыт, из него торчали желтоватые клыки. Затем он щелкнул зубами и закрыл пасть, продолжая шипеть, как умел это делать Джереми в приступе ярости.

Ник выдвинул вперед нож. Существо плевалось, шипело, издавало мяукающие звуки, но тем не менее отступило. Это был один из родственников Авалона, Ник был уверен в этом. Он не казался ему посланцем сил Тьмы. То, что он враждебно настроен к представителям рода человеческого, было естественно, но он не был сверх меры злобным.

— Подожди, сынок. — Миссис Клэпп вышла вперед. — Железо может его удержать, слов нет, но есть и другой способ.

Ник с интересом наблюдал, как она рылась в своем багаже и вытащила небольшой прут. Торжественно, будто выполняя некий ритуал в исчезнувшем храме Св. Михаила, она процитировала по памяти:

Водяные, русалки...
Вода убывает,
Ваш дом разоряет.
Идет скот на водопой,
Все крушит перед собой.
От бузины, от рябины
Трижды вон! Сами собой...

Она три раза хлопнула этим прутом по поверхности воды.

Существо будто запнулось, прервав шипение на середине звука, и осторожно поглядывало на нее. Но как только она произнесла «трижды», оно издало жуткий крик и погрузилось в воду. Они могли видеть, как с молниеносной быстротой оно уплыло вверх по ручью. Ланг тоже подбежал к кромке воды и ожесточенно лаял, пока Линда не позвала его.

Миссис Клэпп рассмеялась.

— Удивительно. Никогда в жизни не думала, что когда-то придется произносить это. Моя старая тетка Мег, а она была очень добродетельна, и на самом деле была мне не теткой, а прабабушкой... Прожила она долго: больше ста лет. Она была целительницей и ясновидящей. Люди обычно приходили к ней заговаривать бородавки и прочие подобные вещи еще до той поры, когда молодежь стала смеяться над всем этим... Тетка Мег еще могла распознавать «джентри» — так тогда мы называли тех людей в нашей местности, — хотя очень мало рассказывала о них. Когда-то в детстве она дала мне кусок желтого кекса. И сказала, что это пекли «джентри». Моя же мать, когда я принесла его домой, вырвала его у меня из рук и выбросила. Она сказала, что это глупость, но она имела на это право, потому что знала многое об этих «джентри».

А там был водяной или русалка. Тетка Мег говорила мне, что они сеяли смуту и вред. Жили в болотах, многие из них занимались тем, что вводили людей в заблуждение, сбивая их с пути. И она научила меня этому заговору и рассказала про использование бузины. И нет ничего лучше рябины или бузины, чтобы выстоять против «джентри» и против всякого другого вреда. Да, она научила меня этому, когда я ходила за молоком на ферму Барстоу и должна была проходить часть пути через болото, где была ближайшая дорога домой. Я была уже достаточно взрослой, чтобы держать язык за зубами, и моя мать никогда не узнала об этом. Правда, русалки так никогда

мне и не попались, но я всегда была настороже, как мне велела тетка.

— Он может вернуться? — Линда поймала Ланга и теперь придерживала его.

— Нет, если мы все правильно сделали. — Казалось, что миссис Клэпп полностью уверена в своем способе избавления от водяных и тому подобных существ. — Сначала мы узнаем, насколько здесь глубоко. — Она использовала прут бузины в качестве мерки. — Почти по колено, я сказала бы. — А теперь, — авторитетно заявила она, — нам лучше снять обувь, мне подоткнуть юбку, а вам закатать штаны. Пусть у нас будут мокрые ноги, но одежда и обувь будут сухими.

— Очень мудрая предосторожность. — Хедлет уже стащил свои мокасины и закатал брюки.

— А вот это, — миссис Клэпп протянула прут, — я собираюсь устроить, вот так. — Она вертикально воткнула прут в илистое дно. — Это будет прикрытием для нас.

Когда они совершали свой переход, кругом плескалась вода, тем не менее Ник продолжал следить за всякими подозрительными колебаниями водной поверхности, которые могли бы отмечать возвращение «водяного». Он переходил последним, и миссис Клэпп крикнула ему:

— Захвати с собой этот прут, сынок. Кто знает, когда еще придется подержать в руках хороший куст бузины. Что-то в этих местах она не растет.

Он вытащил прут и протащил его за собой по воде, как будто добавил предосторожностей против нападения, а затем протянул его владелице. Миссис Клэпп стряхнула с прута капли воды и проворно уложила его в свой багаж, словно все только что произведенные ею действия были самыми обычными ежедневными делами вроде сна или еды.

Подъем оказался круче, чем спуск. Особенно трудно было миссис Клэпп. Она тяжело дышала, но ни разу не жаловалась. Иногда даже делала оживленные замечания по поводу их помощи или собственной неповоротливости.

— Теперь все время вперед, и лучше я выключу это. — Хедлет нажал на кнопку фонаря. Наступила мгновенная, подавляющая темнота, так что Ник даже запротестовал, но викарий продолжил: — Подождем, пока наши глаза привыкнут. Снаружи ночь, но там есть хоть какой-то свет... например, луна...

— Позвольте мне пойти впереди. — Ник не очень-то хотел это делать, но еще хуже было идти следом за двумя женщинами и пожилым мужчиной. Тут что-то слегка задело его сбоку, и он едва не вскрикнул. Потом понял: это Джереми.

Ник с приличной силой врезался в твердую поверхность и сообразил, что перед ними поворот. Нашупывая одной рукой путь и держа в другой нож, он повернулся и увидел впереди себя светящуюся точку.

— Подождите, — прошептал он, — пока я не проверю.

— Справедливо, — согласился Хедлет.

Ник очень медленно двинулся вперед, стараясь не упасть или произвести какой-либо другой шум. Если те, кто осаждал вход в пещеру, имел здесь аванпост, то они вполне могут поджидать их.

Этот короткий путь оказался самым трудным из всего, что Ник когда-либо заставлял себя делать. Но, в конце концов, он почувствовал свежий ночной воздух и увидел лунный свет. Он присел, изо всех сил желая услышать лишь естественные ночные звуки... а не те, которые означали опасность.

Затем Ник увидел Джереми. Кот был уже на открытом пространстве, его серая шерсть была едва различима в ночной темноте. И от него Ник получил одно из тех мысленных посланий: ничего, угрожавшего им, в окрестностях не было... они были свободны от сил Тьмы... пока.

Ник прополз назад, до поворота, и шепотом сообщил добрую весть. Ожидавшая его тройца последовала за ним. Минуту или две они шли и вот наконец выбрались через щель в ночь, стоя под звездами и глядя на серебристый диск луны.

— В какую сторону мы пойдем теперь? — поинтересовалась Линда. Она несла Ланга, и Ник подумал, что она не верит, что пекинес не бросится к какой-нибудь поджидавшей их опасности.

— Я полагаю, вперед. — Хедлет держал в руках компас. — Мы должны были идти на восток, потому что перед этим повернули на юг. Таким образом, возможно, нам удастся обойти тех, кто находится у пещеры.

— Если они все еще там, — заметил Ник.

Заполучив трех пленников, будут ли они дожидаться остальных? Он подумал так скорее в связи с тем, что они могли просто оставить там кого-то на страже, а сами уйти со своими пленниками. Если те все еще их пленники, а не...

Он отказывался видеть то, что рисовало воображение. Нет еще, нет, пока они не имеют доказательств, нельзя верить, что пленники погибли. Если следовать соображениям викария, то потеряют некоторое время, но тем не менее соображения эти были вполне разумны. И чем с большей гарантией они смогут избежать встречи с этими ужасными отрядами, какие он уже видел, тем будет лучше.

Рита... Вернулась ли она под безопасные стены города? Она очень ясно дала понять, что больше помогать им не будет. Но только так и могло быть. Они отказались от ее предложения. И что они получили взамен?.. Потерю половины своей компании.

— Николас. — Он повернулся навстречу едва различимой фигуре Хедлета, поддерживавшего за руку миссис Клэпп, которая призналась, что у нее плохо ночью со зрением.

— В чем дело?

— Мы больше не одни. — Это было пугающее сообщение, которого Ник больше всего боялся после выхода из пещеры.

ГЛАВА 17

Ник тоже почувствовал это... присутствие или присутствия... но отнюдь не зла, которое было столь отвратительным порождением Тьмы. Он услышал мяуканье Джереми.

Затем в очередной раз увидел кота. С ним был Ланг, который, должно быть, сбежал от Линды. Животные стояли рядом, а перед ними был один из тех диковинных лесных зверей, размером больше любого из них. Зверь наклонил голову и обнюхал сначала нос кота, а потом пекинеса.

Зверь этот был один из тех или очень похож на того, что был в свите зеленого лесного человечка... существо, которое Хедлет назвал «энфилд». У него был такой же, как и у Герольда, светящийся ореол, золотистого цвета. В свете излучения отчетливо видна его лисья голова, собачье тело, когтистые, как у орла, лапы, задние собачьи ноги и волчий хвост.

Каким образом произошел обмен мнениями между животными, узнать было невозможно. Тем не менее «энфилд» поднял свою заостренную морду и издал крик, который не походил ни на лай, ни на вой, а скорее напоминал пение. Из темноты ему последовал ответ, самых различных нот и тонов, как будто люди оказались окружены странными, инородными существами.

Теперь энфилд повернул голову, чтобы рассмотреть и людей. Глаза его горели как два желтых язычка пламени. С интервалами в секунду он изучал их, затем вновь издал все тот же звук. Когда пришел ответ, зверь исчез, вспыхнув, как может вспыхивать пламя свечи под порывами ветра.

— Что?.. — Линда была явно потрясена.

Но Ник знал без всяких слов. Ему все было ясно.

— Нам не следует бояться... их, — сказал он.

— Свободные обитатели лесов, — добавил Хедлет. — Возможно, что мы не умеем воспользоваться их древними обычаями по нашим слишком формальным правилам.

— Я не понимаю, о чем вы говорите! — взорвалась Линда. — Что это было... это существо? И, Ник, эти звуки... И все они окружили нас. А что, если...

— Нам не следует бояться, — повторил он. — Во всяком случае их.

Можно ли было надеяться, что у них появился эскорт? Или эта невидимая компания зверей будет оставаться нейтральной? Он знал, что они все еще здесь, хотя и не видел их. И теперь, когда исчез энфилд со своим лучистым ореолом, нельзя было разглядеть ни Джереми, ни Ланга.

— Нам бы лучше идти, — добавил Ник. Он не сказал, что ему хотелось посмотреть, будет ли окружающая их компания двигаться вместе с ними.

— Да! — Линда с нетерпением рвалась вперед. Несомненно, она хотела, чтобы все невидимое осталось сзади. — Ланг! — позвала она негромко. — Сюда, Ланг!

Пекинес с готовностью подошел к ней, и она взяла его на руки, будто боялась, что он в любой момент сбежит от нее. Затем Ник почувствовал толчок пушистого тела около своих ног, наклонился и поднял Джереми. Кот изогнулся, вывернулся и устроился на плечах у Ника. Американец чувствовал легкое неудобство от его тяжести, но понимал, что должен считаться с выбором Джереми.

Ориентируясь по компасу, они шли на восток, обходя открытые места, где это было необходимо. Но двигались они медленно. Ник знал заранее, что миссис Клэпп будет отставать от них, и он подозревал, что не на много лучше обстояли дела и у викария. Им был необходим отдых.

Когда он предложил остановиться, то возражений не последовало, и, используя для укрытия заросли кустов, они, едва не

свалившись, опустились на землю. Джереми спрыгнул с плеч Ника, чтобы тут же исчезнуть. Трудно было определить, как далеко они ушли от пещеры. Ник же считал, что они могли бы уже повернуть к югу, чтобы немного срезать путь.

При утреннем свете идти было бы гораздо лучше, и он отметил этот факт. К его удивлению, викарий согласился. Они решили, что трое будут по очереди наблюдать за окрестностями, чтобы миссис Клэпп могла полностью отдохнуть.

Ник вызвался на дежурство первым. Казалось, что лунный свет ослаб, и ему следовало больше надеяться на собственный слух, чем на зрение. Он воткнул нож вертикально в землю, как раз между коленей, положил ладонь на рукоятку и решил поразмышлять.

Он был уверен, что у них очень мало шансов освободить остальных. Но в этом они должны убедиться сами. А потом... что они могли бы сделать потом? Можно потихоньку вернуться назад, к тому месту, где они оставили джип, и там попытаться осуществить предложение Линды и «открыть» дверь домой? В отношении этого Ник считал, что попытаться они могут, но шансов на успех практически не существует.

И что же остается? Мучительное, полное опасностей существование в качестве потенциальной добычи либо летающих тарелок, либо апологетов Тьмы. Возможно, им удалось бы уйти подальше от этих мест и опять вернуться в тот фермерский дом. Но ведь была еще проблема пищи... а жизнь в постоянном страхе вообще нельзя считать жизнью.

Англичане еще у себя дома узнали и воздушные налеты, и постоянную угрозу вторжения. Ник читал об этом, но это было очень далеко и очень давно. Нельзя осознать такой страх, пока сам не будешь вынужден жить в нем. И он, и Линда не имели возможности столкнуться с этим раньше, хотя и в их мире тоже бывало насилие.

Лучшим выходом по-прежнему оставался город. Но если викарий и миссис Клэпп будут продолжать отказываться... что тогда?

Ник насторожился, высвободил нож. Он ничего не слышал, ничего не видел — но поблизости что-то было. Одно из этих необычных животных? Они, Ник не сомневался, сопровождали их с момента встречи.

Вдруг он услышал негромкие всхлипывания. Ланг пришел с той стороны, где лежала Линда. Когда Ник погладил пекинеса,

то почувствовал, что собачка вздрагивает, как будто хочет бежать вперед и явно с желанием поприветствовать кого-то. Ник не почувствовал никакого страха, а лишь возбуждение.

В воздухе образовался слабый набросок, будто от светового карандаша, очертивший какую-то фигуру.

Ник поднялся навстречу, увидеть — кто или что стояло там. Свет усиливался. Ник ожидал увидеть Авалона. Но это была Рита!

— Ты! Но... — В нем росло раздражение. — Ты весьма драматически рассталась с нами. Почему же ты вернулась сейчас?

Ее фарфоровое лицо было непроницаемым.

— Для вашей пользы. Хорошо уже даже само то, что я вообще пришла сюда. Те, кого вы ищете, теперь пленники воздушных охотников, а не сил Тьмы. Если сейчас вы отправляетесь прямо за ними, то ищите воздушных охотников.

— Почему ты рассказываешь мне это? — спросил Ник. — По твоим словам, ты находишься по другую сторону и Авалону нет нужды заботиться о нас.

— Это правда. — Весь ее облик слегка дрогнул. — Но если вы будете искать их среди слуг Тьмы — тогда просто пропадете. Мне бы хотелось, чтобы вы уцелели.

— А остальные?

Рита покачала головой.

— Как вы можете спасти их? Что касается тех, кто захватил их, то они могущественнее, чем вам кажется. У них есть оружие, которое с известными вам типами вооружений соотносится так же, как вооружение вашего собственного мира соотносится со стрелами и луками.

Поднявшаяся внутри Ника ярость, причины которой ему были непонятны, не стихала. В таком запале, скажи Рита, что солнце ярко светит, он начал бы отрицать и этот факт. В первый момент ему показалось, что ее информация была уловкой. Затем он уверился, что это правда.

— И этот звук — тоже часть их оружия?

— Да. Он принуждает... притягивает... подчиняет...

— Тогда почему это оружие не подчинило нас всех?

— Я уже сказала тебе... вы все разные. Тебя коснулась Великая Сила. Кроме того... он... и Мод... и эта девушка, они тоже верят в нее, хотя и отрицают. Мод и Эдриан Хедлет — сподвижники старой веры и их прошлого. Девушка... ее собака открыла ей дверь. Каждый из вас имеет слабую, но защиту от этого их

оружия, а Ланг и Джереми полностью неуязвимы для него. Они с Авалоном, но своим собственным путем.

Теперь в мерцающем отблеске ее ореола он увидел, что кот и пекинес сидели около ее ног, глядя вверх на нее будто замороженные. Она наклонилась и коснулась кончиками пальцев мохнатой головы каждого из них.

— Они по-своему мудры, — сказала она.

— Мудрее нас?

— Спроси об этом себя, а не меня.

Свечение начало меркнуть, стягиваясь вокруг нее. Ник встал.

— Подожди!

Но никто не ответил ему. Рита исчезла.

— Это доброе дело. — Рядом с ним была Линда. — Ты веришь ее словам?

— Да.

— Вся беда в том, что я не люблю ее... фактически, если хочешь знать доподлинно, мне кажется, я ее ненавижу... но при этом верю ей. И что это означает, Ник? Можем ли мы, насколько возможно, помочь остальным, если их захватили летающие охотники? Я не представляю, как это можно сделать.

— Сейчас я тоже не представляю, — признался он. — Они могли увезти их куда угодно.

— Это не так безнадежно, как могло бы показаться. — Они оба вздрогнули от прозвучавшего из темноты голоса викария. — Да, я проснулся, видел и слышал вашего визитера. И я тоже верю ей. Но, если вспомните, мы оказались в этой местности как пленники этих самых летающих охотников. У них есть главная база недалеко от того места, где мы попали в аварию и освободились. Несомненно, что всех узников, которых они схватили, можно отыскать там.

— Но мы не сможем проникнуть туда, — запротестовал Ник. — Рита права, и вы знаете это. Они обладают оружием, которое превосходит все известное нам. Они оглушают, а затем ловят сетями, как мы уже видели. И этот звук... вернее, лучи, которые они направляли на Герольда. У нас нет защиты против этого. Просто безумие думать о том, что мы можем освободить их. — Но, даже протестуя, Ник знал, что Хедлет все равно не будет убежден, вознамерившись освободить остальных, будь то возможно или невозможно.

— Кажется, у нас есть некоторая защита против этого звука. — Викарий как будто не слышал ничего, только что сказан-

ного Ником. — Ты уже забыл, что сказала Рита про меня, про Мод, про нашу веру в прошлое? Ты не догадываешься, что она имела в виду? — Ник подумал, что он и сам задавался этим вопросом, даже скорее, чем его собеседники. — Мод из Суссекса, из очень старой его части. Ты помнишь ее рассказ про ясновидящую прабабку? Что касается меня — у нас в роду было десять поколений священников и сквайров... и мне известны многие древние уклады жизни и обычаи...

— Древние обычаи, — повторил он. — Да, Авалон и «люди»... я давно слышал о них. Церковь и Меч изгнали их прочь, но они не исчезли, а все-таки сохранились в этом мире. Возможно, в Англии они считались изгнанниками, возможно, где-то они стали колонистами. «Джентри», так иногда называли их... потому что они и на самом деле были «благородным сословием» в старом смысле этого слова: честный взгляд, учтивость, временами бескорыстная помощь людям.

— У них бывали и недостатки. — Миссис Клэпп была вынуждена вмешаться. — Они не любили тех, кто шпионил за ними и доставлял им неприятности. Но они были достаточно известны, по крайней мере старикам. А те, что летают здесь, это совсем другие люди, совсем не похожие на нас. И если они схватили их — леди Диану, Барри, Сэма, мисс Джин, — то как же мы собираемся вернуть их назад?

Было похоже, что ее неожиданный вопрос оторвал викария от собственных раздумий.

— Над этим надо поразмыслить, Мод.

— Для этого понадобятся не только размышления. — Хедлет был не тот человек, мнение которого можно проигнорировать. Это Ник понял уже с первой встречи с ним. Но сейчас он не был готов принимать нереальные планы. Его чрезвычайно беспокоила сила и мощь летающих тарелок.

— Ты прав, Николас, — согласился викарий.

— Но, — продолжил он, — теперь мы знаем, где должны искать. На севере, а не на юге.

Ник уже давно счел бесполезными попытки убедить англичан отменить поиски. И бросить их он тоже не мог. Может быть, ему и следовало бы придумать какие-либо аргументы, но на ум ничего не приходило.

Все, что он мог сделать, это задавать вопросы: методически расспрашивать Хедлета о том, что он наблюдал во время плена внутри самой летающей тарелки. То, что летающие охотники

могли оглушать свои жертвы, сомнений не вызывало. Оказавшись совершенно беспомощными, такие пленники затаскивались в тарелку, а через некоторое время воздействие это заканчивалось. Когда они оказывались в тарелке, их запирали в отсеке, который был чем-то вроде передвижной тюрьмы.

Побег англичан стал возможен благодаря счастливой случайности, которая может произойти раз на тысячу случаев.

Что-то нарушилось в подаче движущей энергии, и тарелка упала. Дверь в их камеру оказалась сорванной, и англичане увидели, что по меньшей мере двое из их тюремщиков мертвы.

— Их шлемы были разбиты, — пояснил, Хедлет. — И, очевидно, они не могли дышать этим воздухом без защитных масок, которые входили в состав их экипировки. Это было одним из наших преимуществ...

И очень небольшим, заключил Ник. Как разбить эти шлемы в каком-то сражении, если враг может стоять на значительном удалении от них и поливать их лучами? Чем больше он думал об этом, тем больше убеждался, что эта Миссия напоминала самоубийство.

— Они все были убиты? — спросил Ник.

— Да. Барри и Сэм вернулись на корабль... Барри все еще имел надежду узнать способ их передвижения в воздухе. Но все, что он смог выяснить, это что управление корабля замкнуто на некий прибор самонаведения. Очевидно, он и возвращал летающую тарелку на ее базу. А что послужило причиной катастрофы, узнать не удалось. Но весь экипаж погиб. Они все были очень маленькие, как карлики, и кожа у них синего цвета. У Барри и Сэма не было времени на дальнейшие поиски, потому что они обнаружили еще один прибор, который, как пояснил Барри, мог передавать сигналы о катастрофе. Мы поспешили поскорее убраться оттуда, что было осмотрительно, так как вскоре вдаль увидели еще одну тарелку... возможно, она искала потерпевших крушение.

— Замкнуто на прибор самонаведения, — повторил Ник. Значит, если кто-то окажется в тарелке, то она... возможно, доставит его на их главную базу.

— Это о чем-то говорит тебе? — начал вопрос викарий, а затем добавил с восторгом: — Но, разумеется, это был бы идеальный способ войти незамеченными во вражескую крепость, а разве нет?

— Да, идеальный, — напомнил ему Ник, — попасть прямо-

ком в тюрьму, какой бы ее ни устроили эти хозяева летающих тарелок.

— Возможно, да, а возможно, и нет. Это как раз вопрос для размышлений, Николас. Да, прекрасный вопрос для размышлений. Подумай о таком варианте, мой мальчик... если мы не все оказались поражены их звуковым оружием, то, следовательно, может быть и так, что мы для видимости дали бы им возможность взять нас в плен, а затем поменяться ролями... как говорит старая поговорка... с нашими тюремщиками.

Немыслимо! Он действительно в это верит? Это слишком фантастическая идея. По сравнению с этим посещение Ником города было просто ничто.

— И мы могли бы сделать это?

Ник резко повернулся к Линде. Он почти бессознательно ожидал, что одна она из их небольшой группы всегда поддержит его в любом проявлении энтузиазма, и теперь с вниманием слушал ее.

— А не могли бы мы использовать в качестве приманки иллюзии? — продолжила она.

Раздражение, возникшее было у Ника, спало. И хотя ее лицо было всего лишь расплывчатым пятном в ночном мраке, Ник неподвижно уставился на нее. Иллюзии в качестве приманки? А при этом, возможно, и засада на тарелку? Нет, это не сработает — ведь у них нет оружия, кроме этих ножей...

— А вот это, моя дорогая, очень хорошая мысль. Я уверен, что мисс Линда подала идею, которая точно сработает...

— И как это мы набросимся на них, когда они спустятся к нам с сетями? — Ник повысил свой голос, выражая протест. Тут он почувствовал давление и резкое покалывание ноги. Он вскрикнул. Джереми запустил когти в его ногу, требуя внимания.

— Джереми. — Ник опустил на колено, поглаживая когта. — В чем дело?

Туманные очертания перед ним перемещались взад и вперед, и Ник попытался сфокусировать на них свое зрение, как будто силился разглядеть картину сквозь густой туман. И даже когда он полностью сосредоточился, картина была странной, как будто он смотрел через необычные глаза, имевшие другие качества, нежели его собственные. Ланг... определенно этим скачущим существом был Ланг, метавшийся в предельном восторге. А еще здесь был энфилд, а сзади них еще несколько диковинных

гибридов. Это были звери Авалона. Неужели Джереми обратился к ним за помощью?

Да!

Мысль эта была ответом на его не прозвучавший вопрос.

Этот план имел множество белых пятен и зависел главным образом от удачи, от «крючка» с приманкой для тарелки и от согласованности действий всех участников. Но, может быть, только может быть, они могли осуществить это. И такое решение было бы куда лучше, чем слепо идти навстречу опасности, что викарий и сделал бы, не предложи Ник никакой альтернативы.

— Сэр. — Ник пытался собрать все свои силы убеждения, чтобы донести весь смысл задуманного. — Вам кажется, такой план может сработать? — И, произнося это, он сам уже додумывал новые детали и добавлял улучшения (он надеялся, что это именно улучшения).

Они занялись подготовкой к этому плану, и несколько часов спустя жаркое солнце застало их на краю поляны. Закончив с подготовкой, они отдохнули, а затем в сопровождении зверей Авалона добрались до нужного им места.

Сейчас они все, мужчины, женщины, собачка и кот, объединились в цепочку, складывая свою энергию. Возможно, они вновь злоупотребляли тем, о чем предупреждала Рита. Но в этом был их единственный шанс. Они лежали в укрытии, а в это время по открытому пространству очень медленно двигались две фигуры. Поскольку был предел их энергетических возможностей, то миссис Клэпп предложила ограничить число воспроизводимых иллюзий всего лишь двумя фигурами: ее и викария. Она и Хедлет сформировали эти фигуры, а остальные, включая собаку и кота, питали их дополнительной энергией. Сейчас животные бежали рядом с этими передвигающимися фигурами-иллюзиями. Остальные прятались в густой траве.

Теперь... нужна была еще тарелка, чтобы проглотить наживку и крючок. Сколько им придется еще ждать? Наверное, самым лучшим для них было бы периодически возобновлять этот процесс — потому что на постоянное его поддержание у них не было сил. Как долго?..

И вовсе не долго! Тарелка появилась перед их взорами в один из первых «сеансов». Она ринулась вниз и оказалась как раз над пошатающимися фигурами. Время! Ник дал сигнал. Иллюзии упали, растянувшись во весь рост. Из брюха тарелки свесилась сеть и начала опускаться.

Ник смог разглядеть раскачивающуюся траву: звери двинулись на исходные позиции. Наверняка чужаки должны бы заметить это подозрительное движение! Но если они и заметили, то не придали ему значения. Сейчас настало время подготовиться и ему. Он обливался потом, и отнюдь не от жары. Сейчас все зависело от того, имелась ли у них на самом деле хоть какая-то степень защиты от того звукового оружия.

И он побежал, петляя по пути, хотя это и не могло служить защитой против атаки из тарелки. Один из ее экипажа уже спустился вниз и подтаскивал трос к неподвижным телам, второй свешивался из люка, глядя вниз и готовясь присоединиться к нему.

Затем Ник получил удар, последовавший из тарелки, как будто тяжелый кулак врезался в него. Как и планировалось, он упал... что в данных обстоятельствах сделать было совсем не трудно. Они должны думать о нем как о пленнике... а возможно, он уже и был им. Но тут он собрал все силы, как однажды уже делал это в плену. Он смог сделать это, и его тело по-прежнему слушалось его. Он мог двигаться. И он двинулся.

Вокруг него была высокая трава, из-за этого часть происходящего на поляне ему не видна. Хедлет, миссис Клэпп и Линда будут поддерживать иллюзию двух неподвижных фигур сколько смогут. И чтобы их план получил успех, они должны «удержать» их до тех пор, пока он не доберется до сети. Тут он заметил, что один из «чужаков» приготовился накинуть сеть на иллюзию Хедлета. Но в этот момент сзади него качнулась трава. Небольшая серая масса выпрыгнула оттуда прямо на плечи «чужака», вцепившись когтями в его шлем. Затем к атаке присоединилось светящееся существо, которым вполне мог быть и энфилд. Второй обитатель тарелки начал было возвращаться вверх. Тут из засады поднялось существо, взметнувшееся вслед за ним по канату со всей проворностью своего обезьяньего тела, хотя на плечах его была голова совы. Без всяких затруднений оно ухватило «чужака», и вскоре он, не способный удержаться, свалился вниз.

Ник уже был под тенью тарелки. Чем дольше он сопротивлялся сковывавшей его силе, тем легче ему было двигаться после ее действия. Какова же численность экипажа? Обезьяна сова спрыгнула на землю. Сейчас сеть была заполнена целым отрядом зверей, которые не давали ей подняться. Похоже, они вообще могли удержать тарелку, как на якорю.

Наконец Ник ухватился за веревочную лестницу. Но обезьяна-сова уже опередила его, взбежав вверх, как будто перед ней был обычный лестничный марш. По мере того как она поднималась, очертания ее расплывались, и вверху она стала выглядеть одним из членов экипажа. Ник начал подъем. А как там те, что прячутся сейчас в высокой траве и управляют видениями? Все ли у них шло по плану? Выглядит ли он уже сейчас карликом в шлеме? Вверх и вверх... он едва верил, что смог забраться так далеко. Вот он миновал люк, а обезьяна-сова уже исчезла за следующей дверью. Сзади Ника поднимался Джереми. Он оказался вполне способным использовать свои когти на веревочной лестнице.

Ник торопился вслед за обезьяной. И вот он оказался в кабине управления тарелки. Полыхнуло пламя, ярко высветив очертания обезьяны-совы, чья иллюзия тут же исчезла. Но само существо оставалось нетронутым, как и Герольд под лучами тарелки. Ник прыгнул... их здесь было только двое, карликов в шлемах. У одного из них обезьяна уже выбила из рук оружие и прижимала его хозяина назад, в сиденье, из которого тот попытался выбраться.

Ник с треском ударил второго, размазав его по стене кабины. От удара тот лишился сил и свалился на пол. Какое-то время Ник придерживал его, пока не убедился, что он не опасен. Затем Джереми прыгнул на эту лежащую фигуру, прижимая рычащую пасть к поверхности шлема. Глаза, находящиеся под ним, были закрыты.

Его напарник все еще слабо сопротивлялся обезьяне, которая тащила его к открытому люку. Ник же осторожно осмотрел весь корабль. Но в экипаже оказалось только четверо, и они взяли их всех. Он был слегка потрясен и все еще не мог поверить, что они осуществили эту часть плана.

Теперь он боялся, что тарелка может неожиданно исчезнуть вместе с ним. Двое из экипажа, еще живые, как надеялся Ник, были спущены на землю. Из тех, что были у сетей, один был мертв, его шлем треснул, другой теперь оказался пленником. Ник не был сторонником бессмысленного убийства и предпочитал оставить пленников под охраной зверей в каком-нибудь необитаемом месте, откуда нельзя было вызвать никакую помощь. И чем скорее он поднимет на борт всю свою компанию, тем будет лучше.

Хедлет и Линда вполне могли подняться по лестнице. Но им придется задействовать сеть, чтобы поднять миссис Клэпп

и Ланга. И, как только сеть окажется на борту, люк захлопнется под действием автоматического механизма и тарелка оживет.

Ник пробрался в кабину управления и с трудом втиснулся в одно из кресел. Он даже не надеялся использовать все расположенные перед ним средства управления, эти многочисленные рычаги и кнопки. Хотели они или нет, но будут внутри вражеского корабля, и их место назначения неизвестно. И сейчас, пока у него было время, он вновь ощутил беспокойство. Их удивительная удача, как, например, с этой засадой, не могла продолжаться вечно.

ГЛАВА 18

— Это наш шанс! — Линда попыталась устроиться в соседнем с ним узком кресле.

— Наш шанс — на что?.. — Ник уже дважды исследовал тарелку. Он нашел несколько предметов, которые могли служить оружием, но не отважился экспериментировать с ними внутри кабины. Единственный шанс, который он видел, был до такой степени рискованным, что его можно считать самоубийством.

— Чтобы вернуться назад, в наш прежний мир. — Она сгорала от нетерпения. — Эти летающие тарелки наверняка умеют проникать туда. Ведь люди видели их там. Нам нужно только узнать, как, и мы уже дома!

— На то, чтобы узнать как, — заметил Ник, — может потребоваться некоторое время. А у нас нет времени. Когда эти земли...

— Мы вновь сможем воспользоваться иллюзиями. — Линда не учитывала вторичные детали, ее цель была главной.

— Ты хочешь сказать — надеемся, что сможем, — Ник обнаружил, что траектория полета тарелки вызывает у него тошноту, и поэтому хотел сейчас только поскорее освободиться из этого чужого корабля.

— Сможем. И мы можем вернуться! — Ее оптимизм не уменьшался.

— Но ты забываешь про фактор времени, не так ли?

— Какой еще фактор времени?

— Те, остальные... они думали, что провели здесь всего несколько лет. Но оказалось, что на самом деле тридцать. А сколько времени провели здесь мы... дней... недель... Я не считал их. А сколько времени мы отсутствуем?

Что случилось за это время там, в Кат-Оуффе? Как давно закончились их поиски? И что стало с отцом и Марго? А кто разыскивает Линду? Она ничего не рассказывала ему о своем прошлом. Кто у нее остался там?

— Ник... — Ее пыл слегка охладел. — Ты думаешь... Но этого не может быть! Не может быть, чтобы нас не было там несколько месяцев, не может быть!

Он ничем не мог утешить ее. Прежде он ни разу не задумывался над этим ни в отношении себя, ни в отношении Линды. Но сейчас Ник столкнулся с этим лицом к лицу и обнаружил, что на самом деле не очень-то и переживает об этом. Все, что происходило до того, как они оказались в этом лесу, казалось, относится теперь к прошлой жизни другого человека и имеет очень небольшое отношение к тому Нику Шоу, каким он был в данный момент.

— Дэйв... — Взгляд Линды был неподвижно устремлен вперед. — Что будет делать Дэйв? Что он подумает?

— Кто такой Дэйв?

— Мой отец, Дэвид. Он работает в НАСА... на полуострове Кейп-Код. Я оставалась с тетей Пэг на каникулах. Но только я и Дэйв... это вся наша семья!

Линда сторбилась, так как кресло не подходило ей по размерам.

— Ник, мы должны вернуться назад. И те, кто летает в этих кораблях, должны знать, как это можно сделать.

— Сначала следует сделать самое главное... — Ник хотел начать издали, совершенно не представляя, как смог бы убедить ее в невозможности ее намерений, когда тарелка начала вертикальный спуск.

Они достигли какого-то места назначения. Ник нисколько не управлял этим полетом. Теперь следовало убедиться в том, есть ли в их распоряжении какие-либо средства защиты против того, с чем они могут столкнуться снаружи. С едва различимым толчком корабль коснулся земли и затих.

Ник направился туда, где располагался люк. У них был самый лучший из всех возможных вариантов план, и на их стороне был еще и такой фактор, как внезапность.

И вновь ему пришлось взять на себя инициативу. Остальные, используя объединенные усилия по концентрации внутренней энергии, должны были прикрывать его. Как только боковая сто-

рона тарелки отодвинулась, образуя наклонный трап, Ник, сделав глубокий вдох, двинулся вперед.

Он не мог сказать, был ли смысл в его защитной иллюзии. Ведь сейчас он должен был бы представляться снаружи самым обычным членом экипажа тарелки. Но то, что он мог видеть перед собой, явно не успокаивало. Там был еще один корабль, на таких же ногах-ходулях, с отброшенным трапом. Справа виднелся участок земли, на котором сгрудилась группа беженцев. Ник не заметил вокруг них никаких стен, однако никто не пытался бежать, хотя охраны тоже не видно.

Пересечь пространство между кораблем и пленниками было тяжелым испытанием.

Каждую минуту Ник ожидал, что от него потребуют остановиться или просто уложат на землю лучами. Он разглядывал узников, пытаясь понять, что их удерживает там.

На некотором расстоянии сзади них поднималась в небо высокая мачта, установленная на широком прочном основании. На ее вершине разбегались в стороны два веера, похожих на лопасти вентилятора, образованных из натянутых на рамы блестящих проводов. Как раз когда Ник увидел их, они начали медленно двигаться вверх, пока не сомкнулись над вершиной мачты. Вдоль проводов наблюдалось свечение, которое усиливалось, принимая огненно-красный оттенок.

Окружавший Ника воздух потрескивал от избытка энергии. Это было похоже, но в то же время и не похоже, на излучение египетского креста. Ник знал без всякого понимания, как или почему, что здесь широкое энергетическое поле.

Сейчас он наблюдал за теми, кто управлял им. Их было шестеро, одетых в знакомые ему костюмы. Они работали у самого основания мачты. Что именно они делали там, не имело большого значения. Сам факт, что они поглощены своей работой, давал Нику слабую возможность что-то сделать.

— Те, кого мы искали... они там... — Таким было восприятие, полученное им от Джереми, находящегося справа от него. Слева же находился Ланг. — Невозможно пройти... впереди стена... — В первый раз он уловил мысль и от пекинеса.

Ник осторожно продвигался вперед. Джереми выбежал перед ним. И остановился, как будто его нос уткнулся в невидимый барьер. Силовое поле? Достаточно одному из «чужаков» лишь взглянуть — и заметить, что он исследует его...

Хотя Ник и вытянул вперед руку, чтобы дотронуться до того, что, по сообщениям животных, находилось там, он ничего не почувствовал... за исключением того, что разряд энергии едва не сбил его с ног. При такой ситуации, как же могли пленники сбежать? И как мог он добраться до них? Если бы он знал, как управляется корабль, они могли бы подняться на нем вверх, а потом опуститься по другую сторону барьера. Но это было выше его способностей.

Теперь и пленники заметили его. Он видел лица, обращенные в его сторону. Две всклокоченные фигуры вскочили на ноги... Крокер и Джин. Видели ли его как Ника или же иллюзию «чужака»?

Иллюзия... слабый обрывок мысли, все время ускользавшей от него. Что там говорил Хедлет? Что иллюзии, которые может воспринимать человек, порождаются его зрительными образами, а также и страхами. И что та средневековая компания, взявшая его в плен, видела демонов и дьяволов из своей собственной эпохи. Демоны и дьяволы... а какими они могли быть для этих «чужаков»? Если бы он знал чуть-чуть больше! Ник ощутил беспомощность, почти такую же, как и в том лагере, когда впервые попытался воспользоваться свободой разума. Но сейчас у него не было ни указаний, ни способа узнать, что именно могло бы послужить подходящим демоном или дьяволом, чтобы вызвать его сюда.

В его голове вспыхнули воспоминания — как Герольд беззаботно и беспечно поднимается на своем коне, атакуемый тарелкой. Но он-то не был Герольдом и не мог им быть. Ник был уверен, что ему не удалось бы воспользоваться даже внешним обликом Авалона, если бы и удалось создать его на короткое время. Ник чувствовал, что Герольд слишком близок к Авалону, чтобы пытаться здесь заменить его простой человеческой подделкой. С другой стороны, раз это место относится к Авалону, то должна быть какая-то угроза, способная удерживать тех, кто не относится ни к «людям», ни к их силам? Какой иной страх или угрозу мог он вызвать на помощь себе? Подождите... подождите... был еще момент, когда другой корабль атаковал тарелку...

Корабль-сигара! Демоны и дьяволы! Но удастся ли им произвести его в качестве иллюзии?

За тюремной «оградой» Джин и Крокер помогали вместе с леди Дианой подняться на ноги Строуду. И если Ник прав в своей догадке, ему придется сбросить свое прикрытие, переключая таким образом всю имеющуюся энергию на иллюзию «врага».

— Объединяемся! — Ник отправил это короткое сообщение Джереми, так как не имел другой возможности общения с теми, кто был в тарелке. Огромный кот присел, его хвост пришел в движение, как будто он увидел добычу. Он не взглянул на Ника, но человек понял, что его сообщение получено.

Ланг помчался стрелой, легко и плавно, назад, к трапу тарелки. Сколько было у них времени в запасе? Ник сосредоточил все внимание на участке неба над самой мачтой, пытаясь создать там «демона» чужаков — сигарообразный корабль.

Он... его послание дошло! Джереми... Ланг... и люди в корабле поняли его. И вот враг, хорошо известный чужакам, завис над их источником энергии. Ник не слышал никаких звуков от чужаков, работавших внизу, у основания мачты. Но видел, как они на мгновение застыли, а затем рассыпались, направляясь, видимо, к определенным позициям в густой траве. Они готовы были отчаянно защищать свой пост, как будто он имел первостепенную важность для самого их существования.

Ник сжимал в руке оружие, взятое из корабля. Это был жезл длиной в половину его руки, имевший у основания две кнопки. Он посчитал его разновидностью пистолета, но не имел понятия, на что это оружие способно, и почти не надеялся, что сможет выстрелить из него. Однако действия чужаков явились ключом к его решению. Видимо, эта мачта с «вентилятором» имела огромное значение, потому что те, кто обслуживал ее, начали направлять лучи в сторону повисшей в воздухе иллюзии. И тогда... если бы ему удалось разрушить ее...

Ник побежал. Со стороны загона, где находились пленники, послышались крики, но он не обращал на них внимания. Он остановился, поднял жезл и рискнул нажать на ближайшую к его указательному пальцу кнопку, целясь в видневшиеся вверх лопасти.

Ему показалось, что его постигла неудача, потому что не появилось никакого видимого следа произведенного выстрела. А затем...

Красный накал проводов вверх превратился в яркую белую вспышку, вызывающую нестерпимую боль в глазах!

Ник прижал ладони к лицу. Уж не ослеп ли он? И этот рев и грохот — он мог оглушить кого угодно. Земля содрогнулась под ним. Она колыхалась, как будто твердая поверхность полностью исчезла. Он пошатывался из стороны в сторону, как слепой, пытаясь сбежать от этого огненного кошмара назад, к кораблю. Но где же корабль?

Он обнаружил, что не может дышать, как будто воздух выкачан из его легких. Затем он пополз сквозь этот мировой пожар. Возможно, тот самый древний Ад всего человечества...

Ник лежал на все еще вздрагивающей земле, прижатый к ней силой, напоминавшей массивный кулак, упершийся в его спину. Он был разбит, раздавлен, смят и, похоже, что-то бессвязно выкрикивал. Затем пришла темнота, в которой огни Ада медленно затухали.

* * *

Высокий и сияющий, стоял гигантский крест. Из него исходил свет, простирающийся дальше и дальше, и под этим светом распространялись мир и покой. Мачта с лопастями испускала потоки злобной энергии. Они сталкивались с животворной силой Авалона, и умиротворение спадало. Из самых дремучих мест Тьмы выползали существа, чтобы вновь пройтись по земле.

Мир и покой отступали перед этой энергией мачты, перед Тьмой, замыкаясь в городах и в тех местах, где Авалон развивал полную силу. С места на место перегонялись те, кто не служил ни Тьме, ни Авалону, а был лишь добычей...

Мелкие существа, бегущие без всякой цели и явно преследуемые собственными страхами, влачили жалкую жизнь. Они были слепы ко всему, кроме того, что бессознательно гнало их навстречу собственным мукам.

Равновесие было нарушено. «Люди» собрались в городах. Рита и те, кто принял Авалон. Там же был и Герольд, носящий имя этой земли, а за ним четверо его помощников: Дуб и Яблоня, Терн и Бузина, каждый из которых носил знак своего имени. Впереди их всех находился Герольдмейстер Логоса. Он был могуч и одет не в сверкающий плащ, как у Герольда, а в темно-синюю мантию, поверх которой струились серебристые руны, которые вились и свертывались в слова глубочайшей мудрости, а затем растворялись, чтобы затем вновь обрести живую форму. В руках его огромный меч, направленный острием в землю Авалона, из металла которой он был выкован много веков назад. Вдоль клинка этого меча тоже тянулись руны. Но эти были навечно закреплены в металле силой кузнецов по способу, давным-давно забытому даже и в таком мире, где время так мало значит.

Две руки строго вертикально удерживали меч: широкие плечи были развернуты гордо и прямо, а над ними возвышается голова... И лицо того, кто может призывать бури и штормы, пере-

плетать воду и ветер по собственному желанию и тем не менее презирает использование энергии их для своих собственных желаний. Серебристые волосы, такие же сверкающие, как и струящиеся руны. У него было имя, очень старое имя, известное в Авалоне, и которое стало легендой и в другом мире...

Мерлин.

Сейчас Герольдмейстер Логоса отвернулся от города. Руки его пришли в движение, выдергивая меч, с легкостью поднимая его огромный вес, протягивая острие вперед на уровне сердца. Его губы тоже двигались, но если какие-то слова он и произносил, они не воспроизводились как звук, поскольку не были предназначены для людей или прочих существ.

Мачта-пропеллер разбрасывала багровый огонь, который нес с собой черный дым, и где он оседал, там пятна смрада покрывали землю. Где росли эти пятна, там появлялись служители Тьмы, которые ползли к городам. И энергия чужаков истощала силы Авалона, так что жизнь в тех местах блекла и замирала.

Но...

Возникла вспышка энергии, столь мощная, что поглотила все окружающее. Сначала все стало красным, а затем белым. Мир исчез, все видимое исчезло. Не осталось ничего.

— Ничего... ничего... — Это Ник слышал. Осознание окружающего возвращалось медленно и вяло. — Ничего... ничего... — Теперь это повторял его собственный голос.

Он... он был Ник Шоу... и он был жив. Но он не хотел открывать глаза, чтобы вновь увидеть ужасающее небытие, которое было концом Авалона. Как он все еще мог жить, когда все остальное, весь окружающий мир, были мертвы?

— Все мертвы... — Он превратил эту мысль в слова.

— Нет!

Этого он не говорил. Кто еще здесь? Кто избежал конца Авалона?

— Кто?..

— Ник! Ник, пожалуйста, посмотри на меня!

Кто-то... кто?

— Кто? — повторил он. Он не был уверен, что это интересовало его, ведь он так устал... так сильно устал. Авалон исчез. В нем поднималась глубокая печаль. Он даже мог почувствовать слезы, проступающие из-под век, которые он не хотел подни-

мать. Он не плакал уже давно... Мужчины не плачут, мужчины не могут плакать.

— Ник! Пожалуйста, разве вы не можете помочь ему. Сделайте что-нибудь?..

— Только сам он может сделать что-то для себя.

Он уже и раньше слышал этот голос, давным-давно. В Авалоне. Но Авалон исчез. Он видел его гибель. Нет... хуже всего то, что он своими действиями уничтожил его. Ник начал болезненно складывать обрывки памяти, чтобы представить полностью эту отвратительную картину. Он выстрелил в мачту из оружия, найденного в тарелке. Произошел ужасающий по объему взрыв энергии. И там был Мерлин... с мечом. Но разрушение мачты, должно быть, вызвало разлив энергии, по мощности превосходящий ту, за счет которой существовал Авалон. И Авалон исчез, и где он мог быть сейчас, Ник не знал, да и не хотел знать.

— Ник! — К нему прикоснулись чьи-то руки, его трясли, но — он непроизвольно сделал такое открытие — боль его тела была меньше, чем страдания души.

— Открой глаза, взгляни, Ник, ты только взгляни!

И он открыл их. Как он и думал, вокруг не было ничего, вообще ничего.

— Ничего нет. Авалон исчез, — сказал он в эту пустоту.

— О чем он говорит? Он... ослеп? — В этом голосе из небытия звучал страх.

— Он слеп на свой собственный манер. — И вновь этот другой голос, из прошлого.

Герольд! Авалон! Но ведь земля исчезла, ушла в небытие. Как же мог уцелеть Герольд?

— Авалон, Тара, Броклайн, Карнак... — Ник повторял названия, которые некогда имели огромное значение и которые он превратил в бессмыслицу. — Дуб, Яблоня, Терн, Бузина и Герольдмейстер... все исчезли.

— Он... не понимает, что он говорит... — задыхаясь, произнес первый голос, как будто кто-то боролся с рыданиями. — Что с ним случилось?

— Он верит, и для него сейчас есть только то, во что он верит, — ответил Авалон.

— Ты — Авалон, — медленно произнес Ник. — Но ведь это неправда... потому что Авалон исчез. А я — тоже мертв? — Теперь страх внутри него прошел. Возможно, смерть и была вот таким... вот таким небытием.

— Нет, разумеется, нет! Ник... Пожалуйста, не будьте таким! Вы же можете помочь ему? Я знаю, что могли бы, если хотели.

— Он должен поверить.

— Ник, послушай! — Кто-то был так близко от него, что он мог ощущать постороннее дыхание у своей щеки. Дыхание — это жизнь, так что тот, другой, должен быть жив. Но как мог кто-то жить в небытии? — Ник, ты здесь, с нами. Ты каким-то образом разорвал поступление энергии, или что там это было... А затем... все и произошло. Пленники смогли выйти из заключения. А инопланетяне все погибли. Барри говорит, что это сделал ответный удар того, что сдерживала энергия. Все их летающие тарелки уничтожены. Затем... затем появился Герольд. Ник, ты должен видеть!

Что-то шевельнулось в нем. Это же Линда. Теперь он мог дать имя этому голосу. Линда и Авалон были здесь, с ним. Он мог чувствовать ее прикосновения, когда она придерживала его голову, наклоняясь к нему. Он чувствовал биение ее сердца. Биение сердца — это тоже жизнь.

И если Авалон существует для Линды, то как же он мог исчезнуть? Он еще раз открыл глаза перед этим небытием. Но не должно быть небытия... Должен быть Авалон!

Ник привлек всю волю, чтобы сосредоточиться. Авалон... Пусть будет Авалон!

Свет возвращался не так, как он исчез, всполохом яркого взрыва, а медленно. Сначала Ник увидел тени, затемняющие пустое белое пространство, в которое он сам был отправлен своим отчаянным действием. Затем тени стали принимать вид субстанции. Это уже были фигуры. Как раньше он концентрировался на создании иллюзий, так теперь он делал это с целью обрести окружающий мир. А может быть, это очередная иллюзия? Нет, он не должен оставлять место для сомнений.

Здесь была Линда, сосредоточенная на том, что поддерживает его голову. Здесь был и Джереми, внимательно разглядывавший его немигающими глазами. А сзади, так, что ему пришлось чуть приподнять голову, чтобы лучше видеть, сиял перелив красок, характерный для Герольда.

Ярче, четче, становясь более реальным с каждой минутой, окружающий мир возвращался к нему. Неужели он и на самом деле потерял зрение, так, что это заставило его поверить, что вместе с ним потерял и все остальное? Ник не знал. Все, что его занимало, это признание своей ошибки.

Он лежал, как теперь обнаружил, у самого края того, что должно было быть полем битвы энергий, а не людей. Прямо перед ним одна из тарелок завалилась на бок со своих стальных опор. Одна ее часть глубоко врезалась в землю. Это зрелище вырвало его разум из глубокой внутренней замкнутости, направляя его в сторону других. Он высвободился от поддержки Линды, с трудом сел и огляделся.

Линда была невредима, и Джереми. Ланг тоже был невредим, потому что в момент великого столкновения пекинес не отходил от девушки ни на шаг и так прижался к ней, будто боялся, что их могут разлучить. А Хедлет, миссис Клэпп... пленники?..

— Остальные, — настойчиво требовал он ответа у Линды. — Что с остальными?

Она ответила не сразу, лишь болезненно глядела на него.

— Викарий... миссис Клэпп? — Он хотел узнать, что с теми двумя, которые вместе с ними отправились в это приключение.

— Там... они, там, дальше. — Она протянула руку, чтобы поддержать его. Но Ник отвел ее руку в сторону и кое-как поднялся на ноги.

«Там дальше» находилась вторая тарелка. В верхней части ее корпуса виднелась пробоина, посадочные штанги были погнуты. Внизу около нее он увидел Крокера и Джин. Леди Диана и миссис Клэпп стояли на коленях рядом с кем-то, вытянувшимся на земле. Ник начал двигаться в их сторону, хотя чувствовал сильное головокружение.

— Ник! — Линда подскочила к нему и, прежде чем он начал сопротивляться, подхватила его под руку и поддержала плечом. На этот раз он не пытался ее оттолкнуть. Если с ее помощью он сможет быстрее добраться до остальных, не стоит от нее отказываться.

Он стоял, поддерживаемый Линдой, и смотрел вниз, на викария. Глаза у Хедлета были открыты, и когда он увидел Ника, то улыбнулся.

— Святой Георгий, — сказал он, — и святой Михаил считались воителями. Я никогда не слышал о том, чтобы святой Николай выходил на поле битвы, скорее он был благословителем.

Ник опустился на колени.

— Сэр... — Да этого момента он не осознавал, хотя смутно подозревал, как близко связан с этим человеком. Рита такую связь называла узами сердца. И теперь он почувствовал почему.

— Ты победил ради нас, Николас. И, — Хедлет чуть повернул голову, которую поддерживала миссис Клэпп, — я думаю, вполне возможно, это выдающаяся победа. Разве я не прав, сэръ?

Ник понял, что викарий обращается к кому-то, стоящему сзади. Он повернулся и увидел, что к ним направлялся Герольд.

— Он сражался за свободу Авалона, а не только за свою.

— Опасность была и для нас, и для вас, — сказал Хедлет, — однако мы не были союзниками...

— Только частично. У Авалона свои законы, которые не являются законами для людей.

Хедлет кивнул, чуть склонив голову.

— Правда, — он сделал паузу, и на лице его отразилась внутренняя борьба, — правда, вот чему я следую в жизни. Добро правит Авалоном... но это не... мое... добро... — Красноватые пузыри появились в уголках его рта. Рот раскрылся, из него вытекла струйка крови.

Ник повернулся к Герольду.

— Помоги ему!

— Нет, Николас. — Это ответил не Авалон, а Хедлет. — Для каждого человека есть свой срок. И мой срок пришел. И ты, и я, — вновь он обращался к Авалону, — знаем это. Лишь немногие могут обрести мир. Я — умиротворен. Ты сказал мне однажды, Николас, что из одного источника может вытекать множество рек. И это тоже правда, но каждый из нас выбирает свою реку. А теперь позволь мне отправиться в свой час, в свой мир.

То, что он повторил после этого, были слова его собственной веры и убеждения — убеждения в том, что он не должен капитулировать перед Авалоном. Ник не смог этого слушать. Это было слишком несправедливо. Викарий открыто принес жертву, а что получил взамен?

Он высвободился от поддержки Линды и отошел в сторону от собравшихся, придерживаясь одной рукой за гнутую опору поврежденной тарелки. Перед ним раскинулось открытое пространство, с кратером, обрамленным стекловидным шлаком, отмечавшим место, где находилась мачта. Управляла ли она воротами в другой, чужой мир, откуда прилетали эти тарелки? Если так, то теперь они закрылись, и, по-видимому, навсегда.

Что случится с ним и с его новыми друзьями? Наступит ли очередное нашествие Тьмы, о котором предупреждала и Рита, и Герольд? Или же его предчувствие, или предвидение, как их ни назови, верно подсказали ему, что... что именно сила чужа-

ков вызвала и подпитывала силы Тьмы, распространяя их по всей земле?

— Ник?

Он даже не оглянулся.

— Мы не сможем улететь домой ни на одной из них! — с раздражением отреагировал он на ее голос.

— Это так. — Но она не казалась сломленной.

Ник повернул голову. Недалеко стояла Линда в рваной, перепачканной одежде, распущенные волосы разбросаны по плечам, на щеке видна глубокая царапина. На руках она держала Ланга, как будто тот был теперь ее единственным сокровищем, которое она когда-либо так берегла. Она казалась жалкой и потерянной.

— Я надеюсь... я надеюсь, Дэйв... — ее голос сорвался. — Нет... — Она попятилась назад, как только Ник сделал шаг в ее сторону. — Не пытайся меня уговорить... Мы не вернемся назад, никогда. Через некоторое время, я думаю, мы забудем об этом. И все прошлое будет казаться сном. Может быть, Ник, я приму Авалон. Я должна! И если я не сделаю этого... я буду продолжать помнить, но с этим я не смогу жить!

— А что же они? — Ник указал в сторону остальных.

— Викарий... он ушел... умер, Ник. — Слезы потекли по ее щекам, и она не пыталась вытереть их. — А остальные... Строуд был убит при обратном ударе силовых полей, как мог быть убит и ты, Ник... что я сначала и подумала. — В ее глазах отражались страх и ужас. — Остальные... они... теперь они знают, что должны делать. А ты, Ник?

— Я всегда знал... я всегда знал, что это будет город. Есть только один способ истинной жизни в Авалоне. Если мы не хотим превратиться в тех жалких полулюдей-полуживотных, которых я видел в лесу, то должны выбрать это.

Он протянул руку, и Линда, убаюкивая в одной руке Ланга, не возражала, чтобы ее пальцы оказались замкнутыми в ней. И вместе они отправились назад. В конце концов, подумал Ник, в этом выборе он терял не так уж много. То, что он получал взамен, было гораздо значительнее.

Авалон, тот самый Герольд, ожидал их, и, разумеется, сияние вокруг него было великолепным и величественным.

**РОГ
ЮОНА**

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ПЕРВОЕ

ГЛАВА 1,

повествующая о том, как король Карл Великий созвал пэров Франции

Все изменилось после гибели Роланда и других благородных и храбрых герцогов и лордов, павших вместе с ним в последней великой битве с сарацинами. Король Карл Великий глубоко задумался о будущем своего королевства. Его мысли были суровы и трезвы, ибо думал он о несчастьях и бедах, теперь могущих обрушиться на его народ сейчас, когда эти великие герои пали смертью храбрых в беспощадном бою.

Посему он решил созвать к себе на Двор всех высших лордов и пэров, оставшихся в живых, чтобы держать вместе с ними совет о будущем Франции. Однако из могущественных Двенадцати, что некогда возвели его на трон и поддерживали его впоследствии, остался лишь герцог Неймс из Байи.

Король обязательно прислушался бы к его совету, ибо герцог Неймс был товарищем по оружию и сотрапезником тех, кто пал на поле брани с Роландом, Оливье, Ожье-Датчанином, а также с остальными великими воинами.

Когда все пэры и лорды собрались перед ним, король Карл Великий поведал им о постоянно мучивших его мыслях и опасениях. Он сказал им следующее:

— Сейчас наше королевство — юдоль неизбывной печали и лишений, ибо его достойнейшие и великие рыцари стали кормом для воронов на горных тропинках. Нет больше с нами великого и храброго Роланда, как не услышим мы голоса и любезного Оливье, который, не задумываясь, дал бы нам мудрый совет. А я уже глубокий старик, и непосильное бремя прожитых лет лежит на моих хрупких плечах.

Как изменится Франция и что станет в пределах ее границ, когда я сложу меч и корону перед неумолимым ликом смерти? Вот вопрос, на который вы должны ответить мне теперь.

Он повернулся к Неймсу и молвил:

— Я называю тебя моим преемником, ибо время тяжелым облаком нависло над моими плечами и короной, а ведь в дни моей молодости я почти не ощущал его, легкого, как пушинку. Теперь же оно тяжелой свинцовой тучей кружится над моими сединами.

Да, у меня есть двое сыновей. Но ни одного из них я не могу подвести к тебе со словами: «Это тот, кто займет мое место на троне».

Ибо младший из моих сыновей, Луи, еще совсем неопытный и не испытанный жизнью юноша, и он не может стать королем в столь беспокойном возрасте. Что же касается моего старшего сына Чариота, он уже успел доставить мне много горестей в прошлом. Разве он не дал волю своему необузданному нраву и не сразил сына Ожье, чем едва не привел всех нас к краху? Поэтому, если ты думаешь, что хорошо бы оставить Чариота в стороне, несмотря на то что я души в нем не чаю, то я скажу: «Нет». Ибо королевство подобно недавно обузданному жеребцу, поводья которого должна держать сильная и опытная рука.

Теперь вам следует все это хорошенько обдумать, и от вашего слова зависит моя воля.

Промолвив эти слова, король удалился во внутренние покои, а пэры в полном замешательстве воззрились друг на друга. Ибо никто не желал высказаться первым, поскольку прекрасно понимал, что всякое необдуманное слово окажет ему скверную услугу.

Однако у герцога Неймса не было причин бояться кого бы то ни было, поэтому он поднялся и заговорил. Все старательно вслушивались в его слова.

— Уж коли наш король соизволил поставить перед нами сию задачу, давайте же поведем себя так, как пристало пэрам Франции. Король высказал свое искреннее беспокойство принцем Луи. Он всего лишь юноша, который еще не подвергался суровым испытаниям, равно как еще неведома ему тяжесть кольчуги. Также он не знает, как правильно повести себя с врагом в открытом бою. Тем самым он не подходит для того, чтобы повести в бой рыцарей. И так будет до тех пор, пока он не обретет мудрость зрелого мужчины.

Но принц Чариот старше своего брата, и он уже побывал в бою. Верно, он совершал много глупостей и зла, но как молодой человек сможет обрести жизненный опыт и мудрость, не совершив при этом хотя бы несколько ошибок и несправедных по-

ступков? К тому же с тех пор принц наверняка осознал ошибки своей горячей и пылкой юности и теперь научился обуздывать себя и управлять собой, как того требует рыцарская честь. И еще он — принц королевских кровей, и если мы осмелимся пренебречь им, то после смерти короля Карла Великого не видать нам мира на этой земле. Ибо у него всегда найдутся последователи, которые будут сражаться вместе с ним до последней капли крови. И тогда в стране воцарится хаос. Начнется чудовищная война, когда брат будет сражаться против брата, а отец — против сына. И она положит всем нам конец.

Поэтому ради нашего мирного будущего я убедительно прошу вас, милорды, избрать Чарюта преемником на трон после нашего досточтимого короля.

Пэры и лорды несказанно обрадовались такому предложению, поскольку почувствовали в словах герцога истину. Даже самые тугодумы среди собравшихся одобрили его слова. Так что они отправили одного из них к королю и с надеждой стали ожидать возвращения своего повелителя, на этот раз узнавшего об их решении. И очень скоро король вернулся в зал заседаний.

И тогда герцог Неймс во всеуслышание объявил о решении пэров, а именно о том, что принц Чарюта станет королем после своего отца. И теперь за этот кажущийся нескончаемым день Карл Великий выглядел намного радостнее и веселее, нежели раньше. Ибо он действительно очень сильно любил своего сына и гордился, что пэры избрали Чарюта, которого из-за его прошлых грехов многие в королевстве просто ненавидели.

Среди лордов, присутствующих на совете, находился граф Эмери, в жилах которого текла черная кровь предателя, как и у дважды проклятого мерзавца Ганелона (из-за измены которого погибли Роланд и его верные рыцари). И этот Эмери был таким же подлым негодяем, как и Ганелон. Однако он, как и все, не скрывал своей радости и очень учтиво обращался к тем, кто мог бы понадобиться ему впоследствии для каких-либо целей. И он настолько глубоко скрывал в своей душе злобу, что большинство пэров и сам Карл Великий в свое время назначили его наставником принца Чарюта.

Лишь один из великих лордов всегда подозревал, что именно Эмери научил юного принца большинству его порочных деяний. Этого лорда звали герцог Севин, который мудро и честно управлял богатейшими герцогствами Бордо и Аквитанией. Хотя

герцог Севин давным-давно почил в бозе, Эмери ненавидел его и поныне, и с еще большей силой, и, понимая, что не сможет отомстить мертвому, он замыслил негодное дело против двух юных сыновей благородного герцога — Юона и Жерара. И негодяй тайно поклялся про себя, что приведет обоих юношей к разорению и позорной смерти.

И с этой змеиной ненавистью в мозгах он поднялся и с неизменной улыбкой обратился к королю со словами:

— Ваше величество, молодым людям надобно многому учиться в этом жестоком мире, а тому, кто будет управлять государством, должно учиться вдвойне. Посему пока я еще его наставник и советник, то неплохо бы было предоставить молодому принцу во владение герцогство. Так, научившись управлять малым, он впоследствии сможет управлять и большим.

Король, оценив столь мудрый совет, благосклонно кивнул, и его примеру последовали пэры. Однако герцог Неймс молча барабанил пальцами по широкому подлокотнику кресла, ибо он некогда дружил с ныне покойным герцогом Севинем и был слышан от того о глупости Эмери. Поэтому теперь он чувствовал, что все совершили непоправимую ошибку.

Вдохновленный благосклонной улыбкой короля, Эмери продолжал:

— Есть одно действительно очень богатое и могущественное герцогство, и поэтому оно подходит любому принцу. Вероятно, вы помните, ваше величество, что конфисковали его в пользу государства у его лордов, затеявших мятеж. Так давайте же предоставим его принцу Чариоту для его испытания.

Король искренне изумился, ибо уже не помнил никакого мятежного герцогства. И осведомился:

— Назови имя того герцога, который осмелился восстать против нас.

Эмери быстро и с готовностью отвечал:

— О, мой король, я говорю о Бордо, которое конфисковано вашим величеством, из-за чего Юон и его брат Жерар, которые теперь правят там, не являются к вам ко Двору, чтобы засвидетельствовать вам свое почтение, поскольку их земли находятся в вашем распоряжении, как и в распоряжении закона Франции.

Тогда герцог Неймс встал с такой поспешностью, что чуть не опрокинул кресло. Когда он заговорил срывающимся голосом, лицо его почернело от гнева:

— Правда состоит в другом, ваше величество. Когда горячо любимый нами Севин ради благого дела отправился в Рай, его сыновья были еще зелеными юнцами, неопытными как в суждениях, так и в бою. Долгие годы герцогством управляла от их имени герцогиня Эклис. Она безумно любила Севина и его сыновей, очень похожих на него в молодости. Посему она не смогла вынести, чтобы они ушли от нее или подверглись какой-либо опасности. Поэтому они и не появлялись при Дворе по причине своего нежного возраста и великой материнской любви к ним. И они не совершали никакого восстания против вашего величества. И в доказательство моих слов надо послать за ними в Бордо, чтобы призвать обоих к Вашему Двору!

Пока Неймс говорил, Карл Великий отчетливо вспомнил герцога Севина и призадумался о том, что сыновей такого достойного отца нельзя считать мятежниками без основательной на то причины. Поэтому он призвал к себе двух верных рыцарей и приказал им:

— Немедленно отправляйтесь в город Бордо и разыщите там сыновей герцога Севина и его супругу, герцогиню Эклис. И от моего имени попросите их прибыть ко Двору, чтобы они смогли засвидетельствовать мне свое почтение. Также убедитесь, что на землях их отца все обстоит в соответствии с законами Франции. Хорошенько запомните, как они принимают вас у себя и оказывают ли соответствующие почести посланцам короля. Потом как можно скорее возвращайтесь сюда и сообщите, как вас приняли.

И рыцари вместе со своей свитой поскакали прочь, а ненависть графа Эмери против Юона и его брата усилилась еще больше. И он тайно замыслил план по их уничтожению.

ГЛАВА 2.

Как Юон принимал посланцев короля, а Эмери замышлял его гибель

Когда рыцари, выполняющие по приказу короля роль посланников, добрались до славного и честного города Бордо, они поскакали прямо к центральной башне замка, где жила со своими сыновьями и устраивала приемы герцогиня Эклис. В то же

самое время юные лорды только что возвратились с охоты и пока еще стояли во внутреннем дворе замка, каждый держа у себя на запястье кречета со спутанными лапками и специальным колпачком на голове.

А когда стало известным о прибытии людей короля, Юон выступил вперед, чтобы от души поприветствовать их. Его рука протянулась к старшему из рыцарей, чтобы помочь тому спешиться; тем самым молодой человек выказывал ему почтение, словно самому королю. Герцогиня Эклис с Жераром тоже радостно приветствовали их, принимая их со всеми почестями, так что приятно удивленные подобным приемом рыцари тихо переговаривались друг с другом:

— Похоже, окажись на нашем месте его величество король, эти лорды из Бордо приняли бы его не с большими почестями, чем нас.

Когда они освежались и умывались после долгого путешествия, им казалось, что нигде они не чувствовали себя более комфортно. И только спустя некоторое время, когда рыцари немного отдохнули, Юон осведомился о цели их поездки и зачем Карл Великий послал их в Бордо. И старший из рыцарей тотчас же поведал все:

— Наш великий властелин и король Франции Карл Великий желает, чтобы сыновья герцога Севина прибыли к нему и присоединились к его Двору, дабы познакомиться с их братьями пэрами и подтвердить, что на их землях торжествует закон.

Герцогиня Эклис поспешно ответила:

— Если его величество король считает моих любимых сыновей виновными в том, что прежде не обнаружил их у себя при Дворе, то пусть он со всей силой обрушит свой праведный гнев лично на меня. Ибо когда мой любезный супруг герцог Севин удалился от меня в небесное королевство звезд, он оставил меня всеми покинутой, в отчаянной скорби и страхе, и только мои дети утешали меня все это время. Их детские личики всегда напоминали мне о моем возлюбленном супруге, и я бы просто не вынесла, если бы им пришлось уйти из-под моей опеки хотя бы на час. Однако теперь, когда они вышли из нежного возраста и возмужали, я больше не вправе управлять их жизнями посредством моих ревнивых женских страхов. Только дайте им дожидаться Пасхи, чтобы мы еще раз вместе смогли отпраздновать Воскресение Господа нашего Иисуса Христа, и тогда я уступлю

их королю, чтобы они смогли стать его людьми во всем, каким и был для его величества их благородный отец.

Юон тотчас же встал, его миловидное лицо озарилось радостным светом от гордости и удовольствия. И он молвил посланцам короля:

— Отправляйтесь к нашему королю и передайте ему, что его распоряжения для нас — это огромная честь и мы как можно скорее выедем из дома, чтобы прибыть к его Двору, но, повинаясь последнему желанию нашей любезной матушки, мы отпразднуем Христово Воскресение вместе с ней. А в память о нашей встрече примите этих жеребцов благородных кровей из Оркни, которые верой и правдой будут служить вам как в самом пекле сражения, так и на мирных дорогах. Вместе с ними примите эти рыцарские плащи, что перекинуты через их седла. К ним же пристегнуты дорожные кошель.

Для посланцев короля ни один человек не мог бы удостоиться большей чести. Королевские рыцари воистину были поражены и озадачены столь щедрыми дарами благородного лорда. И с нескрываемой радостью и весельем облачились они в превосходные ярко-алые плащи и вскочили на боевых коней. Прежде чем снова миновать ворота Бордо, они рассыпались в многочисленных благодарностях.

— Лорд Юон, — говорил по возвращении старший рыцарь, — еще подросток, но в своей учтивости и благозвучной манере разговора подобен принцу. У него очень красивое лицо и осанка, и достойнее его я еще не встречал ни одного лорда во всей Франции, если не считать нашего любезного Роланда в молодости. А его брат Жерар похож на него, хотя в нем еще не чувствуется силы воина, но это все потому, что он моложе своего брата. Оба засвидетельствовали вашему величеству самое горячее почтение и заявили, что страстно желают прибыть ко Двору, чтобы показаться Вам. Только они останутся с матерью до окончания Пасхи, чтобы исполнить ее последнюю просьбу.

При этом посланники короля показали великолепные подарки, и король был поражен и приятно удивлен столь высокой честью, которой молодой лорд удостоил его рыцарей. И поэтому, прежде собрав лордов и пэров, он дал обет:

— В те далекие дни, когда лорд Севин из Бордо был нашим сотрапезником и товарищем по оружию, мы его любили как нашего единокровного брата. Он был достойным человеком во

всем, что касалось доброй воли и высокой чести, и теперь, похоже, он оставил на этой земле двух сыновей от своей плоти и крови и воспитанных в его духе. Ибо молодой лорд Юон отнесся к моим посланцам, как относился к ним и его отец, воздавая в старые добрые деньки соответственные почести тем, кому они предназначались.

— Такие молодые лорды станут украшением нашего благородного собрания. И я клянусь, что когда они придут сюда, Юон будет провозглашен пэром Франции, и при этом его законными владениями станут Бордо и Аквитания. А Жерар станет членом нашего Двора. Это даст ему возможность для продвижения.

Все лорды и пэры согласились со словами короля, кроме Эмери, который, предвидя столь плачевный конец своим надеждам по уничтожению сыновей Севина, осознал, что должен готовить заговор заново. И в темных закоулках его дьявольского ума начал вызревать новый зловещий план.

Он с неимоверной быстротой покинул королевский зал заседаний и направился в покои принца Чариота, где обнаружил королевского сына, бездельничавшего в компании нескольких молодых рыцарей и увивающихся за ним поклонниц. И тут Эмери пал перед принцем на колени, вцепился в полу его плаща и начал громко взывать о справедливости.

Принц, весьма удивленный отчаянными воплями Эмери, отослал остальных прочь и потребовал от графа объяснений причины подобных едва ли не безумных действий. И тут Эмери выказал всю черноту своего подлого сердца словами, вырвавшимися из его перекошенного от злобы рта.

— Видите ли, принц Чариот, ваш отец, введенный в заблуждение затаившимися врагами, приглашает сюда, ко Двору, этого изменника Юона из Бордо и его брата Жерара. И еще наш король обещает пожаловать Юону герцогства Бордо и Аквитанию, которые по праву должны принадлежать вам. В то же время Жерара король обещает принять ко Двору, где тот сможет тайно действовать во зло его величеству и вам. Как только они окажутся при Дворе, они обязательно будут действовать против его величества, ибо этот Юон и его брат произошли от скверной родословной, а меня они ненавидят так сильно, что даже осмелятся навредить вам, а поскольку наша с вами дружба — ни для кого не секрет, то весьма удобно уничтожить человека при

помощи его господина. Поэтому я предупреждаю вас, пока не поздно, принц Чариот: если эта парочка привнесет в королевский Двор черное зло, которое придет вместе с ними, то никто на свете, и даже его величество, не сможет уберечься от их подлых козней.

И от слов Эмери принц Чариот ощутил в сердце глубочайшую тревогу, ибо он знал, что во Франции его недолюбливают, а большинство лордов просто ненавидят его за скверные деяния, совершенные им в прошлом. Итак, если Юон с Жераром начнут плести против него тайный заговор, то очень многие прислушаются к ним. Поэтому с все возрастающим страхом и ненавистью Чариот стал умолять Эмери поведать ему, что нужно предпринять, чтобы защититься от этих братьев из Бордо.

И Эмери посоветовал Чариоту вооружить и снабдить резвыми конями своих людей для секретной встречи с ним, Эмери, где-нибудь вне города. Лучше, чтобы эти люди вообще никого не знали, чтобы они не смогли заключить какую-либо сделку с Юоном и Жераром до того, как братья доберутся до королевского Двора. Чариот сразу согласился на подобное предложение.

ГЛАВА 3.

Как Эмери с Чариотом сидели в засаде и что из этого вышло

После окончания пасхальных празднований Юон с Жераром стали готовиться к тому, чтобы сдержать обещание, данное королю. Избрав из своих людей самых достойных рыцарей и оруженосцев, они облачили их во все самое новое: от шлема до шпор, одев в доспехи, сделанные руками самых искусных мастеров. Молодым людям хотелось, чтобы их свита выглядела во Дворе лучше остальных. Однако сами Юон с Жераром не надели кольчуг, а у младшего брата даже не было портупей для меча. Ибо они рассчитывали провести путешествие в мире и безопасности, полностью полагаясь на королевское покровительство. Братья знали, что отправляются в путь под протекцией самого короля.

Тем не менее Юон надел портупею, роскошно отделанную золотом и серебром, которую носил еще его отец и в мирное, и в военное время. С нее свисал превосходный меч с лезвием, вы-

кованным в далеких и неведомых восточных землях Демонами Ночи (так называли простой народ этой страны). Этот меч часто бывал спутником их отца в кровавых битвах и рубил врагов еще до великих завоеваний Карла Великого. Как уже говорилось, Юон не стал надевать кольчугу, а отправился в путь налегке — в плаще и накидке.

В связи с отъездом из Бордо любимых сыновей герцогиня Эклис пребывала в печали и скорби, поскольку с первого часа их рождения они еще ни разу не уходили от нее дальше, чем могли видеть ее глаза, а сердце несчастной женщины переполняли дурные предчувствия, ибо она все время думала обо всех возможных несчастьях, могущих случиться с ее детьми, когда те будут находиться вдали от нее. И, чтобы не бросать тень на великолепие их поездки к королевскому Двору, она скрывала свои слезы под плотной вуалью.

Когда свежим погожим утром братья выехали за городские ворота, Жерар не прищипывал хорошенько своего коня, чтобы тот мчался быстрее, а ехал медленным шагом, напоминая человека, весьма неохотно отправляющегося на тяжелое задание, поэтому Юону часто приходилось натягивать поводья, чтобы не обгонять брата. И когда Юон не выдержал и насмешливо заметил брату, что тот ползет, как улитка, Жерар поразил его неожиданным ответом:

— Брат, боюсь, что из нашего путешествия не выйдет ничего хорошего. Давай лучше вернемся в Бордо, да поскорее!

Юон громко расхохотался и выкрикнул Жерару, что тот так и остался хнычущим младенцем на руках матери, однако брата не рассердила эта насмешка. Он лишь еще раз оглянулся и очень долго смотрел на удаляющиеся башни и крепостные стены Бордо.

— Беда сопровождает нас, — продолжал он. — Да, брат мой, великое несчастье выйдет из этой поездки. Ночью мне приснился сон, что я еду по этой самой дороге, а из кустов на нас выскакивает разъяренный леопард со сведенными от голода челюстями. Он сбросил меня с коня наземь и своими могучими клыками вырвал из меня душу, и я умер. А вот тебе, брат, удалось избежать его ярости. Я видел это так отчетливо, словно это случилось не во сне, а наяву, поэтому я и принял этот сон как предостережение с Небес о том, что нам не следовало бы ехать этой дорогой...

Но Юон отрицательно покачал головой.

— Вполне вероятно, что это предзнаменование ниспослал нам Дьявол в искушение, дабы вынудить нас повернуть обратно и тем самым не выполнить долг перед королем. Ведь этим мы нарушили бы свое слово. Не думай об этом, а лучше посмотри, какой прекрасный день! И какая красота вокруг. Впереди лежит ровная дорога, а позади нас — дюжина храбрых рыцарей и еще целая свита народу. И все они служат нам верой и правдой! Так что выбрось из головы эти дурацкие страхи, Жерар. Все это глупости, да и думать о них не пристало знатному рыцарю!

Поэтому Жерар замолчал. Но в глубине своего сердца он разгневался на брата, что тот так беспечно пренебрег его предостережением. И еще он долго размышлял, как отважен и бесстрашен Юон, которого совершенно не волнует будущее, и с какой легкостью он отнесся к его предупреждению. И еще все любили и хвалили Юона, а к нему, Жерару, относились как к малому дитяти и не воспринимали его всерьез.

С наступлением сумерек они встречали весьма почтенного аббата из Клуни, который тоже держал путь к королевскому Двору. И оба брата очень обрадовались этой встрече, ибо аббат приходился им горячо любимым дядей. Поэтому братья присоединились к его свите и эту ночь прекрасно провели в аббатстве, где решил остановиться на ночлег аббат.

На следующее утро после небольшого отдыха они снова двинулись в путь вместе с дядей и ехали до тех пор, пока не достигли вершины холма, откуда они увидели, что дорога покато спускается вниз по самой кромке густого лиственного леса. Внезапно Юон приостановил коня, и остальные, немало удивившись его поступку, последовали его примеру.

Тогда Юон указал всем на яркие отблески солнечного света, виднеющиеся среди деревьев, как если бы там передвигались люди, облаченные в доспехи. Все пребывали в нерешительности, ибо не знали, что скрывалось перед ними в лесу.

Будучи людьми не военными, аббат со своими монахами и мирянами отступили к краю дороги, и священник честно произнес Юону:

— Благородный сэръ, я и мои спутники — мирные и безобидные люди. Если впереди в засаде сидят какие-нибудь злодеи, то, безусловно, у них недобрые намерения по отношению к вам, едущим в доспехах и с мечами по бокам. Посему, поскольку

ку я не могу вступить с кем-либо в бой, нам здесь же придется разделиться и дальше ехать разными путями. Ибо, если я пролью кровь, даже защищая свою жизнь, то этим совершу самый страшный грех. А ты, сын мой, человек борьбы и воспитан, чтобы сражаться.

Как только аббат произнес эти слова, из-за деревьев выехал рыцарь с низко опущенным забралом. Он пришпорил коня и остановился прямо посреди дороги, заслоняя ее для всех, кто спустился бы с холма. И стал спокойно ожидать.

Юон внимательно оглядел эту преграду из рыцаря и его коня и обратился к брату:

— Негоже нам бояться любого человека из плоти и крови, ибо в мыслях наших нет даже повода к вражде. На тебе нет ни доспехов, ни меча, и каждому понятно, что ты путешествуешь с мирными целями. Поэтому сейчас ты спустишься в долину и спросишь этого рыцаря, что ему нужно от нас.

И Жерар повиновался. Он спустился к лесу и, натянув поводья коня, храбро обратился к рыцарю:

— Благородный сэр, что вам угодно от нас, кто не вступал ни в какие раздоры ни с кем? Я — Жерар из Бордо, а вон там — мой брат Юон, герцог этого же города. Мы едем ко Двору Карла Великого по личному приказу самого короля. Поэтому не задерживайте нас, если вы не законный представитель короля и не находитесь здесь по его требованию.

Рыцарь с закрытым забралом на самом деле был королевским сыном — принцем Чариотом. Однако он и не помышлял называть Жерару свое настоящее имя. Вместо этого он презрительно-гневным тоном ответил юноше:

— Безрассудный юнец, известно ли тебе, что я — сын герцога Тьерри, которому неоднократно наносились оскорбления из вашего дома? И вот теперь я здесь, чтобы навсегда положить конец нанесенным ему обидам, и я убью тебя и того заносчивого петушка, что расселся наверху и осмеливается называться герцогом Бордоским! Ибо все земли Бордо по праву принадлежат мне!

Поскольку гневный голос рыцаря не предвещал ничего хорошего, Жерар осознал, что ему надо бежать. Но его конь оступился, и Чариот мгновенно очутился против беззащитного юноши с копьём наперевес.

Сталь глубоко вонзилась в нежную плоть Жерара, и он тяжело упал с коня на утрамбованную тысячами копыт землю. Из его бока потоком заструилась кровь, и он застонал от нестерпимой боли. Поэтому он не услышал, как Чариот громко произнес:

— Вот так я поступаю со своими врагами. А пока ты валяешься здесь, я разделаюсь с другим Бордоским псом!

Но Юон услышал этот крик, и его сердце чуть не лопнуло от ярости при одной только мысли, что его юный и совершенно беззащитный брат принял смерть от руки этого замаскированного убийцы. Тело Юона напряглось так, что кости затрещали. Его глаза налились кровью от гнева, и весь мир перед ним стал ярко-красного цвета, как кровь, все еще истекающая из хрупкого тела Жерара.

ГЛАВА 4

Как Юон убил королевского сына и отправился ко двору в поисках справедливости

Когда он увидел своего любимого брата, лежащего в огромной луже крови, ярость настолько овладела Юоном, что он теперь не думал ни о ком на свете, кроме подлого мерзавца, убившего невооруженного мальчика. Выхватив меч, так долго служивший его отцу, герцогу Севину, Юон поскакал вниз, чтобы сразиться с неизвестным рыцарем.

Чариот, увидев своего противника, несущегося на него столь опрометчиво и отчаянно, зловеще усмехнулся. На Юоне не было доспехов, а из оружия — один лишь меч, так что принц предвкушал очень легкую победу. Он приготовился и, выставив копьё вперед, поскакал навстречу молодому человеку, чтобы поскорее разделаться с ним.

Однако Юон в отличие от своего несчастного брата был опытным бойцом, и, поняв, что враг собирается пронзить его острием копьё, он взял в руку плащ и швырнул его прямо на копьё Чариота, одновременно уклонившись всем телом в сторону. Поэтому копьё Чариота запуталось в складках плаща Юона, и тому удалось удачно проскочить мимо врага, если не считать того, что острая сталь пронзила его накидку и легонько оцарапала ему бок.

Пока Чарriot пытался вновь выставить копьё и вытащить меч из ножен, Юон нанес сокрушительный удар, оказавшийся столь резким и мощным, что принц свалился с коня и умер еще до того, как его тело покатилося по дороге.

Юон даже не удосужился поднять забрало поверженного противника, чтобы посмотреть на того, кого он убил. Вместо этого он отыскал глубокую рану на боку Жерара и, разорвав свою льняную накидку на части, стал перевязывать ужасный разрез, из которого по-прежнему хлестала кровь. С трудом оставив кровь, он приподнял стонущего брата, осторожно посадил его в седло и пошел рядом с конем из лощины, оставив принца одиноко лежать на дороге.

Очень скоро Юон присоединился к рыцарям и сопровождающим их людям. Им нужно было поторапливаться и скакать без промедления, чтобы товарищи убитого рыцаря не успели выйти из леса, чтобы разделаться с ними. И, предчувствуя нападение, все облачились в доспехи.

Но когда они снова добрались до свиты аббата из Клуни, тот помолился и попросил их мужаться и не унывать, ибо видел все происшедшее с вершины холма. Тем временем из леса вышли какие-то люди и унесли незнакомца. И никто из них не последовал за Юоном.

Сердце Юона все еще переполнял гнев, а на душе было черным-черно, когда он смотрел на белое как мел лицо и обмякшее тело брата. И, полный дурных предзнаменований, он обратился к своим спутникам:

— Будь проклят король Карл Великий, если это он замыслил это деяние! И если он тайно вознамерился положить конец роду Севинов, то он глубоко заблуждается! Ибо пока я жив и крепко стою на ногах, а рука моя достаточно сильна, чтобы поднять отцовский меч, я отомщу за этот подлый поступок. И я открыто заявлю королю прямо в лицо, что теперь думаю только о мести. Ибо такому предательству нет прощения. Ведь получается, что нас пригласили ко Двору, чтобы убить! Нас заманили в лапы смерти!

Почтенному аббату нечего было сказать, чтобы умерить гнев Юона, который всякий раз, когда он смотрел на Жерара, становился сильнее. А бедняга снова стонал и громко выкрикивал имя Господа нашего Иисуса Христа. Настолько нестерпимой была его боль.

Тем временем граф Эмери выбрался из засады в лесу и приказал своим людям принести тело мертвого принца и, положив его поперек седла, привязать к нему. Затем он вскочил на коня и, взяв под уздцы коня с мертвым принцем, направился к королевскому Двору, сопровождаемый своими людьми и рыцарями из окружения Чарюта. По пути он тщательно обдумывал великое зло, которое теперь сможет причинить Юону из-за этого убийства, и как сильнее вызвать ярость короля против молодого человека из Бордо.

Первыми добрались до Двора Карла Великого Юон и его свита. И прямо перед королем они пронесли носилки, сделанные из копий и плащей, с лежащим на них стонущим от боли Жераром.

Все собравшиеся пэры и придворные, да и сам король, были весьма озадачены подобным прибытием, но Юон смело подошел к подножию трона и громким голосом разорвал воцарившуюся тишину:

— Неужели это и есть справедливость короля Карла Великого?

Услышав этот гордый выкрик, король почувствовал, как гнев приливает к его горлу, ибо еще ни один человек не осмелился предстать перед ним так со времен его юности. Он уже было собрался быстро ответить на подобную дерзость, однако сперва решил узнать причину столь странной выходки. Поэтому, к всеобщему удивлению всего своего окружения, король произнес очень спокойным голосом:

— Ну, полно-полно, юноша. Что привело тебя сюда и почему ты так громко зываешь о нашей справедливости? Кто ты и кто этот юноша, которого ты принес на носилках?

— Ваше величество, — с гордым достоинством ответил Юон. — Я — сын герцога Севина, Юон Бордоский, которого вы призвали к себе своим декретом. А это — мой брат Жерар, который лежит перед вами, истекая кровью, ибо, не имея ни оружия, ни доспехов, он был подло ранен полностью вооруженным рыцарем.

Неужели вам доставило удовольствие то, что нам устроили засаду и напали на нас? Если это так, то смотрите и радуйтесь, благородный король!

С этими словами Юон разорвал накидку, в которую был завернут Жерар, так что все смогли лицезреть окровавленные по-

вязки на его ране, напоминающие собой огромные рубиновые браслеты.

Затем Юон вытащил меч и положил его перед собой. В свете факелов и светильников все увидели стальное сверкающее лезвие, на котором тускло поблескивала кровь Чарриота, уже успевшая свернуться.

— И еще посмотрите сюда, ваше величество. Это капли крови убийцы, который теперь мертв от моей руки. Ибо все мы, из рода Бордо, всегда оплачиваем долги, и особенно такие!

Карл Великий смотрел на Жерара, а Юон тем временем просил его отнестись со всей справедливостью к юноше, пребывающему в столь плачевном состоянии. И теперь гнев короля обратился не на Юона, а скорее на тех, кто совершил столь подлое деяние. И когда король вновь заговорил, то его слова прозвучали, как твердое обещание.

— Ты говорил запальчиво и дерзко, лорд Юон. Но, можешь не сомневаться, окажись я на твоем месте, я бы тоже распалился от гнева. Так знай же, что это деяние такое же подлое в моих глазах, как и в твоих, и тот, кто совершил это, будет отыскан; а если тот, кто замыслил это, — не тот, кто поразил твоего брата, он будет сурово наказан! Слушайте все, собравшиеся здесь! Эти юноши прибыли сюда по моему велению, и все, что касается их, касается и меня. Тем самым они будут мне как сыновья, и вы должны относиться к ним как к моим сыновьям. А теперь приведите сюда самых искусных лекарей, и пусть они осмотрят раны лорда Жерара. И сделают все, чтобы ему стало легче!

Как приказал король, так и поступили. Вскоре лекари сообщили, что Жерар будет излечен от ран.

Зато Чарриот никогда уже не излечится, и Эмери думал только о том, как обратить гибель принца себе на пользу.

ГЛАВА 5.

О том, какое зло принес Эмери своим лживым языком

На закате того же дня в королевский город прибыл граф Эмери, ведя за поводья коня с трупом его хозяина на спине. Проезжая через ворота, Эмери издавал жалобный вопль горя, и ему вторили его спутники. Услышав эти стенания, жители города

высыпали из своих домов и тоже зарыдали при виде столь печального зрелища. Эмери направился прямо к королю и застал того за кубком вина, сидящим в окружении Юона и своих пэров.

Представ перед королем, Эмери отвязал тело принца, и оно соскользнуло на пол, громыхая доспехами. Мертвый Чариот упал прямо к ногам своего отца. И тут граф-изменник закричал как можно громче, чтобы все услышали его:

— Посмотрите же на труп принца Чариота, которого предательски убили! Да, он убит, мой король и лорды, и убит этим негодяем, который осмелился восседать здесь с вами на почетном месте! И имя его — Юон Бордоский!

Юон, пристально посмотрев на тело, понял, что оно принадлежит рыцарю, тяжело ранившему Жерара, а потом павшему от его меча. И он изумился словам Эмери, ибо он непредумышленно убил Чариота. Посему теперь он довольно спокойно произнес:

— Ваше величество, труп, лежащий здесь, принадлежит тому самому неизвестному рыцарю, который ранил моего брата и которого я убил в наказание за то подлое деяние... Мой брат был не вооружен и...

Но пока он говорил, Эмери упал на колени и снял с головы убитого шлем, так чтобы все собравшиеся смогли увидеть лицо покойного. Из горла короля вырвался горестный крик. Он души не чаял в Чариоте, и вот теперь его любимый сын лежал подле его ног, убитый в полном расцвете своей молодости.

— О, сын мой! — Крик короля прогремел через анфиладу залов и пронзил сердца всех, кто слышал его, ибо глубину королевского горя нельзя было высказать словами.

— Да, это ваш сын, ваше величество. И здесь, рядом с вами, находится этот лживый Юон, которого вы лелеете, а он убил Чариота. Мы охотились в лесу, чем так любил по обыкновению заниматься принц, и выпустил сокола за добычей, и, помнится, очень вознегодовал, когда птица вернулась, так и не настигнув свою жертву. Тогда мы поскакали за ней, и случайно сбились с нашей дороги, и выехали на другую, где как раз проезжал этот подлый молокосос. И надо же, сокол принца сидел у него на запястье. Когда принц Чариот потребовал отдать ему птицу, этот самый Юон вместе со своим братцем набросились на него и разделались без...

От подобной лжи Юон поначалу лишился дара речи. Но вскоре он взял себя в руки, снял перчатку и швырнул ее прямо в лицо графа, угодив ему в лживый рот.

— Ты лжешь! — вскричал юный лорд из Бордо, когда наконец вновь смог заговорить.

Но Карл Великий незаметно указал стражникам схватить герцога, что они и сделали, быстро заломив его руки за спину, несмотря на его отчаянное сопротивление.

— Отрубить голову этому убийце! — проревел король.

И стражники так и поступили бы, но герцог Неймс резко остановил их, сказав:

— По законам рыцарства и дворянского сословия мы не можем так поступить с этим юношей. Он назвал Эмери лжецом и тем самым потребовал от него доказательств правдивости его рассказа. И он должен доказать это своей жизнью. Пусть Судьею обоих выступит наш Господь Бог. Таково его право, и ни один земной король не может его у него отнять!

От гнева Карл Великий был мрачен, как туча, но он увидел, что все пэры и лорды придерживаются того же мнения, что и Неймс. И, несмотря на ярость по отношению к Юону, он понимал всю серьезность возникшей проблемы. Посему король был вынужден согласиться. Однако он сделал это весьма неохотно и с черной ненавистью в сердце.

— Пусть они сразятся согласно обычаям рыцарства, — медленно промолвил он. — И, возможно, Бог справедливо поступит с убийцей. Но также пусть все теперь запомнят, что если кто-нибудь из двоих умрет до того, как признает свою вину в этом деле, то оставшийся в живых незамедлительно будет изгнан из королевства, чтобы никогда не возвращаться!

Все присутствующие громко вскричали от подобной несправедливости, ибо все прекрасно понимали, что любой может быть убит в самом разгаре боя так, что у него не будет времени на признание. О чем Неймс прямо заявил королю, но все оказалось тщетным, поскольку воля Карла Великого в этом вопросе была непреклонна и ни один человек не сумел бы переубедить его.

Первыми ушли Юон с Неймсом. Молодой человек попросил Неймса продержат его в безопасности до утра, когда он встретится с Эмери в смертельном поединке. Граф тоже покинул Двор, а король скорбел над телом погибшего сына.

ГЛАВА 6

**Как Юон победил Эмери в бою
и как судьба распорядилась
с ним потом**

Ранним утром во владения герцога Неймса, приютившего Юона, явились оруженосцы юноши и разбудили его. Они облачили его в свежее белье, а поверх его надели кожаную кольчугу. Затем герцог принес Юону превосходные доспехи, изготовленные его лучшими умельцами их секретным способом. В них юноша чувствовал себя настолько легко и свободно, словно их вообще не было. И вот, одетый таким образом, Юон устремился на место поединка, восседая на боевом коне цвета свежей крови. Справа от него скакал сам герцог Неймс, а вперед выехал его оруженосец, неся разукрашенный перьями шлем и щит.

Когда Юон ехал на поле боя, все изумлялись его юности и миловидности его лица. При этом зеваки негромко переговаривались о том, что даже королевский сын не смог бы сравниться статью и достоинством с герцогом Бордоским. Эти тихие голоса дошли до ушей Карла Великого, помпезно восседающего на самом видном месте, и гнев на убийцу сына еще сильнее обуял короля.

Эмери прибыл на место поединка в полном душевном спокойствии, ибо он считал Юона зеленым юнцом, не умеющим обращаться ни с копьем, ни с мечом, который не сможет противостать такому опытному бойцу, как он, прошедшему много лет в кровопролитных сражениях. Однако, когда он проезжал мимо королевского Двора, его конь внезапно споткнулся, поэтому граф, небрежно сидящий в седле, чуть не свалился наземь. И все, кто наблюдал за этим досадным зрелищем, посчитали это дурным предзнаменованием.

Но Эмери тотчас же обрел равновесие, выпрямился в седле, твердой рукою надел свой шлем. Весь его вид говорил о том, что он верит в себя и свои силы.

Юон тоже надел шлем, взял щит и поднял копье, переданные ему оруженосцем. Его ярко-чалый конь с грохотом бил копытом о булыжную мостовую, словно бросая вызов черному коню, которого граф сдерживал своей тяжелой рукой.

Затем сам король приказал начинать, и противники вступили в бой. Эмери нацелился копьем прямо в шлем Юона. Этим он хотел показать, что на такой рискованный удар способен только опытный и уверенный в себе боец, каким он и считал себя на поле боя. Он не сомневался, что справится с мальчишкой, как с безобидным котенком.

Однако Юон был готов отразить этот удар, ибо догадался, что на уме у врага. Поэтому, когда они сошлись, он ловко отклонил голову, и копьё Эмери пронзило воздух. А копьё Юона ударило прямо в середину вражеского щита с такой силой, что не только Эмери, но и он сам выпали из седел и рухнули на землю.

Вскочив на ноги, оба отшвырнули бесполезные копья и схватили мечи. Граф настолько расвирипел от своего падения, что бросился на противника, не думая об осторожности настолько, что отбросил щит, намереваясь нанести мощнейший удар мечом обеими руками.

Юон же прикрылся щитом, который и принял на себя удар Эмери. Лезвие, выкованное в раскаленной кузнице, было настолько тяжело, что граф не сумел поспешно отскочить назад. И тогда Юон нанес ответный удар, угодив графу точно туда, где шея крепится к плечам. Против такого удара крепкие доспехи графа послужили ему не больше, чем шелковая накидка. Его разукрашенный роскошными перьями шлем слетел с головы, которая покатила по пыльной земле и застыла неподалеку от подножия королевского кресла.

Вокруг раздались изумленные крики, ибо ни один человек не верил, что Юону удастся справиться с Эмери. А коварное сердце короля подскочило в груди, поскольку он понимал, что если Юон не умер в поединке, то он как можно скорее должен умереть ради Франции. Ведь Эмери испустил дух, так и не успев сделать честное признание. И тогда герольды провозгласили королевскую волю.

Когда был зачитан суровый указ об изгнании, все лорды, обступившие королевский трон, начали возражать, и громче всех протестовал герцог Неймс.

— Ваше величество, — произнес он, — разве не безутешное горе вынудило вас отдать сей суровый приказ? Ведь этот юноша доказал в сражении в свою правоту, и Судьей его был Господь Бог. Он сказал вам истинную правду. Если он убил принца Чарриота нечаянно, его нельзя считать убийцей. Прошу вас, нака-

жите его не столь сурово, что он всю оставшуюся жизнь будет пребывать за тридевять земель от своей любимой родины!

Несмотря на непрекращающийся гнев к Юону, Карл Великий понимал, что его лорды открыто протестуют против его решения в этом вопросе. Поэтому он очень спокойно ответил Неймсу:

— Это правда, что Юон совершил огромное зло, отняв у старого короля его любимого сына, а у Франции — ее будущего короля. Но также правда и то, что сам Господь Бог даровал этому юноше победу в поединке. Посему, чтобы не быть с ним столь суровым, я возложу на Юона трудную задачу, то есть поступлю с ним, следуя старинным рыцарским обычаям. И он не вернется во Францию, пока удачно не справится с этой задачей, ведь в противном случае он примет позорную смерть. Что ты на это скажешь, герцог Неймс?

Неймс, понимая, что больше ничего не сможет сделать на благо Юона, согласно кивнул.

— А теперь слушайте все, какая задача предстоит Юону Бордоскому, — промолвил громко король. — Приказываю ему отправиться из Франции в очень хорошо укрепленный город сарацинов Вавилон. Там он должен явиться ко Двору эмира Гаудиса, управляющего этим городом. Юон должен вырвать из бороды Гаудиса клочок волос, изо рта его вытащить пять зубов. А главному гостю Гаудиса в присутствии всего окружения эмира отрубить голову. Мне он должен привезти эти волоски и зубы. Кроме того, он должен поцеловать дочь Гаудиса на глазах у всего Двора эмира.

Когда Юон слушал о том, что ему предстоит выполнить, сердце его обливалось кровью, ибо он понял, что больше не жилец, и даже, имея он в помощниках самого Господа, ему не удастся остаться в живых после подобных деяний. И вот что он сказал королю и благородным лордам:

— Ваше величество, вы отправляете на верную смерть того, кто желал бы служить вам верой и правдой всю свою жизнь. Может быть, когда-нибудь потом наши потомки рассудят нас.

Больше он не проронил ни слова, а отправился к постели Жерара и передал в его владение Бордо и остальные земли. Преисполненный безутешной печали, он попрощался с братом, отобрал себя в сопровождение лучших рыцарей и оруженосцев и отправился в путь, дабы выполнить волю короля.

ГЛАВА 7.

**Как Юон убежал из Франции,
а Жерар управлял Бордо**

И с сердцем, исполненным печалью, Юон нанял судно и вместе со своими людьми поплыл к древним землям Италии, где они наконец добрались до города Рима, расположенного в самом центре мира. И там молодой герцог попросил аудиенцию у папы. И когда его святейшество удостоил его чести принять его, он сказал:

— Давным-давно твой отец тоже приходил ко мне, а теперь я счастлив видеть Юона Бордоского, его сына от его плоти и крови, который пребывает в таком же добром здравии, как некогда мой старинный друг. Я слышал о тебе, сын мой, только хорошее. Ответь же мне, сын мой, что привело тебя из Франции к воротам нашего города?

И тогда Юон поведал папе обо всех бедах, обрушившихся на него, и рассказал о невыполнимой задаче, возложенной на него Карлом Великим. Полный печали, он сказал, что понимает, что отправляется прямо за своей погибелью. Но как только эти слова сорвались с его губ, его святейшество остановил его взмахом руки и ласково молвил следующее:

— Сын мой, ты же знаешь, что, как говорил Наш Господь Бог, для того, кто истинно верит в Него, не существует ничего невозможного. Так ступай же смело вперед с верой, что ты победишь, даже если против тебя выступят все ужасающие силы этих негодных язычников.

И от этих слов сердце юноши избавилось от тяжкого груза, и теперь он чувствовал себя как человек, освободившийся от тяжелых цепей. Затем его святейшество посоветовал Юону отыскать герцога Гарайна, приходившегося герцогу Севину родственником и ныне обитающего во владении Сент-Омар. И Юон сделал так, как наказал ему папа, и отыскал этого немало знаменитого рыцаря, также хорошо известного во всем христианском мире.

Герцог Гарайн принял молодого человека с распростертыми объятиями, крепко прижал его к груди и объявил своим сыном и наследником, ибо своих детей никогда не имел. Потому что, как он объяснил Юону, он очень похож на своего отца в юности,

а герцог Севин приходился ему братом. Таким образом, Юон встретил своего дядю, от которого принял очень много ласки и доброжелательства.

Когда для Юона и его спутников настал час отплыть к сарацинским землям, герцог Гарайн призвал к себе жену и сказал:

— Присмотри, жена моя, за всем, что делается в нашем герцогстве, ибо я решил пуститься в путь с моим племянником, чтобы ему не пришлось встретиться с великими опасностями в одиночку.

Его супруга глубоко опечалилась, а потом промолвила мужу:

— Мой благородный муж, я очень сильно боюсь того, что ты покидаешь меня, ибо в последних снах мне снились сплошные несчастья. Поэтому я думаю, что, если ты уедешь, я больше никогда не увижу твоего любимого лица. Но если такова твоя воля, то я больше ничего не скажу. Я выполню все, что ты пожелаешь, и буду управлять твоим герцогством до твоего возвращения.

И, сказав так, она отвела в сторону Юона и попросила его как следует присматривать за ее мужем, чтобы ему не причинили вреда, ибо она горячо любила герцога Гарайна. Юон поклялся на кресте, что сделает все, о чем она попросила его, и сделает все, что от него зависит, чтобы его дядя остался цел и невредим в этом опасном путешествии.

Но когда Гарайн с Юоном выезжали из владения Сент-Омар, она все еще безутешно рыдала, закрывая свое заплаканное лицо длинными рукавами своего платья.

Тем временем, когда Юон преодолел половину пути, его брат Жерар оправился от раны, нанесенной ему принцем Чариотом, встал с постели и отправился домой в Бордо. Герцогиня Эклис постоянно держала на башне наблюдателя, и когда тот заметил флажки на пиках людей из свиты Жерара, то тотчас же разнес радостное известие по всей крепости. Весь народ быстро высыпал во двор, чтобы встретить своих возвратившихся хозяев.

Но когда герцогиня спустилась во двор и увидела, что Жерар один, она сложила руки на груди, словно ее пронзил роковой меч, и горестно вскричала:

— Где же твой брат? Почему ты приехал один?

И Жерару пришлось поведать матери всю историю. Узнав о случившемся, герцогиня издала пронзительный крик, и все содрогнулись от горя. После чего несчастная женщина упала без чувств на булыжную мостовую.

Служанки поспешно отнесли ее в покои, но она больше никогда уже не заговорила, ибо сердце ее разорвалось от боли. И она отправилась в Рай к своему супругу.

Долгие дни Жерар скорбел по матери и брату, ибо уже решил, что Юон тоже погиб, поскольку ни одному смертному человеку не удалось бы выполнить задачу, возложенную на него Карлом Великим. Преисполненный скорби, Жерар молча бродил по замку, ни с кем не разговаривая и не принимая пищи, пока наконец к нему не подошел один старый рыцарь, воспитывающий его с пеленок, и не сказал:

— Милорд, я понимаю, что ужасные несчастья пали на вашу голову. Но плач и траур не возродит мертвых. Бордо нуждается в правителе, и вы должны занять это высокое кресло и управлять городом, как это делали до вас ваши достославные отец и брат.

Так Жерар стал герцогом Бордоским, и спустя некоторое время ему понравилось управлять городом, и вскоре он позабыл о Юоне и том обстоятельстве, что он стал единственным правителем Бордо благодаря несчастной судьбе брата. Ибо теперь для него Юон был таким же погибшим, как если бы его останки покоились в семейном герцогском склепе. Когда-то он горячо завидовал брату и тайно вынашивал мечту, как он станет великим, а Юон — никем. Теперь его мечты претворились в жизнь.

По прошествии некоторого времени он взял в жены дочь Жильбера Сесилла, который приходился дальним родственником Эмери, принесшему столько несчастья в Дом герцога Севина. Это была женщина невиданной красоты, незаурядного ума и весьма острая на язык. Она рьяно занималась черной магией, чем наводила страх на простолюдинов, живущих в герцогстве и его окрестностях. Однако Жерар, очарованный ее неземной красотой, совершенно не думал о ее семье, ибо ей удалось ввести его в заблуждение при помощи своих запретных знаний.

Поэтому он все время прислушивался к ее словам, равно как и к советам ее отца, который прослыл по всей Франции коварным и лживым человеком.

Так зло поселилось в Бордо, о чем ничего не знал его полноправный владелец герцог Юон.

ГЛАВА 8.

**Как Юон повстречался
с отшельником Жерамом
и отправился в волшебный лес**

Наконец торговое судно с Юоном, герцогом Гарайном и их спутниками доставило их к пустынному скалистому берегу, находящемуся очень далеко от всех сарацинских городов. Юон не признавал никаких трудностей на своем пути к Вавилону. Вместе с дядей они вскочили на коней и в сопровождении своих людей поскакали в глубь страны навстречу восходящему солнцу, указывающему им дорогу к Вавилону.

Они долго ехали по совершенно открытой бесплодной пустыне, пока не добрались до двух дорог. Первая вела через обширную местность, представляющую собой голые скалы и раскаленный на солнце песок. Вокруг не было видно ни деревца, ни даже кустика. Однако другая дорога вела к какой-то неведомой и очень красивой земле, где Юон увидел деревья, обрадовавшие его взор и обещающие воду.

Этот путь и выбрал Юон: не задумываясь, повернув туда коня. Не успел он проехать и нескольких метров, как из покосившейся лачуги, сложенной из крупных прямоугольных камней, вдруг появился отшельник и преградил им путь.

Его чресла и спину прикрывала львиная шкура, а седые волосы неопрятными лохмами ниспадали на костлявые плечи. Длинная борода доходила до пояса, но в его сверкающем взгляде чувствовались разум и сила, а сам он держался с таким достоинством, словно считал себя единственным властелином этой покинутой Богом земли.

— Да благослови вас Господь, благородный сэр, — громко обратился он к Юону. — Судя по вашему одеянию и кресту на вашем щите, вы — христианский рыцарь. Если это действительно так, то прошу вас, примите предостережение от того, кто, хотя и был побежден в черные времена, некогда владел землями, принадлежавшими христианскому королю.

Весьма озадаченный подобным приветствием, Юон сдержал своего коня и попросил этого человека рассказать ему, что привело его к жизни в столь отдаленном и заброшенном месте.

— Во время оно я был рыцарем Жерамом, который всегда скакал по правую руку от благородного герцога Севина Бордоского. Но, возжелав посмотреть на гроб Господа Нашего Иисуса Христа, я приплыл сюда, и мой пилигримский корабль был захвачен морскими волками, магометанскими пиратами. Всех моих спутников они продали в рабство, а мне спустя много лет удалось вырваться из цепей и бежать сюда, в эту дикую пустынную местность, где ни одной живой душе даже в голову не придет разыскивать меня. За семь лет вы первые, кто появился на этих древних дорогах. Мне не понятно, зачем христианам понадобилось вступать на эти пагубные земли. Какая злая судьба привела вас сюда?

Юон поведал о возложенной на него задаче и рассказал, как он и его дядя оказались на пути в Вавилон, чтобы выполнить волю короля Карла Великого.

Когда он узнал, что Юон — сын его бывшего хозяина, герцога Севина, на глазах Жерама выступили слезы, и он схватил руку юноши и покрыв ее горячими поцелуями, приговаривая при этом, что тотчас же последует за Юоном даже за самой смертью.

И снова он умоляющим голосом стал просить их свернуть с дороги, проходящей через лес. А потом пояснил:

— Этот лес — магический и считается одним из тех неведомых мест, где царит мир Волшебства, и никому неизвестно, что произойдет, стоит обычному мирскому человеку вступить в него. Король Народа Холмов Оберон имеет обыкновение проезжать через этот лес вместе со своими волшебными лордами. И стоит ему узреть смертного человека и заговорить с ним, то как только тот ответит ему, он тотчас же подпадает под его волшебство и до конца своих дней должен будет выполнять все, что Оберон потребует от него. Вот так навеки исчезли самые могущественные и храбрые рыцари.

Юон вновь посмотрел на палящее солнце пустыни и не увидел ни тени, не говоря уже хотя бы о капле воды. И тогда он повернулся к лесу, манящему своей прохладой и каким-то странным образом притягивающему его к себе. И спросил:

— А можно как-нибудь не отвечать на слова короля Оберона? Неужели его волшебство подействует на меня, если я буду все время молчать?

Жерам покачал головой.

— Да, если человек не заговорит с королем Обероном, то король Волшебной земли не властен околдовать его.

— В таком случае, — молвил Юон, — нам придется попридерживать языки и покрепче стиснуть зубы. И тогда мы будем в безопасности, даже если этот ужасный король повстречается нам на пути. Ибо, если мы останемся в пустыне, мы все равно погибнем от палящего солнца и жажды, а в лесу мы сможем найти тень и воду.

Несмотря на зловещие предсказания Жерара, они поскакали через лес. Достигнув его середины, они услышали звук охотничьего серебряного рога и вскоре увидели скачущих к ним рыцарей в зеленых одеяниях. По-видимому, этот цвет больше всего любил Народ Холмов.

Впереди скакал юноша такой неземной красоты, какую невозможно встретить среди смертных. Его зеленое одеяние, расукрашенное золотом и серебром, отличалось сказочным великолепием и изяществом. Его португепя и ножны его меча сверкали от вкрапленных в них огромных жемчужин, а колесики шпор украшали крупные бриллианты.

Однако ростом он был не выше маленького ребенка и казался мальчиком лет десяти, сидящим на огромном черном коне. Однако лицо его было отмечено печатью мудрости и мужества.

Увидев Юона и его спутников, маленький юноша прищипнул коня, поудобнее расположился в седле и произнес:

— А вот и вы, гордые смертные! Кто вы, кто осмелился перейти границы моего королевства?

Когда он говорил, всем казалось, что они слушают сладкозвучную песню.

Но Юон и его спутники помнили предостережение Жерама и не отвечали, поэтому король Оберон пришел в гнев от такой неучтивости.

— Ах так, вы, негодяи! — закричал он. — Что ж, вы у меня быстро поймете, во что вам обойдется ваша дерзкая непочтительность!

С этими словами он ударил коня шпорами и поскакал прочь, а его лорды устремились за ним. Тогда Жерам проговорил Юону:

— Милорд, нам надо поскорее убираться из этого леса. Сдается мне, Волшебный король задумал против нас какое-то зло.

И Юон с его людьми всадили шпоры в бока своих коней и ударили их хлыстами. Как можно скорее они попытались миновать этот зловещий лес. Но, прежде чем они успели достигнуть опушки, внезапно поднялась такая сильная буря, какой еще никто из них не видел в жизни.

Ветер с корнем вырывал деревья, и они падали наземь прямо перед ними. Неведомо откуда на них низринулись потоки воды, словно целая река вышла из берегов, чтобы потопить дерзких смертных. Их положение было настолько плачевно, что Юон испугался, что так и не выполнит наказ короля и больше никогда не увидит высокие башни родного Бордо.

ГЛАВА 9.

Как Юон помирился с Обероном и что получил вследствие этого

Когда свирепая буря обволокла их со всех сторон, а порывы ветра сбросили их с коней, спутники Юона стали громко проклинать свою печальную судьбу и сетовать над своей бедой, ибо понимали, что смерть наступает их так далеко от любимой земли. Некоторые из них открыто обвиняли во всем Юона, говоря, что это он привел их на зловещую дорогу и что буря вызвана гневом Оберона, ибо ветер не может быть таким сильным, если он не вызван магическими средствами. Юон не стал возражать им, поскольку думал точно так же, поэтому сказал следующее:

— Да, по моему неразумению настигла нас эта буря, которую вы, ни в чем не повинные, должны терпеть из-за моего глупого безрассудства. Как мне хотелось снова встретиться с королем волшебником, чтобы умолять его сохранить ваши жизни. Ведь вы доверились мне, вступив на этот путь...

И, как только он произнес эти слова, стараясь перекрыть завывающий ветер, внезапно сквозь неистовство бури все услышали серебряные переливы охотничьего рожка. И через поваленные деревья легким галопом прискакал крошечный властелин этого запретного мира, а за ним — его рыцари-эльфы. Он подскакал к съжившимся от страха смертным и обратился к Юону со словами:

— Кто же ты, кто приехал сюда без дозволения кого-либо из нас?

И, несмотря на то, что Жерам предупреждающе дернул его за рукав, Юон поспешно ответил:

— Ваше величество, меня зовут Юон, и некогда я был герцогом Бордоским из Французского королевства. Сейчас я еду в изгнание как простой рыцарь, чтобы выполнить наказ моего короля Карла Великого. Потому что я сильно разгневал его.

— И какое же преступление ты совершил, чтобы вызвать гнев такого благородного короля, хорошо известного как в нашем, так и в вашем мире? — осведомился Оберон.

— Если можно считать преступлением то, что я защищал свою жизнь, — храбро ответил Юон. Теперь он воспрянул духом, ибо буря прекратилась, потоки воды куда-то исчезли, а ветер затих. И тогда он поведал Оберону все, что стряслось с ним с того самого дня, когда он выехал из ворот Бордо, чтобы добраться до Двора французского короля.

— Да, действительно, тебя постигло несчастье, — заметил волшебный король. — Ни один смертный не сможет сделать то, что приказал тебе король, и остаться после этого в живых. Однако то, на что не способен смертный, могут сделать те, кто живет в моем королевстве. А поскольку за пятьсот лет ты — первый человек, заговоривший со мной столь храбро, я предоставлю тебе кое-какую помощь, и если ты воспользуешься ею мудро, то, возможно, сумеешь достичь того, что тебе нужно.

— Во-первых, ты видишь этот рог? — продолжал Оберон. — Он у меня с самого рождения и обладает определенными волшебными качествами, которыми наделила его одна мудрая женщина, живущая за пределами этого мира. Глорианда заколдовала его так, что стоит извлечь из него одну тихую ноту, и он насылает все известные человеку болезни. Или зачаровывает. Две ноты избавляют человека от всех его потребностей, а третьей нотой повелевает леди Транслайн. Если дунуть громче и вызвать леди Марголе, то сердце покинет тяжесть и на душе тотчас же станет легко, а все печали и скорби забудутся. Если дунуть что есть сил, то он призывает к тебе помощь во время беды; этим звуком ведает Мудрый Лемпатрикс. Я хочу дать тебе этот рог, но с одним условием. Ты должен пользоваться им, только хорошенько подумав, а не дудеть в него, как малое дитя ради забавы. И помни, когда ты сыграешь ноту Лемпатрикса, то я сам и все мои спутники должны будем повиноваться тебе и прибыть к тебе, чтобы сражаться бок о бок с тобой.

И Оберон снял со своей шеи цепочку, на которой висел удивительной красоты рожок, и ловко накинул ее прямо на плечи Юона так, что рог оказался на груди у юноши. В эти мгновения Юон стоял, ошарашенный от такого подарка. Волшебный король не стал дожидаться благодарностей, а вытащил из складок накидки чашу из жемчуга и серебра, которые в темном лесу светились неестественным розовым цветом.

— Это богатство по своей ценности равно многоголосому рожку, ибо тот, кто носит эту чашу с собой, никогда не испытывает жажды, как не будут страдать от нее его спутники. Если достойный человек поднесет ее к губам, то тотчас же обнаружит в ней превосходное вино. Но если пить захочется злодею или негодяю, то он ничего не отыщет. Там будет пусто и сухо, как в песчаной пустыне. Возьми ее, друг мой, и помни, что, может быть, она поможет тебе в твоём трудном предприятии.

Чаша перекочевала в ладони Юона, и он с удивлением пристально разглядывал ее. Спустя несколько секунд он осмелился поднести ее к губам, и вышло так, как обещал Оберон. В ней заиграло терпкое и очень редкое вино.

Молодой человек напился от души, и, когда он отвел чашу от себя, она снова наполнилась вином. Тогда он дал напиток Гарайну и всей компании, и всякий раз его чаша оказывалась полной вина. А когда все напилось, то тотчас же взбодрились и повеселели, и никто больше не испытывал жажды.

Юон рассыпался в благодарностях перед Обероном за щедрые подарки, но маленький король ответил лишь одно:

— Доведи свою задачу до конца, Юон Бордоский, и я вознагражу тебя за твою храбрость, ибо, сам не знаю почему, ты сильно затронул мне сердце. Впрочем, та мудрая женщина предсказала мне, что я должен иметь брата по оружию и сотрапезника из простых смертных, и, может быть, этим человеком станешь именно ты. А теперь бесстрашно ступай вперед, ибо ничто в этом лесу не причинит тебе вреда и дальше твоя дорога будет гладкой, как полотно.

Не успел Юон ответить, как Оберон и его спутники исчезли в лесной чаще, которая мгновенно поглотила их, словно они не существовали вовсе. Юон со своими людьми вскочили на коней и поскакали по дороге, которую им указал Оберон. И, пройдя ее без приключений, выехали в прекрасную долину, полную искрящихся ручьев и источников.

Очутившись на опушке, спутники Юона стали обсуждать между собой подарки, которые вез их хозяин. Некоторые из них поговаривали, что, возможно, волшебство способно действовать только в волшебном лесу, в котором им довелось наблюдать столько чудес. И они говорили, что стоит им выйти из леса, как чары рассеются, и ни рожок, ни чаша не станут слушаться своего хозяина. Так они говорили без умолку, до тех пор пока Юон не рассердился и не устал от их неверия. И, поразмыслив как следует, он решил заставить их замолчать. И, поднеся рожок к губам, он издал длинный протяжный звук.

Тотчас же небо заволокли темные тучи, и откуда-то из земли прямо к помрачневшим небесам поднялся столб зеленого огня, из самой середины которого внезапно появились Оберон со своими рыцарями-эльфами, держа перед собой щиты и обнаженные мечи.

— Где твои враги? — вскричал Оберон, и его крик зазвенел по всему полю.

И тут Юон устыдился своего поступка и от всего сердца испугался того, как волшебный король отнесется к его глупости. Поэтому он спешился и с понурым видом подошел к Оберону, чтобы признаться в своей вине.

Лицо Оберона побагровело от гнева, а его зеленые глаза сверкали, как угли. Но когда Юон честно признался, какую огромную глупость он совершил, волшебный король печально покачал головой и промолвил:

— Увы, Юон, многие опасности и беды подстерегают тебя на пути, прежде чем ты покончишь со своею задачей. Поэтому брось эти детские шалости, если не хочешь столкнуться с непоправимой бедою, от которой даже мне не удастся спасти тебя. Ни в коем случае не пользуйся этим рогом, пока не встретишься лицом к лицу с такой опасностью, из которой нет иного выхода, кроме смерти. Иначе мне придется отобрать мои подарки и оставить тебя погибать после следующей твоей дурацкой выходки!

Юон поклялся на кресте, что больше никогда не воспользуется дарами Оберона легкомысленно. Скорее он будет охранять их как зеницу ока и расстанется с ними лишь ценою собственной жизни. И тогда Оберон со своими рыцарями возвратились в огненный столб и снова исчезли.

А Юон со своими спутниками долго скакали вперед, пока на горизонте не показались городские башни и стены. Там они и решили провести ночь.

ГЛАВА 10,

**в которой повествуется о городе
Тормонте и о том, что там
изменилось**

Когда французские рыцари подъехали к самым воротам незнакомого города, неожиданно до них донесся громкий голос:

— Судя по крестам, вызывающе украшающим ваши щиты, вы — христиане. Посему убирайтесь отсюда, и побыстрее, если хотите остаться в живых, ибо это город Тормонт, а его властелин Макайр горячо ненавидит всех христиан и поклялся, что любой из вас, кто попадет ему в руки, тотчас же лишится головы!

Но Юон отозвался в ответ:

— Ночь застала нас в пути, и мы ищем убежище. И мы не боимся твоего страшного господина. Отпирай ворота, чтобы мы смогли войти в Тормонт.

С лязгом отодвинулись тяжелые засовы, и они въехали в город и за воротами обнаружили ожидающего их человека, который предостерегал их. Звали этого достойного человека Гондер, и он был Привратник Тормонта. Когда он понял, что не смог убедить их избежать гнева Макайра, то предложил им проследовать за ним в его убежище, где они будут в безопасности.

В эти времена в Тормонте возвышались высокие башни и красивые дома, но все улицы города кишели нищими, и Юон со своими спутниками ощутили к ним глубочайшую жалость. Юон спросил Макайра, почему властелин города и его окружение терпят столь бедственное состояние своих подданных. На что Привратник ответил, что такова воля их властелина Макайра, который погряз во всех существующих грехах.

Войдя в дом Гондера, Юон снял с пояса кошель с золотыми монетами и протянул его Привратнику со словами:

— Возьми эти деньги, и отправляйся на рыночную площадь, и купи там мяса и хлеба столько, сколько понадобится бы для большого праздника. Потом ты пойдешь к этим мужчинам и женщинам, что просят милостыню на улицах, и как следует накормишь их. Я хочу, чтобы ни один житель Тормонта не отправился сегодня спать голодным.

Гондер сделал так, как попросил его Юон. И со всех уголков Тормонта к ним сбежались нищие, чтобы утолить голод. По-

том Юон вытащил волшебную чашу и передал ее всем страждущим, чтобы те напились вина. И каждый, кто насытился, был преисполнен благодарности к его благодетелю, ибо никто в эту ночь не остался голодным. И вокруг наступило такое веселье, как будто на улицах и в самом деле стоял праздник.

Когда совсем стемнело, Юон снял с себя цепь с волшебным рогом и протянул бесценный дар в руки Гондера со словами:

— Прощу тебя, проследи, чтобы этот рог никуда не пропал. Ибо вино может ударить мне в голову, а этот рог — главное мое сокровище, и нельзя, чтобы его у меня украли.

Гондер повесил цепь с рожком себе на шею и поклялся Юону, что уберезет его от любого вреда.

Тем временем властелин Тормонта, Макайр, послал на рынок своих слуг, чтобы те купили ему мяса. Слуги очень быстро возвратились со словами, что все мясо скупил какой-то чужестранец, чтобы устроить праздник всем городским нищим. И что сейчас все городские бедняки веселятся в доме Гондера.

Весьма обескураженный такими известиями, Макайр решил, что должен лично взглянуть на чужеземца, который накормил всех нищих его города. Поэтому он надел долгополый грязно-серый плащ, какие носят самые бедные из бедных, и в сопровождении своих рыцарей двинулся по городу. Оставив стражников на улице, он вошел в дом Гондера и с понурым видом уселся за самый дальний стол, исподлобья наблюдая за всем происходящим.

После того как властелин Тормонта появился в доме, все вскоре переменилось. Юон приблизился к его столу и протянул Макайру чашу, которой уже успел обнести всех, кроме новоприбывшего. Но когда она оказалась в руках Макайра и он поднес ее к губам, вино тотчас же исчезло. Чаша была пуста!

— Кто ты такой? — вскричал изумленно Юон. — Ибо эта чаша становится сухой только в руках неправедного человека!

И, резко протянув руку, он откинул капюшон нищенского плаща, скрывающий лицо Макайра.

— Это же хозяин Тормонта — Макайр! — закричал Гондер.

Прежде чем Макайра успели схватить, он стремительно вскочил на улицу и позвал своих людей, приказав тем арестовать чужестранцев. Но Юона с его рыцарями не так-то просто было захватить в плен. Они долго сражались на переполненных улицах города, пока не достигли высокой сторожевой башни, возвышающейся в самом центре Тормонта. Пронзив мечами не-

скольких стражников, охраняющих вход, им удалось уйти под защиту могучих каменных стен.

Находящийся снаружи Макайр собрал все свои войска, решив, что сумеет захватить противника, взяв его измором. Он подумал, что рано или поздно дерзкие чужеземцы будут вынуждены сдаться из-за голода и жажды. Юон понимал, что это может произойти, поскольку бежать можно было только сквозь огромное вражеское войско. Другого пути у них не было.

И тогда герцог Гарайн настоятельно посоветовал ему:

— Настало время смертельной опасности, поэтому ты по праву можешь протрубить в рог короля Оберона.

Руки молодого человека ощупали грудь, и тут он вспомнил, что отдал рог Гондеру. Когда он сообщил это печальное известие остальным, все упрекнули его за глупую шутку, но Юон ответил, что это не шутка, а истинная правда.

Тем временем Гондер вспомнил о рожке и о том, что чужеземец, томящийся в башне, сказал, что этот рожок — самое главное его сокровище. Поэтому Гондер решил во что бы то ни стало возвратить рог Юону, ибо втайне ненавидел злобного и несправедливого Макайра всеми фибрами своей души.

Он подошел к Макайру и открыто заявил ему:

— Хозяин, дозвоьте мне поговорить с этими чужестранцами. Поскольку они доверяют мне, то, может быть, мне удастся убедить их сдаться. Тем более мне кажется, что им самим понятно, что они в безвыходном положении.

Макайр согласился, поскольку хотел взять башню, пролив при этом как можно меньше крови. Ведь он уже успел убедиться, что чужеземцы показали себя в бою очень опытными бойцами.

ГЛАВА 11,

**повествующая о том, как Юон
призвал рыцарей-эльфов,
и о роковом конце Макайра**

Гондер, не таясь, подошел к воротам сторожевой башни. Вместо оружия он нес в руке белый шелковый шарф, тем самым показывая, что он явился с миром. По приказу Юона его пропустили внутрь, и тогда Гондер обратился к юноше:

— Если ты сдашься Макайру, он отрубит тебе голову, ибо он коварен, как зыбучие пески, которые засасывают путешествен-

ника, и он находит в них свою смерть. От него тебе ни за что не дожидаться пощады, и я не солгу тебе, если скажу, что тебе нечего ожидать, кроме гибели. Но я принес сюда рог, который ты доверил мне, сказав, что он — главное твое сокровище.

Юон буквально вырвал волшебный рожок из рук Гондера и радостно вскричал:

— Благородный Привратник, вместе с этим рожком ты принес нам освобождение. И теперь и ты, и все жители Тормонта убедятся в этом!

Юон поднес рог к губам и издал громкий звук, эхом разнесшийся по всему городу и достигший самих Небес. И тотчас же над Тормонтом разразилась жестокая буря, такая же, что застала Юона в волшебном лесу.

Огненный меч расколол пасмурное небо, нависшее над Тормонтом, и из вышины внезапно появились крылатые кони, несущие на себе воинов Оберона. Рыцари-эльфы сжимали в руках по мечу, и стремительный ветер нес их прямо на город. При этом они издавали воинственные крики своего волшебного мира, находящегося далеко за пределами мира обычных смертных.

Некоторые из воинов Макайра, испуганные этим страшным зрелищем, бросились бежать. Однако среди его людей нашлись более стойкие и храбрые бойцы, которые не сдвинулись с места. И тогда Юон со своими людьми вышел из башни, дабы сразиться с ними.

Вокруг поднялся невиданный ранее на земле шум. Кровь смельчаков струилась по городским канавам, а у каждого порога лежали изуродованные трупы. Ибо возмездие рыцарей-эльфов не имело предела. И ни один из французов не прятался за их спины во время сражения. Ибо Юон, Гарайн, Жерам и все, кто последовал за ними, считали, что это недостойно рыцарей.

Через некоторое время во всем городе не осталось никого, кто мог бы противостоять им. Среди убитых лежал и их властелин — Макайр, проведший всю свою жизнь в пороке и грехах, ибо вероломно расправлялся со всеми чужестранцами, прибывающими в его город. Так и продолжалось бы, если бы он не нашел свой конец в этом суровом бою. Юон отметил, что Макайр сражался до последней капли крови, и теперь юноша горячо сожалел, что столь храбрый человек оказался подлым негодяем. Когда Тормонт наконец избавился от своего подлого властелина и тех, кто выполнял его зловещую волю, Оберон подошел к Юону и сказал:

— Мы пришли тебе на помощь, как и обещали, и теперь этот город принадлежит тебе. Ты можешь делать с ним все, что тебе заблагорассудится. Итак, что ты думаешь насчет Тормонта?

Молодой человек внимательно оглядел сильно пострадавший от боя город и долго размышлял, прежде чем ответить:

— Мне не нужен Тормонт, и я думаю, что никто из моих людей не захочет царствовать так далеко от родной земли. Так пусть же властителем Тормонта станет Гондер, ибо он достойный и справедливый человек. А мы должны идти своей дорогой.

И все согласились с Юоном, что Привратник Гондер станет властителем побежденного ими города. Так и произошло. И Гондер правил Тормонтом долгие и долгие годы, а спустя много лет Тормонт, к славе своего народа, стал одним из самых величайших сарацинских городов. Но больше никогда ни Юон, ни его люди не вступали в его ворота...

Как только они очутились за пределами Тормонта, Оберон и его рыцари-эльфы попрощались с ними. Только волшебный король сделал Юону еще одно предостережение. Он подошел к нему и промолвил:

— Пока ты остался цел и невредим, выполняя свою задачу, и вполне возможно, что так будет продолжаться и впредь. Но боюсь, что это будет недолго, ибо ты — еще совсем неопытный юноша и плохо знаком с людскими нравами. Ты мало знаешь мир. Поэтому не забывай о моем предостережении, которое я тебе сейчас дам, поскольку от него зависит то, каким будет твое будущее — плохим или хорошим. Всегда говори только правду. И ни при каких обстоятельствах не позволяй лжи сорваться с твоих губ. Ибо если ты солжешь, то сразу лишишься моей помощи, и я никогда не приду к тебе, даже если ты будешь нуждаться во мне как никогда.

Юон громко поклялся, что всегда будет поступать так, как наказал ему Оберон, и никогда в жизни он не скажет неправды. Однако волшебный король смотрел на него с печалью во взоре, словно предчувствовал беду, которая обрушится на юношу впоследствии.

Прежде чем покинуть мир обычных смертных, Оберон взмахнул рукой, и все французы увидели перед собой восхитительный шатер, который внезапно появился из воздуха. Войдя, они обнаружили там стол, ломящийся от яств, и устроили великий праздник.

Но среди его спутников было много раненых, и, увидев их тяжкое состояние, Юон произнес:

— Поскольку король возложил эту задачу только на меня, то мне и придется довести ее до конца. Поэтому оставайтесь здесь и залечивайте раны до тех пор, пока я не вернусь. А если я не возвращусь до следующего полнолуния, то считайте меня погибшим и скачите обратно в Бордо, чтобы поведать там всем историю нашего путешествия.

Верные спутники Юона громко возражали, но молодой человек не стал слушать их горячие протесты. Затем вперед выступил Жерам и сказал:

— Первое, что ты встретишь на своем пути, — это Замок Дюнозер, где обитает Великан Ангалафар. Поэтому советую тебе отправиться другой дорогой, чтобы избежать этой опасности.

Но когда Юон бодро попрощался со всеми, он отправился по дороге на Дюнозер, решив, что ему надо взглянуть на прославленные владения Великана Ангалафара.

ГЛАВА 12.

Как Юон добирался до замка Дюнозер

Дюнозер являл собой серую и мрачную громаду, возвышающуюся на совершенно голой равнине. На верхушках его неприступных башен не было видно флажков, а вокруг ощущалась тягостная атмосфера зла, так что Юона стали обуревать сомнения, не объехать ли зловещий замок стороной. Но до него постоянно доносились громкие гулкие удары. Пока Юон ехал, он то и дело осматривался в поисках их источника, но, так и не обнаружив его, снедаемый любопытством, подъехал к воротам угрюмого замка.

По обеим сторонам огромного портала стояли два великана, облаченные в доспехи из стали и меди, изготовленные явно не руками обычных смертных.

В руках у обоих стражей виднелись толстенные металлические булавы, которыми они с размаху ударяли по земле перед воротами. Поэтому никто не смог бы пройти через ворота, не погибнув ужасной смертью. Юон долго наблюдал за то поднимающимися, то опускающимися булавами и понял, что ему не удастся улучшить даже мгновение, чтобы проскочить мимо. Ибо смертоносные булавы постоянно пребывали в движении.

Когда Юон смотрел на великанов, он услышал обращенный к нему голос и, подняв глаза на башню, возвышающуюся над воротами, увидел в окне очень красивую девушку. Она попросила его подождать, и немного погодя великаны перестали ударять булавами, так что Юон смог проехать через открытые ворота во внутренний двор, где девушка уже дожидалась его.

Спешившись, он подошел к ней. Она с жалобным плачем бросилась к нему и промолвила:

— О, благородный господин, уже семь лет ни один смертный человек не появлялся здесь, чтобы ответить на мои молитвы! Я работаю у этого отвратительного великана служанкой и потеряла всякую надежду на помощь. Умоляю тебя, освободи меня от этого злого рока! И знай же, меня зовут Себилла, и некогда я была придворной дамой во французском королевстве. Но мой отец пустился в паломничество в эту ужасную землю. И когда он покинул меня, моя благородная матушка умерла, а я осталась одна-одинешенька. И тогда я решила отправиться вслед за отцом. Но когда я попала в эту страну, мне не удалось отыскать ни одного человека, который смог бы рассказать мне о том, какая судьба постигла моего отца. А потом караван, вместе с которым я путешествовала, был разбит и разграблен Ангалафаром. Мужчин он убил сразу, но он никогда до того времени не видел христианскую девушку. Поэтому он привел меня сюда, и с тех пор я прислуживаю ему.

Услышав ее рассказ, Юон пришел в неопишемую ярость и от всего сердца пообещал ей, что он разделается с Ангалафаром за то, как тот отнесся к французской девушке. А когда она успокоилась, то посоветовала ему уйти, прежде чем вернется великан, но Юон не внял ее совету.

— Ты погибнешь ужасной смертью из-за своего упрямства, — печально проговорила она. — Ибо Ангалафар носит доспехи, которые не сможет пробить ни одно копьё или меч, выкованные человеком. А в этих доспехах он непобедим. К тому же он никому не позволяет одевать их на него, а всегда делает это сам. И пока он жив, все останется так, как было.

Узнав о таких доспехах, Юон ощутил великое желание завладеть ими и торжественно поклялся про себя, что отберет их у Ангалафара, чтобы они служили ему долгие годы, как служили великану. Но девушка так сильно опечалилась, будто Юон уже умер прямо на ее глазах, и стала упрекать юношу за его упрям-

ство, снова и снова убеждая его побыстрее уйти из Дюнозера до возвращения его свирепого хозяина.

Юон попросил ее успокоиться и остался в замке, вкушая изысканные яства, которые она подавала ему, и запивая их вином из своей волшебной чаши. Холодным промозглым вечером Ангалафар вернулся в замок. В руках он держал целого быка, причем с такой легкостью, словно это был заяц.

Ангалафар и в самом деле выглядел чудовищно. В нем было больше тридцати футов росту, а вместо зубов изо рта торчали клыки дикого вепря. Однако из-за удачной охоты на быка он пребывал в хорошем настроении, поэтому, когда Юон храбро вышел ему навстречу, он не стал сразу убивать его, а рыкающим голосом спросил, кто он и с какой целью прибыл в Дюнозер.

И Юон бесстрашно ответил:

— По всей земле ходят слухи, что у тебя есть такие доспехи, которые еще не видел ни один смертный. И еще говорят, что тот, кто их носит, способен выдержать любое нападение. Меня зовут Юон Бордоский, я рыцарь французского королевства, и приехал я сюда, чтобы взглянуть на это чудо.

Ангалафару явно польстил подобный ответ, и он принес сперва кольчугу, которая сверкала так, будто каждое ее звено было выковано из золота или серебра.

— Хорошо смотрится, не правда ли? — спросил великан. — Так полюбуйся на нее в последний раз, ибо я собираюсь разделиться с тобой!

Но Юон не позволил застать себя врасплох, что отчетливо читалось на его лице. И, стараясь как можно равнодушнее смотреть на доспехи, он сказал:

— Неужели эта ничтожная штукovina и есть гордость Дюнозера? Боже, честное слово, я выгляжу куда лучше в своих доспехах из Бордо. Ведь твои доспехи настолько малы, что едва прикроют мои плечи!

Услышав эти дерзкие слова, Ангалафар пришел в такую ярость, что потерял остатки разума и дико закричал:

— Примерь-ка их на свою спину, чужеземец, и тогда ты увидишь, подойдут они или нет к твоим хилым мальчишеским плечам!

Юон охотно повиновался и почувствовал, что никогда еще доспехи не сидели на нем так хорошо. Они были легки, как китайский шелк, и в то же время прочны, как меч, выкованный

древними богами. Когда юноша полностью облачился в них, Ангалафар промолвил:

— Ну, разве теперь ты не находишь, что это самые лучшие доспехи, которые ты когда-либо видал?

— Верно, — отозвался юноша, выхватывая меч. — Они настолько прекрасны, потому я и хочу, чтобы они остались у меня. Благодарю тебя от чистого сердца за столь щедрый подарок, Ангалафар.

И тут великан осознал, как ловко его обманули, и с неистовым гневным ревом он ударил Юона своим огромным топором. Однако удар пришелся прямо на волшебные доспехи, и Юону показалось, что его коснулось перышко. Так случилось и с остальными ударами, которые великан наносил ему, и так было до тех пор, пока наконец в своей слепой ярости Ангалафар не потерял равновесия и не рухнул на пол просторной залы. Юон тотчас же подскочил к упавшему монстру и отрубил ему голову, тем самым уничтожив злобного и страшного великана навсегда.

Затем храбрый французский рыцарь позвал девуцу Себиллу, которая осторожно вышла из своего укрытия. Девушка нескazanно обрадовалась, увидев, что тот, кто столько лет держал ее в неволе, лежит бездыханный. Тогда Юон передал ей Замок Дюнозер со всем, что находилось в нем, и с этой минуты та, кто была простой служанкой, превратилась в знатную даму, обладающую огромным богатством и обширными землями. Себе же благородный юноша оставил только доспехи, а потом он вскочил на коня и поскакал по сарацинским землям к страшному городу Вавилону.

ГЛАВА 13,

повествующая о морском чудовище Малабронне и о великане Аграпуте

Местность по пути к Вавилону резко изменилась, и путь Юону преградила стремительная и глубокая река, показавшаяся ему своего рода ловушкой. Не говоря о мосте, он не встретил даже намека на переправу для путешественников, поэтому молодой рыцарь, отягощенный мечом, щитом и доспехами, не знал, как

ему преодолеть этот бурный поток. Он уселся на берегу и задумчиво воззрился в его мрачные глубины.

Внезапно прямо перед его глазами вода вспенилась, словно в ней барахталось какое-то неведомое существо. Потом из пенных барашков появились голова и плечи молодого и очень красивого мужчины. Однако когда незнакомец подплыл ближе к сидящему на берегу Юону, то юноша, к своему вящему удивлению, вместо ног заметил чешуйчатый хвост.

Юон, пораженный подобным зрелищем, едва не лишился дара речи, и его изумление возросло еще больше, когда существо обратилось к нему со словами:

— Приветствую тебя, Юон Бордоский, французский рыцарь. Меня зовут Малаброн из Волшебного царства, и меня послал сюда король Оберон, чтобы я оказал тебе помощь.

Тогда рыцарь приблизился к потоку и показал на длинный и переливающийся на солнце хвост, с которым Малаброн управлялся так же легко, как Юон со своими ногами.

— Ответь, ты человек или чудовище? — спросил юный рыцарь из Бордо.

Малаброн со смехом отвечал:

— Нет, благородный рыцарь, я имею столь странную наружность потому, что нарушил законы нашего бессмертного мира. И вот уже тысячу утомительных лет я живу в пределах границ вашего мира и времени. И из этой тысячи лет я прослужил уже целых девятьсот пятьдесят. А теперь мы должны справиться с твоими трудностями. Смотри, Юон!

С этими словами Малаброн хлопнул в ладоши, издав такой громкий звук, что заглушил рев неистовавшей реки. И тотчас же прямо из воды появилось изящное и очень красивое судно, сделанное так, чтобы выдержать мощные удары волн.

Юон взял за узды своего коня и с ласковыми словами провёл его на судно, несмотря на то что животное, испуганное стихией, отчаянно сопротивлялось и вставало на дыбы. Как только конь с рыцарем оказались на борту судна, Малаброн ухватил ослепительно белыми зубами толстую веревку, привязанную к носу судна. И с мощью, недоступной ни одному простому смертному, он поплыл, рассекая бушующие волны, таща за собой судно. Так Юон перебрался на противоположный берег реки.

Когда он сошел с корабля, то горячо поблагодарил Малаброна. Но человек-рыба грустно покачал головой и промолвил в ответ:

— Не благодари меня, Юон Бордоский. Ибо, сослужив тебе эту службу, я отработал еще пятьдесят лет своего изгнания. И теперь я свободен и могу возвратиться на свою родину. Поэтому это я должен тебя благодарить. Если нам доведется когда-нибудь встретиться, то я уже буду на своем месте среди лордов короля Оберона. Мне очень крупно повезло, что я выполнил для тебя эту работу, и возможно, тебе тоже улыбнется удача, которую ты явно заслуживаешь!

И Малаброн нырнул в поток и исчез, несмотря на то что Юон несколько раз окликал его, поскольку чувствовал себя весьма неуютно в этом странном и пустынном месте. Ибо, перебравшись через реку, очутился в бескрайней пустыне, где не заметил ни одного живого существа.

Тем не менее, проехав пол-лье, он увидел на песке следы ног. Правда, они были настолько велики, что юноша осознал, что их не мог оставить человек, а значит, они принадлежали великану или чудовищу. И он совершенно не удивился, когда, добравшись до подножия совершенно голой скалы, увидел сидящего на песке великана, натачивающего об камень двенадцатифутовый меч. Им оказался великан Аграпут, брат убитого Юоном великана Ангалафара. И, заметив молодого рыцаря, великан тотчас же узнал доспехи, некогда принадлежавшие брату. Поэтому он принял Юона за посланца от Ангалафара. И мощным, как походная труба, голосом, от которого сотряслись скалы, он спросил:

— Как поживает мой брат Ангалафар? И зачем он послал тебя сюда?

И, как следует обдумав ответ, Юон с самым невинным видом промолвил:

— Ангалафар пребывает в мире и покое у себя в Дюнозере (что не было ложью, ибо он покоился с миром в могиле во внутреннем дворе замка), а я еду в Вавилон.

Он ничего не стал рассказывать о своей миссии, поскольку он не мог говорить правду, а предостережение Оберона насчет лжи глубоко засело у него в мозгу.

— Очень хорошо, что судьба даровала нам эту встречу, — прогремел Аграпут, — ибо я держу в великом страхе эти земли, а раз мой брат дал тебе эти доспехи, то я ничего не могу тебе дать, кроме этого. — И он снял с пальца кольцо красного золота и бросил его Юону, но оно оказалось настолько огромным, что юноше пришлось надеть его на запястье.

— Ты покажешь этот кольцо любому, кто попытается воспрепятствовать тебе пройти через ворота Вавилона. Потому что Гаудис, эмир этого города, каждые полгода обязан приносить мне дань, а ты напомнишь ему об этом, когда выполнишь задачу, возложенную на тебя моим братом.

Юон обещал Аграпуту выполнить его наказ и с огромным кольцом на запястье снова отправился в путь.

Вскоре дорога вывела его из бесплодной и мрачной пустыни в зеленую долину, где ветви деревьев сгибались от тяжести фруктов, а крестьяне собирали обильные урожаи. Здесь Юон как следует отдохнул ночью и дал передышку своему усталому коню. Теперь его восхищало и поражало все, что произошло с ним с тех пор, как он выехал из ворот своего замка в Бордо. И, вспомнив о доме, он почувствовал, как слезы выступили на его глазах, а сердце закололо от боли по родным местам. Ему страстно захотелось увидеть свою любимую матушку, достославную герцогиню Эклис (ведь он не знал, что теперь она покоится в могиле), и своего брата Жерара, который теперь правил Бордо суровой и тяжелой рукою.

ГЛАВА 14.

Как Юон солгал и какая беда приключилась с ним из-за этого

Облаченный в доспехи Ангалафара и с кольцом Аграпута на запястье, Юон подъехал к воротам Вавилона. Он ничего не сказал первому стражнику, чтобы не выдать в себе чужеземца, а лишь показал ему кольцо. В городе так боялись Аграпута, что юношу сразу же пропустили в ворота. Но когда он подошел ко вторым воротам, часовой с угрожающим видом преградил ему путь копьём и потребовал ответить, кто он и откуда и что его привело в Вавилон.

Французский рыцарь коротко ответил, что зовут его Юон и что у него важное дело к эмиру Гаудису. Затем он выставил вперед запястье, чтобы часовой смог увидеть кольцо Великана. Сарацин низко поклонился, но, по-прежнему преграждая Юону дорогу, произнес:

— Великан Аграпут — великий господин, и наш эмир высоко почитает его. Но те, кто служит великану, не всегда принад-

лежат к нашей вере. Сегодня у нас праздник всех приверженцев Пророка, а в это время ни один неверный не имеет права находиться в стенах нашего города. Поэтому я должен спросить тебя, незнакомец, принадлежишь ли ты к нашей истинной вере?

И Юон, обуреваемый нетерпеливым желанием войти в город, поспешно ответил:

— Да.

Еще не успел он оказаться в стенах Вавилона, как вспомнил, что солгал. Поэтому беспокойные мысли заметались у него в голове, ибо он вспомнил, как строго предупреждал его Оберон об этом грехе. Но он успокаивал себя тем, что совершил роковую ошибку из-за спешки, а не потому что умышленно желал солгать, и тешил себя надеждой, что волшебный царь простит ему эту оплошность и поэтому не бросит его.

Но в этот момент король Оберон, отдыхающий в своем дворце, громко воскликнул. И его главный лорд Глориан взволнованно спросил, что за боль терзает его короля? И тогда Оберон печально ответил:

— Да, мне стало так больно, будто мое сердце пронзили копьем, ибо этот юноша, Юон Бордоский, которого я полюбил как брата, только что нарушил свою клятву. Он попал в Вавилон, очернив свои уста грязной ложью. И теперь ему судьбой предназначено попасть в беду, которая будет стоить ему жизни. Потому что, когда в минуты роковой опасности он призовет меня на помощь, я не смогу прийти к нему. И пока Господь Наш Иисус Христос не протянет тебе свои руки, удачи тебе, Юон из Бордо!

И, преисполненный печали, он на некоторое время покинул общество своих придворных, чтобы побыть одному. И много часов подряд Оберон обливался горькими слезами.

А Юон тем временем сказал ко дворцу эмира, и никто не осмелился обратиться к нему, ибо все видели кольцо Аграпута и считали молодого человека посланцем страшного великана.

В это время эмир Гаудис устроил пышный праздник для всех гостей, прибывающих в город, ибо в этот день решил объявить о помолвке своей дочери Кларамонды с гирканским деєм. Справа от эмира восседал дей, а за пиршественным столом царило небывалое веселье. И в самый разгар пира в залу вошел Юон со щитом на плече и с обнаженным мечом в руке. Все изумились при виде вооруженного человека, вошедшего с таким видом,

словно он искал среди присутствующих заклятого врага. Однако эмир, заметив на запястье юноши кольцо, признал в нем посланца Аграпута, которого он боялся пуще смерти, и встал, чтобы достойно поприветствовать незнакомца.

Но Юон, не промолвив ни слова, стремительно подошел к Кларамонде, поднял ее из кресла и крепко поцеловал ее в коралловые губы, как приказал ему Карл Великий.

Затем, резко повернувшись, он взмахнул мечом и отрубил дею голову, которая прокатилась по пиршественному столу и остановилась напротив Гаудиса.

— Негодяй! — гневно вскричал эмир. — Что это за отвратительная выходка! Кто ты и как ты посмел совершить такое бесчинство?!

— Я — Юон Бордоский, рыцарь и пэр Франции и вассал короля Карла Великого. Мой властелин приказал мне, что я должен поцеловать в губы твою восхитительной красоты дочь, отрубить голову самому знатному гостю, вырвать у тебя из бороды клочок волос и вытащить из твоего рта пять зубов!

Сперва эмир решил, что Юон просто сумасшедший, но когда молодой человек вцепился ему в бороду, эмир заорал, приказывая охране схватить чужестранца. И тут Юон вытащил рог Оберона и протрубил очень громкую ноту, которая разнеслась по всему городу. Но облака не разомкнулись в ответ, и молния не прорезала небо, а с небес не появились рыцари-эльфы, скачущие во весь опор на своих крылатых конях. И тогда Юон осознал, какую роковую роль сыграла его недавняя ложь. И, отняв от уст рог, он отчаянно вскричал:

— О, достославный король Оберон, я признаю свою вину, но она была так мала и была вызвана скорее неразумием, нежели желанием совершить зло! И если мне судьбой предначертано пасть от мечей сарацинов, то ты долго будешь вспоминать, что обрек меня на погибель!

И, выставив перед собою щит, Юон, размахивая мечом, храбро вступил в бой. Но силы были неравны, и в конце концов стражники крепко связали его и отвели в глубокую подземную темницу, где, приковав его цепями к стене, оставили его умирать голодной смертью. Ибо такова была воля эмира.

А Кларамонда, потрясенная до глубины души, отправилась в свою постель, обуреваемая беспокойными мыслями о прекрасном юноше Юоне и о его неземной красоте, к которой она, как

и все девушки, не могла остаться равнодушной. И, поскольку дочь эмира тайно ненавидела старого гирканского дея, с которым дружил ее отец, она горячо возлюбила человека, избавившего ее от такого мужа. Всю ночь ей не спалось; и она беспокойно ворочалась на белоснежных простынях до тех пор, пока не почувствовала, что больше не может лежать. Тогда она встала и, облачившись в длинный черный плащ, чтобы ее не заметили в ночи, вышла из своей опочивальни.

Прихватив с собой небольшую корзинку с мясом и хлебом, девушка взяла кувшин с водой и прокралась к темной лестнице из ста ступеней, ведущей в подземную тюрьму эмира. Подкупив глупого и жадного стражника золотой монетой, она попросила его отомкнуть засов на двери темницы Юона. Потом она вошла внутрь, чтобы посмотреть на благородного пленника. Она тайно накормила и напоила его, и пока Юон насыщался, он думал только об одном: что во всем мире нигде и никогда не встречал такой красивой девушки.

И тогда великая любовь озарила сердца обоих. И из-за этой любви произошло множество печалей и радости, как всегда случается между влюбленными...

ГЛАВА 15.

Как был повержен Гаудис, а Юону удалось достичь желаемого

Пока Юон томился в грязной и отвратительной темнице, его спутники герцог Гарайн и рыцарь Жерам горячо опасались за его судьбу. Ибо Юон так и не вернулся к ним в указанное время. И тогда, вместо того чтобы возвратиться во Францию, как приказал их предводитель, они решили отправиться в Вавилон и разузнать, что с ним случилось.

Когда они подъехали к сарацинскому городу, Жерам обратился к герцогу Гарайну:

— Вы со всею свитой оставайтесь здесь и как следует укройте, ибо в этой стране нет ни одного человека, который с первого взгляда не признал бы в вас чужеземцев. А я прожил в этих краях многие годы, и если я облачусь в одеяние вождя клана жителей пустыни, то никто не сумеет уличить меня в обмане. К тому же в такой одежде я сумею добраться до дворца эмира и разузнать, добрая или злая судьба постигла Юона.

Герцог согласился с этим планом, показавшимся ему более чем разумным, а Жерам облачился в одежды вождя жителей пустыни и в одиночку проскакал через ворота Вавилона.

Явившись во дворец эмира, он сказал стражникам, что он послан в Вавилон калифом Айворуном, который приходился Гаудису родным братом. Когда об этом сообщили эмиру, тот несказанно обрадовался, ибо давно уже не получал никаких известий от брата. И он приказал привести Жерама прямо к нему и оказать ему соответствующие почести, равно как устроить во дворце праздник в честь его приезда в город.

И, сидя с эмиром за столом, ломящимся от яств, Жерам незаметно завел разговор о ратных подвигах и об известных ему могучих и храбрых воинах, весьма искушенных в битвах. И так он говорил до тех пор, пока Гаудис не ответил:

— Да, действительно, люди, о которых ты только что говорил, существуют. И среди них есть один неверный пес, который прямо в этой зале перебил добрую половину моей стражи, прежде чем его удалось схватить.

От этих слов в груди у Жерама екнуло сердце, ибо он догадался, что речь идет об Юоне. И тогда он осведомился, что случилось с этим храбрым воином.

— Я бросил его в темницу, — ответил Гаудис. — И поскольку ему не приносят ни еды, ни воды, то жизнь наверняка покинула его, как и всех смертных на этой земле. Вот так мы избавились от этого подлого пса!

Эти слова повергли Жерама в уныние. И он решил посвятить всю свою жизнь тому, чтобы отомстить эмиру за то, что тот так жестоко обошелся с Юоном, доведя юношу до смерти. Однако он не высказал свои мысли вслух.

Когда праздник кончился и наступила ночь, Кларамонда снова тайно отправилась в темницу, неся под плащом еду и питье для несчастного узника. И, когда она проходила по темной анфиладе залов, ее заметил Жерам.

Увидев девушку в столь поздний час, он поразился этому и решил проследить за ней. Так он спустился за Кларамондой до самой темницы Юона.

Застав юношу живым, он громко вскричал от радости, очень испугав девушку и удивив Юона. Но, когда пожилой рыцарь откинул капюшон плаща, Юон, узнав верного и славного Жерама, был несказанно рад этой встрече.

Он быстро рассказал Жераму, как юная красавица спасла его от неминуемой смерти от голода, а потом при помощи золота они уговорили стражника положить в темницу Юона другого узника, недавно умершего от лихорадки, так, чтобы эмир и весь его двор поверили, что неверный скончался и похоронен.

Потом каждую ночь Кларамонда со слезами и стенаниями уговаривала его бежать из Вавилона. Но без зубов эмира и волосков из его бороды он не мог этого сделать. И об этом вскоре узнал Жерам.

Услышав жалобные просьбы девушки и твердый отказ Юона покинуть город, Жерам спросил, почему тот не обратился за помощью к королю Оберону. Лицо юноши зарделось от стыда, и он признался славному рыцарю, какой тяжкий грех он совершил, произнеся слова лжи.

— Я понимаю, как жестоко обошлась с тобой судьба с тех пор, — задумчиво промолвил Жерам. — А сколько еще тебе придется претерпеть! Но кто знает, о чем думает король эльфов? Наверняка ты полностью осознал свою вину, и если тебе смиренно попросить у него прощения, то, может быть, он сжалится над тобой и опять придет к тебе на помощь? Отнятый у тебя рог сейчас висит в покоях эмира. Поэтому нам стоит рискнуть. А если Господу угодно, чтобы мы погибли, пронзенные мечом, то ведь это достойный конец для любого титулованного рыцаря!

И, ободренные словами Жерама, они тайком пробрались в покои эмира, и Юон забрал серебряный рожок обратно. Но, как только он взял его в руки, в залу ворвалась целая толпа стражников. Жерам обнажил меч, чтобы отразить нападение, и вскричал:

— Труби же в горн! Труби! И я молю Бога, чтобы Оберон ответил на твой призыв!

Вырвавшиеся из рога громкие звуки достигли Небес и самых темных глубин Ада, потрясая всех, и мертвых и живых. И Оберон не смог не откликнуться на этот призыв, ибо тот, кто трубил в волшебный рог, делал это с искренним и кающимся сердцем.

И тотчас же волшебные рыцари спустились с Небес в Вавилон и перебили всех, кто осмелился противостоять им. Они пожалели только тех, кто попросил у них пощады.

А в покоях эмира Юон сражался с Гаудисом один на один. Это была очень трудная битва, ибо эмир давно уже прослыл превосходным бойцом по всем сарацинским землям, и много рат-

ных подвигов было у него на счету. И Юон постепенно начал изнемогать от схватки, когда сверкающие искры отлетали от его доспехов под могучими ударами меча эмира.

Но наконец Юону удалось нанести решающий удар, и эмир Вавилона рухнул сраженный, а юноша подошел к поверженному врагу и вырвал у него пять зубов и несколько волосков из его бороды.

Он положил их в золотую шкатулку и передал Жераму, наказав ему хранить их как зеницу ока до тех пор, пока они не доберутся до Двора Карла Великого.

ГЛАВА 16.**Как Юон возвращался
во Францию, а Жерар задумал зло**

Итак, Юон справился с задачей, возложенной на него королем, и вместе со своими верными спутниками сел на корабль, который доставил их до Рима. И там сам папа обручил юного рыцаря с красавицей Кларамондой. И с этого мгновения Юону не терпелось поскорее добраться до Бордо и, сев на другое судно, он отправился туда со своей женой и Жерамом. Поскольку на корабле не хватило места для остальных рыцарей и оруженосцев, те решили проделать долгий путь до Франции пешком.

Когда, наконец, Юон, целый и невредимый, достиг французского берега, он отправил гонца в Бордо, чтобы сообщить Жерару о своем возвращении домой. И из-за этого Юону и его славной супруге предстояло претерпеть множество несчастий.

Ибо пока Юон находился в далеких сарацинских землях, Жерар замыслил убить его, чтобы потом провозгласить себя герцогом и полноправным хозяином Бордо. В этом вероломном действии его поддерживал его тесть Жильбер, прослышавший по всей Франции отъявленным негодяем.

Когда гонец Юона добрался до Бордоского замка, Жерар ощутил острый прилив страха, ибо понимал, как разгневется на него брат, прознав про те бесчинства и зло, которые он нанес в его герцогстве. Поэтому он отправил гонца в тайную комнату, поставив возле дверей стражника, чтобы ни одна живая душа не могла поговорить с посланником брата. Сам же Жерар поспешил к тестю, чтобы посоветоваться с ним.

Жильбер был также напуган, ибо многие жители герцогства пострадали от его несправедливости и могли многое рассказать Юону о его подлых поступках. Поэтому Жильбер счел благоразумным посоветовать зятю следующее:

— Всему герцогству известно о гневе Юона и о его тяжелой руке, когда он имеет дело со своими врагами. И, как только он придет в Бордо и узнает про твои делишки, он очень сурово поступит с тобой, поскольку много найдется людей, которые расскажут ему о нанесенных тобою обидах. И еще. Если он снова станет герцогом Бордоским, ты лишишься права на все эти земли. У тебя не останется места, где бы ты смог преклонить голову...

Услышав эти слова, леди Розелин, дочь Жильбера и жена Жерара, громко заявила о том, что она не собиралась выходить замуж за нищего и делить кров и стол с человеком, у которого нет ничего за душой. Еще она добавила, что она останется с ним только при условии, что будет герцогиней Бордоской. Беспримерен был гнев этой женщины и безмерны ее желания, и Жерар пообещал, что достанет ей с неба луну, только бы она утихомирилась. Поэтому он обратился к Жильберу еще раз и спросил, что ему нужно сделать, чтобы Юон никогда не попал в Бордо.

— Время не охладило гнев Карла Великого на твоего брата, и его сердце ничуть не смягчилось. И разве не правда, что Юона лишат головы, если он вернется к королю, не выполнив его поручение? Поэтому тебе надо тайно встретиться с Юоном на его пути в Бордо и разузнать, как его дела. И чтобы ни одна живая душа не узнала о вашем разговоре, ибо болтливые языки могут все представить в лучшем свете и разнести по стране.

— Если он и вправду справился со своей задачей, — продолжал коварный Жильбер, — то тебе надо повезти его нижней дорогой, где я со своими людьми устрою ему засаду и захвачу в плен. А потом мы повезем его в Бордоский замок и сделаем это под покровом ночи, чтобы никто, встретившийся нам по пути, не смог догадаться, кого мы везем, связанного по рукам и ногам. А когда мы доставим его сюда, то запрем его в темнице и будем держать там до тех пор, пока не решим, что с ним делать.

Обуреваемый завистью к брату, Жерар охотно согласился на это вероломство, тем более что на него всей своей колдовской мощью воздействовала жена, и он поступил так, как настоял Жильбер. Без всякого сопровождения он тайком выбрался из

города и поскакал в аббатство, где остановились по пути Юон с молодой женой. Жильбер тоже не терял времени зря, а поспешил набрать целый отряд отчаянных головорезов, которые обещали ему повиноваться во всем.

Когда Жерар въехал во двор аббатства, Юон радостно выбежал ему навстречу и, приняв в свои объятия, воскликнул:

— Я встретился с тобою, дорогой брат, только благодаря благословению Господа! А теперь расскажи мне, как поживает наша матушка? И почему она не приехала с тобой?

И тогда Жерар низко опустил голову, ибо, даже будучи подлым мерзавцем, он горячо любил свою мать, герцогиню Эклис. А когда он сообщал брату о ее кончине, то был преисполнен печали. А когда Юон узнал, что его матушка скончалась из-за того, что во Дворе распустили слух о его смерти, он лишился дара речи и теперь печально взирал в сверкающие глаза брата.

И, воспользовавшись плачевным состоянием Юона, Жерар поспешно спросил его о том, успешно ли закончилась его миссия. Погруженный в свои скорбные мысли о покойной матери, Юон отвечал очень рассеянно, но даже из его отрывистых слов Жерар догадался, что Юону удалось выполнить наказ короля и что вскоре он сможет появиться на Дворе с гордо поднятой головой.

И Жерар поспешно выразил желание присоединиться к свите брата, чтобы стать свидетелем его триумфа при Дворе. Юон согласился, но с тяжелым сердцем, ибо известие о кончине матери совершенно лишило его радости от выполненной миссии.

По совету Жерара они отправились по дороге, бегущей через лощину. Впереди скакали Юон с братом на боевых конях, а рядом — Кларамонда — на сильном белом муле. Когда они отъехали от аббатства на расстояние лье, на них внезапно напал Жильбер со своими бандитами. И когда Юон увидел, что брат обратил против него свой меч, он пришел в отчаяние и просто отшвырнул оружие и сдался. Вот так Юон вступил в Бордо не победителем перед лицом всего народа, а въехал в родные пенаты тайком, под покровом ночи, крепко привязанный к седлу своего коня. Так же поступили с Жерамом и Кларамондой, пребывающими в глубоком унынии.

Доставив брата в замок, Жерар тотчас же поскакал к королевскому Двору, неся в своем черном сердце предательский план.

ГЛАВА 17.

**Как Юон оказался пред лицом
огромной опасности, а Жерару
удалось призвать Оберона
в самый последний момент**

Прибыв на королевский Двор, Жерар упал на колени перед Карлом Великим и в присутствии всех придворных громко промолвил:

— Ваше величество, несколько месяцев назад по вашему велению вы возложили на моего брата Юона опасную задачу отправиться в Вавилон, где он был должен отрубить голову человеку, сидящему на почетном месте, крепко поцеловать его дочь и в качестве дани вырвать изо рта самого Гаудиса пять зубов, а из его бороды — несколько волосков. Затем как доказательство того, что он справился с вашим заданием, он должен привезти все это сюда и положить перед вами. А если он не выполнит своей задачи, то не возвратится во Францию, ибо не желает мгновенно лишиться головы.

Карл Великий кивнул и произнес:

— Все так, как ты только что сказал. Но почему ты напоминаешь нам о том, как покарать этого изменника сегодня, когда он, бесспорно, пища для ворон?

Услышав этот разумный вопрос, Жерар призвал к ответу свое черное сердце и сказал:

— Все обстоит не так, как вы думаете, ваше величество. Именно в эти минуты Юон отдыхает в Бордоском замке, ожидая ваших милостей. И то, что вы некогда поручили ему, следовало бы совершить над ним!

Услышав такие жестокие слова, кое-кто из лордов и пэров побагровел от стыда за человека, который осудил своего родного брата на верную смерть. Среди них находился славный герцог Неймс, который и теперь оставался добрым другом Юону. Поэтому старик решил снова вступить за юношу. И он быстро промолвил:

— Возможно, Юон выполнил все, что от него требовалось, и теперь возвратился, чтобы сообщить об этом... — начал он, но вероломный Жерар перебил его:

— Нет. Понимая, что ни одному смертному не удастся выполнить наказ нашего достославного короля, Юон довольно долго оставался за пределами Франции в надежде, что неумо-

лимое время вымоет из памяти людей воспоминания о его грязных делишках, а после — и о нем самом. А теперь он тайно вернулся, надеясь, что я предоставлю ему убежище от гнева короля, а сам стану лживым мерзавцем, утверждая, что не знаю, где он и что с ним случилось. Вместо этого я посадил его за решетку и приискал сюда, чтобы узнать королевскую волю.

Поскольку за все эти месяцы гнев короля ничуть не убавился, Карл Великий громко объявил, что ему угодно, чтобы Юона казнили как изменника, и как можно скорее.

Однако Неймс и другие достойные пэры, видевшие в этом только позор, стали громко возражать, что не следует поступать с Юоном так жестоко, предварительно не выслушав его самого.

Услышав их уверенные голоса и увидев раскрасневшиеся от негодования лица, король был вынужден согласиться отправиться в Бордо, где томился в темнице Юон, а там выслушать историю из уст самого несчастного юноши.

И весь королевский Двор стал собираться в Бордо, что было очень некстати для Жерара и Жильбера, которые опасались, что судьба улыбнется Юону и он вырвется из расставленной ими ловушки.

В Бордо Юона, Кларамонду и верного Жерама вывели из тюрьмы на свет Божий, и все увидели, в каком плачевном состоянии находились несчастные. И очень многие из придворных стали переговариваться между собой и, казалось, не испытывали к этим троим зла.

И тогда Голтер, очень влиятельный при Дворе рыцарь и дальний родственник Жильбера, настойчиво потребовал, чтобы Юон получил наказание по всей строгости закона. Жильбер радостно согласился с этим требованием. Жерару придется повторить уже сказанное, но в присутствии брата, однако ему никак не удавалось произнести эти лживые слова, ибо они сдавили ему горло. Поэтому он не промолвил ни слова, но по одному его виду Юон, похоже, осознал все. И тогда он проговорил своему вероломному брату прямо в лицо:

— Знай же, когда наш достославный король возложил на меня эту невыполнимую задачу, я отправился из Франции в Рим к его святейшеству папе. И с его благословением я доплыл до берегов, порабощенных сарацинским воинством.

Затем он поведал обо всех своих приключениях и злоключениях, которые ему пришлось претерпеть за это время и какие

еще не довелось описать ни одному летописцу. И все словно зачарованные слушали его длинное повествование.

Когда Юон закончил свой рассказ, он в первый раз перевел глаза с брата на короля и пристально посмотрел на него, как сделал бы любой честный человек. И, выдержав суровый взгляд Карла Великого, юноша стал ожидать королевского вердикта.

Однако Жильбер, испугавшись, что рассказ Юона вызовет к нему симпатию придворных, громко закричал:

— Если этот негодяй говорит правду, то где тогда же борода и зубы Гаудиса? Пусть он их нам покажет!

Юон вновь повернулся к Жерару и, преисполненный скорби, промолвил:

— Да, у меня их нет. Ты их силой отнял у достославного сира Жерама, брат мой. И даже если любовь, некогда бывшая между нами, умерла навеки, умоляю тебя, принеси эту шкатулку, чтобы я не лжесвидетельствовал перед лордами Франции.

Но, несмотря на слабость и головокружение от страха, Жерар даже не пошевелился. Ибо зло крепко-накрепко стянуло его члены в этот последний час, когда он мог бы облегчить свою душу. Но верность Князю Тьмы, вассалом которого он стал, не позволяла ему сделать хотя бы движение.

И когда Жерар не выполнил его просьбу, Юон громко застонал от душевной боли и закрыл лицо ладонями, чтобы больше никогда не лицезреть своего вероломного брата. Но Жерар, осознав, насколько сильно поражен Юон, решил действовать за него. Он снял с пояса юноши рог Оберона, поднес его к губам и протрубил. И этот громкий, протяжный звук, казалось, вылетел из стен замка и разнесся по всему небу.

ГЛАВА 18,

повествующая о победе Юона и об обещании, данном Оберону много веков назад

И тотчас же с разверзшихся небес на землю Франции и на город Бордо спустился король Волшебной земли Оберон со своими лордами и рыцарями-эльфами, служившими ему верой и правдой.

При виде такого зрелища Карл Великий и его придворные оцепенели от изумления. И никто не дерзнул помешать Оберону, когда тот выхватил свой меч и разрубил тяжелые цепи, сковывающие Юона, его жену и Жерама.

Цепи тотчас же превратились в пыль, и внезапно поднявшийся ветер подхватил ее и разнес по округе. И все трое стали свободны, и никто даже не пошевелился, чтобы помешать им. Жерар с Жильбером настолько перепугались, что затряслись от ужаса, ибо никто не знал, какому наказанию подвергнет Волшебный король тех, кто причинил вред его друзьям.

Но Оберон хлопнул в ладоши, и тут же в воздухе появилась золотая шкатулка с волосками и зубами Гаудиса. И она опустилась прямо в руки Юона. Оберон попросил Юона открыть шкатулку, чтобы все увидели, что он выполнил задачу, возложенную на него королем.

Когда Карл Великий заглянул в шкатулку, а потом услышал, что пришлось претерпеть юноше, его суровое сердце смягчилось. Заметив это, Оберон поспешно обратился к нему:

— Брат король, так же, как ты управляешь всеми землями Франции, я управляю Народом Холмов, живущим в стране, которую видели только несколько смертных. И поскольку я несказанно устал носить свою корону, которая казалась мне такой легкой во времена моей молодости, я вынужден навсегда уйти отсюда прямо в Рай, как и было обещано мне много-много веков назад. Время моего отбытия еще не настало, хотя уже сейчас я чувствую, что мне пора. Но когда меня призовут, я должен буду поставить вместо себя этого юношу, который сумел доказать мне, что из большинства смертных только он отличается такой великой добротой, храбростью и искренностью. Поэтому он станет властелином моих подданных и будет править ими вечно в туманных долинах и облачных высотах нашей страны эльфов. Я заявляю это перед лицом всего моего дворянства, а значит, так и будет!

Пока все стояли, пораженные от этой речи, Оберон низко склонился с седла и поцеловал Юона в бровь, как если бы они были кровными братьями. Потом он поцеловал Кларамонду, и с тех пор юный герцог и его славная жена никогда не старели и не болели. Они отличались от всего человечества неземной красотой и были вечно молодыми.

Так, отдав в руки Юону свое королевство, Оберон вместе со своей свитой навсегда покинул Францию и никогда больше не появлялся перед Карлом Великим и его придворными. Тем не менее поговаривали, что они не исчезли навеки, ибо кто-то когда-то видел их. Но это было всего раз за тысячу лет. А может быть, и не было...

Король Карл Великий будто бы вышел из глубокого сна и снова пришел в себя, и когда он увидел Жерара, то пришел в неопределимую ярость, ибо догадался, что этот хилый и порочный юноша вместе со своим тестем могли бы использовать его королевскую власть, чтобы уничтожить Юона. Но их же вероломство сослужило им плохую службу. Разгневанный король приказал схватить лжецов и повесить. И никто из королевского окружения не промолвил ни слова в их защиту, кроме Юона, ибо он все-таки не мог забыть, что Жерар приходился ему братом. Но и это не спасло негодея, и королевский приказ быстро привели в исполнение. Так умерли два изменника, запутавшись в паутине, которую сами же растянули для другого человека.

А Юона снова провозгласили герцогом Бордоским и пэром Франции. И он стал мирно править своими землями вместе со своей супругой-герцогиней.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ВТОРОЕ

ГЛАВА 1.

Как Юон ушел сражаться, а герцогиня Кларамонда принимала пилигримов

И по-прежнему герцог Юон правил городом Бордо, а с ним и его верная супруга герцогиня, и в сердцах их царили радость и гармония. И все, и простолюдины, и дворяне, бывшие вассалами Юона, приезжая в этот город, относились к нему с почтением и служили ему верой и правдой. Если не считать одного человека — графа Ангеларса.

Граф Ангеларс приходился родственником подлому изменнику Эмери, которого Юон убил в честном поединке на глазах у Карла Великого. Поэтому граф лютой ненавистью ненавидел молодого герцога. И теперь он как следует укрепил свой замок и решил выступить против нового хозяина земель, поклявшись никогда не отдавать ему дань уважения, пока жизнь теплится в его теле.

Когда эта клятва дошла до ушей Юона, молодой человек пришел в ярость против Ангеларса. И он собрал своих товарищей по оружию, всех тех рыцарей, которые, не задумываясь, пошли бы на смерть ради своего господина. И, собрав такую надежную свиту, Юон надел на себя доспехи, добытые у великана Ангалафара, и захватил меч своего отца — герцога Севина. Он обнаружил Кларамонду в ее будуаре, где она отдыхала в окружении служанок, и сказал ей следующее:

— Моя верная и славная жена, сейчас я отправляюсь из дома, чтобы посрамить подлого изменника Ангеларса. И пока меня не будет в Бордо, тебе придется взять на себя управление городом. Все жители будут верой и правдой служить тебе, ибо каждому, живущему в Бордо, известно, что твоя воля — это моя воля.

— О, мой благородный муж, — отвечала Кларамонда, — при виде тебя, облаченного в доспехи, и с мечом в ножнах, сердце мое обливается кровью от горя. Ибо война всегда приносит печаль и несчастья. Но если ты считаешь правым делом покарать изменника, то больше я не произнесу ни слова. Может быть, Го-

сподь наш Иисус уберезет тебя от ран и возвратит тебя ко мне целым и невредимым. Что же касается Бордо, то, будь уверен, муж мой, что здесь все остается так, как прежде, как если бы ты сам восседал в зале правосудия от рассвета до заката.

После того как супруги расстались, Юон вывел своих людей из города, и они поскакали по направлению к хорошо укрепленному замку Ангеларса, дерзнувшему выступить против своего господина. И вот, наконец, бордосцы окружили замок и начали его осаду.

Но в тот же самый день, когда Юон покинул родной город, туда прибыла группа людей. Это были пилигримы из Алемании, возвращающиеся из Палестины, где они посетили могилу Господа нашего Иисуса и осматривали места, где некогда жил и умер Христос.

Герцогиня заметила паломников еще издалека, когда стояла у окна своей опочивальни. Она заметила, что они едва передвигают ноги от усталости после столь длительного путешествия. И когда они добрались до замка, она спросила их, кто они и откуда. И странники ответили, что они паломники, только что прибывшие из Палестины.

Тогда Кларамонда приказала привести их в самую большую залу замка, чтобы накормить, напоить их и облачить в новые одежды. И сама вместе со своими слугами принимала изнуренных путников. И, как вы увидите впоследствии, благодеяние Кларамонды привело к большой опасности и страданиям, как и герцогиню, так и тех, кого она очень сильно любила.

Пилигримы несказанно обрадовались такому любезному обхождению и, собравшись возвращаться к себе на родину, громко возблагодарили герцогиню Кларамонду и сказали, что из всех дам знатного происхождения, встречавшихся им по пути, герцогиня — самая красивая и добрая. Когда они возвращались домой в Алеманию, то по пути повстречали герцога Рауля — своего господина, того самого Рауля, что приходился племянником и наследником самому императору, который души в нем не чаял. Однако молодой Рауль обладал весьма пылким нравом и его совсем не беспокоили права людей более низкого происхождения.

Он потребовал, чтобы пилигримы подробно рассказали ему о своих странствиях, и они с радостью сделали это. Потом глава паломников выступил вперед и сказал:

— О, наш достославный герцог, мы проделали долгое и далекое путешествие и повидали много удивительного, но в наших сердцах мы лелеем лишь воспоминания о городе Бордо.

— Это еще почему? — изумился герцог, считая этот город недостойным своего внимания.

— Потому что, достославный герцог, когда мы вступили в этот город, голодные и изнуренные до смерти, его госпожа — герцогиня Кларамонда, жена герцога Юона, — сама проводила нас в главную залу замка, где принимала нас как людей самого знатного происхождения. Она собственноручно накормила, напоила и передела нас в новые одежды.

— К тому же она красивее всех знатных дам на всем белом свете, — продолжал глава паломников. — Она настолько прекрасна, что, наверное, ангелы небесные пожелали бы стать такой красивой, как она! И она настолько любезна, что ей впору управлять не герцогством Бордо, а стать королевой какой-нибудь огромной страны. Как бы мы все ее любили, если бы она была вашей женой, наш благородный господин!

От этих слов герцогу Раулю страстно захотелось познакомиться с дамой, которая так учтиво обошлась с его людьми. И с тех пор он много-много раз вспоминал слова пилигрима, пока наконец не решил, что должен обязательно отправиться в Бордо и взглянуть на герцогиню Кларамонду собственными глазами. И, собрав своих лордов, он высказал им свое пожелание так:

— С тех пор как я узнал о прекрасной герцогине Кларамонде, я не могу ни спать, ни есть. У меня нет жены, которая бы разделила со мною власть, и я еще ни разу не слышал ни об одной женщине, которая бы выглядела так, как эта. Поэтому я должен взглянуть на это чудо сам.

Затем он сбросил с себя красивые и тонкие одежды и снял меч. Он отрастил длинную бороду и выпачкал лицо грязью. Потом облачился в плащ простолюдина, чтобы выглядеть как нищий. И в таком виде он подошел к воротам Бордо и жалобным голосом стал говорить, что он паломник из Палестины.

И вот слуга по приказу своей хозяйки проводил его в главную залу, где герцогиня обедала вместе со своими домочадцами. Она любезно приняла странника, дав ему хлеба прямо со своего блюда. Но он не мог есть, ибо не мог оторвать от нее глаз, и все время думал о том, что паломник рассказал ему истинную прав-

ду: даже ангелы небесные хотели бы обладать красотой герцогини Кларамонды.

Затем он ощутил страстное желание и любовь, которые загорелись в нем, подобно огню, и он про себя поклялся, что она станет его женой или он умрет. Ибо он считал Юона мелким и незначительным дворянчиком, от которого очень легко будет избавиться. И с этими черными мыслями он удалился из Бордо и возвратился на свои земли.

ГЛАВА 2.

Как герцог Рауль устроил заговор против Юона и как тот ответил на это

И с единственным неукротимым желанием в сердце — заполучить Кларамонду себе в жены, герцог Рауль отправился прямо на Двор к своему дяде, императору Алемании. Увидев племянника, император обрадовался, заключил его в крепкие объятия и, со всеми почестями приняв его перед собравшимися придворными, сказал:

— Мой любезный родственник, как же ты обрадовал меня своим приездом! И если мы можем что-нибудь сделать для тебя, то ты получишь все, что только пожелаешь!

Герцог Рауль упал перед императором на колени с самым почерным видом, а потом, воздав должные почести своему августейшему дяде, во всеуслышание заявил о том, что у него на уме с тех пор, как он увидел прекрасное лицо герцогини Кларамонды. И затем прибавил:

— Сир, в вашем окружении очень много рыцарей, которые благоговейно и преданно служат своему господину. Возможно, эти рыцари — самые искусные воины во всем христианском мире. Вот я и подумал, а не устроить ли нам здесь рыцарский турнир, на который сюда приедут рыцари Франции, и даже рыцари Англии и Испании. Всем им захочется показать свое боевое мастерство, и все-таки я уверен, что в списке победителей окажутся только славные рыцари Алемании!

Император поразмыслил над словами герцога Рауля, и подобный план показался ему приятным и разумным. И император сразу согласился. И очень скоро во все четыре стороны све-

та были высланы герольды и трубачи, чтобы объявить повсюду о рыцарском турнире, который через полгода будет проходить в городе Майнце.

И пока домочадцы Рауля всю ночь веселились и напивались допьяна вином, Рауль усмехался про себя, а потом открыто похвастал всех в свои коварные планы, сказав:

— Этот Юон Бордоский повсеместно известен как очень опытный и храбрый воин. Так что он не останется в стороне от императорского рыцарского турнира. Но он всего лишь зеленый юнец, в то время как я много лет провел в кровопролитных сражениях. Поэтому, когда я вызову его на поединок, пусть никто не опасается, как этот поединок завершится. Юон падет замертво от моего меча, а его земли и жена упадут в мои руки с легкостью созревшего плода, сорвавшегося с ветви.

Среди знатных дворян, слушающих это бесцеремонное хвастовство, находился некий Годрун Нюрнбергский, который, будучи еще мальчишкой, прислуживал пажом в замке герцога Севина Бордоского. И ничего не видел там, кроме теплоты и доброго к себе отношения. И, будучи ровесником Юона, они частенько состязались в военном мастерстве и вместе учились владеть мечом и копьями, нанося друг другу при этом довольно ощутимые удары. Поэтому теперешний Годрун взирал на герцога Рауля с неприязнью и в сердце своем тайно решил разрушить коварный замысел своего господина. Если, конечно, сможет.

Он позвал своего оруженосца, и вместе с ним они тайком выбрались с императорского Двора и стремительно поскакали во Францию, в Бордо, делая очень короткие привалы только для того, чтобы поесть и напиться.

А тем временем Юон окружил замок Ангеларса, и, несмотря на отчаянное и храброе сопротивление его защитников, замок был взят приступом. Затем Юон повесил изменника и некоторых из его командиров на самой высокой башне замка. Простых же защитников замка, которые служили своему господину, он отпустил на волю. Покончив со всем этим, он возвращался в Бордо, по дороге встретив герольдов, разосланных императором Алемании, чтобы созвать всех рыцарей христианского мира на турнир в славном городе Майнце. Услышав о турнире, Юон и его люди очень обрадовались этому известию и тотчас же решили отправиться в назначенное время в Майнц, чтобы принести победу и славу французскому королевству.

Герцогиня Кларамонда испытала неземное счастье, когда ее супруг целым и невредимым возвратился из похода, и в честь этого она устроила великий праздник, на который пригласила всех желающих. К этому времени в замок тайно прибыл и Годрун Нюрнбергский, принеся с собой известие об отвратительном заговоре против своего друга. И ему удалось побеседовать с герцогом Юоном и его женою с глазу на глаз.

— Благородный сир, — обратился он к Юону. — Много лет тому назад, когда ваш отец, могущественный герцог Севин, ступал по этим землям, я жил под защитой этих стен в качестве одного из его воспитанников. Может быть, вы вспомните, что мы с вами некогда были знакомы и частенько играли и соревновались вместе. И теперь я испытываю стыд и печаль из-за того, что мне придется рассказать вам.

Немного помолчав, он продолжал:

— Ибо знаете ли вы, что я — вассал того самого герцога Рауля, что приходится племянником императору Алемании. Этот Рауль весьма искусен в бою, и еще никто из рыцарей всего христианского мира не сумел устоять против него копьем к копыю, мечом к мечу, щитом к щиту, и выйти из этого боя победителем. Да, в бою ему нет равных, и здесь он велик! Однако в другом он — очень скверный человек.

— Услышав рассказы о красоте и любезности вашей жены, ваша светлость, он переоделся паломником и проник в этот зал. И, увидев вашу супругу собственными глазами, он страстно желал сделать ее своей женой и решил претворить свое желание в жизнь. Вас он не берет в расчет из-за вашей молодости и еще потому, что Бордо намного меньше его владений. И поэтому он вынудил своего дядю-императора объявить о рыцарском турнире, чтобы выманить вас в Майнц, где он смог вызвать вас на поединок и убить, чтобы в результате завладеть и вашей женой, и вашими землями!

Когда он услышал эти слова, сердце Юона заколотилось от бешеной ярости, ибо оскорбление, нанесенное ему и его любимой жене, было неслыханным по своей дерзости. И, выхватив меч, он одним взмахом разрубил пополам факел, что освещал залу. А потом вскричал:

— Да пусть этот злобный герцог приведет с собой хоть сотню вооруженных рыцарей, я выйду с ним один на один вот с этим самым мечом, и тогда мы посмотрим, кто кого!

И герцогиня Кларамонда, тоже сверкая глазами от гнева, встала со своего кресла. И промолвила:

— О, муж мой, как верно ты говоришь! Этот Рауль не истинный рыцарь, ибо из-за своих подлых деяний он недостойн носить меч и копье. Я так разгневана, что мне хочется облачиться в доспехи и шлем и мчаться рядом с тобой, подобно стреле, когда ты выйдешь против него на поединок!

Юон от души расхохотался на ее слова, а потом обратился к Годруну:

— Теперь ты видишь, друг мой, наше настроение, которое и станет причиной гибели такого гордого и своенравного лорда, как этот герцог Рауль. А о твоём императоре я повсеместно слышал только хорошее. Это справедливый и благородный человек. А теперь скажи к нему и узнай, что он думает насчет всего этого.

Так они и порешили, и Годрун вместе со своими спутниками, среди которых находился и Юон, выехали в славный город Майнц.

ГЛАВА 3.

Как Юон победил Рауля, а потом доверился справедливости императора

Когда Юон со своими спутниками приближались к Майнцу, он позвал к себе самых верных и надежных рыцарей и выложил им свой план. Поскольку он собрался сразиться с герцогом Раулем один на один, то ему хотелось бы прибыть на императорский Двор в одиночку, чтобы не возникло никаких сплетен и пересудов, что он приехал в сопровождении других. Его товарищи стали громко возражать, однако юноша настоял на своём и наконец в полном одиночестве двинулся прямо во вражеский стан.

В честь предстоящего турнира император устроил пышный праздник и приглашал к себе за стол всех приезжающих рыцарей, решивших попытать счастья в турнире. Когда Юон в доспехах, в шлеме, с мечом и копьем в руке въехал в город, он поскакал прямо в залу, где за столом, ломящимся от яств и напитков, восседал сам император в окружении своих гостей и придвор-

ных. Все несказанно изумились столь дерзкому появлению молодого человека. И император громко обратился к нему:

— Эй, сир рыцарь, что же у вас за манеры появляться в доброй компании одетым для сражения? Разве ты не знаешь, что я — император всех этих земель, а эти люди, что рядом со мной, относятся ко мне с должным почтением? В отличие от тебя, дерзкий юнец!

Справа от императора сидел герцог Рауль. На нем не было доспехов и шлем не закрывал его красивого лица. Он был одет в ярко-алый плащ, с искусно вплетенными в него золотыми нитями, что говорило о том, что он только что вернулся с удачной охоты на оленя, которого затравил собаками и убил. Несмотря на подлое сердце, он отличался весьма красивой внешностью, и все собравшиеся ощущали его превосходство. Все, кроме Юона.

А когда герцог Бордоский посмотрел в лицо своему врагу и вспомнил о том, что ему рассказывал о Рауле Годрун, ему показалось, что императорский племянник похож на демона из Ада. И ярость переполнила все его естество, и он чуть не набросился на Рауля, но все же сумел сдержаться. Хотя для этого ему пришлось отвести глаза от Рауля, иначе он прикончил бы его прямо за столом.

Поэтому Юон предстал перед императором и честно ответил:

— Ваше величество, я — вассал французского короля Карла Великого и прибыл сюда, чтобы попытаться счастья в рыцарском турнире, о котором объявили ваши герольды по всему христианскому миру. Но теперь я предстал перед вами еще и по другой причине. Мне бы хотелось попросить, чтобы вы соизволили проявить ко мне справедливость, ибо во всем мире вы известны как самый честный и беспристрастный человек.

Император улыбнулся юноше и вытянул вперед руку, призывая всех к тишине.

— Еще ни один человек на свете, будь то дворянин или простолюдин, что приходил ко мне, взывая к справедливости, не уходил отсюда, не получив от меня должного ответа, который я предоставлял им, опираясь на мудрость и доброту, дарованные мне при рождении Господом нашим Иисусом Христом. Так что не стесняйся, чужеземец, и смело выскажи мне свою жалобу.

И Юон тотчас же поведал императору свою печальную историю.

— Вот какова моя судьба, ваше величество. Видите ли, земли и состояние, которыми я владею, невелики. Но я владею ими по праву рождения и меча. И еще благодаря милости Господа нашего Иисуса Христа я наслаждаюсь любовью самой прекрасной женщины на свете, которую я взял в жены после многочисленных лишений и опасностей.

Когда я отбыл из дома по неотложным делам, некий знатный дворянин из вашего окружения приехал ко мне в замок с единственным намерением: посмотреть на мою жену, о которой очень много слышал. Когда он увидел ее, то возжелал завладеть ею, совершенно не беря меня в расчет и тем самым не испытывая никакого ко мне уважения. Да, он посмеивался надо мной перед своими людьми, утверждая, что без труда одолеет меня на турнире, а потом заберет мои земли и мою любезную супругу.

Поэтому я и предстал перед вами в военном облачении, чтобы потребовать у этого негодяя сатисфакции. И теперь я швыряю ему в лицо перчатку и вызываю его на поединок мечом к мечу, щитом к щиту. Чтобы разделаться с ним в честном бою. Я хочу, чтобы он получил наказание, которого заслужил!

Лицо императора потемнело от гнева, и он негодующим голосом отвечал:

— Подобный человек не заслуживает того, чтобы его вызывали на поединок как благородного и титулованного рыцаря. Но если это и вправду человек из моего окружения, то я позволяю тебе разделаться с ним любым способом, каким ты пожелаешь, несмотря на высоту его положения!

Услышав слова императора, Юон соскочил с коня и, отведя в сторону копьё, двинулся по огромной зале. По пути он вытащил из ножен меч. Быстро подойдя к изголовью стола, где сидели самые знатные дворяне из окружения императора, он поднял забрало, чтобы все могли увидеть его лицо. А затем он громко выкрикнул герцогу Раулю:

— Ты не рыцарь, а вероломный негодяй и предатель! А теперь посмотри на Юона Бордоского, которого ты замыслил подло убить! И запомни: Бордо и герцогиня Кларамонда никогда не станут твоими!

И, прежде чем Рауль успел подняться, Юон поднял меч и пронзил им врага насквозь. Все, находящиеся в зале, возопили от страха и гнева. Среди них был и сам император, которой кликнул стражников, чтобы те покарали убийцу.

Тогда Юон повернулся к императору и громко произнес:

— Так вот каковы ваши слова на деле, ваше величество! Выходит, если мой обидчик — ваш родственник, то справедливость тут бессильна?! Что ж, если она меняется с такой легкостью, то не нужна мне такая справедливость. Тогда я выступаю против вас!

Он вскочил в седло и высоко поднял меч, на лезвии которого еще адела кровь Рауля. Затем он бросился на стражников, пытающихся задержать его, и мечом стал пробивать себе дорогу, сражаясь, как великие герои древности. И много раненых и убитых оставил он за собою, прежде чем выбрался из Майнца.

По приказу императора все рыцари, сражающиеся под алеманским флагом, бросили в погоню за отважным юношей. Они долго преследовали его на равнине. Вместе с ними скакал и сам император, который ехал верхом на боевом коне Амфаге, которому не было равных во всем мире. Император настолько разгневался, что догнал Юона намного быстрее своих людей.

Заметив императора, Юон остановил коня, чтобы дождаться противника. И они столкнулись друг с другом с такой великой силой, что император упал с коня наземь и сломал ногу в двух местах. Юон, увидев противника в столь плачевном состоянии, не стал поднимать против него меч. Вместо этого он оставил своего изможденного коня, вскочил на Амфага и ускакал прочь. А императора вскоре подобрала его спутники.

И из-за того, что Юон сжалился над врагом и оставил его в живых на поле брани, много горестей и печалей выпало потом на его долю.

ГЛАВА 4.

Как император пришел в Бордо с войной и как город попал в бедственное положение

Юон добрался до лагеря, который разбили те, кто выехали с ним из Бордо, и открыто выложил им, какая печальная судьба его постигла. Поэтому его верные рыцари выстроились в боевом порядке для сражения, которое не заставило себя ждать, ибо алеманские рыцари, вне себя от ярости, галопом прискакали на поле брани. Однако бордоские рыцари не были зелеными

юнцами, впервые обнажившими мечи. И они пошли за Юоном и храбрым Жерамом, который всю свою жизнь — до старости — провел в кровопролитных боях.

И они выстроились непроходимой стеной, чтобы сдерживать натиск противника. Многие воины императора упали с коней замертво, а многие были раздавлены железными копытами своих же боевых коней. Юон сражался как двадцать человек. И он мечом пробивал себе дорогу через поле брани, оставляя за собою все новые и новые жертвы.

Император, с отчаянием взирая на груды трупов, начал оплакивать своих людей, ибо казалось, что на поле битвы в живых не осталось никого. Тем временем Жерам стремительно подскочил к Юону и промолвил:

— Сир, мы устроили кровавую бойню, положив множество этих алеманских гордецов. Вам удалось победить самого императора. И все благодаря вашей отваге и боевому мастерству. Однако, если так пойдет и дальше, мы потеряем еще много славных рыцарей и у нас почти не останется крепких и боеспособных людей. Это — Алеманская земля, и император может позвать на подмогу свежие силы. А Бордо находится в много лье отсюда, и кем же мы тогда заменим наших павших?

Юон крепко призадумался над словами старого воина и понял, что Жерам, как обычно, проявил мудрость. И тогда он ответил:

— Давай пошлем к императору герольда и спросим, пойдет ли он на перемирие. Потом мы вернемся на свои земли, где преимущество всегда будет за нами. Так что посылай герольда на свой выбор и накажи ему отыскать командира алеманских войск.

Так они и поступили. И император, несмотря на гнев и обиду на Юона, согласился на перемирие. При этом император размышлял так: пока заживет его сломанная нога, ему удастся созвать верных людей, которые могли бы схватить герцога Бордоского даже в стенах его родного города, а потом он сам огнем и мечом сметет с лица земли проклятый город и всех его жителей. Однако для этого ему понадобится время. Поэтому он согласился на шестимесячное перемирие.

Поэтому оба войска разошлись в разные стороны, и усталые бойцы отправились зализывать раны. Ведь даже равные по силам тигр и лев порой соглашаются на перемирие, чтобы пере-

дохнуть в своих логовах и набраться свежих сил для следующего боя.

Юон как можно быстрее вернулся в Бордо и рассказал герцогине Кларамонде, как он поступил с герцогом Раулем и что вышло из этой мести. Герцогиня очень испугалась за их будущее и сказала Юону:

— Муж мой, этот император правит всеми землями Алемании, которая, как говорят, даже больше Франции. Он может созвать под свои знамена в сто раз больше рыцарей, чем у тебя. Наверное, ему удастся расколоть Бордо двумя пальцами, как орех. Карл Великий недавно скончался, и теперь его место на троне занял его сын Людовик, который ненавидит тебя за то, что ты случайно убил его брата, и он не пришлет тебе на помощь ни одного человека!

— Ты права, — печально промолвил Юон. — Поэтому все мы должны уповать только на милость Господа нашего Иисуса и сделать все, что в наших силах, чтобы не допустить грядущей беды.

— Может быть, Франция и не придет нам на помощь, муж мой, но мы можем получить подмогу за пределами наших границ, если как следует будем искать ее. В Тунисе живет мой брат, который теперь там дей и полный властелин, и, заслышав твой боевой клич, он пришлет в тысячу раз человек больше, нежели у нас есть. И не считай его язычником, ибо он уже давно принял христианство, и теперь Иисус — и его Бог тоже. В детстве мы горячо любили друг друга, и я не думаю, что он успел позабыть меня. Поэтому снаряди корабль и отправляйся в Тунис, муж мой. Позови моего брата и возвращайся с целым войском, которое он полностью предоставит в твое распоряжение. Так ты сможешь сразиться с императором с равными силами!

Но Юон нахмурился и возразил:

— Нет, жена моя, если я сейчас уеду из Бордо и отправлюсь за море за помощью, то получится, что я брошу на произвол судьбы всех тех, кто доверился мне. И они смело могут окрестить меня трусом и человеком, не достойным звания рыцаря. К тому же может статься так, что я не возвращусь из путешествия. Нет, дорогая, я должен остаться и принять то, что мне суждено.

Вот так он ответил на просьбы и мольбы Кларамонды. А ее страх о будущем тяжелым камнем сдавливал ей сердце.

В Бордо еще больше укрепили все оборонительные сооружения. В город навезли еды и питья. Повозки, груженные продовольствием, сновали через ворота от рассвета до заката. А старый и опытный Жерам расставил за пределами города множество наблюдателей и отправил вперед людей, которые следили бы за приближением вражеского войска. В городе кипела работа, и все жители трудились не покладая рук, чтобы приготовиться к худшему.

Наконец пришла весть о том, что на границе герцогства были замечены алеманские флаги. Также дозорные доложили, что на Бордо надвигается огромное войско, сметая и уничтожая все на своем пути. Тогда люди Юона скрылись за крепкими стенами города и приготовились отразить нападение. Были принесены тысячи стрел для арбалетов, а также — мечи и копья. Итак, все было готово. Оставалось только ждать.

Довольно скоро перед стенами города появилось алеманское войско. Вражеские солдаты начали разбивать лагерь, состоящий из великого множества палаток.

А ночью их бивачные костры плотным кольцом окружили стены Бордо.

И тогда Юон обратился к Жераму со словами:

— Ты только посмотри, как дерзко император расположился перед моими стенами. Они там запивают вином мясо и бездельничают, ибо этот самодовольный болван думает, что заманил нас в ловушку, чтобы взять город тогда, когда он пожелает. Так давай же выступим первыми и покажем ему, на что способен его «жертва»!

И вместе с отборными бойцами они тайком вышли из города через задние ворота и поскакали вперед быстрее ветра. И вскоре под покровом ночи они достигли вражеского стана. Алеманское войско понесло такие потери, что императору показалось, что на его людей напали демоны. Многие славные рыцари сложили головы в этот скорбный час, а император громко вопил во тьму от ярости и боли.

А отряд Юона снова возвратился в город, неизменно радуясь тому, как успешно закончилась их вылазка. И тут герцог обратился к своим людям:

— А где же сир Жерам? Я не слышу его радостного голоса!

И тогда один из смертельно раненных рыцарей со слезами на глазах ответил:

— Увы, мой достославный герцог, во время нашей вылазки сира Жерама сбили с коня, и если он не погиб, то, безусловно, угодил прямо в лапы врага!

ГЛАВА 5.

Как Жераму удалось избежать смертельной опасности, а Юон был вынужден обратиться за помощью

Беззащитного и истекающего кровью Жерама приволокли к императору, который безмерно обрадовался, узнав, что пленный принадлежит к знатному роду, а значит, занимает не последнее место во вражеском стане. И, придя в превосходное настроение, он громко обратился к своим воинам:

— Перед вами один из своенравных мерзавцев, осмелившихся выступить против нас. А теперь я скажу вам вот что. Человек, который доставит мне Юона в таком же униженном состоянии, получит от меня в дар город Бордо, а в придачу саму герцогиню Кларамонду!

И тут Жерам гордо вскинул окровавленную голову и, собравшись с силами, промолвил:

— Все это пустые слова, ваше величество. Ни один из ваших людей не пройдет через ворота Бордо, разве только как наш пленник. Ибо герцог Юон будет удерживать эти ворота от любого вторжения, и будет это делать столько, сколько понадобится! Ни один из алеманских рыцарей не сможет захватить наш город, равно как унижить нашего господина!

Услышав такие слова от безоружного пленника, закованного в цепи, император разгневался и повернулся к своему маршалу, сиреу Отто, приказав ему следующее:

— Приказываю вывести вперед этого седобородого болвана и всех, кого мы захватили вместе с ним, и распорядитесь, чтобы у городской стены установили высокие виселицы. Когда это будет сделано, вздерните всех этих проходимцев!

Однако сир Отто не сдвинулся с места, а осторожно предостерег своего господина:

— Ваше величество, если мы поступим согласно вашей воле, то бордосцы совершат то же самое с нашими людьми, которые

попали к ним в плен. Ради бога, умоляю вас как следует подумать, прежде чем отдавать такой приказ.

Лицо императора искажилось от ярости, и он гневно произнес, что его приказы должны выполняться, причем неукоснительно. И тогда Жерама вместе с остальными бордосцами, захваченными в плен, вывели вперед.

И на расстоянии полета стрелы от стен Бордо алеманцы начали сколачивать широкие виселицы. Поэтому бордосцы, стоящие на парапете с бойницами, наблюдали за этим печальным зрелищем. Юон, с силой ударив кулаком о шероховатый камень, негодуяше вскричал:

— Неужели мы позволим, чтобы так обошлись с нашими братьями по оружию? Давайте же, надевайте шлемы, взбирайтесь на коней и следуйте за мной! Ибо, если мы допустим это, мы навсегда лишимся чести в глазах людей!

И все, кто был способен оседлать коня и натянуть тетиву, приготовились к спасению своих товарищей.

И снова сир Отто подошел к императору и, смиренно склонив седую голову, начал просить его пощадить пленных.

— Ваше величество, герцог Юон разбил вам сердце, убив прямо на ваших глазах герцога Рауля, которого вы беззаветно любили. Однако пусть же он будет наказан за это с христианской мудростью. Пусть он отправится на Святую Землю и должным образом покается там. Отправьте же в Бордо герольда и...

Но больше ни слова не сорвалось с губ мудрого маршала, ибо император проревел, подобно раненому медведю, проклятье, и друзья оттащили сира Отто прочь от императора, чтобы тот не приказал повесить и его. И маршал, преисполненный печали, возвратился к подножию виселиц. Но старик не поставил там часового и как можно дольше старался оттянуть повешение, надеясь, что император все-таки образумится и сменит гнев на милость.

Раздался громкий медный звон, и тотчас же начал опускаться подъемный мост. Из города Бордо на полном скаку вылетел отряд вооруженных до зубов людей. Они стремительно подскочили к виселицам и освободили пленников, в то время как второй отряд с мечами и копьями наперевес ринулся на алеманских воинов. И прежде чем императору удалось отдать какой-либо приказ, нападающие быстро возвратились в город, и на этот раз помимо своих товарищей они захватили в плен сира Отто и еще больше ста человек из войска противника.

Юон собрался было поступить с ними так же, как император с его людьми, и повесить прямо на городской стене, но Жеррам рассказал о сире Отто, который добивался мира. И от имени своего любимого друга Юон извинился перед перепуганными пленниками.

И вот, когда над городом опустилась ночь, у герцога Юона и герцогини Кларамонды родилась дочь. А возле ее колыбели внезапно появились добрые феи из страны эльфов, чтобы благословить дитя и пообещать, что со временем девочка наденет корону и станет могущественной и всеми любимой королевой. Но тут к Юону и его супруге подошла главная фея и, обливаясь горючими слезами, промолвила с печалью:

— О, славные герцог и герцогиня, вся страна эльфов скорбит за вас и вашу прекрасную новорожденную дочь Кларетту. Ибо по законам Волшебной страны король Оберон не сможет прийти к вам на помощь, когда постигнет вас беда, с тех пор как он провозгласил вас нашими королем и королевой! И поэтому теперь тебе придется одолеть врага собственными силами. И еще он просил передать тебе, что ты не должен смотреть на его лицо, если в прошлом ты дважды повстречался с ним, как это было в тот далекий час. Посему больше не жди от него помощи, если она тебе понадобится!

Когда феи исчезли, Юон позвал к себе герольда Херборна и наказал ему следующее:

— Возьми флаг перемирия и, как можно выше подняв его, скажи в лагерь к алеманцам. Там ты отыщешь императора и передашь ему, что мы пролили в этой войне слишком много крови. И еще скажи ему, что если он объявит о конце войны, то я стану повиноваться ему, как вассал повинуется своему законному господину, и буду владеть Бордо с его дозволения, поскольку король Франции не пришел ко мне на помощь. Сам же я отправлюсь к Гробу Господню, чтобы попросить у Господа нашего милосердия для всех нас. Если же император ответит «нет», то мы будем сражаться до тех пор, пока из наших стен не выпадет последний камень!

И Херборн передал слова Юона императору, и все знатные дворяне Алемании с радостью согласились на условия, предложенные герцогом Бордоским. Но обезумевший от ненависти император не принял предложения Юона и с угрозами прогнал герольда прочь.

Тогда Юон созвал всех знатных горожан Бордо. И когда они собрались в просторной зале замка, он сообщил им, что его попытка установить мир потерпела крах. Затем же добавил:

— Славные граждане Бордо, у нас осталось очень мало еды и питья. Во время каждой вылазки многие из наших храбрых воинов погибают, поэтому может наступить время, когда в городе не останется ни одного человека, способного сжимать меч. А Людовик Французский никогда не придет нам подмогу.

Но Залибран, брат мой жены, дей Туниса, которым он управляет. Он христианин и сможет помочь нам из любви к герцогине. Поскольку это наша последняя надежда на спасение, то я тайно выберусь из города, чтобы добраться до него и умолять о помощи. А как бы вы поступили на моем месте?

И все собравшиеся, осознавая, какое черное будущее предстоит им, согласились, что Юон должен отправиться к Залибрану. И, поручив Жераму управлять городом в его отсутствие, Юон попрощался с женою и дочерью и под покровом ночи выскользнул из города в сопровождении всего нескольких человек.

ГЛАВА 6,

**повествующая о том,
какая судьба постигла тех,
кто защищал Бордо от гнева
императора**

Долго и отважно сражались бордосцы, спасая свой город от противника. Но во время каждой вылазки за ворота и каждого боя на стенах города все больше и больше людей падали замертво, пронзенные мечом или разящей стрелой, выпущенной из арбалета. И, упав на пыльную землю, уже никто не поднимался, чтобы снова вступить в бой. Поэтому все меньше и меньше воинов оставалось, чтобы ответить на призыв боевой трубы.

И Жерам, видя, что ряды его бойцов становятся все тоньше и тоньше, а его люди больше не возвращаются с поля брани, преисполнился печали. Но при виде герцогини Кларамонды он сохранял бодрость духа, ничего не сообщая ей о безысходном положении, в котором находился город. Однако ему не удалось долго держать ее в неведении, и тогда она, надев на свое хрупкое тело тяжелые доспехи, поднялась на стену осаждаемого города и выпустила немало метких стрел в сторону алеманского лагеря.

И вот наконец настал тот черный день, когда мэр города дождался герцогиню и обратился к ней со словами:

— Благородная госпожа, в городе еще остались люди с храбрыми сердцами и сильными руками, и все они — к вашим услугам. Однако все они нуждаются в воде и пище. Но двери наших амбаров распахнуты настежь, и в наших закромах уже не осталось ничего, кроме пыли от пшеницы, что некогда заполняла их доверху. Уже третьи сутки мы не ели мяса, и, похоже, нас ожидает печальное будущее.

Тогда Жерам встал и промолвил в ответ:

— Это правда, что бойцы должны поесть, и мы не сможем выдержать осаду, если не подкрепимся должным образом. В полях за рекой пасутся коровы и овцы, которых пригнали сюда наши враги, чтобы ими питаться. Давайте же этой ночью выберемся из города и пригоним скотину сюда!

Так и порешил военный совет, а Жерам вместе с лучшими бойцами, оставшимися в живых, тайком отправились к полям. Однако люди императора, следящие за стадами, оказались не дураками, и очень быстро подняли тревогу и набросились на воинов Жерама, когда те попытались увести стадо. И в кромешной темноте разразилась кровавая битва.

На этот раз счастье не улыбнулось бордосцам. Некоторые из них погибли прямо в реке и утонули, отягощенные весом своих же доспехов, и никто не услышал их отчаянных криков о помощи. Остальные же пали от меча и копья или в муках умирали, придавленные своими лошадьми. Так погибли последние из храбрых защитников Бордо.

Среди павших оказался и Жерам, который был в рабстве у сарацинов, отшельником в заброшенной пустыне, а все оставшиеся дни — добрым другом герцога Юона. Он долго истекал кровью и умирал, как подобает храброму рыцарю и славному воину. А вместе с ним умирала надежда на спасение для герцогини Кларамонды и ее дочери.

Его оруженосец Бернар после гибели своего господина с боем пробился к воротам города. Весь в крови и пыли, он вбежал в замок и устремился по анфиладе комнат на поиски герцогини.

Герцогиня Кларамонда, увидев его в столь плачевном состоянии, еще до того как Бернар сообщил ей дурное известие, догадалась о том, что к ним пришла беда.

И когда он закричал: «В поле лежит мой добрый господин,

благородный Жерам...», она издала такой пронзительный крик, какой может издать человек, настигнутый страшным несчастьем, а потом застыла, подобно статуе. И окружившие ее люди решили, что от столь страшного потрясения она лишилась рассудка. Но внезапно она повернулась к ним и очень спокойно сказала:

— Теперь мы лишились Жерама, который был нашей крепостью и щитом, а без него нам не удастся одолеть императора, который призвал под свои знамена добрую половину Европы. К тому же у нас почти не осталось мужчин, способных сжимать оружие. Посему, когда мой муж вернется с подмогой, будет уже слишком поздно. Но будьте уверены, друзья мои, что когда он прискачет обратно во Францию, то наступит час отмщения. А теперь я отправлюсь к воротам и из окошечка громко спрошу у императора, какие условия он поставит нам при своей победе. Но сперва, Бернар, мне бы хотелось поговорить с тобой.

Она отвела оруженосца в освещенную часть залы, где они остались одни, и приказала ему пойти на конюшню и оседлать коня Амфага, которого Юон отбил у императора в бою. Затем тайно она отправила к нему одну из служанок, держащую на руках крошку Кларетту. Бернар должен был отвезти малышку в Клуни, где он передаст ее на попечение почтенного аббата, подходящегося Юону дядей и добрым другом.

— Я делаю этого потому, — пояснила Кларамонда, — что император может захватить Бордо из-за отсутствия защитников, а меня может сделать своей пленницей. Но дитя, которое станет наследницей Юона, должно спастись от его несправедного гнева.

И Бернар поклялся на кресте, что будет защищать дитя, пока кровь струится в его жилах, и доставит девочку в аббатство Клуни в целостности и сохранности. Потом он отправился на конюшню и вывел оттуда Амфага, которому не терпелось устремиться в дорогу. Едва он устроился в седле, как из полумрака выбежала служанка, держа на руках завернутую в темный плащ Кларетту. И вместе с ребенком славный оруженосец выехал из Бордо, избрав малоизвестную дорогу, по которой вскоре добрался до расстилающихся за городом бескрайних полей. Очутившись на свободе, он вонзил шпоры в бока Амфага и галопом поскакал по направлению к аббатству.

Когда служанка сообщила герцогине, что Бернар с ее дочерью уехал прочь из города, Кларамонда подошла к воротам, где установила факелы так, чтобы ее смогли увидеть люди из вра-

жеского стана. А потом приказала трубачу протрубить сигнал к переговорам.

Когда об этом доложили императору, он взобрался на коня, чтобы посмотреть на даму, стоящую в обрамлении света от горящих факелов. Увидев, насколько она молода и прекрасна, он на какое-то мгновение ощутил к ней жалость и сострадание. Но вспомнив, что она — жена Юона, он вновь ожесточился и дождался тишины, чтобы услышать ее слова.

— Ваше величество, — громко и отчетливо промолвила она без слез и стенаний. — Наконец вам удалось сломить наши силы и перебить почти всех наших мужчин. Поэтому в этот час город Бордо не способен противостоять вашему войску. Но вы и ваши люди — христиане, и, будучи тоже христианкой, я прошу вас отнестись к нам с милосердием, как тому учил Господь наш Иисус.

— Герцогиня, — отвечивал император, — могу вас заверить, что этот город не будет разграблен, если вы сдадитесь сами. И я обещаю обходиться с вами и вашими людьми не как варвары.

Ее удовлетворило даже это полуобещание. А в душе она радовалась тому, что вовремя успела отослать свою дочь из Бордо.

Итак, город сдался, и император не стал его грабить, но назначил в Бордо своего губернатора. А тех, кто находился с Юоном и остался в живых, он взял с собою в Майнц. Там он заключил пленников в темницу, а герцогиню Кларамонду поместил в неприступную башню и оставил в полном одиночестве. Она даже не видела лица человека, охраняющего ее. И сердце несчастной женщины чуть ли не разрывалось от боли, стоило ей задуматься о своей злой участи. И она надеялась лишь на скорое возвращение Юона.

ГЛАВА 7,

повествующая о путешествии Юона через штормовое море и о его приезде в замок Адамант

Юон и его спутники, незаметно пробравшись через стан врага, наконец добрались до морского порта. И сразу приступили к поискам судна, которое доставило бы их до Туниса. Но в от-

крытом море наступил сезон жестоких штормов, и капитанам вовсе не хотелось подвергать смертельному риску свое судно и команду, отдав его на волю свирепой стихии. Но спустя много дней Юон все-таки отыскал капитана, согласившегося испытать судьбу. И они пустились в путь.

Как только судно вышло из укрытия гавани, его тотчас же подхватил жестокий ветер и бросил в бушующие пенистые волны величиною с гору. И ни один — даже самый опытный моряк — не сумел бы взяться за штурвал, ибо они даже не знали, куда плывут. Всех кидало из стороны в сторону, и люди больно ушибались об палубу и мачты, а Юон крепко прижимал свой меч, чтобы не потерять его. Шторм неистовствовал несколько дней, и за все это время они ни разу не видели солнца, и, потеряв счет часам и минутам, они уже не знали, когда плывут — ночью или днем...

Внезапно небо будто расколосось надвое, и все увидели ослепительный огонь, сопровождаемый страшным грохотом, перекрывающим рев шторма. Капитан, усталый и едва держащийся на ногах, с трудом удерживая равновесие, подошел к Юону и промолвил:

— Благородный герцог, теперь мы, несчастные грешники, погибнем, ибо буря забросила нас на самый край земли, и вскоре мы увидим разверстые врата Ада. Так гласит легенда, и это свершилось!

Юон посмотрел на огненные полосы и, услышав печальный протяжный стон, доносившийся неизвестно откуда, тоже не на шутку испугался. Но, взяв себя в руки, он выпрямился и, глядя прямо на огонь, произнес:

— Да, мы смертные люди и полны грехов. Но мы пустились в это плавание с чистыми сердцами, дабы привезти помощь тем, кто намного слабее нас. И благодаря милосердию Господа нашего Иисуса я говорю тебе: нет, я не боюсь! Ибо в этот день Ад не сможет поглотить нас!

И его слова оказались правдой, ибо бушующие волны подхватили корабль и бросили судно прямо к воротам, закрывающим это зловещее место. Протяжный печальный вой постепенно затих, и им удалось избежать Ада, и они отправились дальше. Пламя постепенно стало потухать, и внезапно угрюмое небо пронзил сверкающий солнечный луч.

Этот луч осветил вздымающуюся прямо из моря скалу, такую же черную, как штормовая ночь, оставшаяся позади. А на самой вершине скалы они увидели ослепительно белый замок. От этого удивительного зрелища Юон и его спутники воспрянули духом, ибо решили, что этот замок принадлежит какому-то знатному господину, у которого они смогут найти приют.

Но когда судно подплыло прямо к скале, капитан побледнел и со страхом воскликнул:

— Увы! Мы самые несчастные люди на свете! Ведь это замок Адамант, известный как ловушка для всех славных мореплавателей! Знаете ли вы, что скала, к которой мы пристали, вся из железа и она притягивает к себе все корабли и никогда не отпускает их. Никто еще не смог вырваться из Адаманта!

И тут они увидели у подножия скалы великое множество судов. Некоторые из них были очень старые и почти разрушенные от времени. Они давным-давно погибли в этих водах. А их корабль оказался в самом центре этой погибшей флотилии.

С наступлением сумерек Юону показалось, что в одном из окон замка зажегся свет. Ему захотелось взобраться на скалу, чтобы попытаться найти помощь, ибо на судне почти закончились запасы воды и продовольствия. Однако его руки все время соскальзывали вниз, поэтому все его усилия оказались тщетными.

Тогда вперед выступил один из его людей, сир Арнольд. Этот славный человек был родом из горной страны и часто взбирался на горы ради развлечения. Сир Арнольд подошел к Юону и сказал, что попытается взобраться на эту неприступную скалу. И, сняв с себя доспехи, а затем португею с оружием, он оставил себе только кинжал и медленно стал подниматься. Все, затаив дыхание, наблюдали за этим головокружительным подъемом на отвесную скалу.

Наконец сир Арнольду удалось взобраться на вершину, и он двинулся к главным воротам замка. Там он остановился и громко окликнул тех, кто мог находиться внутри. Но, кроме завывания ветра, он не услышал больше ничего. Подняв голову, сир Арнольд посмотрел на зубчатый парапет, но не увидел там ни души. Ни стражи, никого...

Когда ворота все-таки распахнулись, он отважно шагнул во внутренний двор замка, где снова не увидел никого. Замок напоминал жилище, где все давным-давно умерли. Так он и стоял во дворе, содрогаясь от холода и гнетущего чувства одиночества,

пока не услышал какой-то шум, совершенно не похожий на звук шагов. Повернувшись, он увидел ползущего по брусчатке огромного отвратительного змея. Чудовищных размеров голова возвышалась над стеною замка, а из разверстой пасти торчали гигантские клыки, с которых стекала ядовитая зеленая слюна.

Сир Арнольд, не имеющий никакого оружия, кроме кинжала, бросился бежать и, увернувшись от смертоносного змея, начал быстро спускаться к кораблю. Отдышавшись, он поведал всем, что увидел в замке клыкастое чешуйчатое чудовище и что ни один смертный не сможет выбраться оттуда живым и невредимым.

И все люди на корабле пришли в отчаяние, ибо пища и вода уменьшались с каждым днем, и люди теряли силы от голода и едва держались на ногах. Спустя некоторое время в самую гущу погибших судов угодил второй корабль, полный пиратов. Юон тотчас же приказал своим людям вооружиться, и, вступив с морскими разбойниками в бой, они захватили их корабль, а бандитов порубили мечами.

Однако им никак не удавалось вырваться из цепких лап Адаманта. Проходили дни и недели, и люди заболели и умирали, кто от голода, кто от болезней, занесенных с погибших кораблей, а некоторые — просто от отсутствия надежды на спасение. Только Юон не позволял себе пасть духом, ибо постоянно держал перед глазами мысленный образ родного Бордо и тех, кто остался дома и надеялся на его возвращение. И он поклялся, что сделает все, что во власти простого смертного, чтобы оправдать доверие ожидающих его бордосцев.

И вот настало утро, когда Юон встал с койки и увидел, что вокруг они мертвецы. Тут он осознал, что выжить удалось только ему. На корабле не осталось ни капли воды и ни куска хлеба. Юон понял, что скоро смерть доберется и до него. И, несмотря на страшную слабость во всех членах, он надел доспехи и пояс с мечом.

Он повернулся к скале и громким, звенящим голосом крикнул:

— Эй ты, монстр или сам дьявол, к тебе обращаюсь я, Юон Бордоский! Я пришел сюда и принес твою смерть на острие своего меча!

И отважный юноша стал взбираться на скалу. Он поднимался долго и медленно из-за слабости и боли. К тому же ему

мешали тяжелые доспехи. И все-таки он взобрался на вершину скалы и увидел перед собою ворота зловещего замка. Солнце золотым огнем осветило слова, выгравированные на воротах, и когда Юон прочитал их, то понял, что это предупреждение самого Адаманта.

«БЕРЕГИСЬ! ЛЮБОЙ, КТО ВОЙДЕТ СЮДА, ДОЛЖЕН БЫТЬ САМЫМ ХРАБРЫМ ИЗ СМЕРТНЫХ РЫЦАРЕЙ И ИМЕТЬ СТАЛЬНОЕ ТЕЛО. ЕСЛИ ОН ВОЙДЕТ СЮДА, ТО ЕМУ ПРИДЕТСЯ ДОКАЗАТЬ ЭТО. ЕСЛИ ЖЕ ОН ТРУС, ТО ПУСТЬ ЛУЧШЕ НЕ ВХОДИТ!»

И Юон, сжимая меч, вошел в замок Адамант.

ГЛАВА 8,

повествующая о замке Адамант и о его зловещем страже

Гнетущая тишина нависла над мрачным замком, и когда Юон вошел во внутренний двор, он не увидел ни одного живого существа, даже птички. Юону показалось, что он очутился в склепе. Сердце его затрепетало, и он ощутил, как к нему прикоснулись холодные щупальца страха.

И вдруг тишину нарушил странный шипящий звук, который не мог издавать ни один смертный. И, войдя во внутренний зал, юноша увидел отвратительного змея, о котором рассказывал сир Арнольд.

Его огромная голова возвышалась над Юоном, а глаза сверкали, как гигантские фонари. В пасти шевелился широкий шершавый язык, смахивающий на хлыст, которым бичевали рабов, а с клыков стекала зеленая ядовитая слюна. Клыки были величиною со взрослого мужчину, а чешуйчатому туловищу монстра, казалось, не было конца.

Увидев Юона, змей зашипел и пополз по полу, устланному брусчаткой. Юон закрылся щитом и поднял меч. Но чудовище с размаху ударило своей тупой головой и одним из клыков разбило щит пополам с такой легкостью, точно он был сделан из гнилого дерева.

Юон размахнулся мечом и ударил змея по туловищу, но его чешуя была крепче любой брони, и поэтому лезвие соскользнуло вниз, не причинив монстру никакого вреда.

И снова змей приготовился нанести смертоносный удар головой. Тогда Юон отшвырнул бесполезные щит и меч, осознавая всю глубину своего отчаяния. И тут он выхватил взглядом прислоненное к дверям залы блестящее зазубренное копьё небывалой длины. И Юон схватил его, прежде чем змей успел нанести очередной удар.

Сжимая копьё обеими руками, юноша укрепил его толстым концом между булыжниками и острием вверх. Когда змей снова резко опустил голову, копьё пронзило ему пасть и вошло прямо в мозг. И долго гигантское тело корчилося и извивалось на полу, пока не замерло на месте.

Измощенный донельзя, Юон медленно побрел по замку и, войдя в очередную залу, замер от изумления. Ибо даже на Дворе самого короля не видел он такого пышного великолепия.

Он увидел двадцать пять прекрасных колонн. Некоторые из них были выточены из мрамора, белоснежного, как стены Рая; некоторые же были черные, как ночь, а остальные — из яшмы и сардоникса. Колонны обвивали виноградные лозы из чистого золота, выполненные с таким искусством, что казались настоящими. С них свисали огромные гроздья винограда, и ягоды были сделаны из аметистов, изумрудов и рубинов. Таким сокровищам позавидовала бы целая сотня королей. Мягкий свет, источаемый стенами, приятно освещал огромный зал.

Пол, по которому он шел, был выстлан мозаикой с изображениями героев, совершающих подвиги, но Юон не знал этих героев. За залой находились другие залы непревзойденной красоты со сверкающими хрустальными ваннами, наполненными шкатулками с драгоценностями и сундуками с одеяниями такой невиданной красоты, в которую с великой радостью облачились бы самые знатные господа на земле.

Затем Юон снял с себя доспехи и с наслаждением погрузился в прохладную воду. Потом он надел прекрасную голубую мантию и обернул чресла широким поясом, изукрашенным сапфирами и золотом. И в этом одеянии он начал обходить замок, пока не обнаружил небольшой садик с деревьями, ветви которых сгибались под тяжестью сочных и спелых плодов. И хотя он мечтал о куске мяса с хлебом, он с наслаждением вкусил эти плоды.

Ночь он провел на кровати из слоновой кости, в момент уснув от страшной усталости. Утром он проснулся и почувствовал свежий прилив сил. И снова наевшись фруктов, он опять стал

бродить по замку. Так он узнал, что из замка нет иного пути, кроме смертоносного спуска со скалы к погибшим кораблям. И он не на шутку испугался, что ему суждено остаться в замке до окончания своих дней.

Отчаявшись, он уселся в треноподобное кресло, украшенное чеканным золотом, стоявшее в небольшой комнате. Печально взорвавшись на пол, он случайно увидел вырезанные на нем слова.

«О, ХРАБРЕЦ! — прочитал он. — ЕСЛИ ТЫ ЕЩЕ И БЕЗГРЕШЕН, ТОГДА ВОЗЬМИ КЛЮЧ, ЛЕЖАЩИЙ РЯДОМ С ТВОЕЙ РУКОЙ, И ВОСПОЛЬЗУЙСЯ ИМ».

Под надписью он заметил золотую замочную скважину, а к подлокотнику кресла была прикреплена цепочка с ключом. Юон опустил на колени, вставил ключ в отверстие и повернул. Раздался шорох отодвигаемых каменных плит, и тотчас же часть пола перед ним приподнялась, и Юон увидел лестницу. И юноша смело стал спускаться, ибо понимал, что хуже ему уже не будет.

Внизу он обнаружил длинный сводчатый коридор, в конце которого был установлен каменный очаг. Возле очага трудились двое мужчин, доставая из него свежеспеченный хлеб и тотчас же закладывая внутрь тесто. Они работали в полной тишине, и когда Юон спросил у них, кто они и как попали сюда, они не удостоили его ответом. Разгневавшись, Юон подошел к одному из них и крепко схватил за рукав блузы.

Тогда человек резко повернулся и, сдвинув брови, сказал:

— Эй, безрассудный смертный, зачем ты мешаешь мне работать?!

И попытался вырвать рукав из сильных пальцев Юона. Но герцог не отпускал его.

— Во имя Господа нашего Иисуса и всех живущих на Небесах, прошу тебя, дай мне отведать твоего хлеба, ибо я мечтал об этом много дней, — попросил Юон.

Мужчина снова нахмурился, но быстро ответил:

— Если ты христианин, и к тому же безгрешен, тогда ты смело можешь отведать наших яств. Подойди вон туда, к столу, и отдыхай, сколько тебе угодно. Но знай, наша пища убьет того, кто обманет нас. Это волшебный замок, и мы трудимся здесь молча уже тысячу лет. И мы больше не заговорим с тобой!

И он выдернул рукав из пальцев герцога и снова приступил к работе. И больше не отвечал ни на один вопрос Юона.

А Юон подошел к столу, стоящему в дальнем конце комнаты, где обнаружил множество всевозможных яств и вин. И он наелся и напился от души так, как не ел с тех пор, как покинул Бордо. Так прошло много дней в замке Адамант. И ежедневно Юон пытался отыскать оттуда выход, но так и не находил.

Однажды ночью на море разыгрался шторм невероятной силы. Казалось, что от ударов волн замок рухнет со скалы в воду. И когда утром Юон посмотрел вниз на корабли, то увидел, что многие из них разбились на куски о скалы.

И тут Юон заметил, что к Адаманту движется судно. Герцог понял, что вот-вот, и оно попадет в коварную ловушку. И Юон глубоко опечалился при виде людей, несущихся навстречу неизбежному несчастью. И тогда он стал спускаться со скалы, чтобы оказать помощь тем, кто приближался к берегу.

ГЛАВА 9,

повествующая о появлении грифона и о бегстве Юона с Адаманта

Новоприбывшие горячо поблагодарили Юона за то, что он помог им целыми и невредимыми добраться до берега. Половина из этих людей были сарацины, а вторая — христиане, и моряки подобрали их после того, как их судно потерпело кораблекрушение. Они сразу же взмолились о пище и воде, ибо много дней их судно мотало по штормовому морю, пока у них не кончился весь провиант.

Юон принес хлеб и мясо, которые дали ему волшебные люди из замка. И он предупредил изголодавшихся людей, что только честные христиане могут есть это, не причинив себе никакого вреда. Поэтому все христиане наелись и тут же почувствовали себя лучше. И тут капитан сарацинского судна произнес:

— Мы умираем от голода и жажды. И все же я считаю, что человек, изменивший своей вере ради того, чтобы набить себе брюхо, — подлый трус. Поэтому мы не станем есть.

Но не все из его спутников согласились с ним и, отказавшись от своей веры, поклялись, что они — христиане. И когда они стали жадно набивать рты хлебами из замка, то сразу же их сердца лопнули, ибо хлеб оказался ядовитым. Печально глядя на их трупы, капитан сарацинов горько усмехнулся и промолвил:

— Они изменили своей вере, и вот они все мертвы. И мы тоже умрем, ибо не переменим свои убеждения ради ломтя хлеба.

Но Юон пожал капитану руку, как пожал бы любому смельчаку, готовому принять мучительную смерть за свою веру. Затем герцог снова взобрался на скалу и набрал множество плодов в волшебном саду. Он принес их сарацинам, и они начали молиться тому милосердию, которое он проявил к ним.

Потом христиане и сарадины проследовали за Юоном в Адамант и, в радостном настроении прогуливаясь по залам, никак не могли надивиться несметным сокровищам замка. Однако в отличие от них Юон был печален и молчалив, ибо страстно желал поскорее выбраться из этого заколдованного места, но не знал, как это сделать.

Однажды ранним утром он вышел на стену замка. И вдруг увидел огромный темный силуэт, летевший по небу. Он прищурился и увидел, что с востока к ним летит могучий грифон. Он был настолько могуч и огромен, что заслонял собой солнце, а размах его перепончатых крыльев был шире стен Адаманта.

Когда Юон разглядывал чудовище, грифон сложил крылья и опустился прямо на груды разбитых кораблей и, вонзив огромные когти в труп одного из сарацинов, погибшего от жадности, унес свою добычу в неизвестном направлении.

И тут Юона осенило. Он решил, что следующим утром проследит за грифоном, если тот вернется. Юноша от всего сердца надеялся, что судьба на этот раз улыбнется ему. Поэтому он встал на рассвете и поднялся на зубчатую стену замка. И его не постигло разочарование, ибо грифон снова возвратился за очередным трупом.

Юон поспешно вернулся в замок и, облачившись в доспехи, взял свой меч. Единственное, чего у не было, это щита, расколотого мощным ударом змея. И приготовившись, он рассказал всем на Адаманте, что собирается предпринять. Все громко стали отвергать его план, называя его глупым и безрассудным и говоря, что он закончит свою жизнь в ужасных муках. Но герцог уверенно ответил:

— Для смертного человека нет другого способа выбраться с Адаманта. Я больше не могу оставаться здесь и спокойно ждать неизвестно чего, когда самым моим дорогим людям в Бордо угрожает опасность. Поэтому я попытаюсь сбежать с Адаманта на этом грифоне.

И в полночь, когда над скалою сгустилась тьма, он надел доспехи и портупею с мечом. И осторожно спустился с горы к разрушенным кораблям. Потом он отыскал палубу с мертвыми сарацинами. Юон лег среди трупов и начал ждать.

Как только забрезжил рассвет, с востока вновь появился грифон. Его огромные крылья издавали в воздухе гремящий звук. Юон лежал неподвижно, слабо надеясь на то, что ему улыбнется удача. Грифон опустился на палубу, и его когти вцепились в герцога. Из-за доспехов они даже не поцарапали его тело. Подняв Юона в воздух, грифон на огромной скорости полетел прочь, с шумом рассекая воздух. Он летел так быстро, что Юон крепко зажмурил глаза, чтобы не видеть проносящуюся внизу землю.

Грифон летел через пустыню и скалистые утесы, окружающие Адамант, пока не достиг самой высокой горы, похожей на колонну. На ее вершине находилось гнездо, где сидели птенцы чудовища, то и дело раскрывая свои стальные клювы и громкими криками прося у матери добычу. И грифон бросил Юона в самую середину гнезда.

И снова доспехи спасли его от неминуемой смерти, ибо клювы птенцов были острые и сильные, но они никак не могли добраться до тела герцога. И им удалось кое-где поранить его, но они не сумели разорвать его на куски.

Тогда Юон выскочил из гнезда и мечом порубил всех птенцов. Он отрубал им головы одному за другим, надеясь, что сумеет расправиться со всеми. Но, когда он занес меч над последним птенцом, возвратился грифон, и, увидев, какая участь постигла его потомство, он пронзительно закричал от ярости и набросился на герцога. Его гигантский клюв глубоко вошел ему в плечо. От удара Юон почти лишился сознания и подумал, что не сможет справиться с разъяренным монстром и погибнет от его яростного нападения.

В отчаянии он выставил меч вперед, и, к счастью, ему удалось отрубить грифону лапу. Увидев, что враг пошатнулся, Юон, не задумываясь, нанес второй, а потом и третий удар, и спустя несколько секунд чудовищная птица рухнула замертво.

Обессиленный от ран, Юон некоторое время отдыхал, а потом, поняв, что в этом пустынном месте умрет от города и жажды, отрубил у грифона лапу с гигантским когтем и при помощи нее спустился со скалы.

Вдали он увидел зеленеющие деревья и подумал, что в этом месте он сможет найти воду, чтобы промочить пересохшее от жажды горло и отмыться от крови, сочащейся из ран. Из-за боли и слабости ему пришлось идти очень медленно, поэтому только через много-много часов ему удалось перейти эту жаркую скалистую землю. И, еле держась на ногах от слабости, он наконец дошел до широких ворот и увидел за ними величественный сад такой красоты, что он решил, что погиб в схватке с грифоном и теперь подошел к самым вратам Рая.

ГЛАВА 10,**повествующая о том, как Юон ел
райские яблоки и узнал плохие
известия из Бордо**

Над садом витал легкий свежий ветерок с ароматом цветов. Юон бесшумно шел по саду, ощущая под ногами мягкую пышную траву. Он чувствовал, как его разум становится ясным, а тело крепнет. С ветвей свисали тяжелые золотые и пурпурные плоды, а вокруг виднелись виноградные лозы с гроздьями спелых ягод. Множество невиданных птиц порхали над его головой и пели свои нежные песни.

Наконец Юон остановился напротив фонтана с кристально-прозрачной водой, ниспадающей в небольшой бассейн, вырезанный из цельного куска камня, переливающегося перламутром. Глядя на это восхитительное зрелище, Юон приободрился и, сняв с себя тяжелые доспехи и кожаную кольчугу, ринулся в прозрачную воду.

Его изможденное тело тотчас же исцелилось от глубоких ран, а усталость как рукой сняло. И он вышел из бассейна свежий, как человек, пробудившийся после долгого целительного сна. Затем он снова вошел в бассейн и долго лежал там, ощущая всем телом ласковое прикосновение воды. И окончательно пришел в себя.

Затем, выйдя из бассейна, он увидел дерево, растущее в стороне от рощи, ветви которого касались земли от тяжести растущих на ней плодов. И каждый плод был золотой, как солнце, и от него исходил неповторимый аромат. Герцог сорвал плод, оказавшийся яблоком совершенной формы. Он медленно начал есть его, и тотчас же ему показалось, как кровь стремитель-

но побежала в его жилах, а сердце забилося легко и спокойно. И тут Юон громко сказал:

— О, как бы мне хотелось, чтобы рядом со мною оказалась моя любимая Кларамонда с нашей малюткой дочерью на руках! Как мне хотелось, чтобы мы с ними смогли избавиться от всех бед и несчастий, оказавшись в этом Райском саду! Ибо это, несомненно, Рай, которого навеки лишил себя грешный и своенравный человек!

И, доев яблоко, он протянул руку за следующим.

И в это мгновение Юон увидел яркий столб света, а рядом с деревом показалось Существо, которое, как показалось Юону, было все охвачено огнем.

Этот свет был настолько ослепительным, что Юон закрыл ладонями глаза. А Существо громко заговорило, и его голос звенел как тысяча колокольчиков.

— Юон, герцог Бордоский! — проговорило оно.

И тогда Юон упал на колени, не осмелившись смотреть на сияние, исходившее от Существа, и тихо ответил:

— Что тебе угодно, Господи?

— Не называй меня «Господи», ибо я посланник тех, кто намного более великий, нежели я! А теперь слушай то, что я тебе скажу, и слушай внимательно, ибо я принес тебе печальные и страшные известия. О, Юон, твое сердце должно стать крепче стали, чтобы выдержать то, что я скажу!

— Так вот знай, что твой город Бордо захвачен врагами, а над всеми твоими владениями теперь властвует их губернатор!

Услышав эти слова, Юон издал печальный пронзительный крик и с мольбою протянул руки к посланнику. Но озаренная ослепительным светом фигура не сжалилась над ним. Ибо когда Юон спросил, какая судьба постигла Кларамонду и их малышку, посланник ответил:

— Оруженосец Бернар отвез твою дочь в Клуни, и она живет в безопасности в аббатстве у твоего дяди. Но твою жену взяли в плен, и теперь она сидит в неприступной башне в Майнце, посему ее судьба печальна. И станет еще печальнее, если ты не придешь ей на помощь.

И тут Юон вскочил на ноги и схватился за меч. Его глаза сверкали от ярости.

— А теперь ступай, Юон Бордоский. Дойдешь до конца сада, и там ты найдешь на реке лодку. Она вывезет тебя отсюда так,

что ты сможешь вернуться и спасти тех, кто живет одной надеждой на твою помощь. Только тебе придется взять с собой вот это.

Существо распростерло руки, и свет, исходящий от них, коснулся яблок, которые тут же упали с ветки и подкатились прямо к ногам молодого герцога.

— Это Яблоки Вечной Молодости, и тот, кто вкусит их, никогда не постареет, а останется навсегда молодым. Береги их как зеницу ока, ибо, когда ты вернешься, они сослужат тебе добрую службу.

Произнеся эти слова, Существо исчезло, а Юон остался один с Яблоками Молодости у своих ног. Теперь его сердце было преисполнено печали за своих любимых, и ему больше не хотелось оставаться в волшебном саду. Возвратившись к фонтану, он вновь облачился в доспехи, нацепил португепю с мечом и надел шлем. Затем, завернув яблоки в накидку и взяв отрубленную ногу грифона, он прошел сад и спустя некоторое время вышел к реке, на волнах которой мирно покоилась лодка.

Вырезанная из эбенового дерева и слоновой кости, эта лодка — наполовину белая наполовину черная — выглядела весьма необычно. Внутри лежали подушки из камчатного полотна и китайского шелка, такого тонкого, что любой король с гордостью надел бы его на себя.

Оттолкнув лодку от берега, Юон запрыгнул в нее и, взявшись за румпель, повел ее по волнам, при этом искренне надеясь, что рано или поздно снова увидит родное Бордо.

Стремительный поток быстро нес лодку вперед, а Юон ел изысканные яства, запивая их сладчайшими винами, которые обнаружил в ящичках прямо у своих ног. Но по-прежнему на сердце у него камнем лежала грусть, ибо он догадывался, что ему еще предстоит путь во сто крат длиннее, нежели он преодолел до этого.

Немного погода река заструилась между высокими скалами, верхушки которых терялись где-то в темных небесах, образуя нечто вроде крыши. Затем Юон понял, что он плывет по какому-то подземному тоннелю. Темнота вокруг постепенно сгущалась все больше и больше, и герцог понял, что легкий свет, озаряющий ему путь, исходит из самой воды. А спустя некоторое время он, не испытывая никакого страха перед грядущим, лег на дно лодки, смежил веки и погрузился в глубокий сон.

Ему приснилась герцогиня Кларамонда, окруженная серыми камнями и темными металлическими решетками; он видел ее бледное, осунувшееся лицо и руки, протянутые к нему. Затем во сне он услышал ее крик, умоляющий о помощи. Но какая-то могучая сила не давала ему приблизиться к ней, а рот его открывался, не в силах произнести ни слова в ответ.

С трудом избавившись от страшного видения, он проснулся и обнаружил себя в лодке, которая по-прежнему несла его по подземелью. И впервые с тех пор, как он отдался этому потоку, Юон испугался, ибо боялся, что подземелье может оказаться ловушкой и что он больше никогда не увидит белого света.

ГЛАВА 11,

**повествующая о том, как Юон
плыл по подземелью и как снова
повстречался с верным Бернаром**

Наконец в легком свете, исходящем от воды, молодой герцог увидел, как нос лодки уткнулся в преграду из песка и гравия. Не задумываясь, куда вынес его поток, Юон выпрыгнул на берег, чтобы проверить, какие повреждения получило судно. Под его ногами лежало множество камней, сверкающих как огонь, и поэтому он как следует смог разглядеть, что суденышко цело и невредимо. А перед ним всего лишь небольшая запруда.

Чтобы в дальнейшем пути иметь освещение, он стал доставать из песка сверкающие самоцветы и бросать их в лодку, пока на дне ее не образовалась довольно внушительная куча, озаряющая все вокруг подобно фонарю. Затем, поднатужившись, он положил лодку на плечо и вместе с нею преодолел препятствие. Потом он поставил лодку на воду, а течение вновь подхватило ее и понесло их вперед.

И опять он подкрепился и заснул в полной темноте, а когда проснулся во второй раз, то обнаружил себя на открытом морском берегу. Юон поднялся и, сложив ладонь козырьком, приложил ее к глазам. Вдали он увидел стены, башни и пристани какого-то города. Тогда Юон поднял парус, и ветер быстро донес его судно до города, с зубчатых стен которого свисало множество флажков и вымпелов, словно там отмечали какой-то великий праздник.

Лодка Юона подошла к одному из причалов, и люди, столпившиеся на берегу, изумились при виде его столь богато украшенного судна. Они окликнули Юона и спросили, кто он и откуда. Разговорившись с этими славными людьми, Юон узнал, что прибыл на персидские земли в город Тавриз, где ныне царствует великий шах, который объявил праздник в честь Иисуса для всех новоприбывших, ибо шах совсем недавно принял христианство.

Узнав, что он прибыл в христианскую страну, Юон громко возблагодарил Господа и решил пойти прямо к шаху, чтобы попросить у него помощи. Но, перед тем как прийти во Дворец и предстать перед шахом, Юону довелось испытать великое и очень радостное происшествие.

После того как Бернар доставил Кларетту в Клуни и оставил на попечение аббата, он задумал отыскать своего господина, где бы тот ни находился, чтобы рассказать ему о несчастье, постигшем Бордо. Поэтому он сел на корабль и отправился на восток.

Сначала он попал в Яффу, где стал расспрашивать всех крестоносцев, купцов и мореплавателей в далекие земли, нет ли каких-нибудь известий об его господине. Но ни один человек даже не слышал об Юоне. Из Яффы Бернар отправился в Иерусалим, но и там ему не улыбнулась удача. Наконец он отправился в Каир, проделав долгое и полное опасностей путешествие. И, расспрашивая купцов о вестях из далеких заморских стран, он случайно повстречал одного французского торговца, который поведал ему следующее:

— Друг мой, совсем недавно я слышал, что персидский шах обратился в нашу веру. И в честь нашего Господа он объявил в Тавризе праздник для всех новоприбывших. Со всего света туда немедленно отправились купцы со своими товарами, и я не сомневаюсь, что среди такого скопища людей ты обязательно что-нибудь узнаешь о своем господине. Сам же я снарядил туда караван, и, если хочешь, можешь ко мне присоединиться.

Это предложение показалось Бернару правильным и мудрым. И, перейдя пустыню вместе с караваном, он очутился в Персии, а потом пришел в Тавриз в самый разгар празднества. Там он отправился на берег, чтобы снова опросить моряков, недавно прибывших в порт. И он не терял надежды, ибо еще с набережной увидел целый лес мачт и очень много чужеземных кораблей, бросивших якорь в этих водах.

Совершенно случайно он зашел на пристань, где узнал о чужеземном рыцаре, прибывшем в Тавриз на удивительной лодке. Тогда Бернар двинулся прямо к лодке, надеясь, что чужестранец что-нибудь расскажет ему о Юоне. И там он увидел Юона, но не смог узнать его, ибо рыцарь был полностью облачен в доспехи, а на голове его был шлем с опущенным забралом.

Но Юон, узнав Бернара, громко и радостно воскликнул:

— Бернар! Бернар из Бордо!

И славный оруженосец отвечал:

— Истинная правда, перед вами стоит Бернар из этого несчастного города. Но я не знаком с вами, сир.

Юон быстро поднял забрало и открыл лицо. Бернар при виде господина с радостным воплем упал на колени и возблагодарил Господа, что тот наконец привел его сюда после столь долгого и утомительного путешествия. А потом он поведал Юону, какое несчастье постигло город с тех пор, как его господин уехал за помощью.

Но Юон, уже знающий все от Существа в волшебном саду, воспринял это спокойно. А потом обратился к своему верному оруженосцу:

— Храбрый юноша, у нас с тобой сильные руки, а в них — крепкие мечи, и с Господней помощью мы обязательно восставим справедливость. Теперь же нам надо раздобыть золота, чтобы вернуться во Францию.

Пока его господин говорил, Бернар заметил сильный свет, исходящий из сундука, стоящего у ног герцога. И он спросил господина, что находится в этом сундуке. Юон ответил, что там камни, найденные им в песках подземной реки, а потом поведал Бернару обо всех своих странствиях.

Оруженосец открыл сундук и, увидев, что лежит внутри, вскричал от изумления:

— Там же самые великие сокровища мира! Это же драгоценности, утерянные эльфами, и я очень много слышал о них и читал в старинных хрониках! Говорят, что эти драгоценности способны превратить ночь в день и обладают еще очень многими волшебными качествами.

Затем он вытащил из сундука с одеждами пурпурный аметист.

— Того, кто носит этот камень с собой, невозможно отравить, даже если он испьет из кубка, до краев наполненного самым смертоносным ядом. К тому же, имея его у себя, можно

пройти сквозь пламя и воду, не причинив себе никакого вреда. Если же человек носит с собой вот это... — Бернар показал Юону изумруд, сверкающий подобно звезде, — ...он никогда не испытает ни голода, ни жажды. Еще он не подвергается разрушительному влиянию времени, этому вечному врагу человека.

— Этот изумруд залечивает любые раны, а если приложить его к глазам, то он возвращает зрение слепому. А этот рубин побеждает все телесные недуги. С этими сокровищами вам не нужно бояться даже черной оспы и чумы. Ежели приложить этот камень к оковам пленника, то он разрушает их. И еще он делает того, кто его носит, невидимым для остальных.

— А этот карбункул способен сделать ясной любую ночь, а если носить его с собой во время битвы, то ни один заклятый враг не сумеет дотронуться до вас.

— Вот такими свойствами обладают камни, утерянные эльфами. Это — могущественные сокровища. Если хотите, продайте вот это, — он указал на оставшиеся камни, — но, умоляю вас, сохраните эти пять камней!

— Теперь мне нечего бояться! — ответил Юон, обрадовавшийся такой удаче.

ГЛАВА 12,

**повествующая о том,
как к Юону благоволил сам шах,
и о том, как он собирался плыть
на Святую Землю**

Вместе с Бернаром Юон вошел в Тавриз и отправился во внутренний Двор шаха, который очень удивился, увидев французского рыцаря и его оруженосца так далеко от их родных земель. Однако он весьма учтиво принял Юона и его спутника и стал настаивать, чтобы они приняли участие в празднестве. И когда гости насытили свой голод, он приказал Юону снова предстать перед ним и осведомился у герцога, почему он оказался так далеко от французского королевства. И он подробно рассказал шаху обо всех напастях, обрушившихся на него в последний год.

Шах был глубоко тронут этой историей, поэтому он сказал Юону:

— О, славный герцог, как много горя и печали пришлось вынести твоему сердцу. Будь я снова молод, как раньше, я бы отправился вместе с тобой в Палестину, где ступала нога Господа нашего Иисуса и мы вместе сражались бы за Него, разя своими мечами всех неверных и приверженцев дьявола, которые еще пока остались на этой земле. Таким образом, сражаясь Его именем, я бы очистился от скверны всех своих грехов, а после отправился бы за море, чтобы разбить вероломного императора, который поступил с тобой так подло и бесчеловечно!

Юон поблагодарил шаха за столь искренние слова и молвил в ответ:

— О, благочестивый шах, мое сердце переполняется радостью от ваших слов. Ибо вырваться из нечестивых лап неверных — это воистину доброе и славное дело, и если мне удастся справиться с этим, тогда я не сомневаюсь, что Господь наш Иисус споспешествует моим усилиям снова освободить Бордо.

С этими словами он развязал узел, стягивающий его мантию, и стал вытаскивать оттуда Райские яблоки, лежавшие в ее складках. Они сверкали подобно солнцу, и в зале тотчас же стало светло. Одно из яблок он положил перед шахом, который взял его, изумленный его хрупкой красотой.

А Юон с улыбкой молвил:

— Съешьте это яблоко, благочестивый шах, и все ваши желания сбудутся.

Шах глубоко впился зубами в сочную мякоть плода, так, что по его бороде и трясущимся от старости рукам потек сок. Но, как только он начал есть яблоко, спина шаха распрямилась, его борода и волосы потемнели, и спустя некоторое время перед Юоном стоял человек в расцвете своей молодости. Все присутствующие вскричали от изумления, спрашивая у Юона, где он раздобыл эти волшебные плоды. Поэтому Юон рассказал им о Райских Яблоках и о сверкающем Существо, которое он повстречал в волшебном саду.

Еще Юон подарил шаху несколько драгоценных камней, найденных им в подземной реке, но не из тех, что были утеряны эльфами волшебной страны, и отдал ему лодку, доставившую его в Тавриз. И все не смогли сдержать изумления от таких щедрых подарков.

А Бернар оправил волшебные самоцветы в золото и вставил в пояс, на котором его господин носил меч, чтобы они никогда не расстались с ним, ибо он истово верил в их магические свойства.

Шах созвал изо всех уголков своей страны воинов. И не прошло много времени, как они собрали целое войско не меньше, чем у Алеманского императора. Половиной войска командовал Юон, а второй — сам шах. И они выехали к Святой Земле — Палестине.

После долгих боев они захватили Ангору, где посекали множество сарацинов и неверных. Но, чтобы добраться до их будущей цели, из Ангоры им надо было плыть на корабле, чтобы переплыть море. Небо заволокло грозowymi облаками, угрожающе нависшими над их головами. Все говорило о том, что зревает жестокая буря. И поэтому все корабли разметало по морю, а корабль Юона нашел себе пристанище в бухте за скалой, возвышающейся прямо из моря.

Юон пристально глядывался в вершину горы, размышляя, что, забравшись на нее, он смог бы хорошо разглядеть, как пройдет буря и смогут ли их корабли долго укрываться в бухте. И, несмотря на громкие протесты спутников, он стал взбираться на скалу.

Оказавшись на ее вершине, он обнаружил, что она совершенно плоская, квадратная и голая, если не считать стоящей на ней огромной бочки, окованной железом. А рядом с этой бочкой лежал металлический молот немалых размеров и явно огромного веса. А из бочки доносился голос рыдающего или стонущего человека.

Юон подошел к бочке и ударил по ней кулаком, тем самым отзываясь на голос пленника, томящегося внутри. И голос ему отвечал:

— Если ты простой смертный, то ты явился вовремя, чтобы спасти меня. Знаешь ли ты, что я — Каин, в гневе убивший своего брата? И за это прегрешение я запечатан здесь, чтобы жить до конца отмеренного мне времени. Но если смертный человек возьмет этот молот и ударит по верху этой отвратительной бочки, я смогу выбраться оттуда и присоединиться ко всем демонам преисподней, которая страстно желает принять меня к себе. И тебе не удастся уйти отсюда, пока ты не сослужишь мне эту службу!

Юон отошел от бочки и, подойдя к покатоу спуску скалы, посмотрел вниз на бухту. Там он увидел корабли, а на них — своих людей, которых уже подхватил штормовой ветер и выносил в бушующее море. А Юон остался один наверху. Тогда он вернулся к бочке и крикнул:

— Эй, Каин, ты знаешь, как отсюда выйти. Так расскажи мне это, и я выполню твое желание. Я уже держу в руке молот.

И с этими словами он с размаху ударил молотом по скале так сильно, что загрохотал металл.

— Сперва освободи меня, — начал Каин, но Юон громко рассмеялся и ответил:

— Ни за что. Ибо я тебе не доверяю ни на йоту. Сперва расскажи мне, как выйти отсюда, иначе я поступлю так, как считаю лучшим.

И Каин, испугавшись, что Юон исполнит свое обещание, поспешно ответил:

— Внизу в море ожидает корабль, управляемый демоном. Когда я стану свободен и спущусь вниз, мне останется лишь показать ему молот, который ты держишь в руках, и он перевезет меня через моря туда, куда я пожелаю.

Услышав эти слова, Юон легонько стукнул по бочке и произнес:

— Огромное тебе спасибо, Каин. А теперь я проверю, правдивым ли оказался твой рассказ.

— Освободи меня! — заорал Каин.

— Ни за что! Ибо ты попал в тюрьму по воле нашего Господа, и ты еще не встретил человека, который освободит тебя до наступления должного часа.

Тогда, обуреваемый неистовым гневом, Каин проревел все свои черные мысли:

— Даже если бы ты освободил меня, как я просил, я разорвал бы тебя на кусочки, ибо меня переполняет ненависть ко всему человечеству!

— Вот в это я верю, — заметил Юон и с молотом в руке спустился с зловещей горы.

ГЛАВА 13,

**повествующая о том, как Юон
переправлялся через море вместе
с демоном и какой зловещий сон
ему приснился после**

Когда Юон спустился с горы, он обнаружил тропинку, которая привела его в тесную пещеру, где на якоре стояло судно, алое, как адское пламя, с парусами черными, как ночные грехи,

и капитаном которой оказался грозный демон с таким злоеющим лицом и фигурой, что Юон даже отвел глаза, чтобы не выказать ему своего страха.

Демон, посмотрев на герцога, громко заорал ревушим басом, от которого дрогнули скалы:

— Привет, Каин, неужели это ты собственной персоной? Много тысяч лет я ждал твоего появления. А теперь покажи-ка мне особый знак, по которому я узнаю, что это ты, а потом я переправлю тебя через море, чтобы ты смог творить любое зло в этом проклятом мире смертных!

И Юон, обрадованный не только тем, что не вызволил на свободу Каина, но и тем, что не навлек этим несчастья на людей, высоко поднял молот и взошел на палубу.

И демон в то же мгновение обрубил найтовы, крепко удерживающие судно, и своей когтистой рукою взялся за штурвал. Неизвестно откуда налетевший ветер надул черные паруса, и корабль понесся по морю туда, куда его уносили пенистые волны. Целую ночь они плыли неведомо куда и не произнесли друг другу ни слова. Они плыли так быстро, что уже утром Юон увидел красивую гавань с великим множеством судов, стоящих на якоре. Его сердце подпрыгнуло от радости, когда среди них по флагам он узнал корабли, на которых находилось войско шаха.

Повернувшись к демону, он впервые за все время произнес:

— Бросай-ка свой чертов якорь вон там, у песчаной отмели, где собрались вооруженные люди. А я уж позабочусь о том, чтобы на их головы свалилась беда!

Демон злоеюще расхохотался и захлопал в ладоши от удовольствия, так понравились ему эти слова. И он с готовностью повиновался и, ловко направив судно прямо к песчаной отмели, бросил якорь. Затем гнусно хихикнул и сказал:

— Ты верой и правдой послужишь нашему господину, Каин. Когда я доберусь до Ада, то сообщу ему о тебе самое хорошее. Но особенно здесь не задерживайся, хотя и я понимаю твою жажду уничтожить побольше людишек. Потому как для тебя есть другое дело.

Юон спрыгнул на берег, а демон вместе с судном тотчас же исчезли вдаль, оставив герцога одного возле моря. Тогда он двинулся по отмели и шел до тех пор, пока не добрался до военного лагеря шаха. И все с радостью и изумлением приветствовали его, после чего, затаив дыхание, выслушали все, что с ним произошло.

После прибытия молодого герцога войско шаха взяло осадой город Коландер, во время которой Юон проявил чудеса храбрости и военного мастерства. Враг в испуге убежал с поля боя целыми отрядами. После чего войско шаха проходило вперед.

Так они победным маршем добрались до Антиохии, Дамаска и наконец — до Иерусалима, где Юон преклонил главу перед могилой Господа нашего Иисуса Христа и помолился за победу своей армии, безопасное возвращение в Бордо и освобождение его от всех бед.

Тем временем отряды сарацинов собрались в одно огромное войско, которое остановилось на равнинах за Иерусалимом. Они решили больше не бежать, а встретиться с врагом лицом к лицу в одной последней битве. И к эмиру, командующему этим войском, пришел великан Дорбрай. Ростом он был выше двоих человек, а изо рта его торчали гигантские клыки, похожие на клыки дикого вепря, обитающего в лесной чащобе. Его меч был длиною со взрослого мужчину, а щит — величиною с городские ворота. Конь, на котором он прискакал, был размерами с буйвола, и когда он дышал, из его пасти вырывались дым и пламя.

Великан, позванный на помощь эмиром, потребовал от того встретиться с Юоном в поединке, и эмир даровал ему это право. Поэтому, когда началось сражение, Дорбрай первым ринулся в драку, повсюду выискивая молодого герцога, и с каждым взмахом своего меча он разрубал пополам человека или коня.

Бой был настолько жестоким, что солнце скрылось от стрел, летящих над головами сражающихся, а из-за пыли, выбиваемой копытами коней, поднялся такой туман, словно наступили сумерки.

И в этой полутьме Дорбрай наконец обнаружил Юона и, прежде чем герцог успел сделать движение, великан одним ударом разрубил его коня, а второй рукой поднял французского рыцаря ввысь и перебросил его через свое седло. Тут-то Юон и решил, что настал его смертный час, и он громко взмолился о помощи. Земля под ногами коня Дорбрая была усеяна трупами, и конь внезапно спотыкнулся и упал, и великан с Юоном вылетели из седла.

Юон первым вскочил на ноги, и прежде чем Дорбрай успел подняться, герцог ударил его копьём прямо в незащищенное горло и убил великана. Затем Юон вскочил на его коня и поскакал обратно в самую гущу сражения. И никто не смог даже коснуться Юона, из-за его высочайшего боевого искусства и из-за волшебных самоцветов, зашитых в его пояс.

Наконец армия сарацинов с позором бежала, и персияне вышли из этой сечи победителями. Они разбили палатки возле реки и всю ночь пировали победу, наслаждаясь рассказами о своих ратных подвигах.

Утром они бросились в погоню за бежавшими сарацинами и преследовали их аж до самой Акры, где нашел себе убежище эмир. Он рассылал оттуда гонцов ко всем неверным, прося тех о помощи. Несколько гонцов попали прямо в руки персиян, и, узнав от них известия, которые те несли с собою, Юон обратился к шаху:

— Мой господин, благодаря вечной милости Господа нашего Иисуса мы совершили много великих деяний, освободили множество людей из Палестины от законов неверных. Однако пока мы совершали наши подвиги, мы потеряли многих славных бойцов, а Персия сейчас от нас очень далеко. Поэтому мы не можем надеяться на помощь оттуда. А если эмир отправил повсюду послания с просьбой о помощи и если на них откликнется хотя бы самая малая толика людей, то наши враги сровняют нас всех с землею и превратят в дорожную пыль. Посему с нашей стороны было бы мудро довольствоваться тем, что мы уже взяли, и не поддаваться алчности в поисках большего.

И все присутствующие при этом разговоре громко поддержали этот мудрый совет, и в конце концов персидский правитель согласился, что так поступить будет правильно.

Но этой ночью Юон видел зловещий и ужасный сон. Словно наяву он стоял на широкой площади какого-то города без крепостных стен. Там же разожгли костер, чтобы предать огню какого-то преступника. И пока он наблюдал за приготовлениями к аутодафе, из города вышла длинная процессия людей, волочащих свою жертву для сожжения. И, приглядевшись, он увидел, что тот, с кем так жестоко обращались эти люди, оказался вовсе никаким не преступником. Этим человеком была его красавица жена!

Он проснулся с криком ужаса и отчаяния и побегал прямо к шаху, чтобы рассказать ему о своем видении. Юон сказал, что он должен как можно скорее возвращаться во Францию, чтобы этот страшный сон не оказался вещим.

Шах, услышав его рассказ, застонал, ибо ему не хотелось расставаться с герцогом, однако дал Юону самых закаленных в боях воинов, а в придачу великие богатства. И еще он пожелал ему удачи и защиты Господа. Так Бернар с Юоном снова сели на корабль, отходящий к их родным берегам, но на этот раз их сердца трепетали не от радости, а лишь от страха.

ГЛАВА 14,

**повествующая о Кларамонде
и о великой опасности,
подстерегающей ее**

Теперь городом Бордо управлял губернатор, назначенный императором, и он правил там уже целый год. Он взвалил на плечи жителей этого гордого города непосильную ношу, и люди часто вспоминали их герцога Юона и его славную супругу, а в сердцах их горела лютая ненависть к императору. В Бордо по-прежнему остались люди, некогда служившие в герцогском замке и принимавшие участие в его защите от подлого посягательства врага. И вот они собрались вместе и сговорились в нужный час храбро вырваться на свободу.

Однако среди них находился предатель, и он донес о заговоре губернатору. Поэтому под покровом ночи в некоторые дома ворвались вооруженные люди и вытащили из теплых постелей тех, кто осмелился надеяться на лучшие дни. Всех их крепко связали и доставили к губернатору, чтобы быстро осудить их и, заковав в тяжелые цепи, отправить в Майнц, где единственным их будущим станут виселицы и крепкие веревки.

Это печальное известие дошло до аббатства Клуни, где настоятелем служил любимый дядя герцога, который теперь стал защитником и воспитателем его дочери. Он тотчас же собрал рыцарей, которые несли службу в Клуни. Почтенный аббат приказал им выслать своих людей вперед, чтобы те устроили засаду на императорских солдат и освободили приговоренных к смерти.

Все случилось так, как и намечал аббат. Императорские солдаты потерпели полное поражение, а их командир, барон из личной свиты императора, был убит. А освобожденные бордосцы пришли в Клуни просить убежища и защиты у старого аббата. Заодно они разработали множество хитроумных планов на тот день, когда они снова смогут войти в свой город с победой.

Когда плохие известия дошли до императора, он чуть не задохнулся от ярости и пребывал в оцепенении до тех пор, пока не заорал:

— Эти проклятые бордосцы — упрямые, неподдающиеся дьяволы! Я думаю так. Пока жив хотя бы один человек из дома Юона, они не перестанут бороться против меня и будут подни-

мать свои чертовы головы снова и снова! Посему я должен положить этому конец раз и навсегда. Сам Юон, разумеется, погиб где-нибудь в море, иначе он давным-давно бы уже вернулся на запах моей крови, как охотничий пес за добычей. Поэтому давайте выведем герцогиню Кларамонду за городские стены и там сожжем ее как изменницу, а всех, кто остался в Бордо, мы просто повесим!

И ни один человек из его окружения не смог бы отговорить его от этого злодеяния или хотя бы смягчить приговор.

И вот за стенами города разложили огромный костер из сухого дерева, именно такой, какой Юон видел в своем кошмарном сне. Скоро рядом с ним вырос целый лес из виселиц, чтобы повесить на них тех бордосцев, кто остался в живых после падения города.

В назначенный день герцогиню Кларамонду и ее людей вывели из тюрьмы и повели навстречу их несчастной судьбе. Они являли собою такое печальное зрелище, что жители Майнца громко протестовали против жестокости своего правителя-императора, утверждая, что на город или страну, совершившую такое отвратительное деяние, обязательно обрушится кара небесная и все прочие беды. И неважно, кто уготовил им такую участь! Люди запирали на засовы двери и окна и сидели дома в темноте печали, молясь за свои души и души тех, кого ожидала ужасная смерть.

Случилось так, что императорский наследник герцог Гильдеберт ехал на коне в Майнц и увидел жителей Бордо во главе с их герцогиней. На ногах их гремели тяжелые оковы, и герцог понял, что их ведут на казнь. И он спросил у стражников, в чем дело. Когда ему рассказали правду, он, преисполненный печали и ужаса, пришпорил коня и галопом прискакал к императору. Представ перед ним, молодой человек громко сказал:

— Ваше величество, именем Господа нашего, умоляю вас не делать этого! Ибо если эта прелестная дама и ее люди умрут, как вы приказали, то ваше имя войдет в историю, а люди будут вспоминать вас как самого ужасного и отвратительного человека на свете! Если между вами и герцогом Юоном возникла смертельная вражда, то преследуйте его, а не беззащитных женщин и узников, сдавшихся на вашу милость. Пощадите же их ради истинного милосердия!

Но ненависть полностью ослепила императора, а сердце

его стало твердым, как камень, когда он выслушивал просьбу Гильдеберта. Поэтому он холодно ответил молодому человеку:

— Дорогой герцог, вы, верно, забыли, с кем разговариваете. Если вы не заставите ваш глупый язык замолчать, то это может закончиться для вас так же, как и для тех изменников.

И когда Гильдеберт запротестовал опять, его друзья силой увели его, чтобы император сгоряча не выполнил свою угрозу.

А тем временем все бордосцы, будь то рыцарь, будь то простолудин, подходили к виселицам. На их шеи уже набросили пеньковые веревки. Герцогиню Кларамонду крепко привязали к столбу и вокруг нее набросали сухих веток...

В то же самое время король Оберон устроил веселую пирушку для своей родственницы, бесподобной и несравненной леди Морганы, и все неистово веселились вокруг, кроме самого Оберона, сидевшего с поникшей головой и печальным выражением лица, пока сама леди Моргана не обратилась к нему со словами:

— Что с тобой, мой прекрасный кузен? Вокруг все веселятся и резвятся от души, а ты сидишь здесь в одиночестве, тоске и печали. Что с тобой происходит, дорогой?

Медленно и меланхолически Оберон ответил:

— О, прелестная кузина, больше всех моих родных и друзей, живущих в нашей сказочной стране, я люблю Юона, герцога Бордоского. Моим клятвенным обещанием я сделал его своим наследником, чтобы после меня он правил в этом дворце до скончания дней своих, ибо он — простой смертный. И из-за этого по нашим законам я не имею права прийти ему на помощь, так что ему придется обойтись собственными силами. А теперь ты посмотри, что случилось с той, которую он любит больше всех на свете!

И он указал на зеркало, висевшее на стене залы. Зеркало тотчас же затуманилось, и когда оно опять прояснилось, то взору леди Морганы предстало все, что творилось на равнине перед стенами Майнца. Увидев это жуткое зрелище, рыцари-эльфы Глориан и Малаброн резко поднялись со своих мест и подошли к Оберону. Они опустили перед ним на колени и стали умолять. Малаброн говорил за обоих:

— Ваше величество, это правда, что по законам нашей страны вы не можете протянуть руку помощи этой благородной женщине. Но мы-то не связаны этими законами. И хотя наше могущество слабее вашего в десять, а то и в сотню раз, мы все

равно сильнее любого смертного. Позвольте нам пойти и помочь герцогине Кларамонде!

С некоторой тенью надежды Оберон согласился на их предложение, и оба рыцаря эльфа тотчас же исчезли.

А герцогиня Кларамонда испуганно взирала на охваченную огнем ветку, которую палач положил прямо к ее ногам. И тут совершенно внезапно небо над Майнцем разверзлось, и вниз опустился столб неземного огня, и из него в полном вооружении выскочили рыцари-эльфы, готовые к смертельной схватке.

Своей волшебной силой они превратили оковы бордосцев в пыль, и жители Майнца чуть не ослепли от этого сияния. Когда им удалось снова посмотреть на происходящее, то они увидели, что Кларамонда и ее люди стоят целые и невредимые на свободе, истово благодаря Высшие Силы за свое освобождение.

А император был настолько ошарашен, что приказал отвести пленников обратно в тюрьму и больше не произнес против них ни единого слова.

ГЛАВА 15,

повествующая о возвращении Юона во Францию и о его появлении во дворе императора

Юон тайно добрался до Франции, а затем вместе со своими спутниками проделал долгий путь до аббатства Клуни. И никто не узнал о его прибытии. Почтенный аббат несказанно обрадовался его благополучному прибытию, ибо давно уже скорбел по юноше, считая его мертвым. Потом аббат распорядился, чтобы все монахи возблагодарили Господа за это счастливое событие, и устроил праздник в честь Юона и его людей.

Потом аббат приказал принести Юону его дочурку, и герцог испытал великое счастье, увидев свою дочь в добром здравии. И он горячо возблагодарил дядю за такое бережное к ней отношение. Затем герцог принес сундучок с редкими самоцветами и золотом, которые были отбиты им в бою у сарацинов, и теперь он намеревался передать их дочери в качестве приданого. Он надел ей на шею восхитительное кольцо из рубинов, искусно оправленное в золото, а также одарил щедрыми подарками всех, кто ухаживал за девочкой во время его отсутствия.

При виде дочери огромная радость вновь охватила его, и в порыве чувств он повернулся к старому аббату со словами:

— Дорогой мой дядюшка, мое сердце переполняется любовью к тебе за то, что ты предоставил убежище моей дочери в годину несчастий. А теперь скажи мне и, прошу тебя, не стесняйся, должен ли я тебе что-нибудь за это?

Аббат улыбнулся, и легкая тень пробежала по его лицу, когда он отвечал:

— Нет, мой дорогой сын и родственник, ни один человек на свете не способен выполнить того, что я желаю. Мой мир — в стенах аббатства, и это добрый мир. А то, чего бы я хотел, для тебя недостижимо, как и для любого другого человека. Ты только взгляни на меня. Я уже старик, и годы дают о себе знать, оставляя на моем челе свои неизгладимые следы. Поэтому никто не сможет вернуть мне молодость и былую силу. Зима лет моих искривила мои старые кости и истощила мою плоть. Кто же сможет снова вернуть мне пору весеннего цветения?

И тут глаза Юона засверкали от счастья, и он приказал, чтобы ему скорее принесли плащ, где хранились самые ценные из его сокровищ: райские яблоки. Достав яблоко, он положил его перед дядей и попросил его съесть сочный плод.

Старый аббат немало удивился странной просьбе племянника, однако выполнил ее. И, как только он начал есть, с ним стали происходить удивительные вещи. Он больше не казался стариком, согбенным от бремени прожитых лет. И вскоре перед всеми стоял высокий и статный мужчина в расцвете своей молодости. Все присутствующие в зале замерли при виде такого чуда. А потом Юон поведал дяде, как к нему попали эти яблоки, а также рассказал о своих странствиях.

Всякий раз, глядя на дочь, Юон собирался отправиться в Майнц, где он смог бы с помощью Господней освободить всех, кто доверился ему, а главное — самого любимого человека на свете: герцогиню Кларамонду. Ибо от одной только мысли, что его жена пребывает в опасности, его сердце чуть не вырывалось из груди.

Он выдавил сок из ореховой скорлупы и густо вымазал им лицо и руки, а потом распустил волосы по плечам. Сняв сверкающие доспехи, оставил на себе лишь пояс с защитными в него драгоценными камнями. Поверх он надел поношенное тряпье пепельно-серого цвета, чтобы походить на паломника. В таком

виде он мог ходить от одного дома к другому и спрашивать дорогу.

Бернар поступил точно так же, и теперь никто не сумел бы узнать его. И в этих затрапезных плащах они отправились в Майнц, чтобы успеть туда к пасхальной неделе. В это время город заполнили пилигримы, пришедшие туда, чтобы поклониться святым мощам. От них Юон и узнал печальное известие.

Оно заключалось в том, что по окончании пасхальной недели император торжественно поклялся в присутствии всей знати, что казнит всех бордосцев, а вместе с ними и герцогиню Кларамонду. От этих слов у Юона похолодело в груди. Бернар настойчиво просил Юона, чтобы тот отправил его обратно в Клуни, чтобы Бернар привел с собою в Майнц подкрепление, при помощи которого они смогли бы сделать отчаянную вылазку, чтобы освободить герцогиню.

Но Юон ответил отрицательно, ибо он постоянно думал об услышанном от паломников известии, и в его сердце все-таки затеплилась крохотная надежда.

— Мы очень долго воевали, — сказал он Бернару. — И убили очень многих людей. Но эти люди были язычниками и не относились к нашей расе и вере. Если мы пойдем на императора с обнаженными мечами, то разразится жесточайшая война и погибнет много ни в чем не повинных людей. Поверь мне, друг, от этого никто не выиграет. Так успокой свою горячую кровь и выслушай меня. По традиции император приходит на мессу и по ее окончании обещает тому, кто первый попросит его о любом благодеянии, обязательно выполнить его, ибо сам он поклянется в этом перед алтарем.

Так вот я и задумал ночью пробраться в церковь и занять там место рядом с тем, где утром будет стоять император. И если Богу будет угодно, то первым, кто попросит его о благодеянии, окажусь я. И император не осмелится отказать мне, если он не хочет нарушить клятву на глазах христиан со всего мира!

И Юон сделал, как задумал. Он снова облачился в одеяние титулованного рыцаря, только не привел в порядок волосы и не вымыл лицо и руки. И поверх всего надел плащ нищего. Затем он вошел в собор и спрятался неподалеку от того места, где будет стоять император. Там он и провел остаток ночи, истово молясь Господу об успехе своего предприятия.

Ранним утром император вместе с придворными явился послушать мессу и краем глаза заметил нищего, стоящего в тени, а в самом начале мессы Юон вытащил из-под плаща четки. Бусины на этих четках были вырезаны из драгоценных камней в золотой оправе, а крест сделан из слоновой кости. И император, очень любивший драгоценности, когда увидел четки, страстно захотел завладеть ими. Поэтому, когда месса закончилась, он не сдвинулся с места, а поманил к себе Юона.

— Откуда у тебя такое сокровище, паломник? — спросил он.

— Из далеких земель, ваше величество, и я получил эти четки из рук самого папы римского.

С этими словами Юон поднес четки к глазам императора, которые загорелись от жадности.

И тут герцог решил поставить все на карту и произнес:

— Ваше величество, в Майнце поговаривают, что в пасхальное утро вы обещали исполнить любое желание того, кто первый попросит вас о нем. Неужели это правда?

Удивленный император отвечал:

— Да, паломник, это сущая правда!

— Тогда я попрошу вас об одном благодеянии, ваше величество!

Эти слова Юон произнес не голосом смиренного паломника. Он сказал их громко, с гордо поднятой головой, и они звонко прозвучали на весь собор.

— Что ж, проси меня о чем пожелаешь, — медленно промолвил император, ибо уже чувствовал, что за словами незнакомца скрывается нечто большее, чем простая просьба.

— Освободите герцогиню Кларамонду и всех бордосцев, томящихся в тюрьме по вашей воле и поклявшихся мне в вечной дружбе!

Захваченный врасплох император вздрогнул, и его лицо стало белее свежевывавшего снега.

— Кто ты, дерзкий человек, который посмел просить у меня такое?

И тут Юон сбросил с себя плащ нищего и откинул назад волосы. И хотя лицо и руки его были грязны, император смог разглядеть правильные черты его лица и тотчас же понял, что разговаривает с принцем по плоти и крови. А юноша чистым и звонким голосом произнес:

— Я — Юон, герцог Бордоский!

ГЛАВА 16,

**повествующая о том, как Юон
заключил мир с императором
и принимал посланца короля
Оберона**

Император был настолько изумлен, что на некоторое время лишился дара речи. И пока голос возвращался к нему, он вспоминал о клятве и понял, что должен выполнить желание Юона. А молодой герцог произнес:

— Мы пролили много крови, ваше величество. Но знайте, я провел этот год в лишениях и отчаянии. И, попав на Святую Землю, сражался, чтобы освободить Могилу Господа нашего Иисуса от осквернения ее нечестивцами, и там же помолился, чтобы Бог простил мне все мои прегрешения. Посему я смиренно прошу вас: давайте заключим мир и в день Воскресения Господа нашего перед этим святым алтарем поклянемся в вечной дружбе.

От этих слов словно камень упал с души императора и суровые морщины его разгладились. Заметив это, Юон воспрянул духом и продолжил:

— С самого рождения я был преданным вассалом короля Франции. Но в час моей жесточайшей нужды он не пришел ко мне на помощь, не послал ко мне ни одного человека с оружием в руках. Поэтому я вправе заявить, что моей присяге ему на верность пришел конец и я больше не стану преданно служить ему. А Бордо, будучи небольшой страной, не сможет выстоять в одиночку. Поэтому я прошу вас, сир, пусть Бордо станет частью земель, принадлежащих вашей короне, и дозвоьте мне преданно служить вашему величеству!

Растроганный до глубины души император поднял Юона с колен и пожаловал его поцелуем. И все окружающие возрадовались, ибо поняли, что в это мгновение несчастьям и горю наступил долгожданный конец.

Император распорядился устроить пышный праздник, и эта радостная весть дошла до тех, кто томился в его темницах. Среди них была и герцогиня Кларамонда. И когда Юон заключил ее в объятия, он зарыдал от счастья и громко возблагодарил Небеса за ниспосланное ими благодеяние.

Из внутреннего кармана плаща он достал третье — последнее — райское яблоко и, положив его на серебряное блюдо, преподнес его императору. Яблоко светилось золотом, и от него исходил сладчайший аромат, словно в зале возжигали благовония. Потом герцог Бордоский поведал всем окружающим историю волшебного плода, после чего император съел его. Его седые волосы тотчас же потемнели, а лицо стало пухлым и розовым, как у красавца-юноши. От этого зрелища все придворные вскричали от изумления, а император испытал неведомую доселе радость. После Юон и его спутники отправились домой, и их с любовью провожал весь алеманский народ.

Все Бордо радостно встречало бывших узников. А Юон вместе с женой и дочерью стали жить-поживать в мире и спокойствии. Но это продлилось совсем недолго.

Ибо в самом конце года под покровом ночи в Бордо прискакал рыцарь с огромным числом воинов. Никто не заметил их прибытия; казалось, что они появились прямо из-под земли. И они скакали не останавливаясь, пока не въехали во внутренний двор замка.

Услышав о приезде этого рыцаря, Юон вышел вперед, чтобы встретить его со всеми почестями. Когда рыцарь поднял забрало, Юон узнал в нем Малаброна из королевства эльфов, с которым они познакомились прежде.

Но лицо Малаброна было печальным и усталым, и Юон тотчас же догадался, что гость прибыл с нехорошим известием. Герцог усадил его во главе стола и предложил ему хлеб и вино. Но Малаброн отказался и сказал:

— Достоправный герцог, мой господин король Оберон отправил меня сюда с этим посланием. Настало время, когда вы должны отправиться в страну эльфов, что в Раю, как это было предсказано еще при вашем рождении. Поэтому король Оберон наказал вам и вашей жене как можно скорее явиться к нему, чтобы он мог передать вам свое королевство, прежде чем он покинет его...

С низким поклоном Юон отвечал:

— Сир, мне ничего не остается, как послушаться приказа вашего господина. Так расскажите же мне, какой дорогой я должен добираться до вашей страны.

И Малаброн ответил:

— Утром ровно через день вы с женой отправитесь к морю, где увидите ожидающий вас корабль. Он доставит вас к грани-

цам нашего королевства. Но ни в коем случае не задерживайтесь, ибо наш господин очень слаб и ему не терпится навсегда покинуть нас.

И, передав послание, Малаброн исчез из зала так, будто вообще там не появлялся. Тогда Юон позвал к себе аббата из Клуни и Бернара, чтобы рассказать им о наказе Оберона, которого он не смел слушаться. И он закончил свою речь такими словами:

— Поскольку мое будущее королевство находится не на земле смертных, мне больше не доведется ходить среди людей или сидеть в бордоском замке. Но моя дочь Кларетта — наследница моего замка и всего герцогства, и я вверяю ее вашим заботам. Берегите же ее как зеницу ока, а ее наследство охраняйте до тех пор, пока она не станет взрослой женщиной. И проследите, чтобы дворянин, который женится на ней, был достойным человеком и принес ей только счастье, как она того заслуживает!

Услышав эти слова, аббат и Бернар опечалились и долго упрасивали Юона не покидать их. Но они понимали, что у него нет выбора, ибо он не мог пойти против воли Оберона.

Много слез пролила герцогиня Кларамонда, когда целовала дочь на прощание. А потом она обратилась к мужу:

— Страна эльфов лежит далеко от нашей земли, но любовь материнского сердца обязательно перекинет мост через пролив, разделяющий их. Посему, дочь моя, я не думаю, что мы расстанемся с тобой навсегда!

Затем она сняла нагрудный крест и отдала его аббату, попросив его сохранить его до тех пор, пока девушка не достигнет тех лет, когда сможет с наслаждением носить его у себя на груди.

Так Юон и Кларамонда в последний раз приготовились к отбытию из родного Бордо.

ГЛАВА 17,

повествующая о том, как Юон с Кларамондой морем добирались до королевства Оберона и об их приключении с белым монахом

На рассвете следующего дня Юон с женой попросились с Бордо и всеми, кто их нежно любил. И по пути к воротам Кларамонда сказала Юону:

— Мой дорогой муж, хотя здесь был твой дом, в котором ты родился и возмужал, я не очень сильно любила его, ибо в этом месте мне довелось претерпеть больше страданий, чем радости. Но думаю, что Кларетта будет здесь счастливее нас, потому я и ухожу отсюда с легким сердцем.

И, взявшись за руки, они бодро направились к берегу моря. Там, как и предсказывал Малаброн, их ожидал красивый корабль, искусно изготовленный из хрупких восточных деревьев. Гвозди, которые держали мачты, были из золота и серебра, а паруса — из тончайшего зеленого шелка, как того требовали традиции страны эльфов.

На палубе они не встретили ни души: ни капитана, ни моряков. Но, как только они устроились, паруса внезапно надулись, и корабль понесся прямо в океан. Оба оглянулись и увидели, как стены и башни Бордо становятся все меньше и меньше.

Три дня и три ночи они плыли по волнам западного океана и ни разу не почувствовали опасности. Когда им хотелось поесть, то они находили самые изысканные яства и сладчайшие вина, а как только их клонило ко сну, то к их услугам тотчас же нашлись удобные шелковые постели. В первый день их путешествия они часто вспоминали о разлуке с любимыми людьми, и тогда на их сердца камнем ложилась печаль. Но время летело с быстротою волн, и они чаще и чаще задумывались о том, какой станет их будущая жизнь и какая судьба ожидает их в волшебной стране эльфов, лежащей за границами их брэнного мира.

На четвертый день плавания они увидели впереди землю, которая выделялась на прозрачных водах, словно черное облако. И почти на закате корабль вошел в небольшую гавань, где они и бросили якорь, ибо поняли, что их путешествие подошло к концу. Однако ночью герцогиня Кларамонда не пожелала покидать корабль, где чувствовала себя в безопасности рядом с этим неведомым берегом, к тому же, как ей показалось, совершенно необитаемым.

Она не решалась ступить на сушу даже тогда, когда в вечернем воздухе до них донесся звон колоколов, а это значило, что где-то неподалеку находилась церковь или аббатство. Но Юон с улыбкой промолвил:

— Дорогая, послушай эти колокола и больше ничего не бойся! Ведь звон колоколов — это сигнал для всех христиан, и если мы пойдем на этот звук, то обязательно отыщем славное убежище.

Приободренная словами мужа, она вслед за ним сошла с корабля, и они двинулись в глубь берега, пока не добрались до холма, на котором среди бескрайних зеленых полей расположилось красивое аббатство. Когда они подошли к воротам, звон прекратился, а в небо вспорхнули тысячи белых голубей, которые тотчас же исчезли за стеной.

Когда Юон постучал в крохотное окошечко, ворота распахнулись, и они увидели монаха в совершенно белом одеянии. Монах обратился к ним со словами:

— Входите же, дети мои. И я благословляю Господа нашего за то, что он привел вас сюда и дал нам возможность послужить Божьим созданиям, ибо мало кто навещает нас, а посему нам редко удается проявить христианское милосердие.

Юона с Кларамондой проводили в домик для гостей и принимали с огромными почестями, словно они были августейшей четою. И поскольку их сердца преисполнились благодарностью к милостям Божиим, в полночь они встали и пришли послушать мессу.

И, подумать только, когда месса еще не закончилась даже наполовину, монахи покинули свои места и толпою вышли из часовни. Тогда Юон схватил за рукав одного из них и воскликнул:

— Господин монах, почему вы насмехаетесь над Господом нашим, прослужив лишь половину мессы?

Монах, тщетно пытаясь вырваться, не проронил ни слова в ответ. Но Юон крепко держал его, а свободной рукою перекрестился и произнес:

— Во имя этого благословенного знака я приказываю тебе ответить, что вы за монахи и почему прервали мессу?

Когда Юон перекрестился, монах задрожал всем телом, словно охваченный холодным ветром. Но все-таки ему удалось поднять руки и откинуть назад капюшон. И Юон с Кларамондой смогли посмотреть ему прямо в лицо.

И они увидели, что оно было темным и печальным и вовсе не походило на лицо смертного, и на челе его застыла скорбь, неведомая ни одному живому. Увидев это, Юон схватил монаха за другой рукав и осведомился в третий раз:

— Кто ты — человек или демон? Или ты — один из жителей страны эльфов?

И тогда монах ответил:

— Я не человек и не демон, и мы не живем в волшебном королевстве. Мы не живем ни в королевстве эльфов, ни в Аду,

ни на земле. Мы те, кто некогда занимали высокое положение на Небесах. И когда гордый и своенравный Люцифер восстал против нашего Господа, мы не обнажили против него меч и не присоединились к ангельскому воинству. Посему нас выслали с Небес в эту страну, которая лежит между миром смертных и тем, что находится за его пределами. Это страна находится ни наверху, ни внизу. И мы обязаны жить здесь до Судного дня. И если потом мы выйдем отсюда целомудренными и безгрешными и с сердцами, преисполненными радости, сможем гордо помолиться Господу, то, может быть, мы снова попадем в наш дом, которого мы лишились. Но это утомительное ожидание лежит на нас, подобно клейму, и нам не остается ничего, кроме вечного раскаяния, что объединяет нас все эти бесконечные годы!

И тогда Юон снова перекрестился. И когда он заговорил, его голос сотрясаясь от жалости.

— Если молитвы простых смертных смогут помочь вам, тогда знай же, что мы будем вечно вспоминать о тебе, друг мой. И да воцарится между нами мир и согласие.

И, когда монах дважды опустил голову, единственная слеза выкатилась из его глаз.

— Ваш мир будет для нас подобно дождю, упавшему на выжженную солнцем землю. Я с радостью оставил бы вас здесь, но эта срединная страна не подходит для вас. Ибо за ней лежит ваш бранный мир, а впереди — страна эльфов. Зачем вы туда направляетесь?

Юон, взяв Кларамонду за руку, ответил:

— Это моя жена — герцогиня Кларамонда, а я — Юон, герцог Бордоский из французского королевства. Но сейчас король Оберон строго наказал нам явиться в страну эльфов, где он желает передать нам управление его страной.

Услышав эти слова, монах отвесил низкий поклон.

— Благородные господин и госпожа, вы оказали нам великую честь, явившись сюда. Как только наступит рассвет, я сам провожу вас до того места, откуда вы сможете добраться до ваших владений.

Поэтому, когда первый солнечный луч озарил землю, монах вывел их из Белого Аббатства и провел их между двумя высокими холмами, покрытыми зеленью. И тут они увидели перед собой красивую и приветливую землю, на которой возвышались прекрасные замки и сверкающие стены укрепленных городов.

Но монах не смотрел туда. Вместо этого он закрыл лицо ладонями и произнес:

— Ступайте же вперед к вашим владениям и процветайте там. Ибо перед вами та самая страна, которую вы ищете.

Когда Юон с Кларамондой спускались с холма к этой зеленой стране, озаряемой солнечными лучами, в воздухе громко протрубила труба, возвещающая о прибытии знатных и достойных людей.

ГЛАВА 18,

**повествующая о том, как Оберон
встречал Юона с Кларамондой
в их королевстве**

Юона с Кларамондой радостно встречали в их стране. Как только они прибыли туда, то сразу же отправились в замок к королю Оберону. При виде их он встал и с радостью двинулся им навстречу. Расцеловав герцога и его жену, он произнес:

— Дорогие друзья мои, теперь я ухожу на покой с радостью, ибо вы выполнили свое давнишнее обещание и явились сюда, чтобы забрать у меня тяжкую ношу королевского сана. Поэтому я могу удалиться, чтобы отдохнуть в Раю. А теперь я созову всех придворных, все эти годы служивших мне верой и правдой, чтобы они торжественно поклялись, что и вам будут служить с той же преданностью, что и мне.

И он повел Юона с Кларамондой на самый верх самой высокой башни замка, а потом взял лук, сделанный из эбонита и золота, и выпустил из него четыре стрелы: на север, восток, юг и запад. Когда стрелы улетали, они издавали сказочно красивый звук. Все это означало, что Великий король страны эльфов призывает всех своих подданных к себе.

Изо всех уголков страны стало собираться удивительное общество. С гор спускались карлики и гномы, гоблины и воздушные духи. Из прозрачных рек и ручьев показались русалки, наяды и келпи — водяные в образе лошадей. Из огня стали выскакивать сверкающие саламандры и драконы, а из зеленой земли появились эльфы, блуждающие огоньки, нимфы и фавны.

Услышав об уходе Оберона, они пришли в глубокое уныние, ибо он долго и мудро правил ими, и во время его царствования не случилось ни одной несправедливости. Затем Оберон вывел

вперед Юона и Кларамонду, и все собравшиеся поклялись, что будут служить им верой и правдой.

Когда все это кончилось и вслед за королем они прошли в другую залу, то увидели позади огромное войско вооруженных воинов со своим командующим во главе. Им оказался знаменитый король Артур, некогда правивший Британией долгие годы и после того проживающий в Авалоне, находящемся между двумя мирами. И король Артур подошел к Оберону со словами:

— Как же так, любезный король Оберон? Если ты решил покинуть свое королевство, это твое право и никто не может отрицать этого. Но почему на свою смену ты призвал этого смертного, совсем еще зеленого юношу? Стране эльфов нужна твердая рука, и эта рука — моя!

Он произнес это так громко, что его слова прокатились эхом по зале. Но Оберон лишь покачал головой и промолвил:

— Верно, что законы запрещают, чтобы этой страной управляли люди, равно как и то, что наши способы управления глубоко разнятся с их способами. И все же мы подчиняемся определенным решениям, которые мы не вправе изменить. Во время моей первой встречи с Юоном мне стало совершенно очевидно, что это именно тот, кому судьбою предназначено занять мой трон. Поэтому мы все вынуждены...

Но Артур, побагровев от ярости, перебил Оберона:

— Я, кто некогда был королем Британии, не собираюсь быть вторым в этом — другом — мире! И пусть этот юнец остерегается меня, если он посмеет командовать мною или моими людьми!

Услышав такие слова, король Оберон утратил спокойствие и с жаром ответил:

— Я еще не лишился своей власти. Поэтому говорю тебе, Артур, не будь столь самонадеян, чтобы вызвать мой гнев! Ибо этим ты вынуждаешь меня навлечь на тебя погибель! Ибо стоит тебе восстать против меня, и ты мигом вернешься в мир простых смертных в облики оборотня. Днем ты будешь человеком, а ночью — волком. И все будут бояться и ненавидеть тебя, пока не умрешь позорной смертью.

И тут Юон осмелился коснуться крепко сжатого кулака Оберона. И герцог промолвил:

— Ваши величества, вы оба — могущественные и великие господа. И вам не пристало гневаться друг на друга по этому поводу. Все люди знают славного короля Артура Британского. И кто я такой, чтобы занять его место?

Оберон улыбнулся и после некоторых размышлений обратился к Артуру с такими словами:

— Этот — другой — мир очень велик. Никому, даже мне, неизвестны его истинные границы. За ними же обитает зло, которое вечно давит на эти светлые земли. И долг того, кто управляет этой страной, — всегда охранять ее от черного зла, так что борьба с ним предстоит на все времена. Поэтому, Артур, я отправляю тебя на восточные границы, чтобы ты охранял их силой своего духа и оружия. А тебя, Юон, я назначаю смотрителем западных границ. Таким образом здесь будут два короля, и тогда между вами не возникнет никаких разногласий.

И тогда Юон с Артуром в знак дружбы обменялись крепким рукопожатием и поклялись честью, что поступят так, как решил король Оберон.

Затем Оберон снял корону, меч и все королевские регалии и благословил свой народ, собравшийся для того, чтобы оказать ему соответствующие почести. Потом он поцеловал Кларамонду, Юона и Артура. И в полном одиночестве вышел из залы, и все расступились, давая ему пройти; а когда он подошел к огромному окну, занимавшему целиком противоположный конец залы, через него ворвался ослепительный луч света. Он был то золотой, то серебряный и переливался всеми цветами Небес и земли. И из этого луча света, который показался всем похожим на ворота, в залу ворвался звук восхитительного пения.

Оберон в последний раз оглянулся и посмотрел на своих придворных. На его лице играла улыбка. А потом он через эти ворота вошел прямо в Рай и исчез.

И с тех самых пор у страны эльфов не стало больше границ, сообщающихся с миром смертных, и что-то странное произошло со временем и пространством, и никто толком не смог бы разобрать, что ныне происходит там. Однако ходят слухи, что Юон зорко охраняет западные границы, не давая злу, зреющему во тьме, беспокоить души людей, и что эта героическая борьба со злом никогда не кончится до самого Судного дня. Потому что, обладая внешностью юноши и мудростью старца, он со своей славной женой управляет страной эльфов к величайшей радости всего человечества.

Такова история Юона, бывшего герцога Бордоского, а каков будет ее конец, об этом не знает никто.

**РЫЦАРЬ
СНОВ**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Комната была так велика, что ее углы скрывались в тени; освещение исходило из единственного шара, установленного посередине длинного стола. С трудом можно было разглядеть закутанную в плащ женщину, сидящую на троне под балдахином во главе стола. В комнате тепло, но женщина плотнее запахнулась в меховой плащ, словно ей холодно.

Однако мужчины, сидящие в гораздо менее внушительных креслах, хорошо видны. Мужчин четверо, в возрасте от юношеского до средних лет. Все молчат, словно каждый не хочет — или боится — поделиться мыслями с остальными.

Справа от женщины расположился одетый в черно-белое одеяние Оситес, Верховный Шаман, представитель Незримой (хотя и осязаемой) Силы. За ним — личный советник Урsvик, он чуть помоложе шамана. Эти двое представляют зрелость и консервативную осторожность, уравновешивая молодость и нетерпеливость тех, кто сидит напротив них.

Одежда принца Бертала поблескивает, когда он нетерпеливо ерзает; на его груди сверкают драгоценностями геральдические символы. Его сосед одет менее роскошно, и на его одежде только герб двора. Но на лице у него высокомерное выражение, свидетельствующее, что это не простой слуга, а один из тех, кто присутствует здесь как равный. Это Мелколф, искатель новых путей мысли, экспериментатор, недавно сделавший открытия, которые заставляют с ним считаться.

Все слегка повернулись в сторону трона с балдахином, словно ожидали слов сидящей на нем. Возможно, это подействовало на императрицу, потому что она слегка наклонилась и посмотрела на собравшихся.

Теперь свет упал на ее лицо. Она старая, смуглая кожа плотно натянута на скулах и вокруг острого носа. Глаза у нее власт-

ные, они напоминают присутствующим, что ее воля превыше всего, хотя они этого или нет.

— Ты уверен? — Императрица обратилась непосредственно к Мелколфу.

— Доказательство было предъявлено, ваше царственное великолепие, — ответил он с полной уверенностью.

Бертал снова поерзал в кресле. Рука Оситеса, морщинистая, с ясно выделяющимися венами, лежала на столе; он начал постукивать пальцем; при этом свет заблестел в красных и зеленых камнях перстня. Шаман словно отсчитывал количество произнесенных слов или прошедшее время.

Урsvик, обычно придерживающийся консервативного курса, на этот раз поддержал Мелколфа, хотя слова его прозвучали так, словно он делает это не вполне добровольно.

— Прошло три обмена, ваше царственное великолепие. Все три успешные.

Снова наступило молчание. Его нарушил Оситес:

— Это неправильное, злое дело...

Глаза императрицы устремились к нему.

— Зло бывает малое и большое. Ты сам, преподобный, провозгласил пророчество, что произойдет с этой землей, если дела пойдут в соответствии с обычаями. Мой сын лежит на смертном одре. Он едва дышит, и только пока он дышит, у нас есть время, чтобы остановить или развеять тьму, которую влекут на нас Очалл и его раб Каскар.

— Можешь ли ты отрицать, что задуманное ими зло, — продолжала она, — очень большое зло, способное поглотить все, чего добились мой супруг Хунольд и мой сын Пиран? Иногда у нас не бывает выбора между добром и злом, а только между малым злом и большим. Именно таков наш выбор в этот час.

Оситес отвел глаза от ее яростного взгляда. Палец его двинулся по столу, чертя знаки, которые никто, кроме него самого, не мог понять.

— Твои слова справедливы, царственное великолепие. Но зло остается злом. — Оситес, шаман, смолк, словно отстранился от того, что предстояло сделать.

— Ты уверен, что нашел нужного человека? — На этот раз заговорил Урsvик, обращаясь к Мелколфу.

Мелколф пожал плечами.

— Спроси его преподобие шамана. Это его знание обыскивало миры для нашей цели.

— Да. — Шаман не поднял взгляда от своего движущегося пальца. — Найден двойник Каскара. Сон совершенно ясен, все записано.

— Видите? — спросил Мелколф. — Все готово. Нужно только действовать. И, судя по последним докладам, действовать быстро. Его верховное могущество быстро теряет силы. В его комнате постоянно находится человек Очалла. Как только принц перестанет дышать, Каскар будет объявлен правителем. И неужели вы думаете, что после этого хоть один из нас будет в безопасности даже на час?

Бертал провел языком по губам. Неуверенно взглянул на императрицу Квендриду, сидящую в «пещере» своего трона. Пальцы его сомкнулись на рукояти церемониального меча.

— Несмотря на всю свою дерзость, — продолжала старая императрица, — Очалл открыто не выступит против меня. Но есть и тайные пути, да. Я не сомневаюсь, что он намерен со своей обычной эффективностью устранить всех противников. И, так как Каскар полностью в его власти, его замыслы простираются очень далеко. Увидеть, как все, ради чего боролись мы с мужем, ради чего старался Пиран, увидеть, как все это гибнет из-за этого... этого человека!.. — Она ударила кулаком по столу, голос ее стал глубже и напряженной.

— Если исчезновение одного человека, о котором мы знаем только, что он существует, может спасти нашу землю, по мне это достойное деяние! — Взгляд ее сосредоточился на шамане, словно требуя от него ответа. Но тот молчал. — Хорошо. Быть по сему. Надо все сделать как можно скорее. Но еще один человек должен знать об этом...

Все удивленно посмотрели на нее.

— Герцогиня Текла. Она на пути сюда для церемонии своего обручения — с Каскаром. Мы хорошо знаем, что делает она это вынужденно и под угрозой. Однако она любит свою страну и не хочет видеть ее под пятой Очалла, поэтому идет на это. Нам тоже нужен Олироун, но мы не разграбим его, как это сделал бы Очалл. Теклу любят в ее стране. Ее народ восстанет, даже если бы это означало разорение страны.

— Мои глаза и уши передали мне много сообщений. В Олироуне уже беспокойно. Распространяются слухи, что Текла вы-

ходит замуж по принуждению. И поэтому мы должны убедить ее, что ей не обязательно будет выходить за Каскара...

— Царственное великолепие, — осмелился заговорить Урвик, советник, когда его госпожа смолкла, чтобы перевести дыхание, — разумно ли это? Следует ли ей знать? Особенно если все будет проделано до ее прибытия?

Императрица кивнула.

— Она должна знать. Должна понять, что мы делаем это и ради блага ее земли. Это сделает ее впоследствии сговорчивей, когда мы предложим ей соединиться с Берталом. Если Каскар умрет так, что она не поймет причины, она может уехать в Олироун и заключить союз, который нам не понравится. Но, если она будет уверена, что ей не нужно обручаться с Каскаром, она может принять сторону Бертала. И твой долг, — теперь ее ястребиные глаза были устремлены на принца, — ухаживать за ней со всем искусством, о котором я так слышана...

Принц вспыхнул. Он открыл рот, словно собираясь ответить, но императрица продолжала:

— Ты, Оситес, приведешь ее сразу после прибытия в мои личные покои. Я дам ей понять, что мы сделали и почему. Никого другого я не могу просить рассказать об этом. Каскар... — Она перевела дыхание и заговорила снова: — Каскар — сын моего сына по плоти, но не по духу и уму. Я верю в древние легенды об одержимых. Не знаю, как добился Очалл этой перемены в нем. Может быть, тебе стоит заняться этим, мастер, — взглянула она на Мелколфа. — Может, Очалл тоже владеет машинами, которые могут изменить душу человека? Или, Оситес, он может призвать себе на помощь Неограниченную Силу?

— Может быть, — негромко ответил шаман.

Квендрида взглянула на него, и впервые лицо ее приобрело удивленное выражение.

— Ты говоришь серьезно, преподобный!

В голосе ее звучало изумление.

— Да, царственное великолепие, этого можно достигнуть мыслью. Есть способы мыслью подавить личность человека. Как Мелколф с помощью своей машины может поместить душу одного человека в тело другого в альтернативном мире. Очалл не из числа Просвещенных. Однако это не значит, что он не знает способов подавления души нашего бедного принца. Он сделал Каскара копией самого себя.

Советник Урsvик наклонился вперед.

— Но если это так, нельзя ли разорвать его заклинание? Почему ты не сказал этого раньше? Как Просвещенный ты можешь...

— Я ничего не могу, — прервал его Оситес. — Душа Каскара давно погибла. Вы думаете, — он поднял голову, переводя взгляд от одного к другому, — я не пытался? Не знаю, какую силу призвал Очалл, но ее невозможно сломить. Не думайте плохо о Каскаре: он всего лишь беспомощное орудие в руках целеустремленного и злого человека. И теперь мы замыслиаем его смерть — и смерть еще одного совершенно невинного человека. И говорим, что это должно быть сделано ради блага Улада.

— Ты знаешь, что должно... — голос императрицы звучал почти умоляюще.

Оситес кивнул.

— Раз ты так говоришь, царственное великолепие, должно. Но от этого дело не становится менее злым и будет предъявлено нам, когда мы придем к Последним Вратам. — Он поднял голову и закрыл глаза, плечи его обвисли под тяжелыми складками черно-белой мантии. — Я представлю Неограниченной Силе все оправдательные доводы, какие смогу. Но деяние это тяжко...

Настала очередь Мелколфа повернуться в кресле. На его остром лице было еле заметное выражение отвращения, как будто Оситес несет вздор, который младший выдерживает с трудом.

— Значит, нужно действовать немедленно? — спросил он.

Все посмотрели на императрицу. Немного погодя та кивнула, хотя выражение у нее было тревожное и она чуть неуверенно смотрела на Оситеса. Раньше этой неуверенности не было.

— Преподобный? — Она произнесла титул вопросительно.

Оситес опустил руку, закрывавшую глаза.

— Царственное великолепие, координаты уже введены в машину. Сны подготовили избранного, связали его со временем нашего мира.

— Кто он там? — проявил некоторое любопытство Бертал. — Правитель? Его там хватятся? Если у нас есть двойники в альтернативных мирах — а они должны быть, иначе наши эксперименты не получились бы, — живут ли они такой же жизнью, как мы? Есть ли там другой принц Бертал, другой преподобный, — он кивком указал на Оситеса, — другой советник?..

— Обстоятельства разные в каждом мире, принц, — ответил Мелколф. — Думаю, в мире, куда мы посылаем Каскара, осталось очень мало принцев и императоров.

— Кто же ими правит? — спросил Бертал.

— Представители, избранные населением, я думаю. От нашего человека там мы получили лишь разрозненные сведения. Он был студентом, а сейчас ищет работу...

— И он двойник Каскара? — Бертал рассмеялся. — Не принц, а самый обычный человек, который должен своими руками зарабатывать себе на хлеб? Хотел бы я, чтобы Каскар узнал об этом! Хотел бы рассказать ему... — И он снова рассмеялся.

— Это не забавно! — Голос Квендриды прозвучал холодно и резко, как удар бича. Принц снова покраснел. — Ты говоришь о человеке, которому предстоит умереть, и не нужно смеяться над его смертью. По словам Оситеса, тот, кто с нами связан с Каскаром, гораздо достойней имперской короны, чем моя кровь. Я хотела бы спасти его, но это невозможно. Да, мастер, это должно быть сделано — и побыстрее, пока еще жив мой сын, император Пиран. Мы не должны колебаться слишком долго.

— Это деяние... злое. — Шаман глубоко вздохнул. — Но предзнаменования также злые. Это правда, у нас нет выбора, но сказать «да» я не могу. Вы все согласны. Я внутренне тоже согласился, да простит меня Сила!

— Значит, все согласны? — Императрица, спрашивая, не смотрела на Оситеса.

Мелколф и Бертал быстро и уверенно ответили «да», немного погодя к ним присоединился Урsvик.

— Да будет так, — закончила Квендрида. — Делай же это, мастер. И побыстрее. Как вы все знаете, у нас мало времени.

Трое мужчин встали, поклонились старой императрице и торпливо удалились в тень за пределами света от шара. Оситес остался на месте.

— Друг мой, — императрица протянула к нему руку, — поверь, я понимаю, что сейчас в твоём сердце. С помощью Неограниченной Силы найден этот человек, которого мы приносим в жертву, и ты сам установил, что он связан с судьбой Улада. Долг — жестокий повелитель. Я произнесла слова, которые не сказала бы, если был другой путь достичь того, что должно быть достигнуто. Я приговорила свою собственную кровь, своего недостойного внука, потому что он стал бы только личиной, за ко-

торой правил бы злой и жестокий человек. Это нелегко... Но я должна это сделать, чтобы все созданное в мире и доброте не было уничтожено.

— Ты знаешь, в каком состоянии была наша земля, когда на трон сел мой супруг. Каждый лорд воевал с соседями, голод и смерть шли по стране рука об руку. Ни один мужчина, женщина или ребенок не был в безопасности. Мой супруг призвал все силы, способные противостоять этому хаосу. Он призвал тебя и других Просвещенных, он вырастил Роши, в которых вы учите миру и осуществлению. Он укротил непокорных лордов, заботился о торговле городов, он превратил Улад в прекрасную процветающую страну.

— А после него Пиран продолжил дело отца с той же волей и самоотверженностью. Но болезнь, захватившая его, подорвала силы его тела и ума, она победила его. Тут появился этот дьявол Очалл. Он стал так силен, что захватил ключ верховного советника, и никто не смеет противиться ему. А Каскар — Очалл захватил Каскара, как змея захватывает добычу, лишил его собственной воли.

— Я была в глубоком отчаянии, потому что знала — и твои предсказания подтвердили это, — что будет с Уладом, когда станет править Каскар. И тут Бергал и Урсвик привели ко мне Мелколфа, и я снова обрела надежду. Не для блага своего рода — теперь он прервется, но для земли, которую обязана охранять. Да, я живу долгом, а не сердцем, старый друг. И если это деяние действительно ляжет на меня тяжестью, когда я приду к Последним Вратам, я могу оправдаться только всей своей жизнью.

Шаман поднял глаза, и в них была печаль.

— Леди, — негромко сказал он, — я стоял рядом с тобой, когда ты выходила замуж за нашего повелителя, я давал имя твоему сыну, который лежит сейчас истощенный и беспомощный. Я хорошо знаю, что долг давит на твои плечи такой же тяжестью, как на мои — Сила. Мы давно сделали свой выбор и должны придерживаться его. Я не сомневаюсь, что это деяние спасет Улад, который создал твой Дом. И буду умолять Силу, чтобы из зла возникло добро, потому что другого пути у нас нет...

— Другого пути нет, — повторила она. — А теперь я должна идти к Пирану и смотреть, как жизнь медленно покидает его, молиться, чтобы он жил, несмотря на всю боль и мучения, пока мы не обезопасим страну. И этот долг тяжело лежит на мне.

Она сжала ручки трона, приподняла тело так, словно оно онемело и ей с трудом даются движения. Оситес тоже встал, но не пытался ей помочь: он хорошо знал ее гордость, она не позволит признать свою физическую слабость.

С усилием она выпрямилась, и теперь спина у нее была прямой, голова, в вышитом шарфе с бриллиантом величия, высоко поднята. Она прошла в затененный конец комнаты, двигаясь целеустремленно, Оситес шел рядом, но не касался ее.

Еще один сон! Рамсей Кимбл сел в постели со спутанными скомканными простынями, словно только что закончил бой. Он вспотел, хотя ночной воздух холодный; черные волосы прилипли ко лбу. Осмотрелся, слегка удивившись знакомому окружению своей спальни. Он не в том другом месте, которое казалось ему таким реальным. Рамсей включил лампу для чтения, потянулся за блокнотом и ручкой, которой заложил нужную страницу.

— Записывай, как только проснешься, — сказал ему на прошлой неделе Грег. — Чем дольше ждешь, тем больше подробностей забудутся. — Рамсей положил блокнот на колени и принялся писать.

— Большая комната, — неразборчиво писал он, — какие-то машины... никогда раньше таких не видел. Два человека... — Он должен припомнить подробности. — Один молодой, в странной одежде, что-то вроде леотарда, обтягивающего трико акробата или танцовщика, плотно обтягивающее, цвет... — Рамсей закрыл глаза и попытался сосредоточиться на воспоминании, которое уже начало ускользать. Да! — Цвет зеленый, темно-зеленый. Поверх этого трико что-то вроде тесного жилета... без рукавов... до середины бедра... но не настоящий жилет, потому что не открыт впереди. На груди рисунок — похоже на жемчужины и золото... очень сложный. — Но он смог вспомнить только общее впечатление. — Другой человек... постарше... костюм такой же... серый, а поверх что-то вроде жакета... тоже серый... никаких украшений, кроме красной полоски на правой стороне груди. У обоих смуглая кожа... но не черная... темные волосы и глаза слишком... индейские? — Он подчеркнул слово, в котором сомневался. — Человек в сером занят машинами, переходит от одной к другой. Ощущение возбуждения -- оба очень напряжены, словно что-то должно произойти. Впечатление, что это другая комната в том же здании, которое снилось

мне раньше. Но старика здесь нет. Ощущаются прежде всего их чувства... напряжение... как будто очень многое зависит от того, что они делают.

Закрывая блокнот, он не стал добавлять то, что ощутил в последний момент, — что он сам очень важная часть предстоящего. Конечно, это естественно. Ведь в конце концов это его сон.

Рамсей потушил лампу, поправил подушку и лег. От окна тянулась полоска лунного света. Рамсей смотрел на нее, не испытывая никакого желания спать.

Может, он сам подкармливает сны своим воображением, потому что Грег Хоувелл так ими заинтересовался. Подсознательно ему хочется угодить Грегу, показать себя более важным, и поэтому он видит такие сны. Однако он уверен, что это не обычные сны. Более всего они напоминают отрывки пьесы. Одно действие происходит здесь, другое там, хотя общий сюжет от него ускользает. Но эпизоды снов как будто связаны, а люди, которых он видит во сне, их окружение реальны, как ни в каком другом сне раньше.

Конечно, Грег пришел в возбуждение из-за своего проекта и еще потому, что Рамсей наполовину ирокез. Он все говорил о том, что индеец должен был во сне увидеть своего духа-руководителя, прежде чем стать взрослым. Разумеется, в старину так и было. Но такие волшебные сны, насколько мог судить Рамсей по прочитанному, всегда о животных или о каком-то предмете, который впоследствии мог служить тотемом человека. А эту последовательность странных сцен никак не объяснишь наследственной памятью.

Проект «Сон» в университете новый, и Грег целиком им захвачен. Проект исследует возможность телепатии во сне: контрольный испытуемый смотрит картинку, а спящий должен уловить ее. Но Рамсея это не интересовало. Он уже закончил курс, и пора искать работу. А ассигнований для расширения проекта нет...

Если бы он ничего не рассказал Грегу, когда у него начались эти сны! Рамсей поморщился в лунном свете. Теперь Грег все время преследует его: пиши отчеты, старайся вспомнить, что могло вызвать сон. Разумеется, ничего из увиденного по телевизору, ничего из прочитанного или встреченного не имеет отношения к этим снам. Грег очень тщательно расспрашивал его, и они оба убедились в этом. Но тогда почему ему снятся эти

сны? И они, сны, с каждым разом становятся все ярче. В последний раз ему казалось, что он может протянуть руку и коснуться плаща или жилета — одежды того человека в зеленом.

Рамсей испытывал странное возбуждение, словно тревоги увиденных им во сне людей захватили и его. Уснуть не удастся, в этом он уверен.

Он встал с кровати и подошел к окну. Лунный свет исчез, луна тоже. Ее затянули облака. Рамсей вздрогнул и оглянулся через плечо. У него появилось странное ощущение, что за ним наблюдают, и это ощущение все усиливалось. Все воображение! Решено! Он не будет больше проводить никаких экспериментов с Грегом.

В отдалении низко раскатился гром. Рамсей начал торопливо одеваться, он сам не понимал причину этой лихорадочной спешки. Он ни минуты не может больше оставаться в этой комнате! Он посмотрел на часы. Час ночи. Сегодня Грег ночью работает в лаборатории. Хорошо. Он сам отправится туда и скажет...

Затягивая пояс, Рамсей покачал головой. Неужели необходимо разговаривать с Грегом сейчас, в такой час ночи? Он, должно быть, спятил... Эти сны... Хотя если он скажет Грегу, что все кончено, может, удастся вернуться и уснуть? Завтра в десять утра у него встреча с менеджером по кадрам из заведения Робинсона. И он не собирается упускать такую возможность. Да, надо обязательно сказать Грегу, что все кончено, вернуться, принять аспирин и хорошо выспаться.

В коридоре он понял, что чуть ли не бежит, но ничего не мог поделать с охватившим его ощущением, что нужно торопиться. Рамсей знал только, что должен выйти из дома, отправиться в лабораторию. Он обнаружил, что сжимает в кулаке ключи от машины, хотя и не помнил, когда взял их.

Снаружи было темно от дождевых туч, закрывших небо. Рамсей сел в машину на стоянке и сразу на полной скорости повел ее. Но потом заставил себя ехать медленнее. Почему он так торопится? Почему...

Однако внутренняя тревога усиливалась, заставляла ехать быстрее, скоро она переросла в какой-то страх, от которого Рамсей оглядывался, словно кто-то сидел за ним в машине и приказывал ему торопиться.

Что с ним происходит? Он должен увидеть Грега, узнать у него, является ли такая реакция нормальной после его снов. Но...

но это совсем не дорога в лабораторию! Ему следовало свернуть на Ларчмонт, а теперь он проехал уже лишних два квартала. Теперь придется повернуть на Аллоуэй, а потом ехать через парк к озеру.

Он не хотел туда ехать... что его заставляет?..

От страха пересохло во рту. Его руки на руле, нога на педали — но он не хочет туда ехать! И не может заставить себя повернуть, уйти от принуждения, которое заставляет его двигаться в темноту.

Началась буря, и очень сильная. Дождь впереди встал стеной, огни фар не пробивали эту стену. Разумно остановиться и подождать, но то, что овладело им, не давало остановиться. Он не видел больше освещенных окон и уличных фонарей. Должно быть, приближается к парку, и дорога здесь поднимается. В такой дождь ее повороты очень опасны.

Но он по-прежнему не может остановиться.

Фары слабо осветили белые перила слева, он как раз над речным обрывом...

И тут...

В слабом свете фар фигура. Рамсей невольно закричал и свернул, чтобы не столкнуться с ней. Машина устремилась к ограде. Послышался удар. Рамсей снова ощутил страх, поняв, что машина летит вниз.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Запах... Запах цветов. Это было первое, что Рамсей ощутил. Он как будто медленно поднимается по подъему холма в каком-то саду. Но запах гораздо концентрированней, сильней, чем аромат любого сада.

Он попытался вспомнить как можно больше и испытал сильный страх, когда обрывки прошлого стали соединяться в единую картину. Крутой подъем дороги в темноте, поворот, когда он пытался избежать столкновения с человеком, которого мельком осветили его фары. Должно быть, он упал вниз.

Запах цветов — палата больницы?

Он попытался ощутить какую-нибудь боль, какой-то признак, что он попал в аварию. Ничего. Снова его охватил страх — и сильный! Сломанный позвоночник? Полный паралич? Сильный ужас не давал ему шевельнуть рукой или ногой.

Он лежал, парализованный собственными мрачными подозрениями, и тут к нему вернулся слух, как только что — обоняние. Совсем рядом звучит чей-то голос. Но Рамсей не понимает ни слова. В потоке звуков чувствуется ритм, похоже на какое-то пение.

Рамсей медленно открыл глаза. Он лежит на спине, да. Но над ним не потолок больничной палаты; такого не может быть в палате. Взметнулись вверх арки, встречаясь в центре, и с этого центра свисает на цепи маятник в форме клетки сложной резной работы; в нем светящийся шар. И хоть свет его неяркий, Рамсей мигнул и продолжал мигать.

Он не мог различить цветной рисунок на стенах — краска или мозаика между арками, но такого богатства, такого изобилия красок ему не приходилось видеть. Пение продолжалось справа от него.

Рамсей повернул голову, отыскивая источник звука. Цветочный аромат действовал угнетающе. Вокруг себя Рамсей теперь видел массу цветов. Они покрывают постель, на которой он лежит, но... что?..

За массой цветов кто-то стоит на коленях. Рамсей разглядел только круглую голову, плечи: фигура закутана в плотное покрывало и совершенно скрыта. Только руки, маленькие смуглые руки, подняты так, что ему их видно. В них зажат какой-то небольшой предмет, сквозь пальцы пробивается его блеск.

Рамсей попытался понять слова, которые произносит закутанная фигура. Но не распознал ни одного знакомого. Только звуки. Что случилось?

Теперь он намерен проверить подвижность своего тела.

Сначала правая рука... К его радости, он смог поднять ее. Двигалась она странно, скованно, словно он долго пролежал в одной позе и рука затекла. Подняв руку, он выпустил то, что было зажато в пальцах, и этот предмет скользнул по его телу в цветы.

Закутанная фигура вздрогнула... замолчала... отпрянула в сторону... встала. Поднялась рука, откинула вуаль, приоткрыв лицо под ней.

Девушка — но он ее никогда не видел. Однако в лице ее есть что-то знакомое. Именно ее он не видел, но видел похожих — по фигуре, цвету кожи. Видел во снах!

Он снова во сне. Может, на самом деле сейчас лежит без сознания в больнице и вернулся к подсознательным картинам, которые за прошедшие недели стали такими яркими.

Однако Рамсея оторвало от собственных мыслей выражение лица девушки. Она смотрела на него вначале с... вероятно, самое подходящее слово — страх. Но страх постепенно начал уходить, сменяясь другим чувством, которое Рамсей понять не мог, глаза девушки слегка сузились, губы сжались.

Кожа у девушки гладкая, коричневая с легким красноватым оттенком. Она может быть америндианкой, только не хватает широких скул. Лицо у нее с тонкими чертами, овальное, нос с высокой переносицей, может, слегка великоват для подлинной красоты. Но самое замечательное — ее глаза. Рамсей смотрел прямо в них, и они казались все больше и больше, и он наконец видел только их.

Что-то слегка коснулось его щеки. Он понял, что девушка подняла руку и прижала пальцы к пульсу у него на шее.

— Каскар? — Одно слово, произнесенное вопросительно.

Но Рамсей это слово не понял. Такого яркого сна у него еще не было. Может, он вызван каким-то наркотиком, которым снимают боль в теле. Лекарство усилило яркость сна.

Он понял, что не может оторвать взгляда от глаз девушки. Должно быть, она каким-то образом пытается получить у него ответ, в котором отчаянно нуждается.

Потом он снова увидел, что она удивленно нахмурилась. Он ей не ответил, и это, по-видимому, каким-то образом напомнило ей об опасности. Он знал это так ясно, будто она произнесла это вслух. Она взглянула направо, налево, потом снова на него. Палец, который проверял его пульс, теперь был прижат к ее губам в жесте, который он легко понял.

Она плотно запахнулась в вуаль, но не стала прятать лицо и быстрым движением скрылась из поля его зрения. Так как она дала ему понять об опасности, он послушался и остался лежать неподвижно.

Но где он?

Резной потолок над головой, цветы... Их запах стал так силен, что Рамсея слегка затошнило. Он пытался понять, что все это значит. Рамсей не помнил, чтобы в прошлых снах ощущал запахи. А прикосновение девушки к его щеке и горлу — он все еще ощущает его.

Где он? Что случилось?

Он отчаянно пытался вспомнить последние мгновения, прежде чем упал в темную пасть речной долины. Дождь, фигура, показавшаяся в свете фар. Это он помнит ясно. Однако не яс-

нее, чем запах цветов вокруг. Но ведь это не может быть реальностью!

Проснись, твердо приказал он себе. Проснись — немедленно!

Если его сновидение вызвано наркотиком, подействует ли такая тактика? Кажется, нет. Он не просыпается. Цветы, все это место — все остается. Вернется ли девушка? Что она сказала? Рамсей попытался правильно воспроизвести это слово, но не вслух.

— Каскар. — Это человек, состояние, место? Что такое Каскар?

И почему он лежит здесь?

Он поднял правую руку, так, чтобы увидеть ее. Кожа гораздо темнее, чем обычно, и на большом пальце широкое кольцо, золотое, сложной работы, с каменной геммой, словно должно служить печатью. На запястье тоже золотая лента, она скрывается в рукаве цвета меди — никогда в жизни не носил он такой цвет.

В предыдущих снах он видел других, но никогда — самого себя, свое тело или одежду. В тех снах он казался себе бестелесным духом, который наблюдает за действием, но сам в нем не участвует. А эта реальность руки с кольцом и лентой на запястье — ужасна.

Какое-то движение; он быстро поднял взгляд. Перед ним снова девушка. Теперь она схватила его с повелительной решимостью, потянула на себя. Сообщение достаточно ясное. Она хочет, чтобы он встал и пошел с нею.

Рамсей приподнялся. Оцепенение, которое он ощутил в руке, в пальцах, казалось, охватило все тело. Одновременно он понял, что лежит не на мягкой постели, но на какой-то длинной твердой, как камень, плите, которая покрыта лишь тонкой алой тканью. В голове и в ногах стоят высокие канделябры, высотой с него самого: он убедился в этом, неуверенно встав на ноги и держась за край усыпанной цветами плиты. В каждом подсвечнике свеча толщиной с его предплечье; от свечей поднимаются тонкие струйки ароматного дыма.

Снова девушка потянула его за руку, потащила от плиты — в тень, куда не достигал свет лампы над головой и свечей. Рамсей вздрогнул, увидев четверых мужчин, по одному в каждом углу помещения, в котором он лежал. Головы у них склонены, руки сжимают рукояти мечей, которые, обнаженные, упираются в пол.

Рамсей послушно пошел за девушкой. Никто из мужчин не пошевелился. Проходя мимо одного из них, Рамсей увидел, что тот со странным напряжением смотрит только на лезвие своего меча. Но это не статуя, а живой человек. Рамсей видел, как поднимается и опускается его грудь при дыхании.

Их абсолютная неподвижность, то, что они не обращают никакого внимания на Рамсея и девушку, все это не показалось ему странным. В конце концов это ведь сон. А во сне можно ожидать самого необычного. Его тревожило только, что он видит все происходящее слишком четко и в мельчайших подробностях. Ни один сон за прошлые месяцы не сравнится с этим.

Все четверо, как отметил Рамсей, одеты так же, как люди в лаборатории, в плотно прилегающее трико и свободные куртки, доходящие до середины бедра. Трико у них черное, верхняя одежда серая, с большим вышитым гербом на груди. Рамсей взглянул на собственное тело и обнаружил, что одет в такую же одежду, но других цветов.

Трико у него, плотное, облегающее и эластичное, цвета меди. Жилет — золотого, с красным гербом на груди. Множество мелких драгоценных камней нашиты сложным узором. На ногах мягкие гладкие сапоги, высотой до лодыжек, того же медного цвета.

Девушка снова прикрыла лицо вуалью, и теперь Рамсею видна была только ее рука, которой она по-прежнему крепко держала его. Как и у него, у нее на большом пальце массивное кольцо с синим камнем с гравировкой. На указательном пальце кольцо из золота со странной маской рогатого существа, с зелеными глазами; на мизинце широкое кольцо с рисунком, который Рамсею не виден. Во всем остальном девушка подобна тени среди теней. Они быстро удалялись от плиты, на которой он проснулся.

Миновали колонны, которые он лишь с трудом разглядел в полутьме, и приблизились к стене, каменной панели с резными фигурами, которые тоже были почти не видны. Девушка подошла к стене и сунула палец в глубокую резьбу. Наверно, привела в движение какую-то пружину, потому что при этом прикосновении часть панели раскрылась, как самая обычная дверь. И они оказались на узкой лестнице, освещенной сверху шаром.

Впереди коридор, лучше освещенный этим же шаром. Коридор кончается у двери, похожей на те, что Рамсей знал всю

жизнь. Его спутница распахнула дверь, и они вошли в комнату, освещенную гораздо ярче, чем та, в которой он проснулся.

Любопытство преодолело беспокойство из-за этого навязанного наркотиком сна. Рамсей не боялся, ему хотелось узнать, что же будет дальше. Девушка выпустила его руку, оставив стоять в комнате, и Рамсей осмотрелся.

Кое-что в комнате показалось ему знакомым. Он видел это в своих ранних снах, в которых всегда присутствовал пожилой человек в длинной черно-белой мантии.

Стены поверх панелей были покрыты длинными полосами вышивки. Изображения явно фантастические, растительность странной формы и невероятных цветов, а животных таких Рамсей в своем мире не знал. В огромном очаге, даже на четверть не заполняя его черной пещеры, горит огонь. Перед очагом две длинные скамьи, покрытые жесткой желто-белой тканью, на которой сверкают золотые блески.

Между ним и очагом длинный стол на резных ножках. На нем множество предметов, включая бронзовые подсвечники, кубки, блюдо с чем-то похожим на яблоки, только очень большие, и тому подобное.

Если не считать скамей, больше никаких сидений нет. Однако тут и там груды больших квадратных подушек, сделанных из тканей разного цвета, но очень похожих друг на друга. Свет исходит от четырех висячих шаров в филигранных клетках.

Девушка подошла к ближней из длинных скамей. Она сняла вуаль, закрывавшую ее с головы до ног, бросила на конец скамьи, и только тогда повернулась лицом к Рамсею.

Платье ее оказалось подобно его одежде, только верхняя куртка длиной до лодыжек. По обе стороны она была разрезана, так что ее стройное тело, обтянутое более светлым облегающим трико, видно выше бедер. Она выбрала сине-зеленый цвет, почти как гемма на кольце ее большого пальца, в поразительном контрасте с густой вуалью, которую она сбросила. Вуаль пепельно-серая.

На груди у нее вышивка серебром, рисунок гораздо проще того, что на нем самом. Изображена голова кошки, с глазами из желтого камня, размером с ноготь его большого пальца; они словно светятся и очень похожи на глаза живого животного.

Волосы у девушки густые и черные, коротко остриженные; их сдерживает серебряная лента с еще одним изображением кошачьей головы на лбу между глазами. Эксцентричный костюм,

но очень подходит девушке. И чувствуется в ней величие, словно она привыкла всю жизнь отдавать приказы и в ответ ждет безусловного повиновения.

Она по-прежнему смотрела на него внимательным оценивающим взглядом, как когда он впервые ее увидел. В это время послышался легкий скребущийся звук. Не поворачивая головы, девушка что-то сказала. В ее звучном голосе, показалось Рамсею, прозвучал вопрос.

Ответил ей более слабый голос. Девушка снова заговорила; справа от Рамсея открылась дверь, и вошла другая женщина. Одета она была почти так же, как девушка, только проще и в тусклых ржаво-коричневых тонах. На одежде тоже голова кошки, только меньшего размера и без камней в глазах. Лицо у женщины полное и широкоскулое, короткие волосы жесткие, их сдерживает только лента цвета ржавчины.

Она закрыла за собой дверь и остановилась, не отводя взгляда от Рамсея. Широкий рот открылся в таком откровенном изумлении, какого Рамсею не приходилось видеть. Она долго стояла и просто смотрела. Потом быстро заговорила девушка, слова ее сливались друг с другом, и Рамсей даже не мог отделить один странный звук от другого.

Когда она заговорила, взгляд женщины переместился с Рамсея на девушку, потом обратно. Первоначальное изумление по мере слов девушки рассеивалось. Девушка снова взглянула на Рамсея.

Медленно, явно стараясь, чтобы ее поняли, она коснулась пальцем с кольцом головы кошки у себя на груди.

— Текла, — произнесла она. Должно быть, это ее имя. Теперь она ждала его ответа. Неужели в этом сне он по-прежнему Рамсей Кимбл? Конечно, кем еще он может быть, несмотря на одежду и странные обстоятельства их встречи?

Он в свою очередь указал на себя.

— Рамсей Кимбл, — ответил он.

Снова другая женщина пришла в смятение. Она яростно покачала головой и произнесла то же слово, что и раньше девушка:

— Каскар!

Словно пытается доказать, что он не тот, кем себя назвал, а другой.

— Рамсей Кимбл! — повторил он, громче на этот раз и со всем упором, какой мог сделать на этих двух словах.

Текла сделала жест, словно призывала женщину поверить ему. Потом указала на нее и сказала:

— Гришильда.

Хотя манеры эти не из его мира, Рамсей был слегка удивлен, обнаружив, что чуть склонил голову и повторил:

— Гришильда.

Та, кого он так назвал, подошла ближе. Осмотрела его с ног до головы, потом с головы до ног — внимательно и неторопливо. Потом покачала головой и развела руки.

— Каскар!

Текла улыбнулась; впервые, сколько он ее видит, ее лицо утратило напряженность. Словно поведение Гришильды позабавило ее.

Но теперь сама Гришильда разразилась быстрой речью, похожей на поток вопросов; она говорила безостановочно, почти не переводя дыхания. Снова девушка сделала жест — на этот раз подняла руку ладонью вперед, словно требуя молчания. Произнесла единственную фразу. Гришильда коротко кивнула и заторопилась к двери, через которую вошла. Она поставила на место запор, закрыв дверь изнутри.

Текла поманила Рамсея, показав на сиденье рядом с собой у очага. Последовал урок языка. Девушка показывала на различные предметы в комнате, произносила слова, которые он повторял, как мог, и она часто поправляла его произношение. В ее поведении чувствовалась торопливость, как будто по какой-то причине они должны научиться разговаривать как можно быстрее. Рамсея заразила ее тревога.

Какой долгий сон, бегло подумал он. И какая последовательность действий! Он сосредоточился и повторял слова за Теклой как мог лучше.

Рамсей не знал, сколько они просидели так, повторяя слова. Он устал больше, чем сознавал, когда Гришильда прервала урок, принеся поднос с двумя полными до краев кубками, небольшими квадратиками желтоватого хлеба и одним из больших яблок, разрезанным на дольки.

Напиток, как решил Рамсей, какой-то неперебродивший фруктовый сок. Хлеб чуть сладковатый — более чем привычный ему, но не пропеченый. Вкуснее всего яблоки с плотной мякотью.

Они поели и напились. Текла широко развела руки и что-то сказала Гришильде, потом легко коснулась руки Рамсея.

— Спать... спать, — повторила она слово, которое раньше изобразила пантомимой, закрыв глаза и положив голову на ладонь.

Рамсей едва не рассмеялся. Спать? Он и так спит — и видит сон. Можно ли спать во сне? Очевидно, Текла считает, что можно. Но, конечно, она персонаж из его сна, она не реальна.

Он кивнул, чтобы показать, что понял. Она показала на Гришильду.

— Гришильда... вести... спать...

Одетая в ржаво-красное женщина энергично кивнула и поманила Рамсея. Но повела не к двери, которую закрыла, а назад, в коридор, через который они пришли сюда из того места, где он «проснулся» (если можно проснуться во сне). Рамсей подумал, не предстоит ли ему вернуться на покрытую цветами плиту, к четверым ничего не видящим наблюдателям.

Однако Гришильда повернула налево, открыла нажатием другую панель и привела его в маленькую комнатку, где была только кровать, похожая на кушетку, с единственным покрывалом, свернутым в ногах. Окна не было, но был узкий разрез в стене, через который, очевидно, проходит воздух, потому что в комнате не было душно.

Теперь в этот разрез проникал дневной свет; его вполне хватало, чтобы, когда Гришильда молча вышла, Рамсей смог раздеться. Потом он лег на кушетку и накрылся покрывалом.

Странно, но ему действительно хочется спать. Однако он не поддавался сонливости. У него было о чем подумать. И, так как его больше не отвлекали уроки Теклы, воздвигнутый им барьер против сомнений начал быстро распадаться.

Он был достаточно знаком с исследованиями Грега, слушал записи, видел сеансы телепатии во сне, чтобы понять, что эти его приключения во сне уникальны. Но поверить, принять этот сон за реальность — этого он не мог. Слишком многое невозможно объяснить логично.

Рамсей начал восстанавливать мельчайшие подробности того, что увидел, когда открыл глаза. Плита, на которой он лежал, с высокими свечами и зачарованными стражниками — эта сцена преследовала его. Он видел такие раньше. Не как сон, нет... В телевизоре, в кино? Но не в реальной жизни.

Рамсей начал методично искать ответ. Возможно, если он распознает хоть один эпизод, то сможет разгадать все. Где он видел такое раньше?

Картина... Должно быть, на картине. Хорошо. Что за картина? Когда и где? Он попытался представить себе книгу, переворачивал страницы, смотрел иллюстрации. Бесполезно. Не действует.

Может, не книга, а журнал. В памяти его возникли страницы большого формата, он начал их перелистывать. Да!

Расмей сел на кушетке. Он вспомнил!

Это... это гроб! В таких хоронят королей или членов королевской династии. Стражники с четырех сторон, свечи. Немного отличается от картины, которую он вспомнил, но настолько похоже, что он уверен: его догадка верна.

Это означает, что он был мертв!

Но он не мертв! Он сидит здесь. Да и в своем собственном мире Рамсей Кимбл никогда не лежал бы так, со стражниками, с этими свечами, со странной девушкой Теклой, пришедшей оплакивать его. Он может быть в доме для погребений, в гробу, но без всех этих украшений.

Тем не менее он не мог избавиться от мысли, что так обходятся с покойником. А этот Каскар — теперь он знал от Теклы, что Каскар — это имя. Каскаром звали человека, которого Текла ожидала увидеть в гробу. Мертвый Каскар.

Он не Каскар! Он Рамсей Кимбл, абсолютно нормальный американец, который связался с нелепым исследовательским проектом и сейчас испытывает галлюцинации. Но раньше таких сцен он никогда не видел. Настолько реальная, словно вызванная наркотиком. Но если какой-то тип захотел напичкать его наркотиками, так и было бы. Нет, он чувствует, что дело не в наркотиках. И его положили на эту плиту для погребения...

Рамсей глубоко вздохнул и попытался остановить дрожь рук. Пора проснуться. И чем быстрее, тем лучше. Уходи, сон, уходи!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Но кошмар заключался в том, что Рамсей не мог проснуться!

Маленькая тускло освещенная комната оставалась такой же реальной. Рамсей сильно ушибнул себя за руку. Больно — но он все равно не проснулся. От страха пересохло во рту, перехватило дыхание. Он застрял в собственной галлюцинации!

— Не паникуй! — Он произнес это вслух, как будто сами звуки способны успокоить его. Нужно не потерять голову, каким-то образом найти объяснение случившемуся.

Но объяснить это невозможно!

Рамсей осмотрелся, оглядел прочные стены, узкий разрез, в который пробивается дневной свет. Встал и подтащил кушетку к стене под бойницей. Потом встал на кушетку и попытался выглянуть. И увидел только другую стену на некотором расстоянии, освещенную солнцем. Больше ничего не было видно, кроме полоски самого обычного голубого неба.

Рамсея охватило подозрение, и он попробовал открыть дверь. Но Гришильда не закрыла ее. Он смог выглянуть в коридор. В конце коридора узкая лестница, ведущая туда, где его нашла Текла. В другом направлении, почти на расстоянии вытянутой руки, дверь в комнату, где он был с ней. Однако у него было сильное ощущение, что бродить здесь сейчас опасно.

Нужно что-то делать! Если он будет продолжать сидеть и думать, то просто сойдет с ума! Нужно узнать, где он и как сюда попал. Почему-то он все больше уверялся в реальности окружающего. Это не сон. Произошло нечто, совершенно выходящее за пределы его понимания. Ему должны объяснить!

Рамсей торопливо подошел к двери комнаты Теклы. Но не поднял руку к затвору. Текла определенно отослала его. И пока он не узнает больше, нужно придерживаться установленных ею правил. А чтобы знать больше, нужно уметь разговаривать.

Рамсей вернулся к кушетке и постарался расслабиться. Начал произносить слова, которым она его учила, каждый раз призывая для объяснения мысленную картину. Он знает названия всех предметов мебели в своей комнате, знает обозначения простых действий, но нужно расширить словарь. К тому же вопреки своей воле он ощущает усталость. Может, если он уснет, сон вернет его в нормальный мир?

Это была его последняя мысль перед сном, но спал он без сновидений или просто не помнил их, когда проснулся от легкого прикосновения. Открыв глаза, он увидел склонившуюся к нему Гришильду.

— Идем... — Она произнесла это слово, отчетливо шевеля губами, явно стараясь, чтобы он понял.

Все еще не вполне проснувшись, Рамсей сел. У женщины на руке висит богато украшенный жакет, который он снял перед сном. Она нетерпеливо смотрит на Рамсея.

Они вернулись в комнату, где девушка учила его словам, но Теклы здесь не было. Старшая женщина не стала задерживаться, но поманила его во вторую комнату.

Здесь стены были отделаны сверкающими светло-зелеными плитами, в которых плясали серебристые точки. В центре комнаты, в полу, ванна, подобная небольшому бассейну. Она полна водой, и Рамсей уловил хвойный запах.

На скамье рядом с ванной груда полотенец. Все это настолько похоже на ваннные помещения его мира, что Рамсей узнал сразу.

— Мойся... — Гришильда махнула рукой в сторону ждущей ванны. Потом указала на свежую одежду на скамье по другую сторону от полотенец. — Одежда. — И жестами показала, как одеваются.

Но как выбраться из этого обтягивающего трико? Рамсей не видел никаких отверстий. Он слегка оттянул ткань от горла, но она тут же прильнула снова. А потом он услышал за собой смех.

К нему, широко улыбаясь, подошла Гришильда. Протянула руку к его правому плечу, нажала, и на груди у него ткань разошлась ровной щелью.

— Так... — сказала она и положила его пальцы на вшитую в ткань пуговицу. Потом резко повернулась и вышла.

Рамсей снял трико, не заметив большого зеркала. Но потом уловил в нем свои движения и, раздевшись, подошел к зеркалу и остановился перед ним. И хоть догадывался, что не будет выглядеть самим собой, испытал шок.

Черты лица прежние, но не хватает небольшого шрама на щеке, который он получил при встрече со щепкой в то лето, когда работал на лесозаготовках. Волосы зачесаны назад, спереди с боков они коротко подстрижены. И на волосах широкая золотая лента, усаженная красными камнями. И еще... уши... в них серьги с крупными красными камнями.

На лице ни следа бороды; вообще на теле почти нет волос. А на груди красный рисунок — татуировка, подсказал палец, которым он потерял рисунок, — в виде свирепой птицы, может, орла или ястреба, с полуоткрытым клювом и опущенными крыльями.

Итак — это Каскар! Мертвый Каскар. Но только он, Рамсей, совсем не мертв.

Он снял ленту, отстегнул серьги. Но птицу смыть невозможно: она часть кожи. Что касается остального, то, по его мнению, выглядит он вполне нормально.

Но он хочет знать — должен знать!

Рамсей опустился в воду. Увидел чашку с каким-то зеленым веществом — похоже на агат, но это оказался мягкий крем, издававший острый приятный запах. Он зачерпнул горсть, и вода запенилась. Мыло! Вооружившись им, Рамсей принялся блаженствовать в самой большой виденной им ванне.

Когда вода остыла, он вышел и насухо растерся ожидавшими полотенцами. Потом осмотрел грудку одежды. Одежда по текстуре ткани и украшениям отличается от той, что он снял, она гораздо проще.

Трико, которое он натянул на себя и застегнул с помощью кнопки-пуговицы на плече, того же ржаво-красного цвета, что и одежда Гришильды. А жилет-куртка поверх трико — зеленый, без всякой вышивки или камней на груди. На правом плече изображена небольшая кошачья голова. Куртка короче его прежней золотой по меньшей мере на три дюйма.

Он не стал надевать золотую ленту и серьги. И стоял перед зеркалом, приглаживая волосы руками, поскольку не нашел никакой щетки, когда вернулась Гришильда. На этот раз с ней была Текла.

Девушка одета была так же, как в прошлый раз, но выражение лица у нее не такое спокойное. Она подошла прямо к нему, осмотрела с головы до ног, как будто в его внешности есть что-то очень необычное.

— Беда... — сказала она. — Ты... иди... с Гришильдой... иди в Килсит. Ищут Каскара... найдут... — она яростно покачала головой... — убьют. — Она повторила это слово, ударив концом пальца его в грудь, как ножом. — Очалл... сердитый... грозитя... ты должен уйти.

И прежде чем Рамсей мог возразить или задать вопрос, она подтолкнула его к скамье. Подбежала Гришильда с раскрытой шкатулкой в руках. Она держала ее наготове, а Текла разглядывала содержимое — набор тюбиков и бутылочек.

Девушка выбрала один из тюбиков и раскрыла его. Изнутри выступил толстый, похожий на карандаш стержень. Текла крепко взяла Рамсея за подбородок, повернула лицом к свету и быстрыми мазками закрасила брови. Содержимым другого тюбика смазала волосы и наконец нанесла на лицо слой крема. Потом жестом указала на зеркало.

Больших изменений с помощью своей косметики она не сделала, но эффект повторно поразил Рамсея. Кожа его стала го-

раздо темнее, брови гуще, они почти смыкались над носом. Лоб стал ниже, и все лицо — грубее и старше.

— Хорошо, хорошо! — сказала Гришильда, восхищаясь работой девушки.

Но Текла пожала плечами.

— Немного, — сказала она. — Что можно сделать. Слушай! — Она схватила Рамсея за рукав, оттащила от зеркала. — Ты должен идти — с Гришильдой. В Килсите будешь в безопасности... потом я приду. Ты учишь говорить... Гришильда учить. Нельзя, чтобы захватил Очалл... или... — она колебалась... — или другие. Мы планируем... ты действуешь. Ешь... иди... — Она махнула рукой.

Рамсей хотел возразить. Но ее тревога была так очевидна, что он понял, что может доверять ей. Она сумела — не разрозненными словами, а эмоциями — показать, что она говорит совершенно серьезно. Ему тут опасно оставаться, и ее план — это его единственная надежда.

Он торопливо поел — еда стояла на подносе в другой комнате. Пока он жевал и глотал, Текла расхаживала по комнате, говоря с Гришильдой. Вероятно, отдавала приказы, но говорила так быстро, что Рамсей понял только одно или два слова. Дважды Гришильда, по-видимому, попыталась возразить, но Текла останавливала ее.

Наконец старшая женщина набросила на плечи плащ и сделала Рамсею знак вернуться в другой. Потом указала на него и на небольшой сундучок, стоящий на полу. На крышке у сундучка веревочная петля, и Рамсей понял, что должен нести его.

— Ты... — Текла снова обратилась непосредственно к нему... — человек Гришильды... слуга. Она едет в Килсит... там безопасность.

— Спасибо, — сказал Рамсей, — но почему...

— Почему я это делаю? — Она быстро закончила за него вопрос. — Узнаешь позже. Учишь... говорить... потом поговорим, я тебе сказала. Останешься здесь... Очалл... другие найдут... как Каскар... будешь мертв.

То, что она верит в обоснованность своих страхов, очевидно. А он не может возразить так, чтобы она поняла. Лучше слушаться, по крайней мере на первое время, пока он не узнает лучше их язык и не поймет, что происходит, где он и почему здесь оказался.

Он уже повернулся, подхватив сундучок в правую руку, когда Текла схватила его за левую и крепко сжала обеими руками. Рамсей удивился еще больше, чем когда увидел в зеркале произведенные ею изменения. Потому что как будто поток энергии устремился из ее ладоней в его руку.

И дело не только в физическом контакте. В сознании возникла необходимость торопиться и соблюдать осторожность, предупреждение об опасности, совет выполнять все указания Гришильды, чтобы не выдать себя и не подвергнуться необъяснимой, но совершенно реальной опасности.

— Хорошо, — сказал Рамсей в ответ на это мысленное предупреждение. — Я сделаю, как ты говоришь. — Кое-что он сказал на ее языке, кое-что на собственном.

Она энергично кивнула и выпустила его руку, разорвав контакт, такой странный и не испытанный им раньше. Он хотел бы, чтобы контакт продолжился хоть ненадолго. Может, тогда он узнал бы больше... Но он догадывался, что нужно торопиться, и послушно прошел вслед за женщиной в дверь, которую Гришильда так тщательно закрыла при их первой встрече.

Они оказались в широком коридоре, устланном коврами, с панелями на стенах, со светящимися шарами, развешенными вдоль всей длины на равных интервалах. Гришильда пошла быстро, сделав знак, чтобы он шел за ней на должном, как он предположил, расстоянии для слуги, роль которого он теперь играет.

Дважды им встречались люди в таких же куртках, как у него. Но под ними костюмы желтого цвета с небольшими значками с изображением орла или ястреба, такого же, как у него на коже груди. Встречные поглядывали на Гришильду, но не заговаривали. И Рамсею показалось, что его они вообще не видят, как будто слуга не достоин даже любопытного взгляда.

Коридор перешел в широкую лестницу, которая вывела в новый коридор, еще более широкий. В конце его у двери стояли два стражника, в такой же одежде, как те, у гроба. Один сделал шаг вперед, собираясь о чем-то спросить. Но Гришильда властно подняла руку. В руке ее была зажата серебряная пластинка с изображением кошачьей головы с камнями вместо глаз. Стражник отступил, освобождая проход.

Второй открыл дверь, и Гришильда выплыла в нее, Рамсей — за ней. Они оказались снаружи в сгущающихся сумерках, хотя, по-видимому, по-прежнему в пределах здания. С трех сторон

возвышались пятиэтажные сооружения, с четвертой — просто стена. Но в нескольких шагах от двери стоял экипаж, каких Рамсею не приходилось видеть. У него было пассажирское отделение на трех ногах, подобных ходулям, из которого спускалась лестница. Гришильда заторопилась к ней, и Рамсей в роли слуги догадался пойти быстрее и вовремя оказаться у лестницы, чтобы помочь ей подняться.

Внутри он увидел сиденья. Гришильда обвязалась широким ремнем, и Рамсей последовал ее примеру. Только часть пространства была отведена пассажирам, из чего Рамсей заключил, что должна быть еще кабина для пилота или водителя.

Ему пришлось ухватиться за край сиденья. Он с трудом глотнул, потому что экипаж рывком, от которого едва не перевернулся его желудок, поднялся вверх. Гришильда не удивилась; при этом она с тревогой наблюдала за ним, но спустя секунду-две улыбнулась.

Наклонившись немного вперед, так что ее полную грудь удержал ремень, она сказала:

— Летим...

Но экипаж был совершенно не похож на самолеты его мира. Рамсей не видел лопастей, какие бывают у вертолета, и насколько он помнил, не было и крыльев. И не было разбега для обычного взлета. Да и места для такого разбега во дворе нет.

Но они летят, и когда он прижался к окну справа от себя, увидел внизу россыпь огней. Несомненно, они летят над большим городом.

Без часов Рамсей не мог судить о времени, но летели они недолго и опустились с такой же быстротой, с какой взлетели. Гришильда расстегнула ремень, двери раскрылись автоматически, лестница тоже опустилась сама. Рамсей спустился, поставил сундучок на землю, повернулся и помог Гришильде сойти.

Они оказались в толпе пассажиров, которые прилетали в таких же небольших флайерах. Все шли к большому зданию, и Гришильда пошла в том же направлении. Рамсей пошел за ней, стараясь незаметно разглядывать окружающих. Одежда у всех стандартная, разница только в длине куртки. Женские длинной до лодыжки и с разрезами по бокам. Мужские короче, как у него самого (к тому же, как правило, проще и без украшений), или чуть подлиннее, как та, что была у Каскара. На более длинных вышивка и различные богатые украшения. Обычно людей

в более длинных куртках сопровождали несколько в коротких. Заметны были серьги и ленты в волосах, хотя и не такие дорогие, как были у него. Иногда вместо металла лента из ткани с вышитым узором.

Когда они оказались в здании, Гришильда подождала, пока он не поравнялся с ней.

— Идем сквозь, — сказала она. В руке ее опять оказалась та же серебряная табличка, которую она показывала стражникам у двери. Она проложила дорогу в толпе, и они оказались у ворот, забранных решеткой. За решеткой виден был ряд капсул, соединенных вместе, как бусы. В каждой капсуле двери для входа пассажиров, внутри размещалось четыре человека.

Гришильда показала табличку человеку у ворот. Тот внимательно осмотрел ее, потом протянул руку назад и ухватился за цепочку. Через мгновение подбежал еще один человек в такой же форме. Он в свою очередь рассмотрел пропуск Гришильды, если это был пропуск, потом поклонился, что-то негромко сказал и провел вдоль линии пулеобразных экипажей. Театрально открыл дверь одного из них, подождал, пока они войдут, и снова закрыл за ними.

Спутница Рамсея со вздохом облегчения скинула плащ.

— Хорошо. Здесь безопасно. Одни... больше никого...

Сидений четыре, они слегка наклонены. Она выбрала одно, села и снова закрепила ремень. Потом указала на соседнее сиденье. Но Гришильда не собиралась отдыхать в пути. Напротив, она тут же занялась исполнением приказа Теклы — учить своего псевдослугу языку.

Гришильда обладала твердостью человека, знающего свой долг и намеренного его выполнить. Не успела машина, в которой сидел Рамсей, задрожать, как он уже занимался делом. И понял, что так будет всю дорогу. Не было окон, в которые можно было бы посмотреть на местность и отвлечься от урока. А женщина трудилась добросовестно.

Она не только продолжала показывать на предметы и называть их, но и достала из сундучка пачку страниц, свободно скрепленных в одном углу. Рамсей не мог сказать, служит ли это здесь книгой, но сосредоточился на учении почти с тем же пылом, с каким его учили. Если он научится говорить, то, возможно, поймет природу этого странного... сна? Почему-то он был уже не уверен, что это сон. Хотя представить себе не мог, что же происходит.

Во рту у него пересохло от повторения слов, но словарь его заметно увеличился к тому времени, когда Гришильда повернулась и нажала на кнопку в стене.

— Поедим, — сказала она ему, — и попьем. Это утомительно — учить с самых азав.

Через несколько мгновений в стене открылись две щели, и из них выскользнули два крытых подноса. Подносы опустились на выдвинувшуюся полку. Рамсей снял крышку со своего подноса и обнаружил в секциях квадрат желтоватого хлеба, что-то похожее на сушеные фрукты (слегка сморщенные груши и персики) и в самой большой секции какая-то похлебка. Вдобавок тубик. Гришильда показала ему, как снимать крышку с тубика. Внутри плескалась темная жидкость.

Рамсей зачерпнул ложкой похлебку. Станный вкус ему не очень понравился, но это еда, а он проголодался. Напиток терпкий, похоже на фруктовый сок. Рамсей с удовольствием поел и напился, а Гришильда тем временем называла все блюда и заставляла его повторять за собой. Время от времени, как и во время урока, она качала головой, когда он неправильно произносил трудные звуки.

Хоть его акцент продолжал не удовлетворять учительницу, Рамсей чему-то уже научился. Когда она говорила медленно, он понимал теперь более длинные и сложные предложения. Они кончили есть и сунули подносы назад в щели. Тут Рамсей взял на себя инициативу и задал вопрос:

— Куда мы едем?

— В Килсит, место, куда уезжает госпожа, когда хочет остаться одна, подальше от двора. Оно за границей, не в Уладе.

— А сейчас мы в Уладе?

— Да. А едем в Олироун, страну моей госпожи. Хотя ее собираются отобрать у нее. — В голосе женщины звучала горечь.

— Кто собирается?

— Правители Улада. Они хотели, чтобы она обручилась с наследником Улада. Моей госпоже это не нравится. Но если бы она отказалась, Улад применил бы силу и захватил Олироун. А если она обручится, возможно, будет по-прежнему править и позаботится, чтобы ее люди не стали слугами империи.

— А этот наследник, с которым она должна обручиться, кто он?

— Он... это был Каскар.

— Но... — Рамсей обдумал услышанное. — Каскар... мертв.

— Я не знаю всех подробностей, — откровенно сказала Гришильда. — Могу сказать только то, что слышала от госпожи и видела собственными глазами. Когда мы не по своей воле явились в Лом, где правит император, моя госпожа пошла к старой императрице. Ее царственное великолепие Квендрида сообщила госпоже какую-то тайну, и у той стало легче на сердце. Вернувшись, она сказала мне, что нам нечего бояться: ей не придется выходить замуж за Каскара.

— Вскоре стало известно, что он умер, скоропостижно, от какой-то болезни сердца. Его на время отнесли в Зал Отдохновения Императоров, прежде чем похоронить в склепе. Моя госпожа не Просвещенная, потому что не могла оставить свою страну и уйти в Рошу, покинув дела мира. У нее есть долг перед Домом и своим народом. Но Путь Просвещенных манил ее, и ей дали кое-что из их знания.

— И вот, узнав, что Каскар мертв, она пошла помолиться, чтобы его не судили строго у Последних Врат, чтобы милосердие смягчило приговор, когда он будет стоять там. И нашла... тебя...

— Я не Каскар.

— Так поклялась моя госпожа. И, так как она обладает Знанием, я ей верю. К тому же поднялся большой шум, когда гроб обнаружили пустым, а стражников — зачарованными... Но это... — Она улыбнулась. — Это дело моей госпожи. Иначе она никак не могла увести тебя. Я твою тайну не знаю, а она знает. И говорит, что ты в опасности. Тебя ищет не только Очалл. Есть и другие, обладающие почти такой же властью. Они хотят, чтобы Каскар был мертв, а Очалл хочет видеть его живым.

— А кто такой Очалл?

Она долго молча смотрела на него, прежде чем ответить.

— Незнакомец, я не знаю, кто ты и откуда пришел. Но госпожа заверила меня, что тебе следует доверять, и сказала, что я должна отвечать на твои вопросы, если смогу. Однако мне трудно поверить, что ты ничего не знаешь об Очалле, Железной Воле, Каменном Сердце.

— Он верховный советник Улада и с тех пор, как император болен душой и телом, уже несколько лет обладает высшей властью. Каскар был не правящим принцем, а игрушкой в его руках. Все знали, что, когда император испустит последний вздох, страной, прикрываясь Каскаром как ширмой, будет править

Очалл. А теперь Очалл считает, что, возможно, принц на самом деле не умер, но одурманен наркотиками и его похитили те, кто не хочет видеть его на троне. Но у верховного советника нет доказательств. А те, кто выигрывает от смерти Каскара... моя госпожа опасается, что они захотят доказать, что он умер, предьявить его тело народу.

— Но я не Каскар, — повторил Рамсей. — И как я сюда попал?

Гришильда покачала головой.

— Не знаю. Но, возможно, знает моя госпожа. Это, должно быть, часть той тайны, что доверила ей старая императрица. Когда госпожа придет в Килсит, она сможет ответить на твои вопросы, которых я не понимаю. Правда, что ты не Каскар. Теперь другой человек смотрит его глазами, говорит его языком. Это правда — и это удивительно. Но так как ты похож на Каскара, ты в опасности, пока дело не прояснится. Поэтому госпожа и отсылает тебя в Килсит. Там ты можешь подождать в безопасности.

Рамсей покачал головой. Это невероятно — никакой логики, какая-то галлюцинация. Но совершенно очевидно, что Гришильда верит в свои слова. А он должен узнать от нее, что сможет, чтобы покончить с этой дикой ситуацией и вернуться к реальности.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Дрожь прекратилась, поезд (вероятно, так можно назвать эти соединенные капсулы) как будто остановился. Гришильда сунула руку в разрез одежды и снова извлекла серебряную пластинку с головой кошки.

— Мы на границе, — сказала она. — Это символ госпожи, он проведет нас через границу. Но... — она повернула голову и указала на сиденье за собой... — так как ты играешь роль слуги, играй как следует, жди меня молча. Я первая компаньонка госпожи.

Рамсей понял ее и быстро пересел на заднее сиденье, отведенное для слуг. Он надеялся, что его не станут расспрашивать, иначе ломаная речь может его выдать.

Дверь, через которую они вошли, скользнула в сторону. Заглянул человек в плотно облегающей шапке, скорее похожей

на капюшон, со значком кошки. Гришильда ничего не сказала, только подняла пластинку. Тот мигнул, поклонился, и дверь снова закрылась.

— Хорошо! — Спутница Рамсея перевела дыхание, словно долго сдерживала его. Может, она не так уверена в себе, как старается казаться. Но Рамсей подождал, пока поезд не тронулся, прежде чем снова пересесть на переднее сиденье.

— Нам еще далеко? — спросил он.

— Нет. Вскоре Материнг, станция в Верхней провинции. Там нас будут ждать. Килсит раньше, до правления госпожи, был охотничьим домом. Но те, кто из Роши, не убивают, они хранят жизнь. Поэтому в Килсите больше не охотятся, там живут те, кто защищает жизнь леса Ворст, а не уменьшает его силы. Теперь... — Она поджала губы, и между глазами у нее появилась небольшая морщинка. — Слушай внимательно, человек, который не Каскар. В Килсите ты не можешь играть роль слуги, потому что те, кто там живет, быстро поймут, что ты не из их числа. Поэтому моя леди подумала и изобрела для тебя другую роль. Но ты должен хорошо понять, чтобы играть ее правильно. Теперь ты Арлут и прибыл из Толкарна — это за морем.

— В Толкарне живут по старым обычаям, и один Дом смертельно враждует с другим. Это дикая страна, и там легко льется кровь. Ты, Арлут, родич моей госпожи, но несколько поколений отделяют тебя от ее Дома. И ты единственный живой наследник, твоя жизнь должна быть сохранена, иначе умрет твой Дом и больше не будет мужчины, который смог бы стоять перед очагом Дома в Высокие Дни. Тебя преследует кровная месть, и потому с разрешения госпожи ты скрываешься здесь. Понятно?

Сон становится все более диким и нелепым, подумал Рамсей. Но сказанное Гришильдой понять легко.

— Да. Я Арлут и скрываюсь здесь, потому что враги поклялись убить меня.

— Ты будешь жить в Килсите, — продолжала Гришильда, — и у наших людей появятся причины опасаться тех, кто может тебя искать. Любого пришельца сочтут твоим кровным недругом из Толкарна или наемным убийцей. Поэтому если в Уладе заподозрят что-то и отправятся за нами, нам об этом станет известно. У тебя будет хороший предлог держаться незаметно и за закрытыми дверями — в Красных Королевских покоях, в них ведет только одна дверь, так как у Гурона Красного были причины

самому опасаться убийц. А когда приедет госпожа, она расскажет нам, что узнала.

План выглядел убедительным и логичным, если что-нибудь в этом захватившем его лабиринте может быть так названо. Он будет незаметно жить в Килсите, под охраной людей, которые считают, что за ним охотятся наемные убийцы, и ждать хоть какого-то объяснения.

Какую тайну поведала старая императрица Текле? Как она может объяснить то, что произошло с неким Рамсеем Кимблом? Он привык считать, что обладает живым воображением, но никакое объяснение ему не приходило в голову. Ничего не остается, кроме как плыть по течению, пока он не уцепится за какой-нибудь факт.

Когда они вышли из пулеобразного вагона, уже наступило утро. Рамсей не видел ничего, что объясняло бы движение поезда. И эти похожие на бусы капсулы движутся не по рельсам, а скользят по канавке в земле, она заняла место привычных рельсов его мира.

Вблизи виднелись крыши города. У платформы, на которую они сошли, стоит небольшой фургон с впряженными... Рамсей присмотрелся внимательней. Не лошади, а большие вапити или лоси его собственного мира! Два рядом, а третий впереди — коренник. На высоком сиденье человек с вожжами в руках; животные фыркают и мотают рогатыми головами; им не нравится близость поезда. Но поезд уже начал отходить.

Рамсей поднял сундучок за веревочную ручку и пошел за Гришильдой, которая направилась к запряженному лосями фургону. Он помог ей подняться на обитое кожей сиденье, а сам сел напротив. Кучер, видя, что они сели, дернул вожжи, и лоси быстро пошли.

Они не свернули к городу, а двинулись параллельно канавке поезда по немощеной дороге. Впереди справа Рамсей видел темную линию — это, несомненно, лес; по сторонам дороги огражденные поля, на них созревающий урожай.

Линия поезда ушла в сторону. Теперь слева местность, заросшая кустарником, кое-где отдельные деревья возвещают близость леса. Лоси пошли ровной рысью, а у фургона, по видимому, совсем не было рессор. Пассажиров бросало взад и вперед на сиденьях, пришлось крепко схватиться за края скамьи и держаться, предупреждая толчки и прыжки.

Сама дорога становилась все уже и скоро превратилась просто в старую колею. Поля остались позади, и фургон теперь двигался по опушке леса.

Тут пришлось пробираться через груды опавшей листвы, пахло растительностью. Рамсею показалось, что он различает запах сосны, и он был уверен, что видел клены, дубы и березы. Вапити, везущие фургон, были крупнее и тяжелее тех, что он видел в своем мире, но деревья и вообще растительность кажутся похожими. Все это он не мог извлечь из своего воображения, как бы ни управляло им так называемое подсознание, производя этот сон.

Они ушли от солнца и погрузились в зеленоватую полумглу. Вначале Рамсей был рад, что стало не так жарко. Но потом ощутил какое-то угнетение, какой-то упадок духа, словно лес отвергает его. Кричали птицы, он видел, как они летают меж деревьев. Белка раздраженно трещала на ветке. Но есть здесь еще что-то... что-то древнее, грозное...

Рамсей покачал головой, чтобы успокоить свое воображение. С того времени как они покинули станцию, он не обменялся с Гришильдой ни одним словом. В сущности почти перестал замечать ее присутствие, борясь с усиливающейся тревогой.

Дорога свернула вправо, они еще больше углубились в лес, и Рамсею все меньше и меньше нравился зеленый сумрак. Он нечасто жил в дикой местности, только когда работал на лесозаготовках и несколько раз бывал в походах в ухоженных национальных парках. И никогда не чувствовал, что за ним наблюдают, следят...

Неожиданно он заметил монолит, столб из красного камня, торчащий среди зелени как копьё. Он не может быть капризом природы. Повернувшись, чтобы задать Гришильде вопрос, он увидел, как она подняла руку к груди, сжала в кулак, направив на камень указательный палец и мизинец. И произнесла несколько слов, которые он не расслышал.

— Что это?

Она сильнее нахмурилась.

— Один из Древних... там сзади... скрыт... одно из мест Силы. Мы туда не ходим. И не говорим об этом.

И она бросила на него предупреждающий взгляд.

Он послушно сдержал язык. Если он Арлут, ему следует придерживаться местных обычаев. И подумал, долго ли им еще про-

бираться этой дикой местностью. Рука у него болела от усилий удержаться на месте, он устал...

Но путешествие казалось бесконечным. Один или два раза фургон останавливался, давая возможность передохнуть животным. Но кучер ни разу не заговаривал с пассажирами, и Гришильда тоже молчала. Рамсей опасался говорить, плохое владение языком могло выдать его кучеру.

Наконец в зеленой стене показался просвет. Вапити вырвались на освещенное солнцем пространство и заревели, радостно предвкушая конец пути.

Три четверти поляны занимало низкое здание и окружающие пристройки. Стены из того же красного камня, что и столб в лесу, но это жилой дом с узкими, забранными решетками окнами и простой дверью на больших петлях и с запором. Крыша черепичная, и черепица у карниза поросла зеленым мхом.

Фургон остановился перед дверью, которая открылась, прежде чем они успели выйти. На пороге стояла женщина. Рукава платья у нее были закатаны, пояс подхватывал юбку, словно женщина отрывалась от какой-то работы. Тело у нее было плотное, короткое, лицо широкое, с приплюснутым носом, настолько не похожее на лицо Теклы, словно она принадлежит к другой расе, хотя кожа того же коричневого цвета. Волосы черные, но не короткие, как у Теклы и Гришильды. Они заплетены в косу, а коса обернута вокруг головы и заколота несколькими медными булавами с головками из того же металла.

Женщина низко поклонилась Гришильде, потом неуверенно взглянула на Рамсея. Гришильда произнесла несколько фраз, которых Рамсей не понял, и женщина отвесила и ему почтительный поклон.

— Это Эмека, жена главного лесничего и хранителя дома. Она из Заговы и плохо владеет нашим языком. Я сказала ей, что ты дальний родственник госпожи. Позже я подробнее расскажу ей историю, которую придумала госпожа.

Они вошли в длинную комнату с зияющим против двери огромным очагом. Внутри все было в тени, потому что узкие окна пропускали очень мало света. Пол каменный, каменные стены увешаны коврами грубой работы с рисунками и гербами, которые Рамсей не узнал.

На широкой доске над камином три маски из начищенной меди. Рамсей узнал реалистические изображения волка, оленя и

дикого кабана. Изогнутые клыки кабана придавали маске злобный, угрожающий вид.

Массивная мебель выглядела так, словно стоит здесь столетия. Дерево потемнело от времени. У камина две скамьи с высокими спинками, несколько стульев, длинный стол и у стен сундуки и буфеты.

Немного погода — Гришильда осталась внизу — Рамсея провели по лестнице с неровными ступенями наверх в комнату, где массивной мебели стоящей внизу соответствовала кровать с резными столбиками, два шкафа, стол и несколько стульев. На занавесах были изображены различные животные, столь же реалистичные, как маски. В комнате пахло затхлостью, как будто ею давно не пользовались.

Эмека торопливо прошла мимо Рамсея, открыла оба зарешеченных окна, чтобы впустить свежий воздух и немного света. Потом снова поклонилась и вышла. Рамсей осмотрелся и обнаружил за одним из занавесов примитивную ванную — вода постоянно текла через отверстие в стене, словно ее качали из источника. Воду можно набрать в неглубокую ванну в полу, заткнув пробкой отверстие. Но мыться, решил Рамсей, нужно быстро, иначе вода заполнит ванну и затопит комнату.

Его больше интересовала кровать: пришлось признаться, что хочется спать. Спать... Он все еще надеялся, что если крепко уснет, проснется в своем мире. Он разделся и заполз в кровать. Простыни были свежие, даже слегка пахли цветами или травами. Рамсей со вздохом опустил голову на подушку.

На этот раз он не лежал без сна, пытаясь понять, что же произошло. И если ему и снилось что-нибудь, проснувшись, он не помнил.

Рамсея разбудил стук в дверь. В узкие окна по-прежнему светило солнце. Он сел и закутался в одеяло. На мгновение забылись все слова, которые Гришильда вколачивала в него во время путешествия. Он не мог вспомнить ни одного самого простого выражения. Но потом взял себя в руки, выбрался из постели, подошел к деревянной двери и поднял замок.

Снаружи стоял человек с большим медным кувшином в руках, от кувшина поднимался пар; через плечо пришедшего висела свежая одежда.

— Твой слуга, лорд... — Человек поднял голову в грубоватом приветствии.

Он был одет в коричневое, с обязательным изображением кошачьей головы, на этот раз на медном значке, приколотом у плеча. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке; возможно, никогда раньше не исполнял роль камердинера. Но налил горячей воды в ванну, и Рамсей, помня, что ванна может переполниться, быстро вымылся. Лесник вернулся в комнату и положил на кровать принесенную одежду. Как и его собственная, она состояла из облегающего коричневого трико и зеленой куртки, но сшита из более тонкого материала. На медном значке кошачья голова с глазами из сверкающих камней.

— Леди Гришильда, лорд. — Человек говорил медленно, как будто тоже подыскивал слова на чужом языке. — Она просит вашего благородного присутствия. Получено сообщение...

Рамсей поблагодарил и быстро оделся. Человек оставил его в одиночестве в комнате, где заходящее солнце уже не касалось пола. Сообщение? Рамсей считал, что оно может прийти только от одного человека — от Теклы. И решил, что скоро у него появится возможность расспросить ее, задать вопросы, которые звучат у него в сознании уже несколько дней.

Он нашел Гришильду внизу. Она сидела на стуле у стола, покрытого кремового цвета скатертью. На столе стояли тарелки, лежали ложки, вилка с двумя зубцами и нож, все с одинаковыми ручками.

Гришильда при его появлении встала и склонила голову, создавая впечатление, подумал Рамсей, что он выше ее рангом. Но он ответил на ее молчаливое приветствие поклоном, который скопировал у лесника.

— Леди...

Она улыбнулась.

— Ты очень любезен, мой лорд. Не хочешь ли сесть и поесть? Конечно, здесь не городской пир. Но еда вкусная.

Она указала на стул во главе стола. Рамсей занял место, и Эмека и молодая девушка, похожая на нее, торопливо принялись его обслуживать.

Как и пообещала Гришильда, еда оказалась вкусной и питательной. Кусок какой-то птицы в соусе, темный хлеб, мед в сотах, сладкий картофель, бобы, запеченные овощи с каким-то необычным вкусом. Пища опять напомнила ему о его собственном мире; именно такое сходство, хотя и незначительное, больше всего его тревожило.

— Ты получила послание, леди? — Он не мог больше ждать. Гришильда кивнула.

— Оно пришло птичьей почтой, так госпожа всегда шлет сюда сообщения. Она на пути сюда, но сначала должна побывать в Иртише, в своем доме, и потому задерживается. Глаза и уши Улада следят за ней — это несомненно. Хотя подозревают ли... — Гришильда пожала плечами. — По одному подозрению они не смеют ее задерживать. Поскольку Каскар мертв, обручения не будет и она имеет полное право вернуться в Олироун. Мы можем ожидать ее через два дня, может, даже раньше.

Два дня — Рамсею показалось, что это очень долго. Час проходил за часом, и Рамсей понял, что нетерпение может сожрать человека. Гришильда предупредила, чтобы он не никуда уходил, даже не выходил из дома, чтобы его не заметили, хотя продолжала утверждать, что любого чужака лесники быстро обнаружат и доложат о его появлении.

В доме хозяйничала семья Эмеки, которая состояла из ее мужа, старшей дочери, муж которой и играл роль неуклюжего слуги Рамсея, и двух младших детей: мальчика и девочки, которые время от времени украдкой поглядывали на гостей в окно или через дверь. Они явно побаивались Гришильды, а может, и Рамсея, который, по слухам, родственник, пусть и далекий, правительницы этой страны.

Делать было почти нечего, оставалось только совершенствоваться в языке, и Гришильда терпеливо помогала Рамсею в этом. Он пытался расспрашивать ее о положении в этой стране и о том, чем связаны Каскар, Текла, а теперь и он сам.

Он узнал, что Олироун — небольшое независимое государство. Несмотря на то что Улад стремится захватить его, главным образом из-за богатых залежей полезных ископаемых, которые местными жителями разрабатываются очень экономно, Олироун сохранил независимость в основном благодаря могущественной и влиятельной группе религиозных предводителей, так называемых Просвещенных. Со слов Гришильды Рамсей понял, что они обладают какой-то способностью воздействовать на сознание, и простые люди почитают и боятся их. И если бы Улад попытался применить силу против своего маленького соседа, он тем самым расшевелил бы осиное гнездо среди собственных крестьян.

Однако в последние годы у императрицы-матери Улада появился советник из числа Просвещенных по имени Оситес.

И советники Олироуна испугались, что незримое равновесие изменится, сторона Улада перевесит. К тому же Очалл начал преобразование армии, отпустив солдат, желающих уйти, по домам. Вместо них он привлек наемников из-за границы, людей, воюющих не из верности, а только ради денег. И из какого-то источника Очалл черпал неограниченные средства для содержания армии.

Наемники не испытывали страха перед Просвещенными. Все знали, что Каскар — всего лишь марионетка, что после его восшествия на трон истинным правителем будет Очалл. Олироун оказался в серьезной опасности. Настолько серьезной, что Текла согласилась выйти замуж за слабого и несамостоятельного наследника.

— Она пошла в Рошу, — сказала Гришильда. — И там разговаривала со Слышащей. Слышащая сделала предсказание. Была найдена только одна дорога — брак Теклы с наследником Улада. Во всех остальных направлениях — гибель. Потому что Просвещенные не пользуются своей Силой, чтобы спасти какое-нибудь государство, не принимают ничьей стороны. Если так поступать, говорят они, Сила покинет их. Они дают советы, но не поддерживают тех, кто обращается к ним. Каждый мужчина и каждая женщина должны решать за себя. Но, должно быть, какое-то предупреждение моя дорогая госпожа получила: в Лом она отправилась в торжестве, а не в отчаянии.

— Но ты сказала, — заметил Рамсей, — что Просвещенный сейчас советник матери-императрицы. Если они не принимают ничью сторону...

— Это так. Он может давать советы. Советовать, но не действовать на благо Улада. Однако какие советы он дает, мы не знаем. Ведь Просвещенные смотрят на жизнь не так, как мы. Только им виден рисунок в путанице, которая нам кажется загадкой. И часто их совет может привести человека к беде. А они тем не менее утверждают, что в этой беде лежат семена будущего добра. Поэтому не каждый человек и не каждый правитель решается просить их о предсказании. Моя госпожа сделала это, потому что боялась за судьбу Олироуна. Не знаю, что ей сказали, знаю только, что ей показали ее выбор...

Гришильда оказалась права в своих догадках о том, когда ее госпожа прибудет в Килсит. Но Текла появилась не в фургоне, запряженном вапити, а во флайере, который коснулся земли пе-

ред самым входом в дом, и, как только она вышла, немедленно взлетел в воздух и сразу потерялся над лесом в лучах заходящего солнца.

Гришильда с приветственными возгласами подбежала к ней, схватила руку хозяйки, сначала поцеловала ее, потом прижала к груди. Слезы побежали из ее глаз. И Рамсей понял, что, несмотря на внешнее спокойствие, женщину все эти дни мучила тревога за девушку, которую она явно любит. Текла поцеловала ее в щеку и свободной рукой потрепала по плечу. Но и ее глаза блестели, словно от непролитых слез. Потом она посмотрела туда, где стоял Рамсей, и приветственно подняла руку.

Он поклонился, но не подошел к ним. Хоть его мучило нетерпение, инициатива должна принадлежать девушке. Сейчас не время задавать вопросы.

К вопросам они перешли только после ужина, когда Эмека и ее старшая дочь убрали со стола и семья лесника удалилась в свои помещения в тыльной части дома. Текла смотрела, как закрывается дверь за поклонившейся Эмекой, потом сразу повернулась к Рамсею.

— Наш лесной наряд идет тебе, кузен, — заметила она. — Но у нас мало времени. Я советовалась с Эдайс...

Он услышал, как шумно вздохнула Гришильда. Текла посмотрела на нее.

— Да, я снова попросила предсказания, дорогой друг. И... — Она подняла руки и опустила их на колени. — И оно осталось прежним, даже после смерти Каскара. Олироун и Улад должны сочетаться браком, чтобы мой народ получил в будущем безопасность. Это, разумеется, означает брак с Берталом, двоюродным братом принца Каскара. Что ж, я мало слышала о нем хорошего, но и плохого тоже немного. Однако он по крайней мере не марионетка Очалла. Но достаточно о моем будущем — надо заняться твоим. — Она снова прямо обратилась к Рамсею.

— Ты знаешь, как я оказался здесь? — сразу спросил он.

Он не ожидал ее утвердительного ответа, но она кивнула.

— Да. Я поклялась хранить это в тайне. Но теперь меня освободили от клятвы. Оситес и — косвенно — сама императрица. Они боятся тебя, смертельно боятся. Дело это очень странное. — Она немного поколебалась. — Кажется, существуют области знания, которые незнакомы даже Просвещенным. В Ломе молодой специалист по созданию машин на основе такого знания

сначала пробился к принцу Берталу, а потом к советнику Урвику. Те отвели его к императрице.

— Доказано, что существует много миров, находящихся рядом друг с другом, но разгороженных какой-то формой энергии. В этих мирах-двойниках живут наши двойники, живут по-другому, потому что история этих миров иная. Это Просвещенным давно известно. Они знают также, что в отдельных местах стена между мирами становится тоньше, ее подтачивает какая-то другая неизвестная энергия. И человек, мужчина или женщина, может пройти сквозь стену, исчезнуть в своем мире и оказаться в другом.

— Все это знал и Мелколф, хотя он не Просвещенный, потому что работал не при помощи контроля сознания, а с помощью машин. Он годами создавал их. Ему хотелось путешествовать из мира в мир. Однако у него были причины опасаться Очалла, и потому он предложил Берталу свой план. План таков. Если отыскать в одном из этих миров двойника Каскара, можно отправить личность принца в тело этого незнакомца и организовать его смерть. И тогда Каскар, привязанный к этому незнакомцу, тоже умрет, очевидно, от остановки сердца, и на нем не будет ни следа насильственной смерти.

— Трижды проводили они опыты на преступниках, осужденных на смерть. Но им нужна была помощь Оситеса, потому что плану должен предшествовать ряд снов...

— Снов! — прервал Рамсей.

— Ты ведь видел сны, правда?

Он кивнул, но она продолжила, прежде чем он смог заговорить:

— Оситес предсказал... он подтвердил, что тебя можно завлечь в несчастный случай, и с тобой погибнет Каскар. Мелколф запустил свою машину. Они считали, что поступают правильно — из-за Очалла и того, что произойдет, когда трон займет Каскар. Но получилось не так, как они планировали. Каскар умер, а ты оказался в его теле. Оситес говорит, что так произошло, потому что они вмешались в план твоей жизни, а этот план должен быть завершен.

— Теперь тело Каскара исчезло, и Очалл словно обезумел. Он считает, что принца только опоили и где-то держат взаперти. У Мелколфа на это нет ответа. Однако теперь Бертал, Урвик, Мелколф — все они ищут тебя. И если найдут, постараются прикончить...

— Могу ли я вернуться? — Рамсей отбросил ее предупреждение. История такая фантастическая, и все же он поверил в ее правдивость. Он здесь и проснулся в теле мертвеца.

— Этого я не знаю, — честно ответила Текла.

— Но я должен вернуться! — Он произнес эти слова как клятву, данную самому себе, а не тем, кто его сейчас слышит.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Рамсей встал спиной к камину, внимательно глядя на Теклу.

— Может Мелколф запустить машину в обратную сторону? — спросил он у девушки.

— Не знаю. Посылка снов — это дело Просвещенных. Я много раз видела это у наших людей. Сбывшиеся предсказания — тоже обычное дело. Но использовать машину... — Она покачала головой. — Этот Мелколф пошел новыми путями. Я знаю только, что использование его машины вместе с посылкой снов что-то изменило: Каскар умер, а ты жив. Хотя они стремились не к этому.

— Оситес и императрица, — медленно продолжала она. — Они хотят, чтобы ты исчез, потому что теперь ты угроза для их целей. Но они не поднимут на тебя руку, чтобы достичь своего желания. А вот относительно Бертала, Урсвика и Мелколфа этого я не могу пообещать. Они охотно убьют тебя, чтобы скрыть свою тайну. И Очалл — если ты попадешь в его руки... — Текла вздрогнула. — Он превратит тебя в оружие, которым уничтожит всех противников.

— Они знают, что ты помогла мне уйти из Улада?

— Оситес должен догадаться; Очалл определенно знает, что стражникам в ту ночь была внушена галлюцинация. Но он видит Оситеса. Только владеющий Силой может выступить против Просвещенного. Мне ничего не говорили. И я ничего не скажу, когда исполню предназначение судьбы и обручусь с Берталом. Я слишком ценна для их планов...

Взгляд Теклы оставался спокойным. Она действительно верит в то, что говорит; Рамсей не сомневался в этом.

— Если бы я мог добраться до этой машины... — снова начал он, говоря наполовину с собой, вслух высказывая мысли.

— Не знаю, что бы ты смог сделать, — откровенно ответила Текла. — Тайну машины знает только Мелколф. Но, вполне

возможно, они, чтобы скрыть тайну, согласятся вернуть тебя в твой мир.

— Они намекали тебе на это?

Текла покачала головой.

— Я не смогла поговорить ни с кем из них. Но если ты вернешься в Лом, окажешься в пределах досягаемости Очалла. А я не сомневаюсь в его намерениях. Каскар был его созданием, он был полностью в его власти. Как сделал он принца своим орудием, так же сделает и тебя.

В Рамсее вспыхнул гнев. Какой бы дикой ни казалась ее история, она похожа на правду. Сам факт, что Текла полностью в нее верит, убеждает. То, что его хладнокровно использовали для осуществления интриги в другом мире, использовали жестоко, без его ведома и воли, превращало горячий гнев в ледяную решимость. Отныне Рамсей Кимбл не будет марионеткой, не будет действовать по капризу тех, кто осмеливается использовать незнакомцев в своих целях.

— Я хочу вернуться в Лом. — Он не задавал вопрос. Просто сообщил факт. — Я должен добраться до машины...

Текла встала.

— Я знала, что ты так ответишь. Но ты выбираешь самый опасный способ действий. Однако я не выскажусь против. Потому что хоть я и не Просвещенная, но у меня есть предчувствие, что такова твоя тропа. Но так как тропа эта опасна, мы должны идти по ней с осторожностью...

— Мы? — повторил он. — Я больше не могу надеяться на твою помощь. — Вероятно, он должен быть благодарен ей за то, что она уже сделала, дала ему передышку, убежище, где он мог скрыться на время от двух могущественных группировок, ни одна из которых не желала ему добра. Но дальнейшие ограничения его действий приводили его в раздражение. К несчастью, в этот момент он понятия не имел, какими будут его действия, ему нечего было противопоставить ее плану, потому что она знает правду. И он испытывал лишь негодование, что придется действовать не по собственному плану.

Текла пожала плечами. Оживление исчезло с ее лица.

— В таком случае иди открыто навстречу смерти, незнакомец. Или к еще худшей, чем смерть, участи, которую готовит тебе Очалл. Разве ты достаточно знаешь наш мир, чтобы найти

в нем место и не выдать себя тысячью способов, больших и малых, первому же внимательному наблюдателю?

Он восставал против этой логики, но не мог не признать, что она права. Он владеет языком — не очень хорошо — только благодаря ее приказу и старательности Гришильды. Но обычаи, даже мелкие привычки повседневной жизни — она права: он в любую минуту может совершить фатальную ошибку.

— Теперь ты понял? — Должно быть, она прочла его мысли. — Только если понял и согласен на мое руководство, ты можешь вернуться в Лом. Хотя и это очень неразумно. Гораздо разумнее на время остаться здесь, потом уехать за море, где у всех чужаков странные обычаи, и поэтому ты не будешь бросаться в глаза среди местных жителей...

— Я не собираюсь оставаться здесь — даже в Ломе! Я вернусь в свой мир!

— Справедливо. Если это возможно. Ты будешь сопровождать меня в Лом как Арлут, под личиной, которую мы уже использовали. По старому обычаю человек, которому угрожает месть — кровник, — ходит под маской. А у меня нет родственников мужчин, которые должны присутствовать при обручении. Никто из мужчин моей крови не встанет рядом со мной и не сможет быть моим защитником. Это древний обычай, всего лишь формальность. Я выбрала бы для церемонии одного из родственников Бертала. Но у меня теперь есть кузен из-за моря, и в подобном нет необходимости. Ты неплохо овладел нашей речью, теперь нужно изучить наши обычаи, как вести себя в роли кровника — чтобы в Ломе не вызывать подозрений.

Текла не могла задерживаться в охотничьем доме. Она переночевала и утром улетела на флайере, но еще до конца дня другой флайер высадил у дверей мужчину. Пожилой человек, с седой черными волосами, с звездообразным шрамом в углу рта.

Он небрежно приветствовал Рамсея, внимательно оглядывая темными глазами молодого человека, словно мог сделать вывод по одному этому взгляду.

— Юрк, — представился он. — Командир ее личной стражи. Я тоже выходец из заморского Толкарна.

Юрк стал его инструктором. Рамсей так никогда и не узнал, доверила ли Текла командиру своей стражи всю правду. После момента их знакомства Юрк больше никогда не упоминал свою

госпожу. Напротив, он полностью сосредоточился на поставленной перед ним задаче — сделать из Рамсея как можно лучшую имитацию молодого толкарнского лорда.

Он рассказал Рамсею, что страна за морем находится в таком же хаотическом феодальном состоянии, в каком находился Улад до прихода старого императора и покорения своенравных и воинственных лордов. В Толкарне нет центральной власти, которая могла бы навести порядок; каждый Дом владеет собственной территорией. Один Дом может вступить с другим в союз для защиты, или для совместного набега на соседа, или по какой-либо другой взаимовыгодной причине, но такие союзы редко держатся больше нескольких лет или, возможно, одного поколения.

Самой страшной особенностью всеобщего хаоса является идея личной мести. Одна ветвь Дома может напасть на другую в надежде захватить власть над всем Домом. И когда вражда открыто провозглашена, всех, кого она затрагивает, можно открыто калечить и убивать. Однако, если в Доме выживает один-единственный мужчина, он должен забыть честь и отыскать безопасное убежище. Тем временем в переговорах решается спор. Потому что полное уничтожение Дома, как ни странно, не соответствует высшим требованиям кодекса этих полуварваров, а они строго следуют своему кодексу.

Такой представитель Дома может уйти за море. Это вполне обычное явление. Появляясь на людях, он всегда ходит в маске и без оружия, и такое состояние должно защитить его от любого нападения.

С помощью искусных, как он надеялся, расспросов Рамсей обнаружил, что и Толкарн, и Улад не всегда находились в таком смятенном состоянии. Некогда в мире существовала единая цивилизация с прочным центральным правительством. Но неожиданная и драматичная перемена в основных предметах торговли — она была вызвана открытием нового гораздо более эффективного и дорогостоящего металла — и последующая династическая борьба привели к краху этой центральной власти.

На столетия оба континента погрузились в войны — вначале из-за запасов руды. Потом последовали ужасы какого-то атомного конфликта и темный век.

Улад вот уже в течение трех поколений постепенно уходит от темного прошлого. Но сейчас успех в этой борьбе зависит

от поражения Очалла, у которого по-прежнему феодальное сознание и который видит только один способ захватить прочную власть — войну.

Толкарн до сих пор не породил предводителя, который смог бы завоевать верность более чем одного или двух Домов. И поэтому страна остается охваченной множеством мелких войн. А так как война и торговля взаимно исключают друг друга, мало кто из купцов решается направиться к тем берегам. В сущности в Уладе и Олироуне Толкарн превратился в легенду.

Но Юрк там когда-то жил и потому мог вспомнить старые обычаи и церемонии. В последующие дни и ночи он учил им Рамсея.

У них оказалось немного времени для таких занятий. Через десять дней после возвращения Теклы в свою столицу прилетел флайер со срочным сообщением, что находящиеся в охотничьем доме должны прибыть в Иртиш, где сейчас находится двор герцогини.

Снова Рамсею пришлось переодеваться. Одежду лесника он отложил в сторону и надел тускло-красное трико и поверх него кожаную куртку такого же цвета. На груди изображение сломанного меча в венке из дубовых листьев. Вдобавок от верхней губы до волос лицо его прикрыла маска, соединяющаяся с облегающей шапочкой, покрывающей голову, как лыжная.

На макушке перо, окрашенное в такой же серебряный цвет, как и изображение на груди. Посмотрев на себя в зеркало, Рамсей решил, что в этой варварской фигуре никто не узнает Каскара. Во всяком случае пока у него на лице маска, хотя носить ее неприятно и она ограничивает поле зрения.

Они с Юрком и Гришильдой сели в флайер, пролетели над большим лесом, потом над возделанными полями и несколькими небольшими городами. В отличие от наземных пулеобразных вагонов, во флайере были окна и можно было увидеть местность внизу — конечно, если флайер не поднимался очень высоко.

Сам Иртиш располагался у подножия гор в глубине Олироуна. Именно в этих горах расположены шахты. И единственная дорога к шахтам, открытая круглый год, проходит через древний город Теклы, построенный скорее как крепость, чем просто как столица. Дворец и резиденция правительства больше всего напоминает замок с восемью сторонами, в какой-то степени похожий на средневековые замки в мире Рамсея.

Флайер пролетел над домами города и опустился на крышу сторожевой башни, где их ждал небольшой отряд стражников. Стражники приветствовали Юрка и, казалось, не обратили никакого внимания на его спутника. Гришильда, взяв Рамсея за руку, отвела его в сторону, в дверь, за которой узкая лестница уходила вниз, в плохо освещенные внутренние помещения замка.

По мнению Рамсея, замок представлял собой настоящий лабиринт проходов, коридоров, дверей (почти всегда закрытых, так что невозможно догадаться, что находится за ними), лестниц, ведущих вверх и вниз. Наконец все трое оказались в части замка, где стены не были голым камнем без занавесей.

Тут были мягкие ковры и настенные гобелены со стилизованными, а не реалистическими рисунками. Но Рамсею не представилась возможность их рассмотреть, потому что Гришильда чуть не бегом тащила его за собой.

Наконец она остановилась у одной двери и постучала. Дверь открыл человек в одежде слуги, такой же, какая была на Рамсее во время бегства из Лома. Человек поклонился, пропустил их и закрыл за ними дверь.

Здесь пол покрывал ковер в цветах. Лаванда, золото, розы на фоне весенней зелени. На стенах панели тоже в цветах, на них букеты, перевязанные серебряными лентами. Только с одной стороны стену прорезали высокие окна, в которые проходил дневной свет.

У окна прямо напротив двери за столом сидела Текла. На столе находилось множество открытых желтых раскрашенных ящичков, и в каждом из них лежал лист бумаги. Впрочем, бумага толще и более грубая, чем та, что привычна Рамсею.

Текла как раз прикладывала печатку на своем кольце к одному такому листу. Предварительно она прижала печатку к алой подушечке в форме головы кошки, обрамленной серебром. При виде вошедших она оттолкнула грудку ждущих бумаг и встала.

— Получено сообщение. — Она не стала тратить время на приветствия, как будто ей нужно было немедленно сообщить им о каком-то чрезвычайном происшествии. — Отыскали, как утверждают, тело Каскара. Это организовано Мелколфом и Берталом. Снова готовится погребение принца. И меня призывают для исполнения моей роли. Вернуться мне не позволят, насколько мне известно, пока я не обручусь с Берталом. Но пойдут ли дела так гладко, как они хотят, это мы еще посмотрим.

— Очалл удалился в Видин, официально чтобы собрать подданных Каскара и привести их для прощания к его могиле. Видин, — объяснила она Рамсею, — находится во владении наследника императора. Но Каскар проводил там очень мало времени. Он не интересовался обязанностями правителя, ему нравились только удовольствия и привилегии власти, вот этим он увлекался чрезмерно. Но я не могу поверить, чтобы Очалл покорно признал смерть Каскара и готов похоронить его.

— Я получила личное письмо от императрицы Квендриды. Император в любое мгновение может отойти к Последним Вратам. Так как Очалл отсутствует, императором сразу будет провозглашен Бертал, хотя Каскар еще и не погребен. Лом полон слухами, противоречащими друг другу. В городе волнение, и императрица привела гвардию в состояние готовности. И просит меня явиться немедленно. Обручение с Берталом последует сразу после его провозглашения.

Она говорила равнодушно и спокойно, как будто все это не имело отношения к ее будущему; скорее словно это уже в прошлом, окружено непреодолимыми стенами истории. Рамсей почувствовал неожиданное желание возразить. Как Текла может воспринимать естественным такое будущее, будто она вещь, а не личность с собственными желаниями, сомнениями, страстями? В его мире и в его время сохранились лишь пережитки монархической власти. Да и сами сохранившиеся правители гораздо свободнее, они не застывшие символы истории и долга, навсегда огражденные от обычных людей. Текла для него не символ власти, она личность, исключительно привлекательная и умная девушка, которая помогла ему, хотя у нее не было для этого причин, помогла спастись от тех самых сил, с которыми сейчас собирается соединиться, совсем не думая о своих правах.

Но он не мог найти слов, чтобы оспорить ее выбор. Само спокойствие ее речи, принятие положения таким, каково оно есть, нанесли ему поражение еще до того, как он смог заговорить.

— Гришильда, ты, как глава моих служанок, конечно, поедешь со мной в Лом. И ты, — она кивнула Рамсею, — потому что я сообщила императрице, что ты прибыл в Олироун. Ты мой родственник через дочь моего прапрадеда, которая вышла замуж за наследника Дома Йонекса. В настоящее время ты мой единственный кровный родич, и так как Улад желает придер-

живаться старинных церемоний, которые можно восстановить (так всегда поступают новые Дома), ты будешь присутствовать при моем обручении. Только не забывай, что ты кровник. Тебя не должны видеть без маски. И ты не должен брать в руки оружие. Но, несомненно, Юрк все это объяснил тебе?

— Да...

Текла не стала ждать продолжения.

— Хорошо. Я тебе дам в слуги одного из своих стражников, знакомого с обычаями Толкарна. Его дядя — один из немногих купцов, которые все еще решаются туда плавать. Слуга расскажет о тебе и о твоём положении другим. Но так как он сам за морем не был, то не заметит твоих мелких промахов.

— Я могу сделать вот что: ты в составе моей свиты сможешь приехать в Лом, во дворец. Но там ты предоставлен себе. Если сможешь оказать воздействие на Мелколфа — хорошо. Но советую тебе действовать не торопясь и очень осторожно.

— Госпожа, это неразумно! — воскликнула Гришильда. — Ты ведь ручаешься за него при дворе в Ломе. А если все откроется? Моя дорогая госпожа, это слишком опасно для тебя!

— Я делаю это по слову Эдайс, — негромко ответила Текла.

— О, эти Просвещенные! — Гришильда обеими руками сделала жест, будто что-то отгалкивает. — Госпожа, я знаю, что ты слушаешь их и повинешься. Но ведь они откровенно говорят, что один человек их не заботит, только добро для всех. Они принесут в жертву даже тебя, если это соответствует их планам!

— Это верно, — согласилась Текла. — Но в данном случае Эдайс дала мне слово-обязательство, что я не пострадаю, если поддержу того, кто займет место Каскара.

— Слово-обязательство? — повторила Гришильда. — Слово-обязательство Просвещенной? Госпожа, редко кому приходилось слышать такое.

— Да. И я поступлю так, как она мне посоветовала. А что из этого выйдет, увидим. Перейдем к неотложным практическим делам. Мы улетим утром во флайере. Эту ночь, кузен, ты проведешь в северной башне. Не стоит позволять, чтобы тебя кто-то видел, кроме твоего нового слуги Кьярта. Таков обычай: ты не должен показываться людям.

Вскоре Рамсей стоял у окна, жалея, что не может снять маску, которая уже натерла ему шею. Но он знал от Юрка, что этого нельзя делать, пока он не окажется в одиночестве. За ним по

комнате ходил человек, приставленный к нему Теклой. Следует подумать, что он будет делать, когда они достигнут Лома. Но он так мало знает, что ожидает его там. Лучше просто подождать и посмотреть, какой шанс предоставит ему судьба.

Странно. Все происходящее кажется рассудительному Рамсею Кимблу совершенно невероятным. И не перестает казаться таким. Тем не менее он уже принял как факт, что это произошло. Он живет во сне или галлюцинации. Нет, скорее он в мире, параллельном его собственному, вначале привлечен сюда снами, а потом попал в чужое тело.

Текла верит, что машина Мелколфа могла сотворить такой переход... Рамсей помнил слова Юрка, что когда-то в этом мире существовала цивилизация, более развитая, чем в его мире. Можно считать, что Мелколф обнаружил принципы, когда-то использовавшиеся этими сверхлюдьми.

Остается установить, действует ли машина в обоих направлениях, можно ли заставить Мелколфа вернуть Рамсея. И, поскольку группа, членом которой является ученый, не желает присутствия здесь Рамсея, она будет только рада отправить его назад. Этой группе выгодно, чтобы Каскар оставался мертвым. Трон готов занять Бертал. Рамсей для этих людей угроза; возможно, он даже может отчасти шантажировать их, действуя через старую императрицу или Оситеса. Нужно подождать и посмотреть.

На следующее утро ожидание кончилось тем, что он оказался во флайере, самом большом из всех, что он видел. Текла и Гришильда ушли в отдельную каюту впереди машины. Рамсей сидел среди стражников Теклы, слева от него — Юрк. Они полетели на юго-запад, в сторону Улада. Рамсей не пытался разговаривать.

Он даже не заметил, как они пересекли границу, пока не увидел, что их в воздухе окружили другие флайеры — почетный эскорт. Потом они поели. Уже вечерело, когда показались огни Лома. Город широко раскинулся на равнине внизу.

Приземлились они внутри стен дворца Лома, тут их ждал почетный караул и два пожилых человека, один в черно-белой одежде, другой почти в такой же длинной желтой мантии. Оба они сразу направились к Текле.

Рамсей вздрогнул, увидев черно-белую мантию. Этого человека он дважды видел в своих снах. Им может быть только Оси-

тес, тот самый, что вовлек его в эту переделку. При виде этого худого лица и седых волос Рамсей ощутил странное чувство: он испытывал не гнев, а скорее возбуждение, нетерпение человека, которому предстоит действовать. И ключом к этим действиям будет Оситес.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Рамсей снял плащ, расстегнул шапочку вместе с маской, под которой на лбу его выступил пот. Но маску снимать не стал, потому что Кьярт все еще возился в помещении, отведенном родственнику Теклы. К тому же... Рамсей тщательно изучил одну стену, затем другую. Возможно, эта цивилизация еще не дошла до жучков в комнате человека, которого подозревают обладающие властью. Но это не значит, что за ним не могут тайно наблюдать через какой-нибудь глазок. Этот дворец похож на средневековое сооружение и сразу заставляет вспомнить о тайных переходах, глазках и всех остальных помощниках дворцовых интриг.

Так что лучше не снимать маску, какой тесной она ни кажется. Если где-то за этими увешанными занавесями стенами скорчился шпион, он не должен знать, что вернулся Каскар — вернулся на этот раз живым.

Помещение ему отвели роскошное. В нем находился длинный диван, покрытый толстой зеленой тканью, а на полу, на ковре такого же было цвета, разбросано множество квадратных подушек, которые заменяли тут стулья. Стоят также маленькие столики, а на них статуэтки, кубки, чаши. Рамсей решил, что это экспонаты выставки, а не обычная посуда, потому что все они из драгоценных металлов или полудрагоценных камней.

Длинные окна слева выходят не во внешний мир, а на узкий балкон над двором. Снизу слышатся приказы. Там проходят учения какого-то отряда.

Где-то в этом обширном дворце лаборатория, которую он хорошо помнит по снам в своем мире и времени. После того как Кьярт разобрал багаж, привезенный из Олироуна, Рамсей отпустил его. Он хотел бы попросить слугу быть внимательным и сообщать ему все, что он услышал. Но рисковать Рамсей не стал.

Он сел на диван, только сейчас начиная понимать, с какими трудностями ему предстоит столкнуться. Конечно, он может попытаться сам познакомиться с Мелколфом, но Рамсей сомне-

вался, что ему удастся это сделать, не вызывая подозрений. Он никогда не играл роли детектива и не имел ни малейшего представления, с чего начать. Рамсей принялся вспоминать сны, которые вовлекли его в это дикое приключение. Может, где-то в его памяти скрывается ключ.

Первый сон. Он целиком посвящен Оситесу. Старик в длинной черно-белой мантии сидит в кресле с высокой резной спинкой, голова его прислонена к этой спинке, так что подбородок чуть приподнят, глаза закрыты, неподвижность и застылость фигуры свидетельствуют, как кажется Рамсею, о полной сосредоточенности. В этом сне Рамсей смотрит на Просвещенного словно сквозь какое-то окно. Между ними прозрачное стекло.

Как он ни старался, вспомнить удавалось только Оситеса, кресло, ощущение глубокой погруженности в задумчивость, которое производил шаман. Рамсей не действующее лицо в этом сне, он только посторонний наблюдатель.

Этот первый контакт, должно быть, означал, что Оситес, обыскивающий иные миры в поисках «двойника» Каскара, наконец обнаружил Рамсея. Тогда сам Рамсей никакого дурного предчувствия не испытал. Проснулся с ощущением любопытства. Именно любопытство заставило его рассказать об этом сне Грегу. Просто потому что этот сон был яснее и отчетливее, чем любой другой, какой он мог вспомнить.

Рамсей увидел Оситеса в кресле — может, шаман тоже видел сон? Или заставлял себя искать за пределами своего мира? Что дальше?

Второй сон. Оситес есть и в нем, но он не пассивен, не спит в своем кресле. Стоит открыв глаза, держит в руке круглый блестящий предмет, похожий на зеркало. Предмет отражает свет. Шаман осторожно поднимает его, перемещает вперед и назад, пока отражение не попадает прямо в глаза Рамсею. На этот раз нет ощущения стены между ними; напротив, сам Рамсей, лишенный способности двигаться, словно оказался в незнакомом помещении вместе с Оситесом.

Помещение? Рамсей закрыл глаза, попытался припомнить — не шамана с его сверкающим зеркалом, а то, что за ним.

Стены... да... на них занавеси... очень похожие на те, что в его комнате. Какой рисунок на этих занавесях? Не животные и птицы, которых Рамсей видит, открывая глаза; скорее черные и белые линии, те же цвета, что в одежде шамана. Линии образуют

геометрический рисунок. Но он видит их неясно, и требуется огромное усилие воли, чтобы вообще вспомнить их. Луч света, направленный ему в глаза, заставляет сосредоточиваться только на шамане.

Теперь третий...

Снова Оситес, но на этот раз не один. С ним еще двое. Женщина, сидящая в кресле под балдахином. Она в тени, и Рамсей с трудом различает ее фигуру. По другую сторону от кресла еще один мужчина. Он значительно моложе шамана, на нем серый костюм — трико и куртка одного цвета, на плече изображение орла-ястреба. Оситес показывает направление; а этот, Мелколф, привлекает науку с ее силами.

Это предположение очень похоже на истину. Хорошо. Можно надеяться, что Рамсей теперь узнает врага в лицо.

Три сна. Четвертый?..

Оситеса нет на сцене, не видно и женщины в завешенном кресле. Рамсей видит только Мелколфа, ученого, ясно очерченного на фоне туманного окружения. Он вставляет ящик со стрежнем в квадратную крышку какого-то большого аппарата, который доходит ему до плеча. Рамсей перевел дыхание... Должно быть, это и есть машина, о которой говорила Текла.

Он пытается сосредоточиться на ней, но видит ее словно сквозь стену падающей воды. Одно мгновение она видна ясно, в следующее ее скрывает рябь. Но он быстро осознает, что ему предстоит иметь дело не с машиной. Нет, нужно внимательней осмотреть помещение. На что оно похоже?

Стены... камень, никаких завес, как в предыдущих сновидениях. Но сам камень светлее. Есть в помещении и другие установки, кроме куба, с которым работает Мелколф. К несчастью, во время сна все внимание Рамсея было сосредоточено на ученом. Может, в момент контакта его просто отгораживают от всего остального?

Не совсем, потому что был еще пятый сон перед последним, от которого он очнулся совсем другим человеком, «сообщником» Мелколфа. В пятом сне он идет по длинному коридору, вслед за человеком в черно-белой мантии, все его внимание приковано к голове шамана. Оситес приближается к стене, на панели золотом изображена голова орла или ястреба.

Шаман торопливо огляделся, словно хотел убедиться, что он один. Рамсея вдруг удивил этот сон. Он не похож на остальные.

Ни Оситес, ни Мелколф не смотрят прямо ему в лицо, не используют зеркальце или ящик. Похоже, Оситес вообще не подозревает о его присутствии. Но как тогда установлена связь? Может, связавшись с ним однажды, шаман приоткрыл дверь, ведущую в обоих направлениях, и жертва превратилась в шпиона?

Во всяком случае Рамсею видно, как шаман поднимает старую, в паутине вен, руку и касается конца распростертого крыла птицы. Он как будто нажимает с силой. В ответ панель в центре расходится. Оситес быстро проходит в отверстие, прижимая к себе мантию.

Ему нужно двигаться быстро, потому что панель тут же хлопывается, как будто ее механизм работает на тугой пружине. Здесь во сне наступает перемена, меняется фон.

Рамсей снова видит лабораторию, но под другим углом. Оситес перед ним спускается по лестнице в просторное, если сравнить с согбенной фигурой шамана, помещение. Находящееся здесь оборудование резко контрастирует со средневековым дворцом в Ломе. Рамсей не узнает ничего из увиденного, но его поражает, что это оборудование на столетия опережает все, что он видел, во снах и в реальности, во всем Уладе и во дворце.

Опережает на столетия? Или пришло из прошлых эпох, неожиданно подумал Рамсей. Юрк рассказывал о высокоразвитой технологической цивилизации, которая исчезла в хаосе мировой войны. А если Мелколф, человек, которого в настоящее время можно считать получившим научную подготовку, нашел оборудование прошлого или имеет знания, которые помогли ему заново создать это экспериментальное оборудование? Возможно, таков ответ.

Оситес спустился на пол лаборатории, прошел через нее. Неожиданно стали видны Мелколф и Бертал, словно шаман позвал их.

Хотя сны были очень отчетливыми, Рамсей в них ничего не слышал. Видя, как совещаются эти трое, он пожалел, что не обладает слухом. Слов он не слышал, но ощутил общее возбуждение, необходимость в действиях. Оситес повернулся, двое других сопровождали его. И тут...

Рамсей покачал головой, открыл глаза. В этот момент он проснулся. После этого был еще только один сон, тот, что привел его сюда, после него он ощутил непреодолимое желание выйти, поехать в горы, где и произошло крушение. Он помнил в том по-

следнем сне Мелколфа и человека, в котором теперь узнал принца Бертала, двоюродного брата беспомощного Каскара.

В пятом сне нет ничего, что он мог бы использовать в качестве преимущества. Только эта панель с потайной дверью, ведущей в лабораторию. Но может ли он открыто разгуливать по милям коридоров дворца в поисках позолоченной птицы? Их может быть много, так как орел-ястреб — это герб правящей династии.

А если ночью? Но ведь в коридорах расставлены часовые. Сколько сможет он пройти? В каком направлении? Рамсей раздраженно расхаживал взад и вперед по комнате, ослабив завязки своего капюшона. Хотелось сбросить его и маску, но на это он не решался.

Мелколф, Урsvик и Бертал — Текла предупредила его, что эти трое могут взять дело в свои руки и добиться, чтобы Каскар или тот, кто выглядит Каскаром, больше никогда не причинял им беспокойства. Оситес и старая императрица противятся таким решительным мерам. Рамсей сосредоточился на шамане.

По словам Гришильды, эти Просвещенные не думают об отдельных личностях. Они думают о будущем и стараются так манипулировать людьми и событиями, чтобы добиться желаемых результатов. Очевидно, Оситес считал, что устранение Каскара, которое помешает Очалу править Уладом, очень важно. Но поддержит ли Оситес поддельного Каскара в его желании вернуться назад, в реальность, которой он принадлежит? И даже если шаман будет к нему дружественно настроен, достаточно ли у него влияния, чтобы заставить партию императрицы пойти на этот шаг?

Текла разместилась в так называемой Желтой башне. Рамсей через Кьярта легко узнал, как пройти туда от его комнаты. Ведь он в конце концов единственный родственник Теклы. И как таковой имеет все основания искать ее. Возможно, она поможет ему решить несколько головоломок. Не помешает увидеться с ней.

Рамсей застегнул капюшон, осмотрел себя в зеркало, чтобы убедиться, что черты лица Каскара не видны. Ему казалось, что он производит мрачное впечатление в своем красном костюме, в капюшоне и маске, скрывающей большую часть лица. В голове мелькнула картина — средневековый палач, одетый точно как он, ждет жертву.

Но в то же время Рамсей был убежден, что даже враждебно настроенная бабушка Каскара не узнает его в этом облике, и потому решился выйти. Несмотря на мрачную внешность, по обычаям этого мира он не вооружен и потому не опасен. Общепринятый короткий меч не висит у него на поясе, которым перехвачена куртка.

Под маской Рамсей чуть улыбался. Каждому миру свои особые способности. Он внимательно слушал рассказы Юрка, когда ветеран говорил об участии в кампаниях против разбойников в горах. Очевидно, ни в Уладе, ни в Олироуне карате неизвестно. Рамсей размял мышцы рук. По крайней мере у него есть тайное оружие. Он уже знал по своим опытам, проведенным в одиночестве в охотничьем доме, что знакомые приемы перешли и в его новое тело. Он только стал чуть медленнее, чуть слабее обычного. Но и это пройдет с тренировками.

Он вышел в коридор и целеустремленно двинулся по нему. Но следил не только за стражниками, которые могут преградить ему путь, но и за стенными панелями. Они были покрыты сложным рисунком из арабесок, но никакого намека на птиц. Повернув в другой коридор, который, как он знал, ведет прямо к Желтой башне, Рамсей заметил, что панели на стенах сменились неглубокими нишами, в каждой стояла небольшая статуя какого-нибудь чудовища. Все животные разные и все выглядят фантастически. Рамсею показалось, что они, как и статуэтки в его комнате, вырезаны из полудрагоценных камней, кварца и, может быть, яшмы, но он так мало знаком с этим предметом, что не может быть уверен.

В конце коридора не дверь, а арка, покрытая позолотой по гладкой красновато-коричневой поверхности. Арка выводила на лестницу. Здесь встретился первый стражник. Но Рамсей не останавливался, не замедлял хода, шел как человек, знающий, куда идет, и не ожидающий встретить преграду.

Миновав часового и поднимаясь по лестнице, Рамсей с облегчением вздохнул. Стражник приветствовал его поднятой рукой; Рамсей после недолгого колебания ответил движением пальцев; Юрк научил его этому толкарнскому приветствию, которым обмениваются представители разных классов.

Нужно сдерживать свою торопливость. В этих коридорах он кажется себе обнаженным и уязвимым. Нужно преодолеть это

чувство, если он хочет найти панель с потайной дверью. Но сейчас ему больше всего хотелось увидеть Теклу.

Перед ее дверью стоял второй стражник. Рамсей надеялся, что это почетный караул, а не преграда на пути родственника из-за моря. Казалось, его надежда подтвердилась, потому что стражник приветствовал его и сам постучал в дверь.

Открыла дверь Гришильда. Увидев Рамсея, она приветствовала его и отстранилась, пропуская внутрь. Но на лице ее было странное выражение; Рамсей не понял его, но решил, что лучше проявлять осторожность.

Перед тем самым длинным диваном, на котором Рамсей получил свой первый урок языка, стояла Текла. Лицом к ней — Бертал; великолепие его наряда казалось кричащим по сравнению со спокойной элегантностью Теклы и вкусом, с которым была обставлена комната.

— А, родственник! — улыбнулась Текла. Рамсей мог быть единственным человеком в Ломе, кого она желала увидеть. — Какая удача, что ты пришел сейчас, Арлут. Принц Бертал, это мой кровный родственник из Толкарна, глава Дома Ольятта. Арлут, это принц Бертал.

Юрк хорошо вышколил Рамсея. Ни один глава дома Толкарна не сочтет имперского принца, пусть самого наследника престола, выше себя — только равным. И Рамсей ответил приветствием, чуть более заметным, чем стражнику. Он точно исполнил то, чему научил его Юрк.

Бертал нахмурился. Текла, несмотря на серьезное выражение лица, смеющимися глазами наблюдала за ними. Рамсей решил, что она забавляется реакцией принца на такую небрежную фамильярность. Бертал с таким редко встречался.

— Приветствуем тебя, глава Дома. — Голос Бертала звучал холодно. Рамсей заметил, что он уже пользуется императорским «мы», хотя еще не провозглашен императором. — Очень удачно, что ты прибыл вовремя и можешь служить родственником-свидетелем при обручении леди герцогини Теклы.

— Родственник должен стоять рядом в таком деле, — осторожно ответил Рамсей, стараясь не выдать себя акцентом или неумелым произношением слова.

— Именно так. — Бертал откровенно изучал его. — Леди сказала, что ты недавно прибыл из Толкарна.

— Да. — Рамсей пытался отвечать как можно короче.

— Тебе повезло, глава Дома, что ты нашел корабль. Мало кто пускается в наши дни в западные моря.

Рамсей понял, что тот проверяет его.

— Мало. Но кое-кто все же плавает за морской костью и золотом. Когда речь идет о прибыли, купцы смелеют. Чем меньше кораблей, тем выше цены на рынках Олироуна.

— Да, — вмешалась Текла. — За такой груз у нас теперь много платят. Будь в Толкарне поспокойней, торговля между нашими странами, выгодная для нас обоих, оживилась бы. Может быть, и там когда-нибудь появится человек с мудростью и духом твоего благородного деда и смятения прекратятся. Но, Бертал, я благодарна тебе за твой приятный визит... — Она взмахом руки указала на зеленую вазу с большим букетом речных лилий, которые издавали сладкий аромат. — Заверь ее царственное великолепие, что я горда честью посетить ее в четвертом часу дня.

Она настолько явно выпроваживала его, что Бертал не мог оставаться, не проявляя грубости. Но, выходя, он бросил на Рамсея взгляд, который свидетельствовал, что принцу не хочется оставлять здесь чужеземца. Текла ждала, пока за принцем закроется дверь. Из соседней комнаты вышла Гришильда, подошла к двери и прижалась к ней ухом.

Рамсей не стал тратить времени.

— Хорошо ли ты знаешь этот дворец, леди? — спросил он.

— Не так хорошо, как в Иртише, но он мне знаком. Когда я была маленькой, мама часто привозила меня сюда. Старая императрица — ее двоюродная бабушка. А что?

— Помнишь ли ты коридор, выложенный панелями? А на панели золотом герб императорского дома?

— Да, этот коридор ведет в личные покои императрицы. Таких панелей десять, по пять с каждой стороны. А что ты ищешь?

— Место, где скрывается Мелколф. Я помню этот путь по одному из снов, которыми меня заманили сюда.

Она прикусила костяшки пальцев, не отрывая от него взгляда. Но словно его не видела, а думала о чем-то своем.

— А если ты найдешь это место? Что ты сделаешь, если Мелколф откажется использовать свою машину для твоего возвращения?

Рамсей пожал плечами.

— Откуда мне знать? Но, может, я кое-что узнаю, если доберусь туда. Леди, как ты думаешь, поддержит меня Оситес?

— Не знаю. Это зависит от политики Просвещенных относительно будущего Улада. Я знаю, что в моей стране пророчица Эдайс предсказала: твое присутствие вызовет перемены. Если эти перемены не противоречат планам Оситеса, он может поддержать тебя.

— А может он повлиять на Мелколфа?

— Если захочет. Истинный Просвещенный может использовать свой мозг как оружие, чтобы получить нужные результаты. Однако они редко поступают так. Причина должна быть очень важной. Не знаю, что означает твое присутствие для Оситеса. И предупреждаю тебя: без поддержки Оситеса лучше не ищи Мелколфа.

Рамсей упрямо покачал головой.

— Я не собираюсь просто сидеть и ждать, — заявил он. — Только бы найти лабораторию. Я сам смогу договориться с Мелколфом. Это тайна, следовательно, он уязвим...

— Ты тоже, — быстро сказала Текла. — Неудобные люди, те, кто слишком много знает, могут исчезнуть. И часто исчезают. Конечно, не думаю, чтобы он стал действовать до моей помолвки. Они не решатся открыто расправляться с моим признанным родственником, чье присутствие делает всю церемонию законной. Да, возможно, твоя смелость оправданна. Сейчас подходящее время для того, чтобы узнать, что можно. Чем больше ты знаешь, тем сильнее сможешь воздействовать на Оситеса.

Казалось, она сама убеждает себя от первоначальных возражений перейти к неохотному согласию.

— Я дам тебе повод пойти туда. Гришильда, принеси мне шкатулку с дарами для ее царственного великолепия. По обычаю, — продолжала Текла, обращаясь к Рамсею, — обручающаяся приносит дары старейшей родственнице в Доме. Так как ею является ее царственное великолепие, я отправлю тебя с подарком. Неси открыто, и согласно обычаю тебя пропустят. Сейчас возвращайся к своей комнате, минуй ее и на развилке иди по правому коридору. Иди прямо. Коридор проходит через весь дворец и идет в помещения у Красной башни, где проживает ее царственное великолепие. Там ты найдешь то, что ищешь.

Она протянула ему серебряную шкатулку, которую принесла Гришильда, и отмахнулась от его благодарности. Но проводила его до выхода из комнаты и, перед тем как он вышел, положила руку ему на руку.

— Будь осторожен, родич Арлут, — негромко сказала она. — Ты идешь меж врагами, которых почти ничего не сдерживает, и путь твой труден.

— Я знаю это. И спасибо тебе, леди, за добрые пожелания...

— Может, ты и доживешь, чтобы поблагодарить меня. Подожди, пока не окажешься в безопасности, тогда и благодари. Только тогда твои слова будут иметь значение.

И голос ее свидетельствовал, что она не уверена, что дождется этого.

Рамсей легко нашел дорогу. Шкатулку он, как и было приказано, открыто нес в руках. И очень скоро с бьющимся сердцем оказался в коротком коридоре с панелями, который так хорошо помнил по своему сну. Он быстро прошел по коридору и передал шкатулку фрейлине, которая ответила на его стук в дверь покоев императрицы. Она не пригласила его войти, и он, довольный, что избежал внимания той, кого опасался больше других, заторопился назад к панелям. Судя по сну, нужная ему панель — третья с этого конца коридора и левая, если смотреть со стороны покоев императрицы. Он остановился перед панелью, огляделся, как во сне Оситес. Казалось, никого не видно. Рамсей некоторое время прислушивался, но услышал только звуки своего быстрого дыхания.

Он поднял руки и большими пальцами нажал на конец крыла, как это делал шаман. Долго ему казалось, что он ошибся или что путь закрыт. Затем с легким скрипом — в ушах Рамсея он прозвучал пушечным залпом — панель разошлась посредине.

Рамсей быстро прошел в образовавшийся проход, прежде чем дверь снова захлопнулась.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Он оказался на небольшой платформе над рядом ступеней, но не в темноте. Через равные промежутки в стенах горели синим светом квадраты. Такого света он нигде в этом дворце не видел. При этом свете руки самого Рамсея приобрели неприятный вид, темная кожа словно сморщилась и постарела.

Он долго не шевелился, стараясь понять, нужно ли чего-то опасаться, спускаясь дальше по лестнице. Потому что он видел перед собой только десять ступенек, ведущих к площадке, но совсем ничего не видел за нею.

И не только тишина окружила Рамсея. Его охватило ощущение, что он уходит из мира живых в чудом сохранившийся мир древности. Он вздрогнул — не от холода, но потому что здесь сами стены излучали чуждость, враждебность всему тому, что составляет его мир. Да, в этом мире все чужое, но по-человечески понятное. Здесь он чувствовал себя так, словно вторгся в мир, в котором нет места человеку.

Рамсей пытался справиться со своей тревогой. Само его появление в Уладе означает отказ от логики. Но нельзя поддаваться воображению, это просто глупо. Он осторожно, ступенька за ступенькой, начал спускаться, все время опасаясь, что мог привести в действие какую-то сигнализацию, которую сам не слышит. Однако придется рискнуть.

Вот он добрался до площадки, повернул направо и увидел основание лестницы. Внизу было светлее. И свет не синий, как от квадратов на стенах, а от обычных светящихся шаров.

И определенно никого не видно. Кто или что может здесь скрываться, он не способен даже предположить; пока не слышно ни звука.

Спускаясь, он разминал руки и думал: если на него нападут, ответят ли мышцы Каскара на мозг Рамсея достаточно быстро, чтобы помочь ему. Если бы только у него было больше времени, чтобы потренировать новое тело!

С конца лестницы он заглянул через открытую дверь в комнату, где не было ни следа, ни звука обитателей. Первый же взгляд подсказал ему, что это лаборатория из его снов. Проходя внутрь, Рамсей прижимался спиной к стене, пытаясь уловить признаки любой опасности и в то же время разглядывая машины.

Даже в свое время и в своем мире он мало разбирался в технике. Как может он судить, сам ли Мелколф это сконструировал или получил в наследство от более развитой цивилизации из прошлого? Но здесь над всем нависал ореол древности. Больше всего его внимание привлекал огромный металлический куб, в который во сне Мелколф вставлял ящик со стержнем. Быстро посмотрев направо и налево, Рамсей убедился, что он в помещении один. Он отошел от стены и подошел поближе к блестящему металлу.

Достаточно легко найти щель вверху, куда Мелколф вставлял свой инструмент. Он по-прежнему вместе со стержнем из жесткой проволоки торчит в гнезде.

Рамсей положил на него руку, но потом отдернул. Нет, он должен больше знать, прежде чем пытаться что-то сделать. Он обошел куб. Вершина на уровне его плеча, длина одной стороны — шесть футов. На той стороне, которая сейчас обращена к нему, одно отверстие — щель, куда вставляется «искатель» или «селектор», как про себя назвал прибор Рамсей.

Следующая сторона совершенно гладкая. Но когда он дошел до стороны, противоположной искателю, то увидел ряд шкал, а под ними рычажки, на которые удобно ложится палец. Две шкалы в дальнем конце, освещающиеся изнутри, как будто сообщали, что аппарат в рабочем состоянии. Рамсей подумал, что произойдет, если он вдруг нажмет на все рычажки. Но он не дурак, чтобы делать это.

Ну, хорошо. Насколько можно судить по всей собранной им информации, именно это перенесло личность и воспоминания некоего Рамсея Кимбла в тело принца Каскара. Но ведь машина не должна была это делать — во всяком случае Мелколф не на это рассчитывал.

Предположим, ученый из Улада работал с машиной, которую он только что нашел. Построена она совершенно другим народом. Для чего нужна была эта машина своим создателям? У Рамсея появилось ужасное подозрение. А что, если эта машина предназначалась для медицинских целей? Она переносила сознание из умирающего тела в другое, молодое и здоровое. Но сейчас нет смысла рассуждать о том, что может машина; он должен сосредоточиться на том, что она сделала с ним как с недобровольной жертвой.

Он нашел машину и уверен, что именно она послужила средством для обмена. Но это ничего хорошего ему на даст, если только он не научится управлять ею (а в этом он очень сомневался) или заставит Мелколфа пустить процесс в обратном порядке.

В лаборатории было тяжело дышать, странные неприятные запахи заставили Рамсея закашляться. Он повозился с пуговицей своего капюшона и снял его, снял и маску и потряс головой, наслаждаясь ощущением свободы. Потом стал обходить куб, обнаружив, что четвертая сторона такая же гладкая, как вторая.

Контролирует ли искатель его положение в этом мире? Предположим, он найдет его. Что тогда произойдет?

— Стой на месте!

Рука Рамсея, протянутая к искателю, застыла в воздухе. Он не слышал приближения, но проявил преступную небрежность. Загадка машины заставила его забыть обо всем. И он не сомневается, что тот, кто отдал ему приказ и стоит за его спиной, вооружен.

— Рабальт, возьми его!

В воздухе мелькнула веревка, упала на вытянутую руку Рамсея и затянулась болезненной петлей. В ту же секунду последовал рывок за другой ее конец, и Рамсей едва не упал на спину. Но успел повернуться и сохранить равновесие.

Человек, держащий другой конец веревки, был одет в костюм стражника. За ним Мелколф. В руке ученый держал стеклянную трубку, расширяющуюся внизу. Пальцы Мелколфа вцепились в этот конец. То, что это оружие, и мощное, не вызывало у Рамсея никаких сомнений.

Человек, держащий веревку, быстро перехватил ее за середину и бросил второй конец в Рамсея. Веревка, словно живое существо, обладающее инстинктом или разумом, точно опустилась на левое запястье Рамсея и обхватила так же прочно, как правое.

До сих пор стражник больше следил за точностью броска, чем за пленником. Но теперь он посмотрел прямо в лицо Рамсею, и глаза его широко распахнулись.

— Принц! — воскликнул он.

— Нет! — выпалил Мелколф. — Это иллюзия, созданная Очаллом, чтобы мы так подумали. Теперь он бессилен. Можешь идти, Рабальт. Я справлюсь с ним. Но расскажи милорду советнику Урсвику и принцу наследнику, кого мы обнаружили здесь. Это дело чрезвычайной важности.

Он протянул руку, и стражник с видимой неохотой передал ему веревку. Все это время Мелколф не отводил от Рамсея свое оружие. Не глядя на пленника, Рабальт торопливо взбежал по лестнице. Он торопился выполнить приказ, похоже, и ему лаборатория казалась страшным местом. Мелколф ждал. Очевидно, хотел остаться без свидетелей. Когда стражник исчез, он заговорил:

— Ты поступил мудро, не сопротивляясь. — Он сделал легкое движение стеклянной трубкой, чтобы Рамсей обратил на нее внимание. — Это убивает человека быстрее лезвия или пули. Наше оружие по сравнению с оружием тех, кто жил до нас,

кажется таким же наивным, как камни и деревянные копья. Каскар мертв. Он не восстанет снова из могилы.

Рамсей обрел способность говорить.

— Ты можешь добиться этого другим путем. Отправь меня назад!

Мелколф слегка улыбнулся.

— Дело вот в чем. Я бы сделал это, если бы мог. Но я не могу.

Рамсей кивнул в сторону машины.

— Она работает только в одну сторону? Ты не можешь повернуть обратно?

— О, это сделать легко. Но дело в том, что Каскар мертв и похоронен. Разве ты не понимаешь, глупый варвар? Каскар был в твоём теле, когда умер, и теперь это тело погребено.

Рамсей смотрел на него. Почему эта мысль раньше не пришла ему в голову? Глупость придуманного им самим плана возвращения лишила его дара речи. Но он собрал всю силу воли и постарался не дать понять этому человеку, как глубоко поражен.

— Если Каскар был в моем теле, то где был я? Произошло какое-то несовпадение во времени. Я пришел в себя в гробу Каскара...

— Да, это нас удивило. Где ты находился в течение двух дней между тем временем, когда наш неуважаемый принц умер от неожиданного сердечного приступа, и твоим появлением в его теле? Интересная проблема. Но сейчас она не имеет особого значения. Главное в том, что Каскар благополучно мертв — в обоих мирах, и мы постараемся, чтобы так и оставалось. Никакого воскрешения к радости Очалла не будет, уверяю тебя. И твоё глупое возвращение в Лом ничего тебе не даст, кроме...

— Кроме моего убийства? — Рамсей каким-то образом находил слова, сохранял наружное спокойствие. Сейчас сила на стороне Мелколфа: Рамсей не сомневается, что его легко могут убить здесь, и никто об этом не будет знать. И тело его никогда не обнаружится, чтобы причинить неприятности убийцам.

— Убийство? Невозможно убить мертвеца. — Мелколф рассмеялся. — Будь у тебя хоть одна извилина в голове, ты, убежав, держался бы отсюда подальше. Твоё бегство организовала герцогиня, верно? Ну, она будет молчать, зная, что дело идет о судьбе Олироуна. Ты просто исчезнешь. В этом, — он кивнул на маску, которую снял Рамсей, — кто-нибудь выйдет отсюда и

на корабле вернется домой, в Толкарн. Ты очень упростил нашу задачу.

— Нет, это неверно!

На лестнице стоял другой человек, длинная черно-белая мантия закрывала все его тело. Мелколф бросил быстрый взгляд через плечо.

— Как ты... — начал он, но тут же прикусил губу. Слова вырвались у него от удивления, и он тут же пожалел, что произнес их.

— Как я узнал, Мелколф? Я шел к ее царственному великолепию и встретил по пути твоего посыльного. Пришлось немного поубеждать его, и он рассказал о происшедшем здесь. И дело совсем не так просто, Мелколф.

— Как это? — вызывающе спросил тот.

— Мы должны знать больше. Почему тело Каскара привлекло этого? Происходило то же самое в твоих первых обменах?

— Нет...

— Тогда почему произошло в самом важном? За такими делами всегда кроется какой-то смысл. Мы следуем по избранной нами тропе, это наш свободный выбор. Но сами тропы создали не мы. Ты меня понимаешь?

— Это все разговоры твоих Просвещенных. Он здесь потому, что сработала машина! — усмехнулся Мелколф.

— Но мне казалось, ты хорошо знаком с работой этой своей машины. Разве ты не рассказывал нам, какие чудеса узнал благодаря древним запретным знаниям?

— Кто их запретил? — вспыхнул Мелколф. — Слабоумные, боящиеся того, чего не могут понять?

— В прошлом люди хорошо понимали. Настолько, что выжили, когда весь мир сошел с ума, — холодно возразил Оситес.

— Легенды...

— В любой легенде есть сердцевина правды. Но не будем спорить об истории. Я не совсем понимаю судьбу этого человека. С ним нельзя обходиться просто так!

— Я вообще не собираюсь с ним обходиться, — возразил Мелколф. — Воспользуюсь этим, — он указал на свое оружие, — и не с чем будет обходиться.

— Не с чем? Но какая сущность поселилась в теле Каскара? Ты можешь уничтожить плоть и кровь, кость и сухожилие, но остается неуничтожимая часть...

— Я тебе не верю, — прямо сказал Мелколф. — Верю в то, что вижу, чего могу коснуться, услышать...

— Если веришь тому, что можно увидеть, это Каскар, — указал Оситес. — Коснись его, услышь его. Он создание твоей машины. Это ты не станешь отрицать?

— Нет...

— Каскар ли он также, который... — настаивал Оситес.

Рамсей с растущим удивлением слушал этот спор. Чего пытаются добиться шаман? Если Мелколф даже избежит от Рамсея, тот будет продолжать посещать лабораторию в Ломе? Звучит невероятно, как и все остальное происшедшее с ним.

— Нет! Каскар мертв! — Мелколф говорил с силой как человек, намеренный до конца держаться за свои убеждения.

— Согласен. Каскар мертв. Но этот человек... — Оситес указал на Рамсея... — это кто-то иной. И мы должны больше узнать о нем. Он нарушил некоторые законы существования, которые мы считали твердо установленными...

— Ты хочешь сказать, что он нужен Просвещенным? — спросил Мелколф.

— О его существовании в Роше еще не известно. — На мгновение на лице Оситеса появилось беспокойное выражение.

— И не должно быть известно.

— Кто такая Эдайс? — вмешался Рамсей в их дуэль. Он не собирался спокойно стоять, дожидаясь, пока они решат, стоит его убивать или нет. Убивать повторно, если считать тела.

Спорщики застыли, словно онемев. Мелколф просто смотрел, Оситес замигал. Несколько секунд спустя шаман ответил вопросом:

— Где ты слышал об Эдайс? — Однако он не дал Рамсею возможности ответить. Ответил сам: — Значит, герцогиня...

— При чем тут герцогиня? — спросил Мелколф. — Она привела его сюда. Зачем?

— Если бы она не была правительницей Олироуна, то поступила бы в Рошу. Испытания показали, что у нее необычайно высокий потенциал. Похоже, она совещалась с Просвещенными, раз упомянула в разговоре с ним Эдайс.

— Ну, так кто такая Эдайс? — На этот раз вопрос задал Мелколф.

— Она предсказательница. Интересно... — Оситес выглядел обеспокоенным. — Но я не получал от них никаких сообщений,

никакого сигнала. Нет. — Он указал на Рамсея. — Его нужно держать под рукой и в безопасности. Ты понял? Я должен ждать сообщения. И не думай, что Просвещенных можно утратить каким-нибудь трюком. — Голос его стал глубже и мощнее. — Этот человек под защитой...

Он протянул руку и большим пальцем с тяжелым кольцом обвел голову Рамсея.

— Ты не можешь. Такие вопросы должен решать Совет... — возразил Мелколф.

Оситес, повернувшись к нему, продолжал смотреть на Мелколфа. Ученый нахмурился, но мрачно отвел взгляд. Как будто признал свое поражение.

— Держи его в камере, в которой держал остальных, — продолжал Оситес холодным отчужденным тоном. — Тебе скажут, куда доставить его и когда.

Не сказав больше ни слова, шаман повернулся и начал подниматься по лестнице. Мелколф смотрел ему в спину. На лице его было мрачное выражение, похожее на ненависть. Он повернулся и резко дернул за веревку, связывавшую запястья Рамсея.

— Пошли, ты!

Рамсей подумал о том, не применить ли некоторые приемы. Но ученый продолжал держать в руке стеклянную трубку, и это послужило превосходным аргументом против безрассудных попыток. Рамсей подумал, что хвастовству Мелколфа о возможностях этого оружия лучше поверить. Возможно, ученый даже хочет, чтобы пленник попытался сделать что-то: можно будет сказать, что Мелколф действовал, защищаясь.

Мелколф обогнул круглую установку и оказался у открытой двери, которая вела в очень короткий коридор. Здесь друг перед другом располагались две камеры с прочными железными решетками. Ученый открыл дверь левой и жестом приказал Рамсею входить. Закрыв дверь за ним, он резко щелкнул пальцами.

К удивлению Рамсея, петли у него на запястьях сами собой расслабились, упали на пол, и веревка, как живая, проползла между прутьями решетки. Мелколф наклонился и подобрал шнур. Теперь он безжизненно свисал с руки ученого, как самая обычная веревка. Мелколф свернул ее и ушел.

Рамсей принялся знакомиться со своей новой квартирой. У одной стены полка с каким-то грубым покрывалом. Вероятно, она должна служить постелью. Есть также стул и дурно пах-

нушее ведро. Не очень уютно, и Рамсей не видел перспективы на улучшение.

Однако он сел на стул, который оказался таким низким, что пришлось вытянуть ноги, при этом колени едва не упирались в подбородок. У Рамсея было о чем подумать. Он очень устал. И, осознав это, неожиданно почувствовал тревогу.

Ему пришлось сдерживаться, когда он стоял перед Мелколфом. Однако он жив, а важно сейчас только это. К тому же ясно, что относительно его судьбы мнения резко разделились. И Оситес показал себя достаточно сильным, чтобы преодолеть сопротивление ученого.

Разговор между этими двумя — Рамсей принялся восстанавливать каждое слово, какое смог вспомнить. Они использовали машину раньше, и она действовала как им нужно. Не было никаких неожиданных возвращений мертвецов. Так почему же, как спросил Оситес, подобного не получилось и с ним?

Рамсею приходится смириться с утверждением Мелколфа, что Каскар погребен в теле Рамсея Кимбла и возврата нет. Он был удивлен своей реакцией: ему как будто все равно. Может, чем дольше он находится в теле Каскара, тем больше сживается с этим миром? И поэтому мысль о невозможности возвращения не вызывает уже никакого смятения?

Хорошо. Предположим, ему придется оставаться здесь. Какое будущее может его ожидать? Оситес намекнул, что он представляет интерес для Просвещенных. Звучит не очень хорошо. Рамсей не собирается играть роль экспериментального животного, которое будут изучать, чтобы понять, что приводит его в действие, — вернее, что привело в действие Каскара. Рамсей мрачно улыбнулся этой своей мысли.

Мелколф хочет убить его, чтобы исправить ошибку своего эксперимента. Несомненно, воскрешение Рамсея уменьшило влияние Мелколфа среди его сообщников.

Есть еще Очалл. Как ему понравится перспектива иметь под рукой нового Каскара? Этот разговор о странной власти верховного советника над подлинным принцем — насколько он правдив? Был ли Каскар просто слабым человеком во власти сильного, которого все считают властным и злым? Или Очалл использовал гипноз, наркотики — что угодно, чтобы держать наследника Улада у себя в подчинении, чтобы он не мог действовать без разрешения Очалла?

Очаллу нужно прикрытие Каскара, иначе он погибнет. Не нужно об этом забывать.

Текла... те, кто составил заговор, чтобы избавиться от Каскара, теперь знают, что она помогла ему совершить первый побег. Насколько обоснована ее уверенность, что она сама неуязвима для нападения? Предположим, она выйдет замуж за Бертала, как предполагается? Насколько тогда она попадет под власть правителей Улада? Рамсей не мог судить об обычаях этого мира, чтобы понять, какая опасность в будущем грозит герцогине.

Эдайс... Упоминание этого имени явно озадачило Оситеса. Но Текла получила совет этой загадочной личности, и в ответе говорится, что он, Рамсей, играет определенную роль в будущем Олироуна. Именно поэтому герцогиня согласилась на его возвращение.

Его собственные действия вряд ли можно считать большим успехом. Хотя он нашел лабораторию и добрался до машины, сейчас он в руках тех, кого может считать своими врагами. Что бы ни думала Текла о Бертале, старой императрице и ее сообщниках по интриге, Рамсей всем им нисколько не доверял.

Упомянув имя Эдайс при Оситесе, он получил передышку — чтобы посмотреть в лицо собственной глупости. Никакого преимущества он не получил. Когда он не вернется, Текла догадается или узнает, где он. Достаточно ли у нее влияния, чтобы добиться его освобождения?

Почему-то эта мысль вызвала у Рамсея неловкость. С того момента как он запутался в этой сети, Текла помогала ему, выручила из одного затруднительного положения, затем из другого. Пора ему что-то сделать и самому — что-то более конструктивное, чем попасть в первую же ловушку, которую для него приготовили.

Теперь он рассердился. Встал и подошел к двери своей клетки. И хоть просунул за решетку руки и попытался нащупать замок, пальцы его касались только гладкого металла. Нет даже замочной скважины, и он не имеет ни малейшего представления, как Мелколф закрыл дверь.

Он присел, чтобы посмотреть, как закреплены прутья решетки в камне пола, и понял, что сломать решетку не удастся. Конечно, если бы появился тюремщик, он мог бы попробовать сыграть роль непобедимого героя шпионских рассказов: крикнуть,

что умирает, а когда откроют, чтобы проверить, просто пробиться наружу. Но Рамсей почему-то был уверен, что если кто-то и войдет, рядом будет стоять Мелколф со своим стеклянным оружием. А Рамсей уже принял твердое решение не рисковать вторым телом в спорах с хозяевами этого логова.

Остается просто сидеть и ждать, пока что-нибудь произойдет. Рамсей никогда не обладал особым терпением, а сейчас он тем более не собирался предоставлять противнику девять десятых преимуществ. Однако делать нечего.

Если бы он смог сейчас увидеть полезный сон... Эта неожиданная мысль даже позабавила его. Но потом он начал обдумывать ее более серьезно. Рамсей снова сел на неудобный стул и принялся методично вспоминать все, что рассказывал ему Грег об экспериментах с телепатией во сне. Берутся двое, видящие сны, и контрольный испытуемый. Рамсей никогда не обращал внимания на приборы, используемые в этом эксперименте, и решительно отказывался играть роль испытуемого. Контроль ждет, пока прибор не покажет, что спящий настроен на прием (это определяется с помощью быстрых движений глаз; они свидетельствуют о том, что сон начался). Когда спящий готов к приему, контроль достает из груды картинок одну наугад. Концентрируется на ней, и спящий намного чаще, чем можно объяснить вероятностью, видит изображенное на картинке.

На этом уровне Рамсей сейчас действовать не может. Но он продолжал обдумывать возможности снов. Оситес явно посылал сон из одного альтернативного мира в другой, чтобы привлечь самого Рамсея или контролировать его сны. Может, это установило между ними какую-то связь и теперь Рамсей, в свою очередь, может привлечь шамана? Но, конечно, не до такой степени, чтобы привести Оситеса сюда и заставить открыть дверь.

Мелколф... нет. Рамсей не верил, что сможет подействовать на ученого. Грег говорил, что на закрытый мозг это не действует. А Рамсей считал, что мозг Мелколфа прочно закрыт, что ученый верит в свою машину как главную причину смерти Каскара.

Однако Оситес — видящий сны. Остается выяснить, когда шаман спит...

Рамсей опустил голову на руки. Верить в то, что он чего-то достигнет снами, все равно что возможно просто встать и пройти сквозь эти решетки.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Рамсей сбросил грязное покрывало с полки на пол и лег на жесткие доски. Они показались ему похожими на твердую плиту, на которой он впервые пришел в себя в этом мире. Он закрыл глаза, но не для сна, а чтобы сосредоточиться на шамане — каким он видел его вначале во сне, а позже наяву, когда тот встречал в Ломе Теклу.

Он легко увидел черно-белую мантию шамана. Однако Рамсей обнаружил, что восстановить мысленно черты лица гораздо труднее. Да, у него седые волосы, над лбом они гуще и длиннее, как будто их взъерошил ветер. Ниже — лоб, под ним — брови, тоже седые и густые.

Но когда Рамсей попытался вспомнить глаза под этими бровями, он едва не потерпел поражение. Темные, запавшие в череп — да. Но все-таки чего-то не хватает, какого-то выражения. Рамсей не может его определить. Или просто отсутствия всякого выражения? Чем-то лицо в его видении напоминает маску, в нем нет подлинной жизни.

Никогда раньше не приходилось ему так сосредоточиваться. Борьба поглотила его сильнее, чем тогда, когда он пытался припомнить сны, которые привели его сюда. Эти сцены снов опять начали появляться, они закрывали лицо Оситеса. Теперь они служат прикрытием для шамана. Но Рамсей продолжал вспоминать.

И вот на одно мгновение Рамсей ясно увидел это лицо, живое, а не маску. Глубоко посаженные глаза с оттенком удивления смотрят на него. Контакт длился едва ли дольше вдоха и тут же прервался. И снова Рамсей видел только черно-белую фигуру, она расплывается, исчезает.

У Рамсея заболела голова, заныло тело. Мышцы его напрягались не меньше мозга, когда он пытался достичь чего-то, сам не веря в успех. Попытаться еще раз?

Черное и белое... черное... и...

Черное стало серым и алым. Кто-то другой... он чувствует присутствие еще кого-то... однако этот другой о нем не подозревает. Рамсей мысленно затаился. Так маленький зверек прижимается к земле, чтобы избежать внимания врага. Этот другой — враг, он больше враг, чем Оситес. Как его имя? Очалл? То, что ему известно о верховном советнике, дает основания ве-

рить в это. Рамсей, осмелев, попытался разглядеть лицо. Ничего — только сознание, что присутствует другой. Вмешиваться дальше просто глупо.

Рамсей открыл глаза. Он почти ожидал увидеть склонившегося к себе человека, заставляющего его... что? Рамсей не знает этого, но у него было ощущение принуждения. Он сел и осмотрел камеру. Нет, он здесь совершенно один. И из лаборатории, в которой Мелколф и стражник застали его, не доносится ни звука.

Если Мелколф прав — а у Рамсея нет причин сомневаться в его словах, — возврата к прошлому нет. Рамсей ожидал собственной реакции на это, может, приступа паники, ощущения потерянности.

Но... ничего подобного. Рамсей посмотрел на коричневую кожу своих рук. Это не его руки. Но — вот они! Он чувствует себя в теле Каскара, как в своем собственном. Глядя в зеркало, видит лицо Рамсея Кимбла, хотя кожа стала смуглей, шрам исчез, волосы подстрижены по-другому. Но он по-прежнему Рамсей Кимбл, каким был всю жизнь.

Если остался хоть след прежней личности Каскара... ну, он его не нашел. Следовательно, он не изменился, изменился мир вокруг него. Все равно что работать в чужой стране, подумал Рамсей, может, в Мексике или в одном из южноамериканских государств. Пришлось бы учить язык, изучать обычаи, чуждые его родной стране, как чужды обычаи Олироуна, Улада или Толкарна.

Дома у него нет близких, которые встревожились бы из-за его исчезновения. Троюродные братья... После смерти родителей в автокатастрофе он с семнадцати лет живет один. Он был слишком занят, сражаясь за получение образования и возможность прожить, чтобы у него возникли прочные контакты. Грег, вероятно, его лучший друг, но Грег так увлечен своим проектом, что ничего вокруг не замечает.

Итак, он свободен, если можно это так назвать, и может устроиться на работу за морем. Здесь, конечно, чуть подальше, чем за морем, и это гораздо более серьезная перемена в жизни. Однако если он ее примет, сумеет подавить панику.

В сущности, хоть он только что осознал это, за время жизни в Килсите Рамсей начал адаптироваться к новому миру. Если он признает, что возврата для него нет, что дальше?

Судя по тому, что он узнал, он оказался в самом сердце отвратительной интриги. Для Мелколфа и его сообщников Псевдокаскарь смертельно опасен, потому что знает, как они избавились от подлинного принца. Для Очалла он возможность игры с новой пешкой...

Но он сам по себе! Он не Каскарь. И именно его будущее они стараются исказить и изменить — а может, совершенно его уничтожить! Следовательно, отныне он сражается за себя самого.

И...

Рамсей вскочил, глядя на дверь клетки. Кто-то идет. Он не слышал никаких шагов, но уверен, что в лаборатории какое-то движение. И оно приближается. Опять Мелколф, на этот раз готовый покончить с ним? Рамсей перевел дыхание. Каким бы экзотическим оружием тот ни пользовался, Рамсея нелегко будет убить.

По-прежнему он не слышал ни звука, но был уверен, что кто-то приближается к нему.

Он наклонился и взял стул за ножку. Он не знает, насколько эффективна такая защита, но больше ничего предпринять не может. Возможно, повезет, и он успеет выбить трубку из рук Мелколфа. Конечно, если тот просто не остановится за решеткой и не поразит его лучом (если так действует это оружие), сам оставаясь вне пределов досягаемости.

В дверях короткого коридора, в котором расположены камеры, показалась фигура. Черно-белая... Рамсей знает во дворце только одного человека в такой одежде. Но стул он не опустил.

Оситес шел медленно. Шаман пытался поймать и удержать взгляд Рамсея. В этом опасность! Точно так, как он ощутил беззвучное приближение Просвещенного, инстинкт подсказал Рамсею, что нельзя позволять Оситесу смотреть ему в глаза. Рамсей опустил глаза и смотрел на подбородок шамана, на его морщинистое горло.

Шаман подошел к двери камеры.

— Пора поговорить, незнакомец. — Голос его звучал хрипло. Как будто он не часто им пользуется.

— Может быть, — ответил Рамсей. — И что ты мне скажешь? Я твой пленник и поневоле буду слушать.

— Ты не мой пленник... — Оситес высунул руку из складок длинного рукава, прижал пять пальцев к двери. Она распахнулась. — Выходи, незнакомец...

Рамсей колебался. Что, если он послушается, его действия истолкуют как попытку к бегству, чтобы избавиться от него без лишних вопросов?

— У меня нет оружия. — Голос Оситеса звучал устало. — И я не собираюсь тебя предавать.

Рамсей вспомнил слова Теклы.

— Дашь слово-обязательство? — спросил он.

— Слово-обязательство, — с готовностью ответил Просвещенный.

По словам Гришильды, такое слово нерушимо. Рамсей с грохотом уронил стул и вышел в узкий коридор.

— Идем! — Оситес уже повернулся и направился назад в лабораторию. Рамсей осторожно пошел за ним. Шаман дал слово-обязательство, но оно ведь не распространяется на остальных участников заговора против Каскара.

Они пошли не к той лестнице, по которой спустился Рамсей, а в противоположную сторону уставленной машинами комнаты. На одной из скамей Рамсей увидел свою маску. Он взял ее: эта маскировка может снова ему понадобиться, особенно в Ломе, где его нынешнее лицо служит помехой.

Здесь оказалась еще одна лестница, более крутая и узкая. Оситес поднимался медленно, как будто усилия истощили его хрупкое тело. Рамсей нетерпеливо топтался в нескольких шагах за ним. Он постоянно оглядывался, все время ожидая услышать звуки преследования.

Лестница шла прямо вверх. Тонкая светлая линия вверху говорила о приоткрытой двери. Возможно, их ждут. Оситес, тяжело дыша, добрался до выхода. Рамсей шел сразу за ним.

Здесь оказалось другое помещение, богато убранное. Но Рамсею не дали времени разглядывать окружение. Оситес подошел к высокому креслу резного позолоченного дерева с завесой, скрывавшей того, кто сидит на этом троне.

Она казалась на этом большом троне очень маленькой, но была окружена таким ореолом величия, что ни в малейшей степени не производила впечатление слабой. Напротив, трон казался для нее самым подходящим сиденьем.

На ее плечи был наброшен меховой плащ, хотя Рамсею показалось, что в комнате жарко. Голова покрыта шарфом из золотой материи, скрепленным кольцом с драгоценными камнями. Видно только лицо. Руки, худые, как птичьи лапы, спокойно ле-

жат на коленях. На большом пальце правой руки кольцо с печатью, такое же, как у Теклы, кольцо тяжелое и массивное, впившееся в плоть. Есть и другие кольца, все с крупными камнями.

Маленькие ноги в мягкой обуви прочно стоят на подножке трона. Все вместе производит впечатление непререкаемой власти. Рамсей не сомневался, что перед ним старая императрица. И с любопытством разглядывал ее лицо. Какова она, эта женщина, которая решила избавиться от собственного внука во имя долга перед страной?

Возраст заострил черты ее лица. Если когда-то она и обладала красотой, сейчас от нее не осталось ни следа. Но ей не нужно быть красивой. В любом обществе она сразу привлечет к себе внимание. На Рамсея она подействовала как никто в жизни. Но он решил не показывать этого. Что касается его самого, она по отношению к нему — враг.

Они были одни. Быстрый взгляд показал Рамсею, что здесь только Оситес и Квендрида. Что сказала Текла? Что эти двое считают его угрозой, но не согласились на его убийство? Остаются трое: Бертал, новый наследник; советник; и Мелколф. Где они сейчас? Означает ли отсутствие трех младших участников, что среди заговорщиков раскол? Если так, как Рамсею использовать это в своих целях?

Он почувствовал на себе пристальный взгляд императрицы. И встретил этот взгляд спокойно, без того инстинктивного опасения, с каким смотрел на Оситеса. Молчание становилось напряженным, но Рамсей решил, что первым не заговорит.

Заговорила императрица.

— Что ты за человек? — Она задала вопрос резко, словно ожидала немедленного ответа.

— Я самый обычный человек... — Рамсей колебался, потом добавил уважительный термин, с которым, как он слышал, обращаются к немногим королевам его мира: — Мадам.

Она сделал нетерпеливый жест рукой.

— Каким-то образом ты все же необычен, — возразила она. — Иначе не оказался бы здесь.

— Вы хотите сказать, мэ, — Рамсей постарался говорить как можно спокойней, — что для вас я был бы полезнее мертвым?

Рот под крючковатым носом дрогнул. На вызов ответил Оситес.

— Ты смел... — В голосе его звучало предостережение.

— А что еще мне остается? — Рамсей удивился, что сумел найти эти слова; похоже, только они пригодны в таком обществе. — Мне сказали, что я мертв. И как будто в двух различных мирах. Но раз я мертв, что мне остается, кроме смелой речи?

К удивлению Рамсея, императрица неожиданно хрипло рассмеялась.

— Прекрасно сказано, незнакомец. У тебя быстрый язык и ум. — Она поколебалась. — Твой ум отличается от того, что нам известно. Что же нам с тобой делать?

— Что мне делать, — поправил он. — Выбор принадлежит мне, мэм.

Императрица молчала, разглядывая его. Потом спросила, спросила вежливо, но не очень заинтересованно:

— И что же ты собираешься делать, мальчик?

Рамсей пожал плечами.

— Пока что мне не давали ни малейшей возможности выбора, мэм. Мелколф сказал, что вернуться в свой собственный мир я не могу. Если поверить ему, мне нужно найти место здесь.

Она медленно покачала головой.

— Не здесь, не в Ломе, не в Уладе, пока у тебя это лицо.

— А кто дал мне его, мэм? — снова вызывающе спросил Рамсей.

— У нас не было выбора. — В ее голосе снова звучала только холодная властность. — Ты должен знать ситуацию. Правление Каскара вызвало бы катастрофу, которую страна не выдержала бы.

— Итак, вы должны принять меня. — Рамсей отказывался поддаваться ее влиянию.

— Я сказала: мы не можем. — Снова властность в голосе.

— Значит, ваш ответ такой же, как у Мелколфа, — убийство? — спросил он.

Ее руки в кольцах шевельнулись, тонкие пальцы уцепились за край мехового плаща, в камнях колец радужными искрами отразился свет. Оситес сделал шаг вперед из-за трона, словно охраняя свою спутницу. Легкая тень возмущения исказила его лицо, нарушив неподвижность маски, которая была на его лице с того момента, как он выпустил Рамсея из камеры.

— Ты много себе позволяешь! — Голос шамана прозвучал резко, но императрица прервала его:

— У кого больше прав задавать нам этот вопрос, преподобный? Нет, незнакомец, мы не убьем тебя. Но есть другой — дру-

гие... Они не так терпимы, потому что боятся. А когда люди боятся, они действуют, мудро или неразумно, но действуют. Если ты останешься жив — говорю тебе это искренне, — то не в Ломе, не в Уладе, даже не по эту сторону океана. Ты принял внешность толкарнца... хорошо... так и живи!

— А почему я должен исполнять ваши пожелания, мэм? — вежливо спросил Рамсей. Он надеялся, что эти двое поймут его. Просто он человек, которым нельзя командовать.

— Такой ответ не мое желание, — сказала императрица. — Это всего лишь здравый смысл. Я могу удержать Мелколфа: пока жив мой сын, нынешний император — хотя он быстро слабеет, — мои приказы будут исполнены. Когда он умрет, у меня останется место в Ломе, но такой властью я уже не буду обладать. Тогда я смогу только предлагать, а не приказывать.

Тебе наверняка рассказали об Очалле, о том, чего он добивается. Любому из его созданий, этим глазам и ушам, которые он рассеял по всему дворцу, достаточно увидеть тебя без маски, и он сразу об этом узнает. И могу тебе пообещать, что, если Очалл отыщет тебя, твоей участью будет не смерть, а смерть-в-жизни.

Не думай, что Каскар всегда был слабым, безвольным орудием в руках человека с сильной волей. Когда-то он был как ты, молод и горд своей силой, быстрый разумом и телом. Я говорю так не потому, что он кровь от моей крови, плоть от моей плоти, наследник моего Дома, — нет, это правда.

Мы так и не узнали, какими злыми способами Очалл подчинил себе Каскара. Возможно, он даже извратил Древнее Знание, которое, как мы верили, сохранилось только у Просвещенных, чтобы сделать Каскара таким, каким он стал. И если он сделал это однажды, разве не сможет повторить? Ты хочешь стать тенью самого себя, незнакомец?

Рамсей понял, что она не пытается запугать его. Эта Квендрида, правительница Улада, говорит совершенно серьезно. Наркотики, гипноз — вот на что она намекает. И он прекрасно понимает, что случится, если Очалл наложит на него руки. Допустим, они правы, у него нет будущего в этой земле? Быстрое отступление кажется наилучшим выходом. Конечно, это совсем не означает, что он не сможет когда-нибудь в будущем вернуться. Если они выиграют схватку с Очаллом... Но сейчас важно настоящее, а не будущее.

— Я могу считать, что Мелколф сказал правду? — спросил он у них обоих. — Что мне нет возврата в свой мир?

Императрица предоставила отвечать Оситесу.

— Это правда. Я снова посылая сон в твой мир. И ничего не встретил. Тот, кем был ты, миновал Последние Врата вместе с Каскаром. Да будет с ним мир! — Шаман сделал легкий жест, начертив в воздухе какой-то символ. Императрица склонила голову.

— Хорошо. Если я уйду из Улада, скажем, в Толкарн? Как это организовать?

— Все уже организовано. Нам нужно только твое согласие, — сказал шаман. — Хотя сейчас купцы редко отваживаются плыть за море, у одного такого корабль как раз стоит на якоре в западной гавани. Он готов взять пассажира. Одежда, оружие, кредит у этого купца — все ждет тебя на борту. Ты уедешь немедленно...

— Вы быстро принимаете решения, — сухо заметил Рамсей.

— Это необходимость, — ответил Оситес. — Чем быстрее ты покинешь Лом и окажешься в океане, тем в большей безопасности будешь. Очалл, возможно, уже узнал о твоём существовании. Нет причин считать, что он не узнает. И мы не преувеличиваем опасность: он ищет тебя всеми своими способами.

Рамсей пожал плечами.

— Похоже, у меня нет выбора.

— Конечно, нет, — подтвердила императрица. — Мы сожалеем, что ты оказался захвачен нашими делами, но у этого была такая важная причина... Не стану отрицать, если бы перед нами снова встал выбор, мы приняли бы то же решение. Один человек ничего не значит по сравнению с безопасностью целой страны.

Рамсей взглянул на Оситеса.

— Мне говорили, что Просвещенные только советуют, но не действуют. Мне кажется, здесь ты сделал больше...

— На мою голову и сердце ляжет этот поступок. И это не твое дело, незнакомец! Но поскольку ты согласился, не будем тратить времени на болтовню. Ты должен немедленно уходить!

— Я хочу вначале увидеться с леди Теклой.

Императрица слегка наклонилась вперед в своем троне, пристально взглянула на него.

— Зачем? Для такой встречи нет никаких причин. Она знает, что мы тебе говорим, и согласна с нашим предложением. Девочка поступила хорошо. А теперь поступает еще лучше, мирно

соединяя две наши страны для большей безопасности и процветания обеих. Бертал не Пиран, мой умирающий сын, он не великий правитель. Но он прислушивается к разумному совету и горячо ненавидит Очалла. И тогда нам не нужно будет опасаться, что этот сын зла снова бросит свою тень на нашу землю! — Глубоким, полным чувства голосом она продолжала: — Нет... уходи немедленно... Оситес проводит тебя до ворот. За ними тебя ждет человек, он отведет к кораблю. И — не снимай маску. Надень ее немедленно! Ты хочешь, чтобы все видели, что мертвец ходит по улицам? — И она указала на маску в его руке.

Он мог бы снова потребовать свидания с Теклой, но решил, что это бесполезно. К тому же императрица очень ясно дала понять, что девушка знает обо всем, что ему предложено. Но, надевая маску и застегивая ее на горле, Рамсей испытывал разочарование. Конечно, он как личность ничего не значит для Теклы. Она действовала с самого начала не ради спасения Рамсея Кимбла, а чтобы спасти планы этих двоих. Она того же мнения, что польза страны важнее судьбы одного человека, хотя отказалась отдать его Очалу или горячим головам участников интриги. За это он ей благодарен. Она теперь выйдет замуж за Бертала. Очалл утратит свою власть. И история пойдет по тропе, намеченной этими старухой и стариком.

Императрица не попросилась с Рамсеем, он тоже ничего ей не сказал. Она прислонилась головой к спинке трона, лицо ее оказалось в тени навеса, но он видел, что она закрыла глаза. Может, уже выбросила его из головы как аккуратно и окончательно решенную проблему.

Но Квендрида Уладская не может предвидеть будущее, не могут это точно сделать даже Просвещенные. Возможно, один-два сюрприза ее ожидают. И Рамсей подумал, что он может стать источником этих сюрпризов. Еще в камере он решил, что не будет марионеткой ни в чьих руках. И не собирается быть игрушкой этой женщины. Он принадлежит только себе и таким и останется — даже если ради этого придется сражаться.

Они шли коридорами, спускались по лестницам и наконец вышли во двор, такой же, как тот, куда Рамсея привела Гришильда во время первого бегства из Лома. Снова ждал флайер, а у его ступеней человек в мундире стражника. Он приветствовал Оситеса, потом Рамсея, подождал, пока тот поднимется в машину, и сам поднялся за ним.

Флайер опять резко поднялся вверх, но на этот раз они летели недолго. Сели на квадратную площадку, за которой слышался плеск воды. Должно быть, море. Перед ними пристань, в ней ряды кораблей. Рамсей не увидел ни парусов, ни вообще рангоута, только в центре каждого корабля какой-то столб. Стражник ждал Рамсея.

— Близко... — сказал он. — В этом... — Он смотрел на Рамсея. Но вот взгляд его переместился за плечо. В глазах появилось удивление, он раскрыл рот.

Рамсей действовал инстинктивно, он упал на землю и покатился. Мимо проскочил человек с обнаженным мечом. Нападающий чуть не потерял равновесие, главным образом потому, что рассчитывал на опору мечом в спине Рамсея.

Но то, что предательское нападение не удалось, не обескуражило его. Незнакомец повернулся и напал снова. И при этом крикнул:

— Кровная месть!

Рамсей не пытался встать. Напротив, перевернулся на спину и ждал, внешне легкая добыча. У того тоже маска, только ярко-желтая. Сквозь ее прорези ярко блестели глаза. Нападающий снова прыгнул. Рамсей напряг ноги и почувствовал, как его башмаки ударили тело противника.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Нападающий, не готовый к такой встрече, отлетел назад. Продолжая катиться, Рамсей плавно вскочил на ноги. Падая, его противник потерял меч. Рамсей наступил ногой на острое лезвие. Враг кинулся к нему в третий раз, и Рамсей точно опустил ребро ладони. Он рассчитывал оглушить, а не убить. «Желтая маска» опустил лицо вниз на мостовую гавани и остался лежать. Рамсей, тяжело дыша, наклонился, подобрал меч и стоял, держа его наготове.

Он обнаружил, что вокруг собрались зрители. Но если в Ломе и есть какая-то полиция, здесь ее не оказалось. И никто из зрителей не вмешивался. Среди них Рамсей не увидел дворцового стражника, который как будто должен был убедиться, что он благополучно добрался до корабля.

— Отличный бросок... — заметил один из зрителей, делая два шага вперед.

Он был высокий, худой, с черными волосами, закрытыми шляпой с гребнем, такой же, как та, что на Рамсее. Только маски у него нет. Куртка короткая, как у слуг, но на широком поясе висит короткий церемониальный меч и еще какое-то оружие в ножнах. К тому же на груди у него нет никакого герба. Серую одежду на груди разрезает по диагонали фиолетовая полоска.

Обращаясь к Рамсею, он поднял руку в обычном приветствии, как будто только из вежливости.

— Дедан из Кентала, — представился он. — Вольный капитан.

— Арлут из Толкарна, — ответил Рамсей. Он напряженно размышлял. Быстрое исчезновение дворцового стражника вело только к одному заключению. Ему готовили западню! И кто-то для этого воспользовался маскировкой Рамсея как кровника. И Рамсей считал, что ему не нужно далеко отыскивать организаторов этого нападения. Все, что говорили ему императрица и Оситес, предназначалось только для одной цели: чтобы он покорно пошел навстречу смерти. Может, план возник не перед этой встречей. Возможно, Текла, придумывая для него маскировку, уже предвидела такой конец.

Рамсей ощутил гнев. Они играли с ним! Хорошо — отныне он им ничего не должен. Он принадлежит только себе. И никакого ухода в Толкарн. Он вообще сомневается, чтобы здесь, в Ломе, действительно нашелся корабль, отплывающий в Толкарн.

Вольный капитан опустился на колени рядом с неподвижным противником Рамсея, перевернул его на спину и снял желтую маску. Негромко присвистнул и оценивающе посмотрел на Рамсея.

— Кто-то очень хочет увидеть тебя мертвым, незнакомец. Ты знаешь его? — И он ткнул большим пальцем в сторону неподвижного бойца.

— Нет.

— Это Одинал, наемный убийца. Он берет очень дорого. Должно быть, твои враги торопятся опустошить свои карманы. — Вставая, он отряхнул руки. Как будто хотел избавиться от всяких следов прикосновения к желтой маске.

— Я бы посоветовал тебе перестать быть центром внимания, — продолжал Дедан. И окинул взглядом собравшуюся толпу. — Вполне возможно, что у Одинала здесь помощники.

Рамсей растерялся. Если этот тип говорит правду, можно ожидать повторного нападения. А видя Рамсея в действии, любой благоразумный человек предпочтет убивать на расстоянии. Он не видел подозрительных людей в толпе, но жизнь, полная опасностей, нова для него, и потому он испытывал замешательство.

Дедан легко коснулся его руки.

— Благоразумнее побыстрее убраться отсюда. Говорят, отступление — правая рука доблести.

Рамсей едва не отскочил от этого легкого прикосновения. Почему он должен доверять вольному капитану (что бы это ни значило!) больше, чем любому другому зрителю из толпы? Но этот человек прав! Рамсею нужно уйти, чтобы иметь возможность подумать и составить какой-нибудь план.

— Мы в нескольких шагах от «Бочонка и чашки». — Дедан указал на улицу, ведущую к гавани. — Еда там грубоватая, но для портовой таверны сойдет. Пойдем?

— Почему... — начал Рамсей.

— Почему я принимаю участие в этом деле? — закончил за него Дедан. — По двум причинам, незнакомец. Во-первых, мне всегда не нравится, когда ничего не подозревающего человека бьют в спину. Во-вторых, меня очень интересуют необычные способы, какими ты использовал руки и ноги. В моей профессии новинка в умении защищаться много добавляет к способностям человека, увеличивает ценность наемника. Нет. — Он покачал головой, словно прочел неожиданную мысль Рамсея. — Я не брат Одинала по профессии. Я наемный солдат, а не убийца, расправляющийся с врагами других.

Никто не мешал им уходить. И Рамсей пошел, главным образом потому, что не смог придумать ничего другого. Предательство было таким неожиданным, настолько изменило для него всю сцену действия, что он перестал все понимать, почти так же, как в первые моменты, когда проснулся Каскаром.

Дедан пропустил его в дверь таверны, где крепкая смесь запахов напоминала о многих обедах и малом использовании воды и мыла. Вольный капитан прошел через большую комнату, уставленную столами и скамьями, массивными, с грязной и изрезанной поверхностью. Здесь ели и пили поколения посетителей. Слышался гул разговоров. В таверне было множество клиентов. Однако Дедан миновал даже пустые скамьи и прошел во второе помещение, где было потише, хотя пищей пахло еще сильнее.

Он пинком выдвинул из-под маленького столика стул и махнул Рамсею, чтобы тот сел напротив. Подошла девушка. Ее юбка была разрезана так искусно, что позволяла видеть округлость бедер. Волосы девушки были перевязаны поблекшей позолоченной лентой.

— Иза, красавица моя, две чашки белого и все, что кипит на вашей правой печи.

Она хихикнула, кивнула и убежала, словно Дедан не из тех, кто привык ждать.

— Не буду спрашивать, кто натравил на тебя Одинала. — Дедан рассматривал Рамсея. — Ты говоришь, твоя родина — Толкарн, на тебе маска кровника. Но не в обычаях Домов запада протягивать руку за море, чтобы прикончить врага. И ты как кровник должен быть в безопасности. Интересно, кому ты здесь наступил на мозоль?

Вольный капитан говорил небрежно. И не показывал вида, что ждет ответа. Рамсей положил на стол между ними меч, отобранный у убийцы. Дедан наклонился, рассматривая оружие.

— Хорошая работа, к тому же с двойной угрозой...

— Двойная угроза? — Рамсей удивился.

— Да. Смотри! — Вольный капитан коснулся рукояти, сильно нажал пальцем на одну из шишек орнамента. С острия меча сорвались две тяжелые большие капли.

— Советую тебе не касаться этого, — предупредил Дедан. — Это не для улучшения здоровья человека, совсем наоборот. Это меч из Заговья. У них там любопытные обычаи. Но в данных обстоятельствах меня слегка удивляет Одинал. Даже наемный убийца нечасто идет на такие трюки.

Рамсей смотрел на темные капли. Он несколько не сомневался в правоте Дедана. Наверно, убийце в желтой маске достаточно было слегка оцарапать противника. И при мысли, что это могло случиться, Рамсей сжал край стола.

— Именно так. Тебе гораздо сильнее повезло, чем ты думал, незнакомец, когда ты спасся от него. Но меня больше интересует, как ты спасся. Я могу судить о твоих действиях, и мне кажется, ты владеешь каким-то новым видом боя.

И хотя он не задавал вопрос, Рамсей кивнул.

Вернулась девушка Иза, неся поднос, уставленный чашками и тарелками. Неожиданно Рамсей ощутил сильный голод. Де-

вухка уже собралась поставить поднос на стол, когда увидела меч и зловещие темные капли.

Она закричала и так резко отскочила, что жидкость из чашек пролилась. Дедан обнял ее, чтобы удержать.

— Иза, моя красавица, найди-ка нам тряпку, которой Бавар стирает со столов в том помещении. Обещаю, все будет хорошо. Оставь здесь поднос...

Она выполнила его просьбу, исчезла и тут же вернулась, держа в руке грязную тряпку. Рамсей видел, что она очень испугана. К столу она не подошла. Бросила тряпку Дедану. Вольный капитан тщательно вытер пролитую жидкость. Потом, держа тряпку сложенной, подошел к очагу и бросил ее в тлеющие угли. Опустившись на колени, он достал из внутреннего кармана одежды маленькую коробочку, покрутил большим пальцем колесико на ней. Искра упала на тряпку, та вспыхнула, испустив облако зловонного дыма.

Иза глубоко и облегченно вздохнула. Но не торопилась брать поднос и обслуживать их. Очевидно, считала, что чем быстрее уйдет из этой комнаты, тем лучше.

Рамсей ел молча, его спутник тоже не нарушал молчание, заполнившее комнату. За едой Рамсей не переставал думать. Он хотел бы больше знать о Дедане, который так удачно оказался на пристани и знает необычное оружие. Но Дедан как человек этого мира должен считать, что Рамсею многое известно. И если Рамсей начнет задавать вопросы, не поймет ли капитан, что он не просто незнакомец? Проблема очень сложная.

Дедан покончил с едой. Держа чашку обеими руками, он через ее край посматривал на Рамсея. Губы его слегка изогнулись, как будто ситуация казалась ему не смешной, а немного забавной. Но Рамсей не видел никакого повода для этого.

— У меня есть к тебе предложение, Арлут. — Впервые вольный капитан использовал его толкарное имя. — Ты научишь меня этому приему ногами, а я бесплатно выведу тебя из Лома и гарантирую, что тебе не придется иметь дело ни с Одиалом, ни с кем другим. Ты сильно оскорбил его профессиональную гордость этим своим трюком. Теперь твое убийство становится его личным делом, понимаешь? Я не купец, чтобы торговаться. Мое предложение простое. Научи меня этому приему и уполывай из Лома как член моего вольного общества. Мы должны отплыть сегодня вечером, направимся в Яснаби, потом пойдем в

глубь суши вдоль границы. Если Одинал попытается нас преследовать, он будет замечен, как рас-ястреб в чистом небе, даже если найдет средство для плавания. Вдобавок если ты дашь слово-обязательство обществу, твоя вражда становится нашей враждой. А мир хорошо знает, как вольные общества защищают своих. Что скажешь о моем предложении? Не думаю, чтобы ты получил лучшее. Во всяком случае не здесь, в Ломе.

Рамсей, вспомнив неожиданное, но тщательно подготовленное исчезновение стражника, готов был легко согласиться с этим.

— Твое общество — а за кого оно сейчас сражается? — Он думал, что оно может быть из числа тех бездомных наемников, что собрал Очалл. Если это так, он не собирается из огня, разожженного императрицей и Оситесом, попадать в пламя всеми презираемого советника.

— Не за Очалла. В этом твоя проблема, Арлут? — Дедан проныцательно смотрел на него. — Если это так, у тебя есть право оглядываться через плечо днем и ночью. Нет, нас нанял Тантант из Дрегхорна. Он владеет западными берегами Олироуна и дважды подвергался набегам линаркийских пиратов. Пираты становятся все наглее. Они на этот раз умудрились разграбить Разолг и удерживать его целую неделю, выдерживая осаду войска, которое собрал Тантант. Олироунцы могут отбивать нападения, но для регулярных сражений они не обучены. Поэтому мы присоединяемся к ним. Плата хорошая, и обещаны премии за каждую стычку с Линарком, если удастся перебить пиратов или прогнать их в море. Ну, так что скажешь? Твои знания за бесплатный проезд из Лома?

Рамсей осушил свою чашку. Поставив ее на стол, он медленно сказал:

— Я не солдат. Я даже не знаю, как обращаться с таким оружием. — Он коснулся рукояти короткого меча. Он знал, что такая откровенность выдает его: кровник не может быть таким несведущим. Но другого пути Рамсей не видел. Он не думал, что сможет обмануть опытного бойца. И продолжал, коснувшись пальцем своей маски: — И я не кровник из Толкарна. Хотя, как ты видел, есть такие, кто хочет моей смерти. Я думаю сейчас, что эта моя маскировка должна была сделать меня легкой добычей Одинала или такого, как он. Не могу сказать тебе, кто я. Но Лом, Улад — для меня означают смерть...

Дедан долго смотрел на него. Потом вольный капитан сказал:

— Правда — суровая хозяйка тех, кто присягнул ей, Арлут, но когда человек откровенен, он заслуживает ответной откровенности. Ты совершил какое-то преступление?

— Если считать мое существование преступлением, да. По этой причине я опасен для некоторых.

— Для Очалла?

— И для него тоже, — ответил Рамсей. — Я невольно сорвал план, который для него представлял большой интерес.

На лице вольного капитана снова появилась тень легкой улыбки.

— Это вполне соответствует тому, что я слышал об этом недостойном советнике. Итак, ты не солдат? Ну, что ж, можно тебя сделать солдатом. А твое мастерство — я хочу в свою очередь овладеть им. Преследуемый или кровник — какая разница? Для меня эти случаи равны. В Уладе я никому не служу. Ты считаешь, что Олироун для тебя тоже закрыт?

Может ли Рамсей верить, что Текла не среди участников интриги? Он хотел верить, что она не знает о последнем небольшом усовершенствовании плана, которое должно было навсегда снять его с игровой доски. Нет, решил Рамсей, рисковать он не будет.

— Не думаю, — сказал он. — Хотя если определенные силы в Уладе надавят...

Дедан приподнял брови.

— Теперь ты даже еще больше заинтересовал меня, Арлут не из Толкарна. Но будут ли тебя искать в вольном обществе?

— Вероятно, нет.

— Хорошо. Сними маску. Мы воспользуемся этим окном. — Он указал на грязную раму, укрепленную металлическими полосками. Отсчитал несколько мелких монет и оставил на столе. — Лучше не рисковать, проходя снова через наружную комнату. Кто знает, кто там сидит, потягивая из чашки?

Рамсей недолго колебался, прежде чем снять маску. Дедан уже был у окна, изо всех сил он тянул за щеколду, которой явно долго не пользовались. Мгновение спустя они один за другим выскользнули через подоконник на шумную боковую улицу.

Солнце уже зашло, и было достаточно тени, чтобы укрыться. Плечо Дедана коснулось Рамсея.

— К верфи. Мы отплывем с ночным приливом.

Рамсей все время сознавал, что у него открыто лицо. Он помнил все предупреждения, начиная со слов Теклы, что его лицо выдаст его первому же встречному шпиону. Но пока немногие прохожие даже не смотрели на него. Однако он вздохнул с облегчением, когда поднялся на корабль и прошел в трюм, в каюты вольного общества Дедана.

Три дня спустя Рамсей улыбался, чуть насмешливо поглядывая на лежащего на палубе Дедана.

— Нужно использовать силу противника и его собственные действия против него же, — в десятый раз за час повторил он.

Дедан скрипнул зубами.

— Хорошо, когда у тебя это получается. Но придет и мой черед. На рукояти меча твоя рука не так уверена, как на моей больной шее!

Из общества в тридцать человек, которым командовал Дедан, у Рамсея подобралось всего с полдесятка учеников. Остальные сторонились нового способа борьбы, они удовлетворялись наблюдением и насмешками над теми, кто постоянно падал на палубу. Дедан был прав и в том отношении, что Рамсею далеко до мастерства во владении мечом. Лучше он пользовался странным ручным ружьем, которое тоже было на вооружении в обществе.

Ружье стреляло стеклянными стрелами; разбиваясь при ударе, они осколками наносили тяжелые раны. Рамсей не видел ничего похожего на стеклянную трубку, которой угрожал ему Мелколф. Было еще более крупное оружие с длинным стволом, оно стреляло огненными шарами, которые разрывались в воздухе, поливая врагов горячей жидкостью. Это оружие явно было родственно огнестрельному, но пулевых ружей этот мир, по видимому, не знал.

Вдобавок к ручному оружию Дедан показал Рамсею полевое на специальной панели; при правильном управлении оно способно передвигаться над поверхностью на высоте в фут. Весит оно гораздо меньше, чем можно судить по корпусу; приведенное в действие, испускает волны вибрации, которые причиняют сильную боль врагам, если у них нет специальных затычек для ушей.

Рамсея поразила странная смесь: относительно примитивные мечи и более сложные «ружья» и «вибраторы». Он узнал, что более сложное оружие стоит очень дорого. Плата, которую

получает общество Дедана, на две трети уходит на покупку и обслуживание этого оружия. Замену ему можно найти только на рынке металлических изделий на дальнем севере, где другой народ заново открыл и скопировал оружие Древних Дней.

Эти торговцы оружием с севера ревностно охраняют свою монополию, и оружие, которое они продают, обладает встроенным механизмом самоуничтожения. Тот, кто пытается разгадать тайну оружия, уничтожается. И даже если уцелеет, то оказывается в таком состоянии, что жизнь ему не приносит радости. Пока никому не удалось преодолеть эти предосторожности торговых монополистов.

Приходилось беречь амуницию и использовать только для создания превосходства в нападении или при обороне. Дедан считал это вооружение своим главным сокровищем. При нападении наемники рассчитывали прежде всего на мечи. И Рамсей вынужден был признать, что все те, кто наблюдают за упражнениями, прекрасно владеют оружием, которое в его мире считается архаическим.

Без парусов и других средств продвижения корабль устойчиво шел на север. Временами он едва не погружался под воду. И Рамсей гадал, служит ли короткий столб в середине палубы источником загадочной энергии, которая движет кораблем. Еще одно наследие древней исчезнувшей цивилизации?

С вопросами приходилось быть осторожным. Опасно проявлять слишком большое невежество. Рамсей прислушивался к разговорам, пытаясь по обрывкам нарисовать более полную картину этого мира.

Описания отдельных районов, особенно на севере, на границе с Толкарном, позволяют предположить, что во время древнего конфликта произошла атомная катастрофа. Эти созданные людьми пустыни смертоносны, хотя рассказывают и о странных мутантах, которые живут на краю всеми избегаемой местности. Такие же пустыни расположены на востоке и занимают большую часть континента, на котором расположены Улад, Олироун и еще два государства. Люди же, живущие в «чистых» районах, как утверждают их исторические труды, переселились с юга.

Предки этих людей, когда они заново открыли землю, были бродячими варварскими племенами. Однако встреча с Просвещенными произвела решительные перемены в их кочевом образе жизни. Они осели и начали строить жизнь заново, но на-

следие племенных обычаев привело к созданию феодальных государств, постоянно воюющих друг с другом.

В течение трех поколений Улад объединил около двадцати таких маленьких антагонистических королевств, герцогств и графств и честолюбиво провозгласил себя империей. На севере оставался независимым Олироун. Вдоль берега, еще дальше к северу, буфером между цивилизованным югом и страшными торговцами, которые имеют дело с остатками забытой техники, служат острова Линарк — конфедерация независимых пиратов. Поблизости, на материке, расположена Загова, жители которой искусны в обработке металла и союзники торговцев севера.

Рамсей пытался мысленно представить карту этого мира. Настоящей карты он еще не видел. И знал, что сведения его далеки от точности. Но все его информанты соглашались, что Просвещенные обладают такими способностями или силами, с которыми не справится ни одно известное оружие или инструмент. Рождающиеся шаманами как будто принадлежат к другой расе; на этот счет мнения разделялись. Однако всем известно, что они привлекают «новобранцев», мужчин и женщин, из всех «цивилизованных» наций.

Просто пожелать стать Просвещенным невозможно. Нужно обладать определенными свойствами мозга, которые распознают те, кто уже вступил в это товарищество силы. Если необходимо, избранные на несколько лет удаляются в Роши, рассеянные по планете центры шаманов. Говорят, Просвещенные живут гораздо дольше обычных смертных. Шаманов все боятся и уважают, но одновременно и недолюбливают, главным образом потому, что они преследуют свои, не всегда ясные цели и потому иногда отказывают в помощи, даже если дело доброе.

При дворах бывают советники шаманы (как Оситес в Ломе), но они именно советуют, а не действуют. Часто они упрямо молчат, не произнося ни слова. Бывают даже случаи, когда они покидают правителя в беде, потому что считают: более высокая цель требует, чтобы этот мужчина или эта женщина лишились власти.

— Они небезопасны, — откровенно говорил Дедан. — Тот, кто ищет предсказания, делает это на свой страх и риск. Я верю, что они могут заставить такого человека служить себе, и часто это приносит ему только зло.

— Предсказание... — задумчиво сказал Рамсей. — А тебе приходилось видеть, как делают для кого-то предсказание? — Ему

хотелось узнать, как это делается, но он понимал, что должен расспрашивать осторожно.

Дедан нахмурился. Ответил он не сразу. Вначале искоса взглянул на Рамсея.

— Однажды, — коротко сказал он, — и ничего хорошего из этого не вышло. Дело было... — Он помолчал и снова посмотрел на Рамсея. Вольный капитан как будто решал, можно ли ему довериться. — Дело было связано с нападением на Видин. Я был тогда первым помощником, обществом командовал Тасум. Бедняга, он надеялся завоевать себе высокое место — место правителя Земли Внешних Рифов. И потому отправился к пророчице. Меня он попросил идти с ним. Но имей в виду, что я не соглашался на чтение своих мыслей. И меня не коснулось зло.

— Пророчица разбросала Двадцать и начала вытягивать. Я и сейчас вижу, как они лежат на ее столе. Тут были — Надежды, Страхи, Судьбы, Сны. Тасум вытащил Короля Судьбы. Он решил, что это означает победу. Но на следующий день с криками умер, на него обрушился Горячий Дождь. Нет, я не хочу больше это вспоминать!

От этого объяснения картина не прояснилась. Рамсей чувствовал, что Дедан не хочет говорить на эти темы. И надеялся как-нибудь узнать больше. Но тут с верхней палубы подали сигнал, что они приближаются к месту высадки.

Здесь не оказалось ни причала, ни удобных подходов. Пришлось погрузить оборудование и весь багаж в небольшие лодки, провести их с помощью весел через прибой и пену к скалистой отмели, которая выдавалась в непокорные волны.

К тому времени как они перенесли подальше от волн имущество, все вымокли. Рамсей видел, что все напряжены. Беспокойство было слишком явное, чтобы объяснить его просто трудной высадкой.

Рамсей надел на спину свой походный мешок, убедился, что меч и другое вооружение на месте. Дедан поднялся на высокую скалу и повернулся к берегу, заслоняя глаза руками от ветра и брызг. Рамсею показалось, что вольный капитан ищет что-то. Оно должно быть здесь, но его нет.

Лодки вернулись на корабль. Дикий скалистый берег, постоянные удары волн — все это создавало впечатление безлюдности и усиливало тревогу высадившихся.

Дедан отобрал трех разведчиков, те разошлись в разные стороны и принялись пробираться меж скалами. Остальных вольный капитан держал на месте. Наконец разведчики добрались до высоких дюн и подали с них знак, что все чисто.

Рамсей гадал, какой опасности ждет вольное общество. На одиноком берегу не было никаких следов жизни. Он знал, что вскоре после высадки они должны встретиться с людьми Тантанта. Может, именно потому, что их нет, Дедан проявляет такую осторожность.

Но вот вольный капитан приказал выступать, и Рамсей постарался выбрать самый удобный путь между влажными от брызг поросшими водорослями скалами.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Скалы постепенно уступали место подвижным дюнам. Потом все увидели движущийся к ним над землей — туман? Рамсею показалось, что движется он быстро, гораздо быстрее обычного тумана.

Резко прозвучал свисток — Дедан подал сигнал тревоги. Эхо отдалось на берегу. Общество сомкнуло ряды. И стало похоже на осажденное войско. Но Рамсей по-прежнему не видел ничего, кроме густого желтоватого тумана. Дедан снова свистнул. Рамсей заметил, что разведчики уже исчезли, поглощенные туманом. Взгляд назад показал, что корабль быстро уходит за горизонт. Отступление в этом направлении невозможно.

— К хребту... — Дедан показывал направо.

Камни, образовавшие грубый причал, здесь соединялись с подъемом, в трещинах и ямах, но все же это была более надежная поверхность, чем песок, по которому они шли.

Они как могли быстро направились к этому хребту, а туман неумолимо двигался за ними, и шел он не с моря, а, как ни странно, с какой-то точки в глубине суши. Рамсей карабкался на первые скалы хребта, когда сквозь постоянные свистки Дедана услышал крик такой страшной боли, что инстинктивно конвульсивно схватился за камень. Крик доносился из тумана. Рамсей понял, что это крик смертельно раненного. Друг? Или невидимый враг?

Они взбирались все выше по источенным водой скалам. Сюда пена не долетала, но поверхность была опасной из-за мно-

жества трещин и щелей в самих камнях. Приходилось внимательно смотреть под ноги. Наконец они добрались до вершины, рассыпались по углублениям, спрятались за выступы скал, сняли мешки, обнажили оружие. Расчеты двух вибраторов сняли с них кожухи, развернули веерообразные антенны в поисках врага.

Рамсей присел рядом с Деданом. Никто из разведчиков еще не вернулся. Грязно-желтый туман уже скрыл основание хребта, на котором они находились, и поднимался все выше и выше.

Рамсей взглянул на вольного капитана.

— Что это?

Дедан нетерпеливо пожал плечами.

— Я знаю не больше тебя. Никогда ничего подобного не видел. Но, по-моему, этот туман неестественный.

— Пиратское волшебство! — Человек рядом с ними плюнул. — Какая-то хитрость северян. Может, морские дьяволы заплатили за него добычей из Разлога.

— Газ — какая-то отравя в воздухе? — Рамсей почувствовал, как у него перехватило горло; задавая вопрос, он задышал быстро и поверхностно.

Дедан покачал головой.

— Ветер с моря, такое нападение трудно контролировать.

— У них, должно быть, есть маски для дыхания. — Рамсей вспомнил противогазы из своего мира и времени.

Но вольный капитан считал иначе.

— Я думаю, это просто прикрытие для нападения. — Он повернулся к человеку, который говорил о пиратском волшебстве. — Дай мне посыльную птицу, Раман.

Тот снял с плеча петлю, на которой висела маленькая клетка, а в ней молчаливая птица, смотревшая на них черными бусинками глаз. Птица была серого цвета, чуть меньше знакомых Рамсею голубей.

К удивлению Рамсея, Дедан не стал прикреплять к ней трубку с посланием. Он поднял птицу, которая спокойно лежала у него на руке, на уровень глаз. Глядя прямо на крылатого посыльного, Дедан медленно стал повторять:

— Осаждены... Яснаби... туман... неизвестный противник...

Длинный заостренный клюв птицы раскрылся, потом со щелчком закрылся. И послышалась искаженная, но понятная речь:

— Осаждены... Яссби... туман... н-н-неизвестный противник...

— Верно! — Дедан подбросил птицу. Вверху она расправила крылья, дважды облетела природную крепость из скал и быстро полетела в глубь, держась высоко над уровнем тумана.

— Как только говорящая долетит до передового поста... — Дедан не закончил.

Раман рассмеялся.

— Появятся пограничники и, может, успеют похоронить нас, капитан. От ближайшего поста долгий переход, хотя у них может найтись и флайер. — Наверно, надежда заставила его добавить это.

Дедан нетерпеливо свистнул. Все повернули головы в его направлении. Но туман уже добрался до тех, кто занимал самые нижние позиции.

— Оставайтесь на месте, — приказал капитан. — Пусть приходят к нам. Не поддавайтесь на уловки, которыми они хотят нас выманить. За этими камнями мы не станем легкой добычей...

Ему ответил согласный хор голосов, пробежавший от щели к щели. Некоторые бойцы уже скрывались в тумане. Туман, холодный и влажный, коснулся лица Рамсея. Но по крайней мере худшие его страхи не подтвердились. Это не ядовитый газ...

— Капитан...

Лязг снизу. Кто-то поднимается к ним. Рука Рамсея напряглась на рукояти меча. Но поднимался не враг, а один из пропавших разведчиков.

Он дышал тяжело, словно бежал вперегонки со смертью. Упав рядом с Деданом и Рамсеем, он произнес несколько непонятных звуков, и только потом смог говорить членораздельно.

— Пираты... там... — Он указал на туман, поднимавшийся ему по колено. — Они поджидали нас.

— Сколько их? — быстро спросил Дедан.

— Я видел только двоих. Они поднялись с песка и зарубили Хоэля. Вы, наверно, слышали его предсмертный крик. А где Ури? Рейлс? — Он назвал имена своих товарищей.

— Они еще не вернулись, — ответил Дедан.

— Тогда считай их мертвыми. — Человек говорил тупо и безжизненно. — Я слышал отовсюду, как люди движутся в дюнах. Я был ближе всех к этому хребту и только потому ушел.

— Пираты? — Дедана как будто не удивил доклад разведчика. Его поразило нечто другое, какой-то фактор, непонятный Рамсею. — Ты не видел, откуда поднимается этот туман?

Разведчик покачал головой. Грудь его по-прежнему быстро поднималась и опускалась, как у преследуемого беглеца.

— Он исходит из какой-то точки к северу в глубине суши. Там он поднимается к небу, как дым от костра, становится все сильнее и гуще. Я был на вершине дюны, когда впервые увидел его. Клянусь четырьмя клыками Итола, это не природный туман.

— Мы так и подумали. А воинов Тантанта ты не видел?

— Только это. — Разведчик раскрыл сжатый кулак, и из него на скалу с металлическим лязгом выпал небольшой предмет. К этому времени зловещий туман поднялся еще выше, и Рамсей почти не видел Дедана и разведчика, хотя они находились совсем рядом.

Но ему видно было, что Дедан поднял то, что уронил разведчик.

— Значок с пояса пограничника. Его могли потерять в любое время.

— Он не изъеден соленым ветром, капитан, и на краю его кровь.

Дедан поднес значок ближе к глазам. Он как будто не разглядывал, а принюхивался.

— Ты прав, кровь свежая. Возможно, это объясняет поджидающую нас засаду. — Если пираты выследили пограничников, пришедших на встречу с обществом, мало надежды на помощь в течение ближайших часов — или даже дней.

Желтый туман уже добрался до основания хребта и поднялся к нижним убежищам общества. Дедан быстро взглянул направо, налево, потом повернулся к расчетам вибраторов, которые стояли на самой вершине хребта. Помощник, стоявший у орудий, кивнул. Дедан поднес к губам свисток и снова резко свистнул. Это был приказ собственной небольшой армии — заткнуть уши. Вольный капитан собирался пустить в ход свое самое мощное оружие.

Рамсей повозился с выданными ему затычками, вставил их в уши. Теперь все приказы будут отдаваться жестами. Он видел, как вибраторы опустили усилители, чтобы действие невидимого луча захватило дюны. Помощник подошел к одной машине,

к другой, проверяя установку. По его кивку Дедан резко опустил в приказе руку.

Рамсей так никогда и не смог узнать объяснения случившегося. Из тумана сверкнул луч света. Последовал глухой удар, который отбросил его на скалы, дыхание со свистом вырвалось из легких. Но Рамсей лежал в такой позе, которая позволяла ему видеть вибраторы.

Их не стало! Оставалась только масса расплавленного горячего металла вместо двух дорогостоящих орудий.

Рамсей вытащил затычки из ушей. Теперь он мог слышать. Крики заполнили воздух. Из того места, где произошел адский взрыв, выползла какая-то фигура и в мучениях пыталась двигаться по земле. Ясно, что у пиратов нашелся эффективный ответ на самое мощное оружие Дедана.

Рамсей каким-то образом умудрился встать. Размеры причиненного ущерба определить он еще не мог. Остатки вибраторов испускали такой жар, что он спешно направился подальше от них. Но услышал негромкий крик ползущего и почти против воли устремился в страшную жару.

Почти вся одежда на теле раненого обгорела. У Рамсея не было времени на жалость. Он ухватил человека под мышки и потащил от раскаленного металла. Подальше, в какое-нибудь убежище. Как он ни был ошеломлен, Рамсей догадался, что началась главная часть сражения. Затолкав раненого в углубление за собой, Рамсей достал свое оружие, стреляющее иглами, и присел, ожидая, когда враг покажется из тумана.

Достаточно было одного взгляда, чтобы увидеть размеры катастрофы. Около вибраторов в момент взрыва находилось восемь человек. По два человека из расчета, Дедан, Раман, он сам и разведчик. Тех, кто погиб, Рамсей увидел сразу. И дальше виднелись груды почерневших тел.

По первому подсчету не хватает половины людей. Рамсей не решался покинуть убежище, чтобы отыскивать уже погибших. Начинает ли туман редеть? Рамсею казалось, что ниже появились просветы.

И сквозь эти просветы показалась огненная волна, но огонь не такой, какой уничтожил вибраторы. Нет, этот языками устремился вверх с невидимой поверхности песка. Рамсей никогда не видел в действии огнеметы своего мира, но то, что он увидел с хребта, вызывало тошноту. Он боролся с желчью, заполняю-

щей рот и горло. Нападающие не стремятся брать пленных, они просто убивают, а у общества нет защиты от нового и страшного оружия.

Рамсей присел возле раненого, который продолжал слабо стонать. Он знал, что теперь только вопрос времени, когда пираты доберутся до вершины хребта. И тогда он сам будет поджарен, даже не получив возможности ответить на удар. Бессмысленно ждать ужасной смерти.

Полуоглушенный, он попытался отыскать других уцелевших. Туман еще больше поредел. Рамсей нагнулся к одному лежащему. Это Дедан, его сожженная одежда окровавлена. На шее у него по-прежнему висит командирский свисток.

Хватило ли у остальных ума вытащить затычки из ушей? Наверно, после взрыва вибраторов. Рамсей надеялся, что они это сделали. Он снял цепочку с шеи капитана, поднес свисток к губам, хотя условных сигналов не знал. Может, знакомые звуки приведут выживших в этом направлении. Рамсей подул в свисток. Неблагозвучный свист, который он произвел, должен покрыть адский шум у основания хребта.

Больше нет смысла ждать на этой открытой позиции. Рамсей не знал, сможет ли уйти от огнеметов, таща на себе Дедана. Но надо попытаться. Он поднял капитана и пошел в глубь по скалам.

В тумане показалась фигура. Рамсей, уже готовый выстрелить, успел заметить гребень на голове. Один из общества. Тот подошел, спотыкаясь, за ним еще трое. Рамсей поманил их.

Чуть позже двое понесли Дедана, а Рамсей и еще один составляли арьергард. Больше из ада внизу никто не вышел. Местность постепенно повышалась. Тут убежища лучше, большие блоки красноватого камня могут защитить их от пламени. К тому же туман быстро рассеивался, и теперь можно было выбирать путь.

Рядом с Рамсеем шел Раман. Одна рука его висела неподвижно, на щеке темнел ожог. Он что-то бормотал на ходу, глаза его застыли, словно он не видел Рамсея и инстинктивно шел к недостижимому безопасному месту.

Те, что несли впереди Дедана, остановились. Рамсей нетерпеливо махнул им, чтобы шли дальше. В ответ они упрямо покачали головами. Рамсей подошел к Раману, коснулся его плеча. Тот поморщился, поднял осунувшееся лицо с запавшими глаза-

ми. И стоял, глядя на Рамсея. Тот знаком велел ему укрыться. В конце концов пришлось затащить наемника в убежище, чтобы Рамсей смог подойти к тем, кто впереди. Третий из их жалкого арьергарда проявил больше жизни. Он скрылся за той же скалой, что и Раман.

— В чем дело?

— Кто-то из них стоит ниже по склону. Смотрит на забаву, — горько ответил один из солдат. — Если увидит нас, мы поджаримся, как остальные.

Рамсей посмотрел в указанном направлении. Да! Увидел руку в рукаве. Враг должен быть очень уверен в себе, он не думает, что кто-то из выживших может пойти в этом направлении.

Один человек с огнеметом? Или целый отряд? Рамсей протер глаза тыльной стороной ладони. Он ведь не настоящий солдат. Внешне легкая победа над убийцей — чистая случайность. Тогда у него не было даже времени подумать, он просто отвечал — и быстро — на нападение. Но сейчас совсем другое дело. Он уже постарался забыть то, что осталось позади. Думать об этом — нехорошо. Но в нем родилась упрямая решимость спастись, уйти с этой горстью людей, прожить как можно дольше, чтобы заставить кого-то заплатить за ужасную смерть людей, которые приняли его как товарища.

— Видели кого-нибудь еще? — спросил он, отыскивая второго противника.

— Нет, но у него огнемет. Я видел его ствол, когда он поворачивался.

— Если он один и они считают, что достаточно одного, чтобы запереть нас здесь... — Рамсей размышлял вслух. — Хорошо. Оставайтесь на месте. Есть только одна возможность справиться с его огнеметом.

Ни у кого не сохранилось ружей, стреляющих разрывными стеклянными пулями. Рамсей потерял свое в момент взрыва. Но если он сумеет подобраться достаточно близко к этому часовому...

Он снял куртку и пояс, чтобы ничего не цеплялось за камни. Одетый в плотно облегающее серое трико, он надеялся слиться с поверхностью скал. Рамсей пополз чуть влево и выше по хребту.

Как можно быстрее он перебежал от одного выступа к другому, ладони его вспотели, во рту пересохло, в любую минуту он ожидал, что его тело охватит пожирающее пламя. Пока его

не заметили. Пора — через самую высокую точку хребта и вниз. Если он правильно оценил расстояние, то теперь должен находиться непосредственно за часовым. Может, уверенность в разрушительной силе нового оружия делает врага неосторожным.

Рамсей теперь был почти уверен, что здесь только один человек. Он несколько раз останавливался и внимательно рассматривал местность, но больше никого не увидел. А единственный противник теперь хорошо ему виден.

Присев между скал, Рамсей стащил сапоги. Нельзя рисковать. Двигаясь настолько легко, насколько позволяло избитое и обожженное тело, он прыгнул.

Рамсей нанес ребром ладони такой точный удар по горлу, что часовой даже не вскрикнул. Упал уже мертвый; наверно, даже не заметил, откуда произошло нападение. Рамсей перехватил огнемёт, осторожно встал во весь рост, чтобы его увидели из укрытия и поняли, что путь свободен.

Рамсей оставался на месте, настороженно прислушивался, готовый прикрыть огнеметом продвижение товарищей, если потребуется. Он по-прежнему слышал крики, видел ниже по склону пламя. Но внизу еще держался туман, и Рамсей радовался тому, что не может видеть ужасное зрелище.

— Капитан... он долго не продержится, — задыхаясь, сказал тот самый человек, что показал Рамсею часового. — Мы тоже...

— Кто-нибудь знаком с местностью? — спросил Рамсей.

Ответ был отрицательным.

— Арлут... — В глазах Рамана появилось сознание, но лицо его исказилось от боли. Он поддерживал больную руку здоровой. — Если пограничники получили сообщение, они явятся верхом... сюда! — Он указал на поле битвы, не глядя на него. Никто не хотел смотреть туда, даже у них, много повидавших очерствевших наемников, этот вид вызывал тошноту.

— Есть ли дорога в глубь суши, по которой могут подойти пограничники? Я знаю, вы не знакомы с этой местностью, но, может, что-то о ней знаете? — Он обращался к ним с просьбой. Дедан лежал у его ног, закрыв глаза, и время от времени слабо стонал.

Снова отрицательный ответ. Идти дальше они не могут, это правда. Все изранены и обожжены. Рамсей не единственный, кто держится на ногах только силой воли. К тому же рано или поздно кто-то придет отыскивать часового. И тогда начнется преследование.

Рамсей взглянул вниз, на тело часового, и ему в голову пришла неожиданная мысль. Сломанная шея в этих скалах может показаться несчастным случаем. Но организовать такую сцену означает расстаться с огнеметом. Рамсей осмотрелся. Можно устроить, и успех этой инсценировки — их единственный шанс. Схватив тело за руки, он оттащил мертвеца немного влево. Потом взял огнемет, бросил на два шага дальше, словно он выпал из рук врага.

— Для чего это? — Раман подошел поближе.

— У него сломана шея. Никакой раны нет. — Рамсей кивком указал на жертву. — Допустим, он упал, пробираясь сюда. Видишь, у него не очень удобные сапоги, он поскользнулся в скалах.

— Но огнемет, — возразил один из солдат. — С ним у нас больше возможностей выжить.

— А без него еще больше, — заметил Рамсей. — Если огнемета не будет, его отсутствие заметят и поймут, что кто-то ушел из западни.

Он видел по их лицам, что они поняли смысл того, что он делает. И подумал, согласятся ли с ним. В конце концов, он ведь им не командир. Первый помощник мертв. Он стоял совсем рядом с вибраторами, когда они взорвались. И любой из этих людей может не подчиниться ему.

Однако Раман напряженно улыбнулся.

— Ты быстро соображаешь, Арлут. Я сказал бы, что это дает нам призрачный шанс. Нам еще повезло. — Он осмотрелся. — На такой почве не остается следов, во всяком случае их не разглядеть. Но нам нужно идти осторожно. И чем быстрее мы уйдем отсюда, тем лучше.

Когда они выступили, Рамсей задержался, чтобы в последний раз взглянуть на тщательно организованный «несчастный случай». Он обнаружил, что все время вытирает руки об одежду, словно хочет избавиться от ощущения смертоносного удара. И решительно приказал себе забыть об этом. Он ударил, чтобы спасти свою жизнь и жизнь остальных. Никогда раньше ему не приходилось убивать человека. Но каким-то образом это убийство перестало тревожить его — после этой огненной смерти в скалах.

Небольшой отряд продвигался медленно. Все по очереди, кроме Рамана, который не мог двинуть рукой, несли Дедана.

Теперь они уже были гораздо выше берега, пересекая вершину утеса. Впереди виднелась полоска зелени. Рамсей, увидев ее, подумал о воде и провел сухим языком по соленым губам.

Все эти переходы могут убить Дедана, но у них просто нет другого выхода. Необходимо уйти как можно дальше от места убийства, прежде чем начнут искать уцелевших.

С огромными усилиями они спустили Дедана с крутого склона и уложили на траву под деревьями. Раман скорее упал, чем лег, на землю. Лицо его под смуглой кожей приобрело зеленоватый оттенок. Остальные достали сумки первой помощи, а Рамсей побрел среди деревьев в поисках воды. Ему удалось отыскать небольшой водоем, питаемый ключом.

Увидев его, он упал и погрузился лицом в воду. Заныли ожоги на лице, но он сделал несколько глотков. Потом ополоснул фляжку, наполнил ее до края и вернулся к своему небольшому израненному отряду.

Теперь Рамсей с трудом мог поверить, что они пережили эту бойню. И у него появилось странное ощущение, что они теперь неуязвимы для других опасностей. Впрочем, он напомнил себе о роковой беззаботности часового. Они не смеют расслабляться и терять бдительность.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

У Рамана была сломана рука. Рамсей как мог зажал сломанную кость между двумя ветками, сорванными с дерева, одного из тех, что дали им убежище. Но ожоги Дедана были слишком серьезными, чтобы он сам мог с ними справиться. Мелвас искал в траве, нашел растение с мясистыми листьями и с торжеством выдернул его из почвы. Промыв листья в пруду, он размял их и наложил под повязку из полевой медицинской сумки.

Он заявил, что это природное средство против ожогов. Им пользуются в его провинции. Оно уменьшит воспаление и боль. Они положили Дедана на живот, и с огромной осторожностью Рамсей и Арджун сняли с капитана остатки куртки и трико. Рамсею приходилось подавлять тошноту. Дедан не может быть жив! Но он был жив и слабо застонал во время их работы.

Когда обнажились ожоги, Мелвас присел на корточки и ровным слоем принялся наносить зеленую массу на измученную плоть. Хуже всего были ожоги на плечах и предплечьях, но в

конце концов Мелвасу удалось смазать их. Масса быстро высохла, оставляя глазированную поверхность.

Дедан перестал стонать. Вначале Рамсей испугался, что тот умер под их неумелыми руками. Но Дедан продолжал дышать, дышал медленно, словно под воздействием сильного наркотика. Мелвас всмотрелся в лицо капитана, поднял веки, чтобы взглянуть в глаза.

— Он спит, — заявил солдат. — Теперь займемся остальными...

У всех были ожоги, хотя и не такие тяжелые, как у Дедана. Рамсей обнаружил, что средство Мелваса действительно снимает боль. Ему казалось это невозможным.

Позабывшись о ранах, все сели и переглянулись. Дедан лежал у их ног. Наконец всеобщее внимание сосредоточилось на Рамсее. И тут впервые заговорил один из солдат. До сих пор он только кричал при лечении.

— Я служил в Ренгулде под командованием Идуда... прежде чем присоединился к этому обществу. Твое лицо, незнакомец, вызывает у меня странные мысли.

— Мое лицо? — повторил Рамсей. Возможно, это следствие трав, но он чувствовал себя отупевшим, одурманенным усталостью.

— Твое лицо. Есть один человек... был... он смотрит на тебя из зеркала, — продолжал солдат.

Рамсей с трудом вспомнил, как зовут этого солдата. Сидов. Он был командиром десятки, но не проявлял интереса к урокам борьбы без оружия. Человек относительно пожилой и консервативный.

— Говорят, тот человек умер — и уже погребен, — продолжал Сидов. — Так кто же ты, носящий его лицо? Принц Каскар...

Все теперь смотрели на него, как псы смотрят на лису, которая подошла к псарне.

— Я не Каскар. — Рамсей заставил себя говорить уверенно. — Но есть люди, которые хотели бы посадить меня на место Каскара, — импровизировал он. — Поэтому на мне была маска кровника, и поэтому я оставил Лом...

— Очалл дорого бы заплатил за тебя... — заметил Раман. — Иметь Каскара — настоящего или подложного... Ничего больше сейчас не желает верховный советник.

— А я начинаю думать, — продолжил Мелвас, — не твое ли присутствие принесло гибель нашему обществу.

Их взгляды стали более напряженными и угрожающими. Рамсей подумал, не обратятся ли они теперь против него, чтобы выместить свои беды. Еще одно такое предположение, какое сделал Мелвас, и они вцепятся ему в горло.

— В Ломе повсюду есть глаза и уши, — добавил Арджун. — Достаточно было увидеть тебя в нашем обществе, и в Линарк было послано сообщение. Да, это возможно, очень возможно!

Рамсею не понравилось выражение их осунувшихся лиц. Они ищут козла отпущения, чтобы возложить на него вину за поражение, излить ярость, которая их охватывает, когда они вспоминают о хребте и тех, кто остался на нем. Он их понимает, но не собирается становиться такой жертвой.

— Ваш капитан, — заговорил он с силой, — сказал мне, что когда человек дает клятву общества, он становится одним из вас. Я не Каскар, и если мне пришлось бежать из Лома, потому что у меня его лицо, разве я в этом виноват? Поберегите свой гнев для тех, кто захватил нас туманом и огнем. Спросите себя, — его мозг от неожиданных обвинений ожил и начал действовать, — спросите себя, были ли раньше в распоряжении пиратов огнеметы и этот послушный туман? Вы уверены, что это именно пираты?

Сидов мигнул. Раман пробормотал:

— Разведчик... он сказал — пираты.

— Или люди, одетые пиратами, — быстро подсказал Рамсей. — Я слышал рассказы о боях с пиратами Линарка, но в них никогда не упоминались огнеметы и туман...

Сидов кивнул.

— Это правда. Если только их предводители не заключили новый договор с торговцами севера, у них нет такого оружия. Никогда не слышал о нем раньше. Итак... — Он снова суженными глазами посмотрел на Рамсея. — Если они не пираты, то кто?

— Не знаю. Но подумайте: я встретился с вашим капитаном перед самым отплытием. Могло ли сообщение обо мне привести врага, так хорошо вооруженного, за короткое время нашего пути? И с точной информацией, где именно мы высадимся?

Рамсей рисковал: он не знал, какие способы быстрой связи могут существовать в этом мире. Сидов пошевелился, у него было недовольное выражение, словно ему не хотелось признавать факты.

— Такое оружие должно было быть втайне привезено с севера, — медленно ответил он. — Если бы его использовали рань-

ше, новость дошла бы до Совета Улада. Это, должно быть, запрещенное оружие, только разбойники рискнут его применять. А переправить его втайне... — Он покачал головой. — Теперь, обдумав это дело, не могу сказать, Арлут, что они обратились против нас из-за тебя.

Рамсей заметил, что больше он не «незнакомец». Сидов использовал его имя, под которым он им известен. Это шаг к пониманию.

— Но кому нужно удержать вас от объединения с Тантантом? — спросил он.

— Хороший вопрос. — Раман переместил плечо, которым прижимался к камню, словно у него болит рука. — Наш договор с Тантантом очень простой. Мы все проголосовали за него перед подписанием. Мы должны были укрепить береговую охрану против пиратов. Обычный договор. Тантанту нужны опытные люди в патрулях; его собственные солдаты плохо обучены. Они не профессионалы, их призывают на шесть месяцев, а потом они возвращаются на свои поля и на работу. Точно так же и во всем Олироуне. Единственный настоящий враг, который им противостоял, это пираты. Но они в последнее время становятся все наглей и сильнее. Вместо одного-двух кораблей, которые способны нанести внезапный удар, захватить добычу и бежать, появились большие флоты...

— Да, — прервал Сидов. — И это совсем не похоже на Линарк. Пиратские капитаны не служат вместе, они способны только на непрочный союз. Они слишком независимы, чтобы передать власть одному человеку. Интересно...

— Что интересно? — поторопил Рамсей, когда Сидов смолк.

— Интересно, не Очалл ли мешает тут вареву? Всем известно, что ему нужны шахты Олироуна, чтобы менять руду на нужные ему товары севера. Да, существует проект брака герцогини с наследником. Но Очалл предпочел бы иметь Олироун в своей полной власти, а не через посредство женщины, особенно такой, которой он не доверяет. Допустим, он начал вооружать Линарк и посылать пиратов в такие рейды. Они, хорошо вооруженные, согласятся с готовностью и тем будут истощать силы Олироуна. И тогда ему не нужно опасаться сопротивления, если он захватит землю...

Мелвас коротко рассмеялся.

— Хорошее рассуждение, друг. Это причина, чтобы помешать подкреплениям добраться до Тантанта. — Он неожиданно встал. — Но мы забыли, что те, кому мы дали слово-обязательство, могут прийти в ответ на наше послание и тоже полягут под этим адским огнем!

— Так что ты предлагаешь делать? — мрачно спросил Сидов. — Мы ничего не знаем о местности, у нас нет другой посылной птицы. А ночь приближается...

Мелвас опустил ему руку на плечо, сжал.

— Помнишь остров Керг? Что мы там сделали?

Раман тоже привстал, медленно повернул голову, осматривая хребет, с которого они спустились.

— Если бы здесь были общество и общество, могло бы получиться. Но эти необученные солдаты Олироуна, что они знают о таких делах? Они увидят огонь, только и всего...

— Ты забываешь: они уже предупреждены о нападении, — настаивал Мелвас. — И я говорю не просто об огне. Я бы выложил его знаком Судьбы.

— Знаком Судьбы, — повторил Раман. — Да, это серьезное предупреждение. А ты считаешь, что те, кто чуть не уничтожил нас, не ожидают такого хода? — Он покачал головой.

— Конечно. — Глаза Мелваса сверкали. — Не забудь: мы с противоположной стороны морского утеса. Если найдем место, в котором свет виден только с одного направления... тогда у нас есть надежда. И еще есть кое-какие хитрости... Оторвите что можете от одежды, и я вам покажу.

С помощью мечей все принялись разрезать прочную ткань, вырезать полосы, Мелвас связывал их, пока не получилась грубая веревка. При свете заходящего солнца он походил под деревьями, пока не нашел заросли тростника с толстыми стеблями, коричневыми и блестящими, и редкими листьями. Он нарубил мечом тростник и разрезал его на куски длиной с руку.

Когда он вернулся с грузом, Сидов удивленно посмотрел на него.

— Говорящее пламя. Я совсем о нем забыл!

Мелвас рассмеялся.

— Я такое видел раньше. Да, у нас есть все необходимое. — Он сел на землю, скрестив ноги, и начал связывать куски, делая грубую решетку.

Тем временем все немного поели из запасов, которые находились у каждого в поясных сумках. Дедан по-прежнему спал тревожным сном. Но по крайней мере не стонал при каждом вздохе. Рамсей понял, что собственные ожоги больше не напоминают ему о себе. Лекарство Мелваса оказалось словно волшебным, оно совершенно сняло боль.

Мелвас изготовил прочную решетку. Потом начал вплетать в нее полоски ткани, но не заполнял пустоты в решетке, а образовал круг, который потом перечеркнул двумя прямыми линиями, так что круг оказался поделенным на четверти. Окончив, он под всеобщее одобрение осмотрел свою работу.

Солнце взошло, стало темно. Но Мелвас не торопился. Он открыл маленькую бутылочку, которую достал из внутреннего кармана своей укороченной куртки. Очень осторожно капнул темной жидкостью, разлил эту жидкость равномерно по ткани. Когда упала последняя капля, он протер линии пальцами, чтобы вся жидкость впиталась.

— Я готов согласиться, друг, — заговорил Арджун, — что ты со вкусом подбираешь приправы. Не думал, что доживу до дня — или вечера, когда скажу такое. Я ведь годами терпел, когда ты поливал свою еду всякими гадостями.

От работы Мелваса исходила тошнотворная рыбья вонь. Тот рассмеялся.

— Друг, я из Пирапрада. Там мы едим морскую пищу, как люди. Акулье масло — приправа бойцов, я тебе об этом часто говорил.

— А теперь... — Он встал, держа раму с промасленной тканью подальше от себя. — У нас есть знак Судьбы, и нужно установить его, пока окончательно не наступила ночь.

Рамсей снял сапоги, как тогда, когда готовился к нападению на часового. И встал, присоединяясь к Мелвасу.

— Где мы это установим? — спросил он.

Меньше всего ему хотелось снова карабкаться на склоны, с которых они с таким трудом спустились. Все тело у него затекло, все ушибы ожили и давали о себе знать. Однако он знал, что он в лучшей форме, чем товарищи, может быть, за исключением Мелваса.

Вначале казалось, что Мелвас и Сидов откажутся от его помощи, но потом последний сказал:

— Ты доказал, что умеешь ходить по скалам, Арлут, когда расчистил нам дорогу сюда. Но если хочешь идти, то немедленно, пока совсем не стемнело.

Они прошли назад, но не по склону, по которому спустились, а вдоль края утеса, который окружал долину, пока не дошли до самого края. Дальше идти нельзя. Утес здесь стоит стеной.

К счастью, сохранилось еще немного света, и в стене видны были углубления для рук и ног. Мелвас подвесил решетку на спину; она была громоздкая, но легкая и не очень отягощала его при подъеме.

Они добрались до верха стены и пошли дальше к северу, потому что Мелвас был уверен, что любая дорога к пограничной крепости проходит в том направлении. Наконец стемнело так, что идти по неровной местности стало опасно, и тут наемник выбрал место для установки решетки лицом к Олироуну.

Мелвас и Рамсей, нагромождая камни, позаботились, чтобы решетка не опрокинулась от ветра. Вообще утес образовал здесь убежище, даже прикрытое сверху, но открытое со стороны материка.

— Поймут ли они? — спросил Рамсей. Он не упоминал самого главного: будет ли кому смотреть.

— Этот символ? Никто не может ошибиться: это предупреждение. Конечно, они могут подумать, что его установил враг. Но все равно вышлют разведчиков и примут все меры предосторожности. — Мелвас работал своей зажимкой с колесиком. Он энергично вращал колесико, пока искра не упала на промасленную ткань.

Они с Рамсеем быстро отошли, а пламя пробежало по ткани, пока не вспыхнул весь рисунок. Рамсей решил, что его видно с большого расстояния.

— Пошли, — дернул его за рукав Мелвас. — Если кто-то из морских дьяволов его увидит, они отправятся на охоту. А тут трудно идти в темноте быстро.

Как они вскоре обнаружили, теперь передвигаться приходилось на ощупь. Над ними горел круг из тряпок. Наверно, масло, которое использовал Мелвас, горит не быстро, оно скорее сохраняет ткань от сгорания. Но Рамсей понял, что предупреждение Мелваса справедливо. Им лучше подальше убраться отсюда.

Когда они наконец спустились в темноту, их негромко окликнули.

— Идемте... мы двинулись на запад...

— Капитан... — Рамсей был уверен, что Дедан не мог настолько оправиться, чтобы идти самостоятельно, какое бы чудо ни совершили травы Мелваса.

— Его несут, — прошептал Раман. — После вашего ухода мы сделали носилки и привязали его. Только так его можно сейчас передвигать...

На другом конце, где ручей, вытекающий из пруда, уходил под землю, долина поворачивала налево. К счастью, впереди не было другой стены, скорее неровная местность, поросшая кустарником, но он цеплялся за ноги и рвал одежду и кожу рук.

Они не могли идти беззвучно, и Рамсей опасался, что они идут слишком шумно. Но нужно продолжать идти. И вот когда он в очередной раз споткнулся о корень и почувствовал, что если упадет, то не сможет встать, а будет лежать, какая бы судьба его ни ждала, они вышли на открытую местность.

Впереди мягкая трава, чуть выше лодыжки; они пошли по ней с шелестом. Тут их легко увидеть.

Рамсей резко остановился, поднял руки к голове, пошатнулся. Открыл рот для крика, снова молча закрыл.

Ощущение, не похожее на то, что во снах, посланных Осите-сом, но инстинкт подсказывал Рамсею, что что-то в них общее. Он чувствовал, что его — «призывают» — это единственное слово, пришедшее ему в голову, которое могло описать испытываемое чувство.

И он не мог сопротивляться этому призыву.

И не он один ощутил его. Все, спотыкаясь, повернули направо и послушно побрели, словно повинувшись рывку поводка в чужой и необычной руке. Все молчали, капитана несли Сидов и Арджун, за ними шли Раман и Мелвас и последним — Рамсей. Шестеро уцелевших, но теперь, возможно, попавших в новую западню.

Рамсей никогда раньше не испытывал ничего похожего на это принуждение. Даже его ноющее тело как будто теперь принадлежало кому-то другому. Необходимо только повиноваться, достичь цели. Но какая это цель?..

Рамсей, поглощенный борьбой между своей сутью и этим принуждением, смутно увидел впереди свет. Их сигнал на уте-

се? Но они должны быть спиной к нему. Какое-то жилище на этой спорной территории? Костер вражеского лагеря? Враг оказался хитер и продвинулся вперед, в глубину местности, чтобы отрезать выживших в бойне?

Но свет слишком устойчив, чтобы исходить от костра, смутно подумал он. Больше похоже на маяк, какие существуют в его мире. К нему шла вся группа, шла целеустремленно, словно по заранее намеченному маршруту. Вот все повернули направо и вышли на что-то вроде дороги. Не мощеной, но достаточно ровной, чтобы предполагать большое движение. Вероятно, они нашли дорогу к пограничной крепости... но почему тогда... их тянет?

По мере продвижения свет не становился сильнее, оставался прежним. Но Рамсей был уверен, что его источник не удаляется с той же скоростью, с какой они подходят. Маяк закреплен, и кто-то подтягивает их, словно они рыба на леске, слишком прочной, чтобы сорваться.

Теперь свет коснулся камней, прямых, стройных... В памяти Рамсея шевельнулось воспоминание. Да, красный каменный столб, который он видел вблизи охотничьего дома, тот самый, который Гришильда описала как часть древних руин, которых все сторонятся. Может, они приближаются к дому? Но даже в темноте не виден лес, который теперь должен был бы закрывать весь горизонт.

К тому же здесь не один такой столб, а шесть, они со всех сторон окружают источник света. Теперь группу уводило с дороги, которая снова резко сворачивала, как бы стремясь не приближаться к древним монолитам. Рамсей увидел фигуру, медленно движущуюся в их направлении в луче света; фигура отбрасывала длинную тень, похожую на грозящий палец.

Теперь стал виден сам луч, тонкий, такой, что Рамсей мог бы охватить его руками. Их ждет человек в черно-белой одежде. Оситес? Но у него не лицо шамана, советника старой императрицы. Этот человек моложе, хотя у него тот же самый отчужденный вид. На свету показалась еще одна фигура. Это, несмотря на такую же черно-белую одежду, женщина, стройная, с тонкими чертами лица. Эти двое молча ждали, пока шестеро беглецов подойдут к ним.

Мужчина вышел вперед, на свет. Рамсей почувствовал покалывание в теле. Ноздри его раздулись, вдыхая слабый неопре-

деленный запах. Сидов и Арджун положили носилки с капитаном у ног ожидающих. И, тяжело дыша, сами тоже опустились на землю. Рамсей чувствовал, что и его покидают силы. Он умудрился сделать еще один шаг, второй и сдался, опустился, упиравшись руками о землю, пытаясь сохранить сознание и немногие оставшиеся силы.

Женщина склонилась к Дедану, который лежал лицом вниз, спина его была покрыта коркой от затвердевшей растительной мази. Из просторного рукава показалась рука, легко коснулась щеки капитана. Женщина что-то сказала своему спутнику, но этот язык Рамсею не был знаком. Потом она повернулась лицом к остальным. Переводила взгляд от одного к другому, задерживаясь ненадолго на каждом.

Заговорил ее товарищ, на этот раз на понятном Рамсею языке:

— Кому вы подчиняетесь, побитые люди?

Рамсей видел, как напряглись его спутники, он сам испытал приступ гнева при этом, как ему показалось, презрительном вопросе.

Ответил Сидов:

— Мы из общества Дедана. Он наш капитан и лежит перед тобой, Просвещенный.

— Наемники, — сказал человек.

Быстро и горячо ответил Рамсей:

— Люди, которые отдают жизнь, чтобы сдержать клятву. На этот раз нас предали. — Он не знал этого точно, но без всяких сомнений бросил свое подозрение в спокойное бесстрастное лицо. — Люди, которые пришли служить этой земле. Но с ними покончили, прежде чем они смогли пальцем шевельнуть в свою защиту.

— Ага. — Просвещенный смотрел прямо на него и только на него. — Мы получили известие о тебе... Ты рыцарь снов...

— Что? — удивленно спросил Рамсей.

— Рыцарь снов, который изменяет предсказания. Изменяющийся и изменяющий фактор, который невозможно контролировать и чье появление меняет все. У тебя было уже два имени, теперь ты получаешь новое, самое правильное. То, что ты и твои спутники выжили, означает, что твоя роль еще не кончена. Остается понять, какова она...

— Мы не игрушки! — Рамсей боролся с коварной летаргией, угрожавшей ему. Он мужчина, он человек, он Рамсей. — Нас нельзя использовать, мы действуем свободно...

— Ни один человек не действует свободно, его ведут и подталкивают события прошлого, потребности будущего, может, и воля более сильных мужчины или женщины. Ни один не свободен от случайностей, которые жизнь налагает на него с рождения. Но сейчас не время говорить о свободе, о выборе, о вере и неверии. Очевидно, игра еще не закончена, иначе вы не были бы здесь. Поэтому мы согласны, что вы должны находиться под защитой Роши, пока мы не узнаем, каково ваше значение.

Шаман поднял руки, резким движением запястий отбросив назад рукава. Казалось, руки его обрели собственное свечение. Поднятый указательный палец нацелился в голову Рамсея.

Рамсей почувствовал, что падает. Несколько мгновений смятения и страха, а потом мягкая приветливая тьма.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Спит ли он и видит сон? Или просто каким-то способом оказался в этом месте и только сейчас начинает видеть, слышать, понимать? Столько произошло с Рамсеем за короткое время, что он начинал сомневаться в свидетельствах собственных чувств. Он знает только, что сидит за столом в тусклом свете, и стол — это не стол, а скорее плита с лампой на ней.

Свет не распространяется далеко. Рамсей видит только то, что лежит на плите, и две руки, движущиеся над этим. Руки очень тонкие, с массивными кольцами, которые обычны у людей этого мира. Грация движений заставляет Рамсея подумать, что руки принадлежат женщине. Но когда он пытается что-то разглядеть, увидеть хотя бы смутные очертания женщины, сидящей против него, он видит только стену темноты.

И вот неподвижно, вопреки своей воле, он смотрит на работу этих рук. Вопреки воле, потому что в глубине проснулся древний страх. Чувства его подчинены, поработаны таким способом, который он не считал возможным. Рамсей уверен, что даже если напряжет все силы и попытается встать, отойти от стола, перестать смотреть на эти быстро и легко движущиеся руки он не сможет. Хочет или нет, он должен сидеть и смотреть.

Его собственные руки бессильно лежат на коленях. Он не может даже пальцем пошевелить. Первой реакцией на эту беспомощность стал страх. За ним последовал гнев, и тут воля его усилилась, отвердела, как металл, обрабатываемый искусным кузнецом.

И все же, несмотря на гнев, который вооружил его, Рамсей обнаружил, что должен по-прежнему следить за руками.

Пальцы ловко перебирают полоски легкого металла, кладут каждую полоску в нужное место, производя при этом негромкий звон. И на полоске вспыхивает как результат соприкосновения со столом какой-то символ.

Символы эти сложны. Продолжая наблюдать, Рамсей обнаруживает, что ему понятен смысл некоторых символов. Откуда он знает, что эти извивающиеся шупальца, похожие на облака на старых китайских картинах его мира, символизируют Сон? А это сердце, из которого растет цветок с пятью лепестками, означает Надежду? Зигзагообразная полоса молнии, приобретающая пурпурный оттенок при соприкосновении с поверхностью, — это Страх. И самый последний символ — фигура в капюшоне и длинной мантии, указывающая рукой с длинными пальцами то направо, то налево, — это Судьба.

Эти рисунки находились на конце полос. На каждой полосе еще и рисунок в центре, очень сложный. Он вспыхивает, когда полоску опускают, но тут же гаснет, так что Рамсей не может разобрать изображение.

Есть в этом какая-то цель... какой-то образец... руки ищут его, в этом Рамсей уверен. Но метод поиска он не понимает. Некоторые полосы остаются спокойно лежать. Но потом пальцы — в их резких движениях ощущается нетерпение — собирают их и снова начинают раскладывать. Наконец между Рамсеем и неизвестным игроком — если это игра — остается только пять полосок. Впервые за все время игрок застыл, руки его неподвижны, концы пальцев лежат на линии карт.

И хоть лежат они неподвижно, от них исходит ощущение нетерпения. Указательный палец постукивает по карте, лежащей посередине.

— Разве не сказано уже... — Голос негромкий, шепот, который четко различим в темноте. — Всегда рыцарь... рыцарь снов! Рыцарь, который разрушает все установленные образцы и преобразует Судьбу... — Теперь палец выразительно постучал по са-

мой правой от Рамсея карте, где изображена закутанная фигура, и эта фигура становится отчетливой, она угрожает. Рамсей смотрит на карту, на которую указывают пальцы.

— Судьба... Страх... — Палец указывает снова. Но теперь, минуя центр, он указывает на крайнюю левую карту, карту с молнией. — Но затем Королева! Королева, которая правит домом Надежды. Сон, Судьба, Страх — и после Страх — Надежда. Ты, рыцарь, привязан к пути, и путь твой темен, как у видящего сон. Ты видел сон, ты видишь его и будешь видеть! Судьба и Страх, соединившись, становятся могучим противником, видящий сны. Но вот какова правда предсказания: ты должен больше опираться на свои сны, чем на силу рук и быстроту разума. Смотри сны... спрашивай... и встань перед лицом Страх и Судьбы и... — Рука повисла над последней картой — сердцем с цветком, и Рамсей увидел только радужное пятно на месте рисунка. — Нет, даже я не могу сказать, чем все это кончится. Даже Роща должна склониться перед видящим сны. Слишком часто его сны оказываются правдой!

Рука гибким движением проплыла над столом. Свет исчез. На мгновение Рамсея охватило ощущение одиночества, как будто его покинули в абсолютной тьме.

И все же — снится ли ему сон по приказу той, чьи руки он видел? Или это его собственный каприз?

Он только знал, что как сны, наваянные Оситесом, которые должны были привязать его к этому миру, были реальны, так же реальна и та сцена, на которую он сейчас смотрит.

В сцене этой доминирует один человек. У него нет холодной спокойной властности шамана или наследственной привычки повелевать старой императрицей. Нет, он сам излучает властность. Рамсей решил, что он чуть старше среднего возраста, но годы не уменьшили бычьей силы этого тела с бочкообразной грудью, не ослабили решимости и силы воли, которые видны в чертах лица с тяжелым подбородком, в глазах и губах.

Человек сидит в кресле, в общих чертах повторяющем трон старой императрицы. Но там само ее присутствие превращает кресло в трон, а здесь узурпация кажется неестественной и несет в себе тень угрозы. Левым локтем человек опирается о ручку кресла, квадратный подбородок лежит на ладони поднятой руки, и сидящий смотрит в направлении Рамсея с такой сосредото-

точностью, что видящему сон на мгновение кажется, что этот человек способен его увидеть.

Но на широком хмуром лице нет никаких признаков удивления. И Рамсей понимает, что этот взгляд скрывает погруженность незнакомца в задумчивость. И мысли его тревожны.

В правой руке незнакомец сжимает рваную тряпку, цвет которой кажется знакомым. Это капюшон, такой же, какой носил Рамсей, когда играл роль кровника, маскировка, едва не приведшая его к смерти — второй раз.

Очалл! Мозг подсказал имя никогда не виденного врага, о котором Рамсей так много слышал. Итак, это верховный советник, пожелавший править империей. Очалл, возможно, потерял свою главную фигуру в игре, однако в этом погруженном в задумчивость человеке ничто не свидетельствует о поражении и отказе от планов. Напротив, выражение его лица показывает, что он ищет, отыскивает новый путь. А то, как яростно он сжимает ткань капюшона, свидетельствует, что он начал понимать суть проблемы.

Императрица и шаман... Рамсей поверил их предложению и едва не потерял жизнь. Теперь, глядя на Очалла, он думал, какой прием получил бы у советника, для которого может послужить новым и, возможно, более надежным Каскаром.

Что говорили об этом человеке — говорили его враги? Что он подчинил себе слабовольного принца, загипнотизировал его, превратил в свою марионетку. Но все, что слышал Рамсей об Очалле, исходило от его злейших врагов. И ведь не Очалл связал его с Каскаром, убил и воскресил в мире, где люди, представляющие закон и порядок, снова хотят видеть его мертвым.

Рамсей не мог сказать, что его что-то привлекает в этом задумавшемся человеке. Очалл может быть страшным противником — но, возможно, открытым в отличие от тех, кто интригой завлек Рамсея из дворца в Ломе к поджидающему убийце. И вот в сознании Рамсея начал возникать план, еще неясный и туманный, как рисунки на картах из сна.

Вдруг Очалл исчез, как будто плотно закрыли окно между ними. И точно так же, как после снов в собственном мире, Рамсей обнаружил, что, вспотевший и дрожащий, сидит на узкой койке в серых предрассветных сумерках. Он тяжело дышал, но постепенно сердце начинало биться в более спокойном ритме. Реакция, по-видимому, чисто физическая. На этот раз ника-

ких остатков страха или беспокойства. Возможно, он начинает принимать новую логику, считать свой опыт нормальным — по крайней мере для нового Рамсея, который был Каскаром.

Каскар — что, если он снова станет Каскаром?

План, который возник в сознании, когда он смотрел на задумавшегося Очалла, становился все отчетливей и подробней. Меньше всего императрица и шаман хотят возвращения Каскара. Они послали его на смерть, когда он был в маске, снова и снова предупреждали, что глупо показывать свое лицо в Ломе, вообще в Уладе. Один человек в обществе узнал его или посчитал его сходство с покойным наследным принцем очень большим.

Если — только предположим — если люди, не интриганы во дворце, не вельможи, составляющие партию императрицы и Очалла, а простые люди империи, — если эти люди увидят подлинного наследника, который избежал и контроля верховного советника, и господства императрицы, — как они поступят? Возможно, возникнет третья партия и бросит вызов первым двум? Если бы только он сам больше знал о Каскаре!

Хоть он и в теле Каскара, ни частички личности принца не сохранилось, чтобы дать Рамсею хоть намек, что делать и чего не делать. Он знает только, что вовлечен в игру других, и это вызывает у него возмущение.

Просвещенные — в чем причина этого видения и предсказаний? Происходило ли это на самом деле? Судьба и Страх — символы, которые сопровождают рыцаря снов. И странная хозяйка предсказания ясно дала понять, что он и есть рыцарь, то новое, что смешало все планы, сделало непредсказуемым будущее. Но за этими символами стоит Надежда — как Королева, а это знак власти и силы.

«Ты больше должен опираться на свои сны, чем на силу рук и быстроту разума».

Хорошо. Он видел во сне Очалла и, кажется, понимает смысл своего сна. Он будет...

Рамсей напрягся. В дальнем углу комнатки, в которой он находится, шевельнулась тень. Он не один. И — таков его опыт в этом мире — он рад, что за спиной у него стена, через которую никто не пройдет незаметно. Он встал, посмотрел в лицо сформировавшейся фигуре и заговорил первым:

— Что тебе нужно? — Вопрос его прозвучал резко.

Тот не ответил, только передвинулся на свет — серый свет из единственного окна слева от Рамсея. Рука — ему показалось, что он узнает эту руку, — появилась рука и откинула вуаль. Перед ним женщина, которая встречала остатки их отряда. Когда? Часы... дни назад?

Лицо у нее правильное, но невыразительное. Если бы не ее движения, можно подумать, что перед Рамсеем статуя. Даже веки полуприкрыты, словно скрывают блеск жизни под ними.

Но руки гладят вуаль, расправляют темную ткань на плече; она как будто небрежно гладит домашнее животное, а не ткань. Рамсей узнает эти руки. Эти длинные пальцы держали знаки Судьбы, Страха, Сна...

— Да. — Это единственное слово она произнесла, не шевеля губами. — Я Эдайс, предсказательница.

Эдайс? Он слышал это имя — Эдайс! Это Просвещенная, с которой дважды советовалась Текла. Но у Рамсея нет оснований считать Теклу своим искренним другом...

— Ты рыцарь — ты сам выбираешь свой путь, — продолжала она. Тяжелые веки не поднимаются, она не встречается с ним взглядом. В ее позе какое-то равнодушие; она продолжает поглаживать вуаль, но он не позволит, чтобы это выводило его из себя.

— Мне говорили, что иногда Просвещенные дают советы, которым лучше не следовать; их предсказания могут вести и к победе, и к поражению, и на них нельзя опираться. — Он не знает, зачем она пришла, что пытается сказать ему.

В комнате становится светлее. Каким-то образом свет из окна сосредоточивается на этих непрерывно движущихся, поглаживающих вуаль руках. Рамсей решительно отвел взгляд, сосредоточил внимание на неподвижном, как у статуи, лице.

— Мы предсказываем только возможность. — Она подчеркнула слово «возможность». — От любого поступка, даже самого незначительного, расходятся круги последствий. И каждый может изменить подвижное будущее. Но есть и такие в этом рисунке — относительно них невозможно предсказание. Такие как ты, у которого нет в этом мире ни семени, ни корня.

— Зачем ты пришла? — Он теряет терпение, ее нежелание говорить конкретно раздражает его. — Ты наставляешь — или предупреждаешь?

— Ни то, ни другое. Если ты видел сон, то уже знаешь, что должно быть сделано. — Тон ее такой же отчужденный, далекий, как и смысл слов.

— Хорошо. — Рамсей решил применить шоковую тактику. — Не можешь ты хотя бы указать мне направление? Где найти верховного советника Очалла?

Если он ожидал, что его вопрос высечет искру жизни из ее неподвижных черт, то был разочарован.

— Три дня назад, — спокойно и безмятежно ответила она, — он, по слухам, был в Видине. Видин подчиняется только принцу-наследнику Улада.

Рамсей обдумал эту информацию и не усомнился, что Эдайс говорит правду. Но если Очалл в этом Видине — что он пытается там делать? Считает, что Каскар жив, или только надеется, что сможет обвинить в смерти Каскара своих врагов и натравить на них тех, кто сохранил традиционную верность наследнику?

— А где этот Видин? — Уже задавая вопрос, Рамсей понял, что принял решение. Он должен отыскать Очалла, узнать, каков этот человек на самом деле, а не по слухам и словам его врагов.

— На юге. Флайер ждет твоих приказаний.

Они как будто рады от него избавиться, подумал Рамсей. Может, его появление спутало и какие-то их собственные планы. Или его побуждают к действиям в целях, в которых их не раз уже обвиняли в прошлом, — чтобы изменить цепь событий в собственных интересах?

Эдайс впервые за все время прямо взглянула на него. Глаза у нее странные: вместо обычных человеческих зрачков словно огненные точки. Но он увидел их только на мгновение. А может, ему вообще показалось. Она уже стала обыкновенной женщиной.

— Не сомневайся в своем месте в большой игре. — Впервые в ровном монотонном голосе прозвучали следы эмоции. — Никто не может управлять рыцарем снов... Помни об этом ради своей собственной защиты — никто! — Она произнесла это последнее слово подчеркнуто, как предупреждение.

Очевидно, Просвещенные хотят, чтобы он ушел. Рамсей улыбнулся. Есть определенное удовлетворение в том, что он стал помехой для Всемогущих. Ему это даже понравилось. Но

он готов ухватиться за любую помощь, какую способны предоставить прорицатели, шаманы и хозяева снов.

— А мои товарищи? — спросил он. — Что будет с ними?

Он обязан жизнью Дедану. И даже занятый собственными проблемами, не забыл об этом.

— Они выздоравливают. Тантант извещен. — Послышалось ли ему в ответе Эдайс легкое раздражение? Она подталкивает его к немедленным действиям? Это впечатление стало уверенностью, когда она сказала: — Тебе принесут еду, одежду, все необходимое, — и сделала легкий жест рукой.

Не сказав больше ни слова, она повернулась, ушла в угол, покрытый тенью, и исчезла за занавесом, который предварительно раздвинула.

И как будто ее уход послужил сигналом, появился человек в более короткой разновидности черно-белого одеяния шаманов. Он принес поднос с накрытыми блюдами. Он не говорил — возможно, служение Просвещенным сопровождается каким-то обетом молчания, — но его красноречивые жесты подсказали Рамсею, где ванна, свежая одежда и еда из фруктов, сладкого хлеба в виде маленьких булочек и терпкого напитка, от которого была прохлада на языке и приятное тепло в горле.

На одежду — черное трико и серая крутка — положили его пояс. Но куртка не тускло-серая. На груди эмблема орла, которую он видел повсюду во дворце в Ломе. И нашивки и украшения из серебра свидетельствуют о высоком ранге.

После того как Рамсей застегнул пояс с коротким церемониальным мечом и более серьезным оружием, которое ему дал Дедан, молчаливый слуга провел его по нескольким коридорам и вывел в рощу. Деревья росли так часто, что Рамсей без проводника заблудился бы в шести шагах от здания, настолько плотной была стена растительности.

Рамсей догадывался, что это сделано сознательно. Но против кого предназначена эта защита? По всем рассказам, у Просвещенных нет явных врагов. Однако они предпочли такое убежище.

Они пошли по извилистому пути, в котором Рамсей ни за что не распознал бы тропу. Среди деревьев виднелись стоящие камни, которые связываются с легендарной древней цивилизацией, оставившей настоящему такое смешанное наследие. Мо-

жет, это место обозначает какой-то древний храм или святилище?

Стоячих камней стало больше, они сдвинулись теснее и образовали стены с обеих сторон. Проводник провел Рамсея по этому пути между стенами. Они вышли на открытое место. Здесь стоял флайер, и проводник показал на него Рамсею.

Тот некоторое время колебался. Свободно ли он делает свой выбор? И если да, то что именно он выбрал? Последовать за сном — к Очалулу... А что потом? Будущее зависит от того, что он найдет в самом Очалле. Но по крайней мере больше его не обманут обещания и слова о доверии.

Он протянул руку к поясу и коснулся оружия. Прикосновение помогло обрести уверенность, хотя первый опыт солдатской жизни был коротким и катастрофическим. Но все же ощущение оружия в руке придало спокойствия, и Рамсей забрался во флайер.

Пилота не видно, потому что кабина закрыта. Очевидно, пилот уже получил приказ относительно пассажира. Как только Рамсей пристегнулся, машина поднялась прыжком, и они оказались высоко над поверхностью.

Вероятно, оказались, потому что никаких окон в кабине не было. И Рамсею нечем было заняться, кроме своих мыслей, которые, как он вынужден был с сожалением признать, слишком разбегались, чтобы принести пользу.

Он снова во всех подробностях вспоминал происшедшее после того, как пришел в себя в гробу покойного принца и получил благодаря Текле временную безопасность. Теперь, сопоставляя воспоминания, он не был уверен, что она намеревалась спасти его. Он никогда не сомневался в ее союзе с императрицей Квендридой, хотя понимал, что она это сделала ради блага Олироуна.

И теперь он обнаружил, что подыскивает для молодой герцогини одно оправдание за другим. Даже ее предательство по отношению к нему вполне могло быть вызвано пониманием ею своего долга.

В его собственном мире за прошлые годы долг, служение, самоотречение ради идеала — все это многие его сверстники высмеивали. «Не связывать себя ничем» — таков был их лозунг. А теперь он ввязался в самые дикие происшествия, какие мо-

гут только присниться. И за ним нет никакого долга и никаких идеалов. Он один.

Рамсей поерзал на мягком сиденье флайера. Одиночество. Он всегда был одиночкой. Почему же теперь ему так тяжело бремя одиночества? Он был членом общества... Рука Рамсея искала оружие — символ единственного лишённого тревог и забот времени в этом мире. Его выбор — почему он решил отправиться в Видин, противостоять Очалу?

Наверно, гораздо легче и естественнее было бы отказаться от прошлого, оставаться верным клятве обществу, стать одним из его членов. Но тут же мысль его отшатнулась от воспоминаний о бойне на хребте. Вспыхнул гнев.

Если он узнает, что Очалл действительно стоит за этой бойней... Разве не его «долг» теперь установить, что за игру ведет верховный советник на границе? Он не верил, что смерть главной фигуры остановит Очалла в его борьбе за власть.

Что ж, выбор был за ним, и он его сделал. Он не будет красться, как нищий бродяга. Он Каскар — не марионетка Очалла, а принц, вернувшийся в свои владения.

Уверенно, будто его окружает все воскресшее общество во главе с Деданом, Рамсей спустился по лестнице и остановился, оглядываясь.

Он на крыше, на посадочной площадке на верху массивного внушительного здания. Вокруг видны башни; возможно, он в центре города. Но ему не дали времени осматриваться. К нему быстро приближался отряд.

Вот оно — первое его испытание в роли Каскара. Рамсей надеялся, что не проявил ни следа нерешительности, сделал один-два шага вперед и стоял, ожидая. Вероятно, таков обычай.

Хотя у солдат шапки с гребнем, но лица открытые. Рамсею теперь ясно видно, как меняется выражение лица офицера. На нем появляется крайнее изумление.

Подошедшие остановились. Не только офицер был поражен удивлением, но и все остальные смотрели широко раскрытыми глазами, разинув рты.

Рамсей приветственно поднял руку — приветствие подчиненным. Офицер пришел в себя. Он рывкнул приказ, который Рамсей не понял. Солдаты построились, устремили стволы в небо. Они явно признали в Рамсее Каскара, принца Видина.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Рамсей хорошо знал, что очень многое может подвести его в этом маскараде. Но он принял решение и закрепил его первым же отданным приказом видинской страже.

— Где его превосходительство верховный советник?..

— Он будет немедленно вызван, ваше высочество. — Поворотом головы офицер отправил одного из солдат, и тот побежал по посадочной площадке.

Сзади Рамсей услышал шум мотора флайера. Он чуть повернул голову и успел заметить поднимающуюся в небо машину, его последнюю возможность отступления.

— Ваше высочество... — Офицер подошел на шаг. — Могу ли я от имени всего Видина выразить радость по поводу вашего приезда в свой город на провозглашение? Слухи оказались лживыми, вы не мертвы... какая радость!..

Да, подумал Рамсей, а как же он избежал смерти? Он надеялся, что укрытием для него послужат слухи о дворцовых интригах и контринтригах. Они прикроют неясности его рассказа.

— Когда у человека есть враги, — начал он, — необходима хитрость. В Видине, среди верных мне людей, я могу не опасаться, что у меня открыта спина.

Офицер выхватил меч из ножен.

— Принц приказывает — Видин повинуется! Так всегда было по клятве крови и верности!

— Я это хорошо знаю, — принял Рамсей слова офицера. — Кто ты?..

— Я командир внутренней стражи, ваша светлость. Матрус из Дома Ликуса. Вы хотите проследовать в Государственный зал? Так как верховный советник прибыл раньше, мы подготовились. И не поверили темным слухам из Лома.

Вот чем закончилась история с телом, которое предъявил Мелколф, чтобы его погребли среди предков Каскара. Рамсей подозревал, что Очалл поддерживал сомнения среди жителей этой части Улада, которая верна принцу и служит плодородной почвой для будущего восстания.

— Меня ободряет то, что вы не поверили, — сказал он вслух. — Для большей части Улада Каскар уже погребен. И есть причины, чтобы он не восстал слишком поспешно... — Рамсей

улыбнулся, он редко улыбался с тех пор, как оказался в мире своих снов, так редко, что трудно стало растягивать губы.

Образовался почетный караул — Рамсей предпочел считать его таковым, а не охраной пленника. Его не вполне успокоили слова командира стражи, который, вполне вероятно, человек Очалла. Окруженный стражниками, Рамсей прошел в лифт, который с крыши дома спустился на несколько этажей и остановился. Стражники вытянулись, и Рамсей, быстро выходя из лифта, увидел откровенное изумление всех, кто его заметил.

Все, что он слышал о Каскаре, говорило, что его двойник (можно ли его назвать «alter ego?») не пользуется большим уважением. Но, по-видимому, в Видине это не так. Стражники и слуги слишком дисциплинированы, чтобы нарушать тишину коридоров. Но Рамсей чувствовал, что все они очень возбуждены. Он не поворачивал головы, но слышал, что топот за ним становится громче, как будто процессия с каждым мгновением увеличивается.

Еще стражники, приветствующие принца. Один распахнул дверь. Рамсей прошел в длинную комнату: одна ее стена в широких окнах, каждое обрамлено красным и золотым. На противоположной стене зеркала в тяжелых резных позолоченных рамах, они врезаны в стену. Пол, по которому громко стучат сапоги стражи, мраморный, потолок и те части стены, которые не заняты окнами и зеркалами, покрыты красным лаком с эмалью табличками.

Серебряные подсвечники высотой с человека образуют два ряда, между которыми прошел Рамсей. Между окнами и зеркалами множество изображений странных голов, увитых цветами и папоротником, все они позолочены и украшены драгоценными камнями.

Зеркала отражают все это великолепие, и кажется, что здесь не один зал, а целая сказочная анфилада, уходящая в бесконечность.

Ряды подсвечников заканчиваются у помоста с двумя ступенями. А на помосте трон размером с небольшой диван. Он не накрыт балдахином, как тот, что видел Рамсей в Ломе. Но все равно производит сильное впечатление со своей золотой спинкой и подлокотниками и алой подушкой сиденья. Командир стражи отступил, и Рамсей понял, что трон теперь его законное место.

Он решительно поднялся по ступенькам и сел на трон. Надеялся, что сделал это легко, как человек, привыкший к такому сиденью. И впервые увидел, что действительно за ним следовала целая свита.

У подсвечников неподвижно, как статуи, застыли стражники. Но были и люди в богатой одежде, они могут быть придворными этого миниатюрного двора или дворянством Видина.

Рамсей отчаянно надеялся, что по придворному этикету ему не придется здороваться с прежними знакомыми Каскара. Играть эту роль так плохо подготовленным опасно, но ничего больше не остается.

— Верховный советник! — От далекой теперь двери (Рамсей посмотрел на путь, который преодолел: зал из-за зеркал не только расширился, но и словно удлинился) послышался громкий голос.

Вышел человек в короткой куртке слуги, но богато расшитой, чтобы подчеркнуть его важное положение при дворе. В правой руке он сжимал серебряный посох. Он торжественно поднял его и трижды со звоном ударил по полу.

Привлекши таким образом внимание всех собравшихся, он отступил и пропустил человека, которого и искал Рамсей. Это Очалл из его сна, только сейчас в нем слабее чувствуется жажда власти. Может, во сне эмоции обостряются, чтобы можно было почувствовать внутреннюю сущность человека?

Очалл производил впечатление, но все же это не та подавляющая фигура, каким сделали его слухи или сны. В его манерах по отношению к Рамсею даже видна почтительность.

Не на такую встречу рассчитывал Рамсей. Если бы он увидел Очалла, сразу выйдя из флайера, и сумел разгадать первую реакцию верховного советника на драматичное воскрешение Каскара, это дало бы ему хоть какой-то ключ к пониманию положения Очалла. А сейчас у советника было достаточно времени, чтобы подготовиться к избранной роли.

Очалл прошел между рядами подсвечников, его длинная верхняя одежда едва не касалась пола. На поясе у него не было меча, а на мощной шее висел золотой воротник искусной работы, усаженный драгоценными камнями. И с него на могучую грудь свисал большой золотой ключ, вероятно, символ его поста.

Легкий гул, заполнивший зал, когда Рамсей сел на трон, стих. Не слышалось даже легкого шороха ткани, когда собравшиеся меняли позу, ни скрипа обуви, ни даже дыхания. Как будто приход Очалла остановил всю жизнь двора; присутствующие не существуют, пока он не примет решения.

Рамсей подозревал, что такой эффект сознательно готовился Очаллом, придавал ему ощущение власти. Но если советник ожидал, что тем призовет к порядку новую марионетку, — нет! Инстинктивной реакцией Рамсея стало сопротивление этой подавляющей личности.

— Приветствую тебя, верховный советник. — Он старался говорить вежливо, хотя в собственных ушах голос его прозвучал странно. Но он должен взять в свои руки инициативу в этой встрече. — То, что ты верно ожидал меня здесь, при моем дворе, я считаю доказательством твоей усердной службы короне...

Он не знал, откуда у него берутся эти напыщенные слова. Возможно, самый воздух зала меняет речь. Но только самые формальные и громкие фразы кажутся уместными в таком окружении. Больше всего ему нужен сейчас хоть малейший намек со стороны Очалла, о чем думает верховный советник. Но Рамсей знал, что Очалл ничем ему не поможет, у него все холодно рассчитано и нацелено только на собственную выгоду. Если неожиданное появление Рамсея поразило Очалла, никто этого не почувствует.

Очалл слегка склонил мощную голову.

— Его высочество знает, что Видин ему верен. Где же еще собраться его друзьям, когда странные дела происходят в Уладе и многое заставляет тревожиться даже самых верных? Наша постоянная молитва о безопасности его высочества. То, что ваше высочество сидите на собственном троне, не изменившийся, невредимый... — Очалл поднес руку к груди, коснулся золотого ключа... — это наша награда за веру в Провидение. Теперь, после мрачных часов и дней, темные слухи и угрозы позади.

Рамсей увидел, как под прикосновением руки Очалла ключ слегка качнулся, вперед, назад. Внимание Рамсея перешло от лица верховного советника на ключ, на его движения, на легкие покачивания...

Назад и вперед, назад и...

Рамсей замигал, с усилием отвел взгляд. Верны ли его подозрения? Игра верховного советника с ключом не просто при-

вычка? Что рассказывают об Очалле? Что он держал Каскара в своем плену чарами. Гипноз? Возможно, наследник был приучен отвечать на внешне невинные движения ключа. То, что и его внимание было привлечено так быстро, предупреждение.

— Твоя забота о благополучии короны, — ответил Рамсей, думая, поймет ли Очалл двойной смысл его слов, — всегда признавалась нами. Представители имперской династии знают глубину твоей верности, высокое чувство долга, которое всем нам служит примером.

Рамсей считал, что во всем этом миниатюрном дворе только у верховного советника может хватить храбрости задать вопросы о прошлом имперского принца, который недавно был публично погребен с самой пышной церемонией, а теперь спустился с неба в свои владения живым. Однако Рамсей сомневался, что Очалл станет задавать эти вопросы публично. И это его единственный шанс распространить пошире объяснение, которое он наспех придумал на пути в Видин.

— Дни сегодня тяжелые. — Он улыбнулся Очаллу. — Иногда трудно отличить друга от врага. И те, кто хотел бы видеть меня лежащим рядом с предками, должны знать. Именно благодаря тебе, верховный советник, меня не постигла такая судьба. Твой план сработал хорошо...

Он с внимательностью охотника следил за невыразительным тяжелым лицом Очалла. Сейчас у него нет другого пути достигнуть даже чуточку понимания со стороны верховного советника, вызвать его ответ. Конечно, человек, которого публично благодарят за спасение принца-марионетки, должен попытаться узнать, что же произошло. Как получилось, что Каскар уцелел, он жив, дышит и считает это заслугой Очалла.

— Я служу... — Очалл отвечал, не моргнув глазом. Выражение его лица Рамсей не сумел разгадать. — И горжусь своей службой, ваше высочество.

— Твоя гордость, но выгода всего Улада, — продолжал Рамсей. — А теперь, милорды. — Он оторвал взгляд от Очалла. Так просто раковину советника не вскрыешь. Придется изобрести более энергичное нападение. — Милорды, ваша верность, верность всего Видина поддерживала меня в эти дни. В этих стенах я нахожу поддержку, которая поможет мне овладеть моим наследием. Потому что сила человека не только в его руке и в оружии, не только в уме, но скорее в вере в него окружающих.

А теперь... — Рамсей чуть подвинулся вперед на сиденье широкого трона, — наступит день, когда наша взаимная вера еще подвергнется испытанию. Не стану скрывать от вас во имя тайны и безопасности. Вы слышали, что Каскар умер и погребен. Наверно, некоторые из вас присутствовали при этом в Ломе.

Рамсей провел взглядом по лицам дворян. Несомненно, он овладел их вниманием. Он видел хмурое выражение, видел и удивление, и серьезные лица ждавших разъяснений. — Посмотрите на меня! — Он встал и сделал шаг от трона. Блеск зеркал, яркость солнечного света не позволят ничего скрыть. Он высоко поднял голову, бросая вызов тем, кто мог бы крикнуть «самозванец».

— Меня хотели убить и пытались хитростью добиться этого. Но не смогли. Мне пришлось втайне уехать из Лома, чтобы никто не знал, где я скрываюсь. Я не мог отличить друга от врага, выдающего себя за друга, и потому не знал, куда обратиться.

— До тех пор... — он решил нанести сильнейший удар... — пока случайно не пришел к Просвещенным...

Впервые он заметил легкое, очень легкое изменение в лице Очалла. Окружавшие советника проявляли свое изумление открыто. Послышался легкий гул, взволнованное дыхание.

— Мне сделали предсказание, — неторопливо продолжал Рамсей. — Поэтому я и явился в Видин.

Гул слушателей стал громче. Очалл снова овладел своим лицом, но остальных охватило возбуждение.

— Ваше высочество. — Вперед вышел старик в воротнике, украшенном драгоценностями и лишь чуть менее великолепном, чем у Очалла. — Это предсказание... — Он колебался. Рамсей подумал, что догадывается, что скрывается за этой остановкой. Известно, что советы Просвещенных опасны и мудрым лучше их избегать.

Рамсей кивнул.

— Да, предсказание. Как хорошо известно, преподобные Просвещенные гораздо больше озабочены далеким будущим, чем результатами действий, от которых может произойти благо живущим теперь. Поэтому мы должны просеивать и отбирать. И надеяться, что выбрали верно. Поверьте, я буду действовать осторожно и ни одного верного мне человека не направлю по опасному пути. Я неопытен в государственных делах, но здесь

находится человек, хорошо разбирающийся в людях, и я буду прислушиваться к нему. Разве верховный советник не на нашей стороне? Все дальнейшие планы мы будем обсуждать совместно. Но скажу вам одно: только с помощью Просвещенных сумел я добраться до Видина. Пока, я считаю, они принесли мне одно добро.

— А теперь, милорды и верные мне люди, позволяю вам удалиться до того времени, как нам нужно будет собрать совет и...

Ему хотелось побыстрее остаться с Очаллом наедине, и нетерпение от этой церемонии, где он играет роль правящего принца, росло. Как можно распустить двор и остаться в одиночестве?.. Он уверен, что упоминание о Просвещенных ошеломило Очалла и нужно использовать это небольшое преимущество, пока верховный советник не воздвиг снова свой барьер.

Очевидно, Рамсей нашел нужную формулу, потому что все поклонились и начали отступать от ряда канделябров. Все шло очень гладко...

Но тут у дверей произошло столкновение. Выходящих начали расталкивать, оттолкнули и дворецкого с серебряным жезлом, который пытался преградить дорогу человеку в военном мундире. Его хватили за плечи. Но он отбросил пытавшихся удержать его, прошел вперед. Двор застыл, почувствовав, что такое нарушение формального порядка происходит по весьма важной причине.

Офицер подошел к основанию возвышения. Судя по нашивкам, это командир какого-то отряда и он очень молод. На его смуглом лице возбужденное выражение, он тяжело дышал, как будто мчался во дворец бегом.

Подняв руку, он приветствовал Рамсея, и тот догадался ответить. Но тут офицер сказал:

— Ваше верховное могущество! Наш великий император Пيران отошел к Последним Вратам. В Ломе прозвучали прощальные трубы. Сейчас трубы призывают кровного наследника. Да будет правление вашего могущества долгим и ясным!

Итак, умирающий император наконец умер! Но в Ломе провозглашают императором не Каскара!

Рамсей взял себя в руки, заметив, что Очалл сделал два шага вперед, как будто хотел отвести офицера и поговорить с ним наедине. Времени для переговоров нет. У партии императрицы наготове Бертал, возможно, уже в эту минуту его коронуют.

Шансы Рамсея на безопасность в этом мире уменьшились — наполовину, если не на две трети.

— Я думаю, там приветствуют не принца Каскара... — впервые Очалл взял инициативу в свои руки.

Офицер оскалил зубы в гримасе.

— Да, ваше достоинство. На Месте Флагов стоит принц Бертал. Но он еще не дал клятву.

Послышались возбужденные восклицания, двор зашумел. А Очалл опять задал вопрос, который был на уме у Рамсея:

— Но ты, Джасум, явился в Видин, чтобы увидеть того, кто объявлен мертвым. Что привело тебя сюда из Лома?

— Слово Просвещенных, ваше достоинство. Ко мне пришел ночью Просвещенный со словами: «Наш принц на самом деле не мертв, но скрывался и теперь находится в Видине». И поэтому, понимая, что он должен узнать... Ваше верховное могущество! — Джасум обратился непосредственно к Рамсею. — Скоро принесут присягу этому самозванцу. Уже готовится его коронавание в Зале Света, а сразу вслед за этим — его брак с герцогиней Олироуна. Если он успеет короноваться и жениться, многие верные Каскару не станут поднимать оружие, чтобы не расколоть Улад.

Очалл погладил подбородок широкой ладонью.

— Проницательное наблюдение, Джасум. Интересно, почему это сообщение принес только ты. Говорящие провода не принесли еще это известие в Видин. Но, конечно, возможно, это делается в Ломе специально, как ты и сказал, чтобы верные видинцы не имели времени для возражений. Ваше верховное могущество, — обратился он к Рамсею, — пусть распространится новость в Видине, пусть немедленно прогремят трубы. Самозванец не сядет на трон без единого слова протеста. А когда станет известно о протесте, столкновение с принцем Берталом станет неизбежным — может, последует Последний Вызов.

Рамсей понятия не имел, что имеет в виду Очалл в своих последних словах, но тот произнес эти слова так подчеркнуто, что Рамсей догадывался, что это название крайней вражды и сопротивления.

— Проведем совет, как и сказано, ваше верховное могущество. Надо дать знать тысячникам, нет, даже и сотникам, чтобы все собрались и проявили свою верность.

— Да будет так, — с готовностью согласился Рамсей, хотя у него появилось ощущение, что он утратил всякий контроль над ситуацией и власть снова незаметно перешла в руки Очалла, как и рассчитывал верховный советник. И потому с замиранием сердца Рамсей снова распустил двор. Он смотрел, как один за другим придворные выходят из зала. Наконец они с Очаллом остались одни.

Как ни хотел недавно Рамсей этой встречи наедине, сейчас он с радостью отложил бы ее. Но он понимал, что должен ждать, чтобы Очалл начал. Он должен понять, что собирается предпринять верховный советник.

— Время... — Очалл перестал гладить пальцами подбородок, теперь он двумя пальцами ущипнул толстую нижнюю губу. — Сколько у нас времени? Подсказали ли тебе что-нибудь, милорд, Просвещенные? Мы должны как-то выиграть время... — Он как будто рассуждал вслух.

Но Рамсей полагал, что верховный советник никогда ничего не говорит зря, он постоянно следит и за своими словами, и за тем человеком, которому они адресованы.

— Мне сказали, — Рамсей начал отвечать осторожно, решив хотя бы отчасти сказать правду, — сказали, что моя личность имеет значение для будущих событий, что выбор, который я сделаю, в свою очередь приведет к изменениям в будущем, которые сами Просвещенные не в силах предвидеть.

— Каскар... — Очал намеренно неторопливо осмотрел его с ног до головы и с головы до ног. — Жизнь... вернее, смерть стали тебе известны так, как они не известны нам, простым смертным. Сначала ты умер и лежал в последнем сне в Зале Умерших Повелителей.

Затем с наступлением дня было обнаружено, что вокруг пустого гроба стоят четыре стражника, явно околдованные, ничего не помнящие. Невежды говорили, что Каскар воскрес. Говорили о чуде, таком, какие происходили в древности. Но если Каскар воскрес и ходит снова по своей земле, его никто не видел.

Потом было обнаружено тело, на этот раз в таком состоянии, что только по одежде и некоторым особенностям фигуры могло быть установлено, что это пропавший принц. Казалось, Каскар действительно восстал из мертвых, может быть, ничего не сознавая, ушел от своего гроба и выпал в окно. Может, встре-

ча со смертью убедила его в том, что те, кто побывал у Последних Врат, достойные подражания люди, больше не подчиняются ограничениям этого мира и могут свободно возноситься на небо. Поверив в это, полумертвый принц решил доказать, что легенды говорят правду, но узнал только, что еще не избавился от своего смертного тела.

Итак, обнаружилось тело, которое торжественно погребли — с внешними проявлениями печали, но с внутренним удовлетворением. Очалл, — он мрачно улыбнулся, — был одурачен, переигран. Очень хитро сыграно, а те, у кого возникли подозрения, предпочли держать язык за зубами. Но вот утраченный Каскар... можно сказать, «часто погребаемый», стоит в своем дворце в Видине и готовится возглавить поход против узурпатора.

Очалл бросил взгляд на Рамсея.

— Ты говоришь о Просвещенных. Не стану сомневаться в твоих словах. Известно, что они играют в сложные игры, и не всякий может их разгадать. Они говорят, что ты Каскар. Нам приходится признать второе чудо. Но, возможно, даже Просвещенные не могут предвидеть все последствия чудес. Со временем мы это увидим.

— Время... — Он вернулся к своему первому утверждению. — Нам нужно время. Никто не может заставить ветер, воду, флайер, корабль или рельсовый поезд двигаться быстрее, чем тот может. Я не тратил времени зря, верховное могущество. Я докажу, что Очалла не легко снять с игровой доски. Даже Просвещенным.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

— Но кажется, времени у нас на это нет, верховный советник, — заметил Рамсей. — Ты говоришь, что мое появление в Видине — чудо. Конечно, но весть об этом чуде должна распространиться за пределами Видина, если мы не хотим, чтобы Бертал был коронован законно. — Он искал на ощупь. Очевидно, что-то кроется за озабоченностью Очалла временем. — Сколько тебе нужно времени, чтобы твой план принес желаемые плоды?

Верховный советник долго не отвечал. Снова ущипнул нижнюю губу большим и указательным пальцами.

— Кажется, на какое-то время Просвещенные на твоей стороне. Или их желание бросить большой камень в пруд Улада,

смешать там дела, работает на тебя. Что касается времени — может быть, пять дней...

Он опять начал играть блестящим ключом, и Рамсей отвел взгляд. Очалл снова заговорил:

— Кто ты? — Он задал вопрос прямо, как будто сама его простота обеспечит правдивый ответ.

Рамсей обнаружил, что сейчас улыбаться ему трудней, чем раньше.

— Каскар, избежавший большой опасности и явившийся требовать то, что принадлежит ему по праву.

Очалл испустил странный звук. Если бы была хоть какая-нибудь причина для веселья, его можно было бы принять за смех.

— Хороший ответ, верховное могущество. Ты говоришь, что ты Каскар, значит, и будешь Каскаром. Но я думаю, понимаешь ли ты, что слишком торопливо протянул руку к короне. Если ты идешь на поводу у Просвещенных, тебя можно пожалеть...

— Предупреждение, верховный советник? — спросил Рамсей. — Я принимаю его за выражение твоей озабоченности. Я знаю только, что в Ломе есть те, с кем я должен свести счеты. Если требование моих прав приведет меня ближе к этому, я перекричу все твои трубы. Будь уверен в этом. А на что тебе нужны пять дней? — Он пытался узнать правду, если можно рассчитывать на какую-то правду от Очалла.

— Оружие с севера, — так же откровенно ответил верховный советник. — Есть новое оружие, еще не испытанное в больших битвах, но мощное, как докладывают мои глаза и уши. Торговцы с севера хвастают его эффективностью, и если они говорят правду...

— Его испытали в действии? — Рамсей постарался не проявлять особого интереса. В каком действии? Что, если общество безжалостно обрекли на смерть? Может, это была только демонстрация оружия, чтобы произвести впечатление на таких покупателей, как Очалл?

— Испытали, — подтвердил Очалл. — Доказано. Не знаю, какие еще тайны есть у северян, но такое оружие не видано со времен Великой Эры.

— Но говорят, то оружие оставило мир полумертвым, — заметил Рамсей. — Даже самый честолюбивый человек ради власти в Уладе не решится им воспользоваться!

— Нет, это не Абсолютное Запретное. По сравнению с ним это камешки из рогатки мальчишки. Использование этого оружия не нарушает Вечный Завет Живым. Вообще это простая модификация уже известного оружия. — Но Очалл не стал вдаваться в подробности.

— И на ком демонстрировалось это новое оружие? — настаивал Рамсей.

Очалл пожал плечами.

— В незначительной стычке. В бою между пиратами и наемниками Тантанта из пограничных районов Олироуна. Конечно, в наших интересах, чтобы внимание Олироуна было занято набегами на его границы. Нельзя поддерживать независимость герцогства. Но никаких явных нарушений.

Говоря, верховный советник пристально наблюдал за Рамсеем.

— В будущем, когда герцогиня Текла выйдет замуж за повелителя Улада, такие дела можно организовывать незаметней. Не нужны будут вторжения, — сказал Рамсей.

— Совершенно верно. Но хорошо, что Олироун занят своими внутренними трудностями до благоприятного брака. Нужно предотвратить действия таких, как Тантант, — привлечение наемников. Поэтому испытание оружия достигло двух нужных результатов. Не думаю, чтобы Тантант нашел другое вольное общество, которое примет его предложение, а пираты Линарка теперь будут заняты...

— Пираты! — повторил Рамсей. — Им передали оружие? Разве это не опасно? — Про себя он удивлялся собственному спокойствию. Сознание того, что бойня на хребте была всего лишь сознательным экспериментом, вызвала у него такой гнев, с которым раньше он бы не справился. Обсуждать спокойно смерть людей, принявших его товарищем... Их смерть — результат испытания оружия!.. Он внутренне кипел и боролся с собственными эмоциями. Императрица и шаман — они могли обречь одного человека на изгнание, а потом на смерть от руки наемного убийцы, успокаивая свою совесть «долгом». А Очалл обрекает на смерть множество людей только потому, что это удовлетворяет его честолюбие...

— Значит, если у тебя будет пять дней, ты собираешься выступить на Лом с этим оружием? — внешне спокойно спросил Рамсей.

Он был настолько занят борьбой со своими чувствами, что на этот раз не очень тщательно подбирал слова.

— Я, верховное могущество? — Очалл покачал головой. — Моя власть — только тень твоей законной власти. Я отдаю приказы только твоим именем...

Рамсею не нужно было закрывать глаза. Между ним и Очаллом словно возникла паутина иллюзий. Он видел не этого сильного человека, воплощение жажды власти, а желтый туман, в котором дергались и кричали люди. Это не видение во сне, но зрелище запечатлелось в памяти так же прочно, как посланные Оситесом сны, с которых и начался весь этот кошмар.

Действовать с Очаллом, использовать его? Он был глуп, поверив в возможность этого. В этом мире у него нет ни одного человека, которому он смог бы верить, кроме Дедана. А капитан лежит далеко, раны не позволяют немедленно призвать его. На секунду или две, осознав свое полнейшее одиночество, Рамсей испытал потрясение.

Он не создавал, что пошатнулся и в поисках поддержки ухватился за ручку массивного трона. Но тут же заметил устремленные на него пристальные холодные глаза Очалла. Рамсей не осмеливался думать, что понял верховный советник за эти несколько секунд, когда Рамсей утратил самоконтроль. Но, несомненно, Очалл решил, что имеет дело с еще одним слабым принцем. И Рамсей понял, что отныне что бы он ни делал, внешне ему придется выполнять предложения Очалла.

Послать туман, это пламя на Лом — немыслимо! Знают ли Просвещенные, что планирует Очалл? Если знают, они должны были подумать об этой предательской угрозе. Он сам ничем не обязан императрице и ее партии. Вернуться в Лом значит встретиться с нападением другого наемного убийцы. Но куда еще ему деваться? Даже если он сумеет скрыться из Видина так же внезапно и таинственно, как появился, его появление здесь, открытое признание Очалла при дворе дадут верховному советнику право действовать от его имени. Никто не усомнится в приказах, отданных им именем императора.

— Пять дней... — Рамсей ухватился за первый же предлог. — Пять дней — это слишком долго. Если Бертала провозгласят императором, многие, как было сказано, которые не поддержали бы моего дорогого кузина, сделают это, чтобы не расколоть Улад.

— Каков тогда твой ответ? — спросил Очалл.

— Мы с тобой, верховный советник, в сопровождении дворян, которые поддерживают наше правое дело, отправимся в Лом. Не угрожая, а выдвигая требование, которое не оспорит никто.

Он думал, осмелится ли Очалл возразить. Но верховный советник как будто был готов к такому вызову.

— Ты отправляешься прямо в логово врага, верховное могущество. Но храбрость — привилегия истинного императора, а если тебя будет окружать верная стража, тайно к тебе не подберутся. И не посмеют открыто оспаривать права Каскара. Когда ты отправишься?

— Немедленно, как только все будет готово. — Рамсей не сомневался, что у Очалла есть свои сторонники, которые исполнят любой его приказ. Но сам он получит передышку... для чего? Он не знал. Единственное утешение — Очалл будет с ним, и видение тумана и огня, надвигающихся на город, не осуществится.

Флайер, который унес их из резиденции Каскара, был больше и роскошнее предыдущих. В нем имелось несколько кают с различными приспособлениями. Рамсей заметил, садясь, что на флайере торопливо изобразили герб — свирепая птица, которую он видел на панелях дворца. Верные люди как будто стремятся, чтобы его появление соответствовало его рангу, чтобы были представлены все символы законного правителя.

Рамсей, довольный, что решил одну из своих проблем, кивнул. Его беспокоило, что он появится во дворце Лома незаметно для горожан. Но это «Место Провозглашения», похоже, способно привлечь множество зрителей.

Договорившись с Очаллом, он, очевидно, теперь предоставлен себе, потому что верховный советник сел, закрыл глаза и явно не хотел разговаривать. Рамсей тоже закрыл глаза. Что они ему сказали, эти непостижимые Просвещенные? Видеть сны? Но он не умеет вызывать сны по своей воле.

Он стал вспоминать подробности своей встречи с Эдайс, вспомнил, как мелькали ее руки, перекладывая карты, как коснулись последней, предсказывающей его судьбу. Судьба — да, и Страх, и Сны... и лишь слабое обещание Надежды в конце.

События развиваются слишком быстро, а он так мало знает. Как будто он слепым участвует в сражении, в то время как у тех, с кем он сталкивается, есть и зрение, и цель. Раньше у Рамсея

была только одна цель — спасти свою шкуру. Теперь им движет стремление спасти город, может быть, целый народ. Его губы горько изогнулись. Что побудило его поддаться гневу, который вызвало краткое объяснение Очалла?

Он не знал, какое расстояние между городами, однако его удивила краткость перелета. Наверно, Очалл приказал лететь на предельной скорости. Рамсей еще пытался привести мысли в порядок, когда флайер начал спускаться по спирали.

В богато украшенных стенах каюты не было окон. Рамсей сидел напряженно. Они могут опуститься прямо в руки ожидающего врага. Очалл, казалось, прочел его мысли; может, Рамсея выдала напряженная поза. Верховный советник сказал:

— Похоже, провода для разговора не передают сообщения в Видин, но мы разрешение на посадку запросили открыто, верховное могущество. — Голос его звучал сардонически. — Будь уверен, Лом знает, кто прибывает — открыто, как ему и подобает, прибывает законный властитель, а не захватчик.

Рамсей сомневался, что это хорошо известно. Но он сам избрал себе такую роль и не позволит, чтобы верховный советник видел, как он от нее уклоняется.

— Правильно сделано, — заметил он.

— Мы садимся на площади Четырех Героев, — продолжал Очалл. — Тут нет посадочной площадки, но для нас расчистят необходимое место. Тебе останется только открыто взойти на Место Верховных Знамен и показать себя всем...

Рамсею показалось, что он уловил странный взгляд, направленный на него. Намекает ли верховный советник, что таким образом он совершит действие, которое раз и навсегда сделает его императором Улада?

Флайер коснулся земли, корпус перестал дрожать. Рамсей расстегнул ремень безопасности. Он с радостью отметил, что руки у него не дрожат. Ведь он уже прошел через подобное испытание, когда вышел из флайера на крыше дворца в Видине.

Он встал. Его сопровождающие двинулись к выходу. В первую очередь вышла стража, теперь под командованием Джасума. Стражники вытянулись на мощеной площадке внизу, образовали коридор, через который пройдет Рамсей.

Он неторопливо спустился. Они действительно сели в центре Лома. Со всех сторон часто, как деревья вокруг жилища Просвещенных в Роше, стояли высокие здания. Стены из ржаво-крас-

ного и тускло-серого камня были увешаны яркими вымпелами и полосками ткани. Вымпелы, длинные, как ленты, шевелились на ветру.

Прямо перед ним пирамида из красного камня. Он знает, что такие сооружения остались от легендарного Великого Мира. Пирамида усеченная, и вершина ее напоминает треугольную платформу. По краям платформы шесть прочных столбов, на которых развеваются пять флагов. Шестой столб лишен флага. На платформу ведет пролет ступеней, старинных, истоптанных. Место Флагов как будто существует многие столетия, оно, вероятно, древнее самого Лома. Среди всех этих разукрашенных зданий пирамида кажется странно обнаженной.

Рамсей неторопливо поставил ногу в углубление первой ступеньки. Хотя он не смотрел по сторонам — им владело ощущение, что он точно знает, как поступил бы в таком случае Каскар, император Улада, — Рамсей понял, что улицы Лома не пустыни. Вокруг собралась огромная толпа. Никто из прилетевших с ним из Видина не последовал за ним. Вероятно, только верховное могущество (какие у них неуклюжие титулы) имеет право взойти на пирамиду.

Снизу шум перешел в рев. Рамсей продолжал подниматься. Каждый шаг он делал аккуратно и неторопливо, не смотря ни направо, ни налево. Толпа внизу, может быть, готовится растерзать его. Капля пота выступила у него на лбу под линией черных волос, поползла по щеке. Он сохранял бесстрастное выражение и продолжал подниматься.

Вот он достиг вершины. Справа от него столб с желтым флагом, геометрически точно перечеркнутым ярко-зеленым крестом. Слева столб без знамени.

Так же неторопливо, как поднимался, Рамсей повернулся и посмотрел на город, которым собирается править Каскар. Голова его была обнажена, только на лбу блестит серебряное кольцо. Ни капюшон, ни маска больше не скрывают его лицо. Он стоял, слегка расставив ноги, положив руку на рукоять церемониального меча, и смотрел вниз и вдаль.

Он увидел множество лиц, обращенных в его сторону. Даже окна соседних зданий заполнены людьми, и все смотрят на него. Все эти взгляды произвели на него впечатление удара, однако он знал, что должен стоять бесстрастно и выдерживать их.

Теперь все кричали, и он различал в этом громе, отразившемся от стен зданий, свое заимствованное имя:

— Каскар! Каскар!

Потребовалось несколько секунд, чтобы осознать, что в этом крике нет угрозы. Удивление — да. Если при дворе Каскара и не любили, город не разделял такого отношения. И когда он поднял руку, принимая приветствия, он подумал, что верные ему люди есть не только в Видине. Приветственный рев достиг даже стен отдаленного двorca.

Кто-то другой поднимался по изношенным ступеням. Рамсей видел человека в короткой очень яркой одежде с изображением свирепой птицы Улада на груди. Этот человек нес на плече рог, такой большой, что ему приходилось идти осторожно, чтобы сохранить равновесие. За ним еще один, одетый так же, тоже с рогом вышел из рядов стражи, собираясь подниматься.

Когда эти двое достигли вершины пирамиды, Рамсей слегка отступил. Они поклонились ему, развернулись, уперлись раструбами своих инструментов в древний камень и поднесли концы ко рту.

Рев толпы перекрыли глубокие низкие звуки. Словно раскаты грома, только вот туч никаких не было; Рамсея ярко освещало солнце. Трижды повторились эти звуки. Крики стихли, наступила тишина. По-прежнему все лица были устремлены к Рамсею. Люди ждали, а он не знает — чего! Рука его дернулась в панике. Это все часть древней церемонии. Дворы пронизаны такими церемониями, частично церемонии обеспечивают безопасность правителей. Но он не знает, что ему сейчас сделать...

К его величайшему облегчению — в этот момент он даже забыл о своем недоверии к верховному советнику, — Очалл поднялся вслед за трубачами. Но не подошел к Рамсею на вершину пирамиды. Напротив, повернулся лицом к толпе — нелегкий маневр на старинных узких ступеньках — и заговорил:

— Слушайте меня, верные люди! На этом месте, на площади Героев, на Месте Флагов, которое находится в самом сердце Улада, я провозглашаю нашего господина верховным правителем — да будет под его правлением плодородна земля, да будет она орошена и озарена золотом солнца! По праву наследника Дома Джостерна носитель крови самого древнего Джостерна Каскар принимает правление — права его неоспоримы. Пиран

миновал Последние Врата — да перенесут его плакальщицы и утешительницы. — Очалл склонил голову и смолк на мгновение, эту позу традиционного почтения повторили все в толпе. — Перенесут быстро к вечной жизни, к радости и благословиению. При жизни он признал Каскара, принца Видина, своим подлинным наследником по крови и по духу. И поэтому Каскар стоит перед вами как верховный повелитель, хранитель Улада, страж и утешитель по эту сторону Врат для всех своих подданных. Император умер, да здравствует император!

Четырежды оглушительно прогремели трубачи. И снова слышались радостные приветственные крики.

Дрожь пробежала по спине Рамсея. До сих пор он смотрел на все происходящее как на опасную роль в какой-то пьесе. Но ведь это — реальность! Слишком все реально! Он не Каскар; ему захотелось убежать подальше от этих приветственных криков. В какой сети он запутался? Он с трудом глотнул. Крики стали тише... Должно быть, чего-то ждут от него.

Почти против его воли поднялась рука Рамсея. В ответ на этот почти невольный жест наступила тишина, как и перед словами Очала.

Он должен что-то сказать... Но ничто в прошлом не подготовило его к такому моменту. Настоящего Каскара тщательно вышколили бы, постепенно подвели к этому часу, его колебания будут сразу замечены. Снова на него навалилась тяжесть маскарада. Верные люди — этот термин имеет определенный смысл в этом мире — это узы чести. Если он принимает их верность, он должен что-то дать им взамен, чтобы сохранить равновесие. Начинал он, думая только о себе, о своей безопасности, о своей личной схватке с теми, кто так воспользовался им. Но если он примет то, что сейчас ему предлагают, то будет связан. Он и так зашел слишком далеко, возврата нет, если он только не откажется от всего, что несет с собой его внешность. А этого он не может сделать.

— Верные люди вашего императора. — Рамсей пытался говорить уверенно, не подыскивать слова, словно речь эта у него заранее подготовлена. — Верные Уладу. Ни на чем большем не может клясться наследник Дома Джостерна. Первейший долг провозглашаемого — безопасность Улада и всех живущих в его границах.

Короткая речь и, может, довольно неуклюжая. Но в этот момент Рамсей говорил серьезно, как никогда в жизни. Наступила тишина. И Рамсей уже начал думать, что эта его короткая речь была ошибкой. Потом начались приветственные крики...

Но в толпе внизу возникло и какое-то смятение. Вперед пробивалась группа стражников, прокладывая в толпе дорогу. Мужчины и женщины расступались под этим напором. А внутри группы Рамсей видел роскошные наряды придворных. Наконец дворец отреагировал. Но Рамсей не верил, что на этом открытом общественном месте возможны какие-то тайные интриги.

У основания пирамиды люди из Видина сомкнули ряды. Однако Рамсей заметил, что они настроены не очень решительно. Все сильнее чувствовалось приближение целеустремленной группы. Толпа уже раздавалась сама, пропуская отряд. Дойдя до стражников из Видина, пришедшие тоже построились в ряд, словно готовясь к схватке. Рамсей сделал шаг вперед: любыми средствами он должен избежать столкновения. И тут же понял, что вмешательство — по крайней мере на уровне солдат — не потребуется.

Теперь вперед вышли штатские, которых сопровождали солдаты. Бертал — и Оситес. Принц в алом и золотом, яркие цвета сами по себе бросают вызов, шаман похож на тень злого предзнаменования в своей черно-белой одежде; рядом с ослепительным великолепием Бертала она кажется скорее черной, чем белой.

Старое лицо шамана, как всегда, бесстрастно, но у Бертала побагровело и стало почти одного цвета с его алым нарядом. Шаман положил принцу руку на плечо, как будто предостерегая от поспешных действий, но тот движением плеча сбросил его руку и побежал по ступеням, ведущим к Месту Флагов.

Шум толпы перешел в ропот. Очевидно, все ожидали исхода драмы и собирались быть свидетелями встречи соперников, претендующих на трон Улада.

Рамсей оставался на месте. Бертал мог служить воплощением гнева. Они могли бы даже сойтись в драке — поучительное зрелище для Лома. Рамсей был уверен, что справится с разгневанным принцем без всякой помощи со стороны стражи. Но ему не хотелось публично участвовать в такой недостойной схватке.

Бертал перепрыгивал через изношенные ступени. Оситес, несмотря на возраст и длинную стесняющую движения одежду, не отставал от принца. Бертал, со сверкающими от гнева глазами, с искаженным ненавистью ртом, едва достиг уровня Рамсея, как его догнал Оситес.

— Самозванец! — Бертал тяжело дышал, он хватал ртом воздух, и обвинение его прозвучало не так громко, как ему хотелось. — Существо из снов! Думаешь, ты сможешь здесь править? Нет, говорю я! И своими руками докажу это!

Он выхватил церемониальный меч. Рамсей не коснулся своего оружия. Сузившимся взглядом следил он за принцем, у которого в углах рта появилась пена. Если Бертал настолько обезумел, что бросится на него сейчас, придется ему принимать на себя все последствия.

Но острее не было направлено в грудь Рамсею. Бертал схватил не за рукоять, а за острее и бросил меч в воздух. Не в Рамсея, а на камни. Лезвие ударилось, скользнуло и концом вперед остановилось у ног Рамсея.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Теперь звук — не приветственные крики, а затаенное дыхание сотен человек. Это определенно какой-то формальный вызов, но Рамсей, снова захваченный сетью своего непонимания, не знает, что предпринять. Однако если он колебался, то шаман действовал.

В развевающейся мантии Оситес встал между ними и твердо поставил ногу на меч.

— Нет. — Одно слово воздвигло преграду. Бертал еще больше покраснел, если это было возможно; руки его дергались. Рамсею показалось, что принц совершенно утратил самообладание. Он готов был оттолкнуть Оситеса и вцепиться Рамсею в горло.

— Это мое право, — задыхаясь, сказал Бертал.

Оситес кивнул.

— Твое право, согласно кодексу, установленному Джостерном при основании вашего Дома. Но сейчас не время и не место. — Пальцы его сомкнулись на правом запястье принца, и хоть пальцы эти были худы, Рамсей видел, что Бертал не может вырваться.

Но смотрел шаман на Рамсея, как будто Бертал потерял всякое значение.

— Ты вернулся, — высказал Оситес очевидное. — Для чего, человек из снов?

Так прост этот вопрос, что Рамсей заподозрил в нем какой-то скрытый смысл. Но похоже шаман действительно ждет ответа.

— Может, потому, что я еще не готов стать мертвым Каскаром, как тебе хотелось бы, — ответил Рамсей. — В нас всех есть нечто, Просвещенный, что всегда сопротивляется смерти.

Легкая тень легла на лицо шамана. Он смотрел на Рамсея, тот отвечал ему твердым взглядом. Он чувствовал, что представляет проблему, озадачившую шамана. И в этом замешательстве нашел опору, которая позволила ему добавить:

— Ваш наследник бросил мне вызов. Почему бы не позволить нам решить вопрос — здесь и сейчас? Открыто перед всем Ломлом? С меня хватит убийц в масках, готовых без предупреждения ударить в спину. И не думаю, чтобы моя смерть по любой причине сейчас помогла бы вам, после этого публичного утверждения моих прав...

— Твоих прав! — воскликнул Бертал. Голос его дрожал от ярости. — У тебя нет никаких прав, варвар из...

Должно быть, Оситес болезненно сжал ему запястье, потому что Бертал сморщился от боли. Бросил яростный взгляд на шамана, но замолчал.

Голос Оситеса по-прежнему звучал бесстрастно.

— Похоже, Каскар провозглашен императором, — без всякого выражения сказал он, хотя Рамсей не поверил в такую полную и неожиданную капитуляцию. — Теперь его верховному могуществу полагается предстать пред двором, после того как его приветствовал народ.

Войти во дворец? Этого тоже ожидают от него, и Рамсею казалось, что у него нет выбора. Он уже сделал предупреждение, и его приближенные из Видина поддержат его, а может, также и те, кто сейчас приветствует его в Ломе. Если он сейчас умрет по любой причине, будут задавать слишком много вопросов. Если он должен сразиться с Берталом, он сразится. Но он полагал, что обычай требует открытой схватки в присутствии множества официальных свидетелей.

— Его верховное могущество, — Рамсей с удовольствием воспользовался напыщенным титулом, — согласен.

Он взглянул на Очалла, который не принимал участия в этом столкновении претендентов на трон. В сущности, решил Рамсей, верховный советник придерживался позиции строгого нейтралитета. Но Рамсей не собирался развязывать руки Очалу, чтобы тот мог свободно отдавать приказы.

— Его достоинство, наш достопочтенный советник будет сопровождать нас, — твердо сказал он.

И вот эта встреча, которая едва не началась как поединок, кончилась, к разочарованию многих зрителей, объединением групп. По сигналу и с большими усилиями стражников обеих партий снова расчистили место, флайер из Видина сел, и Рамсей в сопровождении Очалла и — на некотором удалении — Оситеса, который продолжал держать Бертала (у принца было мрачное и удивленное выражение лица) за руку, сел во флайер. Несколько мгновений спустя они опустились на крышу, и дворец Лома приветствовал их почетным караулом.

Рамсей принимал приветствия стражников, а Оситес покинул принца и присоединился к новопровозглашенному императору. На этот раз он обратился к нему без всяких почетных титулов:

— С тобой будет говорить ее царственное великолепие, — заявил шаман.

Рамсей улыбнулся.

— Это очень любезно с ее стороны, — ответил он. — Но еще большая любезность со стороны Каскара...

Впервые он увидел гнев в глазах шамана.

— Ты слишком распустил язык! — выпалил тот.

Рамсей кивком подтвердил его наблюдение.

— Тем не менее я жив. Ну, дважды одна и та же западня не сработает.

— Не понимаю, о чем ты говоришь... — сказал Оситес.

Рамсей откровенно рассмеялся.

— Конечно, Просвещенный. По тому, что я слышал, вы никогда не действуете открыто. Хочу только, чтобы ты понял: я твоим предсказаниям не подчиняюсь.

Он повернул голову и сказал Очалу:

— Меня призывают к моей бабушке, верховный советник.

Нельзя заставлять ждать ее царственное великолепие. Как ни важны дела, придется обсудить их позже.

Очалл поклонился. Бертал, должно быть, хотел что-то сказать: он открыл рот. Однако взгляд шамана заставил его промолчать. Все прошли в лифт и спустились во дворец, хранящий столько тайн.

Идя по длинному коридору, тому самому, что ведет к потайной двери в лабораторию, Рамсей гадал, где может находиться Мелколф. Снова за работой? Пытается поменять мешающего им Каскара на какую-нибудь новую жертву их третьего мира? Но сейчас у Рамсея нет никаких снов, которые вызывали бы подозрения. Однако он решил, что если только его приказы будут выполняться, он уничтожит машину, злобно затаившуюся внизу.

Ни Бертал, ни шаман после ухода с посадочной площадки не сказали ни слова. Возможно, они так же напряженно, как Рамсей, думали о мести, о защите, о необходимых действиях. Бертал — человек типа «нападать-несмотря-ни-на-что», поэтому его действия предвидеть легче. Однако Оситеса Рамсей опасался; он не знал, насколько велики силы обитателей Рощ. Они, по-видимому, умеют пользоваться мыслью, как вольное общество — оружием и боевым опытом. Поэтому их надо особенно опасаться.

При их приближении двери апартаментов императрицы распахнулись. Рамсей, призывая в качестве оружия гнев, смело прошел вперед. Императрица сидела в своем кресле под балдахином, закутанная в плащ, маленькая, коронованная — смертельно опасная. Рядом с ней, в другом кресле, без балдахина, — Текла.

Рамсей бросил на девушку быстрый взгляд. Он старался все эти дни после нападения на пристани не думать о ней. Она участвовала в плане, который должен был привести его к смерти и забвению.

Он полагал, что она, будучи обвиненной, сошлется на свой «долг». Что всякая жизнь, в том числе и ее собственная, принадлежит Олироуну, что этого ждут от нее. Странное чувство, которое он испытал, когда Лом признал его права, помогло ему отчасти понять ее. Она воспитана в вере, что истинный правитель — слуга своей земли, ее защитник до самой смерти. Она

признает всякую жертву достойной блага Олироуна, и никто не признает при этом ее личных чувств и желаний. Да, он понимает ее, но это не та Текла, которая сохранилась в его глупых воспоминаниях.

Он низко поклонился высохшей старой женщине на троне, менее глубоко — герцогине. Текла была бледна, лицо напряженное. Рамсей бросил взгляд на ее руки, они не лежали спокойно на коленях, пальцы плотно сжаты, она как будто с трудом сохраняла самообладание.

— Ваше царственное великолепие, — обратился он к императрице.

Она не стала тратить времени.

— Мы с тобой договорились, незнакомец.

— Вы договорились, — поправил он ее. — Но предложенное мне оказалось вовсе не таким, как было обещано.

Текла развела руки.

— О чем ты говоришь? — спросила она.

Рамсей неторопливо повернул голову, посмотрел ей прямо в глаза. Удивительно, какое искреннее выражение недоумения! Он слышал, что королевские особы никогда не бывают сами собой, что их жизнь — постоянное представление, и потому они с рождения актеры, но все же ее вопрос его удивил.

— Пусть не будет между нами тайн, хотя бы относительно прошлого, — ответил Рамсей. — Миледи герцогиня, ты тщательно подготовила маскировку твоего родственника кровника. Потом вернула меня в Лом — должен признаться, что первоначальное спасение все же кажется мне несколько странным. Неужели ты действовала обдуманно? В Ломе я, конечно, обнаружил, что не могу вернуться назад, в свой мир.

— Тогда... — он снова повернулся к императрице, — мы видим очень своевременное вмешательство преподобного. — Рамсей кивком указал на Оситеса. — Как ни странно, учитывая ваши интересы, он не позволил Мелколфу уничтожить меня. Я все думаю, зачем было предпринимать другую, гораздо более сложную попытку. Должна быть для этого причина, но не думаю, чтобы кто-нибудь из вас оказал мне любезность и объяснил ее.

— Во всяком случае вы были очень откровенны со мной — относительно опасности, какую представляет мое лицо, — Рамсей коснулся своего подбородка, — в Ломе. Верховный советник может узнать, и это навлечет на голову невинного чужестранца,

завлеченного во дворец, новые беды. Поэтому меня отправили на тщательно подготовленную встречу с человеком, который, как мне позже рассказали, является самым высокооплачиваемым и эффективным наемным убийцей в Уладе.

— К вашему несчастью, я тоже обладаю некоторым мастерством, не знакомым вашему миру, и потому спасся из этой аккуратной западни. Я выжил и потому стал неожиданным фактором...

— Ты веришь в это, на самом деле веришь? — Вопрос задала не императрица, а Текла. Она больше не сжимала руки, пальцы ее двигались по поверхности богатой ткани. Глядя на них, Рамсей на мгновение вспомнил другие пальцы, может, более тонкие, но не лучшей формы, они играли пятью картами с символами.

— Верю, — твердо ответил он.

Руки ее застыли, она непонимающе смотрела на него. Он обнаружил, что не может в ответ посмотреть на нее. Но ведь в конце концов в этом обществе она наименьший из его врагов. А самый главный — высохшая кукла на троне, если не Оситес.

Шаман издал звук, но императрица повелительно подняла руку.

— Оставь, преподобный. У нас нет времени на распутывание старой путаницы. Перед нами новая. Итак, ты отправился к Очаллу, и теперь ты император Лома — на словах... — Глаза ее яростно сверкали. — Ты считаешь себя лучшим для такого выбора?

Рамсей пожал плечами,

— Может, и нет, но я жив...

— Того, кто поддался Очаллу, нельзя считать живым, — напала она.

— Разве я ему поддался? — возразил Рамсей.

Он видел, что эти трое — стоящий у стены мрачный Бертал не в счет — внимательно смотрят на него. Рамсей украдкой оглянулся. Разве они не понимают, что, когда пытаются манипулировать событиями в будущем, мало чем отличаются от верховного советника, пытающегося управлять одним человеком?

— Если ты пока еще не его орудие, — сказала наконец императрица, — тебе этого не избежать. — Но в голосе ее звучала тревога. Взгляд ее переместился с Рамсея на Оситеса, словно задавая какой-то немой вопрос.

— Мне сказали, — осторожно заметил Рамсей, пытаясь уловить реакцию троих, — что в этой игре я выступаю как рыцарь снов.

Звук втянутого воздуха... Текла прижала руки ко рту; глаза ее испуганно распахнулись. Но заговорил Оситес.

— И кто тебе сказал это?

— Некая Эдайс, — коротко ответил Рамсей и продолжил, видя, как подействовали на них его слова: — Страх и Судьба, Страх и Королева Надежды. Означает ли это что-то для тебя, Просвещенный?

Оситес медленно кивнул. Однако когда заговорил, то обратился к императрице, а не ответил на вопрос Рамсея.

— Ваше царственное великолепие, в этом ответ. В этом...

Она прервала его.

— Я не понимаю ваших тайн, преподобный. Я знаю только, что в этот час этот... этот Каскар, который не Каскар, правит Уладом. И у его правой руки стоит темный, который всех нас приведет к падению! Что ж, мы играли с судьбой, и вот наша награда. Но пока я жива... — теперь ее яростные слова были обращены к Рамсею... — я буду защищать то, что сделал мой супруг! И обещаю тебе: я не легкий противник!

С поднятым подбородком, с яростно сверкающими глазами, как у хищной птицы, она бросала ему вызов, гораздо более достойный и целеустремленный, чем картинный бросок меча Бертала.

— Вы не знаете Очалла. — Пусть она враг, подумал Рамсей, но нельзя оставлять ее в неведении о планах верховного советника. — Он уже договорился с торговцами с севера, и вот что он при этом получил: слушайте и поверьте мне. — Он кратко описал битву на хребте, не упустив ни одной ужасной подробности, чтобы показать, что может ожидать Лом.

— В Яснаби! — воскликнула Текла. Теперь она закрыла руками лицо и задрожала, как будто своими глазами увидела сцену бойни. — В Олироуне!

— Чудовищно! — Плечи императрицы слегка обвисли. Казалось, за несколько мгновений она еще больше постарела. — И однако ты союзник этого человека! Почему ты тогда открыл нам его действия? Хочешь использовать страх как оружие, чтобы заставить нас побыстрее сдаться?

— Я рассказал только то, что видел... чувствовал... — Рамсей поднес руку к щеке, на которой обжигающее пламя оставило не рубец, а воспоминание. — Если бы моим намерением было вторгнуться в Лом, я бы дал Очалу нужные ему пять дней...

— Чего ты хочешь от нас? — воскликнула Текла.

— Чего всегда хотел — вернуться к себе.

— Но мы... Мелколф не может дать тебе это! — Текла раскраснелась, спина ее выпрямилась, она смотрела на него как на угрозу, которую не должна признавать открыто.

— Да, — согласился Рамсей. — Поэтому — перед нами проблема. Я теперь Каскар и не могу вернуться. А кто такой Каскар?

— Ты играешь словами! — Императрица открыто проявила гнев. — Девушка права — чего ты хочешь от нас?

— Еще не знаю — пока, — ответил Рамсей. — Но предупреждаю: больше я в ваши игры не играю. И в игры Очалла тоже, — добавил он, поколебавшись секунду. — Он обладает непонятной мне властью, вам лучше в это поверить. Он намерен захватить власть в Уладе — любым путем, это вы тоже знаете...

— Ты явился сюда с ним... — начала императрица.

— Я взял его с собой, потому что так легче за ним следить. Оставь я его в Видине... Вы хотели бы, чтобы на вас обрушились туман и пламя?

Впервые в разговор вмешался Оситес.

— Рыцарь слов... — медленно сказал он. — И что тебе снилось?

— Ничего — пока.

— Эдайс... — Произнеся это имя, Текла помолчала и продолжила с большей уверенностью: — Она великий чтец...

— Не успокаивайся этим! — выпалила императрица. Она бросила на шамана враждебный взгляд. — Мне кажется, преподобный, что дело Улада не нашло в тебе истинного сторонника. Похоже, мы были слепы. Нами управляли, как Очалл управлял Каскаром, и привели к этой ситуации по какому-то решению Просвещенных, которое не принесет нам ничего хорошего! Слепы! Слепы! — Она рукой прикрыла глаза. — Я стара, слепа и бесполезна! И Улад погибнет, потому что я не справилась.

— Нет! — Текла схватила другую руку императрицы. — Не думай так! — Она посмотрела на Оситеса. — Преподобный, ска-

жи, что это неправда. Вы... все вы... не можете быть такими жестокими!

— Улад не погибнет. — Шаман произнес эти три слова медленно, словно не утверждение, а обещание.

— Еще одно предсказание? — Бертал отошел от стены, губы его кривились в усмешке. — Прекрасно. Пусть этот... этот чужестранец ответит мне лезвием на лезвие, и тогда у нас будет уверенность! — Ненависть его была горяча, как и хвастовство.

— Предсказание... — Оситес говорил размеренно... — указывает только на вероятный исход, который может быть изменен выбором тех, кто с ним связан. Вы все это знаете. — Он помолчал, словно выбирал путь через какой-то мысленный лабиринт. — Но есть общий план — и он заходит далеко. Улад — необходимая часть этого чертежа, первое устойчивое правительство появилось в этой стране после Великой Катастрофы. Этот Улад служит фундаментом, на котором здание будет построено заново. Нет, Улад — благодаря нашим действиям и вопреки нашим действиям — не погибнет. Но наши индивидуальные судьбы это не решает...

Императрица смотрела на него, одну ее руку держала Текла, другая вяло лежала на коленях, как будто недавняя вспышка истощила запас ее сил и воли, казавшийся неисчерпаемым.

— Если Улад будет в безопасности, — негромко сказала она, — моя собственная судьба мне безразлична.

— А мне нет! — Бертал сделал шаг в направлении Рамсея. — Здесь будет править подлинная кровь! Улад — это Дом Джостерна! Мы создали эту землю в прошлом, мы ее и удержим! А ты... — он плюнул в сторону Рамсея, — ты не наш. Будешь жить как император — вскоре умрешь...

Рамсей неожиданно рассмеялся.

— Второй раз, принц?

Бертал кивнул, словно признавая правду.

— Да.

— Довольно! — Голос императрицы прозвучал по-старому властно. — Не будем поддевать друг друга. Нам нужно прийти к какому-то согласию. Ты провозгласил себя императором, — сказала она Рамсею. — Ты продолжаешь утверждать это?

— Ты признаешь меня? — удивленно спросил Рамсей.

— Я признаю все... абсолютно все... что способно сохранить

эту землю. Ты говоришь, что Очалл не твой хозяин. Если это окажется правдой, тогда...

— Нет! — перебил ее Бертал. — Он не наследник, он ничто, человек, который должен быть мертв! Позволить ему жениться на Текле, сесть на трон? Ты стара! Ты выжила из ума!

Текла вскочила и встала между императрицей и Берталом, который снова как будто потерял самообладание, как на Месте Флагов.

— Молчи! — Как и у императрицы, голос ее звучал властно. — Главой Дома Джостерна остается ее царственное великолепие...

— Мне не нужна твоя защита, моя дорогая, — сказала императрица. — И я не выжила из ума. Прежде всего Улад. Мы не допустим, чтобы из-за спора за наследие страна снова погрузилась в войну, чтобы сын воевал с отцом, брат с братом. Если Каскар докажет, что он не игрушка Очалла...

Теперь ее прервал Рамсей.

— Ваше царственное великолепие, — он воспользовался ее титулом, — я не игрушка — ни мужчины, ни женщины. И мои решения приняты мной без принуждения. Но, так как я участвую в вашей игре невольно и пока не очень многое знаю, я воздерживаюсь от принятия решения.

Он поклонился ей и Текле, не обращая внимания на шамана и Бертала, который преградил было ему выход, но, посмотрев в глаза Рамсею, передумал. И вот, оставив их размышлять над его декларацией независимости, Рамсей вышел из помещения.

Он не знал, где во дворце могут находиться покои Каскара. Но от унижительных поисков его спасли ждавшие снаружи Джасмун и двое видинских стражников. Рамсей подумал, что они решили охранять своего признанного предводителя. Под их охраной он прошел в богато меблированную комнату, похожую на ту, в которой произнес, запинаясь, первые слова в этой жизни.

Он вежливо отпустил своих верных людей, желая остаться в одиночестве. Где сейчас Очалл и что делает верховный советник? Если бы только у него, Рамсея, был человек, которому он мог бы доверять! Императрица почти пообещала поддержать Каскара... можно ли полагаться на это обещание? Вряд ли. Он должен извлечь урок из предыдущего предательства. И быть императором... Он никогда не собирался им стать.

На столе Рамсей обнаружил поднос. На нем запечатанная хрустальная бутылка с тонким горлышком, такой же кубок и тарелка с печеньем. Рамсей опустил на груду подушек, которые здесь служат стульями, и с аппетитом принялся есть, неожиданно поняв, что не ел уже очень давно. Конечно, он предпочел бы более питательную пищу, но ему хотелось подумать, и потому он не стал звать слуг.

Проглотив печенье, он с большей осторожностью прилебывал напиток. Затуманивать сознание сейчас совсем ни к чему. За окнами потемнело. В углу на столике горела одна лампа. Свет ее был ограничен, и Рамсей сидел в сгушавшейся тени.

Над глазами заболело. Он устал, так устал... пытаться разобраться в многочисленных впечатлениях дня — невыносимая задача. С чего началось все это невероятное приключение? Почему?

Сны...

Никакой сон не может быть таким невероятным.

Рамсею ужасно захотелось проснуться, понять, что все это длительное приключение рождено его воображением. Сон... Просвещенные велели ему видеть сны.

Предположим, он сейчас уснет и проснется в реальном мире. Несмотря на все доказательства, которые ему представили... может, это такая же ложь, как и другие их слова и дела.

Нет! Он не может позволить обезоружить себя. Рамсей распрямился, быстро осмотрел комнату. Ему оказалось достаточно легкого намека, чтобы насторожиться. Очалл... Возможно, верховный советник пробует на нем какое-то свое средство, чтобы заставить мыслить, как ему нужно. Нужно иметь дело с реальностью, не позволять увлечь себя в мир снов.

Во дворце Лома ему некому доверять. Во всем этом мире у него есть только...

В сознании Рамсея появилось лицо — Дедан! У наемника нет теперь вольного общества. Если он выжил после ужасных ран, у него нет занятия. Дедан...

Мысль о вольном капитане подействовала возбуждающе. Рамсей кивнул, хотя никто не мог видеть этот жест одобрения. Надо послать за Деданом, связаться с ним через Просвещенных... теперь Рамсей остро ощущал потребность в товарище. Дедан к тому же свидетель Рамсея против Очалла. Следовательно, посылать за ним нужно втайне. А кто лучше Оситеса сохранит тайну?

Он должен...

Снова Рамсей напрягся. Он не слышал, как открылась за ним дверь. Но охотничий инстинкт, обостренный обстоятельствами, подсказал ему, что он больше не один. Он повернулся, чтобы из тени увидеть, кто пришел к нему молча и, вероятно, по важным причинам, тайно.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Она приближалась, закутанная в плащ и вуаль. Но он узнал ее. Именно так она была одета, когда склонилась у гроба мертвого принца, воскресшего человека.

Рамсей встал.

— Что тебе нужно? — Голос его прозвучал резче, чем он рассчитывал. В прошлом она выглядела по-разному: вначале забота о нем, причины которой он так и не понял, потом ложная забота, когда она убеждала его надеть маску кровника.

Текла остановилась у лампы и подняла свою длинную вуаль.

— Почему ты так сказал — что мы послали тебя на смерть? — просто спросила она.

Он удивился, зачем она пытается сохранить маску невинности или неведения.

— Потому что это правда.

Текла подошла ближе, она пристально смотрела на него.

— Я вижу, что ты в это веришь, — сказала она. — Но почему? Императрица, Оситес, они так не делают...

— Делали, — напомнил он ей. — Вспомни о Каскаре... и обо мне. Разве мы не должны были умереть под действием машины Мелколфа? Какую цену имеет моя жизнь по сравнению с их проблемами? Тем более сейчас, когда само мое присутствие в Ломе срывает их планы?

Теплая коричневая кожа Теклы вспыхнула.

— Они... тогда они тебя не знали. Ты был абстракцией... чем-то далеким... нереальным...

— А когда из-за какого-то недосмотра стал реален, то представляю тем большую угрозу, — возразил Рамсей. — Разве не так? Я кое-что узнал, миледи герцогиня: ваша сила в долге, и ему вы готовы все принести в жертву. Разве это не правда?

— Это правда, — без выражения ответила она.

— Поэтому, как требует долг, ты придумала правдоподобную историю, и остальные одобрили ее. Неведомый кровник, приконченный в гавани известным наемным убийцей. Такое происшествие не вызовет официального расследования — и я буду устранен.

— Нет! — Протест ее был быстрым и горячим. — Не было так! Я... я унижаюсь, когда прихожу сюда и прошу меня выслушать... — Она вздернула подбородок. И завернулась не в вуаль, а в прирожденную властность. — Только потому... — Она помолчала и продолжила, выпрямившись, со сверкающими глазами: — Только потому, что не хочу пятна на чести Олироуна. Я ведь из Олироуна, если ты можешь это понять. Поэтому я здесь. Нападение на пристани не мы планировали...

— Кто же тогда? — быстро спросил Рамсей, когда она снова смолкла.

Ей, казалось, не хотелось отвечать. Он видел, как она сжала руки, смяла край вуали.

— Не знаю точно и не хочу никого обвинять напрасно... — медленно сказала Текла. — Но клянусь чем хочешь, императрица, Оситес и я — мы не посылали тебя на смерть. Не знаю, через что ты прошел потом. И вот еще ты можешь сам проверить: стражник, который должен был отвести тебя на корабль, во дворец не вернулся. Глаза и уши ее великолепия были очень заняты его поисками, но даже они не смогли найти его.

— Ты и в этом винишь Очалла? — Сейчас Рамсей был почти убежден, что Текла не участвовала в направленной против него интриге. Может, он просто хотел в это верить.

Кто ему эта девушка? Он не мог бы честно ответить. Она, с бременем правления целым государством, не похожа на знакомых ему женщин. И все же, несмотря на это ее бремя, несмотря на их различия, Рамсей понял, что с того самого часа, как она спрятала его в своей спальне и помогла бежать, его тянет к ней.

— Очалл? — Текла произнесла имя верховного советника удивленно. — Нет, он не захотел бы смерти Каскара.

— Он знает, что Каскар мертв, — сообщил ей Рамсей. — Хоть и принял меня в качестве Каскара. — Теперь он так же в этом убежден, как если бы подтвердил сам верховный советник.

Текла кивнула.

— Он, несомненно, хочет сделать тебя своим Каскаром. Теперь твоя жизнь для него ценнее любого сокровища...

— Итак, перед нами загадка, — настаивал Рамсей. — Если не императрица организовала нападение, если Очалл не хочет моей смерти, кто же остается?

Она молчала, губы ее были упрямо сжаты. Рамсей подумал, что больше она ему ничего не скажет. Но он должен узнать — почему-то он уверен, что она искренна, — кого заподозрила Текла.

Кто выигрывает от смерти второго Каскара — и кто вообще знал о существовании второго Каскара? Текла, Гришильда, императрица, Оситес — и Мелколф!

Ученый готов был убить его на месте, обнаружив в лаборатории. Но с коварным нападением в гавани Рамсей почему-то не мог ассоциировать Мелколфа. Ученый мог служить связью — с кем?

Остается только один человек — Бертал! Но видя его безрассудное поведение, когда принц бросил ему вызов, Рамсей считал его не способным на такой сложный заговор. Гораздо более вероятно открытое нападение под предлогом какого-нибудь дворянского обычая — как сегодня, когда схватку перед всем Ломом предотвратил Оситес.

Последняя мысль заставила Рамсея задуматься. Просвещенные? Однако у него сильное впечатление, что хоть они могут отстраниться и допустить, чтобы смерть нанесла удар человеку, если считают это необходимым, все же сами организовывать убийство не будут.

Внимательно наблюдая за Теклой, Рамсей сделал выбор и произнес вслух два имени, надеясь, что девушка каким-нибудь образом покажет, правильна ли его догадка.

— Бертал — и Мелколф?

Увидев, как она побледнела, он понял, что получил ответ.

— Бертал хочет власти над Уладом, — продолжал он. — Мелколф — вероятно, он недоволен неудачей эксперимента и хочет уничтожить его результаты...

— Я этого не говорила! — Ответ ее слишком быстр. — Только... будь осторожен, Каскар... — Впервые она воспользовалась этим именем. — Я знаю вот что: императрица приказала уничтожить обменник. Мелколф исчез, и никто не может его найти. С собой он прихватил приборы, действия которых не понимает даже Оситес. Он знал... знает гораздо больше из Древних Знаний, чем мы полагали.

Только этого не хватало, мрачно подумал Рамсей. Негодующий Мелколф, скрывшийся с несказанным, невиданным и страшным знанием, которое может быть гораздо ужаснее того, что предлагают на рынке торговцы с севера. Мысль его устремилась дальше, и Рамсей почувствовал, как холодок пробежал по спине. У Мелколфа теперь только один покупатель — Очалл! В своем нынешнем настроении к этой темной компании может быть добавлен и Бертал. Он готов заключить мир с врагом Улада.

Рамсей не просто догадывался. У него появилось странное ощущение, что именно так все и произошло. Он верил в это, хотя и не мог бы объяснить почему.

Если императрица, как и пообещала, поддержит Каскара-Рамсея, чтобы не вызвать раскола, — да, Бертал, под влиянием ненависти и сознания несправедливости по отношению к нему, вполне может заключить союз с Очаллом. Если бы у самого Рамсея было, на кого опереться...

Рамсей понял, что ходит взад и вперед по комнате. Текла смотрела на него. И, когда их взгляды встретились, она заговорила:

— Ты получил предсказание Эдайс. Больше Просвещенные тебе ничего не сказали?

Дедан... сны... Он покачал головой. Почему он начинает верить в невозможное? Может, потому, что здесь вообще отказывает логика его мира.

— Тебе ничего не говорили? — Текла, должно быть, приняла покачивание головы за ответ.

— Кое-что сказали, — ответил он с отсутствующим видом. Потом повернулся и пристально взглянул на нее. Поможет ли ему Текла? Уснуть здесь, без охраны? Он чувствовал опасность, словно зловоние.

— Я должен уснуть... — сказал он ей... — и увидеть сон...

Он видел, как она крепко сжала вуаль.

— Тебя не должны тревожить, — твердо сказала она, словно сразу поняла, что он предлагает. — Спи... я подожду.

Она подошла к двери и своей рукой закрыла ее на засов. Рамсей в последний раз подумал, может ли доверять ей. Должен — в конце концов цели их очень близки.

Он лег на диван и закрыл глаза. Сон — на этот раз он не будет вспоминать старые сны, чтобы оживить их впечатления, при-

помнить нужные факты. Теперь он сам пытается вызвать сон, рожденный его собственными потребностями и желаниями. Но как это сделать, он не знает.

Дедан — он мысленно увидел вольного капитана. Не таким, как в последний раз, на носилках, но как наемника во время их первой встречи, уверенного, полного жизни и стремлений. Дедан — он сосредоточился на этом создании своего разума — Дедан!

Рамсей сконцентрировался на сотворении Дедана. Видит ли он сон — или просто напрягает воображение? Он не смеет мешать себе собственными мыслями... Дедан! Прилагая почти физические усилия, он стремился удержать в сознании этот образ, дотянуться до того, кого он символизирует. Дедан!..

Рамсей... оказался... повсюду! Не в каком-то отдельном помещении, как в Роше Просвещенных. Нет, это состояние не похоже ни на что ему знакомое. Появилось сильное острое ощущение, словно он прорвался сквозь какую-то преграду...

А за преградой... пустота...

И вдруг из этой пустоты, как растение из земли, появился — Дедан! Вначале он был таким, каким представлял его себе Рамсей. Но не отвечал. Глаза его закрыты, он как кукла... статуя...

Дедан — мертв?

Сосредоточенность Рамсея нарушилась. Фигура начала расплываться. Нет — Дедан!

Настойчивая мысль как крик, призывающий того, кого он ищет. На лице, лишенном всяких чувств, медленно поднялись веки. Это не земное лицо. Глаза живые, а лицо нет.

Дедан, ко мне! Ко мне, в Лом!

Рамсей лихорадочно устремлял мысль, боясь в любое мгновение утратить контакт, если он установлен. Он увидел, как раздвинулись бледные губы вольного капитана, произнесли слова, которые он не может услышать. Он пытался уловить ответ. Но видел только движения губ. А потом...

Пустота неожиданно изменилась. Из нее возникла чуждая преграда, облако — Рамсей не знал, что это такое, но видел, как в нем что-то движется, прислушивается, это что-то поражено его вторжением. И он отпрянул от этого. Воля его дрогнула; он должен уйти, не видеть, что выходит из этой пустоты.

Желание бежать стало таким же настоящим, как стремление достичь Дедана. Рамсей тяжело дышал, он вырывался, высвободился. И проснулся.

По-прежнему только одна лампа разгоняет мрак. Но если в первый раз он проснулся и ощутил подавляющий запах цветов, то сейчас он чувствует другой аромат, более тонкий и ускользающий. Но вот он почувствовал, что его руки кто-то сжимает, как будто тянет к безопасности, эти сжимающие руки — его якорь.

Руки принадлежат Текле. Она сидит на подушке и внимательно смотрит на него. И когда поняла, что он ее узнал, в глазах ее появилось облегчение.

— Ты видел сон. — Это не вопрос, а утверждение.

Рамсей ответил хрипло, рот его пересох от страха, испытанного в последние мгновения в пустоте:

— Я... не знаю. На этот раз по-другому. — Но должно быть доказательство. Если Дедан придет, Рамсей будет знать, что и у него есть некоторый контроль над этой странной способностью — над этими «снами».

— Кто такой Дедан? — спросила Текла.

Рамсей приподнялся на локте и пристально посмотрел на нее.

— Откуда ты знаешь?..

— Ты называл это имя, — быстро ответила она, не дав ему закончить вопрос.

Он звал вслух! Но во сне... это видение... он посылал только мысль. Реальное... нереальное... Он снова покачал головой, пытаясь отбросить окутывающее его оцепенение.

— Он... он был вольным капитаном, командиром наемников. У него есть все основания ненавидеть Очалла, когда он узнает правду. Если я смог позвать его...

Он слишком много говорит. Зачем давать знать Текле и остальным в Ломе, что ему нужна поддержка, нужен человек, которому он мог бы безоговорочно верить?

— Любой враг Очалла сейчас полезен, — ответила Текла. Она встала с подушек, как будто снова завернулась в плащ гордости и достоинства. — Надеюсь, он откликнется на твой призыв...

Каким-то образом она сразу отделилась от него. Снова спрятала голову и плечи под вуалью. Между ними опять возникла преграда. Рамсей не высказал свои сомнения вслух. Но, наверно, она каким-то образом догадалась: наемнику, вольному капитану Рамсей доверяет больше, чем всем остальным в Ломе.

И прежде чем Рамсей смог разобраться в путанице своих мыслей, поблагодарить, Текла подняла затвор на двери и исчезла. Он приподнялся на диване. Испытывая почти такую же слабость, как в тот раз, когда Просвещенные завлекли их в Ро-щу, встал на ноги. Шатаясь, прошел по комнате, чтобы снова закрыться. Текла пришла к нему без предупреждения. Кто еще может бродить по коридорам дворца в поисках личной встречи с Каскаром?

Голова болела, Рамсея тошнило. Он ошупью вернулся к дивану, опасаясь упасть. Мелколф... Бертал... Очалл... Эти имена преследовали его и в тревожном сне.

Проснулся он с ощущением потери ориентировки. Слышались какие-то удары... голоса... Он двигался неуверенно, тело затекло, болело. Шум продолжался. Рамсей повернул голову. В окна виден дневной свет, но неяркий: окна затянуты занавесями. Дверь, закрытая на засов. Шум доносится из-за нее.

Слов он не различал, но чувствовал, что те, за дверью, здесь по какому-то срочному поводу. Встав рывком, Рамсей с облегчением обнаружил, что тошнота, о которой он смутно помнил, исчезла. Он смог уверенно подойти к двери и открыть ее.

На мгновение ему показалось, что на него нападают, потому что снаружи трое стояли спиной к двери. Джасум в видийском мундире в центре этого трио, а против него — двое, одетые по-другому. Увидев Рамсея, эти двое отступили, отдали воинское приветствие. Значит, это не дворцовый переворот.

— В чем дело? — Джасум быстро повернулся, отсалютовал.

— Ваше верховное могущество, эти люди говорят, что у них очень важные новости. Они должны поговорить с вами. Но нельзя, чтобы к императору вторгались люди не из Улада, без предупреждения, без сообщения, по какому они делу. Даже если они из Олироуна.

— Из Олироуна? Пропусти их — одних! — добавил Рамсей, видя, что Джасум собирается играть не только роль привратника, но и телохранителя.

— Как приказывает император, так и будет! — ответил офицер, но отступил он неохотно. И нарочито медленно закрыл дверь за вошедшими посыльными из Олироуна. Может, Джасум человек Очалла? И снова мысль, что он не может никому доверять, встревожила Рамсея.

Как только дверь закрылась, он повернулся к вытянувшимся солдатам Олироуна.

— Каково ваше сообщение?

— Ваше верховное могущество, наша госпожа! Ее не могут найти... и еще...

Рамсей напрягся.

— Не могут найти? А что говорят ее женщины... леди Гришильда?

— Ваше верховное могущество, леди Гришильда спит, и никто не может разбудить ее. Призвали преподобного Оситеса и...

— Пошли! — Рамсей не стал тратить времени. Один из стражников подскочил к двери и открыл ее, едва не уронив Джасума, так близко стоял тот к двери.

— Иди за мной, — сказал Рамсей и пошел вслед за олироунцами. Если это продолжение дворцовой интриги, он разберется немедленно! Больше не будет принимать тайну за тайной. Но у него все усиливалось предчувствие, что это не дело рук Теклы. Не в ее привычках поднимать весь дворец, заставляя проводить обыск.

— Когда это обнаружили?

— Госпожа должна была быть на аудиенции у ее царственного великолепия. Она не пришла на него и не прислала никакого сообщения... Ее царственное великолепие спросила о ней. Дверь комнаты госпожи была прочно закрыта. Никто не отвечал на наши призывы. Тогда Фентвер... — говорящий указал на второго стражника... — спустился с балкона верхнего этажа. Он увидел леди Гришильду на полу, она крепко спала. Постель госпожи была пуста. Никаких следов того, что случилось с ней, но и никакого другого выхода из комнаты нет, кроме двери, которую мы охраняли, и балкона. Мы не верим, что госпожа могла уйти через балкон...

Нет выхода, думал Рамсей, переходя почти на бег. Но Текла приходила к нему, а ему показалось, что никто, кроме, может быть, Гришильды, не знает о ее посещении. Мысль о том, что Текла могла как-то опохмелить или иным способом лишить сознания свою старшую служанку, Рамсей сразу отбросил. Слишком она ей доверяет.

Это означает, что Текла не вернулась к себе после ухода от него... И почему-то он был уверен, что Гришильда ничего не сможет рассказать. По крайней мере не сейчас.

Он снова вспомнил свое первое пробуждение. Текла тогда каким-то образом загипнотизировала стоящих у гроба стражников. Говорят, у нее есть природный дар, каким обладают Просвещенные. Но Гришильда... может, она исполняет приказ своей молодой госпожи?

Нет, хоть он недавно познакомился с ними, знает: отношения у госпожи и служанки другие. Оситес? Он тоже обладает «силой», которую так трудно определить, большинство его побаиваются. Но для чего ему это?

Очалл? Порабощение Каскара приписывается какому-то его сверхъестественному воздействию. Очаллу нужен Олироун, нужны его руды... Где сейчас Очалл?

Они прошли одним коридором, другим, свернули в третий. Посредине третьего коридора дверь, которую он узнал. Текле снова отвели те же помещения, в которых она в первый раз скрывала его. Тут были еще стражники, некоторые в мундирах Олироуна, другие — с орлом дворца. Они расступились, увидев Рамсея. И он через наружную комнату прошел в спальню Теклы.

На диване у стены лежала Гришильда, около нее стоял шаман. Когда Рамсей вошел, Оситес поднял голову.

— Ну?

Шаман покачал головой.

— Не понимаю, верховное могущество. Леди Гришильда в Глубоком Сне. Считается, что его могут достигнуть только посвященные. Ее нельзя разбудить. Она сама проснется в назначенный час. А каков этот час, мы не знаем...

Его озабоченность казалась искренней. Но Просвещенные — мастера обмана. Однако Рамсей не видел, что выигрывает обманом Оситес.

Обладает ли шаман умением читать мысли? Потому что Оситес пристально взглянул на Рамсея и уверенно сказал:

— Верховное могущество, это не дело товарищества Роци. Скорее хитрость, направленная на то, чтобы поверили в нашу вину... чтобы ослабить доверие между теми, кто должен быть союзниками...

Логично, соответствует здравому смыслу. Но у Рамсея оставались сомнения. Известна репутация Просвещенных: они выступают против любого своего союзника, если он мешает их

планам. Поэтому к любой клятве Оситеса все равно нужно относиться подозрительно.

Рамсею казалось, что сейчас возможно только одно. Он повернулся к сопровождающим, стражникам Олироуна и дворца.

— Я хочу, — мрачно сказал он, — чтобы дворец обыскали. Обыскали так тщательно, чтобы ни одна муха на стене не осталась незамеченной. Допросить всех до единого. И всякого, кто видел или слышал что-нибудь необычное, привести немедленно ко мне, сюда, в помещения герцогини. Начинайте немедленно!

Есть определенные преимущества в положении Каскара, и он ими воспользуется. Стражники, отдав честь, разошлись. Когда они ушли, Рамсей снова обратился к Оситесу.

— Очалл, Мелколф, Бертал? — Имена, которые преследовали его во сне, с готовностью всплыли на поверхность. Но людей нельзя арестовывать на основании только подозрений. А Теклу не найти простым перечислением врагов.

Он смело назвал двоих принадлежащих к партии самого Оситеса. Однако шаман не удивился.

— Нам нужно что-то большее, чем просто подозрения... — Теперь, когда они остались одни, отметила какая-то часть сознания Рамсея, Оситес обходился без пышного титула.

— Мне сказали, что Мелколф не только исчез, но и прихватил с собой неведомые другим знания. Бертал хочет править. А Очаллу нужен не только Улад, но и Олироун. Если они договорятся с Теклой... или заставят ее выйти замуж за Бертала...

— Это невозможно — я имею в виду брак, — пока в Уладе другой император, — ответил Оситес. — Такой союз недействителен: она должна быть женой императора. Но они могут надеяться договориться, да. И правда, что мы не знаем всего, что известно Мелколфу и чем он может воспользоваться. Торговцы с севера имеют дело с древним оружием. Но Мелколф искал и другие забытые знания. Считалось, что за Мелколфом хорошо присматривают в его поисках, но... — Оситес покачал головой. — Все могут ошибаться. А в данном случае ошибка превратилась в опасность. Мелколфа сейчас усиленно ищут, но мы знаем: то, что он узнал, опасно для государства Улад, а может, и для всего мира. Его ищут усердно...

— Может не хватить времени, — прервал Рамсей. — Очаллу нужны были пять дней — теперь осталось четыре. Сколько дней

понадобится Мелколфу, чтобы произвести что-нибудь похуже огнеметов и ослепляющего тумана?

Он с силой ударил кулаком по раме двери. Текла. Он отпустил ее в ночь. Она ушла, считая — он позволил ей так считать, — что он ей не верит. И теперь она исчезла, и никто не может ее найти. Дворец может походить на растревоженный муравейник, но он сомневался, что удастся что-нибудь обнаружить.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

— ... достойный принц прислал к нам собственного телохранителя, ваше верховное могущество. У телохранителя был перстень принца Бертала. Он сказал, что дело чрезвычайной важности, приказал нам подготовить к полету флайер, полностью заправить его. Мы не могли подумать, что здесь что-то неправильно.

Человек, вытянувшийся перед Рамсеем, явно нервничал. Он один из служащих на посадочной площадке, где стоят личные флайеры династии и высших чиновников дворца.

— А когда появился принц? — У Рамсея сильно болела голова. Боль отзывалась в глазах. Он отхлебнул из стакана, который поставил перед ним Оситес. Рамсей почти не сознавал, что делает: он напряженно пытался соединить сведения, которые поступали со всего дворца.

— Мы не знаем, ваше верховное могущество. Принц приказывал, чтобы флайер подготовили к немедленному полету и все от него отошли.

— А пилот?

— Принц часто сам водит флайер, ваше верховное могущество.

— И никто не видел, кто садился в машину? Мне трудно в это поверить. — Рамсей старался говорить спокойно, держать нетерпение под контролем. — Дежурные стражники должны присутствовать?

Человек с трудом глотнул.

— Всегда присутствуют, ваше верховное могущество. Но... но принца Бертала такое наблюдение часто приводило в гнев. И он специально приказал в своем сообщении, чтобы стражников не

было. Он сказал что-то такое... что не дает возможности глазам и ушам вмешиваться... — Человек теперь едва не заикался. — Поверьте мне, ваше верховное могущество, я повторяю только слова принца Бертала, сказанные несколько месяцев назад.

— Итак, флайер улетел, и вы не знаете, куда и кто в нем был, — подвел итог Рамсей.

— Верховное могущество, мы подчинялись приказу. Мы должны поступать как приказывают, — ответил человек.

Рамсей вздохнул. Он прав, конечно. Но что-то здесь есть... какое-то чувство... может, слишком прямой ответ. Поэтому так трудно его принять? Перстень Бертала и его приказ, им следовало подчиниться. Взлет видели, но кто улетел в ночь, неизвестно.

— Можешь идти, — сказал он служащему с площадки. Но, прежде чем он с облегчением исчез, Рамсей обратился к тому, кто пришел с ним:

— Можно ли проследить курс флайера?

— Нет, верховное могущество. Указатель курса не был включен. Так бывает. Летящие по личным делам часто нарушают правила.

— Особенно если они важные лица, верно? — Рамсей позволил гневу окрасить свои слова.

Тот промолчал, и это уже был достаточный ответ. Рамсей потер лоб. Комната ярко освещена солнцем. Он не может определить, который час, но кажется, со времени исчезновения Теклы прошло несколько дней.

В спальне под присмотром доверенной служанки самой императрицы по-прежнему спала Гришильда. Служанка сразу доложит, как только увидит первые признаки пробуждения. А что касается остального — что еще у них есть?

Горстка сведений, которые никак не удастся совместить. Улетел флайер... Нигде во дворце не могут отыскать Очалла... Стражник из второй башни доложил, что окликнул кого-то и с этого времени ничего не может вспомнить. Офицер нашел его на посту, стражник был в состоянии, сходном со сном.

Очалл... Бертал... Мелколф... — никого из них найти не удалось. Рамсей медленно поднял стакан, неожиданно понял, что делает, и допил до дна его содержимое. Напиток горький, и это его слегка взбудило. Может, шаман пытается опоить его?

— Что это? — Он посмотрел на Оситеса, который в свою очередь пристально смотрел на него.

— Всего лишь стимулятор, верховное могущество. И принесли еду. Ты не должен доводить себя до предела, когда мозг уже не сможет управлять телом. Если тело откажет, что ты сможешь сделать?

Рамсей откинулся в кресле. Больше свидетелей, ждущих допроса, не оставалось. Он сражался с усталостью, которая болью застряла в голове. Это результат раздражения от напрасных усилий.

Возможно, начинало действовать средство Оситеса. Боль в глазах явно ослабела. Неожиданно Рамсей понял, что голоден. Откинувшись головой на спинку кресла, он спросил:

— Что скажешь об этой путанице, Просвещенный?

— А ты что скажешь? — ответил вопросом Оситес.

Рамсей нахмурился. Он пытался соединить обрывки, отвергнуть самые нелепые предположения. Но у него теперь только подозрение, хоть и сильное, такое, которое не отбросишь.

— Кажется, — медленно заговорил он, — они сбежали, они могут быть даже за пределами Улада. Откуда начнем теперь поиски?

Рамсей замолчал, но Оситес ничего не сказал в ответ. Означает ли его молчание согласие с этими фактами или у него тоже возникло предчувствие, что слишком уж легкий вывод, слишком прямой? Не в природе Очалла так прямо идти к своей цели. Рамсей не может быть уверенным в собственных выводах, возможно, это просто догадки, основанные на вере в собственную интуицию. Но он не смеет думать, что его утверждение верно, что нет надежды на преследование.

Что смогли они узнать об Очалле за эти часы терпеливых и нетерпеливых допросов? Никаких свидетелей контактов верховного советника с принцем Берталом. Конечно, это совсем не означает, что таких контактов не было.

Верховный советник ушел в отведенное для него помещение, в нем он всегда останавливается в Ломе. Даже своего личного слугу он отпустил. Того допрашивали особенно тщательно. Отпустил, сказав, что должен изучить документы, которые вскоре затребует новый император. Стражник поклялся, что Очалл не выходил из комнаты.

Эта клятва тоже ничего не означает. Рамсей помнил собственный опыт встречи со стражниками, находившимися под

контролем. Когда Очалла пришли звать на совещание по поводу исчезновения герцогини, его комната оказалась пустой.

Мелколф, последний представитель этого трио, по-своему так же опасен, как Очалл. Он исчез первым, несколько дней назад. И существуют очень сильные доказательства его связи с Берталом.

Рамсея вывело из задумчивости появление подноса с едой. Он ел быстро и скоро очистил все тарелки. Либо пища, либо стимулятор Оситеса придали ему новых сил. А вместе с тем снова появилась внутренняя уверенность в себе.

— Что взял с собой Мелколф? Инструменты, приборы, записи? — спросил он, отодвигая последнее блюдо.

— Все машины остались, — ответил Оситес. — Исчез селектор обменника. И мы обнаружили, что исчезли записи об экспериментах. Их нет даже в двух тайниках.

— А сам обменник?

— Ее царственное великолепие приказала уничтожить его. Я сам проследил за этим.

— Можно ли его восстановить? — настаивал Рамсей.

— Такая задача потребует значительных ресурсов... и времени...

— Но это можно сделать?

— Со знаниями Мелколфа — да. — Подтверждение прозвучало неохотно.

— Может ли Мелколф управлять им, как раньше?

— Нет! Один не сможет. — Ответ Оситеса прозвучал немедленно и уверенно. — Машина производит сам обмен, но с ее помощью нельзя найти соответствующую личность.

— Да, это должен сделать ты своими силами, — сказал Рамсей. — Так что если даже Мелколф восстановит свой обменник, он не сможет привести его в действие без тех способностей, которые применяет ваше товарищество. А оно поможет ему?

— Нет! — Оситес слегка наклонился вперед.

— Ты очень уверен...

— Так провозглашено. Мы не хотим больше, чтобы неопределенность изменяла будущее.

— Хоть одного я добился своим существованием, — заметил Рамсей. — Тогда зачем Мелколф взял с собой самую главную часть обменника? — Он встал. — Я думаю, что стоит осмотреть его лабораторию.

Интуиция призывала его к действию, как острый нюх собаки указывает на слабый, но отличимый след. Он не мог отбросить мысль о том, что отлет флайера — всего лишь завеса, хитрость, уловка. Она должна убедить, что то, что они ищут, вне пределов их досягаемости.

— Верховное могущество...

Рамсей какое-то время не мог понять, к кому адресован этот титул. Погруженный в размышления, он взглянул на стоящего у дверей стражника.

— Да?..

— Пришел человек. Он говорит, что его вызывали. Его доставили на флайере Просвещенных...

Так много произошло с последней ночи, что Рамсей несколько секунд не мог сообразить. Дедан... Неужели?..

— Впустите его!

Стражник пропустил человека в простом костюме наемника. Человек этот был бледен и отчасти утратил властную уверенность в себе. Лицо его словно постарело на несколько лет и претерпело еще одно изменение; однако этот человек с мрачным лицом действительно вольный капитан.

Рамсей быстро подошел к нему.

— Ты пришел!

До этого момента он не верил, что встреча в пустоте принесет какой-то результат.

Дедан ответил привычным пожатием плеч, но в этом не чувствовалось прежнего тепла.

— Пришел, верховное могущество. Почему...

Теперь между ними преграда. Глаза Дедана не закрыты, как во сне Рамсея, но лицо замкнуто и мозг, наверно, тоже. Он так же напряжен, как впусивший его стражник.

— Оставь нас! — приказал Рамсей стражнику. Только когда дверь закрылась, он заговорил снова, хотя его утравила резкая перемена в человеке, который единственный может быть его другом.

— Дедан, я сейчас говорю как Арлут. Ты хочешь отомстить человеку, который наслал на нас пламя? — Пробьет ли это обещание преграду между ним и вольным капитаном?

На мгновение лицо Дедана оживилось.

— Ты его знаешь? — Вопрос прозвучал хрипло; Дедан ожил, словно только жажда мести могла прорваться сквозь наложенное на него облако ужаса.

— Знаю, кто и почему. Слушай... — Рамсей быстро пересказал, что узнал от Очалла — как общество использовали в жестоком ужасном эксперименте по проверке нового оружия с севера.

Лицо Дедана снова застыло, только глаза на этом осунувшемся измученном лице горели. Когда Рамсей кончил, он коротко сказал:

— В этом деле можешь приказывать мне: я исполню!

— Тогда сделай вот что, — ответил Рамсей. — Мы ищем тайник, в котором могут находиться странные предметы. Мы надеемся, что он послужит началом следа, который приведет нас к Очалу...

Оситес уже направился к двери.

— Ты что-то задумал, — сказал он Рамсею. — Ты не думаешь, что нам нужно искать флайер.

— Это только предчувствие. — Рамсей не мог объяснить, но предчувствие стало таким сильным, словно он нашел доказательство.

— Предчувствие может оказаться ценнее любого факта, — ответил шаман. — Ты рыцарь снов, ты должен верить в свои предчувствия и сны.

Рамсей снова оказался в тайной лаборатории, которую в прошлый раз не сумел как следует разглядеть. Остальные толпились за ним. В лаборатории царил хаос. Очевидно, приказ императрицы выполнили тщательно и с готовностью. Машины, стоящие рядами, были разбиты, как будто их колотили с силой и яростью кузнечным молотом.

Пол усеян обломками оборудования, осколками стекла, изогнутым металлом, так что приходилось пробираться осторожно. Тем не менее осколки все равно хрустели под подошвами. Тот, кто тут действовал, постарался, чтобы ничего не сохранилось.

Оситес шел впереди, подобрав полы одежды рукой, словно не хотел соприкосновения с обломками. Он прошел мимо разбитого сплюснутого обменника, из которого торчали сплавленные и оборванные провода, к дальней стене комнаты, у которой стояло несколько небольших шкафчиков.

Дверцы всех шкафчиков были раскрыты, они либо свисали на петлях, либо лежали, сорванные, на полу. Внутри почерневшая масса, пахнувшая химикалиями.

— Вот этого императрица не приказывала, — сказал шаман. — Записи были уничтожены до того, как здесь поработали наши люди. А вот это, — он подошел к концу ряда шкафчиков и показал на две пустые полки в стене, — вот эта часть для нас полная неожиданность. Мы об этом тайнике не знали.

После еды и исчезновения боли в голове у Рамсея прояснилось. Словно он спокойно, без волнений и тревог, проспал всю ночь.

— Значит, нам неизвестно, что прихватил с собой Мелколф. А откуда он... откуда вы получили первоначальные знания, чтобы все это начать?

Впервые на лице Оситеса появилось выражение замешательства.

— Не все знания Великой Эры утрачены. Нашлись проникающие и предусмотрительные люди, организовавшие тайники. Эти тайники помогли выжить им самим и всей цивилизации. Некоторые из них мы отыскали. Теперь я думаю, что Мелколф обнаружил в записях, которые мы ему передали, указания на другие тайники. Он их тайно разгребил. Слишком уж охотно он сотрудничал с нами.

— Но кто такой Мелколф? — спросил Рамсей.

Оситес ответил медленно и с явной неохотой:

— Он из Роши в Марретце. Не все ищущие пути Просвещения обладают нужными для наших целей качествами. Но в то же время мы их можем использовать во внешнем мире. Поэтому, хоть они и не дают клятву, мы предоставляем им возможность развить свои способности и работать с нашим товариществом. Способности Мелколфа были направлены на работу с древним оборудованием. — Оситес рукой обвел лабораторию. — Он обладал гениальными способностями читать обнаруженные нами непонятные записи. Но мы не принимали его во Внутренний Круг.

— Поэтому он оставил Марретц и долго странствовал. Наверно, в это время он и обнаружил какие-то тайники древних знаний. В Юри он встретился с охотившимся там принцем Берталом. В Лом его привез Бертал. Мелколф сделал нам предложение... — Оситес покачал головой. — На ее царственное великолепие оно произвело впечатление, императрица призвала меня. Мы решили, что во имя безопасности Улада... — Он замолчал.

— Долг моего товарищества — возродить цивилизацию, добиться, чтобы вернулось могущество нашего рода. В Уладе впервые появилось устойчивое правительство, воцарился закон. И мы должны были это сохранить. К тому же... мы получали доступ к древним знаниям, к чему тоже стремились.

— А кто предложил эксперимент с обменником: Мелколф или товарищество? — спросил Рамсей. Объяснение его удивило. Он не думал, что Оситес будет говорить так откровенно.

— Принцип действия обменника был нам известен, — ответил Оситес. — Мелколф оказался способен развить этот принцип. К тому же... — он пристально посмотрел в лицо Рамсею. — К тому же у нас было предсказание: нам нужно было сосредоточиться на силе снов. Когда выяснилось, что сны и обменник действуют одновременно... именно такое знание нам было нужно...

— Лорд император, — неожиданно сказал Дедан, словно его подгоняло нетерпение действовать, — кто такой этот Мелколф, о котором ты говоришь? Он отдал приказ уничтожить наше общество?

— Нет. Но он часть того, что кроется за этим приказом, — ответил Рамсей. Он стоял неподвижно, не отводя взгляда от уничтоженных записей.

Что-то появилось... мысль... намек? Точно так же как он был убежден, что Мелколф и Бертал остались в Ломе, так же росло предчувствие чего-то важного.

Он подошел к первому шкафу. Подобрал с пола обломанный металлический стержень, пошевелил им влажную массу в шкафу, вызвав только сильное зловоние, заставившее всех закашляться. Он не обнаружил ничего, только убедился, что все было систематически уничтожено. Словно в старой-старой детской игре, когда ищешь спрятанный предмет под выкрики «горячо» и «холодно». Только на этот раз выкрикивают не его спутники, предчувствие идет изнутри, из сознания.

Эта часть лаборатории наиболее важна, в этом Рамсей уверен. Он продолжал искать подтверждения своего предчувствия, сметал массу из шкафов на пол, шевелил ее стержнем, но ничего не находил. И только когда приблизился к двум потайным полкам, внутренний голос сказал ему «горячо». Но тут ничего нет, даже остатков уничтоженного.

Тайник представлял собой узкое углубление на высоте примерно в четыре фута от пола. В нем находились две совершенно

пустые полки. Рамсей постучал по ним — может, тайник внутри тайника? Но по стуку ничего определить нельзя.

Он повернулся к Оситесу.

— Что за стеной?

Шаман покачал головой.

— Ничего. Это место давно известно, тут была сокровищница и тайная тюрьма в дни, восходящие к временам Галфера, когда Лом был столицей древнего королевства Улад.

Но предчувствие Рамсея не было удовлетворено. Где-то здесь находится ключ, который приведет к Мелколфу. А Рамсей считал, что там, где Мелколф, там же Очалл, принц — и Текла.

Снова он простучал внутренности тайника. Задник каменный, камни прочные, сплошные, находятся здесь века. Он может заставить разобрать эту стену и ничего не обнаружит. И все же внутренний голос продолжает утверждать, что след начинается здесь.

— Я хочу... — он принял решение. — Эта стена должна быть снесена! Если есть человек, хорошо знающий это здание, приведите его сюда.

Дедан в свою очередь осмотрел тайник.

— Лорд император... — Также вооружившись обломком с пола, он тщательно, как перед ним Рамсей, прощупывал внутренности углубления. — В камне нет никаких щелей. Если ты ищешь потайной ход, только огнеметы, которые уничтожили общество, способны его здесь проделать.

— Прodelать ход... — медленно повторил Рамсей. — Мы не можем тратить время. Нам нужно знать направление.

— И только ты можешь его отыскать, верховное могущество. Рамсей взглянул на шамана.

— Да, — кивнул Оситес, — только ты. Ты уже знаешь путь, по какому нужно идти.

Рамсей отбросил стержень.

— Я никому не позволю снова вмешиваться в свою жизнь! — мрачно сказал он.

— Это и не нужно, рыцарь. Сила принадлежит тебе, и только ты можешь ею воспользоваться.

Снова в пустоту? Но ведь его попытка привела к нему Деда-на. Может, снова...

Он обратился к капитану:

— Ты знаешь, что мы ищем. Я говорю с тобой откровенно, Дедан. В этом дворце я не могу довериться ни одному человеку, за исключением тебя. Потому что наши желания совпадают. Мы должны найти убийцу — убийцу не одного человека, а многих. Просвещенный считает, что это можно сделать — но с помощью света или каких-нибудь инструментов. Если я начну такой поиск, будешь ли ты охранять меня? Не позволять никому подходить ко мне?

— Лорд император, если след, который ты ищешь, выведет к убийце, я твой верный человек — на этот поиск!

Рамсей кивнул. Обещание такое же твердое, как клятва на крови, хотя и дает ее тот Дедан, которого теперь Рамсей почти не знает.

— Это справедливо. Хорошо, шаман. Я пойду по дороге сна. Но и ты должен дать мне обещание — на том, что для тебя священо. Мне не нужна твоя помощь — ни твоя, ни подобных тебе. Я сделаю это один и совершенно свободно или не сделаю совсем!

— Это возможно, — ответил Оситес. — Ты переменный фактор. Мы, даже если бы захотели, не можем контролировать или направлять твое будущее.

И хоть Рамсей абсолютно не доверял шаману и ему подобным, он подумал, что этому обещанию Просвещенного можно верить, как и слову Дедана.

— Тогда давайте сделаем это... — Он отвернулся от разграбленных шкафов, которые в его сознании продолжали оставаться дверью к чему-то, хотя он и не знал, как ее открыть.

Они вернулись в комнату, где Рамсей ждал докладов обыскивающих дворец. Он увидел, что солнце уже почти село, на Лом быстро надвигалась ночь. И ночь кажется более подходящим временем для дела, которое он предпринимает.

Оситес отдал приказ, принесли еще еды и питья. Рамсей знаком пригласил Дедана присоединиться, сам шаман лишь несколько раз отпил из небольшой, необычной формы бутылочки.

— Мы едим, чтобы набраться сил, — сказал Рамсей. — Ты, Дедан, должен будешь дежурить всю ночь... или часть ночи. Сколько потребуется. Потому что я буду спать... и видеть сны...

— Сны?

— Истинные сны. Поверь мне, Дедан, в этих снах заключена истина. Я уже убедился в этом.

Вольный капитан задумчиво смотрел на него. На короткое время он словно забыл о своей одержимости.

— У тебя лицо Каскара, император, и ты, по-видимому, правишь здесь, в Ломе. Но сейчас говоришь о вещах, которые заботят только Просвещенных. Что ты за человек?

Рамсей рассмеялся. Возможно, Дедан, которого он знал, и не умер. Встретившись с капитаном взглядом, он убедился в этом еще больше.

— Это длинная история, друг, и поверить в нее нелегко. Но я не Каскар и не Просвещенный... я — это я... возможно, я всего лишь вижу сны. А вот насколько они правдивы, я еще должен установить. Тебе, Оситес, — обратился он к шаману, — я поручаю объяснить этому верному человеку, что то, что я собираюсь предпринять, может оказаться правдой.

Оситес отставил маленькую бутылочку, из которой пил свое укрепляющее.

— Существует много истин, — сказал он. — И есть тайны, которых лучше не касаться...

— Кроме тех, кто имеет на это право, — возразил Рамсей. В нем нарастала уверенность. Он собирается использовать эту уловку Просвещенных, неудивительно, что шаман не очень доволен.

— Дедан. — Рамсей не стал ждать ответа Оситеса. — Вот что нужно сделать. Я должен спать... спать крепко, так что меня нелегко будет разбудить. В это время я буду видеть сны — и узнаю, как открыть дверь. Я знаю, что она здесь. Ты должен охранять меня и не позволять никому будить меня преждевременно.

— Ты веришь, что сможешь это сделать? — удивленно спросил вольный капитан. — Что ж, если это правда, я согласен...

Рамсей вытянулся на диване. От подушки под его головой исходил слабый аромат. Текла... как раньше сосредоточился он на Дедане, чтобы призвать наемника, так сейчас он устремил мысль к герцогине. Закрыв глаза и начал представлять себе Теклу, не такой, какой видел ее в последний раз, когда между ними возникла преграда, но такой, какой была Текла в охотничьем доме под деревьями, свободная, смеющаяся над его ошибками в речи. Не герцогиня, погружившаяся в формальности двора, а девушка, какой он ее помнит...

Текла... такой она была... такой всегда будет...

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Рамсей летит — не во флайере, а так, словно свободно летит в воздухе; люди давно завидовали свободному полету птиц, и многие поколения пытались ему подражать. Вначале вокруг пустота — отсутствие всего. Но вот из пустоты возникла тень, Рамсей летит к ней, и тень приобретает материальность. Но это не Текла, как он надеялся.

Стена — один огромный блок на другом.

Рамсей висит в пустоте, глядя на эту преграду. Ни двери, ни трещины, ни щели. Воля его крепнет, усиливается, как и гнев, — он не допустит такого легкого поражения.

Проход в стене есть, он в этом уверен. Есть путь...

В мире, который он оставил, он бы руками ощупал каждый блок в стене. Сейчас он использует для этого волю, устремляет ее по очереди на блоки. Пройти сквозь них!

И при прикосновении его воли в стене вспыхивают огоньки — не на одном камне, а на двух, расположенных один над другим. Огоньки кажутся отпечатками пальцев — пять вверху, пять внизу.

И когда вспыхнул последний, камни медленно, с огромной неохотой начали поворачиваться. И повернулись. Он отыскал дверь и теперь пролетел в нее, словно свободно полетел в воздухе. И вокруг нет пустоты.

Он в лаборатории, почти такой же, как уничтоженная. Но не та же самая, эта поменьше, в ней меньше аппаратуры. В самом центре еще один обменник, невредимый. Но в нем не хватает селектора.

Внимание Рамсея привлекает какое-то движение. Он различает четыре фигуры. Но это не конкретные четкие изображения, как в прошлых снах. Когда он старается их разглядеть, фигуры начинают расплываться. Рамсей старался изо всех сил, он должен увидеть...

Мелькает свет, он раскачивается, как маятник, висающий в воздухе. Рамсей мигнул. Он вспомнил — так Очалл раскачивал свой ключ. В этом качающемся свете опасность.

Он пытается не смотреть на него, заглянуть за этот свет, лучше увидеть туманные фигуры. Две из них постоянно передвигаются, но ему не видно, что они делают. Как только он начинает сосредоточиваться, перед ним возникает качающийся

свет. Рамсей начинает терять силы, на секунду его воля слабеет.

Текла!

Она ли — одно из этих расплывчатых пятен?

И тут же он увидел ее — сбоку, лицо ее под его взглядом становится ясно видно. Лицо такое же, какое было у Дедана в пустоте, — лицо, лишенное жизни. И в ответ на его требование она не открыла глаза.

Мерцание прекратилось. Это насторожило Рамсея. Должно быть, они знают о его вторжении и хотят, чтобы он знал: у них в руках заложница. И тут, кроме лица Теклы, он увидел — еще отчетливее — какой-то черный предмет...

Селектор, недостающий селектор обменника!

Угроза — обещание? Рамсей понял: и то, и другое. Попытаться найти лабораторию, найти пленницу — и она исчезнет — ее постигнет та же участь, что и Каскара!

Кто спланировал все это, тот, кого закрывает мерцание... Рамсей продолжает видеть то, что ему позволяют, его должно поразить увиденное. Он должен раскрыться перед нападением — именно этого ждет противник, он провоцирует Рамсея попытаться добраться до источника угрозы.

Ощущение полной уверенности, такое сильное, словно оно видимым потоком исходит из-за этого мерцания. Мозг и воля, скрывающиеся за этим светом, считают себя неуязвимыми. Только этот мозг будет выдвигать условия, все остальные должны им подчиниться.

Пусть верят в это!

Рамсей ослабил волю, отступил... И почувствовал торжество противника, тот устремился следом, как пес, хватающий за ноги нищего, набрасывающийся на беспомощного. И снова повис он в пустоте, стена за ним закрылась.

Кое-что он узнал, но этого недостаточно. Однако продолжать сейчас, когда он еще многого не знает, — нет. Он снова расслабил волю — и проснулся.

Лицо Дедана. И Оситеса. Он вернулся. Но встать не пытался.

— Я знаю где... — медленно сказал он.

— Да, но это мало чем нам поможет, — ответил шаман. — Мы получили сообщение. Несколько минут назад проснулась Гришильда, вне себя от страха. Если мы не подчинимся их требованиям, герцогиня...

— Будет отправлена на смерть, — прервал его Рамсей. — Тогда они, несомненно, возмутятся за остальных. Там, за стеной, второй обменник. Они по-прежнему в самом сердце Лома, и у одного из них знания, равные твоим. Я думаю, это Очалл.

Оситес что-то сказал, но слова его были непонятны. Дедан просто смотрел Рамсею в лицо, глаза его сузились.

— Кто из них убийца? — спросил он, занятый только своей мезтью.

— Очалл. Но его взять нелегко. — Рамсей лежал неподвижно. — Шаман. — Он произнес это требовательно, как равный с равным. — Какая форма защиты от поиска во сне может скрываться в мерцающем свете? У тебя есть возможности Просвещенных, и ты знаешь достаточно, чтобы найти объяснение. Позволь предупредить тебя: вы в своих поисках снов затронули нечто, с трудом поддающееся контролю, какое-то оружие, хуже тех, что поставляет север. И теперь оно попало в безжалостные руки, готовые использовать его.

Оситес, казалось, съезжился. Рамсею он всегда казался стариком; теперь же он был сморщенным призраком по сравнению с тем Оситесом, что был несколько часов назад. Губы его раскрылись, как будто он хотел ответить, снова закрылись; пальцами он лихорадочно мям край мантии.

— Это... — Голос его прозвучал вначале призрачным шепотом, но постепенно стал сильнее. — Это запретные темы, а ты не из Роши. Я не могу открыть тебе, непросвещенному...

— Тогда готовься к тому, что твое собственное оружие обернут против тебя, — ответил Рамсей. — Думаешь, Очалл кого-нибудь из нас пощадит? У него есть собственная сила и тайна обменника. Будь готов к смерти, шаман. Потому что тебя считают самым сильным из оставшихся противников.

— У меня нет права, — ответил Оситес. — Я должен посоветоваться...

— А пока ты советуешься, — заметил Рамсей, — Очалл действует. Твоя тайна для него больше не тайна!

Дедан встал.

— Ты говоришь, лорд император, тот, кто сжег моих людей, за этой стеной? Тогда это просто. Мы снесем стену...

— Хотел бы я, чтобы было так просто. — Рамсей устало повернул голову. Снова вся энергия покинула его. — Мы даже не

знаем, какая оборона нам противостоит. Ты хочешь снова послать людей в огонь?

Дедан сморщился. Ударил кулаком по ладони.

— Так что же делать, лорд император?

— Торговаться... — начал Оситес.

— Нет! — ответил Рамсей. — Очалл использует это время для сбора сил. Он ничего не уступит, только будет играть с нами. Ты знаешь его, шаман. Разве я говорю неправду?

Оситес молчал. Потом заговорил так, словно слова вырывали у него пыткой:

— Я нарушу клятву, если поступлю, как ты хочешь. Тебе этого не понять. Существуют великие дела, в которые люди...

— Ты сказал, — прервал его Рамсей, — что в планы вашего товарищества входит охрана благополучия Улада. Хорошо. Где будет это благополучие, если Очалл добьется своего?

Лицо Оситеса потеряло угнетенное выражение; шаман распрямился, поднял голову, в нем снова ощущалась воля и решимость.

— Ты рыцарь, — сказал он. — Как рыцарь ты обладаешь силой, какой нет ни у кого, даже у Посвященных Роши. Но недостаточная вера в себя может тебя ослабить. Ты должен отдать предстоящей битве все: тело, разум, душу. И правда такова, что ты можешь потерять тело и разум — насчет души не могу сказать. Первые два для нас постижимы, а душа выходит за пределы нашего понимания.

Если ты готов всем этим рискнуть, ты можешь одолеть Очалла. Но при этом нет никакой уверенности, что и ты не погибнешь. Я говорю это, потому что перед тобой опять выбор. И только ты можешь его сделать.

Рамсей оторвал взгляд от лица шамана. Тот говорил правду. Он смотрел на потолок над собой. Полностью отдать себя — никогда в жизни не приходилось ему делать такой выбор. И эта окончательность вызвала сопротивление части его сознания. Полностью он не понимал предупреждение Оситеса, но все равно его усталое тело охватил холод.

Когда он был провозглашен императором, он тоже сделал выбор, но тот выбор — лишь бледная тень по сравнению с этим. Он знал, что теперь возврата нет...

Но ведь он уже далеко зашел по этой дороге.

— Ты должен сказать... — говоря это, он не смотрел на шамана, продолжал смотреть вверх, — что мне нужно сделать.

— Ты должен противостоять Очаллу и как видящий сон, и как бодрствующий, — ответил Оситес. — В обоих плоскостях ты должен сопротивляться его силе, верить в себя, чтобы одолеть его. И никто не может тебе сказать, как это сделать.

Рамсей приподнялся. Усталость тяжестью навалилась на него, и он снова потребовал у шамана:

— Мне нужны силы...

Оситес кивнул.

— Вначале объединись со мной! — сказал он Дедану.

Шаман протянул руку, и Дедан с удивленным видом взял ее. Тогда Оситес склонился к Рамсею и пальцами другой руки коснулся лба молодого человека.

И Рамсей ощутил приток энергии, вначале медленный, потом все более стремительный, этот поток вливался в его тело, прогонял вялость, которая охватила его после пробуждения.

Шаман разорвал контакт. Вставая, Рамсей знал, что готов как никогда в жизни.

— В лабораторию. — Он глубоко вдохнул. — Пусть придут стражники, которым ты больше всего доверяешь, — добавил он, обратившись к Оситесу. — А ты, друг, — он повернулся к Дедану, — стой у меня за спиной, с оружием наготове. Не стану отрицать: за этой стеной мы можем встретить смерть. Я не видел их оружия, а оно может быть еще хуже того, в Яснаби.

Дедан в волчьем оскале обнажил зубы.

— Друг. — Впервые обратился он с таким словом, как будто впереди действительно огонь. — Не трать слов на такой совет. Я готов. — И из-под груди подушек, на которой сидел, он достал ружье-игольник.

Снова по потайной лестнице они спустились во владения Мелколфа. Впереди Рамсей, рядом с ним Дедан, Оситес сзади, а за шаманом отобранные им стражники. Рамсей сразу направился к тайнику с полками.

— Сорвите полки, — приказал он. Один из стражников с помощью металлических полосок вырвал полки, обнажив камень за ними.

Рамсей закрыл глаза, вспоминая виденное во сне. Вот так... и так...

Он вытянул руки, расставил пальцы. Только так можно нажать на тайный замок.

За стеной — живое-мертвое лицо Теклы... угроза черного ящика. Рамсей боролся с этим видением. Он не должен сомневаться, не должен позволить страху помешать, ослабить его волю.

На камне, который он выбрал, ничего не заметно, но пальцами он ощутил два ряда углублений. Нажать... Плоть его словно отшатывается от грубого камня... Нажать...

Вместе со всей силой рук Рамсей напряг волю: ему показалось, что сопротивление камня подкреплено другой, более тонкой материей. Как будто Очалл и другие подкрепляют преграду своей силой воли.

Медленно, как во сне, камни повернулись, внутри показался свет. Рамсей сказал:

— Приготовьтесь!.. — Он нажал в последний раз и отскочил в сторону, чтобы не попасть под действие оружия, которым могут защищать этот проход.

Но не последовала ни вспышка пламени, ни снаряд. Подождав, он осторожно снова подобрался к отверстию, наклонился и заглянул в него.

За ним — нет, не пустота из его сна — какая-то дымка, не разбухший желтый туман, затянувший дюны Яснаби, но тоже непрозрачная.

Рамсей пробрался в отверстие и погрузился в эту дымку. На глаза он не может больше полагаться, но у него есть другой указатель. Какое-то неведомое чувство, то самое, что вело его во сне, говорит, что те, кого он ищет, здесь.

Выбравшись из отверстия, он остановился, подняв руки, чтобы предупредить нападение, медленно поворачивая голову справа налево. И тут же уловил мерцание, менее сильное, чем во сне, но тем не менее, как он догадывается, смертоносное.

За этим мерцанием враг, считающий себя в безопасности. Что-то в мерцании говорит, что это оружие — одновременно и оборонительное, и наступательное. А Рамсею нужно преодолеть эту неведомую силу, подавить сопротивление, предупредить нападение.

Он сделал один шаг, другой в туман. Идут ли за ним, он не знал. Все чувства: пять телесных и одно новое, чувство сознания, — устремлены вперед, на то, что перед ним.

В тумане видна какая-то фигура. Рамсею показалось, что он видит угол обменника. Но он не слышит ни звука. Если враги скрываются здесь, они действуют как кошки: сидят неподвижно, ожидая, пока добыча подойдет на удобное для удара расстояние.

Мерцание — оно играет с его сознанием — ослабляет волю. Есть только один способ добраться до врага — выманить его из засады на открытое место. Туман клубится... Приближается к нему эта фигура или показалось? Рамсей взглянул на край обменника, сосредоточился на нем, чтобы собраться с силами. И снова посмотрел на переливающуюся изменчивую фигуру, а она устремилась к нему, заглядывала не только в глаза, но в мозг, пыталась заковать в свою паутину, парализовать волю.

За этот свет, тянись за этот свет!

Он знал, что так нужно сделать, но достичь этого...

Рамсей пытался разглядеть что-то за мерцанием, убрать его, не обращать внимания, как не обращают внимание на стекло окна. Он должен разорвать это мерцание, но оно не дает ему сосредоточиться, и он видит только его. Во внезапном озарении Рамсей закрыл глаза. Видеть сон — приказал он своему сознанию — **ВИДЕТЬ!**

Повороты... раскачивания... углубления... Кружится голова, поднимается страх. **ВИДЕТЬ!**

В эту мысль устремил он все свои силы.

За мерцанием — да! Теперь видна фигура, смутно, ее едва удастся отделить от клубящегося тумана. Но она там!

Потом...

— Умри!

Крик звучит не в ушах, а в сознании.

— Смотри — и умри!

Рамсей сопротивляется этому удару.

— **НАРУЖУ!** — приказывает он. — Наружу, лицом ко мне. Я рыцарь... — Откуда-то приходят к нему эти приказы. — Я тот, что снаружи! **КО МНЕ!**

— Умри! — Крик хлыстом алой ярости режет сознание.

— Я жив. Наружу... — Все остатки воли вложил Рамсей в этот приказ, всю силу, всю личность и всю свою жизнь.

Мерцание вращается все яростней. Но за ним... за ним теперь лицо. Однако не то, что он ожидал увидеть. И эта неожи-

данность так поразила его, что он едва не допустил смертельную ошибку.

— Умри!

— Я жив! — возразил Рамсей, прежде чем противник смог воспользоваться его оцепенением. — Наружу!

Мерцание завертелось как сверкающее облако, но не могло снова скрыть лицо, как ни старалось. Последовала струя обезумевших огненных частиц, подобная взрыву.

— Не-е-е-е-ет! — Крик, воспринятый сознанием, не крик ярости, а страха, страха, сопровождающего судьбу.

— Да! — держался Рамсей. Яростные частицы устремились в него. Он открыл глаза. Вот они, видимые зрению, как и во сне. Бешеный водоворот частиц охватил его. Но он смотрел сквозь него, не отрывая взгляда.

Огонь окружил Рамсея, обжигающий жар охватил его. Он не реален, надо держаться за эту веру. А тот, кто нападает...

Рамсей вслух произнес имя.

Огненные частицы смахнуло, туман разорвался. Впервые он ясно увидел лицо врага. В руке того...

Рамсей прыгнул. Минуя обменник, поднял и опустил руку. Ребро ладони с треском ударило по запястью.

Послышался крик боли, и селектор упал на пол. Противник со звериным криком вцепился Рамсею в горло, его безумное нападение заставило его отступить, прижаться спиной к обменнику. Он упал на пол, смутив нападающего, услышал крик — предупреждение, хотя слов не разобрал.

Треск игольника заставил его оставаться на месте. В дюймах от его руки ящик, который оживляет обменник. Кто-то над Рамсеем закричал. Рамсей бросился вправо, сжимая в руке селектор.

Снова треск ружья. Рамсей встал на колени. Кто-то наклонился к нему с оружием наготове. У него было время только ударить ящиком. Удар заставил нападающего вскрикнуть. Но при этом удалось отвести и ствол оружия. И выстрел пришелся в потолок, а не в лицо Рамсею.

Он ударил врага кулаком в живот, встретил напрягшиеся мышцы, получил ответный удар по скуле, который откинул его назад. Поскользнулся и упал на лежащее на полу тело.

Очалл сдавленно вскрикнул, прижал руки к груди и опустил-ся на колени, потом сложился, упав головой к ногам Рамсея.

— Довольно! — Рамсей лишь наполовину расслышал этот возглас. Голова его кружилась от удара верховного советника.

Вставая, он снова услышал крик. Но на этот раз не мысленный, а услышал ушами. Повернувшись, он увидел — ясно, потому что туман разошелся, — увидел прижавшегося к стене Бертала, тот сжимал Теклу, не безжизненную, с пустыми глазами, пленницу, но гневную и яростную, вырывающуюся с такой силой, что принц не мог удерживать ее, одновременно нацеливая оружие на Рамсея. В то мгновение как Рамсей посмотрел на него, он оставил эту попытку. И нацелил ствол оружия в лицо девушке.

— Только пошевелись, — тяжело выдохнул он. — Дай нам свободно выйти или, клянусь кровью Джостерна во мне, — я выстрелю!

Рамсей застыл. Он взглянул в сторону выхода. Там стоял Оситес, рядом Дедан с игольником, которым он сразил самого опасного из врагов. Рамсей снова посмотрел на Бертала. В глазах принца горело безумие. Он может убить из одного страха.

И тут Рамсей использовал единственное оставшееся у него оружие. Повторно собрал он всю оставшуюся силу воли и стрелой направил ее в мозг противника.

Рот Бертала дрогнул, принц покачал головой. Но руки его бессильно упали. Текла вырвалась с силой, отчего сама едва не упала. Рамсей подхватил ее и удержал.

— Взять его! — приказал он, и стражники встали по сторонам Бертала.

Когда принца увели, Рамсей посмотрел на шамана.

— Мы ошибались. Скорее Очалл был человеком Мелкофа, а не наоборот...

Ему по-прежнему трудно было поверить, что человек с такой уверенностью в себе, как верховный советник, обладающий такой сильной волей, мог подчиниться кому-то... какими бы необычными познаниями этот другой ни обладал.

— Не совсем. — Оситес склонился к телу у обменника, перевернул Мелколфа лицом вверх. — Я думаю, что они скорее были партнерами. Мы считали Очалла хозяином из-за его поведения. Но не думаю, чтобы, даже одержав победу, он полностью правил в Уладе. С тем, что знал Мелколф... — Шаман осторожно коснулся лба мертвеца. — Этот молодой человек и так знал много, но ему все было недостаточно. Он хотел все, а в конце концов у

него отняли то небольшое, что у него было, и он остался беспомощным в поднятой им самим буре.

Рамсей чувствовал, что Текла дрожит.

— Вы не знаете, что они планировали... — Голос ее тоже дрожал. — Они отправили бы вас... нас... всех, кто им противоречил, на другой уровень смерти. Он... — Она посмотрела на Мелколфа и быстро отвела взгляд. — Он хвастался, что теперь может сделать это без снов. Он говорил... сны не могут сравниться с силой его машин...

— И он умер, — ответил Оситес, — потому что скорее поверил делам своих рук, чем тому, что у него внутри. Таков был Великий Грех Древних. Мы все склонны к этому греху — видимое ценить выше неизмеримого.

— Лорд император... — Дедан отбросил слова шамана, словно они не имели смысла. — Перед нами было трое. Кто из них приказал уничтожить общество?

— Он... — Рамсей указал на Очалла. — Так он мне сам сказал.

Капитан подошел и взглянул на верховного советника.

— Я прикончил его собственными руками. Я доволен, — сказал он медленно, словно просыпаясь от кошмара. — Мои товарищи могут лежать спокойно.

— Еще одно, друг, — сказал Рамсей.

Дедан посмотрел на него.

— Что именно, лорд император?

Рамсей кивком указал на обменник.

— Вот это... и любой другой аппарат, который здесь может быть найден. Проследи, чтобы больше ни один человек не пытался постигнуть эти тайны.

— Хорошо...

Довольный, Рамсей повернулся к двери, поддерживая Теклу, которая продолжала дрожать и спотыкалась на ходу. Девушка молчала, пока они не оказались среди обломков в наружной лаборатории.

— Мелколф и Очалл... — В голосе ее звучало удивление. — Они... с ними покончено. А Бертал... что ждет Бертала, Каскар?

Он заметил, каким именем она назвала его.

— Его будут судить...

— Кто? — Выбравшись из потайной комнаты, она словно вернула себе силы. Перестала дрожать, шла уверенней, но не пыталась освободиться от поддержки Рамсея.

— Ну, вероятно, те, кто судит в этом мире.

— Он королевской крови... судить должен ты, Каскар.

— Я не... — начал Рамсей и смолк. Текла повернула голову и внимательно посмотрела на него.

— Ты не кто? — спросила она, когда он долго молчал, неспособный закончить свою фразу.

— Не знаю, кем я не являюсь, но, может, немного знаю, кто я такой, — медленно сказал он. — Когда-то я был одним человеком... теперь, кажется, стал другим.

Рамсей Кимбл умер. Он умер в своем теле, в своем времени и мире; сейчас он медленно умирал по-другому.

— Ты Каскар и будешь править Уладом, — негромко сказала она.

— Правда? Или я человек, который слишком далеко зашел в своих снах, чтобы вернуться?

— Если в твоих снах Улад, — уверенно ответила она, — значит, в них правда. Неужели сон о нас так жалок, что ты хочешь из него уйти?

Она подняла руку и провела пальцем по его щеке.

— Скажи мне, Каскар... рыцарь снов... неужели мы — такой ничтожный сон?

Он крепче обнял ее.

— Ни в коем случае... — сказал он с той же твердостью, с какой противостоял Мелколфу.

Текла негромко рассмеялась.

— Тогда, Каскар, продолжай видеть этот сон и никогда не пробуждайся!

— Да будет так! — Губы их встретились, и Рамсей Кимбл умер окончательно.

**ЗЕРКАЛО
МЕРЛИНА**

Маяк продолжал звать из глубины каменной пещеры. Его зов теперь звучал слабее. С каждым годом механизм все более изнашивался, хотя создатели пытались сделать его вечным. Они считали, что предвидели любую случайность. И действительно предвидели все, кроме собственной слабости и природы мира, на котором действовал маяк. Накатывалось время, уходило, а маяк продолжал выполнять свое задание; за пределами пещеры поднимались и гибли народы, сами люди все изменялись и изменялись. Все, что застали создатели маяка, исчезло, уничтоженное самой природой. Моря затопляли землю, откатывались назад, их волны сносили целые города и страны. Поднимались горы, и остатки некогда гордых портов оказывались в разреженном воздухе больших высот. Пустыни напоздали на зеленые поля. С неба упала луна, другая заняла ее место.

Маяк все звал и звал, призывал тех, кто исчез, оставив лишь легенды, странные, искаженные временем предания. В жизни людей наступил новый темный период. Под собственной тяжестью и давлением времени рухнула великая империя. На ее тело, как стервятники, набросились варвары. Огонь и меч, смерть и рабство — живая смерть — шли по земле. А маяк продолжал звать.

Огонь в сердце маяка тускнел. Время от времени его зов прерывался — так человек в смертельной опасности переводит дух между криками о помощи.

И вот этот зов, такой слабый теперь, был услышан в далеком космосе. Металлическая стрела уловила импульс, в сердце корабля заработали молчавшие много столетий механизмы. Стрела изменила курс, следуя зову маяка как указателю направления.

На борту корабля не было живых существ. Он был создан существами, видевшими гибель всего, что они считали важным, гораздо более важным, чем их собственная жизнь. Они послали

шесть таких стрел в небо, надеясь, что хоть одна отыщет цель. И погибли, побежденные врагом.

Стрела приближалась к Земле, и со шелканьем пробуждались одно реле за другим. Корабль был результатом тысячелетнего опыта, высочайшим достижением расы, некогда путешествовавшей меж звездами с легкостью, с какой человек идет по знакомой тропе. Теперь он должен был выполнить работы, для которой предназначался.

Стрела мягко перешла на околоземную орбиту и приготовилась спуститься в ответ на зов маяка. Внизу люди с первобытным страхом следили за ее огненным полетом. Некогда принадлежавшие им знания давно были погребены в мифах.

Одни люди забивались в кожаные палатки, а шаманы били в барабаны и выкрикивали странные гортанные заклинания. Другие смотрели широко раскрытыми глазами на падающую звезду, которая могла быть добрым или дурным предзнаменованием. Стрела приблизилась к пещере с маяком и раскололась.

Корпус, который пронес через пространство драгоценный груз, раскрылся, из него вылетели разнообразные машины. Они не погрузились в море, проносившееся под стрелой, а полетели дальше, как бы по собственной воле, направляясь к горному хребту.

Несколько мгновений машины висели в воздухе, затем легко опустились на землю. И если кто-то наблюдал их спуск, то не рассказывал об этом. Машины были скрыты искажающим полем. Создатели их приняли все возможные меры предосторожности, чтобы защитить свой проект.

На земле машины вырастили многочисленные придатки и начали настойчиво пробиваться к слабеющему маяку. Они пробирались в пещеру.

В некоторых местах приходилось расширять туннель, но это было предусмотрено. Наконец машины добрались до маяка и продолжили работу. Одни из них высекли в скале основание и сели на него, глубоко опустив провода, от которых их уже нельзя было оторвать. Другие поднялись к потолку пещеры и летали там, как огромные безмозглые насекомые; только эти насекомые соединяли проводами установленные внизу механизмы.

Спустя какое-то время, которое механизмам не нужно было измерять, создание коммуникационной сети завершилось. Механизмы были готовы к работе, для которой их запрограммиро-

вали. Если бы этот мир не отвечал необходимым требованиям, здесь не было бы маяка. В памяти механизмов хранилась информация, которую следовало использовать при отборе образцов.

Один из механизмов выбрался из отверстия пещеры и улетел. Ночь была безлунная, небо затянули облака. Летящий механизм размером с орла; его искажающие поля исчезли. Механизм летел расширяющимися кругами, посылая в пещеру сведения непрерывным потоком.

Шел снег, дул резкий холодный ветер. Температура была для механизма лишь одним из параметров среды.

Ярко горел огонь в центре дома клана. С высокого балкона, примыкавшего к спальням, Бригитта смотрела на мужчин, сидевших внизу у огня. Смешанные запахи конюшни, хлеба, древесного дыма, пищи и питья висели в воздухе густо, как туман. Но когда дом клана закрыт на ночь от тьмы, когда гул голосов плывет из комнаты в комнату и поднимается кверху, в такую ночь чувствуешь себя здесь в безопасности.

Бригитта вздрогнула и плотнее запахнулась в плащ. Наступил Самейн — время между концом одного года и началом следующего. Сейчас открывается дверь между этим миром и миром тьмы, и демоны могут пробраться и злобно напасть на людей. В веселом пламени, в голосах мужчин, в ржании лошадей, доносившемся из внешнего кольца конюшен, была безопасность. Бригитта взяла кубок, стоявший рядом с ней на скамье, и отхлебнула ячменного эля, слегка скривившись от горечи, но радуясь разливающемуся по телу теплу.

На балконных скамьях сидели и другие женщины, но поодаль от Бригитты. Она дочь вождя и пользуется особым почетом. Пламя отражалось в золотом браслете на ее руке, в широком ожерелье из бронзы с янтарем на груди. Темно-рыжие волосы спадают свободно, чуть не касаясь пола за скамьей, их цвет составляет приятный контраст с темно-синим цветом плаща и алым платьем под ним.

Бригитта готовилась к пиру, но это не настоящий пир. Она с негодованием встретила новости, из-за которых мужчины собрались на совет, а женщины вынуждены только смотреть, зевать и немного сплетничать. Но и сплетничали они лениво: они так давно живут вместе, что уже ничего нового нельзя сказать ни о событиях, ни друг о друге.

Бригитта беспокойно зашевелилась. Война, война с Крылатыми Шлемами — больше ни о чем мужчины не могут думать. Так мало стало обручений и свадеб. А она с каждым месяцем становится старше. Но отец все еще не выбрал для нее мужа. Бригитта хорошо знала, что сплетничают и об этом. Если не сейчас, то позже эти сплетни могут отпугнуть возможных поклонников.

Война. Бригитта оскалила зубы, и в ее взгляде, устремленном на собравшихся внизу, сверкнула злоба. Мужчины всегда сначала думают о войне. Какое им дело, если захватчики проникли в долины за много миль от них? Какая разница людям Найрена, которым нечего бояться в горной крепости? И еще эта болтовня о злых делах Высокого Короля. Она снова глотнула эля.

Итак, он бросил жену, чтобы жениться на дочери саксонского повелителя... Интересно, как выглядит новая королева. Вортиген стар, у него взрослые сыновья, которые поднимут меч в защиту опозоренной матери. Вестник сообщил, что они собирают для этого близких и дальних родичей. Но саксонцы защитят новую королеву. И опять война! Бригитта не могла вспомнить, когда в доме клана не звенело бы оружие. Ей стоило чуть поднять голову, и она видела белеющие под карнизами крыши черепа — трофеи войн и прошлых набегов.

Она не думает, что Найрен испытывает симпатию к Высокому Королю. Десять дней назад прибыл другой вестник и был принят гораздо радушнее, стройный смуглый мужчина с чисто выбритым лицом, в латах и шлеме — форме императорского войска. Императора давно не стало, хотя говорят, что за морями империя еще существует. Но на этой земле имперские орлы не появлялись со времен молодости ее отца.

Похоже, что по крайней мере один вождь еще верит в императора. Смуглый вестник прибыл от него призвать людей Найрена под боевые знамена империи — как и вестник, из-за которого сегодняшней сбор. У того, первого, двойное, трудное для произношения имя в стиле римлян. Бригитта произнесла его вслух, гордясь тем, что хорошо владеет древней речью и может произнести его правильно.

— Амброзиус Аврелианус. — И добавила не менее странный титул: — Вгч Икшефттшфу. — Лугейд сказал, что на чужом языке это значит «вождь Британии». Слишком громкий титул: ведь половина земли полна новыми родственниками Вортигена — Крылатыми шлемами из-за моря.

Отец ее в старину учился в Акве Сулис, когда император Максим правил не только землями за морем, но и Британией. Он помнит, что тогда следовало опасаться только набегов шотландцев и пограничных стычек. Он преклонялся перед римлянами, и в числе других Вортиген изгнал его из городов, потому что Высокий Король опасался влияния таких людей.

Тогда Найрен вернулся в край своих отцов и собрал вокруг себя родственников. Может быть, он лишь ждал... Бригитта снова отпила эля. Отец всегда сам принимает решения.

Она посмотрела на отца. Вон он сидит на высоком сиденье в центре. Одет не так ярко, как окружающие. Рубашку ему она сшила сама, украсив ее рисунками со старой вазы — переплетением зеленых и золотых листьев. Брюки темно-красные, плащ того же цвета. Лишь широкое золотое ожерелье, браслеты на запястьях и кольцо на пальце соответствовали великолепию украшений остальных. И все же именно он здесь главный. Человеку, вошедшему в дом клана и увидевшему Найрена, не нужно спрашивать, кто здесь вождь. Глядя на отца, Бригитта почувствовала гордость. Найрен, не проявляя никаких чувств, вежливо слушал посланца Высокого Короля. А тот склонился вперед, явно желая произвести впечатление на мелкого вождя, каким считает Найрена Высокий Король.

Но влияние вождя клана выходит далеко за пределы его дома, и многие в горах внимательно прислушиваются к его словам. Мудрость Найрена известна, он удачно воюет и хорошо руководит набегам. Он мог бы провозгласить себя королем, как многие окружающие, но предпочел не делать этого.

Бригитта снова нетерпеливо шевельнулась. Она хотела, чтобы отец поскорее отослал посланца Высокого Короля и чтобы они могли спокойно пировать.

Сквозь гул голосов она слышала рев ветра. Снаружи буря. А в такую ночь буря может принести войско тьмы.

Бригитта взглянула на Лугейда, сидевшего рядом с ее отцом. Он владеет древними знаниями и установил защиту на эту ночь. Хотя борода его седа, худое тело не согнуто и вообще признаков старости не видно. Ярким пятном выделяется его белая одежда. С отсутствующим видом поглаживая бороду, Лугейд тоже слушал посланца Вортигена.

Римляне пытались уничтожить древние знания, и пока они были у власти, люди, подобные Лугейду, скрывались. Теперь

они снова пользовались почетом, и к их словам прислушивались. Бригитта сомневалась в том, что Лугейд на стороне Высокого Короля: он и ему подобные обладатели древних знаний любили Крылатые Шлемы не больше, чем римлян.

От крепкого эля у Бригитты слегка закружилась голова. Отставив в сторону кубок, она сонным взглядом смотрела на игру пламени в очаге внизу. Языки пламени подпрыгивали, извивались, танцевали быстрее, грациознее, чем любая девушка на лугу в канун Бельтейна — праздника огня. Вверх и вниз... Ветер задул так громко, что Бригитта с трудом слышала голоса внизу.

Скучно. Пир, который обещал быть таким веселым, испорчен глупой войной. Бригитта широко зевнула. Она была разочарована. Вчера съехались отдаленные родственники, и у Бригитты появилась надежда, что среди них отец найдет наконец поклонника, которого одобрит.

Она попыталась рассмотреть внизу лица незнакомцев. Но все они виделись ей лишь смутными пятнами, покрасневшими от близости пламени; кричащая расцветка пледов и костюмов сбивала с толку. Хотя среди них есть и юноши, и опытные воины, ни один из них не привлек вчера ее внимания. Конечно, она послушно пойдет с тем, кого назовет отец.

Ее постоянная печаль в том, что он не называет никого. Они уйдут на войну, все эти возможные поклонники, многие погибнут, и выбор станет меньше. Печальная утрата. Бригитта покачала головой, затуманенной элем, загнипнотизированная игрой огня. И вдруг поняла, что больше не выдержит.

Бригитта встала и пошла в свою комнату. Вторая дверь ее спальни выходила на парапет стены — внешней защиты крепости. Дверь плотно закрыта, но свист ветра слышался сквозь нее еще отчетливее. В дальнем углу тускло горела лампа. Бригитта сняла платье и, завернувшись в плащ, легла на кровать у стены. Она дрожала не столько от холода, шедшего от камня, сколько от страха перед ветром, перед тем, что могут принести его порывы в такую ночь. Но Бригитта хотела спать, глаза ее сонно закрылись, лампа затрещала.

Внизу у очага рука Лугейда неожиданно застыла. Он повернул голову и больше не смотрел на Найрена и на человека, так красноречиво упрашивавшего вождя о поддержке. Казалось, жрец Древних прислушивается к чему-то иному.

Его удивленные глаза широко раскрылись. Но не зазвучал тревожный рог часового, а если и зазвучал сигнал тревоги, то его

услышал только Лугейд. Рука его передвинулась к эмблеме, вышитой на груди, — золотой спирали. Жрец провел пальцем по спирали от внешнего конца до самого центра. Он полуосознанно искал ответа на какой-то важный вопрос.

Подняв взгляд к балкону, на котором сидели женщины, Лугейд принялся их разглядывать, но не обнаружил, кого не достает. Тут он перевел дыхание. Быстро посмотрел направо и налево. Возможно, он опасался, что привлек к себе внимание, но все напряженно слушали незваного гостя. Лугейд слегка отодвинулся назад, закрыл глаза, и его бородатое лицо приобрело выражение глубокой сосредоточенности.

Время ничего не значило для механизмов. Летающие аппараты возвращали сведения, доставленные ими, сортировались, классифицировались; на основе информации уточнялись детали проекта. Решение было принято, дважды проверено. Затем была подготовлена самая хрупкая и сложная часть оборудования.

Еще раз в воздух поднялся механизм. Включив искажающее поле, он полетел по широкой спирали. На самом дальнем витке спирали он перевалил через горный хребет. Маяк, вызвавший механизмы из времени и пространства, смолк. Но теперь, далеко и глубоко в скалах, проснулся к жизни новый сигнал. Не отмеченный летающим механизмом, он запульсировал; энергия, породившая его, росла.

В небо ударил новый луч и улетел к звездам. Пройдет много лет, прежде чем его уловят те, кто поставил маяк. Но луч нельзя погасить. И могут начаться новые битвы, не такие страшные, как в древности, потому что силы соперников в тысячи, миллионы раз меньше тех, которыми они обладали когда-то. Но время не ослабило их ожесточения и решимости. Они непримиримы, как всегда.

Механизм повернул, порыв ветра подбросил его, как листок. Но ничто не могло помешать ему выполнить задачу.

Бригитта крепко спала, но ей казалось, что она проснулась. Ее больше не окружали стены родного дома. Она стояла на тропе, которую хорошо знала. Тропа ведет к ручью пророчеств, где богиня благословит того, кто сделает ей подношение. И сейчас совсем не ужасная ночь Самейна, когда злобные силы охотятся на людей. Бригитту окружала зеленая свежесть ранней весны, праздник Бельтейна, когда пылают костры, а юноши и девушки

прыгают через них, рука об руку, молясь тем силам, что увеличивают племя.

Золотой свет шел не от солнца. Луч, как золотое копье, коснулся ее ног, поднялся выше, она радостно засмеялась, побежала сквозь сияние, охваченная сильным возбуждением. Никогда она не чувствовала себя такой живой, свободной и счастливой, как в этот момент.

И тут она увидела его. Он ждал ее приближения. И она сразу поняла, что именно его она ждала, именно его высматривала среди посетителей или гостей. Именно его Великая Мать дала ей для полного счастья.

Он весь состоял из света, одетый сиянием и теплом. Она побежала к нему, и сияние и тепло окружили их, отгородили от мира. Никто теперь не мог найти их. Она стала часть его, а он — частью ее, и они стали единым целым.

Их окружал золотой мир, он пел, как будто все птицы запели лучшие свои песни. И Бригитта погрузилась в тепло, забыла все, и осталось только поле, засеянное зерном, готовое принести обильный урожай.

В доме клана Лугейд откинулся в тень. Тело его слегка раскачивалось, лицо стало похоже на маску, лишённую всякого выражения. Он всем существом сосредоточился на чем-то, слышном только ему. Его замешательство росло. Он был похож на человека, который ежедневно проходит мимо храма давно забытого бога и вдруг слышит из заброшенного святилища призыв к поклонению.

Потом замешательство сменилось возбуждением. Маска сползла с лица, и Лугейд превратился в человека, который после долгих лет борьбы вдруг понял, что он победил. Поглаживая рукой спираль на груди, он шептал слова не на языке окружающих его людей, не на языке Римской империи, превратившейся в ничто, а на гораздо более древнем наречии. Даже для тех, кто знал, что эти слова пришли из невероятно далекого прошлого, они потеряли всякий смысл.

Вверху Бригитта улыбнулась, застонала, вытянула руки, чтобы обнять стоявшего перед нею во сне. Летающий механизм над крышей начал опускаться. Пробравшись в отверстие, он безошибочно отыскал дверь в комнату, где лежала девушка.

Механизмы в пещере загудели громче, потом снова стихли, слышалось сонное ворчание, будто зверь истратил силы и теперь нуждался в отдыхе. Но работа установки в другом — далеком — утесе не прервалась. Сигнальный луч усилился, уходил все дальше и дальше как манящий палец, который должен привлечь помощь в древней-древней войне.

Лугейд открыл глаза и посмотрел на дверь комнаты Бригитты. Он мог лишь догадываться о том, что произошло там. И бесконечно удивлялся, что такое могло случиться в его беспокойные дни. Боги давно ушли, но, кажется, они еще живы. Как можно быстрее он должен пойти к Месту Власти. Там он найдет ответ, узнает, что несет это происшествие его народу.

Он услышал гул голосов вокруг и почувствовал нетерпение. Окружающие занимаются своими мелкими делами. А он уверен, что сегодня здесь побывало небесное существо и принесло жизнь, а не смерть. Об этом часе говорили легенды, обещавшие возвращение Повелителей Неба.

2

В комнате было жарко. Между приступами боли Бригитта мечтала о том, чтобы погрузить свое разбухшее тело в ручей, который берет начало у Источника Счастья. Она смутно сознавала, что большинство жителей крепости и деревни до рассвета ушли в поля, на праздник Лугнаса, праздник урожая. Юлия, которая нянчила еще ее мать, терпеливо сидела рядом, время от времени вытирая лицо Бригитты влажной тканью. В дальнем углу стояла жаровня, от нее доносился запах паленой травы. Когда запах дошел до постели, Бригитта закашлялась. Все двери в доме открыты, все узла развязаны, чтобы роды прошли легко. Но Бригитта тупо думала, что это не помогло. Разве легко смертной женщине рожать сына бога?

Предыдущие месяцы — как странно все на нее смотрели. Только пророчество Лугейда спасло дом Найрена от черного стыда. Бывали моменты, когда она с готовностью взяла бы кинжал и вырезала из тела то, что посеяли в нем чужие силы. Очень трудно было вспоминать золотое счастье сна, хотя Лугейд уверял ее, что это был вовсе не сон. На самом деле к ней приходил один из Сыновей Неба.

Теперь она ощущала только боль, а между приступами боли страх, что боль станет еще сильнее. Но, сжимая челюсти, Бригитта молчала. Когда рожает сына бога, нельзя кричать.

Тело ее снова напряглось. Юлия оказалась рядом. Затем откуда-то возник Лугейд. И его взгляд унес боль, Бригитта поплыла среди всплесков огня, которые могли быть звездами.

— Мальчик. — Юлия держала ребенка на куске чистой ткани.

— Мальчик, — кивнул Лугейд, как будто никогда не сомневался в этом. — Его зовут Мирддин.

Юлия враждебно взглянула на него.

— Имя сыну дает отец.

— Его зовут Мирддин. — Друид обмакнул палец в воду и коснулся груди ребенка. — Так сказал бы его отец.

Плечи Юлии опустились.

— Ты говоришь о Повелителях Неба, — фыркнула она. — Не стану отрицать, что ты спас мою леди от позора. Но все же никто в замке не поверил до конца. Его будут называть «сын нелюди» и рассказывать всякие сплетни.

— Недолго, — Лугейд покачал головой. — Он первый из своего племени, и благодаря ему вернутся прежние дни. Рассказы о прошлом — не только сказки бардов, предназначенные для развлечения. В них истина. Присматривай за ребенком и своей госпожой. — И он без интереса взглянул на Бригитту, как будто, выполнив свою миссию, она была больше не нужна.

Юлия снова издала звук, похожий на фыркanye. Она занялась ребенком, который не плакал, а лежал спокойно, глядя на нее. В эти первые минуты после прихода в мир он, казалось, полнее отдает себе отчет в окружающем, чем можно ожидать от новорожденного. Нянька, заметив эту странную уверенность, сделала магический знак, прежде чем взять ребенка. Бригитта тяжело спала.

Юлия правильно определила отношение к Мирддину в раннем детстве. Он действительно был «сыном нелюди», но поскольку вождь признал — по крайней мере внешне — утверждение Лугейда, что его дочь зачала от Повелителя Неба, никто открыто не позорил мальчика. Но и не принимал его близко, как его ровесников.

В первые годы он был странно медлителен и неспособен к обучению. Женщины дома считали, что отсталость соответству-

ет загадке его зачатия. И ходить он начал очень поздно. Если бы не Юлия, мальчик был бы совсем заброшен и, может быть, рано умер. Потому что через шесть месяцев после его рождения Бригитта вышла замуж за овдовевшего вождя клана, достаточно старого, чтобы быть ей отцом. Она покинула крепость Найрена, а вместе с ней и сына.

Бригитта не возражала против расставания: с самого рождения ребенка, очнувшись от обморока, в который, как она была уверена, ее погрузил Лугейд, она не испытывала к сыну нежности. Место матери занял Лугейд, а Юлия заботилась о физических условиях его существования, в чем Мирддин в его возрасте больше всего нуждался. И именно Юлия яростно защищала ребенка, когда вслух обсуждали его медлительность. А когда ее собственная вера в ум Мирддина слабела, она обращалась к Лугейду.

— Не волнуйся, — говорил Лугейд, посадив мальчика на колени и закрыв глаза рукой. — Он живет по другому времени, своему собственному. Вот увидишь, он заговорит сразу ясно и целенаправленно, пойдет прямо, а не будет ползать, как животное. Он многое унаследовал от другого мира, поэтому его нельзя судить по нашим меркам.

Юлия некоторое время сидела молча, переводя взгляд от друида к ребенку и обратно.

— Иногда мне кажется, — призналась она, — что ты придумал эту сказку, чтобы спасти мою госпожу от позора. Но это не так. Ты веришь в свои слова. Почему?

Теперь он перевел взгляд от ребенка к ней.

— Почему, женщина? Потому что в ночь его зачатия я ощутил приближение Силы. Мы так много утратили. — Он с сожалением покачал головой. — Утратили знания, которые позволяли людям бросать вызов звездам. Мы пережевываем обрывки легенд и не знаем, что в них правда, а что позднейшие выдумки. Но осталось достаточно, чтобы знающий человек мог ощутить присутствие Силы. Этот «сын нелюди» будет велик, он сможет возводить королей на престол и свергать их. Но не для этого он послан сюда. Нет, он первооткрыватель. И когда он достигнет полной силы, то заговорит на Высоком Языке и мы увидим начало нового мира.

Звучавшая в его голосе страсть испугала Юлию. Она взяла мальчика у Лугейда и странно посмотрела на него. Она знала,

что друид верит в свои слова. И с этого момента следила за каждым движением Мирддина, ожидая увидеть признаки величия, но не зная, в чем они проявятся.

Мирддин пошел в возрасте четырех лет и, как и предсказывал Лугейд, с первых же шагов пошел уверенно, не ползая, не держась за что-нибудь, как другие дети. Месяц спустя он заговорил, и слова его звучали четко, как у взрослого.

Но он не пытался присоединиться к другим детям в их играх. И не проявлял интереса к оружию, не слушал воинов, рассказывающих о прошлых битвах. Напротив, он всегда сопровождал друида. И все решили, что Мирддин станет бардом или будет изучать законы и родословные кланов. В одно из своих редких посещений дома Найрен согласился с этим.

К этому времени вождь сделал выбор. Со своими воинами он присоединился к Амброзиусу, воюя и с Высоким Королем, предавшим свой народ, и с саксонцами, которых король пригласил как союзников и которые стали его господами. Воины часто покидали горную крепость, оставляя лишь небольшой гарнизон для защиты, а женщины и дети работали на полях и пасли стада овец — главное богатство клана.

В клане не хватало работников, и пяти лет Мирддин начал пасти стада. Тогда-то он и нашел пещеру. Он поднялся выше обычного среди поросших мхом скал, главным образом потому, что старшие ребята занимали лучшие пастбища. Обогнув скальный выступ, он забыл об овце, которую искал, и о других овцах, ждавших внизу.

Как во сне свернул он направо, туда, где виднелось узкое отверстие, едва доступное для его маленького крепкого тела. Обвал, обнаживший вход в пещеру, произошел недавно, но не из-за него Мирддин увидел расщелину, а из-за какого-то принуждения, увлекшего его сюда.

Он протиснулся сквозь щель и оказался в гораздо более широком проходе. Впереди почти ничего не было видно: свет падал сзади, сквозь щель, через которую он сюда проник. Мальчик не испугался; наоборот, его охватило странное растущее возбуждение, как будто впереди лежало нечто удивительное, предназначенное лишь для него одного.

Он бесстрашно двинулся во тьму, нетерпеливо стремясь узнать, что же там впереди. Отойдя от входа, он с удивлением обнаружил бледное сияние, охватывающее все внутреннее пространство на

три-четыре шага. Его как будто окутал плащ света. Это открытие не показалось ему странным. Что-то в глубине его сознания приветствовало окружающее, как давно знакомое, но забытое.

Он знал, что рассказывают о нем, о его отце — Повелителе Неба. А от Лугейда он узнал, что в далекие-далекие времена жители неба часто спускались на землю и женщины Земли рожали им сыновей и дочерей. Эти сыновья и дочери владели способностями, которых не было у других людей, но когда Повелители Неба перестали появляться, эти способности забывались, по мере того как потомки небесных жителей скрещивались с землянами и утрачивали чистоту крови. Сейчас мало кто верил в них, и Лугейд предупредил Мирддина, что тот должен хранить этот рассказ в тайне, пока делами не сумеет подтвердить свое происхождение. Лугейд сказал также, что если мальчик сам не сумеет овладеть знаниями Древних, он будет беспомощен, потому что на земле больше нет учителей и сохранилась лишь слабая тень прошлых знаний.

Та часть Мирддина, что была унаследована от Бригитты, съжилась, одинокая и испуганная, неспособная вступить в контакт с окружением. Мальчик часто думал, что случится с ним, если он не сумеет найти то, что должен знать. Даже Лугейд здесь бессилен. Он сказал, что учителя, которые могли бы научить Мирддина, давно мертвы, а от их знаний сохранились лишь обрывки в памяти таких, как сам друид. Но жрец пообещал, что когда придет время, он все свои знания передаст тому, кто стал для него приемным сыном.

Сероватый свет, сопровождавший мальчика, становился ярче. Теперь Мирддин видел, что свет исходит от стен. Потрогав рукой стену, он почувствовал, что скала дрожит. Мальчик прижался к ней ухом и услышал биение, похожее на удары огромного сердца.

В его сознании ожили все сказки о чудовищах, живущих в глубоких пещерах, и он остановился в нерешительности. Но возбуждение погнало его дальше. И вот он в обширном помещении, залитом ярким светом. Мирддин отшатнулся, закрыв глаза руками, ослепленный блеском. Дрожь превратилась в гул, который ощущался не только телом, но и слухом.

— Не бойся.

Мирддин вдруг понял, что уже некоторое время слышит этот голос, и впервые в жизни почувствовал настоящий ужас.

Он боролся с этим ужасом, но не мог оторвать рук от глаз, чтобы посмотреть, кто говорит. Слова эти несколько уменьшили его страх: конечно, ни огнедышащий дракон, ни привидение не станут говорить человеческим языком!

— Не бойся, — слышались те же слова.

Мальчик глубоко вздохнул и, собрав все свое мужество, опустил руки.

Так много открылось его взору, окружающие предметы были настолько чужды всему его опыту, что удивление победило остатки страха. В пещере не оказалось ни чешуйчатых чудовищ, ни злобных зверей. Под ярким освещением возвышались полированные прямоугольники и цилиндры, для которых в родном языке мальчика не было названий. Он ощущал присутствие какой-то жизни, хотя это была не жизнь плоти, а совсем другая.

Огромная пещера была полна разными предметами. На поверхности некоторых вспыхивали разноцветные огоньки. Другие предметы оставались темными, но во всех таилась чужая жизнь.

Мирддин по-прежнему не видел, кто говорил с ним, и был слишком осторожен, чтобы углубляться в это чуждое помещение. Он облизал губы кончиком языка и ответил со всей храбростью, какую мог собрать. Голос его резко прозвучал в огромном помещении.

— Я не боюсь! — Это было ложью, но лишь отчасти, потому что с каждым мгновением страх проходил, побежденный очарованием необычного места.

Он ожидал, что кто-нибудь выйдет ему навстречу, выступит из-за прямоугольника или колонны. Но время шло, а никто не появлялся. Мирддин снова заговорил, слегка разочарованный приемом.

— Я Мирддин из клана Найрена. — Он сделал еще два шага в глубь пещеры. — А ты кто?

По-прежнему вспыхивали и гасли огоньки, не прекращалось гудение. Но ответа не было.

Тут Мирддин увидел в дальнем конце прохода, образованного двумя рядами прямоугольников и цилиндров, какое-то сияние; оно соединяло два прямоугольника, образуя сплошную стену. Как только его взгляд остановился на этом странном явлении, сияние померкло, и он увидел какую-то фигуру такого же роста, как он сам.

Желая рассмотреть незнакомца, Мирддин быстро пошел вперед, не обращая внимания на незнакомые предметы, всматриваясь в зрелище на сверкающей поверхности. Он никогда раньше не видел такого четкого и яркого отражения, потому что зеркалами в доме клана служили либо маленькие бронзовые пластинки размером с ладонь, либо искажающая поверхность полированных щитов. Здесь было совсем по-другому, и он, только вытянув руку и увидев, что тот мальчик поступил так же, понял, что перед ним зеркало. Вначале его заинтересовала только новизна увиденного.

Темные волосы, сегодня утром так аккуратно расчесанные Юлией, теперь спутанной массой лежали на плечах, в них торчали листья и веточки, засевшие, когда он пробирался через кусты. Смуглое лицо и густые черные брови, сросшиеся на переносице. Изумительно зеленые глаза под ними.

Одежда, которую сшила Юлия, украсив красной нитью, порвана и испачкана, длинные брюки заткнуты за голенища сапог. На груди единственное украшение — коготь орла на красной нити. На подбородке засохшая грязь, щека исцарапана. Хотя одежда у него добротная и теплая, но мальчик одет не так роскошно, как можно было ожидать от внука вождя. В сущности только отличный нож в кожаных ножнах, висевший на поясе, свидетельствовал о том, что его владелец не просто сын охотника или копыеносца.

Мирддин поднял руки, отбрасывая назад волосы. Он решил, что здесь нужно выглядеть достойно. Может, тот, кто с ним говорил, разглядев его получше, решил, что он больше не достоин слов.

— Мы тебя ждали, Мерлин, — снова без всякого предупреждения прозвучал голос.

Мерлин? Они... те, кто тут скрывается... хотят называть его так. Мирддин снова почувствовал страх. Что, если они обнаружат свою ошибку? Он глубоко вздохнул и упрямо посмотрел в зеркало: собственное отражение почему-то внушило ему уверенность.

— Вы... вы ошибаетесь — он заставил себя говорить громко. — Я Мирддин из дома Найрена.

Он напряженно ждал немедленного наказания. Сейчас его выбросят из пещеры, как листок. А ему почему-то хотелось остаться, узнать, что это за место, кто с ним разговаривает, называя его этим странным именем.

— Ты Мерлин, — уверенно заявил голос. — Все это приготовлено для тебя. Отдохни, сын, а потом узнаешь, кто ты, и начнешь учиться.

Из правого прямоугольника выдвинулась прочная планка. Мирддин осторожно ощупал ее. Она была достаточно широкой и казалась прочной, его вес она выдержит. К тому же, решил он, не стоит спорить с этим голосом. Слишком уверенно и властно звучал он.

Мирддин осторожно уселся перед зеркалом. Хотя сиденье было твердым, оно слегка подалось под его весом. Сидеть стало очень удобно. Отражение в зеркале исчезло. И, прежде чем Мирддин успел встревожиться, там появилось другое изображение. И началось обучение.

Вначале на Мирддина был наложен строгий запрет, так что он не мог ни с кем поделиться впечатлениями о своем странном приключении, даже в Лугейдом, который единственный во всем клане мог его понять. Но запрета на мысли и воспоминания не было. И иногда узнанное в зеркале так его возбуждало, что в доме клана он бродил как в тумане.

Лугейд, который мог бы что-нибудь заподозрить, в это время отсутствовал, служа посыльным между Найреном и другими вождями и маленькими королями, пытаясь склотить союз, способный противостоять натиску саксонцев. Потому что у Амброзиуса не хватало сил, чтобы противостоять и Крылатым Шлемам, и сторонникам предателя Вортигена. Ему постоянно приходилось отправлять отряды в разные концы на беспокойные границы.

И Мирддин в последующие годы мог легко ускользать из замка, проникать в пещеру и проводить долгие часы перед зеркалом. Вначале он не понимал многое из того, что ему показывали. Он был слишком мал, опыт его слишком ограничен. Но изображения в зеркале, хотя в подробностях и не повторявшиеся, снова и снова сообщали ему факты, пока они не стали частью сознания мальчика как ежедневные события жизни, знакомые ему с рождения.

Мирддин понемногу стал применять изученное на практике. Он обнаружил, что сведения, сообщенные зеркалом, имеют практическое применение. Хотя сам он был мал, но уже мог влиять на ребят, достаточно выросших, чтобы владеть оружием.

Он очень рано понял, что, кроме него, никто не может увидеть расщелину, ведущую в пещеру, хотя ничего не знал об искажающих полях.

Помимо того, что он мог таким образом исчезнуть без следа, он мог также внушить своим товарищам по охоте или по пастьбе стад, что он весь день находился с ними, хотя на самом деле он провел эти часы перед зеркалом.

Хотя ему и хотелось использовать свои знания, вместе с тем действовали определенные ограничения — так, он дважды пытался убедить Юлию увидеть несуществующее и оба раза отказывался от попыток. Так он узнал, что его новое оружие предназначено не для легких целей, а главным образом чтобы давать ему время на обучение.

Новости медленно доходили до горной крепости. Лугейд не возвращался. Наоборот, стало известно, что он направился в далекое путешествие к Месту Силы. Мирддин горевал об этом: он надеялся поделиться с друидом своими удивительными открытиями, понимая, что только старый Лугейд, владеющий обрывками древних знаний, сумеет понять его.

Вскоре после известия о поездке Лугейда появились более тревожные и трагические новости, сообщенные горсткой израненных, усталых людей; многие из них держались в седлах своих выносливых горных пони только силой воли и при помощи товарищей. Отряд Найрена встретился с изменой в одном из походов, и половина бойцов вместе с вождем погибла. Выжившие с трудом добрались до крепости в непрерывных осенних дождях, и весь клан замер, ожидая новых тяжелых ударов.

Когда немедленного удара не последовало, все немного успокоилось, но дом клана стал местом скорби и траура. Гвин Однорукий, младший брат Найрена, стал вождем, поскольку у Найрена не было сыновей. Впрочем, Гвин из-за своего увечья не мог стать настоящим вождем, хотя у него было хитроумное бронзовое приспособление. Прикрепленное к запястью, оно служило ему боевой дубиной.

Если бы Мирддин был старше, он мог бы предъявить свои права, но сейчас не время для вождя-мальчика, и клан с шумным одобрением принял Гвина. Это было время сбора урожая, но люди работали на своих маленьких полях, постоянно оглядываясь, а меч и копье держали наготове. А на высотах у готовых вспыхнуть сигнальных костров бдительно дежурили часовые.

У Мирддина теперь редко случалась возможность ускользнуть в пещеру к зеркалу, и он постоянно испытывал раздраженное нетерпение. Но мальчик не знал, многому ли его успели научить. Однажды ему удалось убежать в пещеру, к волшебному зеркалу. Возможно, по чистой случайности, а может, и нет, но он в этот день задержался перед зеркалом. Когда он выбрался из расщелины, сгушались сумерки.

Боясь, что ворота крепости закроют, он побежал вниз по склону меж скалами, думая только об одном: как бы поскорее добежать до дома клана. И не заметил подозрительных перемещающихся теней, пока чья-то рука не ухватила его за лодыжку. Он упал и от удара едва не потерял сознание.

Сильные руки прижали его к земле. Он тщетно пытался сопротивляться. Кто-то ухватил его за волосы, повернул голову, чтобы разглядеть лицо.

— Слава милосердной троице! — радостно произнес кто-то. — То самое отродье! Сам пришел к нам в руки, как петух за зерном.

У Мирддина не было возможности рассмотреть своих похитителей. На него набросили плащ, кисло пахнувший смесью человеческого и лошадиного пота. Поверх плаща повязали веревку, так что мальчик превратился в беспомощный тук, который любой торговец может легко бросить на спину лошади. И вот, подобно такому туюку, он лежит на спине лошади, голова его свесилась и подскакивает на каждой неровности дороги.

3

Вначале мальчик подумал, что попал в руки отряда саксонцев. Тогда почему они сразу его не убили? Он попытался рассуждать спокойно и тут же вспомнил, что говорили похитители на его языке. Именно он был «отродьем». Очевидно, они искали его. Но зачем он им?

Мирддин с трудом дышал под плащом, отчаянно пытаясь сохранить мужество. Очевидно, он чем-то ценен... как раб? Нет, рабов достаточно. Из-за того что он родственник Найрена? Но ведь вождь клана теперь Гвин...

Голова его свисала со спины лошади, от неудобной позы в ней шумело, мальчика начало тошнить. К тому же очень трудно было бороться со страхом.

Долго ли продолжалась эта пытка, Мирддин не знал. Он был почти без сознания, когда его сняли с лошади и без церемоний швырнули на землю.

— Осторожнее! — приказал кто-то. — Помни, он нужен живой, а не мертвый.

— Дьявольское отродье, такие приносят беду, — ответил другой.

Кто-то ухватился за плащ, но Мирддин не мог двигаться. К тому же чьи-то руки сомкнулись вокруг его тонкой талии. Человек, так грубо тащивший его, в темноте виднелся смутной фигурой. Мальчику прочно связали руки. Потом рывком проверили прочность веревки, и только тут Мирддин смог рассмотреть окружающих.

Фигуры появлялись и исчезали, и он не знал, сколько их. Слышно было, как переступают лошади. Ночь очень холодная, а ледяная земля, на которой он лежал, вызвала безостановочную дрожь. Похитители молчали, и мальчик по-прежнему не знал, кто они. Впрочем, теперь он был уверен, что это не саксонцы.

Кто-то подъехал к небольшой поляне, где они остановились. Одна из скорчившихся фигур поднялась на ноги и пошла навстречу пришельцу.

— Он у нас, лорд.

Ответом было хмыканье, затем всадник сказал:

— Тогда поезжайте. Не время отдыхать. В конце концов в нем кровь Найрена и клан не оставит его без отмщения. Торопитесь. У Зуба Гиганта вас ждут свежие лошади.

И всадник исчез в темноте ночи. Мирддин слышал недвольное ворчание.

Снова мальчика посадили на лошадь. Только на этот раз он сидел в седле; веревка, пропущенная под животом лошади, стягивала его ноги. На него опять набросили плащ. Голова у него отчаянно болела, он боролся с обмороком, опасаясь упасть на землю и быть затоптанным, прежде чем всадники подхватят его.

Они ехали всю ночь, остановившись один раз у высокой скалы, которая действительно могла быть зубом, вырванным из чьей-то огромной ужасной пасти. Тут они пересели на свежих лошадей. Мирддин погрузился в туман страха, боли и недоумения. Никто не разговаривал с ним, не заботился о его состоянии. Все его тело превратилось в сплошной синяк, и каждый

шаг лошади вызывал новый взрыв мучительной боли. Он сжал губы, решив, что никакая боль не вырвет у него крик.

Они спустились с холмов. Рассвет застал их на одной из дорог, построенных римлянами. Теперь Мирддин мог лучше разглядеть своих спутников. Они были такими же, как люди клана Найрена, только с незнакомыми лицами. Из десяти человек восемь обычные копейщики, какие могут служить любому вождю клана.

Но поводя лошади Мирддина держал человек в искусно сшитом алом плаще, правда, изорванном и испачканном. Его волосы цвета полированной бронзы спускались ниже плеч. Толстогубый рот окружали густые усы и щетина: несколько дней его полных щек не касалась бритва.

Это был сравнительно молодой человек, с широкими плечами, с бронзовыми браслетами на толстых руках. На боку у него висел меч римского образца, а спину закрывали полоски металла. Глаза покраснели: вероятно, он долго не спал; время от времени он зевал, чуть не выворачивая челюсти.

Сосед Мирддина слева представлял полную противоположность. Это был худой человек в измятой, лишенной украшений кирасе. Шлем без шишака все время съезжал набок, так как был ему слишком велик. Оружием ему служили меч и копьё с острым наконечником. И ехал он не сонно, а напряженно, все время оглядываясь по сторонам, как будто ожидал в любую минуту наткнуться на засаду.

Мирддин так устал, что качался в седле, но похитители не обращали на него внимания. Знания, полученные в пещере, не помогли ему определить, чего ожидать. Он знал только, что будущее не сулит ему ничего хорошего. Но он не пытался представить себе, каким оно будет, это будущее. И не интересовался ни похитителями, ни местностью, по которой они проезжали. А местность для человека, родившегося в горах и прошедшего там всю жизнь, была очень странной.

К полудню дорога стала оживленной. Трижды отряды вооруженных всадников — саксонцев — уступали им дорогу. Перед ними возвышались каменные здания, построенные по-другому, чем дом клана.

Мирддин хотел есть и пить, но ничего не просил у ехавших рядом. Однако, когда они остановились у ручья, чтобы напиться и напоить лошадей, один из копейщиков набрал воды в деревянную чашку и поднес к губам мальчика. Мирддин с жадно-

стью выпил воду, и в голове у него прояснилось. Он посмотрел на воина, менее зачерстневшего, чем его товарищи.

Копейщик был гораздо моложе остальных. Глаза его, бледно-голубые, смотрели с тяжелым, мрачным выражением.

Мирддин продолжал глотать. Горло у него болело. Попытавшись заговорить, он испустил вначале лишь хрип.

— Спасибо... — начал он, но тут повернулся человек в шлеме.

— Придержи язык, дьявольское отродье, или мы загоним тебе в рот кол! — Он подъехал ближе. — Мы не нуждаемся в твоём волшебстве. — Рывком он натянул на голову Мирддина капюшон плаща, так что мальчик ослеп. — Дурак! — Очевидно, он обращался к копейщику, давшему Мирддину воды. — Ты хочешь, чтобы тобой овладели демоны? Этот колдун, хоть он и молод, может вызывать духов.

Мирддин услышал приглушенное восклицание, должно быть, своего благодетеля, и был доволен, что успел немного попить, прежде чем вмешался один из руководителей отряда. Он очнулся от транса, в котором находился большую часть ночи. Надеяться не на что, но он начал думать. Как будто шок от внезапного нападения отбил у него способность рассуждать логично, а небольшая проявленная щедрость вернула эту способность.

Где искать помощи? В иллюзиях, с помощью которых он скрывал свои походы в пещеру? Хотя Мирддин был молод, знания его велики. И где-то в мозгу появилось ощущение, что вся эта история — часть того будущего, к которому готовило его зеркало.

Они называют его дьявольским отродьем. Он и раньше слышал эти слова, хотя в лицо ему этого не говорили. Кровь Найрена имела свои права в клане. Но поговаривали, что отец его не небесный повелитель, а демон. Разве не зачат он в канун Самейна, когда высвобождаются все злые силы? Не найди он пещеру с зеркалом, возможно, он и сам поверил бы в это. Но пещера была несомненным доказательством существования небесного народа, и там он узнал, что рожден с определенной целью. Вся его жизнь должна быть посвящена этой цели.

До сих пор у него не было врагов. Кланом правил Гвин, но Мирддин никогда не протестовал: его не привлекало будущее военного вождя. Было давно известно, что со временем он уйдет с Лугейдом и будет изучать ведомые друиду тайны.

Для кого он может быть угрозой? Он размышлял над этим, пока они не прибыли в город, признававший власть Вортигена. Из разговоров своих похитителей Мирддин понял, что этот город и есть их цель. Захватили ли его в качестве заложника? Но со смертью Найрена он потерял всякую ценность как заложник.

Очнувшись от своих мыслей, он попытался оглядеться. Капюшон позволял ему видеть только дорогу под ногами и основания каменных стен. Вначале его слух, привыкший к звукам небольшого поселка, был совершенно оглушен. Мальчик с трудом отличал один звук от другого.

Лошади остановились; веревка, связывавшая ноги Мирддина, упала. Тяжелая рука сняла его с седла и грубо бросила на землю. Ноги под ним подогнулись. Он почувствовал отвратительный запах. С него сдернули плащ, и Мирддин увидел, что стоит в каменной клетушке, с единственной скамьей и узкой щелью в стене. Ему развязали руки, но он их почти не чувствовал. Веревки развязал человек в шлеме. Он толкнул мальчика в сторону скамьи.

— Жди развлечения Высокого Короля, — проворчал он и ушел, захлопнув за собой дверь. Мирддин оказался в полутьме.

Король. Мирддин не произнес этого слова вслух. Есть лишь один король, хотя его власть опирается главным образом на саксонцев, которых он пригласил, вначале чтобы укрепить свою армию и защититься от набегов шотландцев, затем чтобы расправиться с теми, кто мог стать его соперником. С самого раннего детства Мирддин привык к мысли, что Вортиген — предатель, человек, который повинуется приказам Крылатых Шлемов и перебил для их удовольствия своих близких родственников.

Чего же Вортиген хочет от него, Мирддина?

От напряженного размышления сильнее заболела голова. Мирддин молча сидел на каменной скамье, растирая вспухшие руки, чтобы вернулось кровообращение, и с трудом сдерживая крик боли.

Он старался вспомнить все, что знал о Высоком Короле. Последний слух, дошедший до горных кланов, гласил, что Вортиген собирается соорудить высокую башню, которая затмит все построенное римлянами.

Но бродячий однорукий торговец, рассказавший это, добавил, что строительство встретилось с трудностями, что тщатель-

но уложенные камни на следующее утро оказывались разбитыми или разбросанными. Говорят, чье-то волшебство побеждает все усилия строителей башни.

Мирддин прислонился головой к стене. Он так устал, что больше не мог сопротивляться сну, и погрузился во тьму, более тяжелую, чем тьма тюремной камеры.

Проснувшись, он увидел мерцающий свет и на мгновение решил, что сидит перед зеркалом, а светятся прямоугольники и цилиндры в пещере. Открыв глаза пошире и пошевелившись на скамье, он понял, что свет исходит от факела, вставленного в кольцо на стене справа от него. Под факелом стоял человек и смотрел на мальчика.

Мирддин ощутил внезапный порыв радости. Такую белую одежду он видел лишь на Лугейде в праздничные дни. Впрочем, не было золотой спирали, которую Лугейд носил на груди. Но ведь существует братство бардов. Значит, перед ним друг. А Мирддин знает слова, с которыми можно обратиться за помощью. Он собирался произнести фразу, которой его научил Лугейд, но тут заговорил незнакомец:

— Сын демона, сын нелюди, запрещаю тебе использовать дьявольскую силу. Накладываю на тебя духовные узы повиновения, которые ты не сможешь порвать.

И он начал напевать заклинание, указывая на Мирддина жезлом, частично белым, частично ржаво-красным, как бы покрытым высохшей кровью.

Ощущение было такое, будто в нос мальчику ударила волна отвратительного зловония. Мирддин затряс головой, пытаясь избавиться от невидимого облака, окружавшего этого человека. Он не может быть другом Лугейда. В то же время Мирддин понял, что все ранее испытанные страхи ничто перед тем, что он ощутил сейчас. Потому что теперь опасность грозила не только его телу, но всему существу. И он начал повторять не слова приветствия, а другие, которым тоже научил его Лугейд.

Он видел, как расширились глаза друида. Посох взлетел в воздух, как будто жрец хотел кого-то ударить. Поднятый им ветер коснулся грязного лица Мирддина. Но жест этот был лишь пустой угрозой. И, поняв это, мальчик овладел собой и подавил страх.

— Чего тебе нужно от меня? — Мирддин сознательно не добавил никаких слов вежливости. Незнакомец мог носить такую

же одежду, как Лугейд, но внутренний голос говорил Мирддину, что он не может быть похожим на Лугейда.

Красный конец посоха указывал на мальчика, как копье, подготовленное для последнего смертельного удара.

— Ты, не знающий отца, послужишь Высокому Королю. Мы, говорящие с Силами, установили, что башня не сможет стоять, пока в основание ее не будет пролита кровь юноши, не знающего отца.

В глубине памяти Мирддина ожило какое-то воспоминание. Возможно, он узнал об этом в зеркале, а потом забыл. Он не всегда мог вспомнить, что показывали ему в пещере. Некоторые факты, казалось, глубоко погружаются в его сознание и лежат там, пока случайное слово или вид знакомого предмета не оживят их, не вызовут на поверхность.

Он знал! Не смерть, в этом он был теперь уверен. Он знал, что его привела сюда не только воля короля. Была и другая причина, связанная с задачей, которую он лишь смутно ощущал впереди.

Если друид ожидал, что мальчик испугается, будет просить о пощаде, он был разочарован. Потому что Мирддин, опираясь на свои знания, смотрел на него уверенно, высоко подняв голову.

— О каких Силах ты говоришь? — снова он сознательно опустил слова уважения. — В наши дни твои голоса исходят не от небесных существ, а повинуются желаниям людей.

Друид тяжело дышал; он смотрел прямо в глаза мальчику, пытаясь подавить его волю, сделать послушным, готовым повиноваться приказам. А Мирддин, собрав все свои знания, отвечал ему уверенным взглядом.

— Что ты знаешь о небесных существах? — спросил незнакомец голосом, лишенным прежнего высокомерия. Теперь в нем звучала нотка неуверенности.

— А ты? — ответил вопросом Мирддин.

— Об этом запрещено говорить не владеющим тайнами! — Лицо незнакомца вспыхнуло гневом. — Что ты подсмотрел, дьявольское отродье?

— А мог я подсмотреть это? — Мирддин отчетливо произнес слова узнавания, которым давно научил его Лугейд.

Но, к его удивлению, друид облегченно засмеялся.

— Эти слова теперь бессмысленны. Мы слушаем новую Власть. Ты теперь никого не обманешь, болтая эти забытые слова. Входи! — Он чуть повернул голову, не отводя взгляда от

Мирддина, будто опасаясь, что мальчик может оказаться более сильным противником. — Войди и возьми его!

Вошел человек в изношенных латах, почтительно обходя друида. Мирддин не сопротивлялся, когда ему снова связали руки и подтолкнули к двери.

Друид уже вышел, но ждал их снаружи. Солнце заставило Мирддина мигнуть; он не мог поднять руку, чтобы защититься от сияния. Его окружило несколько стражников, а за ними мальчик видел ожидающих жителей города и саксонцев. Они смотрели на него с нетерпеливым ожиданием.

Тот самый отвратительный запах, который сопровождал друида, теперь навис над всеми. Он должен был вызвать в человеке страх, победить его мужество, чтобы он без сопротивления шел навстречу смерти.

И все же, хотя мальчик внутренне съезжился, он шел уверенно, без колебаний, полностью владея собой.

Дорога, по которой они шли, поднималась на холм, к грудам камней, из которых Вортиген собирался строить свою башню. На ходу Мирддин посматривал направо и налево не потому, что хотел рассмотреть лица собравшихся, а как бы проникая взором в глубь почвы.

Они остановились перед гладким камнем, накрытым вышитой тканью. На этом импровизированном троне сидел король.

Мирддин увидел человека, близкого по возрасту к своему деду, но в чертах его лица не было благородства, не было гордости. Лицо короля опухло, как будто он много пил. Глаза Вортигена, не останавливаясь, перебегали с одного лица на другое, словно он постоянно ожидал предательства. Руки короля лежали на рукояти меча, но по мягкости его тела, по вздутому животу, на котором с трудом застегивалась перевязь меча, видно было, что он уже не воин.

За ним стояла женщина, грациозная, гораздо моложе короля, с золотой короной на волосах, желтых, как созревшая пшеница. Платье ее все было вышито золотом, так что она сверкала на солнце как металлическая. Несмотря на красоту, в лице ее чувствовалась жесткость обработанного золота, а не мягкость плоти.

В ней не было ни робости, ни неуверенности, она смотрела с легкой улыбкой, не смягчавшей высокомерного выражения. Когда ее взгляд остановился на мальчике, в нем блеснуло жестокое нетерпение.

— Этот мальчишка? — спросил король. — Доказано, что он сын нелюди?

— Господин король, — ответил друид, — об этом говорила сама родившая его. Один из сильных расспрашивал ее, и она не могла солгать. В ночь Самейна он был зачат каким-то демоном или дьяволом...

— Господин король! — Голос Мирддина звучал спокойно и уверенно. — Почему твои люди лгут тебе?

Друид повернулся, подняв жезл, и в этот момент ожило погруженное в сознание Мирддина знание. Взглядом он остановил жреца. Краска сбежала с лица друида, черты его лица ослабились. Он выглядел опустошенным.

Вортиген с чем-то близким к страху следил за этой переменной.

— Что ты сделал, рожденный демоном? — И он скрестил пальцы, чтобы отогнать сглаз.

— Ничего, господин король. Я лишь добился возможности рассказать, как плохо тебе служат твои люди.

Король облизал губы. Рука его сжала рукоять меча, наполовину обнажив его.

— В чем же мне плохо служат?

— В строительстве этой башни. — Мирддин кивком указал на груды камней. — Прикажи копать здесь, и ты увидишь. Там ключ, вода смягчает почву, и земля поэтому не выдерживает тяжести камней. А в воде ты увидишь судьбу этой земли. Там скорчился белый заморский дракон.

Мальчик бросил взгляд на королеву. Та пристально смотрела на Мирддина, будто ее взгляд был оружием. Мирддин ощущал давление ее воли. Но сила ее была слаба по сравнению с тем, чему научило его зеркало.

— На другом краю бассейна — красный дракон Древних. И эти драконы ведут бесконечную битву. Сейчас силы белого дракона увеличиваются, и он теснит красного. Но близок день, ближе, чем ты думаешь, господин король, когда красный дракон начнет побеждать. Пусть твои люди начнут копать. Все будет, как я сказал.

Золотая королева протянула руку, как бы собираясь положить ее на плечо Вортигена. И в тот же момент Мирддин, вооруженный знаниями зеркала, понял, что она его враг. Она не просто саксонская девка, соблазнившая короля, она...

Он нахмурился, ощутив угрозу, которой не понимал и с которой раньше не встречался. Встревоженный, он сосредоточил внимание на короле, инстинктивно чувствуя, что нужно напярчить всю волю.

— Прикажи копать, господин король!

Вортиген наклонился вперед, так что королева не могла его коснуться, тяжело кивнул и сказал:

— Пусть копают.

Принесли лопаты и под взглядом короля начали быстро копать землю. И вот со склона холма ударила струя воды. Обнаружилась небольшая пещера с подземным бассейном.

Мирддин напярчил силы. На этот раз требовалось не просто затуманить мозг своих сверстников. Нет, он должен создать иллюзию, которую никто не сможет забыть.

С одной стороны бассейна вспыхнуло красное пламя, с другой — белое. Языки пламени тянулись навстречу друг другу. Мирддин удерживал иллюзию как мог долго, затем, опустошенный, позволил огням исчезнуть. На лицах окружавших был написан страх. Кто-то торопливо разрезал путы на его руках.

Король повернул к нему напряженное, побледневшее лицо.

— Это правда... Правда... — повторил он. Голос его громко прозвучал в тишине, опустившейся на холм.

— Я дам тебе и другую правду. — Из ничего Мирддин извлекал слова, которые — он знал — должен был сказать. — Твои дни приближаются к концу, Высокий Король. Знай, что с вечерней звездой появится Амброзиус!

4

— О тебе говорят как о пророке, мальчик.

Воин в красном плаще откинулся, обнажив нагрудный панцирь старой римской работы; на нем бог в лавровом венке сжимал в руке пучок молний. Воин приземистый, с замкнутым лицом, как будто считал проявление эмоций недопустимой слабостью. И не только в его одежде чувствовался римлянин: о римском происхождении напоминала обветренная, смуглая кожа, коротко остриженные волосы, гладко выбритое лицо.

Мирддин ощутил целеустремленность этого человека, как ощущают особое оружие. Это настоящий вождь. Все, что говорили об Амброзиусе Аврелианусе, оказалось правдой: он был последним из римлян со всеми их достоинствами, а может, и не-

достатками. Предводитель, за которым идут. Но не его искал Мирддин, не ему суждено сплотить Британию в единую нацию. Он слишком римлянин, чтобы быть для многочисленных племен чем-то большим, чем удачливый военный вождь.

— Господин. — Мальчик тщательно подбирает слова. Он не мог сказать всю правду, потому что Амброзиус ему не поверит. — Господин, я горец и хорошо знаю эту землю. Я лишь сказал людям короля, что на этом холме нельзя строить башню, потому что под землей скрывается источник.

— А драконы, красный и белый? Наши пленники клянутся, что видели их схватку, — быстро возразил Амброзиус. — Откуда они явились, тоже из твоего ручья?

— Господин, люди видят то, чего ожидают. Вода оказалась там, где я сказал, поэтому они готовы были увидеть и остальное. Драконы были лишь в их воображении. Белый дракон саксов поддерживал Вортигена, а красный дракон нашей земли терпел поражение.

Он спокойно встретил пронзительный взгляд вождя.

— У меня нет опыта в колдовстве, — сказал Амброзиус с выражением, которое невозможно было не понять. — Колдовство оскорбляет богов и обманывает глупцов. Помни это, юный пророк! Хотя человек имеет право хвататься за любое оружие, чтобы спасти свою жизнь, потом ему лучше больше к этому оружию не обращаться. Мы сражаемся открыто, вот этим. — Он коснулся меча, лежавшего перед ним на столе. — Магия ночи, зло колдовства — это не для нас. Пусть трижды проклятая девка-саксонка, покорившая короля, пробует эти штуки.

Мирддин слышал рассказы, что именно королева дала яд, которым отравили старшего сына Вортигена, тем самым начав восстание против короля.

— Господин, — ответил он, — я не колдун. И прошу только позволения вернуться домой.

Ему показалось, что во взгляде Амброзиуса мелькнуло любопытство.

— В тебе кровь Найрена, благородного воина и верного человека. И возраст твой позволяет владеть оружием. Если хочешь, я возьму тебя в свое войско. Только больше никаких предсказаний, никакого обмана.

— Господин, ты оказываешь мне великую честь, — Мирддин поклонился. — Но я не человек меча. Моя служба тебе будет иной.

— Какой еще иной? Разве ты бард и имеешь власть над словами? Мальчик, тебе нужно долгие годы учиться, чтобы стать бардом. А я не король, чтобы посылать к врагам оратора, а не войско. Я не назову тебя трусом: по всем данным ты был в смертельной опасности и вышел невредимым благодаря лишь разуму. Но наше время — это время оружия против оружия, и саксы совсем не слушают слова, как хотели бы многие наши.

— Господин, ты говоришь о колдовстве, но во мне живет дар предсказания. Ты и его считаешь злым?

Амброзиус долго молчал, потом ответил более спокойным, рассудительным голосом:

— Нет, я не отрицаю, что в предсказаниях бывает и истина. Но все равно они вредны: если человек знает, что его ждет победа, он будет сражаться менее отчаянно; если он знает о поражении, то тем более храбрость покинет его, и он готов будет отказаться от битвы. Поэтому я не желаю знать, что ждет впереди, не желаю советоваться с авгурами, как делали в легионах в прежние дни. Я думаю, ты прав, Мирддин из дома Найрена. Если такую службу ты предлагаешь мне, я должен отказаться от нее. И тогда тебе лучше уехать.

Ты сделал предсказание перед силами Вортигена и этим послужил нам, за это спасибо. Мы будем сражаться за победу красного дракона, но без колдовства. Тебе дадут лошадь, припасы, и уезжай от нас поскорей.

Так Мирддин, увезенный из гор испуганным, ошеломленным пленником, вернулся туда по-прежнему мальчиком по внешности, но разумом и духом он стал другим. Тот, кто вызывает к таким Силам, как он, в одно мгновение перескакивает от детства к взрослости и никогда не возвращается к прежнему. У Мирддина было достаточно продовольствия, и он не стал заезжать в дом клана, а направился прямо к пещере.

Отпустив лошадь пасть на небольшой полянке перед склоном, в котором находилась пещера, он пробрался через расщелину и оказался перед зеркалом. Идя по пещере, он понял, что что-то в ней изменилось, хотя на первый взгляд все оставалось прежним: огоньки все так же мелькали на машинах; как всегда, на него смотрело его собственное отражение.

Сила воли, поддерживавшая его в пути от города, откуда был изгнан Вортиген и где теперь стоял лагерем Амброзиус, поки-

нула мальчика. Он упал на скамью перед зеркалом, охваченный усталостью, опустошенный, не в силах думать.

Но беспокойство не оставляло его. Даже в этом тайном месте что-то было не так. Мирддин порывлся в седельном мешке, отыскал кусок сухого хлеба и маленькую кожаную бутылку кислого вина. Запивая хлеб вином, он ел только потому, что знал: тело его нуждается в пище.

Жуя, Мирддин смотрел в зеркало и видел собственное отражение: маленькое, смуглое, со спутанными волосами, с лицом, которое — он теперь ясно видел это — отличалось от лиц окружающих. Идет ли это отличие от его небесного отца? Среди множества изображений, которые показывало ему зеркало, он никогда не видел других людей.

Мальчик устало жевал, время от времени оглядываясь. Хотя пещера отражалась в зеркале, его не оставляло ощущение, что он не один. Как будто слабый запах в воздухе. Он обнаружил, что принюхивается, как охотничья собака.

Удовлетворив голод, Мирддин начал осматривать все закоулки пещеры. Никого.

Но, может, чужак был здесь раньше? Как он мог тогда почувствовать его присутствие? Мирддин снова сел на скамью перед зеркалом, обхватив голову руками. Некоторое время он сидел погрузившись в мысли о будущем.

Послышался резкий звенящий звук, как будто ударили куском бронзы о другой металл. Мирддин поднял голову. Зеркало проснулось, его изображение исчезло с поверхности. Вместо него знакомый клубящийся туман. Он сгущался, темнел...

Он смотрел на девушку. Держалась она напряженно и как будто к чему-то прислушивалась. За ней виднелась хорошо знакомая местность — склон, в котором расщелина, ведущая в пещеру.

Но эта девушка не из дома клана! Тело у нее стройное, еще без женской округлости. Кожа бледная, цвета поблекшей слоновой кости, а волосы черные. Но в этом черном облаке волос сверкают какие-то странные красноватые искры.

Лицо у девушки треугольное, скулы широкие, подбородок заостренный. Мирддин вдруг понял, что у него такие же черты лица.

На ней простое платье, в зеленом прямоугольнике прорезали дыру для головы, у талии платье перехвачено серебряной цепоч-

кой. Невысокие сапожки с тем же украшением на ногах. Никаких браслетов или ожерелий.

Девушка рукой с длинными пальцами убрала с лица волосы и посмотрела с зеркала прямо на Мирддина. Ему показалось, что она его видит. Но в глазах ее ничего не отразилось.

В простом платье, юная, она казалась неуместной в этой пустынной местности, и все же в ней чувствовалась власть, как у дочери вождя. Мирддин ближе придвинулся на скамье, чтобы лучше разглядеть ее: девушка странно привлекала его, больше, чем любая другая. Кто она? Как попала в горы? Гостит в доме клана? Но в эти дни, когда по дорогам бродят разбойничьи отряды, девушки не покидают безопасные убежища.

И тут послышался знакомый голос, источник которого Мирддин так и не установил:

— Это Нимье. Она проклятие Мерлина. Она из племени Других.

— Что за другие? — спросил Мирддин. Голос зеркала по-прежнему называл его этим странным именем. Он уже привык к этому, но для себя всегда оставался Мирджином.

— Те, кто не хочет нового подъема человечества, — ответил голос. И после недолгого молчания продолжал: — Слушай внимательно, Мерлин, потому что зло близко и ты должен быть вооружен против него. В древние дни, когда наш народ прилетел в этот мир, здесь возникла могучая нация. Наши знания мы щедро отдавали людям Земли, тем, кто хотел знать. И человечество процветало. Дочери людей выходили замуж за рожденных небом. Дети, родившиеся от таких браков, были могучими героями и людьми Власти. Мы не понимали тогда, что в твоей расе есть и порок.

Но были и другие, которые тоже, подобно нам, летали в кораблях меж звездами. И они не хотели, чтобы люди поднялись к величию и знаниям. Поэтому тайно явились они в ваш мир и обнаружили этот порок: ваша раса склонна к ярости и насилию. И они использовали этот порок в своих целях. Последовали такие войны, о которых вы и понятия не имеете. Сражались молниями, взятыми с неба, переворачивали горы, превращали землю в море и море в землю.

Многие из нас погибли в этих битвах, и те, кого мы учили, тоже погибли. Тогда Темные вернулись на небо, решив, что человек никогда не поднимется вновь, а останется зверем, необу-

ченным и не поддающимся обучению. Немногие из наших детей выжили и попытались сбересть знания. Но они зависели от машин, а машины, подобные тем, что ты видишь в пещере, были уничтожены в войне. Металл невозможно стало обрабатывать, и человек вернулся к орудиям из камня и кости. Те, что начинали жизнь в огромных городах, кончили ее в первобытных пещерах, вооруженные лишь руками и теми знаниями, что сохранились в их памяти.

Мы не могли вернуться, потому что Темные контролировали межзвездные дороги. Если бы нас обнаружили, мы были бы схвачены и уничтожены. Так проходили века. Однако для всего настает время упадка, и наши враги ослабли, хотя мы тоже очень многое утратили. Но мы не забыли тех, кого оставили беспомощными в этом мире, и, собрав все, что у нас осталось, мы построили корабли, способные пересечь пустоту. Корабли были маленькие и не вмещали нас, но могли нести начальные элементы жизни. Если бы они достигли цели, то что они несли начало бы возрождение нашей расы. Мы отправляли свои корабли с семенами жизни с надеждой, потому что уже давно в небе не видели кораблей Темных.

Наконец один из наших кораблей прилетел на Землю. Маяк, вызвавший его, очень стар, мощность его ограничена, и лишь по счастливой случайности смог он посадить корабли жизни.

Так родился ты, Мерлин. На тебе лежит важная задача, потому что нам, чтобы вырасти снова, нужен мир. Ты должен установить этот мир. Ты будешь нашими руками. Маяк, привлечший корабль, мертв. Но есть более мощный маяк. Если его привести в действие, он приведет на Землю весь флот. Это тоже твоя задача.

Но тебя ожидает опасность. Точно так же, как мы, сигнальные маяки оставили на Земле и Темные. И один из них ожил. Оттуда происходит Нимье. Она должна помешать тебе выполнить твою задачу. Будь осторожен, потому что в ней воплощено все коварство Темных. И она владеет силами, которые сравнятся с твоими. Ее привлекла сюда энергия этого места, но она не нашла то, что искала: наши защитные поля еще прочны. Но она будет искать тебя. Все, что ты делаешь, она постарается изменить, чтобы человек снова не стал великим.

У тебя две задачи. Первая — оживить Великий Маяк. Это трудная задача, потому что часть маяка давным-давно увезена за

море, на Западный остров. Те, у кого сохранились остатки древних знаний, хотели там использовать силу маяка, но не смогли.

Вторая задача — выдвинуть вождя, который прекратит все распри и установит мир. Тогда мы сможем вернуться и снова работать с людьми.

Вот что ты должен сделать, а Нимье постарается тебе помешать. Будь осторожен, Мерлин, потому что ты наша единственная надежда, и все меньше времени для ее осуществления. Если ты не справишься, Темные окончательно завладеют твоим миром, и человек будет жить звериной жизнью без солнца знаний!

Изображение Нимье исчезло. Его сменила другая картина: огромные стоячие камни, поверх которых лежали горизонтально другие камни. Мирддин узнал это место: когда-то давно о нем рассказывал Лугейд.

Это сооружение создано сказочным народом, населявшим остров до того, как из-за моря появился народ Мирддина. Оно оставалось священным не только для своих забытых строителей, но и для тех, кто пришел им на смену. Обладавшие знаниями постигали здесь тайны движения звезд. И сейчас тут жили люди, стремившиеся к знаниям. Мирддин считал, что именно сюда ушел после смерти Найрена Лугейд.

— Это Великий Маяк! — произнес голос. Картина задрожала и исчезла. Мирддин понял, что теперь он один. Задача разъяснена, предупреждение сделано.

Мальчику было над чем подумать. Как одному вернуть такой огромный камень с Западного острова? Он знал, что это невозможно. Привлечь других к этой задаче также казалось невозможным. Кто сейчас, во время войны, в расколотой на части стране, прислушается к нему? Да он и не сможет рассказать все. Мирддин понимал, что только такие, как Лугейд, поверят в его рассказ.

Лугейд...

Мирддин не знал, имеет ли Лугейд какое-то влияние на королей и предводителей армий... Ему казалось, что должен иметь. Во всяком случае, решил Мирддин, прежде всего он должен отправиться к Месту Солнца и отыскать там Лугейда. К тому же не мешает осмотреть это место в реальности, а не в зеркале.

Выработав план, мальчик лег между двумя машинами, завернулся в плащ и уснул. Сны его были тревожными. Ему казалось, что он заперт в большом ящике, стены ящика прозрачны, как горный ручей, и через них он видит все вокруг.

Перед ящиком стояла Нимье и смеялась. Руки ее двигались — это знак, отгоняющий колдовство. Он много раз видел этот жест в детстве. Он знал, что он ее пленник, и в нем жила потребность высвободиться, выполнить какую-то важную задачу.

Он бился о прозрачные стены ящика, тело его покрылось слякучками и кровоподтеками, но выбраться он не мог. И все время его преследовало ощущение какой-то страшной неудачи.

Картина изменилась: перед ним был Лугейд. Друид спал на постели из сухих листьев, покрытых оленьей шкурой. Мирддин склонился над ним и коснулся ладонью лба спящего. И услышал собственный голос:

— Я приду.

При этих словах друид открыл глаза. Он узнал Мирддина. И заговорил. Губы его задвигались, но Мирддин, как ни напрягал слух, не слышал слов.

Между ними потянулся туман. Увидев его, Лугейд отшатнулся, взмахнул руками, как бы отгоняя зло. Туман сгустился в фигуру. Мирддин снова увидел смеющуюся Нимье. И проснулся.

Он почти ожидал увидеть склонившуюся над ним девушку, как он сам склонялся над Лугейдом. Но он был один. Молчание нарушал лишь гул машин. Мирддин знал, что нужно делать. Он должен идти к Месту Солнца, убедившись, что никто его не преследует.

Вначале раздобыть припасы и меч. Он не воин, но обращаться с оружием умеет, а ему предстоит углубиться в спорную территорию, где одинокому страннику перережут горло из-за пони или плаща...

Ведя лошадь, Мирддин спустился по склону холма... и увидел страшную картину. Здесь гостили огонь и меч. Угли остыли, значит, прошло несколько дней. Борясь с тошнотой, бродил он среди развалин, обходя обожженные тела защитников крепости. Их было слишком мало... Женских тел одно или два. Мирддин догадался, что женщин и детей увели в рабство.

Но он нашел Юлию. Она все еще сжимала обломок копья. Видимо, умерла быстро. От удара мечом. Мирддин стащил тела в чудом уцелевший сарай. Здесь лежали мешки с зерном. Он сделал из них похоронный настил, уложив на него тела своих родичей. Юлию он положил последней.

Достав огниво, он поджег мешки: у него не было сил хоронить мертвых, а оставить их непогребенными он не хотел. Когда

взметнулось пламя, он отыскал немного заплесневелого хлеба, кусок погрызенного мышами сыра и бутылку, которую наполнил водой из ручья. Он не оглядывался на поднявшееся к небу пламя. Все, что знал Мирддин в прошлом, ушло. Детство кончилось. Осталась лишь воля выполнить полученные в пещере приказы.

Мирддин выехал утром, на горизонте собирались грозовые облака. Он глубоко дышал, стараясь изгнать из горла запах дома клана, забыть то, что он видел там.

Пошел дождь, но Мирддин не остановился; он приветствовал дождь, обмывающий его тело. Это природа, а не отвратительные деяния людей. Мирддин размышлял над рассказом зеркала. Неужели правда человек жил в мире и обладал огромными знаниями? Если это так — а у него не было причин не верить, — он сделает все, чтобы вернуть золотой век.

В нем росла ненависть, не к тем, кто разрушил дом его клана: такова природа всех набегов. Нет, он ненавидел тех, других, которые летают меж звездами, владеют силами, которых он даже вообразить себе не может, и все же хотят, чтобы человек оставался грубым животным.

Что движет Темными? Ревность к тем, другим, что помогли Земле? Или страх? Может, они предвидят в человечестве врага, как кошка и собака — враги с самого рождения? Если так, то какое качество в человеке вызывает такой сильный страх? Мирддин жаждал спросить об этом зеркало. Он спросит, когда вернется.

Когда вернется?..

Он должен отвергнуть такие мысли, сосредоточиться на будущем, попытаться избавиться от возможных преследователей. Он неопытен в таких делах, поэтому придется удвоить усилия. Поэтому он держался в стороне от любых жилищ, останавливался в развалинах, давно покинутых людьми. Дважды он ночевал в руинах. Запасы пищи он растягивал как мог. В конце концов он горец, и ему удавалось поймать кролика или сбить камнем утку.

Мясо он ел сырым, так как не осмеливался разжечь костер. И ни разу ему не удавалось избавиться от страха перед преследованием. Дважды он забивался в кусты, обернув голову лошади плащом, чтобы заглушить ржание, пока отряды всадников проезжали мимо. Он решил, что это рекруты Амброзиуса, но не был уверен в этом, и осторожность говорила ему, что лучше не показываться.

С острым чувством голода и беспокойства Мирддин наконец выехал на равнину и увидел впереди гигантские стоящие камни. Он достиг Места Солнца.

5

Мирддин закутался в плащ. Дождь стучал по крыше грубой хижины, но внутри горел огонь, а в руках Мирддин держал деревянную чашку с горячим супом из кролика, сваренного на травах. Дверью в хижину служила шкура, которую время от времени раскачивал ветер. Мирддин слишком устал, чтобы есть, хотя запах пищи вызывал слюну во рту.

Лугейд не нарушал молчания. Он сидел, скрестив ноги, и чинил свое платье, ставшее старым, а не белым. Друид, занимавший некогда почетное место в доме клана, теперь был похож на обычного нищего на дороге. Но в голосе его не было нищенских ноток. Он смотрел на Мирддина строгим пронизательным взглядом.

— Поешь и спи, — сказал друид. — Тут тебе ничего не угрожает.

— Откуда ты знаешь, что мне грозит опасность? — Мирддин сделал глоток супа.

— А откуда я знал, что ты идешь? — ответил вопросом Лугейд. — Боги дали мне способности и ум, чтобы пользоваться ими. Разве ты сам не предвидел нашу встречу?

Мирддин, вспомнив свой сон, кивнул.

— Я видел сон...

Лугейд пожал плечами.

— Кто может сказать, что такое сон? Возможно, это сообщение, посланное и полученное. Я думаю, — медленно добавил он, — что ты многое узнал, сын чужого.

— Я узнал... — Мирддин снова отхлебнул супа. Он хотел рассказать все, что произошло с ним в пещере, но что-то удерживало его. Может быть, он ни с кем на земле не сможет поделиться узнанным. — Я узнал, что привело меня в это место. Меня здесь ждет задача. — Он надеялся, что сказал не слишком много.

— Это я тоже знаю. Но не сейчас ты начнешь решать ее. Поспи после еды: сон необходим каждому человеку.

Мирддин спал без сновидений на груде листьев, покрытой шкурами. Проснувшись, он увидел, что дождь кончился, в лицо

ему светило солнце. Шкура, служившая дверью, была откинута, чтобы впустить свет.

Через двери он видел несколько стоящих камней. Они показались ему более странными, чем самые древние здания людей. Между двумя камнями виднелась фигура в белом. Когда она приблизилась, Мирддин увидел, что это Лугейд. Борода его была теперь белей одежды и достигала пояса, грива волос касалась плеч.

Но друид двигался не как старик; скорее он шел уверенно, как человек средних лет. В руках он нес мешок, из которого торчали какие-то растения. Мирддин догадался, что друид собирал лечебные травы, как делал он сам, когда жил в доме клана.

Мальчик отбросил плащ, которым укрывался во сне. Утренний холод сменился приятным теплом. Мирддин с удовольствием потянулся и встал. Наклонив голову, он вышел из хижины. Выход низкий, даже для его небольшого роста.

— Хозяин, — приветствовал он друида.

Лугейд опустил мешок.

— Ты называешь меня хозяином, но ты и сам хозяин здесь. Ты чего-то хочешь. — Старик улыбнулся. — Ты хочешь о чем-то спросить меня, но не знаешь, в каких словах это сделать. Не ищи красивых фраз. Между нами не должно быть церемоний. Я дал тебе имя при рождении.

— Да, — согласился мальчик. — Ты дал мне имя — Мирддин. Я слышал, что некогда так называли бога здешних гор. Мне дали и другое имя — Мерлин.

— Мерлин, — Лугейд произнес это медленно, как бы проверяя каждый звук. — В клане нет такого имени. Но если его дали тебе, то не без причины. Итак, Мерлин-Мирддин, что ты хочешь спросить у меня?

— Как добиться, чтобы Амброзиус Римский выслушал меня?

На лице друида не было удивления. Он спокойно спросил:

— Зачем тебе внимание Амброзиуса? И почему бы тебе просто не пойти к нему?

Мирддин вначале ответил на второй вопрос, быстро рассказав о Вортигене, своем пророчестве и встрече с Амброзиусом.

— И ты считаешь, что он не будет тебя слушать, поскольку ты колдун? Так?

— Если старые знания — колдовство, то да. А нужно мне его внимание вот для чего: я должен вернуть в Место Солнца ка-

мень, увезенный на Западный остров. Его нужно положить в соответствующее место.

Лугейд медленно кивнул еще раньше, чем Мирддин кончил говорить.

— Я слышал об этом. Но Амброзиус имеет дело с предметами этого мира, которые можно увидеть, услышать, потрогать. Легенды не интересуют его. Впрочем...

— Ты знаешь, как добиться его внимания?

— Может быть. Римские императоры в древности воздвигали памятники в ознаменование своих побед. И этот камень принадлежит Британии, он у нас украден. Если Амброзиус выиграет большое сражение, в радости он может стать сговорчивей.

— На это нужно время. Удача. Случай... — возразил мальчик.

— Юность всегда нетерпелива. Я долго жил. Достаточно долго, чтобы понять: время должно быть твоим слугой, а не хозяином. Другого пути нет. Камень можно привезти сюда лишь с помощью людей, воинов и на корабле. Ты думаешь, жители Западного острова так просто отдадут то, что считают своим законным трофеем?

Мирддин в нетерпении ходил взад и вперед. Он не очень верил в план друида. Слишком много случайностей. Но несмотря на все знания, сообщенные ему зеркалом, он не видел другого выхода, кроме помощи Лугейда. Он знал, что встреча с Амброзиусом ему самому ничего хорошего не принесет.

Он остановился и коснулся рукой высокого синеватого камня из внешнего круга. Прикосновение каким-то образом передало ему представление о такой древности, что он почувствовал благоговейный страх. По синеватой поверхности были рассыпаны маленькие желтые кристаллы размером с боб. Огромный камень вызвал у Мирддина отчаяние. Он не знал размеров камня, который ищет, но если он похож на этот, то и сотня людей не пошевелит его.

Нет. Мирддин снова ощутил уверенность. Люди не шевельнут камень. Но существа, построившие это место, имеют свои тайны, и кое-чему зеркало его научило. Сомнение заставило его испытать свои силы.

Он осмотрелся. Следующий камень упал и лежал в густой траве. Мирддин потянулся к ножу. Посох не послужит ему, даже если он сделан из священного дуба. Его оружием должен быть металл, и притом не всякий.

Мирддин извлек нож и подошел к упавшему камню. Он начал медленно, в определенном ритме постукивать острием. Одновременно он произносил гортанные звуки, которые зеркало заставляло его произносить снова и снова, пока он не добился правильного акцента.

Быстрее и громче становилось постукивание. Горло Мирддина слегка болело от непривычного напряжения голосовых связок. И вдруг он услышал другой голос: к его пению присоединился Лугейд.

Стук-стук... рука движется быстро... еще, и еще, и еще... Лицо Мирддина покрылось потом, рука устала, но он не поддавался телесной слабости. Стук — голос — стук...

Он был так поглощен своим занятием, что первое движение камня застало его почти врасплох. Камень шевелился в борозде, которая образовалась при его падении поколения назад, шевелился, как зверь, просыпающийся после долгой спячки.

Стук — голос...

Камень поднимался. Но Мирддин не мог удержать его, рука его опустилась, и мегалит упал обратно в борозду. Мирддин опустился на колени рядом с ним, тяжело дыша, совершенно ослабев.

— Хорошо сделано, сын неба!

Хотя в ушах у него звенело, он расслышал слова Лугейда. Друид прислонился к камню с противоположной стороны, удивленно глядя на Мирддина.

— Но тебе нужно лучшее орудие, чем этот нож, — продолжал друид. Он повернулся, по-прежнему опираясь рукой о камень. — И если у тебя хватит духа, ты его можешь получить.

— Где?

— Из рук умерших. — Друид указал на низкие курганы за каменным кольцом. — Это их работа. А когда они умирали, с ними хоронили их оружие, чтобы оно не попало в руки более слабых.

— Взять у мертвых! — Часть Мирддина, принадлежавшая этому миру, отшатнулась от такой возможности. Мертвые ревниво хранят свои сокровища. Обычный член клана никогда бы не решился взять что-нибудь у мертвых.

— Если бы они были живы, сами бы отдали оружие в твои руки, — ответил Лугейд. — Здесь лежат те, в ком тоже была небесная кровь. Их никто не охраняет, и все же их оружие не может попасть в недостойные руки.

— Но... — Мирддин, держась за камень, с трудом встал. — Человек может потратить всю жизнь на поиски и ничего не найти в этих могилах.

— Подобное стремится к подобному, — спокойно ответил Лугейд. — Смотри. — Он достал из-за пазухи маленький кожаный мешочек, потемневший от пота, как будто он носил его очень долго. Развязал его, и в руке у него оказался кусок металла, блестящий, как драгоценность. — Возьми его, почувствуй, — приказал он. Мирддин протянул руку, и друид опустил в нее металл.

Мирддин поднес кусок к глазам, потрогал его пальцем. Не бронза, это точно, и не чистое золото. С таким цветом это не олово, не железо, не серебро... возможно, подобно бронзе; это сплав, но каких именно металлов, он не мог догадаться. Кусок цвета светлого серебра, но, хоть он и маленький, на нем играла радуга цветов, меняясь с каждым движением.

— Это металл небесного народа, — сказал Лугейд. — Он сохранился со времен катастрофы. Если в могилах есть что-нибудь принадлежавшее строителям Места Солнца, он даст нам знать. Его можно использовать как прут, при помощи которого ищут воду. — Лугейд оторвал край своей одежды и тщательно проверил прочность полоски.

Затем закрепил кусок металла в полоске ткани и привязал ее к пальцам, так что металл свободно свисал.

— Начнем поиски, — сказал он.

Вместе начали они осматривать курганы. Некоторые напоминали по форме диски, другие — кольца с разорванными краями. С вытянутой рукой Лугейд поднимался на каждый курган, следя за свисающим концом металла.

К ночи Мирддин потерял уверенность. Он готов был отказаться от всякой надежды, что приспособление Лугейда поможет им отыскать небесное оружие. Но друид казался спокойно уверенным. Он не беспокоился, когда они вернулись в хижину.

— Если не сегодня, — сказал он, бросая листья в кипящий котел, — то завтра.

— И послезавтра, и еще послезавтра... — кисло продолжил мальчик.

— Если будет необходимо, — кивнул Лугейд, — Мирддин-Мерлин, прежде всего тебе следует научиться терпению. Тебе его явно не хватает. Но это обычный недостаток молодости.

— Ты уже говорил, — заметил Мирддин, подкладывая дрова в костер, — я должен ждать внимания Амброзиуса, ждать, пока мы отыщем оружие, ждать... Может быть, слишком долго!

— Я не спрашивал, зачем тебе это нужно, — Лугейд яростно мешал варево. — Но теперь спрошу: нужно ли торопиться?

— Я должен выполнить два задания, — ответил мальчик, — хотя не знаю, почему они возложены на меня. Я не просил о рождении от Повелителя Неба. — Он сидел на корточках, глядя в огонь. — Мое рождение принесло мне только неприятности.

— От этого не свободно никакое рождение, — заметил Лугейд. — Если ты откажешься от дела своей жизни, что же ты будешь делать? Возьмешь меч воина? И умрешь, может быть, обрвав до этого несколько жизней.

Мирддин вспомнил, каким он видел в последний раз дом клана. Таковы плоды войны. Такова жизнь, на которую обречены люди, если не произойдет никаких изменений. У него нет выбора. Он должен нести ношу, возложенную на него голосом из зеркала.

— Я буду делать то, что должен, — тяжело сказал он. — И если ожидание — часть моего дела, я вынесу его. Но меня предупредили. — Он подумал, сможет ли сказать Лугейду. Ведь знания, сообщенные ему зеркалом, прочно заперты. — Существует некто... — он обнаружил, что может продолжать, — чья задача — помешать мне.

— Один из Темных, — согласился Лугейд.

Мирддин удивился. Много ли знает друид?

Он увидел улыбку Лугейда.

— Здесь хранится кое-что из знаний древних. — Старик коснулся своего лба. — Принадлежащие к нам должны учиться двадцать лет. Эти знания никогда не записывались, но передавались устно от поколения к поколению. Да, Темные некогда принесли гибель за землю. Значит, у них тоже есть верные слуги? Знаешь ли ты, кто твой враг?

— Девушка, — не закрывая глаз, Мирддин вдруг увидел Нимье на горном склоне, с прекрасными волосами, которыми шаловливо играл ветер, с напряженным, ищущим взглядом. Такой он увидел ее в зеркале. — Я знаю лишь, что ее зовут Нимье, но не знаю ни клана, ни племени. — Он покачал головой.

— Нимье... Это имя Силы. В старину так звали водяную богиню. Я запомню.

Они ели молча, заняты своими мыслями, и так же молча легли спать. Мирддин чувствовал, что рядом друг, и ему было хорошо. Редко испытывал он подобное чувство. Лишь в пещере у зеркала.

На рассвете они снова начали поиски. На этот раз Мирддин действовал с большей готовностью. Если ему необходимо терпение, то чем скорей он им овладеет, тем лучше.

Солнце уже стояло высоко, когда они поднялись на кольцевой курган чуть выше соседних. И тут же кусок металла начал раскачиваться, блестя на солнце. Лугейд рассмеялся.

— Разве я не сказал, что подобное стремится к подобному? Вот доказательство, мальчик! — Он топнул ногой по дерну, укрывавшему курган. — Под ним лежит то, что мы ищем.

Он сунул кусок металла в карман, торопливо направился к хижине и вернулся с бронзовым топором.

— Настоящей лопаты у нас нет, — сказал он, — но этот топор и твой нож послужат нам.

С силой, удивительной в его возрасте, Лугейд врубился в дерн. Работа была тяжелая, и они по очереди рубили топором, убирая землю с помощью ножа и корзины. К закату они добрались до массивного камня, служившего крышей склепа. Лугейд расчищал его в поисках входного отверстия.

Солнце зашло, сгущались сумерки. Лугейд стоял в выкопанной ими траншее.

— Свет! Факел! Нельзя оставлять на ночь!

Мирддин выпрямился, отбросил очередную корзину земли. В глубине души он знал, что друид прав: открытую могилу нельзя оставлять на ночь. Но человеческая часть в нем в ужасе содрогалась при мысли о том, что придется в темноте вторгаться в могилу.

Но он отложил в сторону неуклюжее орудие и заторопился мимо мегалитов к хижине. Угли, хорошо укрытые, еще сохраняли огонь. Мальчик сунул два факела в угли, потом взмахнул ими над головой, раздувая пламя.

Держа в руках факелы, он думал лишь о том, как бы побыстрее добраться до могилы. И вдруг сквозь сосредоточенность ощутил тревогу. Оглянувшись, он не увидел никакого движения между камнями, от которых тянулись длинные тени. Он пошел медленнее, продолжая оглядываться.

Придя к могиле, он воткнул факелы в землю. При их свете он увидел, что Лугейд не терял времени в его отсутствие: обнажил-

ся конец откопанного им камня, и теперь друид углублялся под него, чтобы найти вход в склеп.

Ниже оказался другой камень, меньший и расположенный вертикально. Он поддался объединенным усилиям, хотя металлический топор при этом раскололся. Обнажилось отверстие. Мирддин, с его меньшими размерами, сумел заглянуть внутрь. Лугейд светил ему факелом.

Внутри оказались различные предметы: кувшины, копья, что-то завернутое в ткань, которая распалась от прикосновения свежего воздуха. Все это не интересовало Мирддина. Он хотел увидеть блеск металла, и свет факела помог ему.

С бесконечной осторожностью мальчик сунул руку в отверстие и нащупал что-то холодное и прочное. Схватив это, он извлек наружу меч.

Лезвие из того же сплава, что и сокровище Лугейда. Не тронутое временем, прямое и гладкое, как будто только что выкованное, оно ответило на свет факелов радугой отблесков. Большая тусклая жемчужина украшала витую рукоять. Мирддин протянул меч друиду и начал торопливо забрасывать землей отверстие.

— Нужно спрятать, — тяжело дыша, говорил он. — Оттуда, — не поворачивая головы, он кивнул в сторону, — за нами следят.

Он услышал свистящее дыхание Лугейда.

— Возьми это, мальчик, и иди! Оставь мне свет. Я закопаю могилу. Но этим рисковать нельзя!

Он отдал меч Мирддину, и мальчик снова взял его. Ему хотелось завернуть лезвие в плащ: оно сверкало ярче факелов.

Держа оружие перед собой, он побежал к хижине. И так остро ощущалось чье-то присутствие, что он ежесекундно ожидал вызова.

Может быть, это какой-то бродячий горец или даже саксонский разведчик. А этот меч — настолько ценная добыча, что вполне оправдывает нападение. И в то же время Мирддин знал, что за ним следит не обычный враг.

Убегая с факелами, он не опустил дверной занавес. И теперь огонь в хижине указывал ему путь.

Мирддин был в десяти шагах от двери, когда от ближайшего камня отделилась фигура и направилась к нему. Мальчик повернулся лицом к привидению. Рукоять меча легла в руку, как будто оружие было специально выковано для него. Меч гораздо длиннее римских, которые он видел в войске Амброзиуса.

Он взмахнул мечом, с которого, казалось, сорвался язык пламени. И Мирддин наконец понял, что значит быть воином, почувствовал яростное возбуждение битвы. Не сознавая этого, он оскалил зубы и испустил низкий крик.

Но не ударил. Свет от двери упал на приближающуюся фигуру. И он узнал ее.

— Нимье!

На этот раз он не только увидел, но и услышал ее смех.

— Мерлин! — В том, как она произнесла его имя, звучала насмешка.

6

— Храбрый воин! — насмешка девушки жалила, выводила из себя. — Что ты теперь сделаешь? Ты ударишь меня мечом, как поступают разбойники в этих темных местах?

Мирддин опустил меч. Она заставила его почувствовать себя глупцом, ребенком. Но он знает, кто она, и не должен допустить, чтобы она взяла верх.

— Те, кто прячется во тьме и подсматривает оттуда, — ответил он, — должны быть готовы к встрече с обнаженным лезвием.

— Ты веришь, что металл может победить меня, Мерлин? Ты все еще держишься предрассудков твоего племени? — Глаза ее сверкали, как у кошки, в свете, падавшем из двери. Она улыбалась. — Лучше испытай свои силы на таких! — Повернувшись, Нимье указала на камень, из-за которого появилась.

Из-за камня появились фигуры, рожденные кошмарным воображением. Но Мирддин знал, что на самом деле они не существуют. Он сам заставил короля и всех остальных видеть драконов. А теперь Нимье пытается запугать его иллюзиями. Он пристально посмотрел на них, и они рассеялись и исчезли.

Нимье перестала улыбаться, губы ее напряглись. Она зашипела, как змея или сердитая кошка.

— Ты думаешь, что узнал всю науку древних! — воскликнула она. — Глупец, ты потратишь годы и годы и все еще будешь в начале. Ты еще мальчик...

— А ты девочка, — ответил он. — Нет, я не говорю, что знаю много. Но такие игрушки мне знакомы.

Она качнула головой, так что волосы разлетелись по плечам.

— Посмотри на меня, — приказала она. — Посмотри на меня, Мерлин!

Ее матовая кожа светилась собственным блеском, черты лица слегка изменились. Красота окутала ее как плащ. Неожиданно на голове у нее появился венчик, аромат цветов коснулся ноздрей Мирддина. Одежда ее исчезла, и взору открылось все стройное тело.

— Мерлин... — Голос ее звучал низко и страстно; он многое обещал. Она нерешительно подошла ближе, как будто хотела коснуться его, но девичий страх мешал. — Мерлин! — простонала она. — Опустит этого убийцу, иди ко мне. Я покажу тебе такое, что ты не видел и во сне. Я жду... Иди! — Она протянула руки.

Впервые ощутил он себя мужчиной. Горячо зашевелилось неиспытанное чувство. Запах цветов, очарование ее тела... он уже не так крепко сжимал рукоять меча. Все земное в нем хотело ее.

— Мерлин, тебя обманули, — негромко говорила она. — Жизнь здесь, а не там. Тебя оградили от нее, лишили свободы. Иди ко мне, и ты узнаешь, что значит быть по-настоящему живым! Иди, Мерлин!

Она протянула руки, призывая его в свои объятия. Глаза ее были сонно тяжелы, рот изогнулся, ожидая поцелуев.

— Мерлин... — Голос ее перешел в шепот, обещая то, о чем он лишь смутно догадывался.

Спас его меч. Почти уронив его, Мирддин коснулся острием ноги. И тут же ощутил шок, нарушивший очарование. Он произнес лишь одно слово:

— Ведьма!

Снова ее глаза блеснули. Цветущий венчик исчез, на ней снова оказалось зеленое платье. Она топнула, и протянутые к нему руки превратились в когти, готовые рвать его тело.

— Глупец! — громко воскликнула она. — Ты сделал выбор и с этого часа начинаешь платить за него. Отныне между нами только война, и не думай, что я слабый враг! После каждой победы ты будешь встречаться со мной, и если сегодня мне не хватило сил, то будут еще дни... и ночи. Помни это, Мерлин!

И как пришла из ночи, так и ушла в нее, смешавшись с тенями, и Мирддин даже не мог сказать, куда она ушла. И вместе с ней исчезло ощущение, что за ним следят. Теперь он знал, что свободен, по крайней мере на время, и облегченно вздохнул.

Но он долго ждал, прислушиваясь, пользуясь и другими чувствами, которым научило его зеркало. Да, она ушла. Ощущалась лишь древняя сила, свойственная этому Месту Солнца. Там, где люди поклонялись всем сердцем, навсегда остается дыхание Силы, может, ослабевающее с течением времени, но никогда не исчезающее совсем.

Держа меч обеими руками, Мирддин вошел в хижину и разжег костер. Готовя еду, он держал оружие наготове. Работая, он прислушивался: ему не хотелось оставаться одному, он ждал возвращения друида.

Он не боялся Нимье. Не верил, что она может вызвать к жизни силы, с которыми он не справился бы. Но первое ее нападение он не предвидел. Теперь он решительно боролся с сохранившимся в памяти видением: Нимье, матово-белая в ночи, с зовущим сонным голосом. Он понял, что женщины не для него. Никакие узы не должны мешать ему выполнить задачу.

— Кто здесь был?

Мирддин очнулся от сумятицы мыслей при этом резком вопросе. Лугейд, высокий и хмурый, стоял у входа, откинув занавес.

— Как ты?.. — начал мальчик.

— Как я узнал? Благодаря Силе, которую изучил! Враждебные силы проснулись этой ночью. Но сейчас врагов нет. — Ноздри друида раздувались, он слегка повернул голову, оглядываясь через плечо. Одежда его была в земле, руки исцарапаны, под ногтями набилась грязь.

— Она была здесь — Нимье, — сказал Мирддин.

— Какое злое известие! Она видела меч?

— Да. Она... она хотела обольстить меня. — Мирддину было неловко, но, рассказав все друиду, он облегчит свою ношу.

Лугейд кивнул.

— Что ж, если бы ты был старше... Нет, не думаю, чтобы у нее вышло. Но будь осторожен. Она идет по твоему следу, и обмануть ее будет нелегко. У Темных своя Сила, и умение обманывать людей — ее составная часть. Но не думаю, чтобы ей легко удавались чары, пока у тебя в руках это. — Он указал на меч.

— Но время не ждет. Я не сознавал этого. Я сделаю то, о чем ты меня просил: поеду к Амброзиусу.

Мирддин испытал внезапное облегчение. Он чувствовал, что опасно оставаться здесь одному, где его выследила Нимье. Но отчасти это и его место. Он испытывал странную близость к

этим камням, как будто они некогда жили собственной жизнью и оставили ему наследие.

Эту ночь мальчик спал, прижимая к себе меч. И если девушка, приходившая из тьмы, пыталась навеять ему колдовские сны, ей это не удалось: он спал без сновидений. Проснулся он не только отдохнувшим, но и уверенным, что нужное должно быть сделано.

Лугейд уехал на пони, которого привел с гор Мирддин. Проводив его, мальчик отправился проверять ловушки, установленные друидом. Ему повезло: в обеих была дичь. Он поджарил мясо на пруте и с жадностью съел его.

Позже он изготовил грубые ножны, связав куски коры полосками, оторванными от плаща, и теперь постоянно носил с собой меч. Ночью он клал рядом с собой чудесное лезвие. Часами бродил он меж камней, касаясь время от времени рукой и каждый раз ощущая подъем духа от таких прикосновений.

Впервые начал он объективно оценивать знания, полученные у зеркала. Многие из того, что сообщил ему бестелесный голос, он не мог использовать, потому что металлические чудеса Небесного Народа больше нельзя было изготовить в его мире. Для этого требовались слишком специальные знания. Он понял, что усвоил лишь очень небольшую часть сведений, некогда привычных для его предков.

Он мог вызывать иллюзии, как с Вортигеном, и удерживать их короткое время. Умел немного лечить, не только используя травы, но и мысленно видя источник болезни и возлагая соответствующим образом руки. Так он мог восстановить функции больных или поврежденных органов. Но это требовало, чтобы больной верил, что он может выздороветь. А Мирддин сомневался, чтобы многие могли ему поверить. Слишком напоминало его лечение то, что люди называют колдовством.

Он получил свойство, вслушиваясь в речь на чужом языке, улавливать мысли, рождающие слова, и понимать сказанное. Он знал, как уменьшить вес: один раз он уже применил эту способность к упавшему камню. Если понадобится, он использует это свое умение в полную силу.

Бродя меж камней, он критически оценивал свое обучение. Возможно, он знает больше Лугейда, но знания его могли быть гораздо значительнее, если бы их раса не впала так глубоко в варварство. Он знал это и чувствовал нарастающее раздражение.

Все равно что стоять у входа в сокровищницу, зная, что любой вошедший овладеет сокровищами, и быть не в состоянии преодолеть невидимый барьер.

Но камни и меч успокаивали его, внушали уверенность. Он часто думал, из какого металла выковано оружие Небесного Народа. Были ли небесные люди похожи на него, сына без отца? Зеркало показало ему много чудес, и он знал, что небесные люди не сражались так, как сражаются теперь: человек против человека, лицом к лицу. Они повелевали громами и молниями и били на расстоянии. Он дрожал и по-настоящему заболел, когда зеркало показало ему картину последних битв, когда весь мир пылал, пораженный до самого сердца. Вскипали моря, горы вздымались и опали с легкостью, с какой Мирддин мог швырнуть кусок земли.

Мальчик хотел испытать силу меча и слов, поднять один из упавших камней. Но осторожность не позволила ему провести такое испытание. Он не знал, услышит ли его Нимье, и поэтому с терпением, которое выработал в себе, ждал возвращения Лугейда.

Была весна, хотя он утратил точный счет дней. Трава у камней позеленела, свежие листочки раздвигали пожелтевшие, убитые морозом. Мирддин видел, как распускаются цветы. Пели птицы, дважды видел он, как лис с лисицей играли меж камней. В нем самом нарастало какое-то беспокойство, которое он пытался подавить. Дважды он во сне видел Нимье и, проснувшись, испытывал стыд. И все время смотрел он на тропу, по которой уехал Лугейд.

Он начал считать дни, укладывая камешки в линию у двери. Друид вернулся, когда он положил пятнадцатый камень. Он вернулся не один, с ним было шесть копейщиков. Воины не подъехали ближе, они беспокойно поглядывали на камни.

Лугейд облегченно вздохнул, слезая со спины пони. Он поднял руку, приветствуя подбегающего Мирддина.

— Все хорошо? — спросил Мирддин. Но лицо друида было мрачно, и Мирддин остановился, неуверенно посмотрев на всадников, которые не шевелились. Было похоже, что они с радостью при первой же возможности ускачут отсюда.

— Только отчасти, — ответил Лугейд. — Амброзиус мертв.

Мирддин застыл.

— Как он погиб — в битве?

— Нет. Он умер из-за заморской волчицы, хотя она протянула к нему руку из могилы. Она и Высокий Король погибли в пламени лишь на день раньше. Но смерть, посланная ею, на-

стигла Амброзиуса руками ее служанок. Правду узнали слишком поздно.

Лучше бы он погиб в битве, подумал Мирддин. Амброзиус не заслужил такого конца.

— Мир ему, — негромко сказал мальчик. — Такого мы больше не увидим. — Какое-то воспоминание шевельнулось в нем. Но еще не время было ему действовать, и воспоминание тут же ушло.

— Да, он был герой. И как герой он будет лежать здесь! — Лугейд указал на Место Солнца. — Тебе удастся осуществить свой поиск, Мирддин. Сводный брат Амброзиуса теперь возглавляет войско. Он следует старым обычаям. Я говорил с Утером, которого люди называют Пендрагоном. Он хочет, чтобы королевский камень был отобран у заморских варваров и привезен назад, в Британию. Он станет надгробным камнем героя.

Странны прихоти судьбы! Хоть велико было желание Мирдина выполнить приказ, он все же хотел, чтобы причина у приказа была другая и чтобы смерть не была с ним связана. Он пытался вспомнить Утера; вспомнил смутно высокого молодого человека, с рыже-золотыми волосами, достигавшими по старому обычаю плеч, с розовым лицом, с изогнутым в смехе ртом. Но в лице его не чувствовалась сила, жившая в смуглом, гладко выбритом римском лице Амброзиуса.

— Король отправил к берегу отряд. Там ждет корабль. Возможно, камень придется выкупать кровью, — продолжал друид. Мирддин медленно покачал головой.

— Я не хотел бы отбирать силой...

Но он знал, что сделает все, чтобы добыть королевский камень.

В пути Лугейд рассказывал ему о новом правителе.

Амброзиус никогда не пользовался королевским титулом, довольствуясь присвоенным заморским императором званием герцога Британского. Но теперь, после смерти Вортигена и исчезновения его войска, Утер готов был протянуть руку к королевской короне, и никто не помешал бы ему в этом.

— Племена поддерживают его, — заметил Лугейд, — считают своим, а не римлянином. А те, что шли за его братом, вынуждены идти за ним: он теперь их единственная надежда. Саксы получили такой удар, что теперь долго не оправятся. Впрочем, я думаю, люди Пендрагона недолго будут отдыхать, и их мечи не заржавеют в ножнах.

Утер обладает всеми достоинствами и недостатками племен. Он могучий воин, и они пойдут за ним, как всегда идут за героями. Но у него есть и серьезные недостатки. Мне кажется, ему не хватает целеустремленности и рвения брата. Амброзиус знал единственное дело в жизни: восстановление безопасного правления в Британии, хотя он ошибался, думая, что оно придет от римлян. Время заморских императоров кончилось. Мы ведем собственные сражения и не хотим видеть на своих дорогах марширующих римских орлов.

— Ты нашел пороки в Утере? — спросил Мирддин. Они ехали поодаль от эскорта, и воины с готовностью оставляли их наедине и не стремились общаться с друидом и его товарищем.

— Не больше, чем в человеке, слишком склонном следовать своим желаниям. Сейчас желание Утера — обеспечить себе мирное правление. Тут его желание служит доброй цели. Но в будущем... — Лугейд пожал плечами — Я не пытаюсь заглядывать в будущее слишком далеко: это может вызвать отчаяние. Довольно того, что он дал тебе, сын неба, возможность осуществить желаемое.

Мирддин был уверен, что на самом деле Лугейд глубоко встревожен и что-то скрывает. Но не настаивал. Как сказал друид, пока достаточно того, что Утер дал им возможность овладеть королевским камнем.

Попутный ветер перенес их через пролив на Западный остров. Здесь они высадились в небольшой бухте, не встретив ни одного человека. Первый день они как будто шли по пустыне, хотя воины были настороже и посылали вперед разведчиков. Война — их профессия, и они хорошо знали ее.

На второй день в полдень прискакал разведчик и сообщил, что обнаружил засаду в узкой лощине. Его бдительность спасла их. Воины спешили и, укрываясь, обошли лощину. Сидевшие в засаде не ожидали нападения с тыла, и битва превратилась в кровавую бойню. Мирддин и Лугейд занялись ранеными. Но вот привели знатного пленника.

Он держал голову высоко, хотя рана на лице открывалась, как второй рот, а правая рука была сломана.

— Перевяжите его. Он должен жить, — приказал командир их отряда. — Это Гилломан, который правит территорией, где находится королевский камень. С ним в руках мы можем начать переговоры.

Но юный вождь плюнул на землю им под ноги и попытался рассмеяться, хотя ему мешала рана.

— Разве вы великаны? — спросил он. — Вы не похожи на великанов и ничем не отличаетесь от моих людей. Вам не удастся увезти королевский камень.

— Поживем — увидим, — ответил Мирддин. — Сейчас нужно заняться твоей раной.

Вначале казалось, что вождь будет сопротивляться, хотя они желали ему добра. Но наконец он сдался. Лугейд вправил кости на руке, наложил деревянные планки и плотно перевязал их. Мирддин положил ему на лицо компресс из трав. Потом сосредоточился на соединении раненой плоти, как учило его зеркало.

Пленник недоверчиво взглянул на Мирддина и сказал:

— Кто ты такой? Мне больше не больно. Твои руки — руки целителя.

— В этом мой дар, как твой дар в умении руководить битвой, король. И я не желаю тебе зла. Слушай мое предложение. Если я сумею сдвинуть камень, поднять его лишь своими руками и голосом, поклянешься ли ты, что твои люди мирно пропустят нас с камнем в Британию?

Гилломан снова рассмеялся.

— Ни один человек не сможет это сделать. Если это не шутка, я даю слово чести. Подними камень руками и голосом, и я уведу своих воинов. Они дадут вам свободный проход. Но если ты не сможешь, будьте готовы к нашему нападению.

— Хорошо, — ответил Мирддин.

И вот они ехали по стране, а по обе стороны собирались люди Гилломана, готовые уничтожить их, если Мирддин потерпит поражение. И вот наступил день, когда он в одиночестве стоял не перед единственным камнем, а перед десятком. Часть камней лежала, другие стояли. Без колебаний Мирддин подошел к камню средних размеров. На нем был вырезан знак, который Мирддин хорошо знал, — спираль небесного народа.

Он извлек меч из ножен, солнце отразилось в нем радугой; Мирддин услышал удивленный ропот окружающих. Он поднял меч и прижал его плашмя к камню. Потом начал медленно постукивать, приговаривая. На этот раз ему было гораздо легче произносить необычные гортанные звуки. Быстрее становилось постукивание, громче звуки. Радужное сияние освещало руку, державшую меч.

Удары металла о камень звучали почти непрерывно. Мирддин ударял так быстро, что трудно было уловить паузу, когда он поднимал меч. Его голос сливался со звоном металла, и эти звуки уже нельзя было разделить.

И камень двинулся, начал подниматься со своей земляной постели. Но Мирддин не прекращал стучать, ритм его ударов стал еще яростнее, пение — еще громче.

Мирддин начал поворачиваться, очень медленно, едва ли по четверти дюйма за раз. Камень поворачивался за ним. И вот он стоит уже поперек траншеи. Мирддин сделал шаг, другой, третий, камень — за ним. Мирддин ничего не видел, кроме сверкания меча. Отгоняя усталость, напрягая волю, продолжал он свое дело.

Мирддин медленно шел, а камень, поддерживаемый колебаниями, о которых говорило зеркало — нужен только подходящий металл и подходящий камень, — камень двигался по воздуху за ним. Мирддин миновал остальные камни и чуть спустился по склону.

Тут он опустил меч, и камень сразу лег на землю. Стихло хриплое напряженное пение. Мирддин взглянул туда, где стоял Гилломан.

Лицо юного вождя было почти полностью забинтовано; виднелись лишь глаза, широко раскрытые, полные благоговейного страха. Вождь поднял руку в приветствии.

— Ты сделал то, что могут делать только богоравные герои. Как я обещал, так и будет. Поскольку королевский камень ответил на твой призыв, ты можешь увезти его. Я не знаю источника твоего колдовства. Не хочу, чтобы оно было подальше от моей земли. Трудно жить под угрозой такой силы.

Так Мирддин добыл королевский камень без дальнейшего кровопролития. И привез его в Британию на то место, откуда его увезли. Камень воздвигли во славу Амброзиуса, но Мирддин знал, что у него есть и другая цель.

— Ту цель откроет будущее.

7

Утер Пендрагон стал Высоким Королем, и в Британии держался мир. Мирддин стоял в Месте Солнца. Хотя королевский камень лежал на месте, Мирддин знал, что свою задачу еще не выполнил. Потому что Утер, как и его предшественник Амброзиус, был не тем королем, которого он искал.

Лугейд оказался прав. Утер был доблестным воином, но имел и свои недостатки. Скорый на гнев, он не умел контролировать себя так, как это делал Амброзиус. Красивый, горячий, он легко следовал своим желанием. И вот однажды он приехал к Мирддину, в Место Солнца.

Он отослал сопровождающих и теперь удивленно разглядывал юношу.

— Тебя называют Мирддином? — спросил он резко, будто не веря себе.

— Да.

— Но ты совсем молод. Как можешь ты быть пророком и двигать скалы своей волей и ударами меча? Кто ты на самом деле?

— Мне говорили, что я сын нелюди, — ответил Мирддин. — Что касается моих способностей, то они даны мне с определенными целями. И первая из них — чтобы королевский камень вернулся на свое место ради блага этой земли.

Утер уперся руками в бока; подбородок его был вздернут, как будто он собирался бросить вызов.

— Кто ты такой, чтобы решать, в чем благо Британии? Ты даже не окровавил меч у нее на службе, если только правдивы слухи о тебе. — Он кивком указал на меч в ножнах из коры на поясе Мирддина.

— Меч не мой, господин. Я лишь временный его хранитель. И мои способности не для войны.

— Я слышал, что ты пророк. Если это правда, скажи, победит ли Пендрагон.

— Победит. Но белый дракон будет возвращаться снова и снова. Господин король, собери эти земли в единое королевство, если хочешь править по-настоящему.

Утер кивнул.

— Для этого не нужны пророчества, парень. Каждый знает, что это должно быть сделано. Скажи мне что-нибудь, чего я не могу предвидеть сам. Тогда я возьму тебя под свою защиту, дам почетное место в своей свите...

Мирддин покачал головой.

— Господин король, двор и почет, которые ты предлагаешь, не для меня. Твой брат однажды предложил мне вступить в его войско, но как пророку мне не нашлось места среди его подданных. Если будешь опираться на мои слова, твои люди будут

недовольны. Мне лучше быть подальше от твоего двора. Но ты просишь о пророчестве, вот оно.

У тебя родится наследник, но рождение его будет тайным. Это будет повелитель, какого наша земля не знала со времен императора Максима. Имя его будут помнить многие столетия. И если он выполнит то, к чему призван, эта земля будет благословенна превыше всех стран в мире.

— У многих есть сыновья, — ответил Утер. — Кто сменит меня, сейчас не в этом дело. Да я и не узнаю, прав ты или солгал. Если хочешь показать мне свое волшебство, скажи еще что-нибудь, колдун.

— Господин король, ты ожидаешь, что я вызову гром с ясно-го неба или превращу твою свиту в свору собак? Я имею дело не с тем, что ты называешь колдовством, а с древней мудростью. Могу сказать тебе: до конца следующего года я тебе понадобится. Когда настанет этот момент, пусть твой вестник едет к месту, где стоял дом клана Найрена, и разожжет среди развалин костер. Я отвечу на твой вызов.

Утер рассмеялся.

— Парень, не знаю, зачем ты можешь мне понадобиться. Мне кажется, силы твои незначительны, ты можешь лишь создавать иллюзии и заставлять людей видеть то, чего нет. Ты прав: мои люди не верят тебе, и тебе лучше быть подальше. Не знаю, каким ты станешь, когда повзрослеешь, но не думаю, чтобы мы могли иметь дело друг с другом.

Он запахнул плащ и ушел. Мирддин смотрел, как он уходит, и внезапно увидел мгновенное изменение. Высокий человек в алом плаще, с великолепным вооружением, вдруг оказался согбенным и сморщенным, лицо его посинело, сильные мускулистые ноги превратились в тощие кости, смерть смотрела через его глаза. И Мирддин понял, что не смерть в битве ожидает Утера, а предательство и медленный упадок. Он хотел предупредить короля, но знал, что слова его окажутся бесполезными.

Он вздохнул, думая о своем опасном и часто бесполезном даре. Лучше бы его не было. Он видит в лице человека его смерть и не может сказать ему об этом. Но Мирддин не отвернулся от королевского камня, он положил руку на его поверхность, еще раз подивившись, какая сила удерживает его здесь, заставляет выполнять поручение небесного народа. Зеркало объяснило, что камень — это маяк, но как он действует, Мирддин не знал. Он

чувствовал только в нем огромную скрытую энергию, как и в других камнях этого места.

В хижине его ждал Лугейд. Друид уже собрал немногочисленные пожитки Мирддина, привел и оседлал пони.

— Ты должен уехать.

Эта неожиданность поразила мальчика.

— Почему?

— Ищущие добрались до этого места. Ты сделал то, чему противились Темные, теперь они захотят убить тебя, чтобы ты не мог еще чем-нибудь навредить им. Прошлой ночью в кругу танцевали Теневые Танцоры. Но ни у одного из них не нашлось достаточно сил, чтобы соорудить себе тело. Однако я думаю, что если ты удержишься здесь, они вернуться. И с каждым возвращением они будут становиться все сильнее, пока не станут серьезной угрозой для мозга и тела.

— Я не расспрашивал тебя об источниках твоей силы. Да ты и не должен мне рассказывать. Но предупреждаю тебя, Мирддин: возвращайся к этому месту и возобновляй свои силы. Те, кто учил тебя, должны и смогут, я надеюсь, защитить тебя от Темных.

— Идем со мной! — порывисто сказал Мирддин.

Друид покачал головой.

— Каждому свое. Твои знания должен использовать только ты: ты для этого рожден. Нет, я останусь здесь.

— А Теневые Танцоры? — Мирддин взглянул на ряды стоящих камней. При свете солнца от каждого из них тянулась тень, но в ней не чувствовалось угрозы. Мирддин знал, что Лугейд говорит о тех призраках, которыми хотела его запугать Нимье в ночь их встречи.

— Я для них неинтересен, они посланы за другой добычей.

Мирддин подумал об одиночестве в пещере. Ближайшим его соседом будет разрушенный дом клана.

— Ты интересен для меня, — сказал он. — Мне трудно будет жить в горах с дикими зверями.

— В тебе говорит страх, — строго ответил Лугейд. — Каждый человек идет своей дорогой в жизни; лишь изредка он может встретить другого. Ты должен привыкнуть к своему одиночеству в этом мире.

И Мирддин уехал от Места Солнца, оставив позади недавно привязанный камень и зная, что его ждет впереди одиноче-

ство — судьба тех, кто владеет Древней Силой. Пустынными тропами вернулся он на горный склон, где была ведущая в пещеру расщелина.

На этот раз ему было гораздо труднее протиснуться в щель: он сильно вырос. Наконец он пробрался во внутреннее помещение, где по-прежнему гудели и шелкали установки. Устав физически и духовно, он сел перед зеркалом.

— Ты вернулся, — заметил голос, такой же монотонный, как всегда. — И маяк теперь на месте. До сих пор ты выполнял то, для чего родился.

Мирддин не знал, откуда зеркалу известно о его успехе. Может, оно читает его мысли? Это предположение ему не понравилось. Неужели он лишь слуга чужаков, раб, которому не позволены собственные желания или действия? Тогда злополучно его рождение: человек не должен рождаться для судьбы, которую не может изменить.

— Дело сделано, — ответил он без выражения.

— Отдыхай и жди, — послышалось в ответ. И Мирддину вновь показалось, что он освободился от какого-то принуждения, которого раньше и не сознавал. Он замигал и потянулся, как будто проснувшись от долгого сна. Потом вышел из пещеры, глубоко дыша горным воздухом.

Он не вернулся в разрушенный дом клана. Напротив, в горах он построил себе хижину из камня и ветвей. Приближалась середина лета, и Мирддин принялся готовить запасы на зиму. Он собрал травы и корни. Однажды он разыскал одичавшую корову, убил ее и прокоптил мясо.

Когда вороны слетелись на шкуру, которую он забросил за куст, дикая кошка с котятками явилась оспаривать у них добычу. Вороны испускали боевые крики. Мирддин дождался, пока шкура не была очищена от мяса. Потом он выскреб и обработал ее как мог. Впоследствии внутренности всех животных, которых ему удавалось убить, он оставлял для своих крылатых и пушистых соседей.

Это была трудная жизнь, лишенная даже тех скромных удобств, какие давал дом клана. Мирддин похудел, вырос, кожа его потемнела на солнце. Наступил день, когда он хорошо заточенным ножом впервые выбрил подбородок и одновременно подрезал сильно отросшие волосы.

Одежда стала ему мала, и он сшил новую из грубо обрабо-

танной шкуры. Самые толстые части шкуры пошли на изготовление обуви.

Короткое лето приближалось к концу. Нужно было готовиться к холодам. Каждое утро Мирддин поднимался на камень, откуда видны были развалины дома клана. Он находился слишком далеко, чтобы видеть подробности, но каждый раз он убеждался, что сигнала Утера еще нет.

Почти неохотно навещал он зеркало, но голос редко заговаривал с ним; большинство его вопросов оставались без ответа. За работой он напевал, вспоминал узнанное и разговаривал вслух, чтобы не забыть человеческую речь.

Однажды он нашел запутавшегося в кустах ворона. Птица в ужасе кричала. Освободив ее и не обращая внимания на удары клюва, Мирддин увидел, что у нее сломана лапа, и начал лечить ее.

Когда лапа зажила, ворон не захотел улетать. Он часто сидел на бревне, которое Мирддин прикатил к хижине и использовал как рабочий стол. Здесь он плел ивовые корзины, в которых хранил зерно дикой ржи.

Мирддин назвал птицу Вран и удивился, когда ворон принял предложенную ему пищу и ответил на резкие крики, которыми Мирддин подражал птице. Утром, когда Мирддин выходил из хижины, Вран подлетал к нему, садился на плечо и негромко кричал, как будто рассказывал что-то на незнакомом языке.

Зима была суровой, и в дни самых сильных бурь Мирддин уходил в пещеру с зеркалом. Щель ему пришлось расширить, иначе он не прошел бы. Вран исчез, очевидно, отыскал себе убежище, и Мирддину не хватало его общества.

Он не приближался к зеркалу, чувствуя, что сейчас не время использовать механизмы со звезд. На многих из них огоньки уже не загорались. Мирддин со страхом иногда думал, что зеркало по-своему стареет и сила его ослабевает.

Трудно было следить за временем. Мирддин пытался вести каменный календарь, как когда-то возле хижины Лугейда; но буря разбросала камни, а Мирддин не помнил их точного количества и отказался от попытки вести счет дням. Иногда целыми днями он ничего не ел и проводил долгие часы в необычной летаргии.

По крайней мере никто не тревожил его в горах. Со времени своего возвращения он не видел ни одного человека. И осо-

бые чувства не предупреждали его о присутствии других, как при встрече с Нимье.

Он гадал, куда она делась и что делает. Иногда ему начинало казаться, что нужно выследить ее, как она выследила его. Но когда он спросил об этом зеркало, последовал быстрый и решительный ответ:

— Не приближайся к тем, кто служит другим, они приведут тебя к битве, а время ее еще не настало.

Мирддин уже хотел отойти, когда снова послышался голос:

— Наступает время выполнения второй задачи. Слушай. Должен родиться ребенок, как родился ты, нашей крови, беспорочный. Но все люди должны верить, что зачал его Высокий Король. Когда Утер попросит твоей помощи в этом деле, используй данные тебе силы. Пусть король поверит, что лежал с избранной им женщиной и наслаждался ночью ее любовью. Пусть женщина верит, что принимала своего мужа. Но в ее комнате ты должен открыть окно и оставить ее одну.

Когда родится ребенок, ты должен взять его, сказав королю, что ребенок в опасности: многие не хотят, чтобы у короля был законный наследник. Ты отвезешь ребенка на север, к лорду Эктору, который воспитает его как приемыша. Пусть лорд Эктор считает, что ты усыновил ребенка. Он принадлежит к древней расе, и ты покажешь ему опознавательный знак. В его жилах течет наша кровь, хотя и ослабленная временем, а подобное ищет подобное.

Будь готов выполнить это, когда появится королевский посланец. В этом ребенке надежда твоей земли, а также и наша надежда. Лишь когда воцарится король нашей крови, наступит мир и мы сможем вернуться.

— Когда это произойдет? — осмелился спросить Мирддин.

— С приходом весны. Учись ежедневно создавать иллюзии, пока не сможешь пользоваться ими так же легко, как опытный воин владеет мечом. Лишь при помощи этого оружия сможешь ты выполнить задачу.

Так Мирддин очнулся от сонной бездеятельности, когда незаметно проходили дни, не отличаясь друг от друга. Он проверял свои силы, как борец разминает мышцы перед схваткой.

Он создавал свои иллюзии на ближайшем холме, добиваясь максимального жизненного правдоподобия. Однажды он воздвиг у входа в пещеру темный зловещий лес. На другой день уничто-

жил лес и заменил его прекрасным лугом, на котором под легким ветерком покачивались летние цветы. Затем он начал создавать людей. К нему шел Найрен, плащ его раздувало ветром, бронзовая цепь свисала поверх кожаного камзола, ярко сияя. Подходя, он улыбнулся и поднял руку в дружеском приветствии.

Труднее всего было преодолеть стремление удержать эти иллюзии, не пытаться превратить их в живых людей. Мирддин уставал больше, чем когда поднимал Королевский камень. Но чем больше он упражнялся, тем реальнее и правдоподобнее становились его иллюзии. Но он не был уверен, что для других они будут такими же жизненными, как для него.

Тогда он использовал Врана, который вернулся с наступлением зимы. Мирддин создал иллюзию освежеванной овцы, и ворон с резким криком попытался рвать ее мясо. Но когда овца вдруг превратилась в куст, он испуганно отлетел.

Так ежедневно Мирддин упражнялся в создании иллюзий, пока однажды утром, возвратившись на свой наблюдательный пункт, не увидел столб дыма над разрушенным домом клана. Захватив лишь меч в кожаных ножнах, он быстро пошел по еле заметной тропе, по которой ему совсем не хотелось ходить, и сквозь брешь в стене увидел стоящих у костра людей. Одного из них он узнал. Это был Кредок, дружинник Утера. То, что именно он был послан за Мирддином, свидетельствовало, что желание короля велико. И Мирддин понял, что наступило время, о котором его предупреждал голос.

Он знал, что для этих людей, в их богатых нарядах и украшениях, он кажется нищим, диким бродягой или каким-то существом из горских легенд. Но шел он гордо, зная, что лишь он может выполнить желание короля, даже если понадобится для этого прибегнуть к обману.

— Ты Мирддин? — В голосе Кредока слышалось явное отвращение.

— Да. И Высокому Королю нужна моя служба, — спокойно ответил Мирддин.

— Жизнь в горах, мой господин, нелегка.

— Оно и видно! — Кредок не насмехался открыто, но глаза выдавали его. Впрочем, Мирддину было все равно.

Но при въезде в город короля ему дали новую одежду. Годы войн, саксонские рейды увеличили число руин в этом некогда богатом городе. Но некоторые здания восстановили и аккурат-

но оштукатурили. А внутри даже создавалось впечатление великолепия, так как роскошные занавеси скрывали повреждения.

Мирддина отвели во внутреннее помещение. На сбитой кровати сидел Утер. Он как будто только что проснулся, хотя утро давно наступило.

— Здравствуй, пророк. — Утер напился из серебряной чаши и передал ее ждущему юноше, знаком приказав снова наполнить ее заморским вином. — Ты говорил правду в день нашей последней встречи. Мне действительно нужна твоя помощь. И если ты послужишь мне, можешь сам назначить награду. Убирайтесь все отсюда! — сказал он, обращаясь к собравшимся. — Я буду говорить с пророком по секрету.

— Господин король, он опасный колдун, — возразил Кредок.

— Неважно. Пока его колдовство приносило пользу этой земле. Не очень значительную, конечно, но по крайней мере оно никому не повредило. А теперь оставьте меня.

Приближенные повиновались с видимой неохотой. Король ждал, пока они выйдут, потом заговорил чуть слышно, так, чтобы голос его не долетал до стен.

— Мирддин, ты имеешь дело с иллюзиями, как сказал моему брату. Ты говоришь: люди видят то, что хотят видеть. Женщины тоже подчинены этому?

— Да, господин король.

Утер энергично кивнул. Он отпивал небольшими глотками вино.

— Тогда я хочу, чтобы ты сотворил иллюзию для меня, пророк. Недавно я короновался здесь перед войском и своими приверженцами. Не последний из них — лорд Голорис из Корнуэлла. Он пожилой человек, достаточно крепкий, чтобы отвечать на призыв боевого рога, но недостаточно, чтобы удовлетворить молодую жену. А его жена леди Игрена годится ему по возрасту в дочери. Эта леди — прекраснее я никогда не видел! Хотя обладал многими женщинами, и все они приходили ко мне добровольно. Когда я попытался заговорить с ней, она не ответила, а рассказала своему мужу. И он очень невежливо, не попрощавшись, уехал от двора, причинив мне позор! — Лицо Утера вспыхнуло, и он говорил с гневно сжатыми губами. — Ни один человек не может так стыдить короля, чтобы остальные болтали об этом украдкой. Я уже послал отряд в Корнуэлл, чтобы это стало ясно герцогу Голорису. Но его леди — о, это другое дело!

Я буду держать ее в своих объятиях, и она узнает, как может любить король. Герцога выманили из крепости, но леди там в безопасности, как он считает. Скажи, пророк, смогу я проникнуть в ее будуар или она попадет ко мне в спальню?

— Ты говорил об иллюзиях, господин король. Можно создать иллюзию настолько сильную — по крайней мере на одну ночь, — что леди будет считать, что к ней вернулся муж. Но это будет лишь внешность герцога...

Утер громко расхохотался. Мирддин видел, что король уже изрядно опьянел.

— Прекрасная шутка, пророк! Она доставит мне удовольствие. Ты клянешься, что это можно сделать?

— На короткое время, господин король. И нужно быть близко к крепости герцога.

— Неважно! — Утер махнул рукой. — В моих конюшнях лучшие кони. Если понадобится, мы загоним их насмерть.

Все было сделано по приказу короля. Мирддин обнаружил, что цепляется за седло большой лошади и едет сквозь тьму. Ехали всю ночь при свете луны. Мирддин не рассуждал, добрый или злой поступок он готовит; его интересовали лишь последствия. Будет рожден еще один сын неба, подобный ему, полуизгнанник в этом мире. Мирддин чувствовал радость, потому что познал горечь одиночества.

Когда родится ребенок и будет отвезен к Эктору, он сам освободится. Мирддин так яростно жаждал этой свободы, как раб стремится избавиться от цепей.

Через три дня они подъехали к крепости у моря и укрылись в роще. Мирддин один пошел вперед, чтобы взглянуть на крепость, в которую хотел проникнуть Утер, и начал готовиться к созданию величайшей иллюзии.

В

Ночь была необычно холодной для кануна Бельтейна. С моря дул резкий ветер. Даже сквозь толстые стены крепости Мирддин слышал удары волн. Сам он мучился от насморка и не чувствовал уверенности в своих силах.

Утер и его люди спали в укрытии. Было легко подмешать порошок сонной травы в единственную бутылку с вересковым ме-

дом: резкий вкус напитка отбил привкус зелья. И со всем искусством, которое дало ему зеркало, Мирддин поместил в мозг Утера иллюзию.

И вот он идет по переходам крепости. Дважды пришлось ему прибегать к искажающим полям, чтобы остаться невидимым. Напряжение начинало сказываться на нем. В комнате впереди... Он остановился перед занавесом, закрывавшим вход, и снова начал создавать иллюзию.

Когда все было сделано, он перевел дыхание и двинулся вперед. Храбро отдернув занавес, он вошел. Если он действовал верно, женщина внутри увидит лишь своего неожиданно вернувшегося мужа.

В руке Мирддин держал небольшой сверток с сонным порошком. Когда он даст ей под каким-то предлогом порошка, его задача будет выполнена.

Лампа старинного римского образца горела у кровати, сделанной в виде богато украшенного деревянного ящика со снимающейся крышкой. Но на кровати никого не было. Женщина стояла у окна, глядя на штормовое море. На ее стройные плечи, чуть скрывая наготу, был брошен плащ. Услылав шаги, она быстро оглянулась.

Испуганное выражение сразу исчезло. Она неуверенно улыбнулась, как будто не зная, в каком настроении находится вошедший.

— Милорд! Но... как ты пришел сюда?

Мирддин облегченно вздохнул. Иллюзия выдержала. Женщина видела герцога Голориса.

— Где мне еще быть? — спросил он. — Прекрасная леди, эта ночь не для войны.

Она отошла от окна, опустив край плаща. Теперь он хорошо видел, что она создана для радостей любви, хотя сам смотрел на нее без тени смущения, какое ощущал при виде соблазнительного тела Нимье. Герцогиня Игрена была действительно прекрасна, но красотой римской богини. Она смотрела на него, чуть улыбаясь, и он догадался, что во многом она правила старым лордом так же безраздельно, как Утер Британский.

«Кончай эту игру», — умоляло что-то внутри Мирддина. В этой комнате, пахнувшей женщиной и жизнью, совершенно незнакомой ему, он бы так же неуверен, как олень, почуявший западню. Рука его двинулась к столику, на котором стояла вы-

сокая стеклянная бутылка, привезенная из моря, и два прекрасных кубка.

— Ночь холодна, — сказал он. — Я хочу согреться вином.

Игрена негромко рассмеялась.

— Есть другие способы согреться, лорд. — Она стыдливо указала на кровать.

Он заставил себя тоже рассмеяться.

— Прекрасно, но вначале налей мне, пожалуйста, вина. А потом мы попробуем твой способ, чтобы определить, какой лучше.

Она надула губы, но ждала, пока он не налил вина в кубки, потом послушно взяла один из них. Он сделал вид, что пьет, а она опустошила кубок в несколько глотков.

— Милорд, ты необычно сдержан. — Она подошла ближе, и Мирддин ощутил аромат ее тела. Не обращая внимания на свою наготу, она подняла руки и расстегнула плащ. — Лорд, ты сегодня сам не свой...

Мирддин хотел отшатнуться, уйти от ее рук. Усилием воли он сдержался. Поставив кубок, он взял ее за руки и сжал их, взглянув ей в глаза.

Лицо ее потеряло игривое выражение, разгладилось, как будто она больше его не видит.

Мирддин мягко отвел ее к кровати. Глаза ее по-прежнему были неподвижны. Ложась на подушки, она не шевельнулась, когда Мирддин отошел.

Окно полуоткрыто. Занавес и ставни откинута. Мирддин удостоверился, что такими они и останутся. Женщина в постели сонно бормотала, и слова ее предназначались не ему, а видению, которое он поместил ей в мозг.

Снаружи послышалось негромкое гудение. Мирддин быстро вышел из комнаты. Стражники его не видели.

Добравшись до своего наблюдательного пункта — холма перед крепостью Голориса, — Мирддин обернулся. Ярко светила луна. В отдалении виднелись костры: там простой народ праздновал Бельтейн. Он хорошо выбрал ночь: в крепости оставалось лишь немного постоянных обитателей.

Окно, выходящее в сторону моря, он не мог видеть. Да и не его дело, что там происходит. Теперь нужно сохранить иллюзию Утера. Ощущая тяжелую усталость, Мирддин добрался до скрытого лагеря и долгие часы сидел рядом со спящими.

На рассвете Утер зашевелился. Глаза его открылись, но он не узнавал окружающих. Протянув руки, он пытался кого-то удержать.

Мирддин быстро вскочил. Кончиком пальца коснулся головы короля, над и между глазами. И отдал мысленный приказ:

— Проснись!

Утер замигал, осмотрелся в сером свете. Зевнул и увидел Мирддина. Лицо его нахмурилось.

— Итак, колдун, твое волшебство как будто подействовало. — Голос его звучал хмуро. — Ты выполнил обещание. — Ни торжества, ни удовлетворения не было в его тоне. И взгляд его избегал взгляда Мирддина.

И Мирддин понял, что, удовлетворив, как он верил, свою страсть, Утер стыдился теперь своего поступка. И ему не хотелось видеть человека, которого он стыдился.

— Если ты доволен и я выполнил твой приказ, господин король, позволь мне удалиться. Мне не нравится жизнь при дворе, — устало сказал Мирддин. Он ожидал, что Утер отвернется от него, но не так внезапно. А ему не хотелось полностью утратить расположение короля, потому что дело его еще не завершено и для завершения нужно сохранить связь с королем.

— Хорошо. — Утер совершенно отвернулся. Он даже не взглянул на Мирддина, а смотрел на спящих. — Уезжай, когда и куда хочешь.

Мирддин с достоинством принял приказ, даже не поклонившись, и пошел к пасущимся лошадям. Взяв свою лошадь — он решил, что Утер отдает ему ее для возвращения, — он, не оглянувшись на короля, двинулся в путь, но не успел он добраться до вершины небольшого холма, как услышал топот копыт и увидел человека, скачущего на покрытой пеной лошади.

— Король? — крикнул он Мирддину. — Где Утер?

То, что кто-то знает об этом тайном походе, удивило Мирддина. Но всадник был так уверен, что Утер где-то по соседству, что было очевидно: у него какое-то срочное сообщение, ради которого можно нарушить тайну.

— Зачем тебе король? — спросил Мирддин. Любое изменение было существенно и для его планов. — Саксы протрубили в боевой рог?

Человек покачал головой.

— Герцог Голорис... убит в схватке вчера. Король должен узнать...

Мирддин показал, откуда он пришел.

— Там ты найдешь короля...

Всадник ускакал раньше, чем он закончил. Пуская свою лошадь рысью, Мирддин обдумывал значение услышанного. Герцогиня Игрена скоро узнает, что в те часы, когда она принимала своего мужа, он был мертв. А Утеру легко будет овладеть теперь женщиной, которую он считает самой желанной. Как скажется их брак на жизни, которую — Мирддин был уверен в этом — Игрена носит теперь в своем теле?

Будет ли король, опираясь на воспоминания, считать ребенка своим? И что произойдет, когда Утер будет обсуждать его происхождение с герцогиней? Мирддин ясно почувствовал отвращение короля к самому себе в тех нескольких словах, которыми они обменялись. Каков будет результат этого стыда?

Пройдет больше полугода, прежде чем он об этом узнает. Его собственная задача ему ясна: ребенок, зачатый этой ночью, должен быть скрыт, спрятан на севере, в доме человека, в жилах которого древняя кровь. Он узнает Мирддина по условным словам. Почему бы не убедиться в этом немедленно? И Мирддин повернул лошадь не к пещере, а на север.

Несколько недель спустя он знал, что Эктор — лорд небольшой территории, расположенной среди гор и ущелий. Соседи его уважали, но обращались к нему только в случаях необходимой совместной защиты. Его люди были известны тем, что крайне неохотно принимали незнакомцев. Эктор женился на своей двоюродной сестре: много поколений браки не выходили за пределы их семьи, а он был молодой человек.

Мирддин собирал эти сведения по частям у бродячих торговцев. Теперь, когда угроза саксонских набегов ослабла, торговцы снова появились на дорогах. Разговаривал Мирддин с кузнецом, который зиму проработал в крепости Эктора, а сейчас торопился к больной матери, с бардом, который путешествовал в поисках новых мест и людей. То, что он услышал, ему понравилось.

Судя по всему, Эктор умный человек и опытный воин. Ему удалось уберечь свои земли от набегов пиктов с севера. Жена его принадлежала к заморской вере, которую теперь называли христианством; она приютила старого жреца этой веры, известного целителя. Хотя Эктор ревниво берег свою территорию, он без крайней необходимости не обнажал меч, и его подданные процветали, насколько это возможно в беспокойные времена.

Когда Мирддин наконец подъехал к узкой тропе, ведущей в землю Эктора, он обнаружил, что тропа охраняется. Охранники, не профессиональные солдаты, попросили его задержаться в лагере, а один из них с сообщением поскакал к дому клана. Мирддин начертил на клочке кожи спираль — знак древних дней — и сказал, что хочет тайно побеседовать с их лордом.

Он ждал почти до заката. Наконец всадник вернулся и сказал, что Мирддин может идти, а он сам будет его проводником. Лорд ожидал его в центральном дворе дома клана. Мирддину на мгновение показалось, что он вернулся домой и тяжелые годы одиночества позади.

Так же некогда стоял Найрен с обнаженной головой, с приветливым лицом, ожидая гостя. Слуга увел усталую лошадь. Эктор крепко пожал Мирддину руку. Увидев, что они одни, Мирддин шепотом произнес условные слова.

У Эктора такие же черные волосы, как у него самого. Треугольное лицо с заостренным подбородком, четко очерченные губы, узкий горбатый нос. Мирддин как будто видел свое лицо, только немного старше и с небольшими различиями. Они вполне могли быть близкими родственниками.

— Добро пожаловать, брат, — ответил Эктор, не удивившись словам Мирддина, таким древним, что значение их забылось. — Дом родича открыт для тебя.

В этой части план Мирддина осуществился легко. Хотя ни лорд Эктор, ни его жена не имели никаких контактов с небесным народом, традиция таких связей прочно жила в истории их клана. Они без расспросов приняли слова Мирддина. Хотя он не объяснил обстоятельства появления ребенка, для которого ищет убежища, они с готовностью согласились помочь ему. Тринихид, хотя она искренне следовала новой вере, проповедуемой Натом — мягким пожилым человеком, который старался лечить тела так же, как облегчать души своим учением, — все же принадлежала клану. Когда Мирддин говорил о том, как важно сохранить ребенка в безопасности, она согласно кивнула.

Двигалась она медленно, осторожно неся свой большой живот, в котором находился долгожданный наследник Эктора. Положив руки на живот, она слушала Мирддина, кивая головой.

Ее спокойное счастье заставило Мирддина почувствовать неловкость, и он держался в стороне от верхнего этажа дома клана, где постоянно находилась Тринихид. Ни одна из женщин, кото-

рых он видел при дворе короля, не привлекала Мирддина. Лишь однажды желание шевельнулось в его теле: когда он видел Нимье в ночи, бросившую ему вызов, призвавшую быть мужчиной.

Счастье Тринихид и забота, которой окружил его лорд, были чем-то новым для Мирддина. Поскольку в них обоих чувствовалось древнее наследие, они казались ему ближе, чем все другие люди в клане его деда. В их близости было тепло, подобное теплу очага в зимний день, но ему в таком тепле было отказано.

Мирддин чувствовал беспокойство, и в то же время что-то привязывало его к этому месту. Он не мог решиться уехать и жить одиноко в пещере. Он ходил с Эктором на поля, помогал считать скот, делал все, что делает лорд небольшого поместья. Он утомлял себя, чтобы спать без сновидений.

С возвращением кузнеца появились новости. Мирддин внимательно слушал. Король женился на герцогине Игрене. Но не жил с ней. Она жила среди святых женщин новой веры, потому что носила ребенка своего первого мужа. Пока она не родит, король не требовал ее к себе.

«Итак, герцогиня поверила в иллюзию», — думал Мирддин. А Утер ничего не делал, чтобы разуверить ее. Для целей Мирддина так даже лучше, потому что Утер не захочет держать ребенка при дворе. Воспитание в других семьях было широко распространено в высшем обществе. Даже король отсылал своих сыновей, не только чтобы избавить их от искушений, которым они легче поддались бы в его доме, но и для того, чтобы сбросить их жизнь. Всегда найдется завистливый претендент, который решит, что убийство расчищает ему дорогу к трону.

Он должен ехать на юг до наступления зимы в этих суровых северных горах и отыскать Утера. Однажды он уже сумел внушить королю нужные мысли и сумеет снова. Иначе плохой был бы он обладатель Силы. Ведь это для осуществления великого плана.

В течение лета Мирддин испытал одно из тех быстрых физических изменений, которые у него соответствовали спокойному росту других людей. Он стал выше, шире в плечах. Увидев свое отражение в полированном щите, он еще раз поразился своему сходству с Эктором, хотя лицо его не было смягчено чувством, а глаза всегда полузакрыты, как будто он держит в них тайное оружие. Борода у него редкая и растет медленно. По несколько дней он не нуждался в бритве. Но от работы под солнцем он загорел и окреп.

Перед семейным пиром он уехал из крепости, сопровождаемый добрыми пожеланиями своих отдаленных родственников, хорошо одетый, с отличными кожаными ножнами, скрывшими меч. Меч этот поразил Эктора, но он даже не касался его рукояти, говоря, что давно известно: такое оружие предназначено лишь для одного владельца.

— Да, — согласился Мирддин, — но не я его владелец. Тот, кто придет, понесет его в битву. Я лишь его слуга в этом и во всем остальном.

Он вел с собой запасного пони, нагруженного припасами, потому что собирался пробираться на юг пустынными дорогами, чтобы известие о нем раньше времени не дошло до Утера. Он хотел застать короля врасплох, чтобы легче добиться осуществления своих планов.

Не особенно торопясь, он добрался до пещеры, причем его дважды задерживали бури, длившиеся сутками. На знакомой тропе, которую сами собой находили ноги, хотя остальные люди ее не видели, лежал снег. Послышался хриплый крик, и большая черная птица опустилась рядом с ним. Мирддин протянул руку и радостно окликнул:

— Вран!

Да, это был Вран. Он немедленно вцепился когтями в перчатку Мирддина и, поворачивая голову и каркая, посмотрел на него.

— Подожди немного, Вран, — пообещал Мирддин, — я покормлю тебя.

Птица перелетела на камень, а юноша порывлся в мешке, достал кусок копченой свинины и бросил на землю. Мгновенно черный взрыв перьев закрыл мясо.

Никаких следов того, что кто-то побывал здесь за долгие месяцы его отсутствия, не было. А он вернулся лишь по одной причине. Мирддин отстегнул пояс с мечом и спрятал в темном углу пещеры возле самой большой установки. Он заметил, что большинство механизмов теперь молчит. Только на поверхности одного по-прежнему бегали огоньки. Долго стоял он перед зеркалом, глядя на свое отражение. Он теперь выглядел гораздо старше своего возраста — столько лет было Утеру, когда они делились в последний раз. Лицо Мирддина стало замкнутым, а серая скромная одежда и плащ превратили его в темную мрачную фигуру. Возможно, именно таким должен появляться колдун в

мире, наслаждающемся цветом и светом, блеском драгоценностей и сверканием золота.

Он снова вышел наружу. Вран доедал мясо. Прежде чем сесть на пони, Мирддин отыскал еще один кусок.

— Маленький брат, — сказал он, и при звуке его голоса ворон перестал рвать мясо и взглянул на Мирддина черными бусинками глаз, как будто знал, куда он собирается. — Прощай, будь здоров! Когда я вернусь, ты попируешь снова.

Пообещав это, он повернул лошадь в сторону долины, где располагался дом клана.

Самейн давно прошел, и зимний волк крепко сжал свои жестокие ледяные челюсти на человеческом мире, когда Мирддин оказался в комнате, где сидел Утер. Огонь в очаге яростно ревел, но давал мало тепла. Как и предполагал Мирддин, король был один. Он явно не хотел ни с кем делиться тайной, связанной с колдуном.

— Итак, ты вернулся, колдун, — сказал король вместо приветствия. Ни в лице его, ни в голосе не было приветливости. — Я не звал тебя.

— События позвали меня, — господин король, — ответил Мирддин. — Я выполнил твоё желание и не просил награды...

Утер с силой опустил на стол кубок с вином.

— Если дорожишь жизнью, колдун, придержи язык в своем грязном рту! — взревел он.

— Я говорю не о прошлом, господин король, это твоё дело. Я прошу того, что в будущем.

— Все стонут и кланчат у трона. Что тебе нужно: золото, серебро, поместье? — насмеялся Утер. Но в глазах его было беспокойство, и ему не нравилось то, что он увидел, взглянув на Мирддина. Лицо собеседника даже смутило короля.

— Мне нужен приемыш, господин король.

— Приемыш... — от удивления Утер широко раскрыл рот. Потом его глаза угрожающе сузились. — Что это за заговор, колдун?

— Никакого заговора, господин король. Вскоре та, кого ты любишь, родит ребенка. И этот ребенок — для тебя угроза. Всегда иметь его перед глазами...

Утер оттолкнул кресло, готовый прыгнуть на юношу. Он взмахнул рукой для удара. Но остановился, подавив свой гнев.

— Зачем тебе этот ребенок? — хрипло спросил он.

— Я отчасти ответствен за его рождение, господин король. Я человек Силы, многое, во что верю, я предал в ту ночь, чтобы помочь тебе. Теперь я должен платить за вмешательство в события. Ребенок вырастет в безопасности, о нем будут хорошо заботиться. Люди забудут о нем. При твоём дворе перестанут шептаться. У тебя и у королевы полегчает на сердце. Если же он останется здесь, найдутся такие, кто захочет использовать его как оружие для переворота. Не все сторонники Голориса мертвы, хотя сейчас они и молчат.

Лицо Утера стало задумчивым. Он ходил взад и вперед у очага, сосредоточенно размышляя.

— Колдун, в твоих словах есть мудрость. Я хотел бы убрать ребенка от двора, как из-за королевы, так и ради его собственной безопасности. Как ты сказал, есть такие, кто не смирился. Если ребенок окажется мальчиком, они станут связывать с ним надежды на будущее. Жена считает... она верит... — Утер помолчал. — Иногда ей кажется, что она зачала от демона в обличье ее мужа. Она боится родить чудовище. Возьми ребенка, колдун, если хочешь, и не говори мне, где ты его будешь воспитывать и как. Лучше совсем забыть о нем.

— Хорошо. — Мирддин внутренне расслабился. Он добился своего без опасных споров. — Я остановился в трактире Лебеда. Дай мне знать о рождении ребенка, я приду и уйду незаметно.

Утер кивнул, и Мирддин вышел. Предстояло многое сделать. Несмотря на все свои знания и мощь, он не мог ехать домой на север с новорожденным младенцем. Но он не зря выбрал себе гостиницу. Жена хозяина недавно родила и теперь кормила здорового ребенка, гостиница чистая, и у Мирддина были средства молча спрашивать и получать ответы. Ему оставалось только ждать.

9

Сообщение пришло в конце праздника Бригитты. Мирддин уже позаботился о питании ребенка. На рынке рабов он купил маленькую смуглую пиктскую женщину, взятую во время набега за древнюю римскую стену. За три дня до этого она родила мертвого ребенка и находилась в таком состоянии, что торговец не запросил дорого. Мирддин, используя силы зеркала, смог поговорить с женщиной и пообещал ей свободу, если она будет заботиться о новорожденном. Возможно, она не поверила в его

обещание, но не сопротивлялась, когда он отвел ее в гостиницу, велел умыться и снабдил платьем и плащом, вероятно, лучшими в ее жизни.

Ребенок оказался мальчиком, в чем Мирддин был уверен заранее. Поскольку имени у него не было, Мирддин поступил так же, как некогда Лугейд. Заменяв отца, он взял ребенка на руки и, глядя в маленькое красное личико, произнес имя, которое услышал от зеркала:

— Артур.

Три недели спустя он нанял конные носилки и договорился с отрядом, едущим на укрепление северной границы. Ведь придется ехать через все еще необитаемые земли, и отряд послужит защитой. Так добрался он до земель Эктора, где его встретили как родного. Эктор настаивал, чтобы Мирддин остался у него жить. Но юношей владело такое беспокойство, что он не согласился. Чем скорее он уедет отсюда, тем меньше у людей короля или королевских врагов будет возможностей выследить Артура.

Мирддин не думал, чтобы король желал ребенку зла, но Утер, несомненно, чувствовал бы себя спокойнее, если бы отослал сына за море. Там было много семей, родственных британцам. И Утер мог бы так спрятать мальчика, что никто не нашел бы.

— Когда он подрастет и сможет начать учиться, — ответил Мирддин на предложение Эктора, — я вернусь. — Он был уверен, что Артуру необходимо сообщить те же знания, что перевернули его жизнь. — А до того времени забудь, что он не твоей крови.

Тринихид, держа своего сына Кея у полной груди, улыбнулась.

— Родич, он будет в безопасности...

Эктор энергично кивнул.

— Клянусь кровью в этом, если ты пожелаешь...

Мирддин тоже улыбнулся в ответ:

— Родич, зачем клятвы тем, у кого общая кровь? Я не сомневаюсь, что он станет твоим вторым сыном.

И вот ранней весной он уехал, направляясь на юг, но такой дорогой, которая привела бы его к Месту Солнца, потому что он чувствовал себя очень одиноким. Может, в Лугейде он найдет товарища. К тому же так он запутает возможных преследователей. Мирддин не мог избавиться от чувства, что за ним охотятся.

Если король изменил свое решение, его люди искали бы более открыто. Нет, его как будто преследовала тень, облако, что-

то неосязаемое. И он знал, что только Нимье могла распоряжаться такой тенью.

Он не знал глубины ее знаний и решил, что благоразумней подозревать худшее. Поэтому следует считать, что она узнала об Артуре.

Более всего он боялся за ребенка. Если, когда он уедет от Эктора, чувство, что за ним наблюдают, исчезнет, значит, ребенок в опасности. Тогда он немедленно вернется, чтобы подготовить защиту. Но, к его облегчению, его продолжал сопровождать невидимый соглядатай.

Мирддин тщательно осматривал местность, по которой проезжал, каждую ночь расставлял мысленные тревожные сигналы, чтобы его не застали врасплох. Но нападения все не было, сохранялось лишь постоянное неприятное чувство, что за ним наблюдают...

Он думал, что избежит от него в Месте Солнца. Мирддин хорошо помнил, какое необыкновенное чувство силы испытывал он, касаясь каменных часовых древних времен. Насколько сильна Нимье? Очень многое зависело от ответа на этот вопрос. И какие ходы она сделала за годы после их последней встречи? Он был уверен, что она не сидела сложа руки.

И вот он подъехал к большому кругу стоящих камней, спешился и смотрел, как рассвет исчезает, поглощенный восходящим солнцем. Он оказался прав: впервые за последнее время не чувствовал он присутствия наблюдателя. Но он знал, что Нимье не будет обманута, долго в нем все время стыл страх, что она пойдет по его следам обратно — и доберется до Артура. Безопасность Артура — превыше всего.

Мирддин пересек лужайку у хижины Лугейда. Ему необходим совет друида, необходим товарищ в той странной битве, которую он ведет. Но, не доходя до примитивного сооружения, он увидел обвалившуюся крышу. Здесь больше никто не жил.

— Лугейд! — Он не мог сдержать отчаянный зов, хотя крик его прозвучал слишком громко в утреннем воздухе. Занавеса из шкуры не было, и он мог заглянуть внутрь. Уже давно здесь не было никого.

Растерявшись, он наклонился и вышел. Бронзовый котел, деревянные чашки и ложки исчезли. Не осталось никаких вещей друида. Но по крайней мере нет и следов насилия: Лугейд не стал добычей мародеров или разбойников, решившихся навестить это пустынное место.

Медленно вернулся юноша к Королевскому камню и положил ладонь на его грубую поверхность. Какая сила! Он чувствовал, как его внутренняя энергия сочетается с излучением камня. Уверенность, пошатнувшаяся при исчезновении Лугейда, вернулась к нему.

Он не бесцельно пришел сюда. Нужно разбудить силы, которые, как он думал, дадут безопасность Артуру и уберут преследователей с его пути. И вот, используя слово и мысль, ударяя в определенном ритме по камню лезвием ножа, он сделал это. Он чувствовал, как отвечают ему камни, как собираются силы, словно невидимое войско. Он собрал силы, направил их — и выпустил, как стрелу из лука, на север к маленькой долине Эктора.

Мирддин ощутил усталость, опустошенность. Опустившись на траву, он прижался плечами к Королевскому камню, глаза его были устремлены в небо, на облака, медленно плывущие по своим делам, недоступным пониманию человека. За облаками, за голубизной неба находятся другие миры, гораздо больше, чем может сосчитать человек. Эти отдаленные миры населены, но зеркало редко и бегло показывало ему эту жизнь. Однако если вернется небесный народ, его корабли послужат мостом к этим мирам. Хватит ли у него смелости улететь к другим мирам? Он не знал, но мысль эта возбуждала его. Долго ли будет продолжаться ожидание?

Люди мыслят годами, Повелители Неба — столетиями. Жизнь человеческая коротка. А у Повелителей Неба? Может, в три, в четыре, в сто раз длиннее человеческой? Он чувствовал, что немного боится тех, кто придет по его вызову, если он сумеет сделать все, чему учило его зеркало.

Мирддин уснул рядом с пони, щиплющим у камней свежевыросшую траву. Во сне заработало его воображение и показало ему необычные картины, на которые лишь намекало зеркало. Но в этих картинах не было ничего угрожающего, хоть они и были неземными. Мирддин ощущал лишь удивление и радость.

Города — какие города! — с сияющими башнями из радужного стекла высоко в небе, совсем иного цвета, чем земное. Другие башни под поверхностью волнующегося моря, красные, как драгоценные кораллы, показанные торговцем с южных земель. Но хоть он мог представить себе города, их обитателей он не видел. Может, человек способен видеть в воображении лишь равных себе?

Солнце зашло за облако, собирались тучи. Мирддина разбудил резкий ветер, предвещавший дождь и бурю. Мирддин взял пони за повод и пошел к хижине Лугейда. Здесь он провел ночь, слушая рев ветра. Дважды молния ударяла в королевский камень, как будто он привлекал к себе ярость неба.

Мирддину не раз случалось попадать в бури, но такой, думал он, видеть еще не приходилось. Он заткнул уши пальцами, закрыл глаза, но буря продолжала преследовать его. В воздухе чувствовался странный запах. Силы, которые люди и не надеялись обуздать, взбесились и готовы были стереть жизнь с лица земли.

Несмотря на страх, Мирддина охватило сильное возбуждение. Он хотел бежать сквозь хаос, кричать и кричать, забыть все, стать частью этой ярости, освободиться от напряжения, от необходимости постоянно быть начеку.

Но к утру буря кончилась. И лишь корни деревьев, торчащие к небу, откуда пришла их смерть, напоминали о ней. Мирддин ощутил необыкновенное спокойствие. Как будто буря прогнала его неуверенность и страх. Осталась только свобода, обретенная в эти темные часы.

Вместе с бурей исчезло и ощущение, что его преследуют. Но он не допускал небрежности и подошел к пещере только через несколько дней окольного маршрута, двигаясь со всеми возможными предосторожностями. На этот раз его не приветствовал Вран, хотя Мирддин свистом позвал его и положил на землю еду. Наблюдая и прислушиваясь, Мирддин вдруг осознал, что горный склон охвачен странной тишиной. Не видно птиц. Даже ветер стих.

Он вслушивался не только ушами, но и разумом. Само по себе отсутствие жизни служило предупреждением. Он догадывался, что могло произойти. Хитроумный враг не стал тратить времени на преследование, а прямо явился сюда.

Нимье!

Он снял с пони седло и упряжь и отпустил животное, стараясь не показывать, что подозревает что-то. Бросив несколько быстрых взглядов в направлении пещеры, он решил, что там никто не был. Камни, которыми он прикрыл вход в расщелину, не тронуты. Больше всего теперь его беспокоил меч. Он был уверен, что ни один из небесных механизмов вынести невозможно: они слишком велики и не пройдут в щель. Как они попали в пещеру, он не знал; возможно, они находились там уже много столетий.

Другое дело — меч, а Нимье знает, что он обладает мечом. Возможно, она хочет отобрать у него оружие. Положив седло на плечо, он пошел к пещере. Нимье знала о ней, так что он не раскрывает тайну. Но если только он проникнет внутрь, Нимье тотчас убедится, что она осталась сзади. Мирддин хорошо знал, что у зеркала есть своя защита, миновать которую может только он.

Он работал быстро, не оборачиваясь, не оглядываясь через плечо. Он испытывал растущее напряжение. Кто-то пытался подавить его волю, но он сумел противостоять этой команде. Мирддин как будто снова слышал звенящий смех Нимье, он чувствовал, что она следит за ним, ждет, давит на его волю, хочет заставить его повиноваться. Но она слишком самоуверенна, слишком убеждена в своей силе. Он же не должен быть самоуверенным, скорее необходима предусмотрительность.

Возможно, она легко добивалась повинования, создавая иллюзии, которые он тоже теперь умел создавать. И она до сих пор не встречала достойных соперников.

Он не стал противиться, потому что на этом этапе их желания совпали, она хотела, чтобы он вошел в пещеру, он хотел убедиться в сохранности меча. Вот отброшен последний камень. Мирддин вступил в извивающийся туннель. Снова он убедился, что даже расширенный проход тесен для него. Он порвал одежду, протискиваясь, и расцарапал кожу.

Пещера была погружена в полутьму, горело лишь несколько небольших огоньков. Мирддин опустил седло и направился прямо к нише, где спрятал меч. Сверток находился на месте, но Мирддин вытащил меч из ножен, чтобы убедиться, что он цел. В темноте меч сверкнул тусклым собственным светом. Держа рукоять в правой руке, Мирддин пальцами левой провел по гладкой поверхности. Прикосновение, как к Королевскому камню, дало ему ощущение необыкновенной силы, огромной энергии, которую он может освободить по своей воле. Это не просто орудие, предназначенное для добывания Королевского камня. Он будет использован и в будущем, а как — это станет ясно со временем. Но пока меч цел, и Мирддин снова завернул его в ткань.

— Мерлин! — Голос, но незнакомый.

Он обогнул ближайший механизм и посмотрел в темную поверхность зеркала. Оно покрылось серебристым туманом и в середине призрачного сияния стояла Нимье. Теперь это была женщина, и женские качества ее, так беспокоившие Мирддина

в Месте Солнца, стали сильнее, гораздо сильнее. Зрелище женщины, глядевшей на него, как будто она действительно стояла за зеркалом, ошеломило. Мирддин встретился с ней взглядом.

— Мерлин! — Это был не призыв к вниманию, а скорее приветствие близкому по духу человеку. Несмотря на все разделявшее их, они в чем-то были близки.

— Увы, бедный Мерлин! — В ее голосе не было насмешки, скорее жалость.

— Ты попал в ловушку, и она захлопнулась. Все твои планы теперь уничтожит время. Те, кто поручил тебе твои задачи, умны. Но все же недостаточно. Они поставили охрану вокруг своего зеркала, но, может, они не знали, что можно поставить охрану вокруг охраны. Мерлин, ты ушел под землю, как преследуемая лиса, но в отличие от лисы ты не сможешь выйти оттуда!

Я установила силовое поле, и оно помешает тебе выйти, пока твоя человеческая часть не погибнет от голода и жажды. Это ужасный поступок, да, но если тебя не остановить, ты натворил бы дел еще хуже. Твой Артур будет жить, ничем не отличаясь от других людей. Так распадается в пыль твоя мечта о королевстве. Артур не получит корону, и смерть в неизвестности станет его уделом. Прощай, Мерлин. Жаль, что мы не смогли с тобой действовать сообща, как родичи.

И она исчезла в вспышке света. Мирддин протянул руку, как бы пытаясь помешать ее исчезновению, хотя он и знал, что не реальная Нимье стояла там, а лишь ее изображение. Потом повернулся и спустя минуту был в расщелине.

Отверстие на месте, он может просунуть в него руку. Но тут его кулак встретился с невидимой стеной.

Еще две попытки — вверх и у земли — сделали ясным, что преграда непроницаема. Мирддин не стал тратить время на бесполезные физические усилия. Только у зеркала мог найтись ответ, и он несколькими шагами вернулся к нему и сел на скамью, как часто делал раньше. Внимательно глядя на свое изображение, он думал о своем положении, уверенный, что зеркало каким-то образом — каким, он не знал, — услышит его мысли и просьбу о помощи.

Он увидел, как ожили застывшие механизмы, и услышал голос зеркала.

— Силовое поле слишком мощно... пока. А твое тело так устроено, что не выдержит длительного физического напряжения. Но выход есть. Ты будешь спать, Мерлин, и во время сна

жизненные процессы в твоём теле замедлятся. Когда наступит нужный момент, когда время ослабит силовое поле, ты проснешься и выйдешь, целый и невредимый.

Его изображение исчезло, потом он увидел самого себя, идущего к длинной, длинной машине в дальнем углу пещеры. Вот он просовывает пальцы в маленькие отверстия, нажимает. Крышка машины поднялась. Человек, за которым он следил, разделся, лег внутрь, и крышка закрылась.

Мирддин вздрогнул. Он не сомневался в мудрости зеркала. Но ему казалось, что он живым входит в могилу. Ему понадобилась вся его храбрость.

Зеркало снова прояснилось. Он увидел свое отражение и неохотно встал. Смерть от голода и жажды — или эта могила живьем? И то, и другое плохо. Но он верил зеркалу и решил последовать его советам.

Длинный ящик открылся, точно как показало зеркало. Мирддин заглянул внутрь. Там разливалось свечение, бледное, но вполне достаточное, чтобы осветить его руки. А дно ящика покрывала жидкость, от которой исходил приятный запах. Мирддин разделся, сложил одежду и перебрал ногу через край ящика. Жидкость доходила ему до голени, она была теплой и какой-то успокаивающей.

Он сел на дно ящика. Теперь жидкость поднялась до груди, касалась щек. И последнее, что он запомнил: крышка быстро опустилась и отрезала его от мира.

Сны, странные сны о городах, подобных которым он никогда не видел, с высокими башнями, казалось, парящими в воздухе. Люди летают на существах — не птицах, а хитроумно изготовленных из металла. Иногда спящий на мгновение оказывался в теле одного из этих людей, и тут им овладевали такие чуждые мысли, что он даже понять их не мог.

Эти люди свободно передвигались не только над облаками, но и под поверхностью моря. Казалось, в мире нет для них тайн. Но они не были счастливы. Ими владело какое-то беспокойство, тревога, и Мирддин отшатнулся от контакта с их умами.

И вот наступило время, когда мир сошел с ума. Воюющие ветры обрушились на города, причиняя ущерб, который не под силу обычной буре. Волны высотой с горы вздымались на море и ударяли в землю, стирая всякие следы человеческой деятельности. Горы дышали пламенем, потоки расплавленной породы

стекали по их склонам. Когда они встречались с морями, густые облака пара окутывали землю и море, скрывая небо.

Когда все это кончилось, затонувшая обожженная земля изменилась, появились новые заливы, новые реки. Во многих местах поверхность земли скрылась под водой, зато в других возникли участки парящей грязи, некогда бывшие морским дном. Но человек выжил. Небольшие группы людей, ошеломленных, отупевших, приспособлялись к новому миру. Мало кто из них помнил прошлое, да и то обрывочно. Остальные превратились в тупые существа, которые ели, спали и иногда совокуплялись со звериным бесстыдством.

Эти остатки человечества действительно опустились, стали хуже животных. Некоторые охотились на своих соплеменников, чтобы набить животы, убивая добычу камнями. Немногие цеплялись за свои воспоминания. У этих немногих хватило ума обособиться, уйти в такие места, где можно защититься от безмозглых животных. И снова начался медленный, очень медленный подъем. Правда превратилась в легенды, приукрашенные воображением; поздние поколения не верили, что в прошлом человек был иным, чем в их время. Но всегда находились такие, кто помнил лучше, чьи рассказы передавались из поколения в поколение менее искаженными.

Мирддин продолжал спать и видеть сон. Во сне он был той самой породой, которая стремилась выжить, терпела поражения, но никогда не была уничтожена окончательно. Среди людей всегда отыскивались видящие странные сны...

Послышался долгий звук, похожий на звон огромного металлического гонга. Мирддин шевельнулся в ящике. Его дыхание, чрезвычайно медленное, ускорилось. Жидкость, полностью покрывавшая его тело, ушла. Веки задрожали.

Как будто это слабое движение послужило сигналом — стержни, поддерживавшие крышку, двинулись вверх. Мирддин открыл глаза и издал слабый звук. Мышцы его затекли, но не больше, чем если бы он провел ночь на открытом воздухе. Мозг его быстро возвращался к действительности.

Прав ли был голос, ослабло ли силовое поле? Мирддин выбрался из ящика и постоял немного, ухватившись за край. Вокруг механизмы были охвачены интенсивной пляской огоньков. Тело быстро сохло. Жидкость, заполнявшая ящик, стекала с тела большими каплями, не оставляя влаги.

Он поискал свою одежду. Ткань пожелтела и стала непрочной. Время — сколько времени!

Одевшись, он подошел к зеркалу. Главное — как долго он проспал?

Голос, сильный, как всегда, ответил на его мысль:

— Шестнадцать лет твоего мира, Мерлин. Силовое поле ослабло. Ты свободен. А та, что установила поле, ничего не сможет предпринять: силы ее истощены. Теперь она будет добиваться твоего поражения иными способами. Пора тебе принимать бой.

Он смотрел на свое отражение. Шестнадцать лет! Но он стал старше не более чем на год. Как это может быть?

— Жидкость сохраняет жизнь, Мерлин. Но не думай о прошлом. Ты должен выполнить свою задачу. Артур должен стать королем Британии.

— Утер? — Это имя он произнес вопросительно.

— Утер умирает. Вокруг него знатные лорды, двое женаты на его дочерях. Но сыновей у него не было, кроме Артура, о чьих правах ты должен заявить. Хотя ты и не делал для Артура то, что планировалось, не научил его тому, чему научился сам, все же Артур небесной крови. Он наш. Посади Артура на трон, Мерлин, и Британия получит короля, чье имя будет на устах людей и тысячу лет спустя.

Мирддин медленно кивнул. Артур и меч, они должны быть вместе. С того самого момента как они с Лугейдом нашли замечательное оружие, мысль эта не оставляла Мирддина.

— Артур и меч, и ты с ними, Мерлин. Такова задача, для которой ты родился, и не было большей задачи перед человеком. Артур и меч...

10

Мерлин стоял, глядя вниз, на большой лагерь, где на множестве шестов развевались знамена вождей и рыцарей. Он должен помнить, что Мирддина больше нет. Узнает ли его кто-нибудь из собравшихся там? Шестнадцать лет! Артур вырос, а он не принимал участия в его обучении. Но сожалениями ничего не исправишь; нужно смотреть вперед с уверенностью и надеждой.

Благодаря случаю он сменил свое полуистлевшее от времени платье на длинный шерстяной балахон, в каких ходят барды. Отрастил бороду, хотя и редкую. Балахон он нашел в вещах мертвеца, лежавшего на земле; рядом паслась лошадь. Три сак-

са обагрили землю своей кровью, сопровождая незнакомца; он ушел, как подобает воину. Мерлин не знал, кто его благодетель и почему он попал в засаду. Но он поблагодарил неизвестного за лошадь и одежду и похоронил его лицом к восходящему солнцу.

На пути к временной столице Британии он встретил десятки людей, в одиночку и группами. Утер умер уже несколько дней назад, но Совет еще не назвал его преемника. Разузнав, как обстоят дела, Мерлин соответственно составил свой план. Теперь он суженными глазами изучал лагерь. Ясно видно знамя Лота, женатого на одной из дочерей Утера. А вот и корнуэльльский олень, поднятый сыном Голориса, который не был законным наследником, но за которого стояли все рыцари Корнуэлла. Мерлин видел незнакомые гербы и догадался, что здесь собрались все лорды, имеющие хотя бы отдаленную надежду на выдвижение.

Он искал парящего ястреба — герб Эктора. И увидел его, но не в центре, конечно, среди палаток знатных лордов, а рядом с палаткой короля Уриена из Регеда, этого северного королевства, которое много лет мужественно отражает набеги пиктов из-за древней стены. Мерлин по пыльной дороге направился туда.

Перед ним стоял молодой человек, примеряющий камзол с тесно нашитыми бронзовыми кольцами. Мерлин едва не окликнул его по имени. Юноша поднял голову, взглянул на подъехавшего, и Мерлин увидел молодого Эктора.

— Лорд Кей, — сказал он, руководствуясь догадкой, — лорд Эктор здесь?

— Отец ушел на Совет герцогов, — ответил Кей, неодобрительно глядя на Мерлина. — У тебя для него известие?

— Мы дальние родственники, — сказал Мерлин. У Кея в отличие от отца было высокомерное лицо. — Да, у меня есть для него известие. — Он очень хотел спросить об Артуре, узнать, как прожил его приемыш эти шестнадцать лет. Но, взглянув еще раз на Кея, решил не спрашивать.

Сын Эктора неохотно приблизился, чтобы отдать долг вежливости гостю, и подержал поводья, пока Мерлин спешивался. Из-за простой одежды, покрытой дорожной пылью, он, вероятно, выглядел немногим лучше нищего. Но внимание мальчика он воспринял как должное. Да так оно и было.

В палатке после яркого солнца было полутемно. Кей приказал слуге принести вина. Он с любопытством поглядывал на сверток — там находился тщательно упакованный меч, — кото-

рый Мерлин положил себе на колени, сядя на походный стул, но ничего не спросил.

— Как поживают твои отец и мать? — Мерлин по обычаю кланов пролил на землю несколько капель и отпил: лучшего вина он не смог бы получить ни в одной гостинице. Он вспомнил лето, проведенное в долине Эктора, и как они вместе работали, собирая плоды земли.

— Отец здоров. Мать... — Кей помолчал. — Она умерла прошлой зимой, незнакомец.

Рука Мерлина дрогнула. Он вспомнил, как гордо несла Тринихид сына, как близки они были с мужем. Тяжелый удар для Эктора.

— Да будет она счастлива на Благословенном Острове...

— Мы верим в Христа, незнакомец, — резко сказал Кей. — Ты сам носишь одежды церковного брата, почему же ты говоришь о Благословенном Острове?

Опечаленный воспоминаниями и чувством утраты, Мерлин удивленно взглянул на юношу.

— Одежда не моя. — И он сказал первое, что пришло в голову. — Я бард.

Желание спросить об Артуре стало таким сильным, что он не мог сопротивляться. В палатке, кроме Кея и двух слуг, никого не было. Неужели Артура оставили в долине? Если так, его план потерпел провал, еще не начав осуществляться.

— Кей, где ты, мальчик?

Голос остался прежним. При входе Эктора Мерлин радостно вскочил на ноги. Но это был не тот Эктор, которого он знал. На мгновение он замер в неуверенности, глядя с раскрытым ртом, как глупый раб на полях. Стройное тело, которое он некогда знал, растолстело, волосы поседели. Усталое лицо человека, который принуждает себя по утрам вставать и приниматься за ненавистные дела и не ждет отдыха даже к концу дня.

Но глаза, смотревшие на Мерлина, остались прежними. Вначале в них мелькнуло изумление, затем узнавание.

— Ты жив! — нарушил Эктор напряженное молчание. — Почему ты не приходил?

— Я был в заключении, — ответил Мерлин. — Лишь недавно вырвался на свободу.

— Ты... Ты изменился. Но не постарел. Странно, — медленно сказал Эктор. Тут он, по-видимому, вспомнил, что они не од-

ни, и повернулся к сыну: — Отыщи Артура и приведи сюда. Он должен встретиться с нашим гостем...

Когда они остались одни, Эктор продолжал:

— Вырос хороший парень. Но ты не вернулся, и мы смогли учить его только тому, чему учили и Кея. Я знаю, что должно было быть не так.

— Вы дали ему лучшее, что смогли. Тебя не в чем обвинить, — коротко ответил Мерлин. — Вина моя, но я не мог ее предвидеть. Скажи мне, что на Совете? Выбрали ли уже короля?

Эктор покачал головой.

— Идет спор. Многие поддерживают Корнуэлла. Он показал себя хорошим боевым командиром. Другие стоят за Лота, потому что он женат на дочери короля. Лот честолюбив. Они могут разорвать Британию на части, прежде чем мы увидим конец спора. Уриен размышляет и строит планы, но не делится ими со мной. А Крылатые Шлемы грабят, как хотят. Снова наступили плохие дни, и нет такого вождя, который смог бы подхватить поводья власти.

— Поводья власти... — повторил Мерлин. — Похоже, я пришел в момент, когда нужно действовать быстро, иначе будет потеряна всякая надежда. Слушай, родич, в Артуре кровь Пендрагона. Он сын Утера. Король велел его спрятать, чтобы до него не смогли добраться такие лорды, как Лот и остальные. У меня есть для него Сила или по крайней мере символ ее. — Он резко повернулся и взял меч. — Он должен получить его открыто перед всеми, кто сам думает занять трон.

Вдруг он ощутил молчание Эктора. Подняв взгляд, он увидел ужас на лице лорда.

— Что? Он искалечен? Нарушил законы клана? — Выражение лица Эктора испугало Мерлина.

— Он... — Эктор облизал губы. — Он красивый парень и... Клянусь ранами Христа, почему ты не сказал мне раньше!

— Что с ним случилось? — Мерлин опустил меч и схватил Эктора за руку. Он затряс лорда с севера, как будто силой хотел добиться ответа.

— Утер... он взял ко двору своих незаконнорожденных детей. Одна из его дочерей... Моргаза... она старше своего возраста. Знает мужчин. Неделю назад она затащила Артура к себе в постель.

Мерлин стоял, как один из столбов Места Солнца, мозг его быстро работал. Артур не сын Утера, но если он сообщит истинные обстоятельства рождения мальчика, кто из лордов последу-

ет за ним? Нет, будут болтать о ночных демонах, зачавших его. Мерлин слишком хорошо помнил такие разговоры. Но лежать со своей сестрой — это на всю жизнь бросит пятно на Артура.

— Эта Моргаза, — спросил он, — она замужем?

— Еще нет. Король умирал, но когда слух о ее поведении дошел до него, он сильно разгневался. Он призвал леди, которая последнее время находилась с ним, так как известна как целительница. В ее руки он отдал Моргазу, хотя девушка не хотела идти. Говорят, ее увезли ночью связанную, с заткнутым ртом, в занавешенных носилках. И никто не знает, куда.

Мерлин облегченно вздохнул.

— Известно ли, что Артур — причина ее высылки?

Лицо Эктора слегка просветлело.

— Нет. Она была близка со многими мужчинами. Утер сам застал ее в постели с одним стражником. Он знал ее характер. И поклялся, что она не сможет позорить его при дворе.

— Тогда мы в безопасности. Возможны слухи, но если девушки нет, они быстро забудутся. Артур будет править. Я получил знак, что это предопределено. Нужно сделать так...

Разговаривая, он разворачивал меч. И заметил, что Эктор оправился от шока и согласно кивает головой.

— Помни, — предупредил Мерлин, закончив. — Мирддин мертв, жив Мерлин. Артуру лучше пока не знать о своем происхождении.

— Это... — начал Эктор, но тут хлопнул входной клапан палатки, и ворвался юноша, как будто за ним гнались преследователи.

Глядя на него, Мерлин испытал шок, почти такой же глубокий, как только что Эктор. Это... это не может быть Артур.

У парня нет никаких примет древней крови. Он выше Эктора и Мерлина на несколько дюймов, с рыжеватыми волосами, обычными для члена клана; нос не горбатый и узкий, нет сжатого рта, который ожидал увидеть Мерлин. Молодой гигант похож на Утера. Но как это может быть? В его манерах и лице открытость, которая в представлении Мерлина никак не совмещается с Древним Наследием.

— Лорд, — сказал юноша, солнечно улыбаясь. — Кей сказал, что ты хочешь поговорить со мной.

— Я хочу, чтобы ты познакомился с этим господином, — сказал Эктор, указывая на Мерлина. — Благодаря ему ты стал моим приемным сыном. У него есть для тебя очень важное известие.

Мерлин облизнул губы кончиком языка. Глаза его отказывались узнавать в этом красивом мальчике Артура. Если бы он выглядел как человек древней расы, тогда Мерлин уверенно рассказал бы то, что считал необходимым. Но сейчас, при виде самого обыкновенного члена клана, он заколебался.

— Господин? — Юноша вопросительно повернулся к нему. В глазах его было внимание. Может, все эти годы задавал он себе вопросы, на которые не могли ответить приемные родители. Для Артура было бы естественно задумываться над своим происхождением. А для ответа у него не было зеркала.

— Я Мерлин, обладатель древних знаний. — Он внимательно следил за Артуром, ожидая хоть малейшей реакции, свидетельствующей бы о том, что Артур не похож на окружающих. Но лицо юноши отразило лишь удивление. — В тебе королевская кровь... — После случая с Моргазой, вероятно, лучше не указывать на родство с Утером. — В сущности, ты потомок Максима и Амброзиуса. — «И гораздо более древней и великой расы», — добавил про себя Мерлин. — В твоём детстве нашлись такие, кто считал, что ты слишком близок к трону. Поэтому решено было, что ты будешь воспитываться вдали от двора. Поскольку лорд Эктор мой родственник, а заботу о тебе поручили мне, я передал тебя лорду Эктору. Но планы, которые мы тогда составили, не осуществились. Я должен был обучать тебя древним знаниям. Но я попал в руки врага и только недавно освободился из тюрьмы, где провел все эти годы.

Вот что должен я сказать тебе, Артур, до и во время твоего рождения были пророчества. Ты будешь королем Британии...

Юноша, вначале удивившийся, теперь рассмеялся.

— Лорд Мерлин, кто я такой, чтобы претендовать на трон, из-за которого враждуют знатные господа? У меня нет ни одного вассала, нет племени, которое поддержало бы мое требование.

— У тебя есть нечто большее, чем армия. — Мерлин верил в свои слова, он должен верить зеркалу. — Это обладание Силой, которая была, есть и будет вечно. И ты докажешь это завтра утром перед всеми. — Он поднял руку, останавливая вопросы, которые хотел задать Артур. — Я не скажу тебе, как это будет сделано. Ты придешь на испытание ничего не знаящим, и ни один человек не сможет впоследствии оспорить результат испытания. Но только ты, рожденный для этого, сможешь его выдержать.

Артур внимательно смотрел на него.

— Ты явно веришь в свои слова, лорд Мерлин. Но быть королем Британии — мало кто из достойных людей поблагодарил бы тебя за это. Те, кто стремится теперь к короне, не видят тяжести, которую она накладывает на своего владельца.

Мерлин почувствовал, что сомнения его рассеиваются. Если юноша сумел это понять, значит, он действительно принадлежит к древней расе. Если бы только его можно было обучить! Но время пришло. Теперь все зависит от характера Артура.

Эктор обратился к Мерлину:

— Я скажу Совету. Будут кричать о колдовстве...

Артур сделал неожиданное движение.

— Я не участвую в колдовстве! — решительно сказал он.

— Никакого колдовства, — ответил Мерлин. — Только древние знания, забытые большинством людей. И если кто-нибудь владеет ими больше меня, то сможет победить тебя. Но было предсказано, что править будешь ты.

Он верил в зеркало. Если эта вера пошатнется, у него не останется цели в жизни. Все, на что он потратил жизнь, ни к чему. Повелители Неба должны были предвидеть и этот час.

Но в то же время Мерлина охватило дурное предчувствие, как будто он потерял давно хранимое сокровище. Его вера в то, что юноша будет похож на существо, летающее меж звезд, развеялось в прах. Даже не было такого ощущения родства, как с Эктором. Между ним и Артуром не было взаимного внутреннего узнавания.

Юноша переминался с ноги ногу, переводя взгляд от Мерлина к Эктору, как будто ожидая разрешения уйти. Когда Эктор кивнул, Артур мгновенно исчез. Ему явно хотелось быть подальше от незнакомца.

— Вот что я подумал. — Эктор говорил кратко, как будто тоже ощутил напряжение атмосферы. — Поблизости есть камень, один из древних. Он подойдет. Но станут ли тебя слушать?

— Станут, — серьезно и коротко ответил Мерлин. — Идем к этому камню.

Эктор оказался прав. Это действительно был стоячий камень, очень похожий на камни Места Солнца. Только этот был один. Возможно, его поставили в честь древней победы или в знак поражения. В нем по-прежнему генерировалась огромная энергия. Проведя пальцами по поверхности камня, Мерлин ощутил эту энергию. Как раз для его целей.

Мерлин развернул меч и, взяв рукоять обеими руками, уперся концом в камень. Медленно и негромко начал он петь, на этот раз заставляя камень не подняться, а открыться перед касающимся его металлом. Мерлин вложил в песню все, чему научило его зеркало, отбросил все постороннее. Остались только камень и металл, и они должны были подчиниться его воле.

Конец меча двинулся внутрь, как будто упирался не в твердый камень, а в мягкое дерево. Дюйм за дюймом углублялся меч в камень. Когда он вошел на две трети, Мерлин пошатнулся и упал бы, если бы Эктор не поддержал его.

— Древние знания, страшная вещь, родич. — Он крепко обнял Мерлина за плечи. — Не поверил бы, если бы не видел своими глазами. Но Артур не знает слов Власти. Сможет ли он выдернуть меч?

— Только он и сможет, — слабо ответил Мерлин. — Он принадлежит к расе, обладающей властью над металлом и камнем, хотя сам этого не знает. — Мерлин держался из последних сил. — Теперь нужно сообщить лордам об испытании...

Впоследствии Мерлин не мог ясно вспомнить, как он стоял против собравшихся. Он знал только, что в нем была такая власть, что и без всяких иллюзий люди слушали и верили. С факелами в руках устремились они к камню и увидели погруженный в него меч. И согласились, что предложенное Мерлином испытание должно назвать вождя. И хоть они, наверно, не верили, что кому-то это удастся, что-то заставило их согласиться.

Сам Мерлин так устал, что скорее упал, чем лег, на грудь плащей в палатке Эктора; он не видел снов и спал как человек, одержавший победу над превосходящими силами противника.

Утром Мерлин поел, не чувствуя вкуса, не зная, что ест, — так сконцентрирована была вся его энергия на предстоящем. Позже он нетерпеливо занял место у камня, с трудом напустив на себя внешнюю невозмутимость, чего требовало его положение пророка.

И они пришли, один за другим. Пришел Лот Оркнейский, с лисьим лицом под лисьими рыжими волосами, переводя взгляд с одного человека на другого, как будто решая, как использовать их для своих целей.

Но меч под его рукой не шевельнулся. Лот даже отдернул руку от рукояти, будто она была раскалена. Пытался сын Голориса Корнуэльского, пытались другие. Их было так много, что име-

на их ничего не значили для Мерлина. Большинство из местных племен, но были и представители армии Амброзиуса, явно римляне.

Потом пошли молодые. Некоторые юноши только начали носить оружие. Их усилия вырвать волшебный меч были напряженней, словно они верили там, где старшие сомневались. Мерлин запомнил только смуглое лицо Кея. Он всегда держался в стороне от двора и потому многих не знал.

Но он затаил дыхание, когда в круг вошел Артур. Солнце превратило его волосы в золото, такое же яркое и чистое, как золото с Западного острова. И тут в мозгу Мерлина слова сложились в определенный образец, и он про себя произнес условную фразу.

Артур вытер ладони о полу, будто они были влажными от пота. Одежда его была освещена так же ярко, как волосы. От него всего исходило сияние. Или так только казалось Мерлину?

Юноша сжал рукоять небесного меча. Мерлин видел, как напряглись мышцы на его плечах и руке от усилий. Лицо стало серьезным. Из всей толпы единственным уверенным человеком был Артур.

И вот раздался протестующий хриплый звук. Меч медленно высвобождался, выходил из камня. Мерлин услышал удивленные возгласы собравшихся. Они все пытались, они знали, что это невозможно, и вот перед их глазами Артур совершал невозможное.

Он продолжал тянуть. Рукоять меча пришлось ему точно по руке. Лезвие вспыхнуло, Артур радостно рассмеялся и взмахнул им над головой.

Мерлин не кричал, но его слова были подхвачены толпой, как будто он провозгласил изо всех сил:

— Да здравствует Артур Пендрагон, Высокий Король Британии, который был, есть и будет!

Всех охватил благоговейный страх. Мерлин видел, что даже Лот отдал мечом салют новому вождю. И Мерлин почувствовал, как напряжение спадает.

Он бросил взгляд на стоявших несколько в стороне женщин. Каждая королева и леди надеялась в глубине души, что великое деяние совершит ее муж и что она будет править вместе с ним. Но среди них...

Мерлин сжал кулаки; он мог бы догадаться, что она будет здесь. На этот раз на ней не простое зеленое платье, а соответ-

ствующий наряд. Высокая и стройная, с грацией, по соседству с которой остальные женщины казались полевыми работницами. Ее платье зеленое, оно украшено богатой фантастической вышивкой из серебра, на темных волосах серебряный обруч с зеленым камнем.

Она встретила его взгляд и слегка улыбнулась. Он почувствовал угрозу. Нужно защищаться! Если бы он только знал, какими возможностями она располагает! Зеркало говорило, что, заключив Мерлина в пещеру, она почти истощила свои силы. Но если поле с годами ослабло, Нимье могла восстановить свои силы.

К Артуру подходили лорды и клялись в верности. Мерлин увидел Эктора, как всегда немного в стороне. В два шага он был рядом.

— Эктор, — сказал Мерлин. Голос его заглушали приветствия. — Кто эта женщина?

Он должен знать, какое положение занимает Нимье при дворе, кто ее поддерживает, открыто и тайно.

— Ее зовут Леди Озера. У нее есть своя крепость. Говорят, некогда это был замок странной богини, правившей реками и озерами. Она великий целитель и вплоть до смерти лечила Утера. Люди верят в ее искусство. Но если она наша родственница, то никогда не говорила об этом.

— Нет! — взорвался Мерлин. — Она из Темных, Эктор, и ее настоящее имя — Нимье. По ее воле я находился в заключении. Мы должны следить за ней. Она желает Артуру зла.

Но слишком поздно. Когда Эктор подозвал двух верных людей, чтобы приказать им следить за Леди, она исчезла, и никто не знал куда. И Мерлин почувствовал, что теперь опасение всегда будет окрашивать его дни и ночи.

11

Снова стоял Мерлин в Месте Солнца. Хижина Лугейда превратилась в груды обломков, в которой нельзя было уже распознать жилище человека. Не в первый раз Мерлин подумал, куда исчез друид. И жив ли он вообще? Он вздрогнул, как будто чья-то нога наступила на его собственную могилу. Одиночество, всегда поджидавшее поблизости, накинuloсь, как дикий зверь на добычу. Эктор... Эктор пал от удара саксонского топора двести битвы назад.

Время теперь считали не годами, а битвами. Артур оказался военачальником, которого все так ждали. Даже в юности он ис-

кусней управлял войсками, чем Утер, отражая набеги на Британию. Он проявил больше гибкости и понимания характера племен, чем по-римски жесткий Амброзиус.

Его ответом на набеги крылатых шлемов была кавалерия — черные всадники границ. Лошадей фризской породы, более крупных и тяжелых, чем местные пони, скрестили с темными лошадьми севера и получили крепкое и сильное потомство, способное нести воина в полном вооружении. Сами лошади тоже были укрыты кожаными латами с нашитыми металлическими полосками.

Саксы, несмотря на свое поклонение белым лошадям, которых они приносили в жертву Вотану, не были настоящими всадниками. А оружием Артура стали быстрые кавалерийские удары по пехоте. Амброзиус в свое время удачно удерживал саксов, отгоняя тех, кого призвал Вортиген как защиту от шотландцев и пиктов с севера. Утер благоразумно сохранил то, чего достиг его брат. Но Артур повсюду заставил саксов отступить.

Все чаще и чаще саксы садились в свои корабли с драконьими головами, увозили женщин, детей, все имущество; они направлялись за море, прочь от Британии, где люди Артура не давали им покоя, заставляя постоянно держать в руке меч или копье, где у них на восходе солнца никогда не было уверенности, что они увидят, как оно садится.

Артур постоянно побеждал.

Мерлин спешил к Королевскому камню, плечи его слегка согнулись под белой одеждой.

Он коснулся ладонями поверхности плиты. Каким юным, полным возбуждения и торжества был он в тот день, когда впервые стоял здесь! Он слишком легко выиграл, чтобы торжествовать. Переправить камень из-за моря, поместить его в землю Британии — слишком ничтожно это действие, чтобы праздновать его как победу.

Он устало вздохнул. Да, он сделал Артура королем. Но Артур, сидящий теперь на троне, не король из его снов. Он вежливо слушает Мерлина. Иногда, только иногда соглашается. Его всюду сопровождают жрецы Христа. И когда могут, нашептывают о колдовстве Мерлина, снова вспоминают, что он родился от демона.

Теперь Мерлину казалось, что в его планах всегда был просчет. Только трижды действовал он безошибочно: привез камень на нужное место, где в будущем он послужит маяком, освободил небесный меч и посадил Артура на трон.

Но у Артура не было знаний, от которых зависело будущее Небесного народа. Его характер был сформирован другими. Мерлин давно уже знал, что у Нимье есть немало способов добиваться своего.

Прежде всего королева. Рот Мерлина скривился, как от физической боли. Королевская дочь и такая красавица, что у мужчин захватывает дыхание, когда они смотрят на нее, — внешне она достойная пара Артуру. А на самом деле — что? Игрушка, кукла, женщина, настолько поглощенная мыслями о своем теле, что ее глаза никогда не останавливались, когда она находилась в обществе; они осматривали каждого мужчину, проверяя, оценил ли он красоту ее лица и фигуры. Такова Джиневра.

И хотя с тех пор, как Леди Озера с подозрительной улыбкой отвернулась от торжества Артура, Мерлин ее не видел, он чувствовал присутствие Нимье около королевы. Как давно это было...

Мерлин потер лоб рукой. Он чувствовал глубокую душевную усталость и предчувствие, которого не мог понять. Дважды приходил он в пещеру, но зеркало молчало; он не пытался прервать это молчание, но надеялся на свои силы.

Ему по-прежнему иногда снились сны, которые подкрепляли волю. Он видел вздымающиеся в небо города, видел людей, научившихся летать, изменявших свой мир, как гончар изменяет податливую глину. Он видел, на что способен человек, а проснувшись, созерцал убожество и упадок человека в свой век.

У него есть мудрость, но кто примет его советы? Артур — когда это соответствовало его планам. Остальные — лишь немногие, приходившие к нему как к целителю. Большинство слушало жрецов из-за моря; все, что не одобряли жрецы, они считали порождением зла. Как он мог пасть так низко?

Теперь он был в стороне от всех, как в броне из непробиваемого льда. Звери в лесу казались ему ближе людей. И всегда гнетет его одиночество.

Сама внешность ставила его особняком: казалось, достигнув мужской зрелости, он перестал стареть. Он благоразумно изменял с помощью трав свое лицо и волосы, искусственно старя их; иначе его продолжающаяся молодость вызвала бы враждебность в людях, которые больше всего боятся упадка сил и приближения старости, которая означает для них смерть.

Холод и тьма...

Неожиданно Мерлин покачал головой и выпрямился. Он позволил неуверенности овладеть собой. Артур правит Бри-

танией. Мечом, который вложил ему в руки Мерлин, король установил мир. Ни один человек не может одержать победу, не изведав вначале вкус поражения. Но ступил час, к которому была устремлена вся его жизнь.

Он с новой энергией, как бы очнувшись от кошмара, огляделся вокруг. Высокие и сильные, возвышались вокруг древние камни. Зеркало учило его: Сила была, есть и будет. И это «будет» лежит перед ним. Он приведет сюда Артура вопреки всем заморским жрецам, отведет его к зеркалу. Почему позволил он тени лечь на свой разум, нашептывать темные мысли? Он, Мерлин, может быть, последний человек на Земле, владеющий древними знаниями! Он слишком долго тратил время. Теперь Артур не занят отражением набегов, он готов к выполнению своей главной задачи.

И Мерлину, когда он отбросил сомнения, показалось, что камни ослепительно блеснули на солнце, вспыхнули как факелы. Они и были факелами, несущими забытый свет в темный мир. Мерлин высоко поднял голову, расправил плечи.

Почему же все-таки позволил он неуверенности овладеть собой? Похоже, в словах людей о колдовстве есть какая-то правда, и им овладело могучее заклятие, как то, при помощи которого зеркало сохранило ему жизнь. Теперь он ощущал Силу так же ясно, как в тот день, когда поднял Королевский камень на Западном острове.

И все же ему не хотелось уходить, не хотелось возвращаться в дворец-крепость короля. Камни по духу были ему ближе людей. С глубоким сожалением вспомнил он, как ждал рождения Артура, надеялся, что кто-то разделит его одиночество, особенно сильное, когда он оказывался в толпе. Мерлин свистнул, и лошадь, которая паслась у стоящих камней, заржала в ответ, подошла к нему и ткнулась головой в грудь, а он трепал ее уши и гриву. Это была знаменитая черная порода — больше и крепче горных пони, более послушная, без тех порывов к независимости, которые иногда заставляли пони сбрасывать любого всадника.

Сев в седло, Мерлин еще задержался, задумчиво глядя на камни. Он видел насыпь, воздвигнутую над Амброзиусом, этим сильным человеком, который так стремился вернуть прошлое. Только в нем видел он безопасность.

Утер лежит не здесь. Чужеземные жрецы положили его тело под полом одной из их церквей, построенной на месте римского храма. Сами камни древней постройки теперь служили новым богам.

Видел Мерлин и могилу, в которую вторгся некогда, чтобы извлечь меч. Кто лежит там? Один из Повелителей Неба, встретивший смерть далеко от дома? Или сын смешанного брака, подобный ему самому? Мерлин не знал этого, но рука его взметнулась в воинском приветствии не только человеку, прозванному Последним Римлянином, но и этому неизвестному из глубокого прошлого.

Уезжая от Места Солнца, он укреплял свою решимость. Он обратится к Артуру, отведет его к зеркалу. Артур далеко не глуп; он поймет разницу между древними знаниями и тем, что невежественные люди называют колдовством.

К тому же наступает время пустить в ход Королевский камень. В пещере есть необходимый предмет Его нужно положить под камень, и тогда — тогда вызов будет послан!

В ответ появятся корабли со звезд. И снова человек сможет завоевать небо, землю и море! Мерлин чувствовал, как горячая надежда растапливает лед недоверия. Человек стоит на пороге нового великого времени.

Так думал он на пути в Камелот, и ночью ему снились яркие сны. Артур и зеркало... сигнал камня...

Через несколько дней Мерлин приближался к стенам древнего замка, который Артур превратил в самую мощную в Британии крепость. Стража хорошо знала Мерлина и не остановила у внешних ворот. Мерлин задержался лишь для того, чтобы сменить свое пыльное дорожное платье на более подходящее к великолепию королевского двора.

— Здравствуй, Мерлин. — Артур сидел за круглым столом. Это тоже было изобретением Мерлина: круглый обеденный стол, за которым ни один гордый рыцарь или маленький король не смог бы утверждать, что его посадили на место, не соответствующее его достоинству.

— Здравствуй, господин король. — Мерлин сразу заметил среди знакомых лиц новое. Кей больше не сидел по правую руку короля. Нет, это место занимал юноша, почти мальчик.

Глядя на смуглое лицо незнакомца, Мерлин сдержал невольную дрожь. Если в чертах Артура ничего не говорило о присутствии древней крови, то во внешности этого юноши оно читалось так ясно, как еще не случалось видеть Мерлину. Разве лишь в зеркале, отражающем его собственное лицо.

Внешность юноши в одно и то же время была знакомой и незнакомой. Глаза смотрели из-под густых ресниц жестко, непро-

нищаемо. Глаза старика, не соответствующие юному телу. В них виднелась угроза...

Мерлин обуздал свое воображение. Нужно радоваться появлению еще одного представителя древней расы. Но ничто в этом юноше не радовало его.

— Ты вовремя. — Артур махнул рукой, и виночерпий торопливо наполнил серебряную чашу заморским вином и поднес Мерлину. — Ты вовремя, бард, чтобы выпить за здоровье нового потомка Пендрагона, пришедшего ко мне на службу. — Он кивнул юноше. — Это Модред, сын леди Моргазы и мой племянник.

Рука Мерлина сжала кубок. Ему не нужен был даже этот косой, мрачный взгляд, брошенный юношей, предвещавший опасность, чтобы понять правду.

Племянник Артура? Нет, сын его от той самой девки, которую скрyla Нимье. А по взгляду его Мерлин понял, что юноша знает правду — или по крайней мере ту ее часть, что может принести наибольший вред Артуру, — что он действительно сын короля и женщины, известной, как сводная сестра короля.

Мерлин выпил вино, надеясь на свое умение скрывать чувства.

— Лорд Модред. — Он кивнул юноше. — Кровь Пендрагона — это высокая честь.

— Да. — Артур улыбнулся. — И он как раз вовремя, чтобы окровавить свой меч и показать характер. На саксонском берегу горят сигнальные огни. Эти псы войны опять ищут добычу. Мы выезжаем на охоту...

Глаза короля горели. Мерлин понял, что не сможет остановить Артура. Придется отложить планы знакомства Артура с зеркалом. Артур по-прежнему не будет знать своего наследия и истинной задачи. И Модред... сын короля, воспитанный Нимье. Это Мерлин знал инстинктивно. У нее было достаточно времени, чтобы подготовиться к удару. И вот она нанесла его. К злобе того, кто считает себя лишенным законного места, добавляется железная воля Нимье. Этот юноша — страшная угроза.

Но не только осторожность говорила в Мерлине. В нем начал закипать гнев. С самого начала он слишком верил в удачливость Нимье. Пора отыскать ее. А может ли быть лучшая дорога к ней, чем через Модреда, ее создание?

Мерлин прислушивался к возбужденным разговорам о новой экспедиции против саксов. Сидя за круглым столом, он поднял

взгляд к галерее и переводил его от одного прекрасного лица к другому. Королева хвастала, что ее сопровождают красивейшие женщины Британии, но ни одна не может соперничать с нею.

Вот и Джиневра. Ее богато украшенное платье желтого цвета — как созревшая пшеница. Маленькая золотая корона на волосах такого же цвета, что и платье. Платье и волосы сливаются, их невозможно разделить. На шее тяжелое янтарное ожерелье; когда она наклоняется вперед, на щеки свисают серьги — драгоценные камни. Глаза ее внимательно следят... за кем?

Мерлин проследил направление ее взгляда. Она смотрела на Модреда и слегка улыбалась. Мерлин внимательно рассматривал королеву: он знал, что за этим взглядом, который он не может разгадать, что-то скрывается. И эта неспособность разгадать беспокоила его. То, что женщина оставалась для него загадкой, возможно, какая-то случайность. Но он не остановился на этой мысли. Он считал Джиневру куклой, игрушкой без собственных мыслей и целей. Но так ли это?

Однако теперь он искал другое лицо. И поэтому отвернулся от яркого солнца королевы к менее яркой радуге окружавших ее леди. Некоторых он знал по именам, других по внешности, но никогда не рассматривал их внимательно, как сейчас. Но той, кого он искал, не было. Не было леди, такой же яркой, а может, еще ярче самой королевы. Если Нимье представила двору Модреда, то сама не явилась, иначе она присутствовала бы на пиру.

Мерлин осторожно искал ее теми другими чувствами, которые редко использовал в большом обществе: слишком много личностей, излучавших собственную энергию. Нет, он готов поклясться, что Нимье здесь нет.

Но воля ее здесь, в лице королевского «племянника». Мерлин начал планировать заново. Он не верил, что неожиданное известие о саксах тревожит короля. Сам Артур как будто видит в этом только возможность показать новонайденному племяннику проворство и неуязвимость черной кавалерии.

Теперь — Мерлин знал это, он отмел все сомнения, вызванные своей земной половиной, — теперь настал час. Он должен вызвать небесные корабли, пусть и без согласия Артура!

Он погрузился среди пира в собственные мысли. И вдруг понял, что люди вокруг встают, зовут оруженосцев, готовятся к отъезду. Он чувствовал силу их эмоций, чувствовал, как в нем самом пробуждается та же жажда сражения. И подавил ее другой своей частью, принадлежащей не Земле, а Повелителям Неба.

Он должен использовать мысль и невидимые силы, а не примитивное оружие этого мира.

Перед ним стоял кто-то. Мерлин взглянул на Модреда.

— Тебя называют бардом. — В голосе Модреда слышался звон невидимого оружия. — Тебя также зовут колдуном и сыном нелюди. — В тоне его звучала насмешка. Любой другой на месте Мерлина выхватил бы в ответ оружие.

— Все это правда. — Мерлин несколько удивился открытому проявлению враждебности, хотя с самого начала ждал, что человек Нимье как-то проявит себя.

— И насколько правда то, что говорят? — На этот раз в голосе Модреда звучал открытый вызов.

Мерлин улыбнулся.

— Много ли мы знаем о себе? Способны ли отличить правду от вымысла? У каждого из нас есть свои силы, большие и малые. Дело в том, как мы используем данное нам.

— Силы могут быть даны тьмой и светом. Король слушает жрецов света, бард. Старые времена миновали...

Мерлин рассмеялся. Его охватило то же возбуждение битвы, что и остальных при известии о набеге саксов, но по другой причине. Нимье через этого юношу бросала ему вызов. А когда дело доходит до войны, сомнения исчезают. Он может использовать силы, которые по его приказу подняли камень. Он не бесполезное оружие, в его руках такие силы, которые и не снились другим. Продолжая разговаривать с Модредом, он про себя перечислял эти силы.

— Разве ты никогда не слышал, лорд Модред, — спросил он, произнося имя с насмешкой и видя, как вспыхнуло лицо юноши, — что существует нечто такое, что было, есть и будет? Та, которая учила тебя, должна это знать.

Он отвернулся, но Модред схватил его за рукав.

— Ты невежлив, бард! И кого это ты имеешь в виду?

Мерлин снова рассмеялся. Значит, Нимье не полностью владеет этим мальчиком. Хотя в нем и есть древняя кровь, он не умеет подавлять вспышки гнева.

— Мальчик, — сказал он, не употребив на этот раз слово «лорд», — тебя учили многому, только не хорошим манерам. — Мерлин выдернул рукав. — Прежде всего тебе следует узнать сущность человека, с которым говоришь.

Может, он сказал слишком много. Но в Мерлине тоже была гордая древняя кровь. К тому же он решил, что Нимье не слыш-

ком искусно подобрала свое оружие. Это не Эктор, даже не Кей, юноша не слишком умен.

Мерлин прошел сквозь толпу возбужденных мужчин. Теперь, когда он наконец принял решение, у него есть своя миссия. Впрочем, у двери он оглянулся. Модред смотрел ему вслед, в руке у него была рука заморского жреца. Бритое лицо жреца взволновано. Мерлин видел, как двигались губы Модреда. Он не сомневался, что готовится какая-то неприятность. Но какая именно... Он пожал плечами.

Быстро прошел он в свою комнату и снял одежду барда. Это белое платье делало его слишком заметным. Он надел простую одежду, взял плащ с капюшоном. Потом отыскал свежую лошадь, заполнил седельные сумки хлебом и сыром с кухни, где слуги делали то же самое для готовящегося к походу отряда. Но Мерлин выехал раньше и направился в горы.

Уже несколько лет не был он здесь, но помнит каждый поворот тропы. И так как он никогда не забывал о своей одинокой жизни в лесах, ему легко было проводить ночи без огня и двигаться тайно. Это стало для него привычным.

Руины крепости Найрена теперь превратились в насыпь, поросшую кустарником. Мерлин долго простоял здесь, вспоминая, чем был дом клана для Мирддина.

Потом подъем. Здесь Мерлин снял с лошади седло и упряжь, стреножил ее и пустил пастись. Убрал камни из расщелины. В пещере темно, не светился ни один механизм. Мерлин не приближался к зеркалу. Сейчас не время для вопросов. Он хорошо знал, что должен сделать.

У стены он поднял цилиндр размером со свою руку. Зеркало давно рассказало ему об этом цилиндре. Инструкцию он помнил так хорошо, будто выслушал ее час назад. Здесь цель его жизни. Нет больше колебаний, попыток действовать через людей, которых предаст их собственная природа. Он выполнит волю Повелителей Неба.

Маяк оказался легче, чем он думал. Мерлин вынес его наружу и снова замаскировал расщелину. Зеркало еще понадобится. Рано или поздно сюда придет Артур. Мерлин не знал, сколько времени сигнал будет идти до кораблей. Месяцы, годы... До этого часа Артур должен оставаться королем.

Прижимая цилиндр к груди, как долгожданное сокровище, Мерлин начал спуск.

Было темно, когда Мерлин добрался до Места Солнца. Год приближался к концу, урожай собран, а морозными утрами и долгими темными ночами становилось холодно. Камни казались далекими, они будто сознательно избегали контакта с людьми этого мира.

Если бы с ним был сверкающий меч, задача была бы сравнительно легкой. Но меч у Артура, и Мерлин должен рассчитывать лишь на свои знания. Пробираясь в каменный круг, он вздрагивал не только от холодного ветра. Родство, которое он всегда чувствовал с этими камнями, закрылось, как дверь на ночь.

Мерлин не ласкал рукой камни, как делал это раньше. Необходимость заставляла его приняться за работу немедленно. Он подошел к Королевскому камню.

Осторожно положив на землю цилиндр, Мерлин осмотрел камень.

Ясно, что нельзя просто положить цилиндр на камень, как он наивно думал. Хотя это место считалось священным, любой прохожий может заинтересоваться странным предметом. Нет, цилиндр нужно хорошо спрятать, и Мерлин знал где: под самым массивным каменным блоком.

Он поднимал этот камень, сможет поднять его вновь, хотя без меча это значительно труднее. У него с собой только нож, но не из удивительного металла. Тем не менее его нужно использовать.

От камней падали густые тени, в них что-то таилось. Мерлин постоянно оглядывался, всматриваясь в эти бассейны темноты. Хотя раньше Нимье использовала лишь такие иллюзии, которые он и сам мог вызвать, все же в этом месте оставалось что-то угрожающее.

Мерлин вспомнил слова Лугейда: в древних храмах долго сохраняются таинственные силы, которым некогда здесь поклонялись.

Здесь не место для ночлега. Нужно солнце, которое когда-то почиталось здесь как источник жизни, чтобы вызвать всю его энергию. А пока у него есть время, чтобы подготовиться к величайшему усилию в жизни, большему, чем даже иллюзия, сопутствовавшая рождению Артура. Снова подобрав маяк, он двинулся к насыпи, некогда бывшей жилищем Лугейда. Тут он расположился на ночь, напился из ручья, который почти совер-

шенно затянуло илом с тех пор, как сюда перестал приходить друид, поел остатки провизии, привезенной из Камелота.

Потом сел, прислонясь спиной к остатку стены, и посмотрел на Место Солнца. С наступлением темноты поднялся ветер. Пролетая меж камнями, он издавал воющий звук. Впечатлительный человек мог бы услышать в нем жалобы умерших.

Не в первый раз Мерлин задумался о Повелителях Неба. Что они искали здесь? Почему так хотели вернуться? Они так сильны, что легко перелетают от одной звезды к другой. Почему они не найдут для себя другой, лучший мир?

Может, существует какое-то качество, которое можно найти только здесь? Может, человечество нужно им, чтобы выжить? Зеркало отвечало уклончиво, когда он пытался расспрашивать об этом. Когда оно выдавало информацию, Мерлин часто испытывал чувство угнетения — в его мире не было слов для тех необычных предметов и сложных машин, которыми легко пользовались другие. Но некоторые самые простые вопросы, казалось, в свою очередь смущали зеркало.

Хотя он не смыкал глаз, а продолжал следить, как ночь поглощает Место Солнца, Мерлин напряженно думал, собирая сведения, накапливая необходимую энергию. Ему предстояла не галлюцинация, а реальное действие.

Он такой же полководец, как Артур, но в войске его не люди. Глубже и глубже погружался он в свою память и разум. И неожиданно узнал возникшую в памяти картину. На этом самом месте стояла Нимье, тело ее белело, волосы развевал ветер. Он слышал сладость ее голоса, чуть не касался теплого тела. Нет!

Мерлин решительно подавил это воспоминание. Неужели он может действительно коснуться Нимье, если напряжет все силы? Вон из мозга! Он должен забыть о ней.

Зеркало... Он должен сосредоточиться на зеркале, как если бы оно стояло перед ним. Увидев зеркало, Мерлин успокоился. Мерлин слышал его голос, различал слова, он знал, что ему нужно делать.

Он больше не чувствовал усталости. В нем нарастала сила, заполняя тело и мозг. Нужно ее сдерживать до наступления нужного момента. Мерлин не замечал, как проходило время. Не чувствовал холода. Внутренняя энергия согревала его, и, несмотря на резкий ветер, он отбросил плащ.

Случайно взглянув на свои руки, лежавшие на коленях, он не удивился, увидев, что они слегка светятся. Он чувствовал свою

силу, ему все труднее становилось ее удерживать. Губы его двигались, но даже шепот не срывался с них, только в мозгу продолжали звучать древние слова, складываясь во фразы.

Когда небо посерело, Мерлин встал. Хотя он просидел всю ночь, тело его не затекло. Наоборот, он чувствовал себя как бегун, рвущийся в путь.левой рукой он прижимал к себе маяк. В правой — наготове нож.

Большими шагами приблизился он к Королевскому камню и встал рядом, готовый встретить восходящее солнце. Маяк он положил на землю у ног. Вот он вытянул руку и со звоном начал ударять ножом по камню, произнося в то же время слова, к которым готовился всю жизнь.

Удар, удар, темп все ускоряется. На небе зарево — предвестник восхода. Удары превратились в сплошную металлическую вспышку, от встречи металла с камнем рождались искры. Голос Мерлина поднялся, он требовал, чтобы силы, заключенные в камне, подчинились его воле.

Камень зашевелился, не так быстро, как в ответ на удары меча, но зашевелился. Мерлин напряг всю волю, поднял нож, и один конец камня последовал за лезвием.

Мокрая одежда прилипла к телу. Несмотря на холод, Мерлину было жарко, с него струями тек пот. Вверх и вверх. Пока камень не встал вертикально. И тут Мерлин произнес единственное слово, которое не осмеливался произносить раньше, — Слово, Связующее Силу. Камень продолжал стоять, траншея под ним была пуста.

Мерлин опустился на колени. Ножом он начал копать землю. Работал напряженно: он не знал, сколько времени Слово будет удерживать камень опал, отбрасывал землю, снова копал, глубже, глубже, быстрее...

Наконец углубление готово. Мерлин поставил в него маяк более легким концом к небу. Работая еще быстрее, он сгреб обратно выкопанную землю и утрамбовал ее руками и рукоятью ножа. Наконец он отбросил нож и руками, выпачканными землей, с обломанными ногтями, коснулся цилиндра в определенном месте, повернул, и крышка легко снялась.

Дрожа от крайнего напряжения и усталости, Мерлин выбрался из-под камня. Опустившись на колени, он взглянул на возвышающийся монолит. Мысленно произнес освобождающее слово. Камень упал со страшной силой. Мерлин надеялся, что выкопанная им для маяка яма достаточно глубока. Он так

устал, что мог только лежать, касаясь рукой камня, почти без сознания.

Именно прикосновение к камню привело его в себя. Он всегда чувствовал силу, заключенную в камне, но на этот раз биение было иным. Поняв, в чем дело, Мерлин испустил крик облегчения и радости. Получилось! Маяк действовал. Но когда прилетят корабли? Откуда? Сколько?

Он слишком ослаб, чтобы сразу встать, и продолжал сидеть, опустив голову на грудь, опираясь рукой о камень, все время ощущая мощное биение.

Его привело в себя ощущение опасности. Как будто ветер донес отвратительный запах. Мерлин поискал ощупью в траве нож — свое единственное оружие. Теперь он слышал топот копыт, крик, который мог доноситься только из человеческой глотки.

Саксы? Разбойники? Он знал только, что приближаются враги. Поэтому, не вставая, отполз в тень камня. Отсюда ему был виден весь отряд. Всадники не направлялись прямо к его ненадежному укрытию. Мерлин понял, что они не решаются вторгнуться в Место Солнца.

Один из них подъехал со стороны хижины Лугейда, гоня с собой лошадь Мерлина. Мерлин слышал возбужденные голоса, но не разобрал слов. Он, однако, был достаточно близко, чтобы рассмотреть на двоих всадниках одежду заморских жрецов. Остальные были явно вассалами одного из племенных вождей.

Жрецы подгоняли воинов. Но, невзирая на нетерпеливые приказы, воины не торопились приближаться к священному месту. Древнейший закон, соблюдаемый всеми племенами, гласил: нельзя проливать кровь и преследовать беглеца в Месте Солнца.

Мерлин был уверен, что они ищут его, но причины понять не мог. Артур дал при своем дворе место верящим в Христа, и многие из его приближенных были христианами, но король придерживался либеральной политики Амброзиуса. Когда к нему присоединялись воины, готовые сражаться с захватчиками, он не спрашивал, какому богу они поклоняются. В его окружении были такие, кто склонял колени перед убийцей быков Митрой, другие верили в древних богов Британии.

Кто разрешил этим всадникам преследовать его? Мерлин готов был поклясться, что это сделано без ведома короля. Хотя Артур никогда не был так близок к Мерлину, как тот надеялся,

но все же уважал его и иногда прислушивался к человеку, вложившему меч Британии в его руки. Нет, Артур не стал бы преследовать его. Но кто-то ведь послал этих охотников — Мерлин подумал о Модреде. Неужели этот явившийся ниоткуда «племянник» приобрел такую власть в Камелоте?

Жрецы по-прежнему подгоняли всадников, а воины пятились. И вот серые рясы одни двинулись вперед. Один поднял символ своего бога — деревянный крест. Оба пели молитву. Мерлин видел, что меньший из жрецов обнажил меч, хотя это противоречило всем представлениям Мерлина, жрец не может быть воином.

Почему он должен прятаться, как загнанный зверь? Возмущенный, Мерлин встал и вышел из-за камня. Он выпрямился, как воин, ожидающий нападения противника.

Когда жрецы подошли ближе, Мерлин разглядел их лица. Одного из них он узнал. Это был тот самый жрец, с которым Модред говорил на пиру в Камелоте. Итак, его подозрения оправдываются. Эта встреча — дело рук Модреда.

— Кого вы ищете, люди божьей службы? — спросил Мерлин.

Жрец, державший крест, на языке римлян произносил заклинание против сил Тьмы. Он запнулся, но с яростью продолжил свое пение. Его спутник не поднял меч. Хотя у него были глаза фанатика, он все же, видимо, не был готов напасть на безоружного.

— Демонское отродье! — воскликнул он, заглушив звуки молитвы.

Мерлин покачал головой.

— Вы стоите на месте, которое знало многих богов, — спокойно сказал он. — Большинство из них давно забыто, потому что исчезли те, кто зывал к ним в минуту опасности. Пока люди осознают, что в них есть гораздо большие Силы, способные привести их к лучшей жизни и миру, будут существовать боги. И неважно, как человек называет эту Силу: Митри, Христос или Лаг. Сила остается той же самой. Только смертные различаются, а Сила была, есть и будет неизменной и переживет даже землю, на которой мы стоим.

— Богохульник! — послышался крик жреца. — Слуга зла...

Мерлин пожал плечами.

— Ты берешь на себя мою роль, жрец. Барду подобает играть словами, и он делает это с большей легкостью и искусством, он может открыто устыдить короля при его дворе. Я не спорю с то-

бой. То, что я слышал о вашем Христе, убеждает, что он действительно один из обладающих истинной Силой. Но он не единственный. У каждого племени в свое время появляется собственный бог. Я приветствую вашего Христа как одного из видевших Великий Свет. Но разве Христос учил вас преследовать человека, не идущего с ним по дороге? Я думаю, нет, иначе он не принадлежал бы к Великим, для которых ясны и открыты все пути.

Молитва второго жреца затихла. Со странным выражением на старческом лице смотрел он на Мерлина.

— Ты говоришь необычные вещи, сын мой, — сказал он.

— Если ты слышал обо мне, жрец, то знаешь, что я вообще необычный человек. Если хочешь сразиться силами, то знай: это детская игра, а ребенок не сознает, чем играет. Смотри!

Он быстро провел перед собой пальцем. На вершинах камней вспыхнули огоньки.

Старший жрец смотрел на них спокойно. Его товарищ возбужденно крикнул:

— Работа дьявола!

— Если это так, то уничтожь ее, жрец! Добро должно победить зло, — сказал Мерлин, и огни снова зажглись.

Жрец заговорил по-латыни. Но огни продолжали гореть. Наконец Мерлин шелкнул пальцами, огни исчезли. Лицо жреца побагровело от гнева.

— Природа зла не вне человека, а в нем, — медленно произнес Мерлин. — В себе он создает возможность для ненависти, страх перед тем, что таится в темноте. Если же он не создает такой возможности, то и не порождает демонов. Я не использую силу для вреда и никогда не использовал. Да и не собираюсь. Ибо, если я обращаю на это свои способности, они погибнут. Какого бога я призываю, используя его Силу, это мое дело. Я не заставляю других верить в него. Достаточно, что я знаю о существовании Силы, которая была, есть и будет!

Старший жрец некоторое время смотрел на него, потом сказал:

— Незнакомец, у нас с тобой разные дороги. Но с этого момента я не верю, что ты помощник злой силы. Ты печально заблуждаешься, и я буду молиться о тебе, чтобы ты отвернулся от ложного пути и свернул на истинный.

Мерлин склонил голову.

— Жрец, все молитвы, произнесенные с добрыми намерениями, замечаются Силой. И неважно, в чье имя они произнесены. Я не желаю тебе зла, не желай и ты мне его...

— Нет! — Это крикнул младший жрец, горящий гневом, а может, и испытывающий страх. — Это демонское отродье угрожает всем верующим. Он умрет!

Он сделал неожиданный выпад мечом, не неуклюже, а искусно. Мерлин решил, что, прежде чем надеть рясу жреца, он был воином. Но Мерлин был наготове: он видел выражение глаз противника. Рука Мерлина взметнулась. Меч, как притянутый сильным магнитом, отлетел в сторону и ударился о ближайший камень. Лезвие расколосось.

— Иди с миром, — сказал Мерлин жрецу, который, не веря своим глазам, смотрел на осколки оружия. — Я не хочу никому зла. Но тебе лучше уехать отсюда. Тут живет древнее заклятие, ни один человек не смеет обнажать меч в священном круге. Установившие этот закон давно мертвы, но сила их молитв живет. Иди и радуйся, что камни не восстали на тебя.

— Брат Гилдас, — негромко сказал старший жрец, — во имя твоего повиновения господу, уходи. Этот человек идет своей дорогой, и не нам его допрашивать.

Он поймал узду лошади младшего жреца и повернул, ведя за собой вторую лошадь, а всадник сидел на ней молча, будто лишившись дара речи. Когда они подъехали к ожидавшим воинам, старший жрец отдал приказ. Воины отпустили лошадь Мерлина. И поехали с торопливой готовностью, которая свидетельствовала, что если жрецы не верили в силу древних священных молитв, то воины верили.

Мерлин смотрел им вслед. Снова на него обрушилась свинцовая усталость. Он должен уснуть. Но разумно ли задерживаться здесь?

Он решил, что можно доверять старшему жрецу. В споре сил он, Мерлин, оказался сильнее. К тому же ясно, что воины не захотят возвращаться к Месту Солнца. Мерлин прошел к Королевскому камню. Солнце пригревало; у него есть плащ. Ветер стих. Мерлин сгреб сухую траву и устроил себе постель.

Проснулся он к вечеру. Его разбудило ржание лошади. Животное паслось меж камней и теперь ждало близости. Мерлин позавидовал лошади: он проголодался. Накануне вечером он съел последние продукты, а сейчас не то время года, когда можно утолить голод ягодами или орехами. Придется вспомнить детство и испытать удачу с пращой и камнем. Может, удастся добыть кролика.

Выбрав несколько подходящих булыжников, Мерлин начал охоту и обнаружил, что старые умения не забылись. Но он не

покидал круга камней. Здесь он развел костер, добыв огонь от ударов ножа о камень. Здесь, у Королевского камня, он поджарил кролика и съел до последнего кусочка.

Несмотря на ступающиеся тени, Мерлин снова лег на постель из сухой травы и спокойно уснул. Он чувствовал, что, выполнив задачу жизни, обрел свободу: в этом круге ничто не может угрожать ему. И спал он без сновидений.

Его разбудило солнце. Задерживаться было незачем. Мерлину казалось, что пройдет немало времени, прежде чем придет ответ на зов маяка. Но перед отъездом он снова положил руку на камень, чтобы ощутить уверенное мощное биение.

Он двинулся в Камелот. Присылка Модредом жрецов была открытым объявлением войны, и Мерлин не мог этого спустить. Юноша не должен думать, что хоть в чем-то одержал победу, что заставил Мерлина бежать. Теперь Мерлин свободен и все силы использует на то, чтобы заставить Артура выслушать его. Он установил маяк, и теперь дальнейшее от него не зависит.

В дороге он услышал новость о победе короля над саксами. Он с самого начала считал, что это всего лишь незначительная стычка, но даже такая небольшая победа возвысит Модреда во мнении воинов.

В трехэтажном внутреннем дворце, обнесенном каменной стеной, у Мерлина была своя комната. Он пришел туда, задержавшись лишь для того, чтобы приказать слуге принести ему котел с горячей водой для умывания. Тело и одежда у него пропарились от пота.

Стоя посреди своей маленькой комнаты, Мерлин огляделся и почувствовал странное беспокойство: как будто комната ему незнакома. Вот банки с лекарствами, пучки сухих трав, подвешенные к стене, несколько книг на латинском языке. Камни, странная форма которых привлекла его внимание. Никакого богатства, никаких украшений. Кровать как грубый ящик с суровым полотном постельного белья, ни ковров на стенах, ни шкур. И он вспомнил другие комнаты — прекрасные комнаты своих снов.

Увидит ли он их когда-нибудь наяву? Людям потребуется много времени, чтобы восстановить утраченные знания и построить новые города. Даже если корабли прилетят завтра, пройдет не одно поколение, прежде чем мир снова расцветет.

А если небесный народ встретится с такими, как Гилдас? Возможно ли переубедить таких? Можно ли будет работать с ними? Найдется ли достаточно людей, которые поверят Повелите-

лям Неба и вместе с ними станут строить будущее? Или страх и благоговение перерастут в ужас и невежественные люди отвернутся от предложенного им нового мира?

Артур... Теперь Мерлин знал, почему он должен выиграть бой за Артура. Не потому, что король замечательный военачальник, не знающий равных в свое время и в своей земле, а потому, что он символ, за которым пойдут люди, в которого поверят. Поэтому Артур должен быть подготовлен к приходу со звезд.

13

Но Мерлин не попал к Артуру, потому что король пришел к нему сам. У двери послышался скребущийся звук, будто пришел кто-то с тайными намерениями. Мерлин отдернул дверной занавес и увидел короля. Одного.

Но это бы не уверенный в себе Артур из пиршественного зала. Прошли годы с тех пор, как он предложил Мерлину выпить за Модреда. Левый глаз короля дергался. Король угрожающе смотрел на Мерлина.

Артур оглянулся, как будто хотел убедиться, что его никто не видел, и резкими шагами вошел в комнату. Заговорил он почти шепотом:

— Мне рассказывали о тебе, колдун. Но я не верил этим рассказам. Может, я слишком глуп и предпочел замкнуть уши, потому что именно ты привел меня на трон. И об этом я тоже слышал! — Гнев сверкнул в его взгляде, пальцы на рукояти небесного меча сжались. — Теперь я добыю от тебя правды, даже если ее придется извлекать мечом! Я дошел до того, колдун, что не останюсь и перед этим!

— Какой правды ты хочешь, господин король? — спросил Мерлин, тоже негромко. Ясно, что короля настроили против него. И он знал, кто это сделал.

— Я на самом деле сын Утера?

Мерлин быстро принял решение. Он догадывался, какую позорную историю мог рассказать Модред и использовать ее как оружие против короля, против Мерлина, против всего дома Пендрагонов.

— Так считал он сам, — медленно сказал Мерлин.

— Значит... — лицо короля побледнело... — значит, Моргаза... и я... Модред... — Неожиданно в его взоре блеснуло понимание. — Так считал он сам, — повторил Артур. — Ты странно

подбираешь слова, Мерлин. Может ли быть, что он ошибался? Если он ошибался, то кто мой отец? Голорис погиб накануне того дня, когда моя мать лежала с человеком, которого считала своим мужем.

Артур с усилием овладел собой.

— Я слышал странную историю, Мерлин. Она способна покрыть меня черным стыдом, опозорить хуже, чем предателя Вортигена, отдавшего свой народ под топоры саксов. Ты привез меня к Эктору. Только ты знаешь правду. Если я на самом деле сын Утера, то собственная похоть осудила меня на изгнание из рядов честных людей. Моя честь погибла, и если я отдам приказ поваренку на кухне, тот плюнет мне под ноги. Ты говоришь, что Утер считал меня своим сыном. Что это значит? Говорю тебе: я близок к тому, чтобы перерезать себе горло собственным мечом!

Мерлин пододвинул табурет.

— Это странная история, господин король, и уходит на много лет в прошлое.

Артур посмотрел на табурет, как будто не хотел задерживаться здесь. Но все же сел и выпалил:

— Рассказывай, и побыстрее! Если ты даже ненамного облегчишь мою тяжесть... Говори!

— Ты знаешь, что рассказывают обо мне. Это правда. — Мерлин сел на край кровати, по-прежнему говоря шепотом. Напрягая свои особые чувства, он проверил, не подслушивают ли их. — Я не сын человека...

Артур нетерпеливо пожал плечами.

— Я знаю: тебя зовут демонским отродьем. Но какое это имеет отношение...

— Не демонское отродье, — прервал Мерлин, используя всю волю, чтобы заставить короля слушать. — Я происхожу от Небесного народа. Да, в древних легендах содержится правда. Дочери человеческие некогда рожали сыновей от сошедших с неба. И от этих браков возникла могучая раса, создавшая такие чудеса, какие людям и не снились. Но в конце была жестокая война, опустошившая мир, и земля превратилась в море, а море — в землю. Горы поднялись на равнинах, все изменилось, а немногие выжившие вернулись к дикости и почти ничего не запомнили из прошлого. Они опустили ниже лесных зверей.

Но те, кто породил их, о них не забыли. И когда война, изгнавшая их снова в небо — у небесного народа есть могущественные враги, о которых мы не знаем, — когда эта война кон-

чила, они помнили Землю и стремились вернуться на нее. Они оставили в небе корабли, один из них ответил на сигнал древнего маяка, установленного в наших горах. Корабль принес семя Небесного народа, и моя мать первой зачала от него...

— Ты сочинил нелепую сказку, — прервал его Артур.

— Посмотри мне в глаза, король, — приказал Мерлин. — Сочиняю я или говорю правду?

Артур смотрел ему в глаза. Потом медленно сказал:

— Хотя это кажется невероятным, ты веришь в свои слова.

— Я готов доказать, что говорю правду, — заявил Мерлин. —

Одна из возложенных на меня обязанностей заключалась в воспитании могучего короля, который установил бы мир во всей Британии. Потому что когда Повелители Неба вернутся к нам, им будет необходим мир. Амброзиус был великим полководцем, но мир виделся ему лишь на римский манер. Утер хорошо справлялся с племенами, но он сам принадлежал к ним и разделял не только их достоинства, но и недостатки. Его одолевали страсти, и он не знал самодисциплины.

На коронации он увидел герцогиню Игрону и возжелал ее. Его желание было таким открытым, что муж Игрены уехал от Двора, вызвав неудовольствие Утера. Голорис оставил жену в совершенной безопасности, как он считал, в крепости на берегу моря, крепость эта никогда не сдавалась врагу, настолько мощно она была укреплена.

Тогда Утер послал за мной и приказал использовать мои возможности, чтобы его желание осуществилось. Я сказал ему, что могу создать иллюзию: придать ему вид Голориса, чтобы он мог насладиться любовью в постели герцогини. Но я усыпил его, и во сне он увидел все это; а сам я проник в крепость и внушил герцогине другой сон. Но тот, кто приходил к ней, не был человеком нашего мира: она зачала по воле Повелителей Неба.

Утер устыдился своего поступка, а герцогиня, узнав, что ее муж на самом деле погиб до того, как приходил к ней, пришла в ужас и прислушивалась к разговорам о ночных демонах. Поэтому они с готовностью отдали тебя в мои руки.

В венах Эктора была кровь Повелителей Неба, хотя его род произошел от них в глубокой древности. Он с готовностью взял тебя. Я должен был учить тебя так же, как учили меня самого, дать тебе знания наших отцов. Но у меня был... есть... враг. — Мерлин остановился в нерешительности. Должен ли он говорить о Нимье? Вероятно, должен. Артура нужно предупредить.

— У Повелителей Неба, чье наследие мы разделяем, тоже есть злобные враги чуждой породы. Они хотят, чтобы мы никогда не поднялись, чтобы человечество всегда оставалось во тьме, такой близкой им, — во тьме ненависти, убийства, отчаяния. Враги узнали о моем рождении и произвели моего противника, обладающего такой же властью, как я, а может, и большей. Мы еще не встречались в открытой схватке. Это существо, порожденное тьмою, зовут Нимье, Леди Озера. — На лице Артура ясно читалось изумление.

— Но она помогла Утеру, она дала убежище Моргазе, воспитала Модреда... — тут он внезапно замолчал, и выражение его лица стало напряженно внимательным.

— Да, — спокойно подтвердил Мерлин, — и это внимание к дому Пендрагонов можно объяснить по-разному.

Король сжал кулаки.

— Я понимаю твой намек. Ты думаешь, что она делала это с целью навредить мне. Но ты говоришь, а она действует. Ты был у нее в плену?

— Пользуясь своей властью, она держала меня в заключении. Я не подозревал, что она знает о моем укрытии, пока она не ударила. И вот я не мог выйти до самой твоей коронации, высокий король. То, что ты должен был знать с детства, для тебя утрачено. Потом я узнал, что Моргаза соблазнила тебя, и хотя у меня нет доказательств, я считаю, что это тоже дело Нимье. Она предвидела, что из этого получится. И вот теперь пользуется плодами своей работы. Она превратила Модреда в свое орудие...

— Он мой сын, — тяжело сказал Артур. — Я не могу отречься от него.

— Телом он, может, и твой сын, — согласился Мерлин, — но душа его принадлежит Тьме. И именно он распространяет сплетню, позорящую твое имя, способную уничтожить все, что ты завоевал.

Артур смотрел на свой кулак; лицо у него было мрачно.

— Как мне предотвратить это? — невыразительно спросил он. Приступ гнева прошел. — Кто поверит твоему рассказу? Скорее согласятся с болтовней о демонах и прочих страхах. А я упаду с трона так же легко, как лист под порывом ветра в конце года.

— Прежде всего ты должен овладеть своим наследием, хотя оно и пришло поздно. Я докажу тебе, что говорю правду. Согласен, что большинство не поверит. Но эти знания вооружат тебя, и ты сможешь разбить Модреда и ту, что стоит за ним.

— Где твое доказательство?

— Оно в другом месте, господин король. И ты должен посетить это место безоружным, даже без щита, и лишь со мной.

— А Модред будет свободно разливать свой яд!

— Мы на время чем-нибудь закроем Модреду рот, и этот акт не будет странным в глазах окружающих. Ведь он все же Пендрагоновой крови, поэтому ты сможешь оставить его правителем. Но прими меры, чтобы он не мог сговориться с лордами.

— Будь уверен, я не дам ему такой возможности. — В голосе Артура звучало облегчение. — Теперь нужно придумать объяснение, почему я уезжаю от Двора так необычно.

— Господин король, в том направлении, куда мы двинемся, лежат старые заброшенные крепости. Некогда с моря к ним вела римская дорога. Может ли быть лучший предлог, чем осмотр этих крепостей? Возьми с собой своих дружинников. Когда мы окажемся вблизи места, ты заболеешь. Я буду ухаживать за тобой. Ну, и еще один слуга, которому ты сможешь довериться. Есть у тебя такой?

Артур кивнул.

— Блехерис, пришедший ко мне после гибели Эктора. Он учил меня владеть мечом. Он уже стар, но тайны хранить умеет.

Мерлин напряг память. Блехерис? Маленький смуглый человек с татуировкой на лбу, не из племен.

— Пикт?

— Да. После одного набега он остался лежать со сломанной ногой. Эктор не разрешил убить его. Блехерис женился на Фланне, моей кормилице. Когда ее служба кончилась и Эктор предложил ей свободу и богатство, как ты ей пообещал, она отказалась и решила остаться. Блехерис теперь мне ближе всех дружинников.

Мерлин кивнул.

— Мы выедем по твоему приказу, господин король. И открой свой разум: я не рассказал тебе и половины истории, касающейся нас обоих.

Напряжение и боль, преследовавшие короля, прошли. Их сменило ожидание, какое охватывает человека перед важным испытанием. Но когда король вышел, Мерлину было над чем подумать.

Мерлин не ожидал, что Модред очернит собственное рождение, чтобы свергнуть короля. У королевы нет детей. Мерлин подзревал, что виноват в этом король. Возможно, они, полукров-

ки, не могут по какой-то причине скрещиваться с людьми. Об этом свидетельствовало и его собственное равнодушие ко всем женщинам, кроме Нимье. Хотя Артур увлекся королевой, но он так часто отсутствовал, что мог и не догадаться, что их отношения остаются, по существу, стерильными.

Артур, поскольку с Джиневрой у него нет детей, имеет только одного наследника — Модреда. То, что Артур мог зачать незаконного ребенка с женщиной, противоречило наблюдениям Мерлина. А не приложила ли к этому зачатию руку Нимье? Она, несомненно, была при Дворе, когда это произошло и сразу после этого увезла Моргазу. На самом ли деле Модред сын Артура? Может, он, как и Нимье, ребенок Темного?

Мерлин ощущал в нем наличие Силы, с несомненностью говорящее о присутствии древней крови. Нет, все же Модред, как говорят сплетники и как считал Эктор, сын Артура и его так называемой сводной сестры.

Возможно, Модред распространяет эти слухи, чтобы подчинить себе Артура. Но вряд ли это планировала Нимье. Артур не слаб и не глуп. Когда ему впервые сообщили, он, конечно, потерял рассудок, но любой бы на его месте впал в отчаяние. Теперь, когда Артур узнал правду, когда получит доказательства, он будет неуязвим для Модреда. Нужно подумать, далеко ли зайдет Модред, чтобы свергнуть своего отца. Неужели он так юн и горяч, что не понимает: позор отца запятнает и его? Король не может проявлять физическую слабость, но и имя его должно оставаться безупречным.

Модред честолюбив, в этом Мерлин уверен. Вряд ли юноша станет вредить самому себе: он слишком хочет стать наследником короля. Если только в будущем появятся признаки беременности королевы, он может решиться на безрассудные действия.

А к тому времени — слегка сторбленные плечи Мерлина распрямились — Артур будет вооружен. Пусть только он доберется до зеркала. Правда сделает его неуязвимым для таких интриг.

И вот Артур назначил Модреда правителем на время своего отсутствия и принял все возможные меры, чтобы помешать сговору. Впрочем, Модред казался довольным. Он не замечал присутствия Мерлина, хотя жрец Гилдас гневно поглядывал в сторону Мерлина со своего места рядом с тронном Модреда.

Когда они выехали из Камелота, Артур полуобернулся в седле и взглянул на свой дворец. Лицо его было мрачно.

— Не знаю почему, — сказал он ехавшему слева от него Мерлину, — но будущее словно затянулось тучами. Солнце светит ярко, но, когда я смотрю назад, там сгущаются тени.

— Нелегко отбросить неуверенность, — ответил Мерлин. — Ты слишком много узнал за короткое время, господин король. Время тоже может стать врагом. И немало в этой земле таких, кто восстанет против любого изменения, даже если оно несет с собой мир.

— Это я тоже начинаю понимать. Мои сторожевые отряды ждут сигнальных огней. Как будто жалеют о тех временах, когда мы постоянно были в седле, усталые, измученные, голодные, а впереди и сзади нас поджидал враг. Смерть шла рядом, но сейчас за пиршественным столом они тоскуют об этих днях, хвалятся битвами, лагерями и походами. Даже во мне разгорается кровь, когда я кладу руку на рукоять меча. Мы рождены для войны, мы жили войной, а теперь, когда война ушла... мы кажемся себе бесполезными.

Мерлин рассмеялся.

— Не только война может занимать умы и руки людей, господин король. Нам еще предстоит борьба, но не против своих. Подожди — и увидишь. Перед нами такие дела, по сравнению с которыми девять великих битв Британии покажутся играми беззаботных детей.

— Покажи мне это, Мерлин, и я буду благодарен тебе. Я думаю, что родился лишь для одной цели — для борьбы. И если не саксы — не хочу и думать о новых набегах, — мне нужно что-нибудь достойное.

Артур осмотрел три старые крепости и в каждой оставил отряд с приказом тщательно изучить возможность восстановления крепости и доложить ему, когда он будет возвращаться. Так получилось, что когда они достигли четвертой крепости — Мерлин знал, что дальше им придется свернуть в горы, — с Артуром осталось совсем мало людей.

И среди оставшихся не было ни одного знатного лорда. Их всех Артур предусмотрительно оставил изучать крепости. Восемь человек, въехавших в полуразрушенное укрепление, были наименее любопытны. Они лишь повиновались приказам и ни о чем не задумывались.

Вечером Артур пожаловался на головную боль. Он почти ничего не ел, и Мерлин предложил ему лечь пораньше.

Только пикту король сказал правду, комната, отведенная для короля, должна тщательно охраняться, а его отсутствие — оставаться тайной. Маленький смуглый человек молча склонил голову.

Ночь была безлунная, но Мерлин не сомневался, что легко отыщет пещеру, как перелетная птица находит через моря дорогу домой. Артуру прекрасно знакома наука укрытий и засад, и он с искусством, выработанным долгой практикой, сумел ускользнуть незаметно от отряда. Вместе перебежали они от тени к тени, направляясь в горы.

Мерлин считал, что болезнь короля может затянуться дня на четыре, прежде чем воины отряда забеспокоятся и начнут удивляться, почему не видно ни короля, ни какого-либо вестника с новостями о его здоровье. До пещеры с зеркалом еще ночь пути, а темнота задержит их. Артур во тьме рассмеялся, как мальчишка.

— Похоже на дни моего детства, — признался он шепотом, когда они добрались до вершины хребта и лежали на животах, пытаясь рассмотреть местность впереди. — Так мы с Кеем тайком убегали по ночам. Но тогда мы охотились не за тем, за чем охотимся сейчас. Мерлин, если Кей сын Эктора, значит, он тоже принадлежит к древней расе, о которой ты говоришь с таким почтением. Может, он тоже владеет древними секретами?

— Все предопределено звездами. Я не выбираю, — ответил Мерлин. — Я поступаю так, как мне указано. Однако нужно поторопиться, Артур. Впереди долгий путь.

Впрочем, они сумели добраться до пещеры еще до рассвета. И Мерлин чуть не на ощупь открыл импровизированную дверь, отодвинув камни, которые он всегда укладывал так, будто они свалились сверху. И вот вход открыт.

Мерлин прошел вперед. В пещере его встретила не тьма, а вспышки света; все механизмы ожили либо за время его отсутствия, либо при его появлении. Артур с трудом протиснул свое большое тело, но теперь, стоя перед полированной поверхностью зеркала, он молчал. И Мерлин, бросив на него взгляд искоса, увидел, что король охвачен благоговейным страхом. Здесь ничего не напоминало знакомый ему мир.

— Зеркало. — Мерлин мягко положил руку на плечо Артуру, приближая к сверкающей поверхности. И заговорил: — Здесь стоит Артур, высокий король Британии, рожденный и воспитанный по приказу тех, кому мы служим.

Их отражение в зеркале колебалось. Может, сказывалось мерцание огней. Артур вздрогнул, когда их воздуха послышался голос:

— Привет тебе, наш родственник. Для тебя теперь прошлое закрыто, Артур. Наступил час выбора, ты должен действовать на благо твоего народа, хотя из-за козней врага ты слишком поздно пришел к нам. Будь внимателен, Артур. Твой выбор решает не только твою судьбу, но и судьбу всей Британии. Мерлин, дальнейшее предназначено только для Артура. Ты ничего не увидишь.

Скамья скользнула вперед, как при первом посещении Мерлина много лет назад. Артур сел, как в транс. Для Мерлина в зеркале ничего не изменилось. Он видел только свое и Артура отражения. Но король испустил восклицание и слегка наклонился вперед, глаза его расширились, губы шевелились.

Мерлин отошел. Конечно, он опоздал с выполнением своей последней обязанности. Но, может, не совсем опоздал. Может, использовав Модреда, Нимье ослабила свой контроль над будущим? Иначе король никогда не поверил бы ему. Артур, преследуемый позором, который нес ему Модред, был подготовлен к принятию рассказа Мерлина.

Мерлин взглянул на короля. Тот, не отрывая взгляда от зеркала, сидел неподвижно, будто был сделан из металла, подобно окружавшим его механизмам. Время от времени по лицу его проходило выражение тревоги или решительности. То, что узнавал Артур от зеркала, медленно преобразовывало его.

К зеркалу пришел победоносный полководец, привыкший к торжеству на поле битвы. Но теперь это был предводитель другого типа. Сердце Мерлина забилось сильнее при виде этой метаморфозы. Нимье проиграла!

Когда Артур выйдет отсюда, он не будет вздрагивать перед Тьмой. Он превратится в вождя, каким должен был стать уже давно.

14

Прошли ночь, день, еще одна ночь, прежде чем Артур встал со скамьи и повернулся к Мерлину. В глазах его светилась уверенность человека, которому предстоит трудная задача. Эта задача потребует всей его энергии, до последней капли.

— Ты видел? — спросил Мерлин.

— Видел, — ответил король. — Если даже это сон, человек может жить ради такого сна. — Он колебался. — Но, брат, мы с тобой не похожи на других людей. Многие не поверят нам, даже если увидят своими глазами. Я... — Он медленно покачал головой. — Нужно стараться.

Мерлин внимательно смотрел на него. В Артуре не было возбуждения, только серьезность, как будто он принял тяжесть, которую должен нести, хочет он того или нет.

— Правильно ли выбрано время? — продолжал король. — Человек так долго жил в страхе, что сейчас на любое новшество смотрит как на угрозу.

Мерлин испытывал те же сомнения. Захотят ли люди устремиться к звездам?

— Ограниченные умы, — продолжал Артур, — все это, — он взмахом руки указал на механизмы, — сочтут работой дьявола. Ты знал это с детства. Я пришел сюда взрослым усталым человеком и могу понять такие страхи. А страх ведет к ненависти и разрушению. К тому же существует Леди Озера.

— А она что? — Мерлин беспокойно шевельнулся.

— Если она наш враг, мы должны больше знать о ней, установить источник ее силы.

— Она знает меня, — ответил Мерлин. — Я давно ее враг. Если она меня обнаружит...

Артур кивнул.

— Верно. Но она хорошо служила Утеру и известна своим даром целителя. Мы начали маскарад с того, что я заболел. А нельзя ли это продолжить? Я вернусь в Камелот больной, и окружающие пошлют за Нимье. Тебе, брат, придется пострадать: ведь ты не сможешь меня вылечить. Может, тебе даже придется на время уйти в изгнание.

У Мерлина было одно возражение:

— Господин король, я знаю эту женщину и испытал ее силу. Что, если ты не выступишь против нее? Тогда все наши планы рухнут.

— Придется рискнуть. Не вижу других возможностей одолеть ее. Иначе она продолжит вести свои интриги и запутает нас, как паук, так что мы не сможем действовать. Брат, ты необычно боишься этой Нимье. Почему?

Мерлин вспыхнул.

— Разве недостаточно, что она держала меня в плену, когда ты нуждался во мне? Зеркало мало рассказывало мне о силах

Тьмы, но то, что я знаю, устрашает. Подвергать тебя опасности, может, самый глупый поступок в нашем мире.

— Возможно, — согласился Артур. — Но я знаю, что мы должны выманить ее из укрытия. Говорят, никто не может добраться туда, если она не хочет: густой туман укутывает древнюю крепость, в которой она живет. Но если я смогу удержать ее в Камелоте, ты с твоими знаниями этих сил проникнешь в тайное место и узнаешь, в чем ее поддержка.

Артур мыслил военными схемами. Мерлин неохотно согласился, что план может осуществиться.

— Ты узнал это в зеркале? — спросил он.

Артур вздохнул.

— Зеркало оставляет выбор людям. Оно показывает, что может произойти, но будущее постоянно меняется от действий людей.

— Верно. Хорошо, пусть будет по-твоему, господин король.

Но, даже согласившись, Мерлин испытывал неуверенность. Артур избран королем. Теперь он знает о своей истинной роли и должен принимать решения. Но все же он не встречался с Тьмой лицом к лицу, он знаком с делами Тьмы только в связи с Модредом. Нимье он знает лишь как таинственную целительницу.

Вместе они закрыли вход в пещеру и тайком вернулись в лагерь. Миновав двух часовых, Артур негромко выругался из-за их невнимательности. В комнате их ждал Блехерис.

— Хорошо, что ты вернулся, господин король, — сказал он с явным облегчением. — Люди беспокоятся. Тирион дважды спрашивал, где ты. Он собрался посылать вестника к лорду Гавейну в соседнюю крепость...

— Я себя чувствую плохо, Блехерис, — ответил король. — Слушай внимательно, друг. Вот что нужно сделать. Ты расскажешь всем, что мне хуже. Потом Мерлин прикажет нарубить веток и устроить носилки. Ты будешь со мной; принося мне еду и питье, будешь рассказывать о моем бреде, что ты никогда не видел такой лихорадки, что ты очень беспокоишься обо мне. Ты понял?

Маленький пикт перевел взгляд с Артура на Мерлина, потом снова посмотрел на короля.

— Это военная хитрость, господин король?

Артур кивнул.

— Но война ведется не мечами и копьями. Я должен вернуться в Камелот серьезно больным, и только ты и Мерлин будете ухаживать за мной, чтобы никто не догадался об обмане.

Блехерис взглянул на дверь.

— Господин король, люди беспокоятся. Им не нравится это место. Между собой они говорят о древних духах, которые не любят живых и из-за которых ты заболел. Эти разговоры опасны...

Ответил Мерлин.

— Разговоры о демонах могут быть нам полезны.

Лицо Артура было угрюмо.

— Но опасны для тебя, Мерлин. Вокруг тебя постоянно шли такие сплетни. Могут обвинить тебя в кознях демонов.

— Совершенно верно. Но и эти разговоры послужат нашей пользе. Да будет так. Иди, Блехерис. Ничего не говори о духах, но если услышишь о них разговор, постарайся выглядеть многозначительно, будто смог бы кое-что добавить.

Пикт улыбнулся.

— Лорд Мерлин, я не знаю, какую игру вы затеяли с королем, но постараюсь как можно лучше сыграть в ней.

Как предлагал Артур, так и было сделано. Мерлин дал ему травы, из-за которых у короля покраснело лицо и поднялась температура. Блехерис рассказал, что сопровождающие их воины убеждены: король заболел из-за нападения демонов. Все искося поглядывают на Мерлина. Пикту даны были дальнейшие инструкции. Вернувшись в Камелот, он должен будет распространять слухи, что только Леди Озера, поддержавшая Утера, когда остальные знахари обрекли его на смерть, сможет помочь королю.

Лорды, сопровождавшие Артура, присоединялись на обратном пути. Они настаивали на свидании с королем. Но увидели лишь, что король лежит без сознания; Мерлин казался сильно обеспокоенным, как будто встретился с болезнью, с которой не может справиться, несмотря на все свои знания.

Мерлин знал, что Седрик отправил вестника, и поэтому не удивился, когда на полпути назад — они возвращались медленно, так как их задерживали примитивные носилки, — вестник вернулся с одним из жрецов в рясе. К облегчению Мерлина, это был не Гилдас, хотя он ясно ощущал враждебность этого человека. Однако, когда жрец попытался приблизиться к королю, Артур закричал, что его пришел мучить новый демон, и так естественно разыграл бред от высокой температуры, что жрец вынужден был отойти.

Лорды потребовали у Мерлина объяснения, что за болезнь свалила короля. Лицо у Мерлина вытянулось, и он стал говорить

о странных духах руин. Кто знает, какие злые дела творились некогда в тени этих руин?

Наконец они прибыли в Камелот и Артура внесли во дворец и уложили на постель. Но когда торопливо пришли Модред и Джиневра, Артур сел и приказал им уходить, назвав их предателями и убийцами. Казалось, только присутствие Блехериса и Мерлина успокаивает короля. Артур ни на мгновение не переставал играть роль серьезно больного человека; лишь оставшись наедине с Мерлином, он обменивался с ним несколькими словами шепотом.

На второй день Блехерис начал исполнять свою часть плана. Вернувшись, он как тень скользнул в комнату короля и опустился на колени у постели.

— Господин король, я сделал, как ты приказал, — прошептал он. — Я говорил о Леди Озера двум горничным королевы, человеку, ожидающему возвращения лорда Кея, и другим. Мне кажется, они прислушались.

Голова Артура едва заметно шевельнулась на подушке в знак того, что он слышал и понял. Мерлин облегченно вздохнул. Хорошо, что Кей после посещения Двора короля Уриена на севере возвращается. Мерлин никогда не испытывал к Кею такого отношения, как к его отцу, но знал, что Кей исключительно предан Артуру, каким бы грубым и жестоким он ни был по отношению к остальным. Кей к тому же очень ревниво относился к приближенным короля, и если он будет рядом, Мерлин с легким сердцем возьмется за выполнение своей части плана.

Он склонился над королем, как бы осматривая больного. Никого не было видно, но Мерлин говорил чуть слышно.

— Скажи Кею.

Король чуть кивнул. Должно быть, он тоже испытывал необходимость в чьей-нибудь поддержке, когда не будет Мерлина.

Они ждали, пока созреют плоды деятельности Блехериса. Утром следующего дня в комнату вошла королева в сопровождении Модреда и Кея. Мерлин верил, что Кей серьезно озабочен, относительно остальных двоих он сомневался. Он считал, что Джиневра слишком ценит корону, чтобы желать смерти Артуру, но несколько не доверял Модреду. Сейчас он должен открыть свои намерения. Чего он добивается? Исполнения желаний Нимье? Пути к трону? Во всяком случае он опасен.

Но к Мерлину обратился Кей со словами, которых тот давно ожидал:

— Похоже, знахарь, ты можешь меньше, чем хотел заставить нас поверить. В твоих руках нашему господину становится не лучше, а хуже. Поэтому мы поищем другого целителя, чтобы вернуть королю здоровье.

— Эй! — прервал Модред с высокомерием, которое подействовало на Кея как бодало на быка. — Добрый брат Гилдас знает это искусство. И поскольку он слуга господина, кто лучше него сумеет изгнать демонов, завладевших королем?

Кей вспыхнул.

— Мы не имеем доказательств искусства этого твоего жреца, мальчик. — Тон его низводил Модреда до положения ребенка.

— Ты... ты забываешься, Кей! — выкрикнул в ответ Модред. — Я сам крови Пендрагонов...

— А он мой приемный брат, — спокойно ответил Кей.

По закону племен приемный брат был не менее близким родственником, чем кровный. В глазах всего Камелота Кей был полноправным братом короля.

Кей отвернулся от юноши, на чьем лице открыто выразалась ненависть, и заговорил прямо с Мерлином:

— Ты не нашел лечения, не сумел даже немного облегчить страдания нашего господина. Поэтому мы пошлем за более искусным. Известно, что Леди Озера искусно справляется с такими болезнями. Разве не избавила она от них Утера вначале?

Мерлин склонил голову.

— Я слишком люблю нашего господина, чтобы возражать против любой помощи. Если вы думаете, что это поможет, призовите леди.

Кей на мгновение заколебался. Он как будто ожидал горячих возражений, а не немедленного согласия. Джиневра подошла к постели: теперь она подняла голову и огляделась.

— Мой господин, я уже послала за нею. Только она может поднять моего дорогого господина с постели. А что касается тебя, бард, самозванный целитель, — крикнула она Мерлину, — тебе лучше убраться отсюда. Уходи! Я приказываю!

Артур лежал с закрытыми глазами. Он негромко застонал. Мерлин сделал вид, что хочет подойти к нему, но Кей преградил ему путь.

— Королева сказала. Уходи, сын нелюдя. Твое имя не в чести здесь, пора тебе понять.

Мерлин ушел. Его не беспокоило, что его уход кажется бегством испуганного человека. Гораздо важнее было не встретиться-

ся с Нимье. Она может догадаться о их планах, если увидит его, поэтому мудро будет избегать встречи с ней.

В своей маленькой комнате он занялся подготовкой. Сняв нарядную одежду, снова надел серое дорожное платье, делавшее его похожим на слугу, потом отобрал из своих запасов определенные предметы. Тут был кусок звездного металла — упавший на землю метеорит, гладкое стекло того же происхождения. В маленький кожаный мешочек Мерлин положил травы. Этот мешочек он надел на шею. Слабый запах трав будет постоянно доноситься до него, проясняя голову, помогая быть настороже. Последним он взял подарок Лугейда — кусок металла, который когда-то давно помог найти меч Артура.

В этих предметах не было никакой магии, как ее представляют себе люди, но у них было родство с неземным. А как сказал когда-то Лугейд, «подобное ищет подобное». В течение многих лет Мерлин собирал — незаметно, как он надеялся, — сведения о крепости Нимье. Он считал, что рассказы о густом тумане, постоянно окружающем зачарованную крепость, — обычная человеческая реакция на галлюцинации; его этот туман не обманет. То, что он никогда не приближался к замку, возможно, даже лучше: Нимье решила, что он хорошо усвоил урок и никогда больше не попытается мериться с ней силами.

Последним он извлек из тайника за своей кроватью жезл длиной в руку. К концу жезла он прикрепил звездное стекло, убедившись, что металлические полосы прочно его держат. В рукоять жезла он вложил метеорное железо. Потом положил жезл на руку, испытывая его в различных местах, пока концы не уравновесились.

Затем Мерлин взял на кухне продукты и повесил к плечу кожаную бутылку. Бутылку он не наполнил вином или сидром, но отнес ее к ручью и там набрал чистой воды. Так, вооружившись собственным оружием и провизией для путешествия, Мерлин вышел из королевского дворца.

Мерлин, уходя, создал иллюзию, так, чтобы его никто не заметил и не запомнил. Он был уверен, что его отсутствие в Камелоте не скоро будет замечено.

Не сразу пошел он в нужном направлении. Вначале двинулся на восток и прошел некоторое расстояние по старой римской дороге, пока не дошел до еще более древней боковой тропы. Здесь он свернул и пошел по местности, казалось, совершенно безлюдной. Не прибегая больше к иллюзиям, Мерлин теперь

использовал для укрытия характер местности. Он сознательно не думал ни о Нимье, ни о ее замке.

Мерлин не имел представления о том, какая охрана окружает крепость Нимье. Он сомневался, что это обычные стены и люди. В его пещере было особое искажающее поле, которое ослепляло людей, не принадлежащих к древней крови. А если кто-то не сворачивал, имелось особое приспособление, преграждавшее путь. Мерлин не сомневался, что жильё Нимье имеет аналогичные защитные устройства.

Но защита пещеры еще ничего не говорила о защите Нимье. Нужно было ожидать самого худшего.

К ночи Мерлин достиг края леса, который люди называли первой защитой Нимье. Дорога огибала лес, как будто даже в древности люди считали его нечистым.

Мерлин укрылся под кустом, не разжигая костер, и пожевал хлеба с сыром, запив его водой из бутылки. Он послал невидимых разведчиков, служащих его мозгу; и когда эти разведчики вернулись, то доложили: нет ничего, кроме древесных теней. Наконец Мерлин поставил охрану и задремал: он не осмеливался погрузиться в глубокий сон.

Когда взошла полная луна, он ощутил какое-то движение в лесу, но не животного и не человека. Это были силы, которыми сам Мерлин хорошо владел. Какие бы часовые ни сторожили крепость Нимье, они были начеку.

Мерлин не пытался определить сущность этих часовых. Он не хотел, чтобы они ощутили его присутствие. Он только осторожно отметил место расположения каждого.

Возможно, Нимье полагалась на искажающие поля днем и на пугающие иллюзии ночью, что вполне естественно по отношению к обычным людям. Мерлин отметил прогалину к западу от того места, где он лежал. По прогалине протекал ручей, неглубокий, но довольно широкий.

Здесь его вход. Он знал то, чего не знают обычные люди: текучая вода избавляет от искажений и иллюзий. Отсюда происходит древнее поверье, что злые силы могут остановиться, не осмеливаясь перейти текучую воду.

Итак, у него есть вход, и он знает, где стоят часовые. Снова возбудив свою охрану, Мерлин задремал.

Рассвело, и он выбрался из-под куста. Снова немного поел и двинулся на запад. До восхода солнца он добрался до ручья. Там, где его пересекала дорога, в ручье лежали камни для пере-

хода вброд. Мерлин не пошел по камням, а спустился в центр ручья и двинулся на одинаковом расстоянии от обеих берегов.

Он шел по колено в воде, такой чистой, что видны были камни дна и быстрые тени рыб. Перед собой Мерлин держал жезл. Жезл находился в равновесии, пока Мерлин не вошел в самую глубину леса.

Все чувства Мерлина были настороже. Он ощущал присутствие маленьких живых существ, жителей леса, но ни следа тех часовых, которые бродили ночью. Неожиданно жезл сам собой повернулся в его руке. Стекло указало вперед и слегка на восток. Жезл хорошо служил ему, указав прямую дорогу к крепости Нимье. И ему не нужно покидать воду; он пойдет по воде, пока ручей течет в том же направлении.

Жезл в руке медленно поворачивался, пока снова не занял горизонтальное положение. Мерлин находился прямо перед крепостью Нимье. Немного впереди ручей делал резкий поворот, настолько крутой, что он не мог быть естественным. Увидев тщательно пригнанные древние камни, Мерлин убедился, что его догадка верна.

Ручей стал гораздо уже, как будто загнанный в искусственный канал. Уровень воды поднялся, идти стало труднее; сильное течение смыло ил и песок, теперь Мерлин ступал по камням. Благоразумие советовало держаться ближе к берегу под укрытием нависающих ветвей. Цепляясь за эти ветви, Мерлин убегаю от падений.

Он двигался вперед медленно, но не собирался выходить из воды, которая хоть немного укрывала его. Впереди он увидел, как солнце отражается на обширной водной поверхности. Несколько мгновений спустя он стоял, глядя на крепость Нимье.

Она действительно Леди Озера. На острове, где лишь один-два куста сумели укорениться среди скал, стоял замок из черного камня.

На нижнем этаже окон нет; выше видны узкие щели, дающие немного света. Камни не обработаны и скреплены по римскому обычаю.

Справа от замка отходит каменная дамба. В середине она проломлена, и Мерлин предположил, что гарнизон замка имеет возможность перекрывать брешь временным мостом.

Вода озера сама по себе странно светилась. Мерлин знал, что это свидетельствует об иллюзиях. Для тех, кто несведущ в таких делах, замок и озеро кажутся окруженными непроницаемым туманом, как и говорится об этом в слухах.

Мерлин рассматривал замок. Никаких признаков жизни. Как будто давно покинутые руины. Но жезл в руке Мерлина продолжал отклоняться, указывая на крепость. Если его выпустить, он полетит над водой, притянутый мощным источником силы. Задача Мерлина — преодолеть расстояние до замка не только жезлом — всем телом.

Слева водная поверхность задрожала сильней. Мерлин получил неожиданное предупреждение. Он поднялся на берег, осторожно всматриваясь в озеро. Из воды поднялась чудовищная голова с разинутой пастью, обнажив клыки размером с меч.

15

Это не иллюзия. Чудовищная голова реальна, хотя ничего подобного Мерлин раньше не видел. Он припомнил сведения, сообщенные зеркалом, о сосуществовании многих миров и о том, что стены между этими мирами иногда утончаются. Случайно или благодаря применению мощной энергии жизненные формы одного мира могут проникнуть в другой; отсюда рассказы о гигантских змеях и драконах, убитых героями.

Хотя существо из воды чуждо этому миру, он от этого не менее опасно. И Мерлин не сомневался, что житель озера — часть защиты Нимфе.

Существо двигалось к берегу с ужасающей скоростью, его голова со страшными кинжалоподобными клыками высоко вздымалась над поверхностью воды, зловещее шипение и отвратительный запах доносились из пасти. Мерлин повернул жезл в руке с такой же силой, с какой заставлял подниматься камни.

Глаза существа, глубоко посаженные в узком чешуйчатом черепе, больше не смотрели прямо на Мерлина. Как очарованные следовали они за поворотом жезла. Мерлин испытал облегчение: существо не настолько чуждо, чтобы не поддаться контролю.

Голова существа слегка поворачивалась направо, налево вслед за поворотами жезла. Мерлин больше не интересовал его. Мерлин проверил мозг чудовища: чуждый, но разумный, он теперь был открыт перед ним.

И по законам этого мозга Мерлин сотворил иллюзию. Это оказалось проще, чем он думал. Когда он замедлил повороты жезла, существо не двинулось. Голова его продолжала раскачиваться, тусклые глаза смотрели слепо.

Мерлин воспользовался возможностью и остановил жезл, внимательно следя за чудовищем, готовый убежать, если оно двинется. Он послал новую команду в чуждый мозг. Кольца длинной шеи начали разматываться, исчезли под водой, и наконец над головой сомкнулась рябь.

Мерлин вначале хотел добраться до острова вплавь, опасаясь, что проход по дамбе привлечет внимание обитателей замка. Теперь он знал, что этого нельзя делать. Он не знал, долго ли сможет удерживать змееподобное существо. Поэтому он как можно быстрее пошел по берегу к дамбе, продолжая внимательно поглядывать на воду и землю и мысленно проверяя наличие других возможных караульных.

У конца дамбы он остановился, глядя через брешь на остров. Вода необычно блестела: должно быть, его присутствие возбудило действие какого-то сторожевого механизма, который должен ошеломить и смутить незваного гостя.

Под ногами Мерлина лежала древняя дорога. Но особое удивление вызвал у него сам замок. Он был совершенно не похож на знакомые ему крепости. Как будто темное приземистое здание явилось в этот мир из другого, как чешуйчатое чудовище в озере. Вид тяжелых очертаний его стен внушал беспокойство и тревогу.

Может, это влияние какого-то искажающего поля? Мерлин не знал, но у него не было никакого желания появляться на острове и в замке. Однако не желания управляли им.

Он снова начал поворачивать жезл, держа его на расстоянии вытянутой руки от тела. Если его защита сработает, как он надеялся, ни один наблюдатель из замка не сможет ничего разглядеть за сиянием. Мысленная проверка не обнаружила впереди ничего. Только чернота, в которой таилось что-то нехорошее.

Мерлин добрался до края бреши и увидел выемки в древнем камне. Его догадка подтверждалась: брешь в нужных случаях перекрывалась мостом, который можно было тут же снять. Но он не мог позволить, чтобы его победила узкая полоска воды.

Глядя вниз, он увидел упавшие камни, зеленые от слизи. Некоторые выступали над поверхностью, хотя вершины их влажные и тоже слизистые. Мерлин критически рассматривал расстояние между ними.

Здесь сияние воды было особенно сильно, но все же не настолько, чтобы совсем закрыть от него камни. Если идти этим путем, придется отказаться от использования жезла и тем самым

обнаружить себя перед возможными наблюдателями из замка. Мерлин обдумал эту проблему и не смог найти другого выхода.

Он прочно привязал жезл к поясу — теперь ему понадобятся обе руки. И вот, перегнувшись через край бреши, со всей возможной осторожностью он опустил на поверхность первого камня.

Мерлин внимательно следил за водой. Если в озере существуют и другие чудовища, сейчас самое подходящее время и место им появиться. Поверхность воды так сверкала, что он не видел, что скрывается под нею.

Следующий камень покрыт зеленой слизью и находится более чем в шаге. Придется прыгать. И чем быстрее, тем лучше. Мерлин прыгнул, ноги его скользнули, но он вцепился руками и не упал в воду.

Гибель была близка. Во рту у него пересохло, он дрожал. Мерлин продолжал цепляться за камень. Следующий был не так далеко, и его поверхность, хоть неровная и грубая, оказалась сухой.

Однако потребовалась вся его решительность, чтобы перебраться на этот следующий камень. И когда камень качнулся под ним, как бы собираясь перевернуться и сбросить его в воду, Мерлин снова подавил приступ страха.

Следующий камень оказался ровнее, хотя и покрыт слизью. Мерлин перебрался на него с бьющимся сердцем. Он сидел на третьем камне, восстанавливая дыхание и глядя по сторонам: нет ли признаков, что за ним охотится какое-нибудь чудовище.

Последним прыжком он приземлился на другой стороне бреши. И оказался на маленьком скальном выступе, на котором едва умещались ноги. Лицо Мерлина находилось лишь в нескольких дюймах от стены, по которой ему предстоит взбираться. Мерлин вытянулся в поисках опоры для рук, не решаясь поднять голову.

Найдя точку опоры, он подтянулся. Поднявшись на дамбу, несколько мгновений лежал неподвижно, пока сердце не стало биться нормально, а воля не победила чувства.

Потом он встал на ноги. Перед ним ступила тьма, как будто ночь здесь постоянно обгоняла свет дня.

Мерлин отвязал жезл и поднял его перед собой стеклом вверх. Жезл указывал вперед, почти вырываясь из рук. Но Мерлину не нужно было этого дополнительного доказательства, чтобы знать: то, что находится в замке, не вполне принадлежит этому миру.

Идя к черному входу, он пытался определить, идет ли за ним какой-нибудь новый охранник. Есть ли у Нимье оруженосцы и служанки, может, как и озерное чудовище, проникшие из другого мира или времени?

Если они и были, то защита их для него непроницаема: он не мог обнаружить ничего присутствия. Стоя перед дверным занавесом, колебавшимся на ветру, Мерлин понял, что Нимье не нужны ни двери, ни замки. Туманный покров был не менее эффективен, чем каменная стена. Мерлин не мог сделать вперед ни шага.

Но он не собирался сдаваться. Мерлин достал свое последнее оружие — кусок небесного металла, подарок Лугейда. Металл можно было сгибать как физическим давлением, так и силой воли. Мерлин прижимал металл к стеклу жезла, пока оно не оказалось обернуто сверкающим покровом.

Чем ближе он подносил конец жезла к облачной двери, тем ярче светился металл. И вот он ударил жезлом в центр тьмы, как воин ударяет копьем. В ответ блеснул такой яркий свет, что на мгновение Мерлин ослеп. Над головой его ударил гром.

Он закрыл рукой глаза.

Тьма впереди рассеялась. И из-за ясно видимого входа пробивался свет, не от лампы или факела, но более яркий.

Держа жезл перед собой, Мерлин переступил порог.

Как и пещера, когда он ее в первый раз увидел, так и это обширное помещение, занимавшее весь нижний этаж замка, было уставлено машинами. Некоторые походили на знакомые ему установки в пещере, на них так же сверкали огоньки. Другие были незнакомы. И никакого зеркала. Нимье получала инструкции иначе, чем он.

Никакой жизни он не смог обнаружить. У дальней стены виднелась извивающаяся лестница, ведущая на второй этаж.

Мерлин пошел по проходу между установками. Вид знакомых механизмов внушал уверенность. Он поднялся по лестнице на второй этаж, где были окна. Поднявшись через отверстие в полу, он ощутил знакомые запахи — запахи трав и корней. Принюхавшись, он смог определить те, что сам собирал и хранил.

Длинный занавес делил помещение надвое. С одной стороны табуреты, стол, связки сухой травы на стенах, шкаф с полками, на которых закрытые сосуды и горшки. Осматривая это помещение, Мерлин чувствовал себя почти дома.

Но было здесь и что-то иное. Аромат трав не мог скрыть другой запах, далеко не приятный. Кто-то здесь создавал иллюзии, используя наркотики, с которыми — Мерлин знал это — лучше не иметь дела. Это запах зла, коварный, полускрытый, но совершенно очевидный.

Мерлин отдернул занавес. За ним оказалась постель, застеленная алой с золотом тканью. Поверх накинут золотой покров со сложным рисунком. На стенах дорогие ковры. Но на них не вышиты фантастические звери, охотники или другие рисунки, которые вышивают леди при дворе. Линии на коврах резкие, сплошь из углов.

Чем-то этот рисунок напоминал города из снов Мерлина. И чем дольше он смотрел на эти линии, тем все беспокойнее становился, как будто за ними скрывалось что-то злое, ждущее. И все же он видел только линии.

Тут находился также ящик в форме кровати, и на нем приклоненное к стене зеркало. Зеркало! Мерлин осторожно двинулся по комнате, тщательно следя за тем, чтобы его отражение не появилось на полированной поверхности. Вполне возможно, что это ловушка и, вернувшись, Нимье узнает, кто вторгся в ее обитель. Подойдя ближе, он, однако, убедился, что это не такое зеркало, как в его пещере, а просто предмет украшения.

В этой части помещения не чувствовалось беспокойства. Мерлин решил, что это личная комната Нимье. Вверх хода не было: в замке только два этажа.

Он не видел ни следа слуг. Нимье, должно быть, живет одна. Разве что у нее слуги, которым не нужно помещение, еда и питье.

Вернувшись в первую секцию, снова окруженный травами Мерлин широко взмахнул жезлом, направляя свой индикатор на стены.

Жезл спокойно лежал в его руке. Находящееся здесь не имело родства со звездами. Все звездное внизу. И Мерлин вернулся на заставленный механизмами первый этаж.

Больше всего ему хотелось уничтожить все стоящее здесь. Но если он попытается сделать это, то может не справиться. Медленно прошел он между машинами, подмечая непохожие на те, что он знал по своей пещере.

Таких механизмов было три. Один стоял вертикально — шкаф выше Мерлина. И поверхность его отличалась от осталь-

ных: те были полированные, а эта шероховатая и похожая на непрозрачное стекло. Жезл в руке Мерлина ожил. Прежде чем Мерлин смог удержать его, конец жезла ударился о непрозрачную поверхность на уровне груди.

Поверхность не разбилась, но в ней произошло изменение. Как будто непрозрачная пленка сдвинулась и обнажилось то, что стояло внутри.

Мерлин затаил дыхание. Он смотрел на женщину, стоящую в узком ящике. Хотя глаза ее открыты, он не видел в них признаков жизни. Она могла бы быть статуей, если бы не это удивительное сходство с жизнью.

Рыжие волосы длинными локонами спускались на плечи. На шее ожерелье, на запястье браслет. На взгляд она молода, но в то же время есть в ней какая-то зрелость, будто она хорошо познала радости тела.

Вначале Мерлин решил, что она жертва, хотя и тщательно сохраненная способом, неизвестным в этом мире. Потом присмотрелся внимательней и даже решился коснуться пальцем теперь прозрачной стенки. В ответ возле тела девушки слегка закружились струйки. Она погружена в жидкость, точно так же, как он лежал когда-то в своей пещере, не живой, но и не мертвый.

Говорят, некогда Нимье привела сюда Моргазу, дочь Утера! Но ведь это юная девушка. Она не может быть матерью Модреда, взрослого человека... Разве что ее заключили в этот ящик сразу после рождения сына. Приглядевшись внимательней, Мерлин заметил несомненное сходство с Утером, но никакого сходства с темнолицым Модредом!

Зачем Нимье держит ее здесь? Леди Озера, должно быть, предвидит какое-то будущее предназначение для дочери Утера. И, зная Нимье, Мерлин не сомневался, что цель у нее недобрая.

Он внимательно осмотрел ящик в поисках какого-нибудь замка. Ничего. Возможно, он открывается нужным словом, сказанным в соответствующем тоне. Хоть ему и жаль было сияющую девушку, он не видел возможности освободить ее.

Поверхность снова постепенно теряла прозрачность, как будто изнутри ее затягивало изморозью. Пленка сгустилась совершенно, чему Мерлин был рад: чем меньше следов его пребывания останется здесь, тем лучше.

Он прошел мимо вертикальной тюрьмы Моргазы к причудливому механизму из проводов, переплетенных металличе-

скими лентами. Ленты образовывали нечто похожее на шлем, с вершины которого провода уходили в стоящий сзади высокий столб.

Перед столбом стояла скамья, на ней лежал шлем. Мерлин внимательно разглядывал это устройство. И вдруг его охватило возбуждение. Вполне вероятно, что это устройство для связи, такое же, как его зеркало! Если это так...

Мерлин обогнул столб. Он был совершенно гладкий и поднимался почти до потолка. Над его вершиной и потолочной балкой оставалось пространство примерно в половину жезла Мерлина. Из вершины столба в это пространство время от времени поднимались разной длины выступы толщиной в мизинец.

Даже в своих снах об утраченных городах Мерлин не видел такое. Но если это связь между Нимье и теми, кто послал ее на Землю, и если эту связь можно оборвать...

Он глубоко уважал все связанное с Повелителями Неба и очень мало знал о них, поэтому ему не хотелось вмешиваться в их дела. Но он знал также, что у него появилась возможность нанести врагу величайшее поражение.

Жезл предупреждал его, что в столбе таится большая сила. Однако, когда он направил жезл в сторону шлема, реакция оказалась более слабой. И провода, соединявшие шлем со столбом, казались такими хрупкими.

Мерлин перевел дыхание. Даже если он разбудит такие силы, которые принесут ему смерть, поражение Нимье и стоящих за ней этого стоило. Он выполнил возложенное на него задание — маяк действует. Когда прилетят Повелители Неба, Артур их встретит. Значит, смерть его не так уж важна.

Медленно и осторожно Мерлин провел жезлом по поверхности скамьи, потом положил его, не касаясь проводов, уходящих в столб. Потом, как и тогда, когда нужно было поднять камень, начал постукивать звездным металлом. Негромко запел.

Он не пытался коснуться шлема, а всю волю устремил на его крепление. Шлем сам собой поднялся над поверхностью скамьи. Он поднимался рывками, как будто сопротивлялся чужой воле. Но поднимался. Вот он уже выше головы Мерлина, и провода натянулись туго, как струны арфы.

Мерлин без колебаний продолжал.

Он чувствовал, как за пределами достижимости его разума что-то собирается, бродит невидимое. Но он не обращал на это внимания, сконцентрировав все усилия на том, что нужно было сделать.

Шлем дергался, резко опускаясь и снова вздымаясь. Но провода держались. Мерлин настойчиво продолжал.

Послышался резкий звенящий звук. Один из проводов лопнул и вяло повис со столба. Шлем, освободившись с одной стороны, яростно нырял и дергался, повинуюсь приказам Мерлина.

Еще щелчок. Теперь шлем удерживал лишь один провод. Мерлин не позволил, чтобы им овладел триумф. Шлем нырнул, как подбитая птица, чуть не ударив Мерлина в лицо. Голос Мерлина звучал громче и увереннее. И вот произнесено слово приказа.

Лопнул последний провод. Вся жизнь ушла из шлема. Он упал, и Мерлин сознательно наступил на него, превращая хрупкое содержимое в крошево. Подняв смятый клубок кончиком жезла, он понес его перед собой.

Последняя установка, назначения которой он не понимал, тоже представляла из себя столб, но без шлема, без проводов, без отверстий в поверхности, даже без огоньков. Он не мог ничего понять. А те, чье присутствие он ощутил в сражении с шлемом, становились все беспокойнее.

Он не знал, кто они, но чувствовал, что каким-то образом они родственны существам из леса. Его собственная внутренняя сила ушла на борьбу со шлемом, поэтому лучше встретить нападение, если оно состоится, снаружи, а не в крепости Нимье, где у нападающих могут быть неизвестные источники энергии. И хотя лес тоже захвачен Нимье, у Мерлина есть свои союзники.

Он выбежал из замка. Добравшись до бреши в дамбе, обернулся и бросил обломки шлема в озеро, где сверкающая вода поглотила их. Лучше было бы закопать их в землю — вода союзник врага, — но теперь Мерлину руки нужны свободными.

То, что произошло потом, так поразило его, что он чуть не растерялся. Он боялся возвращения по скользким камням. И опасался он не только невидимых преследователей, но и лесных слуг Нимье. Если его застигнут на этих скользких камнях, он станет легкой добычей.

Однако, взглянув в сторону берега, он увидел застывшую поверхность воды, мостом соединившую части дамбы.

Можно ли довериться ей? Это может быть ловушкой. Впрочем, у него есть возможность проверить. Слегка наклонившись вперед, Мерлин концом жезла коснулся едва видимой поверхности. Послышался глухой удар. Поверхность вполне реальна.

И вот, опираясь на жезл, Мерлин ступил на невидимый мост, заставляя себя не смотреть вниз.

Во время перехода он не чувствовал уверенности, хотя жезл все время сообщал ему, что он на твердой поверхности. Добравшись до другой стороны бреши, Мерлин испустил вздох облегчения. Но радоваться было еще не время.

Взглянув на деревья темного леса, через который пролегла древняя дорога, Мерлин застыл. Они пробудились наконец, эти сверхъестественные стражи, охраняющие границы Нимье; они близко от него. Придется возвращаться прежним путем — по ручью. Но воспоминание об огромной змее, таящейся в озере, делало спуск в воду задачей, для выполнения которой потребовалась вся его воля.

Мерлин спустился в самую глубокую часть русла, держа жезл в руке; слабое подергивание жезла вместе с обостренными особыми чувствами послужат для него хорошим предупреждением при любом неожиданном нападении. Вода здесь не такая чистая, как ниже по течению, и он шел, скользя и оступаясь. Поднятые им облака ила делали ходьбу еще более трудной.

Он уже далеко прошел по водной дороге и приблизился к повороту, за которым начинался обычный ручей, когда жезл в его руке резко повернулся. В то же время ощущение присутствия Силы заставило его обернуться.

Он ожидал увидеть чудовище, может, то самое, которое обманул в озере. Но не женщину, стоящую прямо на поверхности воды, которая по ее приказу стала твердой.

Она медлительно улыбнулась. Как и в ту ночь, когда был найден меч, Мерлин видел Нимье. Она не пыталась прикрыть свое стройное белое тело, даже отбросила назад черные волосы, чтобы показать себя еще яснее. Если не считать ожерелья из камней, белых, как ее кожа, двух широких браслетов и цепочки, на которой висел камень в форме луны, лежащий меж ее полных грудей, она была совершенно нагая.

Нимье с насмешливой игривостью подняла голову, как ребенок.

— Мерлин... — Его имя донеслось вздохом ветерка. И вдруг он заметил, что губы ее не движутся. И тут же поднял жезл и ударил — как копьем в битве.

Конец жезла коснулся ее груди рядом с лунным камнем. Колесование воздуха — и ничего. Иллюзия!

Но тревожно, что иллюзия назвала его по имени. Нимье, вероятно, подозревала, что он придет, иначе ей незачем было создавать такой призрак. Или она в самом Камелоте узнала о его вторжении?

Во всяком случае он встревожился. Со всем в этом мире обращаясь он с уверенностью и мудростью, только эта женщина будила его чувства и делала неуклюжим, как неопытного юнца. И беспокоили его не силы, которые она могла вызывать. Нет, это было то тонкое еле ощутимое влияние, которое действует на мужчину и не поддается его контролю.

Долго после исчезновения иллюзии Мерлин стоял неподвижно, ожидая нового появления. Но его не было. Чувствуя себя преследуемым беглецом, он с плеском пошел дальше, желая поскорее уйти из этого злого леса.

Знает ли Нимье, какой вред причинил он ее жилищу? Теперь он готов был признать ее способной на все. Повлияло ли как-нибудь уничтожение шлема на ее планы? Он так мало знает, а должен знать так много.

Тяжело дыша, посматривая по сторонам и крепко держа жезл, чтобы уловить его малейшее движение, Мерлин быстро шел вперед. Ему казалось, что полумрак под кронами деревьев на обоих берегах сгущается. А за ним — что кроется за ним? Он закрыл дверь своего воображения, отказавшись от рассуждений. Думать о таком нападении часто означает вызвать его.

Не слышны голоса птиц. Мерлин не чувствовал присутствия животной жизни. Поскольку привидений больше не было, Мерлин решил, что Нимье оставила только одно, на всякий случай, в ожидании его прихода.

Он знал лунный камень, который был на ней. Не из зеркала, а скорее из легенд племени своей матери. Это знак одной из трех, избранных для служения Матери Земли: Девушка с растущим полумесяцем, Мать с полной луной и Старуха с убывающим серпом. Почему Нимье избрала такой архаический символ? Эта местность заселена редко, и он знал, что местные жители придерживаются древних верований. Возможно, многие, главным образом женщины, тайно поклоняются Древней Богине. При этой мысли легкая необъяснимая дрожь пробежала у него по спине. Припомнилось ощущение зла в комнате Нимье, какое-то предупреждение, настолько неясное, что он не сумел понять его.

Мерлин облегченно вздохнул, выбравшись наконец из-под мрачного покрова деревьев. Солнце заходило. Мерлин далеко ушел от края леса, прежде чем сел, чтобы поесть и попить.

Сегодня полнолуние. Мерлин облизал крошки с губ. Он очень устал; уничтожение шлема Нимье отняло у него много сил. Глупо идти дальше таким слабым и уставшим. Но все же, даже на открытой местности, он испытывал тревожное чувство. Мерлин сидел скрестив ноги, жезл лежал у него на коленях. Он прислушивался, прислушивался с ожиданием, которого сам не мог понять.

Стустились сумерки, а он продолжал сидеть, напрягая все чувства. Он часто поглядывал на черное пятно леса, но не от туда исходило ощущение тревоги. Мерлин осматривал и местность перед собой. Он был уверен, что некогда эти склоны были расчищены людьми, которые потом ушли, и поля стали зарастать кустарником.

Мерлин слышал лай лисы, какая-то птица пролетела над ним. Ночь полна шума. Чего же он ждет?

Время от времени он поглядывал на жезл. Жезл был еле виден, стекло и металл на его концах не блестели. Мерлин начинал верить, что угроза исходила не от Нимье. Она не связана с другим миром. Иногда он пытался погрузиться в легкую дремоту, но внутреннее чувство восставало против этого.

Взошла луна, как будто в небо бросили золотую римскую монету. И вот где-то далеко началось что-то вначале неразличимое. Внутреннее чувство Мерлина ощутило вначале лишь легкую вибрацию земли и воздуха. Она становилась все сильнее, пока он наконец не услышал.

Пение, от которого волосы вставали дыбом, заставило сильнее биться сердце. Он знал слова Силы и умел ими пользоваться, но эти были чужими для него. Было в этом вопле что-то совершенно чуждое и дикое. Он не мог разобрать ни слова. Древнее пение. В нем ничего от Звездного народа. Оно шло из молодости Земли, задолго до прилета кораблей.

Пение перешло в серию резких криков. И Мерлин узнал их.

Под луной шла охота, и он был добычей. У богини, чей символ Нимье несла на груди, тоже была своя темная сторона. Этой богине люди приносили кровавые жертвы — проливали человеческую кровь. У нее было два лица, у этой богини, и три возрас-

та, и второе лицо обращено к Тьме. И этого лица люди боялись и старались его умиловить.

Великая Мать — и Великая Разрушительница человечества!

Но поддаться атавистическому страху значило обречь себя на поражение. Мерлин дважды сглотнул, стараясь унять сердцебиение, собрать силы, которые повиновались ему. Должен быть ответ — и этот ответ не в бегстве. Если он только поддастся страху...

Он покачал головой. Ответ есть! Он таится в сознании, закрытый сведениями, сообщенными зеркалом. Но ответ принадлежит этому миру, а не миру зеркала.

Великая Мать и ее жрицы, залившие землю кровью человеческой...

Великая Мать и...

Из глубины памяти Мерлин извлек то, что когда-то говорил ему Лугейд. У Матери был соперник. Позже соперник стал ее мужем: Рогатый Бог, которому приносили жертвы охотники. Рогатый Бог... верят ли в него эти жрицы?

Времени для размышлений оставалось мало. Мерлин мог бежать — все его натура восставала против этого; к тому же он знал, что тем самым погубит себя, — или оставаться. Придется обратиться к иллюзии. Она должна быть необыкновенно сильной, потому что противостоит силе Матери.

Мерлин встал. Сознательно отключился от криков охотниц. Всмотрелся в себя, надеясь, что не всю энергию истратил в замке на озере. Перед ним не было зеркала, в котором он мог бы проверить иллюзию. Он надеялся лишь на картину в своем сознании.

Теперь преследовательницы были так близко, что он видел их белые тела среди кустов, развевающиеся волосы. Подобно Нимфе, они были обнажены, лишь на шее ожерелье из желудей. И всех возрастов: девушки, едва достигшие зрелости, матроны с свисающими грудями, кормившими детей, старухи, чья кожа казалась высохшей под луной.

Увидев его, они замолчали. На их лицах была лишь ярость — темная сторона их богини. В глазах горела жажда крови. Мерлин заставил себя не думать ни о чем, только о созданной им защите.

Передовые женщины оказались на расстоянии прыжка, но вдруг они замешкались, в их взглядах мелькнуло удивление. Ес-

ли его иллюзия подействовала, они видели не мужчину, а темную фигуру, увенчанную лунными рогами, — фигуру, в которой не чувствовался страх. Рогатый Охотник не боится ярости богини, ему, как и ей, принадлежит земля и небо.

Предводительница своры, высокая женщина с раскачивающимися грудями, зарычала. Дважды пыталась она дотянуться до него руками, но не решилась дотронуться. Остальные чуть отступили, неуверенно переводя взгляды от жрицы к Мерлину.

Он поднял жезл, хотя звездное стекло не имело против них власти, но с ним он чувствовал себя увереннее, и заговорил:

— Вы не охотитесь за мной, женщины Богини. — Это был не вопрос, а утверждение. — Вы можете призвать землю к ответу, бросить в нее семена, зачать, выносить плод и собрать урожай. Но все, что живет на земле, послушно мне. Смотрите!

Жезлом он указал влево. Там стоял, оскалив зубы, огромный волк. Ни один человек еще не видел такого. Мерлин указал вправо: там сидела гигантская кошка с длинными клыками. Волк зарычал, кошка зашипела.

Женщины начали отступать. Но жрица осталась; зубы ее сверкнули в оскале, таком же зловещем, как у кошки.

— Охотник, — выплюнула она, — не противься Матери!

— Я не просто охотник, — ответил Мерлин, — я Охотник. Мать знает меня, я ее племени. Взгляни на меня, жрица. Я дик, и гнев мой растет. Служи Матери. Но я не преклоню перед ней колени. Мы равны по силе. Разве не так?

Жрица неохотно склонила голову. Но не отступила.

— Мы охотимся, когда угрожают матери, — настаивала она.

— Разве я угрожаю ей, жрица?

Впервые в ней почувствовалась неуверенность.

— Может... может, ты не тот, кого мы ищем.

— Но за мной ты привела свою свору, — возразил он. — Я не желаю зла твоей госпоже: мы с ней равно служим силам жизни. Ищи добычу в другом месте, жрица.

Она удивленно посмотрела на него. Затем попятилась, увлекая за собой остальных женщин. Мерлин смотрел им вслед. Он не сомневался, что за этим внезапным нападением каким-то образом скрывается Нимье. Неужели Леди Озера обратилась к древнейшей вере, чтобы завербовать себе последователей?

Женщины исчезли, слышался лишь топот их босых ног по земле среди кустов. Очевидно, они двинулись по другому сле-

ду. Мерлин надеялся, что никто не бродит здесь в одиночестве: получив однажды отпор, свора сорвет на другом свою ярость.

Так ли появились впервые перед людьми Повелители Неба, принимая облик земных богов? Мерлин почти верил, что следовал образцу поведения, примененному когда-то давно. Простым людям нужны символы, воплощающие непонятные им огромные силы. А по земле ходило столько богов. Древние Повелители Неба могли принять облик одного из них: так легче всего было заставить людей слушать, привести их на новый путь жизни и мысли.

Мерлин убрал иллюзию, в которую одевался этой ночью. Он пошел по залитой луной местности, по старой дороге, чтобы как можно быстрее уйти из этого зловещего места.

Три дня спустя Мерлин увидел перед собой высокий холм Камелота. Он очень устал и проголодался. Последнюю ночь он провел в пастушьей хижине. Пастух поделился с ним убогой пищей. Он мало что знал и смог сообщить лишь слух, что король болен и не покидает своей комнаты. Итак, Артур продолжает играть свою роль. Подойдя ближе, Мерлин увидел отряд всадников, торопливо скакавших куда-то. Когда они проехали, Мерлин быстро направился к стене замка.

У входа стояло вдвое больше обычного стражников, а внутри готовился к выступлению новый отряд. Часовые скрестили копья, преграждая вход.

— Стой!

— Вы меня знаете, — возразил Мерлин. — Почему не впускаете?

— По приказу лорда Кея никто не должен входить...

— Тогда пошлите известие лорду Кею, — ответил Мерлин. — Я не из тех, кого заставляют ждать.

Часовой колебался, на лице его была враждебность. Однако один из его товарищей ушел, а Мерлин прислонился к стене и приготовился терпеливо ждать. Он хотел знать, что же произошло. Приказы отдает Кей. Значит, Артур все еще играет свою роль или... Мерлин пытался догадаться, что же не удалось в их планах.

Посланный вернулся.

— Иди к лорду Кею, — коротко сказал он Мерлину без всякой вежливости. Мерлин ни о чем не спрашивал.

Всюду признаки войны. Саксы? Неужели вторглись за время его отсутствия? Он внимательно прислушивался, но ничего не мог извлечь из приказов и криков солдат.

Мерлин по лестнице поднялся на балкон. Там, у окна, выходящего на внешнее укрепление, стоял Кей. Он быстро обернулся.

— Артур? — вопросительно произнес Мерлин.

Лицо Кея стало еще более хмурым.

— Далеко ли ты от предательства, бард? — угрожающе спросил он. — Я не знаю этого. А когда узнаю... — Он медленно сжал руку в кулак. — Если мои подозрения подтвердятся, я возьму тебя за горло и задущу — медленно!

— Ты сэкономишь время, — заметил Мерлин, — если расскажешь мне, что произошло. Когда я уходил, король изображал больного...

Кей оскалил по-волчьи зубы. Это совсем не походило на улыбку.

— Так он сказал мне. Но посмотри теперь на него, целитель. И если умеешь лечить, принимайся немедленно!

Нимье! Мерлин чуть не произнес это вслух. Может, они с Артуром потерпели поражение, пытаюсь достичь успеха в ее крепости. Яд — удобное оружие, и Нимье умеет им пользоваться.

Он уже повернулся к двери.

— Я хочу увидеть его.

Если Кей попытается остановить его, Мерлин собьет названного брата короля с ног. Ледяной ужас сделал его вдвое сильнее. Если Артур умер!..

И вот он снова в комнате короля. Блехерис, сидевший у постели, встал. Он тоже повернул унылое лицо в сторону Мерлина. Но Мерлин не отрывал взгляда от человека на постели.

На этот раз лицо Артура не пылало в псевдолихорадке. Оно осунулось, кожа посерела. Король был похож на мертвеца. Мерлин немедленно принялся за работу, используя все свои знания целителя.

Тело короля было холодным, слишком холодным. Мерлин приказал принести нагретые камни, завернуть их и обложить ими короля. Затем он использовал свое шестое чувство и немедленно отшатнулся. Хотя симптомы, которые он наблюдал, вполне могли происходить от болезни, за ними скрывалось какое-то зло, державшее короля в плену.

Кей, следивший вначале молча, спросил:

— Что это? Вчера, когда леди Нимье уезжала, он был здоров. А сегодня утром... — Он сжал руки, лицо его искажилось от боли. Кей редко проявлял свои чувства, но Мерлин знал, что его связывает с Артуром взаимная любовь.

— Значит, этот ублюдок, этот предатель...

— Он зачарован, — ответил Мерлин на первый вопрос. — И его нужно как можно быстрее разбудить.

— Ты сможешь?

— Да. Используя некоторые средства. Я пойду в свою комнату, но ты оставайся здесь. Никто не должен приближаться к нему, кроме вас двоих. — Он кивнул в сторону пикта. — Я сейчас вернусь.

«Когда Нимье уезжала, король был здоров, — размышлял Мерлин по пути к себе. — Значит, она наложила на короля замедленный приказ, который подействовал после ее отъезда». На остальные слова Кея он не обратил внимания. Сейчас самое главное — спасти Артура!

В своей комнате он торопливо отобрал необходимые средства, складывая их в корзину. Возвращаясь к королю, он нес с собой и свой жезл. Придя в королевскую спальню, он послал Блехериса за котлом с водой. Пикт разжег жаровню, и Мерлин стал бросать в кипящую воду разные травы. Комната наполнилась ароматом.

— Его меч... — он обернулся к Кею. — Где его меч?

Ответил Блехерис, ответил не словами, а действием. Он достал ножны из-за шкафа.

— Этот искал его, — сказал он, отдавая Мерлину меч. — Но не нашел.

Мерлин извлек меч, и тот сверкнул.

— Модред... Об этом ублюдке ты говорил, Кей?

— Да. — В голосе Кея звучала ярость. — Он старался навязать лордам свою волю во время болезни короля. Они не подержали его. Тогда... Тогда он стал обхаживать королеву. И она слушала его! Ночью она уехала с Модредом. Видевшие ее говорят, что она ехала добровольно. Тьфу! Она вдвое старше его. Но стоит ему поглядеть на нее, она краснеет, как девушка. Она думает, что Артур все равно умрет, а она останется королевой! Что ты делаешь?

— Я возвращаю нашего господина. Часть его сейчас в чужом мире, который гибелен для человека. Но тише!

Мерлин поднял меч и слегка коснулся его концом лба Артура над глазами. Хотя Кей и Блехерис слушали, а его слова не были предназначены для обычных людей, Мерлин начал петь. Глаза его были закрыты, и он старался представить себя стоящим не в комнате короля, а в том месте, куда кто-то — несомненно, Нимье, — поместил Артура.

Его окружало нечто, сквозь которое пролегали какие-то странные вспышки. Каждая из этих вспышек была чьей-то личностью, заключенной здесь, в этом аду. Пение Мерлина звенело, не как слова, а как смешанные звуки. И от него самого тоже распространялся свет. Меч служил указателем, с помощью которого Мерлин искал Артура.

Он пошел по светлой дорожке, а вспышки пролетали мимо и гасли. Но одна золотая вспышка задержалась. Увидя это, Мерлин изменил пение. Раньше слова его были рассчитаны на дальний поиск, теперь в них звучал настойчивый призыв.

По светлой дорожке к мечу приближалась извивающаяся фигура, борясь с удерживающей ее волей. Воля Мерлина вступила в борьбу и подавила сопротивление. Он приказывал как имеющий на это право. В свой приказ Мерлин вложил всю свою тревогу за Артура, свою веру в него и в их общую миссию.

Вместе они удерживались в полосе света. Им помогал меч. Мерлин открыл глаза.

Он так и не был уверен, видел ли он на самом деле вспышку света, скользнувшую с лезвия к голове короля. Но он услышал стон Артура, увидел, как шевельнулась на подушке его голова. Он выиграл.

17

Ветер доносил до вершины стены слова человека, стоявшего внизу. Артур, с напряженным осунувшимся лицом, смотрел на барда. За ним стояли остатки некогда гордого двора. Кей монотонно проклинал барда, который по древнему племенному закону был неприкосновенен для мести и физической расправы.

Мерлин изучал барда. Ход настолько хитрый, что за ним не может стоять только Модред. Он видел в этом Нимье. Не слишком ли часто он видит во всем связанном с Артуром руку Ни-

мье? План мог даже отчасти принадлежать Джиневре, потому что бард внизу из двора ее отца, известный там остротой своего языка и злым умом, который позволял ему извлекать максимальную пользу из своего положения барда.

От такого оскорбления гордые лорды и короли в прошлом призывали смерть: бард громко пел об Артуре, который лежал с собственной сестрой и зачал сына, за которым теперь охотится; он пел о том, что Артур одержим демонами и не является истинным королем.

Со времени выздоровления король отказывался слушать Кея и остальных, советовавших начать немедленное преследование Модреда и Джиневры. Он снова и снова терпеливо повторял, что сейчас обнажить меч значит уничтожить единство Британии. И тогда Британия станет легкой добычей морских волков, которые набросятся на ее беззащитное тело.

Мерлин считал Модреда более дальновидным, чтобы раздуть давний скандал. Он не может ожидать, что люди поддержат его после того, как раскроется позор его матери. Пусть Модред принадлежит к роду Пендрагонов. Ни один лорд не пожелает, чтобы он носил корону. Запятнав Артура, он тем самым запятнал себя. Тогда почему?

Джиневра также многое теряла. Если она сочла Модреда будущим правителем, зачем она уменьшает его шансы? Слишком много вопросов, и все — он был уверен в этом — ведут к Нимье.

Если она обнаружила вторжение в свою крепость, ярость могла подвигнуть ее на действия, которые не вяжутся с представлением о коварной интриганке. Она отбросила все укрытия, чтобы нанести смертельный удар. Нимье — он был уверен в этом!

Пение, продолжалось, насмешливое, пронзительное, приводящее в ярость человека, который не может ответить. Артур не может, но Мерлин... Он не должен допускать этого. В прошлом такое оскорбление могло довести до самоубийства.

Мерлин поднял жезл, указывая его концом на барда. Это не настоящее оружие. Он не нарушает закон, обеспечивающий неприкосновенность барда.

Мерлин бросил вперед концентрированную мысль, зная, что бард не решился бы идти сюда, не заслонившись невидимыми стенами. Пение продолжалось.

И вдруг бард замолчал. Он покачал головой. Схватился руками за горло.

Прозвенел голос Мерлина:

— Тот, кто выплюнул яд, сам должен проглотить его! Говори, человек малой силы, говори правду!

Потребовалась вся его сила воли, чтобы держать барда. Мерлин правильно рассудил, что этот человек явился хорошо вооруженным. У него сильная защита.

Бард опустил на колени. Теперь он смотрел прямо на Мерлина, лицо его чудовищно исказилось, как будто во рту у него действительно смертоносный яд и он не может выплюнуть его, а должен проглотить. Снова Мерлин указал жезлом.

— Говори правду. Нам больше не нужны твои глупые выдумки. Кто послал тебя позорить великого короля?

Как бы против воли губы барда разошлись.

— Она... — сказал он. Это единственное слово будто вырвали у него орудием пытки.

— Назови эту женщину, — приказал Мерлин. — Или ты столько наговорил лжи, что уста твои навсегда отвыкнут проносить правду. Все будут знать, что ты лжец, и никто не будет тебя слушать.

Во взгляде барда сверкнула ненависть. Но и страх, и страх становился все сильнее.

— Это рассказала леди Моргаза, — напряженно сказал он. — Кто лучше ее знает правду?

Моргаза — девушка, которую Мерлин видел в крепости Нимье? Для этого Нимье держала ее столько лет? Мерлин слышал за собой приглушенные возгласы удивления.

— Ты видел леди Моргазу, — Мерлин заставлял себя говорить спокойно. — И ты говоришь, что никто лучше ее не знает правду. Как...

Его прервал резкий голос Артура:

— Да будет так, Мерлин. Король не воюет с женщинами.

Насмешливая улыбка появилась на лице барда.

— Красиво сказано, господин король. Цепляйся за тень чести, какая у тебя еще осталась. Пусть сын демона лишил меня речи. Достаточно ушей слышало. Люди лучше запоминают зло, чем добро; так устроен мир. Даже если тебе каким-то чудом удастся доказать свою невиновность, большинство будет охотнее внимать словам обвинения, чем оправдания. Слушай вни-

мательно! Лорд Модред обрекает тебя на бесчестье. Сейчас он движется, чтобы принести справедливость на эту землю. Если вы встретитесь с ним, пусть сила рассудит, кто прав, кто виноват.

— Отлично! — услышал Мерлин восклицание Кея. — Господин король, всякий лорд, серьезно вслушивающийся в эту ложь, — предатель! А с предателями можно обращаться только одним способом. Они увидят мечи честных людей!

Остальные одобрительно зашумели, но Артур нахмурился. И обратился он не к Кею, а к барду:

— Бард, ты сделал свое сообщение. Теперь иди.

— И какой ответ ты дашь лорду Модреду, великий король? — Этот титул прозвучал слегка насмешливо.

— Я не стану делить Британию на части по его желанию.

— У тебя нет выбора, — ответил бард. — Иначе ты испытаешь бесчестье перед лицом всех. Помни это!

Бард встал с колен, бросил на Мерлина последний взгляд и пошел, повернувшись спиной к королю. Кей зарычал.

— Копье в спину, — свирепо сказал он, — вот достойная плата. Но он прав, брат. Либо ты будешь сражаться, либо власть перейдет к Модреду. И как же он использует эту власть? Он ублюдок. Мало кто из знатных лордов станет ему повиноваться. Начнется грызня меж лордами, каждый возмечтает о короне. Что получится из этого? Раздираемая распрями земля станет легкой добычей саксов. Так было после смерти Утера. Господин король, у тебя нет выбора. Ты загонишь эту подлую ложь в глотку выроodka свои мечом, иначе тебя ждет бесчестье перед лицом всех, кто следовал за тобой все эти годы.

Выражение лица Артура не изменилось, взгляд его перешел от удалявшегося барда к Кею, затем к Мерлину.

— Идите за мной, — коротко сказал он и пошел по стене. Придворные расступились, давая ему проход.

Слишком мало глаз смотрели на короля вопросительно. Кей правильно обрисовал ситуацию. Король будет обесчещен, если не станет сражаться, и в любом случае начнется война между лордами. Все, чего он добился, погибнет, рухнет, как перегнивший плод.

Мерлин, идя за королем, думал о маяке. Долго ли, далеко ли? Он не знал ответа на эти вопросы. Может быть, то, что он при-

вел в действие, ввергнет их мир в полный хаос. Однако он не видел, как мог бы действовать по-другому.

Вслед за Артуром они вместе с Кеем вошли в комнату короля. Король ходил взад и вперед по комнате, сцепив руки за спиной, опустив голову на грудь. В лице его была боль, такая, какую не могла бы вызвать физическая рана.

— Братя, — сказал он, — вы одни знаете правду о моем прошлом. Да, — обратился он к Мерлину, — я рассказал все Кею, потому что он отчасти тоже древней крови. Но поверит ли кто-нибудь этой правде?

Первым заговорил Кей:

— Если даже поверят, брат, они сочтут это злой правдой и будут смотреть на тебя еще с большей ненавистью. Мало кто способен признать, что существует раса, более одаренная, чем человечество. Жрецы учат, что таким был Христос, но он мертв. Такое люди могут простить только мертвому. Но в его время Христа ненавидели и осудили на самое позорное наказание, которому подвергали лишь рабов и предателей. Люди поклоняются богам, но, когда боги появляются, их боятся и ненавидят.

В природе человека стремиться стащить вниз тех, кто поднялся выше. Ты величайший король Британии, более великий, чем Максим, потому что служишь стране не из честолюбия. Если бы у тебя не было короны, ты продолжал бы служить стране. Люди это знают, но это не заставит их больше уважать тебя. Ты думаешь, Лот, который претендовал на трон, любит тебя? Ни он, ни герцог Корнуэльльский — ни один из тех, кто может приязнать на трон.

Да, они используют против тебя этот старый скандал. Но это юношеский грех, и ясно, что ты не знал о близком родстве с леди Моргазой. К тому же она побывала не в одной постели, и можно намекнуть, что Модред вовсе не тобой зач...

— Нет, — прервал его Артур. — Мы не станем позорить имя женщины, чтобы отвести от себя угрозу. Возможно, она была такой, как ты говоришь. Но я не стану кричать перед всеми: «Эта женщина обманула и обольстила меня!» Такие дела не для короля.

Кей кивнул.

— Так ты решил, брат. Но такое благородство не принесет тебе пользы. Люди воспринимают сдержанность как открытое

признание своей вины. Но сказать правду еще хуже. Нам в лицо будут швырять «рожденный демонами», пока мы не оглохнем, и это оттолкнет от нас даже тех, кто иначе поддержал бы тебя.

— Он прав, — спокойно сказал Мерлин. — Любой выбор усиливает врага. Паутина хорошо сплетена.

— Ты уверен, что это дело Нимье?

— Так уверен, будто сам слышал ее приказ Моргазе научить барда. Она мстит нам. Но я уверен также, Артур, что она больше не может говорить со своим руководящим голосом. Теперь ей приходится полагаться только на себя. И она не может помешать действию маяка.

— Этот маяк, — повернулся к нему Кей. — Ты пообещал, что он приведет Повелителей Неба. В каком количестве они придут и когда? Помогут ли они оружием нашему королю или будут стоять в стороне, наблюдая, как люди сражаются друг с другом, чтобы потом договориться с победителями?

— Я не знаю ответов на эти вопросы, — сказал Мерлин. — Время для Повелителей Неба идет по-другому, чем наши дни и годы. Они живут гораздо дольше, чем мы. Может, много лет пройдет, прежде чем их корабли опустятся с неба.

Кей покачал головой.

— Тогда лучше не учитывать их в наших планах. Нам нужно справиться с Модредом, и побыстрее. Сейчас силы его малы, но люди будут съезжаться к нему. И не забудьте, с ним королева. Само ее присутствие в лагере свидетельствует, что она верит в этот позорный рассказ, и поэтому уехала от тебя, Артур.

— Знаю, — ответил король. Голос его звучал устало, лицо казалось измученным и осунувшимся. — Будут также говорить, что я выступил против собственного сына.

— Ты выступаешь против предателя, — яростно заявил Кей. — Это ты, — он внезапно повернулся к Мерлину, — это твое дело! Если твои знания так велики и всеобъемлющи, почему...

Но Артур ответил с силой, какой не ожидал от него Мерлин:

— Не трать времени, брат, на перечисление всех «если». Мерлин делал лишь то, что выпало ему на долю. И от него зависит наш успех в конечном счете.

Мерлин, удивленный, внимательно взглянул на короля. В голосе Артура звучали пророческие ноты.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Мерлин.

— Когда настанет время, — тем же уверенным тоном продолжал Артур, — это станет известно и тебе, родич. У каждого из нас своя роль.

Они выехали из Камелота не в ярких красках и хорошем настроении, но не менее уверенные в своей правоте, чем если бы двигались против захватчиков.

Артуру сообщили новости. Войско действительно раскололось, и многие знатные лорды, возможно, по указанной Кеем причине держались в стороне от враждующих либо открыто примкнули к Модреду. Модред осмелился поднять знамя с драконом и провозгласить себя королем, поскольку Артур не достоин трона.

Кей хрипло рассмеялся, когда об этом стало известно в их втором ночном лагере.

— Он глупец, — свирепо сказал Кей. — Неужели он считает, что Лот, внимательно следящий за событиями, даст ему спокойно усидеть на непрочном троне?

Если Лот ждал, то Констанс Корнуэльльский не стал выжидать. Вскоре с гордо развевающимся флагом с медведем он привел свое войско в лагерь Артура. И перед всеми подтвердил свою верность королю. Старая вражда была забыта, и Артур повеселел: ведь Констанс — внук Голориса и единственный кровный родственник Артура.

На четвертый день, когда их войско усилилось двумя отрядами черных всадников, освободившихся от дежурства на границе, Артур созвал совет, встретившись с теми лордами и командирами, которые сохранили верность.

— Мы выступили против тех, кто был нам братьями по мечу и щиту, — сказал король с печалью. — Сотни раз вместе смотрели мы в лицо врагам и встречали смерть. Мы не должны теперь в гневе скрещивать оружие. Я не откажусь от короны, потому что не могу снять с себя обязанности перед этой землей. Но тяжелая задача — убивать старых друзей.

Он помолчал, но никто из собравшихся не заговорил. Мерлин подумал, что Артур и не ожидает ответа. Король медленно продолжал:

— Никто в будущем не посмеет сказать, что я желаю зла тем, кто обманут. Я пошлю к Модреду вестника и предложу встретиться без оружия и поговорить. Может, мне удастся уговорить его не нарушать мир, добытый дорогой ценой.

Ему ответил Констанс, самый знатный, хотя и самый молодой из лордов:

— Господин король, это поступок человека, который действительно сначала думает о других. Мало кто после такой песни барда способен протянуть руку мира пославшему этого барда. Если ты пойдешь на встречу, я буду рядом с тобой.

— И я... я... я... я... — подхватили остальные. Никто из видевших лицо Артура не сказал бы, что он сделал это из страха, его поступок объяснялся любовью к Британии, которой он служил всю жизнь.

Один из старейших лордов, некий Овьен, в юности служивший в гвардии Амброзиуса, вызвался быть посланником. И Артур, знавший, каким уважением пользуется Овьен, был доволен. Выслушав короля, Овьен выехал из лагеря. Все отдыхали, ожидая, день и ночь. На второй день Овьен вернулся.

Он прошел прямо к Артуру.

— Господин король, я передал твои слова Модреду. Его сторонники высказывались по-разному, но наконец он согласился на переговоры. Он сказал, что встреча состоится у Малых Каменной Лангвеллина. Ты приведешь с собой десять сторонников и он десять. Жрец Гилдас говорил, что среди этих десяти не должно быть Мерлина, потому что он сможет привлечь себе в помощь дьявола. Но Модред рассмеялся и сказал, что способен победить и дьявола. Господин король, с их войском едет и леди Моргаза, но она не состарилась, она такая же, как была при дворе Утера. И с ней Леди Озера. На них глядят искоса, даже приближенные Модреда, потому что в том, как возраст не коснулся леди Моргазы, есть нечто неестественное.

— Если она на самом деле Моргаза! — выпалил Кей. — У Утера было множество незаконных детей, и она, если выглядит так молодо, может быть дочерью одного из них. Это еще одна хитрость, чтобы повредить нашему господину.

Артур жестом как бы отбросил это дополнение к сообщению Овьена.

— Главное, Модред согласился на встречу. Пусть это подбодрит нас.

Но позже, когда наступила ночь, он пришел к Мерлину.

— У тебя есть силы, — начал он. — Можешь ли ты применить их к Модреду, чтобы он произнес перед своими лордами слова, укрепляющие мир? Я не верю, что можно так овладеть

человеком, чтобы он поступал против своей воли. Но этот человек может залить нашу землю кровью. Я испробую все, чтобы помешать ему.

— Это зависит от того, насколько хорошо его вооружила Нимье, — откровенно ответил Мерлин. — Я сделал все, что мог, чтобы ослабить ее. Но, насколько это удалось, мы узнаем только в столкновении. Я постараюсь сделать все возможное, родич.

— Большого я и не прошу, — сказал Артур. — Хотел бы я научиться тому, чему должен был научиться. Я чувствую, что теперь мне нужно больше, чем человеческие силы и воля. — Он медленно встал. — Что ж, пойдем спать, если сумеем уснуть. Завтрашний день принесет мир или кровь — и мы не можем предвидеть, что именно.

— Вот еще что, — сказал Мерлин. — Они назначили местом встречи древние камни. Если это часть забытого святилища, как Место Солнца, тогда я смогу использовать большие силы. Много спит в таких местах.

— Если только такие места не враждебны нам.

— Господин король, я обнаружил в этой земле много таких мест. И только в одном была сила Тьмы. Это крепость Нимье. Надеюсь, оно единственное.

Если король спал в эту ночь, то Мерлин не уснул. Он лежал на плаще, закрыв глаза, но мозг его работал: он напряженно искал что-нибудь, что можно использовать как оружие или защиту. Слово за словом собирал он все, что знал, все, что усвоил у зеркала. Он понимал, что ему предстоит схватка с Нимье, может быть, последняя и решающая.

Хоть он и не спал, но утром почувствовал себя готовым к схватке. И когда они пошли, он держал свой жезл, как юноша держит меч перед своей первой битвой.

Они пришли на узкий участок твердой земли среди болот. Тут и там виднелись пруды, одни затянутае зеленью, другие чистые, но темные, с высоким тростником и другими болотными растениями. На этом участке стояли камни, о которых говорил Модред. На склоне холма за участком размещались войска мятежников.

Люди Артура разместились на противоположном склоне, а король спешил. Вместе с ним пошли Кей, Мерлин, Овьен и другие. Артур не взял с собой Констанса, передав ему командо-

вание войсками. Констанс возражал, но Артур напомнил ему о долге: после Артура он ближе всех к короне.

Артур шел впереди, Мерлин и Кей рядом и чуть сзади. Звучало пение мятежных войск, и Мерлин видел тесную группу монахов в рясах под незаконным знаменем с драконом.

Хотя он всматривался внимательно, женщин не увидел. Если королева, Моргаза и Нимье здесь, воины скрывали их.

Мерлин разглядывал камни, к которым они приближались, рассчитывая скорость ходьбы так, чтобы подойти к условленному месту одновременно с Модредом. На первый взгляд в этих камнях не было никаких отличий от камней в Месте Солнца. Мерлин все еще удивлялся, почему Модред выбрал это место. По словам монахов, окружавших Модреда, такие места посвящены дьяволу. Почему же тогда?.. В Мерлине росло недоверие: Нимье никогда не позволила бы своей марионетке выбрать место, где спят древние силы, которые Мерлин смог бы пробудить.

Разве что Модред — ее собственное творение — перестал подчиняться, и теперь он, а не она отдает приказы.

Камни поставлены небольшим кругом. Мерлин слегка повернул жезл. Он не уловил даже искры энергии. Камни мертвы, как самые обычные скалы. Что ж, он и не надеялся на иное.

Теперь ему виден был Модред. Его узкое лицо говорило о древней крови, но было в нем и что-то отталкивающее. Модред улыбался; у него вид любимца судьбы. Мерлин осторожно послал мысль, но натолкнулся на барьер, прочный, как сталь. Модред действительно хорошо вооружен.

18

Мерлин не оставлял попыток прощупать врага. Он уловил взгляд Модреда и его косую усмешку, как будто Модред знал, что делает Мерлин, и не боялся. С открытым вызовом Модред заговорил, обращаясь к Артуру:

— Ты просил о встрече. О чем ты хочешь просить меня?

Мерлин почувствовал, как напрягся Кей, с каким трудом сдержал он гнев при этом оскорблении. Но ответ Артура звучал спокойно:

— Я не прошу, Модред. Я говорю тебе правду: если мы начнем войну, Британия погибнет. Тогда все, чего мы добились, будет утрачено.

— Ты потерял свой трон, — ответил с вызовом Модред. — Ты просишь свою корону, Артур?

Мерлин видел, как вспыхнуло лицо короля. Но Артур сохранил самообладание, и Мерлин почувствовал гордость за него. Сам он по-прежнему пытался пробить барьер Модреда, добраться до этого человека. И так был поглощен этой задачей, что чуть не пропустил грозное предупреждение.

Он быстро повернул голову. Что-то двигалось у ближайшего камня, шурша в траве. Прежде чем Артур смог ответить, один из людей Модреда с криком удивления и ужаса обнажил меч и ударил. На мгновение все увидели поднятую голову змеи. Но это не было настоящей змеей. «Иллюзия», — понял Мерлин. Но понял слишком поздно.

— Предательство! — Кей выхватил меч, ударил человека, обнажившего оружие. Змея исчезла так же внезапно, как появилась.

Модред с обнаженным мечом прыгнул к королю, но Кей отразил его нападение. И меж камнями развернулось сражение. Мерлин услышал сзади звук труб: Констанс приказал наступать. Сталь мелькнула перед его лицом. Мерлин поднял жезл и нанес мысленный удар нападавшему.

Тот дико закричал, меч выпал из его рук, глаза застыли. Он упал, увлекая за собой Мерлина. Удар о камень на мгновение оглушил Мерлина.

Вокруг него шло сражение. Человек, получивший удар мысли, шатаясь, встал, но тут же упал от удара воина Артура. Вниз по склону двигалась гвардия Артура, вели его коня, чтобы он мог сесть в седло. Модред исчез. Мерлин, цепляясь за камень и стараясь не попасть под копыта, видел, как Модред перепрыгивал с кочки на кочку, чтобы соединиться со своими силами, искавшими прохода к месту битвы.

Среди камней лежали четыре тела. Одно из них принадлежало Овьену, его невидящие глаза смотрели прямо на солнце. На лице застыло выражение удивления, будто смерть пришла так быстро, что он даже не успел осознать этого.

Битва отодвинулась от камней. Мерлин, придя в себя, переходил от одного тела к другому. Он знал, что сегодня понадобятся его знания лекаря. Но эти все мертвы.

Мерлин направился к повозкам, где находились запасы лекарств и бинтов. Тут он сбросил плащ и принялся за работу. Но

все время сознавал, что подвел Артура. Если бы он не пытался так напряженно овладеть Модредом, то увидел бы иллюзию и рассеял ее, прежде чем началась бойня. Он не сомневался, что появление змеи — дело Нимье.

Он перевязывал раны, спасал жизни, а в долине делали все, чтобы унести их. Кто бы ни победил в этот день, Британия проиграла.

Время перестало измеряться проходящими часами. Мерлин работал. Многим он облегчал кончину, другим давал возможность выжить. У тех, кто мог отвечать, он расспрашивал о ходе битвы. Но раненые видели лишь часть боя. Иногда они рассказывали об отступлении, иногда — о небольших победах, о том, как заставляли отступить мятежников.

В полдень принесли юного оруженосца Кея. Мальчик заплакал, когда Мерлин стал перевязывать ему сломанную руку. Он сказал, что его господин погиб, перебив множество врагов.

«Итак, Кей погиб, как погиб до него и Эктор», — устало подумал Мерлин. Кей всегда был правой рукой Артура, и теперь эта рука отрублена. Кей, Овьен и сколько еще других, последовавших за Артуром, несмотря на ложь?

Он как будто видел ужасный сон, как будто погрузился в ад, который, как утверждают последователи Христа, поглотит всех неверующих. Всюду кровь, тела мертвецов, торопливо оттянутые в сторону, чтобы расчистить место для тех, кому еще можно оказать помощь.

Запах крови заполнял ноздри, висел вокруг. Кровь покрывала одежду, руки, ноги, даже щеки Мерлина. Кровь пахла смертью, от которой нет спасения. Солнце, которое в начале этой бойни стояло над головой, теперь склонилось к западу.

— Мерлин... — Кто-то потянул его за руку. Мерлин нетерпеливо отмахнулся, занятый раненым, который стонал, сжимая руками большую рану в животе. Смерть уже коснулась этого человека.

— Мерлин!

Он оглянулся и увидел маленькое смуглое лицо с порезом, из которого сочилась кровь. У этого человека было имя. Мерлин порывлся в памяти...

— Блехерис!

— Мерлин! — Тот дернул его за руку. — Бери с собой свои припасы и пошли!

Мерлин вышел из оцепенения, в которое погрузился от окружающих страданий и своих попыток облегчить их. Блехерис мог искать его только по одной причине. И в этот момент Мерлин понял, что все испытанные им в жизни страхи ничто перед тем ужасом, который охватил его.

Артур!

Они знали, что смерть поджидает в битве, но Мерлин не чувствовал, что она может ждать Артура. Не может быть! Все в нем восстало против этой мысли.

За цепенящим ужасом последовал свирепый гнев. Ему захотелось сдвинуть два горла: Модреда и Нимье! Схватив мешочек с льняной тканью, две банки с целебной мазью, он повернулся к Блехерису.

— Где?

Пикт нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

— Идем. — Он побежал. Мерлин легко последовал за ним.

Они пробирались среди следов битвы. Сама битва ушла в сторону. В отдалении слышались крики, стоны, вопли раненых людей и лошадей. Блехерис свернул направо, вдоль берега реки, затоплявшей болота. Здесь было больше мертвых и раненых, которые слабо стонали. Но Мерлин не слышал. Главное — Артур. Артур — это Британия, Артур — сияющее будущее мира!

— Модред, — тяжело дыша, говорил пикт. — Король прорубался сквозь ряды, чтобы добраться до изменника. Он пронзил Модреда копьем, но тот умер не сразу. Он успел ударить короля.

Слезы смывали кровь со щек Блехериса.

— Этот подлый изменник умер, но успел оставить свой знак на короле.

Впереди виднелась хижина: вероятно, ею пользовались птицеловы. Снаружи стояли два телохранителя Артура. Мерлин пронесся между ними, и вот он стоит на коленях у тела, лежащего на груди изорванных окровавленных плащей.

Глаза Артура закрыты. Капли пота выступили на лбу и щеках. Дыхание хрипло вырывалось изо рта. С него сняли латы, обнажили тело. В нижней части живота окровавленная одежда.

Быстро, но осторожно Мерлин убрал одежду с раны. То, что он увидел...

С такими ранами не живут. Не в эти дни. Но Артур не просто человек. Он нечто большее. Мерлин искусно работал, очищая и перевязывая рану.

— Он... он будет жить? — Блехерис следил за его работой, присев на корточки. Рядом с ним — Гавейн, один из телохранителей Артура.

— Не знаю, — Мерлин откинулся. Он наконец-то вышел из смертоносного оцепенения, охватившего его с начала битвы. Он ясно вспомнил ящик-гроб в пещере. Этот ящик сохраняет жизнь. Сможет он вылечить Артура или по крайней мере сохранить ему жизнь до прилета Повелителей Неба? Ибо их знания больше знаний Мерлина и всех прочих обитателей этого мира.

Но пещера далеко. Сможет ли он поддержать в Артуре жизнь, пока они доберутся туда? Что у него есть? Только небольшие знания, то немногое, чем поделилось с ним зеркало. Но у него есть воля! И с этого момента вся его воля направлена на спасение Артура.

— Как идет сражение?

Он не может взять Артура по местности, где за ними будут охотиться. Он увидел, как молодой телохранитель гневно взглянул на него: разве что-нибудь может иметь значение, кроме спасения его раненого господина? Но Блехерис сразу догадался, почему Мерлин задал этот вопрос.

— Если ты хочешь увезти отсюда короля, лорд Мерлин, — ответил он, — люди Модреда разбиты. Они бегут от мести черных всадников.

— Куда ты хочешь везти короля? — спросил телохранитель.

— Он тяжело ранен, — ответил Мерлин. — Его нужно отвезти туда, где его сумеют вылечить.

— Мерлин...

Все повернули головы. Артур открыл глаза, голос его звучал тихо. Они затаили дыхание, чтобы не заглушать тонкую нить звуков.

— Я убил его...

Это было не утверждение и не вопрос, но Мерлин принял его за последнее.

— Он мертв, — ответил Мерлин без выражения.

— Он меня вынудил. Он так ненавидел меня, что пожертвовал своей жизнью, чтобы убить меня. Почему?

Мерлин покачал головой.

— Не знаю. Он был лишь орудием в чужих руках. Ненависть эта стара. Однажды она уже превратила этот мир в пепел...

— И опять превращает. — Голос Артура слегка окреп. — Единство нарушено, Мерлин. — Рука короля чуть шевельнулась, как бы ища чего-то. — Где меч?

— Вот, господин король. — Блехерис порывлся в груде одежды, на которой лежал король. Он поднял древнее лезвие, чтобы Артур увидел его, не поворачивая головы.

— Больше я... не возьму... его... в руки, — сказал король.

— Пока не залечатся твои раны, — быстро поправил Мерлин.

— Брат, — губы Артура изогнулись в слабой улыбке. — Не обманывай себя. Твои знания велики, но все же ограничены.

— Но ведь сказано, — Мерлин смотрел в глаза Артуру, вливая в него свою волю, — ты тот, кто был, есть и будет.

— Будет... — сонно повторил Артур, смыкая глаза.

Блехерис с испугом смотрел на него.

— Он... он ушел от нас?

— Нет. Он спит и будет спать, не чувствуя боли. А мы тем временем перевезем его в место, где ему помогут.

— Лорд Мерлин, а кто теперь поведет нас? — спросил телохранитель.

— Король передал командование Констансу. Передайте герцогу, что Артур жив, он только уехал, чтобы излечиться. — Теперь Мерлин рассуждал четко и логично. — Передайте герцогу также, что он должен обыскать лагерь Модреда. Там он найдет королеву и еще двух женщин: леди Моргазу и Леди Озера. Им ничего нельзя говорить о короле, только что он легко ранен и отдыхает. Герцог должен позаботиться, чтобы эти женщины больше не приносили вреда.

— Лорд Мерлин, все это будет передано герцогу Констансу. Но как ты повезешь короля и куда?

— В конных носилках, хорошо укутанного. В горы, где есть место, известное лекарям.

Он начал отдавать приказы. Они исполнялись. Как будто те, кто верно служил Артуру, цеплялись за самую крохотную надежду, что король выживет. К утру Мерлин был готов вести маленький отряд.

Король лежал в конных носилках, Блехерис на маленьком пони вел его лошадь. Мерлин ехал сзади. Он повидался с Констансом, который подтвердил, что войска Модреда разбиты и королевство в безопасности.

— Герцог, — сказал ему Мерлин, — не скрою от вас, хотя советую не разглашать это, что король тяжело ранен. У него только один шанс выжить. Для этого нужно достичь места исцеления. Я буду стремиться поддержать его жизнь до того времени. В твои руки он передал командование, и теперь тебе править. Британия тоже тяжело ранена; ты должен излечить раны страны, как я попытаюсь излечить короля.

Констанс выслушал и ответил:

— Целитель, я слышал о тебе немало странного, но никто никогда не говорил, что ты враг короля. Наоборот, известно, что к тебе он обращался в случае затруднений. Поэтому я верю тебе. Я буду править Британией, но не как король, а как наместник. Разве только придет известие, что твои надежды не оправдались. Только тогда я начну править, как Пендрагон.

— Да будет так. А как женщины?

— Нашли королеву, почти потерявшую рассудок. Она умоляет, чтобы ее отослали в дом святых женщин, которые называют себя сестрами и живут в Авалоне. Леди Моргаза — ее тоже нашли — мертва. Мы не знаем, отчего она умерла: на теле нет ран. Лицо ее не искажено, как от яда. Она скорее похожа на спящую. Но мы не нашли ни следа третьей женщины.

Мерлин вздохнул. Джиневра и Моргаза не имели значения, другое дело — Нимье. Вызвав к жизни эту трагедию, неужели она будет усугублять ее, пытаясь убить Артура? Его гнев проснулся. Не будет так! Артур выживет, несмотря на все ее чары и иллюзии.

— Ищите ее тщательно, — сказал он, хотя был уверен, что, если Нимье сама не захочет, ее не найдут. — Из всех врагов короля она самый опасный.

Констанс кивнул.

— Возьмешь с собой охрану?

Настала очередь Мерлина задуматься.

— Нет. Большой отряд легче заметить. Силы Модреда разбиты, но они рассеялись. И среди оставшихся немало захочет рискнуть и попытаться убить Артура. Маленькая группа сможет передвигаться тайно, ее труднее выследить. Я возьму с собой только пикта Блехериса. Он опытный следопыт и сумеет скрыть наш путь.

И вот они с максимальной скоростью движутся по дикой местности. И воля Мерлина поддерживала жизнь в спящем ко-

роле. Они никого не встретили на избранном Блехерисом маршруте, только дважды на удалении из укрытия следили за небольшими отрядами, по-видимому, уцелевших мятежников.

Они поднялись в горы, и Мерлин увидел вдали вершину, указывавшую нахождение пещеры. Здесь он повернулся к Блехерису:

— Добрый товарищ, впереди лежит наша цель. Но я не знаю, что мы найдем там. Если король живым доберется до пещеры, я надеюсь на его выздоровление. Но если он выживет, этого нельзя сказать о нас...

— Целитель, — ответил пикт, — я жил дольше, чем может надеяться воин моего племени. Король однажды дал мне жизнь, откажу ли я ему в этом же? Я человек без рода, но король посадил меня рядом со своим очагом и назвал своим вассалом. Скажи мне, что нужно сделать, и я сделаю.

Трудно было поднять конные носилки на последний перевал, им пришлось нести их на руках. И вот наконец они у входа в пещеру.

Мерлин не удивился, увидев Нимье. Она сидела на камне лицом к ним; вся ее фигура излучала терпение, как будто она ждала уже давно.

Мерлин легко опустил носилки и затем повернулся к ней.

— Посмотри на свою работу, — сказал он. — Гордись ею, Нимье.

К его удивлению, на лице ее не было выражения торжества.

— В смерти человека нечем гордиться, — ответила она. И не было в ее тоне оживления, не было обращения к его чувствам. — То, что сделано, должно было быть сделано.

— Почему?

— Потому что люди уже один раз были игрушкой Повелителей Неба, которые пользовались ими беззаботно, учили их тому, что им еще рано было знать, вовлекли их в свои споры. И в результате мир был опустошен и чуть не погиб. Впоследствии началась война меж звездами и была дана клятва, что никогда не будут использоваться другие расы...

— Однако, похоже, эта клятва не очень соблюдается, — заметил Мерлин. — Ты слуга Темных и принесла Британии такое кровопролитие, которое не забудется и тысячу лет спустя.

— Я сделала то, что должно было быть сделано, — без выражения повторила она. — Ты вызвал бы к жизни знания, кото-

рыми люди еще не могут овладеть. Они использовали бы их в злых целях. Это ты, Мерлин, призвал короля к изменению мира, и это твои действия убили его.

— Он не мертв, — возразил Мерлин. — И он не умрет, колдунья. В назначенный день он будет стоять у маяка и приветствовать своих родителей.

Она почти равнодушно взглянула на Артура.

— Твой маяк, Мерлин, бесполезен. Повелители Неба измеряют время не так, как мы. Пройдет, может быть, много столетий, прежде чем ответят на зов маяка. И к тому времени люди будут способны осознать, какое зло несут им дары Повелителей Неба. Ты установил маяк, Мерлин, но я нанесла поражение твоему королю.

Мерлин покачал головой.

— Еще нет. Мне обещано: он был, есть и будет.

Она смотрела на него с жалостью.

— Мерлин, ты мог стать таким великим, а предпочел остаться таким малым — последователем древних смутных снов, охранником варварского короля, которого скоро забудут. — Она встала и широко развела руки, так что широкие рукава опали и обнажилась ее белая кожа.

— Мерлин, — в голосе ее звучала старая призывная нота, — ты знаешь, мы с тобой родственны по духу. Ни один мужчина Земли не вызывает у меня желания, а ты не можешь положить руку ни на одну женщину из племен. Моя башня и озеро укроют нас от людей, и мы сможем жить спокойно. У нас долгая жизнь, гораздо дольше жизни обычных людей. Разве ты никогда не испытывал одиночества, Мерлин? Мы выполнили свои задачи и теперь свободны...

Он смотрел на нее и чувствовал могучее желание отбросить прошлое и забыть его. Нимье рассмеялась.

— Ах, Мерлин, я вижу, ты помнишь! Да, я могу быть более желанной, чем все женщины. Многому я могу научить тебя, многому!

Мерлин отступил на шаг.

— Не сомневаюсь, — сухо сказал он. — Но я служу королю.

— Умиращему! — Теперь она смотрела на него насмешливо. — Одинокий Мерлин, ты можешь больше не быть одиноким.

Ее слова открывали перед ним дверь, и он почувствовал озноб. Теперь она играла на другой стороне его натуры.

— Если такова моя участь, — сказал он, радуясь, что его голос звучит уверенно, — я останусь одиноким.

Нимье отвернулась от него, плечи ее опустились, и он понял, что она не играет. Он разрывался, он знал, что больше не увидит ее, что он отказывается от того, что принесет тепло в его жизнь. Он чуть не шагнул к ней. Но здесь Артур...

Он следил, как она медленно уходит, зная, что есть еще возможность позвать ее, что их обоих в чем-то обманули Повелители Неба, которые холодно и бесчувственно сделали их тем, чем они стали. И вот она исчезла. Все кончилось.

Он подошел к скрытому входу в пещеру и начал отваливать камни. На помощь к нему пришел Блехерис. Лицо маленького человека было полно отчаянием.

— Лорд Мерлин, что это за место? У меня болит голова, и боль все сильнее...

— Прости меня. — Мерлин вспомнил об охранных устройствах. — Здесь охрана, Блехерис, тебе нужно уходить отсюда. Нет, — добавил он, когда пикт сел на ближайший камень. — Я могу войти в пещеру, и король может. Но мы долго не выйдем оттуда, Блехерис.

Пикт покачал головой.

— Лорд Мерлин, неважно, дни или годы пройдут, прежде чем вы вернетесь. Если судьба пожелает, вы найдете меня ждущим. Это хорошая земля, — сказал он, оглядываясь, — она похожа на мои родные северные горы. Я буду ждать.

И, несмотря на возражения Мерлина, он поклялся, что так и поступит. Мерлин вытащил Артура из носилок и, взяв его на руки, с трудом прошел в пещеру. Он поднес короля к ящику. Раздел Артура, раскрыл ящик и опустил в него короля. Артур дышал — это все, что знал Мерлин. Крышка медленно закрылась.

В последний раз Мерлин подошел к зеркалу. В руках он держал меч, который пикт передал ему, прежде чем отойти от пещеры.

Мерлин стоял перед зеркалом и видел истощенного темного лица человека, в изорванной одежде, покрытой грязью и засохшей кровью. Вокруг гудели машины.

До сих пор он действовал инстинктивно. Что дальше?

И зеркало ответило ему:

— Подойди к ящику справа от тебя, Мерлин, и нажми четыре маленьких кнопки. Ящик сохранит твою жизнь. Когда ты про-

снешься, люди будут смотреть на звезды. Тогда наступит твой час. Сегодня мы потерпели поражение, нужно ждать лучшего дня.

— Артур?

— Он был, есть и будет... Для тебя приготовлено место. Войди в него и спи.

Мгновение Мерлин колебался, потом задал последний вопрос:

— А Нимье?

— Ее судьба вне наших знаний, Мерлин.

Он положил меч на скамью перед зеркалом, где сидел так часто. Лезвие по-прежнему сверкало. Только человеческие надежды тускнеют. Мерлин вздохнул.

Медленно он повернулся и отыскал кнопки. Нажал, как ему было приказано. Забегали огоньки. Мерлин тупо смотрел, пока они снова не погасли. Тогда он прошел к ящику. Раздевшись, вошел внутрь и почувствовал, как поднимается жидкость. Время... время... сколько его пройдет?

Белое тело под луной, приглашающий смех, обнаженные ноги, легко бегущие по покрытой тенями земле... Мерлин уснул.

Содержание

Гаран вечный	5
Здесь водятся чудовища	123
Рог Юона.....	341
Рыцарь снов	457
Зеркало Мерлина.....	639

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

Андрэ Нортон

ГАРАН ВЕЧНЫЙ

Ответственный редактор *Е. Березина*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *М. Печковская*
Компьютерная верстка *Г. Ражикова*
Корректор *М. Козлова*

Разработка серии *А. Саукова*. Иллюстрация на обложке *А. Дубовика*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-66-86; 8 (495) 956-39-21.

Өндүрүшү: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге кышесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-66-86; 8 (495) 956-39-21.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 ян. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндүрүшү «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндүрген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 27.10.2015. Формат 84x108^{1/32}.

Гарнитура «Newton». Печать офсетная. Усл. печ. л. 42,0.

Тираж 3000. Заказ № 4342/15.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлёво-1, комплекс №3 «А». www.pareto-print.ru

ISBN 978-5-699-84463-0

9 785699 844630 >

В электронном виде книги издательства вы можете
купить на www.litres.ru

ЛитРес:
один клик до книг

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:
142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

**По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными
оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж**
*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders.*

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:**
+7 (495) 411-68-59, доб. 2115/2117/2118; 411-68-99, доб. 2762/1234.

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса:**
142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел.: (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29,
бизнес-парк «Грин Плаза». Тел.: (831) 216-15-91 (92/93/94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел.: (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел.: (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел.: +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел.: +7 (383) 289-91-42.

В Киеве: ООО «Форс Украина», г. Киев, пр. Московский, 9 БЦ «Форум».
Тел.: +38-044-2909944.

**Полный ассортимент продукции Издательства «Э»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД»,
Невский пр-т, д.46. Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru/

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АСТ-ПРЕСС-СПб»

Вся
НОРТОН

ГАРАН
ВЕЧНЫЙ

ISBN 978-5-699-84463-0

9 785699 844630 >

